№ 11
ноябрь
2025 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2025

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права,судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:
доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин
Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова
Заместитель главного редактора:
доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин
Заместитель главного редактора по научному развитию:
Руслан Гандалоев
кандидат политических наук, доцент
Корректор:
Вера Ивановна Козлова
Компьютерная верстка и дизайн:
Марина Владимировна Горячева

Chairman of the Editorial Board:
doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin
Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova
Deputy Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin
Deputy Editor-in-Chief for Scientific Development:
Ruslan Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor
Corrector:
Vera Ivanovna Kozlova
Computer layout and design:
Marina Vladimirovna Goryacheva

Учредитель и издатель:
Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)
Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,
г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

Founder and Publisher:
Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011)
Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Editorial address (for letters): 111397, Moscow,Green Avenue, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine “Right and Control” is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гущин** – доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин
Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук,
советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики,
профессор кафедры административного права юридического факультета
Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Consti ¬ Tutsionnaya and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor,
Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work,
Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Содержание:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Виноградова Е.В. * Документы государственного стратегического планирования. Отечественный опыт 17

Дубень А.К. * Информационная безопасность государства как объект киберпреступности в условиях новых вызовов и угроз 22

Кодзокова Л.А., Курлович П.Н. * Экстремистские проявления как угроза безопасности Российской Федерации 27

Селезнев И.Е., Скачкова М.А. * Правовое регулирование противодействия коррупции в системе государственной службы: перспективы и вызовы 31

Кумышева М.К. * Правовые основы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации 36

Неженец В.В. * Перспективы криминализации общественно-опасных деяний, совершаемых в условиях реализации национальных проектов Российской Федерации 40

Майстренко Г.А. * Правовые тенденции осуществления правотворческой деятельности в органах местного самоуправления в Российской Федерации 47

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Сухоплюев П.А. * Социально-экономическая составляющая личности 51

Голяндин Н.П., Кангезов М.Р. * Современное состояние и прогностические оценки протестных настроений в Северо-Кавказском федеральном округе 55

Чербижева Ф.Ю., Аушев М.А. * Становление и современное состояние института Уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия 59

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Попович Е.П., Юдин Г.Ю. * Понятие и характеристики нормативного договора 64

Матвеева Е.В., Моисеенко М.И. * Защита прав наследников в современных условиях 67

ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Сухоплюев П.А. * Общество как социальная система: проблема изучения 72

Галынская О.С., Попович Е.П. * Признаки форм (источников) права 77

Аносов А.В., Моргун Д.О. * Профайлинг в системе противодействия коррупции 80

Галынская О.С., Юдин Г.Ю. * Формы (источники) права современных правовых семей 85

Исмаилова Л.Н. * Современное состояние и проблемы развития законодательства о недвижимости в России 87

Сайнароева Ф.В., Аушев М.А. * Концепция разделения властей в современной России: истоки и реализация 96

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Косолапов Н.И. * Совершенствование процедуры государственной регистрации субъектов и объектов, составляющих содержание правового статуса транснациональных корпораций 102

Мажиев М.Х. * Правовой статус субъектов партнерского финансирования в Российской Федерации 108

Болтенков В.С. * Субсидиарная ответственность руководителя юридического лица за «брошенный бизнес» 114

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

Дымский Д.А. * Процесс трансформации договора личного страхования в России 122

Строкин А.Г. * Чаевые и условия о цене в договоре с организацией общественного питания 127

Баширов Э.Э. * Проблемы реализации трансграничного трансферного договора в сфере спорта . 132

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Коновалова О.А., Возженикова О.С., Машекуашева М.Х. * Научные подходы к изучению психологической безопасности образовательной среды 140

Абидов Р.Р., Бондаренко В.А. * Формирование морально-этической ответственности в образовательном процессе как необходимое условие совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ОВД 147

Плотников Н.В., Маздогова З.З. * Воспроизводство правовой культуры в системе высшего образования: социоконструирующий аспект 150

Смернягин Л.И., Обносов В.А., Мишин А.С., Каримов Н.М., Канев П.Н., Мусин А.Н. * Коллективная работа студентов и её вклад в развитие навыков эффективного взаимодействия 154

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Косторнов Д.А., Рубекина Ю.С. * Анализ современных тенденций проверки Роспатентом обозначений на предмет введения в заблуждение: проблемы предъявления требований абсолютной новизны и расширения объемов проверки 161

Демидов А.Н. * Творческий вклад автора как критерий охраноспособности произведения в российском авторском праве 165

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Данилина Т.А., Минасян Г.М. * Судебное представительство и его отличие от гражданского представительства: теоретико-правовой анализ 175

Башилов Б.И. * Изменение института доказательств в судопроизводстве в условиях цифровизации в странах Африки 182

Васенёв М.И. * Взыскание убытков в российских судах: терминологическая неопределенность, сложность доказывания и перспективы развития 187

Кашкина Е.В. * Различия между системой уголовного правосудия для взрослых и несовершеннолетних 191

Мамаева А.Н., Чернова В.Д. * Арбитражный управляющий: правовой статус и его особенности . . . 195

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Краснова Л.В. * К вопросу о понятии и сущности оперативно-розыскной деятельности: поиск интегративной модели 201

Мерказова В.А., Черных В.В. * Роль педагогических и психологических знаний в уголовном судопроизводстве и подготовке будущих специалистов правоохранительных органов 205

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Седых Т.В. * Преступление и его признаки 210

Иванова Н.Н., Манойлова М.А., Виноградова Н.А. * Концепция наказания в виде общественных работ (очерк зарубежного опыта) 214

Абдулханнянов И.А., Суворова Е.А. * Эволюция структурно-композиционного оформления отечественного уголовного законодательства 221

Пирцхалава И.Г. * Уголовно-правовая политика по защите традиционных ценностей в странах с мусульманской правовой традицией (на примере Исламской республики Иран, Турецкой Республики и Арабской Республики Египет) 226

Полякова Я.Н. * Методы исследования влияния окружения на формирование агрессивности осужденных 236

Раджабов Ш.Р. * К вопросу о правовой неопределенности в регламентации уголовной ответственности за налоговые преступления 239

Воротникова А.С. * Некоторые типичные следственные ситуации при расследовании экономических преступлений, совершаемых членами организованных преступных формирований 243

Елыжев А.Е. * Влияние уголовной политики на определение минимального возраста привлечения к уголовной ответственности 246

Лудилин Д.Б. * Особенности квалификации коммерческого подкупа 252

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Стахеева Л.М., Шиловцев А.В., Ражина Е.В., Синько В.Н., Фетисова А.В., Пильников Л.Н. * Влияние кризисов в сферу технического сервиса 258

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Батюкова В.Е., Амиралиева А.Т. * Эксцесс обороны: уголовно-правовые и криминологические аспекты 265

Личман А.В., Борисова М.И. * Основные факторы этнического экстремизма и меры противодействия 270

Асадов В.В., Голодов П.В. * Правовое положение осужденных к альтернативным видам наказания: к постановке проблемы 276

Диваева И.Р., Николаева Т.В. * Экстремистские проявления среди молодежи (проблемные аспекты) 280

Домовец С.С., Лобасева Е.Г. * Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений против собственности, совершенных в сфере оказания услуг по доставке товаров и грузов 283

Переверзев М.М. * О недопустимости и неэффективности пытки как способа получения информации при расследовании преступлений 288

Нестеренко А.В. * Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения безопасности цифровых технологий: современные вызовы и перспективы развития 292

Царьков А.А. * Анализ эффективности деятельности и проблемные вопросы выявления и пресечения таможенных преступлений в Российской Федерации 296

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бодяков В.Н., Морозов Р.М. * Некоторые особенности производства допроса отдельных категорий при расследовании взяточничества в УИС 301

Ковалев О.Г. * Соблюдение прав осужденных при использовании администрацией исправительных учреждений технических средств надзора и контроля 304

Лакеева Е.В. * Некоторые проблемы производства следственного действия, предусмотренного ст.186.1 УПК РФ 310

Хасанова З.И., Шайхуллин М.С. * О некоторых вопросах установления уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан 316

Радченко Е.П., Медведева И.Н. * Актуальные вопросы взыскания с осужденных процессуальных издержек 322

Макоева Е.Р., Шилова Е.С. * Сравнительный анализ речевых тактик ведения допроса и опроса . . . 328

Асадов В.В. * Основные проблемы организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере обеспечения контроля за поведением условно осужденных 332

Камалян Т.А. * Религиозная деятельность осужденных как объект правового регулирования: понятие, формы, пределы 356

Соколова Е.В., Кириллова Я.М. * Проблемы квалификации некоторых должностных преступлений 340

Шувалов А.П., Сидоров А.В., Щербакова И.В. * О некоторых вопросах использования тактических приемов выявления и разоблачения лжи при проведении допроса 347

Ковалев О.Г. * Комплексное применение к осужденным, отбывающим принудительные работы мер поощрения и взыскания как элемент воспитательной работы, осуществляемой в исправительных центрах уголовно-исполнительной системы 351

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Викторов А.Ю., Нурисламов А.С. * Административно-правовой механизм обеспечения безопасности граждан при публичных и массовых мероприятиях 357

Харебов Г.З. * Процедурные аспекты административной деятельности полиции: теоретико-прикладной анализ и пути унификации 362

Воронович Н.К., Грищенко А.П. * К вопросу привлечения к административной ответственности несовершеннолетних при участии в несанкционированных митингах 365

Кодзокова Л.А., Сайфутдинова А.Д. * Приоритетные направления профилактической работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации 370

Ашхотова Л.А., Ершов Д.А. * Административный надзор в системе профилактики нарушений в области дорожного движения 373

ДИСКУССИЯ

Галынская О.С., Попович Е.П. * Подходы к пониманию «источника права» 376

Чербижева Ф.Ю., Аушев М.А. * Специфика обращений к Уполномоченному по правам человека в Республике Ингушетия 379

Гезгиева Д.М. * Оптимизация и совершенствование научного блока ИНГГУ путем создания научного управления 385

Омелин В.Н. * Установление психологического контакта и доверительных отношений в оперативно-розыскной деятельности 394

Сомова О.В. * Реформа в сфере обращения ТКО: проблемы и перспективы развития 399

Ковалев О.Г. * Контроль и надзор за соблюдением права осужденных к лишению свободы на получение посылок, передач и бандеролей 403

Ардавов М.М. * Протестные настроения на этнической почве и их особенности 409

Фетисова А.В., Петрова Л.Н., Куимова В.А., Стахеева Л.М., Ларин М.В. * Роль и значение маркетинговой стратегии в деятельности современного предприятия 411

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Ястремский И.А. * Отдельные аспекты недобросовестного поведения пациента в судебном споре с клиникой пластической хирургии 416

Попова М.Д. * Актуальные вопросы осуществления мониторинга медицинской деятельности на территории Российской Федерации 420

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ

Агабекян А.Л., Голубев Ж.Ж. * Особенности квалификации преступлений, совершенных с использованием криптовалюты 426

Малаев А.Х. * О некоторых современных вызовах в киберпространстве 432

Пинкевич Т.В. * Противодействие неправомерному обороту средств платежей (ст. 187 УК РФ) на финансовом рынке России 435

Карачаев А.Р. * Противодействие информационному терроризму: нормативно-правовое регулирование в Российской Федерации 441

Шарий А.И. * Ответственность банка за несанкционированные платежи при использовании мобильного банка: границы вины и стандарт надлежащей осмотрительности 443

Троян Н.А. * Правовые вопросы обеспечения технологического суверенитета в государственном управлении в эпоху цифровой трансформации 449

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Качарава Б.Р., Смирнова И.А. * Правовой режим искусственного интеллекта 457

Перемышленникова И.Н. * Допустимость цифровой формы завещания 465

Попович М.М., Молодова К.А., Савинов Д.В. * Доступность данных о лице в интернет пространстве 472

Самохвалов А.Е. * Роль Банка России в регулировании процессов создания и использования цифровых финансовых технологий 477

Валькова Е.В., Вольф М.Ю. * К вопросу о правовом статусе искусственного интеллекта в гражданско-правовых отношениях 482

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Голоухов А.А. * Государственное регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации и его значимость в контексте предпринимательского права 487

Умрихина А.Г. * Единый государственный реестр недвижимости как механизм обеспечения безопасности прав на недвижимое имущество 496

Кодзокова Л.А., Романюк В.С. * Проблемы незаконной миграции в Российской Федерации на современном этапе 500

Думрауф К.А., Юдин Г.Ю. * Момент окончания незаконного проведения искусственного прерывания беременности 503

Мамкина М.Ю. * Правовое регулирование заключения браков в Российской Федерации 506

Морозов Р.М., Егорова Е.В. * К вопросу о привлечении к ответственности за неуплату алиментов: анализ правоприменительной практики 510

Косторнов Д.А., Рубекина Ю.С. * Введение потребителя в заблуждение в отношении товара как основание для отказа в регистрации товарного знака 515

Исаева А.Д. * Особенности причинного комплекса преступности в сфере семейных отношений . . . 521

Сайнароева Ф.В., Аушев М.А. * Особенности реализации принципа разделения властей и их взаимодействия в Республике Ингушетия 529

Прокофьева Е.В., Порываева П.С., Ханина Н.В. * Возможность установления давности по следам пальцев рук 533

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Бесланеева Ж.Х., Жаппуев М.И. * Малоэтажное строительство как приоритетное направление жилищного строительства в Кабардино-Балкарской Республике 538

Ястремский И.А. * Правовые аспекты налогообложения клиники пластической хирургии 545

Корнилова А.Е. * Криминалистическая классификация способов совершения преступлений против несовершеннолетних в сети интернет: экономико-правовой анализ 549

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Полякова Я.Н., Фиалковская Е.В. * Обзор системы ювенальной юстиции и важнейших проблем . . 556

Contents:

POLICY AND LAW

Vinogradova E.V. * State strategic planning documents. Domestic experience 17

Duben A.K. * Information security of the state as an object of cybercrime in the context of new challenges and threats 22

Kodzokova L.A., Kurlovich P.N. * Extremist manifestations as a threat to the security of the Russian Federation 27

Seleznev I.E., Skachkova M.A. * Legal regulation of anti-corruption in the civil service system: prospects and challenges 31

Kumysheva M.K. * Legal framework for ensuring food security in the Russian Federation 36

Nezhenets V.V. * Prospects for criminalizing socially dangerous acts committed in the context of the implementation of national projects of the Russian Federation 40

Maistrenko G.A. * Legal trends in the implementation of law-making activities at the municipal level in the Russian Federation 47

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

Sukhoplyuev P.A. * The socio-economic component of personality 51

Golyandin N.P., Kangezov M.R. * Current state and forecasting assessments of protest tendencies in the North Caucasus federal district 55

Cherbizheva F.Yu., Aushev M.A. * The formation and current state of the institute of the human rights commissioner in the Republic of Ingushetia 59

CIVIL LAW THEORY

Popovich E.P., Yudin G.Yu. * Concept and characteristics of a normative contract 64

Matveeva E.V., Moiseenko M.I. * Protection of heirs 'rights in modern conditions 67

LAW AND ENFORCEMENT

Sukhoplyuev P.A. * Society as a social system: the problem of studying 72

Galynskaya O.S., Popovich E.P. * Features of forms (sources) of law 77

Anosov A.V., Morgun D.O. * Professionalism in the anti-corruption system 80

Galynskaya O.S., Yudin G.Yu. * Forms (sources) of law in modern legal families 85

Ismailova L.N. * The current state and problems of the development of real estate legislation in Russia . . 87

Sainaroeva F.V., Aushev M.A. * The concept of separation of powers in modern Russia: origins and implementation 96

CORPORATE LAW

Kosolapov N.I. * Improving the procedure for state registration of entities and objects constituting the content of the legal status of transnational corporations 102

Mazhiev M.Kh. * Legal status of partnership financing entities in the Russian Federation 108

Boltenkov V.S. * Subsidiary liability of a legal entity's manager for "abandoned business" 114

CONTRACT LAW

Dymsky D.A. * The process of personal insurance contract transformation in Russia 122

Strokin A.G. * Tips and price conditions in the contract with the catering organization 127

Bashirov E.E. * Problems of performance cross-border transfer agreements in the field of sports 132

EDUCATION AND LAW

Konovalova O.A., Vozzhenikova O.S., Mashekuasheva M.Kh. * Scientific approaches to studying the psychological safety of the educational environment 140

Abidov R.R., Bondarenko V.A. * Formation of moral and ethical responsibility in the educational process as a necessary condition for improving the professional training of ats employees 147

Plotnilov N.V., Mazdogov Z.Z. * Reproduction of legal culture in the higher education system: a socio-constructive aspect 150

Smernyagin L.I., Obnosov V.A., Mishin A.S., Karimov N.M., Kanev P.N., Musin A.N. * Students collective work and its contribution to the development of effective communication skills 154

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Kostornov D.A., Rubekina Yu.S. * Analysis of current trends in Rospatent's verification of designations for deception: problems of presenting requirements of absolute novelty and expanding the scope of verification 161

Demidov A.N. * The author's creative contribution as a criterion for the protectability of a work under russian copyright law 165

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS

Danilina T.A., Minasyan G.M. * Judicial representation and its difference from civil representation: theoretical and legal analysis 175

Bashilov B.I. * Changing the institution of evidence in legal proceedings in the context of digitalization in African countries 182

Vasenyov M.I. * Recovery of losses in russian courts: terminological uncertainty, difficulty in proving, and development prospects 187

Kashkina E.V. * Differences between the criminal justice system for adults and minors 191

Mamaeva A.N., Chernova V.D. * Arbitration manager: legal status and its features 195

LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY

Krasnova L.V. * To the question of the concept and essence of operational-search activities: search for an integrative model 201

Merkazova V.A., Chernykh V.V. * The role of pedagogical and psychological knowledge in criminal proceedings and the training of future law enforcement specialists 205

CRIMINAL LAW THEORY

Sedykh T.V. * Crime and its signs 210

Ivanova N.N., Manoilova M.A., Vinogradova N.A. * The concept of punishment in the form of community work (study of foreign experience) 214

Abdulkhannyanov I.A., Suvorova E.A. * The evolution of the structural and compositional design of domestic criminal legislation 221

Pirtskhalava I.G. * Criminal law policy for the protection of traditional values in the countries with the muslim legal tradition (using the example of the Islamic Republic of Iran, the Turkish Republic and the Arab Republic of Egypt) 226

Polyakova Ya.N. * Methods for studying the influence of the environment on the formation of aggressiveness of convicts 236

Radjabov Sh.R. * On the issue of legal uncertainty in the regulation of criminal liability for tax crimes 239

Vorotnikova A.S. * Some typical investigative situations in the investigation of economic crimes committed by members of organized criminal groups 243

Yelyzhev A.E. * The impact of criminal policy on determining the minimum age of criminal responsibility . . 246

Ludilin D.B. * The specifics of the qualification of commercial bribery 252

CONTROL THEORY

Stakheeva L.M., Shilovtsev A.V., Razhina E.V., Sinko V.N., Fetisova A.V., Pilnikov L.N. * Impact of crises in the sphere of technical service 258

CRIME AND PUNISHMENT

Batyukova V.E., Amiralieva A.T. * Excess of defense: criminal and criminological aspects 265

Lichman A.V., Borisova M.I. * The main factors of ethnic extremism and countermeasures 270

Asadov V.V., Golodov P.V. * The legal status of those sentenced to alternative forms of punishment: towards a problem statement 276

Divaeva I.R., Nikolaeva T.V. * Extremist manifestations among young people (problem aspects) 280

Domovets S.S., Lobaseva E.G. * The specifics of using special knowledge in the investigation of crimes against property committed in the provision of services for the delivery of goods and cargo 283

Pereverzev M.M. * On the inadmissibility and ineffectiveness of torture as a way of obtaining information in the investigation of crimes 288

Nesterenko A.V. * Criminal policy in the field of digital technology security: current challenges and development prospects 292

Tsarkov A.A. * Analysis of the effectiveness and problematic issues in detecting and suppressing customs crimes in the Russian Federation 296

CRIMINAL PROCEDURE

Bodyakov V.N., Morozov R.M. * Some features of interrogating certain categories of people in the investigation of bribery in the penal system 301

Kovalev O.G. * Observance of the rights of convicts when using technical means of supervision and control by the administration of correctional institutions 304

Lakeyeva E.V. * Some problems of investigative action procedures provided for in article 186.1 of the code of criminal procedure of the Russian Federation 310
Khasanova Z.I., Shaikhullin M.S. * On certain issues of criminal liability for public dissemination of false information about circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens 316
Radchenko E.P., Medvedeva I.N. * Topical issues of recovery from convicted procedural costs 322
Makoeva E.R., Shilova E.S. * Comparative analysis of speech tactics of interrogation and interviewing . . 328
Asadov V.V. * The main problems of organizing the activities of penal enforcement inspections in the field of ensuring control over the behavior of probationers 332
Kamalyan T.A. * Religious activity of convicts as an object of legal regulation: concept, forms, limits 356
Sokolova E.V., Kirillova Ya.M. * Problems of qualification of certain official crimes 340
Shuvalov A.P., Sidorov A.V., Shcherbakova I.V. * On some issues of using tactics to identify and expose lies during interrogation 347
Kovalev O.G. * Comprehensive application of incentive and punishment measures to convicts serving forced labor as an element of educational work carried out in correctional centers of the penal system 351
ADMINISTRATIVE LAW
Viktorov A.Yu., Nurislamov A.S. * Administrative and legal mechanism for ensuring the safety of citizens during public and mass events 357
Kharebov G.Z. * Procedural aspects of police administrative activities: theoretical and applied analysis and ways of unification 362
Voronovich N.K., Grishchenko A.P. * On the question of bringing minors to administrative liability for participating in unauthorized rallies 365
Kodzokova L.A., Sayfutdinova A.D. * Priority directions of preventive work of the juvenile affairs units of the internal affairs bodies of the Russian Federation 370
Ashkhotova L.A., Ershov D.A. * Administrative supervision in the traffic prevention system 373
DISCUSSION
Galynskaya O.S., Popovich E.P. * Approaches to understanding the “source of law” 376
Cherbizheva F.Yu., Aushev M.A. * Specifics of appeals to the commissioner for human rights in the Republic of Ingushetia 379
Gezgieva D.M. * Optimization and improvement of the scientific branch of INGGU through the creation of scientific management 385
Omelin V.N. * Establishing psychological contact and trustworthy relations in operational and search activities 394
Somova O.V. * Municipal solid waste treatment reform: problems and prospects for development 399
Kovalev O.G. * Monitoring and supervision of the observance of the right of persons sentenced to imprisonment to receive parcels, transfers and parcels 403
Ardavov M.M. * Ethnic protests and their characteristics 409
Fetisova A.V., Petrova L.N., Kuimova V.A., Staheeva L.M., Larin M.V. * The role and importance of marketing strategy in the activities of a modern enterprise 411
MEDICAL LAW
Yastremsky I.A. * Selected aspects of unfair patient behavior in a court dispute with a plastic surgery clinic 416
Popova M.D. * Current issues of monitoring medical activities in the territory of the Russian Federation . . 420
CYBERCRIME
Aghabekyan A.L., Golubev Zh.Zh. * Features of the qualification of crimes committed using cryptocurrencies 426
Malayev A.Kh. * On some modern challenges in cyberspace 432
Pinkevich T.V. * Countering illegal circulation of means of payment (art. 187 of the criminal code of the Russian Federation) in the russian financial market 435
Karachaev A.R. * Countering information terrorism: legal regulation in the Russian Federation 441
Shariy A.I. * The bank’s responsibility for unauthorized payments when using mobile banking: the boundaries of guilt and the standard of due diligence 443
Troyan N.A. * Legal issues of ensuring technological sovereignty in public administration in the era of digital transformation 449

DIGITAL LAW

Kacharava B.R., Smirnova I.A. * Legal regime of artificial intelligence 457

Peremyshlennikova I.N. * Permissibility of digital wills 465

Popovich M.M., Molodova K.A., Savinov D.V. * Availability of personal data on the internet 472

Samokhvalov A.E. * Role of the Bank of Russia in regulating the processes of creation and use of digital financial technologies 477

Valkova E.V., Wolf M.Y. * On the legal status of artificial intelligence in civil relations 482

CIVIL LAW ISSUES

Goloukhov A.A. * State regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation and its significance in the context of business (entrepreneurial) law 487

Umrikhina A.G. * Unified state register of real estate as a mechanism for ensuring the security of rights for real estate 496

Kodzokova L.A., Romanyuk V.S. * Problems of illegal migration in the Russian Federation at the present stage 500

Dumrauf K.A., Yudin G.Yu. * The moment of completion of an illegal abortion 503

Mamkina M.Yu. * Legal regulation of marriage in the Russian Federation 506

Morozov R.M., Egorova E.V. * On the issue of prosecution for non-payment of alimony: an analysis of law enforcement practice 510

Kostornov D.A., Rubekina Yu.S. * Misleading the consumer about the product as a basis for refusal of trademark registration 515

Isaeva A.D. * Features of the cause of crime in family relationships 521

Sainaroeva F.V., Aushev M.A. * Features of the implementation of the principle of separation of powers and their interaction in the Republic of Ingushetia 529

Prokofieva E.V., Poryvayeva P.S., Khanina N.V. * The possibility of establishing age of fingerprints 533

ECONOMICS AND LAW

Beslaneeva Zh.Kh., Zhappuev M.I. * Low-rise construction as a priority area of housing construction in Kabardino-Balkarian Republic 538

Yastremsky I.A. * Legal aspects of taxation of a plastic surgery clinic 545

Kornilova A.E. * Criminalistic classification of ways of committing crimes against minors on the internet: economic and legal analysis 549

HISTORICAL ARCHIVE

Polyakova Ya.N., Fialkovskaya E.V. * Overview of the juvenile justice system and major issues 556

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-17-21

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,
Институт государства и права Российской академии наук,
Доктор юридических наук, профессор,
e-mail: evigpran@igpran.ru

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *В системе функционирования органов власти большое значение имеют акты, регулирующие правоотношения. В последние годы одним из инструментов реализации полномочий органов публичной власти все чаще становятся документы стратегического планирования. Это предопределяет актуальность исследования их правовой природы. В статье анализируется отечественный опыт применения актов стратегического планирования. Делается вывод, что поиск их места в системе регуляторов, создание теоретических основ, определяющих их правовое содержание необходимы для дальнейшего развития стратегического планирования.*

Ключевые слова: *Документы стратегического планирования, иерархия нормативно-правовых актов, реализации полномочий органов публичной власти.*

VINOGRADOVA Elena Valerievna,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

STATE STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS. DOMESTIC EXPERIENCE

Annotation. *Acts regulating legal relations are of great importance in the functioning of government bodies. In recent years, strategic planning documents have increasingly become one of the instruments for implementing the powers of public authorities. This determines the relevance of studying their legal nature. This article analyzes domestic experience in applying strategic planning documents. It is concluded that identifying their place in the regulatory system and developing a theoretical foundation defining their legal content are necessary for the further development of strategic planning.*

Key words: *Strategic planning documents, hierarchy of regulatory legal acts, implementation of public authority powers.*

В системе нормативного регулирования современной России весьма значительное место отводится документам, правовая природа которых на сегодняшний день не имеет очевидной оценки. Это документы стратегического планирования, значение которых в решении вопросов реализации полномочий органов публичной власти, возрастает с каждым годом. История проектирования и реализации положений документов стратегического планирования в России имеет давнюю историю. А.И. Ильин оценивал их как инструмент «...с помощью которого формируется система целей функционирования и объединяются усилия по ее достижению» [4].

Первая государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации была принята указом Б. Ельцина 29 апреля 1996 г. Говоря о наиболее значимых, вызывающими широкий общественный резонанс, политические и экономические последствия для формирования современной России документах стратегического планирования нельзя не напомнить:

– программу стратегического развития «500 дней» (1990 г. авторы Г. Явлинский, С. Шаталин) – не утверждена;
– государственную стратегию развития до 2005 г. (1997г.) –одобрена Правительством, не утверждена;

– «Стратегия 2010» (2000 г. авторы Г. Греф, А. Дворкович, Э. Набиуллина) – одобрена Правительством, не утверждена;
– «Концепция 2020» (2008 г. –Минэкономразвития) – утверждена;
– Вторая редакция «Концепции 2020» (2011 г. –ВШЭ, РАНХиГС) – не рассмотрена и не утверждена;
– «Майские указы» (218 поручений) (2012 г.)– опубликованы;
– Стратегия 2035 (2014 г. – Минэкономразвития, ЦСР) – консультации с общественностью;
– Среднесрочная программа развития СЭР России до 2025 г. (2015 г. –Столыпинский клуб) – не рассмотрена;
– «Стратегия 2024» (2016 г. –ЦСР) – легла в основу Указа Президента № 204 от 07.05.2018;
– Стратегия социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (2021 г.).

Эти резонансные стратегии стали полигоном – площадкой для пилотных проектов – нового для современной России регулирования,

Вместе с тем, ретроспективный анализ государственного стратегического планирования в России, в данном исследовании будет ограничен временными рамками первой четверти XIX в. - XXI в. Разработку первого российского стратегического плана связывают со строительством железных дорог. Начало строительства сети железных дорог России положила открытая в 1837 г. Царскосельская железная дорога протяженностью 25 вёрст (26,3 км), однако, первая рельсовая чугунная дорога была построена на Алтае еще в 1808-10 гг. горным мастером П.К. Фроловым (Змеиногорская дорога), Во второй половине 1862 г. стали действовать дороги Петербург – Варшава и Москва – Нижний Новгород общей протяженностью немногим больше 1700 км.

При этом проект первой отечественной сети железных дорог был разработан в 1857 г. П.П. Мельниковым, который позже стал первым министром путей сообщения. Уточненный план строительства сети железных дорог он представил правительству в 60-х гг. XIX в. и был награжден орденом Святого Владимира второй степени [10]. Реализация данного плана позволила обеспечить не только железнодорожные, но и смешанные железнодорожно-водные перевозки в европейской части России.

Создание теории стратегического планирования в нашей стране связано с именами В.И. Вернадского, Г.М. Кржижановского, В.А. Базарова, Н.Д. Кондратьева, В.В. Лентьева и др.

– Заложившим основы изучения и рационального использования природных ресурсов В.И. Вернадским была обоснована идея стратегического планирования. Вместе с академиками А.П. Карпинским, Б.Б. Голицыным, Н.С. Курнаковым он внес предложение о создании при Академии наук постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России. В результате в феврале 1915 г. было приняло решение образовать комиссию в составе 16 институтов, основной задачей которой стали организация систематического изучения природных ресурсов страны и разработка методов их использования [6]. Со временем название комиссии и ее структура неоднократно менялись [11].
– Для возрождения страны поле революции в России был реализован долгосрочный стратегический план развития экономики страны – это план ГОЭРЛО, изначально рассчитанный на 10–15 лет. Для его разработки 21 февраля 1920 г. была создана комиссия под руководством Г.М. Кржижановского, в которую вошло около 200 учёных и инженеров. К концу 1920 г. план был разработан и одобрен VIII Всероссийским съездом Советов. Его реализация завершилась к 1931 г. Как в теоретическом, так и в практическом аспектах план ГОЭЛРО не имел аналогов в мировой практике.

В 20-е гг. XX в. сложились два основных подхода к планированию. Генетический, при котором планы разрабатывались на основе экстраполяции в будущее (на величину планового периода) тех основных тенденций в развитии экономики, которые имелись в настоящем. И телеологический, для которого вначале ставилась конкретная задача планирования, а затем определялись способы ее реализации.

Одним из сторонников разумного сочетания обоих методов считался Н.Д. Кондратьев. Он много делал для изучения объективных характеристик и тенденций рыночной экономики. Его заслуга заключается в том, что в 1922–1925 гг. он разработал концепцию научного планирования как инструмента воздействия на экономику в условиях НЭПа, при сохранении механизмов рыночного регулирования и рыночной сбалансированности [7]. Основы методологии перспективного стратегического планирования в условиях преобладания рыночной экономики он изложил в проекте Генерального плана восстановления и развития сельского хозяйства России [3].

Балансовый метод, который разработал в эти же годы В.В. Леонтьев явился прообразом модели (метода) «затраты – выпуск». Расчеты с

использованием данной модели в советской науке назывались экономико-математическими моделями межотраслевого баланса. В настоящее время метод В.В. Леонтьева используется для сравнения структурных свойств двух экономик или для сопоставления структуры экономики одной страны (региона) в различные периоды времени, для оценки последствий различных вариантов экономической политики.

Планирование в СССР осуществлялось центральными органами (Госпланом СССР, министерствами и ведомствами СССР), госпланами союзных и автономных республик, местными плановыми органами (например, плановыми комиссиями исполкомов краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся), а также и плановыми аппаратами на предприятиях.

Система советского планирования в зависимости от срока включала три взаимосвязанные формы планов: долгосрочные, среднесрочные (пятилетние) и текущие (годовые). Долгосрочные перспективные планы определяли приоритеты и генеральные направления экономического, технического и социального развития общества. Они разрабатывались на 15 лет с разбивкой по пятилеткам и продлевались каждые пять лет. Решение крупных комплексных задач экономического и социального характера, предусмотренных долгосрочным планом, осуществлялось в рамках пятилетних планов. На основе пятилетних планов разрабатывались и утверждались текущие (годовые) планы.

В СССР начиная с 1928 г. основной формой государственного планирования стали пятилетние планы, разработка и контроль за исполнением которых осуществлялись Госпланом СССР. Роль данных планов точно охарактеризовал И.В. Сталин в политическом отчете Центрального комитета XV съезду ВКП(б): «Наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для руководящих органов и которые определяют направление нашего хозяйственного развития в будущем в масштабе всей страны».

Первый пятилетний план разрабатывался на 1928–1932 гг. в двух вариантах: оптимальный и отправной (минимальный). Оптимальный вариант рассчитывался на более благоприятные условия, и его показатели были выше аналогичных показателей отправного варианта примерно на 20 %. В результате реализации пятилетнего плана СССР превратился в индустриальную страну [8]. Всего в советский период было принято 13 пятилетних планов, но последний, принятый на 1991–1995 гг., был не реализован из-за распада СССР.

В советский период основными инструментами стратегического планирования являлись схемы территориального размещения производительных сил и межотраслевой баланс. В составе пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР разрабатывалось примерно 450 материальных балансов [9]. Такое стратегическое планирование, с одной стороны, обеспечило индустриальное развитие экономики СССР, а с другой – привело к структурной диспропорции экономики, поскольку акцент был сделан на ускоренные темпы развития отраслей, производящих средства производства в ущерб отраслям, выпускающим средства потребления.

После распада СССР исчезло не только пятилетнее планирование, но исчез из официальных документов и сам термин «планирование». Страна оказалась в режиме оперативного регулирования, а плановая работа на федеральном, отраслевом и региональном уровнях свелась к краткосрочному прогнозированию динамики узкого перечня обобщающих показателей.

Первая региональная стратегия в современной России была разработана в 1997 г. в Санкт-Петербурге. Для работы над ее проектом был создан «Генеральный совет, состоящий из 146 человек во главе с губернатором города, привлекли экспертов, организовали 10 тематических комиссий и исполнительный комитет. Предварительно были проинтервьюированы 40 специалистов в различных областях, проведён опрос населения, проанализирован зарубежный опыт и т.д.» [5]. Когда проект стратегического плана был готов, он был согласован с властью и профсоюзами. Принятый план регулярно корректируется по мере достижения целей, с учётом изменений федерального законодательства, экономической и политической ситуации в стране и в мире. Вместе с тем эта стратегия долгие годы была для ориентиром для городских властей.

Первым правовым документом, в котором были оформлены действия субъектов хозяйствования по планированию, стал принятый в 1995 г. Федеральный закон № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» [12].

В 2008 г. Минэкономразвития России подготовил проект Концепции долгосрочного социально - экономического развития Российской Федерации до 2020 г. Это первая концепция долгосрочного социально -экономического развития РФ на период до 2020 г. была утверждена в 2008 г. [13].

Первым документом, непосредственно регулирующим стратегическое планирование, стал Указ президента Российской Федерации «Об Основах стратегического планирования в Российской Федерации» № 536 от 12 мая 2009 г. Спустя пять лет был принят Федеральный закон «О

стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г., который стал основой новой системы государственного стратегического планирования.

В данной системе [2] основными уровнями стратегического планирования являются федеральный, региональный и муниципальный. Проблемы теоретического обоснования документов стратегического планирования в современной России лежат во многих плоскостях. Их исследование предполагает и поиск места этих документов в иерархии нормативно-правовых актов [1], если относить эти акты к нормативно-правовым, и определение предмета регулирования, в соответствии с положениями Конституции РФ, и много других вопросов, которые будут обусловливать место документов стратегического планирования в формировании современной российской правовой государственности.

Список литературы:

[1] Виноградова Е.В. К вопросу об иерархии конституционных ценностей. // Право и управление № 5 - 2024. С. 591-593.

[2] Виноградова Е.В. Формирование системного законодательства в аспекте укрепления правовых основ современной России. // Правовая политика и правовая жизнь. 2024.1. с. 101-104.

[3] Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование: учеб. – М.: Экономика, 2011. – 604 с.

[4] Мордвинцев А.И., Соколов А.А., Дубов Р.С., Булетова Н.Е. Стратегическое планирование регионального развития: учебное пособие / под ред. А.И. Мордвинцева; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022.

[5] Николаев И. А., Точилкина О. С. Аналитический доклад «Стратегии и программы развития регионов (сравнительный анализ)». М.: ФБК; Департамент стратегического анализа, 2006. 29 с. С. 5.

[6] Потапенко В.Г. Стратегическое планирование для «зеленой» экономики // Механізм регулювання економіки. – 2012. – № 4. – С. 53–58. – URL: http://mer.fem.sumdu.edu.ua/content/acticles/issue_9/V_G_PotapenkoStrategic_planning_for_the_green_economics.pdf.

[7] Фролова Т.А. История экономических учений: конспект лекций. Таганрог: ТРТУ, 2004.

[8] Советская историческая энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова. – М.: Сов. энцикл. – 1973–1982.

[9] Сосков В.Ф., Райзберг Б.А. Опыт перспективного стратегического планирования в советский период российской истории. – URL: http://www.igpr.ru/articles/soskov_vf_rajzberg_ba_opyt_perspektivnogo_strategicheskogo_planirovanija_v_sovetskij_period (дата обращения: 15.09.2025).

[10] Сайт РЖД «Инновационный дайджест». – URL: http://www.rzd- expo.ru/history/ (дата обращения: 15.09.2025).

[11] В 1930 г. она стала Комиссией по изучению естественных производительных сил (КЕПС), а в настоящее время – это научно-исследовательское учреждение при РАН и Министерстве экономического развития России. Полное официальное название – Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Совет по изучению производительных сил» (СОПС).

[12] Федеральный закон от 20 июля 1995 г. №115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации». Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

[13] Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 ноября 2008 г. № 47 ст. 5489.

References:

[1] Vinogradova E.V. On the issue of the hierarchy of constitutional values .//Law and Government No. 5 - 2024. S. 591-593.

[2] E.V. Vinogradova. Formation of systemic legislation in terms of strengthening the legal foundations of modern Russia .//Legal policy and legal life. 2024.1. p. 101-104.

[3] Kuzyk B.N., Kushlin V.I., Yakovets Yu.V. Forecasting, strategic planning and national programming: studies. - M.: Economics, 2011. - 604 s.

[4] Mordvintsev A.I., Sokolov A.A., Dubov R.S., Buletova N.E. Strategic planning of regional development: textbook/ed. A.I. Mordvintseva; Volgograd Institute of Management is a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Academy of National Economy and Public Administration.” - Volgograd: Publishing House of the Volgograd Institute of Management - a branch of the RANEPA, 2022.

[5] Nikolaev I. A., Tochilkina O. S. Analytical report “Strategies and programs for the development of regions (comparative analysis).” M.: FBK; Department of Strategic Analysis, 2006. 29 pp. P. 5.

[6] Potapenko V.G. Strategic planning for the “green” economy//Mechanics of economic regulation. – 2012. – № 4. - S. 53-58. – URL: http://mer.fem.

sumdu.edu.ua/content/acticles/issue_9/V_G_PotapenkoStrategic_plan ning_for_the_green_economics.pdf.

[7] T.A. Frolova. History of Economic Teachings: Lecture Summary. Taganrog: TRTU, 2004.

[8] Soviet historical encyclopedia/ed. E. M. Zhukova. - M.: Owls. encycle. – 1973–1982.

[9] Soskov V.F., Raisberg B.A. Experience in long-term strategic planning in the Soviet period of Russian history. – URL: http://www.igpr.ru/articles/soskov_vf_rajzberg_ba_opyt_perspektivnogo_strategicheskogo_planirovanij a_v_sovetskij_period (дата обращения: 15.09.2025).

[10] Russian Railways website "Innovation Digest." - URL: http ://www.rzd- expo.ru/history/ (accessed on: 15.09.2025).

[11] In 1930, it became the Commission for the Study of Natural Productive Forces (KEPS), and now it is a research institution under the Russian Academy of Sciences and the Ministry of Economic Development of Russia. The full official name is the Federal State Budgetary Research Institution "Council for the Study of Productive Forces" (SOPS).

[12] Federal Law No. 115-FZ of July 20, 1995 "On State Forecasting and Programs of Socio-Economic Development of the Russian Federation." Consultant Plus Reference System.

[13] Order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r "On the Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020 "//Collection of Legislation of the Russian Federation of November 24, 2008 No. 47 Art. 5489.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-22-26

ДУБЕНЬ Андрей Кириллович,
кандидат юридических наук,
Институт государства и права Российской академии наук,
e-mail: k.duben@mail.com

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК ОБЪЕКТ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Аннотация. *Автор подробно рассматривает такие аспекты как значение информационной безопасности на современных этапах. Новые вызовы, риски и угрозы трансформируют и видоизменяют приоритеты и требования к информационной безопасности государства. В условиях изменения миропорядка и формирования нового мироустройства можем наблюдать как идут информационные войны, которые порождают увеличение число кибератак. Автор уделает особо внимание киберпреступлением, анализирует доктрину уголовного и информационного права, обобщает предложения и нововведение в российское законодательство. Данные предложения во многом позволят упростить коммуникации в рамках производства по делу, усилит процессуальную активность участников судопроизводства, а также предоставит им равные процессуальные возможности. Теоретические аспекты свидетельствуют о том, что первостепенной задачей государства в области борьбы с преступлениями связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, является объективное и полное выявление всех обнаруженных фактов такого рода. Исследование проводилось с использованием следующих общенаучных методов: анализа и синтеза, абстрагирования и моделирования, наблюдения, обобщения, описания, классификации и др. В ходе исследования и построения авторских суждений и выводов важнейшими явились положения диалектики, системного и риск-ориентированного подходов для исследования проблем в части правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации. Результаты анализа и обобщения положений стратегических нормативно-правовых актов, предложений доктрины уголовного и информационного права, позволяет сделать вывод, что к современным вызовам и угрозам относятся ряд факторов, включая кибермошенничество.*

Ключевые слова: *информационная безопасность, кибермошеничество, киберпреступления, преступления, уголовный закон, уголовное право, информационное право, цифровизация, вызовы, угрозы.*

DUBEN Andrey Kirillovich,
candidate of Law Sciences, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

INFORMATION SECURITY OF THE STATE AS AN OBJECT OF CYBERCRIME IN THE CONTEXT OF NEW CHALLENGES AND THREATS

Annotation. *The author examines in detail such aspects as the importance of information security at modern stages. New challenges, risks and threats transform and modify the priorities and requirements for the information security of the state. In the context of a changing world order and the formation of a new world order, we can observe how information wars are going on, which generate an increase in the number of cyber attacks. The author pays special attention to cybercrime, analyzes the doctrine of criminal and information law, summarizes proposals and innovations in Russian legislation. These proposals will greatly simplify communications within the framework of the proceedings, enhance the procedural activity of participants in the proceedings, and provide them with equal procedural opportunities.Theoretical aspects indicate that the primary task of the state in the field of combating crimes related to the use of information and communication technologies is the objective and complete identification of all discovered facts of this kind. The research was conducted using the following general scientific methods: analysis and synthesis, abstraction and modeling,*

observation, generalization, description, classification, etc. In the course of the research and the construction of the author's judgments and conclusions, the provisions of dialectics, systemic and risk-oriented approaches to the study of problems related to the legal provision of information security in the Russian Federation were the most important. The results of the analysis and generalization of the provisions of strategic normative legal acts, proposals of the doctrine of criminal and information law, allow us to conclude that a number of factors, including cyberbullying, relate to modern challenges and threats.

Key words: *information security, cybercrime, cybercrimes, crimes, criminal law, criminal law, information law, digitalization, challenges, threats.*

Внедрение и развитие информационных технологий порождает новые вызовы, риски и угрозы, возникающие в обществе и государстве в целом. Значимость информационной безопасности для Российской Федерации обусловлена стратегическим ее значением как одним из видов национальной безопасности, тем самым информационная сфера обеспечивает функционирование всех остальных сфер жизни общества и государства.

Утверждение Президентом Российской Федерации нормативных актов стратегического планирования в области национальной и международной информационной безопасности свидетельствует об актуальности и потребности укрепления информационного суверенитета государства. В Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности обращено особое внимание на необходимость учета национальных интересов при реализации в рамках государственной политики совокупности скоординированных мер, направленных на формирование национальной системы информационной безопасности в Российской Федерации.

Информационная безопасность зависит от уровня ее правового обеспечения, и в ходе технического прогресса с расширением применения информационно-коммуникационных технологий. С учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия и поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности.

Новые вызовы, риски и угрозы трансформируют и видоизменяют приоритеты и требования к информационной безопасности государства. В условиях изменения миропорядка и формирования нового мироустройства можем наблюдать как идут информационные войны, которые порождают увеличение число кибератак [1]. На заседание Совета Безопасности Российской Федерации было отмечено, что в 2025 году уровень киберпреступности в России резко вырос, за третий квартал 2025 года было зафиксировано свыше 42 тыс. атак, что на 73% больше показателей прошлого года и составляет 40% от общего числа годовых инцидентов, кибератаки совершали на телекоммуникации, ИТ и финансовый сектор, самый заметный рост показали атаки на медиаотрасль [2]. Согласно данным МВД России, актуальной остается проблема роста материального ущерба, причиненного противоправными деяниями, совершенными с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, который увеличился на 16% - со 100,5 млрд до 119,6 млрд руб., при этом в январе-июле 2025 года зарегистрировано 424,9 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации по категориям тяжких и особо тяжких общественно опасных деяний [3].

Статистические данные о состоянии, динамике и иных показателях киберпреступности в Российской Федерации свидетельствуют о том, что субъекты правоохранительной деятельности продолжают искать новые комплексные меры по эффективному противодействию преступлений в сфере информационных технологий. Так, эксперты прогнозируют дальнейшее увеличение общественно опасных деяний в структуре киберпреступности ввиду быстроразвивающихся информационных технологий, которые являются оружием массового поражения, наносящим вред различным сферам деятельности личности, общества и государства [4, с. 130].

Как справедливо отмечает Е.П. Полянская в настоящее время ситуация с раскрытием преступлений рассматриваемой категории продолжает оставаться сложной. Ежемесячно преступниками изобретаются новые способы совершения преступлений, адаптированные к системе противодействия им (к примеру, после введения на Едином портале государственных и муниципальных услуг функции установления самозапрета на кредит злоумышленники, используя методы социальной инженерии, осуществляли его снятие и т.п.), применяются более усовершенствованные технические решения в части анонимизации их личности [5, с. 49-52]. Ситуация осложняется еще и тем, что преступления в сфере информацион-

но-коммуникационных технологий, или, как их часто называют, «компьютерные преступления» либо «киберпреступления» в силу распространительного толкования, если иное не выступает оговоркой, представляют не только исчерпывающий круг деяний, направленных против сохранности, доступности и неразглашения компьютерных данных или их систем, но и действия, суть которых сводится к использованию компьютера в широком смысле этого слова для получения прибыли или причинения ущерба, в том числе и деяния, которые касаются использования персональных данных [6, с. 678-679].

Рассматривая уголовное законодательство, стоит отметить, что основными составы преступлений в данной сфере являются ст. 159.3, 159.6, 171.2, 185.3, 187, 238.1 (ч. 1.1), 258.1 (ч. 1.1), 282, гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В свою очередь, можем констатировать, что правоохранительные органы Российской Федерации адаптируются к новым условиям работы в ИКТ-среде с учетом новых вызовов и угроз. Усиление противоправного воздействия на информационные ресурсы в системе публичного управления потребовали принятия в 2022 г. дополнительных мер по обеспечению информационной безопасности. При изучении судебной практики и анализе преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, следует отметить, что при совершении общественно опасных деяний, способом является не просто технической стороной деяния, а ключевым элементом его криминалистической характеристики. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации преступление квалифицируется как совершенное с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», независимо от стадии совершения преступления, если для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для совершения соответствующего преступления или входящих в его объективную сторону, лицо использовало такие сети. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при исследовании доказательств доступ к электронным или информационно-телекоммуникационным сетям, в том числе сети «Интернет», может осуществляться с различных компьютерных устройств, технологически предназначенных для этого, с использованием программ, имеющих разнообразные функции (браузеров, программ, предназначенных для обмена сообщениями, – мессенджеров, специальных приложений социальных сетей, онлайн-игр, других программ и приложений).

Следовательно, классификация способов совершения преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий позволяет систематизировать знания о современных угрозах, вызовах и рисках в сфере развития информационных технологий и правового обеспечения информационной безопасности государства. В этой связи для доктрины уголовного и информационного права стоят новые задачи по теоретическому осмыслению существующих проблем в данной сфере, а также выработке новых подходов и предложений по совершенствованию отечественного законодательства и разрабатки эффективных методов по противодействию трансграничных новых вызовов и угроз и недопущению массовых преступлений в сети «Интернет».

Как справедливо отмечает академик РАН А.Н. Савенков новым направлением правовых исследований становится цифровой суверенитет или национальный суверенитет в киберпространстве. В условиях трансграничности государства не всегда могут контролировать новые информационные услуги и виды деятельности, противодействовать агрессивным и противоправным действиям в Интернете, учитывая неясность и неурегулированность его правовой природы. Это дает основание некоторым исследователям полагать, что государственный суверенитет не распространяется на информационные сети и киберпространство, представляет собой некое вненациональное саморегулирующееся сообщество пользователей. Все чаще звучат утверждения, что суверенитет государств в его традиционном понимании размывается, а государственные границы постепенно превращаются в фикцию [7, с. 58-59].

В рамках доктрины уголовного права можно выделить основные предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части противодействия преступлений с использованием информационных технологий. Перед наукой уголовного права стоит задача по выработки общих подходов в решении межотраслевых проблем теории и практики доказывания в рамках судопроизводства; определения возможностей объединения информационно-технологического, криминалистического знания с классической моделью судебных доказательств, что позволит создать надежные механизмы использования в процессе доказывания электронной информации, при этом важно обеспечивать необходимый баланс между законным и обоснованным принуждением под воздействием цифровой трансформации. Данные предложения во многом позволят упростить коммуникации в рамках производства по делу, усилит процессуальную активность участников судопроизводства, а также предоставит им равные процессуальные возможности [8, p. 290-291]. С точки

зрения новых процессуальных подходов в решении данной проблемы ученые предлагают включить в уголовный процесс новое следственное действие – онлайн-обыск, который предполагает внедрение в компьютер подозреваемого либо обвиняемого специальной технической программы, которая затем передает правоохранительным органам сведения о доступе к облачному хранилищу и операциях с ним в режиме текущего времени, следовательно, органы предварительного расследования получают доказательства в режиме онлайн, по аналогии с уже предусмотренными в статье 186 УПК РФ контролем и записью переговоров [9, с. 120-121]. В этой связи стоит согласится с позицией П.А. Скобликова, который справедливо делает вывод, что нет оснований считать, что для эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (киберпреступлениям), требуется разработка и принятие каких-либо специальных федеральных законов [10].

Теоретические аспекты свидетельствуют о том, что первостепенной задачей государства в области борьбы с преступлениями связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, является объективное и полное выявление всех обнаруженных фактов такого рода. В этой связи особая роль принадлежит государству в части правовой регламентации и правового регулирования отношений по обеспечению информационной безопасности. В этой связи, стоит обратить внимание на Доктрину информационной безопасности Российской Федерации. Из анализа положений Доктрины информационной безопасности следует, что угрозы в информационном пространстве реализуются противоправными действиями, наносящими вред правам, свободам и законным интересам субъектов информационной сферы, возникающими в результате несовершенства правового регулирования отношений в информационной среде, включая существующие пробелы законодательства, противоречия, а также злоупотребления правами и свободами, нарушениями правовых установлений. Результаты анализа и обобщения положений Доктрины информационной безопасности Российской Федерации свидетельствует, что положения вышеуказанного нормативно-правового акта устарели и требуют дальнейшей проработки с учетом актуального и современного состояния информационной безопасности государства.

Результаты анализа и обобщения положений стратегических нормативно-правовых актов, предложений доктрины уголовного и информационного права, можно сделать вывод, что к современным вызовам и угрозам относится:

– использование информации в противоправных целях, включая нанесение ущерба международной безопасности и стабильности, экстремизм, терроризм, криминальные цели;
– нерациональное ограничение доступа к общественно значимой информации, включая открытые информационные ресурсы публичных органов и открытые фонды архивов;
– противоправное создание монополий на формирование и распространение достоверной информации, включая создание условий для масштабного манипулирования информацией, дискриминации;
– невозможность реализации права человека на конституционные гарантии по защите информации посредством охраны как личной и семейной тайны, так и тайны переписки, телефонных переговоров и сообщений;
– рост общественно опасных действий с использованием информационных ресурсов, а также совершение атак на объекты критической информационной инфраструктуры.

Таким образом, современные цифровые технологии, сочетая в себе конвергентность, сквозной и прорывной характер для развития общества и государства, не только создают безграничные возможности, но и формируют новые вызовы и угрозы безопасности в процессе их внедрения и использования. При этом по мере информатизации возрастают и угрозы совершения преступлений в киберпространстве. Преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий, квалифицируются многими составами, при этом число таких преступлений, неуклонно возрастает. Считаем, что новые трансграничные вызовы и угрозы требуют научного осмысления и выработки новых эффективных мер с целью противодействия общественно опасных деяний.

Список литературы:

[1] Волкова Н.С., Ефремов А.А., Зырянов С.М. и др. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография / отв. ред. Л.К. Терещенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.

[2] Путин обсудил с Совбезом противодействие киберпреступлениям // Официальный сайт «Коммерсант». URL: https://www.kommersant.ru/doc/8209006 (дата обращения: 01.11.2025).

[3] Дистанционные мошенники за семь месяцев выманили у россиян 120 млрд рублей //

Официальный сайт ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/24910341 (дата обращения: 01.11.2025).

[4] Голубых Н.В. Киберпреступность: современное состояние и прогноз // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 128-130.

[5] Полянская Е.П. Классификация способов использования информационно-коммуникационных технологий при совершении преступлений // Безопасность бизнеса. 2025. № 2. С. 49-52.

[6] Клевцов К.К. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в контексте противодействия новым вызовам и угрозам // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 3. С. 678-695.

[7] Савенков А.Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права. Монография: В 3 т. Т. I. – М.: Наука, 2021. 608 с.

[8] Zaytsev O., Yepihin A. State Protection and Safety of Participants in Russian Criminal Proceedings // Internal Security. 2016. Vol. 8. Iss. 1. P. 283-291.

[9] Зазулин А.И. Онлайн-обыск как самостоятельное следственное действие: предпосылки, перспективы и недостатки // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 28 апреля 2022 г.): в 2 ч. / редкол.: Ю.Н. Кулешов (отв. ред.) и др.; Казан. ин-т (фил.) ВГУЮ. Казань, 2022. Ч. 1. С. 117-123.

[10] Скобликов П.А. Тезисы для концепции противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий // Российская юстиция. 2025. № 4. С. 40-52

References:

[1] N.S. Volkova, A.A. Efremov, S.M. Zyryanov et al. State, society and personality: ways to overcome challenges and threats in the information sphere: monograph/rev. ed. L.K. Tereshchenko; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M.: Infotropic Media, 2024. 352 pp.

[2] Putin discussed with the Security Council countering cybercrime//Kommersant official website. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8209006 (access date: 01.11.2025).

[3] Remote fraudsters lured 120 billion rubles from Russians in seven months//Official website of TASS. URL: https://tass.ru/proisshestviya/24910341 (access date: 01.11.2025).

[4] Blue N.V. Cybercrime: current state and forecast//Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4. S. 128-130.

[5] Polyanskaya E.P. Classification of ways to use information and communication technologies in the commission of crimes//Business security. 2025. № 2. S. 49-52.

[6] K.K. Klevtsov. International cooperation in the fight against cybercrime in the context of countering new challenges and threats//Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2021. № 3. S. 678-695.

[7] Savenkov A.N. State and law: Human rights and a world order based on the rule of law. Monograph: In 3 volumes T. I. - M.: Nauka, 2021. 608 pp.

[8] Zaytsev O., Yepihin A. State Protection and Safety of Participants in Russian Criminal Proceedings // Internal Security. 2016. Vol. 8. Iss. 1. P. 283-291.

[9] Zazulin A.I. Online search as an independent investigative action: prerequisites, prospects and shortcomings//Kazan criminal procedure and forensic readings: materials of the International Scientific and Practical Conference (Kazan, April 28, 2022): in 2 hours/editorial: Yu.N. Kuleshov (resp. ed.), etc.; Kazan. in-t (fil.) VGUYU. Kazan, 2022. PART 1. S. 117-123.

[10] Skoblikov P.A. Theses for the concept of countering crimes committed using information and communication technologies//Russian Justice. 2025. № 4. S. 40-5

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-27-30

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
к.ю.н., подполковник полиции,
e-mail: alida.eldarova@yandex.ru

КУРЛОВИЧ Павел Николаевич,
доцент кафедры административного права,
административной деятельности и
управления органов внутренних дел
Казанского юридического института МВД России,
к.фил.н., полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Нестабильная мировая социально-политическая ситуация, высокий уровень криминогенности, появление ранее неизвестных преступных деяний, угрозы, связанные с внешними миграционными процессами, а также угрозы террористического и диверсионного характера свидетельствуют о том, что в настоящее время спектр угроз и вызовов для состояния общественной безопасности в Российской Федерации достаточно велик. Снижение эффективности механизмов обеспечения общественной безопасности может привести к ряду нежелательных и серьезных последствий, что, в свою очередь, неизбежно окажет влияние на общее состояние национальной безопасности, являющееся ключевым аспектом для стабильности и благополучия любого государства.*

Ключевые слова: *экстремизм, экстремистские проявления, проблемы, угроза безопасности, борьба.*

KODZOKOVA Lyatsa Arsenyevna,
Senior Lecturer at the Department
of Organization of Law Enforcement Activities
of the North Caucasus Institute for Advanced Studies
(branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D. in Law, Police Lieutenant Colonel

KURLOVICH Pavel Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Administrative Law,
Administrative Activities and Management of Internal Affairs Bodies,
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D., Police Colonel

EXTREMIST MANIFESTATIONS AS A THREAT TO THE SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The unstable global socio-political situation, high crime rates, the emergence of previously unknown criminal acts, threats related to external migration processes, as well as threats of terrorism and sabotage, indicate that the spectrum of threats and challenges to public security in the Russian Federation is currently quite broad. A decline in the effectiveness of public security mechanisms could lead to a number of undesirable and serious consequences, which, in turn, will inevitably impact the overall state of national*

security, a key aspect of the stability and well-being of any state. Among the existing problems of public security, the spread of extremist and terrorist ideology in Russian society is of serious concern, necessitating a prompt response by competent authorities not only to promptly suppress illegal acts but also through active preventive and preventative measures.

Key words: *extremism, extremist manifestations, problems, security threat, struggle.*

Введение

Общественная безопасность предполагает наличие определенных условий, при которых каждый индивид чувствует себя защищенным, а общественные институты функционируют без перебоев, поддерживая баланс и гармонию в социальном пространстве.

Вместе с тем следует отметить, что в научной литературе встречается множество разнообразных подходов к определению общественной безопасности. В частности, Б.П. Кондрашов определяет общественную безопасность как «систему общественных отношений по обеспечению безопасности личности и общественного спокойствия, безопасности иных организаций и объединений, а также по обеспечению нормальной деятельности государственных органов по устранению угроз, исходящих от противоправных преступных деяний с использованием источников повышенной опасности, предметов и веществ, изъятых из гражданского оборота, а также от явлений негативного техногенного и природного характера».[1] По сути, в указанном определении конкретизируются отдельные аспекты деятельности органов государственной власти, закрепленные в Концепции.

Цель и задачи

На современном этапе развития общественных отношений необходимо рассмотреть экстремистские проявления как угрозу безопасности Российской Федерации.

Методы

Методологическую основу исследования составляет система философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность изучения заданной тематики. Применение в рамках исследования эмпирических методов сбора, обобщения и анализа информации позволило осуществить качественный сбор актуального и обоснованного с практической точки зрения исследовательского материала.

Результаты

Идеологию терроризма и экстремизма в современной науке принято определять через совокупность идей социального, расового, национального неравенства, выступающих основой для обоснования применения насилия не только для разрешения любого конфликта, но и для достижения конкретных общественных и государственных целей.[2]

В контексте идеологических вызовов и угроз Северо-Кавказский федеральный округ оказывается в особой зоне риска, что связано с проживанием на его территории представителей различных религий. Именно данный фактор зачастую становится объектом манипуляций со стороны террористических организаций (сообществ), которые используют религиозные различия как инструмент для провокаций, приводящих к обострению межрелигиозных отношений, к межконфессиональным конфликтам. Ярким подтверждением данного тезиса являются террористические атаки на православные храмы, синагогу и полицейских в Махачкале и Дербенте 23 июня 2024 года. Такие действия направлены на подрыв социальной стабильности и могут вызвать недоверие и сомнения среди населения в отношении способности и эффективности государственного управления в регионе, что является одной из главных целей террористов.

Основным признаком криминализации возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, выступает умышленное формирование у иных лиц устойчивого стремления и решимости к более опасным проявлениям экстремизма, в связи с этим устранение на начальных этапах предпосылок к совершению указанных противоправных деяний является первоочередной задачей.

В условиях дестабилизации обстановки, связанной с проведением специальной военной операции наблюдается трансформация методов и подходов к распространению экстремистской и террористической идеологии. Деятельность уже не ограничивается действиями исключительно преступных группировок, которые действуют вне рамок закона. В настоящее время все чаще встречаются свидетельства того, что за подобными деструктивными процессами стоит поддержка со стороны отдельных государств, а также их специализированных служб безопасности, что, безусловно, придает этим процессам новый, более мощный и опасный масштаб. Указанное обстоятельство значительно увеличивает ресурсный потенциал тех, кто занимается проти-

воправной деятельностью, делая их действия более организованными и трудно поддающимися контролю со стороны международного сообщества и правоохранительных органов.

Представляется, что в рамках комплексного подхода к укреплению системы профилактики и противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма в виртуальном пространстве, целесообразно акцентировать внимание на необходимости принятия дополнительных мер, к числу которых следует отнести:

– «создание на федеральном уровне социально-психологического тестирования для учащихся образовательных организаций на предмет склонности к принятию идеологии экстремизма, терроризма;
– разработку методических рекомендаций с указанием алгоритма действий по предотвращению или недопущению деструктивного поведения учащихся, связанного с оправданием идеологии терроризма и экстремизма;
– разработку эффективных технических средств противодействия распространению идей деструктивного поведения в сети «Интернет»;
– проведение ежеквартального мониторинга социальных сетей на предмет противоправной и криминальной активности молодых людей».[3]

В контексте обеспечения общественной безопасности далеко не в полной мере учитываются современной состояние и интенсивность развития идеологической составляющей экстремизма и терроризма, что в результате приводит к росту соответствующих угроз. В данном контексте особое значение приобретает именно профилактика и предупреждение подобного противоправного поведения, поскольку его итоги могут иметь существенные негативные последствия для общества.

В современном мире межнациональные и межконфессиональные противоречия рассматриваются в числе наиболее опасных и дестабилизирующих факторов, способных в любой момент спровоцировать насилие. Более того, неуклонный рост европейской ксенофобии и «местечкового национализма» большинством авторов расценивается как предтеча апокалипсиса или главная экзистенциальная проблема человечества.[4]

Предупредительно-профилактической работе по отслеживанию и принятию мер к ликвидации экстремистско-националистических сайтов, пропагандирующих идеологию экстремизма, национализма и терроризма в сети «Интернет», а также сайтам, содержащим призывы к совершению преступлений против людей другой национальности, вероисповедания, иностранных граждан, сайтов, содержащим публикации подробных инструкций по изготовлению взрывных устройств и призывов к «националистическим» убийствам, необходимо уделять особое внимание.

Как справедливо отмечает Д.С. Миц: «если государство должно устранять социально-экономические и политические условия, способствующие возникновению экстремизма, и решительно пресекать противозаконную деятельность экстремистов, то общество (в лице общественных объединений, средств массовой информации и рядовых граждан) должно противопоставлять экстремистским идеям и призывам гуманистические идеи политической и религиозной толерантности, гражданского мира и межнационального согласия».[5]

В Российской Федерации в настоящий момент сформированы правовые меры по противодействию распространения идеологии национализма и сепаратизма, принята и действует соответствующая нормативная правовая база, правоохранительные органы и органы государственной власти нацелены на работу в данном направлении, существует действенный механизм уголовного противодействия названным явлениям. Вместе с тем, в силу появления все новых вызовов, угроз и изменяющихся форм их проявления, государство имеет все основания соразмерно на них реагировать, применяя, в т.ч., профилактические и превентивные меры.

Заключение

Современные реалии несут в себе угрозы и риски, влияющие на подрыв фундаментальных конституционных основ государства. Угроза национальной, а, следовательно, и общественной безопасности страны – это состояние или действие, которое представляет реальную или потенциальную опасность для ее территориальной целостности, политической стабильности, экономического развития, обороноспособности и социального развития.

К основным источникам угроз общественной безопасности отнесены высокий уровень преступности в стране, терроризм и экстремизм, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, массовое злоупотребление населением алкогольной продукции, незаконная миграция, коррупция и другие. Обострение угроз общественной безопасности, обусловленное геополитическими событиями и санкционным давлением, может привести к нарушению общественных отношений, социальной напряженности в обществе и углублению существующих в стране социальных проблем.

Список литературы:

[1] Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 78.

[2] Фокин С.А., Смирнов В.Н. Особенности современной экстремистской идеологии // Профессиональное юридическое образование и наука. 2024. № 1 (13). С. 120

[3] Канунникова Н.Г. Актуальные проблемы противодействия сетевому терроризму на современном этапе развития общества // Мировые научные исследования современности: возможности и перспективы развития: матер. XVI межд. науч.-практ. конф. Ч. 1. Ставрополь, 2022. С. 441.

[4] Утюганов А.А., Бакин А.А., Кузнецов Д.Е. Историко-правовые аспекты противодействия распространению идеологии национализма и сепаратизма среди финноугорских народов России // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 23.

[5] Миц Д.С. Противодействие экстремизму в современной России // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 5. С. 35.

References:

[1] Kondrashov B.P. Public safety and administrative and legal means of ensuring it: dis. ...Dr. Jurid. M., 1998. p. 78.

[2] Fokin S.A., Smirnov V.N. Features of modern extremist ideology // Professional legal education and science. 2024. No. 1 (13). p. 120

[3] Kanunnikova N.G. Actual problems of countering network terrorism at the present stage of society development // World scientific research of our time: opportunities and prospects for development: mater. XVI International Scientific and Practical Conference Part 1. Stavropol, 2022. p. 441.

[4] Utyuganov A.A., Bakin A.A., Kuznetsov D.E. Historical and legal aspects of countering the spread of the ideology of nationalism and separatism among the Finno-Ugric peoples of Russia // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2024. No. 2 (27). P. 23.

[5] Mitz D.S. Countering extremism in modern Russia // Bulletin of the Kama Social Institute. 2017. No. 5. p. 35.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-31-35

СЕЛЕЗНЕВ Иван Егорович,
студент Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

СКАЧКОВА Маргарита Алексеевна,
студент Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ХАБИБУЛИНА Ольга Владимировна,
к.ю.н., доцент кафедры Конституционного и административного права
Юридической школы ДВФУ, Россия, г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

Аннотация. *В данной статье рассматривается система нормативно-правовых актов, направленных на предупреждение и пресечение коррупционных правонарушений, также как и эффективность подобного правового регулирования.*

Ключевые слова: *государственная служба, противодействие коррупции, коррупциогенные факторы, правовое регулирование, федеральное законодательство, акты Президента РФ.*

SELEZNEV Ivan Egorovich,
Student of the Far Eastern Federal University, Russia, Vladivostok

SKACHKOVA Margarita Alexeevna,
Student of the Far Eastern Federal University, Russia, Vladivostok

Scientific supervisor:
KHABIBULINA Olga Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law at the FEFU Law School,
Russia, Vladivostok

LEGAL REGULATION OF ANTI-CORRUPTION IN THE CIVIL SERVICE SYSTEM: PROSPECTS AND CHALLENGES

Annotation. *This article examines the system of regulatory legal acts aimed at preventing and suppressing corruption offenses, as well as the effectiveness of such legal regulations.*

Key words: *civil service, anti-corruption, corruption-causing factors, legal regulation, federal legislation, acts of the President of the Russian Federation*.

Центральное место в сфере правового регулирования противодействия коррупции занимает Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ «О противодействии коррупции), определяющий в ст.3 противодействие коррупции, как деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий. В качестве основных направлений вышеуказанный Федеральный закон выделяет следующее: 1) Профи-

лактика коррупции, которая выражается в принятии и модернизации соответствующего комплекса правовых норм; 2) Борьба с коррупцией, которая включает в себя действия по выявлению, пресечению и раскрытию коррупционных правонарушений; 3) Минимизация и ликвидация последствий вышеприведенных правонарушений;

Закрепляя организационные основы противодействия коррупции (ст. 5), ФЗ «О противодействии коррупции» подчеркивает значимость актов Президента РФ, как субъекта правового регулирования, определяющего основные направления политики в области противодействия коррупции.

Например, Президент на заседании коллегии МВД в марте 2025 года подчеркнул: «коррупция мешает развитию нашей экономики, социальной сферы, рынка труда, негативно влияет на деловую среду и инвестиционный климат», таким образом призвал МВД не снижать темп в борьбе с любыми коррупционными проявлениями [1].

Актами Президента РФ регулируется широкий круг вопросов, в том числе по конкретизации норм вышеприведенного закона. Например, Указами Президента РФ №557 от 18.05.2009, №559 от 18.05.2009, №1065 от 21.09.2009 устанавливается перечень должностей федеральной государственной службы, при замещении которых служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, имуществе, и о порядке проверки представляемых сведений. Акты президента учитывают и новейшие изменения различных сфер жизнедеятельности, в частности Указ Президента Российской Федерации от 10 декабря 2020 г. № 778 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Таким образом, предоставление законодателем ведущей роли подзаконным актам Президента РФ в рамках определения основных направлений антикоррупционной деятельности позволяют наиболее мобильно регулировать спектр вопросов, связанных с противодействием коррупции.

Роль Президента не ограничивается лишь нормативным регулированием рассматриваемой отрасли, законодатель наделяет главу государства полномочием по созданию коллегиального органа по реализации государственной политики, в который могут входить представители органов государственной власти федерального и регионального уровня. Таким образом, на основании Указа Президента от 19.05.2008 г. №815 «О мерах по противодействию коррупции» создан Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции.

Указом Президента от 10.10.2024 №870 утверждена новая форма анкеты для поступления на государственную службу Российской Федерации и муниципальную службу в Российской Федерации, также утвержденной Указом Президента от 10.10.2024 №870, способствующая пресечению потенциального конфликта интересов государственных служащих, которое достигается наличием обширного перечня вопросов, касающихся семейного положения, трудовой деятельности, взаимоотношений с иными государственными органами (например, привлечение к уголовной или административной ответственности). При приеме на государственную службу утвержденный перечень вопросов помогает обратить внимание на наличие существующих или возможных в будущем конфликтов интересов кандидата, поступающего на государственную службу.

Федеральный закон от 27.07.2004 №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливает обширную систему ограничений и запретов для лиц, проходящих государственную гражданскую службу (статьи 16 и 17). Однако, анализ данных норм не позволяет однозначно выделять среди них именно антикоррупционные ограничения и запреты, что само по себе является пробельностью действующего законодательства, однако природа этих запретов по своей сути напрямую зависит от необходимости предупреждения коррупционных правонарушений. К примеру, предусматривается ограничение на замещение должности гражданской службы в случае близкого родства или свойства, если занимаемая должность связана с непосредственным подчинением или подконтрольностью одного из таких лиц за другим [2]. К тому же, лицам, проходящим государственную гражданскую службу, запрещается быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в государственном органе, в котором данное лицо проходит службу

Статья 59.2, так же, как и статья 13.1 ФЗ «О Противодействии коррупции» предусматривают возможность увольнения лица, проходящего государственную службу, в связи с утратой доверия, в случае нарушения ряда антикоррупционных норм, например непринятия мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является, либо же непредоставление гражданским служащим сведений о своих доходах и расходах.

Правовая природа увольнения в связи с утратой доверия по своей сути является уникальным явлением, так как аналогов в зарубежной законодательной и правоприменительной практике не существует. Увольнение с утратой дове-

рия предполагает не только процесс расторжения служебного контракта со стороны работодателя в лице государства, но и помещение таких лиц в специализированный реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия сроком на 5 лет, что регулируется Постановлением Правительства РФ от 05.03.2018 №228 О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия», который включает в себя инициалы лица, наименование занимаемой им должности, реквизиты акта или решения об увольнении и сведения о коррупционном правонарушении.

Такая процедура может являться мерой, влекущей не только правовые, но и в определенном роде и репутационные последствия. Ведение такого реестра препятствует поступления данного лица на государственную службу, а также носит предупредительную функцию, которая заключается в предупреждении совершения подобных правонарушений лицом, который уже совершил подобные деяния (частная превенция), а также предупреждение совершения коррупционных правонарушений лицами, которые склонны к данным деяниям (общая превенция).

Рассматривая антикоррупционную деятельность в Российской Федерации, невозможно не обратить внимание на меры, применяемые нормативными актами федеральных органов исполнительной власти (далее - ФОИВ). Федеральные министерства регулярно издают приказы и инструкции, регулирующие вопросы противодействия коррупции в соответствующих предметах ведения. Среди них особое внимание следует уделить ведомственным планам по противодействию коррупции.

Планы по осуществлению антикоррупционной политики разрабатывают конкретные действия и индикаторы достижения целей, что позволяет отследить эффективность политики в данной сфере. Акты ФОИВ имеют свою непосредственную роль в борьбе с коррупцией, поскольку эта проблема является прямым фактом наличия угрозы национальной безопасности. [3] Совершенствование правового механизма – следствие закрепления специальными актами ФОИВ ограничений и запретов, предъявляемых к лицам на государственной службе. Такие акты находят отражение во всех Федеральных органах исполнительной власти: Приказ Минобрнауки России от 27 сентября 2021 г. № 885 «Об утверждении Плана противодействия коррупции Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на 2021–2024 годы»; Приказ Минпросвещения России от 29.01.2025 N 54 «Об утверждении Плана мероприятий по противодействию коррупции Министерства просвещения Российской Федерации»; Распоряжение МВД России от 29 сентября 2021 г. №1/11052 «План МВД России по противодействию коррупции на 2021-2024 годы» и др.

В действительности план Минпросвещения, как и все планы по противодействию коррупции основываются на Указе Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы” поэтому по своей сути отражают схожий механизм регулирования для государственных служащих.

Но такие акты присущи не только федеральным органам исполнительной власти. В Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 15 сентября 2021 г. № 532 «Об организации исполнения Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы» определен такой перечень. Из этого перечня мы видим направленность на развитие антикоррупционной политики по средству императивных мер. Так в план заложены вопросы совершенствования правового регулирования вопроса, связанного с пресечением преступлений коррупционной направленности; повышение эффективности международного сотрудничества; участие государственных служащих, работников в мероприятиях по профессиональному развитию в области противодействия коррупции и др. [4].

На уровне субъектов РФ следует привести пример плана мероприятий (дорожной карты) по снижению рисков нарушения законодательства по противодействию коррупции в министерстве имущественных и земельных отношений Приморского края на 2022-2025 годы, в которой отражены основные направления деятельности органа исполнительной власти Приморского края. Например, проведение оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации основных полномочий или проведение мониторинга коррупционных проявлений посредством анализа обращений граждан и организаций.

Основные направления борьбы с коррупциогенным элементом, исходя из анализа актов ФОИВ, - создание эффективной системы предотвращения, выявления и пресечения коррупционных правонарушений. Акты конкретизируют общие нормы и принципы антикоррупционного законодательства применительно к специфике деятельности каждого федерального органа, что позволяет более эффективно бороться с коррупцией на уровне конкретного ведомства.

Помимо названных национальных нормативных актов в сфере противодействия коррупции следует отметить роль международных актов, которые в свою очередь привели к развитию антикоррупционного законодательства в РФ. Так Международный кодекс поведения государственных должностных лиц, принятый Генеральной

Ассамблеей Организации Объединенных наций (ООН) 12 декабря 1996 г. (далее – Международный кодекс должностных лиц) определяет в отношении «коллизии интересов» нормы закреплённые в настоящее время в ст. 17 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ». Тем самым представляя собой прародителя одного из антикоррупционных фактора.

Такое влияние международных актов, прослеживается и в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, Хартии европейской безопасности, Конвенции против транснациональной организованной преступности, Варшавской декларации и иных связанных с противодействием коррупции актах.

В ст. 4 ФЗ «О противодействии коррупции», говорится о сотрудничестве в области противодействия коррупции с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также с международными организациями. Из этого следует сделать вывод, что помимо неопровержимого факта взаимодействия в сфере нормативного регулирования и преемственности актов, положивших начало развитию мер направленных против коррупции в РФ, продолжается тенденция активного сотрудничества в целях, указанных в данной статье.

Наиболее детально вопросы международного сотрудничества в рассматриваемой сфере регламентированы Конвенцией ООН против коррупции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 года. Для России такое сотрудничество имеет одно из приоритетных направлений развития и укрепления сотрудничества, что проявилось в её присоединении к Конвенции в день подписания. Последствиями ратификации Российской Федерацией вышеупомянутой Конвенцией стало формирование антикоррупционной архитектуры и появление профильного законодательства, например это стало толчком для принятия Федерального Закона «О противодействии коррупции» и иных законодательных актов, например, Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе»

Значение такого события до сих пор остается неизменно ценным, так как на 10 сессии Конференции сторон Конвенции Россия выразила мнение о перспективах развития, связанных с продолжением тесного взаимодействия между странами; продолжением правового развития положений по вопросу противодействия коррупции. Следующая сессия Конференции намечена на декабрь 2025 г. в Дохе.

Отметим, что Россия, являясь частью Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (далее – АТЭС) регулярно участвует в её антикоррупционной деятельности. В 2022 году, по итогам саммита АТЭС в Бангкоке, была принята декларация, в рамках которой страны-участницы приняли решение, провести ряд совместных действий по борьбе с коррупцией, а именно отказ в предоставлении убежища коррупционерам и их незаконным активам.

В итоговой декларации саммита АТЭС в 2023 году, проводимого в Сан-Франциско, говорилось, что участники АТЭС продолжат борьбу с коррупцией, таким образом продолжая намеченную стратегию. Лидеры организации признают разрушительное влияние коррупции на экономический рост и развитие в мире, поэтому одной из их первостепенных задач можно выделить посильное вмешательство к дальнейшему развитию антикоррупционной политики.

Обратимся к опыту субъектов Российской Федерации: Приморский край, являясь центральным регионом Дальневосточного Федерального Округа, регулярно проводит антикоррупционный мероприятия, одним из которых является научно-практическая конференция по актуальным вопросам противодействия коррупции в Приморском крае, проводимая Правительством ПК ежегодно в преддверии международного дня противодействия коррупции, осуществляемой на основе Программы противодействия коррупции в Приморском крае на 2021-2025 годы, утвержденной Постановлением Губернатора Приморского края от 06.10.2021 №99-пг.

На муниципальном уровне деятельность по борьбе с коррупцией, так же имеет определенное значение. Столицей Приморского края является город Владивосток и в аспекте антикоррупционной сферы, как пример следует привести утвержденный план мероприятий по профилактике коррупции в Думе города Владивостока на 2025 год. Для оценки эффективности принимаемых в муниципальном образовании антикоррупционных мер с 17.03.2025 по 17.04.2025 проводится опрос населения. Он так же является мероприятием муниципальной программы «Противодействие коррупции» и позволяется отразить непосредственное влияние проводимой политики и её эффективности.

Таким образом, деятельность Российской Федерации по противодействию коррупции выражается не только путем принятия нормативно-правовых актов на территории страны, но и в активной роли на международной арене.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить большое количество нормативно-правовых актов на федеральному уровне, посвященных противодействию коррупции, что делает данное направление значимым в деятельности государственной машины. Россия стре-

мится к ликвидации коррупции, как феномена в целом, поэтому отметим наличность тенденции к развитию антикоррупционной политики как в рамках страны, так и на глобальном уровне.

Политика, направленная на борьбу с коррупцией, – необходимость для обеспечения эффективности аппарата государственного управления, поскольку добросовестность представителей власти - залог доверия к государству.

Список литературы:

[1] Путин: нельзя снижать темп в борьбе с коррупцией // Коммерсантъ URL: https://www.kommersant.ru/doc/7552855 (дата обращения: 28.03.2025).

[2] Хабибулина, О. В. Проблемы законодательства о противодействии коррупции на государственной службе / О. В. Хабибулина // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2015. – Т. 17, № 3. – С. 101-115. – EDN VRNEUJ.

[3] А.Р. Ахметова, Л.В. Половова Актуальные вопросы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/articles/aktualnye-voprosy-protivodeystviya-korruptsii-v-federalnykh-organakh-ispolnitelnoy-vlasti/ (дата обращения: 20.03.2025).

[4] А.Р. Ахметова, Л.В. Половова Борьба с коррупцией– главное условие национальной безопасности // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/articles/borba-s-korruptsiey-glavnoe-uslovie-natsionalnoy-bezopasnosti/ (дата обращения: 20.03.2025).

References:

[1] Putin: you can’t slow down in the fight against corruption//Kommersant URL: https://www.kommersant.ru/doc/7552855 (circulation date: 28.03.2025).

[2] Khabibulina, O. V. Problems of anti-corruption legislation in the public service/O. V. Khabibulina//Asia-Pacific region: economics, politics, law. – 2015. - T. 17, NO. 3. - S. 101-115. – EDN VRNEUJ.

[3] A.R. Akhmetova, L.V. Polovova Topical issues of combating corruption in federal executive bodies//Official Internet portal of legal information. – URL: http://pravo.gov.ru/articles/aktualnye-voprosy-protivodeystviya-korruptsii-v-federalnykh-organakh-ispolnitelnoy-vlasti/ (дата обращения: 20.03.2025).

[4] A.R. Akhmetova, L.V. Polovova The fight against corruption is the main condition for national security//Official Internet portal of legal information. – URL: http://pravo.gov.ru/articles/borba-s-korruptsiey-glavnoe-uslovie-natsionalnoy-bezopasnosti/ (дата обращения: 20.03.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-36-39

КУМЫШЕВА Марина Кадировна,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
к.ю.н., полковник полиции,
e-mail: kumysheva.m@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Российским законодателем выделены основные направления государственной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности. К их числу отнесены государственная аграрная политика, производство и обращение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, обеспечение качества и безопасности пищевой продукции, внешнеэкономическая политика, устойчивое развитие сельских территорий и повышение качества жизни сельского населения, развитие производства материально-технических ресурсов для производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, формирование здорового типа питания. По каждому из указанных направлений обозначены меры, действия, которые должны быть предприняты для достижения стратегической цели обеспечения продовольственной безопасности – обеспечения населения страны безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием в объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции.*

Ключевые слова: *нормативно-правовая основа, правовые акты, продовольственная безопасность, обеспечение, регулирование.*

KUMYSHEVA Marina Kadirovna,
Senior Lecturer of the Department
of Organization of Law Enforcement Activities
of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D., Police Colonel

LEGAL FRAMEWORK FOR ENSURING FOOD SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *Russian lawmakers have identified key areas of state policy in the area of food security. These include state agricultural policy, the production and circulation of agricultural products, raw materials, and food, food quality and safety, foreign economic policy, sustainable rural development and improving the quality of life of the rural population, developing the production of material and technical resources for agricultural production, raw materials, and food, and promoting healthy eating habits. For each of these areas, measures and actions are outlined that must be taken to achieve the strategic goal of ensuring food security—providing the country's population with safe, high-quality, and affordable agricultural products, raw materials, and food in quantities that ensure rational food consumption standards.*

Key words: *regulatory framework, legal acts, food security, provision, regulation.*

Введение

Организация и управление обеспечением продовольственной безопасности осуществляются по нескольким направлениям:

1) нормативно-правовое регулирование в областях безопасности пищевой продукции, сельского и рыбного промысла, развития территорий сельскохозяйственного назначения и его совершенствование;
2) мониторинг, прогнозирование и контроль в области обеспечения продовольственной безопасности;

3) учет влияния конъюнктуры на мировых рынках продовольствия;
4) учет влияния изменений климата на показатели экономики государства;
5) использование (и повышение эффективности использования) механизмов поддержки регионов, территориально расположенных в зонах, где имеет место недостаток производства продовольствия либо регионов, оказавшихся в экстремальном положении, повышение транспортной доступности отдаленных регионов страны для необходимого продовольственного снабжения их населения;
6) использование государственных информационных ресурсов для целей обеспечения продовольственной безопасности.

Реализация указанных направлений государственной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности и формирование действенного механизма ее обеспечения позволит прогнозировать и предотвращать возникающие риски социально-экономического развития и угрозы национальной безопасности, повышать ее устойчивость, создавать условия для динамичного и сбалансированного развития сельского и рыбного хозяйства, улучшения благосостояния населения, и как следствие, обеспечить продовольственную безопасность как важнейшую составную часть национальной безопасности.

Цель и задачи

Рассмотрение правовых основ обеспечения производственной безопасности Российской Федерации.

Методы

Методологическую основу исследования составляет система философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность изучения заданной тематики. Применение в рамках исследования эмпирических методов сбора, обобщения и анализа информации позволило осуществить качественный сбор актуального и обоснованного с практической точки зрения исследовательского материала.

Результаты

Система нормативно-правового обеспечения продовольственной безопасности представлена такими видами нормативно-правовых актов, как: федеральные законы, указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, решения Совета Безопасности РФ. Так, среди многочисленных источников можно выделить Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»,[1] устанавливающий нормы и правила для продовольственных товаров; Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»,[2] Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2000 г. № 883 «Об организации и проведении мониторинга качества, безопасности пищевых продуктов и здоровья населения» и др.[3] В ряде субъектов Российской Федерации принимаются региональные законы, регламентирующие деятельность по обеспечению продовольственной безопасности. Например, в Республике Башкортостан принят закон «О мерах по обеспечению качества и безопасности пищевых продуктов в Республике Башкортостан», [4] в Нижегородской области – Закон «Об обеспечении продовольственной безопасности в Нижегородской области»,[5] в Кабардино-Балкарской Республике – Закон «О продовольственной безопасности Кабардино-Балкарской Республики» и др.[6]

В области внешнеэкономической политики необходимо обеспечить:

1. расширение стратегического взаимодействия в рамках Союзного государства, ЕАЭС, развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками Содружества Независимых Государств по вопросам продовольственной безопасности;
2. развитие двустороннего сотрудничества по вопросам продовольственной безопасности в соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации;[7]
3. достижение Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 25 сентября 2015 г.;[8]
4. наращивание производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, которые соответствуют установленным экологическим, санитарно-эпидемиологическим, ветеринарным и иным требованиям, для преодоления отрицательного сальдо внешней торговли и формирования экспортного потенциала;
5. координацию единой внешнеторговой политики в отношении сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в рамках Евразийского экономического союза;
6. осуществление постоянного мониторинга в целях применения мер по защите отече-

ственного рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в случае демпинга и применения зарубежными странами необоснованных ограничений или субсидирования экспорта продукции сельского и рыбного хозяйства;

7. эффективную работу системы санитарно-эпидемиологического, ветеринарного и фитосанитарного надзора с учетом международных правил и стандартов, а также требований технических регламентов ЕАЭС в области пищевой безопасности;
8. снижение зависимости сельского и рыбного хозяйства от импорта технологий, машин, оборудования, а также семян основных сельскохозяйственных культур и племенной продукции.

Заключение

Механизмы обеспечения продовольственной безопасности как правило реализуются в рамках перспективных программ социально-экономического развития государства, а также специальных программ, направленных на обеспечение доступности и качества продовольствия для населения, улучшение качества жизни граждан и поддержание социальной стабильности в стране. Такие программы предусматривают оценку потребностей населения в продовольствии, учёт демографических изменений и социально-экономических факторов для определения объёмов и видов продуктов, необходимых для обеспечения продовольственной безопасности; разработку мер по стимулированию сельского хозяйства, развитию сельских территорий, поддержке сельскохозяйственных производителей и крестьянских (фермерских) хозяйств для увеличения объёмов производства продовольствия; создание механизмов обеспечения доступности качественных продуктов питания для всех слоев населения, включая меры социальной поддержки, организацию продовольственных рынков и т.д.; разработку систем контроля за качеством и безопасностью продуктов питания, включая мониторинг и надзор за производством, хранением, транспортировкой и реализацией продукции.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 02.01.2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (ред. от 13.07.2020) // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150; 2020. № 29. Ст. 4504.

[2] Указ Президента РФ от 06.08.2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (ред. от 15.11.2021) // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4470; 2021. № 47. Ст. 7824.

[3] Постановление Правительства РФ от 22.11.2000 г. № 883 «Об организации и проведении мониторинга качества, безопасности пищевых продуктов и здоровья населения» (ред. от 19.01.2024) // СЗ РФ. 2000. № 48. Ст. 4701; 2024. № 4. Ст. 540.

[4] Закон Республики Башкортостан от 01.11.2011 г. № 458-з «О мерах по обеспечению качества и безопасности пищевых продуктов в Республике Башкортостан» (с изм на 28.04.2020) // Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2011. № 22(364). Ст. 1664; Официальный Интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан http://www.npa.bashkortostan.ru, 28.04.2020.

[5] Закон Нижегородской области от 09.08.2011 г. № 111-З «Об обеспечении продовольственной безопасности в Нижегородской области» (в ред. от 07.11.2022) // Нижегородские новости. 2011. № 143.

[6] Закон Кабардино-Балкарской Республики от 20.03.2012 г. № 7-РЗ «О продовольственной безопасности Кабардино-Балкарской Республики» (в ред. от 13.11.2012) // Официальная Кабардино-Балкария. 2012. № 12.

[7] Указ Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

[8] Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://irsepi.ru/files/goals-2015.pdf (дата обращения: 30.06.2024).

References:

[1] Federal Law of 02.01.2000 No. 29-FZ “On Quality and Safety of Food Products” (as amended by 13.07.2020) //RF NW. 2000. № 2. Art. 150; 2020. № 29. Art. 4504.

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 06.08.2014 No. 560 “On the Application of Certain Special Economic Measures to Ensure the Security of the Russian Federation” (as amended by 15.11.2021) //RF NW. 2014. № 32. Art. 4470; 2021. № 47. Art. 7824.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of 22.11.2000 No. 883 “On the Organization and Conduct of Monitoring of Quality, Food Safety and Public Health” (as amended by 19.01.2024) //RF NW. 2000. № 48. Art. 4701; 2024. № 4. Art. 540.

[4] Law of the Republic of Bashkortostan dated 01.11.2011 No. 458-z “On measures to ensure the

quality and safety of food in the Republic of Bashkortostan" (as amended by 28.04.2020) //Vedomosti of the State Assembly - Kurultay, President and Government of the Republic of Bashkortostan. 2011. № 22(364). Art. 1664; The official Internet portal of legal information of the Republic of Bashkortostan http://www.npa.bashkortostan.ru, 28.04.2020.

[5] Law of the Nizhny Novgorod Region dated 09.08.2011 No. 111-Z "On Ensuring Food Security in the Nizhny Novgorod Region" (as amended by 07.11.2022) //Nizhny Novgorod News. 2011. № 143.

[6] Law of the Kabardino-Balkarian Republic of 20.03.2012 No. 7-RZ "On Food Security of the Kabardino-Balkarian Republic" (as amended by 13.11.2012) //Official Kabardino-Balkaria. 2012. № 12.

[7] Decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2023 No. 229 "On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation "//NW RF. 2023. № 14. Art. 2406.

[8] Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://irsepi.ru/files/goals-2015.pdf (access date: 30.06.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-40-46

НЕЖЕНЕЦ Владислав Владимирович,
аспирант,
Балтийского Федерального Университета
имени Иммануила Канта,
e-mail: vnezhenets@stud.kantiana.ru

Научный руководитель:
КУЛИКОВ Александр Викторович,
д-р юр. наук, проф., Заслуженный юрист РФ,
e-mail: bmw0052@rambler.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье анализируются проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих при реализации национальных проектов Российской Федерации. На основе формально-юридического, сравнительно-правового, системно-структурного и доктринального методов выявляется недостаточность существующих механизмов, поскольку преступления должностных лиц квалифицируются по общим нормам УК РФ без учёта их повышенной общественной опасности. Анализ специальной криминализации в сфере государственного оборонного заказа показывает её ограниченную эффективность. Обосновывается вывод о целесообразности введения специальных квалифицирующих признаков в действующие составы преступлений для повышения эффективности защиты отношений, связанных с национальными проектами.*

Ключевые слова: *национальные проекты, уголовно-правовая охрана, должностные преступления, специальный состав, квалифицирующий признак, хищение, присвоение, злоупотребление полномочиями, государственный оборонный заказ, бюджетные средства.*

NEZHENETS Vladislav Vladimirovich,
PhD student,
Immanuel Kant Baltic Federal University

Scientific supervisor:
KULIKOV Alexander Viktorovich,
Dr. Jurr. Sciences, prof.,
Honored Lawyer of the Russian Federation

PROSPECTS FOR CRIMINALIZING SOCIALLY DANGEROUS ACTS COMMITTED IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article analyses problems of criminal law protection of public relations arising in the implementation of national projects of the Russian Federation. Based on formal legal, comparative legal, systemic-structural and doctrinal methods, the inadequacy of existing mechanisms is revealed, since crimes committed by officials are classified according to the general norms of the Criminal Code of the Russian Federation without taking into account their increased public danger. Analysis of special criminalisation in the field of state defence procurement shows its limited effectiveness. The conclusion is justified that it is expedient to introduce special qualifying characteristics into the existing compositions of crimes in order to increase the effectiveness of protecting relations related to national projects.*

Key words: *national projects, criminal law protection, official crimes, special composition, qualifying feature, theft, misappropriation, abuse of authority, state defence order, budget funds.*

На современном этапе, в Российской Федерации национальные проекты и, утверждаемые в их рамках, федеральные проекты выступают ключевым инструментом достижения стратегических национальных целей, закреплённых Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», в числе которых: сохранение населения; укрепление здоровья и повышение благополучия граждан; поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство и цифровая трансформация государственного и муниципального управления [9].

Указанные цели, стратегические рамки их достижения, и результативность делают национальные проекты объектом публичного доверия и государственного интереса особого порядка.

Каждое преступное посягательство в этой сфере, например, нарушение условий контрактов, фальсификация приёмки, искажение отчётности, иное противоправное использование служебного положения, способно нанести ущерб не просто бюджету учреждения-распределителя, муниципального образования, региона или страны, но и подорвать целостность системы достижения национальных целей.

В 2024 году Следственный комитет сообщил о двукратном росте количества уголовных дел, возбужденных по фактам преступлений в сфере нацпроектов, в сравнении с 2023 годом [10].

Исходя из Указа Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальный безопасности Российской Федерации», достижение целей обеспечения национальной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение, в том числе, задач по предупреждению и пресечению преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа, а также возмещение ущерба, причиненного такими преступлениями, и повышение уровня ответственности за их совершение [11].

На данный момент нет исчерпывающего ответа на вопрос, как существующие уголовно-правовые нормы УК РФ соотносятся с задачей охраны именно этих стратегических интересов: устойчивого развития экономики, технологического суверенитета, социального благополучия.

Представляется, что отсутствие критерия дифференциации ответственности за совершение деяния, влияющего на результативность реализации национальных проектов и посягающего на достижимость национальных целей, поставленных Указом Президента РФ, является недостатком существующей системы уголовно-правового противодействия.

В связи с этим, цель настоящего исследования – проанализировать юридико-техническую возможность, теоретическую обоснованность и практическую целесообразность введения новой уголовно-правой нормы или квалифицирующего признака для преступлений, совершаемых должностными лицами в сфере национальных проектов.

Для достижения указанной цели необходимо выявить нормативно-правовые и доктринальные проблемы текущей системы ответственности должностных лиц; рассмотреть модели законодательно-правовой конструкции квалифицирующего признака, учитывающую статус субъектов, оценить риски и возможные последствия внедрения такой нормы для практики правоприменения и достижения целей национальной безопасности.

При выполнении поставленных задач будут использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный, доктринальный и логический методы.

Итак, противоправные действия в сфере реализации национальных проектов, особенно со стороны должностных лиц, обладающих полномочиями по распределению бюджетных средств, контролю, приёмке, отчётности и управлению проектами, не ограничиваются ущербом в рамках бюджета.

Неоднократно научным сообществом отмечалось, что последствия подобных преступлений имеют двуобъектный характер.

В.Г. Глуховым описывался комплексный характер последствий хищения и иных преступлений в сфере здравоохранения, выражающихся не только в причинении вреда бюджету страны и региональным бюджетам, но и массе сопутствующих негативных факторов, таких как снижение продолжительности жизни населения, снижение авторитета государственной власти [1, с. 326]. Д.М. Фарахиев отмечает, что инфраструктурные объекты обеспечивают связанность социально-экономического пространства страны, определяют трансакционные издержки, являются основой экономического роста, общественной безопасности и правопорядка [2, с. 42].

Представляется, что субъект, осуществляющий посягательство на имущественные (экономические) отношения государства, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся при реализа-

ции национальных проектов, наносит вред не только объектам преступных деяний, составы которых указаны в соответствующих статьях главы 21, 22 и 30 УК РФ, но и дополнительному объекту – срочность, адресность и результативность национального проекта, а также соответствующего федерального проекта, принятого в рамках исполнения национального.

Предметом посягательства, воздействием на который нарушаются охраняемые законом объекты, выступает финансовое обеспечение (выплаты из бюджетов различных уровней, в т.ч. внебюджетных фондов) национальных проектов и утверждённых в их рамках федеральных проектов.

Также следует отметить невосполнимость последствий, наступивших вследствие совершения преступления, выражающихся в срыве сроков реализации проекта, нарушении адресности выделенных бюджетных средств, а также недостижении поставленных качественных и/или количественных показателей.

Доктринально выделяется особая специфика деятельности должностного лица, заключающаяся в том, что последнее действует на основании специально данных ему властных полномочий различного уровня и характера. Как правило, именно наделённые правами и полномочиями по выделению и освоению бюджетных средств для реализации федеральных и национальных проектов должностные лица виновны в их хищении или ином нецелевом расходовании [3, с. 131]. При этом указанные лица как никто другой должны осознавать характер своих действий и наступающих в связи с ними последствий.

В связи с этим, выделяется особый характер субъекта преступления, объектов, на которые осуществляется посягательство, и последствия, которые сопутствуют противоправному деянию.

В этом контексте, для отражения особенностей рассматриваемых деяний законодателю необходимо проработать уголовные нормы, направленные на охрану стратегически важных для национального целеполагания общественных отношений.

В настоящее время уголовная ответственность за преступления, совершаемые должностными лицами при реализации национальных проектов, наступает по общим статьям главы 30 УК РФ (ст.ст. 285, 286, 292 УК РФ), а также по нормам о хищениях и иных преступлениях (в частности ст.ст. 159, 160 УК РФ).

Вместе с тем, научными деятелями высказываются предложения о необходимости специальной криминализации данных деяний, ведь переоценка объектов уголовно-правовой охраны является неотъемлемым элементом динамической уголовной политики государства.

В частности, Ю.Ю. Бражин предлагал в рамках противодействия служебно-экономическим преступлениям в сфере реализации национальных проектов дополнить уголовный закон специальными нормами, по своей сути дублирующими положения ст. 201 и 285 УК РФ, с формулировкой «в сфере реализации национальных проектов» и отнести новые составы к категории тяжких [4, с. 119].

Указанное имеет под собой несколько существенных оснований, включая имеющийся опыт законодателя. В том числе, включение специального состава, предусматривающего ответственность за деяния, совершаемые должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, при реализации национальных проектов, можно отметить превентивное значение, выделяющее особую роль и повышенную уголовно-правовую охрану общественных отношений в этой сфере.

Для оценки возможности введения подобного состава следует обратить внимание на последние законодательные новеллы. В период с 2017 по 2022 года УК РФ был дополнен рядом специальных уголовно-правовых норм, криминализирующих преступные деяния в сфере государственного оборонного заказа (в дальнейшем – гособоронзаказ, ГОЗ).

Новые составы УК РФ – ст.ст. 201.1, 201.2, 201.3, 285.4, 285.5, 285.6, являются примером специальной криминализации должностных преступлений в приоритетной для государства сфере. Несмотря на подобный качественный и количественный подход законодателя к защите отношений в сфере ГОЗ, трудно судить о том, является ли подобный опыт положительным.

К нововведённым составам имеются вопросы юридико-технического характера. Исходя из буквального толкования названия уголовно-правовых норм, привлечение к уголовной ответственности по ст.ст 201.1. или 285.4 УК РФ возможно лишь в случаях, когда субъект злоупотребил своими полномочиями при выполнении гособоронзаказа, тогда как иные стадии ГОЗ не охватываются. Следует ли из этого, что аналогичное деяние, при наличии цели или мотива, а также соответствующих последствий, совершенное во время формирования, утверждения и размещения ГОЗ должно квалифицироваться соответственно по ст. 201 и 285 УК РФ?

Что касается статей 201.2, 201.3, 285.5 и 285.6 – указанные в них составы содержат в себе механизм административной преюдиции, формализируя сущность преступного деяния повторным совершением административного правонарушения, за которое лицо уже было привлечено к ответственности.

Вопросы содержания и понимания сущности указанного механизма являются предметом научных дискуссий. С одной стороны, имеет место позиция, исходя из которой, такой подход может быть обусловлен диалектическим законом «перехода количества в качество» и иными социально-политическими факторами. С другой стороны, среди научных деятелей бытует мнение, что повторное совершение общественно-вредного деяния никогда не сможет обрести должную общественную опасность для признания его преступлением.

Так, сомнительной представляется дифференциация деяний с административной преюдицией по общественной опасности. В подтверждение рассмотрим общие, по отношению к названным выше, составы преступлений, описанные в ст. 201.1 и 285.4 УК РФ. Указанные деяния включают в себя в качестве обязательных признаков факультативные субъективные: цель извлечения выгоды и мотив (корысть или иной личный) субъекта соответственно, а также последствия в виде существенного нарушения интересов общества и государства.

Однако, выходит, что по логике законодателя, повторно совершенное общественно-вредное деяние, ранее за которое лицо уже было привлечено к административному наказанию в сфере ГОЗ, представляет собой большую общественную опасность, чем наличие низменной противоправной цели, мотива и последствий в виде существенного вреда.

Отдельного обратим внимание на составы преступлений, описанные в ч. 2 ст. 201.2 и ч.2 ст. 285.5 УК РФ, которые, по сути, представляют собой самостоятельные составы с объективной стороной в виде причинно-следственной связи между нарушением условий государственного контракта по ГОЗ и последствиями в виде причинения государству материального ущерба в сумме, составляющей не менее пяти процентов цены нарушенного государственного контракта либо договора, но не менее пяти миллионов рублей, или невыполнение задания государственного оборонного заказа.

Имеются основания полагать, что нарушение условий государственного контракта является способом злоупотребления должностными полномочиями, а материальный ущерб является последствием, аналогичным тому, которое содержится в общих нормах статей 201.1. и 285.4 УК РФ. В частности, И.О. Ткачев в связи с указанным справедливо отмечает: «нормы ст. 201.1 и ч. 2 ст. 201.2, ст. 285.4 и ч. 2 ст. 285.5 УК РФ находятся в отношении конкуренции общей и специальной норм как по признаку деяния, так по признаку последствий» [5, с. 90].

К тому же, весь перечень деяний, которые являются нарушениями ГОЗ и могут быть признаны преступными, фактически содержится в частях 5 - 7 ст. 7.30.3 КоАП РФ. В совокупности с механизмом административной преюдиции отсылочный характер порождает некоторые противоречия, что вызывает трудности, в первую очередь, для правоприменителя.

Так, Н.С. Попов в своей научной работе отмечает: «…в случае, если лицо, которое ранее уже было осуждено и подвергнуто уголовному наказанию по одному из данных преступлений, имеющее неснятую или непогашенную судимость, совершит подобное преступное деяние ещё раз, или если истечет срок в один год, в соответствии с которым истекает период признания лица подвергнутым административному наказанию, то его действия будут квалифицированы по соответствующей части ст. 7.30.3 КоАП РФ, т.е. как административное правонарушение» [6, с. 250].

Конечно, вряд ли лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, либо осуждённое или имеющее непогашенную судимость по рассматриваемым составам, получит возможность участвовать в гособоронзаказе, однако представляется, что уголовно-правовые нормы не должны оставлять такие вопросы неурегулированными, хотя бы в той части, когда истекает срок признания лица подвергнутым административному наказанию. Указанный пробел заслуживает внимания потому, как анализируемые составы преступлений с преюдицией относятся к категории тяжких.

В совокупности, попытка законодателя, направленная на криминализацию рассматриваемой сферы общественных отношений по реализации ГОЗ хоть и нашла своё отражение в Уголовном кодексе РФ, но судебная статистика применения данных норм свидетельствует либо об их низкой эффективности, либо об удачной попытке превентивного реагирования законодателя.

Применительно к сфере национальных проектов, Ф.Н. Багаутдинов, выделяя повышенную общественную опасность хищений и должностных лиц, их совершающих, рассмотрел возможность введения в главу 21 УК РФ специальных составов преступлений: «…предусматривающих уголовную ответственность, в частности, за присвоение и растрату средств национальных проектов (например, ст. 1601)» [7, с. 13]. При этом, автор отмечает, что перечисленные в общем составе присвоения и растраты квалифицирующие признаки подходят и для специального состава.

Представляется, что подобный подход породит, помимо конкуренции, риск чрезмерной

криминализации, основанной на формализации преступного использования полномочий или служебного положения в условиях реализации национальных проектов. Потому, специальный состав, предусматривающий более строгое наказание, не должен быть сформулирован по образу и подобию общих норм глав 21, 22 или 30 УК РФ, фактически дублируя их с дополнением диспозиции лишь в части предмета, обстановки или иного признака преступления.

Качественно иным было бы введение квалифицирующего признака в соответствующих нормах статей глав 21, 22 и 30 УК РФ, что позволило бы избежать клонирования и конкуренции норм, применения усложнённых юридических конструкций по типу административной преюдиции, а также формальной криминализации и пенализации деяния.

Так, А.А. Рассказов, при исследовании вопросов совершенствования противодействия преступлениям в сфере национальных проектов предположил: «Альтернативным вариантом совершенствования уголовно-правовых норм, мы считаем, может являться дополнение ряда действующих норм УК РФ квалифицирующим признаком «…те же деяния, совершенные при реализации национального проекта России» [8, с.81], - и справедливо предложил закрепить указанный признак в наиболее часто встречающихся составах: ст. 159, 160, 285. 286 и 292 УК РФ.

Национальные проекты, направленные на реализацию целей, в отличие от сферы ГОЗ, являются срочными мерами и охватывают более широкий спектр социально-экономического развития, что также играет роль в обеспечении национальной безопасности и суверенности государства, но при этом требует более гибкого подхода к криминализации.

В связи с отмеченной динамичностью национальных проектов, своевременное внедрение в существующий состав Особенной части УК РФ квалифицирующего признака избавило бы законодателя от многих юридико-технических вопросов, в том числе, вопросов определения наиболее подходящего места для введения специального состава преступления в сложившуюся систему оберегаемых уголовно-правовыми нормами ценностей.

Хищение и растрата с использованием служебного положения, злоупотребление должностными полномочиями и их превышение совершаются в условиях, когда должностное лицо, чаще всего выступающее от лица заказчика каких-либо товаров, работ или услуг в рамках того или иного национального проекта, наделен полномочиями по сопровождению проекта в части распределения и контроля реализации полученного заказчиком финансового обеспечения (в виде бюджетных средств), потому уместным было бы предусмотреть в составах должностных преступлений квалифицирующий признак, подчеркивающий специфику полномочий субъекта в обстановке реализации национального проекта.

Относительно лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях, необходимо аналогичным образом отразить особенность их участия в реализации национального проекта, так как зачастую именно такие лица, действуя от имени головного исполнителя, путём авансирования аффилированных лиц, сокрытия недостатков, завышения стоимости фактически выполненных работ, подлога документов, иных способов злоупотребления и мошеннических схем посягают на целевые средства.

Следовательно, логичной представляется следующая формулировка квалифицирующего признака для должностных преступлений:

«…то же деяние, совершенное в связи с исполнением полномочий по сопровождению реализации национального проекта Российской Федерации».

Термином «сопровождение» представляется универсальным, охватывающим комплекс мер по контролю и управлению на всех стадиях реализации национального проекта. Конечно, термин может показаться критично широким, потому его имплементация должна сопровождаться разъяснением в постановлении Пленума Верховного Суда РФ в целях обеспечения единообразия судебной практики.

С точки зрения юридической техники, введение квалифицирующего признака в составы, предусмотренные ст.ст. 201, 285 УК РФ, осложнено конструкцией норм, которые будто не предполагают дробления на дополнительные отягчающие признаки. С другой стороны, наиболее оптимальным решением для состава, содержащегося в ст. 285 УК РФ, было бы помещение нового признака в часть третью, что соответствует аналогичному конструированию норм ст. 286 УК РФ.

Таким образом, мы сохраним системность, подчёркивающую повышенную общественную опасность субъекта, названного в ч. 2 ст. 285 и выделим дополнительные основания отнесения действий должностных лиц и лиц, занимающих государственные должности, к категории тяжких преступлений.

Соответствующим образом отягчающий признак можно внедрить в ч.2 ст. 201 УК РФ, но с иной формулировкой, отражающей вышеупомянутые особенности участия специального субъекта в реализации национального проекта, а именно:

«2. То же деяние:

– совершенное в связи с исполнением контракта или договора заключенного для

закупки товаров, работ, услуг в рамках реализации национального проекта Российской Федерации;

– повлекшее тяжкие последствия, - наказывается <…>».

Составы мошенничества, присвоения и растраты находятся в главе 21 УК РФ «Преступления против собственности» и существенно отличаются от составов, содержащихся в статей 285, 286 и 201 УК РФ. Их главной отличительной чертой является то, что у основного состава общий субъект, а «совершенное лицом с использованием своего служебного положения» является отягчающим деяние признаком (ч. 3 ст. 159 и ч. 3 ст. 160 УК РФ).

Следуя логике повышенной общественной опасности лиц, использующих служебные полномочия в условиях реализации национального проекта, и дифференциации ответственности, можно сделать вывод о том, что новый квалифицирующий признак будет отнесён к части 4 рассматриваемых норм, как наиболее тяжкий. Так, новый признак не будет конкурировать и нарушать трактовку отягчающего признака «использование служебного положения», содержащегося в иных нормах статей Особенной части УК РФ.

Таким образом, п. ч. 4 указанных статей можно было бы дополнить формулировкой: «… либо с использованием служебного положения при реализации национального проекта Российской Федерации, -».

Проведённый анализ позволяет прийти к выводу, что действующая система уголовно-правового регулирования не обеспечивает должного уровня защиты общественных отношений, связанных с реализацией национальных проектов, несмотря на их стратегическую значимость для достижения национальных целей и обеспечения национальной безопасности.

Использование общих составов преступлений (ст. 159, 160, 201, 285, 286, 292 УК РФ) не отражает повышенной общественной опасности деяний, совершаемых должностными и иными уполномоченными лицами в сфере национальных проектов, что приводит к квалификационным трудностям, разночтениям и фактической «растворённости» таких преступлений в общей массе экономической и должностной преступности.

Опыт специальной криминализации в сфере государственного оборонного заказа показал, что создание новых специальных составов не всегда эффективно, вызывает юридико-технические проблемы, конкуренцию норм и низкую востребованность в правоприменительной практике.

В этой связи более системно корректным представляется введение квалифицирующих признаков в действующие составы преступлений, и отражающих специфику преступлений, совершаемых при реализации национальных проектов. Такой подход позволит: учесть повышенную общественную опасность деяний, предотвратить дублирование и избыточную криминализацию, сохранить системность Особенной части УК РФ, обеспечить единство судебной практики и упростить квалификацию.

В заключение, оценивая перспективу специальной криминализации преступлений, совершаемых при реализации национальных проектов Российской Федерации можно не сомневаться в том, что она найдёт своё претворение в Уголовном Кодексе РФ, и только законодатель способен ответить на вопрос, как это будет реализовано. На данный момент этот вопрос как никогда актуален в силу сложившихся внешнеполитических и внутренних социально-экономических вызовов. Конструирование специальных обособленных уголовно-правовых статей, охраняющих общественные отношения национального целеполагания, кажется наиболее эффективной превентивной мерой, но в то же время требует комплексного и скрупулёзного подхода, минимизирующего риски возникновения различного рода коллизий, вопросов юридико-технического характера и невостребованности в правоприменительной среде. Заполнение пробелов введением квалифицирующих признаков требует не менее тщательного подхода, однако нельзя отрицать, что такой способ криминализации может быть точнее имплементирован в сложившуюся систему норм Особенной части УК РФ.

Список литературы:

[1] Глухов В.Г. О классификации способов хищений в сфере здравоохранения // Криминалистические чтения на Байкале – 2024 : материалы международной науч.-практ. конф., Иркутск, 14–15 июня 2024 г. Иркутск : Байкальский гос. ун-т, 2024. С. 325–334.

[2] Фарахиев Д.М. Хищения бюджетных денежных средств, выделяемых на совершенствование транспортной инфраструктуры: состояние, структура и роль оперативного аппарата // Мониторинг правоприменения. 2024. № 1(50). С. 41–49.

[3] Клещев С.К. Аналитический инструментарий исследования угроз коррупционного характера при реализации национальных проектов в сфере образования // Russian Journal of Management. 2021. № 3. С. 131–135.

[4] Бражин Ю.Ю. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие служебно-экономическим преступлениям в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»: дис....канд юрид. наук: 5.1.4. Н. Новгород, 2023. 314 с.

[5] Ткачев И.О. Проблемы квалификации преступлений в сфере государственного оборонного заказа // КриминалистЪ. 2025. № 2. С. 87-93.

[6] Попов Н.С. Новые составы преступлений в сфере государственного оборонного заказа: проблемы уголовно-правовой характеристики и практического применения // Закон и право. 2025. № 4. С. 248–252.

[7] Багаутдинов Ф.Н. Уголовная ответственность за преступления, связанные с национальными проектами // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5(79). С. 12–14.

[8] Рассказов А.А. О некоторых вопросах совершенствования законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым при реализации национальных проектов России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 1(47). С. 77–82.

[9] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

[10] В РФ Количество дел при реализации нацпроектов в 2024 году увеличилось в 2 раза // TASS.RU. 18.02.2025

[11] О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

References:

[1] Glukhov V.G. On the classification of methods of theft in the field of health care//Forensic readings on Lake Baikal - 2024: materials of international scientific practice. conf., Irkutsk, June 14-15, 2024 Irkutsk: Baikal state. un-t, 2024. S. 325-334.

[2] D.M. Farakhiev. Embezzlement of budget funds allocated for the improvement of transport infrastructure: the state, structure and role of the operational apparatus//Monitoring of law enforcement. 2024. № 1(50). S. 41-49.

[3] Kleshchev S.K. Analytical tools for studying threats of a corruption nature in the implementation of national projects in the field of education//Russian Journal of Management. 2021. № 3. S. 131-135.

[4] Brazhin Yu. Yu. Criminal law and criminological counteraction to official and economic crimes in the implementation of the national project "Health": dis.... Ph.D. Sciences: 5.1.4. N. Novgorod, 2023. 314 pp.

[5] Tkachev I.O. Problems of qualification of crimes in the field of state defense order//Criminalist. 2025. № 2. S. 87-93.

[6] Popov N.S. New corpus delicti in the field of state defense order: problems of criminal legal characteristics and practical application//Law and law. 2025. № 4. S. 248-252.

[7] Bagautdinov F.N. Criminal liability for crimes related to national projects//Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2020. № 5(79). S. 12-14.

[8] Stories A.A. On some issues of improving legislation in the field of combating crimes committed in the implementation of national projects of Russia//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. T. 13, NO. 1 (47). S. 77-82.

[9] On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2024 No. 309. Access from ConsultantPlus ATP

[10] In the Russian Federation, the number of cases during the implementation of national projects in 2024 increased 2 times//TASS.RU. 18.02.2025

[11] On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. Access from ConsultantPlus ATP

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-47-50

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru,

ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье проводится анализ отечественной законодательной базы по вопросу правового статуса органов местного законодательства и осуществлено изучения научного подхода правоведов к проблеме правовой тенденции осуществления правотворческой деятельности на муниципальном уровне. В научном мире юристами правоведами рассматриваются два пути решения данной проблематики и в своих работах они показывают направления их реализации в правовом поле органами местного самоуправления.*

Ключевые слова: *Конституция РФ, закон, правотворческая деятельность, местное самоуправление, правовые акты, субъект РФ.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL TRENDS IN THE IMPLEMENTATION OF LAW-MAKING ACTIVITIES AT THE MUNICIPAL LEVEL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article analyzes the domestic legislative framework on the legal status of local legislative bodies and examines the legal scholars' scientific approach to the problem of legal trends in the implementation of law-making activities at the municipal level. In the scientific world, legal scholars consider two ways to solve this problem, and in their works, they show the directions of their implementation in the legal field by local self-government bodies.*

Key words: *Constitution of the Russian Federation, law, law-making activities, local self-government, legal acts, subject of the Russian Federation.*

Деятельность государства осуществляется на основе созданного правового поля. Основу правового поля в Российской Федерации составляет Конституция РФ[1]. В соответствии ст. 3 Конституции РФ определяется, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

Современное российское правовое государство невозможно представить без местного самоуправления. Так как, его институт способствует обретению населением полной свободы в выборе и использовании разнообразных форм непосредственной демократии (сходов граждан, референдумов и т.п.), повышению уровня его политического образования, дает возможность решения вопросов владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью, приближает граждан к процессу государственного управления. Поэтому возрастает роль самого понятия местного самоуправления и его правовых основ. В соответствии с Федеральным законом от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[2] далее (ФЗ–33) в ст.1 определяется что, местное самоуправление - признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации форма самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных в соот-

ветствии с Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, - законами субъектов Российской Федерации. Указанный закон № 33 ФЗ представляет собой комплекс категорий, которые являются одними из самых значимых предпосылок организации непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения для каждого отдельно взятого субъекта РФ. На основе выше сказанного можно определить, что местное самоуправление – это та форма самоорганизации граждан, обеспечивающая населению возможность самостоятельно и под свою ответственность решать вопросы местного значения, т. е. управлять своей жизнью и делами на соответствующей территории.

Муниципальное правотворчество - важнейшее направление деятельности органов местного самоуправления. Именно юридически закрепленная возможность осуществлять правовое регулирование их деятельности во многом определяет самостоятельность местного самоуправления. При этом, именно на уровне местного самоуправления сегодня наиболее остро стоит вопрос об обеспечении единства правового пространства в нашей стране, что требует поиска новых путей решения и должно представлять научный интерес. Создание единого непротиворечивого правового пространства - важное условие государственного развития нашей страны и развития местного самоуправления. Правовую основу местного самоуправления в соответствии выше указанного закона указано в ст. 3, и составляют:

- Конституция Российской Федерации;
- общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации;
- федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, издаваемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации (указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, иные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти),
- конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, уставы муниципальных образований, решения, принятые на местных референдумах и сходах граждан, и иные муниципальные правовые акты.

На основе выше сказанного можно определить, что цель муниципального правотворчества - правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления по созданию наиболее благоприятных условий для жизни муниципального образования и его населения, удовлетворение потребностей граждан по решению вопросов местного значения.

В совокупности акты органов местного самоуправления и решения, принятые непосредственно гражданами в процессе реализации ими народовластия (например, местный референдум, муниципальные выборы), образуют систему муниципальных правовых актов, в которой высшую юридическую силу имеет устав муниципального образования. Именно муниципальные правовые акты во главе с уставом муниципального образования регулируют наиболее массивный круг общественных отношений, возникающих в процессе осуществления местного самоуправления[4.с.57].

Система муниципальных правовых актов является частью правового пространства нашей страны, обладающего признаком единства, который, в частности, определяется положением о недопустимости издавать муниципальными органами власти акты, противоречащие федеральному законодательству. Обеспечение единства правового пространства, непротиворечивости правовых актов на всех уровнях публичной власти является сегодня актуальной задачей государства. Необходимость соблюдения принципа единства правового пространства устанавливается положениями российской Конституции и правоприменительной практикой и не должно обеспечиваться только устранением изъянов правотворческой деятельности уполномоченных органов и должностных лиц.

По мнению А.М. Багмета, Е.И. Бычковой [3.с.45], современный подход к правовому регулированию муниципального правотворчества в нашей стране нуждается в пересмотре и детализации. Данную проблему частично решено с принятием ФЗ– 33.

Так, основой правовой науки, отрасли права являются соответствующие правовые принципы, то есть те руководящие начала, которые служат их основой, базой для дальнейшего совершенствования и развития.

Принципы муниципального правотворчества не исключение. Именно принципы закладывают в муниципальное правотворчество те требования, которым должен данный процесс правотворчества соответствовать. Принципы должны обладать признаками стабильности и фундаментальности, для того чтобы качественно выполнять свою роль руководящих начал в процессе муниципального правотворчества.

Еще одним аспектом, требующим внимания к проблеме правовой регламентации муници-

пального правотворчества, является оформленная процедура правотворческого процесса. Между тем, правотворческий процесс представляет собой сложную процедуру, требующую соблюдения последовательности стадий, где следующая стадия не может начаться, если не завершена предыдущая.

Очевидно, что содержание и наполнение теми или иными стадиями правотворческого процесса в каждом конкретном муниципальном образовании будет зависеть от объема компетенции представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования и иных должностных лиц в муниципальном образовании. Однако представляется возможным выделить наиболее общие, универсальные стадии процедуры принятия правовых актов на территории муниципальных образований[6.с.78].

Как правило, представительный орган муниципального образования осуществляет свою деятельность на основе устава муниципального образования и иных муниципальных правовых актов, а также регламента, устанавливающего самым подробным образом организацию работы данного органа. Именно в регламенте представительного органа должна последовательно закрепляться правотворческая процедура. Тем не менее, изучение регламентов работы ряда представительных органов муниципальных образований показывает, что вопрос юридического оформления стадий муниципального правотворческого процесса в деятельности представительных органов требует более детальной проработки[7.с.65].

Проблема несоответствия содержания норм муниципальных правовых актов, и в первую очередь уставов муниципальных образований, федеральному и региональному законодательству разрешается сегодня в основном двумя путями:

- выявление и устранение последствий уже возникшей ситуации противоречия актов муниципального образования федеральным и региональным законам;
- превентивная работа, направленная на опережение возникновения ситуации противоречия законодательным актам, которая могла бы стать перспективным направлением разрешения обозначенной проблемы, однако не используется на полную мощность.

Нередко встречаются случаи, когда органы местного самоуправления сельских и городских поселений присваивают себе полномочия муниципального района, в пределах территории которого они расположены.

Кроме того, муниципальные правовые акты часто содержат смысловые погрешности текста, допускают произвольное использование юридических понятий, сложных грамматических конструкций в ущерб содержанию текста. Иногда встречаются и муниципальные правовые акты, которые составлены без соблюдения правил юридической техники, или акты, содержание которых не соответствует их наименованию и в которых неверно определяется предмет или метод правового регулирования.

Анализ действующего законодательства, муниципальных правовых актов, правотворческой и правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что противоречивость муниципальных правовых актов федеральному и региональному законодательству, а также их внутренняя несогласованность и бессистемность самого массива муниципальных правовых актов обусловлены следующими основными факторами [5.с.44]:

- нехваткой специалистов в области правотворчества (особенно в сельских поселениях), которая впоследствии выражается в низком качестве муниципальных правовых актов с точки зрения юридической техники;
- отсутствием необходимой кадровой и финансовой поддержки муниципальных образований со стороны субъектов Российской Федерации;
- слабым взаимодействием муниципальных образований по оказанию правовой помощи друг другу (например, между муниципальным районом и поселением в его составе) и с органами государственной власти субъектов Российской Федерации;
- недостаточным оказанием консультативной и методической помощи муниципальным образованиям при разработке проекта устава;
- частыми изменениями норм федерального и регионального законодательства, которые влекут за собой необходимость приводить в короткие сроки в соответствие муниципальные правовые акты;
- неумением органов местного самоуправления и должностных лиц планировать правотворческую деятельность;
- недостаточной согласованностью правотворческой деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц с населением муниципального образования.

Таким образом, вопросы местного самоуправления постоянно находятся во внимании государства, и решение их осуществляется на основе отечественного законодательства, как на уровне федерального законодательства, так и правовых актов субъектов.

Список литературы:

[1] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[2] Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

[3] Багмет А.М., Бычкова Е.И. Некоторые проблемы муниципального правотворчества / Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 9. С. 44–46.

[4] Лигачев А.С. Правовая основа местного самоуправления: современное состояние и проблемы регулирования. Вестник экономики, права и социологии. № 1. 2024г.

[5] Бычкова Е.И. Некоторые аспекты систематизации муниципальных правовых актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 7. С. 44.

[6] Ворошилова О.Н. Некоторые проблемы становления института местного самоуправления в современной России. Журнал «Политика, государство и право» № 7. 2016.

[7] Никифоров А.А. К вопросу о сущности самоуправления в Российской Федерации. журнале «Гуманитарные научные исследования» № 10 2019.

References:

[1] “Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).

[2] Federal Law of 20.03.2025 N 33-FZ “On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority.”

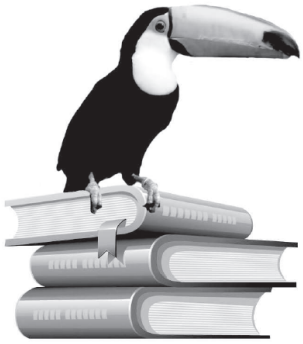
[3] Bagmet AM, Bychkova E.I. Some problems of municipal lawmaking/State power and local self-government. 2021. № 9. S. 44-46.

[4] A.S. Ligachev. The legal basis of local self-government: the current state and problems of regulation. Bulletin of Economics, Law and Sociology. № 1. 2024

[5] E.I. Bychkova. Some aspects of systematization of municipal legal acts//State power and local self-government. 2017. № 7. S. 44.

[6] Voroshilova O.N. Some problems of the formation of the institution of local self-government in modern Russia. Journal “Politics, State and Law” No. 7. 2016.

[7] Nikiforov A.A. On the essence of self-government in the Russian Federation. Journal «Humanitarian Scientific Research» No. 10 2019.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-51-54

СУХОПЛЮЕВ Павел Александрович,
доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат философских наук, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема личности в контексте материально-производственной сферы общественной жизни. В целях рассмотрения социальной стороны в жизни и деятельности личности уточняются дефиниции понятий «общность», «общество», философский смысл понятия общества, имеющиеся подходы к пониманию структуры общества. Особое внимание уделяется социально-экономическому аспекту в рассмотрении личности, социальной сущности человека, пониманию антропологического аспекта производственных отношений. Социально-экономическая сторона в жизнедеятельности личности, производственные отношения определяются в качестве сущностной характеристики человека. При этом в статье подчеркивается важная роль нравственных идеалов и ценностей, цели и смысла жизни в процессе формирования и изменения личности.*

Ключевые слова: *личность, человек, общество, структура общества, производственные отношения, нравственные идеалы и ценности, цель и смысл жизни.*

SUKHOPLYUEV Pavel Aleksandrovich,
Associate Professor of the Department
of Humanities and Socio-Economic Disciplines
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Philosophical, Police Colonel

THE SOCIO-ECONOMIC COMPONENT OF PERSONALITY

Annotation. *The article examines the problem of personality in the context of the material and industrial sphere of public life. In order to consider the social side in the life and activity of an individual, the definitions of the concepts of "commonality", "society", the philosophical meaning of the concept of society, and the available approaches to understanding the structure of society are clarified. Special attention is paid to the socio-economic aspect in the consideration of personality, the social essence of man, understanding the anthropological aspect of industrial relations. The socio-economic side of a person's life, industrial relations are defined as an essential characteristic of a person. At the same time, the article emphasizes the important role of moral ideals and values, purpose and meaning of life in the process of personality formation and change.*

Key words: *personality, man, society, structure of society, industrial relations, moral ideals and values, purpose and meaning of life.*

Исследование проблемы личности, осмысление ее поступков, мотивов поведения и действий в условиях современной социальной реальности представляет собой сложную задачу. Одно только определение личности представляет собой извечный процесс постижения человеческой сущности. Вместе с тем, поиск ответов на вопросы о природе и сущности личности, взаимодействии личности и общества имеет не только теоретико-методоло-

гическое, но и практическое значение в различных областях социальной жизни людей, включая воспитание, образование, правопорядок.

В литературе, посвященной проблеме личности, различным образом раскрывается смысл и значение понятия «личность». Подобная многозначность свидетельствует о разных вариантах понимания личности, прежде всего, в области философского знания. Поскольку жизнь человека, его поведение и деятельность тесным образом связана с обществом и материально-производственной сферой общественной жизни, мы предлагаем рассмотреть социально-экономическую составляющую личности.

Для понимания социальной реальности важно понимание таких понятий как «общество», «общность», а также «общественный», «социальный», осознавая различие смысловых оттенков данных значений. Так, общность определяется как форма совместного бытия, взаимодействия людей, связанных общим происхождением, языком, культурой, традициями. Латинское слово «socio» означает сочетать, соединять, связывать. Отсюда первоначальное значение понятия «общество» – общность, союз, сотрудничество. Не всякая общность людей является обществом, но любое общество – это так или иначе самоуправляемая общность. Термин «социальный» имеет значение общий, общественный, связанный с обществом.

В отечественной философии в самом широком значении «общество» рассматривается как понятие, применяемое к определению обособившейся от природы части материального мира. В более узком смысле «общество» – это объединение индивидов, социальных групп, общностей, являющихся результатом взаимодействия и совместной деятельности людей; также можно определить общество как совокупность людей, проживающих исторически длительное время на одной территории, создавших собственную культуру и систему политического управления. Последняя часть определения («система политического управления») играет важную роль в понимании природы общества, так как предполагает наличие у индивидов, социальных групп, общностей политического сознания, политических ценностей и идеалов, что по сути предвосхищает создание государства, поскольку государство представляет собой не механическое соединение индивидов, а социальный институт, который возникает в результате осознания людьми своего культурного, политического, цивилизационного единства в целях организации внутренней политической жизни общества и его защиты от внешних угроз.

Создание у будущего сотрудника органов внутренних дел общей картины социальной реальности безотносительно к какому-либо обществу или государству является главной целью изучения социальной философии, задачей которой является раскрытие природы (сущности) общества. Социальная философия не рассматривает конкретную действительность общественной жизни, а устанавливает нормы в качестве социального нормативного учения [1, с. 59]. Наличие такой общей модели функционирования социального организма является необходимым условием для понимания глубинных причин как позитивной динамики развития общества, так и его патологических изменений, служащих питательной почвой для появления и развития криминальных явлений.

Философский смысл понятия общества состоит в определении типа связей индивидов в единое целое. В истории философской мысли можно выделить три основных подхода к объяснению социальных связей и закономерностей: 1) натуралистический подход, рассматривающий общество как естественное продолжение закономерностей природы и космоса; 2) идеалистический подход, который рассматривает сущность связей, объединяющих людей в единое целое в контексте определенных идей, верований, мифов; 3) философский анализ межличностных (экзистенциальных) связей и отношений, рассматриваемых в качестве приоритетных при определении характера и типа общества.

Структура общества в широком значении в отечественной социально-философской традиции раскрывается через основные сферы общественной жизни – материально-производственную, политическую и духовную. В узком значении в структуре общества выделяют социальные организации, группы и общности, которые являются предметом изучения социологии. Отдельные авторы, в частности В. С. Барулин [2], настаивают на выделении четвертой сферы общества – социальной, включая в ее содержание общности людей (классы, этносы и т. п.). Думается, для выделения такой сферы общественной жизни нет достаточных оснований. Если указанные выше три сферы выделяются на основании различия характера и результатов деятельности людей, то для социальной сферы такой критерий не подходит – она создает картину общества с позиции его деления на социальные группы. Таким образом, выделение наряду с материально-производственной, политической, духовной еще и социальной сферы логически не оправдано, тем более, что все эти сферы являются социальными в широком смысле.

Сферу материально-производственной жизни общества К. Маркс считал основной, определяющей все остальные сферы. «В общественном производстве своей жизни, – пишет К. Маркс,

– люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [3, с. 6-7]. Видимо, она является правильной для анализа такого состояния общества, когда в нем большинство составляют люди, преимущественно ориентированные на удовлетворение материальных потребностей. Экономический детерминизм К. Маркса в определенной степени оправдан, однако его нельзя абсолютизировать, ибо в истории есть периоды, когда духовный фактор выходит на первый план, производя социальные изменения мировых масштабов.

Главное содержание материальной жизни общества составляет производство материальных благ, которое предполагает наличие трех элементов: субъекта труда, средств труда и предмета труда, образующих производительные силы общества.

Субъектом труда является человек. В определенных случаях в качестве такового правомерно рассматривать трудовой коллектив или даже все человечество. Это зависит от задач философского или социологического анализа, но традиционно субъектом труда не считают животное или машину, которые рассматриваются как средства, а иногда, как предметы труда. Причину этого К. Маркс объяснял тем, что труд предполагает наличие сознания: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [4, с. 189].

Субъекту труда противостоит объект труда, который в отечественной литературе традиционно называют предметом труда. Им может быть любой объект, подлежащий обработке трудом – земля, полезные ископаемые, машины, животные и т. д. Для увеличения эффективности труда человек с древнейших времен применяет средства труда, в которые входят орудия труда, производственные помещения и др.

Предмет труда заставляет человека изменять средства труда на более совершенные, однако, изменяя средства труда, он изменяется и сам. Суфии и буддисты считают это главным результатом труда. В отдельных суфийских школах практиковался следующий прием воспитания «совершенного человека» (суфийский термин): учитель давал задание ученику получить золото из фосфора или другого элемента. При этом сам он знал, что это невозможно, но его целью было не золото, а человек: ученик, который в течение многих лет напряженно работал над этой проблемой, постепенно «переплавлял» свою личность в другую, более совершенную.

Буддийское учение о карме имеет тот же смысл: труд необходимо рассматривать, прежде всего, как средство самосовершенствования. Неважно, говорят буддисты, что человек, небрежно возделавший землю, получил плохой урожай хлеба. Гораздо важнее то, что этот человек небрежно относится к формированию своей личности: выбранный вариант поведения не поднимает его вверх, а опускает на низшие уровни бытия, где доминирует страдание.

Наряду с производительными силами в отечественной социальной философии рассматривается другое понятие – производственные отношения. «В производстве люди вступают в отношения не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью», – писал К. Маркс по этому поводу [5, с. 441]. Производственные отношения делят на четыре вида: 1) возникающие по поводу владения средствами производства; 2) связанные с распределением продукта производства; 3) связанные с потреблением; 4) связанные с обменом.

Для философии важное значение имеет антропологическая сторона этого вопроса, которая, на наш взгляд, заключается в следующем: производственные отношения являются сильнейшим средством формирования и изменения личности. Повторяющиеся ежедневно в течение всего рабочего дня одни и те же отношения между людьми не могут пройти бесследно для человека. Они постепенно проникают в него, становятся его сущностной характеристикой, превращаясь в меру отношений с людьми также в непроизводственной сфере – быту, политики, права, морали и т. д. Например, нездоровые формы отношений между людьми в сфере материального производства являются матрицей для

«выплавки» патологических форм отношений между ними в других сферах. В условиях нарушения правовых, экологических, технологических норм в сфере материального производства у работников формируется низкий уровень культуры труда, вырабатывается правовой нигилизм и просто привычка нарушать, которая сказывается в их повседневном поведении, которое тоже становится ненормальным. Как справедливо отмечает Р.Ю. Рахматуллин: «Корни большинства проблем, связанных с нарушением норм права и морали, думается, следует искать именно в патологии производственных отношений» [6, с. 185].

Выше уже было отмечено, что, совершенствуя технологию, человек изменяет и самого себя. Мы есть то, что мы делаем и как делаем. Это положение детально исследовано в психологическом учении об интериоризации. С этой точки зрения оказывается, что большая и самая важная часть психики человека представляет собой перенесенные во внутренний мир (в сферу сознания) практические, прежде всего, трудовые действия. Схемы мыслей и теорий есть по сути психическое выражение схем практической деятельности человека, поэтому материальная деятельность изменяет не только то, на что она направлена, но и самого носителя деятельности.

Материально-производственная сфера влияет на человека и с другой стороны. Достаток продуктов материального производства открывает возможности для духовного совершенствования личности. Человек, не отягощенный повседневными проблемами поиска пищи и других условий жизни, может направить свои силы и способности в область науки, религии, искусства. Платон и Аристотель, Конфуций и Гёте, А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой не принадлежали к бедным слоям населения и имели все возможности для плодотворной духовной работы. В тоже время, следует отметить, что такая духовная деятельность требует важной предварительной подготовки, а именно формирования нравственных идеалов и ценностей личности, цели и смысла жизни, без чего материальное благополучие может обернуться для человека злом. Ведь, как тонко подметил Ф.М. Достоевский, «Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить» [7, с. 215].

Список литературы:

[1] Булатова, З. А. Социальные нормы в системе источников конституционного права / З. А. Булатова // Право и государственность. – 2024. – № 1(2). – С. 58-62. – EDN AONJZR.

[2] Барулин В.С. Социальная философия : учебник. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2002.

[3] Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М. : Государственное издательство политической литературы, 1959.

[4] Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960

[5] Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.

[6] Рахматуллин Р.Ю. Философия : курс лекций. Уфа, 1998.

[7] Достоевский Ф.М. Великий инквизитор // Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Элиста: Джангар, 1993.

References:

[1] Bulatova, Z. A. Social norms in the system of sources of constitutional law/Z. A. Bulatova//Law and statehood. – 2024. – № 1(2). - S. 58-62. – EDN AONJZR.

[2] Barulin V.S. Social philosophy: textbook. M.: FAIR PRESS, 2002.

[3] Marx K. To critique of political economy. Foreword//Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. T. 13. M.: State Publishing House of Political Literature, 1959.

[4] Marx K. Capital//Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. VOL. 23. M.: State Publishing House of Political Literature, 1960

[5] Marx K. Wage labor and capital//Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. T. 6. M.: State Publishing House of Political Literature, 1957.

[6] Rakhmatullin R.Yu. Philosophy: a course of lectures. Ufa, 1998.

[7] Dostoevsky F.M. Grand Inquisitor//Dostoevsky F.M. Brothers Karamazov. Elista: Jangar, 1993.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-55-58

ГОЛЯНДИН Николай Петрович,
профессор кафедры специальных дисциплин СКИ(ф) КрУ МВД России, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: mail@law-books.ru

КАНГЕЗОВ Марат Русланович,
начальник кафедры специальных дисциплин СКИ(ф) КрУ МВД России, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: mail@law-books.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Аннотация. *В статье на основе исследования генезиса и современного состояния социальной напряжённости и степени протестной активности в Северо-Кавказском регионе выявлены общие тенденции и их региональные особенности. Прогнозируется вероятностное снижение уровня протестной активности населения с возможными кратковременными всплесками социальной напряженности, спровоцированными конкретными обстоятельствами и активизацией использования информационно-телекоммуникационные технологии для распространения недостоверных сведений (фейков) деструктивными элементами. Отмеченные обстоятельства обусловливают необходимость оперативного реагирования и принятие превентивных мер со стороны правоохранительных органов, направленные на предупреждение несанкционированных протестных акций путем своевременного устранения факторов, способствующих росту социальной напряженности.*

Ключевые слова: *социальная напряженность, протестная активность, Северный Кавказ, правоохранительные органы, превентивные меры, профилактика.*

GOLYANDIN Nikolay Petrovich,
professor of the department of special disciplines North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D., docent

KANGEZOV Marat Ruslanovich,
head of the department of special disciplines North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D., docent. Police Colonel

CURRENT STATE AND FORECASTING ASSESSMENTS OF PROTEST TENDENCIES IN THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

Annotation. *Based on a study of the genesis and current state of social tension and the degree of protest activity in the North Caucasus region, the article identifies general trends and their regional characteristics. It predicts a likely decrease in the level of protest activity among the population, with possible short-term spikes in social tension caused by specific circumstances and the increased use of information and telecommunication technologies by destructive elements to spread false information (fake news). These circumstances necessitate prompt response and preventive measures by law enforcement agencies to prevent unauthorized protests by timely addressing the factors contributing to social tension.*

Key words: *social tension, protest activity, North Caucasus, law enforcement agencies, preventive measures, and prophylaxis.*

В ходе общественного развития неминуемо возникают проблемы, решение которых сопряжено с определенными сложностями. Неудовлетворенность потребностями субъектов общественной жизни во все исторические периоды развития общества служили и служат ключевым фактором, порождающим социальную напряженность и протестную активность населения.

На Северном Кавказе в период 1990-1996 годов произошло несколько крупных политических, социально-экономических, этнорелигиозных и криминальных конфликтов. Они затронули практически все субъекты региона. Наиболее сложная ситуация сложилась в Чеченской Республике.

В период чеченского кризиса практически всё русскоязычное население. а также турки-месхетинцы, греки, немцы, евреи и представители других этнических групп, были вынуждены покинуть республику. Эвакуация населения осуществлялась в срочном порядке, и большинство беженцев направилось в Буденовский, Курский и Кировский районы Ставропольского края.

По оценкам специалистов, с 1995 по 2005 год через территорию Ставрополья прошло около семисот тысяч мигрантов, из которых более 260 тысяч человек остались жить в регионе. Массовая миграция, совместно с общим социально-экономическим кризисом 1990-х годов, привела к обострению социальных и экономических проблем в Ставропольском крае. Это, в свою очередь, способствовало росту межэтнической напряжённости. Согласно данным Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества, с 1991 по 1997 год на территории края было зарегистрировано около 50 межнациональных конфликтов. С 1998 по 2005 год количество подобных конфликтов оставалось значительным [1].

В начале девяностых годов все субъекты Северо-Кавказского федерального округа столкнулись с серьёзным вызовом, обусловленным нестабильной ситуацией в Чеченской Республике и нерешенными вопросами территориальных претензий между субъектами национальных республик.

В этот период в Республике Дагестан возникли сложные проблем в сфере межэтнических отношений, которые ранее находились в латентном состоянии, эскалировали и привели к возникновению новых конфликтов. В результате этого среди ряда народов Дагестана произошли столкновения из-за вопросов землепользования, прозвучали требования о создании кумыкской и лезгинской автономий в составе республики, в городах Дербенте и Кизляре наблюдались столкновения между лезгинами и азербайджанцами, а также между казаками и национальными движениями горцев. В городе Кизилюрте конфликт разгорелся между правоохранительными органами и казачьим движением [2].

Несмотря на кратковременный всплеск межнациональных напряжений в начале 1990-х годов, Дагестан столкнулся с новой волной социальных потрясений. Вместо межэтнических конфликтов, возникли конфликты внутри этнических групп, порожденные острыми социальными противоречиями.

Социальная напряженность, вызвавшая протестные акции в рассматриваемый период не минула территорию Кабардино-Балкарии. В конце сентября 1992 года многодневные массовые митинги под националистическими лозунгами в Кабардино-Балкарии переросли в прямые столкновения митингующих с силовыми структурами в г. Нальчике. В ходе переговоров с представителями оппозиции руководству республики и командованию удалось достичь мирного разрешения ситуации без применения силы.

Вооруженные конфликты между представителями ингушской и осетинской диаспорами произошли в октябре - ноябре 1992 года, которые унесли жизнь с обоих сторон более 400 человек, а основная часть ингушского населения вынуждена была покинуть Пригородный район и переселится на территорию Ингушетии. Ситуация была урегулирована лишь после открытого вмешательства российских вооружённых сил, введенных в Пригородный район 1 ноября 1992 года.

На протяжении долгого времени между республиками сохранялись напряженные отношения, а некоторые вопросы до сих пор требуют своего разрешения.

Более десяти лет федеральный центр и республики Северного Кавказа прилагали усилия по достижению этнополитической стабильности, ликвидации очагов напряженности, в том числе сепаратистского режима в Чечне, укреплению общественного порядка и экономической устойчивости, а также росту доходов населения.

К середине 2000-х годов эти меры принесли позитивные результаты. Однако наряду с положительными тенденциями регион столкнулся с негативными явлениями, отчасти обусловленными деструктивными процессами, которые усилились в ходе системного кризиса конца XX века.

Наиболее очевидным из них стало резкое усиление террористического подполья во второй

половине 2000-х годов Дальнейшее возрастание социально-политической напряженности в республиках Северо-Кавказского региона напрямую коррелируется с увеличением террористической активности, которая актуализировалась вскоре после проникновения в регион идеологии радикального исламизма, адепты которой прилагают свои усилия к свержению здесь конституционного строя государства и установлению теократического режима путем прямого насаждения исламского религиозного права (шариата).

В период с 2004 по 2010 годы в Чечне, Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии наблюдался рост террористической активности. Зафиксированы случаи совершения нападений на Назрань (июнь 2004 года), Грозный (август 2004 года), Беслан (сентябрь 2004 года), Нальчик (октябрь 2005 года). В период с 2010 по 2013 год Дагестан стал эпицентром террористической активности на Северном Кавказе. Постепенное сокращение террористических актов в регионе связано с решительными мерами силовых структур по подавлению боевиков [3].

События 2018-2020 гг. показали, что общая неудовлетворенность уровнем жизни, обострившая в силу пандемического кризиса, а также манипуляторные информационные поводы негосударственных СМИ, в том числе выполняющих функции иностранного агента или организаций, являющихся экстремистскими, изменили формы и детерминанты социальной напряженности и протестных настроений как в целом в Российской Федерации, так и в отдельных регионах. Вместе с тем, события начала 2020 года продемонстрировали то, что угроза социальных взрывов существует в первую очередь в отдельных регионах Северо-Кавказского федерального округа, где помимо социальной напряженности присутствовали выраженная этнокультурная напряженность и тенденции к сепаратизму.

В 2020-2021 годах в исторически полиэтнических регионах Северного Кавказа возникла опасность активизации протестных настроения, обусловленных этно-социальной напряженностью.

Анализ состояния протестной активности на территории Северо-Кавказского федерального округа в 2022-2025 годах показал, что ситуация остается сложной, но контролируемой сотрудниками правоохранительных органов.

Результаты анализа данных о протестной активности в Северо-Кавказском федеральном округе в период с 2022 года по настоящее время позволяют определить некоторые тенденции.

Во-первых, общее количество публичных акций имеет последовательно отрицательную динамику в 2022-2024 годах. Однако количество участников этих акций демонстрирует обратную тенденцию – резкое увеличение в 2023 г. после чего снова последовал спад.

Во-вторых, абсолютное большинство публичных акций, проводившихся в анализируемом периоде, имели протестное содержание, а каждая третья акция не была согласована с органами местной власти.

В-третьих, «лидером» по количеству протестных проявлений среди субъектов Северо-Кавказского федерального округа в течение всего анализируемого периода оставалась Республика Дагестан. Существенно меньшее их количество было проведено в Ставропольском крае и в Кабардино-Балкарской Республике. Традиционно низким является уровень протестной активности в Северной Осетии – Алании, Карачаево-Черкессии, Ингушетии и Чеченской Республике.

В-четвертых, в СКФО наиболее распространенными видами протестных проявлений являются одиночные пикеты. При этом, на протяжении рассматриваемого периода подавляющее большинство протестных инициатив реализовывалось гражданами единолично.

В-пятых, характерной особенностью Северо-Кавказского региона является то, что с 2002 по 2024 годы к проведению протестных проявлениях привлекались несовершеннолетние только в единичных случаях.

Анализ приведенной выше информации позволяет с большой долей уверенности прогнозировать дальнейшее снижение уровня протестной активности на территории Северо-Кавказского федерального округа. Вместе с тем, сложная социально-экономическая ситуация, вызванная безработицей, снижением уровня жизни части населения из-за введенных западными странами санкций на фоне высокой коррупционной составляющей среди чиновников среднего и высшего звена может ситуативно провоцировать эпизодическое повышение уровня социальной напряженности и, как следствие, протестных проявлений [4].

При этом, деструктивные элементы будут все больше использовать информационно-телекоммуникационные технологии для распространения недостоверных сведений (фейков), направленных на повышение социальной напряженности, особенно среди молодежи. В качестве основных информационных поводов для нагнетания социальной напряженности и стимулирования протестных настроений граждан будут предприняты попытки использовать следующие острые проблемы: тенденциозное освещение дел лиц, привлеченных к ответственности за административные правонарушения и уголовные престу-

пления, особенно в контексте Специальной военной операции на Украине; нерешенные территориальные вопросы (Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия) – потенциальные очаги межнациональной напряженности и межэтнических столкновений; незаконное распределение земельных участков и нелегальная застройка в Дагестане, Ингушетии и Северной Осетии; неудовлетворительное состояние инфраструктуры и ЖКХ (мусорные скандалы в Дагестане, газовые протесты в Карачаево-Черкессии, проблемы с водоснабжением в Ингушетии). Следует отметить, что перечисленные факторы создают благоприятную почву для деструктивной деятельности и требуют усилий по предотвращению негативных последствий.

Список литературы:

[1] Мамаев М. И. Миграционные процессы этнических меньшинств на Северном Кавказе в конце XX — начале XXI века. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-protsessy-etnicheskih-menshinstv-na-severnom-kavkaze-v-kontse-xx-nachale-xxi-veka. (Дата обращения: 29.09.2025).

[2] Дзидзоев В.Д. О необходимости совершенствования политики Российской Федерации на Северном Кавказе в начале XXI века (политологический анализ) //Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова Общественные науки 2012, № 3. С.46-47.

[3] Ешеров А.Г., Голяндин Н.П. Актуальные проблемы борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма на Северном Кавказе. В сборнике: Противодействие преступности: актуальные проблемы теории и практики. Материалы XXVII Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024. С. 112-116

[4] Ешеров А.Г., Голяндин Н.П. Анализ генезиса детерминант социальной напряженности и протестной деятельности в субъектах Северо-Кавказского федерального округа //Российский научный вестник. № 4, 2025. С. 34-37.

References:

[1] Mamaev M. I. Migration processes of ethnic minorities in the North Caucasus at the end of the 20th - beginning of the 21st centuries. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-protsessy-etnicheskih-menshinstv-na-severnom-kavkaze-v-kontse-xx-nachale-xxi-veka. (Accessed: 29.09.2025).

[2] Dzidzoev V.D. On the need to improve the policy of the Russian Federation in the North Caucasus at the beginning of the XXI century (political science analysis)//Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov Social Sciences 2012, No. 3. S.46-47.

[3] Esherov A.G., Golyandin N.P. Actual problems of combating manifestations of extremism and terrorism in the North Caucasus. In the collection: Countering crime: current problems of theory and practice. Materials of the XXVII International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2024. S. 112-116

[4] Esherov A.G., Golyandin N.P. Analysis of the genesis of the determinants of social tension and protest activity in the subjects of the North Caucasus Federal District//Russian Scientific Bulletin. № 4, 2025. S. 34-37.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-59-63

ЧЕРБИЖЕВА Фердовс Юсуповна,
Магистрант юридического факультета,
e-mail: mail@law-books.ru

АУШЕВ Муслим Ахмедович,
Старший преподаватель
кафедры «Теория государства и права»
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ ИНГУШЕТИЯ

Аннотация. *Предлагаемая статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов деятельности института уполномоченного по правам человека в одном из субъектов Российской Федерации – Республике Ингушетия. Автор раскрывает некоторые аспекты процесса формирования и современное состояние института уполномоченного по правам человека на республиканском уровне. В начале статьи кратко излагаются предпосылки становления института уполномоченного по правам человека, которые сложились после Второй мировой войны и сыграли значительную роль в развитии данного феномена и его распространении на большинство государств, включая Российскую Федерацию. Автор останавливает свое внимание на ряде общих аспектов деятельности регионального уполномоченного: его конституционно-правовом статусе, компетенциях, задачах и основных формах работы, а также указывает на особенности, присущие деятельности данного института в Республике Ингушетия. Потребность в рассмотрении характеристических особенностей связана, во-первых, с культурным своеобразием региона, во-вторых, с недостаточной разработанностью данной темы в науке, возможно, в силу ее узкого характера. Целью статьи является рассмотрение того, как складывалась нормативно-правовая база, обеспечивающая деятельность омбудсмена в Республике Ингушетия, и текущего положения данного института. Автор формулирует задачи деятельности республиканского уполномоченного, характеризует основные направления его работы, раскрывая региональную специфику, в частности связанную с проживанием значительной части населения в отдаленных районах республики. Кроме того, в статье рассмотрены формы и механизмы взаимодействия уполномоченного по правам человека Республики Ингушетия с федеральным омбудсменом и отмечены наиболее эффективные пути такого взаимодействия. Делается вывод о том, что только совместная деятельность федерального и регионального уполномоченного будет способствовать своевременному и комплексному реагированию на обращения граждан.*

Ключевые слова: *уполномоченный по правам человека; региональный омбудсмен; правовое общество; конституционно-правовой статус; направления деятельности; рабочий аппарат; личный прием.*

CHERBIZHEVA Ferdovs Yusupovna,
Master's student of the Faculty of Law

AUSHEV Muslim Akhmedovich,
Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law Ingush State University

THE FORMATION AND CURRENT STATE OF THE INSTITUTE OF THE HUMAN RIGHTS COMMISSIONER IN THE REPUBLIC OF INGUSHETIA

Annotation. *This article examines some aspects of the work of the human rights ombudsman in one of the constituent entities of the Russian Federation – the Republic of Ingushetia. The author explores some aspects of the formation and current status of the human rights ombudsman institution at the republican level. The article begins with a brief overview of the preconditions for the establishment of the human rights ombudsman institution, which emerged after World War II and played a significant role in the development of this phenomenon and its spread to most states, including the Russian Federation. The author focuses on a number of general aspects of the regional ombudsman's work: their constitutional and legal status, competencies, tasks, and primary modes of operation, and also highlights the specific features of this institution in the Republic of Ingushetia. The need to examine these characteristics is due, firstly, to the cultural uniqueness of the region and, secondly, to the insufficient research on this topic, possibly due to its narrow nature. The purpose of this article is to examine the development of the legal framework supporting the ombudsman's activities in the Republic of Ingushetia and the current status of this institution. The author outlines the objectives of the republic's ombudsman and outlines the main areas of his or her work, highlighting regional specifics, particularly those associated with the significant population living in remote areas of the republic. Furthermore, the article examines the forms and mechanisms of interaction between the Human Rights Commissioner of the Republic of Ingushetia and the federal ombudsman, highlighting the most effective methods of such collaboration. It is concluded that only joint efforts by the federal and regional ombudsmen will facilitate a timely and comprehensive response to citizens' requests*.

Key words: *human rights commissioner; regional ombudsman; legal society; constitutional and legal status; areas of activity; employees of the commissioner's office; personal appointment.*

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., гласит, что права человека «являются неотъемлемым достоянием всех людей, без какого бы то ни было различия на основании расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения или любого иного аспекта». Но если ключевые права (на жизнь и свободу) соблюдаются, то соблюдение остальных оказывается не столь безусловным. При несоблюдении прав возникает необходимость в их защите, поскольку человек не всегда в состоянии справиться с этой задачей самостоятельно. Одним из гарантов соблюдения прав человека в значительном числе стран, включая Российскую Федерацию, является институт уполномоченного по правам человека. Причем именно уполномоченный по правам человека ближе всего к народу в силу простоты, доступности и безвозмездного характера обращения к нему. В настоящее время с развитием информационно-коммуникационных технологий возможности непосредственного обращения к уполномоченному по правам человека значительно расширились за счет использования электронной почты, сайта, структуры МФЦ, сохранив и традиционные способы – письмом по почте, личное обращение. В то же время наиболее важным является не многообразие доступных гражданам способов обращения к уполномоченному по правам человека, а их быстрое и объективное рассмотрение, обеспечивающее принятие эффективных мер по защите прав и свобод человека. Учитывая особенности федеративного устройства нашего государства, а также неуклонно увеличивающееся количество обращений граждан к федеральному уполномоченному, очевидно, что в масштабах страны недостаточно лишь федерального омбудсмена. Кроме того, федеративный характер предполагает наличие у субъектов широкого спектра прав и возможностей для их реализации, в том числе и за счет деятельности института уполномоченного по правам человека на региональном уровне. С учетом вышеизложенного цель данной статьи заключается в рассмотрении становления, современного состояния и особенностей деятельности уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия.

В качестве небольшого экскурса в историю укажем основные вехи становления института уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия. Существование данной должности ведет отсчет 24 марта 2003 года, когда был принят республиканский закон № 14-РЗ «Об уполномоченном по правам человека в Республике Ингушетия» (утратил силу). Следует заметить, что в Конституции республики, принятой в феврале 1994 г. отдельная статья об уполномоченном по правам человека отсутствует, и закреплены лишь общие гарантии защиты прав и свобод граждан (ст. 44 и 45). В январе 2017 г. был принят текущий республиканский закон «Об уполномоченном по правам человека». Эти законодательные акты создали в республике нормативно-правовую основу института уполномоченного по правам человека, определили его основные задачи и статус.

В настоящее время структура института уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия включает самого омбудсмена,

его рабочий аппарат, состоящий из одного отдела (по работе с обращениями граждан и восстановлению нарушенных прав) и двух секторов (правового просвещения граждан и информационно-аналитической работы). Каждый из компонентов этой структуры обладает собственными функциями, что в комплексе обеспечивает деятельность института уполномоченного как целостной системы. Непосредственные направления деятельности республиканского омбудсмена – это работа с жалобами и обращениями, связанными с нарушением прав и свобод человека, поступившими от граждан; принятие по собственной инициативе мер по устранению массовых и грубых нарушений прав и свобод при получении информации о них; осуществление анализа законодательства разного уровня по вопросам прав человека и гражданина; выполнение подготовки и оказание правовой помощи в реализации законодательных инициатив и рекомендаций по совершенствованию республиканского законодательства; работа в направлении правового просвещения граждан в сфере своей компетенции; формирование ежегодного и специальных докладов; информирование органов государственной власти и общественности о состоянии дел с соблюдением прав в Ингушетии; направление замечаний и предложений общего характера, относящихся к обеспечению прав и свобод человека, в различные органы и должностным лицам; взаимодействие с указанными органами и различными неправительственными правозащитными организациями; развитие межрегионального и международного сотрудничества в сфере прав человека [1].

Еще одна характерная черта деятельности уполномоченного по правам человека в республике связана с географическими особенностями региона, спецификой быта и культуры. В связи с этим для обеспечения дополнительных гарантий защиты прав для граждан, которые проживают в отдаленных районах Республики Ингушетия, уполномоченный проводит личные приемы граждан в районных администрациях [2].

Рассматривая особенности деятельности уполномоченного по правам человека в Ингушетии, следует остановиться на таком моменте, как его доступность для связи гражданам. Поясним: несмотря на то, что интернет прочно вошел в современную жизнь во всех ее сферах, далеко не всегда заявленные возможности информирования и связи реализуются в жизни. И вот здесь обращает на себя внимание активное использование современных информационно-коммуникационных технологий институтом уполномоченного в Республике Ингушетия. Так, на сайте уполномоченного представлена вся необходимая информация о его деятельности и ее результатах, актуальные новости и обширный архив. Кроме того, для граждан открыта возможность обращения не только через официальные информационные платформы, но и через сообщества в социальных сетях (ВКонтакте, Телеграм), что, безусловно, повышает доступность обращения граждан, уменьшает время отклика и способствует более быстрому решению вопросов, относящихся к компетенции уполномоченного по правам человека в республике.

Важным аспектом деятельности республиканского омбудсмена является и его взаимодействие с федеральным уполномоченным, поскольку, как было отмечено ранее, в масштабах России и при ее федеративном устройстве решение вопросов напрямую из центра значительно снижает эффективность подобных действий. Заметим, что необходимость такой взаимосвязи подчеркивается непосредственно в федеральном конституционном законе «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». В частности, ст. 36.2 предполагает следующие действия со стороны федерального уполномоченного: оказание региональным уполномоченным организационной, правовой, информационной и другой помощи; создание совета уполномоченных как консультативного и совещательного органа по правам, включающего в свой состав представителей всех федеральных округов из числа региональных омбудсменов.

Фактически это право федерального уполномоченного как раз указывает на необходимость осуществления взаимодействия с уполномоченными в субъектах Российской Федерации. Вопрос заключается в том, какие именно формы может принимать такое взаимодействие, чтобы обеспечить эффективную реализацию и защиту прав человека как в каждом из регионов, так и суммарно на всей территории Российской Федерации. С точки зрения Т.Н. Москальковой, формы такого сотрудничества охватывают практически весь спектр деятельности, включая в себя: рассмотрение обращений и совместный прием граждан; работу координационных советов и проведение других совместных мероприятий; включение региональных уполномоченных в международное сотрудничество и деятельность по совершенствованию законодательства о правах человека; правовое просвещение и обмен информацией; укрепление института государственной правозащиты [3, с. 29].

В то же время, несмотря на логичность подобного сотрудничества, взаимодействие между указанными структурами складывалось не сразу. В частности, А.А. Котенков на основании материалов 38-го заседания Государственной

Думы Федерального Собрания, состоявшегося в июле 1996 г. (до принятия федерального конституционного закона) отмечал, что хотя координационные советы в качестве объединяющих форм работы уполномоченных разных уровней были «жизненным начинанием», в указанном законе механизмы взаимодействия не были установлены. Более того, закон даже не разграничивал полномочия федерального и региональных уполномоченных. Учитывая то, что рассмотрение обращений граждан привело к пониманию актуальности такого взаимодействия, уже на стадии принятия федерального конституционного закона началось обсуждение подходов к взаимодействию [4]. Речь шла о том, чтобы выработать согласованную политику по разным аспектам защиты прав и свобод человека, разработке предложений, направленных на совершенствование законодательства и другим вопросам регионального и федерального значения. Именно поэтому создание в 2010 г. координационного совета в Северо-Кавказском округе, включающем Республику Ингушетия, стало закономерным откликом на этот запрос.

Кроме того, региональным уполномоченным требовалась организационная и методическая поддержка со стороны федерального омбудсмена, что стало возможным с принятием в апреле 2015 г. федерального закона № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека». Унифицировав те положения, в которых присутствовали разночтения в регионах, закон закрепил общефедеральные нормы «внутри правозащитного сообщества российских омбудсменов» [3, с. 30]. Т.Д. Зражевская отмечает, что новеллы закона 2015 г. обеспечили условия для распространения института уполномоченных на все регионы, однако законодательное оформление их деятельности по-прежнему оставалось не вполне завершенным [5, с. 8]. Логическим завершением стало принятие 18 марта 2020 г. федерального закона, предоставившего всем гражданам равные возможности по защите прав и свобод, независимо от места проживания. Т.Н. Москалькова, характеризуя этот закон, отмечает, что он обеспечил создание в нашей стране полноценной «двухуровневой системы правозащитной деятельности», с одной стороны обеспечивающей параллельный и независимый характер деятельности федерального омбудсмена и региональных уполномоченных, с другой – создающей между ними тесную взаимосвязь [3, с. 34].

Подводя итог рассмотрению деятельности института уполномоченного на примере Республики Ингушетия, следует отметить широкий спектр полномочий, задач и направлений деятельности на уровне регионов. За более чем двадцатилетний период существования в Республике Ингушетия института уполномоченного по правам человека сложились его правовые основы, включающие законодательную базу федерального и республиканского уровня, сформировалась концепция его деятельности, а также взаимодействия с властными структурами. На республиканском уровне законодательная база представлена конституцией Республики Ингушетия, республиканскими законами и иными нормативно-правовыми актами республики. Такая полнота правовой базы обеспечила своевременное реагирование на нарушения прав человека и принятие мер по их защите и восстановлению. Этому способствует и четко выверенная структура аппарата уполномоченного, включающая отдел по работе с обращениями граждан и восстановлению нарушенных прав, сектор правового просвещения граждан и сектор информационно-аналитической работы, каждый из компонентов которой в процессе реализации собственных функций способствует комплексному обеспечению деятельности института уполномоченного по правам человека.

Список литературы:

[1] Общая информация об институте уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия [Электронный ресурс]. URL: https://upch-ingushetia.ru/common_info (дата обращения 30.10.2025).

[2] Уполномоченный по правам человека в Республике Ингушетия провел личный прием граждан в администрации Джейрахского района [Электронный ресурс]. URL: https://ombudsmanrf.org/press_centre/news/d9258952-6cb9-476d-9fbd-d0e0bc72640d (дата обращения 30.10.2025).

[3] Москалькова Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 4. С. 23-44.

[4] Котенков А.А. Стенограмма 38-го заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 10 июля 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/94700301-1 (дата обращения: 30.10.2025).

[5] Зражевская Т.Д. Миссия уполномоченных по правам человека в организации общественного контроля как средство укрепления взаимодействия власти и гражданского общества в России // Конституционализм и государствоведение. 2019. № 1 (13). С. 6-10.

References:

[1] General information on the institution of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Ingushetia [Electronic resource]. URL: https://upch-ingushetia.ru/common_info (date of contact 30.10.2025).

[2] The Commissioner for Human Rights in the Republic of Ingushetia held a personal reception of citizens in the administration of the Dzheyrakhsky district [Electronic resource]. URL: https://ombudsmanrf.org/press_centre/news/d9258952-6cb9-476d-9fbd-d0e0bc72640d (date of contact 30.10.2025).

[3] Moskalkova T.N. Institute of Commissioners for Human Rights: yesterday, today, tomorrow//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina. 2021. № 4. S. 23-44.

[4] Kotenkov A.A. Transcript of the 38th meeting of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. July 10, 1996 [Electronic Resource]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/94700301-1 (access date: 30.10.2025).

[5] Zrazhevskaya TD Mission of Commissioners for Human Rights in Organizing Public Control as a Means of Strengthening the Interaction of Power and Civil Society in Russia//Constitutionalism and State Science. 2019. № 1 (13). S. 6-10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-64-66

ПОПОВИЧ Екатерина Петровна,
1 курс,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: ekaterina.popovich.a@gmail.com

ЮДИН Глеб Юрьевич,
2 курс,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: g.yudin@g.nsu.ru

ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКИ НОРМАТИВНОГО ДОГОВОРА

Аннотация. *В статье рассматривается нормативный договор как источник права, обладающий специфическими чертами, такими как письменная форма, многосторонний характер и содержание общеобязательных норм. Анализируются его отличия от нормативных правовых актов и индивидуальных договоров, подчеркивается добровольный характер принятия и исполнения. Приводятся классификации нормативных договоров по отраслям права, содержанию и сроку действия, отмечается их растущая роль в современном правовом регулировании, особенно в международном праве.*

Ключевые слова: *нормативный договор, источник права, классификация договоров.*

POPOVICH Ekaterina Petrovna,
1st Year Student Novosibirsk State University

YUDIN Gleb Yuryevich,
2nd Year Student Novosibirsk State University

CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF A NORMATIVE CONTRACT

Annotation. *The article examines the normative contract as a source of law, highlighting its specific features such as written form, multilateral nature, and inclusion of generally binding rules. It analyzes the distinctions between normative contracts, normative legal acts, and individual contracts, emphasizing their voluntary adoption and implementation. The classification of normative contracts by legal branches, content, and duration is presented, noting their growing role in modern legal regulation, particularly in international law.*

Key words: *normative contract, source of law, classification of contracts*.

Нормативный договор – это соглашение двух или более субъектов права, содержащее общеобязательные правила, юридические нормы. [1]

Нормативному договору как источнику права присущи следующие черты:

- письменный характер, для которого характерна определённая степень формализованности;
- направлен на регулирование общественных отношений;
- двухсторонний/многосторонний характер волеизъявления;
- согласованность и обособленность волеизъявлений субъектов;
- содержание в тексте договора нормативных положений;
- обязательность выполнения положений соглашения его субъектами.

Ю.А. Горшенева же предлагает выделить универсальные и специфические признаки нормативного договора. К универсальным следует

отнести: надлежаще оформленный акт, добровольно заключённый, универсальный правовой акт, самостоятельно существующий. К специфическим признакам: установление правовых норм для неопределённого круга лиц; специфика сторон – чаще всего носители публичной власти.

Что касается юридической силы нормативных договоров, считается, что они разностатусные, могут не иметь чётко закреплённого места в иерархии нормативных правовых актов, изданных договаривающимися субъектами как односторонние волеизъявления, и занимать нишу между ними. Например, при определении юридической силы внутрифедеральных договоров, можно предположить их соответствие федеральному законодательству и приоритет над законодательством субъекта России. Несмотря на сложность определения юридической силы нормативного договора, существование её как его свойства не вызывает сомнений.

Определение и признаки нормативного договора показывают его близость с нормативным правовым актом, который также содержит общие нормы права. Например, Л.А. Морозова считает, что по своей юридической природе нормативные договоры «занимают место, близкое к нормативным правовым актам, фактически дополняют, конкретизируют действующее законодательство, а в некоторых случаях служат средством разрешения юридических коллизий или восполнения пробелов в правовом регулировании общественных отношений». [2]

Но всё же существуют отличия нормативного договора от нормативного правового акта. Главное заключается в порядке принятия, которое при заключении договора требует правотворческих действий нескольких независимых друг от друга субъектов, и процедуры принятия – договорённости. Помимо этого, нормативный договор регулирует поведение только сторон, заключивших договор, а нормативный правовой акт – всех лиц, которые находятся в области его действия.

Следовательно, отличие нормативного договора от нормативного правового акта очевидно, и его нужно рассматривать как самостоятельную форму закрепления правовых норм.

Нормативный договор как источник права следует также отличать от правового договора как индивидуального юридического акта, например, договора купли-продажи, в котором устанавливаются не юридические нормы, а юридические права и обязанности чётко определённых субъектов. Нормативный договором как источником права является то соглашение субъектов права, которое содержит новые юридические нормы.

Классификация нормативных договоров на виды производится по различным критериям. Наиболее распространённым является их деление по отраслям права. [3]

В этой классификации, в первую очередь, выделяются нормативные договоры в конституционном праве. Например, Федеративный договор от 31.03.1992 «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации».

Также нормативные договоры выделяют в административном, трудовом, гражданском праве.

Существует классификация нормативных договоров по содержанию: договоры о компетенции и договоры о взаимодействии. Первые играют наибольшую роль в сфере конституционного и административного права, разграничивая предметы ведения государственных органов. Вторые широко распространены в области гражданского, трудового и финансового права, где сторонами этих договоров выступают разнообразные организации и индивидуумы.

В научной и учебной литературе выделены и иные критерии классификации нормативных договоров. Например, по действию во времени выделяют срочные и бессрочные нормативные договоры.

В последнее время роль договорного нормативного регулирования постоянно возрастает, поскольку нормативные договоры, заключаемые субъектами добровольно, исполняются ими, как правило, тоже добровольно, а значит не требуют применения принудительных мер. Особое значение нормативный договор как источник права имеет для международного права, поскольку единственным способом создания международно-правовых норм является согласование воли субъектов международного права.

Таким образом, нормативный договор — это соглашение двух или более субъектов права, содержащее общеобязательные правила, юридические нормы. Несмотря на схожесть с нормативным правовым актом и правовым договором как индивидуальным юридическим актом, нормативный договор содержит отличительные черты: двухсторонний/многосторонний характер волеизъявления, согласованность и обособленность волеизъявлений субъектов, обязательность выполнения положений соглашения его субъектами, установление юридических норм. Нормативные договоры классифицируются на виды по различным основаниям: по действию во времени, по отраслям права, по содержанию и другим критериям. Они получили своё распространение во многих отраслях права и являются одним из основных источников международного права.

Список литературы:

[1] Протасов В. Н. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов / В. Н. Протасов. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — С. 200.

[2] Морозова Л.А. Нормативный договор как источник права // Источники права: проблемы теории и практики: материалы международ. науч. конф. / отв. ред. В.М. Сырых. М., 2008. - С. 206.

[3] Дробышевский С.А. Формальные источники права / С. А. Дробышевский, Т. Н. Данцева. - Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 2011. – С. 107.

References:

[1] Protasov V.N. Theory of state and law: textbook and workshop for universities/V.N. Protasov. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. - S. 200.

[2] L.A. Morozova. Normative contract as a source of law//Sources of law: problems of theory and practice: materials of international. scientific. conf ./hole ed. V.M. Raw. M., 2008. - S. 206.

[3] Drobyshevsky S.A. Formal sources of law/S. A. Drobyshevsky, T. N. Dantseva. - Moscow: NORMA: INFRA-M, 2011. - S. 107.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-67-71

МАТВЕЕВА Екатерина Владимировна,
студентка Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: katya_matveeva_2006@mail.ru

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права и процесса,
Санкт-Петербургского университета Государственной
противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской
Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: mmimi1963@mail.ru

ЗАЩИТА ПРАВ НАСЛЕДНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *В статье представлен развернутый анализ особенностей, современных вызовов и механизмов защиты прав наследников в российском наследственном праве. Рассмотрены как общие, так и специальные способы защиты, специфика реализации права на защиту с учетом фаз наследственного правоотношения, проблемы нотариата и возможности судебной и досудебной защиты. Проведен сопоставительный анализ защиты имущественных и неимущественных прав наследников, затрагиваются вопросы интересов третьих лиц (кредиторов, отказополучателей). Приводится оценка эффективности действующего механизма и предложения по совершенствованию защиты прав наследников в современных реалиях.*

Ключевые слова: *наследственное право, наследник, защита прав, наследственная масса, наследственное правоотношение, способы защиты, наследование.*

MATVEEVA Ekaterina Vladimirovna,
student, St. Petersburg University
of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia
named after Hero of the Russian Federation,
General of the Army E.N. Zinichev

MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Administrative Law and Process,
St. Petersburg University of the State Fire Service
of the EMERCOM of Russia named after Hero
of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev

PROTECTION OF HEIRS 'RIGHTS IN MODERN CONDITIONS

Annotation. *The article presents a detailed analysis of the features, modern challenges and mechanisms for protecting the rights of heirs in Russian inheritance law. Both general and special methods of protection are considered, the specifics of the implementation of the right to protection, taking into account the phases of the inheritance relationship, the problems of the notary and the possibilities of judicial and pre-trial protection. A comparative analysis of the protection of property and non-property rights of heirs is carried out, issues of interests of third parties (creditors, beneficiaries) are raised. The article provides an assessment of the effectiveness of the current mechanism and proposals for improving the protection of the rights of heirs in modern realities.*

Key words: *inheritance law, heir, protection of rights, hereditary estate, hereditary legal relationship, methods of protection, inheritance.*

Введение

В последние годы трансформация гражданских и семейных отношений, а также существенное усложнение имущественного оборота, сопровождающиеся стремительным развитием правосознания граждан, неизбежно привели к значительному увеличению числа наследственных споров между гражданами и организациями, что существенно обострило вопрос эффективной защиты прав наследников в современных условиях. Все чаще в юридической практике наследственное правоотношение выступает не только в качестве формы универсального правопреемства имущества и иных благ после смерти гражданина, но и превращается в настоящую арену столкновения самых разнообразных и зачастую противоречивых интересов между разными лицами. В их числе прежде всего наследники различного круга, а также кредиторы наследодателя, отказополучатели по завещанию и иные субъекты, так или иначе вовлеченные в процесс наследования, каждый из которых стремится реализовать и отстоять свои права и законные интересы.

В результате становится очевидным, что современной наукой и правоприменительной практикой выдвигается все более настоятельная необходимость глубокого изучения, переосмысления сложившихся подходов к реализации и эффективному обеспечению юридической защиты прав лиц, вовлеченных в процесс наследования. Это, в свою очередь, требует комплексного научного анализа не только действующего законодательства, но и судебной практики, разработки новых юридических механизмов и инструментов, способных адекватно реагировать на вызовы современности, обеспечивать баланс интересов всех участников и способствовать справедливому и прозрачному разрешению наследственных споров [1].

Наследственное правоотношение возникает с момента открытия наследства, то есть с момента, когда происходит смерть гражданина либо когда вступает в законную силу решение суда о признании этого гражданина умершим. Именно с этого определённого момента времени наследники приобретают статус субъектов права на защиту. Это наделяет их возможностью реализовать свои права различными способами: принять наследство, отказаться от него, а также при необходимости использовать предусмотренные законом способы защиты и оспаривать действия иных лиц, которые могут посягать на их наследственные права. Важно отметить, что вопрос защиты прав и интересов наследников имеет особое значение, так как наследственные правоотношения нередко становятся предметом различных споров и конфликтных ситуаций между потенциальными наследниками или иными лицами, заинтересованными в результате распределения наследственной массы [2].

Правовая природа права на защиту в системе наследственных правоотношений определяется фундаментальными положениями российского конституционного права, закреплёнными в статье 46 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому человеку право на судебную защиту своих прав и свобод. Кроме того, аналогичные гарантии содержатся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в частности в статье 6, которая гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, и в статье 13, закрепляющей право на эффективные средства правовой защиты в случае нарушения прав. Эти базовые принципы реализуются и конкретизируются в отраслевом законодательстве Российской Федерации, прежде всего в нормах материального и процессуального права. В данном контексте особое значение имеют положения Гражданского кодекса РФ, в частности статьи 12, 1152, 1163 и другие, которые закрепляют конкретные способы защиты гражданских прав, регламентируют порядок принятия наследства, оформления наследственных прав и связанные с этим процессуальные вопросы [3].

Включение права на защиту в само содержание субъективного права наследника означает, что наряду с признанием лица субъектом наследственного правоотношения, он с момента возникновения такого статуса обладает возможностью самостоятельно выбирать способ реагирования на нарушения или оспаривание собственных прав со стороны третьих лиц. Наследник получает широкий спектр средств для выражения и отстаивания своей воли, начиная от возможности обращаться в компетентные органы (нотариат, суд), подготовки соответствующих заявлений, подачи исков и заканчивая использованием мирных способов разрешения конфликтов, в том числе переговоров, медиации или иных альтернативных процедур. Такой подход способствует реальному обеспечению баланса интересов всех участников наследственных правоотношений, формирует прочную гарантию справедливого и эффективного разрешения споров, а также реализует общеправовой принцип приоритета права личности на защиту своих интересов [4].

Таблица 1. Основные субъективные права наследника и способы их защиты

Субъективное право наследника	Основные способы защиты
Принятие наследства	Оспаривание отказа нотариуса, подача заявления о восстановлении срока принятия наследства, судебное признание наследником
Отказ от наследства	Оспаривание признания наследником по ошибке, судебное установление факта отказа
Получение свидетельства	Обжалование действий нотариуса, иск о признании права собственности в порядке наследования
Раздел наследства	Иск о разделе имущества, перераспределение долей
Получение компенсации	Требование денежной компенсации (например, по ст. 1155 ГК РФ)

В теории и судебной практике признано, что наследственное правоотношение имеет сложную и многостадийную структуру. Авторы выделяют разные этапы: до принятия наследства (охрана наследства, определение круга наследников, оспаривание завещания или оснований наследования) и после его принятия (оформление прав, раздел, защита от посягательств третьих лиц).

Следствием является возникновение различных объектов и способов юридической защиты на каждом из этапов. До принятия наследства чаще всего преобладают меры, направленные на сохранение наследственного имущества и предотвращение его утраты или отчуждения. После принятия – возобновление прав наследника, устранение препятствий для реализации его прав.

Таблица 2. Примеры правонарушений и способов защиты на разных стадиях наследственного правоотношения

Этап	Типичные нарушения	Возможные способы защиты
До принятия наследства	Попытка сокрытия части имущества, недопуск к имуществу, отказ в признании наследником	Обращение к нотариусу для охраны наследства, судебное установление круга наследников, иск о выделе доли
После принятия наследства	Отказ в оформлении прав, затягивание нотариусом действий, оспаривание прав другими лицами	Судебное признание права собственности, иск о перераспределении долей, иск о признании завещания недействительным

Эти аспекты обусловливают требования к специфике мер защиты на каждом этапе наследственного правоотношения.

Все способы защиты можно разделить на общие (универсальные, применимые в большинстве гражданско-правовых споров) и специальные (свойственные только наследственному праву). Способы охраны закреплены как в общем перечне (ст. 12 ГК РФ), так и в специальных нормах наследственного, семейного и процессуального права [5].

К ним относятся признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, восстановление имущественного положения за счет компенсации, признание недействительным решения, взыскание убытков, устранение препятствий в реализации права и др. Выбор способа защиты определяется характером нарушения, стадией процесса наследования и интересом лица.

В наследственных спорах применяются и уникальные способы, призванные обеспечить

защиту прав и законных интересов участников наследственных правоотношений. Среди таких способов можно выделить следующие:

- Иски о признании наследником.
- Требования о признании завещания (или его отдельной части) недействительным.
- Иски об изменении очередности наследования подаются в ситуации.
- Иски о перераспределении наследственной массы.
- Заявления о восстановлении срока принятия наследства по уважительным причинам.
- Требования о применении мер к охране наследственного имущества [6].

В юридической доктрине и практике существует дискуссия – является ли перечень способов защиты прав (ст. 12 ГК РФ) закрытым, либо допускает расширенное толкование. Примерно равное число судебных актов допускает возможность использования иных, не названных в законе мер, в случае если они не противоречат праву. Это положение исключительно важно в наследственных делах, обладающих высоким уровнем казуистики.

Судебная защита является традиционно основным способом восстановления нарушенных или оспариваемых прав. Ее институты включают гражданское, арбитражное и административное судопроизводства.

Чаще всего наследники вынуждены обращаться в суд в случаях вынужденного раздела наследственной массы, оспаривания действий нотариусов, признания прав на имущество в случаях пропуска сроков на оформление наследства, при наличии иных заинтересованных лиц, претендующих на наследство [7].

Уникальной чертой судебной защиты в наследственном праве выступает принцип универсальности наследственного требования: иск может быть предъявлен в отношении всего наследства (претензия на наследственную массу в целом), а не только на отдельные вещи, входящие в состав наследства.

В досудебной защите значителен потенциал нотариата. Нотариус осуществляет охранительные меры (наложение запретов, инвентаризация имущества), фиксирует правовой статус наследников, обеспечивает проведение оценочных, экспертных и иных необходимых процедур. Однако практика показывает, что возможности нотариуса часто ограничены — как по срокам, так и по инструментам воздействия (например, нотариус не вправе самостоятельно разрешать спор о составе наследников, если имеется судебный спор).

За пределами непосредственного интереса наследников существует круг иных лиц, права которых связаны с наследственной массой: кредиторы наследодателя, отказополучатели, заимодавцы, лица, обладающие пожизненным правом пользования наследственным имуществом и др. Ими предъявляются особые требования: возмещение долгов, оспаривание действий наследников, применение специальных мер по обеспечению притязаний [8].

Актуальное законодательство регулирует вопросы принятия мер по охране наследственного имущества весьма ограниченно, в частности, устанавливая достаточно сжатые по времени рамки — девятимесячный срок применения указанных мер, который закреплен в статье 1171 Гражданского кодекса Российской Федерации [9]. Однако на практике реализация охраны порой требует значительно более продолжительного контроля за состоянием имущества до момента полного завершения оформления наследственных прав всеми заинтересованными лицами. Очевидно, что в реальных условиях для предотвращения утраты, порчи либо незаконного распоряжения активами требуется продление и повторное применение охранных процедур, что сейчас не полностью урегулировано действующим правом и вызывает значительные трудности для защиты имущественных интересов как наследников, так и других участников наследственных правоотношений, в том числе кредиторов.

В настоящее время сохраняется ряд неурегулированных вопросов процессуального характера, в частности, порядок и основания для обжалования отказа нотариуса в применении мер по охране наследственного имущества, а также четкая и прозрачная схема информирования кредиторов о смерти наследодателя и последующих процессуальных шагах по их заявлению о правах на получение причитающихся сумм. Кроме того, не урегулированы детальные процедуры в отношении других сопутствующих правовых действий, что создает препятствия для своевременной и эффективной защиты нарушенных или оспариваемых прав заинтересованных лиц в наследственных отношениях, а также ограничивает возможности оперативного реагирования на ошибки или злоупотребления со стороны участников наследственного процесса [10].

Заключение

Защита прав наследников в современных условиях представляет собой многоуровневый, сложный и динамичный процесс, который требует постоянного совершенствования и адаптации к меняющимся реалиям общества. Сегодня наследственные отношения регулируются не только обобщёнными нормами гражданского законодательства, но и многочисленными специальными актами, письмами и разъяснениями

высших судов, что значительно усложняет применение закона на практике. Эффективность использования имеющихся механизмов защиты наследственных прав зависит одновременно от совершенства действующего законодательства, степени реализации положений на уровне конкретных правоприменителей — такими являются квалифицированные нотариусы, а также от уровня правовой грамотности самих граждан, вовлечённых в наследственные отношения. Существенное влияние оказывает и развитие судебной практики, которая формирует устойчивые правовые подходы и даёт дополнительные гарантии для реализации наследственных прав.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 21 июля 2014 г. // Собрании законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: по сост. на 13 июля 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

[3] Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 13 мая 2004 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 2. - Ст. 163.

[4] Белов В.А. Гражданское право. Т. III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: Учебник. - М.: Юрайт, 2022. - С. 985.

[5] Гражданское право: Учебник. В 3 т. Т. 3. / Под ред. А.П. Сергеева. - М.: ТК Велби, 2012. – 591 с.

[6] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов - М.: Статут, 2023. - С. 105 - 106.

[7] Иоффе О.С. Советское гражданское право: Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности. Семейное право. Наследственное право. Курс лекций. Ч. 3 / Отв. ред. А.К. Юрченко. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. - С. 290 с.

[8] Кропочева Ю.Г. Граждане как управомоченные субъекты наследственных правоотношений: Автореф. дис. канд. юрид. наук / Ю.Г. Кропочева. - Томск, 2023. - С. 14.

[9] Печеный О.П. Защита в наследственных правоотношениях // Наследственное право. - 2024. - № 2. - С. 38 – 44.

[10] О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2012. - № 7.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993: comp. as of July 21, 2014// Meeting of the legislation of the Russian Federation. - 2014. - № 31. - Art. 4398.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994: as per comp. as of July 13, 2015//Collection of legislation of the Russian Federation. - 1994. - № 32. - Art. 3301.

[3] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of May 13, 2004// Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2001. - № 2. - Art. 163.

[4] Belov V.A. Civil law. T. III. Special part. Absolute civil forms: Textbook. - M.: Yurayt, 2022. - S. 985.

[5] Civil Law: Textbook. In 3 vols. T. 3 ./Ed. A.P. Sergeeva. - M.: TK Welby, 2012. - 591 s.

[6] Gribanov V.P. Exercise and protection of civil rights/V.P. Gribanov - M.: Statute, 2023. - S. 105-106.

[7] Ioffe O.S. Soviet civil law: Legal relations related to the products of creative activity. Family law. Inheritance law. Course of lectures. Ch. 3/Rev. ed. A.K. Yurchenko. L.: Publishing House Leningr. University, 1965. - S. 290 p.

[8] Kropocheva Yu.G. Citizens as authorized subjects of hereditary legal relations: Author. dis. cand. jurid. Sciences/Yu.G. Kropocheva. - Tomsk, 2023. - S. 14.

[9] Pecheny O.P. Protection in hereditary legal relations//Hereditary law. - 2024. - № 2. - S. 38-44.

[10] On judicial practice in inheritance cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 No. 9//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2012. - № 7.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-72-76

СУХОПЛЮЕВ Павел Александрович,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат философских наук, полковник полиции, e-mail: mail@law-books.ru

ОБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА: ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема изучения общества с позиции социальной философии. Поднимаются методологические вопросы исследования общества, определения его структуры, элементов, их взаимной обусловленности в рамках связующего целого. Уделяется внимание политике, экономике, другим, обладающим определенной самостоятельностью сферам общественной жизни. Автор придерживается позиции, что все подсистемы общества находятся во взаимосвязи в рамках общества как социальной системы, подчиняясь законам социальной жизни. Предпринимается попытка поставить вопрос о духовных основах, правовых и моральных ценностях социальной жизни и деятельности людей.*

Ключевые слова: *общество, социальные подсистемы, идеалы, нормы, ценности, государство, идеология, политическое сознание, правосознание*.

SUKHOPLYUEV Pavel Aleksandrovich,
Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophical, Police Colonel

SOCIETY AS A SOCIAL SYSTEM: THE PROBLEM OF STUDYING

Annotation. *The article examines the problem of studying society from the perspective of social philosophy. The methodological issues of the study of society, the definition of its structure, elements, and their mutual conditionality within the framework of a cohesive whole are raised. Attention is paid to politics, economics, and other areas of public life that have a certain independence. The author adheres to the position that all subsystems of society are interconnected within society as a social system, obeying the laws of social life. An attempt is being made to raise the question of the spiritual foundations, legal and moral values of social life and human activity.*

Key words: *society, social subsystems, ideals, norms, values, state, ideology, political consciousness, legal awareness.*

Одной из сложных проблем социальной философии является проблема общества, раскрытие его природы и сущности, структуры, функционирования и развития. Рассмотрение этих и других вопросов онтологического, гносеологического и аксиологического характера имеет важное значение в решении многих вопросов общественной жизни.

Сложность изучения общества связана не только со сложностью самой социальной реальности, но и с тем, что существует множество методологических подходов, различным образом конструирующих социальную реальность. В частности, некоторые исследователи, при рассмотрении общества придерживаются синергетического подхода, полагая, что любое общество имеет альтернативные путь развития и возможности их выбора, а теория самоорганизации представляет собой «новую методологическую основу для изучения современного общества и всех его систем» [1, с. 8].

Опираясь на обширный эмпирический материал по истории изучения общества (всемирная история, история России), а также учитывая теоретические построения О. Конта, М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина и других ученых, придерживающихся принципа системности, можно говорить о том, что существуют определенные социальные законы, принципы, связанные с культурой, «установками эпохи», общественным сознанием, следование которым определяет строение, функционирование и развитие общества как социальной системы. Общество, выступая в качестве социальной системы, имеет свои подсистемы, обладающие относительной самостоятельностью. Рассмотрение подсистем общества в их взаимосвязи позволяет, на наш взгляд, раскрыть содержание общественной жизни и особенности ее развития.

Учитывая важную роль, которую играет в управлении обществом такой политический институт как государство, обратимся к рассмотрению политической сферы общественной жизни. Исследуя вопрос о ее сущности, В. С. Барулин и Г. Г. Филиппов пришли к выводу, что главным признаком политической сферы является организация людей. В. С. Барулин определяет организацию как «сознательно и целенаправленно создаваемый людьми институт для координирования, направления, руководства и т. д. какими-то общими делами, общими интересами» [2, с. 133]. «Именно организация общественных процессов, институтов и деятельности формирует ту реальную социальную силу, которая становится собственной, подлинной основой политической власти», – пишет Г. Г. Филиппов [3, с. 54].

Политическая жизнь общества – сложный феномен, включающий в себя множество составляющих. Если исходить из их важности для понимания особенностей этой сферы жизни, можно выделить пять ее элементов: субъекты политики, объекты политики, орудия политики, политическая структура, политическое сознание. Рассмотрим их более подробно.

Субъекты политики – это носители политической деятельности. Можно выделить два взаимосвязанных субъекта политики – политические институты и политические деятели. К политическим институтам относятся организации и учреждения, связанные с регулированием общественной жизни. Важнейшим среди них является государство – главный носитель политической власти. Известный исследователь общества М. Вебер связал функционирование этого института с наличием отношения господства людей над людьми, опирающегося на легитимное (узаконенное) насилие как средство управления [4, с. 646]. Видимо, данное определение, поддерживаемое и марксистами, является более точной характеристикой государства, чем те определения, которые давались еще Платоном и Аристотелем. Сравним его, например, со следующим определением, принадлежащим Платону: «Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства» [5, с. 145]. Платон здесь подчеркивает организационную функцию государства. Он рассматривает его как институт, где один человек (например, строитель) помогает другому (например, ткачу) решить его проблемы, получая взамен то, в чем сам нуждается. Как показала дальнейшая практика человеческого общежития, успешная регуляция совместной деятельности больших групп людей невозможна без наличия властных структур, которые и образуют современное государство.

Политические институты и политические деятели являются основными элементами политической системы общества. Для создания системы из элементов нужна структура. Под структурой в теории систем принято понимать способ организации элементов. Таким образом, под политической структурой следует понимать способ организации субъектов политики в определенную целостность, функционирующую по заданным правилам («правилам политической игры», представляющим нормы политической жизни). Для того, чтобы понять общество, необходимо знать не только его элементы, но и форму их организации в единую целостность. А для этого необходимо построить иерархическую лестницу, отражающую отношения подчинения и взаимодействия субъектов политики.

Политическое сознание как элемент политической сферы общественной жизни включает в себя знания и чувства граждан, имеющие отношение к деятельности тех институтов и людей, которые ответственны за организацию жизни в обществе. Для определения уровня развития политического сознания, его качественного своеобразия применяют термин «политическая культура». М. С. Комаров предлагает выделять в политической культуре два взаимосвязанных уровня – ценностный и нормативный [6, с. 236]. Первый включает в себя идеалы, взгляды, идеи, относящиеся к устройству общества, функционированию его политико-правовых институтов, политического статуса граждан. Нормативный уровень политической культуры образуют «правила игры» в политической сфере, принципы политического поведения. Степень развития политической культуры является важнейшим фактором политической стабильности общества.

Политическая жизнь тесно связана с материально-производственной сферой общества.

Характер политической структуры, тип государства, отношения между классами и другими социальными общностями во многом определяются экономикой. Политика в основном детерминирована экономическими интересами ее субъектов. Экономика выступает по отношению к политике ее материальной основой. Зависимость политики от экономики выражается и в том, что успех политической деятельности определяется учетом субъектом политики законов экономики. Известно, что эффективной может быть лишь такая политика, которая строится с учетом конкретной экономической ситуации в стране и мире. Однако политика оказывает и обратное воздействие на экономику. Она может способствовать прогрессу экономики, а может и тормозить, оказывать негативное влияние на материальную жизнь общества. Ф. Энгельс так писал по этому поводу: «Действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении – тогда развитие идет быстрее. Она может действовать против экономического развития – тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве» [7, с. 417]. Без взвешенного политического подхода к экономическим проблемам ни одна политическая сила не удержит своего господства, не решит стоящих перед ней задач. Тем самым политика выступает важнейшим средством решения экономических вопросов.

Признавая определяющее влияние на политику экономики, необходимо учитывать и другие факторы воздействия на нее. Сюда относятся, например, климатические условия (географический фактор), демографическая ситуация, культурно-исторические особенности народа, мораль, традиции и т. п. История знает немало примеров, когда развитие определенных философских, религиозных идей, этнического самосознания народов заставляло перекраивать политическую карту мира.

Духовная сфера общественной жизни играет, на наш взгляд, ключевую роль в формировании и развитии как общества в целом, так и отдельного человека как личности и составной части общества. Очевидно, что основные социальные подсистемы (они же – основные сферы общественной жизни) – духовная, политическая и материально-производственная, подобно системам с обратной связью пронизывают друг друга, взаимно определяют и детерминируют. В реальной социальной жизни практически всегда можно наблюдать определенное соответствие между взглядами человека на жизнь, его мировоззрением, идеалами, ценностными (правовыми, нравственными, религиозными и т. д.) установками, с одной стороны, и способом жизни человека как в повседневности (бытовой жизни), так и в профессиональной сфере (выбранная профессия, культура труда, отношение к делу), с другой стороны.

Духовную жизнь общества можно охарактеризовать как сферу общественной жизни, связанную с производством, распределением и потреблением духовных ценностей. Центральной категорией научного анализа духовной сферы общества в отечественной социально-философской мысли традиционно считают понятие «общественное сознание». Общественное сознание – это распространенные в обществе политические, правовые, нравственные, художественные, религиозные, научные и философские взгляды людей, их чувства, настроения и переживания, выражающие отношение к протекающему общественно-историческому процессу. Как справедливо отмечает Р.Ю. Рахматуллин: «Общественное сознание – ядро духовной жизни общества, ибо оно присутствует во всех сферах жизнедеятельности людей; вся духовная культура представляет собой продукт развития и функционирования общественного сознания» [8, с. 192].

Различают обыденный и теоретический уровни общественного сознания. Обыденное сознание есть распространенные в обществе знания, представления и установки, основывающиеся на непосредственном повседневном опыте людей. «По своему содержанию обыденное сознание представляет собой сочетание рационального и эмоционального, переплетение рассудочных форм и эмоций, сегодняшних представлений и сложившихся традиций, привычек, взглядов, мировоззренческих элементов» [9, с. 77]. Теоретическое сознание включает в себя научные знания и представления, претендующие на отражение сущности социальных процессов.

Обыденное сознание в большей мере отражает социальные явления по контрасту, яркости и значимости в жизни человека. Теоретическое сознание тяготеет к выявлению закономерностей общественной жизни, отражению ее в форме теорий, гипотез, научно-исследовательских программ и т. п.

Обыденное сознание отличается от теоретического способом своего распространения в обществе: его содержание передается от человека к человеку, от одной группы к другой в непосредственном повседневном общении – на

работе, в очередях, транспорте и т. д. Средством такой передачи выступают естественный язык и пример (по принципу «делай как я»). Теоретическое сознание распространяется в результате специального обучения (например, при изучении курсов теории государства и права, политологии, истории, социологии, культурологии). При этом используется язык, включающий в себя специальную терминологию, понятийно-категориальный аппарат, отвечающий критериям научности.

В общественном сознании выделяют элементы, получившие название форм общественного сознания. Под формами общественного сознания подразумевают такие его сферы, которые отличаются друг от друга предметом и способом отражения объектов социальной реальности, а также выполняемыми в обществе функциями. Выделяют такие формы общественного сознания как философия, наука, религия, политическое сознание, правосознание, мораль (нравственное сознание) и искусство (эстетическое сознание). Из перечисленных форм общественного сознания рассмотрим более подробно политическое сознание и правосознание.

Политическое сознание представляет собой совокупность знаний и чувств граждан, связанных с деятельностью институтов и отдельных людей, ответственных за организацию общественной жизни. Обыденное политическое сознание обладает следующими признаками: несистематизированностью, повышенной эмоциональностью, стихийностью становления и развития, противоречивостью своего содержания. Одновременно оно характеризуется устойчивостью и особого рода инерционностью влияния на политическое поведение. Инерционность обыденного политического сознания можно объяснить доминированием в нем психических компонентов внерационального, в особенности подсознательного, архетипического характера. Незримо присутствуя в психике людей, эти архетипы иногда играют решающую роль при принятии политических решений.

Теоретическое политическое сознание представляет собой целостную, логически упорядоченную систему функционирующих в обществе взглядов на организацию общественной жизни. Его основное содержание образует политическая наука (политология). Теоретическое политическое сознание в основном совпадает с политической идеологией, которая «возвышается над строем чувств и верований, образов и мыслей, прозрений и заблуждений, рождаемых повседневной житейской практикой» [9, с. 82].

В отечественной политологической литературе применяется термин «теоретико-идеологизированное политическое сознание», который стирает границу между понятиями «теоретическое политическое сознание» и «политическая идеология». Действительно, провести грань между этими понятиями довольно сложно. Думается, когда речь идет о политической идеологии, политическое сознание рассматривают с точки зрения выполняемых им в обществе функций, т. е. как орудие политики, ведь предназначение идеологии – «производство идей, обосновывающих правомерность (закономерность) данного общественного порядка, распространение и утверждение идей данного класса в массовом сознании, разработка социальных технологий, образцов поведения, идеологических методов влияния на сознание, на формирование общественного мнения» [9, с. 85-86]. Если же речь идет о теоретическом политическом сознании, то феномен политического сознания рассматривают в познавательном аспекте как совокупность знаний, отражающих определенные социальные процессы. В этом случае не интересуются, для чего нужны эти знания, а пытаются определить их истинность и объективность. Политические знания в этом случае рассматриваются не как средство, а как цель.

Существует еще одно отличие между теоретическим политическим сознанием и идеологией. Одной из главных задач последней является формирование соответствующего ей общественного мнения, поэтому она не может не учитывать закономерность обыденного сознания и включает в свое содержание некоторые элементы последнего. Особенно это важно в пропаганде идей, где кроме рациональных средств убеждения широко используются эмоциональные, внерациональные приемы воздействия на психику людей.

Политическая общественная психология выражает в большей степени отношение к существующим явлениям политической жизни, в ней ярче выражен эмоциональный момент политического сознания. Последнее берется здесь как совокупность функционирующих в обществе настроений, оказывающих влияние на реализацию тех или иных политических решений. Когда же мы говорим об обыденном политическом сознании, то делаем акцент на уровне политических знаний, неспособных по своим характеристикам на отражение сущности социальных явлений.

Правосознание есть совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей, социальных групп, классов к праву [10, с. 15], законности, правосудию, их представлению о том, что является правомерным или неправомерным. В отличие от других форм общественного сознания, правосознание отражает те явления общественной жизни, где имеют место правовые отношения. Правосознание отличается способом отражения реальности: в нем в большей степени

доминируют нормативные формы организации информации. Право регулирует отношения между людьми и другими субъектами социальной жизни прежде всего путем воздействия на их сознание. Как и все формы общественного сознания, правосознание есть производная всех других его форм и вообще всей общественной жизни. Но наиболее тесно оно связано с политическим сознанием. Такой вывод вытекает из того, что отношения людей к тем или иным правовым нормам в основном определяется их отношением к авторам и сторонникам этих норм, для которых такие нормы выгодны. Приход к власти людей с иными политическими взглядами всегда влечет за собой значительные изменения в праве, а значит и в правосознании.

В целом на духовную жизнь общества сильное давление оказывает политика, но духовная сфера оказывает и обратное воздействие на политическую жизнь общества. Например, чем сильнее в обществе распространены общечеловеческие ценности, больше людей, ориентированных на высокие духовные идеалы, тем больше вероятности, что к политической власти придут честные и порядочные люди.

Таким образом, общество как система включает в себя подсистемы и элементы как части социального целого. Экономика, политика, власть, правосознание, философия, наука, религия, мораль, искусство тесным образом связаны и оказывают взаимное влияние друг на друга. Все подсистемы и элементы общества функционируют и развиваются в рамках связующего их целого, следуя законам общественной жизни. При этом понять и объяснить социальную жизнь становится возможным в том случае, если исходить из норм, ценностей и смыслов, обусловливающих строение, функционирование и развитие общества как социальной системы.

Список литературы:

[1] Гончаров В.Н., Колосова О.Ю. Общество как саморазвивающаяся система: социально-синергетический аспект исследования // Научных альманах стран Причерноморья. 2023. № 9 (2). С. 7-11.

[2] Барулин В.С. Социальная философия : учебник. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2002.

[3] Филиппов Г.Г. Социальная организация и политическая власть. М. : Мысль, 1985.

[4] Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.

[5] Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. Т. 3. Ч. 1.

[6] Комаров М. С. Введение в социологию : учебник для вузов. М. : Наука, 1994.

[7] Энгельс Ф. Конраду Шмидту, 27 октября 1890 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 37. М. : Государственное издательство политической литературы, 1965.

[8] Рахматуллин Р.Ю. Философия : курс лекций. Уфа, 1998.

[9] Общественное сознание и его формы. М. : Политиздат, 1986.

[10] Самигуллин, В. К. Государственность иное, чем государство / В. К. Самигуллин // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 10-21. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.002. – EDN XRFYQA.

References:

[1] Goncharov V.N., Kolosova O.Yu. Society as a self-developing system: a socio-synergistic aspect of research//Scientific almanac of the Black Sea countries. 2023. № 9 (2). S. 7-11.

[2] Barulin V.S. Social philosophy: textbook. M.: FAIR PRESS, 2002.

[3] Filippov G.G. Social organization and political power. M.: Thought, 1985.

[4] Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990.

[5] Plato. Writings in four volumes. VOL. 3. Part 1/under the general. ed. A.F. Losev and V.F. Asmus; per. From ancient St. Petersburg: Publishing House S.-Peterb. University, 2007. VOL. 3. PART 1.

[6] Komarov M.S. Introduction to sociology: a textbook for universities. M.: Science, 1994.

[7] Engels F. Konrad Schmidt, October 27, 1890//Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. VOL. 37. M.: State Publishing House of Political Literature, 1965.

[8] Rakhmatullin R.Yu. Philosophy: a course of lectures. Ufa, 1998.

[9] Social consciousness and its forms. M.: Politizdat, 1986.

[10] Samigullin, V.K. Statehood is different from the state/V.K. Samigullin//Law and statehood. – 2025. – № 3(8). - S. 10-21. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.002. – EDN XRFYQA.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-77-79

ГАЛЫНСКАЯ Олимпиада Сергеевна,
1 курс,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: galynskaya07@bk.ru

ПОПОВИЧ Екатерина Петровна,
1 курс,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: ekaterina.popovich.a@gmail.com

ПРИЗНАКИ ФОРМ (ИСТОЧНИКОВ) ПРАВА

Аннотация. *Признаки форм (источников) права зависят от типа правовой семьи и господствующего типа правопонимания. К числу основных признаков, придающих источнику права официальный характер, относятся обязательность, формальная определённость, общеизвестность, нормативность и государственная поддержка. В статье эти признаки подробно анализируются, раскрывается их различное проявление в конкретных формах права, таких как нормативные правовые акты и правовые обычаи. Наличие этих признаков в совокупности позволяет тому или иному явлению признаваться формой права.*

Ключевые слова: *источники права, признаки права, нормативность*

GALYNSKAYA Olimpiada Sergeevna,
1st Year Student Novosibirsk State University

POPOVICH Ekaterina Petrovna,
1st Year Student Novosibirsk State University

FEATURES OF FORMS (SOURCES) OF LAW

Annotation. *The characteristic features of legal forms (sources) vary depending on the type of legal family and the prevailing type of legal understanding. The main universally recognized features are mandatory nature, formal certainty, notoriety, normativity, and state support. These features are analyzed in detail, revealing how they manifest differently across various forms of law, such as legal acts and customs. Ultimately, these attributes are what grant a legal source its official character.*

Key words: *sources of law, features of law, normativity.*

Признаки формы (источника) права зависят от типа правовой семьи и господствующего типа правопонимания. В научной литературе принято выделять следующие: обязательность, формальная определённость, общеизвестность, а также нормативность и государственная поддержка. Эти признаки позволяют форме (источнику) права обрести официальный характер. Н.Н. Вопленко к признакам источников права относит:

1) правотворческую значимость источника права;
2) содержание в виде государственно оформленной воли;
3) государственную обязательность и гарантированность;
4) особую юридическую форму;
5) установление основ правового регулирования в определённых сферах общественной жизни. [1]

Рассмотрим основные признаки более подробно.

– Наиболее важным признаком является чёткость внешнего выражения. Считается, что форма права имеет устойчивую внешнюю оболочку, которая носит чаще всего языковую форму. Для нормативных правовых актов этот признак называется фор-

мальной определённостью. Его содержание сводится к требованию языка, стиля нормативных правовых актов. Неписаные формы права тоже достигают чёткости внешнего выражения, но иными способами. Их ясность представляется достаточной, если субъекты права понимают правила и единообразно их исполняют, а внешнее выражение осуществляется в убеждениях и поступках.

– Другим важным признаком выступает обязательность и государственная гарантированность. Обязательность означает необходимость согласовывать своё поведение с правовыми нормами. Проявления обязательности зависит от конкретного вида нормы права. Это может быть обязанность выполнить какое-либо действие или воздержаться от него. Важную роль в осуществлении этого признака выполняет государство. Оно гарантирует осуществление правовых норм путём установления санкций, юридической ответственности и других инструментов. Также обязательность может поддерживаться мерами общественного воздействия, авторитетом, уверенностью в верности источника права. Перечисленные методы зависят от конкретных видов форм права. Правовой обычай, например, поддерживается общественным осуждением, а нормативный правовой акт – санкциями со стороны государства за их невыполнение. [2]
– Определённость содержания. Это значит, что форма права должна содержать положения, которые понимаются адресатами норм одинаково. Данный признак по-разному выглядит для различных форм права. Наибольшую сложность он представляет для правовых обычаев. Определенность содержания этой формы права состоит в наличии в обществе (целиком или определенной его группы) единообразного понимания правового требования. Самым определённым по своему содержанию является нормативный правовой акт, потому что он создается в результате целенаправленной результативной процедуры.
– Правотворческая значимость источника права. Она определяется тем, что он или создаётся в процессе правотворческой деятельности, или его практическое значение выражается в установлении норм права, созданных в особом порядке. В первом варианте источник права в виде нормативных правовых актов, нормативных договоров проходят особую процедуру разработки и принятия, наделяются с помощью этого официальной юридической силой. Результатом правотворчества является установление, изменение или отмена каких-либо норм. Во втором варианте правовая доктрина, обычаи, юридическая практика могут приобретать правотворческое значение после их санкционирования органами государственной власти.
– Общеизвестность. Данный признак очень важен для формы права. Благодаря ему субъекты права получают возможность сознательного поведения в рамках норм права. В различных формах права этот признак проявляется по-разному. Так, например, правовой обычай признаётся формой права потому, что каждый член общества неминуемо сталкивается с его нормами и он воспринимается в обществе абсолютно естественно. В некоторых случаях от общеизвестности зависит признание явлений формой права. Так, например, доктрины осуществляют влияние на общественные отношения в силу их распространённости и признанности. Общеизвестность нормативного правового акта означает создание возможности ознакомиться с ним. Как правило, это осуществляется посредством его публикации.
– Всеобщность. Данный признак играет важную роль в понятии права. Право выражается в определённых формах и тем самым обретает социальную ценность, выступает мерилом поведения разных лиц. Оно должно убирать между людьми грани, которые не важны для данных конкретных отношений. Неперсонифицированность – перманентное свойство права, оно выступает основой понимания свойства нормативности права и формы права.
– Признак нормативности. Он соединяет в себе большинство признаков формы права. Наличие или отсутствие именно этого признака в итоге решает вопрос о признании явления формой права. Нормативность проявляется в том, что акты:
  1) рассчитаны на неопределённый вид общественных отношений, т.е. в них закреплены типичные для большинства людей правила поведения;
  2) действуют неопределённое число раз и правила, которые содержатся в них, не прекращают своё действие после однократного использования;
  3) распространяют своё действие на всех лиц, которые вступают в правоотношения на их

основе и обладают, чаще всего, общими признаками (военные, студенты, и др.).

Нормативность является отражением возникновения формы права из конкретных отношений, которые приобрели типичный характер.

Таким образом, признаки формы (источника) зависят от типа правовой семьи, господствующего типа правопонимания и по-разному проявляются в каждой форме права. Правоведы выделяют различные признаки, но в научной литературе к основным относят: обязательность, формальную определённость, общеизвестность, а также нормативность и государственную поддержку. Благодаря этим признакам источник права обретает официальный характер.

Список литературы:

[1] Вопленко Н.Н. Источники и формы права: учеб. пособие. / Н.Н. Вопленко – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. - С.5.

[2] Бошно С. В. Существенные признаки формы права / С.В. Бошно // Право и современные государства, 2015. - №5. - С.31.

References:

[1] Voplenko N.N. Sources and forms of law: study. manual ./N.N. Voplenko - Volgograd: Publishing house VolSU, 2004. - S.5.

[2] Boshno S.V. Significant signs of the form of law/S.V. Boshno//Law and modern states, 2015. - №5. - S.31.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-80-84

АНОСОВ Александр Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

МОРГУН Дмитрий Олегович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доцент кафедры международного права и правового
регулирования внешнеэкономической деятельности
Московского университета имени А.С. Грибоедова,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОФАЙЛИНГ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена профайлингу как инструменту предупреждения коррупционных деяний на ранней стадии их проявления. Авторы раскрывают теоретические основы и практические условия применения профайлинга для выявления коррупционных рисков, анализирует его роль в кадровой работе и расследовании инцидентов. Особое внимание уделено вопросам научной обоснованности, этических и правовых ограничений использования методов поведенческого анализа, подчеркивается значимость профессиональной подготовки специалистов-профайлеров и разработки стандартизированных методик для эффективного внедрения антикоррупционного профайлинга в практическую деятельность организаций.*

Ключевые слова: *профайлинг, противодействие коррупции, антикоррупционный комплаенс, поведенческий анализ, коррупционные риски, предупреждение преступности.*

ANOSOV Alexander Viktorovich,
Candidate of Law, Associate Professor
Associate Professor of the Criminal Policy
Department Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia

MORGUN Dmitry Olegovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Criminal Policy, Management
Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Associate Professor, Department of International Law and
Legal Regulation of Foreign Economic Activity,
A.S. Griboyedov Moscow State University

PROFESSIONALISM IN THE ANTI-CORRUPTION SYSTEM

Annotation. *The article is devoted to profiling as a tool for preventing corruption at an early stage. The authors explore the theoretical foundations and practical applications of profiling to identify corruption risks and analyze its role in human resources management and incident investigation. Particular attention is paid to the scientific validity, ethical, and legal limitations of using behavioral analysis methods. They emphasize the importance of professional training for profilers and the development of standardized methodologies for the effective implementation of anti-corruption profiling in organizations' practices.*

Key words: *profiling, anti-corruption, anti-corruption compliance, behavioral analysis, corruption risks, crime prevention.*

Коррупция как негативное социально-правовое явление продолжает оставаться одним из наиболее деструктивных факторов, препятствующих эффективному развитию государственных институтов и экономики. Несмотря на принятый государством ряд правовых и организационных предупредительных мер, традиционные подходы, основанные преимущественно на ретроспективном анализе уже совершенных правонарушений, демонстрируют свою ограниченность в профилактике коррупционных проявлений на ранних стадиях. В связи с этим актуализируется задача поиска и внедрения новых форм и методик, позволяющих выявить и нейтрализовать коррупционные риски до момента совершения противоправного деяния. В частности, одним из инструментов раннего выявления признаков отклоняющегося поведения является профайлинг, теоретические основы и практическое применение которого в процессе противодействия коррупции требуют определенного научного осмысления.

Профайлинг, понимаемый в целом как технология оценки и прогнозирования поведения человека на основе комплексного анализа его вербальных и невербальных сигналов, психологических характеристик и поведенческих установок, прошел достаточно долгий путь эволюции от методов составления поискового психологического портрета неустановленного преступника в криминалистической практике до специализированного инструмента обеспечения безопасности в транспортной, банковской, правоохранительной и иных сферах. Применительно к сфере борьбы с преступностью его специфика заключается в принципиальном смещении акцента от реакции на уже совершенное деяние к его предупреждению, поскольку профайлинг позволяет перейти от работы с последствиями к управлению криминогенными рисками, предполагая идентификацию на ранней стадии потенциально опасного поведения, условий и личностных предпосылок, которые в разной степени вероятности могут привести к совершению противоправных деяний. Как справедливо отмечает М. Р. Арпентьева, когда классические алгоритмы работы не срабатывают, требуется индивидуальный подход, эмпатия и интеллект самого профайлера, его готовность и способность видеть «правду» человека, жизни, самого себя [1, с. 290]. Тем самым профайлинг приобретает характеристики самостоятельного тактического инструмента при условии его грамотной адаптации под специфику различных видов преступной деятельности, включая коррупцию.

Поскольку тематика антикоррупционного профайлинга остается малоисследованной в научной литературе, теоретическое осмысление данной проблемы целесообразно начать с формулировки базовых условий его использования. К таковым целесообразно отнести следующие установки:

Первое условие можно обозначить как необходимость системного подхода и интеграции профайлинга в антикоррупционный комплаенс, представляющий собой единый комплекс правовых или корпоративных мер по выявлению и предупреждению коррупции. Это предполагает, что выводы, полученные в результате профайлерского интервью или мониторинга поведения, служат основанием для запуска формализованных процедур служебной проверки, внутреннего аудита или иных мероприятий, предусмотренных общенормативными или локальными актами организации в целях противодействия коррупции. Подобный подход позволяет преодолеть формализм в реализации антикоррупционной политики организации, а также предоставить определенный инструментарий, ориентированный не только на реагирование по документально зафиксированным нарушениям, но и по выявленным признакам коррупционных рисков, а также обеспечить правовую легитимность применения данного метода.

Вторым условием является научная обоснованность и объективность данных, полученных на основе апробированных методик анализа вербальных и невербальных сигналов, исключая тем самым влияние интуитивных или субъективных оценок. Основой подобных методик служит комплексный анализ речевых источников (логические несоответствия, обобщения, диссоциации), невербального поведения (микровыражения, жесты, изменения позы) и физиологических реакций (тремор, изменение цвета кожных покровов и пр.), свидетельствующих о высоком уровне психоэмоционального напряжения. Поскольку абсолютных и гарантированных признаков лжи не существует, профайлинг базируется на выявлении несогласованности между различными каналами коммуникации, что служит индикатором недостоверности предоставляемой информации. В целях минимизации влияния человеческого фактора и повышения объективности данных методология профайлинга может быть дополнена технологическими решениями, такими как автоматизированные системы анализа поведения пользователей (User Behavior Analytics), которые выявляют нетипичные действия сотрудников в цифровой среде [5].

Третье условие предполагает использование антикоррупционного профайлинга на различных этапах работы с кадрами в организации, таких как собеседование при приеме на работу, периодические аттестации сотрудников, появление признаков конфликта интересов, назначение

на руководящие должности и т.д. При этом наличие нормативно закрепленной процедуры профайлинга в виде регулярного мониторинга само по себе играет профилактическую роль, поскольку заранее предостерегает кандидатов на поступление и персонал от негативных отклонений в служебном поведении, а при наличии различных девиаций – усиливает нервозность во время собеседования при попытках их скрыть от специалиста. Регулярный поведенческий мониторинг сотрудников, занимающих коррупционно-опасные должности, с целью получения ранних сигналов потенциальной вовлеченности в нарушения позволяет выявлять не только конкретные противоправные действия, но и системные слабые места в организационной структуре и системе управления, которые провоцируют отклоняющееся поведение и порождают коррупционные риски.

Еще одним необходимым условием успешности внедрения и использования процедуры антикоррупционного профайлинга является соблюдение этических и правовых границ. Поскольку методы поведенческого анализа сопряжены с вмешательством в личностную сферу сотрудника, их применение должно быть нормативно закреплено внутренними документами организации, с которыми персонал знакомится под подпись. По этому поводу И.А. Русецкая отмечает, что сотрудникам организации не следует использовать во время делового общения как конфиденциальную информацию самой организации, если это использование не является санкционированным, так и информацию личного характера [4, с. 91]. Также важным является разграничение компетенций: выводы профайлера носят вероятностный характер и могут служить основанием для обоснованного проведения более глубоких, формализованных проверочных мероприятий, включая целенаправленную индивидуально-профилактическую работу [3, с. 944].

Говоря о перспективах практической реализации предлагаемой системы антикоррупционного профайлинга, основное внимание следует уделить сфере кадровой работе, поскольку именно работа с персоналом на основе установленных ограничений и запретов, а также стандартов поведения создает фундамент антикоррупционной политики организации. Не случайно исследователи отмечает, что в современной российской практике подбора персонала оценка личностных качеств – наиболее слабое звено [2, с. 5]. Основным элементом данной системы является профайлинг на этапе приема на работу, особенно на должности, отнесенные к категории коррупционно-опасных, поскольку традиционное собеседование и формализованная проверка зачастую не вскрывают истинные мотивационные установки кандидата. Технология поведенческого анализа предполагает использование структурированного интервью, основанного на модели компетенций, где каждой характеристике, значимой для противодействия коррупции (честность, правосознание, неподкупность, устойчивость к провокациям), соответствует набор специально сформулированных вопросов и модельных ситуаций. В процессе диалога профайлер оценивает не только содержание ответов, но и невербальные реакции кандидата на социально-неодобряемые или провокационные вопросы. В частности, вопросы о гипотетической возможности обойти установленные нормы ради результата или о случаях нарушения антикоррупционных ограничений на предыдущих местах работы позволяют выявить степень когнитивного диссонанса, проявляющегосяся в речевых паузах, микровыражениях, изменениях темпа речи, использовании лексики самооправдания и т. п. Особое внимание уделяется анализу биографии кандидата, в ходе которого выявляются различные девиации и противоречия, устойчивые модели поведения в ситуациях, связанных с личной заинтересованностью в противовес служебным (корпоративным) интересам, а также принятием этически сложных решений. В результате подобного анализа формируется не только психологический портрет, но и профиль коррупционных рисков, ассоциированных с конкретным лицом.

Следующим важным направлением является регулярный мониторинг поведения сотрудников, уже работающих в организации. Он реализуется, как правило, через систему заранее подготовленных бесед, целью которых является не столько оперативный контроль, сколько отслеживание динамики психологического состояния сотрудника. Внезапные изменения в поведенческом профиле, такие как повышенная тревожность, нервозность, демонстративное безразличие, рост уровня агрессии или проявления немотивированной щедрости могут служить индикаторами возникновения проблем, в том числе и коррупционного характера. Сюда же относится давление со стороны внешних обстоятельств (долговая нагрузка, пристрастие к азартным играм), делающее сотрудника уязвимым для шантажа или склонения к получению незаконных доходов, включая вовлеченность в коррупционные схемы. Подобные беседы, проводимые обученным профайлером из службы безопасности или кадрового подразделения, позволяют выявить «группу риска» и точечно применить к ее членам дополнительные меры контроля либо оказать им своевременную социально-психологическую поддержку. Дополнительным элемен-

том функционирования подобной системы является формирование в организации эталонного поведенческого профиля добросовестного сотрудника, создаваемого на основе длительного наблюдения за наиболее надежными и этичными работниками и выполняющего функции объективного ориентира как инструмента для сравнения. Он включает в себя не только формальные успешные показатели, но и устойчивые вербальные индикаторы (типичные конструкции речи, лексику, отражающую ценности), невербальные признаки (жесты, открытость позы) и модели принятия решений. Наличие такого эталона позволяет перейти от субъективных оценок к объективному анализу поведенческих отклонений: сотрудник, чей профиль начинает существенно и устойчиво расходиться с эталонным, с высокой степенью вероятности находится в зоне психологического дискомфорта или кризиса, что повышает его коррупциогенные риски.

В случае обнаружения факта противоправного коррупционного деяния возможности профайлинга также являются востребованными. Если кадровый профайлинг нацелен на профилактику и формирование устойчивого антикоррупционного поведения, то его использование в расследовании инцидентов позволяет перевести процесс установления истины на новый уровень эффективности. Традиционные служебные проверки и даже оперативная работа зачастую сталкиваются с проблемой недостатка объективных доказательств, особенно когда речь идет о квалифицированных коррупционных схемах, не оставляющих очевидных предметных или цифровых следов, в таких условиях методология профайлинга становится инструментом, позволяющим работать не с последствиями, а с поведенческими проявлениями причастности. При этом внедрение профайлинга в процедуры внутреннего расследования существенно меняет их архитектуру: стандартный опрос сотрудников, вовлеченных в инцидент или имеющих к нему отношение, приобретает качества структурированного диагностического интервью. Цель такого интервью является комплексная оценка достоверности информации, предоставляемой собеседником, и формирование гипотезы о его возможной причастности или осведомленности, при этом процесс строится на последовательном анализе тех же каналов информации: содержания речи (вербальные признаки), невербального поведения и физиологических реакций. Сотруднику задается ряд вопросов, часть из которых является нейтральными, а другая часть – проверочными, сфокусированными на обстоятельствах расследуемого инцидента. Реакция на эти проверочные инструменты, сравниваемая с обычным поведением, и составляет диагностическую основу метода. Профайлер внимательно анализирует не только то, что говорит сотрудник, но и то, как он это делает. Использование речевых конструкций, направленных на дистанцирование от события (например, отсутствие местоимения «я» при описании собственных действий), уход от прямых ответов, избыточное детализирование малозначимых обстоятельств при одновременном опускании существенных моментов, многочисленные повторы одних и тех же доводов – все эти девиации являются потенциальными индикаторами недостоверности. Лингвистический анализ позволяет выявить логические несоответствия в повествовании, которые зачастую неочевидны при стандартном протоколировании опроса. Параллельно ведется наблюдение за невербальными реакциями, такими как возникновение микровыражений страха, гнева или смущения в ответ на конкретные вопросы, излишняя эмоциональность, появление адаптивных жестов (потирание рук, шеи, прикосновения к лицу), свидетельствующих о росте психоэмоционального напряжения. Здесь важно уточнить, что использование полиграфа при подобном опросе помогает фиксировать моменты отклонения физических показателей при ответах на вопросы, однако не заменяет комплексной оценки поведения собеседника, осуществляемой специалистом – профайлером. Кроме того, еще раз подчеркнем, что выводы профайлера в ходе служебного расследования носят вероятностный характер и не могут рассматриваться как прямое доказательство вины, их юридическая сила заключается в формировании обоснованных подозрений, которые дают право работодателю на законных основаниях инициировать более глубокие и формализованные проверочные мероприятия в отношении конкретного сотрудника.

Таким образом, внедрение процедуры профайлинга в систему антикоррупционного комплаенса организации открывает значительные перспективы для перехода от реагирования на свершившиеся коррупционные инциденты к управлению соответствующими рисками, способствуя тем самым формированию эффективной модели противодействия коррупции на самой ранней стадии. Однако реализация этого потенциала и превращение профайлинга из теоретической конструкции в эффективный практический инструмент обеспечения антикоррупционной безопасности в значительной степени обусловлены двумя важными факторами: наличием специально разработанных научно обоснованных методик и высоким уровнем профессиональной подготовки специалистов-профайлеров. Качественная подготовка таких специалистов

подразумевает не только глубокое освоение методов анализа вербальных и невербальных сигналов, но и понимание правовых и этических границ их применения, что может быть обеспечено лишь при развитии специальных центров обучения или повышения квалификации штатных психологов и кадровых работников.

Список литературы:

[1] Арпентьева М. Р. Криминальный профайлинг: подходы и проблемы // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы : Сборник научных статей, Курск, 01 апреля 2018 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. – С. 289-296.

[2] Захаревская Е. А., Мальцева Т. В., Гарник С. В. Кадровый профайлинг в органах внутренних дел: психологический анализ рукописных записей : Учебно-методическое пособие. – Москва : Академия управления МВД России, 2024. – 208 с.

[3] Молоков Е. С. Профайлинг как средство обеспечения охраны общественного порядка // Бизнес, Менеджмент и Право : Материалы I международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 11–12 ноября 2022 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2022. – С. 941-946.

[4] Русецкая И. А. Роль профайлинга в обеспечении информационной безопасности // Вестник РГГУ. Серия: Информатика. Информационная безопасность. Математика. – 2022. – № 3. – С. 85-95.

[5] Что такое User and Entity Behavior Analytics? // Энциклопедия Касперского: сайт. URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/ueba/

References:

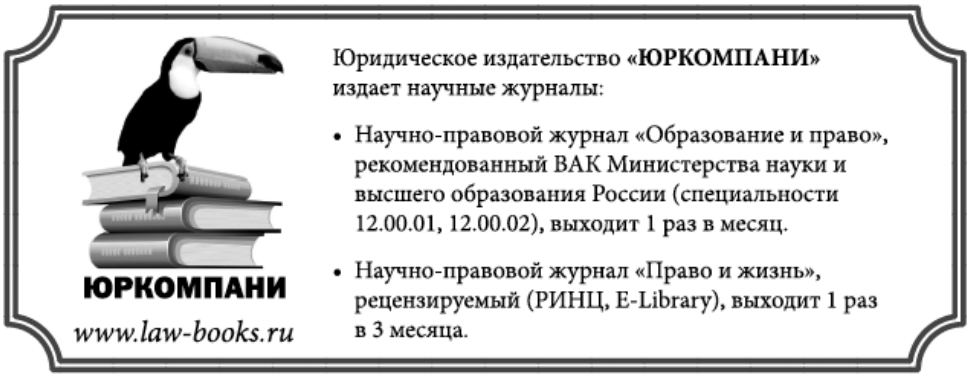
[1] Arpentieva M. R. Criminal profiling: approaches and problems // Criminal law in an evolving society: problems and prospects : Collection of scientific articles, Kursk, April 01, 2018. – Kursk: Southwestern State University, 2018. – Pp. 289-296.

[2] Zakarevskaya E. A., Maltseva T. V., Garnik S. V. Personnel Profiling in the Internal Affairs Bodies: Psychological Analysis of Handwritten Records: Educational and Methodological Guide. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 208 p.

[3] Molokov, E. S. Profiling as a Means of Ensuring Public Order Protection // Business, Management, and Law: Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, November 11–12, 2022. – Yekaterinburg: V.F. Yakovlev Ural State Law University, 2022. – P. 941-946.

[4] Rusetskaya I. A. The Role of Profiling in Ensuring Information Security // Bulletin of RGGU. Series: Computer Science. Information Security. Mathematics. – 2022. – No. 3. – Pp. 85-95.

[5] What is User and Entity Behavior Analytics? // Kaspersky Encyclopedia: website. URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/ueba/

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-85-86

ГАЛЫНСКАЯ Олимпиада Сергеевна,
1 курс,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: galynskaya07@bk.ru

ЮДИН Глеб Юрьевич,
2 курс,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: g.yudin@g.nsu.ru

ФОРМЫ (ИСТОЧНИКИ) ПРАВА СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются три основные правовые семьи современности: романо-германская, англосаксонская и мусульманская. Проводится сравнительный анализ ключевых источников права, характерных для каждой семьи: закона, судебного прецедента и религиозных текстов соответственно. Подчёркивается, что, несмотря на существование других источников, именно эти играют ведущую роль в формировании и функционировании правовых систем.*

Ключевые слова: *правовая семья, источники права, сравнительное правоведение*

GALYNSKAYA Olimpiada Sergeevna,
1st Year Student Novosibirsk State University

YUDIN Gleb Yuryevich,
2nd Year Student Novosibirsk State University

FORMS (SOURCES) OF LAW IN MODERN LEGAL FAMILIES

Annotation. *The article examines the three main modern legal families: Romano-Germanic, Anglo-Saxon, and Muslim. A comparative analysis of the key sources of law characteristic of each family is conducted: statutes, judicial precedent, and religious texts, respectively. It is emphasized that, despite the existence of other sources, these particular ones play a leading role in the formation and functioning of the legal systems.*

Key words: *legal family, sources of law, comparative jurisprudence*.

Правовая семья – совокупность национальных правовых систем, обладающих сходными юридическими признаками в рамках одного типа права. Правовая семья объединяет общность источников права, основных понятий, структуры права и исторического пути его формирования. [1]

В современном мире чётко различаются 3 правовые семьи:

1) Романо-германская
2) Англосаксонская
3) Мусульманская

К романо-германской правовой семье относятся правовые системы, возникшие в континентальной Европе на основе древнеримского права, а также канонических и местных правовых обычаев (например, Россия, Германия, Франция). Эти правовые системы, можно сказать, продолжают римское право, являются результатом его развития, приспособления к новым условиям.

Все страны романско-германской правовой семьи является странами «писаного права». Основой системы источников права романо-германской правовой семьи являются конституции, кодексы и законы. Закон является ведущим источников права. Он регулирует практически все важные сферы жизни общества. Нормы, прописанные в конституции, обладают высшей юридической силой, которая выражается в обязательном соответствии законов и подзаконных актов конституции. Например, в статье 15 Конституции Российской Федерации указано, что «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». [2]

Другие источники права (судебный прецедент, нормативный договор, юридическая доктрина) занимают подчинённое место по сравнению с предпочитаемым классическим источником права – законом.

Правовой обычай играет в системе источников права романо-германского правовой семьи в основном вспомогательную роль, дополняя в необходимых случаях действующее законодательство. Например, в статье 5 Гражданского кодекса РФ есть указание на обычай делового оборота.

Англосаксонская правовая семья или, по-другому, семья общего права, является наиболее распространённой в современном мире. В состав этой семьи входят правовые системы Англии, США, Канады, Новой Зеландии, Австралии и многие другие. Главным источникам права в англосаксонской правовой семье является судебный прецедент, а правовое регулирование основывается на юридической практике.

Помимо прецедентов, важное место среди источников права в англосаксонской правовой семье занимают законы и подзаконные акты. Однако, они являются вспомогательными источниками права, поскольку с помощью них лишь вносятся изменения или дополнения в действующее право, созданное судом.

Кроме названных источников англосаксонского права имеют значение ещё правовые обычаи, правовые доктрины, правовые традиции, если по рассматриваемому вопросу нет ни прецедента, ни законодательной нормы.

Мусульманское право – единая исламская система социально-нормативного регулирования, которая включает в себя как собственно юридические нормы, так и религиозные и нравственные постулаты, а также обычаи. [3] Мусульманская правовая семья охватывает страны Ближнего Востока, Африки, Азии (Пакистан, Саудовская Аравия, Иран и др.), т.е. те, где официальной религией является ислам.

Главным источником мусульманского права является Коран. В нём содержатся различные проповеди, молитвы, заклинания, рассказы и притчи, в которых заложены основополагающие идеи ислама, они носят общий характер. Вторым по значимости источником права является Сунна, состоящая из рассказов – хадисов – о поступках и высказываниях пророка Мухаммеда, имеющих правовое значение. Другие источники права: Иджма, которая содержит заключение древних правоведов, знатоков ислама для восполнения пробелов в религиозных нормах, и Кияс – нормы мусульманского права, сформулированные по аналогии.

Таким образом, в каждой правовой семье главные источники права различны. В романо-германской правовой семье – это закон, в англосаксонской – судебный прецедент. Источники права же мусульманской правовой семьи кардинально отличаются источников других правовых семей. Здесь главную роль играет религиозное право, а именно священная книга ислама - Коран.

Список литературы:

[1] Кожевников С.Н. Государство и право: краткий словарь терминов и разъяснений по правоведению / под ред. С.Н. Кожевникова – Н. Новгород: ВГАВТ, 2009. – С. 211.

[2] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изм. и доп. от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».

[3] Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учеб. / В. С. Нерсесянц – М.: Издательская группа ИНФРА М-Норма, 1999. – С. 459.

References:

[1] Kozhevnikov S.N. State and law: a short dictionary of terms and explanations on jurisprudence/ed. S.N. Kozhevnikov - N. Novgorod: VGAVT, 2009. - S. 211.

[2] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: as amended and supplemented by 14.03.2020 No. 1-FKZ. [Electronic resource]//ATP “Consultant Plus.”

[3] Nersesyants V. S. General theory of law and state: studies ./V. S. Nersesyants - M.: Publishing group INFRA M-Norma, 1999. - S. 459.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-87-95

ИСМАИЛОВА Лейла Нуфеловна,
студентка 3 курса магистерской программы
«Актуальные проблемы гражданского права»
Юридического института Дагестанского
государственного университета,
независимый исследователь,
e-mail: lejla.ismailova.02@list.ru

Научный руководитель:
ГУСЕЙНОВА Лариса Вагидовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Юридического института Дагестанского
государственного университета,
e-mail: Grpravo.dgu@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИИ

Аннотация. *В статье детально рассматривается современное состояние законодательства о недвижимости в России, акцентируется внимание на его эволюции и влиянии на рынок недвижимости за последние несколько лет. Сложности правового регулирования недвижимости являются одной из актуальных проблем современного общества, что обуславливает необходимость глубокой аналитики. Анализируются ключевые изменения в законодательстве, касающиеся правовых аспектов собственности, аренды и купли-продажи недвижимости. Рассматриваются изменения в федеральных законах и подзаконных актах, а также их воздействие на реализацию сделок с недвижимостью. Акцентируется внимание на наиболее острых проблемах, с которыми сталкиваются участники рынка недвижимости: отсутствие правовой определенности, сложности в регистрации прав, коррупционные риски и недостаточная защита прав собственников. Проводится анализ статистических данных и опросов участников рынка, подтверждающих наличие правовых барьеров. Также рассматриваются международные практики регулирования недвижимости, которые могут служить примером для усовершенствования российского законодательства. В качестве возможных решений для улучшения ситуации предлагаются меры по реформированию существующих норм, ускорению процедур регистрации прав, а также усилению контроля и ответственности за нарушения в сфере недвижимости. Подчеркивается значимость создания надежной правовой среды для стимулирования инвестиций и обеспечения устойчивого развития рынка недвижимости в России.*

Ключевые слова: *законодательство о недвижимости, государственный контроль, права собственников, кадастровый учет, регистрация прав, инвестиционная привлекательность, сделка с недвижимостью, правовая определенность, правовое регулирование.*

ISMAILOVA Leyla Nufelovna,
3rd year student of the master's program
"Actual problems of civil law"
of the Law Institute of Dagestan State University,
independent researcher

Scientific supervisor:
HUSEYNOVA Larisa Vagidovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Civil Law, Law Institute,
Dagestan State University

THE CURRENT STATE AND PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF REAL ESTATE LEGISLATION IN RUSSIA

Annotation. *The article examines in detail the current state of real estate legislation in Russia, focuses on its evolution and impact on the real estate market over the past few years. The complexities of the legal regulation of real estate are one of the urgent problems of modern society, which necessitates deep analytics. The key changes in legislation concerning the legal aspects of ownership, lease and sale of real estate are analyzed. The changes in federal laws and regulations, as well as their impact on the implementation of real estate transactions, are considered. Attention is focused on the most acute problems faced by real estate market participants: lack of legal certainty, difficulties in registering rights, corruption risks and insufficient protection of owners' rights. Statistical data and surveys of market participants confirming the existence of legal barriers are analyzed. International real estate regulatory practices are also considered, which can serve as an example for improving Russian legislation. Possible solutions to improve the situation include measures to reform existing regulations, speed up registration procedures, and strengthen control and accountability for violations in the real estate sector. The importance of creating a reliable legal environment to stimulate investment and ensure the sustainable development of the real estate market in Russia is emphasized.*

Key words: *real estate legislation, state control, owners' rights, cadastral registration, registration of rights, investment attractiveness, real estate transaction, legal certainty, legal regulation.*

Российское законодательство в области недвижимости за последнее время трансформировалось весьма ощутимо. Подобная динамика обусловлена эволюцией самого рынка, стремлением к большей открытости операций и обеспечением безопасности имущественных прав граждан. Тем не менее, даже после проведения преобразований текущее состояние правовой системы характеризуется рядом серьезных недостатков, оказывающих отрицательное воздействие на результативность применения закона и привлекательность инвестиций в данную сферу. Ключевая трудность заключается в недостаточности существующей нормативной основы, порожденной регулярными корректировками и упущениями в законодательных документах и ведомственных постановлениях. Как следствие, возникают разночтения в интерпретации положений права, осложняющие деятельность как представителей власти, так и заинтересованных сторон. В частности, наблюдается противоречие между положениями различных правовых актов, включая Гражданский и Градостроительный кодексы, в вопросах подтверждения прав на объекты, возведенные без разрешений. Это провоцирует судебные разбирательства и увеличивает риски при совершении сделок с недвижимостью. Кроме того, нередки ошибки в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН), содержащие некорректные данные о пределах земельных участков, повторение записей об объектах и расхождения между реальной ситуацией и информацией, представленной в реестре. Данные погрешности нередко приводят к отказу в регистрации сделок или генерируют конфликты в суде, препятствуя оформлению прав собственности и уменьшая уверенность участников рынка [1, с. 25].

Особое внимание следует уделить проблемам в системе кадастрового учета и государственной регистрации прав на недвижимость.

Прежде всего следует отметить проблему невысокого качества кадастровой информации. Дефицит и неполнота данных об объектах недвижимости, хранящихся в Едином государственных реестре недвижимости (ЕГРН), регулярно вызывают различные ошибки. Зачастую информация представлена лишь частично, поскольку кадастровый учет осуществляется по инициативе владельца, которому необходимо самостоятельно предоставить необходимые документы для регистрации. В результате большое количество объектов недвижимости остается вне учета, а имеющиеся сведения не обновляются оперативно. Такая система ограничивает полноту и достоверность данных в кадастровых данных.

Во-вторых, часто встречаются ошибки в учете и расхождения между реальными особенностями объектов и информацией, содержащейся в реестре. Так, например, контуры земельных участков могут быть ошибочно установлены из-за дефектов картографической и геодезической базы. Более того, далеко не все кадастровые инженеры имеют необходимый опыт и используют подходящее программное обеспечение для правильного составления документов, что ведет к увеличению числа отказов и приостановлений при осуществлении кадастрового учета. Подобные неточности создают сложности при определении прав собственности и зачастую приводят к судебным тяжбам.

В-третьих, выделяется проблема затягивания сроков регистрации прав. Низкий уровень цифровизации и наличие формализованных процедур удлиняют период оформления сделок и

регистрации прав собственности. Множество операций предполагает физическое присутствие и использование бумажных документов, что замедляет процесс и увеличивает вероятность возникновения коррупционных схем и ошибок.

Всё перечисленное оказывает негативное влияние на возможность реализации законных прав собственников на недвижимость и снижает инвестиционную привлекательность российского рынка недвижимости. Устранение указанных проблем нуждается в комплексном подходе, включающем переход к масштабной цифровизации, автоматизацию рабочих процессов, повышение качества кадастровой информации, обучение квалифицированных кадров и модернизацию нормативного базиса [2, с. 160].

Следовательно, детально изученные аспекты проблем кадастрового учета и регистрации недвижимости в России убедительно демонстрируют потребность в реформах, целью которых является повышение точности данных, увеличение прозрачности процедур и ускорение оформления прав собственности на недвижимость.

Неполная интеграция цифровых технологий и систем обработки информации негативно сказывается на скорости и доступности операций с недвижимостью. Многие действия по-прежнему нуждаются в личном участии сторон, что усложняет и увеличивает сроки оформления и регистрации прав собственности. Причинами тому служат устаревшие административные процедуры, большой объем бумажного документооборота и необходимость обращения в различные ведомства. Низкий уровень автоматизации создает потенциальные риски возникновения коррупционных схем и допуска человеческих ошибок. Недостаток надзора и открытости на всех стадиях регистрации может приводить к злоупотреблению полномочиями, необоснованным задержкам и отказам. Заявители часто сталкиваются с трудностями в понимании причин затягивания процесса. Хотя уже существуют электронные инструменты, их возможности ограничены и не покрывают все стадии регистрации; например, подать документы в Росреестр и получить справку из ЕГРН можно онлайн, но многие проверки, оценки и согласования требуют личного присутствия и предоставления бумажной документации. Переход к цифровым технологиям связан с угрозой мошеннических действий – подделка электронной подписи, искажение информации о участниках сделки, недостаточная проверка ограничений прав на объект недвижимости могут привести к потере имущества и финансовых потерь. Тем не менее, в России принимаются шаги для внедрения цифрового преобразования: изменяется законодательство, расширяется применение электронных услуг через многофункциональные центры и государственный портал, проектируются новые цифровые платформы для безопасного осуществления сделок и автоматизированной проверки информации. Для обеспечения максимальной прозрачности и результативности требуется дальнейшая работа над улучшением правовой основы, укреплением контроля, развитием IT-инфраструктуры и повышением уровня компьютерной грамотности среди граждан и сотрудников государственных структур [3, с. 145].

С 1 марта 2025 года в российское законодательство об отношениях с недвижимостью внесены существенные корректировки, отражающие следующее:

1. В соответствии с новыми требованиями законодательства, начиная с 1 марта 2025 года юридическим лицам предписано направлять в Росреестр заявления о проведении государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав, вместе с необходимыми документами, строго в электронной форме. Поданные в бумажном виде документы будут отклонены без рассмотрения по существу. Ограничение не распространяется на частных лиц, за исключением случаев заключения договоров долевого строительства, а также в периоды временных технических неполадок, препятствующих подаче документов посредством электронных каналов.
2. До 1 января 2026 года отдельные категории юридических лиц — хозяйства, садоводческие товарищества, гаражные и жилищные кооперативы, а также товарищества собственников жилья — имеют право подавать документы в бумажном виде через многофункциональные центры.
3. Начиная с 1 марта 2025 года регистрация земельных участков невозможна при отсутствии в Едином государственном реестре недвижимости сведений о точном расположении их границ. Данное условие действует для всех видов земельных участков и объектов недвижимости, находящихся на них, независимо от их категории.
4. Застройщики обязаны предоставлять цифровые запросы о регистрации прав собственности дольщиков на переданные им объекты строительства, причем данную процедуру следует завершить в течение тридцати рабочих дней после подписания акта передачи.
5. Процедура постановки на кадастровый учет и регистрации прав теперь регламентирована конкретными сроками: выполнение этих этапов отдельно занимает до пяти

рабочих дней, а их одновременное осуществление – не больше семи рабочих дней.

6. Внедрение Росреестром системы автоматизированной проверки данных о границах и характеристиках объектов недвижимости позволило значительно сократить число отказов, требуемых исправлений и возникших судебных разбирательств.

Данные изменения преследуют цели полной цифровизации процедур, повышения открытости совершаемых сделок и надежной защиты прав владельцев недвижимости, а также уменьшения административных барьеров и ускорения оформления прав на недвижимое имущество в Российской Федерации.

Поправки, о которых шла речь, введены в Федеральный закон № 218-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» и Федеральный закон № 122-ФЗ

«О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». С 1 марта 2025 года в этих законах закреплены обязательства юридических лиц подавать документы для кадастрового учета и регистрации в Росреестр в электронном виде, установлены чёткие сроки выполнения регистрационных действий, а также требования по цифровому взаимодействию и обеспечению электронного документооборота.

Помимо этого, данные нормы содержат положения, обеспечивающие достоверность и актуальность информации в Едином государственном реестре недвижимости, а также гарантирующие права собственников благодаря цифровизации процедур регистрации.

Кроме того, правительство РФ утвердило Распоряжение № 1970-р от 24 июля 2025 года, которым утверждена Концепция цифровизации многоквартирных домов до 2030 года. Эта концепция служит основой для реформ и внедрения цифровых технологий в сфере жилищно-коммунального хозяйства и цифровизации недвижимости в целом.

Указанные законодательные акты и нормативные документы формируют правовое поле для перехода к использованию цифровых технологий и автоматизации процессов регистрации недвижимости в России.

Помимо перечисленных факторов, действующее законодательство в области недвижимости в России в достаточной мере не отражает современные реалии, включая рост популярности аренды, внедрение цифровых решений и потребность в защите прав различных социальных групп населения, особенно социально незащищенных слоев общества. Это порождает дополнительные трудности в создании целостной и равноправной правовой основы, которая могла бы эффективно управлять всеми аспектами взаимоотношений в сфере недвижимости.

В России рынок аренды недвижимости существенно отстает от развития аналогичных рынков в западных странах. Действующее законодательство преимущественно ориентировано на защиту интересов собственников, в то время как права арендаторов и условия долгосрочной аренды остаются недостаточно закрепленными. Это ограничивает потенциал роста рынка аренды, делает его менее привлекательным для инвестиций и препятствует развитию адаптивных моделей использования недвижимости [4, с. 116].

Активная цифровая трансформация экономики диктует необходимость внедрения современных инструментов в сферу недвижимости, включая электронные контракты, цифровые подписи, технологии блокчейн для обеспечения прозрачности транзакций и учёта прав собственности, а также системы управления «умным домом». Однако законодательная база зачастую не успевает за темпами изменений, что тормозит внедрение инноваций и порождает правовую неопределенность.

Важным аспектом является защита прав различных групп населения, особенно социально незащищённых категорий граждан. Речь идёт о вопросах доступности жилья, развитии социального найма и разработке мер поддержки малообеспеченных и нуждающихся. Правовая база и практическое применение пока не обеспечили создание действенных механизмов для гармоничного сочетания интересов собственников, инвесторов и социально уязвимого населения, что провоцирует социальные противоречия и сдерживает стабильное развитие рынка [5, с. 67].

Решение обозначенных задач осложнено рядом факторов: стремительный темп технологических изменений требует оперативного реагирования со стороны законодательства, социальные проблемы требуют комплексного решения, а рыночные интересы нередко оказываются противоположными. Всё это создаёт серьёзные препятствия для формирования комплексной, современной и справедливой правовой базы для регулирования отношений в сфере недвижимости. Успешное решение этих проблем возможно лишь при условии системного подхода, согласования интересов и регулярного обновления законодательства.

Для улучшения текущей ситуации необходимо провести тщательный анализ действующих норм и применяемой практики, определить основные недостатки и сформулировать конкретные предложения по их устранению. Прежде всего, необходимо усовершенствовать законода-

тельную основу, уделяя особое внимание её стабильности и однозначности, чтобы минимизировать частоту изменений и исключить двусмысленные интерпретации. Кроме того, приоритетным направлением должна стать модернизация кадастровой системы, включающая внедрение современных информационных технологий и обязательное периодическое обновление данных [6, с. 70].

Для достижения этих целей предлагаются конкретные действия и меры:

1. Ключевым элементом станет развёртывание полноценных электронных платформ для подачи, обработки и мониторинга заявок на государственный кадастровый учёт и регистрацию прав. Это позволит отказаться от необходимости личного посещения ведомств, ускорить процесс и сделать взаимодействие проще для граждан и бизнеса. В качестве примера можно выделить портал Госуслуг, функционал которого постоянно расширяется в части взаимодействия с недвижимостью.
2. Современная система обмена информацией между государственными учреждениями, кадастровыми инженерами и Росрегистром при помощи передовых информационных технологий позволит минимизировать ошибки при передаче данных и сократить время обработки документов.
3. Использование электронных подписей и продвинутых средств идентификации при совершении сделок и представлении документов повысит безопасность цифрового документооборота и уменьшит вероятность мошеннических действий.
4. Создание механизмов для проверки входящих данных и уведомлении о выявленных несоответствиях в этих самых данных даст возможность исправлять данные ошибки вовремя тем самым уменьшит количество отказов в процессе регистрации.
5. Обучение персонала государственных организаций работе с электронными системами на первый взгляд является базовой необходимостью, но часто встречаются случаи где к этой самой необходимости проявляют недостаточно внимания, что в свою очередь влияет на профессиональную компетентность персонала в области информационных технологий.
6. Следует создать единые стандарты и правила электронного документооборота для связывания различных систем и образования юридической силы электронных документов.
7. Примером успешной автоматизации процесса является инициатива Росреестра по внедрению системы «цифрового двойника» недвижимости, в которой каждый объект недвижимости связан цифровым паспортом и кадастровыми данными, что ,конечно же, облегчает процесс управления и контроля.
8. Стоит отметить положительный опыт осуществления пилотных проектов по цифровизации сделок, при использовании которых оформление прав происходит только в электронном формате благодаря чему весь процесс занимает малое количество времени, что в свою очередь показывает видимую эффективность таких инноваций.

Важно не останавливаться в развитии электронных сервисов и автоматизации процессов, переводя весь бумажный процесс в электронный, тем самым повысив прозрачность сделок с недвижимостью. Не менее важным является как повышение профессиональной компетентности сотрудников государственных учреждений и обязательный контроль за соблюдением стандартов [7, с. 50].

1. Успешная интеграция инновационных технологий и цифровой инфраструктуры в процессы регистрации и кадастрового учёта напрямую зависит от непрерывного совершенствования навыков специалистов Росреестра, многофункциональных центров и иных государственных структур. В частности, это предполагает освоение работы с онлайн-сервисами, инструментами искусственного интеллекта, нейронными сетями и актуальными системами баз данных, а также понимание юридических нюансов цифровой трансформации. Конкретные формы повышения квалификации могут включать целевые курсы, практические занятия и дистанционные семинары, а также сотрудничество в области образования с компаниями, занимающимися информационными технологиями, и высшими учебными заведениями. Так, сотрудники самарского отделения Росреестра прошли подготовку по использованию цифрового ассистента «ЕВА», предназначенного для автоматизации проверки документов и улучшения точности регистрации. Дальнейшее развитие этого направления возможно благодаря увеличению масштаба подобных инициатив и внедрению обучающих программ, ориентированных на искусственный интеллект и анализ больших объёмов информации.
2. Наряду с техническими компетенциями, особое внимание уделяется развитию критического мышления у персонала при анализе предоставляемых документов, направленному на выявление неточностей и при-

знаков мошенничества, что способствует минимизации вероятности ошибок и злоупотреблений при оформлении прав собственности. Обучающие модули охватывают формирование способности к критической оценке документации с целью предотвращения ошибок и противодействия мошенническим схемам. В рамках обучения активно применяются интерактивные сценарии и моделирование рабочих ситуаций, воспроизводящих типичные производственные процессы, что позволяет лучше осознавать потенциальные риски и повышать уровень ответственности сотрудников.

3. Для обеспечения грамотного выполнения процедур регистрации и кадастрового учета используются такие инструменты как мониторинг и аудит, которые вовремя обнаруживают и устраняют нарушения установленных норм. Надзор с использованием автоматизации данного процесса будет способствовать повышению прозрачности и укреплению доверия к итогам регистрации. В данном случае важным примером являются технологии контроля регистрационных операций, куда в свою очередь входит поиск ошибок и расхождений. Повышающим эффективность также является применение искусственного интеллекта, который может обрабатывать большое количество данных и подсказывать о возможных проблемах еще до окончания процесса принятия решения [8, с. 25].
4. Нарушение регламентов и допущения ошибок при работе в информационном поле с недвижимостью гарантирует за собой более строгие административные и дисциплинарные меры, что создает мотивацию для правильного исполнения своих должностных обязанностей. Дополнительным фактором влияния может стать внедрение системы мотивации и премирования за достижение высоких показателей качества выполняемой работы.
5. При этом важно отметить, что цифровая платформа «Ева», выступающая в роли виртуального помощника регистратора, не предназначена для замены сотрудника, а наоборот, оптимизирует процесс проведения правовой экспертизы документов, ускоряя работу и повышая ее точность, тем самым уменьшая рабочую нагрузку и вероятность возникновения ошибок. Будущее видится в дальнейшем развитии подобных инструментов посредством внедрения сложных алгоритмов, интеграции с большими объемами данных и использования прогностических аналитических систем.
6. Как показывает практика, в период 2024–2025 годов в Москве и нескольких регионах Российской Федерации успешно реализованы пилотные проекты по обучению сотрудников Росреестра применению современных цифровых платформ и инструментов на базе искусственного интеллекта, в результате чего удалось сократить время оформления документов на 20–30% и существенно поднять уровень обслуживания населения. С целью достижения максимального эффекта рекомендуется регулярно обновлять учебные материалы и расширять географию проведения аналогичных мероприятий.
7. Эффективная коммуникация и обмен опытом между субъектами федерации содействуют внедрению передовых методик и формированию единых принципов организации деятельности. Рекомендуется создание специализированной онлайн-площадки, обеспечивающей централизованный доступ к информации и возможность обсуждения возникающих вопросов.

Отдельное внимание стоит уделить тому, чтобы правовые нормы не шли вразрез появлению современных способов выполнения сделок и регулирования взаимоотношений, не забывая о цифровых контрактах и вариантах долгосрочной аренды с измененными параметрами – это позволит соответствовать состоянию экономики, которое мы видим в данный момент и ожиданием людей. Применение всех изменений одновременно может дать положительный результат на создание рабочего, открытого и справедливого законодательства в сфере недвижимости в нашей стране.

В России действует Федеральный закон от 2 августа 2019 года № 299-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости», который регулирует порядок применения усиленной квалифицированной электронной подписи (ЭП) при проведении сделок с недвижимостью. Этот закон устанавливает, что сделки с использованием ЭП возможны только при наличии письменного согласия владельца недвижимости, которое фиксируется в ЕГРН. Например, если собственник желает разрешить проводить сделки дистанционно с использованием электронной подписи, он подаёт соответствующее заявление. Без такой отметки в реестре документы по регистрации перехода права собственности, заверенные электронной подпи-

сью, возвращаются без рассмотрения. Для улучшения рекомендуют создать единую цифровую платформу для подачи такого согласия и расширить виды сделок, доступных в электронной форме, включая договоры аренды и залога, что повысит юридическую ясность и снизит количество мошенничеств и споров.

Для реализации аренды с изменяемыми параметрами необходимо использовать электронные сервисы, обеспечивающие оперативное внесение корректировок в соглашение: например, увеличение срока пользования имуществом, изменение размера оплаты или продление договора. На данный момент любые подобные модификации требуют подготовки документов на бумаге и непосредственного присутствия участников процесса, что создает задержки. Решением станет разработка адаптивных электронных договоров с автоматическими оповещениями заинтересованных лиц, что позволит сформировать рынок аренды, отличающегося доступностью и понятностью [9, с. 107].

Современные онлайн-сервисы для проведения операций, как платформа «Сделка» от компании «М2», консолидируют различные стороны рынка: потенциальных приобретателей, продавцов, специалистов по недвижимости, кредитные организации и Федеральную службу регистрации. Благодаря им можно подготовить необходимые бумаги, провести проверку объекта, оформить ипотечное финансирование, осуществить денежный перевод и официально зарегистрировать переход права собственности – при этом существенно экономятся временные затраты. Дальнейшим развитием должно стать ужесточение нормативного закрепления ответственности подобных площадок и внедрение инструментов мониторинга уровня предоставляемых ими услуг, а также углубление взаимодействия с государственными ресурсами для обеспечения плавного обмена информацией.

Децентрализованная структура и шифрование данных на основе технологии блокчейн позволяют существенно снизить риск несанкционированных повторных продаж, одновременной продажи одного и того же объекта разным лицам или противоправного изменения прав собственности.

Таким образом для предлагается:

– Обеспечить взаимодействие блокчейн-решений с государственными регистрационными базами данных для согласования информации и подтверждения её достоверности.
– Разрабатывать нормы безопасности и конфиденциальности для защиты пользовательских данных.
– Расширять функциональность смарт-контрактов для всестороннего автоматического управления сделками и сопутствующими действиями (арендой, залогом, передачей прав).

Использование блокчейн-технологий принципиально улучшит прозрачность, надёжность и результативность рынка недвижимости, устранит проблемы мошенничества и оптимизирует оформление прав собственности.

В Российской Федерации вводится цифровой нотариат с целью улучшения комфортности, скорости и безопасности операций с недвижимостью. Так, нотариусы теперь имеют возможность отправлять документы в государственные органы в электронной форме, заверять электронные документы и проводить нотариальные действия удаленно.

Примеры цифровых технологий нотариата:

– Получение электронного удостоверения равноценно признанию электронного документа эквивалентным бумажному оригиналу, что обеспечивает моментальную передачу документов в любую точку страны, минуя почтовые задержки и связанные с этим расходы.
– Взаимодействие с государственными информационными системами (ЕГРН, ЗАГС, МВД, ФНС и другими) предоставляет нотариусу возможность предварительно оценивать правовую способность участников сделки, наличие обременений, долгов и иных аспектов, оказывающих влияние на законность процедуры.
– Предоставление опции удалённого осуществления отдельных нотариальных действий, таких например, внесения денежных средств на депозитный счёт нотариуса или составления исполнительных надписей, представляет особую ценность для жителей отдаленных или труднодоступных территорий.
– Удаленное удостоверение сделок с недвижимостью посредством безопасных каналов связи дает возможность участникам находиться в различных регионах и при этом оперативно и надежно заключать договор.
– Варианты улучшения цифрового нотариата включают:
– Правовое оформление разрешения на проведение всех видов нотариальных действий дистанционно с использованием современных средств коммуникации и электронной подписи.
– Создание интуитивно понятных интерфейсов и мобильных приложений, обеспечива-

ющих возможность получения нотариальных услуг удаленно через интернет.
- Повышение уровня защиты от кибератак с целью сохранения конфиденциальности электронных документов и информации клиентов.
- Проведение регулярного обучения нотариусов и персонала использованию современных цифровых технологий и непрерывное совершенствование процедур обеспечения безопасности.

В результате внедрения цифрового нотариата значительно улучшаются показатели качества и скорости оформления сделок с недвижимостью, сокращаются затраты и расширяется доступность услуг для более широкой аудитории, включая население отдаленных территорий страны.

Внедрение цифровых технологий в процедуру оформления прав на недвижимость предполагает применение инновационных инструментов, включая нейронные сети и технологии искусственного интеллекта, для автоматизации обработки и экспертизы документов. Так, ведомство Росреестр успешно использует подобные системы, которые демонстрируют высокую точность – примерно в 80% случаев они корректно оценивают сделки с недвижимостью. Это позволяет существенно ускорить процесс проверки заявок и минимизировать вероятность возникновения ошибок, связанных с участием человека.

Для усиления контроля над процессами регистрации создаются специальные системы мониторинга и аудита. Они призваны обнаруживать несоответствия и нарушения установленных норм, оперативно реагировать на выявленные проблемы и гарантировать соответствие деятельности требованиям закона. В частности, проводится систематическая автоматизированная проверка транзакций с недвижимостью с целью обнаружения необычных изменений и потенциально мошеннических действий [10, с. 62].

Подводя итог, стоит отметить, что российское законодательство в сфере недвижимости сегодня переживает период интенсивной цифровизации, целью которой является улучшение открытости, результативности и надёжности операций с недвижимостью. Хотя препятствия и трудности всё ещё присутствуют, появление новых законов, цифровых инструментов и автоматизированных платформ формирует предпосылки для формирования актуальной и равноправной нормативной основы. Данные изменения помогают оберегать интересы владельцев имущества, упрощают доступ к сервисам, стимулируют рынок долгосрочной аренды и делают отрасль более привлекательной для инвестиций. Необходимо и далее проводить систематическую модернизацию, обучать профессионалов и внедрять новые разработки, чтобы Россия смогла эффективно приспособиться к требованиям цифровой реальности и улучшить уровень благосостояния населения благодаря развитию недвижимости – важного компонента экономического роста страны.

Список литературы:

[1] Бадулина, Е. В. Развитие правового регулирования государственной регистрации недвижимости в России / Е. В. Бадулина // Нотариус. – 2017. – № 6. – С. 22-30.

[2] Дружинина, Ю. Ф. Единый недвижимый комплекс - возврат к старым идеям / Ю. Ф. Дружинина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-2(62). – С. 159-161.

[3] Сергеева, А. Ю. Особенности организации налогообложения недвижимости физических лиц в России / А. Ю. Сергеева, Е. Е. Сушкова, М. Р. Мясищева // Строительство и недвижимость. – 2023. – № 1(12). – С. 141-146.

[4] Ибрагимова, Э. И. Проблемы и перспективы регионального рынка недвижимости / Э. И. Ибрагимова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 9, № 4(157). – С. 114-119.

[5] Синельникова, В. Н. Становление и развитие института регистрации прав на недвижимое имущество в России / В. Н. Синельникова // NB: Вопросы права и политики. – 2014. – № 9. – С. 51-83.

[6] Перспективы развития рынка недвижимости России Доклад президента Российской Гильдии Риэлторов И.М. Горского // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2003. – № 7(22). – С. 59-76.

[7] Куклин, Д. С. Развитие законодательства о недвижимости в России / Д. С. Куклин // Gaudeamus Igitur. – 2015. – № 2. – С. 49-51.

[8] Нуприенкова, А. В. Развитие законодательства в сфере регистрации недвижимости в России / А. В. Нуприенкова // Кадастр недвижимости. – 2017. – № 1(46). – С. 10-31.

[9] Гаврилюк, М. Н. Основные направления совершенствования регистрационного законодательства: формирование реестрового права в России / М. Н. Гаврилюк // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 8(239). – С. 99-110.

[10] Лиманская, А. П. Основные этапы развития института оценки объектов недвижимости для целей налогообложения в России / А. П. Лиманская // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 7(26). – С. 60-65.

References:

[1] Badulina, E.V. Development of legal regulation of state registration of real estate in Russia/E.V. Badulina//Notary. – 2017. – № 6. - S. 22-30.

[2] Druzhinina, Yu. F. A single real estate complex - a return to old ideas/Yu. F. Druzhinina//Bulletin of Kemerovo State University. – 2015. – № 2-2(62). - S. 159-161.

[3] Sergeeva, A. Yu. Peculiarities of the organization of taxation of real estate of individuals in Russia/A. Yu. Sergeeva, E. E. Sushkova, M. R. Myasishcheva//Construction and real estate. – 2023. – № 1(12). - S. 141-146.

[4] Ibragimova, E.I. Problems and prospects of the regional real estate market/E.I. Ibragimova//Economics and management: problems, solutions. – 2025. - T. 9, NO. 4 (157). - S. 114-119.

[5] Sinelnikova, V. N. Formation and development of the institution of registration of rights to real estate in Russia/V. N. Sinelnikova//NB: Issues of law and politics. – 2014. – № 9. - S. 51-83.

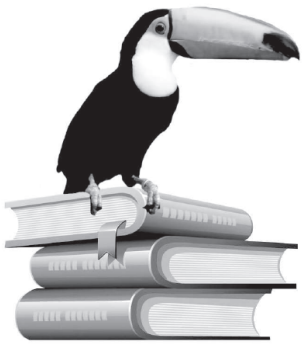
[6] Prospects for the development of the Russian real estate market Report of the President of the Russian Guild of Realtors I.M. Gorsky//Property relations in the Russian Federation. – 2003. – № 7(22). - S. 59-76.

[7] Kuklin, D. S. Development of real estate legislation in Russia/D. S. Kuklin//Gaudeamus Igitur. – 2015. – № 2. - S. 49-51.

[8] Nuprienkova, A. V. Development of legislation in the field of real estate registration in Russia/A. V. Nuprienkova//Real Estate Cadastre. – 2017. – № 1(46). - S. 10-31.

[9] Gavrilyuk, M. N. The main directions for improving registration legislation: the formation of registry law in Russia/M. N. Gavrilyuk//Property relations in the Russian Federation. – 2021. – № 8(239). - S. 99-110.

[10] Limanskaya, A.P. Main stages of development of the institute of real estate valuation for tax purposes in Russia/A.P. Limanskaya//Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and governance. – 2012. – № 7(26). - S. 60-65.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-96-101

САЙНАРОЕВА Фатима Вахаевна,
Магистрант юридического факультета,
e-mail: mail@law-books.ru

АУШЕВ Муслим Ахмедович,
Старший преподаватель кафедры
«Теория государства и права» ФГБОУ ВО
«Ингушский государственный университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНЦЕПЦИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСТОКИ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Аннотация. *Статья направлена на раскрытие особенностей того, как исторически складывалась реализация концепции разделения властей в Российской Федерации. Интерес к теме связан с тем, что хотя идея разделения властей сформировалась еще в эпоху античности и получила свое практическое отражение в значительном большинстве стран уже в XVIII веке, в нашей стране реализация принципа разделения властей стала нововведением последних десятилетий. Именно поэтому даже наличие значительного числа научных работ данной тематики оставляет простор для ее изучения на российской почве. Целью работы является анализ исторического аспекта того, как происходило становление принципа разделения властей в нашей стране, и его реализации в настоящее время. Автор, отмечая длительный исторический путь формирования и развития принципа разделения властей, останавливает свое внимание на трудах античных философов, а также ученых нового времени – Дж. Локка и Ш. Монтескье, труды которых заложили фундамент классической теории разделения властей. Особое внимание сфокусировано на самобытности российского пути в парадигме разделения властей, проделанного с момента становления государства в его современном статусе. Автор подкрепляет свои рассуждения взглядами известных ученых и конституционным характером реализации рассматриваемого принципа. Сделан вывод о четком закреплении принципа разделения властей непосредственно в Конституции Российской Федерации. Указано, что характерное для нашей страны расширение и «пересечение» полномочий разных ветвей власти не только не нарушает реализацию принципа разделения властей, но обеспечивает изначально заложенную возможность взаимодействия разных ветвей власти для целостного функционирования Российской Федерации как демократического правового государства.*

Ключевые слова: *принцип разделения властей; исторический аспект; ветви власти; система сдержек и противовесов; советский конституционализм; демократическое правовое государство.*

SAINAROEVA Fatima Vakhaevna,
Master's Student, Faculty of Law

AUSHEV Muslim Akhmedovich,
Senior Lecturer,
Department of Theory of State and Law
Ingush State University

THE CONCEPT OF SEPARATION OF POWERS IN MODERN RUSSIA: ORIGINS AND IMPLEMENTATION

Annotation. *The article aims to uncover the historical development of the concept of separation of powers in the Russian Federation. This topic is of interest because, although the idea of separation of powers emerged in ancient times and was practically implemented in the vast majority of countries by the 18th century, in our country, the implementation of the principle of separation of powers was an innovation of recent decades. Therefore, even the presence of a significant number of scholarly works on this topic leaves*

scope for its study in Russia. The purpose of this work is to analyze the historical aspect of the formation of the principle of separation of powers in our country and its implementation today. The author, noting the long historical path of the formation and development of the principle of separation of powers, focuses on the works of ancient philosophers, as well as modern scholars such as John Locke and Charles Montesquieu, whose works laid the foundation for the classical theory of separation of powers. Particular attention is focused on the uniqueness of Russia's approach to the paradigm of separation of powers, which has been traversed since the establishment of the state in its modern status. The author supports her arguments with the views of renowned scholars and the constitutional nature of the implementation of this principle. The conclusion is reached that the principle of separation of powers is clearly enshrined in the Constitution of the Russian Federation. It is noted that the expansion and overlapping of powers between different branches of government, characteristic of our country, not only does not violate the principle of separation of powers, but rather ensures the inherent possibility of interaction between the various branches of government for the integral functioning of the Russian Federation as a democratic state governed by the rule of law.

Key words: *principle of separation of powers; historical aspect; branches of government; system of checks and balances; Soviet constitutionalism; democratic state governed by the rule of law.*

Одной из опор современного государственного устройства является принцип разделения властей, предполагающий выделение законодательной, исполнительной и судебной ветви власти. На практике это означает, что каждая из перечисленных ветвей власти является самостоятельной и независимой в реализации своих полномочий, и никакая из ветвей не может взять на себя выполнение функций другой ветви власти. В то же время подобное разделение не предполагает отсутствия между ними связи, поскольку именно взаимосвязь и взаимодействие всех ветвей формирует единый механизм государственности. Такой подход к государственному устройству применяется уже на протяжении более двух столетий в большинстве стран мира, создавая дополнительные правовые гарантии за счет того, что существование трех ветвей власти практически исключает концентрацию власти в руках одного лица или органа, тем самым препятствуя развитию тенденций авторитаризма и тоталитаризма и одновременно обеспечивая защиту прав и свобод человека. В отношении же России и в этом случае можно вспомнить слова Ф. Тютчева, что ее «аршином общим не измерить», поскольку реализация принципа разделения властей в государственном управлении является нововведением последних десятилетий. Учитывая то, что наше государство в его современном статусе существует пропорционально меньше времени по сравнению с прежними формами устройства, изучение вопросов разделения властей на уровне государства и субъектов федерации имеет особую актуальность и научный интерес. С учетом этого цель статьи заключается в анализе исторического аспекта становления принципа разделения властей в нашей стране и его реализации в настоящее время.

Глобально концепция разделения властей базируется на том принципе, что «одно и то же лицо или коллектив не должны заниматься судом, исполнением обязанностей государства и изданием законов», поскольку следствием этого неизбежно станет узурпация государственной власти [1]. И хотя управление государством, основанное на принципе разделения властей, не дает полной гарантии от злоупотребления властью, большинство специалистов аттестует его в качестве наилучшего [2, с. 116].

Учитывая то, что использование данной теории в качестве фундаментального принципа управления государством признается оптимальным, целесообразно кратко рассмотреть исторический аспект ее становления. В качестве первого этапа следует остановиться на трактате Аристотеля «Политика», в котором можно проследить основы политологии и теории государства и права и увидеть классическое трехчленное деление ветвей власти, которое философ считал целесообразным при любом устройстве государства для достижения общего блага [3, с. 450]. Интересными являются и взгляды Полибия, который в отличие от Аристотеля не был сторонником изолированного характера ветвей власти, а считал, что государству необходим целостный механизм, обеспечивающий его надежность и баланс. Интересно, что «отголоски» взглядов Полибия, как отмечал А. Силаев, лежат в основе системы «сдержек и противовесов», популярной не только в США, но и в других странах [1]. Система разделения властей получила свое развитие в Древнем Риме в виде консулов, сената и народных собраний.

Однако необходимым элементом учения о правовом государстве теория разделения властей в полном смысле стала только в XVII-XVIII вв., когда в идейно-политической борьбе она была противопоставлена доктринам абсолютизма и концепциям единовластия [4, с. 336]. Фундаментом теории стали труды Дж. Локка, у которого возникли идеи ограниченной монархии и разделения законодательной и исполнительной

власти в качестве гарантий политической свободы. В работе «Два трактата о правлении» (1690) Дж. Локк указывает, что три вида власти прямо следуют из троякого назначения государства [5]. Ученый реально видел смысл в дифференциации законодательной и исполнительной власти, но отмечал, что исполнительная и федеративная власти слишком тесно связаны, чтобы был смысл передавать их в разные руки. Идеи Дж. Локка получили развитие в трудах Ш. Монтескье, в своем труде «О духе законов» (1748), сделавшего вывод о наличии в любом государстве трех видов власти – «законодательной, исполнительной и ведающей вопросами гражданского права». Последняя является аналогом судебной власти, поскольку, с точки зрения Ш. Монтескье, именно эта ветвь власти карает преступников, разрешает споры, возникающие между частными лицами [5]. Именно выделение Ш. Монтескье судебной власти в качестве самостоятельной вести считается его существенным вкладом в развитие данной теории. Более того, французский мыслитель был крайне категоричен в формулировке необходимости такого разделения. Он считал, что объединение трех органов «в одно и то же лицо или учреждение» и наличие у него права создавать законы, принимать решения общенационального характера и судить преступников привело бы к гибели государства в силу неизбежности проявлений деспотизма. Кроме того, Ш. Монтескье сформулировал еще один принцип – разделение властей должно действовать в сочетании с их взаимным сдерживанием.

Классическая теория разделения властей впервые получила свое юридическое закрепление в конституции США в 1787 г., будучи дополнена таким новшеством как «система сдержек и противовесов», а в дальнейшем была узаконена и в нормативных актах большинства государств. Причем в зависимости от типа государственного устройства (в частности федеративного) помимо «горизонтального» разделения властей между тремя названными ветвями, осуществляется и «вертикальное» – между федерацией и субъектами [4, с. 337]. Теория разделения властей продолжила свое развитие в XIX-XX вв., что выразилось в распространении принципа государственного устройства на значительное число стран, в установлении некоторых других принципов разделения, в увеличении количества ветвей власти. Что касается нашей страны, то ситуация складывалась иначе.

И.С. Дмитриев и С.В. Скутнева, анализируя исторический ход развития принципа разделения властей в России, отмечали его специфический характер. Очевидно, что в период существования Российской империи было некорректно говорить о разделении властей между разными социальными силами и разграничении полномочий между государственными органами. Фактически классическая теория разделения властей не имела перспектив и почвы для развития вплоть до 1905 г., когда было провозглашено создание Государственной Думы, что ознаменовало конец абсолютной монархии [6, с. 251]. Данное представительное учреждение парламентского типа представляла собой «законосовещательный орган» и обеспечивала движение в сторону разделения властей, ограничив произвол и авторитаризм власти царя. Однако в новом социалистическом государстве В.И. Ленин использовал марксистскую модель концентрации власти в руках правящего собрания в виде советов. После революции 1917 г. все ветви власти были сконцентрированы в руках Советов, являвшимися представителями различных слоев общества. Это означало, что государственная власть не подлежала разделению и не предусматривала конституционные ограничения отдельных ветвей власти, а также установление баланса с помощью системы сдержек и противовесов [7, с. 173]. Фактически В.И. Ленин, занимаясь государственным строительством, отрицал принцип разделения властей, что способствовало оправданию концентрации власти в руках правящей партии.

Ситуация практически не менялась на протяжении всего периода существования СССР, когда в основе государственного строя лежал принцип демократического централизма, который применялся во всех видах деятельности государства на всей территории страны. Такой подход власти аргументировали тем, что при отсутствии демократического централизма может возникнуть анархия, ведомственные и местнические тенденции, и развитие приобретет стихийный характер [7, с. 173]. Фактически это означало, что советский конституционализм допускал только распределение функций между органами государственной власти, имеющими четкую субординацию, а потому в теории советского государства выделялись не ветви власти, а функции единого государственного аппарата. Подобный подход привел к тому, что более чем на 70 лет закрепилась модель правящего собрания партии, включенная во все конституции, которые принимались в СССР. Проблема заключалась и в том, что демократическим государство было только де юре, де-факто это была коммунистическая партократия со своими высшими органами (ЦК и Политбюро), и такая «монополия» на власть была закреплена в Конституции 1977 г. [7, с. 175].

Именно поэтому на этапе формирования нового государства – Российской Федерации – остро встал вопрос реализации принципа разделения властей. Начало было положено еще в СССР в период перестройки, когда инициатива

М.С. Горбачева привела к осуществлению целого комплекса изменений во всех сферах общественной жизни. Так, уже к середине 1980-х годов сложилось понимание того, что Советский Союз утратил вектор на построение развитого социализма и оказался в состоянии глубокого кризиса. Изначально руководство коммунистической партии видело решение проблемы в осуществлении частичных преобразований (перестройки) без отказа от самой социалистической идеи [8, с. 96].

Следствием этого решения стала конституционная реформа, начавшаяся в СССР 1 декабря 1988 г. с принятия закона, которым вносились изменения и дополнения в Конституцию СССР 1977 года; кроме того, был принят закон о выборах народных депутатов в стране. Эти законы дали толчок масштабным изменениям системы государственной власти: был учрежден Съезд народных депутатов как высший орган государственной власти и Верховный совет – высший законодательный и представительный орган государственной власти, также осуществлявший функцию контрольного органа.

В приложении к изменению структуры власти наибольший интерес представляет конституционная реформа от 27 октября 1989 г., согласно которой вводились новые представительные органы власти. Им стал Съезд народных депутатов СССР, уполномоченный принимать основные политические решения в государстве. Кроме того, получила развитие идея действия такого механизма, который стал бы препятствием для узурпации власти должностным лицом или государственным органом [9, с. 106]. Далее в 1989-1990 гг. в структуру политической системы были встроены некоторые принципы концепции разделения властей (конституционный надзор, отмена главенствующей роли КПСС, введение поста Президента СССР, провозглашение суверенитета РСФСР и установление поста ее президента, создание комиссии по подготовке новой конституции).

Путем внесения изменений и дополнений в действовавшую с 1978 г. Конституцию РСФСР в 1992 г. в конституционное право России вошел принцип разделения властей. Однако начало применения данной концепции было конфликтным, поскольку противостояние между законодательной и исполнительной властью привело конституционному кризису. После указа Б.Н. Ельцина «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», которым была упразднена деятельность Верховного совета, начались события 3-4 октября 1993 г., вошедшие в историю современной России как «расстрел Белого дома», «октябрьский путч».

Относительно скоро после октябрьских событий, а именно 12 декабря 1993 г. была принята новая Конституция Российской Федерации, в статье 10 закрепившая принцип разделения властей в его классическом варианте: три самостоятельных и независимых ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная. Таким образом, разделение полномочий между ветвями государственной власти в условиях современной России получило свое законодательное закрепление. Формулировка ст. 10 позволяет не только понять, как именно действует принцип разделения властей, но и увидеть в устройстве государственной власти систему сдержек и противовесов, действующих между ветвями власти, поскольку каждая из них реализует свои функции и обладает собственными компетенциями. Законодательную власть осуществляет Федеральное Собрание – парламент, исполнительную – Правительство, судебную – суды Российской Федерации. При этом государственная власть едина, но функции ее – законодательство, управление и правосудие – различны.

Именно конституционный принцип разделения властей, реализованный таким способом, с одной стороны не становится препятствием для распределения ряда прав между органами другой ветви власти, с другой – он же не позволяет образоваться разрыву между ними и служит для создания реального баланса ветвей власти [10, с. 56]. Такое распределение служит гарантией от разрыва между властями, способствует формированию действительного равновесия и баланса ветвей власти.

Важно и то, что в ст. 11 Конституции четко указано, какие именно лица и органы осуществляют государственную власть:

- Президент – является главой Российской Федерации и гарантом ее Конституции, но не относится ни к одной из ветвей власти;
- Федеральное Собрание – двухпалатный парламент, в который входит Совет Федерации и Государственная Дума, и который представляет собой законодательную ветвь власти;
- Правительство – включает Председателя Правительства, его заместителей и федеральных министров в различных сферах и реализует функции исполнительной ветви власти;
- судебная система – к ней относятся федеральные суды (Конституционный Суд, Верховный Суд, суды общей юрисдикции, арбитражные суды), суды субъектов федерации (конституционные или уставные суды, мировые судьи), и только данная структура осуществляет судебную власть.

В ст. 11 указывается, что в субъектах Российской Федерации реализуется такая же система государственной власти, а также уста-

новлен конституционный порядок «разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов». Основанием для разграничения является Конституция Российской Федерации и другие договоры, касающиеся непосредственно разграничения предметов ведения и полномочий.

В то же время большинство современных исследователей сходятся во мнении, что реализуемый в настоящее время принцип разделения властей не следует расценивать как нечто застывшее и неизменное. Суть заключается в том, что между ветвями власти постоянно происходит взаимодействие, они функционируют в едином ключе, обеспечивая тем самым поиск рациональных решений на федеральном и региональном уровне.

Более того, в силу динамичного развития всех сфер общественной жизни отечественные ученые (С.А. Авакьян, В.Е. Чиркин) отмечают, что закрепленная в Конституции ключевая модель разделения властей на три ветви не вполне релевантна в современных условиях. Именно поэтому в научных источниках можно встретить предложения о необходимости выделения других ветвей власти. Так, в силу наличия в Российской Федерации Центробанка, Администрации Президента, Счетной палаты и ряда других органов В.Е. Чиркин говорит о целесообразности выделения контрольной ветви власти, а также по аналогии с другими странами (например, Латинской Америки) избирательной власти [11, с. 347]. В.Б. Романенко идет дальше, предлагая расширить классическую триаду путем введения новых структур и за счет переименования существующих. В этом случае предполагается наличие правящей власти, законодательной власти, административной власти, судебной и судебно-конституционной власти [12, с. 42]. Еще более широкий перечень можно встретить в других работах. Однако, с точки зрения автора статьи, подобное «дробление» ветвей власти не является целесообразным, поскольку оно лишь будет усложнять процесс управления и приводить к его излишней бюрократизации и неэффективности.

В то же время, продолжая анализировать конституционные основы принципа разделения властей в Российской Федерации, следует заметить наличие целого ряда особенностей, которые сложились исторически. В первую очередь это статус Президента Российской Федерации, закрепленный в ст. 80 Конституции и гласящий: «Президент Российской Федерации… обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти». Существуют и другие особенности: право издавать нормативные указы (ст. 90); контроль Правительства РФ (ст. 83, 111, 113, 115-117); право выполнять отдельные судебные функции (ст. 85). Тем не менее, несмотря на такую широту полномочий Президента, в ст. 3 Конституции закреплен тот факт, что главенствующее место в системе разделения властей остается за принципом народного представительства.

Особенность конституционного закрепления принципа разделения властей в нашей стране заключается и в том, что он предусматривает существование таких органов как Центральная избирательная комиссия, Прокуратура. Характерным для России является и то, что законодательные органы, помимо своей основной функции, вправе реализовывать некоторые задачи управления и правосудия. М.А. Мокосеева указывает на такие функции законодательных органов как ратификация и денонсация международных договоров; принятие решений, касающихся некоторых вопросов национально-государственного устройства; отрешение от должности Президента Российской Федерации. В свою очередь исполнительная власть принимает на себя некоторые функции законодательной ветви власти, а именно: издание актов нормативного характера; заключение международных договоров. Наконец, последним аспектом является то, что судебная власть за счет действия своих структурных компонентов (Конституционный Суд, Верховный Суд и Высший Арбитражный Суд) в русле осуществления своей законодательной инициативы может воздействовать на законодательство [10, с. 56].

Тем не менее, перечисленное расширение и «пересечение» полномочий разных ветвей власти не нарушает реализацию принципа разделения властей, а лишь обеспечивает изначально заложенную возможность взаимодействия разных ветвей власти для целостного функционирования Российской Федерации как демократического правового государства.

Список литературы:

[1] Силаев А. Разделение властей в античности [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@classical_liberal-razdelenie-vlastei-v-antichnosti (дата обращения 06.11.2025).

[2] Геворкян М.В. Истоки теории разделения властей // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. С. 116-120.

[3] Платон. Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastics, 2003. 864 с.

[4] Плевако Л.В. Принцип разделения властей: история и современность // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2003. № 2. С. 335-339.

[5] Теория разделения властей Дж. Локка и Ш. Монтескье [Электронный ресурс] // Теория государства и права. Студент Проф. URL: https://studentprof.ru/teoriya-razdeleniya-vlastej-dzh-lokka-i-sh-monteske (дата обращения 06.11.2025).

[6] Дмитриев И.С., Скутнева С.В. Разделение властей в России: от истории к современности // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 января 2017 г.). В 2 т. Т. 2 / Под ред. О.Н. Широкова. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. Т.2. С. 251-254.

[7] Романенко В.Б. Разделение властей в теории и практике конституционализма // Теория и практика общественного развития. 2010. С. 173-177.

[8] Дерябина Е.С. Конституционное реформирование в СССР и России в переходный период (конец 80-х – начало 90-х гг. XX века) // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 4. С. 93-103.

[9] Зиновьева А.В. Формирование концепции разделения властей в политической системе России в ходе конституционной реформы 1989-1993 гг. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 12-1(99). С. 105-110.

[10] Мокосеева М.А. Разделение властей в России: история и современность // Марийский юридический вестник. 2009. Вып. 7. С. 55-57.

[11] Чиркин В.Е. Государствоведение: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юристъ, 2000. 384 с.

[12] Романенко В.Б. Новая модель разделения властей в социальном правовом государстве // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. С. 42.

References:

[1] Silaev A. Separation of powers in antiquity [Electronic resource]. URL: https://vk.com/@classical_liberal-razdelenie-vlastei-v-antichnosti (дата обращения 06.11.2025).

[2] Gevorgyan M.V. Origins of the theory of separation of powers//Bulletin of Pskov State University. Series: Social Sciences and Humanities. 2010. S. 116-120.

[3] Plato. Aristotle. Politics. Science of government. M.: Eksmo Publishing House; СПб.: Terra Fantastics, 2003. 864 pp.

[4] Plevako L.V. The principle of separation of powers: history and modernity//Bulletin of the Murmansk State Technical University. 2003. № 2. S. 335-339.

[5] The theory of separation of powers of J. Locke and S. Montesquieu [Electronic resource]// Theory of state and law. Student Prof. URL: https://studentprof.ru/teoriya-razdeleniya-vlastej-dzh-lokka-i-sh-monteske (дата обращения 06.11.2025).

[6] Dmitriev I.S., Skutneva S.V. Separation of powers in Russia: from history to modernity//Scientific and educational space: development prospects: materials IV International. scientific-practical. conf. (Cheboksary, January 29, 2017). In 2 vols. T. 2/Ed. O.N. Shirokova. Cheboksary: Center for Scientific Cooperation “Interactive Plus,” 2017. T.2. S. 251-254.

[7] Romanenko V.B. Separation of powers in the theory and practice of constitutionalism//Theory and practice of social development. 2010. S. 173-177.

[8] Deryabina E.S. Constitutional reform in the USSR and Russia during the transition period (late 80s - early 90s of the twentieth century)//Vestnik VSU. Series: Right. 2019. № 4. S. 93-103.

[9] Zinovieva A.V. Formation of the concept of separation of powers in the political system of Russia during the constitutional reform of 1989-1993//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 12-1(99). S. 105-110.

[10] Mokoseeva M.A. Separation of powers in Russia: history and modernity//Mari Legal Bulletin. 2009. No. 7. S. 55-57.

[11] Chirkin V.E. State studies: textbook. 2nd ed., Rev. and add. M.: Lawyer, 2000. 384 pp.

[12] Romanenko V.B. A new model of separation of powers in a social legal state//Scientific thought of the Caucasus. 2011. № 1. S. 42.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-102-107

КОСОЛАПОВ Николай Иванович,
руководитель юридического отдела
ООО «Гарантия защиты»,
e-mail: cosolapow.col@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ СУБЪЕКТОВ И ОБЪЕКТОВ, СОСТАВЛЯЮЩИХ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

Аннотация. *В статье на основании результатов обобщения и анализа содержания теоретических аналитических и законодательных источников выявлены и обоснованы основные трудности и противоречия, связанные с несовершенством действующего национального, наднационального и международного права в сфере регистрации транснациональных корпораций и их недвижимого имущества; установлена угрозообразующая связь данных проблем законодательного характера с состоянием защищенности стратегических ресурсов Российской Федерации и соблюдением на международном уровне ее национальных интересов в сфере территориальной, экономической, стратегической и производственной безопасности. По итогам проведенного исследования сформулированы и обоснованы авторские предложения по совершенствованию процедуры государственной регистрации субъектов и объектов, составляющих содержание правового статуса транснациональных корпораций.*

Ключевые слова: *государственная регистрация юридических лиц, национальные интересы, национальные ТНК, недвижимое имущество, принимающее государство, ресурсы, стратегическая безопасность, транснациональная корпорация.*

KOSOLAPOV Nikolai Ivanovich,
Head of the Legal Department
of LLC "Guarantee of Protection"

IMPROVING THE PROCEDURE FOR STATE REGISTRATION OF ENTITIES AND OBJECTS CONSTITUTING THE CONTENT OF THE LEGAL STATUS OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS

Annotation. *The article, based on the results of generalization and analysis of the content of theoretical analytical and legislative sources, identifies and substantiates the main difficulties and contradictions associated with the imperfection of the current national, supranational and international law in the field of registration of transnational corporations and their real estate; a threat-forming connection has been established between these legislative problems and the state of protection of the strategic resources of the Russian Federation and the observance at the international level of its national interests in the field of territorial, economic, strategic and industrial safety. Based on the results of the study, author's proposals were formulated and substantiated to improve the procedure for state registration of subjects and objects that make up the content of the legal status of transnational corporations.*

Key words: *state registration of legal entities, national interests, national TNCs, real estate, host state, resources, strategic security, transnational corporation*.

В современной правовой науке на теоретическом и эмпирическом уровнях доказано принципиально важное (а зачастую - системообразующее) значение транснациональных корпораций как для мировой экономики, так и для экономик развивающихся стран в контексте процессов глобализации и мирового распределения природных, стратегических, производствен-

ных, человеческих и иных ресурсов. С учетом ситуации, складывающейся в настоящее время в мире, именно вопросы распределения и обеспечения доступа ведущих мировых держав к наиболее важным ресурсам составляют основную информационную повестку [2,3]. Не меньшую важность обретают вопросы геополитического расположения крупнейших добывающих, производственных, обрабатывающих, логистических, инновационных и иных стратегических центров, составляющих основу для развития мировой экономики. В последнее время между рядом государств обострились споры о пересмотре границ территорий, которые ранее не были предметом территориальных притязаний. Инициаторы этих дискуссий стремятся получить доступ к ограниченным природным ресурсам, стратегически важным транспортным путям и рынкам сбыта своей продукции. Эти действия направлены на обеспечение стабильности и устойчивого функционирования крупнейших транснациональных корпораций [1].

Для Российской Федерации, обладающей обширными мировыми запасами природных, стратегических и других ресурсов, активно участвующих в глобальных экономических процессах, первостепенное значение приобретает необходимость обеспечения национальной безопасности и защиты национальных интересов в данной области. Это требует совершенствования законодательства, регулирующего регистрацию субъектов и объектов, составляющих правовой статус российских транснациональных корпораций, а также структурных подразделений иностранных ТНК, работающих на территории России.

В данном случае следует согласиться с позицией Д.В. Ященко и И.В. Московенко, полагающих, что владение ресурсами и стратегическими возможностями, обладание значительными человеческими ресурсами с широким потенциалом, определяет экономическое господство государства и предоставляет его национальным ТНК возможность диктовать внутреннюю и внешнюю политическую повестку, а также фактически избегать контроля со стороны государств, являющихся принимающими для структурных подразделений данных ТНК [8]. Данную позицию поддерживают и иные авторы, подчеркивая, что транснациональные корпорации, являясь субъектом частноправовых отношений, обладают широкими властными полномочиями, поскольку масштабы и характер осуществляемой ими деятельности позволяет им навязывать принимающим государствам невыгодные для них условия [4,5]. Попытки оказания санкционного давления на Россию со стороны недружественных стран в период 2022-2025 гг. подтвердили намерения иностранных государств использовать несовершенства действующего национального, наднационального и международного законодательства в своих интересах за счет активного посягательства на российские ресурсы.

Многочисленные попытки разработать и принять единый международный нормативный правовой акт, направленный на уточнение статуса и порядка деятельности транснациональных корпораций (ТНК), заканчивались провалом переговоров. В связи с этим очевидно, что на данный момент создание такого акта невозможно. Учитывая стратегические, социально-экономические и правовые реалии, на текущем этапе необходимо решать эти вопросы в рамках национального законодательства. Ключевой целью при этом является создание наиболее безопасных и юридически благоприятные условий для функционирования национальных ТНК и подразделений иностранных ТНК на территории и под юрисдикцией Российской Федерации.

В первоочередном порядке законодательного разрешения требует проблема определения понятия и основных признаков транснациональной корпорации путем разработки и принятия Федерального закона «О транснациональных корпорациях». В качестве содержательной основы предлагаемого закона целесообразно использовать Конвенцию о транснациональных корпорациях, принятую государствами-участниками СНГ 6 марта 1998 года в Москве. Несмотря на выход российской стороны из числа участников данного международного правового акта [9] в силу причин объективного характера, указанный международный документ подтвердил состоятельность изложенных в нем положений, их соответствие специфике деятельности ТНК, эффективность описываемого в нем механизма создания, регистрации и функционирования корпораций.

Поскольку в соответствии с предлагаемым законом предполагается, что факт регистрации корпорации определяется законодательством государства - места ее регистрации, целесообразно в качестве отдельной нормы учесть, что регистрация ТНК подтверждается выдачей свидетельства государственного образца, содержащего полное наименование и конкретную организационно-правовую форму корпорации с обязательным включением в него словосочетания «транснациональная корпорация». В интересах повышения прозрачности организационной структуры ТНК и подтверждения ее соответствия заявляемой при государственной регистрации организационно-правовой форме в рамках отдельной нормы предлагаемого закона следует обязать в перечне документов, представляемых для государственной регистрации головной ком-

пании ТНК, представлять подробное описание структуры регистрируемой ТНК на момент ее регистрации и исчерпывающий перечень структурных подразделений, функционирующих на территории иностранных государств (при их наличии на момент регистрации).

Кроме того, в нормах закона важно учесть, что после получения свидетельства о государственной регистрации транснациональной корпорации сведения об изменении (дополнении, преобразовании) ее структуры должны быть предоставлены в регистрирующий орган на территории Российской Федерации в срок, не позднее 30 дней с момента фактически произошедших изменений. При этом регистрирующим органом в срок, не превышающий 7 календарных дней с момента получения данной информации, представленные сведения должны быть учтены и скорректированы в первоначально поданной информации об описании организационной структуры данной ТНК.

С организационной точки зрения и в интересах повышения прозрачности процедуры регистрации транснациональных корпораций на территории Российской Федерации, а также ввиду последующего упрощения процедур налогообложения и контроля за их деятельностью, целесообразно сформировать Единый общегосударственный реестр транснациональных корпораций, в котором будет содержаться информация описательного, правового, организационного и функционального содержания, отражающая все аспекты функционирования головных и дочерних подразделений на территории Российской Федерации. Ведение данного реестра целесообразно поручить Федеральной налоговой службе Российской Федерации в качестве органа, осуществляющего государственную регистрацию юридических лиц. Информация, содержащаяся в данном реестре, по специальному мотивированному запросу может быть доступна для иных органов государственной власти (например, для правоохранительных органов при наличии информации о готовящемся либо совершенном преступлении, административном правонарушении и т.д.)

Предлагаемые пути совершенствования процедуры государственной регистрации транснациональных корпораций непосредственно взаимосвязаны с необходимостью разработки и внедрения аналогичного механизма государственной регистрации объектов, относимых в соответствии с действующим законодательством к объектам недвижимости (недвижимым вещам). Учитывая тесную взаимосвязь права собственности на недвижимое имущество и обязанность по уплате налога на него, представляется рациональным сформировать следующий взаимосвязанный организационно-правовой механизм государственной регистрации объектов недвижимости, непосредственно определяющих содержание правового статуса транснациональных корпораций:

1) законодательно определить обязанность ТНК в случаях государственной регистрации головных компаний либо иных структурных подразделений под юрисдикцией Российской Федерации осуществлять государственную регистрацию (с последующим кадастровым учетом) всех объектов недвижимости, расположенных на территории страны, как в момент регистрации юридического лица (лиц), так и в последующем – в момент их фактического приобретения. Данное добросовестное поведение в целях достижения баланса интересов всех сторон должно быть уравновешено предоставлением данным ТНК (их структурным подразделениям) возможностей применения к ним особых налоговых режимов, сопряженным с пропорциональным (в зависимости от количества зарегистрированных объектов недвижимости) снижением налоговых ставок по уплате налога на недвижимость и предоставлением иных разумных налоговых преференций в зависимости от осуществляемого вида коммерческой деятельности;
2) в случаях непредставления юридическими лицами, образующими структуру ТНК, информации о наличии у них недвижимого имущества на территории Российской Федерации (как намеренно, так и по причине его фактического отсутствия), к головным и структурным подразделениям ТНК следует применять повышенные ставки налогообложения, дифференцируемые в зависимости от вида осуществляемой деятельности и объема получаемой прибыли. При этом данные подходы к налогообложению должны дифференцироваться в сторону увеличения налоговых ставок при осуществлении ТНК инновационной, ресурсодобывающей, ресурсообрабатывающей и иной деятельности, связанной с использованием природного, человеческого и научно-технического потенциала страны, а также учитывать фактический размер получаемой прибыли – по принципу пропорциональности (чем выше прибыть – тем больше ставка налога на нее).

Предлагаемые способы совершенствования процедуры государственной регистрации объектов недвижимости в случае их практической реализации позволят одновременно достичь позитивных результатов в различных сферах:

– конкретизировать содержание правового статуса транснациональных корпораций и границы их ответственности при осуществлении деятельности на территории Российской Федерации;
– достичь баланса интересов ТНК и государства на основании взаимовыгодных принципов взаимодействия;
– обеспечить защиту национальных интересов Российской Федерации в сфере использования ресурсов и деятельности иностранных субъектов экономической деятельности под юрисдикцией Российской Федерации;
– сформировать эффективную правовую основу в сфере государственной регистрации ТНК и принадлежащих им на праве собственности объектов невидимости, повысить прозрачность правоотношений в данной сфере;
– обеспечить применение к ТНК, осуществляющим свою деятельность на территории Российской Федерации, разумных, справедливых и дифференцированных в зависимости от сценариев, вариантов и результатов экономико-правового поведения данных субъектов, налоговых режимов.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, следует сформулировать вывод о том, что совершенствование процедуры государственной регистрации субъектов и объектов, составляющих содержание правового статуса транснациональных корпораций, видится в практической реализации следующих предложений организационно-правового характера:

– формально определить понятие и основные признаки транснациональной корпорации путем разработки и принятия Федерального закона «О транснациональных корпорациях»;
– в качестве отдельной нормы учесть, что регистрация ТНК подтверждается выдачей свидетельства государственного образца, содержащего полное наименование и конкретную организационно-правовую форму корпорации с обязательным включением в него словосочетания «транснациональная корпорация»; в рамках отдельной нормы предлагаемого закона обязать в перечне документов, представляемых для государственной регистрации головной компании ТНК, представлять подробное описание структуры регистрируемой ТНК на момент ее регистрации и исчерпывающий перечень структурных подразделений, функционирующих на территории иностранных государств (при их наличии на момент регистрации).
– в содержании закона учесть, что после получения свидетельства о государственной регистрации транснациональной корпорации сведения об изменении (дополнении, преобразовании) ее структуры должны быть предоставлены в регистрирующий орган на территории Российской Федерации в срок, не позднее 30 дней с момента фактически произошедших изменений. При этом регистрирующим органом в срок, не превышающий 7 календарных дней с момента получения данной информации, представленные сведения должны быть учтены и скорректированы в первоначально поданной информации об описании организационной структуры данной ТНК;
– сформировать Единый общегосударственный реестр транснациональных корпораций, в котором будет содержаться исчерпывающая информация описательного, правового, организационного и функционального содержания, отражающая все аспекты функционирования головных и дочерних подразделений на территории Российской Федерации. Ведение данного реестра поручить Федеральной налоговой службе Российской Федерации в качестве органа, осуществляющего государственную регистрацию юридических лиц;
– сформировать взаимосвязанный организационно-правовой механизм государственной регистрации объектов недвижимости, непосредственно определяющих содержание правового статуса транснациональных корпораций:

1) законодательно определить обязанность ТНК в случаях государственной регистрации головных компаний либо иных структурных подразделений под юрисдикцией Российской Федерации осуществлять государственную регистрацию (с последующим кадастровым учетом) всех объектов недвижимости, расположенных на территории страны, как в момент регистрации юридического лица (лиц), так и в последующем – в момент их фактического приобретения. Данное добросовестное поведение в целях достижения баланса интересов всех сторон должно быть уравновешено предоставлением данным ТНК (их структурным подразделениям) возможностей применения к ним особых налоговых режимов, сопряженным с пропорциональным (в зависимости от количества зарегистрированных объектов недвижимости) снижением налоговых ставок по уплате налога на недвижимость и предоставлением иных разумных

налоговых преференций в зависимости от осуществляемого вида коммерческой деятельности;

2) в случаях непредставления юридическими лицами, образующими структуру ТНК, информации о наличии у них недвижимого имущества на территории Российской Федерации (как намеренно, так и по причине его фактического отсутствия), к головным и структурным подразделениям ТНК следует применять повышенные ставки налогообложения, дифференцируемые в зависимости от вида осуществляемой деятельности и объема получаемой прибыли. При этом данные подходы к налогообложению должны дифференцироваться в сторону увеличения налоговых ставок при осуществлении ТНК инновационной, ресурсодобывающей, ресурсообрабатывающей и иной деятельности, связанной с использованием природного, человеческого и научно-технического потенциала страны, а также учитывать фактический размер получаемой прибыли – по принципу пропорциональности (чем выше прибыть – тем больше ставка налога на нее).

Практическая реализация сформулированных предложений позволит восполнить имеющиеся законодательные пробелы в сфере определения понятия, признаков и правил осуществления деятельности ТНК на территории и под юрисдикцией Российской Федерации; обеспечить суверенитет страны в сфере международного экономического сотрудничества; обеспечить соблюдение национальных интересов России в сфере использования ее природного, ресурсного, территориального, человеческого, научно-технического потенциала; сформировать разумные, эффективные и справедливые ориентиры для участников правоотношений в рассматриваемой сфере, определив варианты их поведения в границах действующего национального законодательства и способы взаимного достижения баланса интересов.

Список литературы:

[1] Журавель В.П., Тимошенко Д.С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. № 49, 2022. С. 105-124.

[2] Зачем США понадобились редкоземельные металлы в разных странах мира // Российская газета: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2025/03/02/zachem-ssha-ponadobilis-redkozemelnye-metally-v-raznyh-stranah-mira.html. (дата обращения 03.11.2025).

[3] Кадомцев А.В. Борьба за редкоземельные металлы - редкость ценится всё дороже // Международная жизнь: электронный журнал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/50459 (дата обращения 04.11.2025 г.)

[4] Коликова Ю.Д. Правовые инструменты регулирования деятельности ТНК // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. № 6, 2022. С. 110-114.

[5] Кудрявцева Л.В., Стайловская В.И. Транснациональные корпорации в международном частном праве // Аграрное и земельное право. № 12 (192), 2020. С. 114-116.

[6] Соболев Е.С. Специфика правового статуса транснациональных корпораций в международном частном праве // Аллея Науки: Научно-практический электронный журнал. № 12 (99), 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://alley-science.ru/domains_data/files/December24/ spetsifika-pravovogo-statusa-transnatsional-nih-korporatsii-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave.pdf (дата обращения 28.02.2025 г.)

[7] Спорный остров: как Америка и Дания делят Гренландию и что об этом думают гренландцы // Русскоязычный портал международного аналитико-новостного издания Forbes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.forbes.ru/society/528788-spornyj-ostrov-kak-amerika-i-dania-delat-grenlandiu-i-cto-ob-etom-dumaut-grenlandcy (дата обращения 02.11.2025 г.).

[8] Ященко Д.В., Московенко И.В. Проблемы правового регулирования деятельности транснациональных корпораций // Бюллетень науки и практики. Т. 5, № 1, 2019. С. 321.

[9] О намерении Российской Федерации не стать участником некоторых международных договоров, подписанных в рамках Содружества Независимых Государств: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июня 2003 г. № 364. Уведомление депонировано 10.07.2003 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=4&nd=102082300&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%EA%E0%F1++ (дата обращения 23.10.2025).

References:

[1] Zhuravel V.P., Tymoshenko D.S. Russian Arctic during the period of sanctions pressure and geopolitical instability//Arctic and North. № 49, 2022. S. 105-124.

[2] Why did the United States need rare earth metals in different countries of the world//Rossiyskaya Gazeta: official website. [Electronic resource]. Режим доступа: https://rg.ru/2025/03/02/zachem-

ssha-ponadobilis-redkozemelnye-metally-v-raznyh-stranah-mira.html. (date of circulation 03.11.2025).

[3] Kadomtsev A.V. The struggle for rare earth metals is increasingly valued//International life: an electronic journal. [Electronic resource]. Access mode: https://interaffairs.ru/news/show/50459 (accessed 04.11.2025)

[4] Yu. Kolikova. Legal instruments for regulating the activities of TNK//Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and Law. № 6, 2022. S. 110-114.

[5] Kudryavtseva L.V., Staylovskaya V.I. Transnational corporations in private international law// Agrarian and land law. № 12 (192), 2020. S. 114-116.

[6] Sobolev E.S. Specifics of the legal status of transnational corporations in private international law//Science Alley: Scientific and Practical Electronic Journal. № 12 (99), 2024. [Electronic resource]. Режим доступа: https://alley-science.ru/domains_data/files/December24/ spetsifika-pravovogo-statusa-transnatsional-nih-korporatsii-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave.pdf (дата обращения 28.02.2025 г.)

[7] Disputed island: how America and Denmark divide Greenland and what Greenlanders think about it//Russian-language portal of the international analytical and news publication Forbes. [Electronic resource]. Режим доступа: https://www.forbes.ru/society/528788-spornyj-ostrov-kak-amerika-i-dania-delat-grenlandiu-i-cto-ob-etom-dumaut-grenlandcy (дата обращения 02.11.2025 г.).

[8] Yashchenko D.V., Moskovenko I.V. Problems of legal regulation of the activities of transnational corporations//Bulletin of Science and Practice. VOL. 5, NO. 1, 2019. P. 321.

[9] On the intention of the Russian Federation not to become a party to some international treaties signed within the framework of the Commonwealth of Independent States: Decree of the Government of the Russian Federation of June 24, 2003 No. 364. Notice deposited 10.07.2003//Official Internet Portal of Legal Information. [Electronic resource]. Access mode: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/? docbody =&link_id = 4&nd = 102082300&bpa = cd00000&bpas = cd00000&intelsearch = %EA%E0%F1++ (accessed date 23.10.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-108-113

МАЖИЕВ Майрбек Хасанович,
аспирант 1 курса кафедры правового регулирования экономической деятельности юридического факультета,
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва,
e-mail: mazhievmk@yandex.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ ПАРТНЕРСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правового статуса субъектов партнерского финансирования в Российской Федерации как комплексного частноправового феномена, находящегося на стыке кредитных, инвестиционных и торговых обязательств. Целью работы является доктринальное уточнение содержания партнерского финансирования и выработка концептуального подхода к определению правового положения его участников. Предлагается классификация субъектов, формулируются критерии отграничения партнерских моделей от классического кредитования и иных финансовых услуг, показывается их значение для решения вопроса о необходимости специального статуса и распространении публично-правовых требований.*

Ключевые слова: *партнерское финансирование, банковское право, субъекты партнерское финансирования, предпринимательские обязательства.*

MAZHIEV Mairbek Khasanovich,
1st year postgraduate student of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Faculty of Law,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

LEGAL STATUS OF PARTNERSHIP FINANCING ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines the legal status of entities engaged in partnership financing in the Russian Federation as a complex private-law phenomenon at the intersection of credit, investment, and trade obligations. The aim of the work is to doctrinally clarify the nature of partnership financing and develop a conceptual approach to defining the legal status of its participants. A classification of entities is proposed, criteria for distinguishing partnership models from traditional lending and other financial services are formulated, and their significance for addressing the need for a special status and the extension of public-law requirements is demonstrated.*

Key words: *partnership financing, banking law, entities of partnership financing, entrepreneurial obligations*.

В последние годы в Российской Федерации формируется устойчивый сегмент гражданско-правовых отношений, связанных с использованием моделей финансирования, альтернативных классическому процентному кредиту. В рамках этого сегмента получают распространение конструкции продажи товаров и услуг в рассрочку, схемы «беспроцентного» коммерческого кредитования, а также платформенные решения, при которых финансирующая сторона получает вознаграждение не в форме заранее фиксированного процента, а посредством участия в экономическом результате проекта либо через особый порядок ценообразования. При внешнем сходстве с традиционными займами и кредитами такие модели опираются на иную экономико-правовую логику, что актуализирует задачу их доктринального описания и, в частности, уточнения правового статуса субъектов, участвующих в соответствующих правоотношениях.

Партнерское финансирование выступает не как единый тип договора, а как собирательная категория, охватывающая ряд частноправовых конструкций, объединенных общей экономи-

ко-правовой идеей участия финансирующей стороны в рисках и результатах хозяйственной деятельности. В отечественной литературе отдельные аспекты таких моделей рассматриваются, в частности, в работах М.М. Вильдановой [9], Н.Р. Валишиной [8], Т.А. Андроновой [7].

Исходя из изложенного, под партнерским финансированием в настоящей работе предлагается понимать основанный на гражданско-правовом договоре способ предоставления имущественных благ (денежных средств, вещей, имущественных прав), при котором вознаграждение финансирующей стороны обусловлено участием в распределении предпринимательских рисков и (или) экономических результатов проекта, а также (или) особым порядком формирования цены товара, работы или услуги, отличным от классической модели процентного кредитования.

Сформулированное определение предполагает, прежде всего, отграничение партнерского финансирования от классических институтов займа и кредита, закрепленных в гражданском законодательстве, где экономический смысл отношений сводится к предоставлению денежных средств с последующим возвратом суммы долга и уплатой заранее определенного, абстрактного по своему характеру вознаграждения в виде процентов. В моделях же партнерского финансирования ключевым становится не факт временного предоставления капитала как таковой, а обусловленное договором участие финансирующей стороны в распределении рисков и выгод, что выражается либо в привязке ее вознаграждения к показателям хозяйственной деятельности, либо в особом механизме формирования цены поставляемого товара, работы или услуги.

Переходя к анализу субъектного состава отношений партнерского финансирования, следует отметить, что именно индивидуализация участников и их правового статуса во многом предопределяет выбор договорной модели и правовую квалификацию совокупности заключаемых соглашений.

В отличие от классических кредитных отношений, где круг субъектов относительно стабилен и нормативно очерчен (кредитные организации, заемщики, заемщики-потребители и т.п.), в моделях партнерского финансирования обычно участвуют несколько разнотипных лиц: организации, предоставляющие финансирование, операторы платформ и иных инфраструктурных сервисов, лица, привлекающие финансирование для своего проекта, а также иные участники, обеспечивающие функционирование соответствующей схемы. Отсутствие в действующем законодательстве единого понятия субъекта партнерского финансирования ведет к тому, что их статус определяется «по частям» через совокупность гражданско-правовых и финансово-правовых норм, что объективно усложняет правоприменение.

Правовой статус лиц, предоставляющих финансирование, в наибольшей степени определяет юридическую квалификацию всей модели партнерского финансирования. Как правило, в этой роли выступают коммерческие организации – хозяйственные общества, микрофинансовые организации, торговые компании, а также иные участники оборота, использующие партнерские схемы для стимулирования сбыта либо привлечения капитала. При этом значительная часть подобных моделей реализуется вне рамок статуса кредитной организации, что неизбежно ставит вопрос о допустимых границах осуществления финансовой деятельности без банковской лицензии и о соотношении рассматриваемых конструкций с установленным специальным законодательством запретом на совершение отдельных банковских операций неподнадзорными лицами. Тем самым характеристика финансирующих субъектов неизбежно приобретает двойственный характер, сочетая элементы частноправового статуса участника гражданского оборота и потенциальные публично-правовые требования, вытекающие из принадлежности к сегменту финансового рынка.

Вместе с тем субъектный состав отношений партнерского финансирования далеко не исчерпывается организациями, непосредственно предоставляющими ресурсы. Существенное место в современных моделях занимают операторы платформ и иные посредники, обеспечивающие технологическую, информационную и организационную инфраструктуру взаимодействия между финансирующими и получающими финансирование лицами. В зависимости от выбранной юридической конструкции такие участники могут действовать в статусе агентских организаций, комиссионеров, операторов платежных или информационных
сервисов, а в отдельных случаях – операторов инвестиционных или финансовых платформ. Именно на уровне этих посреднических звеньев зачастую формируются типовые договорные схемы, стандарты раскрытия информации и алгоритмы распределения рисков, в результате чего фактическое влияние платформенных субъектов на содержание правоотношения оказывается несоизмеримо более значимым, чем это следует из формально закрепленной за ними роли технического посредника.

Особое значение для характеристики субъектного состава имеют лица, привлекающие партнерское финансирование, поскольку их статус напрямую влияет на применимость императивных защитных норм и на общую оценку модели

отношений. В качестве таких получателей могут выступать как граждане, приобретающие товары, работы и услуги для личных, семейных, домашних нужд, так и индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, использующие финансирование в предпринимательской деятельности. В первом случае отношения нередко подпадают под действие законодательства о защите прав потребителей и специальных актов о предоставлении финансовых услуг гражданам, что объективно усиливает требования к содержанию договоров, к раскрытию информации и к распределению рисков. Во втором случае преобладающее значение приобретает принцип свободы договора, а возможность применения специальных защитных механизмов ограничивается, что стимулирует использование более сложных, партнерских моделей финансирования, формально ориентированных на равенство сторон, но фактически нередко закрепляющих значительное превосходство финансирующей либо платформенной стороны в определении условий взаимодействия.

Рассмотренные группы субъектов в совокупности образуют особый слой участников финансового оборота, чье положение лишь частично совпадает с традиционными категориями финансового рынка. Организации, предоставляющие партнерское финансирование, во многих случаях не обладают статусом кредитной организации, микрофинансовой организации или иного специально регулируемого финансового института, но фактически выполняют функции по перераспределению финансовых ресурсов и принятию на себя предпринимательского риска. Платформы и иные посредники, концентрируя у себя договорные и информационные потоки, нередко оказываются в положении фактических «архитекторов» финансовых схем, при этом с формально-правовой точки зрения выступают лишь агентами либо операторами сервисов. Получатели финансирования, в зависимости от того, являются ли они потребителями или предпринимателями, подпадают под различные нормативные режимы, что приводит к ситуационной и фрагментарной защите их интересов.

Указанная неопределенность правового статуса субъектов партнерского финансирования в значительной степени обусловлена характером действующего нормативного регулирования, которое лишь фрагментарно охватывает соответствующие модели и не предусматривает их системного описания. Базовым уровнем выступают нормы Гражданского кодекса Российской Федерации [1], закрепляющие общие положения об обязательствах, отдельных видах договоров, коммерческом кредите и обеспечении исполнения обязательств. Именно в рамках этих общих конструкций стороны пытаются «разместить» сложные партнерские схемы, комбинируя элементы купли-продажи, займа, оказания услуг, поручения и других договоров. Вместе с тем гражданско-правовое регулирование, будучи в первую очередь ориентированным на автономию воли и диспозитивность, не отвечает на вопрос о том, какие субъекты и при каких условиях приобретают статус участников финансового рынка, на которых распространяются специальные публично-правовые требования.

Специальный уровень регулирования формируется нормами финансового законодательства, адресованными участникам организованного финансового рынка. К числу таких актов относятся, в частности, Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [2], Федеральный закон от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [4], Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [5], Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [5], а также иные законы и подзаконные акты, устанавливающие требования к некредитным финансовым организациям и операторам инфраструктуры. Указанные акты содержат перечень допустимых операций, критерии отнесения юридических лиц к регулируемым субъектам и основания для осуществления надзора со стороны Банка России, однако не используют категорию партнерского финансирования и, как правило, не учитывают специфику моделей, в которых вознаграждение финансирующей стороны увязывается с экономическим результатом проекта либо с особыми механизмами ценообразования.

Определенным шагом к формированию специального режима стало принятие Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6]. Указанный акт вводит экспериментальный правовой режим для ограниченного круга регионов и видов деятельности, но не устраняет в полном объеме системную фрагментарность регулирования: он не содержит развернутой частноправовой модели статуса всех субъектов партнерского финансирования и не охватывает значительную часть практических схем, применяемых за пределами экспериментальных территорий.

Отсутствие в законодательстве целостного регулирования партнерского финансирования

приводит к тому, что соответствующие модели оказываются распределенными между общими положениями гражданского права и отдельными фрагментами финансового законодательства, адресованными иным по своей природе отношениям. В правоприменительной практике это выражается в попытках «подогнать» сложные партнерские схемы под уже существующие режимы – кредитование, микрофинансирование, предоставление потребительского займа, осуществление платежных услуг, – причем выбор конкретной квалификации зачастую зависит от того, какие элементы модели выходят на первый план. Подзаконные акты и разъяснения Банка России, будучи ориентированными на контроль за осуществлением банковских и иных финансовых операций, также не рассматривают партнерское финансирование как самостоятельный объект регулирования, но используются для оценки допустимости тех или иных действий небанковских участников рынка. В результате у субъектов партнерского финансирования складывается ситуация нормативной неопределенности, когда одна и та же модель может быть признана либо допустимой формой реализации свободы договора, либо фактическим осуществлением деятельности, требующей специального статуса и соблюдения жестких регуляторных требований.

Наиболее остро обозначенные проблемы проявляются при квалификации конкретных договорных схем, используемых участниками партнерского финансирования. В одних случаях формально оформленная купля-продажа товара в рассрочку с повышенной ценой по отношению к оплате «сразу» воспринимается как разновидность продажи с коммерческим кредитом, в других – как экономический эквивалент потребительского займа, на который подлежит распространению специальный режим закона о потребительском кредите (займе) и связанные с ним ограничения. Аналогичным образом конструкции, в рамках которых небанковская организация систематически предоставляет финансирование широкому кругу лиц, могут оцениваться либо как допустимое использование свободы договора, либо как фактическое осуществление деятельности, требующей статуса кредитной или микрофинансовой организации. Выбор той или иной квалификации прямо влияет на объем прав и обязанностей субъектов партнерского финансирования, на возможность применения к ним специальных требований финансового законодательства и мер ответственности, что в конечном счете переносит центр тяжести в область судебной практики, призванной разрешать возникающие коллизии.

Показательно, что в Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей [10], утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 14 октября 2020 г., специально разграничиваются отношения, связанные с приобретением товара в рассрочку у продавца по правилам статей 488, 489 ГК РФ, и отношения, возникающие при приобретении товара за счет кредитных средств, предоставляемых третьими лицами. В первом случае суд исходит из того, что речь идет о модификации купли-продажи с коммерческим кредитом, во втором – о финансовой услуге, подпадающей под действие закона о потребительском кредите (займе). В Обзоре судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг [11], утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 27 сентября 2017 г., внимание уделяется также распределению ответственности между организацией, предоставляющей финансирование, и иными участниками, вовлеченными в реализацию финансовой услуги.

В делах, касающихся деятельности организаций, предоставляющих финансирование без статуса кредитной организации, суды, как правило, оценивают совокупность фактических обстоятельств: систематичность предоставления средств или отсрочки платежа, круг обслуживаемых лиц, характер вознаграждения, используемую терминологию в договорах и рекламе, а также наличие или отсутствие у соответствующего лица специального статуса, предусмотренного финансовым законодательством. Если установлено, что небанковская организация по существу осуществляет предоставление денежных средств широкому кругу лиц на возмездной основе, суды склонны квалифицировать ее деятельность через призму договора займа или потребительского кредита (займа), что влечет применение специальных требований, включая нормы о раскрытии полной стоимости кредита, ограничениях по неустойке и иных защитных механизмов. Показателен в этом плане подход Верховного Суда РФ, сформулированный, в частности, в определении Судебной коллегии по гражданским делам от 17 января 2023 г. № 5-КГ22-121-К2 [12], где подчеркивается необходимость учета реального экономического содержания отношений при оценке условий кредитного договора и связанных с ним обеспечительных конструкций. В пограничных ситуациях выбор суда в пользу той или иной квалификации напрямую отражается на признании законности модели партнерского финансирования, вплоть до выводов о фактическом осуществлении деятельности, требующей специального статуса, и возможной недействительности заключенных договоров.

К числу наиболее значимых проблем, выявленных в исследовании, следует отнести, во-первых, коллизионность взаимосвязи партнерских

моделей с банковским и микрофинансовым регулированием, когда схожие по экономическому содержанию схемы в одних случаях квалифицируются как допустимое использование свободы договора, а в других – как фактическое осуществление регулируемой финансовой деятельности без соответствующего статуса. Во-вторых, очевидно размытый характер правового положения платформенных и иных посреднических субъектов, которые де-факто конструируют условия партнерского финансирования и управляют денежными потоками, но де-юре нередко остаются в тени, будучи описанными как технические операторы сервисов. В-третьих, сохраняется фрагментарность правовых механизмов защиты получателей партнерского финансирования: в отношении потребителей работают специальные защитные режимы, тогда как предприниматели и организации зачастую оказываются лишены сопоставимого уровня правовых гарантий, несмотря на возможный дисбаланс их переговорных позиций по отношению к финансирующим и платформенным участникам.

Представляется, что преодоление обозначенных проблем возможно лишь при сочетании точечных изменений в действующем законодательстве с формированием более целостной концепции партнерского финансирования.

На нормативном уровне целесообразно, как минимум, рассмотреть вопрос о закреплении в гражданском законодательстве базового определения партнерского финансирования и общих критериев отграничения соответствующих моделей от классического кредитования и иных финансовых услуг. Дополнительного осмысления требует и вопрос о внесении изменений в специальные законы, регулирующие деятельность кредитных и микрофинансовых организаций, а также операторов платежных и информационных сервисов, с тем чтобы более четко определить случаи, когда партнерские схемы подлежат включению в сферу надзора, и когда они могут рассматриваться как реализуемые в рамках общей свободы договора частноправовые конструкции. Такое выстраивание границ в законодательстве позволило бы повысить предсказуемость правоприменения и снизить риски для субъектов партнерского финансирования.

Важным дополнением к законодательному уточнению статуса субъектов партнерского финансирования могут выступать механизмы саморегулирования и профессиональной стандартизации. Объединение финансирующих организаций и платформенных участников в рамках профессиональных объединений способно обеспечить выработку типовых договорных конструкций, стандартов раскрытия информации, критериев допустимого распределения рисков и подходов к разрешению конфликтов интересов. Такие стандарты, будучи добровольно принимаемыми участниками рынка, могут использоваться судами и контролирующими органами в качестве ориентира при оценке добросовестности поведения субъектов партнерского финансирования и при толковании неоднозначных условий договоров. В перспективе развитие саморегулируемых механизмов в данной сфере способно не только снизить регуляторную нагрузку, но и способствовать формированию устойчивой правоприменительной практики, более четко очерчивающей правовое положение участников партнерских моделей.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

[3] Федеральный закон Российской Федерации от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3435.

[4] Федеральный закон Российской Федерации от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

[5] Федеральный закон Российской Федерации от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

[6] Федеральный закон Российской Федерации от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32. Ст. 5714.

[7] Андронова Т. А., Тарасенко О. А. Партнёрское финансирование: существенные элементы правового режима // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8 (120). С. 75–81.

[8] Валишина Н. Р. Партнёрское финансирование: первые результаты и постановка проблемы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 154–157.

[9] Вильданова М. М. Партнёрское финансирование как условие для благоприятного развития экономики России // Право и практика. 2023. № 2. С. 101–108.

[10] Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14.10.2020 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 20.11.2025).

[11] Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.09.2017 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 20.11.2025).

[12] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.2023 № 5-КГ22-121-К2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2025).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part two): dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 31.07.2025) //Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.

[2] Federal Law of the Russian Federation No. 395-1 dated 02.12.1990 "On Banks and Banking Activities "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 6. Art. 492.

[3] Federal Law of the Russian Federation of 02.07.2010 No. 151-FZ "On Microfinance Activities and Microfinance Organizations "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 27. Art. 3435.

[4] Federal Law of the Russian Federation of 21.12.2013 No. 353-FZ "On Consumer Credit (Loan) "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № 51. Art. 6673.

[5] Federal Law of the Russian Federation of 27.06.2011 No. 161-FZ "On the National Payment System "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 27. Art. 3872.

[6] Federal Law of the Russian Federation of 04.08.2023 No. 417-FZ "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the implementation of partnership financing activities "//Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 32. Art. 5714.

[7] Andronova T.A., Tarasenko O.A. Partner financing: essential elements of the legal regime// Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2024. № 8 (120). S. 75-81.

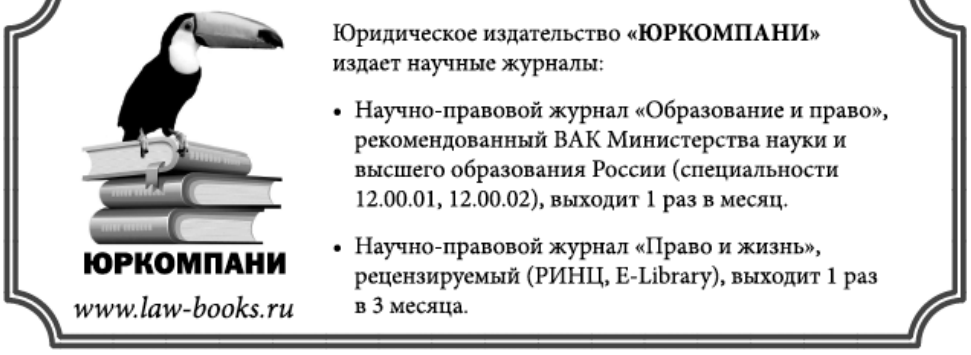
[8] Valishina N. R. Partner financing: first results and formulation of the problem//Law and state: theory and practice. 2025. № 2. S. 154-157.

[9] Vildanova M. M. Partner financing as a condition for the favorable development of the Russian economy//Law and practice. 2023. № 2. S. 101-108.

[10] Review of Consumer Protection Case Law: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 14.10.2020 //Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru (access date: 20.11.2025).

[11] Review of judicial practice in cases related to the protection of the rights of consumers of financial services: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 27.09.2017 //Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru (access date: 20.11.2025).

[12] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.01.2023 No. 5-KG22-121-K2//SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 20.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-114-121

БОЛТЕНКОВ В. С.,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
(г. Оренбург, Россия),
e-mail: viktorboltenkov57@gmail.com

Научный руководитель:
ЗАЛАВСКАЯ О.М.,
к.ю.н., доцент кафедры частно-правовых наук
Оренбургского института (филиала)
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
(г. Оренбург, Россия),
e-mail: mail@law-books.ru

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ЗА «БРОШЕННЫЙ БИЗНЕС»

Аннотация. *В статье анализируется история развития механизма привлечения лиц, входящих в состав исполнительных органов юридического лица, к субсидиарной ответственности по долгам исключённого в административном порядке подконтрольного им юридического лица. Особое внимание обращается на возможность существования по такому виду дел презумпции наличия причинно-следственной связи между бездействием лиц, контролировавших общество, и невозможностью исполнения обязательств перед кредитором должника, сопоставляется данная презумпция с банкротной презумпцией - сокрытия следов содеянного.*

Ключевые слова: *«брошенный бизнес», контролирующее должника лицо, руководитель должника, юридическое лицо, задолженность, презумпция, субсидиарная ответственность, предмет доказывания, недобросовестный, неразумный, кредитор, должник, истец, ответчик, судебный акт, дело о банкротстве, Верховный суд Российской Федерации, Конституционный суд Российской Федерации.*

BOLTENKOV V. S.,
Master's student
Orenburg branch Moscow State Law
University named after O.E. Kutafin
(Orenburg, Russia)

Scientific Supervisor:
ZALAVSKAYA O.M.,
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
of the Department of Private Law Sciences
Orenburg branch Moscow State Law
University named after O.E. Kutafin
(Orenburg, Russia)

SUBSIDIARY LIABILITY OF A LEGAL ENTITY'S MANAGER FOR "ABANDONED BUSINESS"

Annotation. *The article analyzes the history of the development of the mechanism for bringing individuals who are members of the executive bodies of a legal entity to subsidiary liability for the debts of a legal entity that has been administratively excluded from control. Special attention is paid to the possibility of establishing a presumption of a causal relationship between the inaction of individuals who controlled the company and the inability to fulfill obligations to the debtor's creditor in such cases, and the comparison of this presumption with the bankruptcy presumption of concealing evidence of the offense.*

Key words: *"abandoned business", person controlling the debtor, debtor's manager, legal entity, debt, presumption, subsidiary liability, subject of proof, unscrupulous, unreasonable, creditor, debtor, plaintiff, defendant, judicial act, bankruptcy case, Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation.*

«Закончил бизнес – убери за собой» [1] – принципиальная позиция Верховного Суда Российской Федерации в делах о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, входящих в состав исполнительных органов юридического лица, в том числе иных лиц, имеющих возможность определять действия юридического лица (далее по тексту контролирующее должника лицо, руководитель должника). Такая позиция Верховного Суда Российской Федерации призвана пресечь действия недобросовестного и неразумного руководителя должника по уклонению от погашения долгов юридического лица, сокрытых от кредиторов под пеленой предпринимательского риска и самостоятельной ответственности юридического лица.

Цель образования коммерческого юридического лица – создать имущественно-обособленного субъекта предпринимательской деятельности с правосубъектностью, отделённой от правосубъектности физических лиц, учреждающих юридическое лицо. При этом правопорядок не поощряет ситуации, когда юридическое лицо в действительности оказывается не более чем «продолжением» (alter ego) недобросовестных действий участников юридического лица, выраженных в уклонении от реального исполнения своих обязательств перед юридическим лицом и его кредиторами.

В связи с этим возникает проблема достижения баланса как интересов участников юридического лица и ограничения их личной ответственности по долгам организации, так и интересов независимых кредиторов, которые желают удовлетворить свои притязания к должнику в максимально полном для них объеме [2].

Субсидиарная ответственность за «брошенный бизнес», предусмотренная п. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО), была введена Федеральным законом от 28.12.2016 N 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившим в законную силу 30.06.2017 г. Данная норма в свою очередь является специальной (lex specialis) по отношению к общим нормам ст. 53.1, ст. 64.2 ГК РФ (lex generalis). При этом пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО является единственной специальной нормой, предусматривающей основание привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, не связанное с делом о банкротстве.

Условиями для привлечения к субсидиарной ответственности за «брошенный бизнес» является исключение недействующего юридического лица в административном порядке из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) (ст. 21. 1 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»), наличие непогашенной задолженности перед кредитором должника, недобросовестные и неразумные действия контролирующего должника лица приведшие к невозможности удовлетворения требований кредитора. Кредитором по такому делу может быть контрагент по сделки, заключенной с должником или бывший участник юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, имеющий право требования к нему, к примеру, право требования выплаты ему действительной стоимости доли в связи с его выходом из общества.

Для наилучшего понимания правовой природы субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, предусмотренной п. 3.1. ст. 3 Закона об ООО необходимо обратиться к истории её развития.

До 30.06.2017 г. отсутствовал правовой механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц по долгам ликвидированного юридического лица.

Способом защиты интересов кредиторов до указанного момента было предъявление искового заявления к ликвидатору юридического лица или налоговому органу, вынесшему недействительное решение о государственной регистрации ликвидации юридического лица и записи в ЕГРЮЛ. В обоих случаях надлежало доказать знание ликвидационной комиссии (ликвидатора) о наличии непогашенной задолженности перед кредитором и намеренное не отображение дан-

ных сведений в ликвидационном балансе ликвидируемого юридического лица, его дальнейшее предоставление в регистрирующий орган (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.05.2017 N Ф04-1172/2017 по делу N А70-9510/2016; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31.03.2017 N Ф06-19103/2017 по делу N А65-14279/2016; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.12.2015 N Ф09-9075/15 по делу N А60-20330/2015).

Однако все вышеуказанные примеры связаны с активными действиями исполнительных органов юридических лиц, выраженных в инициировании процедуры ликвидирования юридического лица и сокрытии сведений об имеющейся у должника задолженности. Субсидиарная ответственность за «брошенный бизнес» прежде всего предполагает злонамеренное отстранение руководителя должника от управления юридическим лицом, прекращение ведение привычной для данного юридического лица хозяйственной деятельности, в связи с чем юридическое лицо через определённый период времени приобретает статус недействующего и впоследствии подлежащего исключению из ЕГРЮЛ.

Попытки привлечь контролирующих должника лиц по данному основанию предпринимались и до 30.06.2017 г., однако процесс доказывания указанных выше обстоятельств был существенно затруднён, отчасти ввиду не вовлеченности кредиторов в хозяйственную деятельность должника, отсутствия сведений об имуществе должника, принимаемых решениях, совершаемых действий исполнительными органами юридических лиц и отсутствия урегулированного должным образом правового механизма привлечения к субсидиарной ответственности подобного рода.

Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд, рассматривая исковое заявление ООО «ТК «ПРО Движение» к ИФНС по г.Набережные Челны Республики Татарстан в Постановлении от 21.03.2016 N 11АП-2250/2016 по делу N А65-24576/2015 указал, что «само по себе наличие у ООО «КамаСпецТранс» задолженности перед ООО «ТК «ПРО Движение», подтвержденной решением Арбитражного суда Республики Татарстан от 10.04.2015 по делу N А65-33/2015, не является основанием для признания оспариваемой записи недействительной» [3]. Аналогичные выводы были сделаны в Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2016 N 15АП-21839/2015 по делу N А32-30489/2015 [4].

В указанных судебных актах также обращено внимание на то, что в соответствии с пунктом 3 статьи 64.2 ГК РФ исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ не препятствует привлечению к ответственности лиц, указанных в статье 53.1 ГК РФ, то есть лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица.

Однако, с учётом проанализированной судебной практики при написании настоящей статьи, примеров привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц по долгам ликвидированного юридического лица на основании статьи 53.1 ГК РФ до введения пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО обнаружено не было.

Со вступлением в силу п. 3.1. ст. 3 Закона об ООО началось развитие судебной практики по привлечению исполнительных органов юридического лица, в том числе лиц фактически управляющих юридическим лицом к субсидиарной ответственности по долгам данного юридического лица в связи с исключением его из ЕГРЮЛ как недействующего.

При этом предмет доказывания по данной категории дел оставался неоднозначным, отсутствовала ясность в том, установление какого круга обстоятельств будет достаточно для применения рассматриваемой нормы, в том числе, что следует считать неразумным и недобросовестным поведением руководителя должника и главное на ком лежит обязанность по установлению данных обстоятельств.

Арбитражные суды до появления Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2021 г. №20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее по тексту -Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2021 г. №20-П) неоднозначно решали вопрос о том, какие обстоятельства будут достоверно свидетельствовать о намерении руководителя должника уклониться от погашения задолженностей перед кредиторами [5].

К примеру, в Решении Арбитражного суда Кировской области от 19.06.2020 г. по делу № А28-2878/2019 суд, отказывая в заявленных требованиях истцу, пришёл к выводу о том, что наличие непогашенной задолженности не является бесспорным доказательством вины ответчиков в причинении убытков кредитору, прекращение финансово-хозяйственной деятельности, в том числе по причине нежелания дальнейшего ведения бизнеса само по себе не может быть положено в основание привлечения к гражданско-правовой ответственности, дополнительно отметил, что истец должен был заявить возраже-

ния относительно исключения ответчика из ЕГРЮЛ, доказать, что у ответчиков объективно имелась прибыль, за счет которой возможно было погашение требований, однако, ответчики уклонялись от исполнения соответствующих обязательств перед кредитором, заявить возражения относительно исключения ответчика из ЕГРЮЛ [6].

Напротив, в Решении Арбитражного суда города Москвы от 02.06.2020 г. по делу № А40-255578/2019 было отмечено, что знание ответчика о наличии обязательства перед истцом, не принятие мер по погашению задолженности, не воспрепятствование исключению общества из ЕГРЮЛ обеспечили невозможность удовлетворения требований истца за счет имущества общества [7].

Как видно из данных примеров судебной практики, аналогичной иной судебной практики в одних случаях бездействие руководителя должника будет достаточным основанием для привлечения его к субсидиарной ответственности, в другой напротив требует установления дополнительных обстоятельств дела, доказывающих недобросовестность и неразумность поведения руководителя должника.

Арбитражные суды, исходя из презумпции добросовестности участников гражданского оборота, как правило, возлагали бремя доказывания обстоятельств дела на истцов (кредиторов), существенно затрудняя поиск и сбор необходимых доказательств. Истцам необходимо было доказать конкретные действия руководителя должника, свидетельствующие о его намерении избежать погашения задолженностей, имеющихся у подконтрольных им юридических лиц.

В Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.09.2020 N Ф04-2901/2020 по делу N А03-6786/2019 суд удовлетворяя требования истца, являвшегося бывшем участником юридического о привлечении ответчиков к субсидиарной ответственности, исходил из того, что убытки истца, выраженные в неоплате ему действительной стоимости ранее принадлежащей ему доли, были вызваны недобросовестными и неразумными действиями ответчиков, выраженными в заключении притворной сделки, прикрывающей сделку дарения, повлекшей за собой причинение имущественного ущерба обществу, не выполнение участниками, руководителем и ликвидатором юридического лица обязанности по обращению в суд с заявлением о банкротстве данного общества [8].

В ином Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.06.2020 N Ф04-2198/2020 по делу N А75-15176/2019 было установлено, что недобросовестные действия руководителя должника были связаны с выходом из общества и отчуждением своей доли в уставном капитале общества в пользу иностранного юридического лица изначально ненамеренного вести привычную для юридического лица хозяйственную деятельность [9].

Попытку упростить предмет доказывания предпринял Конституционный суд РФ в своём Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2021 г. №20-П. Исходя из разъяснений, приведённых в данном судебном акте, можно утверждать, что Конституционный Суд Российской Федерации ввёл презумпцию наличия причинно-следственной связи между бездействием лиц, контролировавших общество, и невозможностью исполнения обязательств перед кредитором должника. Также Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на то, что бремя доказывание обратного должно быть возложено именно на ответчика. Указанное постановление скорректировало судебную практику в пользу кредиторов.

Интересной представляется позиция, выраженная в определении Верховного Суда Российской Федерации от 25.08.2020 N 307-ЭС20-180 о том, что из принципов ограниченной ответственности и защиты делового решения следует, что подобного рода ответственность не может и презюмироваться, даже в случае исключения организации из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа на основании статьи 21.1 Закона о государственной регистрации [10].

Стоит заметить, что данная правовая позиция была сформулирована ранее Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2021 г. №20-П. При этом арбитражные суды в настоящее время продолжают ссылаться на указанную позицию Верховного суда Российской Федерации, усложняя предмет доказывания по делу.

Судебная практика о недопустимости вменения субсидиарной ответственности участнику хозяйственного общества за сам факт того, что расчеты с кредиторами не были осуществлены до прекращения деятельности общества неоднократно высказывалась в иных судебных актах Верхового Суда Российской Федерации (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2023 № 304-ЭС21-18637, Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2020 N 306-ЭС19-18285, от 25.08.2020 N 307-ЭС20-180, от 30.01.2023 N 307-ЭС22-18671).

Стоит заметить, что позиция Верховного Суда Российской Федерации со временем изменилась. Важным судебным актом, оказавшим существенное влияние на развитие судебной

практики в области привлечения к субсидиарной ответственности за «брошенный бизнес» стало Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС24-809 от 27.06.2024 г. по делу № А41-76337/2021. В указанном определении Верховный Суд Российской Федерации допустил возможность использования презумпции сокрытия следов содеянного, используемой ранее только в банкротной практике, тем самым подтвердил необходимость реализации в судебной практике упрощённого стандарта доказывания, не включающего установления конкретных действий контролирующего должника лица по уклонению от погашения задолженностей перед контрагентами. Новая судебная практика нашла своё отражения в иных судебных актах Верховного Суда Российской Федерации (Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС22-16424 от 10.04.2023 г. по делу А40-203072/2021, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2024 № 305-ЭС23-29091).

Во всех указанных определениях Верховного Суда Российской Федерации имеется ссылка на Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 N 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» (далее по тексту Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 N 6-П), окончательно определившей особенности доказывания по рассматриваемой категории дел [11].

Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 N 6-П, указывая на идентичность предмета доказывания правонарушений, предусмотренных пп. 1 п. 12 статьи 61.11 Закона о банкротстве и п. 3.1. ст. 3 Закона об ООО, демонстрирует схожесть их правовой природы.

Действительно, субсидиарная ответственность, предусмотренная п. 2, пп. 1 п. 12 статьи 61.11 Закона о банкротстве, хотя и является более широкой по возможным основаниям её применения, но при этом включает в себя ответственность за «брошенный бизнес», в связи с чем предмет доказывания в этой части идентичен предмету доказывания по основанию, предусмотренным п. 3.1. ст. 3 Закона об ООО.

Кроме того, если внебанкротная презумпция наличия причинно-следственной связи между бездействием лиц, контролировавших общество, и невозможностью исполнения обязательств перед кредитором должника только начинает закрепляться в судебной практике, то банкротная презумпция сокрытия следов содеянного существует достаточно давно, получила наиболее широкое применение.

Стоит отметить, что признаки брошенного бизнеса – прекращение привычной хозяйственное деятельности общества, фактическое отстранение руководителя должника от управления юридическим лицом, вывод активов должника, отсутствие движения по счетам должника, могут иметь место как вне дела о банкротстве, так и наоборот - в деле о банкротстве. В обоих случаях идёт речь об одной и той же ситуации – «брошенном бизнесе», отличие лишь в том, что в деле о банкротстве должник имеет статус несостоятельного (банкрота) и юридическое лицо пока не исключено из ЕГРЮЛ в связи с подачей заинтересованного лица заявления о признании его банкротом, предмет доказывания в обоих случаях должен быть одинаковым.

В связи с этим можно положительно характеризовать формирование новой судебной практики, исходящей из предположения о недобросовестном и неразумном поведении исполнительных органов хозяйственного общества, иных лиц, фактически его контролирующих.

Продолжая сопоставлять привлечение к субсидиарной ответственности за «брошенный бизнес» в рамках дела о банкротстве и вне его рамок, можно отметить, что в деле о банкротстве на стороне кредитора при рассмотрении такого заявления зачастую активно выступает арбитражный управляющий, обладающий куда большим объемом информации о деятельности юридического лица и специальными познаниями в этой области права, а также иные кредиторы.

Несмотря на уже наработанную устойчивую практику, применения указанных презумпций, арбитражные суды иногда продолжают исходить из необходимости установления конкретных активных действий руководителя должника, приведших к невозможности рассчитаться с кредиторами, в том числе с данными правовыми позициями соглашаются суды кассационной инстанции, что, к примеру, следует из Постановления Арбитражного суда Центрального округа от 07.04.2025 N Ф10-520/2025 по делу N А08-10527/2022 [12].

В данном постановлении также выражена неоднозначная правовая позиция касательно действия во времени Федерального закона от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесшего изменения в пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО. В рассматриваемом постановлении отмечено, что рассматриваемый закон распространяется на действия лиц, совершённых только после 28.06.2017 г., то есть после введения нормы закона в действие. Также отмечено, что до 28.06.2017 г. отсутствовал закон, предусматривающий субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц в случае ликвидации юридического лица.

Общаясь к уже названому Определению Верховного Суда РФ № 305-ЭС24-809 от 27.06.2024 г. по делу № А41-76337/2021, стоит отметить, что Верховный Суда Российской Федерации пришёл к иному выводу касательно действия указанного закона во времени, посчитал, что закон распространяется на рассматриваемые отношения, если юридическое лицо было исключено из ЕГРЮЛ после вступления его в силу 30.07.2017 г., в том числе отметил, данный вид ответственности по существу не является законодательной новеллой, исключение юридического лица из реестра и ранее не препятствовало привлечению к ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица (пункт 3 статьи 64.2 ГК РФ).

Следует констатировать, что вопрос о времени действия рассматриваемого закона в судебной практике остаётся неоднозначным. Интересной представляется позиция Верховного Суда Российской Федерации о том, что механизм привлечения контролирующих юридическое лицо лиц к субсидиарной ответственности в связи с его исключением из ЕГРЮЛ существовал и ранее 30.07.2017 г., был заложен общей нормой Гражданского кодекса Российской Федерации, однако, ввиду длительного отсутствия должной конкретизации в самом Гражданском кодексе Российской Федерации или в специальном законе, не нашёл должной реализации на практике.

В судебной практике возникает вопрос о необходимости подтверждения вреда судебным актом (точнее, о том, осуществил ли кредитор принудительную защиту своего обязательственного права в отношении основного должника и, более того, окончено ли исполнительное производство) [13]. К, примеру, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа Постановлением от 03.04.2023 N Ф08-2219/2023 по делу N А32-3334/2022, отказывая в удовлетворении кассационной жалобы заявителя, указал на то, что в материалы дела не представлены доказательства своевременного принятия истцом мер к взысканию задолженности с ответчика [14].

В юридической литературе следующим образом определена субсидиарная ответственность: «...при субсидиарной ответственности он (кредитор) обязан вначале предъявить требование к одному (основному) правонарушителю для того, чтобы иметь возможность получить удовлетворение от остальных (дополнительных)» [15]. Такой подход согласуется со ст. 399 ГК РФ, в связи с чем такая правовая позиция судов представляется обоснованной.

Как верно отмечено Лаптевым А. В.: «Рассмотренные выше вопросы свидетельствуют о постоянном развитии законодательства и о гибкости судебной практики по вопросу привлечения к субсидиарной ответственности руководителей и участников общества, во многом зависящие от судейского усмотрения и о которых еще не раз выскажется Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ, поскольку основу данного рода ответственности составляет фундаментальный общеотраслевой принцип добросовестного поведения участников общественных отношений» [16].

В настоящее время судебная практика по вопросу привлечения к субсидиарной ответственности руководителя должника в связи с исключением подконтрольного ему юридического лица из ЕГРЮЛ остаётся противоречивой, хотя становится всё более заметным применение рассматриваемых принципов при разрешении исковых заявлений кредиторов. По-прежнему остаётся дискуссионным вопрос, является ли бездействие руководителя должника достаточным основанием для привлечения его к субсидиарной ответственности. Указанные Постановления Конституционного Суда Российской Федерации однозначно отвечают на данный вопрос – является.

Такие правовые позиции следует считать необходимыми для современных реалий предпринимательской деятельности, поскольку коммерческое юридическое лицо, как субъект предпринимательской деятельности, действующее при условиях сопутствующего ему предпринимательского риска, нацелено на систематическое получение прибыли, возникновение же задолженности у юридического лица в случаях допущенных просчётов при ведении бизнеса, наличия неблагоприятных обстоятельств, связанных с объективными рыночными факторами, действий третьих лиц, которые должник не мог контролировать и др. причин возникновения задолженностей перед кредиторами, наступление которых должник заведомо не желал, необходимо рассматривать в совокупности с последующими действиями контролирующих должника лиц. От добросовестного руководителя должника при наличии возникшей задолженности следует ожидать разработку экономически обоснованного плана по выходу из кризисной ситуации либо инициирования предусмотренной законом процедуры ликвидации юридического лица, в том числе обращение с заявлением о признании подконтрольного ему юридического лица банкротом. Не выполнение данных действий следует считать необходимым и достаточным основанием для привлечения его к субсидиарной ответственности, ибо необходимо следовать принципу - «Закончил бизнес – убери за собой».

Список литературы

[1] Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС24-809 от 27.06.2024 г. по делу № А41-76337/2021 [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 15.05.2025).

[2] Черенков Д. О. Сравнительно-правовой анализ института привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в Российской Федерации и странах общего права на примере Гонконга, США и Соединенного Королевства // Образование и право. 2021. №5.

[3] Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2016 N 11АП-2250/2016 по делу N А65-24576/2015 [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 17.05.2025).

[4] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2016 N 15АП-21839/2015 по делу N А32-30489/2015 [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 17.05.2025).

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2021 г. №20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 18.05.2025).

[6] Решение Арбитражного суда Кировской области от 19.06.2020 г. по делу № А28-2878/2019 [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 18.05.2025).

[7] Решение Арбитражного суда города Москвы от 02.06.2020 г. по делу № А40-255578/2019 [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 18.05.2025).

[8] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.09.2020 N Ф04-2901/2020 по делу N А03-6786/2019 [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 19.05.2025).

[9] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.06.2020 N Ф04-2198/2020 по делу N А75-15176/2019 [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 19.05.2025).

[10] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.08.2020 N 307-ЭС20-180 [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 19.05.2025).

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 N 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 17.05.2025).

[12] Постановления Арбитражного суда Центрального округа от 07.04.2025 N Ф10-520/2025 по делу N А08-10527/2022 [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.05.2025).

[13] Бормотов А. В., Носов Д. В. К вопросу о субсидиарной ответственности контролирующего должника лица по долгам исключенного из егрюл общества с ограниченной ответственностью // Ex jure. 2023. №3.

[14] Арбитражный суд Северо-Кавказского округа Постановлением от 03.04.2023 N Ф08-2219/2023 по делу N А32-3334/2022 [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.05.2025).

[15] Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. Т. 1. С. 586.

[16] Лаптев В.А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 163–177.

References:

[1] Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES24-809 dated 06/27/2024 in case No. A41-76337/2021 [electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru / (date of application 05/15/2025).

[2] Cherenkov D. O. Comparative legal analysis of the institution of bringing persons controlling the debtor to subsidiary responsibility in the Russian Federation and the countries of common rights on the example of Hong Kong, the USA and the United Kingdom // Education and Law. 2021. No. 5.

[3] Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated 03/21/2016 N 11AP-2250/2016 in case N A65-24576/2015 [electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru / (date of appeal 05/17/2025).

[4] Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated 01/29/2016 N 15AP-21839/2015 in case N A32-30489/2015 [electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru / (accessed 05/17/2025).

[5] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/21/2021 No. 20-P “On the case of checking the constitutionality of Paragraph 3.1 of Article 3 of the Federal Law “On Limited Liability Companies” [electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru / (date of appeal 05/18/2025).

[6] Decision of the Arbitration Court of the Kirov region dated 06/19/2020 on case no. A28-2878/2019 [electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru / (date of appeal 05/18/2025).

[7] Decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 06/02/2020 in case no. A40-255578/2019 [electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru / (date of application 05/18/2025).

[8] Decision of the Arbitration Court of the WesternSiberian District dated 09/16/2020 N F04-2901/2020 in case N A03-6786/2019 [electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru / (accessed 05/19/2025).

[9] Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 06/29/2020 N F04-2198/2020 in case N A75-15176/2019 [electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru / (date of appeal 05/19/2025).

[10] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/25/2020 N 307-ES20-180 [electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru / (date of appeal 05/19/2025).

[11] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/07/2023 N 6-P "In the case of checking the constitutionality of subparagraph 1 of paragraph 12 of Article 61.11 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and paragraph 3.1 of Article 3 of the Federal Law "On Limited Liability Companies" in connection with the complaint of a citizen I.I. Pokulya [electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru / (date of appeal 05/17/2025).

[12] Decisions of the Arbitration Court of the Central District dated 04/07/2025 N F10-520/2025 in the case N A08-10527/2022 [electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru / (accessed 05/20/2025).

[13] Bormotov A. V., Nosov D. V. On the subsidiary liability of a controlled debtor for the debt of a limited liability company excluded from the register of entities // Ex jure. 2023. No. 3.

[14] Arbitration Court of the North Caucasus District, Resolution No. F08-2219/2023 dated April 3, 2023, in Case No. A32-3334/2022 [online resource] // URL: https://www.consultant.ru/ (accessed on May 20, 2025).

[15] Civil Law: Textbook in 4 Volumes, edited by E. A. Sukhanov. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: Statut, 2023. Vol. 1. P. 586.

[16] Laptev V.A. Subsidiary Liability of Controlling Persons for the Obligations of a Company Excluded from the Unified State Register of Legal Entities // RUDN Journal of Law. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 163–177.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-122-126
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

ДЫМСКИЙ Даниил Андреевич,
Аспирант 2-ого года обучения юридического факультета,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: dimskydaniil@yandex.ru

ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ ДОГОВОРА ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация. *Договоры личного страхования в России планомерно развивались на протяжение практически двух веков. Появлению института личного страхования принято связывать с возникновением в 1835 г. Российского общества страхования капиталов и доходов «Жизнь». К концу 19 века страховой рынок предоставлял ряд услуг по заключение договоров в том числе и личного страхования. В советские годы институт личного страхования получил особенный импульс в связи с необходимостью предоставления социальных прав и гарантий советским гражданам, в частности рабочим и пролетариату. В современной российской действительности произошла преемственность видов страхования и большинство существовавших ранее видов как добровольного, так и личного страхования нашли свое отражение в в ст. 32.9. Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации».*

Ключевые слова: *договор личного страхования, институт страхования, страховые общества, акционерные общества, советское право, инвестиционное страхование, страхование жизни, дополнительный инвестиционный доход.*

DYMSKY Daniil Andreevich,
2nd year postgraduate student of the Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

THE PROCESS OF PERSONAL INSURANCE CONTRACT TRANSFORMATION IN RUSSIA

Annotation. *Personal insurance contracts in Russia have been systematically developing for almost two centuries. The emergence of the institute of personal insurance is usually associated with the emergence of the Russian Capital and Income Insurance Company "Life" in 1835. By the end of the 19th century, the insurance market provided a number of services for concluding contracts, including personal insurance. During the Soviet years, the institute of personal insurance received a special impetus due to the need to provide social rights and guarantees to Soviet citizens, in particular to workers and the proletariat. In modern Russian reality, there has been a succession of types of insurance, and most of the previously existing types of both voluntary and personal insurance are reflected in Article 32.9 of the Law of the Russian Federation "On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation."*

Key words: *personal insurance contract, insurance institute, insurance companies, joint stock companies, Soviet law, investment insurance, life insurance, additional investment income.*

Развитие личного страхования в России получило начало еще в начале 19 века. Именно 1826 год [3] принято считать началом процесса формирования института страхования в Российской империи как самостоятельной экономической единицы, а связано это с появлением первого страхового общества, получившего наименование «Российское общество страхования от огня». Хотя правильнее отметить, что основание данной организации связано с публикацией торговым домом «Штиглиц и К» Устава Российского общества огня в 1827 г. [4] Обращаясь к области личного страхования, необходимо вспомнить о появлении в 1835 г. организации,

поставившей своей целью страхование доходов физических лиц, получившее название «Российское общество для застрахования пожизненных и других срочных доходов, и денежных капиталов». Данная организация обладала фактически статусом монополии на рынке личного страхования в Российской империи, т.к. не только другие российские страховые организации, но и иностранные страховщики не обладали правом осуществлять страхование в области личного страхования. Данная монополия была фактически инициативой тогдашнего правительства, наделившего данную организацию исключительным правом на страхование на территории Российской Империи. Под монопольным положением организации подразумевалось, что никакое другое страховое общество не могло проводить такие операции, которые было разрешено проводить данной организации в течение ближайших 20 лет, т.е. подразумевалось, что монополия будет существовать практически до 1860 г. [5] При этом иностранным страховщиком было запрещено заключать договоры страхования под угрозой 20% штрафа от установленной договором страховой суммы. При этом существовало исключение из данного запрета, реализующееся в том случае, если монополист направлял письменный отказ в страховании по какой-либо причине и сообщал о невозможности принять объект на страхование. Современным прототипом данного общества можно назвать действующее в Российской Федерации агентство по страхованию вкладов. При этом между данным страховым обществом, также называвшимся в сокращенном варианте Российское общество страхования капиталов и доходов «Жизнь» [6] и современным АСВ имеются существенным различия, в том числе в перечне страхуемых имущественных интересов и объектов страхования. В частности, «Жизнь» осуществляла страхование следующих разрядов страхования:

- Пенсионное страхование в пользу страхователей;
- Пенсионное страхование при дожитии и в пользу наследников;
- Страхование капитала в пользу наследников при достижении наследниками определенного размера;
- Общее страхование капитала в пользу наследников.

При этом важно обратить внимание, что монополия просуществовала фактически до конца 19 века, когда в России начали появляться другие страховые общества, в том числе «Российское», «Коммерческое», «Якорь», «Заботливость» и другие.

Как указывал Г.Ф. Шершеневич в своей работе «Курс торгового права» [7] постепенное внедрение личного страхования в российском праве связано с особенностями жизни различных «либеральных слоев общества», в том числе и представителей определенных творческих профессий, в частности юристов, артистов, художников и врачей, а также чиновников среднего и высшего звена. Важно обратить внимание на мотивацию и причины, по котором данные слои общества обращались к такому финансовому институту как страхование. Большинство из них страшились того, что по истечении определенного времени и по причине собственного старения их доходы будут неумолимо падать, что впоследствии станет причиной невозможности, например, оплаты обучения собственных детей, содержания собственных домов и ряд других причин.

Предполагалось, что правовое регулирования личного страхования будет распространено в первую очередь на случаи:

- Смерти застрахованного лица по любой причине;
- Достижения застрахованным лицом определенного возраста (чаще всего подразумевалось достижение возраста невозможности дальнейшего осуществления трудовой деятельности, фактически пенсионного, при этом иногда это выделялось в отдельный риск);
- Утеря здоровья (фактически получение инвалидности);
- Утеря возможности осуществлять трудовую функцию.
- Наступление иного предусмотренного договором страхования события.

При этом важно отметить, что страхователь мог застраховать жизнь иного лица лишь в том случае, если у него имелся имущественный интерес в сохранении его жизни или здоровья. Речь шла, например, о страховании работодателем своих работников, а имущественный интерес определялся выполнением работником трудовой функции. Также таким имущественным интересом обладали в том числе и родители по отношению к своим детям.

Особую роль на страховом рынке играла фондовая биржа, имевшая значительное влияние на страховые организации к концу 19 века [8]. Это было обусловлено тем, что большинство страховых организаций были созданы и функционировали в форме акционерных обществ, а их акции обращались на фондовой бирже, которая также нередко обладала долей обращенных на ней же акций страховых компаний, однако в большинстве случаев роль биржи в деятельности страховых компаний сводилась исключительно к участию в их учреждении. Но ключевым отличием формы страховых обществ в виде акционерных

обществ стоит обозначить перечень проводимых операций: если страховые общества, созданные в иных организационно-правовых формах, отличных от акционерных обществ, занимались в основном имущественном страхованием, то страховым обществам, созданным в форме акционерных обществ было разрешено осуществлять страхование в том числе здоровья, жизни, а также было разрешено заниматься страхованием от несчастных случаев и болезней.

К концу 19 века страхованием жизни занималось порядка 20 страховых обществ в форме акционерных обществ, среди них были три иностранных страховых организации, появившиеся после прекращения государственной монополии в данной сфере. При этом лишь 7 из них осуществляли страхование от несчастных случаев. Не менее важен и тот факт, что доля застрахованных лиц в Российской империи составляла лишь 0,25%, т.е. речь шла исключительно о наиболее состоятельных и обеспеченных слоях граждан.

Советские годы привнесли ряд изменений в жизнь как страховщиков, так и потенциальных страхователей, а также застрахованных лиц. Страхование в СССР осуществлялось за счет государства, так как являлось особой формой реализации социальных прав советских граждан. Единственное существовавшее государственное страхование осуществлялось за счет созданного Министерством финансов СССР Правления государственного страхования, получившего сокращенное наименование «Госстрах», в современной России известного как ПАО «Росгосстрах».

При этом нельзя не отметить существовавшее разнообразие форм договором личного страхования в СССР, среди которых выделяются:

– Договор страхования к бракосочетанию, заключавшийся в пользу детей. Заключался данный вид договор как с гражданами СССР, так и с иностранными гражданами, а также с лицами без гражданства в возрасте от 18 до 72 лет. При этом важным условием было не достижение страхователем на дату наступления страхового события возраста 75 лет. Ограничения также присутствовали и в отношении возраста ребенка, в отношении которого заключался подобный договор страхования – он не должен был быть менее 15 лет. Страховым случаем являлось либо фактические дожитие до определенного возраста в пределах срока окончания страхования, либо вступление в период действия договора страхования застрахованного лица в брак;
– Страхование спортсменов от несчастных случаев, что было особенно распространено в период проведения региональных и международных соревнований с участием советских атлетов;
– Смешанное страхование жизни, в том числе и по случаю дожития застрахованного лица до определенного возраста;
– Страхование от несчастных случаев и болезней;
– Страхование детей от несчастных случаев;
– Страхование школьников как отдельной категории детей от несчастных случаев;
– Страхование от несчастных случаев различных категорий работников сельскохозяйственных предприятий, а также различных совхозов и других общественных организаций;
– Страхование от несчастных случаев категорий работников, занятых на предприятиях или работах, связанных с повышенным риском для их жизни и здоровья.

Подобное разнообразие форм и видов страхования положительно сказывалось на общественной и социальной жизни советских граждан. Как указывал Е.А. Суханов [9] в рамках договор страхования от несчастных случаев в наибольшей степени обеспечивал интересы семей работников различных предприятий, деятельность которых носила повышенную опасность непосредственно для самих работников производств. Страхование было направлено на сохранение имущественного статуса семьи как самостоятельной ячейки общества в случае потери ей одного из основных кормильцев, что неминуемое могло привести к поражению в материальных правах в связи с временным или прекращением трудовой деятельности последним. При этом в части страхования к бракосочетанию Суханов указывал на востребованность подобного института как в советские годы, так и необходимость его введения в современной российской правовой действительности. Обусловлено это было, по мнению ученого, в первую очередь в связи с необходимостью приобретения молодыми семьями, субъекты которых и являются застрахованными лицами, первоначального капитала, способствовавшего появлению новой ячейки общества. При этом страхование спортсменов имело очевидные недостатки, связанные с отсутствием в советский период времени их страхования от болезней.

Современное состояние личного страхования в России свидетельствует об определенной преемственности в российской правовой системе. Многие из существовавших ранее видов договоров личного страхования нашли свое отражение в современной российской правовой системе. Существующие виды договоров личного страхования представлены в ст. 32.9. Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [1]. При этом лишь 6 из 24 существующих видов страхования отнесены к личному страхованию, а именно:

– страхование жизни на случай смерти, дожития до определенного возраста или срока либо наступления иного события;
– пенсионное страхование;
– страхование жизни с условием периодических страховых выплат (ренты, аннуитетов) и (или) с участием страхователя в инвестиционном доходе страховщика;
– долевое страхование жизни;
– страхование от несчастных случаев и болезней;
– медицинское страхование.

Особую роль в современном российском правовом регулировании личного страхования играет договор инвестиционного страхования жизни. По данной разновидности договора страхователь обязуется оплатить страховую премию, а страховщик часть денежных средств направить на формирование гарантированного фонда, из которого в случае реализации предусмотренных договором страхования рисков будет произведена страховая выплата, а часть денежных средств направить на приобретение инвестиционных активов, за счет которых страхователю будет произведена выплата инвестиционного дохода. При этом важно отметить, что страховщик, направляя денежные средства на приобретение инвестиционного актива в рамках договора инвестиционного страхования жизни, приобретает его не в пользу и от имени страхователя, а в свою пользу, что значительно усложняет процесс понимания процесса получения или не получения дохода от инвестиций. Значительное количество противоречий связано с неполучением дохода от инвестиций, когда страхователи, не понимая процесс приобретения инвестиционного актива и процесс получения дохода по этому активу, обращается к страховщику с требованиями, связанными с выплатой инвестиционного дохода. Особенно актуальным данный вопрос стал после введения международных санкций в отношении Российской Федерации со стороны недружественных стран, в том числе со стороны Европейского союза на основании Регламента Совета ЕС от 17.03.2014 №269/2024 [2]. В особенности существенные проблемы для российского финансового сектора, а в частности для рынка страхования жизни создали санкции в отношении национального расчетного депозитария (далее – НРД). НРД является одним из ключевых звеньев в цепочке приобретения инвестиционных активов и занимает промежуточное место между страховщиком и эмитентом ценной бумаги. Наложение блокирующих санкций привело к тому, что европейский депозитарий Euroclear, являвшийся вторым депозитарием наравне с НРД в цепочке приобретения ценных бумаг российскими страховщиками, перестал осуществлять зачисление денежных средств на счета типа «С» российских юридических лиц, открытые непосредственно в НРД. Это, в свою очередь, привело к прекращению выплат дополнительного инвестиционного дохода российскими страховщиками в адрес своих страхователей, породив множество судебных споров.

Особое место в системе договоров личного страхования в ближайшие годы может занять новый вид договора – договор долевого страхования жизни. Данный вид страхования по своей структуре наиболее близок к зарубежному Unit-linked insurance, появившемуся в 1970 году. Отличие договора долевого страхования жизни от договора инвестиционного страхования жизни заключается в том, что в первом случае страховщик выступает в роли посредника, обязанностью которого является приобретение инвестиционного актива от имени страхователя и в его пользу, в том время как в случае с инвестиционным страхование страховщик приобретает актив в свою пользу и дает возможность страхователю получать инвестиционный доход от фактически инвестиционной деятельности страховщика. Данный вид страхования был внесен в российское законодательство с целью создания более профессионального рынка инвестиционного страхования, где потребители более осознанно подходят к вопросам заключения сложных для их понимания инвестиционных продуктов, однако на данный момент пласт судебной практики еще не сформирован, поэтому невозможно сформировать представление о том, насколько понимание потребителями подобных продуктов изменилось в лучшую или в худшую сторону.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что личное страхование в России планомерно развивалось практически на протяжении двух веков. Советский период неоднозначно повлиял на личное страхование, поскольку институт добровольного страхования граждан самих себя практически исчез и был заменен страхованием обязательным со стороны различных предприятий. В то же время, современная правовая действительности в России свидетельствует о планомерном развитии института страхования в целом и показывает на постепенное искоренение не действующих правовых норм.

Список литературы:

[1] Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» 1992 г // Доступ из СПС «Консультант Плюс»

[2] Регламент Совета ЕС от 17.03.2014 №269/2014 в редакции от 03.06.2022 // Доступ из СПС «Консультант Плюс»

[3] Пушкарев С. В. История развития страхования в России от своего зарождения до циф-

ровой эпохи // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. №2 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriyarazvitiyastrahovaniyavrossiiotsvoegozarozhdeniyadotsifrovoyepohi

[4] Фогельсон Ю.Б. Страховое право. Теоретические основы и практика применения // Доступ из СПС «Консультант плюс»

[5] Носова Г.В. Об особенностях системы страхования в России в первую половину XIX в. Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет (2009).

[6] Райлян А.И. Страховое законодательство Российской империи: 1861-1917 гг. диссертация кандидата юридических наук // https://www.dissercat.com/content/strakhovoe-zakonodatelstvo-rossiiskoi-imperii-1861-1917-gg

[7] Г.Ф. Шершеневич «Курс торгового права» // доступ из СПС «Консультант Плюс»

[8] Авакян Алеся Мнацакановна История возникновения договора личного страхования // Общество: политика, экономика, право. 2011. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriyavozniknoveniyadogovoralichnogostrahovaniya

[9] Е.А. Суханов «Гражданское право», том IV, 2023 г. // Доступ из СПС «Консультант Плюс»

References:

[1] Law of the Russian Federation “On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation” 1992//Access from SPS “Consultant Plus”

[2] Council Regulation 17.03.2014 269/2014 as amended on 03.06.2022 //Access from ATP Consultant Plus

[3] Pushkarev S.V. History of the development of insurance in Russia from its inception to the digital era//Bulletin of Mari State University. Series “Historical Sciences. Legal sciences.” 2020. №2 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriyarazvitiyastrahovaniyavrossiiotsvoegozarozhdeniyadotsifrovoyepohi

[4] Fogelson YB Insurance Law. Theoretical foundations and practice of application//Access from SPS “Consultant Plus”

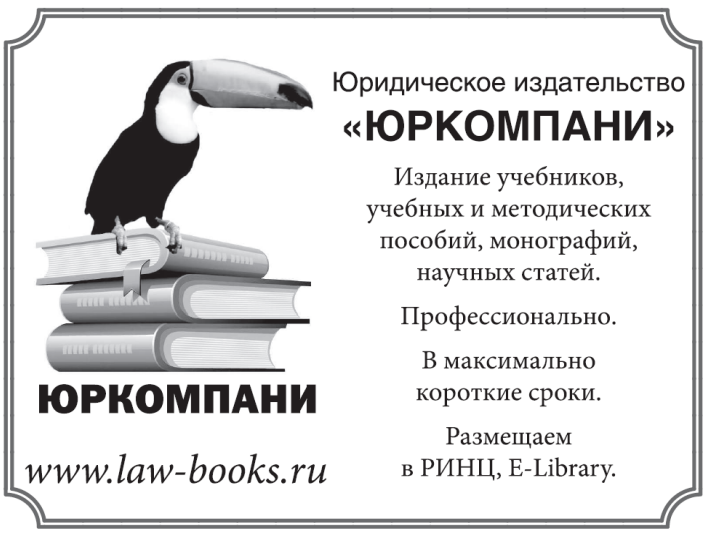
[5] Nosova G.V. On the features of the insurance system in Russia in the first half of the 19th century. Financial Bulletin: finance, taxes, insurance, accounting (2009).

[6] A.I. Raylyan. Insurance legislation of the Russian Empire: 1861-1917. Dissertation of the candidate of legal sciences// https://www.dissercat.com/content/strakhovoe-zakonodatelstvo-rossiiskoi-imperii-1861-1917-gg

[7] G.F. Shershenevich “Trade Law Course “// access from SPS” Consultant Plus “

[8] Avakyan Alesya Mnatsakanovna History of the personal insurance contract//Society: politics, economics, law. 2011. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriyavozniknoveniyadogovoralichnogostrahovaniya

[9] E.A. Sukhanov “Civil Law,” Volume IV, 2023// Access from SPS “Consultant Plus”

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-127-131
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

СТРОКИН Александр Геннадьевич,
Аспирант института «Аспирантура и Докторантура»
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: strokin97@mail.ru

Научный руководитель:
МАЛЕИНА Марина Николаевна,
Профессор, д.ю.н.,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧАЕВЫЕ И УСЛОВИЯ О ЦЕНЕ В ДОГОВОРЕ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Аннотация. *Чаевые являются общеизвестным и общедоступным способом отблагодарить работника сферы обслуживания за хорошо проделанную работу. В обществе считается принятым обычаем оставлять небольшие чаевые в заведениях общественного питания.*

Чаевые можно рассматривать в качестве дополнительной платы за услуги, в качестве отдельного договора дарения или стимулирующей выплаты в соответствии с трудовым законодательством. Каждая из этих позиций требует более детального анализа.

По общему правилу оплата чаевых носит добровольный характер для потребителя, но ситуация может измениться при включении условия об оплате чаевых в договор, либо при явном установлении такого правила в заведении и доведения этой информации до потребителя.

Ключевые слова: *чаевые, цена, общественное питание, ресторан, кафе, предприятие общественного питания, услуги, договор оказания услуг общественного питания.*

STROKIN Alexander Gennadievich,
Postgraduate student of the Institute
of Postgraduate Studies and Doctoral Studies
of the O.E. Kutafin Moscow State Law University

Scientific supervisor:
MALEINA Marina Nikolaevna,
Professor, Doctor of Law

TIPS AND PRICE CONDITIONS IN THE CONTRACT WITH THE CATERING ORGANIZATION

Annotation. *Tipping is a well-known and generally accepted way to thank a service worker for a job well done. It is considered an accepted custom in society to leave small tips in catering establishments.*

Tips can be considered as an additional payment for services, as a separate donation agreement, or as an incentive payment in accordance with labor legislation. At first glance, each of these positions seems reasonable and requires a more detailed analysis.

Of particular interest is judicial practice, which has developed criteria for determining tips that must be paid and, conversely, tips that remain at the discretion of the consumer. As a general rule, payment of tips is voluntary for the consumer, but the situation may change if the tip payment clause is included in the contract, or if such a rule is explicitly and clearly established in the institution and this information is communicated to the consumer.

Key words: *tips, price, catering, restaurant, cafe, catering company, additional services, catering services contract*.

Введение

Чаевые являются допустимым способом отблагодарить лицо, оказавшее услугу, в денежной форме. В Российской Федерации, как и в странах бывшего СНГ, чаевые воспринимаются положительно, их принято оставлять, хотя это и не является обязательным условием в большинстве случаев. Размеры чаевых, оставляемые российскими потребителями, ежегодно растут, количество совершаемых транзакций по оплате чаевых ежегодно увеличивается, о чем свидетельствуют многочисленные аналитические исследования [1], [2].

Отношение к чаевым в странах мира сильно различается. Например, в США в рекомендациях Национальной ассоциации ресторанов США прямо закреплено, что «на чай» необходимо оставлять 15% от стоимости чека, а в случае отличного обслуживания – 20%. Известны случаи, когда таксисты в США отказывались возвращать пассажиру сдачу, указывая на то, что сдача считается их законными чаевыми [3].

В некоторых странах, напротив, чаевые могут быть расценены как оскорбление. Например, в странах Азии оплата чаевых не принята и может быть расценена как оскорбление сотрудника [4].

Независимо от отношения общества к чаевым, ни в одной стране мира данный вид поощрения сотрудников не закреплен законодательно, что затрудняет определение правовой природы денежных средств, которые оставляют «на чай», а также их законность. Фактически чаевые являются «благодарностью» за качественно оказанную услугу/выполненную работу.

Согласно данным сервиса «нет монет», за 2024 год через сервис «нет монет» посетители заведений общественного питания оставили чаевые более тридцати миллионов раз, а средний размер чаевых составил 321 руб. в среднем по всей России [5]. При столь существенном объеме оплаченных чаевых отсутствие надлежащего правового регулирования кажется пробелом, который необходимо восполнить на доктринальном и законодательном уровне.

Основная часть

Правовая природа чаевых и цена договора.

В доктрине тема правовой природы чаевых почти не изучена, тем не менее, возможно выделить несколько доктринальных позиций по данному вопросу. В.А. Белов предлагает понимать под чаевыми определенную денежную сумму, которая добровольно уплачивается услугополучателем сверх стоимости услуги. Оплата производится не в адрес организации, оказавшей услуги, а непосредственно в адрес физического лица, который эти услуги оказал [6].

Н.В. Васильчикова под чаевыми понимает процент за обслуживание посетителей официантом, включаемый в общий счет, подлежащий оплате [7].

Согласно определению, закрепленному в ст. 6 Конвенции Международной организации труда № 172 «Об условиях труда в гостиницах, ресторанах и аналогичных заведениях», под чаевыми понимается «сумма денег, добровольно вручаемая клиентом трудящемуся в дополнение к той сумме, которую клиент оплачивает за оказанные услуги» [8]. Необходимо упомянуть, что Российская Федерация не является участником данной Конвенции.

Отмечая правовую природу чаевых, В.А. Белов отмечает, что такая выплата не может быть платой за оказанные услуги, поскольку сама оплата услуг носит обязательный характер для стороны по договору, в то время как оплата чаевых носит в большинстве случаев добровольный характер. Более того, следует отметить, что размер чаевых определяется самостоятельно лицом, которое производит оплату чаевых, что не соответствует представлению об оплате определенной услуги.

Белов В.А. указывает на невозможность признания оплаты чаевых в качестве договора дарения, поскольку работник сферы услуг оказал некоторое встречное предоставление. Данный довод следует признать не совсем верным.

Третья позиция сложилась в науке трудового права. И.В. Погодина указывала на то, что выплата чаевых выходит за рамки гражданских правоотношений и относится к трудовым правоотношениям. И.В. Погодина приводит параллель с выплатой премии, которая выплачивается не работодателем, а услугополучателем. Цель уплаты чаевых – поощрить работника за надлежаще выполненную трудовую функцию. Указанная цель может быть закреплена в локальных нормативных актах организации, что придаст оплате чаевых определенную законность [9].

Определение чаевых связана с пониманием цены договора. В соответствии с п. 1 ст. 424 ГК РФ, исполнение договора должно быть оплачено по цене, установленной соглашением сторон. По договору оказания услуг общественного питания цена обычно указана в меню заведения или на витрине. Потребитель либо соглашается с предложенной ценой, либо не заключает договор с таким заведением. По общему правилу, в цену уже включен процесс приготовления блюда по рецепту, предоставление потребителю во временное пользование имущества заведения (посуда, столы, стулья, столовые приборы и т.д.), а также услуги официантов и иного персонала.

Следует согласиться с мнением В.А. Белова, который отмечает, что плата чаевых не может

быть отдельным договором оказания услуг, поскольку плата носит исключительно добровольный характер, а по договору оказания услуг общественного питания оплата обязательна.

В свою очередь, невозможно согласиться с мнением И.В. Погодиной о том, что оплата чаевых выходит за рамки гражданского права и должна изучаться в рамках трудового права. Отмечу, что не всегда чаевые оставляются сотруднику, который работает по трудовому договору. Официант в ресторане может работать на основании гражданско-правового договора, таксист может иметь статус самозанятого, но им также могут быть оплачены чаевые клиентом, что доказывает, что оплата чаевых не охватывается полностью трудовым правом, а, напротив, полностью входит в сферу гражданского права, так как является разновидностью гражданско-правовой сделки. Более того, премии, как и заработную плату, по смыслу трудового законодательства оплачивает работодатель, а не сторонние лица, которые не имеют к работодателю никакого отношения.

По моему мнению, оплату чаевых, оставляемых добровольно услугополучателем, следует признать именно реальным договором дарения, совершаемым лицом, получившим услугу, в адрес лица, которым услуга оказана.

Фактически оплата чаевых для услугополучателя носит безвозмездный характер. Официант в ресторане обслуживает посетителей на основании договора, заключенного потребителем с заведением общественного питания. Отдельного письменного договора с потребителем на обслуживание у официанта не имеется. По указанному договору обслуживание потребителя уже включено в стоимость. В случае хорошего обслуживания потребитель может оставить денежные средства «на чай».

Договор дарения чаевых является устным реальным договором, то есть таким, который считается заключенным непосредственно в момент передачи предмета дарения. Заключение договора дарения происходит в момент, когда посетитель оставляет чаевые сотруднику заведения общественного питания. В случае с оплатой чаевых официанты конклюдентными действиями подтверждают готовность принять в дар чаевые, поскольку, чаще всего, приносят чек с QR-кодом для чаевых, либо указывают свой номер телефона/карты для перевода чаевых. Потребитель, при наличии желания, переводит свои денежные средства по указанным реквизитам. В случае с оплатой наличными, официант обычно оставляет счет, не забирая его после оплаты, что также свидетельствует о готовности принять чаевые.

Комментируя позицию В.А. Белова, необходимо отметить, что встречное предоставление лицо, оказывающее услугу, осуществляет по другому договору. Действительно, размер чаевых и вообще факт их выплаты зависит от качества обслуживания. И указанные обстоятельства являются мотивацией к заключению договора дарения денежных средств.

Безусловно, потребитель различает хорошее и плохое качество обслуживания со стороны официантов. Этот критерий влияет на то, оставит ли посетитель чаевые или нет, а также на их размер. Стоит отметить, что при принятии решения о выплате чаевых клиент зачастую оценивает не только действия официанта, но и оценивает уровень обслуживания в целом (работу поваров, администратора, скорость подачи блюд и т.д.).

Согласно ст. 423 ГК РФ, под возмездным понимается такой договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей. Безвозмездным считается договор, в соответствии с которым одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без какого-либо встречного предоставления или получения платы.

В случае с выплатой чаевых, хорошее обслуживание со стороны персонала заведения общественного питания следует рассматривать не в качестве встречного предоставления по ст. 423 ГК РФ, а в качестве мотива для посетителя к заключению реального договора дарения денежных средств. Как уже отмечалось ранее, обслуживание официантом изначально входит в предмет договора оказания услуг общественного питания, который заключается потребителем с заведением общественного питания. Хороший уровень обслуживания мотивирует посетителя оставить чаевые, но не гарантирует этого для официанта, поскольку стоимость обслуживания уже включена в счет, выставляемый заведением. У официантов не возникает право требования денежных средств с посетителя даже в случае оказания обслуживания наивысшего класса (если это не было предусмотрено договором потребителя и заведения общественного питания заранее).

Соотношение взимания чаевых и оплаты по договору общественного питания.

Законно ли взимать чаевые? Перед ответом на этот вопрос следует отметить, что чаевые могут выплачиваться двумя различными способами.

Первый способ заключается в том, что чаевые включаются в счет заведения и оплачиваются непосредственно совместно со счетом. В таком случае чаевые поступают на расчетный счет заведения общественного питания. Такую выплату нельзя считать дарением в пользу офи-

цианта или иного лица, оказывающего услугу, поскольку в таком случае деньги поступают на счет заведения общественного питания. Такие выплаты являются оплатой за услуги обслуживания, предоставляемые заведением общественного питания, и входят в общую цену договора. Может ли заведение общественного питания включать положение об обслуживании в счет?

Положениями Постановления Правительства РФ «Об утверждении правил оказания услуг общественного питания» установлено, что «включение чаевых в счет не допустимо, если потребитель не был осведомлен, и ему не было разъяснено включение дополнительных услуг в счет» [10]. Таким образом, законность включения чаевых в счет заведения ставится в зависимость от разъяснения потребителю последующего включения платы за обслуживание в счет заведения. Предполагается, что, например, в меню должно быть сделано отдельное указание на стоимость обслуживания в заведении общественного питания и о том, что эта стоимость будет включена в счет.

Указанный довод подтверждает актуальная судебная практика. Решением мирового судьи судебного участка № 7 Ленинского судебного района города Нижнего Новгорода были частично удовлетворены исковые требования о взыскании суммы за обслуживание с заведения общественного питания [11]. Исходя из фабулы дела, потребитель обратился в заведение общественного питания (ресторан) для празднования личного праздника. Для этого был забронирован стол на девять человек, внесена предоплата, сделан заказ по меню. После проведения мероприятия потребителю предоставили счет, который был увеличен от стоимости блюд по меню на десять процентов. Официанты объяснили такое увеличение платой за обслуживание в заведении.

Своим решением мировой судья обязал заведение общественного питания вернуть уплаченную сверх счета сумму, дополнительно выплатив потребителю компенсацию морального вреда и штраф по закону «О защите прав потребителей». В обоснование решения судья указал на недопустимость включения дополнительных оплачиваемых услуг в счет без предварительного согласия/информирования потребителя.

Дискуссией в данной части может стать факт того, является ли облуживание официантом дополнительной услугой, либо же оно включено в предмет договора предоставления общественного питания и не может быть рассмотрена как отдельная/дополнительная услуга. Представляется, что при посещении ресторана, исходя из специфики подобного заведения, посетитель уже рассматривает обслуживание официантом как неотъемлемую часть договора, который он заключает. Таким образом, обслуживание официантами в заведении общественного питания не следует рассматривать как дополнительную услугу (за исключением заведений самообслуживания). Услуги по обслуживанию посетителей входят в предмет договора предоставления общественного питания, следовательно, стоимость услуг, если такая взимается с потребителей, обязательно должна быть указана в меню/прейскуранте, иначе включение в счет оплаты за обслуживание будет незаконным. Представляется, что надлежащим информированием посетителя заведения о включении чаевых стоимость будет указание на это в меню заведения. В дополнение возможно указание такой информации на отдельной вывеске/информационном плакате при входе в заведение.

Второй способ оплаты чаевых заключается в оплате чаевых напрямую официанту сверх суммы, указанной в счете. Оплата чаевых может производиться наличными денежными средствами, по номеру телефона/карты, предоставленной сотрудником заведения общественного питания, либо же через специальные сервисы, такие как: «Нетмонет», «CloudTips», «СберЧаевые», «КонтурМаркет.Чаевые» [12].

В таком случае, между посетителем заведения общественного питания и его сотрудником заключается договор дарения, предусмотренный Главой 32 Гражданского кодекса РФ, который подчиняется нормам указанной главы и связанными с нею нормами. Такое дарение ничем не обусловлено и не запрещено законодательством РФ и его не следует каким-либо образом ограничивать.

Заключение

При столь существенном объеме оплаты чаевых в заведениях общественного питания, отсутствие доктринального изучения и законодательного регулирования следует признать пробелом в российском праве, имеющимся на сегодняшний день.

По правовой природе выплату чаевых следует признать именно дарением, поскольку потребитель безвозмездно передает в собственность сотруднику заведения общественного питания денежные средства в собственность.

Следует признать выплату чаевых законным действием при включении непосредственно в счет заведения при надлежащем информировании потребителя о необходимости дополнительно оплатить услуги по обслуживанию.

Представляется, что необходимо отразить в нормативных актах об общественном питании правовую природу и порядок оплаты денежных средств «на чай».

Список литературы:

[1] Россияне стали чаще оставлять чаевые [Электронный ресурс], URL: https://adindex.ru/news/tendencies/2024/11/7/327164.phtml (дата обращения: 27.09.2025 г.);

[2] На чай не скупятся [Электронный ресурс], URL: https://checkindex.ru/issledovaniya/na-chai-ne-skupyatsya/ (дата обращения: 27.09.2025 г.);

[3] Погодина И.В., Трунников А.В. Правовая природа чаевых // Трудовое право: ежемесячный практический журнал. 2009. №3. С. 111-115;

[4] В Китае и Японии чаевые после еды это оскорбление [Электронный ресурс], URL: https://welcometimes.ru/
news/v-kitae-i-yaponii-chaevye-posle-edy-eto-oskorblenie (дата обращения: 27.09.2025 г.);

[5] Названа средняя сумма чаевых в России за год [Электронный ресурс], URL: https://lenta.ru/news/2024/12/25/chaevye/, (дата обращения 28.09.2025 г.);

[6] Белов В.А. Занимательная цивилистика: очерки по небольшим, но небезынтересным вопросам гражданского права. Вып. 1. М.: «ЦентрЮрИнфоР», 2006. 189 с.

[7] Васильчикова Н.В. Как потребителю защитить свои интересы: рекомендации, примеры. М.: Омега-Л, 2008. 208 с.

[8] Конвенция Международной организации труда № 172 «Об условиях труда в гостиницах, ресторанах и аналогичных заведениях» [Электронный ресурс], URL: https://docs.cntd.ru/document/1901264 (дата обращения: 28.09.2025 г.));

[9] Погодина И.В., Трунников А.В. Правовая природа чаевых // Трудовое право. 2009. №3. С. 111-115.

[10] Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении правил оказания услуг общественного питания» от 21 сентября 2020 № 1515 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020 г. № 39. Ст. 6085

[11] Решение мирового судьи судебного участка № 7 Ленинского судебного района города Нижнего Новгорода от 03.08.2023 г. по делу № 2-756/2023 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 10.10.2025 г.)

[12] Как принимать безналичные чаевые: подборка сервисов [Электронный ресурс], URL: https://www.calltouch.ru/blog/kak-prinimat-beznalichnye-chaevye-podborka-servisov/ (дата обращения: 05.10.2025 г.)

References:

[1] Russians began to leave tips more often [Electronic resource], URL: https://adindex.ru/news/tendencies/2024/ 11/7/327164 .phtml (accessed: 27.09.2025);

[2] They do not skimp on tea [Electronic resource], URL: https://checkindex.ru/issledovaniya/na-chai-ne-skupyatsya/ (circulation date: 27.09.2025);

[3] Pogodina I.V., Trunnikov A.V. Legal nature of tips//Labor law: monthly practical journal. 2009. №3. S. 111-115;

[4] In China and Japan, tips after meals are an insult [Electronic Resource], URL: https://welcome-times.ru/
news/v-kitae-i-yaponii-chaevye-posle-edy-eto-oskorblenie (Accessed 27.09.2025);

[5] Named the average tip amount in Russia for the year [Electronic resource], URL: https://lenta.ru/news/2024/12/25/chaevye/, (accessed 28.09.2025);

[6] Belov V.A. Entertaining civics: essays on small but interesting issues of civil law. No. 1. M.: "CenterYurInfoR," 2006. 189 pp.

[7] Vasilchikova N.V. As a consumer to protect their interests: recommendations, examples. M.: Omega-L, 2008. 208 pp.

[8] International Labor Organization Convention No. 172 "On Working Conditions in Hotels, Restaurants and Similar Establishments" [Electronic Resource], URL: https://docs.cntd.ru/document/1901264 (accessed 28.09.2025));

[9] Pogodina I.V., Trunnikov A.V. Legal nature of tips//Labor law. 2009. №3. S. 111-115.

[10] Decree of the Government of the Russian Federation "On approval of the rules for the provision of catering services" dated September 21, 2020 No. 1515//Collection of legislation of the Russian Federation. 2020 No. 39. Art. 6085;

[11] Decision of the magistrate of the judicial district No. 7 of the Leninsky judicial district of the city of Nizhny Novgorod dated 03.08.2023 in case No. 2-756/2023//SPS "Consultant Plus" (date of appeal: 10.10.2025);

[12] How to accept non-cash tips: a selection of services [Electronic resource], URL: https://www.calltouch.ru/blog/kak-prinimat-beznalichnye-chaevye-podborka-servisov/ (contact date: 05.10.2025);

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-132-139

БАШИРОВ Эмиль Эльдарович,
аспирант Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Москва,
e-mail: i05owncj83as@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО ТРАНСФЕРНОГО ДОГОВОРА В СФЕРЕ СПОРТА

Аннотация. *В статье рассматривается трансграничный трансферный договор в спорте и исследуются проблемы его реализации. Выделяются иностранные элементы, влияющие на трансграничность трансферного договора. Обозначены актуальные риски, связанные с реализацией трансграничного трансферного договора в спорте и их последствия. На основе анализа возникающих рисков автором предлагается выделение трех групп рисков: 1) нефинансовые (спортивные) риски; 2) финансовые риски; 3) репутационные риски. Автор предлагает конкретные пути решения и предотвращения выделяемых групп рисков.*

Сегодня проблема реализации трансграничного трансферного договора является одной из самых актуальных в связи с принятыми в отношении Российской Федерации санкциями.

Ключевые слова: *право; спорт; трансфер (переход) спортсмена; трансграничный трансферный договор; трансферный договор; риски; проблемы реализации.*

BASHIROV Emil Eldarovich,
postgraduate student of Moscow State Law University named after. O.E. Kutafina (MSAL),
Russia, Moscow

PROBLEMS OF PERFORMANCE CROSS-BORDER TRANSFER AGREEMENTS IN THE FIELD OF SPORTS

Annotation. *This article examines cross-border transfer agreements in sports and explores the challenges of their implementation. Foreign elements that influence the cross-border nature of transfer agreements are highlighted. Current risks associated with the implementation of cross-border transfer agreements in sports and their consequences are outlined. Based on an analysis of emerging risks, the author proposes identifying three risk groups: 1) non-financial (sports) risks; 2) financial risks; 3) reputational risks. The author proposes specific solutions and prevention strategies for these risk groups.*

Today, the issue of implementing a cross-border transfer agreement is one of the most pressing in connection with the sanctions imposed on the Russian Federation.

Key words: *law; sport; transfer of an athlete; cross-border transfer agreement; transfer agreement; risks; implementation issues.*

В настоящее время спортивные правоотношения, в частности правоотношения по поводу перехода спортсменов (игроков), свойственные для командных игровых видов спорта (футбол, хоккей, волейбол и другие), находятся на активной стадии своего развития. Влияние на такое развитие оказывают такие факторы как рост экономических интересов спортивных клубов и трансферной стоимости игроков. Настоящее исследование строиться на примере футбола как вида спорта, наиболее четко и системно регулирующего институт спортивных трансферов. При этом результаты проведенного исследования будут релевантны и для иных видов спорта, связанных с институтом спортивных трансферов.

Бесспорно трансферный договор, как трансграничный, так и оформляющий внутренние (национальные) переходы спортсменов, составляет одну из основ экономических отношений в сфере профессионального спорта. Иностранный элемент в трансграничном трансферном договоре может выражается в субъекте или юридическом факте. Правоотношения по поводу трансфера игрока складываются между юридическими лицами из разных стран, в частности клубами – юридическими лицами, зарегистрированными в

иностранном государстве. Юридический факт же может выражаться в регистрации игрока за иностранный клуб. Иностранный элемент в правоотношениях по трансферу приводит к тому, что отношения могут быть урегулированы правом разных государств. Это также приводит к тому, что проблемы реализации трансграничного трансферного договора могут возникнуть в двух государствах.

Трансферный договор имеет цель оформить переход игрока из одной спортивной команды в другую. Оформляя переход (трансфер) игрока, эта договорная конструкция направлена на обеспечение баланса интересов трех сторон:

– клуба продавца;
– клуба покупателя;
– игрока.

Такой баланс обеспечивается благодаря тому, что клуб-продавец получает трансферную выплату, а клуб-покупатель получает игрока для его регистрации за клуб (команду) и последующего заявления такого игрока в качестве участника спортивного соревнования за этот клуб.

Согласно п. 2 ст. 5 Регламента Международной федерации футбольных ассоциаций (фр. Fédération internationale de football association) (далее – ФИФА) по статусу и трансферам игроков: «Игрок может быть зарегистрирован в клубе только для того, чтобы играть в организованный футбол». Игрок же в свою очередь должен быть не против такого перехода. Однако, существует ряд рисков способных повлиять на реализацию трансграничного трансферного договора как вида трансферного договора. Последствия наступления таких рисков способны нанести крупный ущерб сторонам трансграничного трансферного договора и даже самому игроку, а главным последствием этих рисков будет недостижение цели трансферного договора.

Эти риски можно разделить на три основные группы: 1) нефинансовые (спортивные) риски; 2) финансовые риски; 3) репутационные риски.

Нефинансовые (спортивные) риски представляют собой риски, связанные с нарушением регламентов спортивных федераций (ассоциаций), со спортивными санкциями наложенными юрисдикционными и/или арбитражными (третейскими) спортивными судами, с медицинскими рисками (спортивные травмы, неудовлетворительные медицинские осмотры и т.п.) и иными. Эта группа рисков в первую очередь имеет нефинансовую основу первопричин их возникновения.

К первой группе рисков относится наложение на игрока санкции в виде дисквалификации. Такая дисквалификация может быть наложена в связи с нарушением, например, положений Всемирного антидопингового кодекса ВАДА или общероссийских антидопинговых правил [1, п. 12.14.1.] и нарушением правил игры и (или) регламента соревнований, например, получение футболистом красной карточки во время футбольного матча.

Препятствие для реализации трансферного договора заключается в том, что в случае, если игрок не отбыл такую санкцию до своего перехода в новый клуб, то такая дисквалификация продолжает действовать в отношении игрока и после его перехода, в связи с чем он не сможет принимать участие в спортивных соревнованиях.

Так, если игроком были нарушены правила игры и (или) регламента соревнований вида спорта футбол, то согласно Регламенту ФИФА по статусу и трансферу игроков (далее – Регламент по трансферам) по общему правилу: «Любое дисциплинарное взыскание сроком до четырех матчей или до трех месяцев, которое было наложено на игрока прежней ассоциацией, но еще не было (полностью) отбыто к моменту перехода, должно быть приведено в исполнение новой ассоциацией, в которой игрок был зарегистрирован, для того, чтобы наказание было отбыто в следующей ассоциации, на внутреннем уровне. При выдаче международного трансферного сертификата ITC прежняя ассоциация должна уведомить новую ассоциацию через TMS о любом таком дисциплинарном взыскании, которое еще не было (полностью) исполнено» [2].

Согласно пункту второму указанной статьи: «Любое дисциплинарное взыскание сроком более четырех матчей или более трех месяцев, которое еще не было (полностью) отбыто игроком, подлежит исполнению новой ассоциацией, зарегистрировавшей игрока, только в том случае, если Дисциплинарный комитет ФИФА продлил действие дисциплинарного взыскания на весь мир. Кроме того, при выдаче ITC прежняя ассоциация должна уведомить новую ассоциацию через TMS о любом таком ожидаемом дисциплинарном взыскании». Под дисциплинарным взысканием, наряду с иными видами взысканий, предусмотренными регламентами спортивных федераций (ассоциаций), в рамках настоящего исследования следует понимать именно упоминаемую дисквалификацию. Именно данное дисциплинарное взыскание приводит к недостижению цели перехода (трансфера).

Можно констатировать, что рассматриваемая норма, по общему правилу, устанавливает, что неотбытая санкция в виде дисквалификации сроком до четырех матчей или до трех месяцев подлежит автоматической реализации спортивной федерацией (ассоциацией), аффилированной с клубом, так как именно она обязана обеспечить реализацию и контроль над исполнением наложенных санкций. Согласно пункту второму рассматриваемой статьи санкция сроком более

четырех матчей или более трех месяцев подлежит реализации спортивной федерацией (ассоциацией) только в случае, если такая санкция решением Дисциплинарного комитета ФИФА распространяется на весь мир. В обоих случаях при выдаче международного трансферного сертификата (International Transfer Certificate) (далее – ITC) ассоциация, аффилированная с клубом продавцом, должна уведомить через систему TMS (Transfer Matching System) новую ассоциацию, аффилированную с клубом-покупателем, о дисциплинарной санкции, которая не былая еще полностью или частично отбыта или которая будет наложена будущим решением дисциплинарного органа. Рассматриваемая норма получила отражение и в Регламенте РФС по статусу и переходам (трансферам) футболистов [3, абз. 2 п. 7 ст. 17].

Стоит отметить, что на практике возникают ситуации, когда клуб-продавец не уведомляет (не проставляет отметку в системе TMS) о наличии неотбытой дисквалификации у игрока. В связи с чем клубу-покупателю рекомендуется дополнительно самостоятельно принять меры в виде, например, направления запроса о наличии дисквалификации у игрока в прежнюю ассоциацию или клуб. В случае возникновения спора это будет служить доказательством добросовестности клуба покупателя.

Еще одним примером первой группы рисков является наличие у игрока действующего или потенциального спора, например, с субъектом футбола, после заключения трансфертного договора. Возможна ситуация, при которой у игрока будет действующий спор с его предыдущим клубом-работодателем или агентом. В случае проигрыша спора и неисполнения игроком решения Спортивного арбитражного суда (Court of Arbitration for Sport) (далее – CAS), юрисдикционного органа национальной или международной спортивной федерации на него могут быть наложены санкции, которые могут включать трансферные ограничения для клуба, дисквалификацию самого игрока, а также штрафы. Данные санкции призваны обеспечить исполнение принятого решения третейским судом или юрисдикционным органом.

Следующим риском данной группы является невыдача федерацией (ассоциацией) международного трансферного сертификата (ITC), который является важной частью механизма международных переходов игроков и тесно связан с самим трансферным договором. Порядок выдачи ITC строго регламентирован ст. 9 Регламента по трансферам и приложением 3 [2]. к Регламенту по трансферам.

Согласно п. 1 ст. 9 Регламента по трансферам игроки, зарегистрированные в одной ассоциации, могут быть зарегистрированы в новой ассоциации только после того, как последняя получит Международный трансферный сертификат [4, para 49]. от прежней ассоциации. ITC выдается бесплатно без каких-либо условий или ограничений по времени. Таким образом, для достижения цели трансферного договора клуб-покупатель наряду с договором должен иметь (получить) ITC, иначе регистрация игрока за новый клуб невозможна. Сказанное подтверждается в одном из решений CAS: «Как упоминалось выше, согласно статье 5, пункту 1 RSTP (прим. Регламент ФИФА по статусу и трансферу игроков), игрок должен быть зарегистрирован в ассоциации, чтобы играть за клуб. Только зарегистрированные игроки имеют право участвовать в организованном футболе» [5, para 98, 111]. Статья 11 Регламента по трансферам гласит, что любой игрок, не зарегистрированный в ассоциации, выступающий за клуб в любом официальном матче, считается участвовавшим в игре незаконно. Приведенное выше еще раз подтверждает цель трансферного договора и ключевую роль ITC в трансферах.

Исходя из нормы рассматриваемой статьи выдача ITC не должна обуславливаться какими-либо условиями. Стоит обратить внимание, что обязанность выпуска ITC лежит на «бывшей» ассоциации, а не на игроке. Позиция CAS по этому вопросу однозначна: «Статья 9.1 Регламента FIFA не возлагает на игрока никаких прямых или подразумеваемых обязательств по получению ITC. Напротив, она возлагает на бывшую ассоциацию обязанность передать ITC новой ассоциации. Более того, в пункте 3.2(1) статьи 3 Приложения 3 к Регламенту ФИФА по статусу и трансферу игроков четко указано, что “ассоциации (...) несут ответственность за проведение электронного процесса ITC”» [6, para 73]. Клуб при работе в TMS указывает (заполняет) лишь соответствующие данные необходимые для выпуска ассоциацией ITC «футбольный клуб сам по себе, как правило, не имеет права участвовать в процедуре выдачи ITC» [4, para 50].

Так на практике возможна ситуация, при которой заключен действительный трансферный договор, но федерация (ассоциация) клуба-продавца по каким-либо причинам не выдает ITC. Например, это возможно, когда клуб-покупатель имеет наложенную на него санкцию в виде запрета не регистрацию игроков. При международных трансферах клубом-покупателем может быть клуб из любой страны в связи с чем клуб-продавец может не знать и не обязан знать о наложенной санкции. Полагая что, вторая сторона является добросовестной, клуб-продавец заключает трансферный договор, действительность которого ставится под условие выдачи ITC,

а на место ушедшего игрока приобретает нового. Несмотря на то, что старая ассоциация передаст международный трансферный сертификат, новая его принять не сможет в связи с имеющейся санкцией. Следовательно договор будет незаключенным по причине невыполнения условий его вступления в силу, и клуб-продавец будет вынужден принять игрока обратно. Это приводит к тому, что клуб несет дополнительные финансовые расходы, которые он планировал возместить продажей старого игрока, увеличивается нагрузка на его зарплатный фонд в связи с появлением нового игрока, пришедшего на замену ушедшему, более того теперь у клуба два игрока на одну и ту же позицию, в связи с чем он будет вынужден решать вопрос распределения игровой практики и ряд иных вопросов.

Во избежание подобного риска клубу-покупателю рекомендуется проверять вторую сторону трансферного договора на наличие регистрационных запретов в открытых информационных источниках или через официальный ресурс (URL: https://knowledge.fifa.com/registration-bans) ФИФА который с недавного времени ведет реестр клубов с регистрационными запретами.

Трудно переоценить значение ITC в практике ФИФА. Можно выделить следующие преимущества ITC в практике института спортивных трансферов в футболе:

1. Легализация трансфера и его юридическая чистота:
– ITC удостоверяет, что игрок не имеет действующего контракта или обязательств перед прежним клубом, и переход осуществляется в соответствии с правилами ФИФА;
– исключает «серые» или неправовые переходы между клубами/странами;
– фиксирует все стороны договора – бывший клуб, новый клуб, игрок (не как сторону договора, а как лицо, ознакомившееся с договором) и соответствующие футбольные ассоциации.
2. Предотвращение двойной регистрации:
– обеспечивает регистрацию футболиста только в одной ассоциации;
– ITC предотвращает ситуацию, когда футболист зарегистрирован одновременно в двух ассоциациях;
– система TMS ФИФА, в рамках которой осуществляется заполнение информации относительно трансфера отслеживает все международные переходы и гарантирует прозрачность процесса.
3. Контроль соблюдения Регламента по трансферам:
– ITC обеспечивает контроль соблюдения Регламента по трансферам.
4. Допуск к официальным соревнованиям:
– только после получения ITC футболист имеет право участвовать в официальных соревнованиях под эгидой ассоциации;
– обеспечивает целостность соревнований и честную игру (fair play).
5. Повышение доверия между ассоциациями и клубами.

Таким образом, ITC защищает интересы всех сторон, так или иначе связанных с трансфером: игрока, клубов и футбольных ассоциаций, способствуя стабильности и доверию в мировом футболе.

К рассматриваемой первой группе рисков можно отнести и количество регистраций футболиста. Игрок, согласно п. 3 ст. 5 Регламента по трансферам, может быть зарегистрирован только в одном клубе. По общему правилу п. 4 ст. 5 Регламента по трансферам: «Игроки могут быть зарегистрированы максимум в трех клубах в течение одного сезона. При этом в течение этого периода (одного сезона) игрок имеет право играть только в официальных матчах только за два клуба» [2]. Несоблюдение указанного правила приводит к тому, что в случае оформления трансферного договора и получения ITC, игрок не сможет быть зарегистрирован за клубом для участия в официальных матчах. В связи с чем клубу при заключении трансферного договора необходимо проверить в системе ФИФА количество регистраций игрока во избежание ситуации, при которой клуб не сможет зарегистрировать игрока для участия в официальных матчах. Так, например, игрок Хатем Бен Арфа после своего перехода подписал трудовой договор с клубом OGC Nice (Франция) в январе 2015 года после того, как в том же сезоне уже выступал за (1) Newcastle United FC U21 и (2) за Hull City AFC на правах аренды. Французская профессиональная футбольная лига, регистрируя трудовой договор с клубом, вынесла следующее решение: «утвердить профессиональный контракт и дополнения к нему, подписанные OGC Nice и г-ном Хатемом Бен Арфа 3 января 2015 года, информирует стороны о том, что г-н Хатем Бен Арфа, несмотря на право участвовать в официальных матчах OGC Nice, не имеет права участвовать в официальных матчах до конца сезона 2014/2015, и, следовательно, в выданной ему лицензии будет содержаться пункт, запрещающий ему участвовать в любых официальных матчах до 30 июня 2015 года» [7, para 14].

Принятое решение демонстрирует, что игрок хоть и имеет право заключить трудовой договор с клубом для участия в официальных матчах, но с учетом конкретных обстоятельств дела и установленным Регламентом по трансферам ограничением на количество участий за клуб в официальных матчах в течение одного сезона,

исчерпал данное право. Таким образом, клуб, осуществив трансфер, и потратив на это значительные финансовые ресурсы, лишается на время права использовать приобретенного игрока. В период активной спортивной конкуренции, когда усиление команды посредством трансфера может иметь важное значение в борьбе за титулы, это обстоятельство может оказаться негативным фактором для клуба как со спортивными, так и финансовыми последствиями.

Вторая группа рисков, возникающих при реализации трансграничного трансферного договора, – финансовые риски. Это риски, основу которых составляют финансовые (денежные) первопричины, такие как риски неоплаты обязательств по трансферному договору, экономические санкции третьих стран, международные платежи, налоговые риски, компенсации за подготовку и другие. Финансовые риски с начала 2022 года являются актуальной проблемой для российского спорта. Невозможность исполнения финансовых обязательств сторонами трансферного договора приводит к нарушения основополагающего принципа права pacta sunt servanda, из-за чего клубы вынуждены искать иные способы исполнения своих финансовых обязательств, нередко требующих больших усилий. В связи с чем проведение надлежащего due diligence перед заключением трансферного договора является необходимым и важным шагом для предотвращения возможных рисков неисполнения заключенного договора и бремени финансовых потерь. Как отмечает Б.А. Шахназаров, в современных условиях выстраивание системы трансграничных расчетов также предполагает проведение санкционного комплаенса в части выявления и учета действия финансовых санкций, экономических ограничений, направленных на осуществление расчетов, на оборот валюты, и др. [8].

К первому виду рисков данной группы рисков относятся налоговые риски. Эти риски возникают, когда стороны ведут переговоры или уже определили сумму трансферной выплаты, но не учитывают условия налогообложения страны, резидентом которой является каждая из сторон договора. Например, стороны ведут переговоры о трансферной выплате «net» (чистой\нетто) или «gross» (валовой\брутто). Если в трансферном договоре оплата указана на условиях «gross» (до вычета налогов), то клуб-получатель оплаты обязан уплатить соответствующий налог самостоятельно. Если же стороны пришли к соглашению о формулировании положения об оплате на условиях «net» — то плательщик (клуб-покупатель игрока) обязан заплатить налог. Если стороны пришли к соглашению, что сумма трансферной выплаты будет net (чистой), то в таком случае сторонам рекомендуется прописать, что эта сумма не включает сумму налогов, иначе может возникнуть ситуация, при которой плательщик трансферной выплаты будет нести налоговое бремя в стране, налоговым резидентом которой он является и в стране контрагента. Для предотвращения подобных рисков сторонам договора необходимо включать в трансграничный трансферный договор налоговую оговорку – условие, что каждая сторона несет налоговое бремя в своей стране и не несет бремя ответственности за налоги в стране контрагента. Налоговые риски каждая сторона договора будет нести самостоятельно, в отношении налогов, возникающих на ее территории.

Наиболее ярким и актуальным видом данной группы рисков являются риски, связанные с проблемой реализации международных платежей. Как было сказано ранее, с конца февраля 2022 года против Российской Федерации были введены экономические санкции различными государствами. Санкции коснулись множества сфер, и сфера спорта не стала исключением. Так, основной сложностью для института спортивных трансферов в России стала проблема оплаты переходов спортсменов при международном трансфере. Российские банки были отключены от системы SWIFT. Одновременно некоторые крупные иностранные банки отказались работать с клиентами из России. Столь серьезные ограничения не могли не сказаться на футболе, где ежегодно совершаются тысячи международных трансферных сделок.

Так, например, российский футбольный клуб «Динамо» в 2022 году арендовал игрока футбольного клуба «Маккаби» Эдена Карцева, о чем он официально объявил. Полузащитник прилетел в Москву, уже выбрал игровой номер и начал тренироваться с клубом РПЛ (Российской премьер-лиги). Но спустя неделю израильский клуб «Маккаби» заявил, что сделка отменяется, а футболист возвращается обратно. Все дело в том, что российский клуб направил платеж в израильский банк, однако в связи с санкциями и ограничениями на работу с контрагентами из России, платеж не принимался банком получателем. В похожей ситуации оказался и футбольный клуб «Ростов». На данный клуб были даже наложены санкции ФИФА в виде запрета клубу регистрировать игроков из-за задолженности перед шведским футбольным клубом «Норчепингом» за трансфер игрока Понутса Альмквиста. При этом сам переход произошел еще в 2020 году, а игрок уже успел покинуть Россию. Но трансфер был оформлен с дроблением (рассрочкой) платежей, последний из которых приходился на лето 2023

года. Российский клуб направлял платеж в шведский банк, однако последний в связи с ранее указанными причинами возвращал денежные средства обратно.

Эти примеры демонстрируют ситуацию, при которой как российские клубы, так и иностранные, находятся в положении, когда они готовы и намерены исполнять свои обязательства в соответствии с принципом pacta sunt servanda, но не могут их осуществить по независящим от них причинам. Проблема оплаты перехода игроков по трансферному договору создает негативные последствия для российских клубов в виде наложения санкций ФИФА за неисполнение обязательств по договору, потери игрока, а также трудности с возвратом и получением денежных средств.

Во избежание подобных рисков с учетом действующих экономических санкций клубам рекомендуется заранее определять стратегии осуществления международных платежей во исполнение своих финансовых обязательств. Автором предлагается рассмотреть ряд решений способных нивелировать риски международных платежей во исполнение принципа pacta sunt servanda. Так, например клуб-продавец во избежание риска неполучения трансферной выплаты в связи действующими экономическими санкциями может установить получение денежных средств (трансферной выплаты) как условие вступления в силу трансферного договора. В деле № CAS 2018/A/5953, Sport Lisboa e Benfica – Futebol, SAD v. FIFA стороной трансферного договора было установлено именно приведенное условие вступления в силу (действительность) трансграничного трансферного договора. В рассматриваемом деле CAS не согласился с выводами Дисциплинарного комитета ФИФА и воздержался от применения санкций к клубу за нарушение статьи 9 Регламента по трансферам, который ошибочно посчитал что клуб поставил выдачу ITC под условие получения трансферной выплаты. В рассматриваемом случае соответствующий пункт был предварительным условием самого трансфера, то есть условием, которое должно было быть выполнено до осуществления любого трансфера, в отличие от выдачи ITC [9, para 2 p. b]. Подход CAS показывает правомерность установления подобного условия в трансграничном трансферном договоре.

Во исполнение финансовых обязательств помимо основного способа оплаты – напрямую одной стороной договора другой, могут быть предусмотрены альтернативные (дополнительные) способы.

Если невозможно осуществить оплату напрямую, то альтернативным способом решения данной проблемы является использование платежных агентов. Так, обращение к услугам платежных агентов предполагает, что агент по договору получает денежные средств от футбольного клуба в целях исполнения обязательств по оплате трансфера перед другим футбольным клубом. Платежный агент – это посредник, который через свои счета проводит международные платежи, и получает за свои услуги вознаграждение. Российским законодательством возможность привлечения третьего лица – платежного агента регулируется ст. 313 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой организация вправе возложить исполнение своего обязательства на третье лицо, если обязанность исполнения лично не вытекает из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа. Кредитор же обязан принять исполнение по контракту от третьего лица, если оно производится за должника и по его письменному поручению. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» не устанавливает запрет включать в контракт условие об оплате сделки третьим лицом.

По мнению О. Матрон и Е. Казаковой, при привлечении платежного агента соответствующие условия должны быть внесены непосредственно в сам текст контракта ВЭД в виде отдельного раздела или пункта либо посредством оформления дополнительного соглашения к контракту [10]. Полагаем, что включение подобного условия в трансграничный трансферный договор по аналогии внешнеэкономической сделкой является допустимым.

Для предотвращения риска невозможности оплаты стоимости перехода игрока по трансграничному трансферному договору можно также предусмотреть условие об уступке обязательств (перевод долга) по оплате третьей стороне, которая исполняет такое обязательство по поручению уступившей стороны. Подобный способ оплаты предлагал футбольный клуб «ЦСКА», который должен был по договору оплатить переход футболиста Чидере Эджуке нидерландскому футбольному клубу «Херенвену», но в связи с банковскими ограничениями осуществить платеж было невозможно. В то же время английский футбольный клуб «Вест Хэм» должен был оплатить клубу «ЦСКА» оставшуюся сумму за трансфер футболиста Николы Влашича. Российский футбольный клуб предложил английскому футбольному клубу перевести оставшуюся сумму за переход Николы Влашича напрямую нидерландскому клубу. Однако английский клуб отказался от данной схемы, указав, что это может быть воспринято как обход санкций. Представляется, что данный способ оплаты вполне удовлетворил бы все стороны. Однако в связи отказом английского банка и ссылкой на возможное нарушение

внутренних норм законодательства Великобритании данная схема исполнения обязательств не была реализована.

Еще одним способом преодоления финансового риска неоплаты трансферной выплаты является переход игрока на условиях аренды с последующей трансформацией договора аренды в полноценный трансфер при выполнении определенных условий. Если оба клуба желают заключить трансферный договор, но есть риск неисполнения финансовых обязательств, не оплаты одной стороны и соответственно получения оплаты другой стороной, клубы могут договориться об аренде игрока. При этом если клуб-покупатель осуществит платеж трансферной суммы в адрес продавца до определенного момента, определенного конкретной датой, то эта аренда автоматически трансформируется в полноценный трансфер и переходом прав на регистрацию игрока.

При возникновении ситуации, при которой все возможные способы исполнения международных финансовых обязательств исчерпаны или несмотря на все добросовестные попытки их исполнить не привели к исполнению обязательств, клубы могут предусмотреть в договоре условие об обратном выкупе. Это дает клубу право обратно выкупить права на футболиста за определенную сумму или безвозмездно в течение следующего трансферного окна или до определенного срока.

Иным способом преодоления рассматриваемого риска является выкуп футболистом своего контракта. В трудовом договоре спортсмена может быть предусмотрен пункт «buy-out clause». Это так называемая оговорка о выкупе предполагает, что любой желающий футбольный клуб или же сам спортсмен, может выкупить трудовой договор футболиста за прописанную в этом пункте сумму. Обычно данный подход предполагает передачу денежных средств от футбольного клуба (будущего работодателя) футболисту для последующего выкупа или же компенсации за расторжение трудового договора с действующим футбольным клубом (нынешним работодателем) игрока.

Ярким примером реализации такого способа является переход летом 2017 года футболиста Неймара во французский футбольный клуб «ПСЖ» за 222 миллиона евро, которые были выплачены футбольному клубу «Барселона» за разрыв контракта. Бразилец сам выкупил свой контракт на деньги, выделенные катарским фондом «Oryx Qatar Sports Investments», через который управляется «ПСЖ».

Последняя группа рисков, возникающих в ходе реализации трансграничного трансферного договора, — это репутационные риски. Такие риски являются не менее болезненными в своих последствиях при трансфере игрока. Репутационные риски — это последствия негативного общественного мнения о деятельности клуба, например, при переходе игрока в клуб принципиального соперника, а также риски, связанные с неудачными и переоцененными трансферами. Клубы могут пострадать от репутационного ущерба, если игрок не оправдывает вложенных средств, что приводит к критике со стороны СМИ и фанатов. Например, переход Луиша Фигу из «Барселоны» в «Реал Мадрид» вызвал ярость болельщиков, которые бросали в него предметы, включая свиную голову. Репутационные риски способны привести к снижению привлекательности клуба, потере спонсоров и игроков.

Обобщив сказанное, можно сделать вывод, что существует множество факторов, способных повлиять на надлежащую реализацию трансграничного трансферного договора, среди которых можно выделить три основные группы: 1) нефинансовые (спортивные) риски; 2) финансовые риски; 3) репутационные риски. В рамках проведенного исследования автором предлагаются конкретные решения, способные преодолеть выделяемые группы рисков, препятствующие реализации трансграничного трансферного договора.

Сегодня проблема реализации трансграничного трансферного договора является одной из самых актуальных в связи с принятыми в отношении Российской Федерации санкциями. Несмотря на провозглашенную П. де Кубертеном концепцию «спорт вне политики», состояние современного спортивного мира свидетельствует об обратном процессе.

Список литературы:

[1] Приказ Минспорта России от 24.06.2021 № 464 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил»;

[2] Regulations on the Status and Transfer of Players JULY 2025 edition;

[3] Регламент РФС по статусу и переходу (трансферам) футболистов (Утвержден в новой редакции Постановлением Бюро Исполкома РФС № 329.5 от 18.09.2025);

[4] Arbitration CAS 2015/A/4027 Udinese Calcio S.p.A v. Österreichischer Fussball-Verband (ÖFB), award of 5 December 2016;

[5] Arbitration CAS 2016/A/4560 Al Arabi SC Kuwait v. Papa Khalifa Sankaré & Asteras Tripolis FC, award of 25 April 2017;

[6] Arbitration CAS 2015/A/4358 Kedah Football Association v. Adriano Pellegrino, award of 13 May 2016;

[7] Arbitrage TAS 2015/A/3930 Hatem Ben Arfa c. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), sentence du 18 septembre 2015, para 14;

[8] Шахназаров Бениамин Александрович Правовое обеспечение международных расчетов в современных условиях // Lex Russica. 2025. №1 (218);

[9] Commentary on the FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players (2023 edition);

[10] Матрон О., Казакова Е. Платежные агенты по экспортным и импортным контрактам // ЭЖ-Бухгалтер. 2025. N 4. С. 7 – 8.

References:

[1] Order of the Ministry of Sports of Russia of 24.06.2021 No. 464 “On approval of the All-Russian Anti-Doping Rules”;

[2] Regulations on the Status and Transfer of Players JULY 2025 edition;

[3] RFU Regulations on the Status and Transition (Transfers) of Football Players (Approved in a new edition by Resolution of the Bureau of the RFU Executive Committee No. 329.5 of 18.09.2025);

[4] Arbitration CAS 2015/A/4027 Udinese Calcio S.p.A v. Österreichischer Fussball-Verband (ÖFB), award of 5 December 2016;

[5] Arbitration CAS 2016/A/4560 Al Arabi SC Kuwait v. Papa Khalifa Sankaré & Asteras Tripolis FC, award of 25 April 2017;

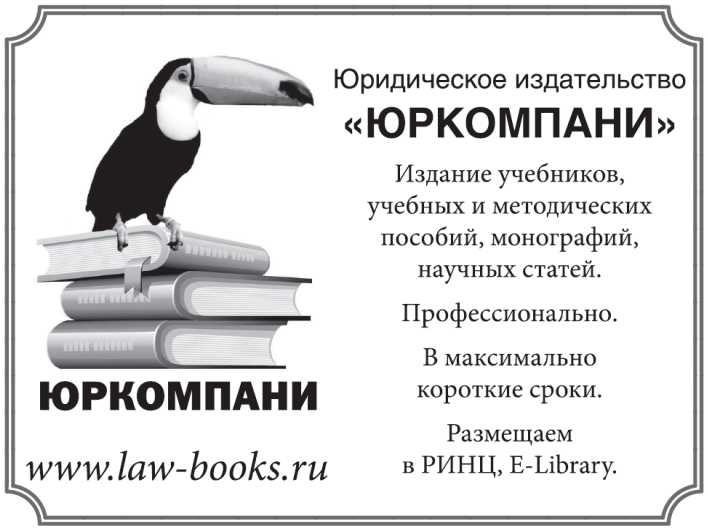
[6] Arbitration CAS 2015/A/4358 Kedah Football Association v. Adriano Pellegrino, award of 13 May 2016;

[7] Arbitrage TAS 2015/A/3930 Hatem Ben Arfa c. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), sentence du 18 septembre 2015, para 14;

[8] Shakhnazarov Beniamin Aleksandrovich Legal support of international settlements in modern conditions//Lex Russica. 2025. №1 (218);

[9] Commentary on the FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players (2023 edition);

[10] Matron O., Kazakova E. Payment agents for export and import contracts//EZh-Accountant. 2025. N 4. S. 7-8.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-140-146

КОНОВАЛОВА Оксана Александровна,
соискатель ученой степени
кандидата психологических наук,
Академия управления МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОЗЖЕНИКОВА Ольга Сергеевна,
профессор кафедры психологии,
педагогики и организации работы с кадрами
Академии управления МВД России,
кандидат психологических наук,
доцент, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

МАШЕКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна,
доцент кафедры ГиГПД
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. *Актуальность темы исследования вытекает из существующих угроз безопасности человека в современных условиях. В статье рассмотрена одна из важных задач современного государства: обеспечение безопасности человека посредством защиты жизненно важных интересов и удовлетворения его базовых потребностей. В более узком плане интерес представляет безопасность человека в профессиональной среде, связанной с различными рисками и угрозами, в том числе и в правоохранительной деятельности. Психологическая безопасность будущих сотрудников органов внутренних дел и других субъектов образовательных отношений должна активно поддерживаться и формироваться в процессе обучения в образовательных организациях МВД России как общее состояние защищенности сознания и психики от возможных рисков и угроз.*

Ключевые слова: *психологическая безопасность, образовательная среда, субъекты образовательных отношений.*

KONOVALOVA Oksana Alexandrovna,
candidate of psychological sciences,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

VOZZHENIKOVA Olga Sergeevna,
Professor of the Department of Psychology,
Pedagogy and Organization of Work with Personnel
of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Police Colonel

MASHEKUASHEVA Margarita Khasanbievna,
Associate Professor of the Department of GIPD
of the North Caucasus Institute (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Psychological Sciences

SCIENTIFIC APPROACHES TO STUDYING THE PSYCHOLOGICAL SAFETY OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Annotation. *The relevance of the research topic follows from the existing threats to human security in modern conditions. The article considers one of the important tasks of the modern state: ensuring human security by protecting vital interests and meeting its basic needs. More narrowly, human safety in a professional environment associated with various risks and threats, including law enforcement, is of interest. The psychological safety of future employees of the internal affairs bodies and other subjects of educational relations should be actively supported and formed in the process of training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a general state of protection of consciousness and psyche from possible risks and threats.*

Key words: *psychological safety, educational environment, subjects of educational relations.*

Важной задачей современного государства является обеспечение безопасности человека посредством защиты жизненно важных интересов и удовлетворения базовых потребностей, которая закреплена на законодательном уровне в таких правовых актах, как: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Доктрина информационной безопасности, Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, Федеральный закон «О безопасности» и других нормативных и доктринальных документах. Актуальность обозначенной проблемы вытекает из существующих угроз безопасности человека в современных условиях его существования, на которые бесспорно влияют политические, экономические, социальные, правовых и другие возможные негативные процессы в государстве и обществе. В этой связи, у человека возникает острая потребность в безопасной окружающей среды. Также интерес представляет безопасность человека в профессиональной среде, связанной с различными рисками и угрозами.

Понятие безопасности исследовалось еще в трудах Платона и Аристотеля, в философских концепциях Т. Гоббса, И. Канта, Д. Локка, Ж.Ж.

Руссо, Б. Спинозы, Ф. Гегеля и других мыслителей XVII – XIX вв., для которых состояние безопасности означало отсутствие реальной опасности для жизни и здоровья человека, не только физической, но и моральной. Это состояние спокойствия, являющегося залогом личной безопасности. Сегодня, говоря о «безопасности» в широком смысле мы подразумеваем под этим понятием «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз, а также способность предмета, явления или процесса сохранять свою сущность, основные признаки, качества при разрушающих воздействиях с внешней стороны» [9].

Потребность в безопасности является базовой в иерархии потребностей человека, без частичного удовлетворения которой невозможно гармоничное развитие личности, достижение самореализации. А. Маслоу отмечает, что после удовлетворения физиологических потребностей их место в мотивационной жизни индивидуума занимают потребности другого уровня, которые в самом общем виде можно объединить в категорию безопасности (потребность в стабильности, защите; потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях). Именно Маслоу выдвинул теорию о том, что невротизм некоторых взрослых людей имеет истоки в небезопасном прошлом, в переживаемом ими чувстве незащищенности и постоянном поиске безопасности [8]. Другой известный ученый и психолог, создавая новое направления в психологии «гуманистический психоанализ», Э. Фромм выделял «экзистенциальную дихотомию», которая возникает из-за неспособности человека сделать выбор, вызывая тревогу и беспокойство, поскольку «цена, которую человек платит за сознание, это неуверенность» [7]. Основной потребностью ребенка, по мнению К. Хорни, является потребность в безопасности, а именно: потребность в любви, защите, ощущении нужности родителям и другим значимым взрослым, при неудовлетворении которой у ребенка развивается базальная враждебность, проявляющаяся во взаимоотношениях с окружающими в эмоциях страха, беспомощности, вины [13].

В отечественной психологии понятие «психологическая безопасность» впервые стало рассматриваться в области профессиональной дея-

тельности в конце XX века в трудах М.А. Котика, который предложил рассматривать ее «не как раздел психологии труда, а как некоторую отрасль психологической науки, изучающую психологический аспект безопасности в разнообразных видах деятельности», считая, что «существует одна общая психологическая проблема – изучение закономерностей деятельности человека в условиях физической опасности и поиск путей обеспечения ее безопасности, в центре которой стоит человек – субъект деятельности, а не ее орудия» [6].

Психологическую безопасность можно рассматривать по-разному, и как процесс, и как свойство, и как состояние, проявляющиеся на уровне общества: об этом заявлено в трудах Г.В. Грачева, В.А. Дмитриевского, Т.И. Колесниковой, С.П. Никанорова, С.К. Рощина, А.Н. Сухова, на уровне локальной среды (И. А. Баева, Т. С. Кабаченко, М. А. Котик и др.), на уровне личности (И.В. Абакумова, С.А. Богомаз, П.Н. Ермаков, И.Б. Котова, Т.М. Краснянская, В.А. Лабунская, Н.А. Лызь, А.В. Непомнящий).

Помимо этого, в науке оформилось и «субъектное» направление, согласно которому человек является не объектом воздействия, а субъектом, взаимодействующим с окружающим миром. Субъектное направление предполагает рассмотрение человека в качестве активного, самостоятельного деятеля по обеспечению собственной психологической безопасности. Она зависит от уровня личностного развития, самосознания личности, ее представлений, что обусловливает конструктивную само реализацию, активное преодоление индивидом деструктивных воздействий окружающего мира (С.А. Богомаз, Н.А. Лызь). По мнению А.Л. Журавлева и Н.В. Тарабриной, она представляет собой «интегративную характеристику субъекта, отражающую степень удовлетворенности его базисной потребности в безопасности и определяемую по интенсивности переживания психологического благополучия/ неблагополучия», что является эмоциональной составляющей психологической безопасности [10].

Следует обратить внимание при рассмотрении понятия безопасность на эмоциональном переживании неблагополучия, как ощущении страха, подавленности, тревожности, безысходности, то есть сильным стрессом, который и будет составляет угрозу психологической безопасности. Н.В. Тарабрина считает, что «интенсивный стресс может возникать не только на стрессоры высокой интенсивности, но и на житейские неурядицы, то есть на хронические повседневные стрессоры, вызывающие у человека повторяющиеся негативные эмоции [10]. При этом, степень переживаемого стресса зависит от отношения субъекта к конкретной ситуации и общей жизненной установкой.

В юридической психологии вопросы безопасности и психологической, и профессиональной стали рассматривать в контексте защищенности психики следователей от травмирующих ситуаций служебного характера, а также при разработке профессиограмм следователей, дознавателей и сотрудников оперативных служб уголовного розыска. В исследованиях ведомственных ученых, таких как Шаранов Ю.А. и др., в соответствии с приоритетными задачами, рассматриваются комплексно современные подходы, концепции, объяснительные модели и схемы, раскрывающие сущность понятия «психология безопасности», основные психологические факторы, влияющие на безопасность деятельности сотрудников полиции в новых условиях профессиональной деятельности [11].

Энциклопедия современной юридической психологии делает акцент на понимании психологической безопасности как личности, так и группы людей: при индивидуальной психологической безопасности приоритетным является внимание к личностным мотивам, психическим состояниям уверенности, надежности, комфортности жизни, перспективы. Психологическая безопасность групп по своей структуре сложнее, так как необходимо учитывать, как личностные характеристики, так и социально-психологические явления. Сами по себе социально-психологические явления могут быть психологически безопасными для людей (совместимость, взаимопонимание, эмпатия и др.) либо психологически опасными (межличностные конфликты, непонимание друг друга, дезорганизованность в совместной деятельности, внутригрупповое притеснение, преследование). При недостаточной сплоченности и организованности группы в случае воздействия различного рода внешних опасностей психологическая безопасность членов группы резко снижается за счет отрицательных социально-психологических явлений.

Таким образом, психологическая безопасность связана с чувствами и переживаниями человека, связанных с его положением в настоящем и перспективами на будущее. В результате повышающейся потребности в безопасности (физиологической, психологической, информационной) актуализируется поиск социальных институтов, которые позволили бы человеку удовлетворять потребность, вернуть ему чувство связанности с другими, избавиться от ощущения ничтожности и незащищенности перед окружающим миром. В первую очередь это институты семьи, образовательного пространства (школы, вуза), пространство трудовых отношений.

Вопросам безопасности уделяется внимание и в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». В частности, в нем отмечается, что «образовательная организация обязана: создавать безопасные условия обучения, воспитания обучающихся ... в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации; соблюдать права и свободы обучающихся, работников образовательной организации» [1].

По мнению ряда исследователей, результат образовательного процесса, его качественные характеристики напрямую связаны с образовательной средой той образовательной организации, где происходит становление личности обучающегося. Известный ученый Витольд Ясвин объясняет понятие «образовательная среда» как «систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для её развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [14].

Согласно определению другого ученого - Виктора Панова, «образовательная среда», это «система педагогических и психологических условий и влияний, которые создают возможность как для раскрытия ещё не проявившихся интересов и способностей, так и для развития уже проявившихся способностей и личности учащихся, в соответствии с присущими каждому индивиду природными задатками и требованиями возрастной социализации» [15]. Таким образом, можно сделать главный вывод о том, что человек включён в образовательную среду — он рассматривается как субъект образовательного процесса, изучается и моделируется его взаимодействие с другими субъектами и объектами среды.

Наиболее теоретически проработанным в отечественной психологии представляется подход В.И. Слободчикова, который, рассматривает образовательную среду как пространство, в котором происходит взаимодействие субъектов образования. В этом пространстве выделяют такие компоненты: психодидактический (содержание, формы и методы деятельности); социальный компонент (отношения, возникающие между субъектами); пространственно-предметный компонент (возможности для организации деятельности и развития учащихся, обеспечиваемые предметной средой); субъекты среды [12].

Образовательная среда является частью социокультурной среды и определяется исследователями как комплекс специально организованных психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия с которыми происходит развитие и становление личности. Проблеме изучения образовательной среды в современной психолого-педагогической науки посвящено достаточно много исследований. Рассматриваются взаимосвязи культурологических моделей образования и образовательной среды (А.Г. Асмолов, В.С. Библер, Е.В. Бондаренко, В.П. Зинченко, С.Ю. Курганов, В.В. Сериков, И.С. Якиманская и др.).

Идеи развития социокультурной образовательной среды обстоятельно разрабатываются как в исследованиях отечественных психологов и педагогов (Л.Н. Бережнова, Э.Д. Днепров, Г.А. Ковалев, А.Б. Орлов, В.И. Панов, В.В. Рубцов, С.В. Тарасов, Д.Б. Эльконин, В.А. Ясвин и др.), так и в зарубежной психологии (А. Бандура, У. Бронфенбеннер, К. Левин, К. Роджерс и др.).

Среда рассматривается как комплекс условий, внешних сил и стимулов, воздействующих на человека. Акцент делается на существовании неразрывной связи между человеком и условиями, в которых он живет и развивается.

Психологическую безопасность человека определяют, в большинстве случаев, как состояние защищенности сознания и психики субъектов, в нашем случае от рисков и угроз образовательной среды. В настоящее время необходимо обнаружить и нейтрализовать явления и условия, представляющие угрозу психологической безопасности субъекта образовательной деятельности. Анализ исследований по данной проблеме позволяет сделать выводы о том, что концепция психологической безопасности нашла отражение в работах отечественных и зарубежных авторов. Так, исследования И.А. Баевой, Г.В. Грачева, Т.С. Кабаченко убедительно свидетельствуют о том, что эффективность образования зависит от такого показателя образовательной среды, как ее психологическая безопасность. Многие зарубежные исследователи отмечают связь психологической безопасности в организации с производительностью труда, описывая психологическую безопасность среды как среду, в которой можно безопасно говорить и выражать свои мысли без страха быть отвергнутым и чувствовать защищенность от негативного обращения (M. Baer, S.P. Brown, T.W. Leigh, M. Frese).

Проблемы психологической безопасности личности рассматриваются исследователями с конца 20 века в различных контекстах и в среде различных субъектов. В зависимости от целей исследования определение «психологическая безопасность» трактуется авторами исходя из конкретных аспектов ее рассмотрения. Например, Т.И. Колесникова под психологической безопасностью личности понимает определенную защищенность сознания от воздействий, способных против ее воли и желания изменять психические состояния, психологические характеристики

и поведение, что может кардинальным образом влиять на человека вплоть до изменения его жизненного пути [5]. Исследователь в области психологической безопасности в образовании Н.А. Баева рассматривает психологическую безопасность личности через организационную среду образовательного учреждения, в котором осуществляется деятельность по обучению и воспитанию этой личности. Автором определена психологическая безопасность среды в социальном аспекте: «состояние среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии людей, способствующее удовлетворению основных потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и, как следствие, обеспечивающее психологическую защищенность ее участников» [2].

Различные аспекты проблемы изучения психологической безопасности стали предметом изучения и в современных зарубежных исследованиях (A. Edmonson, D.W. Johnson, R.T. Johnson, H.M. Walker, K. Kavanagh и др.). В исследовании A. Edmonson показано, что уровень психологической безопасности в образовательном учреждении зависит от взаимоотношений человека с референтной группой: чаще всего при понижении психологической безопасности дети испытывают страх, напряженность, подавленность, что приводит к психотравмирующим ситуациям [16]. Зарубежные исследования, по вопросам безопасности учащихся в образовательном учреждении (D.W. Johnson, R.T. Johnson, Finkelhor D. и др.), выявили, что работа по повышению безопасности в образовательной среде включает два направления – физическую и психологическую безопасность, представляющую собой единое целое [3].

Необходимость диагностики психологической безопасности образовательной среды была актуализирована научно-педагогическим сообществом в конце XX века, что нашло отражение в исследованиях многих авторов (И. А. Баева, Е. В. Величко, С. Д. Дерябо, В. А. Ясфин и др.). К основным характеристикам психологической безопасности образовательной среды относятся следующие: отсутствие проявлений психологического насилия во взаимодействии участников; удовлетворение потребностей педагогов и учащихся в личностно-доверительном общении; создание психологически комфортной атмосферы в коллективе, обусловливающей референтную значимость и причастность каждого субъекта к конструированию и поддержанию психологической комфортности образовательной среды; реализация условий, способствующих сохранению и укреплению психического здоровья индивидов; профилактика угроз, препятствующих продуктивному устойчивому развитию личности; обеспечение развивающего характера образовательного процесса, способствующего нормальному функционированию всех его субъектов, ориентированного на формирование у них умений выстраивать психологически безопасные отношения и минимизировать возникающие риски (И.А. Баева, В.Н. Барцевич, Т.Н. Березина, С.А. Бутанаев, О.А. Елисеева, В.И. Иванова, Т.С. Кабаченко, В.В. Ковров, А.Ю. Коренкова, Н.Г. Рассоха, Т.Г. Ратинер, В.В. Рубцов, Е.Т. Францкевич, В.А. Ясвин).

Возникший в 90-х годах XX века интерес отечественных психологов к проблемам психологической экологии, занимающейся изучением личности в реальной жизни, привел к продуктивным подходам в определении психолого-педагогического смысла образовательной среды (С.Д. Дерябо, Е.А. Климов, Г.А. Ковалев, В.П. Лебедева, В.А. Орлов, В.Н. Панов, В.В. Рубцов, В.А. Ясвин и др).

С тех пор, как образовательная среда стала предметом психолого-педагогического исследования, были изучены ее уровни (Г.А. Ковалев, В.А. Ясвин, E. Ravich, H. Wood и др.); проанализирована структура (Е.А. Климов, М.В. Копосова, А.М. Сидоркина, Э.Н. Саленко, С.В. Тарасов, P. Bell, P. Gump, D. Stokols и др.); выявлены типы (И.В. Ермакова, Н.А. Лабунская, Т. Менг, Н.И. Поливанова, М. Раудсепп, И.М. Улановская, F. Persell, N. Catsambis и др.); намечены подходы к ее диагностике и экспертизе (С.Л. Братченко, В.А. Бухвалов, А.В. Гавриленко, С.Д. Дерябо, И.В. Кулешова, В.П. Лебедева, В.А. Орлов, В.И. Панов, Н.Л. Селиванова и др.).

Таким образом, по результатам проведенного анализа к проблеме безопасности человека в среде его существования можно выделить основные научные подходы:

1. На физическом уровне, где исследуются внешние объективные воздействия, источниками опасности-безопасности являются на макроуровне техногенные воздействия, природные катастрофы, на микро-уровне – неблагоприятные условия деятельности. Объектом опасности-безопасности является тело, результатом – соматическое состояние (физическая целостность), психосоматическое состояние.
2. На психологическом уровне, где исследуется психологическая среда, источниками опасности-безопасности являются на макроуровне политические, социально-экономические угрозы, информационное воздействие, на микроуровне – манипулирование, оскорбление, угрозы от других, неустойчивые социальные связи. Объектом опасности-безопасности является человек

как объект воздействия, его психика, сознание, поведение, результатом – функциональное и психологическое состояние. Здесь психологическую безопасность можно рассматривать и как процесс, и как свойство, и как состояние, проявляющиеся на уровне общества, на уровне локальной среды, на уровне личности.

3. На индивидуально-психологическом уровне, где исследуется человек, как субъект, источниками опасности-безопасности являются на макро - уровне совокупность индивидуально-психологических и духовно-нравственных особенностей личности, на микроуровне – отношение к миру, себе и другим. Объектом опасности-безопасности является человек как объект воздействия, его психика, сознание, поведение, результатом – психологическое здоровье.

Психологически безопасной образовательной средой можно назвать среду, обеспечивающую состояние сохранности психики субъектов педагогического процесса и высокие показатели индекса их удовлетворенности и защищенности от психологического насилия. Это состояние, характеризующее образовательное пространство, фиксируемое, прежде всего, через отношения ее участников.

Психологическая безопасность является важнейшим условием полноценного развития человека, сохранения и укрепления его психологического здоровья. Психологическое здоровье, в свою очередь, – основа жизнеспособности, условие жизненной успешности и гарантия благополучия человека. Подготовка сотрудников органов внутренних дел сегодня должна активно поддерживаться и формироваться в процессе их обучения в образовательных организация МВД России в условиях безопасной образовательной среды как залог будущей психологической защищенности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ», 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Портала правовой информации URL: http://pravo.gov.ru.

[2] Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: теоретические основы и технологии создания: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.психол.н., спец. 19.00.07. - СПб. 2002. 44 с.

[3] Гамова С.Н., Красова Т.Д., Чуйкова Ж.В. Научные подходы к изучению психологической безопасности в отечественных и зарубежных исследованиях // Мир науки. Педагогика и психология, 2020, № 4. [Электронный ресурс]: https://mir-nauki.com/PDF/30PDMN420.pdf (доступ свободный). DOI: 10.15862/30PDMN420.

[4] Гражданская защита: Энциклопедия в 4-х томах. Т. I (А – И) (издание третье, переработанное и дополненное); под общей ред. В.А. Пучкова / МЧС России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. 666 с.

[5] Колесникова Т.И. Психологический мир личности и его безопасность. Серия: Психология безопасности и успеха. Москва Владос 2001. 176 с.

[6] Котик М. А. Психология и безопасность. Таллин: Валгус, 1987.

[7] Любутин К. Н., Коряковцев А.А. Гуманистический психоанализ Э. Фромма в контексте концепции самоотчуждения К. Маркса // Философия и общество. Выпуск №2 (58), 2010.

[8] Маслоу А.Г. Теория человеческой мотивации // Psychological Review, 1943, 50, 370-396.

[9] Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т.I - IV.

[10] Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 440 с.

[11] Психология безопасности: учебное пособие / Боброва И.А. и др.; под общ. ред. Шаранова Ю.А. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. – 96 с.

[12] Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. - Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2005.

[13] Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление. - СПб: Совместное издание Восточного Европейского института и БСК, 1997. - 316 с.

[14] Ясвин В.А. Образовательная среда от моделирования к проектированию // В.А. Ясвин; Моск. гор. психол.-пед. ин-т, Шк. «Новое образование». - 2. изд., испр. и доп. - Москва: Смысл, 2001. 366 с.

[15] Панов В.И.Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3 (15). С. 100–117. doi: 10.24412/2073-0861-2022-3-100-117

[16] Edmondson Amy. Psychological Safety and Learning Behavior in Work Teams. Administrative Science Quarterly, Johnson Graduate School of Management, Cornell University. Vol. 44, No. 2 (Jun., 1999), pp. 350-383. URL: http://www.jstor.org/stable/2666999.

References:

[1] Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation “// Collection of Legislation of the Russian Federation, 31.12.2012, No. 53 (Part 1), Art. 7598. [Electronic

resource]//Official website of the Legal Information Portal URL: http://pravo.gov.ru.

[2] Baeva I.A. Psychological safety of the educational environment: theoretical foundations and creation technologies: author's abstract. dis. to the nipple. learned. step. Doctor of Psychology, Special 19.00.07. - St. Petersburg. 2002. 44 pp.

[3] Gamova S.N., Krasova TD, Chuikova J.V. Scientific approaches to the study of psychological safety in domestic and foreign research//World of Science. Pedagogy and Psychology, 2020, No. 4. [Electronic resource]: https://mir-nauki.com/PDF/30PDMN420.pdf (free access). DOI: 10.15862/30PDMN420.

[4] Civil Protection: Encyclopedia in 4 volumes. T. I (A - I) (third edition, revised and supplemented); under the general editorship of V.A. Puchkova/ EMERCOM of Russia. M.: FSBI VNII GOCHS (FC), 2015. 666 p.

[5] T.I. Kolesnikova. Psychological world of personality and its safety. Series: The Psychology of Safety and Success. Moscow Vlados 2001. 176 s.

[6] Kotik M.A. Psychology and safety. Tallinn: Valgus, 1987.

[7] Lyubutin K. N., Koryakovtsev A. A. Humanistic psychoanalysis of E. Fromm in the context of the concept of self-alienation K. Marx// Philosophy and Society. Issue No. 2 (58), 2010.

[8] Maslow A.G. Theory of Human Motivation// Psychological Review, 1943, 50, 370-396.

[9] New Philosophical Encyclopedia. M., 2010. T.I. - IV.

[10] Psychological safety issues/holes ed. A. L. Zhuravlev, N. V. Tarabrina. - M.: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences," 2011. 440 s.

[11] Safety psychology: textbook/I.A. Bobrova et al.; under the general. ed. Sharanova Yu.A. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. - 96 s.

[12] Slobodchikov V.I. Essays on the psychology of education. - Birobidzhan: Publishing House of BSPI, 2005.

[13] Horney K. Neurosis and personal growth. Struggle for self-realization. - St. Petersburg: Joint publication of the Eastern European Institute and BSK, 1997. - 316 s.

[14] Yasvin V.A. Educational environment from modeling to design//V.A. Yasvin; Mosk. mountains. psychol.-ped. in-t, Shk. "New Education." - 2. ed., Rev. and add. - Moscow: Meaning, 2001. 366 pp.

[15] Panov V.I. Ecopsychological approach to the development of the psyche: stages, prerequisites, constructs//Theoretical and experimental psychology. 2022. № 3 (15). S. 100-117. doi: 10.24412/2073-0861-2022-3-100-117

[16] Edmondson Amy. Psychological Safety and Learning Behavior in Work Teams. Administrative Science Quarterly, Johnson Graduate School of Management, Cornell University. Vol. 44, No. 2 (Jun., 1999), pp. 350-383. URL: http://www.jstor.org/stable/2666999.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-147-149

АБИДОВ Руслан Ризуанович,
Старший преподаватель кафедры огневой подготовки
Северо – Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

БОНДАРЕНКО Виктор Анатольевич,
Преподаватель кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России,
младший лейтенант полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД

Аннотация. *В тексте обоснована роль формирования профессионально-этической ответственности сотрудников органов внутренних дел РФ. Рассматривается фактор института, транслирующего морально - этические ценности и нормы, а также описан социоконструктивистский подход к анализу социализации молодежи. В статье раскрыты механизмы формирования и поддержания морально – этической культуры средствами морально психологической подготовки и воспитания в вузах, а также охарактеризованы факторы, влияющие на сознание студентов. В исследовании обобщены теоретические положения и предложены направления совершенствования образовательной практики для эффективной передачи морально-этических ценностей.*

Ключевые слова: *этическая культура; воспитание; образование; социализация; высшее образование; социальное конструирование; правосознание; студенческая молодежь; моральные ценности, ценностные ориентиры.*

ABIDOV Ruslan Rizuanovich,
Lecturer, Department of Firearms Training,
North Caucasus Institute (branch) Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Police Lieutenant Colonel

BONDARENKO Viktor Anatolyevich,
Lecturer, Department of Firearms Training,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Police Junior Lieutenant

FORMATION OF MORAL AND ETHICAL RESPONSIBILITY IN THE EDUCATIONAL PROCESS AS A NECESSARY CONDITION FOR IMPROVING THE PROFESSIONAL TRAINING OF ATS EMPLOYEES

Annotation. *This article substantiates the role of developing professional and ethical responsibility among employees of the Russian Ministry of Internal Affairs. It examines the role of an institution that transmits moral and ethical values and norms, and describes a socioconstructivist approach to analyzing youth socialization. The article reveals the mechanisms for developing and maintaining moral and ethical culture*

through moral and psychological training and education in universities, and characterizes the factors influencing student consciousness. The study summarizes theoretical principles and proposes areas for improving educational practices to effectively convey moral and ethical values.

Key words: *ethical culture; education; socialization; higher education; social construction; legal consciousness; student youth; moral values, value guidelines.*

Развитие культуры профессионального мышления сотрудников полиции является фундаментальным для укрепления всех аспектов их профессиональной деятельности. Личностное новообразование, которое вы упомянули, может включать в себя развитие таких качеств, как ответственность, самодисциплина, и этическое поведение. Это не только способствует личностному росту сотрудников, но и позитивно влияет на их взаимодействие с обществом, повышая доверие и уважение к правоохранительным органам

В профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов возникает множество разнообразных ситуаций, требующих адекватного реагирования. Эффективное противодействие противоправным действиям невозможно без надлежащего уровня морально-этической подготовленности сотрудников [1].

В системе профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел формирование ключевых личностных качеств представляет собой фундаментальную задачу. Достижение высокого уровня профессионально-этической готовности является необходимым условием для эффективного выполнения оперативно-служебных и служебно-боевых функций. Данный аспект профессиональной компетентности развивается посредством регулярных занятий, участия в мероприятиях и самостоятельного совершенствования.

Современный этап развития органов внутренних дел Российской Федерации актуализирует вопросы кадрового обеспечения системы профессиональной служебной и физической подготовки в территориальных органах МВД России[2].

Должный уровень профессиональной служебной и морально-психологической подготовки сотрудников ОВД может быть обеспечен только при системном и целенаправленном обучении кадрового состава и поддержании высокого морально- нравственного уровня.

Следует отметить терапевтический эффект психологической подготовки для общего физического состояния сотрудников правоохранительных органов. Хорошо развитые морально-психологические показатели способствуют повышению стрессоустойчивости и снижению профессионального утомления, что критически важно при выполнении напряженной служебной деятельности.

Нельзя не отметить положительное влияние морально – психологической подготовки на психоэмоциональное состояние личного состава[3]. Укрепление морально-психологической устойчивости параллельно с общим повышением уровня физической готовности создает необходимые предпосылки для эффективного функционирования всей системы органов внутренних дел.

Таким образом, интенсификация морально-психологической составляющей образовательном процессе представляется необходимым условием совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ОВД.

Особый статус морально-психологической подготовки обуславливается в образовательной системе МВД России как обязательной дисциплины, изучаемой на протяжении всего образовательного цикла[4]. В процессе освоения данного предмета курсанты не только совершенствуют моральные кондиции, но и формируют профессионально значимые качества сотрудника ОВД. Существенным профессиональным навыком является морально-этическая и коммуникативная компетентность в условиях выполнения служебных задач, что непосредственно коррелирует с уровнем профессиональной подготовленности.

Особое значение приобретает интеграция психологической, физической, огневой и тактической подготовки, позволяющая формировать комплексные навыки, необходимые для реальной оперативной работы. Как показывает практика передовых подразделений специального назначения, именно такой комплексный подход обеспечивает наиболее высокий уровень профессиональной готовности сотрудников к выполнению служебных задач любой сложности [5].

Можно констатировать, что морально-психологическая подготовка сотрудника ОВД представляет комплексную систему взаимосвязанных внешних и внутренних компонентов.

Планомерное совершенствование морально-психологической подготовленности сотрудников ОВД инициируется в период профессионального обучения и продолжается на протяжении всей профессиональной деятельности. Несмотря на наличие некоторых особенностей специфической деятельности сотрудника ОВД, морально-психологическая подготовка содействует не только в области здоровья, но и в психологической сфере, формируя у сотрудника необходимые волевые и моральные качества.

Вузовская среда при надлежащей организации способна компенсировать негативные влияния внешней среды, преодолеть у молодежи правовой инфантилизм и нигилизм, воспитать активную гражданскую позицию. Для этого образовательным организациям необходимо реализовывать комплексный подход: сочетать информирование с практическим обучением, внедрять интерактивные методики воспитания уважения, поддерживать дисциплину и академическую этику.

Государственная поддержка в виде стандартов, программ и ресурсов для морально-психологического воспитания является важным условием успеха.

Формирование высокого морально-психологического уровня – это стратегическая инвестиция в развитие правового государства. Молодые специалисты, вышедшие из стен вузов с твердым убеждением в ценности законности, станут тем социальным слоем, который укрепит институты права, повысит качество правоприменительной практики и будет противостоять коррупции и правовому нигилизму. Воспроизводство морально-психологическая культуры через систему высшего образования, таким образом, обеспечивает преемственность этических ценностей в обществе и служит фактором устойчивого общественного развития.

Высшая школа, оставаясь хранительницей и транслятором морально- этических идеалов, должна постоянно совершенствовать свои методы и подходы, отвечая на вызовы времени и потребности общества в профессиональной социализации новой генерации граждан.

Список литературы:

[1] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 304 с.

[2] Киселева Т.В. Правовая культура современных студентов // Успехи новейшей науки. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 131–133.

[3] Кочисов В.К., Кочисов С.В. Современная система правового образования студентов // Территория науки. – 2016. – № 1. – С. 138–143.

[4] Туркаева Л.В. Формирование правовой культуры у обучающихся в учреждениях высшего профессионального образования // Вестник экономики, управления и права. – 2021.

[5] Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Коммуникативная способность и профессионализм. Академическая наука. 2025. № 3. С. 96-98.

References:

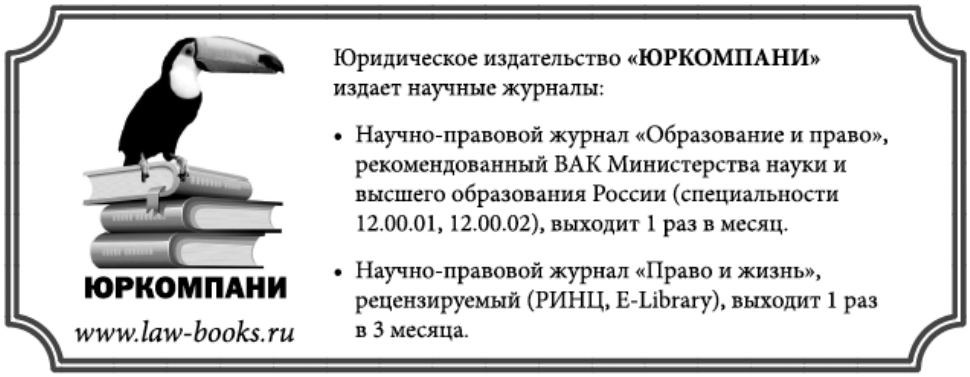
[1] Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose. - M.: Canon, 1995. - 304 s.

[2] Kiseleva T.V. Legal culture of modern students//Successes of the latest science. – 2017. - T. 8, NO. 4. - S. 131-133.

[3] Kochisov V.K., Kochisov S.V. Modern system of legal education of students//Territory of science. – 2016. – № 1. - S. 138-143.

[4] L.V. Turkaeva. Formation of legal culture among students in institutions of higher professional education//Bulletin of Economics, Management and Law. – 2021.

[5] Mashekuasheva M.Kh., Kochesokova Z.Kh. Communication ability and professionalism. Academic science. 2025. № 3. S. 96-98.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-150-153

ПЛОТНИКОВ Наполеон Валерьевич,
доцент кафедры философии
Кубанского Государственного Аграрного Университета,
кандидат философских наук,
e-mail: mail@law-books.ru

МАЗДОГОВА Заира Зауровна,
доцент кафедры ГиГПД Северо-Кавказского института
(филиал) Краснодарского университета МВД РФ,
кандидат политических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОСПРОИЗВОДСТВО ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОКОНСТРУИРУЮЩИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В статье представлено теоретико-методологическое исследование процесса воспроизводства правовой культуры в системе высшего образования с позиций социального конструирования. Актуальность темы обусловлена необходимостью формирования у студентов высокой правовой культуры для развития гражданского общества и правового государства. Сделан вывод о ключевой роли высшего образования в формировании правовой культуры нового поколения.*

Ключевые слова: *правовая культура; правовое воспитание; правовое образование; правовая социализация; высшее образование; социальное конструирование; правосознание; студенческая молодежь; правовые ценности.*

PLOTNIKOV Napoleon Valerevich,
Associate Professor of the Department of Philosophy
of the Kuban State Agrarian University,
Candidate of Philosophy

MAZDOGOV Zaire Zaurovna,
Associate Professor of the Department of GIPD
of the North Caucasus Institute (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Candidate of Political Sciences

REPRODUCTION OF LEGAL CULTURE IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM: A SOCIO-CONSTRUCTIVE ASPECT

Annotation. *The article presents a theoretical and methodological study of the process of reproduction of legal culture in the higher education system from the standpoint of social construction. The relevance of the topic is due to the need to form a high legal culture among students for the development of civil society and the rule of law. A conclusion was made about the key role of higher education in the formation of a new generation of legal culture.*

Key words: *legal culture; legal education; legal education; legal socialization; higher education; social construction; legal consciousness; student youth; legal values.*

Введение. Современная модернизация общества и построение правового государства обусловливают повышенное внимание к уровню правовой культуры подрастающего поколения [6]. Высшие учебные заведения сегодня призваны готовить не только высококвалифицированных специалистов, но и социально ответственных граждан с высоким уровнем правосознания и правовой культуры [3]. Однако на практике фиксируется низкий показатель правовой культуры

молодежи, сопровождающийся распространением правового нигилизма, ростом правонарушений и кризисом нравственных ценностей. Криминализация молодежной среды и недостаток уважения к закону указывают на остроту проблемы правовой социализации студентов, требующей научного осмысления и практических мер со стороны государства и системы образования [6].

Высшая школа рассматривается в социологии как ключевой институт передачи социального опыта и ценностей от поколения к поколению. Э. Дюркгейм отмечал, что основная функция образования состоит в транслировании ценностей господствующей культуры, тем самым обеспечивая стабильность и порядок в обществе [2]. В этом контексте система высшего профессионального образования играет роль механизма воспроизводства правовой культуры, аккумулируя правовые знания и нормы и передавая их новым поколениям специалистов [4]. Профессиональное юридическое образование, в частности, выступает как форма передачи отношения к праву, оно накапливает внутри себя правовые ценности и опыт, передает их от одного поколения юристов другому, обеспечивая преемственность профессиональных правовых традиций. Однако воспроизводство правовой культуры в вузах касается не только будущих юристов, но и всех студентов независимо от специальности, поскольку формирование правовой грамотности и уважения к закону является условием эффективной реализации ими своих прав и обязанностей в обществе [6].

Актуальность исследования связана также с социальными изменениями. Социальная трансформация, цифровизация, реформы образования привели к тому, что молодые люди испытывают трудности в правовой адаптации к новым реалиям [3]. Традиционные ценности ослабевают, нередко уступая место правовому нигилизму, что подчеркивает необходимость целенаправленного правового воспитания молодежи [6]. Государство осознает эту проблему: приняты стратегические меры по повышению качества правового образования. Так, Указ Президента РФ № 599 от 26.05.2009 г. поставил задачу совершенствования высшего юридического образования в целях укрепления правопорядка и правосознания граждан. В указе отмечается особая роль вузов в улучшении подготовки юридических кадров и формировании правовой культуры специалистов [5]. Таким образом, назрела необходимость научного анализа того, каким образом система высшего образования обеспечивает воспроизводство аксиологии права и какие социоконструирующие факторы влияют на этот процесс.

Материалы и методы. Методологической основой исследования является социоконструктивистский подход, рассматривающий правовую культуру как социально сконструированный феномен. Данный подход опирается на положение о том, что знания и ценности (в том числе правовые) не передаются автоматически, а формируются в процессе социального взаимодействия и коммуникации. В применении к образованию это означает, что усвоение студентами правовых норм и установок происходит посредством активного вовлечения в образовательную среду, диалога с преподавателями и сверстниками, участия в социальных практиках. В рамках этого исследования правовая культура трактуется как часть общей культуры общества, представляющая совокупность правовых знаний, убеждений и установок, реализуемых в поведении личности, а также уровень ее правосознания и отношения к действующему праву. Иными словами, правовая культура включает знание права, уважительное отношение к закону, навыки правомерного поведения и ценностные ориентации в правовой сфере.

Для достижения поставленной цели применялись методы концептуального анализа литературы по социологии права и педагогике, а также сравнительный анализ нормативных документов и программ правового образования. Изучены труды отечественных и зарубежных авторов, раскрывающие теорию правовой культуры и правовой социализации. В частности, учитывались классические идеи Э. Дюркгейма о социализирующей функции образования [2], современные исследования правовой культуры молодежи [1, 3 , 4, 6], а также нормативные основы государственной политики в сфере образования и воспитания. Комплексный междисциплинарный подход позволил рассмотреть воспроизводство правовой культуры в вузах как целостный социально-педагогический процесс, включающий институциональные, содержательные и коммуникационные аспекты. Исследование базируется на гипотезе, что эффективность воспроизводства правовой культуры зависит от согласованного действия указанных компонентов и активного участия самих студентов в освоении правовых ценностей. В качестве критериев анализа рассматривались уровень правовых знаний студентов, степень их уважения к закону, готовность следовать правовым нормам в поведении, а также наличие навыков защиты своих прав и исполнение обязанностей.

Результаты. Правовая культура как социальный феномен обладает сложной структурой и может рассматриваться на разных уровнях: уровне общества, социальной группы и личности

[6]. Для целей данного исследования ключевым является уровень личности студента и студенческой молодежи как социальной группы. Правовая культура студента определяется степенью усвоения им правовых ценностей и норм, сформированностью правосознания и готовностью действовать в соответствии с законом в профессиональной и повседневной жизни [3]. Это интегральное качество личности, выступающее ядром ее нравственно-правового развития [6]. В широком смысле правовую культуру студентов можно понимать как совокупность их правовых знаний, убеждений, установок и моделей поведения, проявляющихся в учебной и внеучебной деятельности [1]. В узком же смысле – как уровень их правосознания, характеризующийся добросовестным и уважительным отношением к действующему законодательству [6].

Воспроизводство правовой культуры представляет собой непрерывный процесс передачи и обновления правовых ценностей. Он обеспечивается через действие социокультурного механизма трансляции правовой культуры, включающего формирование и распространение образцов правового поведения и правовых норм в обществе. К основным элементам данного механизма относятся: а) источники права (законодательство, судебные решения, обычаи), которые содержат нормативные образцы; б) социальная среда, через которую эти образцы транслируются; в) средства трансляции – система правового воспитания, обучения и просвещения граждан; г) результаты трансляции – усвоенные индивидами элементы правовой культуры (знания, установки, навыки). В структуре правовой системы важное место занимают институты юридического образования, так как именно они целенаправленно формируют у новых поколений правовые компетенции и ценности, фактически воспроизводя правовую культуру общества. Таким образом, вузовское образование можно рассматривать как связующее звено между абстрактными[3] правовыми нормами и реальным правовым сознанием молодежи. [4]. Это обогащает подрастающую молодежь знаниями о правах и обязанностях, механизмах защиты прав, что служит базой правосознания [6]. Во-вторых, важно формировать понимание социальной значимости права. Студенты должны осознавать, что право – ценность, гарантирующая справедливость и порядок, и нарушать закон невыгодно и опасно для общества. Развитие представлений о значимости правопорядка и уважительного отношения к закону – ключевая установка, которую следует прививать в вузе. В-третьих, эффективное воспроизводство правовой культуры предполагает выработку у молодежи чувства личной ответственности за свои правомерные или противоправные действия. Студенту необходимо понимать неотвратимость индивидуальной ответственности за нарушение правовых норм, будь то университетский устав или законодательство. В-четвертых, требуется освоение образцов правового поведения и практических навыков. Через практикумы, ролевые игры, ситуационные задачи молодежь учится применять нормы права в конкретных жизненных обстоятельствах, что формирует поведенческие стереотипы законопослушности. Наконец, в-пятых, следует воспитывать готовность активно защищать правопорядок – например, не оставаться равнодушным к правонарушениям, уметь противостоять давлению совершить незаконный поступок, знать, как реагировать на нарушения своих прав.

Сами высшие учебные заведения должны быть заинтересованы в формировании у студентов правовой культуры с первых курсов обучения. Практика показывает, что соблюдение студентами внутренних регламентов (правил распорядка, академической честности и пр.) прямо связано с их общим отношением к законам и нормам. Поэтому университеты внедряют меры дисциплинарного характера, разъясняют последствия нарушений (вплоть до отчисления за грубые аморальные поступки: употребление наркотиков на территории вуза, порча имущества, кражи, нарушение техники безопасности и др.) [6]. Такая практика не только поддерживает порядок, но и выполняет воспитательную функцию, студенты усваивают принцип неотвратимости наказания и важность правопослушного поведения.

Заключение. Система высшего образования играет ключевую роль в воспроизводстве правовой культуры общества, выступая важнейшим социоконструирующим механизмом формирования правосознания молодежи. Высшее образование не только передает студентам сумму правовых знаний, но и формирует ценностные правовые ориентации, социальные установки на законопослушание и гражданскую ответственность. Правовая культура студентов конструируется в процессе взаимодействия преподавателей и обучающихся, интеграции формального обучения и воспитательной работы, усвоения как когнитивных, так и ценностно-нормативных элементов.

Воспроизводство правовой культуры через систему высшего образования, таким образом, обеспечивает преемственность правовых ценностей в обществе и служит фактором устойчивого общественного развития. Высшая школа, оставаясь хранительницей и транслятором правовых идеалов, должна постоянно совершенствовать свои методы и подходы, отвечая на вызовы времени и потребности общества в правовой социализации новой генерации граждан.

Список литературы:

[1] Дуглас Н.О. Профессиональная правовая культура – состояние правовой жизни общества // Молодой ученый. – 2012. – № 7(42). – С. 193–196.

[2] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 304 с.

[3] Киселева Т.В. Правовая культура современных студентов // Успехи новейшей науки. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 131–133.

[4] Кочисов В.К., Кочисов С.В. Современная система правового образования студентов // Территория науки. – 2016. – № 1. – С. 138–143.

[5] Президент РФ. Указ от 26.05.2009 г. № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 22. – ст. 2725.

[6] Туркаева Л.В. Формирование правовой культуры у обучающихся в учреждениях высшего профессионального образования // Вестник экономики, управления и права. – 2021.

References:

[1] Douglas N.O. Professional legal culture - the state of the legal life of society//Young scientist. – 2012. – № 7(42). - S. 193-196.

[2] Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose. - M.: Canon, 1995. - 304 s.

[3] Kiseleva T.V. Legal culture of modern students//Successes of the latest science. – 2017. - T. 8, NO. 4. - S. 131-133.

[4] Kochisov V.K., Kochisov S.V. Modern system of legal education of students//Territory of science. – 2016. – № 1. - S. 138-143.

[5] President of the Russian Federation. Decree of 26.05.2009 No. 599 “On measures to improve higher legal education in the Russian Federation “// Collection of legislation of the Russian Federation. – 2009. – № 22. - Art. 2725.

[6] L.V. Turkaeva. Formation of legal culture among students in institutions of higher professional education//Bulletin of Economics, Management and Law. – 2021.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-154-160

СМЕРНЯГИН Леонид Игоревич,
преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: smerniagin_li@urgaul.ru

ОБНОСОВ Владимир Анатольевич,
старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: obnosov_va@urgaul.ru

МИШИН Алексей Сергеевич,
старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: mishin_as@urgau.rul.ru

КАРИМОВ Нияз Масгутович,
старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: karimov_nm@urgaul.ru

КАНЕВ Прокопий Николаевич,
преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: kanev_pn@urgaul.ru

МУСИН Анвар Наильевич,
старший преподаватель кафедры
математики и информационных технологий,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: musin_aa@urgaul.ru

КОЛЛЕКТИВНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ И ЕЁ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается роль коллективной работы студентов в формировании профессиональных и межличностных компетенций. Автор анализирует механизмы развития коммуникативных способностей, навыков сотрудничества и конструктивного разрешения разногласий через групповые формы учебной деятельности. Выявлены ключевые преимущества командного взаимодействия: усиление внутренней мотивации к обучению, становление лидерских качеств, развитие эмпатии и умения продуктивно взаимодействовать в разнородных группах. Определены типичные организационные и межличностные барьеры, возникающие при групповой работе, среди которых неравномерное распределение нагрузки между участниками и конфликты интересов. Предложены практико-ориентированные методы преодоления выявленных трудностей. Представлены детализированные рекомендации по проектированию и сопровождению совместной учебной деятельности на различных форматах занятий, подкрепленные примерами из педагогической практики современных образовательных организаций.*

Ключевые слова: *коллективная работа студентов, навыки эффективного взаимодействия, коммуникативная компетентность, групповая работа в вузе, командное взаимодействие, учебная мотивация, педагогическое сопровождение, ролевое распределение студентов.*

SMERNYAGIN Leonid Igorevich,
Lecturer at the Department of Physical Education and Sports,
Ural State Agrarian University

OBNOSOV Vladimir Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University

MISHIN Alexey Sergeevich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University

KARIMOV Niaz Masgutovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University

KANEV Prokopii Nicolaevich,
Lecturer at the Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University

MUSIN Anvar Nailevich,
Senior Lecturer at the Department of Mathematics and Information Technology, Ural State Agrarian University

STUDENTS "COLLECTIVE WORK AND ITS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF EFFECTIVE COMMUNICATION SKILLS

Annotation. *The article examines the role of students' collective work in the formation of professional and interpersonal competencies. The author analyzes the mechanisms of developing communication abilities, cooperation skills and constructive conflict resolution through group forms of educational activity. Key advantages of team interaction are identified: strengthening internal motivation for learning, development of leadership qualities, empathy and the ability to interact productively in diverse groups. Typical organizational and interpersonal barriers arising in group work are identified, including uneven distribution of workload among participants and conflicts of interest. Practice-oriented methods for overcoming the identified difficulties are proposed. Detailed recommendations for designing and supporting joint educational activities in various class formats are presented, supported by examples from the pedagogical practice of modern educational organizations.*

Key words: *students' collective work, effective interaction skills, communicative competence, group work at a university, teamwork, academic motivation, pedagogical support, student role distribution.*

Трансформация современного высшего образования характеризуется смещением акцентов с простой передачи предметных знаний на формирование комплекса профессиональных и надпрофессиональных компетенций. Работодатели различных отраслей экономики всё чаще формулируют запрос на специалистов, способных эффективно функционировать в командной среде, выстраивать продуктивную коммуникацию с коллегами и партнёрами, находить консенсус в спорных ситуациях и достигать общих целей через объединение усилий.

Коллективная работа студентов представляет собой педагогический инструмент, позволяющий целенаправленно развивать указанные качества в условиях образовательного процесса. В ходе решения групповых задач, обучающиеся осваивают практики активного слушания, аргументированного отстаивания собственной позиции, принятия коллективных решений и распределения зон ответственности. Грамотно спроектированная совместная деятельность не только активизирует познавательный интерес к изучаемому материалу, но и создаёт условия для формирования социально значимых личностных качеств.

Вместе с тем, организация эффективной коллективной работы требует внимательного отношения к множеству факторов: от формирования состава групп до выбора форм контроля

индивидуального вклада каждого участника. Игнорирование этих аспектов может привести к негативным эффектам, таким как социальное иждивенчество отдельных студентов или деструктивные конфликты внутри команд.

Цель исследования заключается в выявлении педагогических условий эффективной организации коллективной работы студентов и определении её влияния на развитие ключевых компетенций будущих специалистов.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические основы организации коллективной учебной деятельности в контексте современных требований к подготовке специалистов.
2. Определить механизмы развития навыков взаимодействия в процессе групповой работы.
3. Выявить преимущества и типичные трудности коллективных форм обучения.
4. Разработать практические рекомендации по организации и сопровождению совместной деятельности студентов.

Методы исследования: теоретический анализ педагогической литературы, обобщение практического опыта организации групповой работы в образовательных учреждениях, систематизация эмпирических данных.

Теоретические основы коллективной учебной деятельности

Коллективная работа в образовательном контексте представляет собой организованную форму совместной деятельности, при которой группа обучающихся решает общую познавательную или практическую задачу через координацию усилий, распределение функций и объединение индивидуальных ресурсов участников. Принципиальное отличие данного подхода от индивидуальных форм обучения состоит в том, что конечный результат определяется не только личными достижениями каждого студента, но и качеством взаимодействия между членами группы.

Отечественная педагогическая традиция рассматривает совместную деятельность как мощный фактор интеллектуального развития личности. Исследователи отмечают, что в процессе коллективного обсуждения проблемы происходит более глубокая проработка материала за счёт столкновения различных точек зрения и необходимости аргументированно обосновывать собственную позицию [1]. Студенты переходят от пассивного восприятия информации к её активному применению в ситуациях, имитирующих профессиональную деятельность, что способствует формированию системного мышления и развитию аналитических способностей.

Помимо когнитивного развития, групповая работа оказывает существенное влияние на становление социально-психологических качеств обучающихся. Регулярное взаимодействие в команде формирует способность учитывать интересы и мнения других людей, искать компромиссные решения при столкновении позиций, выстраивать отношения на основе взаимного доверия и уважения [2]. Эти навыки приобретают особую значимость в контексте подготовки специалистов для современного рынка труда, где большинство профессиональных задач решается в условиях межличностного и межгруппового взаимодействия – будь то проектные команды в корпоративной среде, научно-исследовательские коллективы или межведомственные рабочие группы.

Важно подчеркнуть, что эффективность коллективной работы во многом определяется характером решаемых задач. Наибольший педагогический эффект достигается при работе над проблемными заданиями, допускающими множественность подходов к решению и требующими интеграции знаний из различных предметных областей. В таких условиях разнообразие индивидуального опыта участников становится ресурсом группы, стимулируя творческий поиск и инновационные решения.

Механизмы развития навыков взаимодействия в групповом процессе

Участие в коллективной работе запускает комплекс взаимосвязанных процессов, способствующих формированию ключевых компетенций межличностного взаимодействия. Рассмотрим основные механизмы этого развития.

1. Освоение техник активного слушания. В отличие от повседневного общения, где собеседники нередко лишь дожидаются своей очереди высказаться, эффективная групповая работа требует подлинного понимания позиции других участников. Студенты учатся не просто воспринимать звучащие слова, но выделять ключевые идеи, улавливать эмоциональные оттенки высказываний, задавать уточняющие вопросы для прояснения неоднозначных моментов. Особое значение приобретает практика перефразирования – переформулирования услышанного своими словами для подтверждения правильности понимания. Эти навыки минимизируют риск возникновения недоразумений и создают атмосферу взаимного уважения в группе [3].
2. Развитие аргументированной речи. Необходимость убедить других участников в обоснованности своих предложений стимулирует студентов к более тщательной подго-

товке выступлений. Они осваивают приёмы логического структурирования информации, учатся подкреплять тезисы фактическими данными и примерами, предвосхищать возможные возражения и заранее готовить контраргументы. При этом формируется важное понимание различия между агрессивным навязыванием своей точки зрения и конструктивным убеждением, основанным на рациональных доводах и уважении к альтернативным мнениям.

3. Практика распределения ролей и ответственности. Эффективная команда функционирует на основе чёткого понимания зон ответственности каждого участника. Студенты осваивают процедуры делегирования задач с учётом индивидуальных компетенций и предпочтений членов группы, учатся координировать параллельные процессы и синхронизировать результаты работы отдельных подгрупп. Особую ценность представляет опыт выполнения различных ролевых функций: сегодня студент может выступать в качестве координатора проекта, завтра – быть исполнителем конкретной задачи, а в следующем проекте – взять на себя функции аналитика или критика. Такая ротация способствует всестороннему развитию личности и формированию гибкости в командном взаимодействии [4].
4. Освоение стратегий конструктивного разрешения разногласий. Столкновение различных точек зрения в процессе групповой работы неизбежно. Однако именно эти ситуации создают уникальные возможности для развития конфликтологической компетентности. Студенты на практике осваивают техники деэскалации напряжённости, учатся различать предметные разногласия и межличностные антипатии, овладевают навыками посредничества при конфликтах между другими участниками. Опыт показывает, что группы, успешно преодолевшие внутренние противоречия, демонстрируют более высокую сплочённость и продуктивность в дальнейшей работе.
5. Развитие рефлексивных навыков. Завершение каждого этапа групповой работы должно сопровождаться коллективным анализом достигнутых результатов и возникших трудностей. В ходе таких обсуждений студенты учатся давать объективную оценку вкладу каждого участника, выявлять факторы успеха и причины неудач, формулировать предложения по оптимизации процесса в будущем. Регулярная рефлексия формирует способность к критическому осмыслению собственной деятельности и развивает культуру конструктивной обратной связи [5].

Преимущества коллективных форм организации учебной деятельности

Анализ педагогической практики позволяет выделить несколько ключевых преимуществ групповой работы по сравнению с традиционными индивидуальными формами обучения.

Усиление мотивационной составляющей образовательного процесса. Работа в команде создаёт дополнительные стимулы к активному участию в учебной деятельности. Студенты ощущают свою причастность к общему делу и персональную ответственность перед товарищами за качество выполнения порученного участка работы. Публичная презентация результатов перед однокурсниками и преподавателями повышает значимость затраченных усилий. Эмоциональная вовлечённость в групповой процесс нередко оказывается сильнее формальной необходимости получить положительную оценку [6].

Создание условий для проявления лидерских качеств. Коллективная работа предоставляет естественную среду для выявления и развития организаторских способностей студентов. В каждой группе формируются неформальные лидеры, которые берут на себя инициативу в координации действий, мотивации участников, урегулировании споров. Важно, что в отличие от назначенного преподавателем руководителя группы, такое лидерство основано на реальном авторитете и признании со стороны товарищей, что делает его более устойчивым и развивающим для самого лидера.

Формирование толерантности и эмпатии. Взаимодействие с людьми, имеющими различный культурный бэкграунд, жизненный опыт, стили мышления и работы, расширяет горизонты восприятия студентов. Они учатся ценить разнообразие подходов, находить позитивные аспекты в непривычных способах решения задач, проявлять терпимость к особенностям поведения других людей. Особенно значим этот эффект в академических группах с многонациональным составом, где коллективная работа становится фактором межкультурной интеграции.

Повышение качества усвоения учебного материала. Исследования показывают, что информация, проработанная в процессе группового обсуждения, запоминается значительно лучше, чем материал, изученный индивидуально. Объясняется это несколькими факторами: необходимость формулировать свои мысли вслух способствует систематизации знаний; столкновение с альтернативными интерпретациями стимулирует более глубокое осмысление; эмоциональ-

ная насыщенность группового взаимодействия создаёт дополнительные ассоциативные связи, облегчающие последующее воспроизведение информации.

Подготовка к реалиям профессиональной деятельности. В современном мире подавляющее большинство сложных задач решается коллективными усилиями. Инженеры работают в проектных командах, учёные объединяются в исследовательские коллективы, медики практикуют мультидисциплинарный подход к лечению пациентов, предприниматели создают партнёрства для реализации бизнес-проектов. Опыт эффективной командной работы, полученный в студенческие годы, становится важным конкурентным преимуществом выпускника на рынке труда и сокращает период его адаптации в профессиональной среде [7].

Типичные трудности и пути их преодоления

Несмотря на очевидные преимущества, организация коллективной работы сопряжена с рядом характерных проблем, требующих внимания со стороны преподавателя.

Неравномерность вклада участников. Одна из наиболее распространённых трудностей связана с явлением социального иждивенчества, когда отдельные студенты минимизируют собственные усилия, рассчитывая на то, что более ответственные товарищи выполнят основной объём работы. Это порождает чувство несправедливости у активных участников и снижает общую продуктивность группы.

Для предотвращения данной проблемы целесообразно с самого начала установить прозрачную систему фиксации индивидуального вклада. Это может быть рабочий журнал группы, в котором отражаются конкретные задачи, закреплённые за каждым участником, и сроки их выполнения. Полезна практика промежуточных отчётов, на которых каждый студент кратко представляет проделанную работу. При итоговом оценивании следует сочетать групповой балл за конечный результат с индивидуальными баллами, учитывающими персональный вклад [8].

Конфликты внутри группы. Разногласия между участниками могут возникать по различным причинам: столкновение амбиций нескольких претендентов на лидерство, различия в представлениях о приемлемых стандартах качества работы, несовпадение темпов деятельности, личная неприязнь. Если конфликт не урегулирован на ранней стадии, он может полностью парализовать работу группы.

Профилактикой деструктивных конфликтов служит выработка групповых норм взаимодействия на подготовительном этапе. Студенты совместно формулируют правила, которые будут регулировать их общение: например, «критикуем идеи, а не людей», «каждый имеет право высказаться без перебивания», «решения принимаются большинством голосов после обсуждения всех предложений». При возникновении напряжённой ситуации преподаватель может организовать модерируемое обсуждение, в ходе которого конфликтующие стороны излагают свои позиции, а группа ищет компромиссное решение.

Доминирование активных студентов и пассивность остальных. В каждой группе естественным образом выделяются более уверенные и инициативные участники. Существует риск, что они будут монополизировать обсуждение и принятие решений, в то время как менее активные студенты останутся в роли молчаливых наблюдателей, что лишает их возможности развивать коммуникативные навыки.

Решением может стать систематическая ротация ролей в группе. Если при работе над одним проектом лидерские функции выполнял определённый студент, в следующем проекте эта роль передаётся другому участнику, а бывший лидер занимает позицию исполнителя. Можно также использовать специальные техники модерации, гарантирующие участие всех членов группы: например, «круговое высказывание», когда каждый обязательно выражает своё мнение по обсуждаемому вопросу.

Специфические сложности дистанционного формата. При организации коллективной работы в онлайн-среде добавляются технические проблемы: нестабильное интернет-соединение у отдельных участников, сложности с синхронизацией совместного редактирования документов, отсутствие невербальных сигналов, затрудняющее понимание эмоционального состояния собеседников.

Рекомендуется заранее обеспечить всех студентов доступом к надёжным платформам для видеоконференций и совместной работы над документами. Полезно выделять время на техническую подготовку участников, особенно если они недостаточно владеют соответствующими инструментами. При обсуждениях в онлайн-формате следует более активно использовать вербальные подтверждения понимания (например, «правильно ли я понял, что...»), поскольку невозможность видеть лица всех участников одновременно затрудняет считывание реакций [9].

Практические рекомендации по организации коллективной работы

Эффективная организация групповой деятельности студентов требует системного подхода и внимания к деталям на каждом этапе.

1. Формирование групп. Оптимальный размер рабочей группы составляет от четырёх до шести человек. Меньший состав ограничивает разнообразие идей и увеличивает

нагрузку на каждого участника, больший – затрудняет координацию и снижает возможности для активного участия всех членов группы.

При комплектовании целесообразно стремиться к разнообразию: объединять студентов с различным уровнем подготовки, разными стилями мышления и работы, представителей различных культур. Такая гетерогенность группы обогащает процесс взаимодействия, хотя и требует больших усилий на начальном этапе для выработки общего языка. Формировать группы можно как по желанию самих студентов, так и путём случайного распределения или целенаправленного подбора преподавателем – каждый способ имеет свои преимущества в зависимости от конкретных задач.

2. Подготовительный этап. Прежде чем приступить к решению основной задачи, группе необходимо пройти стадию знакомства и выработки норм взаимодействия. Полезно организовать короткое упражнение на знакомство, в ходе которого участники рассказывают о себе, своих интересах, сильных сторонах и ожиданиях от совместной работы. Затем следует совместно определить цель работы, убедившись, что все одинаково её понимают, наметить основные этапы и сроки, распределить роли и зоны ответственности. Результаты этого обсуждения фиксируются в письменном виде и служат ориентиром для дальнейшей деятельности.
3. Процесс выполнения работы. На этом этапе группа действует относительно автономно, однако полное отсутствие контроля со стороны преподавателя может привести к дезорганизации. Оптимальной представляется модель регулярных, но необременительных промежуточных проверок. Например, раз в неделю группы представляют краткие отчёты о проделанной работе и возникших трудностях. Преподаватель не вмешивается в принятие решений, но может задавать проблематизирующие вопросы, помогающие студентам увидеть слабые места в их рассуждениях, или предлагать дополнительные источники информации. При возникновении затруднений полезно организовать «мозговой штурм»: участники в течение ограниченного времени генерируют максимальное количество идей без их критической оценки, затем отбирают наиболее перспективные варианты для детальной проработки. Эта техника особенно эффективна для преодоления психологических барьеров и активизации творческого мышления.
4. Презентация результатов. Публичное представление итогов работы выполняет несколько важных функций: развивает навыки публичных выступлений, позволяет продемонстрировать достижения группы более широкой аудитории, создаёт возможность для обратной связи от преподавателя и других студентов. При подготовке презентации важно, чтобы все члены группы приняли участие в выступлении, а не только наиболее красноречивые представители. Форматы презентации могут варьироваться: от классического доклада с визуальным сопровождением до интерактивных форм, таких как деловая игра, демонстрация прототипа разработанного продукта или организация дискуссии по проблемным вопросам.
5. Рефлексия и оценивание. Заключительный этап должен включать два компонента: анализ процесса работы и оценку результатов. Каждый участник готовит индивидуальную рефлексию, в которой отвечает на вопросы: какие знания и навыки я приобрёл, что было наиболее сложным, как я оцениваю свой вклад и вклад товарищей, что следует улучшить в будущих проектах. Групповое обсуждение этих рефлексий помогает осознать коллективный опыт и извлечь уроки на будущее. Система оценивания должна сбалансированно учитывать групповые и индивидуальные достижения. Возможная модель: 50% итоговой оценки формируется на основе качества конечного продукта группы, 30% – на основе индивидуального вклада каждого участника (оцениваемого через промежуточные отчёты и взаимооценивание внутри группы), 20% – на основе качества презентации и рефлексии [10].

Заключение. Коллективная работа представляет собой педагогический инструмент высокой эффективности, позволяющий не только углубить усвоение предметного содержания, но и целенаправленно формировать ключевые компетенции, необходимые современному специалисту. В процессе совместного решения учебных задач студенты осваивают практики конструктивной коммуникации, учатся координировать усилия для достижения общих целей, развивают способность принимать ответственность за результаты как личной, так и командной деятельности.

Выявленные преимущества групповой работы – усиление мотивации, развитие лидерских качеств, формирование эмпатии и толерантности, улучшение качества усвоения материала – делают её необходимым элементом современного образовательного процесса. При этом реализация потенциала коллективных форм обуче-

ния требует внимательного отношения к возможным трудностям: неравномерности вклада участников, конфликтам, доминированию отдельных студентов.

Систематическое применение предложенных методов преодоления типичных проблем – чёткое распределение ролей, фиксация индивидуального вклада, выработка групповых норм взаимодействия, регулярная рефлексия – позволяет минимизировать негативные эффекты и создать условия для продуктивной совместной деятельности. Педагогическое сопровождение групповой работы требует от преподавателя не только компетентности в предметной области, но и владения техниками модерации, конфликтологии, групповой динамики.

Таким образом, коллективная работа студентов при условии её грамотной организации становится эффективным средством подготовки выпускников, готовых к успешной профессиональной деятельности в условиях командного взаимодействия и способных вносить конструктивный вклад в решение сложных междисциплинарных задач.

Список литературы:

[1] Малова М. М., Позднякова Г. А. Опыт формирования навыка работы в команде на занятиях по иностранному языку в вузе // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 68. – Ч. 3. – С. 195–198.

[2] Чиркина Е. А., Фефилов А. В., Лукина С. Г. Групповая работа как средство формирования субъектной позиции студента вуза // Общество: социология, психология, педагогика. – 2024. – № 5. – С. 53-59

[3] Громова И. В. История возникновения и современные тенденции развития коммуникативного тренинга // Молодой учёный. – 2014. – № 4 – С. 680–683.

[4] Баева О.Н., Суранова О.А. Формирование компетенции «командная работа и лидерство»: выбор лучших образовательных практик // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12, № 8. – С. 1811–1826.

[5] Исломова М.З. Развитие рефлексивных умений в процессе групповой учебно творческой деятельности студентов // Science and Education. – 2025. –С. 331-336.

[6] Гордеева И.В., Повышение внутренней мотивации обучающихся через применение интерактивных технологий // Международный научно исследовательский журнал. – 2019. – №. 12 (90). – С. 87-91.

[7] Харунжева Е.В., Шалагинова Н.В., Кузьмина М.В., Кобелева Г.А. Практика командной работы в цифровой школе по разработке «умного» мобильного приложения // Перспективы науки и образования. –2020. –№ 2 (44). –С. 389–404.

[8] Клыгина М. С., Первитская М. А. Проблема групповой сплоченности и мотивации в студенческой группе // Психологические науки. – 2018. – С. 44-45.

[9] Крутий И.А., Молчанова Г.В., Шестак Н.В. Групповое взаимодействие аспирантов медиков в условиях дистанционного обучения // Медицинское образование и профессиональное развитие. – 2021.– Т. 12. №. 2 – С. 16-27.

[10] Родина О.Н. Педагогические условия формирования компетенции социального взаимодействия студентов в совместной учебной деятельности // Педагогика. Вопросы теории и пракн тики. –2020. –Т. 5 (5). – С. 610–614

References:

[1] Malova M. M., Pozdnyakova G. A. Experience in the formation of teamwork skills in foreign language classes at a university//Problems of modern pedagogical education. – 2020. – № 68. - PART 3. - S. 195-198.

[2] Chirkina E.A., Fefilov A.V., Lukina S.G. Group work as a means of forming the subject position of a university student//Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2024. – № 5. - S. 53-59

[3] Gromova I.V. History of emergence and modern trends in the development of communication training//Young scientist. – 2014. - NO. 4 - S. 680-683.

[4] Baeva O.N., Suranova O.A. Formation of competence “teamwork and leadership”: selection of the best educational practices//Leadership and management. – 2025. - T. 12, NO. 8. - S. 1811-1826.

[5] Islomova M.Z. Development of reflective skills in the process of group educational creative activity of students//Science and Education. – 2025. -C. 331-336.

[6] I.V. Gordeeva, Increasing the internal motivation of students through the use of interactive technologies//International Research Journal. – 2019. – №. 12 (90). - S. 87-91.

[7] Kharunzheva E.V., Shalaginova N.V., Kuzmina M.V., Kobeleva G.A. Practice of teamwork in a digital school for the development of a “smart” mobile application//Prospects for science and education. –2020. –№ 2 (44). -C. 389–404.

[8] Klygina M.S., Pervitskaya M.A. The problem of group cohesion and motivation in a student group// Psychological sciences. – 2018. - S. 44-45.

[9] Krutiy I.A., Molchanova G.V., Shestak N.V. Group interaction of postgraduate medical students in distance learning//Medical education and professional development. - 2021.- VOL. 12. №. 2 - S. 16-27.

[10] Motherland O.N. Pedagogical conditions for the formation of the competence of social interaction of students in joint educational activities// Pedagogy. Questions of theory and practice. –2020. -T. 5 (5). - P. 610-614

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-161-164

КОСТОРНОВ Денис Алексеевич,
магистрант,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: d.kostornov@g.nsu.ru

РУБЕКИНА Юлия Станиславовна,
студент,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: y.rubekina@g.nsu.ru

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРОВЕРКИ РОСПАТЕНТОМ ОБОЗНАЧЕНИЙ НА ПРЕДМЕТ ВВЕДЕНИЯ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ АБСОЛЮТНОЙ НОВИЗНЫ И РАСШИРЕНИЯ ОБЪЕМОВ ПРОВЕРКИ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные закономерности проверки Роспатентом обозначений на предмет введения потребителей в заблуждение. Критически анализируется тенденция проверки обозначений регистрирующим органом на предмет сходства или тождества не только с зарегистрированными товарными знаками, но и с обозначениями, используемыми другими лицами, но не получившими правовую охрану. Выдвигается гипотеза о том, что такой подход демотивирует производителей регистрировать обозначения в качестве товарных знаков. Отмечается, что предъявление к товарным знакам требований «абсолютной новизны» порождает риски смешения полномочий таких государственных органов как Роспатент и Федеральная Антимонопольная служба. Делается вывод, что признание исключительных прав на товарный знак на основе преждепользования противоречит пострегистрационному принципу правовой охраны знаков в России.*

Ключевые слова: *товарные знаки, Роспатент, экспертиза обозначений по существу, введение потребителя в заблуждение.*

KOSTORNOV Denis Alekseevich,
Master's student,
Novosibirsk State University

RUBEKINA Yulia Stanislavovna,
student,
Novosibirsk State University

ANALYSIS OF CURRENT TRENDS IN ROSPATENT'S VERIFICATION OF DESIGNATIONS FOR DECEPTION: PROBLEMS OF PRESENTING REQUIREMENTS OF ABSOLUTE NOVELTY AND EXPANDING THE SCOPE OF VERIFICATION

Annotation. *The article discusses the current patterns of Rospatent's verification of designations for misleading consumers. The trend of checking designations by the registration authority for similarity or identity is critically analyzed, not only with registered trademarks, but also with designations used by other persons who have not received legal protection. It is hypothesized that this approach demotivates manufacturers to register designations as trademarks. It is noted that the presentation of "absolute novelty" requirements to trademarks creates risks of confounding the powers of such state bodies as Rospatent and the Federal*

Antimonopoly Service. It is concluded that the recognition of exclusive trademark rights on the basis of pre-use contradicts the post-registration principle of legal protection of trademarks in Russia.

Key words: *trademarks, Rospatent, substantive examination of designations, misleading the consumer.*

Представляется верным утверждать, что в данный момент практика регистрации товарных знаков развивается в направлении проверки обозначения регистрирующим органом на предмет сходства или тождества не только с зарегистрированными товарными знаками, но и с обозначениями, используемыми другими лицами, но не получившими правовую охрану, т.е. не зарегистрированными в качестве товарных знаков. Противоречивые обстоятельства могут возникнуть из-за поздней регистрации товарного знака, который уже используется третьими лицами, но изначально был задумкой и неофициальной интеллектуальной собственностью другого лица [1, с. 15]. Например, Роспатент обосновал невозможность регистрации обозначения «Edge of your mind» по заявке № 2023750802 по причине того, что по информации, полученной в сети «Интернет», обозначение «Edge of your mind» воспроизводит обозначение, используемое другим предпринимателем для индивидуализации в гражданском обороте услуг, однородных заявленным. Аналогичная причина была указана в уведомлении о результатах проверки соответствия обозначения требованиям законодательства по заявке № 2024792276 [2]. Экспертизой установлено то, что заявленное обозначение «CandyStore» воспроизводит обозначение, которое используется в своей деятельности другим индивидуальным предпринимателем для индивидуализации услуг, однородных заявленным. В обоих ситуациях противопоставленные обозначения в качестве товарных знаков зарегистрированы не были.

В большинстве случаев такая стратегия оказывает благоприятное воздействие на борьбу с актами недобросовестной конкуренции. Тем не менее, исследователи справедливо отмечают, что в некоторых случаях действия регистрирующего органа создают определенные препятствия для регистрации прав на интеллектуальную собственность по отношении к добросовестным предпринимателям [3, с. 143]. Так, нередко возникают ситуации, когда заявленному на регистрацию обозначению противопоставляется незарегистрированное обозначение другого лица со ссылкой на информацию, полученную из сети «Интернет» без представления дополнительных сведений о том, достоверна ли и существенна эта информация, осуществляет ли это лицо фактическую деятельность по реализации товаров и оказанию услуг, а также о том, обрело ли различительную способность в процессе использования это обозначение, незарегистрированное в качестве товарного знака.

Подход вызывает противоречие с самой сущностью института товарного знака как средства индивидуализации, права на который возникают только с момента государственной регистрации. Так, товарному знаку, который не зарегистрирован на территории РФ, не предоставляется правовая охрана на территории РФ. По существу, заявитель вынужден обосновывать перед ведомством собственную добросовестность и отсутствие намерения ввести рядового потребителя в заблуждение, что едва ли соотносится с базовым принципом ст. 10 ГК РФ – презумпцией добросовестности субъекта гражданского права. В результате чего, заявители часто сталкиваются с отказом в регистрации не только в случае наличия ранее зарегистрированных или заявленных тождественных или сходных до степени смешения знаков (п. 6 ст. 1483 ГК РФ), но и в случае фактического использования неохраняемых (незарегистрированных) обозначений на рынке другими лицами, обоснованного возможностью введения потребителя в заблуждение. Таким образом, пострегистрационный характер предоставления правовой охраны утрачивает свое значение.

Такая тенденция негативным образом влияет на институт регистрации товарных знаков отечественными производителями, значимость которой неоднократно подтверждалась Президентом РФ. Производитель на протяжении долгого времени может использовать обозначение, маркируя им товары и услуги, параллельно блокируя регистрацию конкурентов. При этом, лично он не несет дополнительных затрат на уплату государственной пошлины и на оплату услуг патентных поверенных, поскольку де-факто он имеет возможность получить защиту через нормы о недобросовестной конкуренции и введении в заблуждение. В результате чего, очевидно, снижается мотивация к регистрации обозначений.

Важно сделать оговорку о том, что предложенная позиция не затрагивает случаи борьбы Роспатента со «сквоттингом» и «патентным троллингом», касающихся, прежде всего, общеизвестных товарных знаков. Первично здесь, по нашему мнению, обоснование, которое ляжет в основу решения Роспатента. Так, если регистрирующий орган, в уведомлении о несоответствии заявленного обозначения требованием законодательства, не просто приводит ссылку на выявленный сайт, а представляет сведения, свидетельствующие о том, что обозначение обрело различительную способность, и повлекшую за этим устойчивую ассоциативную связь в отноше-

нии определенного обозначения и изготовителя, то отказ в регистрации будет оправданным. В свою очередь, обоснование посредством лишь формального указания на упоминание в сети «Интернет» сходных обозначений, как видится, порождает ситуацию правовой неопределенности и ужесточает доступ к регистрации прав на средства индивидуализации. Более того, отдельного внимания заслуживает оценка самих сведений, полученных в сети «Интернет», в первую очередь, с точки их зрения достоверности и достаточности. Так, Президиум Суда по интеллектуальным правам признал недействительным решение об отказе в регистрации обозначения «Белая рука». Экспертиза, основываясь на сведениях из Википедии и одном литературном источнике, усмотрела в заявленном словесном обозначении отсылку к названию ряда террористических организаций, осуществлявших свою деятельность на территории иностранных государств (Сербия, Гватемала) в начале и во второй половине XX века. Президиум СИП напомнил, что для оценки обозначения с точки зрения его соответствия нормам п.п. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ должно приниматься во внимание восприятие обозначения потребителями в каждом конкретном случае индивидуально, исходя из смыслового значения обозначения, с учетом факторов, наличие и значение которых устанавливается самостоятельно по каждому обозначению [4].

Президиум также безусловно поддержал позицию Роспатента о недопустимости пропаганды терроризма и регистрации в качестве товарного знака обозначения, воспроизводящего название террористической организации и воспринимаемого в качестве такового российским потребителем, но, в то же время, отметил, что вывод Роспатента, основанный только на сведениях из энциклопедии свободного наполнения, не соответствует ожидаемому уровню мотивации, тем более, что Роспатент обладает широкими полномочиями по привлечению для обоснования принимаемых им ненормативных правовых актов широкого круга источников и сведений на разных стадиях оценки обозначений.

Оценка заявленного обозначения с точки зрения «новизны», как кажется, также создает предпосылки для смешения полномочий таких государственных органов как Роспатент и Федеральная антимонопольная служба. Так, эксперты Роспатента, с учетом отсутствия иных рекомендаций в ведомственных инструкциях, должны, в первую очередь, проверять обозначение на предмет его соответствия требованиям охраноспособности, в результате чего, они могут оценить лишь вероятностную способность обозначения вводить в заблуждение в силу своего существа. В свою очередь, оценка добросовестности правообладателя входит в состав полномочий Федеральной антимонопольной службы, обладающей значительно большим правовым инструментарием по защите прав потребителей. Так, согласно ст. 14.2. ФЗ «О защите конкуренции» не допускается недобросовестная конкуренция путем введения в заблуждение [5]. Перечень характеристик, представленных в этой статье, охватывает не только свойства, назначение товара и место производства, но и количества товара, возможности его приобретения на определенных условиях, фактического размера спроса и т.д. Важно отметить, что данные запреты распространяются не только на товарные знаки, а в целом, на деятельность производителей. Антимонопольные органы, установившие факт недобросовестной конкуренции, в частности, введение потребителя в заблуждение, налагаются широким перечнем полномочий по устранению таких нарушений: выдача обязательных для исполнения предписаний, обращение в арбитражный в суд с исками, заявлениями о нарушении антимонопольного законодательства и т.д. Ключевым отличием сравниваемых органов является то, что антимонопольная служба вправе запретить виновной стороне использование вводящего в заблуждение обозначения, даже если оно зарегистрировано в качестве товарного знака [3, с. 144]. Таким образом, по нашему мнению, пресечение введения потребителя в заблуждение, возникающего в связи с существованием и использованием спорного обозначения другим производителем, должно осуществляться Федеральной антимонопольной службой и арбитражными судами.

Таким образом, существующий в данный момент подход Роспатента приводит к предъявлению дополнительного требования к обозначениям, выносимым на регистрацию, а именно – требованию «абсолютной новизны». Более того, признание исключительных прав на товарный знак на основе преждепользования противоречит пострегистрационному принципу правовой охраны знаков в России.

Список литературы:

[1] Голубкина К.В. Защита права на товарный знак в Российской Федерации // Право и экономика. – 2025. – №2. – С. 15.

[2] Федеральная служба по интеллектуальной собственности Роспатент: официальный сайт. – Москва.

[3] Бутенко С.В. Введение потребителя в заблуждение и правовая охрана товарных знаков // Патенты и лицензии. – 2013. – №7. – С. 143.

[4] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 05.08.2022 по делу № СИП-17/2022

[5] О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №31. – Ст. 3434.

References:

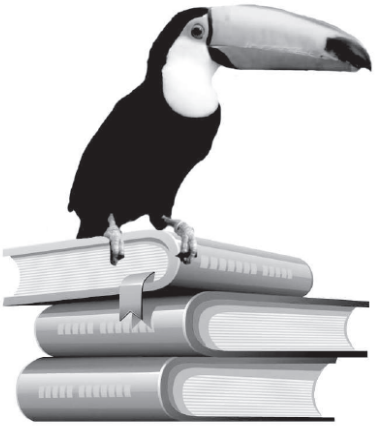
[1] Golubkina K.V. Protection of the right to a trademark in the Russian Federation//Law and Economics. – 2025. – №2. - S. 15.

[2] Federal Service for Intellectual Property Rospatent: official website. - Moscow.

[3] Butenko S.V. Misleading the consumer and legal protection of trademarks//Patents and licenses. – 2013. – №7. - S. 143.

[4] Ruling of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court of 05.08.2022 in case No. SIP-17/2022

[5] On Protection of Competition: Federal Law No. 135 of 26.07.2006 //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – №31. - Art. 3434.

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-165-174

ДЕМИДОВ Андрей Николаевич,
аспирант Российской государственная академии интеллектуальной собственности,
г. Москва, Россия,
e-mail: andre2000andre@mail.ru

ТВОРЧЕСКИЙ ВКЛАД АВТОРА КАК КРИТЕРИЙ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу творческого вклада автора как ключевого критерия охраноспособности произведения в российском авторском праве. Показано, что при лаконичности норм ст. 1257 и 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту - ГК РФ) и разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23.04.2019 (далее по тексту - ПП ВС РФ № 10) в правоприменении фактически отсутствует выработанная методика оценки творческого характера результата. На основе доктринальных подходов (В. Я. Ионас, Э. П. Гаврилов, А. В. Кашанин), судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (включая Определение № 5-КГ21-14-К2 от 27.04.2021 и Обзор практики от 29.05.2024) и рекомендаций Суда по интеллектуальным правам предлагается трёхфакторный подход к оценке творческого вклада, включающий установление самостоятельности создания произведения, индивидуальности формы его выражения и наличия у автора пространства свободного выбора. Обосновывается, что применение данного подхода позволяет сместить фокус с оценки «художественного уровня» на проверяемые юридически значимые признаки формы выражения и способствует унификации судебной практики по спорам об охране «обычных» и цифровых объектов авторского права.*

Ключевые слова: *творческий вклад, критерии охраноспособности, оригинальность формы, самостоятельность создания, свободный творческий выбор, презумпция творчества, авторское право.*

DEMIDOV Andrey Nikolaevich,
Graduate student,
Russian State Academy of Intellectual Property
Moscow, Russia

THE AUTHOR'S CREATIVE CONTRIBUTION AS A CRITERION FOR THE PROTECTABILITY OF A WORK UNDER RUSSIAN COPYRIGHT LAW

Annotation. *The article examines the author's creative contribution as a key criterion for determining the protectability of a work under Russian copyright law. It is shown that due to the brevity of Articles 1257 and 1259 of the Russian Civil Code and the clarifications provided in Resolution No. 10 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 April 2019, law-enforcement practice effectively lacks a developed methodology for assessing the creative nature of a result. Drawing on doctrinal approaches (V. Ya. Ionas, E. P. Gavrilov, A. V. Kashanin), case law of the Supreme Court of the Russian Federation (including Ruling No. 5-KG21-14-K2 of 27 April 2021 and the Practice Overview of 29 May 2024), as well as recommendations of the Intellectual Property Court, the article proposes a three-factor approach to assessing creative contribution. This approach includes establishing the independent creation of the work, the individuality of the form of its expression, and the existence of an author's space for free choice. It is argued that applying this approach shifts the focus away from assessing the "artistic quality" of a work toward verifiable legally significant features of its form of expression, thereby contributing to the unification of judicial practice concerning the protection of both "ordinary" and digital copyright objects.*

Key words: *creative contribution, criteria of protectability, originality of form, independent creation, free creative choice, presumption of creativity, copyright.*

Критерий творческого вклада является ключевой категорией отечественного авторского права, поскольку от него зависит первичная квалификация результата интеллектуальной деятельности как произведения и, соответственно, решение вопроса о предоставлении ему правовой охраны. Действующее законодательство формулирует данный критерий предельно лаконично: автором признаётся гражданин, творческим трудом которого создано произведение, согласно ст. 1257 ГК РФ;[1] охрана предоставляется только результатам творческой деятельности, выраженным в объективной форме (ст. 1259 ГК РФ).[2] При этом законодатель прямо исключает из сферы охраны идеи, методы и иные элементы, не имеющие объективной формы (п. 5 ст. 1259 ГК РФ). В то же время закон не содержит определения понятия творческого труда и не устанавливает юридических признаков, позволяющих суду проводить разграничение между охраняемой формой выражения и неохраняемыми идеями или стандартными решениями. Это создаёт значительные затруднения в правоприменении, особенно при рассмотрении результатов, обладающих минимальной степенью индивидуальности, таких как прикладные тексты, учебные материалы и фотографии. В подобных ситуациях суд должен установить наличие авторского участия в построении формы выражения, что требует точной и обоснованной юридической оценки.

Современная судебная практика частично восполняет указанный пробел посредством разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. В Постановлении Пленума № 10 от 23 апреля 2019 г. сформулирована презумпция творческого характера результата: произведение предполагается созданным творческим трудом, если иное не установлено в процессе рассмотрения спора. При этом отсутствие новизны, уникальности или высокой степени оригинальности само по себе не является основанием для отрицания творческой природы результата (п. 80 ПП ВС РФ № 10).[3] Такой подход ориентирует суд на исследование фактических обстоятельств создания произведения, включая наличие самостоятельности в его формировании и индивидуальных особенностей выражения. Тем самым внимание смещается от формальной оценки внешней «необычности» объекта к анализу тех элементов, в которых может проявляться авторский вклад.

Правовые позиции Верховного Суда были развиты в последующих судебных актах, принятых по конкретным спорам. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам от 27 апреля 2021 г. № 5-КГ21-14-К2 указано, что возможность предоставления охраны зависит от наличия у автора реального выбора при формировании произведения. Суд подчеркнул, что технические условия создания результата могут учитываться, однако они не должны исключать возможность принятия самостоятельных решений, позволяющих проявиться индивидуальности автора.[4] Последующая практика подтверждает данный подход. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2024 г. обобщены критерии оценки результатов, размещённых в сети Интернет, в том числе вопросы установления творческого характера в условиях, когда значительная часть элементов предопределена функциональными или техническими требованиями.[5]

Практическое значение для оценки результатов, вызывающих сомнения в наличии творческого характера, имеют ориентиры, сформированные Судом по интеллектуальным правам (далее по тексту – СИП). В Рекомендациях Научно-консультативного совета при СИП от 25 июня 2024 г. № СП-22/13, подготовленных на материале споров о фотографиях, отмечено, что сам факт фиксации реальности не свидетельствует о наличии охраноспособного произведения. Для признания фотографии объектом авторского права необходимо установить проявление авторского выбора, выражающегося, в частности, в композиции кадра, подборе ракурса, работе со светом или последующей обработке изображения .[6] Эти разъяснения показывают, какие элементы могут свидетельствовать о творческом характере результата и позволяют суду прово-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): фед. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2023) // КонсультантПлюс. Дата обращения: 17.11.2025.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): фед. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2023). Ст. 1259 // КонсультантПлюс. Дата обращения: 17.11.2025.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апр. 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. Дата обращения: 17.11.2025.

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 апр. 2021 г. № 5-КГ21-14-К2 (дело № 3-466/2019) // КонсультантПлюс. Дата обращения: 17.11.2025.

[5] Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.) // КонсультантПлюс. Дата обращения: 17.11.2025.

[6] Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 25 июня 2024 г. № СП-22/13 «О критериях установления творческого характера фотографических произведений» // Журнал Суда по интеллектуальным правам (ipcmagazine.ru). Дата обращения: 17.11.2025.

дить разграничение между механической фиксацией и формой выражения, сформированной участием автора.

В научной литературе последовательно подчёркивается, что творческий вклад проявляется прежде всего в индивидуальной форме выражения произведения. Ещё В. Я. Ионас указывал, что авторско-правовая охрана направлена не на идею как таковую, а на созданную автором систему образов и способов их построения, в которой выражается индивидуальность произведения.[1] В более поздних работах Э. П. Гаврилова и А. В. Кашанина эта позиция получила дальнейшее развитие: оба исследователя исходят из того, что охраной пользуется оригинальная форма выражения, а не содержание, и что для возникновения правовой защиты достаточно минимального творческого вклада, подтверждаемого особенностями языка, структуры или композиции произведения.[2],[3] Систематизация данных подходов показывает, что доктрина рассматривала проблему единообразно: необходимость защиты индивидуальной формы выражения неизбежно ставит вопрос о выработке юридических критериев, позволяющих выявлять такие элементы и оценивать их в судебной практике и при проведении экспертизы.

Дополнительное развитие указанного подхода содержится в работе В. С. Косицкого, где творчество рассматривается как «критерий охраноспособности объектов авторских прав», опирающийся на самостоятельное создание результата и наличие творческого характера выражения. Автор подчёркивает, что именно сочетание этих признаков позволяет отграничить охраняемые произведения от формально сходных, но лишённых личного вклада автора конструкций.[4]

Объектом исследования являются отношения, возникающие в связи с охраной произведений как объектов авторского права, а предметом — юридическая природа творческого вклада и его роль в определении охраноспособности произведения. Цель работы состоит в обосновании минимального предлагаемого подхода для оценки творческого вклада, основанного на положениях Гражданского кодекса и разъяснениях Верховного Суда, а также проверяемого на материалах современной практики Суда по интеллектуальным правам. Методологическая база включает догматический анализ законодательства и судебных актов, сопоставительный подход и изучение типичных ситуаций, возникающих при рассмотрении результатов, обладающих ограниченной степенью индивидуальности (например, фотографий и учебных материалов). Эмпирическую основу составляют ст. 1257 и 1259 ГК РФ, Постановление Пленума ВС РФ № 10 (2019), Определение ВС РФ № 5-КГ21-14-К2 (2021), Обзор судебной практики ВС РФ от 29 мая 2024 г., Рекомендации НКС при СИП от 25 июня 2024 г. № СП-22/13, а также труды ведущих исследователей. Научная новизна работы состоит в формулировании трёхфакторного подхода к оценке творческого вклада, основанного на установлении самостоятельности создания произведения, индивидуальности формы его выражения и наличии у автора реального выбора при формировании результата. В исследовании обосновывается порядок применения данного подхода в судебной практике и при проведении экспертизы. Практическая значимость выражается в возможности использования предложенной методики при подготовке разъяснений и рекомендаций, направленных на повышение единообразия правоприменения в сфере авторского права.

Позитивное право формирует два ключевых исходных элемента для квалификации произведения. Во-первых, автором признаётся гражданин, создавший результат интеллектуальной деятельности своим творческим трудом; тем самым персонализируется источник произведения и закрепляется презумпция авторства лица, указанного на экземпляре (ст. 1257 ГК РФ).[5] Во-вторых, охране подлежат лишь результаты творческой деятельности, которые получили объективную форму выражения. Одновременно закон исключает из сферы охраны идеи, методы, концепции и иные категории, не представляющие собой форму выражения (п. 5 ст. 1259 ГК).[6] Такое

---

[1] Ионас В. Я. Критерий творчества в авторском праве // Избранные труды по авторскому праву. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1981. Доступ: Электронная библиотека НИУ ВШЭ (HSE Publications). Дата обращения: 17.11.2025.

[2] Гаврилов Э. П. Оригинальность как критерий охраны объектов авторским правом // Патенты и лицензии. 2004. № 6. С. 45–51.

[3] Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 97–122.

[4] Косицкий А. О. Творчество как критерий охраноспособности объектов авторских прав: самостоятельное создание и творческий характер. Уровень творческого характера // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2023. — № 42. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729309/ (дата обращения: 17.11.2025).

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая). Ст. 1257 «Автор произведения» // Офиц. текст. СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.11.2025.

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая). Ст. 1259 «Объекты авторских прав» (в т. ч. п. 5) // Офиц. текст. СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.11.2025.

нормативное разграничение задаёт границы правовой защиты и определяет, что предметом оценки является именно форма, а не содержание или замысел.

Несмотря на кажущуюся определённость законодательных формул, Гражданский кодекс не раскрывает содержание признака творческого труда. Закон не определяет, какие признаки позволяют отличить охраняемую форму выражения от идей, технических решений или стандартных структур. Эта лакуна заполняется судебными разъяснениями. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 10 от 23 апреля 2019 г. указал, что результат интеллектуальной деятельности предполагается созданным творческим трудом до опровержения этого предположения, подчеркнув недопустимость отрицания творчества лишь из-за отсутствия новизны или оригинальности (п. 80).[1] Такой подход ориентирует правоприменение на исследование самостоятельности создания и индивидуальных особенностей формы выражения, а не на оценку «степени новизны» результата.

Подход, сформулированный Пленумом, получил развитие в судебной практике. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 5-КГ21-14-К2 охраноспособность произведения была прямо увязана с наличием у автора пространства для самостоятельных решений, позволяющих придать форме индивидуальные особенности; при этом технические требования процесса не исключают творчества, если они не лишают автора возможности выбора.[2] Аналогичная позиция отражена и в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 29.05.2024, в котором обобщены подходы к оценке объектов, создаваемых и распространяемых в цифровой среде, и уточнены критерии установления творческого характера формы выражения.[3]

Проблема сопоставления творческого результата с идеями и с критериями новизны проявляется прежде всего в доказательственном аспекте. Поскольку идеи законом прямо исключены из сферы охраны, суд оценивает не содержание замысла, а форму его выражения и проверяет, присутствуют ли в ней элементы самостоятельного авторского выбора, даже если этот вклад минимален. Такая логика последовательно прослеживается и в практике Суда по интеллектуальным правам: в отношении фотографий он указывает, что простой снимок объекта сам по себе не образует охраняемого результата, тогда как выбор ракурса, композиции, освещения или способа обработки позволяет квалифицировать изображение как произведение.[4]

В совокупности нормы Гражданского кодекса формируют базовую конструкцию оценки охраноспособности произведения. Она предполагает, что автором является лицо, создавшее результат творческим трудом, что произведение должно быть выражено в объективной форме и что идеи, методы и иные подобные категории не входят в сферу защиты. Эти положения задают отправную точку анализа, однако их практическое применение обеспечивается судебными разъяснениями. Презумпция творческого характера результата и акцент на самостоятельности создания, индивидуальности формы и наличии пространства для творческого выбора позволяют превратить общий нормативный подход в реально применяемый критерий, используемый судами при разрешении споров.

Понимание творческого вклада в отечественной теории авторского права складывалось постепенно и проходило через три устойчивых этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. На каждом из них внимание исследователей смещалось от представления о «новизне» результата к анализу индивидуальной формы его выражения как ключевого юридического признака. Уже дореволюционная доктрина, восходящая к работам Г. Ф. Шершеневича, рассматривала произведение как результат духовного творчества, воплощённый в определённую форму, и подчеркивала, что охрана распространяется именно на форму выражения, а не на идею как таковую. Эта позиция, реконструируемая по учебной литературе и обобщающим исследованиям, закрепила в науке принципиальное различие между содержательной стороной замысла и его выражением.[5]

Советский и ранний постсоветский периоды придали этому подходу системный характер.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в т. ч. п. 80) // Офиц. текст. СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.11.2025.

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 5-КГ21-14-К2 // Офиц. публикация: СПС «ГАРАНТ» / Legalacts.ru. Дата обращения: 17.11.2025.

[3] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 29.05.2024 по делам о нарушении авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Офиц. текст: СПС «КонсультантПлюс» / сайт ВС РФ. Дата обращения: 17.11.2025.

[4] Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам определения критериев творческой деятельности на примере фотографий (утв. 25.06.2024 № СП-22/13) // Журнал СИП (ipcmagazine.ru). Дата обращения: 17.11.2025.

[5] Шершеневич Г. Ф. Учение об авторском праве // Цит. по: Богданова О. Защита интеллектуальных авторских прав: дореволюционные подходы. Обзор источников. Режим доступа: электронные каталоги (HSE, РГБ). Дата обращения: 17.11.2025.

Существенное влияние оказали работы В. Я. Ионаса, который рассматривал объект охраны как целостную образную систему, формируемую не темой или фабулой, а особенностями построения формы произведения: языком, структурой, композиционными решениями. В его исследованиях подчёркивается необходимость различать индивидуальную, «субъективную» новизну выражения и объективную новизну содержания, которая для авторского права значения не имеет.[1] На этой основе Ионас сформировал устойчивый понятийный аппарат, согласно которому творческий характер произведения определяется самостоятельным созданием и индивидуальностью его формы. Эти элементы в совокупности образуют результат творческой деятельности, подлежащий правовой охране.

Постсоветская юридическая литература развила эти положения и приблизила их к практическим задачам правоприменения. Существенный вклад внесён Э. П. Гавриловым, который последовательно утверждает, что охрана предоставляется лишь тем результатам, форма которых обладает индивидуальными признаками и может быть отличена от иных вариантов выражения. При этом оригинальность понимается не как художественная ценность или объективная новизна содержания, а как способность формы быть идентифицированной и защищённой от копирования.[2] На этой основе А. В. Кашанин предложил концепцию минимального уровня творчества, достаточного для правовой охраны: даже при невысокой степени сложности произведение признаётся охраняемым, если подтверждается наличие личного выбора автора при формировании структуры и композиции. Такой подход согласуется с презумпцией творческого характера, закреплённой в разъяснениях Верховного Суда, и облегчает оценку объектов, по которым сомнения возникают наиболее часто.[3]

Сопоставление представленных подходов позволяет сформулировать общий вывод. На различных этапах развития отечественной цивилистической мысли, начиная с работ Г. Ф. Шершеневича и далее в исследованиях В. Я. Ионаса, Э. П. Гаврилова и А. В. Кашанина, последовательно укрепляется понимание творчества как индивидуального способа выражения, а не как ценности содержания. В современных публикациях, опирающихся на идеи Ионаса о субъективной новизне, подчёркивается необходимость точных и воспроизводимых критериев, которые позволили бы установить наличие личного творческого выбора и отделить выражение от идей, фактов и стандартных решений.[4] Такой подход фактически выводит правоприменение к потребности в методике юридической оценки, основанной на последовательной проверке самостоятельности создания, индивидуальных особенностей формы и наличия у автора пространства выбора, достаточных для признания произведения охраноспособным.

Правоприменительная практика формирует оценку творческого характера произведения через совокупность юридически значимых признаков, опираясь на презумпцию творчества и анализ того, имел ли автор возможность осуществить свободный выбор при создании формы выражения. Ключевое направление анализа обозначено Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении № 10 от 23 апреля 2019 г., где разъяснено, что результат предполагается созданным творческим трудом, пока не доказано иное, а отсутствие новизны или уникальности не может само по себе служить основанием для вывода об отсутствии творчества.[5] Это положение ориентирует суд на изучение самостоятельности создания и индивидуальных особенностей формы выражения. Визуальные объекты в этом отношении демонстрируют наиболее наглядные примеры: в них анализируется выбор автора в отношении композиции, ракурса, света, порядка обработки и иных элементов, позволяющих установить наличие свободного творческого решения.

Развитие указанной позиции прослеживается в судебных актах по отдельным категориям споров. В Определении Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. № 5-КГ21-14-К2 подчёркнуто, что вопрос об охраноспособности произведения связан с установлением того, располагал ли автор реальным пространством решений и реализовал ли он свободный творческий выбор при формировании формы выражения. Суд указал, что техническая обусловленность процесса допу-

[1] Ионас В. Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. — М.: Юридическая литература, 1963. — 156 с. Доступ: электронный каталог Национальной правовой библиотеки. Дата обращения: 17.11.2025.

[2] Гаврилов Э. П. Оригинальность как критерий охраны объектов авторским правом // Патенты и лицензии. 2004. № 6. С. 45–51. Доступные репозитории для сверки. Дата обращения: 17.11.2025.

[3] Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. Доступ: HSE Publications; СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.11.2025.

[4] Тимофеев А. А. Определение критериев творчества в произведениях периодической печати // Вестник МГУ. Сер. Журналистика. 2010. № 3. (обзор ссылок на Ионаса и необходимость чётких критериев творчества). Дата обращения: 17.11.2025.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.11.2025.

стима лишь в тех пределах, в которых она не исключает возможности принятия самостоятельных творческих решений.[1] Эта линия получила дальнейшее развитие в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 29 мая 2024 г., где на материале дел о нарушении прав в сети «Интернет» показано, что предмет доказывания концентрируется на анализе формы выражения и индивидуальных решений автора.[2] В рассматриваемых спорах, в частности о защите элементов цифровых интерфейсов и структуры веб-сайтов, суды отмечают, что правовая охрана возможна при подтверждении того, что визуальная организация информации является результатом творческого выбора, а не совокупностью технически обусловленных решений.[3]

Значительный пласт судебной практики связан с фотографическими произведениями, в рамках которых наиболее отчётливо проявляется различие между простой фиксацией объектов действительности и охраняемой формой выражения. В Рекомендациях Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 25 июня 2024 г. № СП-22/13 отмечено, что для признания фотографии объектом авторского права недостаточно самого факта получения изображения; необходимы признаки свободного творческого выбора, проявляющиеся в построении кадра, выборе ракурса, работе со светом и последующей обработке.[4] Указанные подходы получили отражение в правоприменении. Суды исходят из того, что каталожная съёмка товара на нейтральном фоне, осуществлённая без самостоятельных творческих решений, не подтверждает наличие охраняемой формы выражения. В то же время даже минимальные элементы индивидуального выбора, характерные для постановочной предметной фотографии, рассматриваются как достаточные для вывода об охраноспособности. Равным образом разъяснения Пленума Верховного Суда РФ подчёркивают, что результаты, полученные исключительно техническим способом и не содержащие творческого вклада человека (например, автоматические снимки систем фотофиксации правонарушений), не относятся к объектам авторского права.

Смежную проблему рассматривает А. Д. Уфимцев, анализируя явление «мимикрии под объекты интеллектуального права», когда результаты, не обладающие необходимым уровнем творческого вклада, внешне воспроизводят признаки охраняемых объектов. Показано, что подобные конструкции создают риск подмены критерия творчества формальными признаками сходства и требуют особо тщательного разграничения в судебной практике.[5]

Сопоставление приведённых подходов позволяет выделить устойчивый порядок оценки творческого вклада. Суд устанавливает, действовал ли автор в условиях наличия реальных альтернатив и воплотил ли он индивидуальное решение, не сводящееся к стандартному выполнению задания или к механическому воспроизведению чужих элементов. В делах о цифровых материалах, включая дизайн интерфейсов, прикладные тексты и образовательные ресурсы, решающим является описание конкретных творческих решений и их разграничение с элементами, предопределёнными технической функцией объекта. Разъяснения Верховного Суда и рекомендации Суда по интеллектуальным правам задают последовательность проверки: определяется форма выражения и её элементы; устанавливается наличие пространства выбора и фактически принятые автором решения; проводится анализ самостоятельности создания, позволяющий исключить заимствование существенных элементов. В рамках этой логики презумпция творчества сохраняет силу до тех пор, пока противоположная сторона не представит убедительные доказательства копирования либо полной технической детерминированности результата.

С учётом положений статей 1257 и 1259 ГК РФ и разъяснений Верховного Суда о презумпции творческого характера результата интеллектуальной деятельности в судебной практике вырисовывается минимальный трёхэлементный критерий оценки творческого вклада. Он опирается на три составляющие: самостоятельность создания, индивидуальность формы выражения и наличие у автора реального пространства свободного выбора. Применение данного критерия позволяет сместить акцент с оценки художе-

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 5-КГ21-14-К2 (о «свободном и творческом выборе» и границах техобусловленности). Офиц. публикации: ГАРАНТ / Legalacts.ru.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 29.05.2024 по делам о нарушении авторских и смежных прав в сети «Интернет» (о смещении предмета доказывания на форму выражения; подход к цифровому контенту и интерфейсам). Офиц. текст: КонсультантПлюс

[3] Верховный Суд РФ отнёс дизайн сайтов к объектам авторского права // РАПСИ. 30.05.2024. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240530/309937879.html. Дата обращения: 17.11.2025.

[4] Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 25 июня 2024 г. № СП-22/13 «О критериях творческой деятельности на примере фотографий» // СПС «ГАРАНТ». Дата обращения: 17.11.2025.

[5] Уфимцев А. А. Мимикрия под объекты интеллектуального права как инструмент недобросовестного поведения участников гражданского оборота // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2024. — № 2. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1828908/ (дата обращения: 17.11.2025).

ственной ценности или объективной новизны результата на анализ того, каким образом автор сформировал выражение идеи и какие решения были им приняты при наличии альтернатив.

Первым элементом формируемого в статье подхода является самостоятельность создания. Суд устанавливает, что спорный результат не является производным воспроизведением существенных элементов другого произведения. На практике это подтверждается сравнительным анализом возможных источников, оценкой временных характеристик создания объекта и сопоставлением композиционных либо функционально значимых решений с выявленными аналогами. Указанный критерий корреспондирует презумпции творческого характера, закреплённой в Постановлении Пленума Верховного Суда № 10: отсутствие новизны или уникальности само по себе не исключает творчества, однако доказанное заимствование существенных элементов формы способно опровергнуть такую презумпцию.[1]

Вторым элементом рассматриваемого подхода является индивидуальность формы выражения. Под этим понимаются устойчивые стилистические, языковые и композиционные решения, позволяющие отличить произведение от типовой или технически обусловленной компоновки. В научной литературе оригинальность традиционно определяется как самобытность формы выражения, а не как её художественная ценность. Такой подход последовательно обоснован в работах Э. П. Гаврилова, подчёркивающего, что охрана направлена на защиту результата от воспроизведения его индивидуальных особенностей,[2] и развит А. В. Кашаниным, который указывает на достаточность минимального творческого вклада при наличии подтверждаемого личного выбора автора.[3] Указанные позиции согласуются с положениями гражданского законодательства и разъяснениями Верховного Суда: охрана предоставляется не за художественную сложность, а за индивидуализированную форму выражения, воспроизведение которой и составляет нарушение.

Третьим элементом предлагаемого подхода является наличие у автора свободного творческого выбора. В правовых позициях Верховного Суда подчёркивается, что охраноспособность произведения предполагает существование у автора пространства решений, в рамках которого он мог принять индивидуальные творческие решения. Если форма выражения полностью определяется технической функцией объекта, творческий характер результата исключается. Данный ориентир сформулирован в Определении Верховного Суда от 27.04.2021 № 5-КГ21-14-К2, где указано, что правовая охрана возможна лишь при наличии у автора возможности выбора, позволяющего придать произведению индивидуальные особенности. Аналогичный подход отражён и в Обзоре судебной практики от 29.05.2024, где на материале споров о цифровом контенте показано, что оценка творческого характера требует выделения тех решений, которые не были предопределены функциональной необходимостью. В рамках экспертизы и судебного разбирательства, таким образом, подлежит установлению, какие альтернативы были доступны автору и какие из них нашли отражение в конечной форме объекта.[4]

Применение указанного подхода в судебной практике предполагает определённую процессуальную последовательность, основанную на презумпции творческого характера, закреплённой в Постановлении Пленума Верховного Суда № 10. На первоначальном этапе суд и эксперт устанавливают форму выражения спорного результата, фиксируя его структурные, языковые и композиционные характеристики, а в отношении визуальных объектов — особенности ракурса, освещения и обработки. При этом в предмет доказывания не включаются идеи, методы и иная информационная составляющая, исключённая из охраны пунктом 5 статьи 1259 ГК РФ. Далее подлежит выяснению, существовало ли у автора реальное пространство выбора и какие решения были им приняты при создании произведения. Этот анализ дополняется сравнением спорного объекта с возможными источниками, позволяющим установить самостоятельность его создания и отсутствие заимствования существенных элементов. На основании совокупности указанных данных формулируется вывод о наличии минимальной индивидуальности формы выражения. Презумпция творческого характера может быть опровергнута лишь при доказанности копирования либо при подтверждении того, что итоговая форма полностью предопределена технической функцией объекта. Такой порядок

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в т. ч. п. 80) // Офиц. текст. СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.11.2025.

[2] Гаврилов Э. П. Оригинальность как критерий охраны объектов авторским правом // Патенты и лицензии. 2004. № 6. С. 45–51.

[3] Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 97–122.

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 5-КГ21-14-К2 (о «свободном и творческом выборе» и границах техобусловленности). Офиц. публикации: ГАРАНТ; Legalacts.ru.

оценки соответствует положениям гражданского законодательства, разъяснениям Пленума и выводам, отражённым в судебных актах и обзорах практики.

Применение разработанного подхода наиболее наглядно проявляется в отношении объектов, для которых характерна минимальная степень формообразующих решений. В делах о фотографиях суды исходят из того, что сам факт фиксации изображения не образует охраняемого результата; правовая охрана возможна лишь при наличии подтверждённого авторского выбора в отношении композиции, ракурса, освещения и последующей обработки. Такой вывод прямо отражён в Рекомендациях Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 25.06.2024 № СП-22/13, где подчёркивается необходимость разграничения технической фиксации и результатов творческого отбора. Сходный подход применяется при рассмотрении споров о дизайне веб-интерфейсов и цифровых графических решений: охрана допускается лишь в той части, где установлены индивидуальные авторские решения в организации визуальной формы, а не совокупность элементов, предопределённых функциональным назначением ресурса. В этой связи рекомендации Суда по интеллектуальным правам и выводы, сформулированные в обзорах Верховного Суда, фактически формируют ориентиры для использования трёхэлементного подхода при оценке творческого характера результата в практических делах.[1]

В совокупности указанные элементы формируют минимально необходимый порог охраноспособности, согласующийся с положениями гражданского законодательства и разъяснениями Верховного Суда. Самостоятельность создания позволяет установить отсутствие заимствования существенных элементов другого произведения; индивидуальность формы выражения обеспечивает разграничение охраняемого результата и идей либо стандартных решений; наличие свободного выбора подтверждает, что итоговая форма не была полностью предопределена техническими требованиями. Применение данной методики не заменяет художественную или техническую экспертизу, а определяет юридические ориентиры анализа: подлежит выяснению, каким образом выражена идея, существовало ли у автора пространство решений, какие признаки подтверждают самостоятельность и индивидуальность результата и имеются ли основания для опровержения презумпции творческого характера.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что российская модель охраноспособности произведений базируется на двух ключевых положениях гражданского законодательства. Во-первых, правовая охрана связывается с созданием произведения творческим трудом автора, во-вторых, охрана предоставляется лишь результатам, выраженным в объективной форме, при одновременном исключении из сферы защиты идей, методов и иных элементов, не имеющих такого выражения. В этих условиях критерий творческого вклада приобретает доказательственное значение: в центре внимания суда оказывается не ценность или новизна содержания, а совокупность решений автора, обусловивших форму произведения.

Разъяснения Верховного Суда РФ придали данному подходу необходимую определённость. Презумпция творческого характера результата и указание на недопустимость отрицания творчества по мотивам отсутствия новизны или уникальности ориентируют суд на исследование самостоятельности создания, индивидуальных особенностей формы и наличия у автора пространства свободного выбора. Эти ориентиры закреплены в Постановлении Пленума № 10, развиваются в отдельных судебных актах и отражены в обзорах практики, подготовленных в 2024 г.

Практика Суда по интеллектуальным правам конкретизирует действие указанных подходов применительно к объектам, по которым чаще всего возникают сомнения в наличии творческого характера. Рекомендации Научно-консультативного совета при СИП, подготовленные на материале дел о фотографиях, показывают, что правовая охрана невозможна без установления хотя бы минимального набора творческих решений в отношении композиции, ракурса, освещения и обработки изображения; простая фиксация реальности без авторского выбора не образует объект авторского права. Аналогичный подход реализуется в спорах о цифровых интерфейсах и дизайне сайтов, где охраняется форма выражения информации как результат творческого отбора, при разграничении с элементами, предопределёнными функциональным назначением ресурса.

На основе совокупности указанных источников возможно сформулировать трёхфакторный подход к юридической оценке творческого вклада, пригодный для применения в обычной судебной практике. Он включает в себя установление самостоятельности создания, выявление индивидуальности формы выражения и проверку наличия у автора реального пространства свободного выбора при конструировании произве-

[1] Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 25.06.2024 № СП-22/13 (фотографии: критерии свободного выбора). Публикации: ГАРАНТ; Журнал СИП.

дения. Такой подход согласуется с нормами ГК РФ и презумпцией творческого характера, закреплённой в разъяснениях Пленума, и позволяет сместить акцент с оценок художественного уровня произведения на проверяемые признаки формы выражения.

Практическая значимость сформулированных выводов заключается в том, что они могут быть использованы для снижения неопределённости и обеспечения единообразия доказывания по делам, связанным как с обычными, так и с цифровыми объектами авторского права. В качестве возможного решения рекомендательного характера представляется целесообразным включить описанный трёхфакторный подход и примеры его применения в обновлённые разъяснения Верховного Суда РФ либо методические документы Суда по интеллектуальным правам, а также разработать типовые задания для судебной экспертизы, ориентированные на последовательную проверку указанных элементов. Для судов и участников процесса такой подход может быть дополнен кратким перечнем вопросов, связанных с идентификацией формы выражения, установлением пространства выбора и проверкой самостоятельности создания, что соответствует действующей презумпции творческого характера и опирается на уже сложившиеся ориентиры правоприменения.

Список литературы:

[1] Гаврилов Э. П. Оригинальность как критерий охраны объектов авторским правом // Патенты и лицензии. — 2004. — № 6. — С. 45–51.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): ст. 1257 «Автор произведения» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.11.2025.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): ст. 1259 «Объекты авторских прав» (в т. ч. п. 5) // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.11.2025.

[4] Ионас В. Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. — М.: Юридическая литература, 1963. — 156 с.

[5] Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. — 2007. — № 2. — С. 75–119.

[6] Косицкий А. О. Творчество как критерий охраноспособности объектов авторских прав: самостоятельное создание и творческий характер. Уровень творческого характера // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2023. — № 42. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729309/ (дата обращения: 17.11.2025).

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.11.2025.

[8] Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 25.06.2024 № СП-22/13 «О критериях творческой деятельности на примере фотографий» // СПС «ГАРАНТ». Дата обращения: 17.11.2025.

[9] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 29.05.2024 по делам о нарушении авторских и смежных прав в сети «Интернет» (2019–2023) // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.11.2025.

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 5-КГ21-14-К2 // СПС «ГАРАНТ». Дата обращения: 17.11.2025.

[11] Уфимцев А. А. Мимикрия под объекты интеллектуального права как инструмент недобросовестного поведения участников гражданского оборота // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2024. — № 2. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1828908/ (дата обращения: 17.11.2025).

References:

[1] Gavrilov, E. P. Originality as a Criterion for the Protection of Copyright Objects. Patents and Licenses, 2004, no. 6, pp. 45–51.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Four), Article 1257 “Author of a Work”. ConsultantPlus legal database. Accessed: 17 November 2025.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part Four), Article 1259 “Objects of Copyright” (incl. para. 5). ConsultantPlus legal database. Accessed: 17 November 2025.

[4] Ionas, V. Ya. The Criterion of Creativity in Copyright Law and Judicial Practice. Moscow: Legal Literature Publishing, 1963. 156 p.

[5] Kashanin, A. V. Creative Character as a Condition for the Protectability of a Work in Russian and Foreign Copyright Law. Civil Law Review, 2007, no. 2, pp. 75–119.

[6] Kositskiy, A. O. Creativity as a Criterion for the Protectability of Copyright Objects: Independent Creation and Creative Character. Level of Creative Character. Journal of the Intellectual Property Court, 2023, no. 42. Electronic resource. Available at: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729309/ (accessed: 17 November 2025).

[7] Resolution No. 10 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 April

2019 “On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation”. ConsultantPlus legal database. Accessed: 17 November 2025.

[8] Recommendations of the Scientific Advisory Board at the Intellectual Property Court No. SP-22/13 of 25 June 2024 “On the Criteria of Creative Activity Using Photographs as an Example”. GARANT legal database. Accessed: 17 November 2025.

[9] Overview of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 May 2024 on Cases Concerning Violations of Copyright and Related Rights on the Internet (2019–2023). ConsultantPlus legal database. Accessed: 17 November 2025.

[10] Ruling of the Judicial Panel for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 April 2021 No. 5-KG21-14-K2. GARANT legal database. Accessed: 17 November 2025.

[11] Ufimtsev, A. A. Mimicry of Intellectual Property Objects as a Tool for Unfair Conduct of Participants in Civil Circulation. Journal of the Intellectual Property Court, 2024, no. 2. Electronic resource. Available at: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1828908/(accessed: 17 November 2025).

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-175-181
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

ДАНИЛИНА Татьяна Алексеевна,
студент 3 курса юридического факультета,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: 239880@edu.fa.ru

МИНАСЯН Гоар Микаеловна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового регулирования
экономической деятельности Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: gmminasyan@fa.ru

СУДЕБНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ГРАЖДАНСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Актуальность темы связана с необходимостью чёткого разграничения судебного и гражданского представительства, которое часто смешивается в теории и на практике. Такая путаница ведёт к ошибкам в оформлении полномочий и снижает эффективность защиты прав в суде. Проведённый анализ позволяет систематизировать эти понятия, что важно для корректного применения закона и реального обеспечения доступа к правосудию. В ходе исследования, с применением методов сравнительно-правового, формально-логического и структурного анализа, устанавливается, что судебное представительство представляет собой комплексный феномен, объединяющий в себе три взаимосвязанных аспекта: правоотношение, процессуальную деятельность и самостоятельный институт гражданского процессуального права. Предполагается, что именно такой синтезирующий подход наиболее точно отражает его юридическую природу. В статье детально классифицируются виды судебного представительства и анализируются общие и специальные полномочия представителя. Основным результатом исследования становится чёткое разграничение судебного и гражданского представительства по четырём ключевым критериям: цели деятельности, объёму и характеру полномочий, требованиям к субъектному составу представителей, а также их роли в правоотношениях. В качестве вывода резюмируется, что, несмотря на некоторые сходства, судебное и гражданское представительство являются самостоятельными правовыми институтами, функционирующими в процессуальной и материально-правовой сферах соответственно. Подчёркивается практическая ценность проведённого разграничения для минимизации ошибок при оформлении полномочий и обеспечения эффективной защиты прав участников судопроизводства и гражданского оборота.*

Ключевые слова: *судебное представительство, представитель, представляемый, полномочия, правоотношение, судебное разбирательство, процесс.*

DANILINA Tatiana Alekseevna,
Third-year student, Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

MINASYAN Goar Mikaelovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Legal Regulation of Economic Activity,
Faculty of Law, Financial University under the Government
of the Russian Federation

JUDICIAL REPRESENTATION AND ITS DIFFERENCE FROM CIVIL REPRESENTATION: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The relevance of this topic stems from the need to clearly distinguish between judicial and civil representation, which are often confused in theory and practice. This confusion leads to errors in the formalization of powers and reduces the effectiveness of protecting rights in court. The conducted analysis allows us to systematize these concepts, which is important for the correct application of the law and effective access to justice. The purpose of this article is to conduct a theoretical and legal analysis of judicial representation, identify its essence and characteristic features, and compare it with civil representation. To achieve this goal, the following objectives were set: first, to reveal the multifaceted concept and legal nature of judicial representation; second, to elucidate the essence of judicial representation and the powers of judicial representatives; third, to characterize civil representation; and fourth, to conduct a comparative analysis of two related but distinct phenomena-judicial representation and civil representation. The study, using comparative legal, formal logical, and structural analysis methods, establishes that judicial representation is a complex phenomenon that combines three interrelated aspects: legal relations, procedural activity, and an independent institution of civil procedural law. It is believed that this synthetic approach most accurately reflects its legal nature. The article provides a detailed classification of the types of judicial representation and an analysis of the general and specific powers of a representative. The main result of the study is a clear distinction between judicial and civil representation based on four key criteria: the purpose of the activity, the scope and nature of powers, the requirements for the composition of representatives, and their role in legal relations. The conclusion is that, despite some similarities, judicial and civil representation are independent legal institutions, operating in the procedural and substantive spheres, respectively. The practical value of this distinction is emphasized for minimizing errors in the formalization of powers and ensuring the effective protection of the rights of participants in legal proceedings and civil transactions.*

Key words: *judicial representation, civil representation, powers, representative, legal relations, procedural activity.*

В настоящее время в Российской Федерации не теряет актуальности вопрос судебного представительства, по причине существенной роли в реализации права на судебную защиту, которое гарантируется гражданам Российской Федерации в главном законе страны. Имеется ввиду ст. 46 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует вышеназванное право не только гражданам Российской Федерации, но и иностранным гражданам и лицам без гражданства. Представляется, что все права и свободы, принадлежащие индивидам в силу прямого указания таковых в законах, так и не имеющие нормативного закрепления, но не противоречащие закону подлежат судебной защите. Однако, существует ряд ситуаций, при которых граждане не имеют возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Например, гражданин не обладает дееспособностью в полной мере или даже частично, отсутствует соответствующий юридический опыт и знания в той или иной области, не представляется возможным присутствовать в судебном разбирательстве, в силу нехватки времени и тому подобное. Поэтому в законодательстве Российской Федерации предусмотрен институт представительства, чтобы обеспечить полное и эффективное рассмотрение и разрешения дела в суде. Несмотря на отличие двух различных, но смежных понятий, в правовой практике и в доктрине встречается смешивание понятия «судебное представительство» и «гражданское представительство».

Необходимо отметить, что теоретическое осмысление судебного представительства было представлено в работах ряда учёных таких, как К. И. Малышев, А. Х. Гольмстен, М. С. Шакарян, А. А. Добровольский, В. В. Ярков и др. Тем не менее институт судебного представительства требует постоянного освещения и уточнения различных научных подходов. В юридической науке изучается институт судебного представительства, однако на настоящее время не существует единого, нормативно закреплённого понятия термина «судебное представительство». Неоднозначность в толковании судебного представительства отражает его комплексную природу как правового феномена. Судебное представительство рассматривается в нескольких аспектах.

Согласно первой научной позиции, которую разделяют В. М. Шерстюк [1], М. С. Шакарян [2] и другие правоведы, судебное представительство трактуется как правоотношение. В его рамках представитель осуществляет процессуальные действия от имени и в интересах доверителя, в результате чего у последнего формируются соответствующие права и обязанности.

Вторая концепция, представленная в работах Е.В. Салогубовой [3], А.А. Добровольского [4] и других авторов, интерпретирует данную категорию как деятельность, суть которой состоит в ведении судебного дела одним субъектом в пользу и в интересах другого.

Третья точка зрения, активно развиваемая А.А. Мельниковым [5], характеризует судебное представительство в качестве самостоятельного института гражданского процессуального права. Ключевое назначение этого института заключается в реализации правозащитной функции, обеспечивающей юридическую защиту прав и законных интересов участников судопроизводства: сторон, третьих лиц и заявителей.

Четвертый, синтезирующий подход, определяет судебное представительство как комплексное явление, объединяющее в себе все три вышеназванные характеристики — правоотношение, деятельность и правовой институт. Среди сторонников такой многомерной трактовки можно назвать В.Н. Иванкина [6], который рассматривает его именно в совокупности указанных аспектов, а не через призму какого-либо единственного понимания.

Учитывая все точки зрения по определению судебного представительства, наиболее верной будет последняя точка зрения - судебное представительство как комплексное понятие. Эта точка зрения кажется правильной, поскольку судебное представительство так или иначе включает в себя деятельность, правоотношения и нормы, регулирующие этот институт. В обосновании этой позиции, можно утверждать, что деятельностный аспект является первичным и материальным воплощением представительства. Это динамическая категория, направленная на достижение конкретного юридического результата – защиту интересов представляемого в суде. Деятельность судебного представителя является целенаправленной и осознанной. Её цель – совершение процессуальных действий, таких, как: заявление ходатайств, представление доказательств, дача объяснений, изложение правовой позиции) для получения благоприятного судебного акта. Эта деятельность также носит волевой характер, так как предполагает самостоятельное принятие тактических и стратегических решений в рамках предоставленных полномочий. Важно отметить, что деятельность в сфере права неизбежно порождает общественные отношения, урегулированные нормами права, то есть правоотношения. Правоотношение судебного представительства обладает всеми классическими элементами: субъект, объект и содержание. Субъектами здесь являются представитель, представляемый и суд. При этом связь «доверитель-представитель» имеет материально-правовую природу, посокльку основана на договоре поручения или законе, а связь «представитель-суд» – публично-процессуальную. Объектом рассматриваемых правоотношений будет выступать защита нарушенного либо оспариваемого права представляемого лица, достигаемая путём реализации его процессуальных прав и обязанностей. Содержанием данной правовой связи будет являться комплекс субъективных прав и обязанностей, которыми наделены все субъекты настоящих правоотношений. Необходимо отметить, что для того чтобы деятельность и порождаемые ею отношения приобрели правовой характер, они должны быть урегулированы системой общеобязательных, формально-определенных норм. Без нормативной основы представительство было бы произвольным и юридически ничтожным. Таким образом, делаем вывод, что Эти три элемента находятся в неразрывном диалектическом единстве. Отсутствие любого из этих элементов лишает институт судебного представительства юридической целостности и функциональной полноты. Следовательно, данная триединая конструкция является не просто описательной, но и методологически верной для комплексного анализа данного правового института.

Мы знаем, что в силу ч.1 ст.48 ГПК РФ граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. Личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя. Таким образом, действующее законодательство предоставляет управомоченным и обязанным лицам возможность реализации принадлежащих им субъективных гражданских прав и обязанностей как лично, так и посредством действий назначенных представителей.

Представитель участвует в судебном разбирательстве от имени и в интересах представляемого лица. Становится понятным, что главной задачей и функцией представителя является правовое содействие представляемому, являющему стороной в споре или третьему лицу в защите их материально-правового интереса. На данный момент законодательство не относит представителя к числу лиц, участвующих в деле (ст.34 ГПК). Лицами, участвующими в деле признаются участники процесса, имеющие самостоятельный юридический интерес к исходу процесса, действующими в процессе от своего имени, имеющие право на совершение процессуальных действий, направленных на возникновение, развитие и окончание процесса, на которых распространяется законная сила судебного решения. Проанализировав данное определение, можно понять, что представитель отвечает не всем характеристикам. С одной стороны, представитель имеет

определённый интерес к исходу дела и в пределах своих полномочий стремится добиться положительного исхода дела для представляемого. Указанный интерес носит процессуальную, а не материально-правовую природу, поскольку представитель преследует цели не собственные, а доверителя. Тем не менее, этот процессуальный интерес, равно как и материально-правовой, признаётся юридическим, будучи основанным на законе. В соответствии с пунктом 1 статьи 54 ГПК РФ, представитель наделён правом совершать любые процессуальные действия. Однако для выполнения отдельных из них требуется специальное указание в доверенности. Важно отметить, что свою деятельность представитель осуществляет не от собственного имени, а от имени представляемого лица.

Исходя из вышеизложенного, делаем вывод, что представитель не входит в круг лиц, участвующих в деле, его роль заключается в содействии осуществлению правосудия, поскольку своими процессуальными действиями представитель обеспечивает эффективность судебного разбирательства. Следовательно, представитель считается самостоятельным участником судебного процесса. Он обладает объёмом прав и обязанностей представляемого, которые обусловлены полномочиями представителя, оговорёнными в законе, либо в доверенности.

Равно как законодатель даёт возможность лицам участвовать в судебном разбирательстве в качестве представителя, законодатель также вводит некоторые ограничения, к вопросу о том, кто может являться судебным представителем.

Норма ст.49 ГПК РФ позволяет выделить обязательные условия для судебного представителя, к которым относятся: во-первых, наличие дееспособности; во-вторых, надлежащим образом оформленные и подтверждённые полномочия на ведение дела. Под процессуальной дееспособностью понимается способность лица лично осуществлять процессуальные права и обязанности.

Интересно, что наряду с дееспособностью законодательство требует наличие у представителя высшего юридического образования либо учёной степени по юридической специальности. Думается, что настоящее требование является обоснованным, поскольку для участия в судопроизводстве необходимо наличие знаний материального и процессуального права, что несвойственно лицу, не обладающему юридическим образованием.

Согласно п.3 ст.49 ГПК РФ, адвокат, выступающий в качестве представителя, обязан предъявить суду документы, подтверждающие его статус адвоката и его полномочия. Ст. 6 того же закона устанавливает, что полномочия адвоката в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве, а также при рассмотрении дел об административных правонарушениях, определяются соответствующими процессуальными кодексами (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, УПК РФ).

В соответствии со ст.53 ГПК РФ, представитель обязан подтвердить свои полномочия соответствующими документами. К таким документам в частности относятся:документ, удостоверяющий личность представителя, которым является паспорт либо иной документ, если представитель является иностранным гражданином или лицом без гражданства (вид на жительство, разрешение на временное проживание, национальный паспорт с заверенным переводом); доверенность и иные документы, удостоверяющие статус и полномочия представителя. Формально-юридические требования к доверенности дифференцируются в зависимости от статуса доверителя: для граждан она подлежит нотариальному удостоверению, для индивидуальных предпринимателей требуется ее подписание и скрепление печатью, а для юридических лиц — подписание руководителем или иным уполномоченным лицом с приложением печати организации. Что касается законных представителей, то их полномочия согласно п.4 ст.53 ГПК РФ, удостоверяются документами, подтверждающими их статус. К ним относятся, в частности, документы органов записи актов гражданского состояния, акты органов опеки и попечительства, а также документы, удостоверяющие наличие высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности. Особый порядок легитимации установлен для адвокатов, представляющих интересы доверителей в суде: в соответствии с ч.5 ст.53 ГПК РФ их полномочия подтверждаются ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием. Альтернативным способом оформления полномочий является заявление представляемого, сделанное непосредственно в судебном заседании, что регламентировано ч.6 ст.53 ГПК РФ и ч.4 ст.61 АПК РФ.

Важным считается отметить, что существует несколько видов судебного представительства.

Первый вид - добровольное судебное представительство. Из самого названия делаем вывод, что для данного вида не возникает прямой обязанности как для представителя, так и для представляемого лица. Данный вид судебного представительства подразделяется ещё на два подвида: договорное и общественное.

Договорное судебное представительство – самый распространённый способ представления интересов. Оно основывается на добровольном соглашении, таком как договор поручения или

агентский договор, заключённом между тем, кого представляют (доверителем), и тем, кто представляет (представителем). Суть этого вида представительства заключается в том, что доверитель по своей воле передаёт ведение своих дел другому лицу.

В роли представителей по договору чаще всего выступают: адвокаты, которые составляют значительную часть договорных представителей, поскольку их профессиональная деятельность связана с оказанием квалифицированной юридической помощи; юристы организаций.

Важно помнить, что полномочия представителя по договору подтверждаются доверенностью, оформленной в соответствии с законом. Совершение представителем распорядительных действий, влекущих окончание процесса (отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения), требует прямого и специального указания на такие полномочия в доверенности.

В советский период институт общественного представительства получил широкое распространение. Данный вид представительства осуществлялся уполномоченными субъектами от имени различных общественных объединений в целях защиты прав и законных интересов их членов. Основаниями для возникновения такого представительства являлись как факт членства гражданина в соответствующей организации, так и наличие специального поручения от него. Примерами могут служить: профсоюзные организации, представляющие интересы работников в сфере трудовых отношений; объединения товаропроизводителей (включая колхозы и совхозы); а также общества по защите прав потребителей. Следовательно, общественное представительство характеризовалось сочетанием признаков законного представительства (основанного на положениях устава организации) и договорного представительства (основанного на волеизъявлении представляемого). Однако в наше время доминирует принцип профессионального представительства, то есть, основными участниками в судопроизводстве являются адвокаты, юристы компаний и законные представители. Так происходит поскольку современное законодательство стало более сложным, и непрофессионалу, даже с активной гражданской позицией, будет трудно и даже практически невозможно эффективно вести дело в суде. Более того, арбитражное судопроизводство напрямую требует того, чтобы представителем выступал адвокат, или иное лицо, имеющее юридическое образование, что закреплено в ст.59 АПК РФ.

Вторым видом является обязательное судебное представительство. То есть, в этом представительстве не учитывается мнения или желание представляемого лица. Применение данного вида представительства обусловлено ситуациями, в которых иным способом не может быть обеспечена надлежащая защита прав стороны в гражданско-правовом споре. Обязательное судебное представительство подразделяется на три подвида: законное, по назначению суда и уставное.

Законное представительство возникает исключительно в силу прямого предписания закона. Оно необходимо, когда гражданин не способен самостоятельно осуществлять защиту своих прав и интересов в судебном порядке. Так, в соответствии со ст.52 ГПК РФ, законными представителями недееспособных и ограниченно дееспособных лиц в суде выступают родители, усыновители, опекуны, попечители, а также другие лица, уполномоченные законом.

Следующий подвид - представительство по назначению суда. Представительство по назначению суда применяется в тех случаях, когда ответчик не имеет законного представителя, его место пребывания невозможно установить, а также в иных предусмотренных федеральным законом случаях. Необходимым считается подчеркнуть, что функцию представителя, действующего по назначению суда, вправе исполнять исключительно лицо, имеющее статус адвоката.

Еще одним подвидом является уставное представительство. Основанием возникновения уставного представительства служат положения учредительной документации организации - её устава или иного аналогичного нормативного акта. Эта форма представительства характерна для юридических лиц и других субъектов, чья правосубъектность позволяет уполномоченным лицам участвовать в судебных процессах без оформления отдельной доверенности. Соответствующие правомочия обычно закрепляются за руководителями организаций или иными назначенными сотрудниками.

Судебные представители обладают двумя видами полномочий: общими и специальными. Общие полномочия, предусмотренные ст.35 ГПК РФ, распространяются на всех участников судебного процесса. Они включают в себя право на: ознакомление с материалами дела, снятие копий и выписок; представление и исследование доказательств; задавать вопросы участникам процесса, свидетелям, экспертам; давать суду устные и письменные объяснения; высказывать аргументы по всем вопросам, возникающим в ходе разбирательства; возражать против ходатайств и доводов других участников; заявлять ходатайства о запросе доказательств.

Специальные полномочия, напротив, зависят от сути судебного спора и конкретных право-

отношений представляемого. В соответствии с положениями ст.54 ГПК, представитель наделён правом совершения от имени доверителя всех процессуальных действий, за исключением тех действий, которые требуют специального упоминания в тексте доверенности. К таким полномочиям относятся: подписание и подача искового заявления, передача спора в третейский суд, предъявление встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, а также уменьшение их размера, признание иска, изменение его предмета или основания, заключение мирового соглашения, передача полномочий другому лицу (передоверие), обжалование судебных решений, предъявление исполнительного документа к исполнению, получение присуждённого имущества или денежных средств.

Для проведения сравнительно-правового анализа, необходимо раскрыть представительство в гражданском праве. В отличие от судебного представительства, в гражданском праве, в частности, в гражданском кодексе Российской Федерации даётся понимание представительства. Согласно ст.182 ГК РФ представительство представляет собой правоотношение, в рамках которого уполномоченное лицо (представитель) совершает юридически значимые действия от имени и в интересах другого лица (представляемого). Юридические последствия этих действий непосредственно распространяются на представляемого, минуя представителя.

Ключевыми юридическими признаками представительства являются: во-первых, представление интересов от чужого имени: Основной отличительный признак представительства заключается в том, что представитель совершает юридически значимые действия от имени и за счёт представляемого.Основное отличие от посреднических договоров (комиссии, агентирования) состоит в том, что представитель совершает процессуальные действия не от своего имени, а от имени представляемого лица. Во-вторых, правовые последствия действий представителя наступают напрямую для представляемого. Таким образом, все приобретённые права и обязанности возникают непосредственно у этого лица, в то время как сам представитель не становится обладателем этих прав и обязанностей. В-третьих, осуществление деятельности в строгом соответствии с предоставляемым объёмом полномочий. Любые действия, которые выходят за рамки этих полномочий, не порождают юридических последствий для доверителя, за исключением случаев последующего одобрения с его стороны, как это регламентировано ст.183 ГК РФ. В-четвёртых, ориентация на интересы представляемого: Все действия представителя должны быть направлены на достижение целей и защиту интересов представляемого, исключая личную выгоду представителя.

Законодательные нормы также ограничивают круг субъектов, которые могут осуществлять представительство в рамках гражданско-правовых отношений. Не признаются представителями лица, осуществляющие действия в интересах третьих лиц, но от своего имени; лица, выполняющие лишь функцию передачи выраженной в установленной форме воли другого лица; а также лица, наделённые полномочиями на ведение переговоров о потенциальных сделках в будущем.

Как и судебное представительство, представительство в гражданском праве подразделяется на несколько видов.

Добровольное представительство возникает, когда представляемый сам решает, кто будет представлять его интересы. Это происходит, как правило, через заключение гражданско-правового соглашения, такого как договор поручения (регулируется ст.49 ГК РФ) или агентский договор (регулируется ст.52 ГК РФ). участниками такого соглашения могут быть: дееспособные граждане и как коммерческие, так и некоммерческие юридические лица. В договорном представительстве выдаются доверенности следующих типов: разовая, которая выдается для выполнения одного конкретного действия; Специальная, которая предоставляет право совершать однотипные действия в течение определённого периода времени; генеральная (общая) даёт право на совершение широкого спектра действий, связанных с управлением имуществом или ведением дел представляемого.

Следующей разновидностью выступает законное представительство. Его возникновение обусловлено прямой нормой закона либо решением уполномоченного государственного органа, без необходимости получения согласия представляемого лица. Круг таких представителей определён законодательно и включает родителей, усыновителей, опекунов и попечителей. Объем их полномочий является чрезвычайно широким и позволяет совершать от имени подопечного любые юридически значимые действия, за исключением тех, которые по закону должны осуществляться им лично.

Итак, раскрыв сущность и понятия судебного представительства и гражданского представительства, является возможным осуществление сравнительного анализа этих двух правовых явлений. Во-первых, отличие существует в цели и сфере действия. Если целью судебного представительства является защита нарушенных или оспариваемых прав и интересов представля-

емого лица в суде путём совершения процессуальных действий, то целью гражданского представительства будет являться совершение сделок и иных юридических действий, непосредственно создающих, изменяющих и прекращающих законные права и обязанности представляемого лица. Во-вторых, критерием для разграничения служит объём полномочий. В гражданском праве он устанавливается полномочия устанавливаются доверенностью, в то время как в судебном процессе представитель наделён двумя категориями прав: общими, которыми обладает любой участник процесса, и специальными, которые прямо прописаны в доверенности. В-третьих, по лицам, имеющим право выступать в качестве представителя. если судебный представитель, согласно законодательству, должен иметь соответствующую квалификацию и предоставлять необходимые документы, дающие право на представительство в суде, то гражданскому представителю необходимо лишь обладание дееспособностью. И наконец, в-четвёртых, ещё одним аспектом для проведения различий выступает круг участвующих лиц. В рамках гражданско-правовых отношений представитель действует самостоятельно, полностью замещая представляемого с точки зрения его правового положения. Напротив, в судебном процессе представитель не подменяет доверителя, а участвует вместе с ним, поскольку закон напрямую требует личного присутствия последнего (ч.3 ст.37 ГПК РФ). Яркой иллюстрацией этого служит возможность одновременного выступления в суде законного представителя и его доверенного лица (абз.2 ч. ст.52 ГПК РФ). Данные особенности однозначно разделяют два вида представительства.

Проведя сравнительно-правовой анализ судебного представительства и гражданского представительства, можем прийти к выводу, что это два самостоятельных, смежных институтов права. Хотя они и имеют некоторые сходства, всё равно остаются различными понятиями. Если судебное представительство работает в сфере процессуальных отношений, то гражданское представительство выступает в сфере материальных отношений. Тем не менее, судебное представительство является самостоятельным правовым институтом, обладающим рядом специфических черт.

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что надлежащее разграничение указанных институтов обладает значительной практической ценностью. Оно способствует минимизации ошибок при оформлении представительских полномочий и обеспечивает действенную защиту прав и законных интересов субъектов судопроизводства и гражданского оборота. Перспективы дальнейших научных изысканий видятся в исследовании специфики представительства.

Список литературы:

[1] Судебное представительство по гражданским делам / В. М. Шерстюк. — Москва : Изд-во МГУ, 1984. — 115 с.

[2] Шакарян, Мария Сумбатовна. «Учение о сторонах в советском гражданском процессе: Учеб. пособие» / М. С. Шакарян. — Москва : ВЮЗИ, 1983 (вып. дан. 1984). — 68 с.

[3] Салогубова Е. В. Представительство в суде // Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушникова. М., 2014. 94 с.

[4] «Советский гражданский процесс: учебник для вузов» / под ред. А. А. Добровольского. — Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1979. — 367 с.

[5] Мельников А.А. Понятие представительства в гражданском процессе//Курс советского процессуального права. Ред. колл. А.А. Мельников, Т.Е. Абова, П.П. Гуреев и др. В 2-х т. - М.: Наука, 1981.-Т. 1.-299 с.

[6] Ивакин В.Н. Представительство в гражданском и арбитражном процессе: структура и особенности правоотношений // Lex Russica. Научные труды МГЮА. - М.: Изд-во МГЮА, 2007, № 4. - 696 с.

References:

[1] Sudebnoe predstavitel'stvo po grazhdanskim delam / V. M. SHerstyuk. — Moskva : Izd-vo MGU, 1984. — 115 s.

[2]SHakaryan, Mariya Sumbatovna. «Uchenie o storonah v sovetskom grazhdanskom processe: Ucheb. posobie» / M. S. SHakaryan. — Moskva : VYUZI, 1983 (vyp. dan. 1984). — 68 s.

[3]Salogubova E. V. Predstavitel'stvo v sude // Grazhdanskij process: uchebnik / pod red. M. K. Treushnikova. M., 2014. 94 s.

[4]«Sovetskij grazhdanskij process: uchebnik dlya vuzov» / pod red. A. A. Dobrovol'skogo. — Moskva: MGU im. M. V. Lomonosova, 1979. — 367 s.

[5] Mel'nikov A.A. Ponyatie predstavitel'stva v grazhdanskom processe//Kurs sovetskogo processual'nogo prava. Red. koll. A.A. Mel'nikov, T.E. Abova, P.P. Gureev i dr. V 2-h t. - M.: Nauka, 1981.-T. 1.-299 s.

[6]Ivakin V.N. Predstavitel'stvo v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: struktura i osobennosti pravootnoshenij // Lex Russica. Nauchnye trudy MGYUA. - M.: Izd-vo MGYUA, 2007, № 4. - 696 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-182-186

БАШИЛОВ Б.И.,
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и
процесса и международного частного права
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
e-mail: mail@law-books.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СТРАНАХ АФРИКИ

Аннотация. *Цифровизация процесс, сопровождающий устойчивое развитие, способствующий упрощению хранения и представления доказательств, в процессе его имплементирования в процессуальное законодательство вызывает ряд трудностей. Препятствия возникают на этапе внедрения ИТ-инфраструктуры, как из-за низкой цифровой грамотности населения, так и из-за отсутствия согласованности нормативно-правовой базы. Актуальность данной темы обусловлена использованием технологических решений, связанных с цифровыми доказательствами и проблемами оценки таких доказательств в судебной практике стран Африки. Однако использование таких технологий в странах Африканского континента является затруднительным из-за непроработанности государственной политики по внедрению технологий и ограниченным использованием среди населения.*

Ключевые слова: *Цифровизация; электронные доказательства; судебное доказывание; цифровая грамотность; цифровая инфраструктура; нормативно-правовая база; государственная цифровая политика; африканские страны; устойчивое развитие.*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No24-28-01022

BASHILOV B.I.,
PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure and Private International Law,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CHANGING THE INSTITUTION OF EVIDENCE IN LEGAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION IN AFRICAN COUNTRIES

Annotation. *The digitalization of procedural legislation, while facilitating the storage and presentation of evidence and supporting sustainable development, encounters a number of challenges in its implementation. Key barriers emerge during the deployment of digital infrastructure, primarily due to low levels of digital literacy among the population and the lack of a coherent and harmonised legal and regulatory framework. The relevance of this issue stems from the increasing reliance on digital technologies in judicial proceedings, particularly concerning the admissibility, authentication, and evaluation of electronic evidence in the courts of African states. However, the effective utilisation of such technologies across the African continent is hindered by underdeveloped national digital policies and limited adoption and accessibility among the general population.*

Key words: *Digitalisation; electronic evidence; judicial proof; digital literacy; digital infrastructure; legal and regulatory framework; national digital policy; African countries; sustainable development.*

The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-01022

Процесс внедрения цифровых технологий в общественную жизнь государства является неотъемлемой частью его устойчивого развития, направленного на увеличение социальной роли общественных институтов и упрощение реализации государственных функций, а также обеспечение прозрачности деятельности. В настоящее время в некоторых странах африканского континента отсутствует полномасштабная цифровизация, что в свою очередь приводит к замедлению развития как в юридической деятельности, так и в остальных немаловажных отраслях государственной политики. Одними из наиболее упоминаемыми барьерами для начала цифровизации выделяют:

– Проблемы, связанные с обеспечением доступа к интернету;
– Отсутствие цифровых навыков, способствующих освоению технологий, как на бытовом уровне, так и на профессиональном;
– Проблемы, связанные с обеспечением кибербезопасности. [2 с. 418]

Цифровизация находит свое отражение в организации судоустройства посредством общедоступности информации для общества о рассматриваемом деле, совершения процессуальных действий и даже участие в судебном заседании без личного присутствия. В Африканских странах уже были предприняты попытки организации электронного правосудия. Так, в ЮАР, Алжир, Марокко, Уганде, Нигерии, наиболее развито использование таких систем [4, с. 112]

Современное правосудие в эпоху цифровой трансформации вынуждено подстраивать традиционные институты доказывания под новые форматы информации. В африканских странах ключевым понятием для имплементации цифровых данных в процессуальное право стало «data message». Это сообщение в виде данных. Такое определение было заимствовано из Типового закона ЮНСИТРАЛ по электронной торговле от 1996 года. Данное определение закреплено в национальном законодательстве нескольких африканских юрисдикций, а именно в законе о электронных коммуникациях и транзакциях Южно-Африканской Республики – Electronic Communications and Transactions Act от 2002 года (Далее – ECT Act). А также в Законе о электронных транзакциях Танзании – Electronic Transactions Act от 2015 года (Далее – ETA). [7, с. 4; 8, с. 123].

Согласно ECT Act, термин «data message» подразумевает данные, которые создаются, передаются, принимаются или хранятся при помощи электронных устройств. В соответствии с разделом 3 ETA, под понятие «data message» подпадают данные, которые: генерируются, передаются, принимаются и хранятся с помощью различных технологических устройств. [8, с. 121]. В итоге наблюдается процесс формирования общей правовой основы, позволяющей вместить в себя множество цифровых элементов.

В то же время внедрение понятия «data message» не означает, что электронные доказательства могут быть освобождены от проверки на допустимость и достоверность. Наоборот, как указывают южноафриканские исследователи, такие доказательства подчиняются традиционным правилам доказывания, в частности требованиями к релевантности, подлинности и допустимости. В судебных системах стран Африки признание электронных доказательств как допустимых является сложным вопросом, поскольку законы предусматривающие принцип функционального эквивалента, сосредоточены на том, чтобы не применять правила доказательств, которые исторически применяются в соответствии с общим правом, так, чтобы отрицать приемлемость электронной доказательной базы на основе ее электронного формата. В частности, в статье 18(1) ETA предусматривается, что «в любом судебном разбирательстве правила доказательств не будут применяться таким образом, чтобы исключить допустимость электронного сообщения только на том основании, что оно является электронным сообщением». Другими словами, законодатель Танзании намерен, чтобы цифровые доказательства и доказательства в бумажном виде обладали равным статусом в судебном разбирательстве и отказывается от традиционного возражения об «неприемлемости» электронных доказательств в силу их формата. Но, как справедливо отмечает A. Makulilo, на практике это положение недостаточно для того, чтобы электронные доказательства могли быть признаны допустимыми безусловно. Хотя ETA формально устраняет дискриминацию по формальному признаку, фактическая допустимость таких доказательств по-прежнему тесно связана с их аутентичностью, с тем, что сохранена целостность и с надежностью источника. В частности, в соответствии с разделом 18(2) закона, при оценке доказательств суд должен учитывать: надежность способа создания, хранения или передачи сообщения данных; надежность способа обеспечения целостности данных; способ идентификации отправителя сообщения. [8, с. 124] Данные критерии фактически отказываются от привычного требования «оригинала» и устанавливают обязанность стороны, которая представила электронное доказательство, доказать его происхождение и защитить его от изменений. И как отмечает A. Makulilo, в судебных делах в Танзании имеет место ситуация между допустимостью и доказательственной убедительностью: суды нередко отказывают в приеме электронных доказательств на стадии допустимости

из-за отсутствия подлинности, хотя, согласно закону, доверие к доказательству должно быть решено на стадии его оценки.

Дело Emmanuel Godfrey Masonga v Edward Franz Mwalongo (2015) может служить показательным примером, в котором суд отказался принять видеозапись с мобильного телефона только потому, что бренд устройства не был установлен, не была доказана его исправность, не была предоставлена цепочка хранения данных, а оригинальный носитель был утрачен. Такой подход, несмотря на прогрессивные изменения в ЕТА, показывает, что недостаток технических знаний и слабое развитие инфраструктуры цифровой идентификации (например, электронные подписи, криптографические средства) на самом деле делают электронные доказательства менее приемлемыми, чем бумажные, что повышает порог их допустимости. [8, с. 123] В результате несмотря даже на принцип равенства, провозглашаемый в Танзании, электронные доказательства зачастую подтверждаются в суде на более жестких условиях, чем традиционные. Это нарушает правовые ожидания и декларируемые цели ЕТА – облегчение использования электронных доказательств в судебных разбирательствах. Для решения этой проблемы необходимо не только внесение изменений в законодательство, но и развитие технических процедур верификации, а также формирование судебной практики, в которой будет четко разграничиваться вопрос допустимости и вопрос доказательственной убедительности.

Хотя цифровизация судебных процессов дала ощутимые результаты – от запуска электронных систем правосудия в Кении и электронных систем управления делами в ЮАР до внедрения платформы Irembo в Руанде и e-Justice в Египте – большинство африканских стран все еще не имеют ни единого, ни системного закона о статусе, допустимости и оценке электронных доказательств. По сути, из 25 стран Африки, где уже работают виртуальные суды, только в 12 приняты специальные законы, которые прямо регулируют цифровое судопроизводство; в остальных случаях суды опираются на отдельные нормы или на собственные решения, что порождает правовую неопределенность и снижает прогнозируемость правосудия [5, с. 620].

Этот пробел в законодательстве ярко проявляется в области доказывания. В частности, такая страна, как Египет, создала национальный орган в сфере ИТ, именуемый ITIDA. Как отмечают Е.П. Русакова и Г.Ю. Фалкина, именно ITIDA наделено полномочиями проводить проверку электронных доказательств на их подлинность, что является основанием для их допустимости в судебных разбирательствах и обеспечивает высокий уровень доверия к цифровым материалам. [6, с. 55]

В 2001 году в Нигерии было создано Национальное агентство по развитию информационных технологий (NITDA). Как пишут Б.И. Башилов и другие авторы, NITDA занимается не только координацией цифровизации государственного сектора, но и выработкой национальных стандартов для электронных доказательств, в том числе с использованием блокчейн-технологий для обеспечения неизменности данных и цепочки хранения [4, с. 112]. Это позволяет решить одну из главных проблем цифровой эпохи – уязвимость электронных данных для подделки и манипуляций, что при высокой киберугрозе в регионе особенно важно [3, с. 58]. Но такой подход встречается редко, в результате чего судами используются общие правила, которые были разработаны для бумажных доказательств и предусматривают требования к такому доказательству, как «оригинал», «цитирование» и «нотариальное заверение», в то время как электронные доказательства динамичны. Это приводит к парадоксальной ситуации: развитие цифровых технологий идет быстрыми темпами, а правовой режим доказательств остается «бумажным» по своей сути, ограничивая процессуальные права сторон в разбирательстве, отдавая предпочтения стороне, предпочитающей физические доказательства

Такой дисбаланс порождает три ключевые проблемы:

I. Судебную непредсказуемость, поскольку электронные доказательства принимаются без предварительной аутентификации, в других нам может потребоваться нотариальный заверенный перевод даже если документы были подтверждены их IP-адресом;
II. Увеличение социального неравенства обусловлено высокой стоимостью нотариального заверения и технической верификации могут сделать правосудие не таким доступным для малообеспеченных граждан и малого бизнеса, что, тем не менее, вряд ли станет двигателем цифровой революции;
III. Децентрализация законодательных подходов, ввиду отсутствия, к примеру, на уровне Африканского союза соответствующего модельного законодательства, страна будет вырабатывать свою собственную отличающуюся от других систему судебной практики, что, с одной стороны, затруднит взаимное признание электронных доказательств, с другой – ослабит привлекательность региона для инвесторов и торговли

Иными словами, разрыв между развитием технологий и отставанием соответствующего

законодательства является основным препятствием на пути к тому, чтобы электронные доказательства в полной мере могли рассматриваться как самостоятельная категория доказательств. Если их статус не будет системно закреплен в соответствующем нормативном акте – в соответствии с рекомендациями ЮНСИТРАЛ и учитывая специфику судопроизводства – цифровизация останется поверхностной, не приведя к существенным изменениям процессуального института доказывания. Успешное обновление института доказательств в цифровом мире предполагает не только создание специализированных органов, но и разработка универсальных стандартов верификации, которые будут принимать суды при оценке доказательств. Такой комплексный подход, выражающийся в сочетании институциональной поддержки, технологической надежности и юридической четкости – может гарантировать равноправное обращение электронных доказательств с традиционными, сделав цифровое правосудие по-настоящему удобным и эффективным.

Заключение

Следует признать цифровизацию стран Африки сложным, многоаспектным процессом, в котором развитие технологий опережают регулирование. Изучение национального законодательства, судебной практики и доктрины показывает, что африканские государства стремятся не только внедрить цифровые технологии в судебную систему, но и преобразовать саму судебную систему, сделав электронные доказательства равными традиционным «бумажным» доказательствам. Однако цифровизация судебных систем сталкивается с рядом фундаментальных проблем.

Во-первых, правовой статус электронных доказательств в полной мере не ясен и продолжает обсуждаться учеными-юристами. Многие страны, в частности ЮАР, Танзания вводят понятие «data message» для того, чтобы цифровые данные могли быть использованы в суде

Во-вторых, отсутствие комплексного законодательства порождает правовую неопределенность. Из 25 африканских стран, где применяются виртуальные суды, только в 12 есть специальный закон, который регулирует электронные доказательства. В остальных судах приходится полагаться на частичные нормы или общие правила доказывания, что приводит к расхождениям в судебной практике и снижает предсказуемость правосудия

В-третьих, фактическая допустимость электронных доказательств зависит от доказывания подлинности, целостности и надежности источника. Как показывает практика, суды часто отказывают в приеме доказательств из-за отсутствия четкой цепочки хранения или невозможности подтвердить работоспособность технической системы.

Однако ведущие страны региона – Египет, Нигерия, ЮАР, Кения – делают ставку на комплексный подход к решению назревших проблем. Создание таких специализированных органов, как ITIDA в Египте или NITDA в Нигерии, а также применение новых технологий, в том числе блокчейн и платформ электронного правосудия, свидетельствуют о том, что эти страны уходят от фрагментарного использования информационных технологий к формированию модели развитой цифровой инфраструктуры.

Успешная технологическая трансформация и становление института электронных доказательств в странах Африканского континента возможна исключительно при одновременной модернизации трех элементов:

1. Нормативного – что подразумевает под собой принятие единых стандартов допустимости и оценки электронных доказательств, в том числе устранение неопределенности путем толкования нормативно-правовых норм;
2. Институционального – создание уполномоченных и специализированных органов, занимающихся вопросом верификации цифровых данных. Которые в последующем могут подлежать оценке суда, как электронных доказательств;
3. Инфраструктурного – создание условий для развития цифровой грамотности и внедрения информационных технологий повсеместно для всеобщего пользования социумом.

При одновременной реализации таких важных элементов, а также осуществления комплексного полхода, африканские страны могут не просто адаптироваться под мировые практики, но и предложить собственные инновационные решения, став лидером и примером для развитых стран.

Список литературы:

[1] Приходько Д. В. Цифровизация африканского континента: ключевые акторы //Фундаментальные исследования. – 2025. – №. 2. – С. 124-129.

[2] Приходько Д. В. Барьеры на пути цифровизации африканского континента //Московский экономический журнал. – 2025. – №. 2. – С. 412-428.

[3] Алексанян Лариса Мгеровна цифровая трансформация в странах африканского континента на современном этапе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубеж-

ная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2025. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-v-stranah-afrikanskogo-kontinenta-na-sovremennom-etape (дата обращения: 11.11.2025

[4] Башилов Борис Игоревич, Олейник Антон Денисович, Хотов Мухамед Анорович правовая трансформация судопроизводства в условиях цифровизации в странах африки // Образование и право. 2024. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-transformatsiya-sudoproizvodstva-v-usloviyah-tsifrovizatsii-v-stranah-afriki (дата обращения: 12.11.2025

[5] Б. И. Башилов цифровизация судопроизводства в странах африки: состояние и пути развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. №4 (66). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-sudoproizvodstva-v-stranah-afriki-sostoyanie-i-puti-razvitiya (дата обращения: 12.11.2025

[6] Русакова Е. П., Фалькина Г. Ю. Правовое регулирование электронных доказательств в странах африки // Пробелы в российском законодательстве. 2024. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-elektronnyh-dokazatelstv-v-stranah-afriki (дата обращения: 12.11.2025)

[7] Swales L “An Analysis of the Regulatory Environment Governing Hearsay Electronic Evidence in South Africa: Suggestions for Reform – Part One”PER / PELJ 2018(21) – DOI http://dx.doi.org/10.17159/1727-3781/2018/v21i0a2916

[8] Makulilo A. The admissibility of electronic evidence in Tanzania: new rules and case law // Digital Evidence & Elec. Signature L. Rev. – 2016. – T. 13. – C. 121.

References:

[1] Prikhodko D.V. Digitalization of the African continent: key actors//Fundamental research. – 2025. – №. 2. - S. 124-129.

[2] Prikhodko D.V. Barriers to digitalization of African content//Moscow Economic Journal. – 2025. – №. 2. - S. 412-428.

[3] Aleksanyan Larisa Mgerovna digital transformation in the countries of the Af-Rican continent at the present stage//Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 9, Oriental and African Studies: Abstract Journal. 2025. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-v-stranah-afrikanskogo-kontinenta-na-sovremennom-etape (дата обращения: 11.11.2025

[4] Bashilov Boris Igorevich, Oleinik Anton Denisovich, Khotov Muhamed Anorovich legal transformation of legal proceedings in the context of digitalization in African countries//Education and law. 2024. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-transformatsiya-sudoproizvodstva-v-usloviyah-tsifrovizatsii-v-stranah-afriki (дата обращения: 12.11.2025

[5] B. I. Bashilov digitalization of legal proceedings in African countries: status and development paths//Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2024. №4 (66). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-sudoproizvodstva-v-stranah-afriki-sostoyanie-i-puti-razvitiya (дата обраще-ния: 12.11.2025

[6] Rusakova E.P., Falkina G. Yu. Legal regulation of electronic evidence in African countries//Gaps in Russian legislation. 2024. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-elektronnyh-dokazatelstv-v-stranah-afriki (дата обращения: 12.11.2025)

[7] Swales L “An Analysis of the Regulatory Environment Governing Hearsay Electronic Evidence in South Africa: Suggestions for Reform – Part One”PER / PELJ 2018(21) – DOI http://dx.doi.org/10.17159/1727-3781/2018/v21i0a2916

[8] Makulilo A. The admissibility of electronic evidence in Tanzania: new rules and case law //Digital Evidence & Elec. Signature L. Rev. – 2016. - T. 13. - S. 121.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-187-190

ВАСЕНЁВ Максим Иванович,
Аспирант ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации Уральский институт управления, город Екатеринбург, e-mail: mail@law-books.ru

ВЗЫСКАНИЕ УБЫТКОВ В РОССИЙСКИХ СУДАХ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, СЛОЖНОСТЬ ДОКАЗЫВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Обеспечить комплексный анализ процесса взыскания убытков в российских судах, включающий выявление ключевых проблем и тенденций, определение факторов, влияющих на эффективность защиты прав участников гражданского оборота, и обоснование необходимости совершенствования действующего законодательства.*

Ключевые слова: *вред, деликт, деликтные обязательства, обязательства от травмы, убытки, ущерб.*

VASENYOV Maxim Ivanovich,
Graduate student of FSBEI HE Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation Ural Institute of Management, Yekaterinburg

RECOVERY OF LOSSES IN RUSSIAN COURTS: TERMINOLOGICAL UNCERTAINTY, DIFFICULTY IN PROVING, AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *To provide a comprehensive analysis of the process of recovering damages in Russian courts, including identifying key problems and trends, determining the factors affecting the effectiveness of protecting the rights of participants in civil circulation, and justifying the need to improve current legislation.*

Key words: *harm, tort, tort liabilities, liabilities from injury, loss, damage.*

Взыскание убытков в судах – сложная тема, особенно в спорах с госорганами. Для удовлетворения иска нужно доказать нарушение прав, причинно-следственную связь между убытками и действиями ответчика, подтвердить размер убытков документально и установить вину ответчика (при необходимости). В гражданском праве нет четкого разграничения понятий «ущерб», «вред» и «убытки». Ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) рассматривает вред как уменьшение или порчу охраняемого блага [14].

Материальный вред в гражданском праве – это убытки (ст. 15 ГК РФ): реальный ущерб (утрата/повреждение имущества, расходы на восстановление) и упущенная выгода (неполученная прибыль). «Ущерб» – составная часть имущественного вреда, фактически – реальный ущерб. В уголовном и трудовом праве ущерб/материальный ущерб = реальный ущерб (гражданское право). В налоговом законодательстве убыток = ущерб, с одинаковыми налоговыми последствиями [15].

В праве «ущерб» – это реальный ущерб (как в ГК РФ) или «вред» в широком смысле, затрагивающий имущественные и неимущественные активы. «Убытки» – это оценка имущественного вреда в денежном выражении, включающая прямой ущерб и упущенную выгоду. Статья 1082 ГК РФ обязывает возмещать убытки, покрывая затраты на восстановление нарушенных прав,

включая упущенный доход. Возмещение ущерба – это восстановление в натуральной форме, а убытков – в денежном эквиваленте [8].

Статья 15 ГК РФ шире трактует убытки, чем статья 1082 ГК РФ, включая реальный ущерб и упущенную выгоду, и предусматривает не только денежную компенсацию, но и восстановление прав (предоставление актива/исправление актива). Убытки – это сумма расходов (реальный ущерб) и неполученных доходов (упущенная выгода), разделяющая возмещение реального ущерба и упущенной выгоды.

В судебной практике наблюдается путаница в терминах «убытки», «вред» и «ущерб», что приводит к неоднозначной трактовке судебных решений. Суд в гражданском деле о ДТП указал, что продажа поврежденного имущества потерпевшим не освобождает виновника от возмещения ущерба, что свидетельствует о непоследовательном применении терминологии в судебных актах [13]. Согласно ст. 1082 ГК РФ, суд под «ущербом» подразумевает восстановление повреждённого имущества. При этом возмещению подлежат не только разница в стоимости до и после повреждения, но и все затраты на восстановление, что является убытками по ст. 15 ГК РФ.

Для подтверждения фактического ущерба достаточно предоставить подтверждающие документы, например, квитанцию об оплате ремонтных работ. Доказательство упущенной выгоды представляет большую сложность, поскольку не полученный доход носит вероятностный характер. При определении размера упущенной выгоды судебные органы принимают во внимание предпринятые собственником меры для ее получения и произведённые, в связи с этим приготовления.

Чтобы взыскать упущенную выгоду, истец обязан доказать, что у него действительно была реальная возможность получить прибыль, которой он лишился из-за действий ответчика (дела № 305-ЭС16-18600, № А56-39362/2017, № А56-8167/2019). Суды назначают экспертизу для установления упущенной выгоды и причинно-следственной связи между действиями ответчика и убытком. Растёт количество ситуаций, когда можно взыскать убытки, например, через изменение квалификации требования о субсидиарной ответственности на иск о возмещении убытков (дело № 305-ЭС18-15540). Если лицо пострадало от повторной продажи и не получило компенсацию от контрагента, оно вправе предъявить деликтный иск к первоначальному продавцу (дело № 303-ЭС16-19319). Кроме того, можно подать иск о возмещении внедоговорного вреда к лицу, чьи действия или бездействие явно способствовали нарушению абсолютного права клиента и причинению ему убытков (дело № 306-ЭС17-18368). Одобрение сделок участниками компании больше не освобождает директора от ответственности за убыточные сделки (дело № 305-ЭС19-8975).

Упрощено доказывание связи между действиями нарушителя и убытками: суды принимают заверенные скриншоты интернет-страниц с указанием адреса и времени получения (п. 55 Постановления Пленума ВС от 23.04.2019 года № 10). Переписку сторон в мессенджерах, даже если она не предусмотрена договором, суды могут признать исполнением договора, если установлен статус лица, которое вело переписку (дело № А51-9793/2019). Суды предъявляют высокие требования к доказательствам размера убытков. Поэтому взысканная сумма часто отличается от суммы, заявленной в иске.

Современной тенденцией является взыскание убытков, рассчитанных абстрактным методом, когда ущерб оценивается на основе рыночных показателей обычных затрат, необходимых для восстановления имущественного положения. В качестве примера можно привести договор поставки, при нарушении которого размер убытков определяется как разница между ценой товаров по договору и их рыночной стоимостью.

Взыскание компенсаций за убытки с предприятий регулируется Постановлением Пленума ВАС РФ №62 от 30.07.2013. Ключевым является доказательство прямой зависимости между действиями/бездействием руководства и ущербом. Суды не анализируют экономическую целесообразность решений руководства. Вероятность возмещения руководителем убытков является его обязанностью и не может быть перенесена на акционеров/учредителей ООО (дело № 305-ЭС19-8975).

Основная проблема возмещения ущерба, причинённого органами управления компании, – не столько обоснование требований в суде, сколько фактическое исполнение решения из-за недостатка средств у руководящих лиц для выплаты присуждённых сумм.

Взыскание убытков с контролирующих лиц компании-банкрота: 1) взыскивается сумма для полного удовлетворения требований кредиторов, если действия ответчика привели к банкротству; 2) ответчик опровергает основания иска; 3) взыскателем может выступать кредитор.

Оценка убытков сложна из-за субъективности и отсутствия чётких критериев. Законодательство требует разумной достоверности оценки, что может привести к символическим взысканиям. Надёжные доказательства – первичные документы, остальная документация рассматривается в совокупности. Акт сверки сам по

себе не является подтверждением операции, но учитывается с другими доказательствами задолженности (дело № Ф05-11573/2019).

Для определения размера ущерба применяются разные подходы: от анализа имеющихся документов до независимой экспертизы. При этом, суды часто отклоняют иски, если вина, связь между действиями и убытками, а также величина этих убытков не подтверждены достаточными доказательствами.

В этой связи, неожиданным стало Определение Верховного Суда РФ от 03.11.2020 № 302-ЭС20-6718 по делу № А69-303/2018, которым были отменены решения нижестоящих судов об отказе в удовлетворении требований ИП – владельца АЗС о взыскании убытков, связанных с необходимостью реконструкции станции в связи с расширением автомобильной дороги.

Органы госвласти, выступающие ответчиками, обязаны предоставлять мотивированные объяснения по делу, согласно ст. 68, 71 и 170 АПК РФ. Иначе суд принимает доводы истца или назначает экспертизу. В спорах о добросовестности действует презумпция добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ). Нельзя делать выводы о недобросовестности истца только на косвенных признаках [8]. Суды отклонили претензии бизнесмена, указав, что автотрасса соединяет районы Тывы и обеспечивает передвижение населения, служб и органов правопорядка. Правомерно задаться вопросом, разве АЗС не способствуют транспортной доступности и реализации общественных интересов через создание рабочих мест и уплату налогов?

В завершение хочется подчеркнуть, что, не предложив кардинально новых идей, Верховный Суд точно обозначил суть юридического вопроса - защиту прав собственника, лишённого земли с нарушением установленного порядка; обозначил способ решения (описано выше) и подчеркнул правовую цель – прекращение незаконного отчуждения земель без соблюдения законных процедур и привлечения виновных к ответственности.

Подводя итог, представленная настоящее исследование наглядно демонстрирует, что процесс взыскания убытков в российских судах остается сложным и многогранным, особенно в спорах с государственными органами. Ключевые проблемы заключаются в неоднозначности терминологии, сложности доказывания причинно-следственной связи, размера убытков и вины ответчика, а также в субъективности оценки судами представленных доказательств. Несмотря на возрастающую современных способом доказывания и расширение возможностей взыскания убытков в определённых случаях, существенным препятствием остается фактическое исполнение судебных решений, особенно в спорах с органами управления компаний. Для повышения эффективности защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота необходимы дальнейшие усилия по совершенствованию законодательства в области возмещения убытков и формированию единообразной судебной практики.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51 – ФЗ (с изм. и доп.)

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2: федер. закон от 26 янв.1996 г. № 14 – ФЗ (с изм. и доп.)

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4 [Электронный ресурс]: федер. закон от 18 дек. 1996 г. № 230 – ФЗ(с изм. и доп.)

[4] Постановление Хабаровского краевого суда от 26 марта 2018 г. по делу № 2–3983/2017

[5] Топоркова, И. В. Общие черты и различия убытков и возмещения вреда / И. В. Топоркова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 40 (226). — С. 60-63.

[6] Ботнева В.С. Институт штрафных убытков: практика зарубежных судов и перспективы интеграции в российское право // ФЕМИДА SCIENCE. – № 1(3). – 2017. – С. 82-85. 101.

[7] Власов А.А., Монастырский Ю.Э. Развитие правовой доктрины об убытках в постсоветский период // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2018. – № 3 (50). – С. 104–111.

[8] Гаранин И.И. Вред, убытки и ущерб как гражданско-правовые категории // Законность и правопорядок, 2019. – № 3 (23). – С. 96– 100.

[9] Голышева А.В., Голышев В.Г., Попов С.В. Возмещение убытков как способ защиты прав участников гражданского оборота// Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция, 2019. – №4.

[10] Громыхалова К. В. Возмещение конкретных и абстрактных убытков // Молодой ученый. – 2018. – №38. – С. 112–114.

[11] Костарева К.Б. Особенности доказывания упущенной выгоды // Символ науки. – 2018. – № 7. – С 104 –107

[12] Монастырский Ю.Э. Природа требований об убытках // Закон. –2017. – №9. – С.102 – 114

[13] Фогельсон Ю.Б. Практика взыскания договорных убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 11. С. 39–43.

[14] Определение Верховного Суда РФ от 27.01.2015 N 81-КГ14-19

[15] Определение Верховного Суда РФ от 11.09.2015 N 305-КГ15-6506 по делу N А40-84941/2014

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation. Part 1: feder. law of Nov. 30 1994 No. 51 - FZ (as amended and supplemented)

[2] Civil Code of the Russian Federation. Part 2: feder. Law No. 14-FZ dated January 26, 1996 (as amended and supplemented)

[3] Civil Code of the Russian Federation. Part 4 [Electronic resource]: feder. Law No. 230-FZ dated December 18, 1996 (as amended and supplemented)

[4] Resolution of the Khabarovsk Regional Court of March 26, 2018 in case No. 2-3983/2017

[5] Toporkova, I.V. General features and differences of losses and compensation for harm/I.V. Toporkova. - Text: direct//Young scientist. — 2018. — № 40 (226). - S. 60-63.

[6] Botneva V.S. Institute of punitive damages: practice of foreign courts and prospects for integration into Russian law//THEMIS SCIENCE. – № 1(3). – 2017. - S. 82-85. 101.

[7] Vlasov A.A., Monastyrsky Yu.E. Development of the legal doctrine of losses in the post-Soviet period//Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary. – 2018. – № 3 (50). - S. 104-111.

[8] Garanin I.I. Harm, loss and damage as civil law categories//Law and order, 2019. – № 3 (23). - S. 96- 100.

[9] Golysheva A.V., Golyshev V.G., Popov S.V. Compensation for losses as a way to protect the rights of participants in civil circulation//Bulletin of Moscow State Educational University. Series: Jurisprudence, 2019. – №4.

[10] Gromykhalova K.V. Compensation for specific and abstract losses//Young scientist. – 2018. – №38. - S. 112-114.

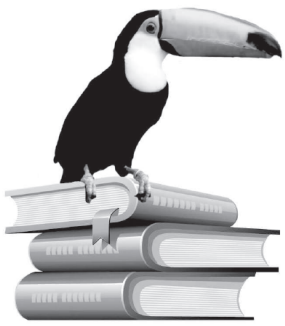
[11] Kostareva K.B. Features of proof of lost profits//Symbol of science. – 2018. – № 7. - C 104 -107

[12] Monastic J.E. Nature of Loss Claims//Law. –2017. – №9. - S.102 - 114

[13] Vogelson Yu.B. Practice of recovery of contractual losses//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2017. – № 11. S. 39-43.

[14] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.01.2015 No. 81-KG14-19

[15] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.09.2015 No. 305-KG15-6506 in case No. A40-84941/2014

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»
Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.
Профессионально.
В максимально короткие сроки.
Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-191-194

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доцент кафедры уголовного права, уголовного
процесса и правоохранительной деятельности
Юридического института РУТ (МИИТ),
e-mail: 000049@bk.ru,

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СИСТЕМОЙ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос различия между системой уголовного правосудия для взрослых и несовершеннолетних, а также законы, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *правосудие, несовершеннолетние, уголовная ответственность, преступление.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Leading researcher of the Federal Scientific Research Institute
of the Federal Penal Correction Service of Russia,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure, and Law Enforcement
at the Law Institute of RUT (MIIT)

DIFFERENCES BETWEEN THE CRIMINAL JUSTICE SYSTEM FOR ADULTS AND MINORS

Annotation. *The article examines the differences between the criminal justice system for adults and minors, as well as the laws regarding the administration of justice for minors.*

Key words: *justice, minors, criminal liability, crime*.

Профилактика правонарушений несовершеннолетних является одной из актуальнейших задач, стоящих перед современной Россией. Несовершеннолетние преступники - в большинстве это безнадзорные и беспризорные дети - в настоящее время представляют собой угрозу не только общественной, но и национальной безопасности России, поскольку именно от них зависит сохранение нормального генофонда нации.

На сегодняшний день уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в соответствии с общепризнанными нормами международного права исходит из необходимости максимальной защиты прав и интересов несовершеннолетних.

В соответствии с международными обязательствами российская система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на них были всегда соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами правонарушения, а также содействовали их исправлению.

Отсутствие жизненного опыта препятствует правильной оценке ситуации, в которой подросток оказался. Непосредственное уголовное наказание должно стать чрезвычайной мерой наказания для подростка.

Статья 20 УК РФ устанавливает уголовную ответственность с 16 лет, а за определенную категорию преступлений уголовная ответственность наступает с 14 лет. Уголовная ответственность для 14-летних - это исключение, и такая ответственность устанавливается за совершение отдельных, наиболее тяжких, преступлений.

Система уголовных наказаний - это структурно определенная совокупность всех видов уголовных наказаний, перечень которых дается с соблюдением определенной последовательности

и ранжированием их по характеру и размерам заложенного в них карательного элемента.

Система наказаний предполагает не только составление перечня наказаний по их соотношению и ранжированию, но и разгруппировку по определенным основаниям, соответствующую классификацию, которая в известной степени связана с проблемой эффективности наказаний применительно к разным категориям преступников. Система уголовных наказаний составляет неотрывную часть системы права в целом и уголовного права в частности. Как и наказание, она должна соответствовать определенным историческим и социальным условиям, отражать интересы того строя, в рамках которого эта система существует. Действительно, существующая ныне система уголовных наказаний (особенно в отношении несовершеннолетних) отличается в определенной степени гуманизацией, либерализацией в отношении карательной политики. Обусловлено это демократизацией нашего общества, приоритетным отношением к личности, ее правам и свободам.

Все конкретные виды наказаний, входящих в систему наказаний, отличаются друг от друга не по конечной цели, которая перед ними поставлена, а по средствам ее достижения, а значит, по соотношению принуждения и воспитания в их содержании и соответственно по различным возможностям достижения общего и специального предупреждения. Статья 88 УК РФ содержит перечень уголовных наказаний, которые могут назначаться судом несовершеннолетним преступникам. Рассматриваемая норма содержит ограниченный круг видов уголовных наказаний (6 из 13). В систему уголовных наказаний для несовершеннолетних не вошли наказания, которые нецелесообразно назначать данной категории преступников в силу возрастных особенностей, социального, правового, фактического положения. Речь идет о следующих наказаниях: лишение права занимать определенные должности; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; ограничение по военной службе; ограничение свободы; содержание в дисциплинарной воинской части; пожизненное лишение свободы; смертная казнь. Следует отметить, что российское уголовное законодательство соответствует международным правовым нормам, в частности, Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году. В соответствии со ст. 37 указанной Конвенции ни смертная казнь, ни пожизненное тюремное заключение, не предусматривающие возможности освобождения, не должны назначаться за преступления, совершенные лицами, моложе 18 лет. Согласно ст. 88 УК РФ видами наказаний, назначаемых несовершеннолетним, являются: а) штраф; б) лишение права заниматься определенной деятельностью; в) обязательные работы; г) исправительные работы; д) арест; е) лишение свободы на определенный срок.

В прежнем уголовном законодательстве (УК РСФСР 1960 года) не было никаких указаний относительно видов назначаемых несовершеннолетним уголовных наказаний. Только две статьи - ст. 10 и ст. 63 УК РСФСР посвящались особенностям ответственности несовершеннолетних и то поверхностно. Назначение наказания несовершеннолетним основывалось на тщательном толковании уголовного закона и отражалось в определенных закономерностях судебной практики. В частности, в основном суды применяли лишение свободы, хотя и на краткие сроки, отсрочку - ст. 46-1, редко - ст. 43 - назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, и принудительные меры воспитательного воздействия - ст. 63 УК РСФСР.

УК РФ 1996 года более детально подошел к рассматриваемому вопросу, предоставив определенный перечень уголовных наказаний для несовершеннолетних преступников. В целях гуманизации уголовной ответственности несовершеннолетних с учетом их возрастных, психологических, физиологических и иных особенностей в пп. 2-6 ст. 88 УК РФ установлены ограничения размеров наказаний, которые могут назначаться лицам от 14 до 18 лет. Размеры или сроки наказаний относительно рассматриваемой категории преступников снижены почти вдвое.

Предупреждение преступности несовершеннолетних лежит в русле решения проблем предупреждения всей преступности. Поэтому игнорировать в это время профилактические действия нельзя. Принципиальная особенность уголовного правосудия для несовершеннолетних заключается в том, что оно сконцентрировано на вынесении справедливого наказания при отправлении правосудия, на борьбе с преступностью, с тем, чтобы несовершеннолетний правонарушитель вернулся в общество достойным гражданином.

Список литературы:

[1] Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute / A. V/ Vilkova // Military Law Review. 2018. № 1. С. 204.

[2] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и совре-

менность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[3] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 2. Москва. 2025.

[4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. Полякова Я. Н. Развитие педагогических компетенций в системе дополнительного профессионального образования в процессе обучения сотрудников ФСИН России // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 1(23). С. 103-110.

[5] Гагиева Л. А. Организационно-педагогические условия повышения качества воспитательного процесса в исправительном учреждении: дис. ... кандидата пед. наук: 13.00.01 / Гагиева Лиана Албековна. – Владикавказ, 2023.

[6] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности: проблемы возвращения к истокам / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова, Ю. Н. Строгович // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 1(12). С. 80-86.

[7] Вилкова А. В. Ранняя психодиагностика и профилактика личности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова// Вопросы современной науки и практики. 2025. № 1(12). С. 87-92.

[8] Зинина Н. А. Развитие социально-коммуникативных навыков в образовательном процессе / Н. А. Зинина, А. В. Вилкова. Москва. 2025.

[9] Литвишков В. М. Профилактика наркомании и ресоциализация несовершеннолетних осужденных. Москва, 2018.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимоноа. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[11] Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук: 13.00.01 / Вилкова Алевтина Владимировна. – Великий Новгород, 2016. – 444 с.

[12] Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025.

[13] Казберов П.Н., Вилкова А. В. Системное планирование профессиональной подготовки пенитенциарных психологов к работе с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 26-33.

[14] Вилкова А. В. Теория и практика исправления несовершеннолетних осужденных в России / В сборнике: Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 27-32.

[15] Вилкова А. В. Формирование нравственной ответственности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 60-67.

References:

[1] Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute / A. V./ Vilkova // Military Law Review. 2018. No. 1. C. 204.

[2] Vilkova A.V., Tishchenko Yu. Y. Socially-pedagogical neglect and delinquency of minors // In the collection: Penal enforcement system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity scientific and practical conference with international participation. Pskov. 2025. pp. 65-68.

[3] Scientific papers of the Federal State Budgetary Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication / Issue 2. Moscow. 2025.

[4] Vilkova A.V., Fadeeva S. A. Polyakova Ya.N. Development of pedagogical competencies in the system of additional professional education in the process of training employees of the Federal Penitentiary Service of Russia // Military-legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. No. 1(23). pp. 103-110.

[5] Gagieva L. A. Organizational and pedagogical conditions for improving the quality of the educational process in a correctional institution: dissertation of the candidate of pedagogical sciences: 13.00.01 / Gagieva Liana Albekovna. – Vladikavkaz, 2023.

[6] Vilkova A.V. Spiritual and moral values: problems of returning to the roots / A.V. Vilkova, Ya. N. Polyakova, Yu.N. Strogovich // Issues of modern science and practice. 2025. No. 1(12). pp. 80-86.

[7] Vilkova A.V. Early psychodiagnostics and prevention of juvenile personality / A.V. Vilkova, Ya. N. Polyakova// Issues of modern science and practice. 2025. No. 1(12). pp. 87-92.

[8] Zinina N. A. Development of social and communicative skills in the educational process / N. A. Zinina, A.V. Vilkova. Moscow. 2025.

[9] Litvishkov V. M. Drug addiction prevention and rehabilitation of juvenile convicts. Moscow, 2018.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Ya. N. Socio-pedagogical neglect of juvenile convicts / In the collection: Penal enforcement system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian penitentiary scientist, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonoa. In 2 parts. Samara, 2025. pp. 87-93. Collection of articles of the round table. Tver, 2025. pp. 93-96.

[11] Vilkova A.V. Gender concept and methodology of formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: dis. ... Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.01 / Vilkova Alevtina Vladimirovna. Veliky Novgorod, 2016– 444 p

. [12] Actual problems of convict correction: criminological, psychological and pedagogical aspects. Collection of articles of the round table. Tver, 2025.

[13] Kazberov P.N., Vilkova A.V. Systematic planning of professional training of penitentiary psychologists to work with persons convicted of terrorist and extremist crimes / In the collection: Extreme psychology and pedagogy: current trends and promising research. Collection of articles of the round table. Tver, 2025. pp. 26-33.

[14] Vilkova A.V. Theory and practice of correction of juvenile convicts in Russia / In the collection: Actual problems of correction of convicts: criminological, psychological and pedagogical aspects. Collection of articles of the round table. Tver, 2025. pp. 27-32.

[15] Vilkova A.V. Formation of moral responsibility of juvenile convicts / In the collection: Scientific papers of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. pp. 60-67.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-195-200

МАМАЕВА Анастасия Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного, административного
права и правового обеспечения государственной службы,
Вятский государственный университет г. Киров,
e-mail: an_mamaeva@vyatsu.ru

ЧЕРНОВА Виктория Дмитриевна,
студент,
Вятский государственный университет г. Киров,
e-mail: cviktoria342@gmail.com

АРБИТРАЖНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. *Цель работы заключается в исследовании и идентификации сущности правового статуса арбитражного управляющего. Предметом исследования выступает правовой статус арбитражного управляющего как правовое явление, обладающее сложной, многомерной правовой природой. Отличие данной работы от работ с аналогичным предметом исследования состоит в системном подходе. Впервые правовой статус арбитражного управляющего исследуется комплексно, интегративно, во всей совокупности его компетенций и правоотношений, в которых он участвует. Методами исследования, использованными в статье, стали диалектический метод познания, формально-юридический метод, метод моделирования и частно-научные методы. По результатам исследования выявлено, что проблема определения статуса арбитражного управляющего сопряжена с двойственностью. С одной стороны, управляющий должен обеспечивать баланс интересов должника, кредиторов и общества. С другой — наделён значительной дискрецией, что предполагает необходимость самостоятельного принятия решений в условиях конфликтующих интересов. Дуальность проявляется не только в содержании его полномочий, но и в нормативной конструкции регулирования, что серьёзно осложняет формирование однозначного юридического определения статуса. Несмотря на то, что арбитражный управляющий выполняет множество ролей и участвует в разнообразных правоотношениях (гражданских, налоговых, трудовых и корпоративных), его правовой статус – это не простая совокупность этих ролей и обязанностей. Для формирования целостного представления необходимо рассматривать правовой статус, опираясь на ключевые и неизменные характеристики его деятельности: цели, задачи и функции, которые определяют его сущность. Эти инвариантные константы позволяют сформировать устойчивое и всестороннее представление о правовом положении арбитражного управляющего.*

Ключевые слова: *правовой статус арбитражного управляющего, природа арбитражного управления, особенности правового статуса арбитражного управляющего, публично-правовой характер полномочий, двойственность статуса арбитражного управляющего, баланс интересов должника и кредиторов, добросовестность и разумность, ответственность арбитражного управляющего.*

MAMAEVA Anastasia Nikolaevna,
Candidate of Law, associate professor, Associate Professor,
Department of Constitutional, Administrative Law,
and Legal Support for Civil Service,
Vyatka State University, Kirov

CHERNOVA Viktoria Dmitrievna,
student, Vyatka State University, Kirov

ARBITRATION MANAGER: LEGAL STATUS AND ITS FEATURES

Annotation. *The purpose of this work is to study and identify the essence of the legal status of an arbitration manager. The subject of this study is the legal status of an arbitration manager as a legal phenomenon with a complex and multidimensional legal nature. What sets this work apart from others with a similar subject matter is its systematic approach. For the first time, the legal status of an arbitration manager is examined comprehensively, integratively, and in the context of its full range of competencies and legal relations in which it participates. The research methods used in this article include the dialectical method of cognition, the formal-legal method, the modeling method, and the use of specific scientific methods. The study revealed that the problem of determining the status of an arbitration manager is dual. On the one hand, the manager must ensure a balance between the interests of the debtor, creditors, and society. On the other hand, he is endowed with significant discretion, which implies the need to make independent decisions in the face of conflicting interests. This duality manifests itself not only in the content of his powers, but also in the regulatory framework, which significantly complicates the formation of a clear legal definition of his status. Despite the fact that the arbitration manager performs multiple roles and participates in various legal relations (civil, tax, labor, and corporate), his legal status is not simply a combination of these roles and responsibilities. To form a holistic view, it is necessary to consider the legal status based on the key and immutable characteristics of its activities: the goals, objectives, and functions that define its essence. These invariant constants allow for a stable and comprehensive understanding of the legal status of the arbitration manager.*

Key words: *legal status of an arbitration manager, nature of arbitration management, features of the legal status of an arbitration manager, public-legal nature of powers, duality of the status of the arbitration manager, balance of interests of the debtor and creditors, good faith and reasonableness, responsibility of the arbitration manager.*

В соответствии со ст. 20 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)», арбитражным управляющим является гражданин РФ, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Действующее законодательство определяет арбитражного управляющего как ключевую фигуру, способствующую максимально результативному выходу должника из состояния неплатежеспособности. Арбитражному управляющему принадлежит центральная роль в делах о несостоятельности (банкротстве), он интегрирован в большинство правовых процессов процедуры банкротства, затрагивающих широкий круг правоотношений: гражданско-правового, обязательственного, налогового, трудового, корпоративного характера. Многовекторность, многозадачность компетенций, функций, задач арбитражного управляющего, которые, как показывает практика, не могут быть реализованы в полной мере, как и не может быть достигнут баланс интересов сторон, фигурирующих в процедуре банкротства, обуславливает некоторый формализм его деятельности.

Несмотря на декларирование в правовой доктрине в качестве ценностно-смыслового ядра арбитражного управления – координации всех элементов системы банкротства в целях максимального удовлетворения их интересов, достижение консенсуса в вопросах банкротства на практике невозможно. В процедурах несостоятельности изначально заложено противоречие: интересы должника, стремящегося к минимизации долгового бремени или даже к освобождению от обязательств, зачастую диаметрально противоположны интересам кредиторов, нацеленных на максимальное возвращение своих средств. Арбитражный управляющий, выступая в качестве независимого посредника в этом процессе, обязан соблюдать баланс интересов и действовать справедливо по отношению ко всем участникам. Если арбитражный управляющий действует исключительно в интересах одной из сторон, будь то должник или кредитор, он неизбежно девальвирует интересы другой стороны. При этом действия, направленные против законных интересов одной из сторон, могут повлечь за собой ответственность арбитражного управляющего за ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

Одна из особенностей правового статуса арбитражного управляющего заключается в фундаментальном противоречии между его ролью гаранта баланса интересов должника, кредиторов и общества и его полномочиями принимать самостоятельные решения, оказывающие прямое влияние на эти интересы. С одной стороны, наделенный государством властными полномочиями, арбитражный управляющий действует как должностное лицо, а значит, наделен публично-правовым статусом, а с другой стороны, арбитражный управляющий независим от государства и реализует полномочия, проистекающие из частного права. Эта двойственность проявляется во всех аспектах его деятельности, начиная с источников его полномочий и заканчивая характером принимаемых им решений. Правовая природа деятельности арбитражного управляющего носит глубоко интегративный характер, охватывая раз-

личные области права и требуя выполнения множества задач, что создает дополнительные препятствия для четкого определения его правового статуса и порождает дискуссии о его истинной природе.

Также важной особенность можно считать, что в федеральном законе о «О несостоятельности (банкротстве)», помимо четких требований к арбитражным управляющим (например, высшее образование, опыт работы на руководящих должностях, отсутствие судимости), предъявляются требования добросовестности и разумности, которые сложно интерпретировать с юридической точки зрения. Добросовестность и разумность как явления правого характера имеют естественно-правовые корни и, очевидно, трактуются в философско-правовом аспекте, что также многократно усложняет правовую конструкцию статуса арбитражного управляющего.

Добросовестность и разумность, которыми должен руководствоваться арбитражный управляющий в своей деятельности, продуцируют плавающую границу в определении интересов участников банкротства, т.е. устанавливает потребность в балансировании между правами и интересами всех участников при выполнении всех необходимых действий, предусмотренных процедурой, для достижения целей в рамках конкретного дела. Соответственно, добросовестность как принцип деятельности арбитражного управляющего предполагает, как минимум, достаточность, полноту, аргументированность выполняемых действий. Как видно, к арбитражному управляющему законом предъявляются жестокие требования в части объема и качества исполнения обязательств, особенно в части наличия опыта и навыков при разрешении споров признания несостоятельности должника.

Принцип разумности предполагает соответствие действий арбитражного управляющего стандартам, нормативам, установленным в законодательстве и стандартам профессиональной деятельности арбитражного управляющего, а также правоприменительной практикой. Несоблюдение этого принципа, выражающегося в неразумных действиях или бездействиях, может быть расценено как некомпетентность арбитражного управляющего, а значит, наличие основания для привлечения его к ответственности. Свидетельством неразумности действий (бездействий) арбитражного управляющего, и, соответственно, доказательством его вины на суде может стать факт принятия им небеспристрастного решения, когда оно принято без учета известной информации. Либо, в ситуации, когда арбитражный управляющий обладал возможностью по получению требуемой информации, однако, не предпринял действий по ее получению.

Такой дисбаланс, неконсолидированное соотношение прав и обязательств арбитражного управляющего усложняют проблемное поле установления его правового статуса. Опираясь на положение п. 1 ст. 20.3 Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)», можно постулировать, что основной круг прав арбитражного управляющего следует идентифицировать скорее, как полномочия. При этом, вознаграждение за деятельность арбитражного управляющего законодательством не гарантируется, как и какие-либо льготы и преференции социального характера.

Как видно, отличительной особенностью правового статуса арбитражного управляющего, усложняющего его определение, выступает негармоничное соотношение прав и обязательств с превалированием мер ответственности за нарушение «размытых» правовых принципов добросовестности и разумности в определении интересов участников банкротства. Вопрос ответственности арбитражного управляющего за нарушения, связанные с ведением процедуры банкротства, также раскрывает и характеризует его правовой статус.

Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего наступает в случае причинения вреда участникам процедуры банкротства вследствие ненадлежащего исполнения своих обязанностей. Для успешного взыскания необходимо предоставить суду неопровержимые доказательства: во-первых, факт грубых нарушений, допущенных управляющим, например, нарушение порядка проведения торгов, незаконное распоряжение имуществом должника или неисполнение обязательных предписаний суда; во-вторых, подробное обоснование этих нарушений со ссылками на нормы закона и иные нормативные акты, которые были нарушены; в-третьих, документально подтвержденный размер причиненных убытков, таких как упущенная выгода, реальный ущерб или иные финансовые потери; и, в-четвертых, что является наиболее сложной задачей, четкую и однозначную причинно-следственную связь между действиями (или бездействием) управляющего и возникшими финансовыми потерями, понесенными пострадавшей стороной. Гражданско-правовая ответственность определяет арбитражного управляющего как самостоятельного субъекта гражданского права, осуществляющего профессиональную деятельность по управлению имуществом должника [1].

Уголовная ответственность арбитражного управляющего – это крайняя мера, применяемая в случаях наиболее серьезных нарушений закона, совершенных с прямым умыслом. Ключевым условием для привлечения к уголовной ответственности является наличие у арбитражного

управляющего намерения скрыть собственные преступные действия или умышленно утаить противоправные деяния других лиц, вовлеченных в процедуру банкротства. Статьи 159 (мошенничество), 196 (преднамеренное банкротство) и 197 (фиктивное банкротство) Уголовного кодекса РФ устанавливают ответственность за наиболее распространенные виды преступлений, совершаемых в рамках процедур несостоятельности. Несмотря на то, что судебная практика не часто прибегает к назначению уголовного наказания арбитражным управляющим, сама возможность привлечения к такой ответственности является важным индикатором. Она свидетельствует о том, что судебные органы признают за арбитражным управляющим статус должностного лица, наделенного определенными полномочиями и обязанностями.

Дисциплинарная ответственность в делах о несостоятельности применяется к арбитражным управляющим за несоблюдение требований законодательства о банкротстве, включая федеральный закон и внутренние нормы саморегулируемой организации, в которой он состоит. К таким нарушениям относятся, например, просрочка уплаты членских взносов или несвоевременное оформление страхового полиса. Мерами воздействия за подобные проступки могут быть штрафы, начисление пени и другие санкции, а наиболее строгой мерой является исключение из состава СРО. Природа статуса арбитражного управляющего, определяемого дисциплинарной ответственностью, представляет собой сочетание публично-правового регулирования со стороны государства (через закон о банкротстве) и частно-правового саморегулирования со стороны профессионального сообщества (через внутренние правила и стандарты СРО).

Многогранность деятельности арбитражного управляющего в сфере банкротства, обуславливающая неоднозначность толкования его правового статуса, является одновременно и его особенностью, отражающей комплексность выполняемых им функций. В виду многоаспектности ролевых установок арбитражного управляющего, многочисленности правоотношений, в которых он участвует и разнообразии форм ответственности, по-разному освещающих его статус, сегодня существует многообразие позиций относительно правового статуса арбитражного управляющего.

В таблице ниже составлен и приведен основной спектр взглядов российских ученых, определяющий правовую роль и статус арбитражного управляющего.

Таблица. Определение правового статуса арбитражного управляющего в работах отечественных ученых

Наименование	Содержание
Теория представительства [4]	арбитражный управляющий выступает в качестве органа / представителя должника, участвуя при заключении сделок
Теория об арбитражном управляющем как органе принудительного исполнения [7]	При завершении исполнительного производства арбитражный управляющий выполняет функции, аналогичные судебному приставу-исполнителю
Теория трудовых правоотношений [6]	В конкурсном производстве, при увольнении сотрудников должника, арбитражный управляющий выполняет обязанности работодателя
Ускова Т. В. [3]	Арбитражного управляющего можно рассматривать как представителя кредиторов, учитывая, что законодательство о банкротстве направлено на поэтапное признание должника несостоятельным и приоритетное удовлетворение требований кредиторов
Телюкина М. В. [4]	Особое положение, занимаемое арбитражным управляющим, создает трудности в установлении его правового статуса
Теория “Арбитражный управляющий - хранитель чужого имущества” [9]	Данная теория акцентирует внимание на ответственности арбитражного управляющего за сохранность имущества должника. В этом смысле его роль схожа с ролью хранителя, отвечающего за сохранность чужого имущества

Егорова М.А. [8]	Арбитражный управляющий наделен правами организационного характера, в которых нет публично-правовых властных компетенций, а это означает, что он не может иметь публично-правовой статус
Макшанов В.Л. [5]	Правовое положение арбитражного управляющего в ходе дела о несостоятельности динамично и изменяется в зависимости от применяемой процедуры банкротства
Богданов Е.В. [2]	Учитывая назначение судом и подконтрольность судебным органам, арбитражный управляющий по своему правовому положению должен соответствовать статусу должностного лица

Разнообразие научных взглядов на сущность и правовое положение арбитражного управляющего обусловлено акцентом на различных аспектах его деятельности в рамках отдельных правоотношений. При таком подходе неизбежно возникает желание определить его правовой статус как некую совокупность этих ролей, изменяющихся в зависимости от контекста. Однако, подобный подход представляется упрощенным и не позволяет увидеть целостную картину. Более глубокое понимание достигается при анализе правового статуса арбитражного управляющего через призму его ключевых, инвариантных характеристик. Речь идет о тех фундаментальных целях, задачах и функциях, которые предопределяют сущность его деятельности в сфере банкротства, независимо от конкретных правоотношений, в которых он участвует. Именно эти константы позволяют сформировать устойчивое и всестороннее представление о его правовом положении.

Основной круг целей, задач и функций арбитражного управляющего установлен в Постановлении от 19 декабря 2005 г. № 12-П, положения которого гласят:

- «процедуры банкротства носят публично-правовой характер», а значит, деятельность арбитражного управляющего, связанная с обеспечением баланса интересов участников банкротства, также носит публично-правовой характер;
- «арбитражный управляющий утверждается в должности судом», что выступает дополнительным элементом системы сдержек противовесов и также придает статусу арбитражного управляющего публичный характер;
- «решения арбитражного управляющего являются обязательными и влекут правовые последствия для широкого круга лиц», что влечет необходимость установления соответствующего публичного статуса и гарантий оплаты труда и независимости.

Анализ Постановления Конституционного Суда РФ № 12-П от 19 декабря 2005 года позволяет сделать вывод о том, что правовой статус арбитражного управляющего, несмотря на его многоаспектность и дискуссионность в доктрине, характеризуется выраженной публично-правовой природой. Данная специфика обусловлена необходимостью обеспечения баланса интересов различных участников процедуры банкротства, судебным утверждением арбитражного управляющего и юридической значимостью его решений для широкого круга лиц.

В заключение проведенного исследования правового статуса арбитражного управляющего необходимо подчеркнуть его ключевую роль в эффективном функционировании института банкротства. Анализ нормативной базы и доктринальных подходов выявил сложность и многогранность данного субъекта, сочетающего в себе признаки независимого участника экономической деятельности и лица, наделенного публичными полномочиями. Наиболее обоснованным представляется подход, определяющий правовой статус арбитражного управляющего через его сущностные, неизменные характеристики: цели, задачи и функции. Именно эти основополагающие элементы, а не изменчивые роли в конкретных правоотношениях, формируют целостное представление о его правовом положении. Ключевыми особенностями данного статуса являются независимость, беспристрастность, обязательное членство в СРО, назначение и утверждение судом, властные полномочия, фидуциарная ответственность, многообразие видов ответственности, страхование ответственности и единые стандарты оценки эффективности деятельности арбитражных управляющих. Именно эти особенности, в своей совокупности, и определяют уникальность правового статуса арбитражного управляющего, отличая его от статуса других субъектов экономической и юридической деятельности, и подчеркивают его исключительную роль в процедурах несостоятельности.

Список литературы:

[1] Кванина В.В. Гражданско-правовая ответственность арбитражных управляющих и

обеспечительные средства возмещения причиненного ими вреда // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 133-143.

[2] Богданов Е.В. Правовое положение арбитражного (судебного) управляющего // Законы России: опыт, анализ, практика, 2014. № 8.

[3] Ускова Т.В. Проблемы определения правовой природы арбитражного управления // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 5. С. 36-40.

[4] Говоруха М.А. О правовом статусе арбитражного управляющего в процедурах внешнего управления и конкурсного производства // Юрист. 2007. № 8. С. 36.

[5] Макшанов В.Л. Проблемы определения правового статуса арбитражного управляющего // International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2021. № 9. С. 147-151.

[6] Чуча С.Н. Арбитражный управляющий и руководитель должника как субъекты трудовых отношений // Трудовое право. 2003. С. 23.

[7] Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – М., 2012. 23 с.

[8] Егорова М.А. Концепция совершенствования механизмов саморегулирования: pro et contra. М.: Юстицинформ. 2017. 180 с.

[9] Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: Научно-практическое пособие. М., 2013. С. 97.

References:

[1] Kvanina V.V. Civil liability of arbitration managers and security funds for compensation for harm caused by them//Bulletin of Tomsk State University. Right. 2019. № 32. S. 133-143.

[2] E.V. Bogdanov. Legal status of the arbitration (judicial) manager//Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2014. № 8.

[3] Uskova T.V. Problems of determining the legal nature of arbitration management//Arbitration and civil procedure. 2017. № 5. S. 36-40.

[4] Govorukha M.A. On the legal status of the arbitration manager in the procedures of external management and bankruptcy proceedings//Lawyer. 2007. № 8. S. 36.

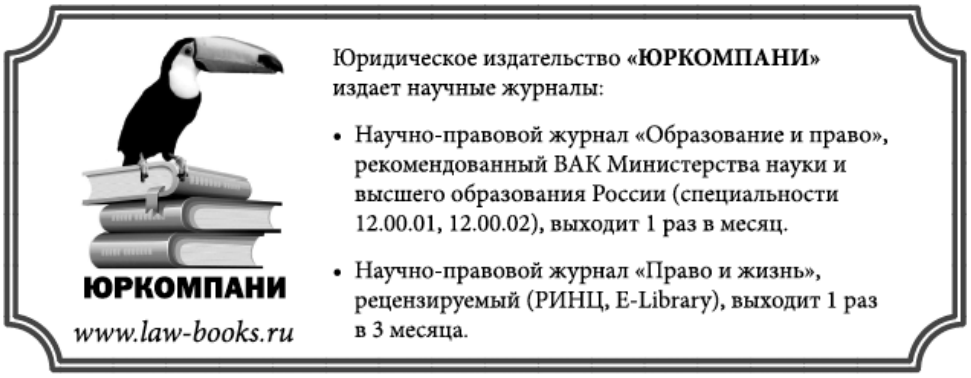
[5] Makshanov V.L. Problems of determining the legal status of an arbitration manager//International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2021. № 9. S. 147-151.

[6] Chucha S.N. Arbitration manager and head of the debtor as subjects of labor relations//Labor law. 2003. S. 23.

[7] Ehrlich M.E. Conflict of interest in insolvency (bankruptcy) proceedings: legal means of resolution. Autoref. diss. cand. jurid. sciences. - M., 2012. 23 pp.

[8] Egorova M.A. The concept of improving self-regulation mechanisms: pro et contra. M.: Justicinform. 2017. 180 s.

[9] Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal regulation: Scientific and practical manual. M., 2013. S. 97.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-201-204

КРАСНОВА Людмила Владимировна,
адъюнкт 2 курса
Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОИСК ИНТЕГРАТИВНОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. *В настоящей статье проводится комплексный анализ эволюции доктринальных подходов к определению понятия и сущности оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) в российской правовой науке. Автор систематизирует взгляды основных научных школ (догматической, криминологической, процессуальной, информационно-аналитической и школы национальной безопасности), выявляя их сильны е стороны и концептуальные недостатки. Критическому осмыслению подвергается дихотомия «широкого» и «узкого» подходов к пониманию целей и правовой природы ОРД. На основе проведенного анализа автор обосновывает необходимость преодоления ведомственной и теоретической разобщенности и предлагает оригинальную интегративную трехконтурную модель ОРД, синтезирующую стратегический, тактический и обеспечивающий контуры. Модель нацелена на разрешение системных противоречий между нормативной ригидностью, ведомственной разобщенностью и теоретическим редукционизмом. В заключение формулируется интегративное авторское определение ОРД, отражающее ее комплексный характер.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, теория ОРД, правовая природа ОРД, оперативно-розыскные мероприятия, интегративная модель, доказывание, уголовный процесс.*

KRASNOVA Lyudmila Vladimirovna,
2nd year adjunct of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES: SEARCH FOR AN INTEGRATIVE MODEL

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the evolution of doctrinal approaches to determining the concept and essence of operational-search activities (hereinafter - ORD) in Russian legal science. The author systematizes the views of the main scientific schools (dogmatic, criminological, procedural, information and analytical and national security schools), identifying their strong sides and conceptual shortcomings. The dichotomy of "broad" and "narrow" approaches to understanding the goals and legal nature of the ORD is subjected to critical understanding. Based on the analysis, the author justifies the need to overcome departmental and theoretical disunity and proposes an original integrative three-circuit model of the ORD, synthesizing strategic, tactical and providing contours. The model aims to resolve systemic contradictions between normative rigidity, departmental disunity and theoretical reductionism. In conclusion, an integrative author's definition of the ORD is formulated, reflecting its complex nature.*

Key words: *operational-search activity, theory of ORD, legal nature of ORD, operational-search measures, integrative model, proof, criminal process*.

Актуальность теоретического осмысления оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) обусловлена ее двойственной, амбивалентной природой. С одной стороны, она выступает незаменимым и необходимым инструментом противодействия латентной и организованной преступности, с другой - неизбежно вступает до известной степени в конфронтацию с правами, свободами и законными интересами личности. Современная научная проблематика в области теории ОРД и уголовного процесса сфокусирована на преодолении фундаментальных противоречий между динамикой криминальных угроз, включая киберпреступность и транснациональную преступность, и нормативной ригидностью; между потребностью в эффективных негласных методах и требованиями правовой легитимности. Как справедливо отмечает Е.С. Дубоносов, нерешенность этих вопросов ведет к фрагментации понимания оперативно-розыскного обеспечения как системообразующего элемента, где отсутствует единство в определении его структурно-содержательных элементов [1].

Ценность теоретических разработок в данной сфере проявляется в их способности формировать методологические ориентиры для законодателя и правоохранительных органов. Классические труды И.А. Климова и Г.К. Синилова заложили основы понимания ОРД как деятельности по управлению криминальными рисками, где оперативно-розыскное обеспечение представляет собой не вспомогательную функцию, а самостоятельный механизм создания «оптимальных условий для доказывания» [2]. Особую значимость приобретают работы, интегрирующие криминалистические и оперативно-тактические аспекты, демонстрирующие, что генезис ОРД неотделим от эволюции розыскной и идентификационной деятельности [3].

Современное состояние научного обеспечения ОРД характеризуется парадоксальным сочетанием глубины прикладных разработок и системной фрагментарности теоретического осмысления. Отсутствие универсальной дефиниции ОРД ведет к терминологической подмене, а неопределенность процессуального статуса ее результатов порождает, по меткому выражению С.В. Харченко, «ведомственный теоретический изоляционизм» [4], когда исследования развиваются в рамках узких ведомственных парадигм без междисциплинарного синтеза с уголовно-процессуальной наукой.

Доктринальное определение ОРД в юридической литературе развивается в дискурсе нескольких конкурирующих правовых школ. Догматическая (нормативистская) школа, представленная трудами В.Ю. Алферова [5] и А.Е. Чечетина [6], воспринимает ОРД исключительно через призму действующего законодательства, акцентируя внимание на формальных признаках деятельности и ее субъектном составе. Криминологическая школа (А.И. Алексеев [7], И.А. Климов) рассматривает ОРД как инструмент управления криминальными рисками и воздействия на детерминанты преступности. В противовес ей, процессуальная школа (Е.С. Дубоносов, О.А. Вагин [8]) настаивает на служебно-вспомогательном характере ОРД по отношению к уголовному судопроизводству, стремясь встроить ее в процессуальные конструкции. Информационно-аналитическая школа, сформировавшаяся под влиянием цифровизации (М.А. Шатохин [9]), постулирует, что ОРД представляет собой, прежде всего, деятельность по получению, анализу и использованию информации. Школа национальной безопасности (А.В. Федоров [10]) расширяет целеполагание ОРД до задач обеспечения всех видов безопасности, что, на наш взгляд, противоречит легальной дефиниции и создает риски неконтролируемого расширения сферы применения негласных методов.

Особое место в современных дискуссиях занимает противостояние сторонников широкого и узкого подходов. Широкий подход, разработанный А.В. Федоровым, трактует ОРД как элемент системы обеспечения национальной безопасности в самом широком смысле, где преступность выступает лишь одной из угроз государству. Правовая природа ОРД выводится из исключительных полномочий государства. С нашей точки зрения, применение широкого подхода размывает специфику ОРД и создает риски произвола. Узкий подход, изложенный в трудах В.Г. Самойлова [11] и О.А. Вагина, строго увязывает ОРД с уголовно-правовым контекстом, определяя ее цели исключительно через выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Данный подход в большей степени соответствует букве Закона об ОРД, но не лишен концептуальных недостатков, так как не учитывает реалии применения оперативно-розыскных мероприятий для предотвращения иных угроз (терроризм) или розыска без вести пропавших вне связи с преступлением.

Исходной точкой для любого научного осмысления ОРД служит ее законодательное определение (ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), которое, однако, страдает излишней обобщенностью. Обращение к трудам основоположников теории ОРД, таких как А.И. Алексеев и Г.К. Синилов, определявших ОРД как «систему мер борьбы с преступностью» [12], показывает, что их концепция, будучи продуктом своей эпохи, тяготела к излишне силовому термину «борьба», не отражающему превентивно-аналитические аспекты и аксиологические достоинства ОРД как особого вида публичной деятельности. Развитие гносео-

логического подхода привело к эволюции взглядов на ОРД как на познавательную деятельность, что демонстрирует концепция И.А. Климова, видевшего в ней «производную от объекта познания» [13]. Историко-правовой подход О.Г. Ковалева, определяющего ОРД как «совокупность сыскных мер работы» [14], составляет определенную ценность и демонстрирует понимание диалектики целей и средств ОРД, но не дает четких критериев отличия ОРД от уголовно-процессуальной деятельности. Попытку преодолеть этот разрыв предпринял Е.С. Дубоносов, введя понятие «оперативно-розыскное производство» [1]. Важным этапом стало обоснование А.Ю. Шумиловым ОРД как «вида социально полезной юридической деятельности» на основе принципа ultima ratio [15], хотя тезис о «невозможности иных средств» (в контексте изобличения лиц, виновных в совершении преступления) часто не соответствует практике взаимодополняемости ОРД и процессуальных действий.

Проведенный анализ эволюции дефиниций ОРД выявил устойчивые доктринальные изъяны подходов к определению ОРД. Ни один из рассмотренных подходов не лишен недостатков, главные из которых – абсолютизация лишь одной функции ОРД, недооценка синергии методов и отсутствие ответа современным вызовам, с которыми сталкивается правоохранительная практика. С учетом изложенного, мы находим, что концептуального разрешения требуют три системных противоречия в современной теории ОРД: нормативная ригидность исчерпывающего перечня ОРМ, не соответствующая реалиям цифровой трансформации преступности; ведомственная разобщенность, приводящая к дублированию функций и нарушению принципа процессуальной экономии; теоретический редукционизм, сводящий ОРД исключительно к «обеспечивающей функции» или, напротив, абсолютизирующий ее самостоятельность.

В этой связи, нам представляется перспективной разработка интегративной трехконтурной модели ОРД.

1. Первый, стратегический контур (информационно-аналитический), предполагает прогнозирование криминальных угроз с использованием искусственного интеллекта и криминологического моделирования.
2. Второй, тактический контур (оперативно-исполнительный), охватывает проведение ОРМ на основе судебного санкционирования с усилением прокурорского надзора.
3. Третий, обеспечивающий контур (процессуальный), направлен на легализацию результатов через институты уголовно-процессуального доказывания с использованием механизмов ст. 89 УПК РФ. Такая модель, синтезируя идеи Е.С. Дубоносова (функциональные принципы), А.В. Парфенова (автономия розыскно-идентификационной деятельности) и С.И. Гирько [16] (функциональное разделение субъектов), позволит преодолеть ведомственную замкнутость и создать адаптивный механизм противодействия современным вызовам при безусловном соблюдении гарантий прав личности.

На основании изложенного, нами предлагается авторское определение ОРД. Оперативно-розыскная деятельность представляет собой основанную на принципах законности, конспирации и субсидиарности систему гласных и негласных информационно-поисковых, аналитических и оперативно-тактических действий уполномоченных государственных органов, осуществляемых в рамках их компетенции посредством оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, розыска лиц и обеспечения информационной поддержки уголовного судопроизводства, направленная на защиту конституционно охраняемых ценностей.

Предложенное определение обладает рядом концептуальных преимуществ. Во-первых, его интегративность позволяет объединить оперативно-тактический, информационно-аналитический и процессуально-вспомогательный компоненты, преодолевая односторонность предшествующих подходов. Во-вторых, в нем четко разграничиваются непосредственные задачи ОРД и ее конечная цель, что снимает противоречие между узким и широким подходами. В-третьих, принцип субсидиарности подчеркивает производный характер применения спецметодов от возможностей уголовного процесса, заменяя спорную категорию «крайней необходимости». В-четвертых, явное указание на «информационно-поисковые и аналитические» действия отражает цифровую трансформацию ОРД. В-пятых, указание на «систему действий» и «принципы» подчеркивает организованный, а не ситуативный характер ОРД, что исключает ее использование в рамках «тотального сыска».

Таким образом, развитие оперативно-розыскной деятельности в русле предложенной интегративной концепции может обеспечить оптимальный баланс между эффективностью противодействия современным гибридным угрозам и незыблемостью демократических правовых стандартов, заложенных в Конституции РФ. Данное определение предлагает сбалансированную концептуальную модель, способную служить теоретической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и практики оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. 351 с.

[2] Климов И.А. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. М.: Юнити-Дана, 2012. 343 с.

[3] Парфенов А.В. Генезис оперативно-розыскной деятельности в свете учения о розыскной и идентификационной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 208 с.

[4] Харченко С.В. Основы оперативно-розыскной деятельности для следователей: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2019. 143 с.

[5] Алферов В.Ю. Публично-правовая природа оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 176 с.

[6] Чечетин А.Е. Теория оперативно-розыскных мероприятий: монография. М.: Юрлитинформ, 2008. 240 с.

[7] Алексеев А.И. Избранные труды / сост. Н.Д. Бут и др. М.: Изд-во Ин-та прокуратуры РФ, 2018. 432 с.

[8] Вагин О.А. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М.: Деловой двор, 2016. 296 с.

[9] Шатохин М.А. Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 192 с.

[10] Федоров А.В. Теоретические основы оперативно-розыскной политики: монография. М.: Юрлитинформ, 2006. 160 с.

[11] Самойлов В.Г. Теория и практика документирования в оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. 485 с.

[12] Алексеев А.И., Синилов Г.К. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Юридическая литература, 1973. 184 с.

[13] Климов И.А. Методология теории и практики оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 485 с.

[14] Ковалев О.Г. Оперативно-розыскная деятельность: содержание, развитие, особенности: учебное пособие. М.: Проспект, 2016. 144 с.

[15] Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник. М.: Импэ-Паблиш, 2006. 552 с.

[16] Гирько С.И. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. М.: Юнити-Дана, 2019. 279 с.

References:

[1] Dubonosov E.S. Operational-search activity: textbook for universities. M.: Yurayt, 2020. 351 pp.

[2] Klimov I.A. Theory of operational-search activity: textbook. M.: Unity-Dana, 2012. 343 pp.

[3] Parfenov A.V. Genesis of operational-search activities in the light of the doctrine of search and identification activities: monograph. M.: Yurlitinform, 2019. 208 pp.

[4] Kharchenko S.V. Fundamentals of operational-search activities for investigators: a training manual. M.: Unity-Dana, 2019. 143 p.

[5] Alferov V.Yu. Public legal nature of operational-search activity: monograph. M.: Yurlitinform, 2010. 176 s.

[6] A.E. Chechetin. Theory of operational-search measures: monograph. M.: Yurlitinform, 2008. 240 s.

[7] Alekseev A.I. Selected works/comp. ND Booth et al. M.: Publishing House of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. 432 p.

[8] Vagin O.A. Article-by-article commentary on the Federal Law "On Operational-Search Activities." M.: Business yard, 2016. 296 pp.

[9] Shatokhin M.A. Information support of operational-search activities: monograph. M.: Yurlitinform, 2018. 192 p.

[10] Fedorov A.V. Theoretical foundations of operational-search policy: monograph. M.: Yurlitinform, 2006. 160 s.

[11] V.G. Samoilov. Theory and practice of documentation in operational-search activities: dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 1985. 485 p.

[12] Alekseev A.I., Sinilov G.K. Actual problems of the theory of operational-search activity: monograph. M.: Legal literature, 1973. 184 pp.

[13] Klimov I.A. Methodology of the theory and practice of operational-search activities: dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 1999. 485 p.

[14] O.G. Kovalev. Operational-search activity: content, development, features: textbook. M.: Prospect, 2016. 144 p.

[15] A.Yu. Shumilov. Course of fundamentals of operational-search activity: textbook. M.: Impe-Pablish, 2006. 552 p.

[16] Girko S.I. Operational-search activity: textbook. M.: Unity-Dana, 2019. 279 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-205-209

МЕРКАЗОВА Валентина Анатольевна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета
МВД России, майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru

ЧЕРНЫХ Виталий Викторович,
доцент кафедры огневой подготовки
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России,
полковник полиции,
e-mail: blackvit@bk.ru

РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. *В статье рассмотрена роль педагогических и психологических знаний в уголовном судопроизводстве и подготовке специалистов правоохранительных органов. Проведен анализ исторических и современных аспектов привлечения педагогов и психологов к процессуальным действиям с участием несовершеннолетних и уязвимых категорий лиц. Особое внимание уделено их функциям, правовому статусу и влиянию на качество уголовного судопроизводства. Также исследованы педагогические и психологические составляющие профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, включая формирование профессионально-психологических качеств, стрессоустойчивости и навыков межличностного взаимодействия. Выявлены актуальные проблемы и возможные пути совершенствования применения педагогико-психологических знаний в правоохранительной деятельности.*

Ключевые слова: *педагогические знания, психологические знания, уголовное судопроизводство, подготовка специалистов, правоохранительные органы, педагогика, психология, несовершеннолетние, стрессоустойчивость, профессиональная подготовка.*

MERKAZOVA Valentina Anatolyevna,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines
at the Crimean Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Major

CHERNYKH Vitaly Viktorovich,
Associate Professor in the Department of Firearms Training
at the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

THE ROLE OF PEDAGOGICAL AND PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND THE TRAINING OF FUTURE LAW ENFORCEMENT SPECIALISTS

Annotation. *The article examines the role of pedagogical and psychological knowledge in criminal proceedings and training of law enforcement personnel. It analyzes historical and contemporary aspects of involving educators and psychologists in procedural actions with minors and vulnerable groups. Special attention is given to their functions, legal status, and impact on the quality of criminal justice. The pedagogical and psychological components of professional training of law enforcement officers are also explored, including*

the development of professional-psychological qualities, stress resilience, and interpersonal skills. Current challenges and possible ways to improve the use of pedagogical and psychological knowledge in law enforcement are identified.

Key words: *pedagogical knowledge, psychological knowledge, criminal proceedings, personnel training, law enforcement agencies, pedagogy, psychology, minors, stress resilience, professional training.*

Современное уголовное судопроизводство представляет собой сложную многогранную систему, в которой ключевую роль играют не только юридические нормы и процессуальные правила, но и гуманитарные аспекты, формируемые психологией и педагогикой. С середины XX века в российской правовой практике и науке стало понятно, что успешное осуществление правосудия невозможно без учета индивидуальных особенностей участников уголовного процесса, особенно если речь идет о несовершеннолетних или иных уязвимых категориях лиц. Именно поэтому педагогические и психологические знания, обладая статусом специальных, стали важным инструментом в обеспечении законности, гуманности и эффективности правоприменительной деятельности, поскольку их использование проявляется в различных процессуальных формах: от консультативно-справочной деятельности и экспертиз до непосредственного участия специалистов в следственных действиях с целью защиты прав и интересов участников процесса [1].

В современном законодательстве РФ закреплено привлечение педагогов и психологов к уголовному судопроизводству, что отражает признание их научной и практической роли. Вместе с тем, хочется отметить, что несмотря на значительный прогресс, ряд вопросов относительно оптимальных форм использования таких знаний остается недостаточно разработанными, а нормативно-правовая база нуждается в совершенствовании. В связи с этим особая роль отводится подготовке будущих специалистов правоохранительных органов, для которых педагоги и психологи — не только субъект правосудия, но и важные участники образовательного процесса, поскольку формирование у них педагогических и психологических компетенций становится залогом не только профессионального успеха, но и гуманистической направленности их деятельности [2]. Можно сказать, что интеграция педагогических и психологических знаний в уголовном судопроизводстве и системе подготовки кадров представляет собой перспективное направление развития, способствующее балансу между правовыми требованиями и заботой о личности каждого участника процесса, поэтому мы считаем, что исследование данной темы позволяет выявить проблемы и предложить пути оптимизации взаимодействия юридической науки и гуманитарных дисциплин для повышения качества правосудия и эффективности правоохранительной деятельности.

Педагог как участник процесса появился еще в дореволюционном уголовном судопроизводстве. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года Законом от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказании» были закреплены особенности производства по делам несовершеннолетних. Воспитатели и учителя, как сведущие лица в области педагогики, привлекались к участию в уголовном судопроизводстве, если это было важно для надлежащего и всестороннего исследования личности несовершеннолетнего обвиняемого с целью решения вопроса о его «разумении». Их участие являлось факультативным и зависело от усмотрения суда, наличия требования прокурора или ходатайства родителей. Роль воспитателей и учителей ограничивалась дачей показаний или заключения относительно «умственного или нравственного развития обвиняемого»; указанные лица не рассматривались в качестве участников допроса несовершеннолетних и иных следственных действий [3].

В УПК РСФСР 1922 года и УПК РСФСР 1923 года нормы об участии педагогов в уголовном судопроизводстве отсутствовали, хотя на практике воспитатели и учителя нередко привлекались к допросу несовершеннолетних свидетелей и обвиняемых. В частности, такая рекомендация содержалась в Методических указаниях об организации прокурорского надзора по делам несовершеннолетних, утвержденных заместителем Генерального прокурора СССР 5 января 1957 года [3].

В соответствии с УПК РСФСР 1960 года педагог мог стать участником допроса несовершеннолетнего обвиняемого по усмотрению следователя или прокурора либо по ходатайству защитника (ст. 397). Согласно ст. ст.159, 285 указанного Кодекса, с участием педагога производился допрос свидетелей и потерпевших в возрасте до 14 лет, а по усмотрению следователя (суда) — в возрасте от 14 до 16 лет [3].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Далее УПК РФ), в отличие от своего предшественника, закрепил случаи обязательного участия педагога (психолога) в допросе

несовершеннолетнего, причем не только обвиняемого, но и подозреваемого, предусмотрел возможность участия психолога в указанном следственном действии, расширил возможности факультативного участия педагога в допросе несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Нормы, регламентирующие участие педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве, несмотря на активное, постоянное совершенствование УПК РФ и связанные с этим его многочисленные изменения и дополнения, на протяжении более 10 лет (с момента введения данного Кодекса в действие) оставались неизменными. В то же время ученые и практики зачастую высказывались за необходимость совершенствования и этих норм.

Итак, рассмотрим педагогические знания, которые играют важную роль в уголовном судопроизводстве, особенно при работе с несовершеннолетними участниками процесса. Ведь исторически педагоги привлекались к уголовным делам для всестороннего исследования личности несовершеннолетнего обвиняемого с целью определения его вменяемости и осознания содеянного. В современных условиях обязательное участие педагога в уголовном процессе закреплено в статьях 191, 280 и 425 Уголовно-процессуального кодекса РФ, что отражает важность педагогического сопровождения допросов, очных ставок и опознаний с несовершеннолетними участниками дела [3].

Отметим, что педагог в уголовном процессе выполняет комплекс функций, поскольку, во-первых, он участвует в удостоверении факта проведения следственного действия, часто выступая в роли понятого; во-вторых, педагоги представляют интересы допрашиваемого ребенка, выполняя функции своего рода защитника и законного представителя, что особенно важно для компенсации возрастных и психологических особенностей несовершеннолетних. И, в-третьих, педагог применяет свои специальные знания для обеспечения педагогически правильного общения с ребенком, помогая снизить уровень стресса и недопонимания, что способствует получению более достоверных и полноценных показаний [4]. Отметим, что участие педагога не требует обязательного педагогического образования — такими функциями могут обладать воспитатели детских садов, учителя, преподаватели колледжей и вузов, обладающие необходимыми знаниями в педагогике и опытом работы с детьми. При этом законодательство и судебная практика все еще не до конца определили процессуальный статус педагога, что создает некоторые сложности в правовом регулировании его участия, ведь функционально, педагог в уголовном судопроизводстве выступает как специалист, способный обеспечить гуманитарный подход во взаимодействии с несовершеннолетними, а это является гарантией защиты их прав и законных интересов, поскольку он помогает учитывать психологические и педагогические особенности ребенка, компенсируя его возрастную недостаточность развития и снижая травматичность следственных действий [5].

То есть мы видим, что педагогические знания в уголовном судопроизводстве способствуют гуманизации процесса, обеспечивают более точное и справедливое выяснение обстоятельств дела с участием несовершеннолетних, а также поддерживают правовую и этическую ответственность правоохранителей и судебных органов [6].

Теперь рассмотрим, что собой представляют психологические знания в уголовном процессе: это важнейший комплекс специальных знаний, используемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства для обеспечения объективности, полноты и достоверности получаемой информации. Современная уголовно-процессуальная практика свидетельствует об объективной потребности в интеграции психологического инструментария в деятельность правоохранительных органов, что обусловлено сложностью психических состояний и поведенческих реакций участников процесса, особенно несовершеннолетних лиц [7]. Важнейшей функцией психолога здесь является проведение психологической экспертизы, которая позволяет диагностировать уровень психического развития участников процесса, выявить признаки отставания или отклонений в психическом состоянии, оценить способность правильно воспринимать происходящее, давать адекватные показания и осознавать значение своих действий. Психологическое сопровождение процесса допроса и иных следственных действий направлено на снижение стрессовых факторов, создание атмосферы доверия и безопасности, что существенно повышает качество и надежность свидетельских показаний. Вот почему участие психолога играет большую роль при допросе несовершеннолетних, лиц с психическими расстройствами или иными особенностями, требующими специализированного подхода [8]. Ведь психолог обладает процессуальными правами и обязанностями, включая право на ознакомление с материалами дела, предоставление экспертных заключений, а также обязанность соблюдать профессиональную этику и конфиденциальность, поэтому его участие в следственных действиях предполагает применение научно обоснованных методов диагностики, интервьюирования и анализа поведения, что в свою очередь способствует точному выявлению мотивов, характера и последствий противоправных деяний.

Современные вызовы уголовного судопроизводства требуют систематизации процедур привлечения психологов, совершенствования нормативно-правовой базы и разработку методических рекомендаций для эффективного использования психологических знаний, при этом важно дифференцировать участие психолога в зависимости от статуса участников процесса, особенностей дела и целей следствия. Ведь внедрение и развитие психологической науки в процессуальную деятельность обеспечивает не только повышение качества правосудия, но и защиту прав и законных интересов несовершеннолетних и иных уязвимых категорий лиц [9].

То есть мы видим, что психологические знания выступают в качестве ключевого инструмента гуманизации уголовного процесса, повышения профессионализма правоохранителей и обеспечения баланса между необходимостью раскрытия преступлений и защитой личности человека в условиях следствия и суда. Поэтому дальнейшее развитие этой области требует междисциплинарного подхода, синергии юридической и психологической науки, а также совершенствования обучающих программ для специалистов, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Современная система подготовки сотрудников правоохранительных органов в условиях меняющихся вызовов преступности все более остро нуждается в интеграции междисциплинарных подходов, среди которых особое место занимают педагогические и психологические знания, поскольку их применение в профессиональной подготовке позволяет формировать не только профессиональные навыки, но и развивать личностные качества, необходимые для эффективного реагирования в стрессовых и конфликтных ситуациях. Педагогические знания в этом контексте обеспечивают формирование у будущих сотрудников системы ценностных ориентиров, развитие критического мышления, умения обучаться и применять передовые педагогические технологии в условиях практической деятельности, поскольку эти навыки способствуют созданию образовательных программ, адаптированных к индивидуальным особенностям обучающихся, что повышает общий уровень профессиональной компетентности личного состава. Психологические же знания играют ключевую роль в формировании психологической устойчивости и стрессоустойчивости сотрудников, поскольку они позволяют понять механизмы психологического воздействия, управлять эмоциональным состоянием, адекватно реагировать на психологические и социальные нагрузки, что особенно важно для оперативных служб, работающих с правонарушителями, потерпевшими и детьми [10]. Как отмечает в своих трудах Шанько В.В., комплексное использование педагогических и психологических подходов способствует формированию у сотрудников правоохранительных органов не только профессиональных компетенций, но и высокой морально-психологической готовности к выполнению служебных обязанностей в экстремальных условиях [11].

Здесь важно отметить, что внедрение психологических модулей в программы обучения правоохранителей способствует развитию навыков саморегуляции, межличностного взаимодействия и защиты прав личности в условиях повышенного давления, поскольку такой междисциплинарный подход обеспечивает более полное восприятие реалий профессиональной деятельности, повышает эффективность взаимодействия с гражданами и коллегами, а также способствует профилактике профессионального стресса и эмоционального выгорания. Отметим, что на международной конференции и в ряде исследований подчеркивается необходимость систематического развития педагогических и психологических методов в подготовительных программах, а также созданию условий для практического отработки полученных знаний в учебных и полевых условиях.

Мы видим, что повышение качества профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов с использованием педагогических и психологических знаний является стратегически важной задачей, решение которой закрепляет устойчивое развитие системы правопорядка, повышает уровень доверия общества и способствует выполнению задач по обеспечению безопасной среды. Интеграция гуманитарных наук в профессиональный стандарт правоохранителей реализует концепцию гуманизации правоохранительной деятельности и создает основу для формирования личности специалиста, ориентированного на междисциплинарное взаимодействие и непрерывное профессиональное развитие.

В заключение можно сделать вывод, что педагогические и психологические знания являются неотъемлемой частью уголовного судопроизводства и подготовки специалистов правоохранительных органов. Их применение способствует более эффективному расследованию преступлений, защите прав и интересов участников процесса, а также формированию профессиональных качеств будущих сотрудников правоохранительных органов. В условиях современного общества, где правоохранительные органы сталкиваются с новыми вызовами и сложными социальными проблемами, роль педагогических и психологических знаний становится особенно актуальной.

Список литературы:

[1] Петровская М. С. К вопросу о формах использования специальных педагогических и психологических знаний в уголовном судопроизводстве. Вестник Самарского государственного университета, № 2-1, 2012, С. 171-175.

[2] Лопатин А. А. Привлечение психолога и педагога в уголовное судопроизводство: историко-правовой аспект. Юридическая наука, № 4, 2023, С. 231-235.

[3] Тетюев С.В. Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве // Судья. 2014. № 10. С. 29-32.

[4] Дощицын А.Н. Педагог и криминалистические аспекты его участия в уголовном процессе // Советник юриста. 2014. № 2.

[5] Латыпов В. С. Оказание содействия педагогом и психологом в российском уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. №. 1. С. 138-144.

[6] Молчун В.В. Участие психолога и педагога в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2023. № 588.

[7] Ямова А.А. Роль психологических знаний в уголовном процессе. Вестник науки, № 11 (80), 2024, С. 650-656.

[8] Савин П. А. Понятие психологических знаний в уголовном процессе. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право, № 29, 2012, С. 112-113.

[9] Аккаева Х. А. Особенности применения специальных психологических знаний в уголовном судопроизводстве. Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, № 3, 2020, С. 235-237.

[10] Ходякова М.Н., Митин П.С., Ульянина О.А. Психологические аспекты проектирования обучения сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2021. № 1. С. 45-55.

[11] Шанько, В. В. Построение социокультурного образовательного пространства как условие формирования профессионально-правовой культуры курсантов вузов МВД России / В. В. Шанько // Перспективы науки. – 2020. – № 5(128). – С. 177-179.

References:

[1] Petrovskaya M.S. On the use of special pedagogical and psychological knowledge in criminal proceedings. Bulletin of Samara State University, No. 2-1, 2012, pp. 171-175.

[2] Lopatin A. A. Involvement of a psychologist and teacher in criminal proceedings: historical and legal aspect. Legal Science, No. 4, 2023, S. 231-235.

[3] Tetyuev S.V. Participation of a teacher and psychologist in criminal proceedings//Judge. 2014. № 10. S. 29-32.

[4] Doschitsyn A.N. Teacher and forensic aspects of his participation in criminal proceedings// Lawyer adviser. 2014. № 2.

[5] Latypov V. S. Assistance by a teacher and psychologist in the Russian criminal process//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. №. 1. S. 138-144.

[6] Molchun V.V. Participation of a psychologist and teacher in criminal proceedings//Young scientist. 2023. № 588.

[7] Yamova A.A. The role of psychological knowledge in criminal proceedings. Bulletin of Science, No. 11 (80), 2024, pp. 650-656.

[8] Savin P. A. The concept of psychological knowledge in criminal proceedings. Bulletin of South Ural State University. Series: Right, No. 29, 2012, S. 112-113.

[9] Akkaeva Kh. A. Features of the application of special psychological knowledge in criminal proceedings. Gaps in Russian legislation. Legal Journal, No. 3, 2020, S. 235-237.

[10] Khodyakova M.N., Mitin P.S., Ulyanina O.A. Psychological aspects of designing training for law enforcement officers//Applied legal psychology. 2021. № 1. S. 45-55.

[11] Shanko, V.V. Building a sociocultural educational space as a condition for the formation of a professional legal culture of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia/V.V. Shanko// Prospects of Science. – 2020. – № 5(128). - S. 177-179.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-210-213
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

СЕДЫХ Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
кандидат политических наук, подполковник полиции
Ставропольского филиала Краснодарского
университета МВД России,
e-mail: sedix81@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ЕГО ПРИЗНАКИ

Аннотация. *В данной работе анализируются теоретические вопросы, касающиеся преступления как ключевого элемента уголовного законодательства. С точки зрения онтологии раскрываются природа и содержание концепции «преступление», а также его атрибуты: действие, угроза для общества, нарушение закона, вина и наказуемость. Разнообразные подходы к определению противоправности и общественной опасности деяния приводят к возникновению множества теорий о преступлении и его определяющих характеристиках. В основе законодательного определения преступления лежит идея о том, что именно деяние отражает и определяет преступление, обладая комплексом объективных и субъективных черт.*

Ключевые слова: *виновность, наказуемость, состав преступления, уголовная ответственность, доктрина.*

SEDYKH Tatiana Viktorovna,
Senior lecturer of the Department
Criminal Procedure and Criminology,
Candidate of Political Sciences,
Police Lieutenant Colonel Stavropol branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

CRIME AND ITS SIGNS

Annotation. *This paper analyzes theoretical issues related to crime as a key element of criminal legislation. From the point of view of ontology, the nature and content of the concept of "crime" are revealed, as well as its attributes: action, threat to society, violation of the law, guilt and punishability. Various approaches to determining the illegality and social danger of an act lead to the emergence of many theories about the crime and its defining characteristics. The legislative definition of crime is based on the idea that it is the act that reflects and defines the crime, having a set of objective and subjective features.*

Key words: *guilt, punishability, corpus delicti, criminal responsibility, doctrine.*

Современное российское уголовное законодательство сформировалось благодаря анализу и упорядочиванию концепций и характеристик преступления, опирающимся на научные изыскания, включая доктринальные труды дореволюционной и советской эпох.

Это свидетельствует о поступательном развитии уголовно-правовых установлений и существенной роли теоретических основ уголовного права в оптимизации правоприменения и законодательной деятельности. В целом, благодаря постепенному развитию к тому времени, когда был принят действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года, теория и практика имели почти одинаковые представления о сути и признаках преступления. В частности, следует отметить, что уголовное законодательство эволюционно развивается. Изучение закономер-

ностей этого развития отражает особенности формирования правовых позиций законодателя, направленных на регулирование связей с общественностью, возникших в определенный исторический период [1].

Прежде всего, следует подчеркнуть, что развитие уголовного законодательства, как в Российской Федерации, так и в других странах, оказывает ощутимое влияние на становление и развитие экономических отношений. Вместе с тем, это влияние не является однонаправленным. Весомое и решающее воздействие на преобразование уголовного права оказывают политические события и требования общества, высказанные населением через избранных ими лиц.

Одним из последствий подобной общественной структуры, к примеру, явилась трансформация объекта уголовно-правовой защиты в 90-е годы [2]. До утверждения Конституции Российской Федерации в 1993 году, приоритет отдавался борьбе с посягательствами на государственные интересы и имущество. С принятием Конституции, Уголовный кодекс 1996 года сосредоточился на защите индивида, его жизни, здоровья, а также неприкосновенности частной собственности.

Таким образом, в исторической ретроспективе выделяются три основных подхода в определении сущности преступления, обусловленные развитием уголовно-правовой мысли:

1) Формальный (или нормативный) подход, основанный на критерии запрета деяний уголовным законодательством с применением наказания за их совершение, что было заложено в основу классической школы уголовного права.
2) Уголовно-правовая доктрина, базирующаяся на оценке социальной вредности поступка, была развита теоретиками социологического направления в юриспруденции.
3) Материально-формальный (комбинированный) подход, объединяющий критерии общественной опасности и нормативного запрета в единую концепцию, подразумевая анализ деяния с точки зрения его соответствия уголовному закону и способности причинять вред общественным отношениям.

Действующее уголовное право России использует материально-формальный метод, который заключается в сбалансированном сочетании признаков, определяющих деяние как преступное, включая его законодательный запрет, угрозу для общества, вину субъекта и предусмотренное наказание. Изучая этот вопрос, акцентируем необходимость переосмысления и детализации понятия преступления в законодательстве, особенно аспектов, устанавливающих критерий общественной опасности, что поспособствует усилению четкости правового регулирования и результативности противодействия преступности. В международном праве основанием для определения преступления служит критерий его опасности для всего человечества. Такая опасность расценивается как угроза для глобального сообщества, фундаментальных прав и общечеловеческих интересов, сформировавшихся в процессе развития мировой цивилизации на протяжении веков.

Незаконность деяния, являясь неотъемлемым признаком преступления, акцентирует внимание на обязательности его запрещения на законодательном уровне. Если отсутствует данный признак, то даже деяние, представляющее общественную опасность, не может быть признано преступным, а следовательно, исключается и возможность назначения наказания. Наказуемость, как еще один важный признак, который унаследован от доктрины уголовного права разных эпох и географических регионов, включая до- и постсоветский периоды, а также зарубежное и международное право, акцентирует на обязательности санкции за совершение преступления.

Таким образом, в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации, преступление определяется как виновное совершение действия, обладающего общественной опасностью и запрещенного уголовным законом под угрозой наказания, согласно части 1 статьи 14 УК РФ.

Преступление по структуре не представляет собой явление, имеющее особые черты, отличающие его от других событий реальности. Оно конструируется как последовательность событий, причинно - следственно связанных с поведением лица, которое может выражаться как в действии, так и в бездействии. Преступление описывается в нормативных актах как определенное событие, с характерными причинами, ходом событий и результатами, отобранное из множества возможных событий на основе его вредоносного воздействия на защищаемые общественные интересы. Выделение его из общего потока событий и признание преступным осуществляется законодателем исходя из социальной значимости причиненного вреда и того факта, что такое поведение человека не обусловлено непреодолимыми силами природы, а является результатом осознанных действий или бездействия субъекта.

В науке продолжаются обсуждения о числе и характеристиках признаков, которые определяют преступление.

Основываясь на законодательных определениях, можно выделить следующие признаки преступления:

1. Общественная опасность показатель, характеризующий преступление с точки зрения его вредоносного воздействия на социальные отношения, защищаемые уголовным правом.
2. Уголовная противоправность - признак, указывающий на нарушение действующих уголовно-правовых норм.
3. Виновность - составная часть, отражающая субъективное отношение виновного к его действию или бездействию и к его последствиям.
4. Наказуемость - предполагает возможность применения уголовной ответственности за совершенное деяние.

Общественная опасность выступает в качестве признака, определяет сущность преступного деяния и обусловливает его квалификацию как преступления. Степень общественной опасности зависит от объекта уголовно-правовой охраны, который подвергается посягательству, и размера вреда, нанесенного данным деянием. Объектами такой охраны являются, например, личность, общественная безопасность, собственность, окружающая среда и другие. Особые условия совершения преступления, такие как место, время, способ и обстоятельства его выполнения, также играют важную роль в оценке его общественной опасности.

При оценке степени опасности деяния для общества учитывается категория преступления, что имеет значение при рассмотрении вопросов, касающихся повторных преступлений (ст. 18 УК), выбора типа исправительной колонии (ст. 58 УК), освобождения от ответственности перед законом (гл. 11 УК) и вынесенного приговора (гл. 12 УК), включая несовершеннолетних (гл. 14 УК), а также при аннулировании судимости (ст. 86 УК).

Характер вины тоже определяет степень угрозы, которую преступление представляет для общества. К примеру, умышленное лишение жизни (статья 105 УК) и непредумышленное причинение смерти (статья 109 УК) значительно отличаются по уровню общественной опасности, что чётко прослеживается в мерах наказания, предусмотренных этими статьями.

Уровень угрозы, которую представляет собой преступное деяние для общества, проявляется в двух аспектах:

1) сущность – определяющее свойство, отражающее суть преступления;
2) интенсивность – мера, показывающая масштаб ущерба от преступления.

Уголовный кодекс Российской Федерации классифицирует преступления на группы, исходя из их сущностных особенностей и интенсивности общественной опасности.

Классификация преступных деяний играет важную роль: при разработке уголовно-правовых концепций и положений; при установлении типа рецидива; при определении типа исправительного учреждения для отбывания наказания; при вычислении срока давности привлечения к ответственности; при определении сроков снятия судимости; при установлении действия закона во времени; для индивидуализации мер наказания.

В уголовно-правовой доктрине, помимо классификации преступлений по категориям, различают длящиеся и продолжаемые преступные деяния. В качестве иллюстрации длящегося преступления можно привести пример злостного уклонения от выплаты алиментных обязательств, так как оно характеризуется продолжительным периодом противоправной деятельности: от момента начала уголовно наказуемого деяния до его прекращения вследствие вмешательства правоохранительных органов [3].

Противоправность как один из признаков преступления, олицетворяет собой нарушение установленных законодательством норм и является своего рода индикатором деяний, противоречащих правовому порядку. В соответствии с нормами УК РФ, преступным признается только то действие или бездействие, которое предусмотрено в рамках существующего уголовного законодательства.

Таким образом, лицо может быть признано преступником лишь в случае осуществления действий либо бездействий, запрещенных и описанных в УК РФ [4].

Важным является положение, содержащееся в статье 8 УК РФ, которое содержит основания уголовной ответственности.

Несмотря на то, что общественная опасность и противоправность выступают как признаки преступления, определяющим фактором для квалификации деяния как преступного является именно его общественная опасность.

Для понимания таких критериев необходимо обратиться к положениям части 2 статьи 14 УК РФ, подчеркивающей, что деяние, несмотря на наличие формальных признаков действия, предусмотренного уголовным законодательством, не квалифицируется как преступление в случае его малозначительности, т.е. отсутствия причиненного вреда или создания угрозы такого вреда. Так, простое наличие формальных атрибутов деяния, без учета его общественной опасности, не является достаточным основанием для

признания его преступлением. В случаях, когда подобное деяние происходит, закон предусматривает невозможность возбуждения нового уголовного дела или прекращение уже возбужденного.

Виновность также является одним из признаков преступления. Этот признак подразумевает наличие психологического отношения лица, признанного вменяемым, к своему действию или бездействию, которое может проявляться в форме умысла или неосторожности. В соответствии с принципом вины объективное вменение не допускается.

Наказуемость, в свою очередь, выступает как формальный и самостоятельный признак преступления, предполагающий не только возможность, но и законность применения к правонарушителю государственных мер принуждения. Этот признак закрепляет основу для уголовного воздействия на нарушителя, устанавливает его пределы в соответствии с установленными в УК РФ рамками, не ограничиваясь только санкциями статей Особенной части УК РФ. Кроме того, признак наказуемости выполняет профилактическую функцию, предупреждая возможные правонарушения.

Утверждение о том, что за каждое преступление должно следовать уголовное преследование, тесно переплетается с основополагающим принципом неотвратимости ответственности в уголовном законодательстве.

Необходимо проводить чёткое разграничение между возможностью быть наказанным и реально примененной санкцией. Иллюстрацией служит практика в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, где вместо классического наказания применяются принудительные воспитательные меры, оговоренные в статье 90 УК РФ. Несмотря на то, что данные меры не квалифицируются как наказание в прямом юридическом смысле, они всё равно являются способом воздействия на несовершеннолетнего в рамках уголовно-правовой сферы.

Концепция наказуемости подразумевает, что за любое совершенное преступление теоретически может последовать применение мер ответственности.

Основываясь на определении преступления, данном в части 1 статьи 14 Уголовного кодекса РФ, а именно – виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, выделяют четыре ключевые характеристики преступления: его противоречие закону, вина субъекта, опасность для общества и возможность применения наказания.

Список литературы:

[1] Епифанова Е.В. Наука уголовного права о понятии преступления (исторический аспект) // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2006. № 3. С. 276.

[2] Дубовицкая В.Н. О некоторых аспектах понятия и признаках оконченного преступления по уголовному законодательству Российской Федерации // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики, Волгоград, 13 ноября 2020 года. Волгоград: ИП Черняева Ю.И., 2020. С. 107.

[3] Постановление президиума Тамбовского областного суда от 21.04.2022 N 44у-32/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. С. 138.

References:

[1] Epifanova E.V. The science of criminal law on the concept of crime (historical aspect)//Proceedings of the Kuban State Agrarian University. 2006. № 3. S. 276.

[2] Dubovitskaya V.N. On some aspects of the concept and signs of a completed crime under the criminal legislation of the Russian Federation//Actual problems of criminal proceedings and criminalistics, Volgograd, November 13, 2020. Volgograd: IP Chernyaeva Yu.I., 2020. S. 107.

[3] Resolution of the Presidium of the Tambov Regional Court of 21.04.2022 N 44u-32/2022//SPS “ConsultantPlus.”

[4] Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook/A.A. Aryamov, T.B. Basova, E.V. Blagov and others; resp. ed. Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchaev. M.: CONTRACT, 2017. S. 138.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-214-220

ИВАНОВА Наталия Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин,
Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: nataliya.ivanova.73@list.ru

МАНОЙЛОВА Марина Алексеевна,
доктор психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и теологии,
Псковский государственный университет,
e-mail: marinaman@list.ru

ВИНОГРАДОВА Надежда Алексеевна,
преподаватель кафедры философии и теологии,
Псковский государственный университет,
e-mail: umo1@pskgu.ru

КОНЦЕПЦИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ (ОЧЕРК ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

Аннотация. *Повышение уровня общественной безопасности остается актуальной проблемой современного общества и требует разработки научно-обоснованного подхода к снижению рецидивной преступности. В научных работах, посвященных актуальным вопросам современной пенитенциарной политики, и в более широком социально-политическом контексте растет консенсус относительно того, что лишение свободы является не только неэффективным способом исправления индивида, но и содействует продолжению создания условий социальной несправедливости, которые в конечном итоге могут привести к повышению уровня рецидивизма.*

Потенциал общественных работ как альтернативного вида наказания заключается в декриминализации преступлений (замене уголовной ответственности альтернативными видами исправительного воздействия) и минимальном вмешательстве в уголовно-правовом контексте с целью снижения уровня рецидивной преступности. Однако, основная цель такого вида наказания как общественные работы часто остается неясной, что препятствует разработке стратегии развития данного вида наказания, и, в целом, его положительному влиянию в качестве альтернативы тюремному сроку.

В настоящей работе представлен анализ результатов зарубежных исследований, в которых подчеркивается роль и значение общественных работ в реализации таких практик и методов как возмещение вреда потерпевшему и поддержка реинтеграции индивида в общество, в создании условий, способствующих длительному воздержанию лица от совершения преступления.

Ключевые слова: *общественные работы, восстановительное правосудие, воздержание от совершения преступления, социальная справедливость, социальная политика, межведомственное взаимодействие, предотвращение повторных преступлений, рецидивизм.*

IVANOVA Nataliya Nickolaevna,
candidate of philological sciences,
associate professor, associate professor
of the Department of humanitarian and socio-economic disciplines,
Pskov Branch of the University of the Federal Penal Service of Russia

MANOILOVA Marina Alekseevna,
doctor of psychology, associate professor,
head of the Department of philosophy and theology,
Pskov State University

VINOGRADOVA Nadezhda Alekseevna,
lecturer at the Department of philosophy and theology,
Pskov State University

THE CONCEPT OF PUNISHMENT IN THE FORM OF COMMUNITY WORK (STUDY OF FOREIGN EXPERIENCE)

Annotation. *To make communities safer it is needed to rely on an evidence-based approach aimed at reducing reoffending.*

In criminal justice literature, devoted to the actual issues of modern penal policy, and in a wider socio-political sphere there is a growing consensus that imprisonment is not only an ineffective way of correcting an individual, but it helps to provide conditions of social injustice that in the long run might result in the rise of recidivism.

The potential of unpaid work as an alternative sanction is based on decarceration (through diversion from custody) and minimum intervention (as a more proportionate response to certain forms of offending) in order to reduce recidivism. However, the key purpose of the sanction is often not clear, which hinders its strategic policy development and impact as an alternative to prison.

This paper proposes a study of the international research outcomes which underline the role and significance of unpaid work in implementing such practices and methods that can contribute to facilitating desistance in terms of repairing harm and supporting reintegration.

Key words: *community work, restorative justice, desistance, social justice, social policy, multiagency interaction, prevention of recidivism, recidivism.*

Одной из приоритетных задач уголовно-правовой политики в мире в настоящее время является расширение сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, и дальнейшее развитие их правовой регламентации.

Все большее число ученых в России и за рубежом обращают внимание на воспитательный, реабилитационный и ресоциализирующий потенциал общественных работ как альтернативного вида наказания, применение которого содействует предотвращению полной десоциализации и способствует адаптации личности в социальной среде [1], сохранению и развитию трудовых навыков осужденного, возмещению вреда, причиненного обществу его преступлением [2], предупреждению преступности [3], [4] и снижению уровня рецидивизма [5], [6].

Несмотря на то, что практике применения общественных работ (неоплачиваемого труда) в качестве уголовного наказания в Англии и Уэльсе уже более 50 лет, бессистемность многочисленных реформ в этой сфере [7, с. 5], введенных для усиления карательности неоплачиваемого труда и индивидуализации наказания, привели к тому, что в настоящий момент в ирландской системе уголовного правосудия отсутствует четкая основополагающая концепция уголовного наказания в виде общественных работ, что затрудняет не только их применение, но и дальнейшую разработку соответствующей политики.

Кэнефик и Гилфойл предлагают трехчастную стратегию применения общественных работ как меры наказания, опирающейся на три подхода: длительное воздержание от совершения преступлений, восстановительное правосудие и социальная справедливость [8]. Общественные работы могут стать важным шагом в формировании готовности индивида к длительному воздержанию от совершения преступления и, следовательно, снизить уровень рецидивной преступности, при условии, если их введение будет способствовать изменениям преступника как на индивидуальном, так и на социальном уровнях.

Как отмечают Фаррал и Хили, воздержание от совершения преступления – это сложный процесс изменения паттернов поведения, который уникален для каждого отдельного человека ввиду присущих только ему криминогенных характеристик [9], [10]. Более того, результаты исследований показывают, что индивидуальные изменения в значительной степени зависят от более широкой социальной поддержки. В частности, люди с большей вероятностью воздержатся от совершения преступлений, когда их эмоционально-чувственная сфера находит положительные подкрепления в виде прочных связей с семьей и обществом, их самореализации в работе и получении от других признания их значимости, при появлении чувств уверенности в себе и надежды, смысла и цели в жизни.

Исследования фактов воздержания от совершения преступлений лицами, находящимися на пробации, в частности, подтверждают, что индивидуальные поведенческие программы и медицинские услуги, например, такие как уча-

стие в программах наркологических служб, когнитивно-поведенческой терапии и т.д. рассматриваются всего лишь как один из способов поддержки процесса изменения индивида [11], [12], и признают особый вклад местного сообщества и общества, в целом, в процессы предупреждения преступности и реинтеграции [13].

Снижение числа повторных правонарушений является очевидным и происходит тогда, когда лицо осознает, что наказание было справедливым и оправданным, и когда в основе наказания лежит принцип сотрудничества, выражающийся в налаживании отношений с другими.

В целях воздержания лица от совершения преступлений в ходе выполнения им общественных работ необходимо обеспечить, чтобы стратегии внедрения данной формы наказания отвечали потребностям отдельного человека, его семьи и сообщества. Таким образом, главной целью применения общественных работ является предоставление реальных возможностей и индивидуально подобранных средств, которые бы способствовали развитию человеческого и социального капитала. С этой целью Фарраллом [14], Макнейлом [15], Порпорино [16] и Уивером и Макнейлом [17] была предложена модель предупреждения преступности, ключевыми принципами которой являются признание того факта, что изменения могут потребовать времени и что привлечение широкого круга заинтересованных сторон является главным фактором, содействующим реинтеграции.

С позиции макроуровневого подхода к вопросу воздержания от совершения преступления региональные, национальные и международные ведомства, реализуя принцип социальной справедливости, принимают меры по устранению условий социальной изоляции лица и по содействию объединения сообщества, привлекая членов сообщества, различные ведомства и организаций к участию в данном процессе. При этом становится очевидным факт, что выполнение неоплачиваемой работы входит в сферу ответственности не только служб пробации.

Воздержание от совершения преступления происходит в сообществе, и, поэтому требование о выполнении общественных работ может содействовать воздержанию лица от совершения преступления, особенно если эта поддержка, направленная на поощрение просоциальной идентичности лица, совершившего преступление, поступает из разных сфер, включая местное правительство, государственные структуры, представителей общественных и волонтерских организаций, частный сектор.

Для осуществления мер, направленных на воздержание лиц от совершения преступлений некоторые юрисдикции налагают юридические обязательства на заинтересованные стороны с целью привлечения их к участию в планировании и поддержке мер, направленных на содействие процессу воздержания лиц от совершения повторных преступлений на различных этапах. Например, норвежское правительство на законодательном уровне одобрило требование для государственных, частных и волонтерских организаций обеспечивать и внедрять «гарантию реинтеграции» для тех, кто отбыл наказание [18].

Как отмечает Маршал, разработка подхода осознанного воздержания от совершения преступлений может быть усилена практиками и методами восстановительного правосудия, которые способствуют совместному устранению последствий совершенного преступления [19].

В процессе разработки и планирования общественных работ практики восстановительного правосудия могут способствовать налаживанию отношений между заинтересованными сторонами, их совместной разработке и внедрению, коллективному принятию решений и рефлексии. Таким образом, применение методов восстановительного правосудия позволило бы усилить эффективность межведомственной работы и способствовало бы полноценному участию общества в разработке политики и практики общественных работ. Восстановительное правосудие может быть предложено соответствующим заинтересованным сторонам на этапе вступления лица в должность, чтобы помочь ему осознать, как постановление о назначении ему общественных работ может послужить целям возмещения ущерба и реинтеграции.

Общественные работы могут быть частью восстановительного правосудия и назначение лицу общественных работ является прямым ответом на совершенное им правонарушение и причиненный вред в том случае, когда это возможно и уместно. Применение подхода «восстановительное правосудие» также могло бы помочь установить более тесные рабочие отношения между лицом, совершившим правонарушение, общественным инспектором и сотрудником службы пробации, что способствовало бы длительному воздержанию лица от совершения преступления за счет укрепления обоюдного доверия и поощрения формирования у него просоциального стиля поведения.

Таким образом, практики восстановительного правосудия являются полезным инструментом в создании более конструктивных мер в ответ на факты нарушения и несоблюдения требований закона.

Существует большое количество зарубежных работ, в которых рассматривается влияние

социальной изоляции на проблему преступности и в связи с этим возникает необходимость рассматривать преступность с точки зрения социальной справедливости [20].

Рассматривая преступность как социальную проблему, существует возможность переосмыслить наказание как реальное средство согласования уголовной политики с более глобальными вопросами социальной политики через сокращение сроков тюремного заключения и развитие практик, поддерживающих социальную интеграцию и создание более безопасных сообществ.

В настоящее время, трехчастная стратегия применения общественных работ сталкивается с многочисленными проблемами, такими как легитимность и практическая реализация. «Подходы, основанные на участии сообщества, не могут быть успешно реализованы без понимания и принятия их сообществом и обществом, в целом» [21, с. 11].

Эффективность трехчастной стратегии зависит от того, насколько местное сообщество и общество в целом, средства массовой информации и государство верят в то, что люди могут измениться. В обществе существуют полярные мнения относительно того, как относиться к наказанию преступников и к введению общественных работ вместо тюремного срока, в частности, Одна часть общества выступает в защиту карательного отношения к лицам, преступившим закон, другая поддерживает идею «искупления вины» и прощения.

Таким образом, идеи об искуплении вины и прощении могут оказывать влияние и вдохновлять в той же степени, что и идеи о возмездии и осуждении. Главное отличие состоит в том, что если в фокусе внимания находится принцип возмездия, то это приносит вред не только лицу, совершившему преступление, но и обществу, поскольку препятствует процессу воздержания его от совершения преступлений и подрывает социальное единство. И наоборот, умеренный акцент на чувстве искупления вины поддерживает процесс воздержания от совершения преступления и способствует созданию более безопасных обществ [22].

Как отмечают Маруна и Кинг, обращение к сострадательной стороне общества, основанной на эмоционально-чувственной сфере, может повысить доверие к общественным санкциям, особенно если они подкреплены историями о личностных преобразованиях [23]. Такой подход может стать мощным инструментом в формировании мнения людей о преступлениях, о тех, кто их совершает, и об их месте в обществе. Примером кампании, сформировавшей общественное отношение к тем, кто совершил преступление, является сингапурский проект «Желтая лента». Общественная организация «Правосудие Шотландии» также провела эффективную кампанию «Второй шанс», которая пропагандирует позитивное отношение к тем, кто совершил преступление, делясь своими историями на аудио-, видео-и социальных медиа-платформах [24].

Таким образом, в целях повышения эффективности предоставления общественных работ и в качестве руководства для разработки политики их развития и совершенствования может быть использована модель трехчастной стратегия, основывающейся на взаимодействии трех подходов: длительном воздержании от совершения преступления, восстановительном правосудии и социальной справедливости, реализация которых предполагает выполнение следующих стратегических задач:

- содействие процессу воздержания лиц от совершения преступлений через приверженность инклюзивной, созидательной и просоциальной политике, практикам, культурам, структурам и языку, в соответствии с принципами декриминализации и минимального вмешательства.
- укрепление и расширение принципов, практик и методов восстановительного правосудия на основных этапах выполнения общественных работ, включая планирование, управление и осуществление.
- внедрение принципов социальной справедливости через консолидацию и улучшение межведомственного взаимодействия, привлечению к участию сообщества и организации совместного производства.

Также следует отметить, что внедрение трехчастной стратегии в практику связано с возникновением ряда проблем, связанных с преодолением негативного отношения общества к лицам, совершившим преступления, и сложностью мониторинга и оценки результатов работы общественных организаций и служб, участвующих в процессе ресоциализации и реинтеграции лиц, к которым применяется пробация.

Список литературы:

[1] Деминская А. А. Об эффективности уголовного наказания в виде общественных работ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 59–64.

[2] Крупенина, М. А. Опыт применения альтернативных видов наказания в странах англосаксонской правовой семьи / М. А. Крупенина, О. З. Титова // Проблемы и перспективы развития

уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : Материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием. В 3-х частях, Самара, 24 апреля 2020 года. Том Часть 1 . – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 229-230.

[3] McCulloch T. (2010). 'Realising Potential: Community service, pro-social modelling and desistance', European Journal of Probation, 2(2), pp. 3-22.

[4] Устинов А.А. Наказание в виде обязательных работ и сходные виды наказаний в законодательстве стран СНГ и сопредельных государств // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 1(44). С. 142–147.

[5] Killias M., Aebi, M. and Ribeaud, D. 'Does community service rehabilitate better than short-term imprisonment? Results of a controlled experiment', The Howard Journal, 2000. 39(1), pp. 40-57.

[6] Wermink, H., Blokland, A., Nieuwbeerta, P., Nagin, D. and Tollenaar, N. (2010). 'Comparing the effects of community service and short-term imprisonment on recidivism: a matched samples approach', Journal of Experimental Criminology, 6, pp. 325-349.

[7] Mair, G. and Mills, H. (2009). The Community Order and Suspended Sentence Order Three Years On: the views and experiences of Probation Officers and Offenders. London: Centre for Crime and Justice // URL: https://www.crimeandjustice.org.uk/community-order-and-suspended-sentence-order-three-years-views-and-experiences-probation-officers.

[8] Guilfoyle E., Kennefick L. A tripartite strategy for unpaid work in the community. HM Inspectorate of Probation. Academic Insights 2023/07 // URL: https://eprints.gla.ac.uk/303296/1/303296.pdf.

[9] Farrall, S. (2002). Rethinking What Works with offenders: Probation, social context and desistance from crime. Cullompton: Willan Publishing // URL: https://www.researchgate.net/publication/329370198_Stephen_Farrall_2002_Rethinking_What_Works_with_Offenders_Probation_Social_Context_and_Desistance_from_Crime_Willan_Cullompton_ISBN_1-903240-95-6.

[10] Healy, D. (2012). The Dynamics of Desistance: Charting Pathways Through Change. Routledge // URL: https://www.routledge.com/The-Dynamics-of-Desistance-Charting-Pathways-Through-Change/Healy/p/book/9780415628051

[11] McNeill, F. and Weaver, B. (2010). 'Changing Lives? Desistance Research and Offender Management', The Scottish Centre for Crime & Justice Research Report No.03/2010. Glasgow: Scottish Centre for Crime and Justice Research // URL:https://www.sccjr.ac.uk/wp-content/uploads/2012/11/Report_2010_03_-_Changing_Lives.pdf.

[12] Robinson, G. and Raynor, P. (2006). 'The future of rehabilitation: What role for the probation service?', Probation Journal, 53(4), pp. 334-346.

[13] Weaver, B. (2012). 'The Relational Context of Desistance: Some Implications and Opportunities for Social Policy', Social Policy and Administration, 46(4), pp. 395-412.

[14] Farrall, S. (2004). 'Social capital and offender reintegration: Making probation desistance focused' , in: Maruna, S. and Immarigeon, R. (eds.) After Crime and Punishment: Pathways to Offender Reintegration. Cullompton, UK: Willan, pp. 57-82.

[15] McNeill, F. (2006). 'A desistance paradigm for offender management', Criminology and Criminal Justice, 6(1), pp. 39-62.

[16] Porporino, F. (2010). 'Bringing sense and sensitivity to corrections: from programs to 'fix' offenders to services to support desistance', in: Brayford, J., Cowe, F. and Deering, J. (eds.) What else works? Creative work with offenders. Cullompton: Willan Publishing, pp. 61-85.

[17] Weaver, B. and McNeill, F. (2012). 'Managing cases or supporting change :some implications of desistance research for case management', Euro-Vista: Probation and Community Justice, 2(2), pp. 97-108.

[18] McNeill, F., Farrall,S., Lightowler, C. and Maruna, S. (2012). Institute for Research and Innovation in Social Services. How and why people stop offending: Discovering desistance. Insight 15.// URL: https://www.iriss.org.uk/resources/insights/how-why people-stop-offending-discovering-desistance.

[19] Marshall, T.F. (1999). Restorative Justice: An Overview. Home Office // URL: https://www.antoniocasella.eu/restorative/Marshall_1999-b.pdf

[20] Drake, E.K., Aos, S. and Miller, M.G. (2009). 'Evidence-Based Public Policy Options to Reduce Crime and Criminal Justice Costs: Implications in Washington State', Victims and Offenders, 4, pp. 170-196.

[21] United Nations (2020). Fourteenth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice Workshop 2: Reducing reoffending: identifying risks and developing solutions. A/CONF.234/9: United Nations // URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Documentation_14th_Congress/DiscussionGuide/A_CONF234_PM1_e_V1806329.pdf.

[22] Maruna, S. (2001). Making good: how ex-convicts reform and rebuild their lives.Washington: American Psychological Association Books // URL: https://www.researchgate.net/publication/232604319_Making_Good_How_Ex-Convicts_Reform_and_Rebuild_Their_Lives.

[23] Maruna, S. and King, A. (2008). 'Selling the Public on Probation: Beyond the Bib', Probation Journal, 55(4), pp. 337-351.

[24] Community Justice Scotland (2019). Second Chancers. // URL: https://secondchancers.tv/.

References:

[1] Deminskaya A. A. On the effectiveness of criminal punishment in the form of community service // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2. pp. 59–64.

[2] Krupenina M. A. Experience in the use of alternative forms of punishment in the countries of the Anglo-Saxon legal family / M. A. Krupenina, O. Z. Titova // Problems and Prospects of the Development of the Russian Penitentiary System at the Present Stage: Materials of the All-Russian Scientific Conference of Adjuncts, Postgraduate Students, Cadets, and Students with International Participation. In 3 parts, Samara, April 24, 2020. Volume Part 1. – Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2020. – pp. 229-230.

[3] McCulloch T. (2010). 'Realising Potential: Community service, pro-social modelling and desistance', European Journal of Probation, 2(2), pp. 3-22.

[4] Ustinov, A.A. Punishment in the form of compulsory labor and similar types of punishment in the legislation of the CIS countries and neighboring states // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service.2022. № 1(44). pp. 142–147.

[5] Killias M., Aebi, M. and Ribeaud, D. 'Does community service rehabilitate better than short-term imprisonment? Results of a controlled experiment', The Howard Journal, 2000. 39(1), pp. 40-57.

[6] Wermink, H., Blokland, A., Nieuwbeerta, P., Nagin, D. and Tollenaar, N. (2010). 'Comparing the effects of community service and short-term imprisonment on recidivism: a matched samples approach', Journal of Experimental Criminology, 6, pp. 325-349.

[7] Mair, G. and Mills, H. (2009). The Community Order and Suspended Sentence Order Three Years On: the views and experiences of Probation Officers and Offenders. London: Centre for Crime and Justice // URL: https://www.crimeandjustice.org.uk/community-order-and-suspended-sentence-order-three-years-views-and-experiences-probation-officers.

[8] Guilfoyle E., Kennefick L. A tripartite strategy for unpaid work in the community. HM Inspectorate of Probation. Academic Insights 2023/07 // URL: https://eprints.gla.ac.uk/303296/1/303296.pdf.

[9] Farrall, S. (2002). Rethinking What Works with offenders: Probation, social context and desistance from crime. Cullompton: Willan Publishing // URL: https://www.researchgate.net/publication/329370198_Stephen_Farrall_2002_Rethinking_What_Works_with_Offenders_Probation_Social_Context_and_Desistance_from_Crime_Willan_Cullompton_ISBN_1-903240-95-6.

[10] Healy, D. (2012). The Dynamics of Desistance: Charting Pathways Through Change. Routledge // URL: https://www.routledge.com/The-Dynamics-of-Desistance-Charting-Pathways-Through-Change/Healy/p/book/9780415628051

[11] McNeill, F. and Weaver, B. (2010). 'Changing Lives? Desistance Research and Offender Management', The Scottish Centre for Crime & Justice Research Report No.03/2010. Glasgow: Scottish Centre for Crime and Justice Research // URL:https://www.sccjr.ac.uk/wp-content/uploads/2012/11/Report_2010_03_-_Changing_Lives.pdf.

[12] Robinson, G. and Raynor, P. (2006). 'The future of rehabilitation: What role for the probation service?', Probation Journal, 53(4), pp. 334-346.

[13] Weaver, B. (2012). 'The Relational Context of Desistance: Some Implications and Opportunities for Social Policy', Social Policy and Administration, 46(4), pp. 395-412.

[14] Farrall, S. (2004). 'Social capital and offender reintegration: Making probation desistance focused' , in: Maruna, S. and Immarigeon, R. (eds.) After Crime and Punishment: Pathways to Offender Reintegration. Cullompton, UK: Willan, pp. 57-82.

[15] McNeill, F. (2006). 'A desistance paradigm for offender management', Criminology and Criminal Justice, 6(1), pp. 39-62.

[16] Porporino, F. (2010). 'Bringing sense and sensitivity to corrections: from programs to 'fix' offenders to services to support desistance', in: Brayford, J., Cowe, F. and Deering, J. (eds.) What else works? Creative work with offenders. Cullompton: Willan Publishing, pp. 61-85.

[17] Weaver, B. and McNeill, F. (2012). 'Managing cases or supporting change :some implications of desistance research for case management', Euro-Vista: Probation and Community Justice, 2(2), pp. 97-108.

[18] McNeill, F., Farrall,S., Lightowler, C. and Maruna, S. (2012). Institute for Research and Innovation in Social Services. How and why people stop offending: Discovering desistance. Insight 15.// URL: https://www.iriss.org.uk/resources/insights/how-why people-stop-offending-discovering-desistance.

[19] Marshall, T.F. (1999). Restorative Justice: An Overview. Home Office // URL: https://www.antoniocasella.eu/restorative/Marshall_1999-b.pdf

[20] Drake, E.K., Aos, S. and Miller, M.G. (2009). 'Evidence-Based Public Policy Options to Reduce Crime and Criminal Justice Costs: Implications in Washington State', Victims and Offenders, 4, pp. 170-196.

[21] United Nations (2020). Fourteenth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice Workshop 2: Reducing reoffending: identifying risks and developing solutions. A/CONF.234/9: United Nations // URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Documentation_14th_Congress/DiscussionGuide/A_CONF234_PM1_e_V1806329.pdf.

[22] Maruna, S. (2001). Making good: how ex-convicts reform and rebuild their lives.Washington: American Psychological Association Books // URL: https://www.researchgate.net/publication/232604319_Making_Good_How_Ex-Convicts_Reform_and_Rebuild_Their_Lives.

[23] Maruna, S. and King, A. (2008). 'Selling the Public on Probation: Beyond the Bib', Probation Journal, 55(4), pp. 337-351.

[24] Community Justice Scotland (2019). Second Chancers. // URL: https://secondchancers.tv/.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-221-225

АБДУЛХАННЯНОВ Ильяс Абдулхаевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: abdulxann@gmail.com

СУВОРОВА Екатерина Александровна,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного
порядка и подразделений по вопросам миграции
Всероссийского института повышения квалификации
сотрудников МВД России,
e-mail: Kat-suworova15@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В представленной статье обращается внимание на значимость юридико-технического оформления уголовного законодательства, в частности на его структурно-композиционное построение, от которого напрямую зависит удобство работы с законом, его логичность и единообразие. Описывается эволюция структурно-композиционного конструирования уголовно-правовых актов, начиная с первой половины XVIII века до действующего УК РФ. Выявляются его отдельные недостатки, выражающиеся в неправильном размещении разделов, глав, статей в УК РФ.*

Ключевые слова: *юридическая техника, уголовное законодательство, структура уголовного закона, композиция уголовного закона, Общая часть, Особенная часть, раздел, глава, статья.*

ABDULKHANNYANOV Ilyas Abdulkhaevich,
PhD in Law, Senior Lecturer
at the Department of Criminal and Penal Enforcement Law
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

SUVOROVA Ekaterina Alexandrovna,
PhD in Law, Head of the Department
of Police Training for Public Order Protection Units and Migration Units
All-Russian Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE EVOLUTION OF THE STRUCTURAL AND COMPOSITIONAL DESIGN OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION

Annotation. *The presented article draws attention to the importance of the legal and technical design of criminal legislation, in particular to its structural and compositional structure, which directly affects the convenience of working with the law, its consistency and uniformity. The evolution of the structural and compositional construction of criminal law acts is described, starting from the first half of the XVIII century to the current Criminal Code of the Russian Federation. Its individual shortcomings are revealed, expressed in the incorrect placement of sections, chapters, and articles in the Criminal Code of the Russian Federation.*

Key words: *legal technique, criminal legislation, structure of the criminal law, composition of the criminal law, General part, Special part, section, chapter, article*.

Действующее уголовное законодательство не отличается совершенством, что негативно сказывается на состоянии защищенности прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства. Встречающиеся изъяны уголовного закона отражаются на его форме и содержании, препятствуя эффективному воплощению государственно-охранительной воли на практике. Содержательные недостатки выражаются в пробельности, недостаточности или избыточности репрессии, поспешности и недостаточной криминологической, экономической и проч. обоснованности принимаемых нормотворческих решений. Пороки формы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) связаны с юридико-техническим оформлением нормативных предписаний, а именно с их языковым, структурным и логическим конструированием и размещением в тексте закона. Многочисленным проблемам юридической техники современного уголовного права в постсоциалистической юридической доктрине уделяется много внимания [1, с. 287-288]. Это связано с той высокой ролью, которую она играет в обеспечении качества уголовно-правового воздействия на общественные отношения, унификации толкования и применения положений УК РФ.

Большая часть обсуждаемых вопросов посвящена проблемам языка и логики уголовного закона [2; 3; 4], однако его структурно-композиционный аспект практически не изучен. От качества структурного построения формы и содержания уголовного закона зависит удобство работы с ним и системное уяснение его положений. Как отмечает профессор А.В. Иванчин, методика структуризации уголовного закона выражается в подразделении уголовного законодательства на составные элементы (разделы, главы, статьи, их части и пункты) путем озаглавливания и буквенно-цифровой индексации уголовно-правового материала [5, с. 166-167]. Неправильное размещение нормы внутри УК РФ усложняет поиск соответствующих статей, формирует ошибочное представление о приоритетах уголовно-правовой охраны, а также об объектах, страдающих от тех или иных преступлений. Все это обуславливает исследовательское внимание к технике размещения уголовно-правового материала и формулирование рекомендаций по наиболее корректному его отражению.

Однако комплексное исследование какого-либо явления или процесса должно начинаться с уяснения истории его существования. Не претендуя на решение проблем структурно-композиционного оформления действующего УК РФ в рамках одной публикации, осуществим его ретроспективное осмысление и обратим внимание на отдельные современные изъяны.

Отметим, что современный вид оформления уголовного законодательства с обособлением Общей и Особенной части, разделов и глав появился в середине XVII века [6, с. 31]. Одним из первых актов уголовного законодательства, имеющих определенную структуру, стал Артикул воинский 1715 г. Данный нормативный акт содержал вводный текст – своего рода преамбулу и был разделен на 24 главы, каждая из которых разбита на артикулы. Главы имели свое название – «О страсе божии», «О самовольном обнажении шпаги, о тревоге и карауле», «О смертном убийстве» и т.д. [7, с. 327]. Это говорит о том, что уже в XVII-XVIII веках заложена основа составления нормативного акта в соответствии с определенной структурой, облегчающей применение законодательного акта.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение) – первый нормативный акт в истории уголовного законодательства, изложенный по принципу разделения норм на Общую и Особенную части в современном понимании этого явления [8, с. 174]. Уложение, однако, не упоминает собственно терминов «общая» и «особенная». Круг вопросов, составляющих общие положения заключен в Раздел первый. Разделы же со второго по пятый содержали специальные нормы. При этом структура акта все же не характеризуется единством: некоторые главы не подвергнуты дальнейшему дроблению, другие же содержат по несколько отделений. Отделения, но опять же не все, распадаются на части, обозначенные римскими цифрами и имеющими свое название. Термин «статья» в Уложении не упоминается. Отдельные нормы содержатся в пронумерованных пунктах, некоторые из которых, в свою очередь, содержали подпункты. Кроме того, Уложение характеризуется наличием примечаний (они к слову, имелись и в Артикуле воинском 1715 г.).

Последним фундаментальным законодательным актом Российской империи в области материального уголовного права стало Уголовное уложение 1903 г. [9, с. 271] (в полном объеме так и не вступившее в законную силу). Оно переняло терминологию обозначения структурных элементов текста из Уложения 1845 г., но в нем достигнуто большее структурно-техническое единство. Уложение состояло из 37 глав, разбитых на отделения, которые в свою очередь поделены на статьи или пункты (ни тот, ни другой термин в тексте Уложения не упоминается).

Первым кодифицированным актом послереволюционного периода, регулирующим уголовно-правовые отношения, стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., состоящий из Общей и Особенной частей [10, с. 106-145]. Части кодекса не отличались единством структуры: общая часть состояла из пяти разделов или глав, пронумерованных

римскими цифрами, Особенная часть, в отличие от Общей, содержала собственно название «Глава» и включала семь глав. Некоторые главы, например, Глава I – Государственные преступления, Глава V – Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, разделены на подглавы или параграфы. Акт при нумерации норм не называет термина «статья», однако в тексте самого закона есть ссылки на статьи, части и пункты.

При создании УК 1996 года, законодатель использовал уже сложившуюся практику подразделения нормативного акта на Общую и Особенную части. Этот прием представляется логически верным и обоснованным. Разграничение общих положений, применимых к различным ситуациям, возникающим на практике, и конкретных составов преступления, имеющих определенный объект посягательства, позволяет избежать путаницы, повторов и двусмысленности, как можно больше обеспечивая единообразие при применении норм уголовного закона.

Как Общая, так и Особенная части УК РФ, в свою очередь, подразделяются на разделы, разделы на главы, главы на статьи, статьи на части, части на пункты. Общая часть УК РФ 1996 г. значительно расширена по сравнению с Общей частью УК РСФСР 1960 г., которая содержала всего 63 статьи. Кроме того, в УК РФ 1996 г. новым является и тот факт, что название разделов, как и глав, приводится в именительном падеже, в то время как в УК РСФСР 1960 г. названия глав Общей части были изложены в предложном падеже («Преступление» – «О преступлении» соответственно).

Как уже отмечалось, новеллой ныне действующего УК является включение в Общую часть шести разделов. Такое нововведение представляется обоснованным, так как каждый из них институтов (институт освобождения от уголовной ответственности и от наказания, институт уголовной ответственности несовершеннолетних, институт иных мер уголовно-правового характера) имеет свое уголовно-правовое значение и требует самостоятельной регламентации и закрепления в законе.

Особенностью Общей части УК является то, что подавляющее большинство статей не содержит деление на пункты. Оно применяется в том случае, если нужна конкретизация, как, например, ч. 2 и ч. 3 ст. 18 УК РФ раскрывает понятие опасного и особо опасного рецидива соответственно.

Особый интерес представляют принципы построения Особенной части УК РФ. За основу построения системы Особенной части УК РФ законодатель принял родовой и видовой объекты преступного посягательства. Такая позиция вполне обоснована. При анализе всех признаков состава преступления напрашивается вывод о том, что подразделение преступлений именно по признаку объекта позволяет достичь максимальной стройности и упорядоченности системы Особенной части УК РФ.

Особенная часть содержит шесть разделов, включающих в себя группы однородных общественных интересов (родовой объект), на которые посягают однородные преступные деяния (действия или бездействия). Порядок расположения разделов законодатель определяет уже в начале Общей части УК РФ, где в ч. 1 ст. 2 в качестве задач Кодекса закрепляет охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества. Название разделов соотносится с задачами (хотя и с некоторыми изъянами) [11], обозначенными в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Однако если следовать этой логике, то в самостоятельный раздел должен быть выделен и круг общественных отношений, охраняющих окружающую среду. Законодатель же поместил главу «Экологические преступления» в раздел «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», тем самым, допустив противоречие в своей же логике. Отсюда следует, что, либо благоприятное состояние окружающей среды является составной частью общественного порядка и общественной безопасности, но тогда необоснованно выделение охраны окружающей среды в самостоятельную задачу, либо, что посягательства на окружающую среду (экологические преступления) подлежат обособлению в отдельный раздел.

В качестве объекта, в первую очередь подлежащего уголовно-правовой охране, законодатель называет личность, следуя конституционному положению, закрепленному в ст. 2 Конституции РФ. Этим ныне действующий УК принципиально отличается от УК РСФСР 1960 г., в котором главы были расположены в другой иерархии, исходя из приоритетности охраны государственной власти.

Каждый большой раздел Особенной части поделен на главы по признаку видового объекта, характеризующего более мелкую группу общественных интересов, на которые посягают также однородные преступления. Исключения составляют Разделы XI и XII, которые содержат лишь по одной главе.

Не дублируя наименование разделов Особенной части УК РФ, обратим внимание на то, что учеными высказывается мнение о неправильности помещения Раздела XII УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» на последнее место.

К негласному требованию размещения вновь вводимой в УК РФ статьи относится то, что она должна закрепляться рядом с родовой статьей (статьей общего характера), содержательно сходной или близкой к ней и обозначаться номером с соответствующим значком сверху. Это сигнализирует адресатам уголовного закона о принадлежности той или иной нормы к конкретному уголовно-правовому институту, упрощает процесс поиска общей и специальной нормы при квалификации и разграничении составов преступлений. Следует констатировать, что в настоящий момент в УК РФ встречаются некорректные структурно-технические решения. Например, не объяснимой представляется нумерация статьи о клевете (ст. 1281 УК РФ) рядом с качественно иной статьей о незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ). Более правильным было бы размещение ее под номером 1291 УК РФ, поскольку фактически эта же норма о клевете в статье 129 УК РФ была чуть ранее декриминализирована. Аналогичные примеры «навешивания» статей со значками к статьям, утратившим силу, встречаются в тексте УК РФ (см., например, ст. 173 и ст. 1731, ст. 200 и ст. 2001).

К другому примеру неправильного определения непосредственного объекта законодателем относится ст. 2824 УК РФ «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами», введенная в уголовный закон в 2022 году. Данный состав сконструирован при помощи юридико-технического средства - административной преюдиции, предоставляющей возможность привлечь к уголовной ответственности лицо, повторно совершившее административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3 КоАП РФ. Статья 2824 УК РФ размещена в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» Раздела X «Преступления против государственной власти». Одновременно с этим, ст. 20.3 КоАП РФ помещена в главу, именуемую «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность», свидетельствующую о том, что объектом посягательства выступает, прежде всего, общественный порядок и общественная безопасность.

В доктринальной литературе отмечается, что непосредственным объектом главы 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» выступают мир и мирное сосуществование государств; безопасность человечества и правила (методы) ведения войны и вооруженных конфликтов [12, с. 605-618]. Не вполне объяснимым в этой связи видится помещение статьи 3541 УК РФ «Реабилитация нацизма» в указанную главу.

Говоря последовательности в построении разделов и глав, следует отметить, что она более или менее выдержана, хотя трудно определить, какие преступления наиболее опасны: против свободы, чести и достоинства личности или против половой свободы и половой неприкосновенности. Что касается последовательности внутри статей, то она не всегда одинакова. Большинство из них построены по степени возрастающей общественной опасности [13, с. 93], что представляется логически оправданным. Однако данному правилу подчиняются не все статьи.

Нет абсолютного единства и в структуре частей отдельных статей. Хотя в отличие от УК РСФСР 1960 г., где вообще трудно было проследить какое-либо единообразие (например, одни статьи содержали пункты «а», «б», «в» в ст. 102; другие – части: ч. 1. 2, 3,4 ст.117; пункты одних статей обозначались буквами: «а», «б», «в» и т.д. в ст.109; других – цифрами: 1, 2, 3, 4, 5 в ч.2 ст. 189), в УК РФ 1996 г. достигнута большая согласованность. Однако система построения частей по-прежнему далека от идеала. Подтверждением этому служит, к примеру, тот факт, что части одних статей разбиты на пункты, обозначенные буквами, а в других статьях квалифицирующие признаки вообще не выделяются отдельно, а обозначаются путем сплошного перечисления.

Резюмируя вышеизложенное обзорное исследование эволюции структурно-композиционного оформления отечественного уголовного законодательства, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, юридико-техническое оформление уголовного законодательства имеет важное значение в обеспечении его качества и эффективности реализации уголовно-правовых предписаний.

Во-вторых, осуществив изучение структуры и композиции ранее действовавших уголовно-правовых актов, можно заметить, что они постоянно эволюционировали, становились более логичными и конкретизированными.

В-третьих, соотнеся структуру и композицию действующего УК РФ с кодексами советского периода можно сделать вывод о некоторых структурных изменениях, которые нашли отражение в новом нормативном акте. Современный УК РФ имеет более четкую логическую структуру, более последователен, хотя еще далек от абсолютного единообразия.

Список литературы:

[1] Халезова Я.М. Оценочные понятия и законодательная техника уголовного права: теоретико-инструментальное исследование // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 70. № 2. С. 286-293

[2] Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России: монография / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 272 с.

[3] Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве: курс лекций / Нижний Новгород, 2008. 244 с.

[4] Пронина М.П. Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 352 с.

[5] Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 206 с.

[6] Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. 346 с.

[7] Российское законодательство X-XX веков в 9 томах. «Юридическая литература». М.; 1986. Т. 4. 511 с.

[8] Российское законодательство X-XX веков в 9 томах. «Юридическая литература». М.; 1988. Т. 6. 431 с.

[9] Российское законодательство X-XX веков в 9 томах. «Юридическая литература». М.; 1994. Т. 9. 351 с.

[10] Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Отечественное законодательство XI-XX веков: пособие для семинаров. Часть II (XX в.) / Под ред. проф. О.И. Чистякова. М.: Юристъ, 2000. С. 106-145.

[11] Кузнецов А.П. Уголовно-правовая наука в исследовании задач уголовного законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3. С. 186-192.

[12] Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2020. 625 с.

[13] Маликов, Б. З. Онтология социальной опасности: ее значение в оценке преступного поведения и в реализации цели исправления осужденного / Б. З. Маликов // Право и государственность. – 2024. – № 1(2). – С. 88-94.

References:

[1] Y. M. Khalezova. Assessment Concepts and Legislative Technique of Criminal Law: Theoretical and Instrumental Research//Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. T. 70. № 2. S. 286-293

[2] Panko K.K. Methodology and theory of the legislative technique of criminal law of Russia: monograph/Voronezh. state. un-t. Voronezh: Voronezh Publishing House. state university, 2004. 272 pp.

[3] Tikhonova S.S. Legal technique in criminal law: course of lectures/Nizhny Novgorod, 2008. 244 pp.

[4] Pronina M.P. Legal technique in criminal law: theoretical and applied research: monograph. M.: Yurlitinform, 2021. 352 pp.

[5] Ivanchin A.V. Legislative technique and its role in Russian criminal law-making: monograph. M.: Yurlitinform, 2011. 206 pp.

[6] Konyakhin V.P. Theoretical foundations of the construction of the General part of Russian criminal law. St. Petersburg, 2002. 346 pp.

[7] Russian legislation of the X-XX centuries in 9 volumes. “Legal Literature.” M.; 1986. VOL. 4. 511 p.

[8] Russian legislation of the X-XX centuries in 9 volumes. “Legal Literature.” M.; 1988. T. 6. 431 pp.

[9] Russian legislation of the X-XX centuries in 9 volumes. “Legal Literature.” M.; 1994. VOL. 9. 351 pp.

[10] The Criminal Code of the RSFSR of 1922// Domestic legislation of the XI-XX centuries: a manual for seminars. Part II (XX century)/Ed. Prof. O.I. Chistyakova. M.: Lawyer, 2000. S. 106-145.

[11] Kuznetsov A.P. Criminal law science in the study of the tasks of criminal law//Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3. S. 186-192.

[12] Russian criminal law. Parts General and Special: textbook for bachelors/resp. ed. A.I. Rarog. 2nd ed., Revised and add. Moscow: Prospect, 2020. 625 p.

[13] Malikov, B.Z. Ontology of social danger: its significance in assessing criminal behavior and in realizing the goal of correcting the convict/B.Z. Malikov//Law and statehood. – 2024. – № 1(2). - S. 88-94.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-226-235

ПИРЦХАЛАВА Иван Георгиевич,
Магистр права Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: ivan.pirtskhalava@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ПО ЗАЩИТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТРАНАХ С МУСУЛЬМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН, ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ И АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЕГИПЕТ)

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности уголовных законодательств Исламской Республики Иран, Турецкой Республики и Арабской Республики Египет в области охраны традиционных ценностей. Рассматриваемые страны представляют интерес с точки зрения различий в моделях реализации мусульманской правовой традиции. Исследуется классификация государств в зависимости от степени интеграции шариата в их национальные законодательства. Раскрывается понятие «традиционных ценностей», процесс формирования таких ценностей в обществе и их значимости для любого государства. Вместе с тем анализируется влияние традиционных ценностей общества на формирование национального законодательства.*

Ключевые слова: *Традиционные ценности, Турецкая Республика, Объединенные Арабские Эмираты, Арабская Республика Египет, нормы шариата, международное право, международные отношения.*

PIRTSKHALAVA Ivan G.,
Master of Law of the Moscow State Institute of International Relations

CRIMINAL LAW POLICY FOR THE PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES IN THE COUNTRIES WITH THE MUSLIM LEGAL TRADITION (USING THE EXAMPLE OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN, THE TURKISH REPUBLIC AND THE ARAB REPUBLIC OF EGYPT)

Annotation. *The article examines the specific features of the criminal legislation of the Islamic Republic of Iran, the Republic of Turkey and the Arab Republic of Egypt in the field of protecting traditional values. The countries under consideration are of particular interest due to the distinct ways in which they implement the Muslim legal tradition. The study explores the classification of states according to the degree of integration of Sharia law into their national legal systems. In addition, the article elucidates the concept of "traditional values," the process of their formation within society, and the reasons for their significance to any state. At the same time, the study analyzes the influence of a society's traditional values on the formation of national legislation.*

Key words: *Traditional values, the Republic of Turkey, the United Arab Emirates, the Arab Republic of Egypt, Sharia law, international law, international relations.*

В современных условиях нестабильной политической обстановки в мире термин «традиционные ценности» начал активно использоваться в законодательствах различных государств. Частое применение данного понятия в текущий исторический период не случайно, так как «традиционные ценности» стали для государств одним из инструментов по защите государственного суверенитета. Это напрямую оказывает влияние на главные законодательные

источники тех государств, которые стремятся ограничить влияние глобализации и идей, угрожающих их национальным интересам и общественной стабильности.

Под понятием «традиционные ценности» следует понимать совокупность общественных норм и принципов, отражающих исторические, культурные и религиозные особенности общества. Традиционные ценности формируются в обществе на протяжении очень продолжительного периода времени, являются следствием его исторического развития и отражают его культурные и иные особенности.

Вместе с тем традиционные ценности могут развиваться, особенно ввиду наступления фундаментальных перемен. Например, после захвата [7] Константинополя Султаном Османской Империи Мехмедом II и последующего прекращения существования Восточной Римской Империи османы переняли у последней некоторые культурные традиции (в частности, в сфере архитектуры), а также особенности административного управления. Падение Восточной Римской Империи отразилось в последующих изменениях, которые произошли в исламе. А именно в том, что османы переняли [30] символ полумесяца из византийской культуры и интегрировали [16] его в свою государственную символику. В дальнейшем, ввиду растущего влияния Османской Империи и захвата ею большого числа мусульманских территорий (В том числе Мекки и Медины - самых священных городов для мусульман), полумесяц стал [31] частью исламской символики. Данный исторический прецедент доказывает, что даже такие наиболее устойчивые ценности, как религиозные, могут развиваться в периоды глубокой исторической трансформации.

Система ценностей ислама в этом контексте представляет особый интерес, так как ислам регулирует все сферы общественной жизни человека посредством своей собственной системы правовых норм – шариата.

Источниками [5] шариата являются: Коран (как главный религиозный текст ислама), Сунна (рассказы об изречениях и жизни Пророка Мухаммеда), иджма (позиция улемов по вопросам, не раскрытым в Коране и Сунне) и кияс (решение по аналогии).

Будучи частью морально-нравственных ценностей жителей стран с мусульманской правовой традицией, нормы шариата стали занимать особое место в национальных законодательствах таких государств.

В соответствии с классификацией, введенной нидерландским юристом Яном Михиэлем Отто [28], можно выделить несколько групп государств в зависимости от степени интеграции шариата в их национальные законодательства:

1. Полная интеграция шариата в национальное законодательство – нормы шариата являются главным источником права, все национальные законы и судебные решения должны соответствовать шариату (Исламская Республика Иран, Королевство Саудовская Аравия);
2. Частичная интеграция шариата в национальное законодательство – нормы шариата применяются преимущество в сфере семейного права, в остальных сферах используется светское законодательство (Арабская Республика Египет, Исламская Республика Пакистан);
3. Символическое включение норм шариата в законодательные акты страны – нормы шариаты содержатся в отдельных законодательных источниках страны, но не имеют прямой юридической силы (Королевство Марокко, Республика Индонезия);
4. Де-факто влияние права шариата на национальную правовую систему – нормы шариата не являются источником права в законодательной системе страны, но вместе с тем оказывают влияние на правовую культуру и общественные отношения в государстве (Турецкая Республика).

К примеру, в соответствии со статьей 4 Конституции [8] Исламской Республики Иран, все законы государства должны соответствовать нормам шариата. Гарантом того, что общество будет соблюдать нормы шариата, является факих (В Иране это Верховный лидер, которым на сегодняшний момент является аятолла Хаменеи) (юрист-богослов), который стоит выше всех трех ветвей власти и призван управлять обществом в отсутствие 12-го имама (Мухаммад ибн аль-Хасан аль-Махди. Мессия в исламе. В соответствии с концепцией шиитской ветви ислама является скрытым имамом, который должен вернуться перед концом света). При такой концепции государство позиционирует себя как инструмент реализации воли Аллаха, а законодательство является не просто инструментом поддержания порядка, а инструментом воспитания человеческой души.

В иранском уголовном законодательстве [21] существует разделение преступлений и наказание за их совершение в соответствии с четырьмя категориями по праву шариата: хадд (фиксированные наказания за преступления против Аллаха), кисас (наказание, равное по тяжести совершенному преступлению, иными словами – «око за око»), дийя (компенсация за ущерб) и тазир (наказания за менее тяжкие преступления).

Категория «хадд» является самой тяжкой [10] по исламскому праву, так как преступления этой категории направлены против воли Аллаха,

Пророка Мухаммеда и исламского вероучения. К таким преступлениям относится прелюбодеяние, клевета, содомия, употребление алкоголя, кража, разбой. Рассматриваемая категория включает в себя самые строгие наказания, предписанные Кораном и Сунной (смертная казнь, ампутация, бичевание). Они прописаны в Книге 2 «Хадд» Уголовного кодекса Ирана (ст. 198-294). Например, за прелюбодеяние предусмотрена смертная казнь (ст. 225), за клевету – удары плетью (ст. 250), за кражу в первый раз – ампутация четырех пальцев правой руки (ст. 278) и т.д.

Категория «кисас» прописана в Книге 3 УК Ирана (ст. 295-447). К таким преступлениям, например, относится умышленное убийство, нанесение телесных повреждений. В качестве наказаний [12] за такие преступления может быть предусмотрена смертная казнь (за умышленное убийство по ст. 381), возмездие, равное по тяжести совершенному преступлению (за нанесение умышленных телесных повреждений по ст. 408) или отсечение конечности (выкалывание глаза преступнику в соответствии со ст. 402).

Принцип «око за око», который реализуется посредством «кисас» не является единственным способом восстановления правопорядка. Право шариата содержит альтернативу в виде дийи (Книга 4 УК Ирана, ст. 448-727), иными словами, денежной компенсации, которую может выплатить преступник потерпевшей стороне, а потерпевшая сторона, в свою очередь, может принять такую компенсацию и простить преступника за совершенное деяние.

Все те преступные деяния, которые не прописаны в Коране или Сунне, относятся к категории «тазир» (Книга 5 УК, ст. 498-729). К примеру, к категории «тазир» относится нарушение общественного порядка, взятничество, пропаганда против государства и киберпреступления. В соответствии с УК Исламской Республики Иран преступления категории «тазир» разделены на 8 степеней в зависимости от вида тяжести совершенного деяния, подпадающего под данную категорию. На практике все новые составы преступлений, которые возникают в современной уголовной практике, исламский законодатель относит к категории «тазир». За совершение преступлений этой категории может быть назначен штраф, конфискация имущества или лишение свободы.

Необходимо отметить, что несмотря на жесткое национальное законодательство по защите традиционных ценностей в Иране официально существует [2] и поддерживается государственная программа по хирургической смене пола.

В 1980-е годы первый верховный лидер Ирана Хомейни издал фетву (Официальное религиозно-правовое заключение в исламе, которое выносится учёным-богословом (муфтием) по какому-либо конкретному вопросу), разрешающую [6] хирургическую смену пола. Обоснование такой фетвы заключалось в том, что если у человека присутствует «несоответствие между телом и душой», то операция помогает устранить такое несоответствие, а значит соответствует принципу лечения болезни, закрепленного в исламе. В то же время по уголовному кодексу Ирана гомосексуальные отношения прямо запрещены и являются уголовным преступлением самой строгой категории «хадд», наказанием за которое может быть смертная казнь (ст. 233-234 УК).

Несмотря на то, что операция по смене пола в мусульманских странах является противоречивым явлением с точки зрения общественного восприятия, в Иране государственная программа смены пола [15] не идет вразрез с официальной линией по защите традиционных ценностей, а скорее встроено в нее, так как обосновывается через религиозно-правовую форму.

Таким образом, Исламская Республика Иран обладает уникальной моделью уголовного законодательства, в которой нормы шариата полностью переведены в юридически-правовую форму и являются основой действующего национального законодательства. По концепции иранского законодателя мораль не может исходить от общества, так как общество изначально несовершенно. Моральные нормы и принципы заложены только Аллахом, проводниками воли которого являются мусульманские юристы-богословы. Правоприменитель в данном случае выступает не просто хранителем закона, но и наставником, воспитывающем в человеке праведного мусульманина.

В отличие от Ирана [20] Турция не является государством, где нормы шариата интегрированы в национальную законодательную систему. Тем не менее в случае Турции примечателен исторический контекст.

В настоящий момент Турция в виде Турецкой Республики, созданной в 1923 году Мустафой Кемалем Ататюрком, имеет определенную систему общественных ценностей, содержащихся в главных законодательных источниках страны. Более того, эта система ценностей имеет отдельное название – кемализм, принципы которого закреплены в Конституции [9] Турецкой Республики. В основе кемализма лежат 6 принципов: республиканизм, национализм, народность, светскость, этатизм и революционность.

В то же время наблюдаются попытки властей Турции возродить роль мусульманских ценностей, игравших основополагающее значение в годы существования Османской Империи. Это выражается в растущей роли ислама, который

де-факто является главной религией Турции несмотря на закрепление светского характера государства в ст. 2 конституции страны, а также в последних законодательных изменениях в сторону усиления консервативных ценностей.

Уголовный кодекс Турецкой Республики был впервые принят 1 марта 1926 года. Он пришел на смену нормам шариата и канун-наме (собрание светских законов), которые ранее являлись основными источниками уголовного права Османской Империи. На текущий момент действует Уголовный кодекс от 26 сентября 2004 года.

На основании данного Уголовного кодекса можно выделить две группы преступлений, относящихся к нарушению традиционных ценностей – против общественной морали: ст. 216 (Побуждение к ненависти или публичному унижению), ст. 226 (Непристойные действия), ст. 227 (Проституция), ст. 228 (Предоставление места и возможностей для азартных игр), ст. 229 (Попрошайничество) и против семейного порядка: ст. 230 (Многоженство, фиктивные браки и религиозные церемонии), ст. 232 (Жестокое обращение в семье), ст. 233 (Нарушение обязанностей, вытекающих из семейного права), ст. 234 (Похищение или удержание ребенка). Стоит рассмотреть более детально статьи 226, 227, 229 и 230.

В соответствии со статьей 226 преступлением является распространение порнографических или иных материалов, содержащих непристойные изображения, тексты, звуки. Наказание за такое преступление может быть лишение свободы или штраф. Данная статья была введена главным образом для защиты общественной морали и недопущения доступа несовершеннолетних к информации, являющейся непристойной. Однако в последнее время данная статья начала применяться в том числе в целях недопущения распространения пропаганды ЛГБТ (Движение ЛГБТ признано в РФ экстремистским и запрещено). Происходит это ввиду возрастающей роли консервативных ценностей в политике турецких властей (о чем было упомянуто ранее) и отсутствия на данный момент специальной статьи в турецком уголовном законодательстве, устанавливающей ответственность за пропаганду ЛГБТ.

Интересен тот факт, что в Турции, несмотря на мусульманские корни этой страны, само занятие проституцией не является преступлением. В статье 227 прописана ответственность именно за вовлечение в проституцию, посредничество и сутенерство. Наказание – лишение свободы до 10 лет или штраф. В то же время под действие статьи не попадают легальные бордели «genelevler», которые действует с момента основания Турецкой Республики и которых по состоянию на 2025 год насчитывается около 56. Можно утверждать, что легализация борделей также является элементом принципа светскости, внедренного Ататюрком. Тем не менее действующие власти предпринимают усилия для ограничения деятельности таких борделей и ужесточают наказания для сутенеров и посредников.

Текст статьи 229 посвящен борьбе с использованием детей и людей с ограниченными возможностями в целях попрошайничества. Само по себе попрошайничество не является нарушением традиционных ценностей, но использование детей и инвалидов для таких целей противоречит им, поскольку подрывает основополагающий принцип сострадания и защиты слабых. В Турции рассматриваемое явление особенно связано с проблемой мигрантов, в частности, с массовым притоком сирийских беженцев [1] в Турцию после начала гражданской войны в Сирии в 2011 году. Детей беженцев начали использовать для попрошайничества в крупных турецких городах (Стамбуле и Анкаре). Для борьбы с данной проблемой была введена вышеуказанная статья, и установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 1 до 3 лет. При этом срок лишения свободы может быть увеличен для родителя, который заставляет своего ребенка заниматься попрошайничеством.

Статья 230 устанавливает уголовную ответственность за многоженство и заключение фиктивного брака. Наказанием по данной статье является лишение свободы на срок до 2 лет. Рассматриваемая статья олицетворяет принцип светскости турецкого государства, который был введен Ататюрком. Отныне юридическую силу имеет только брак, заключенный в соответствии с положениями Гражданского кодекса [4] Турецкой Республики. Религиозный брак не имеет юридической силы и может быть заключен вместе с официальным браком по желанию супругов. Вместе с тем может иметь место ситуация, когда человек уже заключил официальный брак, но при этом намерен заключить также религиозный брак уже с другим лицом. Такие действия приравниваются к многоженству и подлежат уголовной ответственности на основании статьи 230. Ататюрк негативно относился к многоженству, считал это частью старых ценностей [27] Османской Империи, которые необходимо искоренить для построения прогрессивного государства. Рассматриваемая статья УК является предметом споров в политических кругах Турции. Так, Партия справедливости и развития (правящая партия Турции) считает, что необходимо вернуть прежнюю юридическую силу религиозному браку. Таким образом статья 230 это не только правовая, но и идеологическая «линия фронта» между светским и исламским пониманием брака.

В дополнение стоит упомянуть, что в 2017 был Президентом Турции Реджепом Эрдоганом был внесены поправки в Закон [24] № 5490 «О службах гражданской регистрации», дающий муфтиям право официально зарегистрировать брак. Ранее брак могли регистрировать только представители органов гражданского состояния. Турецкие власти утверждают, что главное основание введения данного закона – снижение количества незарегистрированных (гражданских) браков, однако этот закон – еще одно проявление политики властей Турции по возрождению роли исламских ценностей.

Ранее было отмечено, что в уголовном законодательстве Турции нет специальной статьи, устанавливающую ответственность за пропаганду ЛГБТ. Тем не менее в настоящий момент турецкие законодательные органы ведут работу [13] по ее разработке. Причиной этому является тесная связь сети ЛГБТ сообществ с фондами Джорджа Сороса, задача которых, как правило, состоит в организации массовых протестов для оказания давления на национальные правительства и последующего свержения власти революционным путем. После массовых протестов [3] 2013 года и попытки государственного переворота в 2016 власти начали ограничивать ЛГБТ-мероприятия, запретив представителям движения ЛГБТ проводить их в массовом порядке. В марте 2025 года Министерство юстиции Турции сообщило о скором окончании работы над 10-м пакетом судебных реформ, который включает положение о введении уголовной ответственности за пропаганду ЛГБТ. В соответствии с этим проектом поощрение, восхваление и пропаганда ЛГБТ будет считаться уголовным преступлением, наказанием за которое будет являться лишение свободы от 1 до 3 лет.

Еще одним элементом уголовного законодательства Турецкой Республики по защите традиционных ценностей является Закон [25] № 5816 «О преступлениях против Ататюрка», который был принят в 1951 году и действует до сих пор. Данный закон предусматривает уголовную ответственность за осквернение памяти Президента Турецкой Республики Мустафы Кемаля Ататюрка. Осквернением памяти могут быть устные или письменные высказывания, порочащие его память, надругательство над изображениями Ататюрка, повреждение его статуй или мавзолея. За нарушение положений закона предусмотрен штраф либо лишение свободы со сроком до 5 лет.

Не будет преувеличением утверждать, что на сегодняшний момент изображение Ататюрка и охрана его наследия является частью современных традиционных ценностей Турции. Несмотря на попытки действующей турецкой власти адаптировать [14] наследие Ататюрка под новые политические реалии и вернуться к ценностям Турции до «кемализма», культ личности Ататюрка и его наследие еще имеет сильное влияние в Турции. В определенном смысле можно провести параллель с Председателем Совета народных комиссаров СССР В.И. Лениным, личность которого имела такое же символическое и идеологическое значение для Советского союза, как и личность Ататюрка для Турецкой Республики.

Рассмотрим Арабскую Республику Египет. На первый взгляд можно сделать заключение, что она относится к первой группе государств с полной интеграцией шариата в национальное законодательство, так как по статье 2 Конституции [17] Египта принципы исламского шариата являются главным источником законодательства. Вместе с тем данная статья на практике выступает ценностным ориентиром, но не навязывает шариатскую структуру уголовного права.

Уголовное законодательство Египта ввиду исторических предпосылок не соответствует структурно законам шариата и не классифицирует преступные деяния на основании шариата (как в случае с Ираном).

Шариат начал применяться в Египте сразу после исламского завоевания в VII веке. В XVI веке Египет становится [29] частью Османской Империи, после чего происходит официальное юридическое закрепление (Создаются шариатские суды. Судьи начинают руководствоваться Маджалла-аль-Ахкам аль-Адлия (первым кодексом, составленным на основе норм мусульманского права)) норм шариата. В XIX веке Османская Империя провела реформы Танзимата, в рамках которых был принят Османский УК 1858 года, основанный на французском праве (Уголовном кодекса Наполеона 1810 года). Данный уголовный кодекс распространился и на Египет. Позже Египет принял собственный [18] УК в 1937 году, положения которого уже были полностью основаны на французской модели уголовного права. Фактически с 1882 года Египет находился под военной оккупацией Великобритании, что также повлияло на его правовую культуру. Таким образом, уголовное право Египта является смешанным.

В соответствии с уголовным законодательством Египта нормы по защите традиционных ценностей можно разделить на несколько групп:

1. Охрану религиозных ценностей и национального единства – ст. 98 (f) УК (запрещение использования религии для распространения экстремистских идей, осквернения религий), ст. 160 УК (нарушение святости мест поклонения и кладбищ), ст. 161 УК (препятствование осуществлению религиозных обрядов и действия, направленные

на разжигание религиозной вражды), ст. 176 УК (подстрекательство к ненависти, вражде или высмеиванию религиозной группы), ст. 178 УК (ответственность за производство и распространение материалов, нарушающих «общественную нравственность» или содержащих насмехательство над религией)

2. Защита общественной нравственности и половой этики – ст. 269 bis УК (подстрекательство к непристойным действиям), ст. 278 УК (публичные непристойные акты), ст. 306 bis (a), (b) УК (сексуальные домогательства посредством жестов, слов или отправки соответствующих электронных сообщений); положения Закона [22] № 10/1961 о борьбе с проституцией и развратом
3. Охрана семейных ценностей и регулирование информационного пространства – ст. 25 Закона № 175/2018 о киберпреступлениях [23] (запрет публикации в интернете материалов, «нарушающих семейные принципы и ценности египетского общества», а также незаконное вторжение в частную жизнь); ст. 306 УК (общее оскорбление чести и достоинства личности)

Статьи, перечисленные в первой категории – форма «сабб ад-дин» (оскорбление религии), адаптированная под светский характер Арабской Республики Египет, так как под их защиту попадает не только ислам, но также христианство и иудаизм. В то же время в своей политической риторике египетские власти часто используют эту статью, чтобы показать роль государства в защите ислама. Наказанием за нарушение данных статей может являться лишение свободы (максимум до 5 лет, как в случае со ст. 98 (f), 160, 176) и/или штраф.

Закон №10/1961 «О борьбе с проституцией и развратом» систематизировал старые нормы о борьбе с проституцией, но ввёл более жесткие понятия «факиша» (проституция) и «фуджур» (разврат). Данный закон активно используется как элемент борьбы с движением ЛГБТ и с любыми иными элементами, которые выходят за рамки половой морали. За нарушение положений закона предусмотрено лишение свободы до 3 лет, а в некоторых случаях – депортация (если лицо, занимающееся проституцией или содержащее притон – не гражданин Египта).

Закон №175/2018 «О киберпреступлениях» является инструментом для защиты традиционных ценностей в информационном пространстве. Наказание за нарушение вышеуказанной ст. 25 закона – лишение свободы на срок не менее 6 месяцев и/или штраф до 100 тысяч египетских фунтов. Главным образом закон призван ограничить западное культурное и идеологическое влияние на египетское общество и не допустить посягательство на устоявшиеся нормы морали. Данный принцип соответствует общей политической линии Президента Ас-Сиси, который неоднократно заявлял, что Египет должен «воспринимать прогресс, не теряя идентичности».

Исходя из проведенного анализа уголовных законодательств трех стран, (Ирана, Турции и Египта) становится очевидным, насколько отличаются в этих странах традиционные ценности и подходы к их реализации. Несмотря на то, что все три страны связаны с мусульманской правовой традицией, мусульманская правовая культура интегрирована и проявляется в них по-разному.

Тем самым традиционные ценности являются не просто термином из современного политического дискурса, а в прямом смысле «душой народа», которая адаптирует все, к чему она прикасается. Например, уголовное законодательство Арабской Республики Египет основано на французском уголовном праве, но не является им, так как любой законодатель при адаптации зарубежных норм и интеграции их в национальное законодательство должен учитывать ценности и принципы, в котором живет его общество. В противном случае такие нормы не будут полноценно интегрированы в общество, так как будут противоречить его «душе народа».

Как дополнительный пример – несмотря на светский характер государства, закрепленный в Конституции, турецкое общество никогда не примет ЛГБТ-идеологию, а нормы шариата, даже не будучи прописанными в официальных законодательных актах, будут иметь влияние на турецкую правовую систему в той или иной степени. В этом смысле традиционные ценности по степени влияния на общество обладают большей силой, чем законодательные акты. Нормативные акты могут меняться время от времени, но традиционные ценности просто так не изменить, так как они формировались в обществе на протяжении очень долгого времени (в течение века и более) и воспринимаются обществом как нечто естественное [11].

Следует отметить, что «душа народа» также адаптирует под себя и религиозные ценности. Ведь, как ни странно, шиизм, как ветвь ислама, утвердившаяся в Иране после XVI века, был адаптирован под «душу народа», одной из основ которой являются в том числе принципы зороастризма. Почитание мученичества, культ борьбы света и тьмы, ярко выраженное представление о мессии-грядущем спасителе – это те особенности, которые являются общими [26] для зороастризма и иранской версии шиизма.

В своем труде [19] «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции» основатель исторической школы права Фридрих Карл фон Савиньи писал, что право возникает

органически из духа народа и развивается вместе с ним. По его концепции право должно соответствовать традиционным ценностям общества, из которого оно происходит. В противном случае, у такого права не будет легитимности.

В заключение можно сформулировать следующий вывод: чем в большей степени традиционные ценности общества защищены в государстве с нормативно-правовой точки зрения, тем в большей степени такое государство будет успешно противостоять внешнему идеологическому влиянию.

В будущем страны продолжат тенденцию на усиление законодательных положений по защите своих традиционных ценностей. Особенно это будет видно на примере стран с мусульманской правовой традицией, которые ощущают идеологическое давление западных стран, но стремятся его ограничить путем укрепления государственного суверенитета и сохранения национальной идентичности. В противном случае при потере традиционных ценностей или «души народа» государство и общество обречено на медленное вымирание, что и произошло в конечном итоге с Римской Империей.

Список литературы:

[1] Амбросетти Э. «Сирийские беженцы в Турции: эволюция внутреннего и международного нарратива» // Клуб «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskie-bezhentsy-v-turtsii/ (дата обращения: 10.10.2025).

[2] «В Иране на 50 % выросло количество людей, желающих сменить пол» // News.ru. — Текст: электронный. — URL: https://news.ru/near-east/v-irane-na-50-vyroslo-kolichestvo-lyudej-zhelayushih-smenit-pol (дата обращения: 08.10.2025).

[3] «В Турции закончились массовые беспорядки» // РБК. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/06/2013/5704099c9a7947fcbd449a31 (дата обращения: 12.09.2025).

[4] Гражданский кодекс Турецкой Республики (Закон № 4721) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2013/05/Turkey-Turkish-Civil-Code-Law-N.4721-2002-eng.pdf (дата обращения: 18.10.2025). — Режим доступа: свободный.

[5] Жаров С. Н. К вопросу об источниках исламского права // Вестник Челябинского государственного университета. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istochnikah-islamskogo-prava (дата обращения: 10.09.2025).

[6] Имам Хомейни. Фетва о допустимости смены пола // Официальный сайт Имама Хомейни. — Текст: электронный. — URL: https://en.imamkhomeini.ir/en/n3509/Sex_Change (дата обращения: 12.10.2025).

[7] «Краткий курс истории: покоритель Византии» // History.ru. — Текст: электронный. — URL: https://history.ru/read/articles/kratkii-kurs-istorii-pokoritiel-vizantii (дата обращения: 12.10.2025).

[8] Конституция Исламской Республики Иран (с поправками 1989 г.) // Iran Data Portal — Текст: электронный. — URL: https://irandataportal.syr.edu/wp-content/uploads/constitution-english-1368.pdf (дата обращения: 10.10.2025). — Режим доступа: свободный.

[9] Конституция Турции // Grand National Assembly of Turkey (официальный перевод). — Текст: электронный. — URL: https://www.tbmm.gov.tr/TbmmWeb/Yayinlar/Dosya/ea266075-d26a-4bad-8007-efa2b7b773a8.pdf (дата обращения: 15.10.2025). — Режим доступа: свободный.

[10] Кулиев Д. Т. Деяния категории хадд: классификация, сущность, спорные аспекты / Д. Т. Кулиев. — Текст: электронный // Исламоведение. — 2022. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deyaniya-kategorii-hadd-klassifikatsiya-suschnost-spornye-aspekty (дата обращения: 15.10.2025).

[11] Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. — Москва: ЛитРес, 2025. — ISBN 978-5-17-148230-4. — URL: https://www.litres.ru/book/gustav-lebon/psihologiya-narodov-i-mass-51836151/chitat-onlayn/ (дата обращения: 11.09.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

[12] Махарамов Я. И. Общая характеристика уголовно наказуемого деяния и его последствий по мусульманскому уголовному праву / Я. И. Махарамов. — Текст: электронный // Актуальные проблемы российского права. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-ugolovno-nakazuemogo-deyaniya-i-ego-posledstviy-po-musulmanskomu-ugolovnomu-pravu (дата обращения: 08.10.2025).

[13] «Пропаганда ЛГБТ в Турции будет караться законом» // Yeni Şafak. — Текст: электронный. — URL: https://www.yenisafak.com/ru/news/28050 (дата обращения: 15.10.2025).

[14] «Эрдоган и наследие Ататюрка: ждёт ли Турцию тотальная исламизация?» // РИА Новости Крым. [Электронный ресурс]. URL: https://crimea.ria.ru/20210519/Erdogan-i-nasledie-Atatyurka-zhdet-li-Turtsiyu-totalnaya-islamizatsiya-1119593996.html (дата обращения: 09.09.2025).

[15] Ahmadi S., Sadeghi M., Hosseini S. Gender Reassignment Surgery in Iran: Legal, Religious, and Medical Perspectives // The Journal of Sexual Medicine. — 2022. — Т. 19, № 11. — URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9745420/ (дата обращения: 12.10.2025).

[16] Blair S. S., Bloom J. M. The Art and Architecture of Islam, 1250–1800 / S. S. Blair, J. M. Bloom.

— New Haven: Yale University Press, 1994. — ISBN 978-0-300-06253-6. — URL: https://archive.org/details/artandarchitectureofislam (дата обращения: 10.09.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

[17] Constitution of the Arab Republic of Egypt, 2014 // Constitute Project. — Текст: электронный. — URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2014 (дата обращения: 11.09.2025). — Режим доступа: свободный.

[18] Criminal Code of Egypt (English version via Sherloc) // UNODC / Sherloc. — Текст: электронный. — URL: https://sherloc.unodc.org/cld/document/egy/1937/criminal_code_of_egypt_english.html (дата обращения: 10.09.2025). — Режим доступа: свободный.

[19] Friedrich Carl von Savigny. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft (1814) // [Электронный ресурс]. — URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/savigny1814 (дата обращения: 18.10.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

[20] Hazır A., Agah M. A Comparative Analysis of Religion-State Relations: A Case Study on Turkey and Iran / A. Hazır, M. Agah. — Ankara: Middle East Technical University, 2021. — ISBN 978-605-81131-2-3. — URL: https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12618598/index.pdf (дата обращения: 10.09.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

[21] Islamic Penal Code of the Islamic Republic of Iran (IPC) // Sherloc. — Текст: электронный. — URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/islamic-penal-code_html/Islamic_Penal_Code.pdf (дата обращения: 11.09.2025). — Режим доступа: свободный.

[22] Law No. 10 of 1961 On the Combating of Prostitution (Арабская Республика Египет) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1961/en/102795 (дата обращения: 20.09.2025). — Режим доступа: свободный.

[23] Law No. 175 of 2018 (Egypt) Anti-Cyber and Information Technology Crimes // [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19959 (дата обращения: 10.09.2025). — Режим доступа: свободный.

[24] Law No. 5490 On Civil Registration Services // [Электронный ресурс]. URL: https://www.nvi.gov.tr/kurumlar/nvi.gov.tr/mevzuat/nufusmevzuat/ingilizce/5490-ENG-06012025.pdf (дата обращения: 18.10.2025). — Режим доступа: свободный.

[25] Law No. 5816 On Crimes against Atatürk / Türkiye Büyük Millet Meclisi. — Текст: электронный. — URL: https://www.legalpolitical.com/wp-content/uploads/2016/04/Turkish-Law-5816-English-translation.pdf (дата обращения: 15.10.2025). — Режим доступа: свободный.

[26] Mostofa S. M. Exploring the Common Ground: A Comparative Analysis of Zoroastrianism and Islam // Journal of the Asiatic Society of Bangladesh (Humanities). — 2024. — Vol. 69, № 2. — P. 223–237. — URL: https://www.banglajol.info/index.php/JASBH/article/download/78650/51521/215407 (дата обращения: 18.10.2025).

[27] Öktem E. Turkish Law and Religious Issues / E. Öktem. — Leiden: Routledge, 2020. — ISBN 978-1-315-60507-4. — URL: https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315605074-16/turkish-law-religious-issues-emre-%C3%B6ktem (дата обращения: 11.09.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

[28] Otto J. M. Sharia and National Law in Muslim Countries: Tensions and Opportunities for Dutch and EU Foreign Policy / J. M. Otto. — Leiden: Leiden University Press, 2008. — ISBN 978-90-8728-057-0. — URL: https://scholarlypublications.universiteitleiden.nl/access/item%3A2915349/view (дата обращения: 09.09.2025). — Режим доступа: своа бодный. — Текст: электронный.

[29] Peters Rudolph. Crime and Punishment in Islamic Law: Theory and Practice from the Sixteenth to the Twenty-First Century. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — URL: https://www.cambridge.org/core/books/crime-and-punishment-in-islamic-law/B6DB73FB474660E44B-8B1EE27D75770F (дата обращения: 01.10.2025). — Режим доступа: по подписке.

[30] Ridgeway W. The Origin of the Turkish Crescent / W. Ridgeway. — London: The Royal Anthropological Institute, 1906. — ISBN 978-1-4406-3929-5. — URL: https://archive.org/details/journalroyalant00irelgoog/page/n95/mode/2up (дата обращения: 10.09.2025). — Режим доступа: своа бодный. — Текст: электронный.

[31] Rüstem Ü. From Auspicious Ornament to State Symbol: The Crescent and Star in Ottoman Visual Culture / Ü. Rüstem. — Leiden: Brill, 2019. — ISBN 978-90-04-39739-1. — URL: https://www.jstor.org/stable/10.2307/26812260 (дата обращения: 11.09.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

References:

[1] Ambrosetti E. “Syrian refugees in Turkey: the evolution of the domestic and international narrative “//Valdai Club. [Electronic resource]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskie-bezhentsy-v-turtsii/ (дата обращения: 10.10.2025).

[2] “In Iran, the number of people who want to change sex has grown by 50% “// News.ru. - Text: electronic. — URL: https://news.ru/near-east/v-irane-na-50-vyroslo-kolichestvo-lyudej-zhelayushih-smenit-pol (дата обращения: 08.10.2025).

[3] “Riots are over in Turkey “//RBC. [Electronic resource]. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/06/2013/5704099c9a7947fcbd449a31 (access date: 12.09.2025).

[4] Civil Code of the Republic of Turkey (Law No. 4721)//[Electronic Resource]. URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2013/05/Turkey-Turkish-Civil-Code-Law-N.4721-2002-eng.pdf (access date: 18.10.2025). - Access mode: free.

[5] Zharov S. N. On the question of the sources of Islamic law//Bulletin of Chelyabinsk State University. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istochnikah-islamskogo-prava (дата обращения: 10.09.2025).

[6] Imam Khomeini. Fatwa on the admissibility of gender reassignment//Official website of Imam Khomeini. - Text: electronic. - URL: https://en.imam-khomeini.ir/en/n3509/Sex_Change (access date: 12.10.2025).

[7] “A short course in history: the conqueror of Byzantium “// History.ru. - Text: electronic. — URL: https://history.ru/read/articles/kratkii-kurs-istorii-pokoritiel-vizantii (дата обращения: 12.10.2025).

[8] Constitution of the Islamic Republic of Iran (as amended 1989)//Iran Data Portal - Text: electronic. — URL: https://irandataportal.syr.edu/wp-content/uploads/constitution-english-1368.pdf (дата обращения: 10.10.2025). - Access mode: free.

[9] Turkish Constitution//Grand National Assembly of Turkey (official translation). - Text: electronic. - URL: https://www.tbmm.gov.tr/TbmmWeb/Yayinlar/Dosya/ea266075-d26a-4bad-8007-efa2b7b773a8.pdf (access date: 15.10.2025). - Access mode: free.

[10] Kuliev D.T. Acts of the hadd category: classification, essence, controversial aspects/D.T. Kuliev. - Text: electronic//Islamic studies. — 2022. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deyaniya-kategorii-hadd-klassifikatsiya-suschnost-spornye-aspekty (дата обращения: 15.10.2025).

[11] Lebon G. Psychology of Peoples and Masses/G. Lebon. - Moscow: Liters, 2025. — ISBN 978-5-17-148230-4. — URL: https://www.litres.ru/book/gustav-lebon/psihologiya-narodov-i-mass-51836151/chitat-onlayn/ (дата обращения: 11.09.2025). - Access mode: free. - Text: electronic.

[12] Maharamov Y. I. General characteristics of a criminal offense and its consequences under Muslim criminal law/Y. I. Maharamov. - Text: electronic// Actual problems of Russian law. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-ugolovno-nakazuemogo-deyaniya-i-ego-posledstviy-po-musulmanskomu-ugolovnomu-pravu (дата обращения: 08.10.2025).

[13] “LGBT propaganda in Turkey will be punished by law “//Yeni Şafak. - Text: electronic. - URL: https://www.yenisafak.com/ru/news/28050 (access date: 15.10.2025).

[14] “Erdogan and Ataturk’s legacy: will Turkey face total Islamization? “//RIA Novosti Crimea. [Electronic resource]. URL: https://crimea.ria.ru/20210519/Erdogan-i-nasledie-Atatyurka-zhdet-li-Turtsiyu-totalnaya-islamizatsiya-1119593996.html (дата обращения: 09.09.2025).

[15] Ahmadi S., Sadeghi M., Hosseini S. Gender Reassignment Surgery in Iran: Legal, Religious, and Medical Perspectives // The Journal of Sexual Medicine. — 2022. - VOL. 19, NO. 11. - URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9745420/ (access date: 12.10.2025).

[16] Blair S. S., Bloom J. M. The Art and Architecture of Islam, 1250–1800 / S. S. Blair, J. M. Bloom. — New Haven: Yale University Press, 1994. — ISBN 978-0-300-06253-6. — URL: https://archive.org/details/artandarchitectureofislam (дата обращения: 10.09.2025). - Access mode: free. - Text: electronic.

[17] Constitution of the Arab Republic of Egypt, 2014 // Constitute Project. - Text: electronic. — URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2014 (дата обращения: 11.09.2025). - Access mode: free.

[18] Criminal Code of Egypt (English version via Sherloc) // UNODC / Sherloc. - Text: electronic. — URL: https://sherloc.unodc.org/cld/document/egy/1937/criminal_code_of_egypt_english.html (дата обращения: 10.09.2025). - Access mode: free.

[19] Friedrich Carl von Savigny. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft (1814) // [Электронный ресурс]. - URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/savigny1814 (access date: 18.10.2025). - Access mode: free. - Text: electronic.

[20] Hazır A., Agah M. A Comparative Analysis of Religion-State Relations: A Case Study on Turkey and Iran / A. Hazır, M. Agah. — Ankara: Middle East Technical University, 2021. — ISBN 978-605-81131-2-3. - URL: https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12618598/index.pdf (access date: 10.09.2025). - Access mode: free. - Text: electronic.

[21] Islamic Penal Code of the Islamic Republic of Iran (IPC) // Sherloc. - Text: electronic. — URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/islamic-penal-code_html/Islamic_Penal_Code.pdf (дата обращения: 11.09.2025). - Access mode: free.

[22] Law No. 10 of 1961 On the Combining of Prostitution (Arab Republic of Egypt)//[Electronic resource]. URL: https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1961/en/102795 (access date: 20.09.2025). - Access mode: free.

[23] Law No. 175 of 2018 (Egypt) Anti-Cyber and Information Technology Crimes // [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19959 (access date: 10.09.2025). - Access mode: free.

[24] Law No. 5490 On Civil Registration Services//[Electronic Resource]. URL: https://www.nvi.

gov.tr/kurumlar/nvi.gov.tr/mevzuat/nufusmevzuat/ingilizce/5490-ENG-06012025.pdf (дата обращения: 18.10.2025). - Access mode: free.

[25] Law No. 5816 On Crimes against Atatürk / Türkiye Büyük Millet Meclisi. - Text: electronic. — URL: https://www.legalpolitical.com/wp-content/uploads/2016/04/Turkish-Law-5816-English-translation.pdf (дата обращения: 15.10.2025). - Access mode: free.

[26] Mostofa S. M. Exploring the Common Ground: A Comparative Analysis of Zoroastrianism and Islam // Journal of the Asiatic Society of Bangladesh (Humanities). — 2024. — Vol. 69, № 2. — P. 223–237. - URL: https://www.banglajol.info/index.php/JASBH/article/download/78650/51521/215407 (access date: 18.10.2025).

[27] Öktem E. Turkish Law and Religious Issues / E. Öktem. — Leiden: Routledge, 2020. — ISBN 978-1-315-60507-4. — URL: https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315605074-16/turkish-law-religious-issues-emre-%C3%B6ktem (дата обращения: 11.09.2025). - Access mode: free. - Text: electronic.

[28] Otto J. M. Sharia and National Law in Muslim Countries: Tensions and Opportunities for Dutch and EU Foreign Policy / J. M. Otto. — Leiden: Leiden University Press, 2008. — ISBN 978-90-8728-057-0. — URL: https://scholarlypublications.universiteitleiden.nl/access/item%3A2915349/view (дата обращения: 09.09.2025). - Access mode: free. - Text: electronic.

[29] Peters Rudolph. Crime and Punishment in Islamic Law: Theory and Practice from the Sixteenth to the Twenty-First Century. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — URL: https://www.cambridge.org/core/books/crime-and-punishment-in-islamic-law/B6DB73FB474660E44B-8B1EE27D75770F (дата обращения: 01.10.2025). - Access mode: by subscription.

[30] Ridgeway W. The Origin of the Turkish Crescent / W. Ridgeway. — London: The Royal Anthropological Institute, 1906. — ISBN 978-1-4406-3929-5. — URL: https://archive.org/details/journalroyalant00irelgoog/page/n95/mode/2up (дата обращения: 10.09.2025). - Access mode: free. - Text: electronic.

[31] Rüstem Ü. From Auspicious Ornament to State Symbol: The Crescent and Star in Ottoman Visual Culture / Ü. Rüstem. — Leiden: Brill, 2019. — ISBN 978-90-04-39739-1. - URL: https://www.jstor.org/stable/10.2307/26812260 (access date: 11.09.2025). - Access mode: free. - Text: electronic.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-236-238

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
кандидат психологических наук,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru,

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ОКРУЖЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ АГРЕССИВНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье рассматриваются содержание агрессивного поведения, методологической основы исследования влияния ближайшего окружения на формирование агрессивного поведения.*
Ключевые слова: *агрессивное поведение, методы исследования, психология личности.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

METHODS FOR STUDYING THE INFLUENCE OF THE ENVIRONMENT ON THE FORMATION OF AGGRESSIVENESS OF CONVICTS

Annotation. *The article discusses the content of aggressive behavior, the methodological basis for studying the influence of the immediate environment on the formation of aggressive behavior.*
Key words: *aggressive behavior, research methods, personality psychology.*

В качестве методологической основы исследования влияния ближайшего окружения на формирование агрессивного поведения мы использовали принятые в отечественной и зарубежной науке положения о влиянии социальной среды и деятельности на психологию личности, а также методологические принципы: развития человеческой психики в деятельности; детерминизма; единства сознания и деятельности [1; 2].

Исследование влияния ближайшего окружения на формирование агрессивности проводилось в три этапа:

На первом этапе была проведена диагностика влияния ближайшего окружения на формирование агрессивного поведения осужденных.

Для исследования особенностей влияния ближайшего окружения на формирование агрессивного поведения мы отобрали группу осужденных, характеризующихся как лица отрицательной направленности в количестве 50 человек. Данная категория осужденных, согласно экспертному опросу сотрудников исправительного учреждения, регулярно нарушает условия режима отбывания наказания.

На втором этапе с помощью методов математической статистики обрабатывали полученные в ходе эмпирического исследования данные.

Для решения поставленных задач и цели исследования мы использовали следующие методы [3; 4].

1. Наблюдение, использовалось для выявления осужденных, склонных к проявлению агрессии. Использование данного метода в нашей работе позволяет получить более объективные результаты.
2. Беседа, которая использовалась для более полного анализа механизмов формирования агрессивного поведения осужденных. С помощью данного метода мы также уточняли некоторые противоречивые данные, полученные по итогам анализа результатов по опросным методам и по наблюдению.

3. Анкета, направленная на исследование социально-демографической характеристики обследуемых. Полученные результаты позволяют нам установить взаимосвязь различных проявлений агрессии и особенностей влияния ближайшего окружения на формирование агрессии. С помощью данного метода мы определяем особенности ближайшего окружения (мать, отец, сестра, брат, школьные друзья, осужденные и т.д.), социальное происхождение, материальную обеспеченность семьи, способы разрешения конфликтов, потребности причинять унижения другим людям, склонность к аутоагрессии и суициду и т.д.
4. Опросник А. Басса-А. Дарки использовался нами для диагностики агрессивности и враждебных реакций.

Тест Басса-Дарки состоит из 75 утверждений, на которые обследуемый должен ответить «да» или «нет». При составлении опросника авторами использовались следующие принципы:

– Вопрос может относиться только к одной форме агрессии.
– Вопросы формулируются таким образом, чтобы в наибольшей степени ослабить эффект социальной желательности ответов.

Целью использования методики Басса-Дарки, согласно авторам методики, является исследование самооценки агрессивности испытуемых.

С помощью данной методики мы определим следующие виды агрессивных реакций:

– Физическая агрессия – использование физической силы против другого лица.
– Косвенная агрессия – окольным путем направленная на другое лицо или ни на кого не направленная.
– Раздражение – готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость).
– Негативизм – оппозиционная манера в поведении
– от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов.
– Обида – зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия.
– Подозрительность – в диапазоне от недоверия и осторожности по отношению к людям до убеждения в том, что другие люди планируют и приносят вред.
– Вербальная агрессия – выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы).
– Чувство вины – выражает возможное убеждение субъекта в том, что он является плохим человеком, что поступает зло, а также ощущаемые им угрызения совести.

5. «Hand-тест». Для достижения ретестовой надежности и диагностики индивидуальных особенностей проявления агрессивности была подобрана проективная методика исследования личности «Hand-тест». Проективная методика исследования личности «Hand-тест» создана группой американских психологов под руководством Э. Вагнера. В нашей стране тест адаптирован Т.Н. Курбатовой.

Целью проведения является исследование проективных проявлений агрессивности.

Выбор данного метода основан на том, что с его помощью можно получить более объективные данные, так как обследуемому представляется сложным предугадать полученные результаты. Таким образом, данный проективный личностный тест позволит выявить многие поведенческие тенденции человека на основании особенностей его индивидуального восприятия предложенного стимульного материала [5].

Кроме того, «Hand-тест» выгодно отличается от известных проективных методов большой простотой и занимает лидирующее положение по возможности предсказывать реальное поведение. «Hand-тест» является средством глобального исследования личности. Кроме того, полученные результаты позволят выявить потребности, мотивы, конфликты личности, и в силу своих конструктивных особенностей методика позволит надежно прогнозировать и качественно оценивать такое специфическое свойство личности как открытое агрессивное поведение.

«Hand-тест» предсказывает не конкретный вид агрессивной реакции, а склонность к агрессивному поведению вообще.

Данный опросник состоит из 9 карточек со стандартным изображением кистей рук и одной пустой карточки. 10 карточек предъявляются обследуемому в определенной последовательности в конкретной фиксированной позиции с определенной инструкцией.

Авторами «Hand-теста» были предложены следующие оценочные категории полученных результатов:

1. Агрессия (Agg). Бессознательная цель «Agg» – наказание и искупление.
2. Директивность (Dir). Стремление активно влиять на поведение другого человека (чтение нотаций). Ответы этой категории отражают установку превосходства над другими людьми, ожидание, что другие должны вести себя в соответствии с намерениями руки, а не наоборот, повышенную готовность использовать других людей в своих интересах.
3. Аффектация (Aff). Эта категория характеризует привязанность, любовь, эмоционально

положительное, благожелательное отношение к другим. Эти ответы отражают способность к активной социальной жизни, желание субъекта сотрудничать с другими.

4. Коммуникация (Com). Характеризует стремление организовывать общение или пытаться общаться с кем-то. При этом общение связано с чувством равенства или подчиненности общающегося по отношению к тому лицу, с которым он общается. В этих ответах совершенно очевидно, что коммуникатор нуждается в обратной связи и принятии, хочет быть понятым своей аудиторией, хочет поделиться информацией. Условно этот показатель можно назвать показателем «делового» общения.
5. Зависимость (Dep). Характеризует необходимость в поддержке или помощи других людей. Возможность совершить какое-либо действие зависит в данном случае от благожелательного отношения других людей, от их желания помочь.
6. Страх (F). Отражает наличие страха перед ответным ударом, агрессией со стороны других людей. К этой категории относятся не «истинные» тенденции к действию, а защитные реакции на других людей. В эту же категорию попадают ответы, характеризующие обследуемого как жертву собственной агрессии или воспринимающего себя как наносящего вред (мазохистские тенденции).
7. Эксгибиционизм (Ex). Стремление к участию в деятельности, связанной с развлечениями, самовыражением, демонстративностью.
8. Калечность (Crip). Характеризует людей оценивающих свои физические качества, как имеющие какие-либо повреждения.
9. Описание (Дез). Описание настроения без проецирования тенденции к действию.
10. Напряжение (Ten). Характеризует необходимость затрачивать определенную энергию. Энергия может прилагаться для того, чтобы поддержать себя. Для этих ответов характерны переживания тревоги, напряжения, дискомфорта.
11. Активные безличные ответы (Act). Описывает тенденции к безличному действию, в которых рука меняет свое физическое положение или противодействует силе тяжести, оцениваются по этой категории.
12. Пассивные безличные ответы (Pas). Описывает безличные действия, в которых рука не меняет своего физического положения и не сопротивляется силе тяжести, оцениваются по этой категории.
13. Галлюцинации (Bas). К этой категории относятся ответы галлюцинаторного, невероятного, необычного, страшного и пугающего содержания. При этом контуры рисунка, как правило, игнорируются.
14. Отказ от ответа (Fail). Человек не может дать ответ на карточку.

Кроме того, с помощью данного метода можно определить склонность к открытому агрессивному поведению, степень личностной дезадаптации, тенденцию к уходу от реальности, наличие психопатологии.

На втором этапе проводилась обработка полученных эмпирических данных методами математической статистики с помощью корреляционного анализа, кластерного анализа и факторного анализа. Для обработки данных мы использовали компьютерную программу STATISTICA 6.0.

На третьем этапе нашего исследования мы разработали рекомендации по обеспечению снижения проявления агрессии у осужденных.

Таким образом, мы можем утверждать, что подобранный методический инструментарий позволил нам провести качественное исследование особенностей влияния ближайшего окружения на формирование агрессивности.

Список литературы:

[1] Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статистика, динамика, симптоматика. - Н.Новгород; Изд-во НГМД, 1998. — 128 с.

[2] Можгинский Ю.Б. Агрессия у подростков: эмоциональный и кризисный механизм. СПб., 1999 г.

[3] Казакова Е.Н. Психологические аспекты изучения мотивации агрессивного поведения женщин, осужденных к лишению свободы. – Рязань, 1999 г.

[4] Корытченкова Н.И. Влияние стилей семейных отношений на агрессивность личности подростка: Дис. … канд. псих. наук. Новосибирск, 2000. – 181 с.

[5] Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

References:

[1] Gannushkin P.B. Clinic of psychopathies: their statistics, dynamics, symptoms. - N.Novgorod; Publishing House of NGMD, 1998. - 128 s.

[2] Mozhginsky Yu.B. Aggression in adolescents: emotional and crisis mechanism. St. Petersburg, 1999

[3] Kazakova E.N. Psychological aspects of studying the motivation of aggressive behavior of women sentenced to imprisonment. - Ryazan, 1999

[4] Korytchenkova N.I. The influence of family relationship styles on the aggressiveness of a teenager's personality: Dis.... cand. psycho. sciences. Novosibirsk, 2000. - 181 s.

[5] Yanitsky M.S. Value orientations of personality as a dynamic system. - Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000. - 204 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-239-242

РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского института (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
e-mail: shamil.1503@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *Данная статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы соблюдения принципа правовой определенности при формулировании норм уголовного закона об ответственности за налоговые преступления. Автор выделяет имеющиеся отступления от данного принципа и предлагает пути их устранения, учитывая при этом действующее уголовное законодательство, сложившуюся практику его применения и имеющиеся теоретические позиции по соответствующим проблемным вопросам.*

Ключевые слова: *юридическая техника, налоговые преступления, правовая неопределенность, уголовная ответственность, недоимка, длящееся преступление, страховые взносы.*

RADJABOV Shamil Rajabovich,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor Associate Professor
of the Department of Criminal Law and Procedure,
North-Caucasus Institute (branch) of VSUJ
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

ON THE ISSUE OF LEGAL UNCERTAINTY IN THE REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR TAX CRIMES

Annotation. *This article is devoted to the consideration of the urgent problem of observing the principle of legal certainty in the formulation of the norms of the criminal law on liability for tax crimes. The author highlights the existing deviations from this principle and suggests ways to eliminate them, taking into account the current criminal legislation, the established practice of its application and the existing theoretical positions on relevant problematic issues.*

Key words: *legal technology, tax crimes, legal uncertainty, criminal liability, arrears, ongoing crime, insurance premiums.*

Непротиворечивость и действенность механизма уголовного законодательства во многом зависят от соблюдения основополагающих принципов юридической техники при формулировании каждой из его уголовно-правовой нормы, в особенности принципа правовой определенности, определяющего использование необходимых приемов и способов толкования нормы, обеспечивающих единообразное применение соответствующих нормативных положений. Относительно данного принципа В.А. Крыжан справедливо отмечает, что его соблюдение является основой для обеспечения высокой степени определенности права в целом и отдельной правовой нормы в частности [1].

Как разъяснил Конституционный Суд РФ, при формировании и квалификации уголовно-правового запрета следует стремиться к тому, чтобы признаки, входящие в содержание состава преступления, выступали необходимой и существенной основой для проведения отграничения определенного преступного посягательства от других правонарушений и неправомерных деяний, а также характеризовались точностью и недвусмысленностью изложения в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее - УК РФ) для того, чтобы последние непротиворечиво входили в существующую систему права.

Несмотря на общепризнанность и значимость принципа правовой определенности, в том

числе при разработке новых и совершенствовании имеющихся уголовно-правовых запретов, он далеко не всегда принимается во внимание субъектами правотворчества, что, в частности, нашло свое подтверждение в ст. 198 – 199.2 УК РФ об ответственности за налоговые преступления, на необходимость дальнейшего совершенствования которых обращается внимание в теории уголовного права [3].

Согласно официальным опубликованным статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ уголовные дела о налоговых преступлениях не занимают весомой доли в судебной практике (всего по ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ в 2021 г. осуждено 579 человек, в 2023 г. - 583, в 2024 г. - 605), однако каждое из них сопряжено с необходимостью разрешения сложных вопросов толкования соответствующих статей УК РФ, включая те, что связаны с преодолением правовой неопределенности в регламентации признаков составов таких деяний.

Анализ уголовных дел и опрос судебно-следственных работников выявил ряд проблемных вопросов, связанных с отступлениями от правовой определенности при формулировании указанных статей Особенной части УК РФ.

Помимо этого, актуальной сохраняется проблема четкого разграничения уголовно наказуемого уклонения от уплаты налогов и административных нарушений в налоговой сфере. Отсутствие законодательно закрепленных ясных критериев такой дифференциации, в особенности при установлении умысла и объема причиненного ущерба, ведет к неоднозначной практике. Ситуация усугубляется тем, что правоприменительные органы не имеют четких нормативных ориентиров. В итоге дела со схожими фактическими обстоятельствами в одних случаях рассматриваются как преступные деяния, а в других — как административные проступки.

Применительно к ст. 198, 199 и 199.1 УК РФ в первую очередь необходимо обратить внимание на такой признак, связанный с определением размера недоимки по налогам, сборам и страховым взносам, а также юридического момента окончания соответствующих преступлений, как трехлетний период, в рамках которого исчисляется такая задолженность, образовавшаяся по вине виновного лица.

В комментариях к упомянутым статьям Уголовного кодекса РФ указано, что значительный и особо значительный объемы неуплаченных налогов, сборов и/или страховых взносов, от которых уклонился налогоплательщик (физическое или юридическое лицо), определяются периодом в три последовательных финансовых года. Однако, не установлено, с какого конкретно момента следует начинать этот отсчет трехлетнего периода.

К примеру, компания может избежать уплаты налоговых обязательств за один календарный год в объемах, классифицируемых как крупные или особо крупные, но в предшествующие или последующие периоды своевременно выполнять налоговые обязательства. Это существенно снижает процент неуплаченных сумм в общем объеме выплаченных налогов, сборов и взносов.

Не редки случаи, когда организация функционирует менее трех лет, но успевает сформировать налоговую задолженность, достигающую крупных или особо крупных размеров, предусмотренных статьями 199 и 199.1 УК РФ. Подобные ситуации вызывают разногласия в единообразном толковании и применении ст. 198, 199, 199.1 УК РФ. Наличие или отсутствие состава преступления зависит от отправной точки отчета периода, в течение которого налогоплательщик уклонялся от уплаты налогов и взносов.

Также, актуален вопрос о предельном сроке, в рамках которого намеренно создавались преграды для обнаружения факта неисполнения обязательств по уплате налоговой задолженности. Отсутствие официальных разъяснений Верховного Суда РФ по этому вопросу препятствует формированию единой судебной практики в определении сроков начала и окончания периода для расчета крупного и особо крупного размера задолженности. Еще одним аспектом данной проблемы является вопрос о том, как учитывать переплаты по другим налогам или за иные периоды при исчислении размера недоимки. Действующая редакция УК РФ не содержит прямых указаний на этот счет, что приводит к противоречивой судебной практике: в одних случаях суды засчитывают переплату в счет погашения недоимки, в других – отказывают в этом, тем самым произвольно влияя на квалификацию деяния как преступления или его отсутствие.

По нашему мнению, отсутствие правовой определенности в регламентации данного вопроса отсылает нас к принципу презумпции невиновности, согласно которому, в частности, любые неустранимые сомнения в виновности лица в совершении инкриминируемого ему преступления толкуются в его пользу. Иной путь преодоления правовой неопределенности по рассматриваемому вопросу, по нашему мнению, не может быть признан обоснованным и справедливым.

С учетом изложенного полагаем целесообразным вплоть до определения порядка исчисления данного трехлетнего периода непосредственно в примечаниях к ст. 198, 199 и 199.1 УК РФ разъяснить его особенности в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Обозначенная проблема становится особенно важной при юридической квалификации уклонения от налоговых платежей, сборов или страховых взносов, обязательных для организаций (ст. 199 УК РФ), функционирующих менее трех лет, либо тех, кто уклоняется от налоговых обязательств на протяжении аналогичного короткого периода. В таких ситуациях целесообразно внести ясность в постановление Пленума Верховного Суда РФ, указав, что временной интервал для расчета подлежащих уплате налогов, сборов, взносов, используемый для сопоставления с неуплаченными суммами с целью определения крупного или особо крупного размера, может быть сокращен до срока менее трех последовательных финансовых лет. Это применимо исключительно в случаях, когда организация зарегистрирована менее чем за три года до обнаружения факта уклонения от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов. Важно подчеркнуть, что период, используемый для расчета необходимых налоговых выплат, сборов и страховых взносов, должен соответствовать времени, прошедшему с момента регистрации организации до выявления факта уклонения.

Кроме того, применительно к моменту окончания налоговых преступлений, предусмотренных ст. 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ, важно на законодательном уровне закрепить, что таковые представляют собой длящиеся уголовно наказуемые деяния, поскольку уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, равно как и неисполнение обязанностей налогового агента и сокрытие имущества от взыскания недоимки, представляют собой растянутое во времени осуществление одного и того же посягательства, которое может быть прервано по воле либо против воли виновного лица (например, добровольная уплата или взыскание соответствующей задолженности). Если рассматривать данные деяния в качестве простых единичных преступлений, юридический и фактический моменты окончания которых совпадают и связаны с датой неисполнения обязанности плательщика (налогового агента) на заключительный день, установленный для выполнения такой обязанности, то тем самым будет игнорироваться факт продолжения уклонения от последней и необоснованно создаваться предпосылки для прекращения дела в связи с истечением срока давности уголовной ответственности, который, например, для преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 198, ч. 1 ст. 199, ч. 1 ст. 199.1 и ч. 1 ст. 199.2 УК РФ, составляет всего 2 года. Если же законодательно закрепить длящийся характер таких преступлений, то срок давности уголовной ответственности за их совершение будет исчисляться со дня, когда соответствующая преступная деятельность будет прервана.

Признание налоговых правонарушений как длящихся действий позволит более точно определять роли соучастников. Сейчас отсутствует чёткое понимание, может ли лицо, оказавшее помощь в уклонении от налогов после официальной даты платежа, но во время существования долга, считаться соучастником. Если закрепить концепцию длящегося преступления, это расширит действие правил о соучастии на весь период незаконной деятельности.

Установление длящегося характера налоговых преступлений внесёт ясность в вопросы определения соучастия. В текущей практике не всегда понятно, несёт ли ответственность лицо, которое содействовало уклонению от налогов после установленного законом срока, но пока существует непогашенная задолженность. Чёткое определение состава преступления как длящегося позволит применять нормы о соучастии на протяжении всего времени совершения противоправных действий.

Отметим, что длящийся характер рассматриваемых налоговых преступлений убедительно обосновал П.С. Яни, который в том числе обозначил дискуссионность данного вопроса в теории уголовного права [4].

Обратим внимание еще на один вопрос, не получивший ответа в законодательстве. Следует ли учитывать уплаченные (неуплаченные) страховые взносы, включенные в предмет преступлений, предусмотренных рассматриваемыми уголовно-правовыми нормами, Федеральным законом от 29 июля 2017 г. N 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» [5], при определении крупного или особо крупного размера задолженности по налогам, сборам и таким взносам за период трех финансовых лет подряд, в том числе и за годы, предшествовавшие введению в действие данного законодательного решения? Анализ практики показал отсутствие единообразия при решении данного вопроса. В частности, имеют место судебные решения, признающие, что уплаченные страховые взносы необходимо учитывать с учетом положений об обратной силе уголовного закона, т.е. принимать во внимание такие взносы, уплаченные в период, который предшествовал вступлению в силу отмеченных законодательных изменений. По нашему мнению, такой подход не учитывает, что новые положения уголовного закона неразрывно связаны с соответствующими положениями законодательства о налогах и сборах, которое ранее не регулировало отношения, связанные с уплатой

страховых взносов. Кроме того, следует учитывать, что включение страховых взносов в предмет рассматриваемых преступлений одновременно ухудшило положение их плательщиков, уклоняющихся от соответствующей обязанности.

Можно заметить, что складывающаяся практика, характеризующаяся различными подходами к учету страховых взносов при определении крупного или особо крупного размера недоимки по рассматриваемым уголовно-правовым нормам, указывает на необходимость разрешения данного проблемного вопроса непосредственно в Федеральном законе, внесшем соответствующие изменения в УК РФ, за счет указания на то, что недоимка по страховым взносам, равно как и их уплата, подлежат учету для целей уголовной ответственности начиная со дня вступления в силу таких законодательных изменений.

В настоящей статье мы рассмотрели выявленные нами проблемы соблюдения принципа правовой определенности при формулировании уголовно-правовых норм о налоговых преступлениях и предложили пути их решения, применение которых, по нашему мнению, будет способствовать установлению единообразной правоприменительной практики, более полному обеспечению прав и законных интересов участников экономической деятельности. Резюмируя, ключевыми направлениями совершенствования законодательства являются: 1) законодательное закрепление длящегося характера налоговых преступлений; 2) внесение ясности в правила исчисления трехлетнего периода для определения размера недоимки, включая случаи деятельности организаций менее трех лет; 3) установление четкого порядка учета переплат по иным налогам и периодам; 4) устранение обратной силы закона, ухудшающего положение плательщика, в части учета страховых взносов. Реализация этих предложений возможна как путем внесения изменений в УК РФ, так и через принятие разъясняющего постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы:

[1] Крыжан В.А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 91–98.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Акопджанова М.О. Новеллы российского уголовного законодательства о противодействии налоговой преступности // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 15–17.

[4] Яни П.С. Длящееся преступление с материальным составом? // Журнал российской юстиции. 1999. № 1. С. 40–42.

[5] Федеральный закон от 29.07.2017 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4799.

References:

[1] Kryzhan V.A. On the content of the principle of legal certainty // Perm Law Almanac. An annual scientific journal. 2018. No. 1. pp. 91-98.

[2] Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 04/24/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[3] Akopdzhanova M.O. Novelties of the Russian criminal legislation on countering tax crime // Russian justice. 2018. No. 3. pp. 15-17.

[4] Yani P.S. A continuing crime with a material composition? // Journal of Russian Justice. 1999. No. 1. pp. 40-42.

[5] Federal Law No. 250-FZ dated July 29, 2017 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with Improving the Legal Regulation of Relations Related to the Payment of Insurance Premiums to State Extra-budgetary Funds” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (part I). Article 4799.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-243-245

ВОРОТНИКОВА Анна Сергеевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный государственный университет,
e-mail: seamni46@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЧЛЕНАМИ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые типичные следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования экономических преступлений, совершаемых членами организованных преступных формирований (далее по тексту - ОПФ). Особое внимание уделяется анализу информационных моделей таких ситуаций. Подчеркивается значимость комплексного подхода при разработке типичных следственных ситуаций при расследовании экономических преступлений, совершаемых членами ОПФ, который включает организацию расследования рассматриваемого вида преступлений, тактико-криминалистические рекомендации производства отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также использование специальных знаний, в целях совершенствования практики борьбы с преступностью и обеспечения экономической безопасности.*

Ключевые слова: *экономические преступления, организованные преступные формирования, следственная ситуация, тактико-криминалистическая рекомендация, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, противодействие расследованию, преодоление противодействия расследованию.*

Источник финансирования: *Работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010), № 1024031900131-7-5.5.1.*

VOROTNIKOVA Anna Sergeevna,
Teacher at the Department of Criminal Procedure and Criminology,
South West State University

SOME TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS IN THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED BY MEMBERS OF ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

Annotation. *The article discusses some typical investigative situations that arise at the initial stage of the investigation of economic crimes committed by members of organized criminal groups (hereinafter referred to as OCGs). Special attention is paid to the analysis of information models of such situations. The article emphasizes the importance of a comprehensive approach to developing typical investigative situations in the investigation of economic crimes committed by members of organized crime groups, which includes the organization of the investigation of this type of crime, tactical and forensic recommendations for conducting individual investigative actions and operational search activities, as well as the use of special knowledge to improve the practice of combating crime and ensuring economic security.*

Key words: *economic crimes, organized criminal groups, investigative situation, tactical and forensic recommendations, investigative actions, operational and investigative measures, counteraction to investigation, overcoming counteraction to investigation.*

Funding source: *The work was carried out within the framework of the State assignment "Legal measures to ensure strategic priorities to counter threats to national security" (FENM-2025-0010), No. 1024031900131-7-5.5.1.*

Расследование экономических преступлений, совершаемых членами ОПФ, представляет собой сложную задачу для правоохранительных органов. Это связано с противодействием расследованию, недостаточной эффективностью правоприменительной системы, а также особенностями экономических отношений в условиях цифровизации. Члены ОПФ, имея внушительное социальное влияние, прибегают к сокрытию преступной деятельности посредством коррумпированных связей, угроз, шантажа, подкупа и других способов, нанося тем самым значительный ущерб экономической безопасности страны. Отмечается, что официальный статистический анализ рассматриваемого вида преступности не совпадает с фактическим ее состоянием, что, в свою очередь, приводит к статистическому заблуждению [1, с. 120]. Это подчеркивает крайне высокую общественную опасность экономических преступлений, совершаемых членами ОПФ.

Успех выявления, раскрытия и расследования таких преступлений в значительной степени зависит от способности следователя грамотно оценить сложившуюся следственную ситуацию с учетом принципов индивидуальности, динамичности, реальности и конкретности, а также принять оптимальные тактические решения в ходе планирования расследования [2, с. 190]. Изучение типичных следственных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования, позволяет оптимизировать этот процесс.

Цель настоящего исследования состоит в разработке типичных следственных ситуаций при расследовании экономических преступлений, совершаемых членами ОПФ. Несмотря на значительное количество исследований, вопрос классификации следственных ситуаций при расследовании указанных преступлений требует проработки с учетом современных форм и способов совершения экономических преступлений.

В процессе работы использовались общенаучные методы исследования: описание следственных ситуаций; индукция, дедукция, анализ, синтез и гипотеза для формирования тактико-криминалистических рекомендаций - а также частнонаучные: сравнительно-правовой и формально-юридический для сопоставления различной криминалистически значимой информации по уголовному делу и предполагаемых версий.

Для первоначального этапа расследования экономических преступлений, совершаемых членами ОПФ, наиболее характерны следующие типичные следственные ситуации [3, с. 151].

Отсутствие достаточных доказательств для возбуждения уголовного дела при наличии оперативной информации о совершении экономического преступления членами ОПФ [4, с. 151-152]. В данной ситуации задача следователя заключается в проверке и подтверждении оперативной информации путем проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на выявление участников ОПФ, установление их ролей и связей, организационной структуре формирования, а также сбор криминалистически значимой информации о совершенных, совершаемых и готовящихся преступлениях. Тактические решения, принимаемые следователем в данной ситуации, должны включать тщательное планирование и координацию, проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий совместно с другими подразделениями [5, с. 392]. Большая роль в ходе доказывания по уголовным делам об экономических преступлениях, совершаемых ОПФ, отводится применению специальных знаний в ходе выявления, изъятия и исследования следов, в том числе цифровых, а главное – назначения и производства судебных экспертиз в области криминалистики, информационных технологий, экономики, психологии и других.

Ситуация, когда возбуждено уголовное дело по факту единичного экономического преступления, но имеются признаки, указывающие на его связь с деятельностью ОПФ. В данном случае следователь должен сосредоточиться на расширении пределов доказывания и установлении связи данного преступления с другими эпизодами преступной деятельности ОПФ. Тактические решения включают анализ финансовой документации и движения денежных средств, выявление связей между участниками преступления и другими лицами, подозреваемыми в причастности к ОПФ, назначение судебных экономических экспертиз, проведение обысков и выемок в местах проживания и работы подозреваемых, допросы свидетелей и подозреваемых с акцентом на установление структуры ОПФ и ролей ее участников [3, с. 152].

Ситуация, когда имеется информация о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем ОПФ, но отсутствуют сведения об основном преступлении, в результате которого были получены эти доходы. В данной ситуации приоритетной задачей является установление первичного преступления, в результате которого были получены денежные средства. Тактические решения включают тщательный анализ финансовых потоков и операций, направленных на легализацию доходов, выявление компаний-однодневок, дропов, фиктивных сделок, обеспечивающих сокрытие преступной деятельности и их участников, направление запросов в банковские учреждения и налоговые органы для

получения информации о финансовых операциях подозреваемых, взаимодействие с правоохранительными органами зарубежных стран для установления счетов и активов, находящихся за границей [6, с. 153].

Ситуация, характеризующаяся противодействием расследованию со стороны членов ОПФ, включая уничтожение документов, оказание давления на свидетелей, подкуп должностных лиц. В данной ситуации следователю необходимо принять меры по нейтрализации противодействия и обеспечению безопасности участников уголовного процесса. Тактические решения включают применение мер государственной защиты свидетелей и потерпевших, проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление фактов коррупции и подкупа должностных лиц, использование специальных технических средств для фиксации разговоров и переписки подозреваемых, применение тактических приемов допроса и очной ставки, позволяющих преодолеть противодействие со стороны подозреваемых и свидетелей [7, с. 280].

Определение типичных следственных ситуаций позволяет оптимизировать планирование и организацию расследования экономических преступлений, совершаемых членами ОПФ. Однако необходимо учитывать, что следственные ситуации имеют индивидуальный характер, то есть при расследовании конкретного преступления следователю нужно учитывать особенности условий, обстановки, объекта посягательства, личности жертвы и преступника (членов ОПФ) и других элементов.

Расследование экономических преступлений, совершаемых ОПФ, является сложной и актуальной проблемой. Изучение и классификация типичных следственных ситуаций позволяет повысить эффективность расследования данных преступлений, пресечь и предупредить их совершение, а также сократить угрозы для экономической безопасности государства.

Список литературы:

[1] Молчанова Т. В. Статистическое заблуждение в оценке организованной преступности в сфере экономической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. №5. С. 115-120.

[2] Ищенко Е.П. Криминалистика: Курс лекций. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; АСТ-МОСКВА, 2007. 416 с.

[3] Сучкова Е. А. Типичные следственные ситуации, складывающиеся на предварительном этапе расследования неправомерного оборота средств платежей, совершенного путем приобретения, транспортировки, хранения в целях сбыта и сбыта электронных средств, электронных носителей информации или электронных средств платежей // Вестник УЮИ. 2025. №1 (107). С. 146-153.

[4] Баринова Е. В., Ефремов Д. А. Ситуационный подход и особенности его реализации при производстве расследования преступлений в сфере экономической деятельности на первоначальном этапе // Вестник СГЮА. 2024. №5 (160). С. 147-154.

[5] Говердов А. А. Специфика и порядок взаимодействия дознавателя и оперативных сотрудников по уголовным делам об экономических преступлениях // Образование и право. 2025. №1. С. 391-396.

[6] Воротникова А. С. Отдельные закономерности совершения современных экономических преступлений в киберпространстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №12. С. 150-154.

[7] Воротникова А. С. Современные меры преодоления противодействия расследованию преступлений, совершаемых членами организованных преступных формирований // Право и управление. 2024. №12. С. 278-282.

References:

[1] Molchanova T.V. Statistical error in the assessment of organized crime in the field of economic activity//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. №5. S. 115-120.

[2] Ishchenko E.P. Forensics: Course of lectures. - Moscow: CONTRACT Law Firm; AST-MOSCOW, 2007. 416 p.

[3] Suchkova E. A. Typical Investigative Situations at the Preliminary Stage of Investigation of Illegal Circulation of Payment Means Committed by Purchasing, Transporting, Storing for the Purpose of Selling and Marketing Electronic Means, Electronic Media or Electronic Means of Payment//Vestnik UYI. 2025. №1 (107). S. 146-153.

[4] Barinova E.V., Efremov D.A. Situational approach and features of its implementation in the investigation of crimes in the field of economic activity at the initial stage//Bulletin of SSLA. 2024. №5 (160). S. 147-154.

[5] Goverdov A. A. Specifics and procedure for interaction between the investigator and operational officers in criminal cases of economic crimes//Education and law. 2025. №1. S. 391-396.

[6] Vorotnikova A. S. Separate patterns of committing modern economic crimes in cyberspace// Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2024. №12. S. 150-154.

[7] Vorotnikova A. S. Modern measures to overcome counteraction to the investigation of crimes committed by members of organized criminal groups//Law and management. 2024. №12. S. 278-282.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-246-251

ЕЛЫЖЕВ Андрей Евгеньевич,
соискатель кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: disquiz_namvd@mail.ru

ВЛИЯНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ МИНИМАЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. *В представленной статье актуализируется вопрос о факторах, влияющих на определение минимального возраста уголовной ответственности по ч. 2 ст. 20 УК РФ, обращается внимание на то, что доминировавший до недавнего времени психолого-психиатрический критерий, характеризующий способность лица осознавать общественную опасность совершаемого деяния и его наказуемость, уступает место преобладающим потребностям уголовной политики при решении вопроса о понижении возраста ответственности. Не соглашаясь с наметившейся тенденцией, автор указывает на необходимость всестороннего, в первую очередь криминологического и психолого-психиатрического, обоснования любой инициативы, направленной на изменение возрастных показателей субъекта преступления.*

Ключевые слова: *субъект преступления, уголовная ответственность, возраст, презумция разумения, уголовная политика, террористическая деятельность, диверсионная деятельность.*

YELYZHEV Andrey Evgenievich,
Candidate of the Department of Theory and History of State and Law
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE IMPACT OF CRIMINAL POLICY ON DETERMINING THE MINIMUM AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Annotation. *The article highlights the issue of factors influencing the determination of the minimum age of criminal responsibility under Part 2 of Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation, and draws attention to the fact that the psychological and psychiatric criterion that dominated until recently, characterizing a person's ability to recognize the social danger of an act and its punishability, is giving way to the prevailing needs of criminal policy when addressing the issue of lowering the age of responsibility. Disagreeing with the emerging trend, the author points out the need for a comprehensive, primarily criminological and psychological-psychiatric, justification of any initiative aimed at changing the age indicators of the subject of crime.*

Key words: *subject of crime, criminal responsibility, age, presumption of understanding, criminal policy, terrorist activity, sabotage activity*.

Высокая динамика общественных отношений, происходящие социально-экономические, политические и культурно-нравственные изменения актуализируют пересмотр и оптимизацию научных знаний и законодательства по устоявшимся, казалось бы, вопросам уголовно-правового регулирования. Сегодня нередко на страницах научной литературы можно встретить новые идеи во взглядах на базовые категории уголовного права: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону состава преступления, что вызывает обоснованные дискуссии и неприятие обновленных тезисов подстроенных под складывающиеся реалии жизни общества и государства.

Не теряют своей актуальности многочисленные вопросы, сопряженные с категорией субъекта преступления, определяющей фигуру лица, подлежащего уголовной ответственности за конкретное преступление. От корректного законодательного закрепления признаков субъекта преступления зависит перечень лиц, находящихся под потенциальным воздействием Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

К числу обязательных признаков субъекта преступления относится достижение им определенного, нормативно установленного, возраста. Под возрастом в филологических и научных источниках понимается количество прожитого времени, лет [1, с. 907]; период с момента появления чего-либо / кого-либо [2, с. 971]; в праве: в широком смысле – период с рождения до любого другого хронологического периода в жизни человека; в узком смысле – календарный период психофизиологического развития личности [3, с. 27-28].

В настоящий момент отечественное законодательство связывает возраст с самыми различными правовыми институтами (уголовной, административной и проч. ответственности, избирательным правом, гражданской дееспособности, пенсионный, трудовой и другие). Категория «возраст», как отмечается в научной литературе, представляет собой междисциплинарное, многоплановое (Выделяют множество разновидностей возраста: биологический, хронологический, профессиональный, социально-правовой), условно-фикциональное явление, необходимое для установления связи поведения лица с определенными юридическими фактами [4; 5; 6; 7]. Возрастные критерии в законодательстве, по преобладающему мнению, базируются на результатах психологической, педагогической, медицинской и биологической науки [8].

По общему правилу уголовная ответственность в Российской Федерации наступает с 16 летнего возраста, а в некоторых случаях с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ) (Нельзя не упомянуть о закрепленном в ч. 3 ст. 20 УК РФ правиле «возрастной невменяемости» и о том, что за целый ряд преступлений, где наказанию подлежит так называемый специальный субъект, возраст ответственности может смещаться до 18 лет или даже до 25 лет. Мы не будем останавливаться подробно на этих общеизвестных фактах). В основании принятого законодательного подхода лежит так называемый психологический критерий, согласно которому к ответственности можно привлечь лицо, способное по уровню своего развития объективно осознавать значение (опасность / противоправность / правомерность) своего поведения [9, с. 111] и назначаемого наказания [10]. На этом постулате, в том числе, базируется принцип субъективного вменения, принятый в отечественном уголовном законе.

Исходя из этого государство презюмирует, что по достижении 16 или 14 летнего возраста физическое лицо психически и социально созрело для адекватной оценки своих действий, а значит в отношении него обоснованно допустимо применение мер государственного принуждения. Описанный нормативный концепт периодически подвергается критике в средствах массовой информации и на страницах научной литературы [11; 12; 13]. Например, в эфире одного из федеральных телеканалов психолог Михаил Хорс высказался о необходимости понижения возраста уголовной ответственности до 10-12 лет [14]. В 2012 году в Государственную Думу вносился законопроект о снижении возраста уголовной ответственности за некоторые преступления до 12 лет, однако он был раскритикован тогда Уполномоченным при Президенте по правам ребенка П. Астаховым и не получил поддержки [15].

Разговоры о понижении возраста ответственности до 10-12 лет куда чаще попадают в журналистскую или исследовательскую орбиту, чем проблема иного порядка. В настоящий момент мало кто целенаправленно и серьезно размышляет о перечне преступлений, закрепленном в ч. 2 ст. 20 УК РФ, ответственность за которые наступает с 14 лет. Как отмечалось уже чуть выше и отмечается другими авторами, с указанного возраста ответственность наступает за наиболее распространенные умышленные преступления, общественная опасность которых к 14 годам очевидна [16, с. 127-138]. Приведенный в ч. 2 ст. 20 УК РФ перечень основывается на принципе «разумения», означающего то, что лицо, совершающее преступление психически способно воспринимать и выстраивать отношение к значимым криминообразующим признакам этих составов преступлений [17, с. 25-27]. Однако обеспокоенную настороженность вызывает презюмирование государством такого разумения применительно, например, к террористическим преступлениям (ст. 205, 2053, ч. 2 ст. 2054, ч. 2 ст. 2055, 2056, 361 УК РФ) или нападению на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 360 УК РФ). Плохо верится в то, что среднестатистический человек в 14 лет осознает в полной мере политический феномен терроризма или сведущ в вопросах устройства дипломатической жизни.

В данном случае правы те авторы, которые помимо интеллектуально-психического фактора при определении возрастных границ уголовной ответственности принимают во внимание и сугубо уголовно-политические обстоятельства [18, с. 86-87]. Они выражаются в том, что государство на разных этапах своего существования исходя из актуальных задач противодействия преступности не одинаково определяет объем репрессий и уголовно-правовых запретов, привилегий и компромиссных мер в отношении лиц, совершивших преступление.

Последние несколько десятилетий одной из наиболее опасных угроз безопасности выступает терроризм в своих многообразных проявлениях,

что и предопределяет принятие жестких и бескомпромиссных решений в вопросах борьбы с ним, в том числе касающихся установления минимальных возрастных критериев привлечения к ответственности [19, с. 75]. Профессор Г.В. Назаренко говорит о том, что уголовно-политические предпочтения являются и вовсе первостепенными, преобладающими по отношению к интеллектуально-психическому фактору при определении возраста уголовной ответственности [20, с. 56]. В качестве веского аргумента в пользу своей позиции упомянутый автор приводит данные о минимальной возрасте ответственности в разных странах мира и заключает: если бы он определялся интеллектуально-волевыми или психологическими особенностями несовершеннолетних, а не политикой государства, то в таком случае возраст имел бы единые показатели во всех странах и во все времена [20, с. 56].

Подтверждением этой мысли выступают периодически появляющиеся инициативы о понижении минимального возраста ответственности за отдельные преступные посягательства. Например, в апреле 2025 года Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин высказался о необходимости понижения до 14 лет ответственности за сбыт наркотических средств и психотропных веществ по ст. 2281 УК РФ [21]. По его словам, это поможет противодействовать преступности, «втягивающей подростков в наркобизнес». Примерно в это же время Госсобрание Башкортостана направило законопроект о понижении уголовной ответственности до 14 летнего возраста не только за сбыт, но и в целом за незаконный оборотов наркотических средств [22].

Чуть позже, летом 2025 года по инициативе Генеральной прокуратуры Российской Федерации в комиссии по законопроектной деятельности рассматривалось предложение о понижении до 14 лет возраста уголовной ответственности за осквернение памятников защитникам Отечества (речь, судя по всему о ст. 2434 УК РФ) [23]. В Министерстве юстиции Российской Федерации отметили, что эта идея имеет право на существование, однако решение по ней является непростым. Одновременно с этим председатель комитета Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Н. Останина высказала сомнение в эффективности понижения возраста уголовной ответственности как меры противодействия подростковой преступности [24].

Редакция газеты «Комсомольская правда» в августе-сентябре 2025 года провела опрос населения по поводу понижения возраста уголовной ответственности. Из принявших в опросе 7,1 тысячи человек, 78 % респондентов высказались за понижение возраста [25].

Можно заметить, что во всех перечисленных случаях размышления строились вокруг идеи ужесточения кары для лиц, совершающих отдельные виды преступлений. Высказываемые тезисы базируются на эмоционально-политических (терроризм и наркотизм – глобальная угроза, осквернение памятников – нарушение традиционных ценностей и идеалов патриотизма и т.п.)., а не научно-обоснованных аргументах. Ни в одной последней инициативе подобного рода не поднимался вопрос о соотношении характера и общественной опасности преступления с интеллектуально-психическими возможностями лица их осознать.

Осенью 2025 года парламентариям (однако не единогласно) удалось принять решение о понижении возраста уголовной ответственности с 16 до 14 лет за целый ряд преступлений террористическо-диверсионного характера (ст. 2051, ст. 2054, ст. 281, ст. 2811, ст. 2812, ст. 2813 УК РФ) [26]. Можно заметить, что наказывать с указанного возраста станут не только за собственно акты терроризма или диверсии, но и за подстрекательство и пособничество им. В частности, за вербовку или иное вовлечение к этим общественно опасным деяниям, их финансирование, создание террористического или диверсионного сообщества. Представить осознанное (виновное) совершение подобных действий лицом в 14 или 15-летнем возрасте достаточно трудно, особенно в части вербовки (Вербовка представляет собой сложный вид психолого-коммуникативной деятельности, заключающийся в привлечении лица (лиц) к участию в каком-либо деле посредством методов убеждения, формирования идейной зависимости. Вызывает большие сомнения возможность 14-15 летнего подростка осознавать, а уж тем более самостоятельно реализовывать данный вид манипулятивной практики) и создания упомянутых сообществ (Под террористическим или диверсионным сообществом, в соответствии с УК РФ, понимается устойчивая группа лиц, заранее объединившаяся в целях осуществления соответственно террористической или диверсионной деятельности. Имеется ли хотя бы один пример создания такого сообщества 14-15 летним подростком?). Следует согласиться с М.И. Синяевой, отмечающей то, что лица в обсуждаемом возрасте не могут понять общественную опасность действий и их последствий в сложных объектах преступлений [4, с. 100-101], к числу которых несомненно относится общественная безопасность, государственная власть и мир и безопасность человечества. Как правило, степень общественной опасности деяния лежит в основе дифференциации ответственности с учетом возраста наступления уголовной ответственности [30, с. 91].

В пояснительной записке к рассматриваемому законопроекту обоснованию вопроса понижения возраста ответственности уделено три абзаца, где указывается, что предлагаемые изменения призваны восполнить законодательный пробел, «установив аналогичный возрастной порог за преступления диверсионно-террористической направленности, которые совершаются умышленно и несут особую опасность для общества, очевидную для лица, совершающего преступления (выд. авт.)» [27]. На чем основывается столь категоричный тезис об очевидности опасности преступления для субъекта в 14-15 летнем возрасте в законопроекте не аргументируется. Кроме того, добавим, что процитированная формулировка из пояснительной записки практически слово в слово дублирует записку к законопроекту, которым понижался возраст ответственности за ряд террористических преступлений в 2016 году [28].

Ни одно заинтересованное ведомство, осуществляющее согласование и экспертизу законопроектов не высказало ни одного замечания в отношении предлагаемых законодательных изменений. Это лишний раз подтверждает первостепенность политической мотивации перед существующими критериями (условиями) общественной опасности, криминализации, пенализации, распространенности деяния, учета влияния психологических особенностей развития личности на конструирование субъективных признаков составов преступлений.

Определенные сомнения о целесообразности понижения возраста за террористически-диверсионные преступления были озвучены фракцией КПРФ, обратившей внимание на то, что доля несовершеннолетних (а тем более лиц в возрасте 14-16 лет) их совершающих минимальна и упор нужно делать не на наказание, а на профилактику таких проявлений [29]. Председатель же Государственной Думы Н. Володин назвал ужесточение ответственности несовершеннолетних мерой их защиты и актом гуманизма (выд. авт.).

Проведенное краткое исследование влияния уголовной политики на определение минимального возраста уголовной ответственности позволяет сформулировать следующие обобщенные выводы:

Во-первых, к настоящему времени в отечественной юридической доктрине не представлено целостной межотраслевой концепции возраста как правовой категории, что обуславливает многоплановость и неунифицированность ее понимания.

Во-вторых, в уголовном праве возраст выступает в качестве обязательного признака субъекта преступления и от него напрямую зависит количество подлежащих потенциальному воздействию уголовного закона лиц. Нормативно установленные границы минимального возраста привлечения к уголовной ответственности основываются на психолого-психиатрических (сознательно-волевых, психофизиологических) показателях, отражающих способность лица осознавать общественную опасность умышленно совершаемого деяния и назначаемого за него наказания.

В-третьих, принятые за последнее десятилетия изменения по снижению возраста уголовной ответственности за отдельные виды преступлений не обоснованы с криминологической и психолого-психиатрической точки зрения. Официальные побудительные причины принимаемых нормотворческих решений, отражаемые в пояснительных записках, ничего не объясняют и не выдерживают серьезной научной критики. Первоочередно в их основе лежат приоритетные задачи уголовной политики по противодействию преступлениям против общественного порядка, общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства.

В-четвертых, наметившаяся тенденция по расширению перечня преступлений, закрепленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ не будет способствовать достижению желаемого результата – предупреждения общественно опасных посягательств. Это связано с тем, что процесс противодействия преступности несовершеннолетних должен основываться не столько на карательных (то есть уголовно-правовых) решениях, сколько на психолого-педагогических и организационно-управленческих мерах, ориентированных на повышение качества уровня жизни подрастающего поколения, его занятности, доступности образования, наличия рабочих мест и т.п.

Список литературы:

[1] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН; Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994. 907 с.

[2] Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С.А. Кузнецов]. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. 1534 с.

[3] Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и Особенная части: учебное пособие / отв. редакторы д-р юрид. наук, проф. А.И. Чучаев; канд. юрид. наук Е.В. Лошенкова. М.: КОНТРАКТ, 2014. 320 с.

[4] Синяева М.И. Возрастные показатели субъектов уголовно-правовых отношений: дис. … канд. юрид. наук. Курск, 2022. 227 с.

[5] Тарусина Н.Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex russica. 2022. Т. 75. № 10. С. 17-32.

[6] Абдулханнянов И.А. Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. А.П. Кузнецова. М.: Юрлитинформ, 2024. 224 с.

[7] Абдулханнянов И.А. Понятие эффективности фикции в уголовном праве // Альманахъ молодых ученых: сборник статей. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2024. С. 22-30.

[8] Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. М.: КОНТРАКТ, 2014. 559 с.

[9] Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / [П.В. Агапов и др.; под ред. О.С. Капинус; рук. авт. кол. К.В. Ображиев]; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Москва: Проспект, 2016. 488 с.

[10] Трапаидзе К.З. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность: спорные вопросы законодательства и практики применения // Lex russica. 2022. Т. 75. № 2. С. 46-55.

[11] Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: монография. М., 2009. 251 с.

[12] Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. 276 с.

[13] Боровых Л.В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. …канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993. 21 с.

[14] Психолог Хорс: возраст уголовной ответственности в РФ нужно понизить до 12 лет // URL: https://www.vesti.ru/article/4574427 (дата обращения: 20.10.2025).

[15] В Госдуме появился законопроект о снижении возраста судимости до 12 лет // URL: https://rg.ru/2012/03/07/vozrast.html (дата обращения: 20.10.2025).

[16] Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 300 с.

[17] Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних: учебное пособие. М., 1970. 125 с.

[18] Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 232 с.

[19] Санташов А.Л., Абдулханнянов И.А., Халезова Я.М. Технико-законодательные дефекты противодействия финансированию терроризма // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 3. С. 74-79.

[20] Назаренко Г.В. Субъект преступления: проблемы и решения: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 176 с.

[21] СК предложил снизить возраст уголовной ответственности за наркотики до 14 лет // URL: https://tass.ru/obschestvo/23595185 (дата обращения: 20.10.2025).

[22] В ГС Башкирии объяснили, зачем снижать возраст уголовной ответственности // URL: https://www.bashinform.ru/news/social/2025-07-17/v-gs-bashkirii-ob-yasnili-zachem-snizhat-vozrast-ugolovnoy-otvetstvennosti-4316347 (дата обращения: 20.10.2025).

[23] Минюст начал обсуждать снижение возраста уголовной ответственности до 14 // URL: https://www.rbc.ru/society/11/06/2025/6849a2a49a794705f3337623 (дата обращения: 20.10.2025).

[24] Депутат Останина рассказала, почему нельзя снижать возраст уголовной ответственности // URL: https://www.pnp.ru/politics/deputat-ostanina-rasskazala-pochemu-nelzya-snizhat-vozrast-ugolovnoy-otvetstvennosti.html (дата обращения: 20.10.2025).

[25] 78 % опрошенных россиян считают нужным снизить возраст уголовной ответственности // URL: https://www.kp.ru/daily/27748/5139884/ (дата обращения: 20.10.2025).

[26] Привлекать к уголовной ответственности за диверсию и терроризм начнут с 14 лет // URL: https://www.garant.ru/news/1905605/ (дата обращения: 20.10.2025).

[27] Законопроект № 1045434-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1045434-8 (дата обращения: 20.10.2025).

[28] Федеральный закон от 6 июня 2016 года № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ, 2016. № 28. Ст. 4559.

[29] Депутаты позанимались гуманизмом // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8194625 (дата обращения: 20.10.2025).

[30] Маликов, Б. З. Онтология социальной опасности: ее значение в оценке преступного поведения и в реализации цели исправления осужденного / Б. З. Маликов // Право и государственность. – 2024. – № 1(2). – С. 88-94. – EDN PJQWAB.

References:

[1] Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: 72,500 words and phraseological expressions/S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova; Russian Academy of Sciences; In-t Russian. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Az, 1994. 907 pp.

[2] Large explanatory dictionary of the Russian language/[Ch. ed. S.A. Kuznetsov]. St. Peterubrg: Norint; Moscow: Ripol classic, 2008. 1534 pp.

[3] Concepts and terms in Russian criminal law. General and Special parts: tutorial/hole editors Dr. Jurid. Sciences, prof. A.I. Chuchaev; cand. jurid. E.V. Loshenkova. M.: CONTRACT, 2014. 320 s.

[4] M.I. Sinyaeva. Age indicators of subjects of criminal law relations: dis.... cand. jurid. sciences. Kursk, 2022. 227 pp.

[5] Tarusina N.N. Age as a legal fact in the family sphere: temptations and conventions of numbers//Lex russica. 2022. T. 75. № 10. S. 17-32.

[6] Abdulkhannyanov I.A. Fiction in criminal law: theoretical and applied research: monograph/ ed. jurid. Sciences, prof. A.P. Kuznetsova. M.: Yurlitinform, 2024. 224 pp.

[7] Abdulkhannyanov I.A. The concept of the effectiveness of fiction in criminal law//Almanac of young scientists: a collection of articles. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. S. 22-30.

[8] Russian criminal law. General part: textbook for universities/ed. Dr. Jurid. Sciences, prof., Honored Lawyer of the Russian Federation V.P. Konyakhin and Dr. Jurid. Sciences, prof. M.L. Prokhorova. M.: CONTRACT, 2014. 559 pp.

[9] Actual problems of criminal law: a course of lectures/[P.V. Agapov et al.; ed. O.S. Kapinus; hands. aut. col. K.V. Obrazhiev]; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Moscow: Prospect, 2016. 488 pp.

[10] Trapaidze K.Z. Age at which criminal liability begins: controversial issues of legislation and application practice//Lex russica. 2022. T. 75. № 2. S. 46-55.

[11] Baibarin A.A. Criminal law differentiation of age: monograph. M., 2009. 251 pp.

[12] Milyukov S.F. Russian criminal legislation: experience in critical analysis. St. Petersburg, 2000. 276 pp.

[13] L.V. Borovykh. Problems of age in the mechanism of criminal law regulation: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 1993. 21 pp.

[14] Psychologist Horse: the age of criminal responsibility in the Russian Federation should be lowered to 12 years//URL: https://www.vesti.ru/article/4574427 (date of reference: 20.10.2025).

[15] A bill has appeared in the State Duma to reduce the age of criminal record to 12 years//URL: https://rg.ru/2012/03/07/vozrast.html (accessed on: 20.10.2025).

[16] Kruglikov L.L., Vasilievsky A.V. Differentiation of liability in criminal law. St. Petersburg: Legal Center Press Publishing House, 2002. 300 s.

[17] Astemirov Z.A. Criminal liability and punishment of minors: a textbook. M., 1970. 125 s.

[18] Kuznetsova N.F. Crime and crime. M., 1969. 232 s.

[19] Santashov A.L., Abdulkhannyanov I.A., Khalezova Y.M. Technical and legislative defects in countering the financing of terrorism//Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2025. № 3. S. 74-79.

[20] Nazarenko G.V. Subject of crime: problems and solutions: monograph. M.: Yurlitinform, 2020. 176 s.

[21] SC proposed to reduce the age of criminal responsibility for drugs to 14 years//URL: https://tass.ru/obschestvo/23595185 (date of reference: 20.10.2025).

[22] In the GS Bashkiria, they explained why to reduce the age of criminal responsibility//URL: https://www.bashinform.ru/news/social/2025-07-17/v-gs-bashkirii-ob-yasnili-zachem-snizhat-vozrast-ugolovnoy-otvetstvennosti-4316347 (date of appeal: 20.10.2025).

[23] The MoJ has begun discussing lowering the age of criminal responsibility to 14//URL: https://www.rbc.ru/society/11/06/2025/6849a2a49a794705f3337623 (accessed: 20.10.2025).

[24] MP Ostanina told why it is impossible to reduce the age of criminal responsibility//URL: https://www.pnp.ru/politics/deputat-ostanina-rass-kazala-pochemu-nelzya-snizhat-vozrast-ugolovnoy-otvetstvennosti.html (date of appeal: 20.10.2025).

[25] 78% of Russians surveyed consider it necessary to reduce the age of criminal responsibility// URL: https://www.kp.ru/daily/27748/5139884/ (date of appeal: 20.10.2025).

[26] Prosecution for sabotage and terrorism will begin at the age of 14//URL: https://www.garant.ru/news/1905605/ (date of appeal: 20.10.2025).

[27] Bill No. 1045434-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation "//URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1045434-8 (date of appeal: 20.10.2025).

[28] Federal Law of June 6, 2016 No. 375-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensure public safety "//Collection of Legislation of the Russian Federation, 2016. № 28. Art. 4559.

[29] Deputies practiced humanism//URL: https://www.kommersant.ru/doc/8194625 (date of appeal: 20.10.2025).

[30] Malikov, B.Z. Ontology of social danger: its importance in assessing criminal behavior and in realizing the goal of correcting the convict/B.Z. Malikov//Law and statehood. – 2024. – № 1(2). - S. 88-94. – EDN PJQWAB.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-252-257
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

ЛУДИЛИН Денис Борисович,
преподаватель кафедры бизнес процессов и экономической безопасности НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий ИМСИТ» (Краснодар),
e-mail: d.ludilin1998@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА

Аннотация. *Рассматриваемая проблематика сосредоточена на сложностях уголовно-правовой оценки коммерческого подкупа, который, будучи коррупционным деянием в частном секторе, требует четкого отграничения от смежных составов. Исследование нацелено на изучение юридических конструкций, позволяющих справедливо дифференцировать ответственность в зависимости от роли виновного и размера полученного незаконного вознаграждения. Основной целью исследования является формулировка предложений по совершенствованию правоприменительной практики, направленных на повышение эффективности противодействия коммерческому подкупу.*

Ключевые слова: *коммерческий подкуп, подкупное преступление, квалификация преступления, управленческие функции, специальный субъект, незаконное вознаграждение, посредничество, разграничение составов, уголовная ответственность.*

LUDILIN Denis Borisovich,
Lecturer at the Department of Business Processes and Economic Security Non-state accredited non-profit private educational institution of higher education “Academy of Marketing and Social and Information Technologies-IMSIT” (Krasnodar)

THE SPECIFICS OF THE QUALIFICATION OF COMMERCIAL BRIBERY

Annotation. *The issue under consideration focuses on the complexities of the criminal law assessment of commercial bribery, which, as a corruption act in the private sector, requires a clear distinction from related offenses. The study aims to examine legal constructs that allow for fair differentiation of responsibility based on the role of the perpetrator and the amount of the illegal reward received. The primary objective of the study is to formulate proposals for improving law enforcement practices to enhance the effectiveness of combating commercial bribery.*

Key words: *commercial bribery, corrupt crime, crime qualification, managerial functions, special subject, illegal remuneration, mediation, delineation of crimes, criminal liability.*

Введение. Несмотря на наличие детального правового регулирования, процесс квалификации коммерческого подкупа продолжает вызывать правоприменительные противоречия. В данной сфере пересекаются частные интересы и публичные гарантии честной конкуренции. Устойчивость коррупционных практик в экономическом пространстве и их способность адаптироваться к правовым нормам свидетельствуют о том, что формального запрета недостаточно [4]. Актуальность исследования обусловлена деструктивной ролью коммерческого подкупа в конкуренции и необходимостью анализа правоприменительной практики в частном секторе. Несмотря на детальное законодательство (ст. 204–204.2 УК РФ), вопросы квалификации и разграничения с взяточничеством и злоупотреблением полномочиями остаются дискуссионными и требуют системного анализа для защиты интересов коммерческого оборота и экономического правопорядка [9].

Цель исследования – выявить и систематизировать критерии квалификации коммерческого подкупа, выходящие за рамки буквального толкования правовых норм, и раскрывающие его юридическую природу как сложного коррупционного

состава, нарушающего основы управления в коммерческих организациях. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. выявить содержание объекта и субъекта преступления через управленческие функции и разграничить законное вознаграждение от подкупа;
2. разработать разные подходы к квалификации участников коррупционной сделки по размеру вознаграждения и степени вовлечённости;
3. определить признаки, позволяющие отличить коммерческий подкуп от взяточничества и злоупотребления полномочиями в ситуациях идеальной и реальной совокупности преступлений.

Основная часть. Коммерческий подкуп, предусмотренный статьёй 204 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой одну из наиболее серьёзных и латентных форм коррупционных проявлений, оказывающих деструктивное воздействие на экономическую сферу [6]. По своей сути, это двусторонняя противоправная сделка, в рамках которой осуществляется передача материальных благ или оказание услуг имущественного характера лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, за выполнение определённых действий (или бездействие) в интересах лица, осуществляющего передачу. Подобная практика существенно искажает принципы добросовестной конкуренции и функционирования свободного рынка, заменяя экономическую эффективность и профессиональные компетенции негласными соглашениями и личной заинтересованностью.

Объективная сторона данного преступления характеризуется дихотомией, включающей незаконную передачу денег, ценных бумаг, иного имущества или оказание услуг имущественного характера, а также их принятие. Ключевым квалифицирующим признаком является неразрывная связь между актом передачи ценностей и использованием управленческих полномочий получателем, что трансформирует обычные гражданско-правовые отношения в уголовно наказуемое деяние. Законодатель устанавливает формальный состав преступления, при котором оно считается оконченным с момента принятия хотя бы части обещанного вознаграждения, независимо от фактического исполнения обусловленных действий [4, 9].

Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование управления в коммерческих и некоммерческих организациях, не являющихся государственными органами. Это включает защиту системы принятия управленческих решений от коррупционного воздействия, что приводит к ущербу организационно-управленческого и репутационного характера, создавая условия для развития теневых экономических практик.

Субъектом коммерческого подкупа может быть только лицо, выполняющее управленческие функции в организации, включая единоличный исполнительный орган, членов совета директоров или иных коллегиальных органов, а также лиц, наделённых организационно-распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями. Важно отметить, что уголовной ответственности подлежат как получатель, так и даритель подкупа – любое вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, при котором виновное лицо осознаёт противоправный характер как передачи, так и получения вознаграждения, а также понимает, что данное вознаграждение является платой за выполнение конкретных управленческих функций [2, 10]. Мотивы могут быть различными, включая корыстную заинтересованность, стремление угодить руководству или ошибочное понимание интересов бизнеса, однако их конкретное содержание не влияет на квалификацию преступления, а учитывается лишь при назначении наказания.

Квалификация коммерческого подкупа предусматривает существенную дифференциацию в зависимости от процессуальной роли виновного лица. Законодатель не только фиксирует факт противоправной передачи материального блага, но и детально определяет границы ответственности для каждой стороны коррупционного соглашения. Данный подход не является формальным, а отражает различия в степени общественной опасности, мотивационной составляющей и характере вреда, причиняемого деянием. Центральным элементом в конструкции состава преступления является получатель незаконного вознаграждения. Его действия, предусмотренные частями 1, 3, 5, 7 статьи 204 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), квалифицируются как злоупотребление особым доверием, делегированным ему коммерческой организацией. Ключевым аспектом является использование им своих управленческих функций для извлечения личной выгоды, что свидетельствует о коррупционном перерождении его служебного статуса. Уголовный закон усиливает ответственность за получение подкупа при наличии квалифицирующих признаков, таких как совершение деяния группой лиц, вымогательство или заведомо незаконные действия [6]. Анализ правоприменительной практики демонстрирует, что суды при рас-

смотрении ходатайств об избрании меры пресечения по делам о коммерческом подкупе уделяют первостепенное внимание тяжести инкриминируемого деяния и обоснованности подозрений, что нередко нивелирует значение смягчающих обстоятельств. Яркой иллюстрацией данного подхода служит апелляционное постановление Московского городского суда от 29.04.2025 по делу № 10-9077/2025 (судья Астахов С.Н.). В рамках указанного дела защита настаивала на избрании более мягкой меры пресечения обвиняемому по ч. 8 ст. 204 УК РФ, ссылаясь на его социальную устойчивость – наличие постоянного места жительства и трудоустройства, а также на исключительные семейные обстоятельства (нахождение супруги под стражей и наличие несовершеннолетних детей). Однако апелляционная инстанция, подтвердия законность заключения под стражу, сочла риски уклонения от следствия и противодействия правосудию превалирующими. Подобная судебная позиция подчеркивает, что по делам о коммерческом подкупе в его наиболее тяжких проявлениях аргументы защиты, основанные на формальных критериях социального статуса обвиняемого, зачастую признаются недостаточными для минимизации рисков, связанных с обеспечением уголовного преследования.

Дача коммерческого подкупа, регламентированная частями 2, 4, 6, 8 статьи 204 УК РФ, представляет собой активные действия, направленные на инициирование или исполнение коррупционной сделки. Хотя лицо, дающее подкуп, не обладает служебным статусом получателя, его роль не является пассивной; именно его действия приводят в движение весь механизм подкупа, разлагая управленческий аппарат извне. Квалификация таких действий также зависит от степени тяжести – в зависимости от размера вознаграждения, наличия предварительного сговора или характера действий, которые он стремится стимулировать. При этом мотив лица, дающего подкуп, будь то стремление добиться неправомерного преимущества или противодействие вымогательству, не исключает состава преступления, но может учитываться судом в качестве смягчающего обстоятельства.

Наиболее сложной с точки зрения правовой оценки является фигура посредника, чья деятельность предусмотрена отдельной статьей 204.1 УК РФ. Посредник представляет собой не просто технического курьера, а активного организатора коррупционного взаимодействия, который сводит стороны, обеспечивает безопасность передачи и способствует достижению или реализации преступного соглашения [2]. Законодатель, выделяя посредничество в отдельный состав преступления, преследует цель пресечения самой инфраструктуры коррупции. Уголовная ответственность наступает только за действия в значительном размере (свыше 25 тысяч рублей). Размер незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе является не только формальным критерием, но и ключевым квалифицирующим признаком, определяющим дифференциацию уголовной ответственности [6].

Наименьший размер незаконного вознаграждения, не превышающий десяти тысяч рублей, образует состав так называемого мелкого коммерческого подкупа, предусмотренного статьей 204.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная норма выполняет функцию фильтра, исключая из-под действия более суровых статей случаи, которые законодатель считает малозначительными. Значительный качественный скачок в квалификации деяния происходит при достижении суммы незаконного вознаграждения порога в двадцать пять тысяч рублей. Данный рубеж, указанный в примечаниях к статьям 204 и 290 Уголовного кодекса Российской Федерации, является точкой отсчета для применения основных составов преступлений, связанных с получением, дачей и посредничеством в коммерческом подкупе (статьи 204, 204.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). Дальнейшее увеличение размера вознаграждения приводит к квалификации деяния как коммерческого подкупа в крупном размере (свыше ста пятидесяти тысяч рублей) или особо крупном размере (свыше одного миллиона рублей), что является квалифицирующим обстоятельством [9].

В правоприменительной практике особую сложность представляет так называемая «серая зона», возникающая в случае, когда размер незаконного вознаграждения превышает десять тысяч рублей, но не достигает порога в двадцать пять тысяч рублей, установленного как значительный размер. Поскольку статья 204.2 Уголовного кодекса Российской Федерации не охватывает такие случаи, а статья 204.1 Уголовного кодекса Российской Федерации неприменима, возникает доктринальный и практический вакуум. Вопрос разрешения данного коллизионного аспекта может быть решен путем квалификации действий посредника в таком «промежуточном» размере по правилам о соучастии – как пособничество в даче или получении коммерческого подкупа с ссылкой на часть 5 статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данный подход, несмотря на его дискуссионность, позволяет избежать искусственного занижения общественной опасности деяния и соответствует международным антикоррупционным стандартам, требующим криминализации любого соучастия в подкупе. Разграничение состава коммерческого подкупа (статья 204 УК РФ) от других коррупционных правонарушений – важная задача (*табл. 1*). Ком-

мерческий подкуп и взяточничество (статьи 290 и 291 УК РФ) различаются по сфере деятельности и характеру полномочий. Коммерческий подкуп касается частного сектора, а взяточничество – государственной или муниципальной службы. Субъектом взяточничества всегда является должностное лицо с властно-распорядительными полномочиями, действия которого направлены на реализацию функций государства. Коммерческий подкуп же связан с частноправовыми отношениями и направлен на достижение интересов конкретной организации.

Таблица 1. Критерии разграничения коммерческого подкупа, взяточничества и злоупотребления полномочиями

Критерий для разграничения	Коммерческий подкуп (ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ)	Взяточничество (ст. 290, 291, 291.1 УК РФ)	Злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ)
Основной непосредственный объект	Интересы службы в коммерческих и иных организациях, не являющихся государственными органами. Нормальное функционирование управления в частном секторе.	Интересы государственной службы, службы в органах местного самоуправления. Авторитет и нормальная деятельность публичной власти.	Интересы коммерческой или иной организации (имущественные и деловая репутация).
Субъект преступления	Лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации (частный служащий).	Должностное лицо (государственный или муниципальный служащий).	Лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации (частный служащий).
Предмет преступления	Незаконное вознаграждение в любой форме (деньги, ценные бумаги, имущество, услуги, имущественные права).	Взятка (те же формы вознаграждения).	Отсутствует. Преступление не связано с получением материального вознаграждения за конкретное действие.
Характер деяния	Передача или получение материального блага за совершение действий (бездействия) в интересах дающего в связи с занимаемым служебным положением.	Получение или дача материального блага за совершение действий (бездействия) в пользу дающего или представляемых им лиц, входящих в служебные полномочия должностного лица.	Использование полномочий вопреки законным интересам организации, из корыстной или иной личной заинтересованности.
Ключевой квалифицирующий признак	Наличие коррупционного соглашения ("услуга за вознаграждение").	Наличие коррупционного соглашения в сфере публичных правоотношений.	Наличие существенного вреда правам и законным интересам организации, граждан или общества.
Направленность умысла	Умысел направлен на получение/передачу вознаграждения за использование управленческих функций.	Умысел направлен на получение/передачу взятки за использование властных полномочий.	Умысел направлен на достижение личной выгоды (не обязательно материальной) путем использования полномочий вопреки интересам организации.

Также важно отличать коммерческий подкуп от злоупотребления полномочиями (статья 201 УК РФ). Основное различие – отсутствие признака «вознаграждения» в злоупотреблении полномочиями. Коммерческий подкуп обязательно предполагает имущественное предоставление за совершение деяния в интересах дающего. Квалификация преступлений усложняется при реальной или идеальной совокупности. Например, при лоббировании интересов компании в госорганах с получением вознаграждения может возникнуть совокупность коммерческого подкупа и взяточничества. Посредничество в коммерческом подкупе оценивается по статье 204.1 УК РФ только при значительном вознаграждении (25 тысяч рублей). В противном случае оно квалифицируется как пособничество по статье 33 УК РФ [6].

Заключение. Таким образом, проведённый анализ показывает, что коммерческий подкуп представляет собой не отдельный коррупционный акт, а системную угрозу, подрывающую основы доверия в сфере корпоративного управ-

ления. Квалификация данного деяния требует целостного понимания контекста, в котором управленческие решения подменяются личной выгодой, а деловая репутация становится предметом противоправных соглашений.

1. Сущность данного деяния заключается в определении его как коррупционного симбиоза, представляющего собой неразрывную связь между имущественным предоставлением и использованием конкретных управленческих функций. Объектом преступления являются не только имущественные интересы отдельной организации, но и фундаментальные принципы честной конкуренции. Широкий контекст придаёт данному деянию повышенную общественную опасность, выходящую за пределы частного сектора.
2. В отношении дифференциации ответственности по ролям следует отметить искусственность жёсткого разграничения посредничества и института соучастия. Действия посредника, особенно в «серой зоне» сумм от 10 до 25 тысяч рублей, по своей юридической природе являются пособничеством. Квалификация таких действий по общим нормам о соучастии не только логична, но и соответствует карательной политике, поскольку такой подход позволяет избежать необоснованного освобождения от ответственности в случае формального несоответствия специальной норме.
3. Отграничение от смежных составов показывает, что решающим критерием выступает не столько характер действий виновного, сколько правовая природа субъекта и сфера его полномочий. Разграничение между коммерческим подкупом и взяткой проходит в плоскости различения частного и публичного интереса, тогда как отличие от злоупотребления полномочиями заключается в отсутствии обязательного имущественного стимула. Именно эти системные ориентиры должны служить основой для преодоления правоприменительной неопределённости.

Список литературы:

[1] Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: Монография / Т.Я. Хабриева, А.А. Каширкина и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, А.В. Федорова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. С. 247.

[2] Клименко, Ю. А. Квалификация посредничества в коммерческом подкупе и взяточничестве / Ю. А. Клименко // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 96-105. – DOI 10.17323/2072-8166.2016.4.96.105. – EDN XRJWBR.

[3] Козырева, М. Т. Особенности квалификации получения взятки (ст. 290 УК РФ) / М. Т. Козырева // Закон и общество: история, проблемы, перспективы : материалы XIX межвузовской студенческой научно-практической конференции (с международным участием), Красноярск, 09 апреля 2015 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2016. – С. 198-201. – EDN VYNKBZ.

[4] Криминология : учебник / под обш. ред. А. И. Долговой. — 4-е изд., перераб. и доп. — М: Норма : ИНФРА-М, 2020. - 1008 с. - (Высшее образование: Специалитет). - ISBN 978-5-16-108805-0. - Текст : электронный. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1178189 (дата обращения: 09.11.2025). – Режим доступа: по подписке.

[5] Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н., Паршин С.М. Преступления в сфере экономики: Учебно-метод. пособие / Под общ. ред. проф. А.П. Кузнецова. Н. Новгород, 2023. С. 238.

[6] Кузьменко, А. С. Особенности квалификации коммерческого подкупа / А. С. Кузьменко // Фундаментальные и прикладные научные исследования: инноватика в современном мире : Сборник научных статей по материалам IX Международной научно-практической конференции, Уфа, 25 ноября 2022 года. Том Часть 2. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2022. – С. 60-65. – EDN SOREQG.

[7] Михайлов В.И. Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства // Lex russica. 2017. № 6. С. 85 - 150.

[8] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // Российская газета. № 154. 17.07.2013.

[9] Чижиков, М. А. Особенности квалификации коммерческого подкупа / М. А. Чижиков // Эпомен. – 2021. – № 65. – С. 252-256. – EDN TDIKKT.

[10] Шумский, А. А. Проблемы уголовной квалификации преступления «провокация взятки» / А. А. Шумский, М. В. Сапсай, Р. А. Коннов // Modern Science. – 2021. – № 2-1. – С. 224-229. – EDN RHEMBY.

References:

[1] Anti-corruption standards of the Organization for Economic Cooperation and Development

and their implementation in the Russian Federation: Monograph/T.Ya. Khabrieva, A.A. Kashirkina et al.; ed. T.Ya. Khabrieva, A.V. Fedorova. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2015. S. 247.

[2] Klimenko, Yu. A. Qualification of mediation in commercial bribery and bribery/Yu. A. Klimenko// Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2016. – № 4. - S. 96-105. – DOI 10.17323/2072-8166.2016.4.96.105. – EDN XRJWBR.

[3] Kozyreva, M. T. Features of qualification of receiving a bribe (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation)/M. T. Kozyreva//Law and society: history, problems, prospects: materials of the XIX interuniversity student scientific and practical conference (with international participation), Krasnoyarsk, April 09, 2015. - Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2016. - S. 198-201. – EDN VYNKBZ.

[4] Criminology: textbook/under ed. A.I. Dolgova. - 4th ed., Revised and add. - M: Norm: INFRA-M, 2020. - 1008 p. - (Higher education: Specialist). - ISBN 978-5-16-108805-0. - Text: electronic. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1178189 (access date: 09.11.2025). - Access mode: by subscription.

[5] Kuznetsov A.P., Marshakova N.N., Parshin S.M. Crimes in the field of economics: Educational method. allowance/Under the general ed. Prof. A.P. Kuznetsova. N. Novgorod, 2023. S. 238.

[6] Kuzmenko, A. S. Features of qualification of commercial bribery/A. S. Kuzmenko//Fundamental and applied scientific research: innovation in the modern world: Collection of scientific articles based on the materials of the IX International Scientific and Practical Conference, Ufa, November 25, 2022. Volume Part 2. - Ufa: Limited Liability Company "Scientific and Publishing Center "Bulletin of Science," 2022. - S. 60-65. – EDN SOREQG.

[7] Mikhailov V.I. Commercial bribery and bribery: directions for the development of legislation// Lex russica. 2017. № 6. S. 85-150.

[8] On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 24 (ed. 24.12.2019) //Rossiyskaya Gazeta. № 154. 17.07.2013.

[9] Chizhikov, M. A. Features of qualification of commercial bribery/M. A. Chizhikov//Epomen. – 2021. – № 65. - S. 252-256. – EDN TDIKKT.

[10] Shumsky, A. A. Problems of criminal qualification of the crime "provocation of a bribe "/A. A. Shumsky, M. V. Sapsay, R. A. Konnov//Modern Science. – 2021. – № 2-1. - S. 224-229. – EDN RHEMBY.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-258-264
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail vsinko71@mail.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат биологических наук, доцент кафедры
биотехнологии и пищевых продуктов
Уральского государственного аграрного университета»,
e-mail: eva.mats@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель, кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ФЕТИСОВА Анастасия Викторовна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: victorovna_eburg@mail.ru

ПИЛЬНИКОВ Леонид Николаевич,
старший преподаватель кафедры
техносферной и экологической безопасности
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikov960@mail.ru

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСОВ В СФЕРУ ТЕХНИЧЕСКОГО СЕРВИСА

Аннотация. *Актуальность темы исследования обусловлена тем что, в логистике, техника применяется повсеместно, от её состояния и своевременного обслуживания и ремонта зависит производство и сбыт большинства товаров, влияние кризисов на сферу технического сервиса может выражаться в снижении спроса на услуги технического сервиса, в выходе из строя техники, ухудшении качества и объёма производства,*

В статье рассматриваются вопросы трактовки понятия «кризис», влияние кризисов в сферу технического сервиса. Описаны методы исследования, обусловлена практическая значимость, на основании изученных специальной литературы приведенных авторов в списке литературы, цель исследования достигнута путем решения поставленных задач. Изучены трактовки классических и современных теоретиков, в условиях рыночных отношений, исходя из данных трактовок, определены признаки кризиса, причины, классификация на основе скорости его распространения, а также влияние кризисов в сферу технического сервиса. Описаны негативные, позитивные воздействия кризиса на экономику страны. Авторами представлены рекомендации по преодоления кризисных ситуаций сервисным компаниям в сфере технического сервиса. Сформированы выводы: Кризисы на предприятии объясняют-

ся ошибками в сфере управления предприятием, развитием ситуации во внешнем секторе. Исследование двойственного влияния кризисов позволяет минимизировать негативные последствия и использовать кризисные ситуации для перехода на новую ступень экономического развития.

Ключевые слова: *кризис, дефицит бюджета, рост безработицы, упадок компаний, негативные, позитивные последствия.*

STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

RAZHINA Eva Valeryevna,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

SINKO Vera Nikolaevna,
Senior Lecturer, Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

FETISOVA Anastasia Viktorovna,
Senior Lecturer of the Department
of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

PILNIKOV Leonid Nikolaevich,
senior lecturer of the Department
of Technosphere and Environmental Safety
of the Ural State Agrarian University

IMPACT OF CRISES IN THE SPHERE OF TECHNICAL SERVICE

Annotation. *The relevance of the research topic is due to the fact that, in logistics, equipment is used everywhere, the production and sale of most goods depends on its condition and timely maintenance and repair, the impact of crises on the sphere of technical service can be expressed in a decrease in demand for technical service services, in the failure of equipment, deterioration in the quality and volume of production,*

The article considers the interpretation of the concept of "crisis" and the impact of crises on the technical service sector. The research methods are described, the practical significance is determined, and the specialized literature of the authors listed in the reference list is studied. The goal of the study is achieved by solving the set tasks. The interpretations of classical and modern theorists are studied; in the conditions of market relations, based on these interpretations, the signs of a crisis, causes, classification based on the speed of its spread, as well as the impact of crises on the technical service sector are determined. The negative and positive impacts of the crisis on the country's economy are described. The authors provide recommendations for service companies in the technical service sector on overcoming crisis situations. Conclusions are formed: Crises at an enterprise are explained by errors in enterprise management and the development of the situation in the external sector. The study of the dual influence of crises allows us to minimize negative consequences and use crisis situations to move to a new stage of economic development.

Key words: *crisis, budget deficit, rising unemployment, decline of companies, negative and positive consequences.*

Целью исследования выступает изучение понятия «кризис», а также влияния кризисов в сферу технического сервиса.

В задачи исследования вошли:

– изучить теоретические аспекты кризиса;
– изучить причин возникновения кризисов;
– рассмотреть влияние кризиса на сферу технического сервиса;
– описать негативные и позитивные аспекты кризиса;
– рекомендовать меры преодоления кризисных ситуаций в сфере технического сервиса.
– описать выводы по исследуемой теме.

Методами исследования стали: в связи с невозможностью применения эксперимента использован теоретический и абстрактно-логический метод исследования, метод обобщения информаций.

При исследовании научной статьи «Влияние кризисов в сферу технического сервиса были использованы источники по проблеме исследования, приведенные в списке литературы.

Практическая значимость работы. Материалы исследования могут быть применены как лекционный материал для обучающихся среднего профессионального обучения и бакалавров по дисциплине: «Экономика и организация производства», а также в научных статьях с учетом специфики темы.

Основная часть.

Кризисы в сфере технического сервиса зависят от причин кризиса: экономических, политических, социальных, а также кризис может привести к проблемам во взаимодействии с клиентской базой, снижением некоторых востребованных сопутствующих услуг.

Понятие «кризис» представляет собой мгновенное, моментальное происшествие или событие, вызывающее большие нарушения в управлении организации. Также под кризисом следует понимать процесс, по итогу которого компания претерпевает убыток, угрожающий значительным ущербом, а также риском для последующей работы организации.

Понятие «кризис» трактуется по-разному и может охватывать ряд различных аспектов, а именно [12]:

1. Социально-экономический кризис. Данный кризис характеризуется следующими экономическими характеристиками, а именно дефицит бюджета, высокий уровень безработицы, инфляция и др. Так, социально-экономический кризис может привести к отрицательным последствиям – политической и экономической нестабильности страны, а также различными протестами со стороны населения.
2. Кризис управления. Данный вид кризиса связан с невозможностью и неспособностью компании в должной мере управлять и решать различные существующие проблемы организации. Кризис управления может привести к потере доверия к руководству со стороны населения и др.
3. Кризис поведения. Данный кризис может проистекать в жизни отдельно взятого человека, когда личность сталкивается с эмоциональными проблемами и различными социальными трудными. В данной ситуации главная проблема заключается в том, что человек не может на данные проблемы реагировать объективно. Кризис поведения может привести к различным проблемам, включая стресс, длительную депрессию и эмоциональную тревогу.
4. Кризис репутации – недоверие к компании из-за отрицательного воздействия, а именно вследствие несоответствия качества предоставляемых услуг. Данный кризис может послужить причиной скандалов, потере доверия со стороны сотрудников, экономическим потерям и др.
5. Кризис безопасности – нестабильность на предприятии, который произошёл из-за угрозы национальной безопасности, террористических актов и др.
6. Кризис здоровья. Данный кризис может произойти в результате пандемии, эпидемии, факта наличия опасных веществ или же добавок в продуктах питания, которые в свою очередь могут нанести массовые серьезные проблемы для здоровья населения.
7. Кризис окружающей среды. Данный кризис может произойти в результате загрязнения окружающей среды, а именно загрязнение воздуха, воды, продуктов питания, почвы, что может привести к отрицательным и неблагоприятным последствиям для жизни населения.

Понятие «кризис» в большом энциклопедическом словаре трактуется так: резкое ухудшение экономического состояния страны, которое проявляется в следующем:

– Многозначительный спад производственных отношений;
– Рост безработицы;
– Упадок компаний;
– Снижение уровня жизни населения.

Некоторые исследователи рассматривают кризис не только как исключительно негативное явление, что кризис может рассматриваться как время возможностей, когда бизнес или страна, правильно оценив предпосылки к росту, могут «оттолкнуться от дна» и начать развиваться, при этом очистив экономику от слабых звеньев

Классические теории кризиса: К. Маркс считал, что причиной кризисов является бесплановость товарного производства, противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения продукта [10], Дж. Кейнс главной причиной кризиса считал сокращение совокупного спроса, которое обуславливает низкий уровень доходов и увеличение безработицы.

Современные теоретики, в условиях рыночных отношений П. Дуглас и Дж. Стиглиц считают, Коротков Э. М. что рынок свободной конкуренции порождает неравенство в уровнях доходов и благосостояния, создаёт несоответствие спроса и предложения, что повышает риск возникновения кризисных явлений [3,11].

Исходя из данных трактовок, следует, что в общей сложности кризисные явления имеют признаки:

- кризисы в значительной степени снижают координацию и управление над определенными событиями;
- кризисы зачастую образуют ситуацию, где значительное влияние будет играть быстрое реагирование на определенные изменяющиеся условия рынка;
- кризисы выступают успешным условием для реализации обновленных условий, с целью достижения успеха;
- кризис является критическим и переломным пунктом в развивающейся смене действий и событий действительности;
- кризисы вызывают сильный стресс у людей, тем самым снижая время на реакцию до минимума;
- кризисы грозят целям и ценностям компании;
- существующая на сегодняшний день проблема предприятия зачастую недостаточна для грамотного и обоснованного принятия решений участниками процесса, дабы более эффективно решить проблемы;
- последствия кризиса носят достаточно обременительный характер для людей;
- кризисы вносят нечеткость и неопределенность в объективную оценку ситуаций, а также разработку надлежащих решений проблемы для преодоления кризисной ситуации.

Основные причины кризиса [2].:

1. Усиление различных противоречий;
2. Нарушение противоречий;
3. Развитие системы;
4. Ослабление устойчивости.

Классификация кризисов может быть произведена на основе скорости их распространения. Зачастую кризисы разделяются на несколько категорий, в зависимости от того, как быстро они развиваются и распространяются [1]:

1. Скрытые кризисы. Данный тип кризисов по своей сути имеет небольшую скорость распространения, тем самым развиваясь медленно, не имея существенных признаков. Данный тип кризиса не требует срочной необходимости реагирования.
2. Явные кризисы. Данный тип кризисов, по сравнению со скрытыми кризисами, имеет быструю скорость распространения. Явные кризисы могут быть связаны с экономикой и политикой страны. Данный тип кризиса также не требует срочной необходимости реагирования.
3. Внезапные кризисы. Данный тип кризисов имеет достаточно быструю скорость распространения, по сравнению со скрытыми и явными кризисами. Появление данных кризисов объясняется следующими событиями: террористические атаки, стихийные бедствия, экономические кризисы и др. Данный тип кризиса требует срочной необходимости реагирования, дабы предотвратить серьезные последствия.
4. Длительные кризисы. Данный тип кризисов развивается достаточно медленно, однако может продолжаться в течение долгого времени. Появление данных кризисов объясняется следующими событиями: долгосрочные экономические или политические проблемы. Длительные кризисы могут потребовать довольно-таки длительного решения проблемы, тем самым иметь серьезные долгосрочные последствия [5, 6].

Влияние кризиса на сферу технического сервиса

Во-первых, увеличение спроса на технический сервис. В процессе кризисных ситуаций спрос на технический сервис может сильно увеличиться. Данное объясняется следующим образом: крупные компании начинают прибегать к техническому сервису, чтобы решить возникшие проблемы. Так, технический сервис немаловажную роль сыграет в стабильности организации.

Во-вторых, значительный упадок бюджета на технический сервис. Кризисные явления могут спровоцировать недостаток бюджетных средств, что по итогу приведет к снижению расходов на технический сервис. Зачастую организации прибегают или к сокращению качества предоставляемых услуг или более рациональному использованию ресурсов в убыток качеству предоставляемых услуг технического сервиса.

В-третьих, изменение потребительских ценностей. процессе кризисных ситуаций предприятия могут менять свои предпочтения, которые направлены на более экономные решения возникших проблем. Все представленное может повлиять на спрос технического сервиса [5].

В-четвертых, усиление роли иностранных инвестиций. Возникновение кризисных ситуаций может привести к усилению роли иностранных инвесторов в сферу технического сервиса – слияние и поглощение предприятий на новые рынки

В-пятых, утрата рабочих мест. В данном случае утрата рабочих мест объясняется закрытием предприятия, в связи с тем, что из-за кризиса компания больше не может функционировать в прежнем режиме.

В-шестых, усиление конкуренции на рынке. Кризисы могут спровоцировать компании на снижение цен предоставляемых услуг, а значит усилится и сама конкурентная способность между организациями. Следует также добавить, что, если организация сможет воспользоваться подходящим моментом, в дальнейшем она сможет занять намного выгодное положение на рынке услуг, чем сейчас [7].

В-седьмых, снижение качества предоставляемых услуг. Кризисные ситуации могу спровоцировать организации на сокращение обучения работников, что в свою очередь отрицательно скажется на качестве услуг.

В-восьмых, инновации и технологический прогресс. Кризисные ситуации могут выступить своего рода стимулом для инноваций и поиска новых подходов в сфере технического сервиса.

В настоящее время кризисы оказывают двойственное воздействие на экономику страны: как негативное, так и позитивное[4,8].

Негативные последствия:

1. Дефляция или инфляция. В зависимости от определенной ситуации, экономические кризисы могут привести к дефляции (снижению цен) или инфляции (росту цен).
2. Утрата рабочих мест. Экономические кризисы могут привести к массовой утрате рабочих мест, что в свою очередь может повлиять на экономику страны в общей сложности, а именно может вырасти безработица в стране, появятся социальные трудности.
3. Снижение потребительского спроса. При экономическом спаде потребительский спрос снижается, что может привести к падению продаж и ухудшению финансового состояния многих компаний.
4. Финансовые кризисы. Экономические кризисы зачастую сопровождаются финансовыми кризисами, например, спадом инвестиций и крахами рынков.
5. Ухудшение качества жизни. Социальная нестабильность, нехватка рабочих мест, безработица населения, сокращение заработной платы в значительной мере повлияют на качество жизни населения.
6. Изменения в политических структурах. Экономические кризисы могут привести к изменениям в политических структурах, к примеру, введение новых экономических реформ из-за смены правительства и др.
7. Международные последствия. Экономические кризисы в одной отдельно взятой стране могут оказать значительное влияние и на другие страны посредством торговых взаимосвязей, международных сотрудничеств, финансовых международных связей и др.

Позитивные последствия[8]:

1. Выявление и избавление от негативных аспектов.
2. Импортозамещение - стимулирование местных производителей ради расширения своего рынка и укрепления внутреннего производства.
3. Поиск новых, более эффективных способов производства и управления.
4. Активизация инновационной деятельности. Кризисы часто вынуждают
5. Повышение конкурентоспособности в условиях кризиса, что способствует их развитию и росту.
6. Кризисы могут подталкивать к развитию самообеспеченности страны, что повышает их устойчивость к внешним ударам.
7. Кризисы могут, могут подтолкнуть компании и государство искать новые рынки и партнёров, что способствует снижения рисков с помощью распределения ресурсов между различными направлениями деятельности [9].

В *таблице 1* представлены рекомендации по преодоления кризисных ситуаций сервисным компаниям в сфере технического сервиса.

Таблица 1. Меры преодоления кризисных ситуаций в сфере технического сервиса.

Меры преодоления кризисных ситуаций	Виды действий
Антикризисная диагностика	Анализ показателей эффективности оказания услуг по статьям расходов. Какой вид услуг приносят прибыль, а какой – убытки.
Работать с дебиторской задолженностью	В договоре предусмотреть жёсткие условия оплаты и санкции за просрочку
Сократить издержки	Аутсорсинг, автоматизация ручного труда, переход на гибридный формат работы (Удаленку)
Заключать долгосрочные контракты	Компаниям лучше планировать производственные ресурсы.
Предлагать клиентам различные каналы обращений	Создать клиентский портал, где клиент мог отслеживать выполнение заявки и быстро связываться с сервисной компанией.
Выбор каналов обращения в кризис	Правильный выбор каналов помогут эффективно донести информацию до заинтересованных сторон.

Чтобы минимизировать негативные последствия кризиса, рекомендуется, пересмотреть бизнес-процессы, что тормозит развитие бизнеса, качество обслуживания, технические неполадки в работе или может быть высокая рабочая нагрузка сотрудников. Следует создать чёткий план действий, начиная с ресурсного потенциала технического сервиса и заканчивая цепочкой (поставка - закупка – оказание услуг и доставка клиенту). Обучать уже имеющийся персонал. Вести отчетность ежедневно, еженедельно, ежемесячно и анализировать путем сопоставления отчетные данные с плановыми показателями.

Таким образом, кризисы на предприятии объясняются, в первую очередь, ошибками в сфере управления, во-вторых, развитием ситуации во внешнем секторе. Существуют самые разнообразные истолкования кризиса и кризисных явлений. Тем не менее, главная особенность кроется в следующем – кризисные ситуации требуют незамедлительного решения. Исследование двойственного влияния кризисов позволяет минимизировать негативные последствия и использовать кризисные ситуации для перехода на новую ступень экономического развития. Влияние кризиса на сферу технического сервиса будет иметь отрицательный характер в следующих случаях: снижение бюджета на технический сервис, утрата рабочих мест, усиление роли иностранных инвестиций. Положительное влияние кризиса в данном секторе следующее: кризисы вызывают инновационные изменения, способствующие развитию отрасли в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

[1] Адизес, И. Управление в эпоху кризиса. Как сохранить людей и компанию. – М.: Манн, 2020. – 205 с[. Электронный ресурс] – Режим доступа. https://www.labirint.ru

[2] Бобылева, А. З. Антикризисное управление: механизмы государства, технологии бизнеса. – М.: Юрайт, 2020. – 285 с.

[3] Коротков Э. М. Антикризисное управление. - М.: Юрайт, 2020. - 407с.

[4] Мировые финансы: структура и анализ мировых рынков / под ред. М. А. Эскиндарова. – М.: Юрайт. 2023. – 410 с.

[5] Стахеева Л.М., Фетисова А.В., Петрова Л.Н., Куимова В.А., Чернов С.А Кризис, его причины и последствия для сферы технического обслуживания. // Право и управление. 2024. № 10. С. 35-38.

[6] Управление малым бизнесом: учебное пособие / под общ. ред. В. Д. Свирчевского. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 256 с.

[7] Фейлинг Т.Б. Антикризисное управление. Курс лекций: учебное пособие для академического бакалавра. – СПб.: РГГМУ, 2020. –154 с.

[8] Влияние кризисных ситуаций на экономику Российской Федерации - Студенческий научный форум [Электронный ресурс] – Режим доступа https://scienceforum.ru

[9] Как пережить период спада в бизнесе: инструменты для оптимизации работы [Электронный ресурс] – Режим доступа https://moscow.b2b.dom.ru.

[10] Топ-5: теории кризиса - Человек Дела [Электронный ресурс] – Режим доступа spravochnick.ruchelovekdela.com

[11] Причины и последствия макроэкономических кризисов [Электронный ресурс] – Режим доступа https://7universum.com/ru

[12] Анализ теоретических подходов к понятию кризиса в социально-экономической системе «Экономическая наука и практика (II)» [Электронный ресурс] – Режим доступа https://moluch.ru/conf/econ.

References:

[1] Adizes, I. Management in an era of crisis. How to keep people and company. - M.: Mann, 2020. - 205 s [. Electronic resource] - Access mode. https://www.labirint.ru

[2] Bobyleva, A.Z. Anti-crisis management: state mechanisms, business technologies. - M.: Yurayt, 2020. – 285 c.

[3] Korotkov E. M. Crisis management. - M.: Yurayt, 2020. - 407c.

[4] World finance: structure and analysis of world markets/ed. M. A. Eskindarov. - M.: Yurayt. 2023. - 410 s.

[5] Stakheeva L.M., Fetisova A.V., Petrova L.N., Kuimova V.A., Chernov S.A. Crisis, its causes and consequences for the maintenance sector .//Law and management. 2024. № 10. S. 35-38.

[6] Small business management: training manual/under the general. ed. V. D. Svirchevsky. - M.: INFRA-M, 2022. - 256 s.

[7] Feiling TB Crisis Management. Course of lectures: study guide for academic bachelor. - St. Petersburg: RGGMU, 2020. -154 s.

[8] Impact of crisis situations on the economy of the Russian Federation - Student scientific forum [Electronic resource] - Access mode https://science-forum.ru

[9] How to survive a period of decline in business: tools for optimizing work [Electronic resource] - Access mode https://moscow.b2b.dom.ru.

[10] Top 5: Crisis Theories - Case Man [Electronic Resource] - Access Mode spravochnick.ruchelovekdela.com

[11] Causes and consequences of macroeconomic crises [Electronic resource] - Access mode https://7universum.com/ru

[12] Analysis of theoretical approaches to the concept of crisis in the socio-economic system “Economic science and practice (II)” [Electronic resource] - Access mode https://moluch.ru/conf/econ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-265-269
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

БАТЮКОВА Вера Евгеньевна,
ст. научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН, к.ю.н., доцент, e-mail: Batuykova@yandex.ru

АМИРАЛИЕВА Ангелина Тарлановна,
студентка 2 курса Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ, e-mail: 242967@edu.fa.ru

ЭКСЦЕСС ОБОРОНЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ эксцесса обороны (превышения пределов необходимой обороны) в контексте современной общественной опасности. Рассматриваются уголовно-правовые проблемы квалификации подобных деяний, включая спорные вопросы установления соразмерности защиты и посягательства, а также оценки субъективной стороны действий обороняющегося лица. Особое внимание уделяется криминологическому значению института необходимой обороны как инструмента предупреждения преступлений. На основе анализа актуальной судебной практики выявляются тенденции и противоречия в правоприменении, предлагаются возможные пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики для исключения объективного вменения в отношении лиц, действовавших в состоянии обороны.*

Ключевые слова: *необходимая оборона, эксцесс обороны, превышение пределов необходимой обороны, соразмерность, общественно опасное посягательство, уголовная ответственность, правомерное силовое воздействие*.

BATYUKOVA Vera Evgenievna,
Senior Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Candidate of Law, Associate Professor

AMIRALIEVA Angelina Tarlanovna,
2nd year student of the Faculty of Law Financial University under the Government of the Russian Federation

EXCESS OF DEFENSE: CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of excess of defense (exceeding the limits of necessary defense) in the context of modern public danger. The article examines the criminal law issues of qualifying such acts, including the controversial issues of establishing the proportionality of defense and attack, as well as assessing the subjective aspect of the defender's actions. Special attention is paid to the criminological significance of the institution of necessary defense as a tool for crime prevention. Based on an analysis of current judicial practice, the article identifies trends and contradictions in law enforcement and suggests possible ways to improve legislation and law enforcement practices to exclude objective imputation in relation to individuals acting in self-defense.*

Key words: *necessary defense, excess of defense, exceeding the limits of necessary defense, proportionality, socially dangerous attack, criminal liability, lawful use of force.*

Институт необходимой обороны, закрепленный в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), является одной из ключевых гарантий реализации конституционного права человека на защиту своей жизни, здоровья, прав и законных интересов от общественно опасных посягательств. Однако на практике применение данного института сопряжено со значительными сложностями, ведущее место среди которых занимает проблема квалификации эксцесса обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. Актуальность темы обусловлена не только несовершенством законодательной конструкции, но и доминированием обвинительного уклона в следственной и судебной практике, что вступает в противоречие с социально-полезной природой оборонительных действий. В условиях роста общественной опасности отдельных видов преступлений вопрос о границах правомерной защиты приобретает особую остроту, требуя баланса между интересами обороняющегося, находящегося в стрессовой ситуации, и принципом соразмерности в уголовном праве.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ, не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, если посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. В этом случае закон допускает причинение любого вреда, включая смерть нападающего. Более строгие требования установлены для защиты от посягательств, не сопряженных с опасным для жизни насилием. Согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ, такая защита является правомерной, только если не было допущено превышения пределов необходимой обороны, под которым понимаются «умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства».

Главной проблемой правоприменения является оценочный характер категории «явное несоответствие». Как справедливо отмечает Г.В. Назаренко, обороняющееся лицо в стрессовой ситуации вынуждено решать множество вопросов, с которыми затрудняются справиться следствие [5; 16-18]. Для оценки соразмерности судебная практика учитывает целый ряд объективных факторов: социальную ценность защищаемого объекта, способ и интенсивность нападения, размер грозящего вреда, соотношение сил нападающего и обороняющегося, обстановку совершения посягательства [5; 16-18]. Однако ретроспективный анализ этих факторов зачастую приводит к объективному вменению, когда действия оборонявшегося оцениваются исключительно по наступившим последствиям.

Яркой иллюстрацией данной проблемы является уголовное дело А. (приговор № 1-674/2019) [7]. А., на которого напали несколько человек, один из которых, П., стал его душить и наносить удары, находясь на спине у лежащего на земле обвиняемого, нанес П. один удар ножом, причинив тяжкий вред здоровью. Суд первой инстанции, исследовав все обстоятельства, пришел к выводу, что удушение представляло опасность для жизни А., а его действия были своевременны и соразмерны, в связи с чем он был оправдан. Данный пример демонстрирует правильный подход суда, учитывающий всю совокупность обстоятельств, а не только конечный результат.

В противовес этому можно привести дело П., рассмотренное Верховным Судом РФ (Определение № 74-УДП21-7СП-А5 от 13.10.2021) [6]. П., ранее получивший угрозу убийства, произвел выстрелы в сторону четырех человек, подошедших к его дому, двое из которых были убиты. Несмотря на наличие угрозы и продолжение движения группы лиц после предупредительного выстрела, Верховный Суд не усмотрел в действиях П. необходимой обороны, указав на отсутствие оружия у потерпевших и выстрел в уже убегавшего человека. Критикуя данную позицию, В.В. Баев указывает, что совокупность фактов (угроза убийством, приезд группы лиц, продолжение движения после предупредительного выстрела) свидетельствовала о наличии состояния необходимой обороны, хотя и с ее превышением [3; 294-295]. Этот случай подчеркивает излишне формализованный подход высшей судебной инстанции и игнорирование психологического состояния обороняющегося.

Ключевым элементом, отличающим правомерную оборону от эксцесса, является умышленная форма вины. Законодатель прямо указывает на умышленный характер действий, явно не соответствующих посягательству. В доктрине предпринимаются попытки описать субъективную сторону превышения пределов обороны по классической формуле умысла: лицо осознает явную несоразмерность своих действий, предвидит возможность причинения тяжкого вреда или смерти и желает либо сознательно допускает эти последствия.

Однако такой подход игнорирует психофизиологическое состояние обороняющегося. Как отмечает А.Я. Кузнецов, человек в ситуации внезапного нападения, особенно сопряженного с угрозой жизни и здоровью, не всегда может здраво оценить обстановку и объективно соизмерить свои силы с нападающим [4; 468-470]. Обороняющийся часто действует в состоянии аффекта, сильного испуга, замешательства или иного измененного состояния психики, что редуцирует его способность к полному осознанию и

контролю своих действий. В таком состоянии ошибки в выборе средств и методов защиты практически неизбежны.

Ч. 2.1 ст. 37 УК РФ отчасти учитывает этот фактор, исключая превышение пределов обороны, если обороняющееся лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности. Тем не менее, как показывает практика, этого положения недостаточно. Г.В. Назаренко предлагает пойти дальше и конкретизировать ст. 37 УК РФ таким образом, чтобы состояние аффекта, замешательства, сильного испуга или иного измененного состояния психики, вызванного посягательством, в принципе исключало ответственность оборонявшегося лица. Это позволило бы полностью отказаться от объективного вменения и учитывать реальные психофизиологические возможности человека в экстремальной ситуации.

Значение необходимой обороны не ограничивается сферой уголовного права. Этот институт имеет важное криминологическое значение, выступая формой предупреждения преступлений. Как отмечает В.В. Бабурин, необходимая оборона по своей сути направлена на пресечение преступного посягательства, что является разновидностью противодействия преступности [1; 5-7]. Активная оборонительная позиция граждан создает своеобразный профилактический эффект, повышая для потенциальных преступников «цену» совершения противоправных действий.

Чем больше граждан готовы правомерно противостоять преступникам, тем выше уровень общественной безопасности в целом. В этом контексте ужесточение ответственности за эксцесс обороны и обвинительный уклон в практике могут привести к «криминологическому парадоксу»: граждане, опасаясь уголовного преследования, будут отказываться от защиты себя и других, тем самым косвенно поощряя преступность. Поэтому законодательное регулирование и правоприменение должны быть ориентированы на поощрение обороны, а не на ее ограничение.

Существующая законодательная конструкция вызывает критику и в доктринальном плане. В.В. Бабурин и А.А. Нечепуренко предлагают принципиально новый подход к пониманию необходимой обороны. Они утверждают, что трактовка обороны как «обстоятельства, исключающего преступность деяния», является ошибочной. Вместо этого ее следует рассматривать как самостоятельное уголовно-значимое, но правомерное деяние – «общественно полезное деяние, выражающееся в силовом воздействии в отношении посягающего лица» [2; 239-246].

Авторы предлагают отказаться от термина «причинение вреда» в отношении правомерных действий, заменив его на более точный – «правомерное силовое воздействие» [2; 239-246]. По их мнению, это позволит изменить структуру уголовно-правовой нормы, превратив ее из нормы-гарантии в норму-правило поведения с четкой гипотезой, диспозицией и санкцией. Подобная реформа могла бы способствовать более четкому регулированию и устранению существующего дисбаланса между правами и обязанностями обороняющегося, когда его права декларируются, а обязанности (например, по соблюдению соразмерности при отсутствии угрозы жизни) выявляются лишь в суде.

Кроме того, для устранения правовой неопределенности целесообразно более детально регламентировать в законе условия правомерности для двух видов обороны: против посягательства, опасного для жизни (беспредельная оборона), и против посягательства, не опасного для жизни (предельная оборона). Для последней, как справедливо отмечают исследователи, могли бы быть установлены более четкие критерии, такие как обязанность по возможности избежать конфликта или обратиться за помощью к правоохранительным органам, особенно если обороняющийся не обладает специальными навыками [2; 239-246].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что существующая правовая конструкция эксцесса обороны и сложившаяся правоприменительная практика демонстрируют системный кризис, не позволяющий институту необходимой обороны в полной мере реализовать свой защитный и предупредительный потенциал. Доминирование обвинительного уклона, формально-юридический подход к оценке соразмерности защиты и игнорирование психофизиологических закономерностей поведения индивида в экстремальной ситуации де-факто приводят к криминализации правомерного оборонительного поведения. Для преодоления этих негативных тенденций и приведения правового регулирования в соответствие с вызовами современной общественной опасности необходим комплекс последовательных мер, направленных на реформирование законодательства, правоприменения и доктринальных основ.

Первостепенное значение имеет совершенствование уголовного законодательства. Действующая редакция ст. 37 УК РФ, несмотря на введение нормы о невозможности объективной оценки опасности вследствие неожиданности посягательства (ч. 2.1), не решает проблему учета психофизиологического состояния обороняющегося в полном объеме. В целях полного исключения объективного вменения представляется целесообразной конкретизация статьи 37 УК РФ путем прямого указания на то, что состояние

сильного испуга, аффекта, замешательства или иного измененного состояния психики, вызванного самим общественно опасным посягательством, исключает возможность квалификации действий обороняющегося как умышленных в контексте превышения пределов необходимой обороны. Такой законодательный шаг позволил бы учитывать тот неоспоримый факт, что в условиях внезапного нападения когнитивные способности индивида, включая возможность критической оценки соразмерности своих действий, существенно ограничены, что редуцирует субъективную сторону умысла, необходимого для привлечения к ответственности по статьям 108 и 114 УК РФ.

Не менее важным представляется кардинальное изменение вектора правоприменительной практики. Следственным и судебным органам необходимо осуществить переход от ретроспективной оценки, фокусирующейся исключительно на фактически наступивших последствиях, к комплексному анализу всей совокупности обстоятельств инцидента. Такой анализ в обязательном порядке должен включать в себя субъективное восприятие степени опасности самим обороняющимся лицом, с учетом всей динамики и контекста развития конфликта. Крайне важно неукоснительное соблюдение разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, о недопустимости предъявления завышенных требований к оценке характера и опасности посягательства лицом, подвергшимся неожиданному нападению. Правоприменитель должен исходить из презумпции добросовестности обороняющегося, возлагая бремя опровержения факта наличия состояния необходимой обороны или реальности угрозы на сторону обвинения.

Наконец, для закрепления позитивных изменений требуется глубокое доктринальное переосмысление самой сущности необходимой обороны. Господствующий в настоящее время подход, трактующий ее как пассивное «обстоятельство, исключающее преступность деяния», является методологически неверным и создает концептуальные препятствия для ее эффективного регулирования. Как обоснованно указывают ряд исследователей, необходимую оборону следует рассматривать не как обстоятельство, а как самостоятельный вид активного, социально полезного и правомерного уголовно-значимого деяния – «правомерного силового воздействия». Подобная переориентация позволит реструктурировать уголовно-правовую норму, преобразовав ее из декларативной нормы-гарантии в полноценную норму-правило поведения с четко прописанными гипотезой, диспозицией и санкцией. Это, в свою очередь, обеспечит большую правовую определенность, устранит существующий дисбаланс между правами и неявными обязанностями обороняющегося и будет способствовать укреплению правовой уверенности граждан в том, что их конституционное право на защиту является реальным, а не иллюзорным.

Таким образом, преодоление системного кризиса в применении института необходимой обороны и разрешение накопленных правовых противоречий видятся возможными исключительно через последовательную и сбалансированную реализацию предложенного комплекса реформ, образующих единый контур модернизации. Этот контур предполагает синхронное движение по трем взаимосвязанным направлениям: от точечной, но принципиально важной законодательной новации, заключающейся в имплементации в ст. 37 УК РФ нормы, исключающей умысел при доказанном состоянии аффекта или иного измененного состояния психики, вызванного посягательством; через глубинную трансформацию правоприменительной парадигмы, требующей от следственных и судебных органов перехода к комплексной и контекстуальной оценке обстоятельств дела с учетом субъективного восприятия угрозы обороняющимся; к фундаментальному доктринальному обновлению, пересматривающему саму природу обороны как активного, социально полезного деяния – правомерного силового воздействия. Лишь такой целостный и системный подход способен трансформировать институт необходимой обороны из декларативной конструкции в реально действующий, эффективный инструмент защиты прав личности от преступных посягательств и одновременно – в значимый элемент публично-правовой системы предупреждения преступности, адекватно отвечающий характеру и масштабу современных вызовов и угроз.

Список литературы:

[1] Бабурин, В. В. Значение необходимой обороны в предупреждении преступлений / В. В. Бабурин // Актуальные проблемы профилактики преступлений : Материалы международного научно-практического семинара, Омск, 28 марта 2023 года. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2023. – С. 5-7.

[2] Бабурин, В. В. Проблемы уголовно-правового регулирования необходимой обороны как разновидности уголовно-правового деяния / В. В. Бабурин, А. А. Нечепуренко // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 479. – С. 239-246.

[3] Баев, В. В. Проблемные вопросы квалификации преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны / В. В. Баев // МНСК-2022 : Материалы 60-й Международной научной студенческой конференции,

Новосибирск, 10–20 апреля 2022 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2022. – С. 294-295.

[4] Кузнецов, А. Я. О необходимости совершенствования института необходимой обороны в уголовном законодательстве Российской Федерации / А. Я. Кузнецов // Молодой ученый. – 2019. – № 23 (261). – С. 468-470.

[5] Назаренко, Г. В. Эксцессы необходимой обороны: преступления или правомерные акты? / Г. В. Назаренко // КриминалистЪ. – 2022. – №1 (38). – С. 16-18.

[6] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2021 № 74-УДП21-7СП-А5 // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=685918#zx54f1VEBpC3ayJG2

[7] Приговор Кызылского городского суда (Республика Тыва) от 16 сентября 2019 г. по делу № 1-674/2019 // https://sudact.ru/regular/doc/kArLSXqrt25K/?ysclid=mhlps0m2xi247109611

References:

[1] Baburin, V.V. The importance of necessary defense in crime prevention/V.V. Baburin//Actual problems of crime prevention: Materials of an international scientific and practical seminar, Omsk, March 28, 2023. - Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. - S. 5-7.

[2] Baburin, V.V. Problems of criminal law regulation of necessary defense as a type of criminal law act/V.V. Baburin, A.A. Nechepurenko//Bulletin of Tomsk State University. – 2022. – № 479. - S. 239-246.

[3] Baev, V.V. Problematic issues of qualification of crimes committed when exceeding the limits of necessary defense/V.V. Baev//MNSK-2022: Materials of the 60th International Scientific Student Conference, Novosibirsk, April 10-20, 2022. - Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University, 2022. - S. 294-295.

[4] Kuznetsov, A. Ya. On the need to improve the institution of necessary defense in the criminal legislation of the Russian Federation/A. Ya. Kuznetsov//Young scientist. – 2019. – № 23 (261). - S. 468-470.

[5] Nazarenko, G.V. Excesses of necessary defense: crimes or legitimate acts ?/G.V. Nazarenko// Criminalist. – 2022. – №1 (38). - S. 16-18.

[6] Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.10.2021 No. 74-UDP21-7SP-A5// https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=685918#zx54f1VEBpC3ayJG2

[7] Verdict of the Kyzyl City Court (Republic of Tyva) dated September 16, 2019 in case No. 1-674/2019// https://sudact.ru/regular/doc/kArLSXqrt25K/?ysclid=mhlps0m2xi247109611

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-270-275

ЛИЧМАН Александр Васильевич,
Заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях Омской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

БОРИСОВА Мария Игоревна,
Преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *В статье исследуются современные формы и проявления этнического экстремизма в Российской Федерации, анализируются криминологические особенности данного явления и эффективность существующих механизмов противодействия. Автор рассматривает этнический экстремизм как комплексную угрозу национальной безопасности, изучает детерминанты его распространения в условиях миграционных процессов и цифровизации общества. Особое внимание уделяется правовым и организационным мерам противодействия, включая уголовно-правовые, административные и профилактические механизмы. На основе анализа судебной практики и статистических данных выявлены проблемные аспекты применения антиэкстремистского законодательства. Предложены направления совершенствования системы противодействия этническому экстремизму на основе комплексного подхода, включающего правовое регулирование, межведомственное взаимодействие и превентивные меры воспитательного характера.*

Ключевые слова: *этнический экстремизм, национальная рознь, межэтнические конфликты, экстремистская деятельность, противодействие экстремизму, уголовная ответственность, профилактика экстремизма, национальная безопасность.*

LICHMAN Alexander Vasilyevich,
Deputy Head of the Department of Internal Affairs Agencies in Special Conditions

BORISOVA Maria Igorevna,
Lecturer, Department of Tactical and Special Training, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE MAIN FACTORS OF ETHNIC EXTREMISM AND COUNTERMEASURES

Annotation. *The article examines modern forms and manifestations of ethnic extremism in the Russian Federation, analyzes the criminological features of this phenomenon and the effectiveness of existing countermeasures. The author considers ethnic extremism as a complex threat to national security, studies the determinants of its spread in the context of migration processes and digitalization of society. Particular attention is paid to legal and organizational countermeasures, including criminal law, administrative and preventive mechanisms. Based on the analysis of judicial practice and statistical data, problematic aspects of the application of anti-extremist legislation are identified. Directions for improving the system of countering ethnic extremism are proposed on the basis of an integrated approach, including legal regulation, interdepartmental cooperation and preventive educational measures.*

Key words: *ethnic extremism, national hatred, interethnic conflicts, extremist activity, countering extremism, criminal liability, prevention of extremism, national security.*

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, статистика правоохранительных органов фиксирует устойчивую динамику преступлений экстремистской направленности. Согласно данным МВД России, в период 2018-2022 гг. ежегодно регистрируется от 580 до 900 преступлений экстремистской направленности, значительная часть которых связана с возбуждением ненависти по национальному признаку [1]. Во-вторых, трансформация форм этнического экстремизма в условиях цифровизации требует переосмысления традиционных подходов к противодействию: по данным Роскомнадзора, более 60% экстремистских материалов распространяется через интернет-ресурсы и социальные сети [2]. В-третьих, интенсификация миграционных процессов создает новые риски межэтнической напряженности, политического терроризма [3, с. 143-145] и требует разработки эффективных превентивных механизмов.

Исследование причин и условий, детерминирующих распространение этнического экстремизма, требует комплексного криминологического анализа, учитывающего множественность факторов различного уровня и характера. Ю.М. Антонян в своих фундаментальных работах выделяет три основные группы детерминант: социально-экономические, политико-правовые и социально-психологические, при этом подчеркивая их системное взаимодействие и взаимное усиление [4, с. 162-165]. К социально-экономическим факторам относятся глубокая имущественная дифференциация населения, которая в условиях многонационального общества нередко приобретает этническую окраску, когда представители определенных этнических групп оказываются преимущественно в нижних или верхних слоях социальной стратификации. Конкуренция на рынке труда между представителями различных этносов, особенно обостряющаяся в условиях массовой трудовой миграции и экономических кризисов, создает питательную почву для межэтнической напряженности. Когда местное население воспринимает мигрантов как конкурентов за рабочие места, жилье, социальные блага, формируются предпосылки для возникновения конфликтов и распространения экстремистских настроений. Неравномерность социально-экономического развития регионов, особенно когда эта неравномерность коррелирует с этническим составом населения, порождает чувство несправедливости, обиды, которые легко канализируются в русло этнического экстремизма. Исследования показывают прямую корреляцию между уровнем безработицы среди молодежи и интенсивностью экстремистских проявлений: в регионах с высокой молодежной безработицей фиксируется значительно больше преступлений экстремистской направленности [5, с. 234].

Политико-правовые детерминанты включают в себя комплекс факторов, связанных с государственной политикой и правовым регулированием. Недостатки в реализации государственной национальной политики, отсутствие эффективных механизмов гармонизации межнациональных отношений, несбалансированность мер поддержки различных этнических групп могут порождать чувство дискриминации и способствовать радикализации [6, с.58-63]. Проблемы правового регулирования миграционных процессов, когда законодательство не обеспечивает должного баланса между привлечением трудовых ресурсов и защитой интересов местного населения, создают зоны социальной напряженности. Несовершенство законодательства о противодействии экстремизму, наличие пробелов, коллизий, оценочных понятий приводит к неединообразию правоприменительной практики, что снижает эффективность профилактического воздействия правовых норм. Недостаточная эффективность правоохранительной деятельности в сфере противодействия экстремизму, когда часть преступлений остается нераскрытой или виновные не несут соразмерного наказания, формирует у потенциальных правонарушителей ощущение безнаказанности. Особую роль в современных условиях играет внешнее деструктивное информационное воздействие, направленное на дестабилизацию межнациональных отношений, манипулирование общественным сознанием через распространение провокационных материалов, дезинформации, исторических фальсификаций [2].

Социально-психологические факторы этнического экстремизма связаны с особенностями индивидуального и группового сознания, механизмами формирования этнической идентичности и восприятия представителей других этносов. Этнические стереотипы, формирующиеся в процессе социализации и передающиеся из поколения в поколение, создают устойчивые негативные образы «чужих», которые легко актуализируются в конфликтных ситуациях. Историческая память о межэтнических конфликтах, депортациях, репрессиях, войнах может стать основой для формирования идеологии возмездия, реванша, восстановления исторической справедливости. Маргинализация части населения, утрата традиционных культурных идентичностей в условиях модернизации и глобализации приводит к поиску новых форм самоидентификации, и этничность

становится наиболее доступным и понятным маркером идентичности. Н.А. Ратинова в своих психологических исследованиях отмечает, что особую уязвимость к экстремистской идеологии демонстрирует молодежь в возрасте 16-25 лет, находящаяся в процессе социальной адаптации, профессионального и личностного самоопределения [7, с. 86]. Для этой возрастной группы характерны максимализм, стремление к острым ощущениям, поиск авторитетов, что делает молодых людей восприимчивыми к экстремистской пропаганде, обещающей простые решения сложных проблем и предлагающей четкую систему координат «свой-чужой».

Феномен радикализации, то есть процесса постепенного принятия экстремистской идеологии и перехода к экстремистским действиям, требует особого внимания исследователей. Радикализация не происходит одномоментно, она представляет собой последовательный процесс, включающий несколько стадий: первоначальное недовольство существующим положением вещей, поиск объяснительных моделей, принятие экстремистской идеологии как таковой объяснительной модели, вхождение в экстремистскую среду, участие в экстремистской деятельности. На каждой стадии действуют специфические факторы, способствующие или препятствующие переходу на следующий уровень. Особую роль в процессе радикализации играют рекрутеры – лица, целенаправленно занимающиеся вовлечением новых членов в экстремистские сообщества. Современные рекрутеры используют изощренные психологические техники, учитывающие индивидуальные особенности потенциальных адептов, их проблемы, потребности, интересы [4, с. 178-182].

Система правового регулирования противодействия этническому экстремизму в Российской Федерации носит комплексный многоуровневый характер и включает нормы конституционного, уголовного, административного, гражданского и информационного права, образующие единый правовой механизм. Конституционно-правовой уровень формирует базовые принципы и ценности, на которых строится вся система противодействия. Конституция РФ провозглашает равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка (ч. 2 ст. 19), запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29). Эти конституционные положения имеют прямое действие и служат основой для всего антиэкстремистского законодательства. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, относит противодействие экстремизму к числу приоритетных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности, подчеркивая необходимость комплексного подхода, включающего правовые, организационные, оперативно-розыскные, режимные, воспитательные, пропагандистские меры [12].

Уголовно-правовой механизм противодействия этническому экстремизму представляет собой систему норм Уголовного кодекса РФ, устанавливающих ответственность за различные формы экстремистской деятельности и дифференцирующих эту ответственность в зависимости от характера и степени общественной опасности деяний. Базовыми составами преступлений экстремистской направленности являются ст.ст. 280, 282.1., 282.2, 282.3. УК РФ [8]. Помимо специальных составов, экстремистская мотивация выступает квалифицирующим признаком более чем в 15 составах преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом, включая наиболее тяжкие преступления против личности. Введение экстремистского мотива в качестве квалифицирующего признака существенно усиливает уголовную ответственность, что соответствует повышенной общественной опасности преступлений, совершаемых на почве национальной, расовой, этнической ненависти.

Важной законодательной новеллой стала декриминализация в 2018 году состава, предусмотренного статьей 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), с одновременным введением административной ответственности по статье 20.3.1 КоАП РФ за аналогичные деяния, не содержащие признаков уголовно наказуемого деяния. Эта законодательная реформа была обусловлена необходимостью дифференциации ответственности, исключения избыточной криминализации действий, не представляющих существенной общественной опасности, обеспечения баланса между противодействием экстремизму и защитой свободы слова [7, с. 89]. Согласно новой редакции законодательства, уголовная ответственность наступает только при наличии квалифицирующих признаков: использование служебного положения, применение насилия или угроза его применения, использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей. Деяния, не содержащие этих признаков, влекут административную ответственность, что позволяет более гибко реагиро-

вать на различные формы экстремистских проявлений. Вместе с тем, в научной литературе высказываются и критические оценки данного решения, указывающие на риски недооценки общественной опасности экстремистских высказываний, создание атмосферы безнаказанности для лиц, распространяющих идеи национальной розни [9, с. 122].

Административно-правовой механизм противодействия этническому экстремизму включает широкий спектр мер предупреждения, пресечения и наказания за административные правонарушения экстремистского характера. Кодекс РФ об административных правонарушениях содержит специальную главу 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность», включающую несколько составов, непосредственно связанных с противодействием экстремизму. Статья 20.3 КоАП РФ устанавливает ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, статья 20.3.1 – за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, статья 20.29 – за производство и распространение экстремистских материалов [10]. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» предусматривает комплекс специальных административно-правовых мер, включающих вынесение предупреждения общественным и религиозным объединениям о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, приостановление деятельности общественных и религиозных объединений, политических партий, ликвидацию организаций в судебном порядке за осуществление экстремистской деятельности, установление запрета на распространение экстремистских материалов через включение их в федеральный список экстремистских материалов [11]. По данным Министерства юстиции РФ, федеральный список экстремистских материалов включает более 5000 наименований, из которых значительная часть содержит идеи этнической нетерпимости, национального превосходства, призывы к межнациональной розни [2].

Информационно-правовой механизм противодействия распространению экстремистских материалов приобретает особое значение в условиях цифровизации общества и перемещения основной массы экстремистского контента в информационно-телекоммуникационное пространство. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусматривает возможность ограничения доступа к информации, распространение которой запрещено в Российской Федерации, включая информацию экстремистского характера [8]. Роскомнадзор на основании решений судов или по представлению Генеральной прокуратуры РФ осуществляет блокировку интернет-ресурсов, содержащих призывы к межнациональной розни, материалы, возбуждающие ненависть по национальному признаку, иной экстремистский контент. Вместе с тем, практика показывает недостаточную оперативность применения данных мер: от момента выявления противоправного контента до его блокировки проходит в среднем 15-20 дней, за которые информация успевает получить широкое распространение, быть скопированной и размещенной на других ресурсах [5, с. 241]. Кроме того, использование анонимных сетей, зарубежных серверов, технологий обхода блокировок существенно затрудняет противодействие распространению экстремистских материалов в интернете.

Профилактический блок системы противодействия этническому экстремизму реализуется через механизмы межведомственного взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, образовательных учреждений, институтов гражданского общества. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Президентом РФ, предусматривает комплекс мер по формированию в обществе нетерпимости к экстремистской идеологии, воспитанию культуры межнационального общения, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений [12]. Реализация профилактических мер осуществляется через систему образования, где предусмотрено изучение вопросов толерантности, межкультурного диалога, истории и культуры народов России; через молодежную политику, направленную на вовлечение молодежи в социально значимую деятельность, формирование позитивной гражданской идентичности; через информационно-пропагандистскую деятельность, противодействующую распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве. А.А. Тарасов подчеркивает критическую важность превентивных образовательных программ, направленных на формирование толерантного сознания молодежи, развитие навыков критического мышления, способности противостоять манипулятивному воздействию экстремистской пропаганды [9, с. 125].

Мониторинговый блок системы противодействия обеспечивается деятельностью аналитических структур различных ведомств, осуществляющих систематическое наблюдение за состоя-

нием межнациональных отношений, выявление факторов и зон потенциальной конфликтности, прогнозирование развития ситуации. Федеральное агентство по делам национальностей проводит регулярный мониторинг этноконфессиональной ситуации в регионах на основе системы индикаторов, включающих социологические опросы, анализ обращений граждан, изучение публикаций в СМИ и социальных сетях, что позволяет своевременно выявлять и нейтрализовать очаги напряженности [13]. Научно-исследовательские организации, специализирующиеся на проблемах межнациональных отношений, экстремизма, миграции, обеспечивают научно-методическую поддержку деятельности государственных органов, разрабатывают рекомендации по совершенствованию политики и практики противодействия экстремизму.

Детерминация этнического экстремизма носит комплексный характер и включает взаимодействующие и взаимно усиливающие друг друга социально-экономические, политико-правовые и социально-психологические факторы. Эффективное противодействие требует воздействия на все группы детерминант, устранения или нейтрализации порождающих экстремизм причин и условий, что выходит за рамки чисто правовых и правоохранительных мер и требует комплексной государственной политики в сферах экономики, социального развития, национальных отношений, миграции, образования, культуры.

Список литературы:

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports (дата обращения: 13.10.2025)

[2] Доклад о деятельности Роскомнадзора по противодействию распространению экстремистских материалов в сети Интернет за 2022 год // Официальный сайт Роскомнадзора. URL: https://rkn.gov.ru (дата обращения: 15.10.2025)

[3] Гаужаева, В.А. Отдельные аспекты борьбы с политическим терроризмом / В.А. Гаужаева, А.А. Отаров // Социально-политические науки. 2017. № 4. С. 143-145.

[4] Антонян, Ю.М. Экстремизм и его причины / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2010. – 288 с.

[5] Горшенков Г.Н. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений экстремистской направленности / Г.Н. Горшенков, А.Г. Горшенков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 233-248.

[6] Канокова, Л.Ю. Проблемы, затрудняющие деятельность органов государственной власти по противодействию экстремизму / Л.Ю. Канокова // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 5. С. 58-63.

[7] Ратинова, Н.А. Экстремизм: психолого-правовой анализ / Н.А. Ратинова, М.В. Кроз // Психология и право. 2015. Том 5. № 1. С. 77-96.

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[9] Тарасов, А.А. Административно-правовые меры противодействия экстремизму / А.А. Тарасов // Административное право и процесс. 2018. № 7. С. 112-129.

[10] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[11] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

[12] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

[13] Информационно-аналитические материалы ФСБ России о состоянии борьбы с экстремизмом и терроризмом // Официальный сайт ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru (дата обращения: 15.10.2025)

References:

[1] The state of crime in Russia in January-December 2024 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: https://мвд.рф/reports (accessed: 10/13/2025)

[2] Report on Roskomnadzor's activities to counter the spread of extremist materials on the Internet for 2022 // Official website of Roskomnadzor. URL: https://rkn.gov.ru (accessed: 10/15/2025)

[3] Gauzhaeva, V.A. Selected aspects of the fight against political terrorism / V.A. Gauzhaeva, A.A. Otarov // Socio-political Sciences. 2017. No. 4. pp. 143-145.

[4] Antonyan, Yu.M. Extremism and its causes / Yu.M. Antonyan. – M.: Logos, 2010. – 288 p.

[5] Gorshenkov G.N. Criminological characteristics and prevention of crimes of extremist orientation / G.N. Gorshenkov, A.G. Gorshenkov // All-Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13. No. 2. pp. 233-248.

[6] Kanokova, L.Y. Problems complicating the activities of public authorities to counter extremism / L.Y. Kanokova // Gaps in Russian legislation. 2021. Vol. 14. No. 5. pp. 58-63.

[7] Ratinova, N.A. Extremism: psychological and legal analysis / N.A. Ratinova, M.V. Kroz // Psychology and Law. 2015. Volume 5. No. 1. pp. 77-96.

[8] Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[9] Tarasov, A.A. Administrative and legal measures to counter extremism / A.A. Tarasov // Administrative law and Process. 2018. № 7. pp. 112-129.

[10] The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 07/31/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. No. 1 (Part 1). Article 1.

[11] On countering extremist activity: feder. Law No. 114-FZ of 07/25/2002 (as amended on 07/23/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3031.

[12] On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). Article 5351.

[13] Information and analytical materials of the FSB of Russia on the state of the fight against extremism and terrorism // Official website of the FSB of Russia. URL: http://www.fsb.ru (date of request: 10/15/2025)

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-276-279

АСАДОВ Ватан Вагифович,
кандидат юридических наук,
Псковского филиала Университета ФСИН России,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и
организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества,
e-mail: asadov_vv@mail.ru

ГОЛОДОВ Павел Васильевич,
кандидат юридических наук,
Вологодского института права и экономики ФСИН России,
начальник кафедры административно-правовых дисциплин
юридического факультета, доцент,
e-mail: pl-family@yandex.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ К АЛЬТЕРНАТИВНЫМ ВИДАМ НАКАЗАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *В статье обосновывается актуальность совершенствования правового положения осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. В последнее десятилетие сохраняется тенденция укрепления законности, обеспечения прав граждан, в том числе осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Несмотря на то, что определенное правовое положение этой категории осужденных закреплено в российском законодательстве, на практике нередки случаи нарушения прав осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Авторы приводят статистические данные, свидетельствующие об этом, а также конкретные примеры нарушения прав осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Авторы исследуют виды прав этой категории осужденных, устанавливают взаимосвязь и взаимозависимость правового положения осужденных к наказаниям без изоляции от общества и эффективностью исполнения альтернативных наказаний.*

Ключевые слова: *правовое положение осужденных, альтернативные наказания, наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, повторные преступления.*

ASADOV Vatan Vagifovich,
Ph.D. in Law, docent of the Department of Criminal Law
Disciplines and the organization of the execution of punishments
not related to the isolation of convicts from society
of the Pskov Branch of the FSIN University of Russia

GOLODOV Pavel Vasilyevich,
Ph.D. in Law Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines
of the Faculty of Law of the Vologda Institute
of Law and Economics FSIN of Russia

THE LEGAL STATUS OF THOSE SENTENCED TO ALTERNATIVE FORMS OF PUNISHMENT: TOWARDS A PROBLEM STATEMENT

Annotation. *The article substantiates the relevance of improving the legal status of those sentenced to punishments not related to isolation from society. In the last decade, there has been a tendency to strengthen the rule of law and ensure the rights of citizens, including those sentenced to punishment without isolation from society. Despite the fact that a certain legal status of this category of convicts is enshrined in Russian legislation, in practice, cases of violation of the rights of those sentenced to punishment without isolation from society are not uncommon. The authors provide statistical evidence of this, as well as specific examples of violations of the rights of those sentenced to punishment without isolation from society. The authors investigate*

the types of rights of this category of convicts, establish the relationship and interdependence of the legal status of those sentenced to punishment without isolation from society and the effectiveness of alternative punishments.

Key words: *the legal status of convicts, alternative punishments, punishments not related to the isolation of the convict from society, repeated crimes*.

На современном этапе развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства права осужденных к наказаниям без изоляции от общества выступают предметом отдельного обсуждения. Несмотря на то, что определенное правовое положение этой категории осужденных закреплено в российском законодательстве, на практике нередки случаи нарушения прав осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Так, органами прокуратуры в рамках надзора за законностью исполнения уголовных наказаний в I полугодии 2024 года проведено 564 проверки в исправительных центрах, в ходе которых выявлены 2222 нарушения закона, принесено 196 протестов, внесено 322 представления, привлечено к дисциплинарной ответственности 385 лиц, возбуждено одно уголовное дело и отменено 53 незаконных постановлений о применении мер взыскания [1]. Кроме того, в ежегодных докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации отмечается о необходимости укрепления правового статуса осужденных, в том числе к наказаниям без изоляции от общества[2].

Анализ ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, международных правовых обязательств России позволяет констатировать, что не все положения, касающиеся правовой защиты осужденных к наказаниям без изоляции от общества, реализуются на практике, а некоторые из них требуют корректировки. В то же время большинство положений международных правовых актов, направленных на защиту прав осужденных, реализованы в российском законодательстве и реализуются на практике при исполнении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Однако современное состояние уголовно-исполнительной системы, практика исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества демонстрирует необходимость урегулирования правового положения осужденных к наказаниям без изоляции от общества в полном объеме. В настоящее время продолжается последовательное реформирование уголовно-исполнительной системы (УИС) [3], которое связано с расширением применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Применение наказаний, альтернативных лишению свободы, позволяет осужденным сохранить общественно полезные связи, семью, родственные отношения, снизить уровень их криминализации и криминализации общества в целом.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что еще 15 лет назад основным видом наказания являлось лишение свободы. По состоянию на 1 января 2023 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 433 006 человека [5], тогда как по состоянию на 1 января 2010 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы, обеспечивающих изоляцию от общества, содержалось 864 тыс. человек [4].

Гуманизация уголовно-исполнительной политики Российской Федерации и широкое применение наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, диктует необходимость урегулирования правового положения осужденных к наказаниям без изоляции от общества в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы.

Правовое положение осужденных к уголовным наказаниям, альтернативным лишению свободы регламентировано уголовно-исполнительным законодательством. Анализ норм уголовно-исполнительного законодательства показал, что осужденный обладает тремя видами прав, свобод, законных интересов и юридических обязанностей:

1) неизменные права, свободы, законные интересы и юридические обязанности – это права, свободы, законные интересы и юридические обязанности, которыми осужденный обладал до назначения наказания и которые не были ограничены судом (например право осужденного на свободу вероисповедания или обязанность по уплате налогов);
2) права, свободы, законные интересы и юридические обязанности, ограниченные частично – это права, свободы, законные интересы и юридические обязанности, которые ограничиваются в связи с осуждением (например, ограничения, связанные с воинской службой – осужденный не может быть призван на срочную службу или ограничения, связанные с возможностью занимать определенные должности);
3) специальные права, свободы, законные интересы и юридические обязанности – это права, свободы, законные интересы и юридические обязанности, которыми обладают

только осужденные к определенному виду наказания (например, обязанность осужденного к принудительным работам выполнять правила внутреннего распорядка исправительных центров, проживать на территории общежития, а также работать на местах, которые выбирают исправительные центры).

Уголовное наказание в виде принудительных работ связано с привлечением осужденных к труду. Однако в УК РФ и УИК РФ не закреплено прямой нормы привлекать всех осужденных к труду. Хотя часть 3 ст. 60.8 УИК РФ прямо закрепляет, что «осужденный к принудительным работам не вправе отказаться от предложенной ему работы». Но при этом работой может быть обеспечен не каждый осужденный: «осужденным к принудительным работам, не обеспеченным работой, ежегодный оплачиваемый отпуск не предоставляется» (ч. 5 ст. 60.8 УИК РФ).

Необеспеченность осужденного работой может привести к нарушению прав осужденных. Приведем пример нарушения прав осужденных: «В адрес уполномоченного по правам человека поступило обращение осужденного о том, что он находится в исправительном центре на самообеспечении, но работой не обеспечен. Продукты и деньги у него закончились.

Поскольку сложилась ситуация, угрожающая здоровью гражданина, к решению данной проблемы подключился районный прокурор. В ходе проверки было установлено, что администрация центра не предпринимает мер к трудоустройству осужденного либо переводу его в другой исправительный центр для дальнейшего отбывания наказания. Вопрос об обеспечении осужденного одеждой и питанием, при наличии информации об отсутствии у него денежных средств, в нарушение требований федерального законодательства, администрацией вовремя не решался.

По итогам проверки в адрес руководителя учреждения внесено представление об устранении нарушений, осужденный обеспечен одеждой и питанием» [6].

На наш взгляд, следует выделить особую роль сотрудника уголовно-исполнительной инспекции (УИИ) в соблюдении прав и законных интересов осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Сотрудники УИИ не только осуществляют контроль исполнения наказаний без изоляции от общества, но и реализуют меры поддержки осужденным, состоящим на учете УИИ:

1) консультирование осужденных по вопросам исполнения наказания;
2) помощь осужденным в решении материальных и нематериальных проблем (поиск жилья и трудоустройство и др.);
3) подбор для осужденных различных обучающих программ, способствование в получении профессии.

Все указанные мероприятия могут способствовать правопослушному образу жизни. Нередко после вынесения приговора обрываются полезные связи осужденного, и последнему кажется, что сложилась тупиковая ситуация и выхода нет, именно здесь важно участие сотрудника УИИ.

Кроме того, следует обратить внимание на право осужденного на получение консультаций от сотрудников УИИ и разъяснений порядка отбывания наказания. Как показала практика, заявленное право достаточно декларативно. Осужденные не всегда в полном объеме готовы воспринимать информацию, которую доводит до их сведения сотрудник УИИ. Это связано не только с особенностями восприятия осужденными информации, но и со способами доведения такой информации. Сотрудник УИИ может использовать язык официальных документов, который сложен для восприятия для людей с невысоким уровнем образования. Кроме того, как справедливо отмечают сотрудники УИИ, осужденные не всегда адекватно воспринимают информацию, связанную с обязанностями и ограничениями. Соответственно, от того, насколько лицо адекватно и полно восприняло информацию о правах и обязанностях, будет зависеть эффективность примененного к нему наказания. Это касается не только прав и обязанностей, но и последствий, которые может повлечь определенное поведение осужденного и его правонарушения в период отбывания наказания.

Таким образом, правовой статус осужденного без изоляции от общества продолжает совершенствоваться. В рамках реализации концептуальных документов (Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года, Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года) закрепление и правовое регулирование правового положения осужденных без изоляции от общества выступает одним из приоритетных направлений. Обеспечение правового положения осужденных без изоляции от общества будет способствовать повышению эффективности исполнения того или другого вида наказания и как следствие – снизит уровень повторной преступности осужденных без изоляции от общества. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» по-новому требует взглянуть на пра-

вовое положение осужденных. В нем закрепляется необходимость расширения объема прав и законных интересов осужденных к наказаниям без изоляции от общества как период отбывания наказания, так и в период после отбытия наказания. При этом конечной целью становится адаптация к жизни в обществе.

Список литературы:

[1] Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации исх. от 6 августа 2024 г. № 110-01-2024/Ид10565.

[2] Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

[3] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567 (дата обращения: 15.04.2025).

[4] Краткая характеристика ФСИН России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://фсин.рф/structure/inspector (дата обращения: 12.04.2025).

[5] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (с изм. и доп.) // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/1357449 (дата обращения: 30.04.2024).

[6] Сайт Уполномоченного по правам человека в Амурской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.amurupch.ru/ustraneny-narusheniya-prav-osuzhdennogo-k-prinuditelnym-rabotam (дата обращения: 05.05.2025).

References:

[1] Letter from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated August 6, 2024 No. 111111111 110-01-2024/Id10565.

[2] Report on the activities of the Ombudsman in the Russian Federation for 2024 [Electronic resource]. Access mode: URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b-5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf (access date: 15.04.2025).

[3] On approval of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r//SPS "Garant" [Electronic resource]. Access mode: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567 (access date: 15.04.2025).

[4] Brief description of the Federal Penitentiary Service of Russia [Electronic resource]. Access mode: http://фсин.рф/structure/inspector (access date: 12.04.2025).

[5] On approval of the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation until 2020: Order of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 No. 1772-r (amended and supplemented)//SPS "Garant" [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/1357449 (access date: 30.04.2024).

[6] Website of the Commissioner for Human Rights in the Amur Region [Electronic resource]. Режим доступа: URL: https://www.amurupch.ru/ustraneny-narusheniya-prav-osuzhdennogo-k-prinuditelnym-rabotam (дата обращения: 05.05.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-280-282

ДИВАЕВА Ирина Рафаэловна,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

НИКОЛАЕВА Татьяна Викторовна,
доцент кафедры конституционного права и административного права
Башкирской академии государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ (ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ)

Аннотация. *В статье авторами рассматриваются отдельные аспекты проявлений экстремизма в молодёжной среде, связанные с проблемами профилактики с учётом возрастной специфики молодёжи.*

Ключевые слова: *экстремизм, молодёжная среда, предупреждение преступления, профилактика, экстремистские молодёжные объединения, использование насилия или угрозы его применения.*

DIVAEVA Irina Rafaelovna,
Head of the Department of Criminal Law and Criminology
at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel

NIKOLAEVA Tatyana Viktorovna,
Associate Professor of the Department
of Constitutional Law and Administrative Law
at the Bashkir Academy of Public Administration and Management
under the Head of the Republic of Bashkortostan,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

EXTREMIST MANIFESTATIONS AMONG YOUNG PEOPLE (PROBLEM ASPECTS)

Annotation. *In this article, the authors examine specific aspects of extremism among young people, related to prevention issues, taking into account the age-specific characteristics of young people.*

Key words: *extremism, youth environment, crime prevention, prevention, extremist youth associations, use of violence or threats of its use.*

Проблема противодействия любым проявлениям экстремизма сегодня является чрезвычайно актуальной.

Сегодня особую тревогу вызывает факт «омоложения» лиц, вовлекаемых в противоправные действия, совершаемые по экстремистским мотивам, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма, разжигание ненависти. Деятельность вербовщиков экстремистских организаций в основном ориентирована на молодежь, при этом самая востребованная возрастная категория – это несовершеннолетние лица, поскольку они легче поддаются идеологической и психологической обработке, верят обещаниям, меньше всего вызывают подозрения, а при определенных обстоятельствах не подлежат уголовной ответственности [1].

Проблемы, связанные с социальной неопределённостью молодых людей, несформированность или нестабильность их мировоззренческих взглядов на происходящие в обществе изме-

нения являются благодатной почвой для совершения противоправных общественно опасных деяний, в том числе, проявлений различных форм экстремизма. Как совершенно справедливо отмечают эксперты, основным фактором его распространения в обществе выступает маргинализация и криминализация молодёжной среды, а также развитие криминальной субкультуры среди несовершеннолетних [2]. Отдельные молодые люди выбирают взамен семье, друзьям неформальные молодежные объединения криминальной направленности, социально не одобряемые сообщества и группы, где идеология насилия и безнравственности является господствующей [3]. Современная молодежь в силу своей мобильности, прогрессивности привлекается к незаконным массовым акциям, в том числе и политического толка. Так, например, 19 января 2024 года на площади имени Салавата Юлаева в городе Уфа за участие в несанкционированной акции в поддержку Ф.Ф. Алчинова (внесен Росфинмониторингом в перечень физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму) были задержаны 6 студентов, из них 2 – студенты Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, 1 – Уфимского государственного нефтяного технического университета, 1 – Уфимского университета науки и технологий, 1 – Уфимского колледжа технологии и дизайна и 1 – Училища искусств [4].

Предупреждение и профилактика любых проявлений экстремизма, особенно среди молодежи является сегодня одной из главнейших задач государства. Экстремизм многолик и многогранен, что требует от государства широкий спектр инструментов для эффективного противостояния этой проблеме. Несомненно, одну из ключевых ролей в этом играют органы внутренних дел. В большинстве исследований по рассматриваемой проблематике предлагается в наиболее обобщенном виде следующее:

1) развитие экономики и социальной сферы в русле минимизации расслоения и маргинализации общества;
2) разработка и внедрение в жизнь различных программ поддержки семьи и молодежи;
3) осуществлять анитэкстремистскую деятельность органами власти в рамках их компетенции и в тесном сотрудничестве и взаимодействии с социально-одобряемыми общественными организациями; проводить просветительскую работу с несовершеннолетними и их родителями по вопросам профилактики экстремизма, разъясняя им негативные последствия данного явления и ответственность, возникающую в связи с этим;
4) проводить в школах и других образовательных учреждениях занятия с целью воспитания у несовершеннолетних толерантности и веротерпимости;
5) привлекать патриотические общественные организации к антиэкстремистской деятельности и просвещению подрастающих поколений, всячески способствовать их развитию.

Для эффективного противодействия экстремизму необходимо обеспечить защиту потенциальных жертв дискриминации, а также сохранение непрерывного мониторинга преступлений на почве ненависти, что необходимо для понимания проблемы и повышения общественной осведомленности. Общественные организации должны оказывать содействие в мониторинге и оценке данных по экстремистским преступлениям. Кроме того, школьное обучение вместе с семейным воспитанием играет существенную роль в противодействии молодежному экстремизму.

Следовательно, необходимо формирование у российской молодежи нового типа культуры, основанной на принципах миролюбия, толерантности и безопасности, диалога и взаимопонимания, способной активно противодействовать проявлениям социальной злости, а также внутренней и внешней агрессии. В этой связи следует отметить «опыт СССР, а именно проанализировать систему детских летних лагерей труда и отдыха (трудовые отряды старшеклассников). Основной целью таких учреждений являлось воспитание у школьников уважения к труду, а также развитие гражданской активности и коллективизма» [5].

Противодействие экстремизму должно организовываться и осуществляться государством через проведение соответствующей политики, направленной на устранение причин его возникновения. При этом необходимо задействовать весь арсенал экономических, социальных, идеологических и других инструментов, способных снизить уровень напряженности и нестабильности в обществе, а также устранить конфликтные ситуации, которые могут способствовать возникновению экстремизма в его различных формах.

Список литературы:

[1] «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации»: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Малыхина Т.А. Об особенностях предупреждения экстремизма в современной молодёжной среде // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. № 1 (92). 2020. С. 91.;

Лядова А.С. Противодействие распространению криминальной субкультуры в молодёжной среде как составляющая профилактики экстремизма // Вестник ПГГПУ. 2018. № 1. С. 43; Демидова-Петрова Е.В. Основные факторы проявления экстремизма в молодёжной среде в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1 (19). С. 72-75;

[3] Методические материалы по профилактике экстремизма в молодёжной среде. Вып. 2 / авт.-сост. И.С. Фомин. – Великий Новгород, 2015. 34 с.

[4] «О направлении информации» Письмо МВД по Республике Башкортостан от 25 января 2024 года № 1/456.

[5] Новоселов, А. В. Трудовые отряды как средство привлечения молодежи от 14 до 17 лет к остродефицитным профессиям / А. В. Новоселов, С. Р. Садрутдинова, Е. И. Скуратовская // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 42-47. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.006. – EDN CAAENO.

References:

[1] “On approval of the Strategy for countering extremism in the Russian Federation”: Decree of the President of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 1124. Access from the ConsultantPlus legal system.

[2] Malykhina T.A. On the peculiarities of preventing extremism in a modern youth environment// Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 1 (92). 2020. S. 91.; Lyadova A.S. Countering the spread of criminal subculture in the youth environment as a component of the prevention of extremism//Bulletin of PGGPU. 2018. № 1. S. 43; Demidova-Petrova E.V. The main factors of manifestation of extremism in the youth environment in the Russian Federation//Bulletin of the Kazan Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1 (19). S. 72-75;

[3] Methodological materials on the prevention of extremism among young people. No. 2/auto-station I.S. Fomin. - Veliky Novgorod, 2015. 34 pp.

[4] “On sending information” Letter of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan dated January 25, 2024 No. 1/456.

[5] Novoselov, A. V. Labor detachments as a means of attracting young people from 14 to 17 years old to highly deficient professions/A. V. Novoselov, S. R. Sadrutdinova, E. I. Skuratovskaya//Law and statehood. – 2025. – № 2(7). - S. 42-47. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.006. – EDN CAAENO.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-283-287

ДОМОВЕЦ Светлана Сергеевна,
доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, полковник полиции,
e-mail: s.domovets@yandex.ru

ЛОБАСЕВА Евгения Григорьевна,
доцент кафедры частного и публичного права
Волгоградского института бизнеса,
кандидат юридических наук,
e-mail: evgeniagrigorievna@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ПО ДОСТАВКЕ ТОВАРОВ И ГРУЗОВ

Аннотация. *В статье рассмотрены основные виды судебных экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений против собственности, совершаемых в сфере доставки товаров и грузов. К их числу автор относит экономические, бухгалтерские, товароведческие, компьютерные, видеотехнические экспертизы, а также технико-криминалистическую экспертизу документов. Кроме того, в статье изучены особенности использования специальных знаний при расследовании указанных преступлений, специфика подготовки материалов, предоставляемых эксперту, а также проанализирован перечень вопросов, ставящихся на разрешение эксперта. Автор акцентирует внимание на необходимости и важности использования специальных знаний на всех этапах расследования преступлений против собственности, совершенных в сфере доставки товаров и грузов, учитывая специфику рассматриваемой сферы экономической деятельности. В статье автор подчеркивает, что применение специальных знаний при расследовании хищений чужого имущества и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов способствует установлению всех обстоятельств расследуемого события.*

Ключевые слова: *расследование, преступление, хищение, специальные знания, экспертиза, эксперт, заключение, экспресс-доставка товаров и грузов.*

DOMOVETS Svetlana Sergeevna,
Associate Professor of the Department of Criminalistics
of the Educational and Scientific Complex for Preliminary
Investigation in Internal Affairs Bodies
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Colonel of Police

LOBASEVA Evgenia Grigorievna,
Associate Professor,
Department of Private and Public Law,
Volgograd Institute of Business,
Candidate of Law

THE SPECIFICS OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST PROPERTY COMMITTED IN THE PROVISION OF SERVICES FOR THE DELIVERY OF GOODS AND CARGO

Annotation. *The article examines the main types of forensic examinations assigned during the investigation of crimes against property committed in the sphere of delivery of goods and cargo. The author includes economic, accounting, commodity, computer, and video technical examinations among them. In addition, the article studies the features of using specialized knowledge during the investigation of the said crimes, the specifics of preparing materials provided to the expert, and also analyzes the list of questions submitted to the expert for resolution. The author focuses on the necessity and importance of using specialized knowledge at all stages of the investigation of property crimes in the sphere of delivery of goods and cargo, taking into account the specifics of the considered sphere of economic activity. In the article, the author emphasizes that the use of specialized knowledge during the investigation of theft of other people's property and funds in the sphere of express delivery of goods and cargo helps to establish all the circumstances of the event under investigation.*

Key words: *investigation, crimes, embezzlement, special knowledge, expertise, conclusion.*

Хищения чужого имущества и денежных средств в сфере оказания услуг по экспресс-доставке товаров и грузов совершаются регулярно, причиняя ущерб как простым гражданам, так и экономической системе государства в целом. В результате создается ситуация, наносящая ущерб бюджету страны. В некоторой степени этому способствует непрофессионализм и слабое реагирование полиции на совершающиеся преступления, создающее благоприятные условия для преступников и их преступной деятельности. Ощущение безнаказанности развязывает преступникам руки, позволяя заходить в своих преступных намерениях и их осуществлении все дальше. Служебная пассивность и незаинтересованность оперативных сотрудников, следователей в результатах своей работы негативно сказываются на качестве расследования преступлений. Отчасти этому способствует отсутствие методических рекомендаций, содержащих в себе информацию о грамотном выявлении, предупреждении, расследовании хищений в сфере экспресс-доставки товаров и грузов. Кроме того, специфика данной отрасли зачастую не позволяет следователю самостоятельно разобраться во всех обстоятельствах совершенного преступления. Все вышеперечисленное свидетельствует о важности использования специальных знаний на всех этапах расследования имущественных преступлений в сфере доставки товаров и грузов.

Сталкиваясь с особенностями ведения документооборота в рассматриваемой сфере, со спецификой функционирования всех элементов этой экономической системы, следователю не стоит пренебрегать предоставляемой уголовно-процессуальным законом возможностью привлечения специалистов к расследованию преступления.

В криминалистике существует множество подходов к определению понятия «специальные знания». Так, Т. В. Аверьянова определяет специальные знания как знания, приобретенные надлежащим субъектом в результате обучения и практической деятельности в науке, технике, искусстве, ремесле, основанные на соответствующих научных разработках, используемые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде уголовных дел [1, с.30]. В. Н. Махов трактует определение специальных знаний как знаний, присущих различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемых при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде [2,с.46]. А. В. Варданян отмечает, что понятие «специальные знания» не предусмотрено в действующем уголовно-процессуальном законе, однако оно неоднократно употребляется, в частности, в нормах, регламентирующих полномочия эксперта и специалиста [3, с.158].

При расследовании хищений чужого имущества и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов возникает необходимость в назначении и производстве различных судебных экспертиз. К их числу можно отнести судебно-бухгалтерскую, судебно-экономическую, технико-криминалистическую экспертизу документов, почерковедческую, компьютерно-техническую. Использование специальных знаний зачастую является залогом получения достоверной информации по интересующим следствие вопросам. Заключения экспертиз являются одними из наиболее информативных доказательств.

Остановимся подробнее на некоторых судебных экспертизах, назначение которых способствует расследованию преступлений против собственности в сфере доставки товаров и грузов.

Судебно-экономическую экспертизу можно определить как процессуальное действие, производимое в установленном законом порядке экспертом-экономистом и заключающееся в специализированном исследовании собранных документов хозяйственного учета и других материалов уголовного дела с целью установления выводным путем фактических данных о совершении хозяйственных операций, экономических

показателей, наличии или отсутствии хозяйственных средств. К предмету судебно-экономической экспертизы относятся:

1. объемные показатели результатов финансово-экономической деятельности организации, оказывающей услуги по доставке товаров и грузов, сложившиеся под влиянием распоряжения собственностью (доходами и другим имуществом) со стороны собственника;
2. факты недостоверного отражения в первичных документах, бухгалтерском учете и отчетности содержания операций и фактических результатов деятельности организации;
3. факты неуплаты налогов вследствие расходования средств, соответствующих неуплаченным налогам, на другие цели деятельности организации или личные цели распорядителя средствами [4, с.287].

Задачей судебно-экономической экспертизы является:

- определение полученных организацией результатов финансово-хозяйственной деятельности или дохода в стоимостном выражении за период, когда этой организацией руководило обвиняемое лицо;
- определение достоверности или недостоверности документов и бухгалтерской отчетности организации о результатах финансово-хозяйственной деятельности и прибыли;
- определение вреда, причиненного организациям, физическим лицам и (или) государству.

Важным моментом при назначении любой экспертизы, в том числе судебно-экономической, является постановка вопросов эксперту. Грамотная, четкая, предметная формулировка является залогом качественного заключения. Если следователь испытывает сложности и затрудняется в постановке корректных вопросов эксперту, ему стоит обратиться за консультацией к нему и совместно определить круг и содержание вопросов. Безусловно, вопросы, ставящиеся на разрешение эксперту, должны полностью соответствовать виду экспертизы.

Вопросы, которые могут быть разрешены производством судебно-экономической экспертизы, разнообразны, в контексте рассматриваемых преступлений их примерный перечень может быть таким:

- каковы результаты хозяйственной деятельности проверяемой организации за определенный период;
- прослеживается ли соответствие документальных данных с фактическим положением дел в организации;
- каков механизм возникновения полученных расхождений между документами бухгалтерского учета и отчетности и документами фактических проверок;
- своевременно ли и в полном ли объеме происходит уплата налогов;
- какие документы свидетельствуют о нарушении порядка обращения наличных денежных средств в организации;
- нарушен ли порядок и документальное оформление инкассации наличных денежных средств в банк;
- каким способом совершались хищения имущества или денежных средств;
- в течение какого периода времени в организации допускалось нарушение правил ведения документооборота;
- какова сумма материального ущерба, причиненного совершенным хищением денежных средств или чужого имущества.

Обоснованное заключение специалист может вынести в случае предоставления ему следователем полного комплекта необходимых документов, среди которых должны быть: учредительные документы, бухгалтерские документы учета и отчетности, кассовые, банковские документы, служебная переписка, материалы проверок, а также протоколы допросов, обысков, выемок и пр.

Кроме судебно-экономической экспертизы следователь при расследовании хищений денежных средств и имущества в сфере экспресс-доставки товаров и грузов может, а некоторых случаях должен назначать судебно-бухгалтерскую экспертизу. Отмечая некоторую схожесть судебно-бухгалтерской и экономической экспертиз, стоит отметить, что в некоторых случаях целесообразнее назначать последнюю по причине того, что ряд обстоятельств возможно выявить и установить только в ходе изучения всей хозяйственно-финансовой деятельности организации, оказывающей услуги экспресс-доставки.

Судебно-бухгалтерская экспертиза решает более узконаправленные вопросы, однако ее результаты также важны для следствия. В ходе ее производства эксперт может установить:

- факт недостачи или излишка имущества на складе пункта выдачи товаров или денежных средств в кассе предприятия;
- законность и обоснованность списания товара по различным основаниям;
- случаи нарушения порядка ведения документооборота и финансовой дисциплины;
- соответствие фактического наличия денежных средств в кассе или товара на складе предприятия документам проверок;

– своевременность инкассации и соответствие количества сдаваемой в банк наличности документам учета;
– нарушения ведения бухгалтерского учета и отчётности;
– несоответствие содержания документов, отражающих одну и ту же финансово-хозяйственную операцию;
– ведение двойной (черной) бухгалтерии;
– материальный ущерб от хищения наличных или безналичных денежных средств или имущества;
– дату или период совершения преступления;
– обстоятельства, которые каким-либо образом способствовали совершению преступления (слабая служебная дисциплина, отсутствие контроля, ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, халатность в вопросах предоставления доступа к базам данных клиентов и пр.).

Полнота и качество проведенной экспертизы напрямую зависит от объема и качества документов, предоставленных следователем. В случае недостаточности материалов для исследования эксперт может запросить недостающую информацию у следователя.

Поскольку на сегодняшний день практически все субъекты экономической деятельности ведут документооборот с помощью технических средств и компьютеров, а значительное количество преступлений совершается с применением IT-технологий (по данным официального сайта МВД России за период январь-декабрь 2024 года 40% преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В январе 2025 года количество зарегистрированных киберпреступлений снизилось на 0,2% [5]), в процессе расследования возникает необходимость в назначении и производстве судебно-компьютерной экспертизы. Начальник ЭКЦ МВД России В.В. Казьмин отмечает, что с развитием IT-технологий многие региональные экспертно-криминалистические подразделения оснащались новыми аппаратно-программными средствами, что расширило возможности экспертного сопровождения расследования «высокотехнологичных» преступлений (например, совершенных с использованием методов анонимизации личности или социальной инженерии) [6]. Заключение грамотного эксперта в вопросах компьютерных технологий и компьютерной безопасности существенно поможет в установлении таких обстоятельств, как:
– возможность совершения расследуемого преступления с помощью компьютерных технологий;
– механизм совершения преступления;
– возможности киберпреступников по осуществлению конкретной преступной деятельности;
– особенности создания и функционирования фишинговых сайтов и схем хищений персональных данных граждан, в том числе финансовых;
– пути и способы идентификации личности и установления фактического местонахождения киберпреступника;
– возможности блокирования фишинговых сайтов.

Кроме того, в рамках судебно-компьютерной экспертизы можно изъять и исследовать электронные документы, находящиеся на жестком диске.

Как справедливо отмечает начальник ЭКЦ МВД России В.В. Казьмин, потенциал развития производства как криминалистических экспертиз, так и специальных исследований видится, прежде всего, в дальнейшем расширении круга задач, решаемых с помощью специальных знаний [7]. Применение специальных знаний при расследовании хищений чужого имущества и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов, безусловно, способствует установлению всех обстоятельств расследуемого события. Более того, экспертные исследования способны выявить ту необходимую информацию, которую невозможно получить иным путем (например, производством следственных действий).

Список литературы:

[1] Аверьянова Т. В. Субъекты экспертной деятельности //Вестник криминалистики. 2001.№ 2. С.29-37.

[2] Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений / В.Н. Махов. – Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000. – 295 с.

[3] Варданян А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Юристъ-Правоведъ, 2019, № 2 (89). С. 158-163.

[4] Козлов В.А. Борьба с преступностью в сфере экономики. Учебное пособие. – М.: Издательство «Щит-М», 2005. - 607 с.

[5] Официальный сайт МВД России. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2025 года: URL: https://мвд.рф/reports/item/61640492/ (дата обращения 12.03.2025).

[6] Глава Экспертно-криминалистического центра МВД России: служба сконцентрируется на противодействии «высокотехнологичным» преступлениям: URL: https://мвд.рф/document/47763146 (дата обращения 12.09.2025).

[7] Глава Экспертно-криминалистического центра МВД России: служба сконцентрируется на противодействии «высокотехнологичным» преступлениям: URL: https://мвд.рф/document/47763146 (дата обращения 12.03.2025).

References:

[1] Averyanova T. V. Subjects of expert activity //Bulletin of Criminalistics. 2001.No. 2. pp.29-37.

[2] Makhov V. N. The use of knowledge of knowledgeable persons in the investigation of crimes / V.N. Makhov. Moscow : Publishing House of the Russian University of Friendship of Peoples, 2000. 295 p.

[3] Vardanyan A.V. Modern problems of using special knowledge in criminal proceedings. Jurist-Pravoved, 2019, No. 2 (89). pp. 158-163.

[4] Kozlov V.A. Fight against crime in the sphere of economics. Textbook. – M.: Publishing house "Shield-M", 2005. - 607 p.

[5] The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A brief description of the state of crime in the Russian Federation in January 2025: URL: https://мвд.рф/reports/item/61640492 / (accessed 12.03.2025).

[6] Head of the Forensic Expert Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia: the service will focus on countering "high-tech" crimes: URL: https://мвд.рф/document/47763146 (accessed 12.09.2025).

[7] Head of the Expert and Criminalistic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia: the service will focus on countering "high-tech" crimes: URL: https://мвд.рф/document/47763146 (accessed 12.03.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-288-291

ПЕРЕВЕРЗЕВ Михаил Михайлович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: elektronnayapochta@mail.ru

О НЕДОПУСТИМОСТИ И НЕЭФФЕКТИВНОСТИ ПЫТКИ КАК СПОСОБА ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению вопроса о недопустимости и неэффективности применения пыток в качестве средства добывания информации при раскрытии и расследовании преступлений. В начале статья дается понятие пытки и сделан краткий экскурс в историю применения пыток и их юридического запрета.*

Далее в статье приводятся и анализируются нормы международного и российского права, которые запрещают применение пыток и схожих с ними способов обращения с подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступлений, в частности нормы, содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, в Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, принятом 22 ноября 2001 года

Далее в статье анализируется отношение общества к применению пыток к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления получившие большой общественный резонанс на примере террористического акта в «Крокус Сити Холле». В статье приводятся результаты опроса сотрудников полиции об их отношении к применению пытки, как средства получения информации при расследовании преступлений.

В заключительной части статьи приводятся аргументы против применения пыток в отношении подозреваемых и обвиняемы в совершении преступлений. При этом причины недопустимости пыток систематизированы и разделаны на несколько категорий: формально-юридические причины, морально-этические причины, рационально-практические причины, репутационно-политические причины и индивидульно-защитительные причины. Статья направлена на формирование сознательного непринятия пытки как способа получения информации от подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений ввиду не только ее незаконности, но также неэффективности, аморальности, небезопасности и, в конечном счете, вредоносности для репутации правоохранительной системы и государства в целом.

Ключевые слова: *пытка, честь, достоинство, жестокие методы, насилие, незаконные меры, угрозы.*

PEREVERZEV Mikhail Mikhailovich,
Candidate of Legal Sciences Associate Professor,
Department of Criminal Procedure Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE INADMISSIBILITY AND INEFFECTIVENESS OF TORTURE AS A WAY OF OBTAINING INFORMATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Annotation. *The article is devoted to the consideration of the inadmissibility and ineffectiveness of the use of torture as a means of obtaining information in the detection and investigation of crimes. At the beginning of the article, the concept of torture is given and a brief digression is made into the history of the use of torture and its legal prohibition. The article further provides and analyzes the norms of international and Russian law that prohibit the use of torture and similar methods of treatment of suspects and accused of committing*

crimes, in particular, the norms contained in the Universal Declaration of Human Rights, adopted by the United Nations on December 10, 1948, and the Constitution of the Russian Federation, adopted on December 12, 1993., in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, adopted on November 22, 2001 Further, the article analyzes the public's attitude towards the use of torture against persons who have committed grave and especially grave crimes, which have received a great public response on the example of the terrorist act in Crocus City Hall. The article presents the results of a survey of police officers about their attitude to the use of torture as a means of obtaining information in the investigation of crimes. The final part of the article provides arguments against the use of torture against suspects and those accused of committing crimes. At the same time, the reasons for the inadmissibility of torture are systematized and divided into several categories: formal legal reasons, moral and ethical reasons, rational and practical reasons, reputational and political reasons, and individual protective reasons. The article is aimed at forming a conscious rejection of torture as a way of obtaining information from suspects and accused of committing crimes due not only to its illegality, but also inefficiency, immorality, insecurity and, ultimately, harm to the reputation of the law enforcement system and the state as a whole.

Key words: *torture, honor, dignity, cruel methods, violence, illegal measures, threats.*

Под пыткой в общем смысле понимается причинение человеку сильной боли, физических или нравственных страданий с целью получения от него каких-либо сведений. Пытка является одним из самых старых, «традиционных» способов получения информации при раскрытии и расследовании преступлений. Были времена, когда пытка считалась разрешенным методом допроса подозреваемых в совершении преступлений. Существуют археологические данные о применении пыток, относящиеся к периоду раннего неолита. В Европе пытки как способ добывания информации получили наибольшее распространение с 13 века вместе с укреплением феодальных государств и разгула религиозного мракобесия. Не будем перечислять здесь все возможные варианты средневековых пыток. Потому что для современного цивилизованного человека они выглядят либо чудовищно, либо абсурдно. Вспомним в качестве яркого показательного примера средневековое «испытания водой», которое являлось не только пыткой, но и как бы следственным экспериментом. Подозреваемого с привязанным камнем бросали в глубокую воду. Результат оценивали так. Утонул - господь забрал невинную душу, значит - невиновен. Выплыл - господь отверг грешную душу, стало быть, виновен и… подлежит казни. Неудивительно, что при таком подходе процент обжалований был, скажем так, небольшим.

В России применение пытки предусматривалась как законное средство в уголовном процесса Судебником 1497 года, Судебником 1550 года, Соборным Уложением 1649 года, Кратким изображением процессов и тяжеб 1715 года.

«Философские и теоретико-правовые основы гуманизации законодательства и уголовного процесса путем запрещения пыток и других жестоких и бесчеловечных видов обращения заложены в трудах великих философов и правоведов Средневековья и Нового времени, в ряду которых выделяются Д. Локк, Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Вольтер, Ж-Ж. Руссо и другие ученые» [1, с. 143]. На рубеже 18-19 веков под влиянием просветительских идей, научно-технического прогресса и отхода от религиозной истерии, во многих европейских странах пытки формально запрещаются. «В России пытки на законодательном уровне были запрещены указом императора Александра I от 27 сентября 1801 г. «Об уничтожении пыток, кои велено истребить из памяти народной…», где пытка была поименована как «стыд и укоризна человечеству»» [2, с.147].

10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея Организация Объединенных Нация принимает обязательную для исполнения всеми государствами Всеобщую декларацию прав человека, которая в статье 5 закрепляет, что «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению и наказанию». Конституции Российской Федерации в статье 21 содержит норму, в соответствии с которой «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Схожие по содержанию нормы содержатся в законодательстве большинства цивилизованных стран [3].

Статья 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства закрепляет принцип уважения чести и достоинства личности, который означает, что: «в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не

может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению».

Часть 4 статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в качестве одного из общих правил производства следственных действий закрепляет, что «при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц».

Иными словами, в настоящее время бесспорна юридическая недопустимость пыток в любых видах и формах, и с любыми целями.

Казалось бы, вопрос уже давно решен, окончательно и бесповоротно. И в отношении обычных преступлений, в обществе существует практически единое мнение о недопустимости пыток. Но после каких-либо, вызывающих большой общественный резонанс особенно жестоких преступлений, или преступлений со множеством жертв, дискуссия о допустимость пыток вновь вспыхивает в обществе. В качестве примера можно привести появившиеся в открытом доступе в сети «Интернет» после террористического акта в «Крокус Сити Холле» кадры, иллюстрирующие отрезание уха у задержанного и пытку электрическим током задержанных предполагаемых террористов. Здесь мы не будем оценивать достоверность этих кадров, их источник и правильность реакции органов государства, в чью компетенцию входит принятие юридических решений по таким фактам. Отметим лишь реакцию общества на них. Весьма значительная его часть, в том числе многие сотрудники органов правопорядка, не только не осудила эти действия, но даже отнеслась к ним с одобрением.

Думается, что такую реакцию общества в отношении применения пыток к преступникам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, можно объяснить тем, что в подобных случаях в обществе обостряется чувство бессознательного страха, которое, в свою очередь, ожесточает людей и превращает их в бессмысленную и безжалостною толпу. Иными словами, срабатывает неосознанный древний защитный механизм подобный тому, который заставлял древние народы совершать человеческие жертвоприношения в периоды явной или мнимой смертельной опасности (вспомним обычаи индейцев майя и ацтеков). Страх порождает жестокость. В таких случаях для толпы неважно, чья «пролилась кровь» – виновного или невинного. Чем выше будет уровень жестокости, тем больше у толпы будет ощущение безопасности.

В результате опроса, проведенного среди действующих сотрудников полиции и курсантов ВА МВД России, было установлено, что от 10 до 20 процентов в разных группах опрошенных признались, что допускают возможность применения пыток и других жестоких действий в отношении лиц, подозреваемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Эти респонденты, осознавая незаконность таких действий, оправдывают их с позиций справедливости и целесообразности. Часть из них пытку воспринимали не только как средство получения информации и доказательств, но и как элемент возмездия за совершенное преступление. После более глубокого обсуждения с ними проблемы применения пыток, выяснилось, что подавляющее большинство из них не осознают, какие отрицательные последствия может иметь применение таких методов. Их позиция скорее эмоциональная, чем рациональная. К сожалению, мы знаем много случаев, когда сотрудники правоохранительных органов применяют пытки. Всем известны события, связанные с пресловутой «бутылкой из-под шампанского», которая с тех пор стала расхожей фразой и послужила одним из поводов реформы милиции в полицию.

Все это говорит о том, что среди сотрудников правоохранительных органов следует вести целенаправленную разъяснительную работу, показывающую вредные последствия применения пыток и других подобных способов. Указания на то, что пытка незаконна – недостаточно. Опрос показал, что об этом знают все без исключения. Это говорит о том, что нужно искать другие аргументы. При этом доводы должны быть максимально понятными, лаконичными и вескими. Какими же причинами можно обосновывать недопустимость указанных выше методов при раскрытии и расследовании преступлений. Их можно свести в несколько групп:

1. Формально-юридические причины. Пытки запрещены как международными, так и государственными нормами права без каких-либо условий и исключений, о чем уже говорилось выше. Применяющий пытку переходит на противоположную сторону борьбы со злом и сам становится преступником.
2. Морально-этические причины. В этой связи нам интересны не только страдания пытаемых, но даже более того - моральный и психический облик сотрудника органа правопорядка, который применяет пытку. Тем острее этот вопрос встает, когда нам становится известно о пытках не только жестоких, но и извращенных, при которых пытающий получает наслаждение от своих действий, или пытках, связанных с насильственными действиями сексуального характера (наподобие истории в органах исполнения наказаний Саратовской области). Думается, что человек допустивший, или самостоятельно инициировавший такие действия не вполне

психически полноценен, и уже по этой причине не может служить в органах правопорядка.

3. Рационально-практические причины. Опыт применения пыток показал их принципиальную неэффективность. Ведь главная задача работы с лицом, подозреваемым в совершении преступления – получение не признания любой ценой, а правдивой информации. И в этом пытка неэффективна, потому что под влиянием сильных физических или эмоциональных страданий, человек может признаться в чем угодно, лишь бы остановить эти страдания. Во время пытки человек уже не думает о том, к чему может привести это признание в дальнейшем. Вспомним в этом плане хотя бы средневековую «охоту на ведьм». Как вы думаете, какой процент женщин, признавшихся в ходе пыток в колдовстве и сожженных на кострах инквизиции, были ведьмами на самом деле?

Таким образом, применение пытки противоречит основной задаче расследования – получению достоверной информации. Недостоверная информация может направить расследование по ложному пути, и даже стать причиной неправосудного приговора. Иными словами пытка не отвечает главной задаче расследования – установлению истины.

Добывание признания под пыткой может привести к осуждению человека, невиновного в совершении преступления. С одной стороны это сломает жизнь ему и его близким людям. С другой стороны, осуждение невиновного одновременно означает то, что настоящий преступник остался безнаказанным и может продолжать совершать преступления, жертвами которых может стать множество людей. Показательным примером этого может служить история преступлений Чикатило.

Даже если незаконные методы применялись к настоящему преступнику, это может в дальнейшем осложнить доказывание по делу, так как в соответствии со ст. 75 Уголовно-процессуального закона, полученные таким способом доказательства будут признаны недопустимыми, то есть не имеющими юридической силы и не могущими быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств предмета доказывания.

4. Репутационно-политические причины. Если общество будет знать о применении пыток при расследовании уголовных дел, то приговоры, вынесенные по таким делам не будут вызывать доверия. Общество перестанет доверять правосудию в целом. При этом будет подрываться репутация не только системы правосудия, но и государства в целом. В конечном и тоге это приведет к смешению в общественном сознании справедливо осужденных преступников и незаслуженно подвергнутых наказанию, и, в конечном итоге – способствовать формированию в обществе правового нигилизма.
5. Индивидуально-защитительные причины. Даже реально совершивший преступление, но осужденный в результате применения пыток преступник, в душе будет винить в своей участи именно того, кто применял к нему эти незаконные методы. Он может затаить зло, и при появлении возможности, отомстить тому должностному лицу, кто его пытал. Если же права осужденного соблюдались в течение всего процесса расследования и рассмотрения дела в суде, то в свершившемся обвинительном приговоре преступник будет винить только себя. Как за то, что оставил много улик при совершении преступления, так и за то, что своими неловкими действиями в ходе расследования позволил изобличить себя в его совершении. И желание мстить представителям органов правопорядка у него в этом случае вряд ли возникнет.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что государство, идущее по пути прогресса, не должно допускать применения пыток в процессе расследования преступлений и всячески пресекать такие действия, независимо от того, кем и в чьих интересах они осуществляются.

Список литературы:

[1] Бардеев К.А. История пытки как средства уголовного процесса в западной правовой традиции // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3. С. 142–145.

[2] Бардеев К.А. История применения и запрета пытки в уголовном законодательстве России // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2. С. 145–148.

[3] Романовский Г.Б. Запрет пыток в современном конституционном праве / Г.Б. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2019. — Т. 7, № 2

References:

[1] Bardeev K.A. History of torture as a means of criminal process in the Western legal tradition// Theory and practice of social development. 2023. № 3. S. 142-145.

[2] Bardeev K.A. History of the use and prohibition of torture in the criminal legislation of Russia// Theory and practice of social development. 2023. № 2. S. 145-148.

[3] Romanovsky G.B. Prohibition of torture in modern constitutional law/G.B. Romanovsky//Electronic scientific journal “Science. Society. State.» — 2019. - T. 7, NO. 2

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-292-295

НЕСТЕРЕНКО Андрей Владимирович,
заместитель начальника кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни создала принципиально новую реальность, в которой традиционные подходы к обеспечению безопасности оказались недостаточно эффективными. Преступность, адаптировавшись к новым условиям, стала активно использовать цифровые технологии, что породило значительные угрозы для личности, общества и государства. В этих условиях уголовная политика, понимаемая как стратегия государства в сфере борьбы с преступностью посредством уголовно-правовых средств, столкнулась с необходимостью фундаментального пересмотра. Данная статья анализирует современное состояние и перспективы развития уголовной политики Российской Федерации в сфере защиты цифровых технологий. Автор, опираясь на анализ законодательства, доктринальных источников и правоприменительной практики, ставит целью выявить системные проблемы и предложить пути их решения.*

Ключевые слова: *уголовная политика, цифровые технологии, киберпреступления, кибератаки.*

NESTERENKO Andrey Vladimirovich,
Deputy Head of the Department of Law Enforcement Organization
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF DIGITAL TECHNOLOGY SECURITY: CURRENT CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *The digital transformation of all areas of public life has created a fundamentally new reality in which traditional approaches to ensuring security have proven to be insufficiently effective. Crime, having adapted to the new conditions, has begun to actively use digital technologies, which has created significant threats to individuals, society, and the state. In this context, criminal policy, understood as the state's strategy for combating crime through criminal law measures, has faced the need for a fundamental revision. This article analyzes the current state and prospects for the development of criminal policy in the Russian Federation in the field of digital technology protection. Based on an analysis of legislation, doctrinal sources, and law enforcement practice, the author aims to identify systemic problems and propose solutions*.

Key words: *criminal policy, digital technologies, cybercrimes, and cyberattacks.*

Первоначальный этап формирования уголовной политики в цифровой сфере характеризовался фрагментарностью и реактивностью. Законодатель, по сути, «догонял» реальность, криминализируя отдельные, наиболее очевидные формы противоправного поведения.

Ключевым шагом стало введение в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Статьи 272 (Неправомерный доступ к компьютерной информации), 273 (Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных

программ) и 274 (Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей) долгое время составляли костяк борьбы с киберпреступностью [1].

Однако со временем стало очевидно, что этого недостаточно. Традиционные составы не охватывали всего спектра угроз, таких как фишинг, кибершпионаж, атаки на критическую информационную инфраструктуру (КИИ), использование криптовалют для отмывания преступных доходов.

Ответом законодателя стала активная работа по модернизации уголовного закона. Были криминализированы новые деяния:

– статья 274.1 УК РФ – Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации;
– статья 159.6 УК РФ – Мошенничество в сфере компьютерной информации;
– статья 187 УК РФ – Изготовление, сбыт или использование поддельных платежных средств [2].

Несмотря на значительное расширение арсенала уголовно-правовых средств, действующее законодательство продолжает отставать от стремительно развивающихся технологий. Можно выделить несколько ключевых проблемных зон:

– проблема квалификации и доказывания. Киберпреступления носят транснациональный, латентный и высокотехнологичный характер. Установление лица, совершившего преступление, сбор и фиксация электронных доказательств требуют специальных знаний и сложной технической экспертизы. Зачастую правоохранительные органы сталкиваются с трудностями при взаимодействии с иностранными провайдерами и сервисами [3];
– быстрое устаревание законодательства. Законодательный процесс инерционен, в то время как технологии развиваются экспоненциально. Появление таких феноменов, как искусственный интеллект (ИИ), метавселенные, децентрализованные финансовые системы (DeFi), создает правовой вакуум. Например, остается открытым вопрос об уголовной ответственности за вредоносное использование ИИ или за преступления, совершенные в виртуальных пространствах с реальным экономическим ущербом;
– недостаточная защищенность критической информационной инфраструктуры (КИИ). Хотя ст. 274.1 УК РФ была введена, практика ее применения еще только формируется. Сложность заключается в доказывании умысла и последствий атак на объекты КИИ, которые могут носить отложенный и каскадный характер [4];
– противодействие отмыванию преступных доходов, полученных в цифровой форме. Анонимность криптовалют и сервисов обмена активно используется преступными сообществами. Действующие нормы глав 22 и 23 УК РФ (преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих организациях) не всегда эффективно «ловят» новые схемы обналичивания и легализации.

Для адекватного противодействия современным угрозам уголовная политика должна стать проактивной, гибкой и технологичной. Предлагаются следующие направления для ее развития:

– имплементация технологично-нейтральных правовых конструкций. Вместо того чтобы криминализировать каждую конкретную технологию, целесообразно использовать более широкие, «технологически нейтральные» формулировки составов преступлений. Это позволит правоприменителю квалифицировать деяния, совершенные с использованием технологий, которые появятся в будущем, без постоянного внесения изменений в УК РФ;
– усиление международного сотрудничества. Киберпреступность не знает границ. Необходимо активнее развивать механизмы правовой помощи, в том числе в рамках БРИКС, ШОС и на двусторонней основе. Ключевой задачей является упрощение процедур получения информации от зарубежных интернет-компаний и провайдеров. [5];
– развитие специальных знаний и кадрового потенциала. Необходимо дальнейшее обучение сотрудников правоохранительных органов, судей и следователей в области цифровых технологий и киберкриминалистики. Создание специализированных подразделений по борьбе с киберпреступностью, укомплектованных IT-специалистами, должно быть приоритетом;
– стимулирование частно-государственного партнерства. Крупные IT-компании и финансовые организации обладают уникальными компетенциями и данными для выявления и пресечения кибератак. Уголовная политика должна создавать правовые основы для безопасного обмена информацией между бизнесом и правоохранительными органами.

На основании анализа текущей ситуации, считаю необходимым высказать следующую экспертную позицию, которая, на мой взгляд, не про-

тиворечит основным направлениям развития отечественной уголовно-правовой науки, представленным в трудах таких авторов, как В.С. Комиссаров, А.И. Рарог, А.В. Наумов [6,7].

Сложившаяся парадигма, при которой уголовный закон лишь реагирует на уже состоявшиеся технологические прорывы, исчерпала себя. Необходим переход к «опережающей» или «предиктивной» уголовной политике. Это не означает введения ответственности за «мысли» или потенциальные действия. Речь идет о создании гибкого правового поля, способного адаптироваться к вызовам будущего.

Во-первых, назрела необходимость разработки и принятия новой кодифицированной главы в УК РФ – «Преступления в сфере цифровых технологий и искусственного интеллекта». Эта глава должна объединить не только существующие составы, но и ввести новые, опережающие нормы, например, ответственность за создание и использование вредоносного ИИ; за манипулирование алгоритмами, определяющими значимые социальные, экономические или политические процессы (например, алгоритмы биржевой торговли или информационной ленты); четкое определение и криминализация наиболее опасных форм вмешательства в работу систем «умного города» и автономного транспорта.

Во-вторых, в условиях цифровой среды классический принцип «нет преступления без указания о том в законе» должен быть дополнен принципом «технологической понятности». Диспозиции уголовно-правовых норм должны быть сформулированы таким образом, чтобы их содержание было доступно для понимания не только юристам, но и специалистам в области IT, которые являются основными «контролерами» соблюдения этих норм в цифровой среде.

В качестве направления для дальнейшего научного поиска и потенциального «открытия» в области уголовного права необходимо рассмотреть возможность разработки концепции «цифрового соучастия». Речь идет о ситуациях, когда платформа, алгоритм или децентрализованная автономная организация (DAO) объективно способствуют совершению преступления множеством анонимных лиц (например, социальная сеть, алгоритм которой целенаправленно стравливает пользователей, приводя к массовым беспорядкам, или darknet-площадка, архитектура которой изначально предназначена для торговли запрещенными товарами). Существующие нормы о соучастии (ст. 32-36 УК РФ) плохо применимы к таким случаям. Возможно, требуется создание новой, специальной нормы, устанавливающей ответственность за создание и администрирование цифровых систем, заведомо предназначенных для использования в преступных целях.

Подводя итого изложенного в статье, необходимо отметить, что уголовная политика в сфере обеспечения безопасности цифровых технологий находится на переломном этапе. От ее способности адаптироваться к новым реалиям зависит не только эффективность борьбы с преступностью, но и технологический суверенитет, и национальная безопасность страны в целом [8]. Дальнейшее развитие должно идти по пути опережающего правового регулирования, глубокой интеграции технологий в работу правоохранительной системы и активного международного диалога. Только комплексный и проактивный подход позволит обеспечить безопасность цифрового будущего Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

[3] Безруков Н.Н. Актуальные проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации: монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 200 с.

[4] Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

[5] Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция) ETS № 185 (от 23.11.2001).

[6] Рарог А.И. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. – 896 с.

[7] Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 2: Особенная часть. – М.: Волтерс Клувер, 2020. – 576 с.

[8] Геляхова Л.А., Машекуашева М.Х. Противодействие преступности в глобальном информационном пространстве: вопросы информационной безопасности. В сборнике: Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 67-71.

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. 15.10.2025).

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 “On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement.”

[3] Bezrukov N.N. Actual problems of qualification of crimes in the field of computer information: monograph. - M.: Yurlitinform, 2021. - 200 s.

[4] Federal Law of 26.07.2017 No. 187-FZ “On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation.”

[5] Council of Europe Convention on Cybercrime (Budapest Convention) ETS No. 185 (of 23.11.2001).

[6] Rarog A.I. Criminal Law of Russia. Special part: textbook. - 5th ed., Revised and add. - M.: Prospect, 2022. - 896 s.

[7] Naumov A.V. Russian criminal law. Course of lectures: in 3 vols. T. 2: Special part. - M.: Wolters Kluver, 2020. - 576 p.

[8] Gelyakhova L.A., Mashekuasheva M.Kh. Countering crime in the global information space: information security issues. In the collection: Economic security of the individual, society, state: problems and ways of provision. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2025. S. 67-71.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-296-300

ЦАРЬКОВ Артем Александрович,
магистр Московского университета им. А.С.Грибоедова,
e-mail: tsarkovcompact@gmail.com

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ эффективности системы противодействия таможенным преступлениям в Российской Федерации. На основе данных правоприменительной практики, ведомственной отчетности Федеральной таможенной службы (ФТС) России и судебных решений исследуются ключевые факторы, обусловившие положительную динамику в выявлении и пресечении правонарушений, в частности контрабанды стратегически важных товаров, культурных ценностей, наличных денежных средств и уклонения от уплаты таможенных платежей. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации таможенного администрирования, риск-ориентированного подхода и межведомственного взаимодействия (ФТС, МВД, ФСБ) на доказательственную базу и квалификацию деяний. Параллельно выявляются и систематизируются устойчивые проблемные зоны, такие как дисбаланс в расследовании «простых» и сложных интеллектуальных схем, дефицит специализированных экспертиз, ограничения трансграничного обмена электронными доказательствами и вызовы, связанные с ростом электронной торговли. Формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной и организационной деятельности.*

Ключевые слова: *таможенные преступления, контрабанда, уклонение от уплаты таможенных платежей, эффективность противодействия, Федеральная таможенная служба (ФТС), риск-ориентированный контроль, цифровизация, межведомственное взаимодействие, судебная практика.*

TSARKOV A.A.,
student of A.S. Griboedov Moscow University,
Russia, Moscow

ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS AND PROBLEMATIC ISSUES IN DETECTING AND SUPPRESSING CUSTOMS CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article presents a comprehensive analysis of the performance of the customs crime counteraction system in the Russian Federation. Drawing on law enforcement statistics, official reports from the Federal Customs Service of Russia, and court rulings, the study examines the key factors contributing to the positive trend in detecting and suppressing offenses. These include the smuggling of strategically important goods, cultural property, cash, and the evasion of customs payments. Particular attention is devoted to the impact of the digital transformation of customs administration, the risk-oriented approach, and interagency cooperation (involving the Federal Customs Service, the Ministry of Internal Affairs, and the Federal Security Service) on the evidence base and the legal qualification of offenses. Concurrently, the study identifies and systematizes persistent challenges. These encompass a disparity in the investigation of straightforward cases versus complex, sophisticated schemes, a shortage of specialized forensic expertise, limitations in the cross-border exchange of electronic evidence, and challenges posed by the growth of e-commerce. The article concludes with recommendations for improving enforcement and organizational practices.*

Key words: *customs crimes, smuggling, evasion of customs payments, countermeasure effectiveness, Federal Customs Service (FTS), risk-oriented control, digitalization, interagency cooperation, judicial practice.*

Преступления в сфере таможенной деятельности, посягая на экономический суверенитет, фискальные интересы и публичный порядок государства, остаются одним из наиболее значимых проявлений экономической преступности. Динамика внешней торговли, интегра-

ционные процессы в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и стремительная цифровизация хозяйственных отношений формируют постоянно эволюционирующую среду для противоправных деяний, связанных с незаконным перемещением товаров и средств через таможенную границу. В этой связи оценка эффективности мер по их выявлению и пресечению, а также идентификация системных проблем приобретают особую актуальность для дальнейшего совершенствования государственной политики в данной сфере.

Целью настоящего исследования является многоаспектный анализ эффективности деятельности правоохранительных и таможенных органов России по противодействию таможенным преступлениям в 2023–2025 гг., а также выявление ключевых проблемных вопросов, сдерживающих потенциальную результативность. Методологическую основу работы составили общенаучные методы анализа и синтеза, формально-юридический метод, анализ правоприменительной практики, включая обзоры Верховного Суда РФ, и статистические данные ФТС России.

1. Факторы эффективности и положительная динамика в противодействии таможенной преступности

Современная система противодействия таможенным преступлениям в России демонстрирует устойчивую положительную динамику, что находит отражение в объективных показателях. По данным официальной отчетности ФТС России, в 2023 году на основании материалов таможенных органов было возбуждено порядка 1,75–1,82 тыс. уголовных дел, а в 2024 году этот показатель приблизился к 1,9 тыс. Рост правоохранительной активности обусловлен не столько увеличением уровня преступности, сколько действием комплекса институциональных и технологических факторов.

– Цифровизация таможенного администрирования как основа доказательственной базы. Ключевым фактором повышения эффективности стала глубокая цифровая трансформация таможенных процедур, реализованная в рамках Таможенного кодекса ЕАЭС и Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации». Внедрение сквозного электронного документооборота (электронные декларации, предварительное информирование), автоматизированных систем принятия решений о выпуске товаров и систем последующего контроля создало среду, в которой каждый административный акт фиксируется и приобретает свойства юридически значимого доказательства.

Это позволило перевести квалификацию многих составов таможенных преступлений, прежде всего контрабанды (ст. 226.1 УК РФ) и контрабанды наличных денежных средств (ст. 200.1 УК РФ), в плоскость формальных составов. Как подчеркивается в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ, преступление считается оконченным не с наступлением последствий, а с момента совершения юридически значимого действия: подачи недостоверной декларации, пересечения линии таможенного контроля при сокрытии товара или прохождения «зеленого коридора» при недекларировании валюты. Такой подход обеспечивает раннее пресечение правонарушений и значительно упрощает доказывание объективной стороны деяния.

– Риск-ориентированный контроль и криминологическое планирование. Вторым столпом эффективности является повсеместное внедрение риск-ориентированных технологий, согласующихся с Рамочными стандартами безопасности и облегчения мировой торговли (SAFE) Всемирной таможенной организации. Профили риска, формируемые на основе анализа больших данных о участниках ВЭД, товарах, маршрутах и странах происхождения/назначения, позволяют таможенным органам осуществлять селективный и адресный контроль, концентрируя ресурсы на наиболее криминогенных направлениях.

Ярким примером результативности такого подхода служит статистика по контрабанде табачной продукции. После унификации уголовно-правовой квалификации в 2024 году и исключения специальной статьи 200.2 УК РФ, а также соответствующей перенастройки профилей риска, ФТС России зафиксировала почти четырехкратный рост числа возбужденных уголовных дел по данной категории за девять месяцев 2024 года (131 дело против 34 за аналогичный период годом ранее). Это свидетельствует о быстрой адаптации системы к изменениям законодательства и ее способности гибко перераспределять оперативные ресурсы.

– Межведомственная кооперация (ФТС, МВД, ФСБ). Эффективность противодействия обеспечивается четко выстроенной институциональной моделью, основанной на взаимодействии трех ключевых ведомств. Федеральная таможенная служба, действуя в рамках Положения, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 636, выполняет функцию генератора первичных доказательственных данных. Органы внутренних дел (МВД), руководствуясь Федеральным законом «О полиции», обеспечивают универсальную правоохранительную и крими-

налистическую поддержку, особенно по делам об уклонении от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ). Органы федеральной службы безопасности (ФСБ) в соответствии с Федеральным законом № 40-ФЗ замыкают контур приграничной безопасности, специализируясь на пресечении организованных каналов контрабанды стратегических товаров и наркотических средств.

Результатом такой кооперации становятся комплексные операции. Например, в 2025 году ФСБ совместно с ФТС была пресечена попытка транснациональной контрабанды 1750 кг кокаина, что повлекло возбуждение уголовного дела по признакам преступления в особо крупном размере. Подобные операции демонстрируют способность системы реагировать на высокоорганизованные угрозы.

– Унификация квалификации и устойчивость судебной практики. Судебная практика 2023–2025 годов характеризуется высокой степенью единообразия в квалификации таможенных преступлений, что также является индикатором эффективности правоприменения. Суды последовательно исходят из предметно-способного подхода.

1) При контрабанде культурных ценностей (ст. 226.1 УК РФ) решающее значение придается экспертному заключению о статусе и стоимости предмета, а доводы о «личном пользовании» не отменяют обязанности декларирования, что подтверждено Определением Конституционного Суда РФ № 2705-О.

2) По делам о контрабанде наличных (ст. 200.1 УК РФ) устойчивой является практика признания преступления оконченным в момент прохождения «зеленого коридора» без подачи декларации, с обязательной конфискацией незадекларированной суммы.

3) По делам об уклонении от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ) суды требуют доказывания прямого умысла и причинной связи между искажением сведений и решением о выпуске товара, отграничивая преступление от добросовестной ошибки.

2. Проблемные вопросы и вызовы в выявлении и пресечении таможенных преступлений

Несмотря на отмечаемый прогресс, анализ практики выявляет ряд системных проблем, которые ограничивают общую эффективность противодействия.

– Дисбаланс между «простыми» и «сложными» составами. Наблюдается заметный перекос оперативных и следственных ресурсов в сторону «легко фиксируемых» формальных составов (недекларирование валюты, контрабанда с физическим сокрытием), которые обеспечивают быстрый процессуальный результат и положительную статистику. В то же время расследование дел об уклонении от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ), требующее сложной экономической и документальной реконструкции, доказывания умысла и трансграничного взаимодействия, остается трудозатратным и долгим. Это создает риски «вымывания» из правового поля наиболее изощренных и социально опасных экономических схем.
– Дефицит и длительность проведения специализированных экспертиз. Качественная квалификация контрабанды стратегически важных товаров, культурных ценностей, драгоценных металлов невозможна без заключений компетентных экспертов. Однако на практике остро ощущается нехватка профильных экспертных организаций и специалистов, в частности, в области культурологии, палеонтологии, товароведения стратегических товаров. Как отмечено в приговоре Амурского областного суда по делу о вывозе фрагментов рога шерстистого носорога, экспертиза может длиться 84 дня, что приводит к нарушению разумных сроков расследования. Это системная «узкая точка», снижающая оперативность всей системы.
– Ограничения трансграничного обмена электронными доказательствами. Хотя национальная цифровая инфраструктура развита, на международном уровне сохраняются серьезные барьеры. Запросы о правовой помощи исполняются с задержками, отсутствуют унифицированные стандарты допустимости электронных доказательств (метаданные деклараций, логи профилей риска, переписка в мессенджерах), что затрудняет трассировку сложных логистических цепочек и привлечение организаторов преступлений, находящихся за рубежом. Без углубления международной кооперации по стандартам SAFE эффективность противодействия транснациональной преступности будет оставаться ограниченной.
– Вызовы, связанные с электронной торговлей и мелкими отправлениями. Стремительный рост объемов международной электронной торговли и почтовых отправлений создает новую, слабо контролируемую среду для правонарушений. Дробность партий, многоадресность, использование агрегаторов доставки и анонимность отправите-

лей/получателей делают традиционные методы профилирования рисков и досмотра малоэффективными. Требуется разработка новых аналитических алгоритмов и правовых режимов взаимодействия с онлайн-платформами и логистическими операторами.

– Проблема процессуальной верификации цифровых следов. Несмотря на то, что суды постепенно признают допустимость цифровых доказательств (скриншоты переписки, метаданные ЭД, как в апелляционном определении Верховного Суда Республики Башкортостан № 22-215/2025), отсутствие единых процессуальных стандартов их извлечения, хеширования и хранения создает риски оспаривания их допустимости защитой. Любые сбои в цепочке хранения цифровой информации могут привести к утрате ключевых доказательств.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в 2023–2025 годах в Российской Федерации сформировалась в целом эффективная и зрелая система противодействия таможенным преступлениям. Ее ядром стала интеграция цифрового таможенного администрирования, риск-ориентированного подхода и отлаженного межведомственного взаимодействия, что обеспечило рост выявляемости и устойчивость судебных решений.

Однако для качественного скачка в эффективности, необходимого для противодействия современным высокоадаптивным преступным схемам, требуется целенаправленное устранение выявленных системных проблем. В качестве приоритетных направлений совершенствования можно предложить:

1. Сбалансирование ресурсного обеспечения расследований: Разработка и внедрение ведомственных методик, стимулирующих расследование сложных дел об уклонении от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ), в том числе за счет специализации следственных подразделений и развития их экспертно-аналитического потенциала.
2. Развитие экспертной инфраструктуры: Увеличение числа аккредитованных экспертных организаций, в том числе на базе ведущих музеев, научно-исследовательских институтов и вузов, для проведения быстрых и качественных экспертиз культурных ценностей и стратегических товаров. Целесообразно рассмотреть вопрос о создании межведомственных экспертных центров.
3. Углубление международной кооперации: Активная работа в рамках ЕАЭС и двусторонних соглашений по гармонизации стандартов электронного обмена данными и взаимному признанию результатов таможенного контроля. Необходимо продвижение инициатив по созданию общих платформ для трансграничной верификации цифровых доказательств.
4. Адаптация к вызовам e-commerce: Разработка и законодательное закрепление специальных профилей риска для интернет-торговли, установление обязанностей для электронных площадок и операторов почтовой связи по предоставлению данных для таможенного контроля, внедрение технологий предиктивной аналитики для выявления подозрительных цепочек поставок.
5. Стандартизация работы с цифровыми доказательствами: Закрепление на уровне нормативных актов ФТС, МВД и ФСБ, а также в рекомендациях Верховного Суда РФ унифицированных процедур изъятия, фиксации (включая хеш-суммы) и хранения электронных доказательств, что повысит их процессуальную устойчивость в суде.

Реализация предложенных мер позволит не только повысить эффективность выявления и пресечения таможенных преступлений, но и укрепить превентивное начало уголовного закона, создавая неблагоприятные условия для реализации криминальных схем любой степени сложности.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025)

[2] Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

[3] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О полиции»

[4] Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «О федеральной службе безопасности»

[5] Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 (ред. от 15.05.2025) «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе...»

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 12.10.2023 № 2705-О

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о контрабанде»

[8] Забайкальский районный суд Забайкальского края, приговор от 25 июля 2025 г. по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ

[9] Благовещенский городской суд Амурской области, приговор от 3 июня 2024 г. по ст. 226.1 УК РФ

[10] Московский районный суд Санкт-Петербурга, приговор от 17 июля 2025 г. по ч. 2 ст. 200.1 УК РФ

[11] Арбитражный суд Московского округа, дело № А40-167843/2023, решение от 15.02.2024

[12] Калининградский областной суд, приговор № 1-189/2024, 22.05.2024

[13] Амурский областной суд, приговор № 1-47/2024, 18.01.2024

[14] Верховный Суд Республики Башкортостан, апелл. определение № 22-215/2025, 06.06.2025

[15] World Customs Organization. SAFE Framework of Standards to Secure and Facilitate Global Trade. Consolidated edition. – Brussels: WCO, 2021–2025.

[16] Федеральная таможенная служба РФ. Официальный сайт: https://customs.gov.ru

[17] Верховный Суд РФ. Раздел «Обзоры судебной статистики»: https://vsrf.ru/documents/statistics/

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended 31.07.2025)

[2] Federal Law No. 289-FZ dated 03.08.2018 (as amended 28.12.2024) " On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation"

[3] Federal Law No. 07.02.2011 of 3-FZ (as amended 31.07.2025) " On Police"

[4] Federal Law No. 03.04.1995 dated 40-FZ (as amended 01.04.2025) " On the Federal Security Service"

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 23.04.2021 No. 636 (as amended 15.05.2025) " On approval of the Regulation on the Federal Customs Service..."

[6] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.10.2023 No. 2705-O

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.04.2017 No. 12 (ed. 11.06.2020) " On judicial practice in cases of smuggling"

[8] Trans-Baikal District Court of the Trans-Baikal Territory, sentence of July 25, 2025 under Part 1 of Art. 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

[9] Blagoveshchensk City Court of the Amur Region, verdict of June 3, 2024 under Art. 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

[10] Moscow District Court of St. Petersburg, sentence of July 17, 2025 under Part 2 of Art. 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

[11] Arbitration Court of the Moscow District, case No. A40-167843/2023, decision dated 15.02.2024

[12] Kaliningrad Regional Court, sentence No. 1-189/2024, 22.05.2024

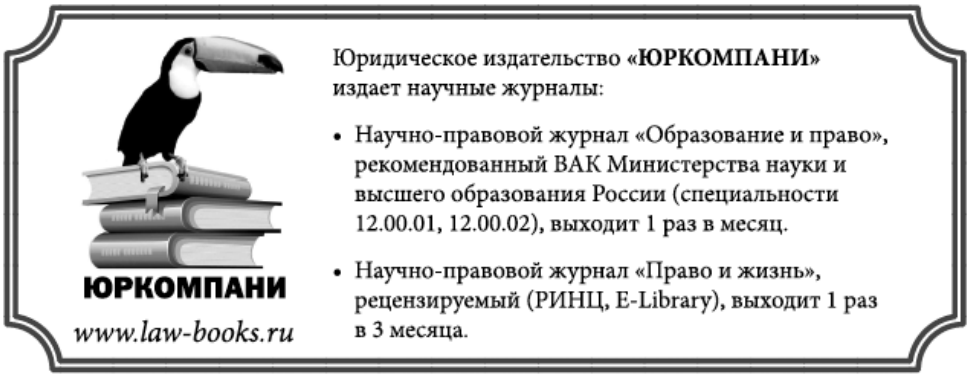
[13] Amur Regional Court, sentence No. 1-47/2024, 18.01.2024

[14] Supreme Court of the Republic of Bashkortostan, Appl. Definition No. 22-215/2025, 06.06.2025

[15] World Customs Organization. SAFE Framework of Standards to Secure and Facilitate Global Trade. Consolidated edition. – Brussels: WCO, 2021–2025.

[16] Federal Customs Service of the Russian Federation. Official site: https://customs.gov.ru

[17] Supreme Court of the Russian Federation. Judicial Statistics Reviews section: https://vsrf.ru/documents/statistics/

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-301-303
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и
криминалистики юридического факультета,
ВЮИ ФСИН России,
e-mail: krim33@mail.ru

МОРОЗОВ Роман Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых наук,
Северо-Западный институт (филиал) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: morozur@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В УИС

Аннотация. *Авторами рассматриваются отдельные особенности производства допроса при расследовании коррупционных преступлений, совершаемых в уголовно-исполнительной системе. Анализируются специфические факторы как объективного, так и субъективного характера, оказывающие влияние на процесс расследования данных преступлений. Отдельное внимание уделяется факторам психологического характера, оказывающим влияние на формирование позиций и показаний допрашиваемого по делам о взяточничестве в уголовно-исполнительной системе. Акцентируется внимание, что только грамотная и тщательная подготовка может способствовать результативности производства рассматриваемого следственного действия.*

Ключевые слова: *личность преступника, взяточничество, осужденный, сотрудник, допрос.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
candidate of legal sciences, associate professor
Docent at the Department of department of criminal justice
and forensic science of the Faculty of Law,
Faculty of Law of the Higher Educational Institution
of the Federal Penitentiary Service of Russia

MOROZOV Roman Mikhailovich,
candidate of legal sciences, associate professor
Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences
at the North-Western Institute (Branch)of the Kutafin University (MSAL)

SOME FEATURES OF INTERROGATING CERTAIN CATEGORIES OF PEOPLE IN THE INVESTIGATION OF BRIBERY IN THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The authors consider certain features of interrogation in the investigation of corruption crimes committed in the penal system. They analyze specific factors of both objective and subjective nature that influence the investigation of these crimes. Special attention is paid to psychological factors that influence the formation of the interrogated person's positions and testimonies in cases of bribery in the penal system. It is emphasized that only proper and thorough preparation can ensure the effectiveness of the investigation*.

Key words: *criminal identity, bribery, convict, employee, interrogation*.

В настоящее время сохраняется достаточно высокая степень опасности такого проявления противоправных действий как коррупция. Ее распространение и влияние на основные сферы жизнедеятельности общества принято рассматривать в качестве одной из глобальных проблем человечества.

В России проблема коррупционных проявлений в сфере функционирования органов государственной власти и экономической деятельности представляет значительную опасность, в связи с чем противодействие коррупции, в том числе и в рамках раскрытия преступлений данного вида, выступает одним из наиболее актуальных и приоритетных направлений деятельности различных государственных структур. По нашему мнению, именно это обусловливает наличие большого объема исследований по данной теме среди юристов и ученых-правоведов.[1].

Противодействие коррупционным преступлениям выступает одним из приоритетных направлений в области противодействия преступности в целом. Также обращаем внимание на то, что преступления коррупционной направленности характеризуются достаточно высокой латентностью, что значительно осложняет их расследование и раскрытие.

В уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее: УИС), также ежегодно выявляются факты коррупции, одной из наиболее распространенных форм проявления которой является взяточничество.

Отметим, что в целом, специфика раскрытия и расследования различных видов преступлений в местах лишения свободы традиционно детерминирована влиянием целого ряда специфических факторов как объективного, так и субъективного характера.

В частности, к числу специфических особенностей расследования преступлений коррупционной направленности в УИС, а в частности фактов взяточничества, по мнению сотрудников правоохранительных органов, следует отнести:

Особенности личности взяткодателей (лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы): особая социально-психологическая установка лица, у которого сформировалось стойкое негативное отношение к деятельности правоохранительных органов; нежелание добровольно сообщать информацию о факте вымогательства взятки, опасаясь мести как со стороны сотрудников исправительных учреждений, так и со стороны других осужденных; давление обстоятельств и специфические условия, в которых находятся взяткодатели, при которых дача взятки может явиться крайним средством для достижения своих целей.

1. Особенности личности взяткополучателей: занимаемая сотрудником УИС должность, определяющая круг его полномочий, определенный уровень специального (юридического) образования и профессиональной подготовки; знание методов и форм противодействия коррупционным преступлениям.
2. Специфика сбора первичной информации о подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлениях, ввиду специфики обслуживаемого оперативным составом.
3. Особенности организации взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками УИС, особенно на стадии рассмотрения собранных материалов предварительной оперативной проверки для решения вопроса наличии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, подчас ввиду объективных обстоятельств (территориальной удаленности, ведомственной разобщенности и т.п.).
4. Сложности в применении техники аудио и видеоконтроля, осуществления наблюдения специализированными подразделениями и соответственно документального оформления полученных результатов, вытекающие из условий охраняемых территорий, ограничения доступа посторонних лиц и т.д.
5. Специфика проведения следственных действий, обусловленных обстановкой исправительного учреждения.

Производство отдельных следственных действий, обусловленных задачами первоначального этапа расследования взяточничества в местах лишения свободы, также обладает определенной спецификой.

Вместе с тем, несмотря на наличие вышеперечисленных личностных характеристик осужденных, одним из следственных действий при расследовании взяточничества выступает допрос осужденных, обладающих сведениями о готовящемся или совершенном преступлении.

Как уже отмечалось нами ранее, на лиц, находящихся в изоляции оказывают влияния самые разнообразные обстоятельства, которые должен учитывать следователь, приступая к допросу. По этому поводу А.М. Лютынский пишет: «При производстве допроса осужденного, находящегося в условиях исправительного учреждения, следователь должен знать и обязательно принимать во внимание комплекс типичных социально-психологических условий, оказывающих наряду с личностными особенностями формирования показаний осужденных, организационно-территориальными и нормативными правовыми условиями, доминирующее влияние на характер показаний осужденных и тактику их

допроса при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях». [2] Вышеуказанный автор называет несколько самостоятельных задач, стоящих перед субъектом расследования, обращая внимание на высокую значимость работы, направленной на получение информации, в рамках подготовки к допросу, а именно: «1) принятие решения о допросе определенного лица; 2) определение предмета допроса; 3) налаживание взаимодействия с сотрудниками оперативных подразделений исправительного учреждения; 4) собирание и анализ информации о личности допрашиваемого и об обстановке в исправительном учреждении; 5) определение даты, времени, места проведения допроса круга его участников и порядка вызова осужденного к следователю; 6) составление плана допроса; 7) подготовка технико-криминалистических средств фиксации результатов допроса; 8) обеспечение безопасности допрашиваемого осужденного». [2]

В целом, выражая свою солидарность с приведенным перечнем, мы считаем возможным конкретизировать некоторые из указанных положений применительно к предмету нашего исследования.

Как показывает практика среди факторов психологического характера, оказывающих влияние на формирование позиций и показаний допрашиваемого по делам о взяточничестве в УИС, можно выделить следующее:

- опасение применения репрессивных мер со стороны администрации исправительного учреждения в связи с показаниями, изобличающими взяточника из числа начальствующего состава;
- результаты давления (в различных формах) со стороны других осужденных, связанных со взяткополучателем отношениями;
- стремление осужденного «рассчитаться» с конкретным представителем администрации исправительного учреждения путем дачи заведомо ложных показаний изобличающего характера.

Последнее обстоятельство важно учитывать при проверке соответствующей версии (взяточничества не было, имеет место ложный донос), особенно если имеются обоснованные предположения о личной заинтересованности допрашиваемого свидетеля в исходе дела. Для выяснения таких обстоятельств в процессе подготовки к допросу необходимо ознакомиться с личным делом осужденного, проанализировать дисциплинарную практику, уделяя при этом внимание персональным данным должностных лиц – инициаторов наложения взысканий.

Необходимо отметить, что детерминантой общего характера во многих случаях является негативное отношение определенной части осужденных к любому сотрудничеству с правоохранительными органами ввиду существования коллективной морали, присущей местам лишения свободы.

Подводя итог, отметим, что взяточничество, в целом, является одним из наиболее сложных для расследования преступлений, ввиду того, что все его участники заинтересованы в достижении преступного результата, совершают действия по сокрытию следов своей преступной деятельности.

Зачастую отказываются от дачи показаний, либо настроены на дачу заведомо ложных показаний, в связи с чем, важность производства допроса для успешного завершения предварительного расследования трудно переоценить. Качество подготовки к допросу оказывает существенное влияние на результат расследования уголовного дела.

Нам представляется, что определение конкретного обстоятельства (или их группы), влияющих на позицию свидетеля из числа осужденных, будет способствовать принятию верных тактических решений при допросе и производстве иных следственных действий коммуникативного характера с участием лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Список литературы:

[1] Гумеров Т.А., Жадан В.Н., Мухаметгалиев И.Г. О криминологических аспектах коррупции в России // Общественные науки, 2015. С. 1807-1811.

[2] Лютынский А.М. Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осуждённых к лишению свободы// Автореферат дис. …канд. юрид. наук: Владимир: ВЮИ ФСИН, 2006. С.8.

References:

[1] Gumerov T.A., Zhadan V.N., Mukhametgaliev I.G. On the criminological aspects of corruption in Russia // Social Sciences, 2015. Pp. 1807-1811.

[2] Lyutynsky A.M. The tactics of interrogation of participants in criminal proceedings from among persons convicted to imprisonment// Abstract of dis. …cand. jurid. Sciences: Vladimir: VYUI FSI, 2006. P. 8.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-304-309

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НАДЗОРА И КОНТРОЛЯ

Аннотация. *Целью исследования стало соблюдение прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации при применении администрацией технических средств надзора и контроля. Для ее достижения использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, а также материалы правозащитной и правоохранительной деятельности в части соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях. Правовых и организационных особенностей использования аудиовизуальных, электронных и других технических средств надзора и контроля за поведением осужденных, предупреждения нарушений порядка и условий отбывания лишения свободы, профилактики пенитенциарной преступности. Установлено, что соблюдение прав осужденных к лишению свободы представляет собой динамичный, многоаспектный процесс, на который в значительной степени оказывает влияние правовое положение и правовой статус осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Правовым основанием применения современных технических средств в исправительных учреждениях, соблюдения при этом прав осужденных, является статья 83 УИК РФ. Соблюдение прав осужденных при использовании администрацией ИУ технических средств надзора и контроля можно рассматривать в качестве элемента уголовно-исполнительной, правоохранительной и правозащитной деятельности, обусловленным правовым положением и статусом осужденных к лишению свободы. Рассмотренный правовой механизм регламентирован уголовно-исполнительным законом. Полный перечень технических средств надзора и контроля определен Правительством Российской Федерации. Порядок применения технических средств надзора и контроля в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы установлен Приказом Минюста России от 30.11.2023 г. № 359. Уголовно-исполнительный закон закрепил обязанность администрации ИУ под расписку уведомлять осужденных о применении в отношении них средств надзора и контроля, обеспечив тем самым гуманный и демократичный подход в исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в русле современной национальной уголовной и уголовно-исполнительной политики.*

Ключевые слова: *исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, лишение свободы, права осужденных, технические средства надзора и контроля, сотрудники, профилактика пенитенциарной преступности, нарушения установленного порядка отбывания наказания.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF CONVICTS WHEN USING TECHNICAL MEANS OF SUPERVISION AND CONTROL BY THE ADMINISTRATION OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Annotation. *The purpose of the study was to observe the rights of convicts serving sentences of imprisonment in correctional institutions of the penal system of the Russian Federation when the administration*

uses technical means of supervision and control. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were used. The legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific publications, as well as materials of human rights and law enforcement activities regarding the observance of the rights of convicts in correctional institutions were analyzed. The legal and organizational features of the use of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control over the behavior of convicts, the prevention of violations of the order and conditions of serving imprisonment, and the prevention of penitentiary crime. It has been established that the observance of the rights of persons sentenced to imprisonment is a dynamic, multidimensional process, which is largely influenced by the legal status and legal status of convicts serving sentences in correctional institutions. The legal basis for the use of modern technical means in correctional institutions, while respecting the rights of convicts, is Article 83 of the Criminal Code of the Russian Federation. The observance of the rights of convicts when using technical means of supervision and control by the administration of the Law Enforcement Agency can be considered as an element of penal enforcement, law enforcement and human rights activities due to the legal status and status of those sentenced to imprisonment. The considered legal mechanism is regulated by the penal enforcement law. The full list of technical means of supervision and control is determined by the Government of the Russian Federation. The procedure for the use of technical means of supervision and control in relation to convicts serving their sentences is established by Order of the Ministry of Justice of Russia dated 11/30/2023 No. 359. The Penal Enforcement Law established the obligation of the prison administration to notify convicted persons on receipt of their consent about the use of surveillance and control measures against them, thereby ensuring a humane and democratic approach to the execution of criminal penalties in the form of imprisonment in line with modern national criminal and penal enforcement policies.

Key words: *correctional institutions, penal enforcement system, deprivation of liberty, rights of convicts, technical means of supervision and control, employees, prevention of penitentiary crime, violations of the established procedure for serving sentences.*

Введение. Соблюдение прав осужденных к лишению свободы представляет собой динамичный, многоаспектный процесс, на который в значительной степени оказывает влияние правовое положение и правовой статус осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях (далее ИУ) уголовно-исполнительной системы (далее УИС) [1, с. 81-83]. Указанный статус закреплен в Конституции Российской Федерации (относительно так называемых конституционных прав и свобод граждан). В федеральных и иных нормативных актах субъектов федерации, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России [2, с. 35-40].

Кроме базовых (материальных) прав осужденных к лишению свободы, должностными лицами ИУ обеспечиваются и другие их права, возникающие в процессе жизни и деятельности в учреждении, исполнении осужденными свои обязанностей, соблюдении требований режима и надзора, условий отбывания наказания в зависимости от вида ИУ (колонии поселения – далее КП, воспитательной колонии – далее ВК, исправительных колоний общего, строго и особого режима, для содержания лиц, осужденных пожизненно – далее ИК, тюрьмы).

Одной из особенностей современной уголовно-исполнительной политики является широкое применение технических средств контроля и надзора за поведением осужденных в ИУ, в том числе для профилактики их возможного противоправного поведения, предупреждения совершения пенитенциарных преступлений [3, с. 70-77]. На это ориентировано национальное уголовно-исполнительное законодательство, доктринальные документы Правительства, Минюста и ФСИН России [4].

Таким образом, при использовании технических средств надзора и контроля за осужденными встают не только задачи совершенствования режима, надзора, охраны, осуществления оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ), реализуемых при проведении оперативно-розыскной деятельности в УИС [5]. Но и соблюдения прав осужденных, регламентированных уголовно-исполнительным законом.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных механизмов соблюдения прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации при применении администрацией технических средств надзора и контроля использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, а также материалы правозащитной и правоохранительной деятельности в части

соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях. Правовых и организационных особенностей использования аудиовизуальных, электронных и других технических средств надзора и контроля за поведением осужденных, предупреждения нарушений порядка и условий отбывания лишения свободы, профилактики пенитенциарной преступности.

Основные результаты. Исследованием установлено, сто правовым основанием применения современных технических средств является статья 83 УИК РФ [6]. Согласно указанной норме, они используются в целях предупреждения:

- побегов и других преступлений [7, с. 31-37];
- нарушений установленного порядка отбывания наказания;
- получения необходимой информации о поведении осужденных [8, с. 122-129].

При этом закон выделяет аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля [9]. На наш взгляд, под иными средствами надзора и контроля можно понимать:

- интегрированные системы пенитенциарной безопасности [10, с. 98-101];
- современные цифровые технологии [11, с. 255-261];
- информационные технологии, применяемые в рамках цифровой трансформации, реализуемую в ИУ во исполнение Концепции развития УИС на период до 2030 года [12, с. 13-17].

Более того, законодатель в части третьей рассматриваемой правой нормы указал специальный перечень технических средств надзора и контроля, определяемый Правительством Российской Федерации, а также порядок применения технических средств надзора и контроля в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы, установленный Приказом Минюста России от 30.11.2023 г. № 359 «Об утверждении Порядка применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы и Порядка применения технических средств надзора и контроля в исправительных учреждениях» [13].

В рассматриваемом контексте законодатель справедливо и обоснованно указывает на необходимость соблюдения прав осужденных к лишению свободы, указывая в части второй статьи 83 УИК РФ на обязанность администрации ИУ под расписку уведомлять осужденных о применении в отношении них средств надзора и контроля [14]. Данная норма детализирована и конкретизирована в Правилах внутреннего распорядка ИУ, утвержденных Приказом Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» [15, с. 126-128].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- Всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ВЮИ ФСИН России 28 февраля 2024 года. Доклад на тему «Значение прокурорского надзора в реализации законодательства о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы», состоявшейся в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева 29 февраля 2024 года. Доклад на пленарном заседании тему: «К вопросу взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности»;
- XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 5 апреля 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений»;
- V Всероссийском симпозиуме «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития» (с международным участием), посвященном 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, который состоится в Академии ФСИН России 11 - 12 апреля 2024 г. С докладом на тему «Оперативно-розыскная психология в УИС: современное состояние и векторы развития»;
- Всероссийском научно-практическом круглом столе «Деевские чтения», приуроченном к 95-летию доктора психологических

наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.Г. Деева, состоявшемся в Академии ФСИН России 04.03.2025 г. Доклад на тему «Становление оперативно-розыскной психологии УИС в научной школе профессора В.Г. Деева».

Заключение. Соблюдение прав осужденных при использовании администрацией ИУ технических средств надзора и контроля можно рассматривать в качестве элемента уголовно-исполнительной, правоохранительной и правозащитной деятельности, обусловленным правовым положением и статусом осужденных к лишению свободы.

Рассмотренный правовой механизм регламентирован уголовно-исполнительным законом. Полный перечень технических средств надзора и контроля определен Правительством Российской Федерации. Порядок применения технических средств надзора и контроля в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы установлен Приказом Минюста России от 30.11.2023 г. № 359.

Уголовно-исполнительный закон закрепил обязанность администрации ИУ под расписку уведомлять осужденных о применении в отношении них средств надзора и контроля, обеспечив тем самым гуманный и демократичный подход в исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в русле современной национальной уголовной и уголовно-исполнительной политики.

Представляется целесообразным и актуальным дальнейшее комплексное междисциплинарное исследование прав осужденных при использовании технических средств надзора и контроля за осужденными к лишению свободы в условиях ИУ. Это обусловлено новыми, современными техническими средствами, которые используются и будут внедряться в дальнейшем в деятельность ИУ различных видов.

Также ожидает модернизация учебного процесса образовательных организаций ФСИН России на рассмотренном направлении.

Совершенствование ведомственного контроля и прокурорского надзора за соблюдением закона при исполнении лишения свободы, соблюдения прав осужденных [16].

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С.81-83.

[2] Ковалев О.Г. Структура и содержание современного уголовно-исполнительного законодательства, и их влияние на организацию исполнения наказаний (теоретико-правовой и психологический аспекты) // Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 35-40.

[3] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Современная уголовно-правовая политика и ее воздействие на пенитенциарную преступность в местах лишения свободы // Эпомен: юридические науки. 2023. № 2. С. 70-77.

[4] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 14.10.2025).

[5] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.

[6] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[7] Ковалев О.Г., Кучмук Е.В Современная характеристика побегов из мест лишения свободы, совершенных осужденными, находящимися под надзором (организационно-правовые и психологические аспекты) // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4 (57). С. 31-37.

[8] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Совершенствование деятельности подразделений исправительных учреждений, применяющих технические средства обеспечения охраны и надзора // Право и образование. 2021. № 11. С. 122-129.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[10] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Применение интегрированных систем обеспечения безопасности в современных условиях развития УИС // В сборнике: Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Новосибирск-Новокузнецк. 2022. С. 98-101.

[11] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Влияние цифровых технологий на противоправное поведение осужденных молодежного возраста // Российский научный вестник. 2025. № 4. С. 255-261.

[12] Ковалев О.Г., Багнычев М.Ю. Особенности реализации цифровой трансформации в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 13-17.

[13] Приказ Минюста России от 30.11.2023 г. № 359 (ред. от 23.05.2025) «Об утверждении Порядка применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы и Порядка применения технических средств надзора и контроля в исправительных учреждениях» // Consultant.ru (дата обращения 14.10.2025).

[14] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[15] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 126-128.

[16] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

References:

[1] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. The legal status of convicts and its impact on the organization of operational investigative activities in correctional institutions of the penitentiary system // Trends in the development of science and education. 2023. No. 94-4. pp.81-83.

[2] Kovalev O.G. The structure and content of modern penal enforcement legislation, and their impact on the organization of the execution of punishments (theoretical, legal and psychological aspects) // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 8. pp. 35-40.

[3] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. Modern criminal law policy and its impact on penitentiary crime in places of deprivation of liberty // Epomen: legal sciences. 2023. No. 2. pp. 70-77.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r “On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030” // Consultant.ru (accessed 14.10.2025).

[5] Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. A short training course / Ser. Short training courses in law. (2nd edition, revised). Moscow, 2006. 385 p.

[6] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[7] Kovalev O.G., Kuchmuk E.V. Modern characteristics of escapes from places of deprivation of liberty committed by convicts under supervision (organizational, legal and psychological aspects) // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2023. No. 4 (57). pp. 31-37.

[8] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Improving the activities of correctional institutions using technical means of security and supervision // Law and education. 2021. № 11. Pp. 122-129.

[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[10] Kovalev O.G., Semenova N.V. The use of integrated security systems in modern conditions of development of UIS // In the collection: Development of the penal enforcement system: organizational, legal and economic aspects. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Novosibirsk-Novokuznetsk. 2022. pp. 98-101.

[11] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The influence of digital technologies on the illegal behavior of youth convicts. // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 4. pp. 255-261.

[12] Kovalev O.G., Bagnychev M.Yu. Features of the implementation of digital transformation in the penal enforcement system at the present stage of its development // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 4. pp. 13-17.

[13] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 359 dated 11/30/2023 (as amended on 05/23/2025) “On Approval of the Procedure for the Use of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control in pretrial detention facilities of the penitentiary system

and the Procedure for the use of technical means of supervision and control in correctional institutions" // Consultant.ru (accessed 14.10.2025).

[14] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[15] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime in correctional institutions (on the example of the internal regulations of the IU and IC) // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.

[16] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-310-315

ЛАКЕЕВА Екатерина Витальевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина,
майор полиции,
e-mail: ms.volnyagina@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ.186.1 УПК РФ

Аннотация. *Развитие информационных технологий не только создало новые формы преступной деятельности, но и предоставило органам предварительного расследования современные инструменты доказывания. Одним из таких эффективных средств доказывания является получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В статье подчеркивается широкое применение данного следственного действия на практике. Основное внимание уделяется пробелу в уголовно-процессуальном законодательстве, касающемуся отсутствию требования к предоставлению копий материалов уголовного дела, которые должны сопровождать ходатайство о его производстве. Цель исследования заключается в выявлении проблемных аспектов сложившейся следственно-судебной практики и предложение вариантов унификации и стандартизации пакета документов (материалов), представляемых в суд. Основные выводы, к которым пришел автор, заключаются в необходимости законодательного закрепления требования о предоставлении материалов в суд, разработке единой базы данных организаций, осуществляющих услуги связи, а также теоретическое обоснование перечня материалов, которые могут быть положены в основу методических материалов для органов предварительного расследования.*

Ключевые слова: *ходатайство, информация о соединениях, материал, оператор связи, суд, органы предварительного расследования, единая база данных.*

LAKEYEVA Ekaterina Vitalievna,
Lecturer in the Criminal Procedure Department
of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Police Major

SOME PROBLEMS OF INVESTIGATIVE ACTION PROCEDURES PROVIDED FOR IN ARTICLE 186.1 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The development of information technology has not only created new forms of criminal activity, but has also provided the preliminary investigation authorities with modern evidence tools. One of such effective means of proof is to obtain information about connections between subscribers and (or) subscriber devices. The article emphasizes the widespread use of this investigative action in practice. The main focus is on the gap in the criminal procedure legislation regarding the lack of a requirement to provide copies of the criminal case materials that should accompany the request for its production. The purpose of the study is to identify problematic aspects of the current investigative and judicial practice and to propose options for unifying and standardizing the package of documents (materials) submitted to the court. The main conclusions reached by the author include the need to legislate the requirement to provide materials to the court, the development of a unified database of organizations providing communication services, and the theoretical justification of the list of materials that can serve as the basis for methodological materials for preliminary investigation bodies.*

Key words: *application, connection information, material, telecom operator, court, preliminary investigation authorities, unified database.*

Одним из самых распространенных следственных действий, проводимых с разрешения суда, в последние годы остается – получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Данный вывод подтверждается статистикой Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, по вопросам проведения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий судами рассмотрено 1 млн. 084 тыс. материалов, из которых о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – 230,7 тыс., что составляет 10,6 %.

Не смотря на активное применение данного следственного действия, как в практической деятельности, так и в научной литературе активно высказываются дискуссии о проблемных аспектах при получении информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Процессуалисты высказываются о необходимости тщательного планирования органами предварительного расследования следственного действия на подготовительном этапе, а именно при принятии решения и определения достаточности оснований для вынесения постановления о ходатайстве перед судом о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами [1, с.253; 2, с.200; 3, с. 98]. В том числе, этих оснований для суда должно быть достаточно для принятия законного и обоснованного решения, не нарушающего конституционные права граждан.

Уголовно-процессуальный закон (ст.186.1 УПК РФ) очень обобщенно определяет, что при наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела. Тем самым, в практической деятельности имеются отказы в удовлетворении направленных ходатайств (за 2024 год всего было отказано в разрешении проведения следственного действия по 2077 ходатайствам). Одной из причин, по которой суды отклоняют ходатайства, является отсутствие достаточного подтверждения изложенных в них доводов, копиями материалов уголовного дела, представленными в суд [4].

К примеру, Архаринский районный суд Амурской области отказал в удовлетворении ходатайства о получении информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами из-за отсутствия в материалах уголовного дела процессуального документа, подтверждающего, что уголовное дело на дату обращения находится в производстве следователя, направившего ходатайство: «из представленных материалов дела, а именно из копии постановления о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству следует, что уголовное дело № по факту хищения мобильного телефона, принадлежащего Потерпевший№1, возбуждено следователем СО МО МВД России «Бурейский» ФИО3. При этом процессуальный документ, подтверждающий, что уголовное дело на дату обращения с настоящим ходатайством находится в производстве врио следователя ФИО2, в материалах дела отсутствует, в связи с чем суд приходит к выводу том, что данное ходатайство возбуждено ненадлежащим должностным лицом».

По ряду уголовных дел Октябрьского районного суда Белгородской области встречалась формулировка «...необходимость производства оговоренного следственного действия, обоснованность мотивов и основания для его проведения в должной степени не подтверждаются представленными в суд копиями материалов уголовного дела, в частности суду не предоставлены сведения, подтверждающие принадлежность вышеуказанных абонентских номеров к указанным операторам сотовой связи...». Иными словами, судье, для вынесения законного решения, необходимо понимать, какому именно руководителю организации осуществляющей услуги связи необходимо поручить производство следственного действия. Связано это с технической раздельностью систем учета разных региональных филиалов сотовых операторов.

Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия определен в ст.165 УПК РФ. При этом, ни одна норма УПК РФ не закрепляет необходимость предоставления материалов, подтверждающих наличие оснований для его производства. Обращаясь к иным нормативно-правовым актам, можно заметить, что данная необходимость определена постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19. Пункт 1 указанного постановления содержит необходимость проверять судье «…приложены ли к ходатайству материалы, требующиеся для его рассмотрения (копии постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии уголовного дела к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, и др.)»[5].

То есть, следователь и дознаватель сами определяют конкретный перечень необходимых материалов для суда, за исключением копий, подтверждающих производство следственного действия уполномоченным на его производство

лицом (ходатайство должно быть вынесено лицом в чьем производстве находится уголовное дело), и в рамках возбужденного уголовного дела (по приостановленному уголовному делу данное следственное действие не проводится).

В связи с вышеизложенным, считаем необходимым определения перечня прилагаемых материалов для суда, которых, по мнению автора, будет достаточно для вынесения положительного решения.

Общую классификации по предоставляемым в суд материалам (ко всем санкционированным следственным действия) дал В.Ю. Стельмаха. Автор (В.Ю. Стельмах) разделил документы на несколько блоков: 1) копии документов о движении уголовного дела; 2) копии материалов, подтверждающих факт причастности того или иного лица к расследуемым обстоятельствам; 3) документы, непосредственно обосновывающие ходатайство о проведении конкретного следственного действия; 4) документы, подтверждающие отсутствие формальных препятствий для разрешения производства следственного действия [6, с.134-135].

Более детально перечень материалов, к рассматриваемому следственному действию, определила Н.А. Архипова: «...постановление о возбуждении уголовного дела; заявление о преступлении, явка с повинной и т.д.; иные материалы уголовного дела (копия протокола допроса потерпевшего (свидетеля), подозреваемого (обвиняемого), где указаны IMEI-номер абонентского устройства, абонентский номер сим-карты, данные абонента и другие сведения, касающиеся обстоятельств использования средств подвижной радиотелефонной связи); копии документов, в которых указан IMEI-номер сотового телефона и др., которых должно быть достаточно, чтобы убедить судью в даче разрешения на проведение данного следственного действия» [7, с.20].

Мы согласимся с ее мнением, что материалов должно быть достаточно, чтобы убедить судью в даче разрешения на проведение следственного действия, однако автор считает, что вышеприведённые дынные носят более обобщённый характер, не конкретизируя получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

В связи с чем, считаем необходимым проанализировать приведённые элементы материалов, и конкретизировать к требованиям судов по рассматриваемому следственному действию.

Постановление о возбуждении уголовного дела и принятие его к производству будет служить основанием, по которому следственное действие проводится в рамках возбужденного уголовного дела и уполномоченным на то лицом. Часть 1 статьи 144 УПК РФ определят какие именно следственные действия могут проводиться в рамках материала проверки, куда не входит получение информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В случае если уголовное дело было возбуждено одним следователем (дознавателем), и, в последующем руководителем следственного органа (начальником подразделения дознания) изымается и передается другому следователю (дознавателю) (п.1. ч.1 ст.39, п.2 ч.1 ст. 40.1 УПК РФ), новый участник предварительного расследователя (следователь, дознаватель) должен принять уголовного дела к своему производству (вынести постановление о принятии уголовного дела к своему производству).

Также следует учитывать, что, если создается следственная группа (группа дознавателей) (ч.1. ч.1 ст.39, п.7 ч.1 ст. 40.2 УПК РФ), то лишь руководитель следственной группы (руководитель группы дознавателей) правомочны возбуждать перед судом ходатайство о производстве следственного действия (п.7 ч.4 ст.163, п. 8 ч.4 ст. 223.2 УПК РФ). Данные документы (изъятие и принятие) подлежат обязательному копированию и предоставлению в суд с остальными материалами.

Копии о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу. Судья, изучив ходатайство, определяет срок производства по уголовному делу, исключив возможное приостановление по общим срокам производства по уголовным делам (2 месяца органами предварительного следствия и 30 суток органами дознания). Если уголовное дело продлевалось или возобновлялось, то данные документы подлежат также включению в общий объем копий материалов в суд.

Одним из элементов, указанных Н.А. Архиповой, является предоставление копий поводов к возбуждению уголовного дела. Напрямую данной необходимости нет, тем не менее, считаем это вполне обоснованным, так как приложенные копии поводов будут в некой части подтверждать законность вынесенного постановления о возбуждении уголовного дела.

Обобщённое в вышеупомянутом Постановлении Пленума понятие «…материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия...» Н.А. Архипова раскрывает в необходимости предоставления копий протоколов допросов, где указаны IMEI-номера абонентского устройства, абонентский номер сим-карты, данные абонента и другие сведения, касающиеся обстоятельств использова-

ния средств подвижной радиотелефонной связи. Данные сведения могут быть отражены не только в протоколах допросах, но и в объяснениях. То есть, в законе нет четкого определения необходимости предоставления копий протоколов допроса. Зачастую целесообразно проведение рассматриваемого следственного действия незамедлительно, после вынесения постановления о возбуждения уголовного дела, когда многие данные могут быть известны при получении объяснения. Так, например, если потерпевшей звонили злоумышленники, после чего похитили у нее денежные средства, то при даче сотруднику полиции объяснения, она сразу указывает абонентские номера, с которых звонили. Аналогично можно рассмотреть ситуацию, когда был похищен телефон, и заявитель может сразу в объяснении указать на IMEI-номер похищенного устройства, что позволит незамедлительно, после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, выйти в суд с ходатайством на производство следственного действия. В связи с чем допускаем вероятность прикладывания копий объяснений для ускорения процедуры следственного действия.

Еще одним элементом являются копии документов, в которых указан IMEI-номер сотового телефона. Безусловно, в случаях, когда запрашиваемая информация требуется, например, для поиска похищенного телефона, может быть приложена копия документов (короба), на которых содержится необходимая информация. Изъятие короба должно быть процессуально правильно оформлено (например, протоколом осмотра места происшествия по материалу проверки или протоколом выемки предметов). Целесообразно в суд предоставлять всю «цепочку» документов.

Автором были проанализированы основные элементы, которые указаны на прямую в постановление Пленума, а также обобщены в классификации В.Ю. Стельмаха, и конкретизированы Н.А. Архиповой. Как можно заметить из вышеприведенных примеров, следователями не были предоставлены в суд документы, которые прямо предусмотрены постановлением Пленума (отсутствие постановления о принятии уголовного дела к производству), что скорее всего носит формальный характер. Однако, отсутствие копий материалов, предоставляемых в суд, подтверждение принадлежности абонентского номера той или иной сотовой компании свидетельствует о более серьезных нарушениях со стороны органов предварительного расследования.

Р.А. Дерюгин в диссертационном исследовании указал на необходимость при принятии решения о производстве данного следственного действия направлять на имя руководителя организации связи письменный запрос для установления факта персональной принадлежности абонентского устройства или номера конкретному лицу, что не требует санкции суда [3, с, 98]. Действительно, такой запрос имеет место быть, но, по нашему мнению, не всегда целесообразно ждать его ответ, исполнение которого может производиться в течение одного месяца (ч.4 ст.13 ФЗ «О полиции» [8]).

Интересный факт, который затронул Р.А. Дерюгин, относительно установления принадлежности абонентского номера той или иной сотовой компании. Изучив постановления о возбуждении перед судом ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами можно отметить, что принадлежность конкретному сотовому оператору указывается в самом ходатайстве, и, видится целесообразным прикладывать к копиям материалов уголовного дела справку о такой принадлежности. Р.А. Дерюгин предлагает устанавливать принадлежность абонентского номера той или иной сотовой компании посредством сети Интернет путем специальных сервисов (например spravportal.ru) [3, с, 98]. То есть, следователь (дознаватель) делает распечатку страницы сети интернет о принадлежности номера и прикладывает ее к копиям материалов уголовного дела. Отметим, что в самих материалах уголовного дела данная распечатка не остается, так как отсутствует предусмотренная уголовно-процессуальным законодательством законность получения данного документа. Считаем, необходимым разработку единой базы данных всех операторов связи (на базе ГИАЦ МВД России), где органы предварительного расследования могли бы законным способом получать сведения о сотовом операторе: полное наименование организации, юридический адрес и диапазон номеров, предоставляемых организацией осуществляющей услуги связи.

Также, забегая вперед, хочется отметить, что органы предварительного расследования направляют копию решения суда в соответствующую осуществляющую связи организацию. Адрес такой организации органы следствия (дознания) также получают из сети Интернет, но зачастую юридические адреса, указанные в сети Интернет, не соответствуют, и судебные решения остаются не исполненными, в том числе, данные из судебного решения могут стать доступными третьим лицам, что недопустимо.

Таким образом автор считает, пакет копий материалов, прилагаемых к ходатайству о производстве получения информации о соединениях

между абонентами и (или) абонентскими устройствами должны содержать: постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производство; копии всего движения по уголовному дело (постановление о продлении срока предварительного расследования, приостановления о приостановлении и возобновлении уголовного дела); копии объяснений или допросов, где содержится информации о необходимости получения той или иной информации по абонентскому номеру или IMEI-устройства, при необходимости с копиями протокола осмотров мобильного устройства потерпевшего (где будет например подтверждение звонка мошенника), протокола осмотра детализации звонков (если потерпевший например предоставил детализацию звонков по своему номеру из личного кабинета), протокола осмотра документов с номером IMEI-устройства; копией официальной справки о принадлежности абонентского номера к конкретному оператору связи.

В данной статье был проведен анализ существующей правоприменительной практики, в связи с чем автор считает необходимым:

- дополнить ст.165 частью 1.1., изложив ее в следующем содержании: «Следователь и дознаватель к ходатайству о производстве следственного действия прикладывает копии материалов уголовного дела, в обоснование вынесенного ходатайства.»;
- разработку методических рекомендаций для органов предварительного расследования с указанием более детального перечня материалов, прилагаемых к ходатайству о производстве получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- внедрение единой базы сотовых операторов, в которой должны будут зарегистрироваться все, действующие на территории Российской Федерации, организации осуществляющие услуги связи.

Предложенные меры, по мнению автора, позволят исключить противоречивые толкования между органами предварительного расследования и судьями, что позволит сократить количество вынесенных отказов при и производстве рассматриваемого следственного действия.

Список литературы:

[1] Сидорова, Е. Д. Тактика подготовки получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами / Е. Д. Сидорова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 16 (411). С. 252-254.

[2] Старичков М.В. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: тактика следственного действия // ЮП. – 2018. – №4 (87).

[3] Дерюгин, Р.А. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: тактика следственного действия и использование его результатов при расследовании преступлений. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 12.00.12 / Дерюгин роман Александрович. - М., 2018. – 226 с.

[4] Лакеева, Е. В. Ходатайство о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: проблемные аспекты / Е. В. Лакеева // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 2. – С. 49-53.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // СПС КонсультантПлюс. (Дата обращения 27.10.2025).

[6] Стельмах, В. Ю. Дознание в органах внутренних дел : Курс лекций/ В. Ю. Стельмах. – Екатеринбург : Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – 262 с.

[7] Архипова, Н. А. Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами / Н. А. Архипова. – Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2019. 52 с.

[8] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О полиции» // СПС КонсультанПлюс. (Дата обращения 02.11.2025).

References:

[1] Sidorova, E. D. Tactics of preparing to obtain information about connections between subscribers and (or) subscriber devices/E. D. Sidorova. - Text: direct//Young scientist. – 2022. – № 16 (411). S. 252-254.

[2] Starichkov M.V. Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices: investigative tactics//UP. – 2018. – №4 (87).

[3] Deryugin, R.A. Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices: investigative tactics and the use of its results in the investigation of crimes. [Text]: dis.... cand. ist. Sciences: 12.00.12/Deryugin Roman Alexandrovich. - M., 2018. - 226 s.

[4] Lakeeva, E.V. Application for information on connections between subscribers and (or) subscriber devices: problematic aspects/E.V. Lakeeva//Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. – 2022. – № 2. - S. 49-53.

[5] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.06.2017 No. 19 “On the practice of consideration by the courts of applications for investigative actions related to the restriction of the constitutional rights of citizens (Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) “//SPS ConsultantPlus. (Accessed on 27.10.2025).

[6] Stelmakh, V. Yu. Inquiry in the internal affairs bodies: Course of lectures/V. Yu. Stelmakh. - Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015. - 262 s.

[7] Arkhipova, N. A. Tactics of obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices/N. A. Arkhipova. - Barnaul: Federal State State Educational Institution of Higher Professional Education “Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,” 2019. 52 pp.

[8] Federal Law No. 07.02.2011 of 3-FZ (as amended by 28.02.2025) “ On Police “//SPS ConsultantPlus. (Accessed on 02.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-316-321

ХАСАНОВА Земфира Ильдаровна,
Адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ШАЙХУЛЛИН Марат Селирович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ УГРОЗУ ЖИЗНИ И БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН

Аннотация. *В статье рассматриваются научные подходы по вопросу установления уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. По мнению авторов материала, после криминализации ст. ст. 207.1. и 207.2. УК РФ сложилось неоднозначное отношение научной общественности к введению уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, а также за аналогичные деяния, связанные с распространением общественно значимой информации. В материале предпринята попытка выделить четыре основных подхода по вопросу об установлении уголовной ответственности за распространение «фейков», а также формулируется авторское видение криминализации деяний, связанных с распространением заведомо ложной информации в современных условиях развития общества и государства.*

Ключевые слова: *фейки, публичное распространение, заведомо ложная информация, дезинформация, общественная безопасность, криминализация.*

KHASANOVA Zemfira Ildarovna,
Associate of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SHAIKHULLIN Marat Selirovich,
Professor, Department of Criminal Law and Criminology,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Associate Professor

ON CERTAIN ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR PUBLIC DISSEMINATION OF FALSE INFORMATION ABOUT CIRCUMSTANCES THAT POSE A THREAT TO THE LIFE AND SAFETY OF CITIZENS

Annotation. *The article examines scientific approaches to the establishment of criminal liability for the public dissemination of knowingly false information about circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens. According to the authors of the material, after the criminalization of Art. Art. 207.1. and 207.2. The Criminal Code of the Russian Federation has developed an ambiguous attitude of the scientific community to the introduction of criminal liability for the commission of crimes related to the public dissemination of knowingly false information about circumstances posing a threat to the life and safety of*

citizens, as well as for similar acts related to the dissemination of socially significant information. The material attempts to identify four main approaches to the issue of establishing criminal liability for the spread of "fakes," and also formulates the author's vision of the criminalization of acts related to the dissemination of knowingly false information in modern conditions of the development of society and the state.

Key words: *fakes, public dissemination, knowingly false information, disinformation, public safety, criminalization*.

Проблема публичного распространения заведомо ложной информации об общественных процессах, отношениях, политических и управленческих решениях является достаточно актуальной, поскольку информация, поступающая из различных источников, особенно распространяемая в сети Интернет, мессенджерах общественной коммуникации, может подтолкнуть людей к необдуманным решениям, совершению действий, не отвечающих букве закона. Недооценка важности осуществления оперативного государственного контроля за публичным распространением информации в сети Интернет может повлечь негативные последствия для граждан, выраженные в различных правовых формах вплоть до применения процессуально-правовых актов реагирования в связи нарушением норм действующего законодательства. Актуальность проблематики установления уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан заключается в том, чтобы посредством введения уголовных запретов противостоять угрозам и вызовам современности, т.к. в настоящее время информация распространяется по различным каналам связи, в том числе посредством каналов беспроводной телефонной связи. Информация для общественности поступает отовсюду, проникая во многие области общественных отношений, затрагивая основные права и свободы человека и гражданина. А когда такая информация носит заведомо ложный характер, угрожает жизни и здоровью населения, требуется принятие оперативных мер реагирования, выраженных в привлечении виновных к уголовной ответственности за публичное распространение такой информации. Как представляется основная сложность субъективного вменения в части применения уголовной ответственности за такие преступления заключается в том, чтобы различить правдивую информацию от ложных сведений, дезинформирующих граждан, поскольку так называемые «фейки» имеют различные признаки в зависимости от объекта преступного посягательства. Существует и социальная сторона вопроса, когда граждане порой даже не задумываются, что является правдой, что вымыслом. В информационных контентах публикуются данные, направленные вызвать страх, панику, эмоции у людей, что может привести к необдуманному принятию решений. Проблематика распространения фейков, угрожающих жизни и здоровью, особенно обострилась в период пандемии COVID-19. К примеру, со стороны злоумышленников проводились манипуляции, связанные с распространением ложных сведений об ограничении продуктов питания, вплоть до их исчезновения с прилавок магазинов, что привело к массовой скупке продуктов народного потребления. Также распространялась информация об употреблении препаратов, которые якобы помогают восстановить здоровье, но на деле такие препараты вообще не рекомендуется употреблять гражданам с соответствующими формами заболеваний. Конечно же, такие действия со стороны злоумышленников следует квалифицировать как преступление.

Актуальность проблематики публичного распространения заведомо ложной информации подтверждается и статистическими данными. В частности, контент анализ информационных источников показал, что более 70 % граждан сталкиваются с фейками как минимум раз в неделю. Также согласно данным исследования, проведенного Международной ассоциацией по фактчекингу Global Fact-checking Network (GFCN), по сравнению с прошлым годом, в 2025 году на 11% увеличилось количество недостоверной информации, связанной с социально-экономическими трендами [18].

Согласно п. 48 Указа Президента Российской Федерации В. В. Путина от 2 июля 2021 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства [19]. В качестве одной из угроз выделяется распространение недостоверной информации в целях дестабилизации общественно-политической ситуации в нашей стране. Наиболее подверженным к влиянию недостоверной информации являются дети и молодежь, поскольку они в силу возрастных и социальных особенностей находятся на этапе формирования ценностей и убеждений. Также контент анализ информационных источников показывает, что более 85 % респондентов используют сеть Интернет и всевозможные мессенджеры, а это означает, что они

не минуемо сталкиваются с информацией, которые носят ложный или заведомо ложный характер.

Противодействие противоправным деяниям, связанным с распространением заведомо ложной информации, является необходимой мерой, поскольку это негативно отразится на развитии российского общества и государства. В целях противодействия так называемым «фейкам» в Уголовном кодексе РФ закреплена ст. 207.1. «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и ст. 207.2. УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия». Данные статьи направлены на уголовно-правовую охрану интересов в области общественной безопасности. А также способствуют предотвращению паники и дезинформации среди граждан, поддержанию стабильного порядка в обществе, минимизацию рисков, связанных с распространением ложных сведений.

Между тем закрепление данных статей в Уголовном кодексе РФ вызвало дискуссии в научной среде. Анализ научных подходов к этому вопросу позволил выделить четыре основных подхода по вопросу об установлении уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

Согласно первому подходу, введение новых статей в УК РФ является объективно обусловленным. Так, Н. Ю. Жилина и И. В. Миронюк отмечают, что в сложных условиях вполне своевременным и обоснованным выглядит принятие государством различного рода мер (в том числе и правовых), направленных на недопущение общественно опасных последствий, связанных с пандемией [1, с. 242]. По мнению В. Р. Набиуллиной, предпосылки принятия новых составов преступлений по распространению заведомо ложной общественно значимой информации имелись еще до пандемии коронавируса. Масштабность публично распространяемой заведомо ложной информации была настолько велика, что единственным средством противодействия совершению деяния явилось решение законодателя криминализировать его [2, с. 366]. Согласно позиции З. М. Сизо, криминализация распространения фейков может претендовать на достаточно активное применение и после отмены санитарно-эпидемиологических ограничений [3, с. 33]. И. В. Пантюхина положительно оценивает включение в УК РФ новых составов преступлений, отмечая, что необходимо устранить допущенные при их включении нарушения системности построения уголовного закона, предлагая изменить их места расположения внутри соответствующих глав УК РФ, в которых они нашли свое закрепление [4, с. 374]. А. И. Трахов и З. М. Бешукова считают, что социальная обусловленность принятых новых норм в уголовный закон России не вызывает сомнений [5].

Согласно второму подходу – установление административно-правовых и уголовно-правовых видов юридической ответственности за распространение фейков создало проблемы правоприменителям при их квалификации. В частности, Л. Г. Литвяк в качестве причины возникших проблем отметила, что эти статьи были весьма оперативно разработаны и введены в УК РФ, в связи с чем законодатель не успел просчитать все возможные проблемы правоприменения [6, с. 167]. По мнению Е. Ю. Антоновой, введенные нормы создали конкуренцию норм КоАП РФ и УК РФ. В случае совершения действий, описанных в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, от имени и (или) в интересах коллективного образования наступают два вида правовых последствий – уголовная ответственность, к которой привлекается физическое лицо, административно-правовая ответственность в отношении юридического лица [7, с. 118]. Г. В. Пережогина и А. И. Шапель отмечают, что ввиду формальной конструкции объективной стороны состава преступления по ст. 207.2 УК РФ установление причинно-следственной связи между деянием, и наступившими последствиями или угрозой их наступления являются весьма затруднительными [8, с. 137].

Третий подход в исследуемом вопросе заключается в том, что его сторонники считают недопустимым существование в уголовном законе двух рассматриваемых статей одновременно. В частности, Е. Н. Бархотова предлагает исключить из УК РФ ст. 207.2 и последствия в виде вреда здоровью как квалифицирующий признак закрепить в ч. 2 ст. 207.1. УК РФ [9, с. 121]. А. И. Егоров, анализируя статьи 207.1. и 207.2. УК РФ, отмечает отсутствие необходимости в раздельном существовании данных «норм-близнецов» [10, с. 103]. А. А. Гулый ст. ст. 207.1. и 207.2. УК РФ вовсе называет идентичными, требующими их объединения, обосновывая это тем, что законодательство не было готово к ситуации с коронавирусной инфекцией, что привело к определенным проблемам в правоприменении [11, с. 208]. П. В. Павлов данную проблему видит в целесообразности наделения неосторожного деяния повышенной общественной опасностью по сравнению с аналогичным умышленным посягательством, решением которого является слияние двух рассматриваемых норм [12, с. 194].

Согласно четвертому подходу, введение уголовной ответственности за публичное распро-

странение заведомо ложной информации является слишком строгим видом юридической ответственности за совершение таких деяний. Так, С. В. Дубовиченко и В. П. Карлов отмечают, что стремление уголовно-правовыми средствами ограничить распространение фальшивой информации говорит о том, что сложившаяся система формирования информации не способна выявлять и нейтрализовать заведомо ложную информацию, что в условиях кризиса, вызванного распространением пандемии, приобрело особую остроту. По их мнению, вполне достаточными являются использование административно-правовых средств контроля за распространением недостоверной информации [13, с. 156]. На взгляд А. Г. Кулева и Л. О. Кулевой, согласно сложившимся правовым традициям, к лицу, привлекаемому к ответственности, должен применяться более мягкий закон, то есть часть 9 ст. 13.15. КоАП РФ, а не норма УК РФ [14, с. 62]. И. М. Пхешова и А. А. Хараев считают, что лишь введением уголовной ответственности за те или иные деяния искоренить и окончательно решить проблему нельзя, кроме того, если уголовная норма введена без достаточных на то оснований [15, с. 596]. В. А. Казакова внесение изменений в законодательство, связанное с введением новых составов преступлений, устанавливающих запрет на распространение заведомо ложной информации, вовсе назвала неудачным и противоречащим действующему уголовному законодательству [16, с. 37]. Для эффективного противодействия таким явлениям важно, чтобы в профилактическую работу были включены не только правоохранительные органы, но и каждый гражданин нашего государства [17, с. 93].

Проанализированные подходы позволяют прийти к следующим выводам. Во-первых, следует на законодательном уровне более точно определиться с категориями «общественно значимая информация», а также конкретизировать вопросы, связанные с толкованием отдельных положений примечания к ст. 207.1. УК РФ. В частности, объект уголовно-правовой охраны расширяется в данной статье за счет такого широкого понятия, как «нарушение условий жизнедеятельности населения», а это в системе действующего правового регулирования требует дополнительной доработки.

Во-вторых, диспозиция ст. 207.2. УК РФ может удачно вписываться как квалифицирующий признак в ст. 207.1. УК РФ, поскольку в недостоверной общественно значимой информации, которая распространяется под видом достоверных сведений, итак речь идет об угрозе причинения вреда жизни и здоровью граждан, что следует из анализа ч. 8 ст. 15.3. Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Также в ст. 207.1. УК РФ правильно было бы закрепить уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации, когда оно повлекло тяжкие последствия.

В-третьих, в целях соблюдения принципа правовой определенности следует обеспечить на законодательном уровне такую взаимосвязь нормативных положений ст. 207.1. УК РФ и ст. 15.3. Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которая бы позволила обеспечить эффективный уровень уголовного противодействия преступлениям, связанным публичным распространением заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

Список литературы:

[1] Жилина Н. Ю. К вопросу об уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан / Н. Ю. Жилина, И. В. Миронюк // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается) : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 2021. С. 241-247.

[2] Набиуллина В. Р. Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 364-369.

[3] Сизо З. М. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ): теория и практика // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 1 (55). С. 29-35.

[4] Пантюхина И. В. О месте расположения новых преступлений в УК РФ // Новеллы права, экономики и управления 2020 : сборник научных трудов по материалам VI международной научно-практической конференции, Гатчина, 25–26 ноября 2020 года. Том 1. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. – С. 369-374. – EDN GXJJKP.

[5] Трахов А. И., Бешукова З. М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 6 (148). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranenie-

zavedomo-lozhnoy-informatsii-st-207-1-i-207-2-uk-rf-novye-sostavy-prestupleniy-s-priznakom-publichnosti (дата обращения: 15.05.2025).

[6] Литвяк Л. Г. К вопросу об объекте составов преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ // Право, экономика и управление: теория и практика : сборник материалов Всеросс. науч.-практ. конф. (Чебоксары, Dec 2, 2021). С. 167-172.

[7] Антонова Е. Ю. Распространение заведомо ложной информации: соотношение административной и уголовной ответственности // Право в условиях чрезвычайной ситуации: пределы и возможности : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 2020. С. 114-119.

[8] Пережогина Г. В., Шапель А. И. Некоторые вопросы уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3. С. 135-139.

[9] Бархатова Е. Н. Новеллы в УК РФ в связи с COVID-19: уголовно-правовой анализ // Право в условиях чрезвычайной ситуации: пределы и возможности : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 2020. С. 120-122.

[10] Егоров А. И. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложной информации (207.1-207.2 УК РФ): социальная обусловленность и анализ составов // Современная юриспруденция. XXIX международная научно-практическая конференция | МЦНС «НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ». 2020. С. 99-105.

[11] Гулый А. А. Уголовно-правовые меры борьбы с пандемией и права человека / А. А. Гулый // Глобальный диалог о целях устойчивого развития: правовое измерение : материалы Международной научно-практической конференции (к 75-летию образования ООН), Москва, 22–24 октября 2020 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2020. – С. 206-211. – EDN FEAPSV.

[12] Павлов П. В. Субъективная сторона публичного распространения заведомо ложной социально значимой информации и ее отражение в содержании уголовного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии 2023. № 2 (151). С. 190-195.

[13] Дубовиченко С. В. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. ст. 2071, 2072 УК РФ) / С. В. Дубовиченко, В. П. Карлов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1, № 3(96). С. 154-163.

[14] Кулев А. Г. Уголовно-правовые новеллы в сфере охраны общественной безопасности (ст. 207.1, 207.2 УК РФ) / А. Г. Кулев, Л. О. Кулева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 4(78). С. 59-64.

[15] Пхешова И. М., Хараев А. А. Теоретические предпосылки криминализации публичного распространения заведомо ложной информации и законодательная регламентация уголовно-правовых норм (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ) // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6. С. 590-597.

[16] Казакова В. А. Влияние коронавирусной пандемии на уголовное законодательство // Научный портал МВД России. 2020. № 2 (50). С. 36-39.

[17] Зиявудинова, В. А. Уголовное противодействие терроризму на современном этапе развития общества и государства / В. А. Зиявудинова // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 90-93. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.015. – EDN JFVTRC.

[18] В РФ за I квартал 2025 года выявили более 60 уникальных дипфейков // ТАСС. 2025. 7 апр. URL: https://tass.ru/obschestvo/23621185 (дата обращения: 23.06.2025).

[19] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400– Текст: электронный // Система КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.06.2025).

References:

[1] Zhilina N. Yu. On the issue of criminal liability for the public dissemination of knowingly false information about circumstances posing a threat to the life and safety of citizens/N. Yu. Zhilina, I.V. Mironyuk // Formation and development of the legal profession: heritage of generations (dedicated to the memory of front-line lawyers): Collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Tambov, 2021. S. 241-247.

[2] Nabiullina V. R. Social and legal conditionality of criminal liability for the public dissemination of knowingly false socially significant information//Theory and practice of social development. 2023. № 12. S. 364-369.

[3] Sizo Z. M. Criminal liability for the public dissemination of knowingly false information about circumstances posing a threat to the life and safety of citizens (Article 207.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): theory and practice // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (55). S. 29-35.

[4] Pantyukhina I. V. On the location of new crimes in the Criminal Code of the Russian Federation//Novels of Law, Economics and Management 2020: a collection of scientific works based on materials from the VI International Scientific and Practical Conference, Gatchina, November 25-26, 2020. Vol-

ume 1. - Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2021. – S. 369-374. – EDN GXJJKP.

[5] Trakhov A. I., Beshukova Z. M. Dissemination of deliberately false information (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): new corpus delicti with a sign of publicity // Theory and practice of social development. 2020. № 6 (148). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranenie-zavedomo-lozhnoy-informatsii-st-207-1-i-207-2-uk-rf-novye-sostavy-prestupleniy-s-priznakom-publichnosti (дата обращения: 15.05.2025).

[6] Litvyak L. G. On the issue of the object of the corpus delicti provided for in Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law, Economics and Management: Theory and Practice: Collection of Materials All-Russia. scientific-practical. conf. (Cheboksary, Dec 2, 2021). S. 167-172.

[7] Antonova E. Yu. Dissemination of knowingly false information: the ratio of administrative and criminal liability // Law in an emergency: limits and possibilities: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Irkutsk, 2020. S. 114-119.

[8] Perezhogina G. V., Chapelle A. I. Some issues of criminal liability for the public dissemination of knowingly false information (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 3. S. 135-139.

[9] Barkhatova E. N. Novella in the Criminal Code of the Russian Federation in connection with COVID-19: criminal law analysis // Law in an emergency: limits and possibilities: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Irkutsk, 2020. S. 120-122.

[10] Egorov A. I. Criminal liability for the dissemination of knowingly false information (207.1-207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): social conditioning and analysis of compositions // Modern jurisprudence. XXIX International Scientific and Practical Conference | ICSC “SCIENCE AND EDUCATION”. 2020. S. 99-105.

[11] Guly A. A. Criminal law measures to combat the pandemic and human rights/A. A. Guly// Global dialogue on sustainable development goals: legal dimension: materials of the International Scientific and Practical Conference (to the 75th anniversary of the UN), Moscow, October 22-24, 2020. – Moscow: Moscow University for the Humanities, 2020. - S. 206-211. – EDN FEAPSV.

[12] Pavlov P. V. The subjective side of the public dissemination of deliberately false socially significant information and its reflection in the content of criminal law//Bulletin of the Saratov State Law Academy 2023. № 2 (151). S. 190-195.

[13] Dubovichenko S. V. Criminal liability for the public dissemination of knowingly false information (Art. 2071, 2072 of the Criminal Code of the Russian Federation)/S. V. Dubovichenko, V. P. Karlov // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2020. T. 1, NO. 3 (96). S. 154-163.

[14] Kulev A. G. Criminal law novels in the field of public safety protection (Articles 207.1, 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)/A. G. Kulev, L. O. Kuleva // Bulletin of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation. 2020. № 4(78). S. 59-64.

[15] Pheshova I. M., Kharaev A. A. Theoretical prerequisites for criminalizing the public dissemination of knowingly false information and legislative regulation of criminal law norms (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Journal of Applied Research. 2021. № 6. S. 590-597.

[16] Kazakova V. A. Impact of the coronavirus pandemic on criminal law // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2 (50). S. 36-39.

[17] Ziyavudinova, V. A. Criminal counteraction to terrorism at the present stage of development of society and the state/V. A. Ziyavudinova//Law and statehood. – 2024. – № 3(4). - S. 90-93. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.015. – EDN JFVTRC.

[18] In the Russian Federation for the first quarter of 2025, more than 60 unique deepfakes were revealed//TASS. 2025. April 7 URL: https://tass.ru/obschestvo/23621185 (access date: 23.06.2025).

[19] On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 02, 2021 No. 400 - Text: electronic//ConsultantPlus System: [website]. - URL: http://www.consultant.ru (access date: 24.06.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-322-327

РАДЧЕНКО Елена Павловна,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России,
доктор экономических наук,
e-mail: radchenko.e.p@fsin.gov.ru

МЕДВЕДЕВА Инна Николаевна,
научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России,
e-mail: medvedeva.i.n@fsin.gov.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗЫСКАНИЯ С ОСУЖДЕННЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК

Аннотация. *В статье приводится краткий анализ положений отечественного и зарубежного уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующего порядок взыскания с подозреваемых, обвиняемых и осуждённых судебных издержек, понесённых государством на уголовное судопроизводство. Исследование позволило выявить общие принципы и отдельные особенности взыскания судебных издержек, а также сформулировать предложения по совершенствованию действующего порядка их взыскания.*

Ключевые слова: *осужденные, уголовное судопроизводство, уголовно-исполнительная система, судебные издержки, взыскание.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,
Chief Senior researcher the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

MEDVEDEVA Inna Nikolaevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

TOPICAL ISSUES OF RECOVERY FROM CONVICTED PROCEDURAL COSTS

Annotation. *The article provides a brief analysis of the provisions of domestic and foreign criminal procedure and penal enforcement legislation regulating the procedure for recovering court costs from suspects, accused persons, and convicts – costs incurred by the state in criminal proceedings. The study has revealed general principles and specific features of court cost recovery, as well as allowed to formulate proposals for improving the current recovery procedure.*

Key words: *convicted persons, criminal litigation, corrections system, litigation expenses, enforcement of judgment.*

Право на квалифицированную юридическую помощь гарантируется каждому лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления, обвиняемому в совершении преступления и осуждённому. Подобная гарантия закреплена как в международном законодательстве и межгосударственных договорах, так и в национальной правовой системе Российской Федерации и многих других стран мира.

В национальном законодательстве подобная гарантия, помимо Конституции Российской Федерации (статья 48), содержится в статьях 16, 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и статье 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ).

Согласно установленному порядку, на предварительном следствии (до передачи дела в суд для рассмотрения по существу) подобную квалифицированную правовую помощь подозреваемым или обвиняемым вправе оказывать только лишь профессиональные защитники – адвокаты.

Исключением являются уголовные дела частного обвинения, по которым роль защитника могут выполнять и иные лица. При рассмотрении уголовного дела в суде защитниками могут выступать наравне с адвокатами и законные представители обвиняемого (ст. 16 УПК РФ).

Здесь следует более подробно рассмотреть положения закона, раскрывающие понятие защитника, не являющегося адвокатом, в уголовном судопроизводстве. Так, УПК РФ включает в круг законных представителей, не являющихся по своей сути профессиональными защитниками, родителей, усыновителей, опекунов или попечителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого; представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый; органы опеки и попечительства (пункт 12 статьи 5 УПК РФ).

В отличие от законных представителей подозреваемого или обвиняемого, перечисленных в УПК РФ, адвокат является профессиональным защитником, обладающим необходимой квалификацией и прошедшим соответствующий конкурсный отбор, осуществляющим свою деятельность, как правило, на возмездной основе – за счёт средств доверителя либо, в случаях, прямо оговорённых в законе, за счёт средств федерального бюджета. Подобное правило закреплено в части восьмой статьи 25 Федерального закона от 31.05.2002 № 63 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ).

К сожалению, при подготовке статьи не удалось найти в открытых источниках достоверные данные о размерах затрат федерального бюджета на оплату услуг адвокатов по назначению по уголовным делам за последние годы. Однако достаточно любопытная информация, касающаяся рассматриваемого вопроса, была освещена в средствах массовой информации за 2016-2019 гг., в течение которых, по данным специалистов Счётной палаты Российской Федерации, сумма затрат федерального бюджета на оплату услуг адвокатов по назначению в уголовном судопроизводстве составила 10,3 млрд руб.[1]

По нашему мнению, с учётом приведённых данных за 2016-2019 гг. размер расходов федерального бюджета на оплату услуг адвокатов по назначению как минимум остался на прежнем уровне, но, вероятнее всего, по объективным причинам, о которых будет сказано ниже, увеличился. Наше предположение подтверждают статистические данные о деятельности судов Российской Федерации.

Например, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, только в 2024 г. судами было рассмотрено 651 312 уголовных дел, осуждено 534 644 человека, оправдано 1 798 человек, освобождено по различным основаниям от уголовной ответственности 124 191 обвиняемый [2].

Как говорилось выше, в уголовно-процессуальном законодательстве оговорены случаи обязательного участия адвоката при проведении процессуальных действий в отношении подозреваемого или обвиняемого, при которых, в случае отсутствия у стороны защиты адвоката по соглашению, дознаватель, следователь или суд назначает адвоката за счёт федерального бюджета.

Подобные случаи обязательного участия защитника в уголовном процессе перечислены в статье 52 УПК РФ, среди которых:

- несовершеннолетие подозреваемого или обвиняемого;
- наличие физических или психических недостатков, мешающих самостоятельной защите;
- рассмотрение уголовного дела в суде по обвинению в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в отсутствие подсудимого;
- не владение языком уголовного судопроизводства;
- совершение преступления, за которое может быть назначено наказание на срок свыше 15 лет лишения свободы, пожизненное заключение или смертная казнь;
- рассмотрение уголовного дела судом присяжных или в особом порядке.

Кроме того, участие защитника является обязательным во всех случаях, если подозреваемый или обвиняемый добровольно не отказался от него. Таким образом, адвокат по назначению дознавателя, следователя или суда участвует в большинстве уголовных дел.

Размер и порядок возмещения процессуальных издержек, связанных с участием адвоката в уголовном деле по назначению органов дознания, следствия и суда, регламентируется постановлением Правительства Российской Федерации от 01.12.2012 № 1240. С учётом повышения размеров выплат, произведённого постановлением Правительства Российской Федерации от 11.08.2025 № 119, размер вознаграждения адвокатов, участвующих в уголовном судопроизводстве по назначению, составляет от 1 861 до 3 753 руб. в зависимости от разного рода обстоятельств (тяжести обвинения, количества фигурантов уголовного дела, подсудности, возраста обвиняемых, физических и психических недостатков и т. д.).

Процессуальные издержки могут быть взысканы с осуждённых или, как сказано выше, возмещены за счёт федерального бюджета. Как пра-

вило, данный вопрос разрешается судом одновременно с вынесением приговора. Так, порядок взыскания процессуальных издержек, возникших в ходе уголовного судопроизводства, регламентируется статьёй 132 УПК РФ, в соответствии с которой процессуальные издержки могут быть взысканы как с осуждённых, так и с обвиняемых, в отношении которых уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующим основаниям, либо за счёт государства.

Процессуальные издержки не взыскиваются с лиц, освобождённых от уголовной ответственности в связи с непричастностью к совершённому преступлению (по реабилитирующим основаниям) и признанием судом за ними права на реабилитацию, а также с несостоятельных осуждённых. Помимо этого, суд с учётом иждивенцев может частично либо полностью освободить осуждённого от уплаты судебных издержек.

По мнению Овсянникова И. В., перечисленные в законе основания полного или частичного освобождения от уплаты судебных издержек не учитывают освобождение обвиняемого от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, поскольку размер процессуальных издержек в некоторых случаях может быть сопоставим или даже превышать размер судебного штрафа. Это, по объективным причинам (в частности, из-за отсутствия средств как на уплату судебных издержек, так и на уплату судебного штрафа), может повлечь нарушение сроков оплаты судебного штрафа и, как следствие этого, отмену постановления о прекращении уголовного дела и возобновление производства по уголовному делу в общем порядке. Подобная ситуация приведёт к росту затрат федерального бюджета на дальнейшее уголовное судопроизводство. Кроме того, увеличится количество осуждённых и нагрузка на личный состав учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Решить обозначенную проблему можно, если суд будет наделён полномочиями освобождать от уплаты судебных издержек участников уголовного судопроизводства (подозреваемых и обвиняемых), уголовное преследование которых прекращено по нереабилитирующим основаниям [3].

Кроме того, взыскание судебных издержек может производиться в долевом порядке (часть седьмая статьи 132 УПК РФ), если по уголовному делу проходило несколько фигурантов, с учётом характера вины, степени ответственности и имущественного положения каждого. Обязанность возмещения судебных издержек несовершеннолетних обвиняемых или осуждённых, как правило, возлагается на их законных представителей.

По делам частного обвинения (статьи 115 часть 1, 116.1 и 128.1 часть 1 Уголовного кодекса Российской Федерации) порядок возмещения судебных издержек регламентируется иным образом, в частности:

- возложение судебных издержек на инициатора уголовного процесса при оправдании подсудимого;
- на обе стороны (потерпевшего и подсудимого) – в случае примирения сторон;
- на осуждённого – при вынесении обвинительного приговора.

В законе предусмотрены и случаи возмещения судебных издержек за счёт федерального бюджета, а именно:

- участие защитника по назначению помимо воли подозреваемого или обвиняемого (если подозреваемый или обвиняемый отказался от защитника, но его отказ не был удовлетворен органом дознания, следствием или судом);
- рассмотрение дела судом в особом порядке.

В исследовании Синельниковой В. А. для подобных случаев предлагается скорректировать норму закона для безусловного взыскания с обвиняемых судебных издержек на оплату услуг адвоката – в случаях, когда в их действиях усматривается злоупотребление правом. Такое злоупотребление может выражаться, например, в многократной подаче одинаковых повторных ходатайств об отводе участников уголовного процесса (например, суда, прокурора и т. д.), в ознакомлении с материалами дела, а также в совершении иных излишних процессуальных действий, направленных на умышленное затягивание уголовного процесса [4].

Другие авторы предлагают не распространять «льготу» по освобождению от уплаты процессуальных издержек (имеются в виду издержки, связанные с оплатой услуг адвоката по назначению), предусмотренную нормами главы 40 УПК РФ, на подсудимых, уклоняющихся от явки в суд без уважительных причин [5].

Между тем в зарубежных источниках (научные публикации, отчёты и обзоры) приводятся статистические данные о том, что доля лиц, обязанных возместить процессуальные издержки, среди осуждённых в странах Европейского союза превысила в 2019 г. 40 %.

Так, в 2020 г. сумма судебных издержек, понесённых властями Нидерландов, достигла 210 миллионов евро; Швеции – 4,8 миллиарда шведских крон; Австралии – 1,5 миллиарда австралийских долларов (в 2019 г.); Германии – 2,4 миллиарда евро (в 2021 г.); Великобритании – 125 миллионов фунтов стерлингов (в 2019 г.).

В США размер судебных издержек сильно зависит от штата, в котором проходит судебное разбирательство. В среднем на одного осуждённого затрачивается от 5 до 10 тысяч долларов США на оплату услуг адвокатов, судебных экспертов и прочие процессуальные действия.

Проведённый анализ данных о практике взыскания судебных издержек сторонами уголовного процесса в некоторых европейских странах и США показал, что:

- в Великобритании в 2021 г. примерно на 40 % осуждённых судом была возложена обязанность возместить судебные издержки, а право на реабилитацию было признано лишь за 57 % оправданных лиц, из которых положенные по закону выплаты в полном объёме получили лишь 30 %;
- в Германии в 2021 г. доля осуждённых, обязанных возместить судебные издержки, не превышала 45 %;
- во Франции в 2019 г. – 30 %;
- в Швеции – 42 %;
- в Австралии в 2019 г. – 25 %;
- в США в 2019 г. только 21 % оправданных граждан смогли получить от государства компенсацию за понесённые судебные издержки.

Проведённый сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и зарубежных стран, который будет представлен ниже, показал, что во всех рассмотренных государствах действующий порядок взыскания судебных издержек в уголовном процессе играет важную роль в обеспечении справедливости и надлежащего функционирования правосудия. Возможность взыскания судебных издержек с осуждённых способствует не только возмещению затрат, но и служит дополнительным инструментом контроля за законностью действий участников процесса.

В странах Европы и США нормативно-правовое регулирование порядка взыскания судебных издержек по уголовным делам с осуждённых имеет ряд особенностей, которые напрямую зависят от конкретной страны. Рассмотрим основные принципы, применяемые в этих юрисдикциях.

В странах Европейского союза основным руководящим межгосударственным нормативным правовым актом является Европейская конвенция о защите прав человека, которая гарантирует каждому право на справедливое судебное разбирательство (статья 6). Данный принцип рассматривается в контексте права на реабилитацию и компенсацию судебных расходов лицам, чья вина не была признана судом в инкриминируемом преступлении.

Анализ норм законодательства конкретных стран показал следующее.

Германия. В соответствии с положениями статей 400, 464 и 467 Уголовно-процессуального кодекса (Strafprozessordnung) судебные издержки могут быть возложены судом на обвиняемого в случае его осуждения. Эти издержки могут включать:

1) оплату работы адвокатов;
2) судебные расходы;
3) расходы на экспертизы;
4) другие затраты, связанные с уголовным процессом.

Франция. Согласно статьям 474 и 475-1 Уголовно-процессуального кодекса (Code de procédure pénale), суд может присудить виновному возмещение судебных издержек, если это предусмотрено приговором. Однако в случаях, когда обвиняемый не может заплатить, суд может рассмотреть возможность отсрочки или снижения суммы возмещения.

Великобритания. Статьями 19 (1) и 51 (1) Закона о уголовном правосудии 1988 года (Criminal Justice Act 1988) установлено, что судебные издержки в уголовных делах могут включать:

1) затраты на адвокатов;
2) судебные расходы;
3) другие расходы, понесённые при расследовании дела.

В случае осуждения обвиняемого ему может быть приказано возместить издержки.

Швеция. Уголовно-процессуальный кодекс (Rättegångsbalken) предусматривает возложение судебных издержек на обвиняемого, если он был признан виновным. Однако государство покрывает расходы на защиту для:

1) лиц, не имеющих средств на оплату адвоката;
2) оправданных лиц.

Нидерланды. Практика взыскания судебных издержек с обвиняемого существует и зависит от исхода дела. В случае признания лица виновным осуждённый, в соответствии со статьёй 591 Уголовно-процессуального кодекса Нидерландов (Wetboek van Strafvordering) (далее – УПК Нидерландов), должен покрыть судебные расходы, включая оплату адвокатов и экспертов.

В случае оправдания гражданин вправе подать иск к органам государственной власти в соответствии со статьёй 592 УПК Нидерландов о возмещении ему понесённых судебных издержек в ходе уголовного судопроизводства.

Испания. Судебные издержки, как правило, возлагаются на сторону, проигравшую процесс. В уголовном процессе обвиняемый может быть обязан оплатить издержки, если он признан виновным, включая расходы на:

1) адвокатов;
2) судебные экспертизы (статья 123 Уголовного кодекса Испании (Código Penal)).

Лицам, чья вина не была доказана в суде, государство возмещает все понесённые материальные затраты (статья 87 Уголовно-процессуального кодекса Испании (Código de Procedimiento Penal)).

Другие страны Европы. Аналогичный порядок возмещения процессуальных издержек установлен в уголовно-процессуальном законодательстве:

1. Польши (статьи 629 и 631 Kodeks postępowania karnego);
2. Бельгии (статьи 22 и 32 Code d'Instruction Criminelle);
3. Норвегии (статьи 438 и 440 Straffeprosessloven);
4. Австрии (статьи 387 и 400 Strafprozessordnung);
5. Швейцарии (статьи 426 и 429 Strafprozessordnung);
6. Дании (статьи 912 и 916 Strafprozessordnung);
7. Греции (статьи 178 и 179 Strafprozessordnung);
8. Финляндии (статьи 2.7 и 2.8 Laki rikosprosessista);
9. Люксембурга (статьи 438 и 441 Code de procédure pénale).

США. В Федеральных правилах уголовного судопроизводства (Federal Rules of Criminal Procedure) (далее – U.S.C.) установлено, что обвиняемый может быть обязан компенсировать судебные издержки, связанные с уголовным процессом, в случае осуждения (rule 43 (d)).

По правилам § 3006A U.S.C., обвиняемому, который не может позволить себе адвоката, судебные власти обязаны предоставить государственного защитника за счёт государственных средств. В случае осуждения обвиняемого эти средства подлежат взысканию с виновного в полном объёме.

Порядок взыскания с виновного судебных издержек, штрафов и компенсации за причинённый преступлением вред регламентируется § 3664 U.S.C.

Аналогичные законы действуют в некоторых штатах США, например:

– в Калифорнии (California Penal Code Section 1203.1);
– в Нью-Йорке (New York Criminal Procedure Law Section 420.10).

Эти законы не предусматривают каких-либо снисхождений к виновным в части, касающейся взыскания судебных издержек.

Проведённый сравнительный анализ отечественного и зарубежного законодательства свидетельствует о том, что взыскание судебных издержек в странах Европейского союза, США, России и других странах мира имеет свои особенности, обусловленные как правовыми традициями, так и уровнем развития правовых систем. Однако общими остаются принципы возмещения затрат с осуждённых, что обеспечивает их ответственность за процессуальные расходы перед государством.

Так, характерным для законодательства большинства рассмотренных стран является.

Универсальность принципа возмещения издержек, при котором судебные издержки взыскиваются с виновного лица (подозреваемого, обвиняемого или осужденного). Это не только компенсирует затраты государства на уголовное разбирательство, но и выступает неким элементом ответственности за нарушение уголовного закона.

В Российской Федерации порядок взыскания судебных издержек в уголовном судопроизводстве регламентируется УПК РФ и нормативно-правовыми актами правительства Российской Федерации, с акцентом на защиту прав социально уязвимых категорий граждан (несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, малоимущих лиц, лиц с ограниченными возможностями здоровья).

В странах Европейского Союза (Германия, Франция, Швеция и др.) предусмотрены несколько иные механизмы взыскания судебных издержек: отсрочка, снижение суммы или полное освобождение от издержек при доказанной неплатёжеспособности.

В США правовая система децентрализована: федеральный уровень устанавливает общие правила, но каждый штат вправе вводить собственные нормы (например, в Калифорнии и Нью-Йорке).

Практически во всех странах предусмотрено:

– обязательное назначение бесплатного защитника при отсутствии средств у правонарушителя;
– возмещение издержек оправданным лицам за счёт государства;
– дифференцированный подход к взысканию (с учётом имущественного положения, тяжести преступления и др.).

По нашему мнению, существующий порядок взыскания процессуальных издержек требует дальнейшего совершенствования. Например, изменения могли бы касаться нижнего предела размера судебных издержек, подлежащих взысканию с малоимущих и социально уязвимых групп осуждённых, что позволило бы в будущем избежать неисполнения решения суда.

Кроме того, наличие в законе чётких критериев освобождения подозреваемых или обвиняемых от уплаты судебных издержек при назначении судебного штрафа будет способствовать более широкому применению этой меры уголовно-правового характера.

Помимо этого, с учётом опыта зарубежных стран представляется целесообразным на законодательном уровне: расширить основания для отсрочки или рассрочки платежей по судебным издержкам; скорректировать положения уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок взыскания судебных издержек при прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям.

Список литературы:

[1] Адвокаты по назначению : [электронный ресурс] // Ведомости. – 2020. – 25 февр. – URL: (дата обращения: 31.10.2025).

[2] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL: (дата обращения: 31.10.2025). – Текст : электронный.

[3] Овсянников, И. В. Взыскание процессуальных издержек с лица, которому назначен судебный штраф / И. В. Овсянников // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2023. – № 7. – С. 28–34.

[4] Синельникова, В. С. Взыскание процессуальных издержек при прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям судом первой инстанции: необходимость современных реалий / В. С. Синельникова // Закон и право. – 2020. – № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzyskanie-protsessualnyh-izderzhek-pri-prekraschenii-ugolovnogo-presledovaniya-po-nereabilitiruyuschim-osnovaniyam-sudom-pervoy (дата обращения: 01.11.2025).

[5] Жеребятьев, И. В. Особый порядок судебного разбирательства и процессуальные издержки: что пора менять? / И. В. Жеребятьев, Е. В. Саюшкина // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2019. – № 38. – С. 141–144.

References:

[1] Lawyers by appointment: [electronic resource]//Vedomosti. – 2020. - Feb. 25 - URL: (access date: 31.10.2025).

[2] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic Resource]//Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: official website. - URL: (access date: 31.10.2025). - Text: electronic.

[3] Ovsyannikov, I.V. Recovery of procedural costs from a person who has been fined/I.V. Ovsyannikov//Vedomosti of the penal system. — 2023. – № 7. - S. 28-34.

[4] Sinelnikova, V. S. Recovery of procedural costs upon termination of criminal prosecution on non-rehabilitating grounds by the court of first instance: the need for modern realities/V. S. Sinelnikov//Law and law. – 2020. – № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzyskanie-protsessualnyh-izderzhek-pri-prekraschenii-ugolovnogo-presledovaniya-po-nereabilitiruyuschim-osnovaniyam-sudom-pervoy (дата обращения: 01.11.2025).

[5] Zherebyatyev, I.V. Special procedure for trial and procedural costs: what is the time to change ?/I.V. Zherebyatyev, E.V. Sayushkina//Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. – 2019. – № 38. - S. 141-144.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-328-331

МАКОЕВА Евгения Руслановна,
Доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, кандидат философских наук, подполковник полиции, e-mail: mail@law-books.ru

ШИЛОВА Елена Сергеевна,
Доцент кафедры иностранных языков, Ростовский юридический институт МВД России, кандидат филологических наук, e-mail: mail@law-books.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ТАКТИК ВЕДЕНИЯ ДОПРОСА И ОПРОСА

Аннотация. *Автор рассматривает речевые особенности ведения опроса и допроса, их процессуальные различия. Исследования указывают на межотраслевой характер тактики опроса и допроса. В статье объясняется необходимость изучения особенностей речевой тактики и их тесную связь с психологическими аспектами получения показаний.*

Ключевые слова: *речевая тактика, опрос, допрос, тактика следственных действий, профессиональная коммуникация.*

MAKOEVA Evgenija Ruslanovna,
Police lieutenant colonel, Associate Professor the Department of State and Civil Disciplines of the North-Caucasian Institute for Continuing Education (Branch) of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russian Federation, PhD in Philosophy

SHILOVA Elena Sergeevna,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philology

COMPARATIVE ANALYSIS OF SPEECH TACTICS OF INTERROGATION AND INTERVIEWING

Annotation. *The author examines the speech features of interviewing and interrogation, their procedural differences. Researching indicates the intersectoral nature of the interview and interrogation tactics. The article explains the need to study the features of speech tactics and their close connection with the psychological aspects of obtaining testimony.*

Key words: *speech tactics, interview, interrogation, investigative tactics, professional communication.*

Особенности тактик производства отдельных следственных и поцессуальных действий являются многокомпанентным и обширным аспектом деятельности сотрудников органов предварительного расследования. Так, многогранность тактики состоит в том, что она может рассматриваться на межотраслевом уровне. Например, ученые выделяют:

– процессуальную тактику (алгоритм производства следственных и процессуальных

действий, установленный нормами уголовно-процессуального и уголовного законодательства);
- криминалистическую тактику (практически обусловленные приемы и способы производства следственных и процессуальных действий);
- психологическую тактику (основанную на учении о психологических особенностях тех или иных социальных групп, методах психологического воздействия на человека и поч.)
- тактику вербального и невербального общения (данный вид находится на стыке нескольких научных отраслей – психологии, лингвистики, кинесики и риторики) и др. [1].

Рассмотрим проблематику тактических различий проведения опроса и допроса с точки зрения их лингво-психологических аспектов. Причина объединения данных отраслей научных знаний связана с тем, что, только изучив личностные особенности характера и поведения лица, являющегося носителем той или иной информации, сотрудник органов предварительного расследования сможет применить подходящие лингвистические приемы для получения наиболее достоверной и достаточной информации от опрашиваемого/допрашиваемого лица.

Опрос и допрос являются законными способами получения необходимой информации о происшествии, но они обладают значительными процессуальными различиями.

Так, в научной литературе можно встретить разные определения опроса. В представленном исследовании предлагаем под опросом понимать оперативно-разыскное мероприятие, цель которого - получение во время специально организованной беседы оперативно значимую информацию от граждан, которые предположительно могут быть ее носителями.

В то время как допрос является одним из самых распространенных следственных действий и представляет собой урегулированное уголовно-процессуальным законом следственное действие, заключающееся в получении органом, осуществляющим производство по делу, показаний от допрашиваемого лица (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и эксперта) об известных ему фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела.

То есть основными отличиями опроса от допроса является их разная правовая природа, а именно:
- наличие уголовной ответственности за дачу ложных показаний в ходе допроса;
- возможность использования полученных сведений в ходе допроса в качестве доказательств по уголовному делу;
- допрос осуществляется только после возбуждения уголовного дела;
- опрос не может осуществляться принудительно, в то время как от дачи показаний в ходе допроса отдельные категории участников уголовного производства в ряде случаев отказаться не вправе и т.д. [4].

Различия в речевых приемах, применяемых в ходе опроса или допроса, в основном обусловлены теми процессуальными особенностями, которые были приведены ранее.

В связи с тем, что допрос производится только после возбуждения уголовного дела, то есть после тщательного и достаточно длительного ознакомления с обстоятельствами расследуемого преступления, он представляет собой более планомерное действие, по сравнению с опросом, который в основном проводится непосредственно после получения информации о возможно совершенном противоправном деянии. При данных условиях, подбор наиболее подходящей речевой тактики для производства допроса основывается на таких аспектах, как:
- результаты опроса данного лица на стадии проверки материала о преступлении (если таковой проводился);
- информация о подлежащем допросу лице (его социальный статус, уровень образования, особенности характера, расположенность к содействию правоохранительным органам и прочие личностные характеристики).

Таким образом, речевая тактика опроса, в отличие от приемов, применяемых в ходе допроса, должна носить более общий, простой характер. Задаваемые вопросы об обстоятельствах проверяемого события необходимо формулировать таким образом, чтобы вне зависимости от уровня образования и его спецификации, а также от иных особенностей личности, они были понятны и однозначно трактованы. Формулировка вопросов в процессе проведения опроса должна способствовать получению наиболее развернутого ответа, на основе которого в дальнейшем можно сделать выводы о необходимости проведения дальнейшего допроса данных лиц в качестве потерпевшего, свидетеля или подозреваемого после возбуждения уголовного дела.

В профессиональной сфере следователя или дознавателя коммуникативная деятельность имеет первостепенное значение. Она представляет собой передачу смыслов от одного человека другому. Чаще всего при проведении допросов, очных ставок и иных следственных действий инициатором установления доверительных отношений выступает следователь, поэтому смысл его профессионального общения заключается в его результате.

При производстве следственных действий коммуникация имеет свои задачи: информировать, убедить, склонить, отговорить, предупредить и т.д. Одним из условий любого профессионального общения следователя, независимо от поставленной задачи, конкретных целей и содержания, является изучение собеседника и на его основе установление психологического контакта.

Важным условием установления психологического контакта является тщательная подготовка к проведению следственного действия. Следователю при подготовке к следственным действиям наряду с такими важными направлениями, как сбор исходной информации (определение обстоятельств, в отношении которых предстоит получить показания; сведения о личности свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого; анализ данных, полученных из оперативных источников, и др.), выбор тактических приемов, которые предполагается использовать при производстве допроса, места, времени и т.д., прежде всего необходимо ответить на следующие основные вопросы:

– как лучше всего организовать общение?
– чего необходимо добиться?
– существуют ли какие-то цели, противоречащие данной?
– каким образом я могу установить и поддержать контакт с подозреваемым, обвиняемым, свидетелем или потерпевшим?
– как воспримет то или иное сообщение допрашиваемый и т.д.?

Один из самых важных принципов установления контакта с собеседником – думать так, как он, т.е. приобщаться к его «карте реальности» [2]. Сложность установления психологического контакта заключается в том, что у следователя и у допрашиваемого разные «карты реальности». Однако, необходимо обратить внимание на следующее: нам обычно нравятся люди, которые напоминают нас самих по своей внешности, отношению к жизни, манере поведения, своим убеждениям и темпераменту. Кроме того, люди, говорящие быстро или, наоборот, медленно, обычно легче общаются с теми, у кого такой же темп речи.

Подобные причины симпатий, как правило, нами не осознаются, но они имеют большое значение в процессе установления психологического контакта. Взаимное влечение двух людей определяется больше внешними признаками человека, нежели его внутренними качествами.

Общение может происходить и без участия нашего сознания – посредством невербального поведения, включающего взгляды, выражения лица, жесты, позы, межличностную дистанцию. Взаимная подстройка следователя с допрашиваемым включает в себя также взаимное (вольное или невольное) копирование всех нюансов мимики друг друга.

Не менее важным является подстройка на вербальном уровне, например, темпа речи, высоты тона и тембра голоса. Немаловажное значение имеет и сходство словоупотребления. Следует отметить, что среди юристов нет однозначной точки зрения в этом отношении в связи с тем, что, например, ранее судимые в повседневной жизнедеятельности общаются преимущественно на уголовном жаргоне, т.е. языке, понятном часто только им. И такое словоупотребление со стороны следователя будет противоречить нормам профессиональной этики и морали. Тем не менее, следует иметь в виду, что употребление человеком определенных слов и выражений характеризует свойственное ему представление о мире. При этом важно учитывать, что при установлении психологического контакта можно добиться желаемого результата, если использовать его любимые слова и выражения[3].

Таким образом, сравнительный анализ речевой тактики опроса и допроса, позволил сделать вывод о существовании общих приемов и способов, способствующих эффективному получению показаний, а также об отдельных специфических рекомендациях к проведению опроса и допроса. Так как допрос представляет собой более планомерное следственное действие, он предполагает оперирование сотрудниками органов предварительного расследования более сложными речевыми конструкциями, узконаправленной лексикой и психологически обусловленными персонально подобранными приемами речевого воздействия на допрашиваемое лицо.

Список литературы:

[1] Кондратенко В.А. Методика и тактика допроса как способа получения доказательства по уголовному делу // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2003. №1 (20). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-i-taktika-doprosa-kak-sposoba-polucheniya-dokazatelstva-po-ugolovnomu-delu (дата обращения: 20.10.2025).

[2] Еникеев М. И. Психология коммуникативной деятельности следователя// Юридическая психология. 2009. № 4. URL: https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2009/juridicheskaja-psihologija/4/ (дата обращения: 20.10.2025).

[3] Аксенова Л.Ю. Тактические и психологические аспекты допроса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. №1 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-i-psihologicheskie-aspekty-doprosa (дата обращения: 24.10.2025).

[4] Аксенова Л. Ю., Анешева А.Т. Тактические приемы производства допроса // Сибирское юридическое обозрение. 2019. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-priemy-proizvodstva-doprosa (дата обращения: 21.10.2025).

References:

[1] Kondratenko V.A. Interrogation methodology and tactics as a way to obtain evidence in a criminal case//Scientific notes of the St. Petersburg V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. 2003. №1 (20). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-i-taktika-doprosa-kak-sposoba-polucheniya-dokazatelstva-po-ugolovnomu-delu (дата обращения: 20.10.2025).

[2] Enikeev M.I. Psychology of communicative activity of the investigator//Legal psychology. 2009. № 4. URL: https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2009/juridicheskaja-psihologija/4/(дата обращения: 20.10.2025).

[3] Aksenova L.Yu. Tactical and psychological aspects of interrogation//Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2019. №1 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-i-psihologicheskie-aspekty-doprosa (дата обращения: 24.10.2025).

[4] Aksenova L. Yu., Anesheva A.T. Tactical methods of interrogation//Siberian Legal Review. 2019. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-priemy-proizvodstva-doprosa (дата обращения: 21.10.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-332-335
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

АСАДОВ Ватан Вагифович,
кандидат юридических наук,
Псковского филиала Университета ФСИН России,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и
организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества,
e-mail: asadov_vv@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье анализируются основные проблемы, которые возникают в деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере обеспечения контроля за условно осужденными. Выбор авторов темы исследования обусловлен тем, что условно осужденные остаются самой многочисленной категорией осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, а также тем, что количество совершенных условно осужденными повторных преступлений остается достаточно высоким. основные выводы по проблемам, возникающим при осуществлении контроля за условно осужденными с испытательным сроком, базируются на проведенном выборочном исследовании мнения сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Авторы предпринимают попытку определения основных направлений повышения эффективности организации контроля за поведением условно осужденных, среди которых совершенствование нормативно-правовой базы; создание отлаженного механизма внешнего взаимодействия при исполнении наказания условно с испытательным сроком по всем направлениям (с судами, органами внутренних дел, гражданскими институтами; повышение качества подготовки сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительные инспекции, условно осужденный с испытательным сроком, контроль за поведением условно осужденных, повторная преступность.*

ASADOV Vatan Vagifovich,
Ph.D. in Law, docent of the Department of Criminal Law
Disciplines and the organization of the execution of punishments
not related to the isolation of convicts from society
of the Pskov Branch of the FSIN University of Russia

THE MAIN PROBLEMS OF ORGANIZING THE ACTIVITIES OF PENAL ENFORCEMENT INSPECTIONS IN THE FIELD OF ENSURING CONTROL OVER THE BEHAVIOR OF PROBATIONERS

Annotation. *The article analyzes the main problems that arise in the activities of penal enforcement inspections in the field of monitoring probation. The choice of the authors of the research topic is due to the fact that probationers remain the most numerous category of convicts registered with penal enforcement inspections, as well as the fact that the number of repeated crimes committed by probationers remains quite high. The main conclusions on the problems that arise when monitoring probation prisoners are based on a sample study of the opinions of employees of penal enforcement inspections. The authors attempt to identify the main directions for improving the effectiveness of monitoring the behavior of probationers, including improving the regulatory framework; creating a well-established mechanism for external interaction in the execution of probation sentences in all areas.*

Key words: *penal enforcement inspections, probation with probation, control over the behavior of probationers, repeat crime.*

В Российской Федерации продолжается реформирование уголовно-исполнительной системы (УИС), в том числе расширение применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Количество осужденных, прошедших по учетам уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), за последние 5 лет остается стабильно высоким – около 1 млн человек. Однако анализ данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, федеральных судов первой инстанции позволяет утверждать, что, несмотря на расширение применения наказаний и уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией от общества, по-прежнему наиболее часто применяется условное осуждение – примерно в 67 % случаев. В связи с этим за последние годы это самая многочисленная категория осужденных, состоящих на учете УИИ, на которые, в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством, возложены функции контроля за поведением условно осужденного в течение испытательного срока по месту его жительства. УИИ контролирует не реже одного раза в квартал с участием сотрудников органов внутренних дел соблюдение условно осужденным общественного порядка и исполнение им возложенных судом обязанностей.

Тем не менее при осуществлении прокурорского надзора обращают на себя внимание факты нерегулярного проведения УИИ проверок осужденных по месту жительства и в общественных местах, формального проведения подобных проверок со стороны органов внутренних дел. Как показало наше исследование, в ряде случаев единственная форма контроля за поведением условно осужденных – периодическая регистрация в УИИ. Распространенной в деятельности УИИ является незаконная практика произвольного установления должностными лицами УИИ периодичности явки условно осужденных в УИИ для ежемесячной регистрации, а также другие нарушения, связанные с использованием УИИ полномочий, не предусмотренных законом. В результате такой бесконтрольности осужденные совершают преступления, в том числе тяжкие.

При неявке условно осужденного по вызову или на регистрацию без уважительных причин УИИ принимает решение о его приводе, о чем выносит постановление. При необходимости направляет его копию в орган внутренних дел с ходатайством об оказании помощи в доставлении осужденного. Вместе с тем, согласно результатам исследования (53,4 %), на практике возникают трудности с привлечением сотрудников полиции. Более того, 15,2 % респондентов указали на отсутствие помощи от органов полиции в целом.

Проведенное нами исследование позволило выявить проблемы организационно-правового обеспечения контроля за условно осужденными с испытательным сроком.

В соответствии с положениями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года особый акцент делается на «совершенствование правового регулирования в сфере реализации мер пресечения и исполнения уголовных наказаний с учетом международных обязательств Российской Федерации и общепризнанных норм международного права, профилактика совершения преступлений» [1]. В связи с этим положением основная задача УИИ – предупреждение совершения условно осужденными повторных преступлений. Анализ практики показывает, что повторная преступность условно осужденных может быть связана, в частности, с назначением судами излишне мягких видов наказания без тщательного исследования данных о личности подсудимого. Кроме того, в последние годы произошли серьезные изменения в криминогенном составе осужденных, а именно возросло количество осужденных, состоящих на учете УИИ, за совершение тяжких преступлений. Так, около 40 % условно осужденных отбывают наказание второй раз и более [2], что «позволяет утверждать об устойчивой криминальной мотивации и нежелании вести законопослушный образ жизни» [3].

Повторная преступность лиц, состоящих на учете УИИ, в том числе условно осужденных, определяется следующими группами факторов [4]: несовершенство законодательства; недостатки деятельности органов правосудия на стадии назначения наказания; недостатки в деятельности государственных органов по исполнению наказаний (неэффективная работа сотрудников УИИ; отсутствие эффективной системы изучения, обобщения и внедрения передового опыта в практику УИИ; недостаточный уровень профессиональной подготовки сотрудников УИИ; ведомственная разобщенность при исполнении этих наказаний; отсутствие эффективного механизма обеспечения безопасности сотрудников УИИ от противоправных деяний подучетных лиц; недостаточное ресурсное обеспечение УИИ); отсутствие целостной системы уголовных наказаний, разрыв между лишением свободы и наказаниями без изоляции осужденного от общества.

Условное осуждение является в известном смысле правовой льготой, исключением, применяющимся в особых случаях, когда суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания. Испытательный срок выступает в качестве временного стержня условного осуждения, периода времени, в течение

которого осужденный должен доказать свое исправление посредством соответствующего поведения. Несмотря на это, продление испытательного срока представляет собой не очередную льготу, а правовую реакцию на факт неправомерного поведения осужденного, которая, однако, должна носить характер исключительности. Как показало исследование (58,2 % опрошенных), суды редко при условном осуждении пределы испытательного срока дифференцируют в зависимости от вида и размера наказания. Кроме того, 47,1 % указывает, что, по их мнению, суды редко обоснованно устанавливают испытательный срок.

Согласно данным нашего исследования, из-за значительной нагрузки сотрудники УИИ не справляются в полном объеме с контролем за условно осужденными. Кроме того, в числе основных причин недостаточной эффективности контроля за условно осужденными следующие: слабое ресурсное обеспечение УИИ – 71 %; недостаточное кадровое обеспечение УИИ – 62 %; недостаточное обучение сотрудников положительному опыту – 21 %; недостаточное стимулирование труда сотрудников УИИ – 42 %; слабое техническое обеспечение УИИ – 74 %; отсутствие помощи органов полиции и территориальных органов ФСИН России – 48 %; отсутствие взаимодействия с судами и прокуратурой – 34 %/ [5]

В целях предупреждения совершения новых преступлений очень важную роль играет институт установления для осужденных, состоящих на учете УИИ, обязанностей и запретов. Эти ограничения, дополнительные обязанности и запреты в соответствии с законодательством, в свою очередь, зависят от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного, его поведения и устанавливаются судом по представлению УИИ.

Анализ законодательства, ведомственных нормативных правовых актов позволяет утверждать о том, что они требуют их классификации, обоснованности и правовой регламентации. Не всегда ограничения, запреты и дополнительные обязанности на практике отражают объективно поведение осужденного в период испытательного срока отбывания наказания. В законодательстве не отражены такие требования, которые свидетельствуют о целесообразности наложения обязанностей, запретов. В ряде случаев при их наложении совершенно не устанавливаются такие факты, как наложение взысканий ранее.

На практике возникает много трудностей в тех случаях, когда суд отказывает в удовлетворении преставлений УИИ о продлении испытательного срока или отмене условного осуждения и исполнении назначенного судом наказания, потому что следующие представления вносятся в суд после совершения условно осужденным еще одного нарушения общественного порядка, повлекшего за собой применение мер административного наказания или продолжение неисполнения возложенных обязанностей.

Анализ результатов проведенного нами исследования показывает, что наибольшие трудности при отмене условно осужденных сотрудники УИИ видят: в плохом взаимодействии с судами – 46,2 %; волоките и формализме при оформлении документов – 23,1 %; несовершенстве законодательства – 38,5 %.

В связи с этим не случайно только каждый четвертый (23,1 %) из опрошенных сотрудников УИИ указывает, что суды по представлению УИИ отменяют условное осуждение за систематические нарушения общественного порядка, за что условно осужденные в течение года два и более раза привлекались к административной ответственности.

Как нам представляется, это связано с необходимостью подготовки большего количество материалов и документов в суд, свидетельствующих о том, что условно осужденные как минимум дважды привлекаются к административной ответственности за нарушение общественного порядка в течение года и продолжает его нарушать либо не исполнять возложенные на него судами обязанности.

В целях повышения эффективности контроля за условно осужденными необходимо:

1) совершенствование нормативно-правовой базы, в том числе по предупреждению преступлений осужденными, состоящими на учете УИИ;
2) создание отлаженного механизма внешнего взаимодействия при исполнении наказания условно с испытательным сроком по всем направлениям (с судами, органами внутренних дел, гражданскими институтами;
3) повышение качества подготовки сотрудников УИИ (система непрерывного образования, повышение квалификации, в том числе краткосрочные курсы и семинары).

Список литературы:

[1] О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.04.2025).

[2] Асадов В.В. Актуальные проблемы назначения и исполнения уголовного наказания условно с испытательным сроком // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 5 (61). С. 9-13.

[3] Асадов В.В. К вопросу о взаимодействии уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел по предупреждению совершения повторных преступлений осужденными условно // Закон и право. 2016. № 11. С. 104–109.

[4] Смирнова И.Н. Методологические, организационные и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Псков, 2010.

[5] Асадов В.В. Проблемы организации контроля за поведением условно осужденных // Право, общество, государство: системные основы взаимодействия и развития: сб. ст. науч.-представительских мероприятий. М., 2024. С. 36–39.

References:

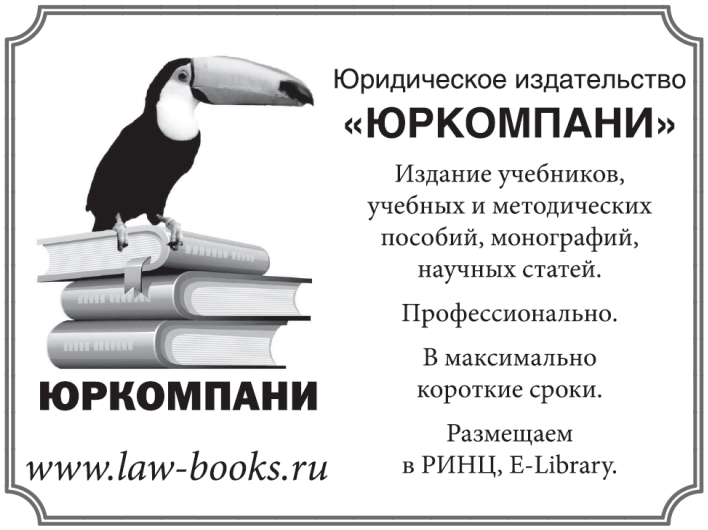
[1] On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r// SPS “ConsultantPlus” [Electronic Resource]. Access mode: https://www.consultant.ru (access date: 15.04.2025).

[2] Asadov V.V. Actual problems of the appointment and execution of criminal punishment conditionally with a probationary period//Bulletin of the Samara Law Institute. 2024. № 5 (61). S. 9-13.

[3] Asadov V.V. On the issue of interaction of criminal executive inspections with internal affairs bodies to prevent the commission of repeated crimes by convicts on probation//Law and Law. 2016. № 11. S. 104-109.

[4] Smirnova I.N. Methodological, organizational and legal foundations of the activities of the penitentiary system in the field of the execution of punishments not related to the isolation of the convict from society: author. dis.... Dr. Jurid. sciences. Pskov, 2010.

[5] Asadov V.V. Problems of organizing control over the behavior of convicts//Law, society, state: systemic foundations of interaction and development: Sat. Art. scientific-representative events. M., 2024. S. 36-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-336-339

КАМАЛЯН Тигран Арамович,
Аспирант кафедры уголовно-правовых наук
Негосударственное образовательное частное
учреждение высшего образования
«Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
e-mail: kamalyan_t99@mail.ru

Научный руководитель:
БАЙБАРИН Андрей Андреевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Заведующий кафедрой уголовного права,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
e-mail: mail@law-books.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ, ПРЕДЕЛЫ

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому осмыслению правовой категории «религиозная деятельность осужденных» в контексте ее реализации в местах лишения свободы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между конституционным правом на свободу совести и задачей обеспечения пенитенциарной безопасности, включая противодействие экстремизму. Целью работы является формирование целостного научного представления о содержании, формах и правовых границах религиозной деятельности в исправительных учреждениях. В ходе исследования применялись методы формально-логического, сравнительно-правового и системного анализа. Автор проводит дифференциацию между религиозной деятельностью и иными проявлениями религиозности, такими как чувства и убеждения, подчеркивая, что правовому регулированию подлежат лишь внешние, объективированные формы последних. На основе анализа действующего законодательства выделяются и характеризуются основные формы реализации права на свободу совести осужденными (индивидуальная и коллективная, публичная и частная). Особое внимание уделяется проблеме разграничения законной религиозной деятельности и экстремистских проявлений. В заключении формулируются юридически значимые критерии такого разграничения, основанные на комплексной оценке целей, содержания, контекста и последствий соответствующих действий. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования ведомственного нормативного регулирования и правоприменительной практики в уголовно-исполнительной системе.*

Ключевые слова: *религиозная деятельность, осужденные, места лишения свободы, правовое регулирование, свобода совести, экстремизм, УИК РФ, формы религиозности, пределы осуществления прав.*

Источник финансирования: *Статья подготовлена в рамках исследования по теме «Правовое регулирование религиозной деятельности в местах лишения свободы» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-011-12345.*

KAMALYAN Tigran A.,
Graduate student of the Department of Criminal Law Sciences
Non-governmental educational private institution of higher education
“Moscow Financial and Industrial University “Synergy”

Scientific supervisor:
BAYBARIN Andrey Andreevich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law,
Moscow Financial and Industrial University Synergy

RELIGIOUS ACTIVITY OF CONVICTS AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION: CONCEPT, FORMS, LIMITS

Annotation. *The article is devoted to the theoretical understanding of the legal category "religious activity of convicts" in the context of its implementation in prisons. The relevance of the study is due to the need to find a balance between the constitutional right to freedom of conscience and the task of ensuring penitentiary security, including countering extremism. The purpose of the work is to form a holistic scientific understanding of the content, forms and legal boundaries of religious activity in correctional institutions. The study used methods of formal-logical, comparative legal and system analysis. The author differentiates between religious activity and other manifestations of religiosity, such as feelings and beliefs, emphasizing those only external, objectified forms of the latter are subject to legal regulation. Based on the analysis of the current legislation, the main forms of realization of the right to freedom of conscience by convicts (individual and collective, public and private) are identified and characterized. Special attention is paid to the problem of distinguishing between legitimate religious activity and extremist manifestations. In conclusion, legally significant criteria for such a distinction are formulated, based on a comprehensive assessment of the goals, content, context and consequences of relevant actions. The results of the study can be used to improve departmental regulatory regulation and law enforcement practice in the penal system.*

Key words: *religious activity, convicts, prisons, legal regulation, freedom of conscience, extremism, Penal Code of the Russian Federation, forms of religiosity, limits of rights.*

Financing source: *The article was prepared as part of the research on the topic "Legal Regulation of Religious Activity in Prisons" with the support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 20-011-12345.*

Введение

Реализация свободы совести в местах принудительной изоляции представляет собой сложный и многогранный объект правового регулирования. С одной стороны, осужденные, в соответствии со статьей 28 Конституции Российской Федерации, обладают правом исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию, а также свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения. С другой стороны, специфика пенитенциарного учреждения, где первостепенными задачами являются обеспечение изоляции, правопорядка и безопасности, закономерно обуславливает установление специальных правовых режимов, ограничивающих данное право. Особую актуальность этой проблеме придает вызов религиозно мотивированного экстремизма, который может использовать институт свободы совести для распространения радикальной идеологии и дестабилизации обстановки в исправительных учреждениях [1, с. 45].

Несмотря на наличие ряда научных работ, посвященных общим вопросам обеспечения свободы совести в УИС, теоретическое осмысление собственно категории «религиозная деятельность осужденных» остается фрагментарным. В науке уголовно-исполнительного права отсутствует единое понимание ее содержания, не разработана система форм и не выявлены с достаточной четкостью критерии отграничения от экстремистских проявлений.

Целью настоящей статьи является формирование целостного научного представления о религиозной деятельности осужденных как объекте правового регулирования через определение ее понятия, выделение форм и установление правовых пределов. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1) проанализировать доктринальные подходы к определению религиозной деятельности;
2) дифференцировать религиозную деятельность от смежных понятий;
3) систематизировать формы ее реализации осужденными;
4) сформулировать юридические критерии разграничения законной религиозной деятельности и экстремизма.

Методологическую основу исследования составили методы формально-логического, сравнительно-правового и системного анализа, что позволило рассмотреть объект исследования комплексно и всесторонне.

*Понятие религиозной деятельности осужденных: теоретико-правовой аспект**

В законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное определение религиозной деятельности. Статья 14 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» раскрывает ее через перечисление видов, таких как богослужения, церемонии, обучение религии и т.д. Однако для целей пенитенциарного права требуется более

точное понятие, позволяющее отграничить регулируемые действия от внутреннего мира личности.

Религиозную деятельность осужденных предлагается понимать, как внешнее, объективированное выражение религиозных убеждений, осуществляемое индивидуально или коллективно в установленных законом и подзаконными актами формах, которое не противоречит целям уголовного наказания и не посягает на права других лиц, а также на установленный порядок отбывания наказания.

Ключевым в данном определении является признак внешней выраженности. Внутренние проявления религиозности — чувства, убеждения, вера — находятся вне сферы правового регулирования, что соответствует международным стандартам (ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека). Право вторгается лишь тогда, когда эти убеждения находят внешнее выражение, превращаясь в деятельность.

Важно разграничить религиозную деятельность от иных проявлений религиозности:

– Религиозные чувства и убеждения — сфера внутренней, духовной жизни человека, не подлежащая правовой регламентации.
– Религиозное поведение — более широкое понятие, которое может включать в себя как собственно религиозную деятельность (молитва, участие в богослужении), так и действия, мотивированные религией, но не имеющие сакрального характера (например, отказ от определенной пищи по религиозным соображениям).
– Религиозное образование — является одной из форм религиозной деятельности, направленной на передачу вероучения.

Таким образом, религиозная деятельность — это ядро внешних проявлений религиозности, которое непосредственно связано с отправлением культа и практическим следованием канонам религии.

*Формы религиозной деятельности в местах лишения свободы**

Уголовно-исполнительное законодательство (ст. 14 УИК РФ) закрепляет право осужденных на отправление религиозных обрядов, пользование предметами культа и религиозной литературой. На основе системного анализа норм УИК РФ и ведомственных нормативных актов ФСИН России можно выделить следующие формы религиозной деятельности осужденных:

1. Индивидуальная религиозная деятельность: совершение молитв, соблюдение постов, индивидуальное изучение религиозной литературы, ношение культовой одежды и символики (если это не противоречит Правилам внутреннего распорядка). Данная форма является наименее регламентированной, но может быть ограничена в случаях злоупотребления правом (например, использование молитвы для нарушения распорядка дня).
2. Коллективная религиозная деятельность: проведение богослужений, обрядов, церемоний и кружков по изучению религии. Эта форма подвержена наибольшему регулированию. Ее осуществление возможно только при участии приглашенных представителей религиозных организаций и с санкции администрации учреждения, что обусловлено необходимостью предотвращения создания неформальных групп, способных подрывать режим и заниматься экстремистской пропагандой [2, с. 112].
3. Частная и публичная религиозная деятельность. Богослужения в камерах или малых группах могут быть отнесены к частной сфере, тогда как проведение массовых мероприятий в специально отведенных помещениях — к публичной. Публичные формы требуют более строгого контроля со стороны администрации.

Пределы осуществления права на свободу с*овести и граница с экстремизмом**

Установление пределов реализации права на свободу совести в УИС является центральной проблемой, непосредственно связанной с противодействием экстремизму. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, это право может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В контексте УИС таким законом выступает Уголовно-исполнительный кодекс.

Пределы религиозной деятельности осужденных устанавливаются через:

1. Режимные требования: соблюдение распорядка дня, правил поведения, запрет на хранение предметов, не разрешенных к использованию в УИС под видом культовых.
2. Требования безопасности: недопущение деятельности, направленной на насильственное изменение основ конституционного строя, разжигание религиозной вражды, пропаганду превосходства по религиозному признаку.
3. Процедурные барьеры: необходимость приглашения священнослужителей через администрацию и только из зарегистрированных религиозных организаций.

Критерии отграничения законной религиозной деятельности от экстремистских проявлений носят комплексный характер и требуют оценки по следующим параметрам:

- Цель деятельности: законная деятельность направлена на удовлетворение духовных потребностей; экстремистская — на распространение идеологии исключительности, оправдание насилия, дестабилизацию обстановки в учреждении.
- Содержание вероучения: соответствие или несоответствие базовым принципам традиционных для России религий (в информационно-оценочном ключе, без наделения их особым правовым статусом), наличие в интерпретируемых текстах призывов к вражде и насилию.
- Контекст и методы: законная деятельность осуществляется открыто, с участием официального священнослужителя; экстремистская часто носит конспиративный характер, сопровождается давлением на других осужденных, созданием «своих» правил и иерархий, противоречащих установленному порядку.
- Последствия: совершение действий, образующих объективную сторону составов преступлений экстремистской направленности, предусмотренных главой 29 УК РФ (ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ и др.).

Например, коллективное изучение Корана под руководством имама, приглашенного из Духовного управления мусульман, является законной деятельностью. В то же время те же действия, проводимые неким «авторитетом» среди осужденных, в ходе которых проповедуется необходимость «джихада» против сотрудников УИС и «неверных», призывается к созданию группировки для противодействия администрации, однозначно должны квалифицироваться как экстремистские и пресекаться всеми законными средствами.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что религиозная деятельность осужденных представляет собой специфический объект правового регулирования, характеризующийся внешней, объективированной формой выражения религиозных убеждений, осуществляемой в условиях пенитенциарного учреждения. Ее содержание раскрывается через систему форм (индивидуальная, коллективная, частная, публичная), каждая из которых имеет собственный правовой режим.

Установление пределов данной деятельности напрямую связано с задачей противодействия экстремизму. Предложенные критерии разграничения, основанные на оценке цели, содержания, контекста и последствий, носят практико-ориентированный характер и могут быть использованы в правоприменительной деятельности сотрудников УИС для принятия обоснованных решений. Четкое определение понятийного аппарата и юридических границ религиозной деятельности будет способствовать как реальному обеспечению конституционных прав осужденных, так и укреплению законности и правопорядка в уголовно-исполнительной системе.

Список литературы:

[1] Алиев Ш.Р. Противодействие экстремизму в исправительных учреждениях: правовые и организационные проблемы // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 44–50.

[2] Березиков В.В. Религиозные объединения и уголовно-исполнительная система: взаимодействие в сфере защиты прав осужденных // Российская юстиция. 2021. № 8. С. 110–114.

[3] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

[4] Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

[5] European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (as amended by Protocols Nos. 11 and 14) // ETS No. 005. Rome, 04.11.1950.

References:

[1] Aliyev S.R. Countering extremism in correctional institutions: legal and organizational problems//Bulletin of the Kuzbass Institute. 2020. № 4 (45). S. 44-50.

[2] Berezikov V.V. Religious associations and the penal system: interaction in the field of protecting the rights of convicts//Russian justice. 2021. № 8. S. 110-114.

[3] Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 01.07.2021) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. № 2. Art. 198.

[4] Federal Law of 26.09.1997 No. 125-FZ (as amended by 30.12.2020) “ On Freedom of Conscience and on Religious Associations “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. № 39. Art. 4465.

[5] European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (as amended by Protocols Nos. 11 and 14) // ETS No. 005. Rome, 04.11.1950.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-340-346

СОКОЛОВА Елена Валерьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского института (филиала)
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
e-mail: 89052617672@mail.ru

КИРИЛЛОВА Яна Максимовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского института (филиала)
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
e-mail: yana.lawyer@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕКОТОРЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Коррупция является одной из глобальных угроз национальной безопасности, препятствует развитию экономики, становлению гражданского общества, повышению уровня жизни населения, ставит под угрозу сам факт существования государства, девальвирует нравственные ценности общества. Основными задачами борьбы с коррупцией в России следует назвать выявление и пресечение должностных преступлений, и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности.*

Авторами изучены: 156 судебных постановлений, научные статьи и монографии по проблемам уголовной ответственности за совершение некоторых должностных преступлений, что позволило сделать вывод о наличии квалификационных проблем, влияющих на эффективность борьбы с коррупцией. В настоящем исследовании предложены возможные пути решения таких проблем.

Ключевые слова: *должностное преступление, должностное лицо, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, получение взятки, служебный подлог.*

SOKOLOVA Elena Valerievna,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal Law and Procedure
St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
“All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry
of Justice of the Russian Federation)”

KIRILLOVA Yana Maksimovna,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Criminal Law and Procedure
St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
“All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry
of Justice of the Russian Federation)”

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CERTAIN OFFICIAL CRIMES

Annotation. *Corruption is one of the global threats to national security, hinders the development of the economy, the formation of civil society, and the improvement of the standard of living of the population, endangers the very existence of the state, devalues the moral values of society. The main objectives of the fight against corruption in Russia should be called the detection and suppression of official crimes, and bringing the perpetrators to criminal responsibility.*

The authors studied: 156 court rulings, scientific articles and monographs on the problems of criminal liability for certain official offenses, which led to the conclusion that there are qualification problems affecting the effectiveness of the fight against corruption. The present study suggests possible solutions to such problems.

Key words: *official crime, official, abuse of official authority, abuse of official authority, receiving a bribe, forgery.*

Введение

Коррупционные проявления присущи не только государственному управлению и механизму реализации государственной власти; они являются распространенными в различных сферах общественной жизни.

Дела о совершении коррупционных преступлений, в том числе, о получении взятки, расследуются длительный период времени, при этом правоохранительные органы зачастую сталкиваются с организованным противодействием уголовному преследованию. Кроме того, многие преступления коррупционной направленности характеризуются исключительно высокой латентностью.

Проблемы разграничения и квалификации преступлений коррупционной направленности относится к числу наиболее сложных и вместе с тем недостаточно разработанных теорией уголовного права.

Должностные преступления совершаются преимущественно должностными лицами, которые используют свои полномочия и (или) служебное положение вопреки интересам службы, человека (его прав и свобод), общества и государства.

Цель настоящего исследования – поиск проблем квалификации некоторых должностных преступлений и выявление наиболее часто встречающихся ошибок в квалификации таких преступлений на практике.

Основными задачами исследования следует назвать анализ судебно-следственной практики, научной литературы по вопросу уголовной ответственности за некоторые должностные преступления, выявление проблем правоприменения и разработка предложений по решению выявленных проблем.

В процессе исследования использовались как общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция, метод обобщения), так и специальные методы познания: логический, анализ судебной практики.

Степень разработанности темы достаточно высокая, изучением проблем уголовной ответственности за совершение должностных преступлений занимались такие ученые, как А.А. Аслаханов, Б.В. Волженкин, Б.В. Здравомыслов, Н.М.Ковалева, М.А. Любавина, А.Б. Сахаров, А.Н. Трайнин, Б.С. Утевский, В.Н. Ширяев, В.Ф. Щепельков, А.Я. Эстрин, П.С. Яни, и другие.

В процессе исследования авторами были выявлены следующие проблемы квалификации коррупционных преступлений: ошибочность квалификации при конкуренции общей и специальной нормы; неправильная оценка судами использования субъектом должностного преступления своих полномочий; ошибки при разграничении должностных преступлений со смежными составами преступлений.

Понятие должностного преступления

В советский период развития теории уголовного права было сформулировано понятие должностного преступления как посягательства на правильную, отвечающую интересам социалистического строительства работу государственного и общественного аппарата со стороны работников этого аппарата [1, с. 43].

По мнению Н.М. Ковалевой, должностное преступление - общественно-опасное деяние (действие или бездействие), которое совершается должностным лицом, использующим свое служебное положение вопреки интересам службы, и причиняет существенный вред правильной деятельности государственного аппарата [2, с. 18]. Похожее определение понятия должностного преступления предлагается в научной статье И.Г. Гутиевой и З.З. Маздоговой, дополнительно в качестве последствия должностного преступления ученые указывают наступление существенного вреда и нарушение законных интересов и прав граждан, организаций, либо охраняемых законом интересов общества и государства [3, с. 232-234].

Понятие должностного лица, как субъекта должностного преступления, содержится в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. Основным признаком должностного лица следует назвать его специальные полномочия: организационно-распорядительные, административно-хозяйственные или

полномочия представителя власти, которые должны осуществляться в соответствии с задачами и интересами государственной, муниципальной, военной или иной службы, приравненной к ним.

В рамках настоящего исследования, под должностным преступлением понимается виновное, противоправное и общественно опасное деяние (в форме действия или бездействия), совершенное лицом, занимающим определенную должность, которое нарушает установленный порядок государственной власти, интересы государственной службы или службы в органах местного самоуправления, и за которое предусмотрена уголовная ответственность согласно законодательству России.

Проблема квалификации получения взятки

Достаточно большое число ошибок, допущенных судами при применении уголовно-правовых норм, приходится на неправильную квалификацию получения взятки.

Выделим два уровня противоправного коррупционного, посредством которых смоделировать место состава получения взятки в системе преступлений коррупционной направленности.

Первым из них является взяточничество, которое объединяет ряд преступлений, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена в Уголовном кодексе РФ: получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество, т.е. сложное комплексное явление, охватывающее коррупционное поведение должностных лиц, предпринимателей и граждан и включающее осуществление их подкупа в целях удовлетворения личных потребностей или ради будущего извлечения прибыли юридическим лицом.

Вторым уровнем противоправного поведения является собственно получение взятки и ее передача, составляющие основу коррупционных взаимоотношений, состоящих в подкупе и выступающих типичным его способом. Таким образом, действующее уголовное законодательство содержит особую систему норм, включающую преступления коррупционной направленности, взяточничество и непосредственно получение взятки.

Эффективное противодействие коррупции невозможно без комплекса мероприятий, направленных на недопущение возникновения коррупционных проявлений. С учетом сложившейся традиции особую роль здесь играет установление и развитие положений об уголовной ответственности за взяточничество.

Объектом данной группы преступлений является комплекс общественных отношений, обеспечивающих нормальную и законную деятельность органов власти.

Объективная сторона получения взятки (ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации) выражается в получении должностным лицом, иностранным должностным лицом или должностным лицом публичной международной организации лично или посредством передачи взятки за совершение действий (бездействия) в пользу взяточника или лиц, представляемых им. ему, если эти действия (бездействие) подпадают под должностное обязательство способствовать этим действиям (бездействию), а также в целях общего покровительства или соучастия по службе.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» провел развернутый анализ признаков объективной стороны состава получения взятки, предусмотренного ст. 290 УК РФ. К правовым позициям Пленума следует отнести указание на совершение должностным лицом иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации в пользу интересов взяткодателя или представляемого им лица, получение предмета взятки, также Пленум учел факт принятия должностным лицом незаконного вознаграждения, и ожидаемые взяткодателем действия должностного лица.

Фактическое совершение конкретных действий в пользу взяткодателя или представляемых им лиц не обязательно, важно именно их потенциальное совершение. Также Пленум Верховного Суда РФ учел альтернативную вероятность личного принятия должностным лицом предмета взятки или его части и использование при этом услуг посредника, так, например, преступление считается оконченным с момента зачисления с согласия должностного лица на указанный им счет денежных средств на «электронный кошелек» независимо от реальной возможности пользования или распоряжения данными средствами.

Поскольку для признания получения взятки оконченным преступлением не имеет значение совершены ли действия в пользу взяткодателя в реальной действительности, или нет, отнесем конструкцию состава получения взятки к формальным. Также не оказывает влияния на квалификацию содеянного по соответствующей части ст. 290 УК РФ порядок передачи предмета взятки – до или после совершения требуемых действия (бездействия) за взятку, а равно общего покровительства по службе.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 также обращено внимание судов на то, что совершение взяткополучателем таких действий, которые образуют самостоятельный состав преступления, требует квалификации по совокупности (например, по ст. 289 УК

РФ). Действия (бездействие) за взятку должны соответствовать должностным полномочиям должностного лица.

Таким образом, можно резюмировать, что основной состав получения взятки сконструирован так, чтобы обеспечить неотвратимость наказания должностного лица, использующего противоправным образом предоставленные законом полномочия в силу занимаемой должности.

Общественно опасные последствия взяточничества проявляются и материализуются в действиях, а не в намерениях и обещаниях.

Рассмотрим на чем основаны рекомендации Пленума и насколько они согласуются с современными научными представлениями об этом социально-правовом феномене, как конструкция состава по объективной стороне и требованиями закона.

Формальные составы в предлагаемой классификации характеризуются только действиями. В них не оговариваются вредные последствия, они скрыты и непосредственно включены в состав состава преступления.

В материальных составах законодатель включает в картину преступной деятельности все признаки объективной стороны: действия, последствия и причинно-следственную связь между ними.

Отвергая существование формальных и материальных структур, сводят по сути свои возражения к тому, что все преступления, независимо от того, к какой группе они принадлежат, имеют негативные последствия виде причинения вреда охраняемым законом ценностям. Невозможно отрицать тот очевидный факт, что любые преступления, составы которых сконструированы как по типу формальных, так и материальных, влекут за собой вредные последствия, иначе они не могут быть признаны преступными и криминализированы. Но при этом особенности, а также масштабы вреда, причиняемого данными уголовно-наказуемыми деяниями, что в судебно-следственной практике их весьма трудно, а порой бывает невозможно определить, именно поэтому они не включены в конструкцию состава преступления.

Размер взятки, дифференцированный в частях ст. 290 УК РФ (конкретно определённый в примечании к ст. 290 УК РФ), выполняет важную диагностическую функцию, так как является объективным основанием для определения размера уголовной репрессии и дифференциации степени общественной опасности рассматриваемых деяний. В частности, исходя из размера причиненного ущерба, уголовное законодательство выделяет квалифицированные виды взяточничества.

Обратимся к анализу роли посредника во взяточничестве. Занимая особое место в цепочке дачи-получения предмета взятки, посредник чаще всего выполняет разовые поручения взяткодателя и не владеет информацией о всех нюансах преступления иных лиц. Все действия участников коррупционных отношений, несмотря на их многообразие, в конечном счете, сводятся к передаче и получению незаконного вознаграждения в оговоренном размере.

Но если строго следовать рекомендациям высшей судебной инстанции, то действия всех участников преступной сделки, включая посредника, следует расценивать как оконченное преступление.

Мнимое посредничество также следует отличать от мошенничества. Мнимое посредничество - это действие лица, выражающееся в получении от кого-либо материальных ценностей, якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, но, не делая этого, присваивает их себе. То, что делается в таких случаях, должно квалифицироваться как мошенничество при условии достоверного установления намерений предполагаемого посредника, что возможно только в том случае, если будут установлены все участники цепочки «взятка - посредник - получатель». Действия владельца материальных ценностей в таких случаях подлежат квалификации как покушение на дачу взятки (часть 3 статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации). Если предполагаемый посредник также склоняет лицо к даче взятки, что приводит к возникновению намерения совершить преступление, то это деяние также квалифицируется как склонение к попытке дачи взятки.

При квалификации мнимого посредничества необходимо уточнить процессуальный статус сторон. При совершении преступления, направленного на дачу взятки должностному лицу, посредник может увеличить свою часть или всю сумму передаваемой взятки. Необходимо в целях совершенствования юридической техники необходимо прописать в положении статьи 291.1. такую оговорку, которая охватывала бы состав деяния посредника, связанного с присвоением взятки. Такая композиция обеспечит качественный внешний вид, а ее содержание фактически будет основным.

Следует отметить, что на мелкие взятки статья 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации не распространяется, поскольку посредничество во взяточничестве возможно при существенной взятке – сумма превышает двадцать пять тысяч рублей, а незначительная взятка не превышает десяти тысяч рублей.

Мелкое взяточничество охватывает два вида преступлений: получение взятки и дача взятки. Соответственно, рассматриваемое преступление содержит схожий объективный аспект,

который характерен для таких преступлений, как получение и дача взятки. Таким образом, поскольку мелкое взяточничество представляет собой коллективную структуру (она включает в себя взяточничество и подкуп взяткодателей), субъект преступления будет неоднородным.

Интересной представляется позиция Пленума, в которой он пытается совместить толкование продолжаемого преступления с общим покровительством или попустительством по службе и придать ему универсальный характер, что, несмотря на привлекательность такого подхода, остается очень спорным.

Единичное продолжающееся преступление - это целостная, непротиворечивая модель противоправного посягательства, характеризующаяся особыми свойствами преступного поведения. К особенностям продолжаемого преступления в виде взяточничества относят повторяющиеся действия, объединенные единой целью преступной деятельности. Цель является ключевым элементом совершаемого преступления, под целью совершения преступления понимают желаемый конечный результат, к которому стремится лицо, совершающее преступление.

Общее покровительство – это чаще всего неопределенные и во многом противоречивые действия людей, сопровождающие текущую деятельность коррупционного характера. При таком типе взаимодействия результат может полностью отличаться от того, на что надеялись стороны, а это не предполагает материальный и социальный обмен, на который рассчитывали коррупционеры. Может оказаться так, что коррупционные услуги должностного лица вообще могут не реализоваться, соответственно предмет взятки в виде денег или других материальных ценностей может быть отложена, исходя из ожидаемых действий или бездействия в будущем.

При достижении условий договорённости относительно дачи-получения взятки за общее покровительство или попустительство таковые могут состоять из расплывчатых деталей преступной сделки, они могут не оговариваться, а определяются исходя из объема полномочий и потенциала служебных возможностей должностного лица, также не определяется момент последнего действия, завершающего незаконную сделку. Получатель взятки может попросить у взяткодателя в случае изменения конкретных обстоятельств оказания преступных услуг увеличить размер «гонорара».

Если конечная цель не может быть достигнута в обозримом будущем, то систематическое получение взяток в форме самостоятельных представлений и повторяющихся действий может сводить на нет первичные мотивы. Субъективное отношение взяткополучателя на основании ч. 2 ст. 5 УК РФ является основным критерием оценки его поведения при совершении преступления. В этой связи, одной из проблем квалификации получения взятки является разграничение единого умысла на совершение одного преступления, выражающегося в нескольких эпизодах, и умысла на совершение нескольких самостоятельных и завершенных эпизодов получения различных взяток.

Таким образом, каждое такое деяние может становиться самостоятельным преступлением, не связанным с конечным результатом, поэтому систематически повторяющиеся действия, совершаемые в указанной форме взяточничества, имеют гораздо больше оснований рассматриваться как совокупность преступлений.

Продолжаемое взяточничество может быть признано оконченным преступлением только тогда, когда достигнута конечная цель намеченных действий, когда оно из абстрактных намерений превращается в объективную реальность.

Покровительство и попустительство, по своему смыслу, представляют собой неправомерные действия (бездействия), в связи с чем, целесообразно их предусмотреть в ч. 2 ст. 290 УК РФ.

Определить наличие умысла сложно в случае совершения нескольких преступлений, а именно, когда совершаются самостоятельные и завершенные эпизоды и когда имело место одно преступление, которое выражается в нескольких эпизодах. При квалификации взяточничества не следует автоматически подходить к выполнению положений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В каждой конкретной ситуации необходимо оценивать реальность действий взяткополучателя, принимая во внимание как объективный показатель (количество эпизодов преступной деятельности, их единообразие).

Проблема разграничения неоднократного и единого продолжаемого преступления, такого как получение взятки должна решаться так же, как решалась ранее. Следует возобновить в качестве квалифицирующего обстоятельства неоднократность получения взятки, т. е. добавить в ч. 5 ст. 290 УК РФ п. г) неоднократно. Так, каждый случай получения должностным лицом вознаграждения за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемого им лица должен квалифицироваться самостоятельно, а получение более чем одной взятки образует совокупность преступлений.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на проводимую государством политику, направленную на борьбу со взяточничеством, сегодня существует множество проблем. Эти

проблемы требуют детального изучения и дальнейшего устранения в целях эффективного предупреждения и расследования преступлений, связанных со взяточничеством.

Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями

Состав злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) является общим по отношению ко многим составам преступления, содержащимся в главе 30 УК РФ. При совершении некоторых преступлений возникает конкуренция между общей нормой (ст. 285 УК РФ) и иными специальными нормами. Общей правило квалификации при конкуренции общей и специальной нормы, предусмотренное ч. 3 ст. 17 УК РФ, предписывает применять специальную норму в целях привлечения виновного лица к уголовной ответственности.

Первая проблема в квалификации преступления возникает из-за некорректного применения статьи 292 УК РФ (служебный подлог). По сути, служебный подлог является специальным случаем злоупотребления служебным положением. Объективная сторона заключается в том, что должностное лицо вносит в официальные документы ложные сведения или искажает их истинное содержание путем внесения исправлений. Субъективная сторона совпадает с таковой при злоупотреблении полномочиями: преступление совершается умышленно, при наличии корыстной или иной личной заинтересованности. Субъектом преступления может быть должностное лицо, государственный или муниципальный служащий, наделенный правом составлять или изменять официальные документы

Согласно позиции Верховного Суда РФ, выраженной в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» предусмотрено правило, согласно которому в случаях, когда должностное лицо в связи с исполнением своих служебных обязанностей внесло в официальные документы заведомо ложные сведения либо исправления, искажающие их действительное содержание, содеянное должно быть квалифицировано по статье 292 УК РФ. Реальная совокупность указанных преступлений возможна только в случае установления отдельно всех признаков содеянного, идеальной совокупности ст. 285 УК РФ и ст. 292 УК РФ быть не может.

На практике часто встречаются квалификационные ошибки, как на этапе предварительного расследования, на этапе первичной квалификации, так и на этапе итоговой квалификации при вынесении судом приговора.

Так, например, Кассационным определением Верховного Суда РФ от 16 августа 2022 г. N 16-УДП22-13-К4 были изменены постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций в отношении Волчанской Л.В., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК, ч. 1 ст. 292 УК РФ и ч. 1 ст. 285 УК РФ, ч. 1 ст. 292 УК РФ. Изменяя постановления судов нижестоящий инстанций, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, исключила из осуждения Волчанской Л.В. по ч. 1 ст. 285 УК РФ и по ч. 1 ст. 285 УК РФ. При этом, суд в Определении указал, что в приговоре приведено идентичное описание преступных деяний, признанных доказанными, как по злоупотреблению должностными полномочиями, так и по служебному подлогу; изложены одни и те же обстоятельства преступлений и конкретные совершенные Волчанской Л.В. действия; указаны аналогичные мотивы, которыми она руководствовалась, схожие наступившие последствия и причиненный вред одинаковым общественным отношениям. В приведенной ситуации суды нижестоящих инстанций ошибочно квалифицировали одни и те же действия подсудимой по двум различным статьям Особенной части УК РФ: по ч. 1 ст. 285 УК РФ и по ч. 2 ст. 292 УК РФ.

Указанная квалификация является избыточной, противоречит принципу справедливости и нарушает правило квалификации при конкуренции общей и специальной нормы.

Следующая проблема квалификации связана с неправильным проведением разграничения злоупотребления полномочиями с такими формами хищений, совершенными должностными лицами, как мошенничество и растрата.

Существует несколько подходов судей к вопросу квалификации хищений совершенных с использованием должностного положения: в одних случаях содеянное оценивается по ст. 285 УК РФ и ч. 3 ст. 159 или ч. 3 ст. 160 УК РФ как совокупность преступлений, в других случаях – только по ст. 285 УК РФ, в третьем варианте содеянное квалифицируется как хищение с использованием своего служебного положения без вменения преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ.

Согласно позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», использование должностным лицом своих служебных полномочий, выраженное в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, полностью охватывается ч. 3 статьи 159 УК РФ или ч. 3 статьи 160 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 285 УК РФ не требуется.

Ошибки в квалификации, полагаем, связаны с непониманием правоприменителями разницы в причинении реального имущественного ущерба и существенным нарушением законных интересов и государства.

В качестве очевидного примера можно привести хищения, совершаемые главами администраций в отношении муниципальных земельных участков. Зачастую преступление совершается по одному шаблону – глава администрации вносит недостоверные сведения в постановление о предоставлении земельного участка, и далее, либо оформляет на себя указанное имущество, либо за отдельную плату передает такое постановление третьим лицам для последующей незаконной регистрации земельного участка. В указанном случае глава администрации становится соучастником или исполнителем хищения (в зависимости от того, кто выполняет объективную сторону), исполнителем служебного подлога. При этом преступлением причиняется реальный материальный ущерб – из муниципальной собственности незаконно выбывает земельный участок, имеющий определенную стоимость. Такие преступные деяния, свидетельствующие о наличии признаков хищения, ошибочно расцениваются судами как злоупотребление должностными полномочиями.

Заключение

Проведенное исследование и анализ ряда распространенных проблем квалификации должностных преступлений, с учетом сложившейся судебной практики, позволили выявить серьезные квалификационные ошибки.

К числу основных проблем квалификации следует отнести ее избыточность в большинстве случаев оценки преступных деяний должностных лиц, а также формальный подход к вменению отдельных признаков составов должностных преступлений.

Особого внимания заслуживает проблема правильной оценки действий должностных лиц, использующих свое служебное положение для совершения хищений. В таких случаях квалификация таких действий зачастую оказывается недостаточной или ошибочной: суды ограничиваются вменением должностного преступления (ст. 285 или 292 УК РФ), без должной оценки признаков хищения. Это способствует уклонению должностных лиц от ответственности и формирует устойчивую практику ошибочной квалификации их действий.

Представляется, что подобные ошибки являются недопустимыми и подлежат отдельному изучению и разрешению, в том числе в рамках подготовки соответствующих разъяснений в Постановлениях Пленума и Обзорах Верховного Суда РФ.

Корректное применение уголовного закона в части квалификации должностных преступлений способствует эффективной борьбе с коррупционными преступлениями и обеспечению принципа справедливости и неотвратимости наказания.

Список литературы:

[1] Волженкин Б.В. Служебные преступления. М. 2000. 367 с.

[2] Ковалева Н.М. Должностное лицо и должностное преступление в уголовном праве России : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. - Ростов-на-Дону, 2004. - 23 с.

[3] Гутиева И.Г., Маздогова З.З. Понятие должностного преступления // Право и управление. № 9. 2023. С. 232-234.

References:

[1] Volzhenkin B.V. Service crimes. M. 2000. 367 pp.

[2] Kovaleva N.M. Official and official crime in the criminal law of Russia: abstract dis.... PhD in Law: 12.00.08/Growth. jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. - Rostov-on-Don, 2004. - 23 s.

[3] Gutieva I.G., Mazdogova Z.Z. The concept of malfeasance//Law and management. № 9. 2023. S. 232-234.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-347-350

ШУВАЛОВ Александр Павлович,
старший преподаватель
кафедры тактико-специальной подготовки
Волгодонского филиала Ростовского
юридического института МВД России,
e-mail: a.shuvalov72@mail.ru

СИДОРОВ Александр Викторович,
кандидат технических наук,
заместитель начальника кафедры радиотехнических
систем и комплексов охранного мониторинга
Воронежского института МВД России,
e-mail: fisherman.16.10.1980@gmail.com

ЩЕРБАКОВА Ирина Владимировна,
кандидат технических наук, доцент,
заведующий кафедрой автоматизации
производственных процессов ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный лесотехнический
университет имени Г.Ф. Морозова»,
e-mail: shcherbakovaiv@vglta.vrn.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАЗОБЛАЧЕНИЯ ЛЖИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые актуальные тактические подходы к выявлению и разоблачению лжи допрашиваемых лиц. Авторами акцентировано внимание на определенных признаках, которые могут являться специфическими сигналами для определения лжи при проведении допроса. Актуализирована проблема постоянного совершенствования научно-методического обеспечения следственной деятельности в части противодействия лжи исходя из ее междисциплинарности.*

Ключевые слова: *следственная тактика, тактические приемы, допрос, ложные показания, психофизиологические реакции, доказательства*.

SHUVALOV Alexander Pavlovich,
Senior Lecturer at the Department
of Tactical and Special Training
of the Volgodonsk Branch
of the Rostov Law Institute Ministry
of Internal Affairs of Russia

SIDOROV Alexander Viktorovich,
Candidate of Technical Sciences,
Deputy Head of the Department of Radio Engineering
Systems and Security Monitoring Complexes
at the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

SHCHERBAKOVA Irina Vladimirovna,
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor, Head of the Department
of Industrial Process Automation,
Voronezh State Forestry Engineering University
named after G.F. Morozov

ON SOME ISSUES OF USING TACTICS TO IDENTIFY AND EXPOSE LIES DURING INTERROGATION

Annotation. *The article discusses some relevant tactical approaches to identifying and exposing the lies of the interrogated persons. The authors focus on certain signs that may be specific signals for detecting lies during interrogation. The problem of continuous improvement of scientific and methodological support for investigative activities in countering lies is actualized based on its interdisciplinarity*.

Key words: *следственная тактика, тактические приемы, допрос, ложные показания, психофизиологические реакции, доказательства.*

Опыт следственной работы, а также анализ материалов уголовных производств дают основания утверждать, что процесс доказывания в расследовании преступлений нельзя представить без использования тактики проведения допроса подозреваемых, свидетелей, потерпевших и др. Мировая история юриспруденции свидетельствует, что допрос, как способ получения вербальной информации, применялся уже на протяжении нескольких тысячелетий во всех центрах мировых цивилизаций: древние Египет и Месопотамия, Индия и Китай, античные Греция и Рим, что находит свое отражение как в священных религиозных книгах, так и специальных древних трактатах. И уже, начиная с периода зарождения юридической науки, на передний план выходит проблема получения правдивых показаний для установления истины. Несмотря на то, что в период Древнего мира и последовавшим за ним Средневековье, активно применялись физическое и психическое насилие, разнообразные пытки, шантаж и угрозы, мы можем проследить и основы следственной тактики, которая, являясь своеобразным интеллектуальным противоборством с преступником, постепенно вытеснила нецивилизованные способы получения правдивой информации и с течением времени заняла прочное место в уголовном судопроизводстве, продолжая развиваться и совершенствоваться параллельно с трансформацией преступности. В настоящее время допрос, как законный источник получения информации по делу, не потерял своего процессуального значения, более того, он занимает центральное место в системе всех следственных действий и является обязательным в уголовном судопроизводстве. Каждый допрос направлен на получение следствием показаний, которые имеют значение для установления истины по делу. Непосредственной целью допроса является получение полных и правдивых сведений о расследуемом событии и его отдельных обстоятельств. Наиболее сложной на практике ситуацией является допрос, во время которого лицо дает ложные, либо сознательно неполные показания. Преодоление такой позиции допрашиваемого требует от следователя, а на стадии судебного рассмотрения, от прокурора и судьи максимальной умственной концентрации внимания и применения тактических приемов, направленных на распознавание и изобличение лжи. Следует исходить из того что причиной ложных показаний допрашиваемых лиц всегда является попытка избежать ответственности самому или отвести подозрение от других участников преступления, а нередко – направить следствие по ложному пути либо запутать его. Лицу, проводящему допрос, необходимо решить в первую очередь целый комплекс связанных между собой тактических задач: определить, что показания являются ложными; установить признаки лжи; разоблачить ложность показаний, наглядно продемонстрировав допрашиваемому свою осведомленность о его лжи; установить причины подобной тактики защиты лица; попытаться убедить или вынудить допрашиваемого изменить свою тактику и начать давать правдивые показания. При реализации указанной тактики следователю необходимо понимать, что у допрашиваемого лица, которое сознательно приняло решение давать ложные показания, вступают в конфликт два варианта поведения: продолжить обманывать следствие или сдаться морально-психологическому натиску представителя правосудия и изменить свою позицию. Подобный выбор может быть зачастую мучительным, так как присоединяется тревога ухудшить свое положение столь длительным запирательством, которое все равно не устоит перед «мощной следственной машиной», а себе однозначно навредит. У некоторых лиц подобная тактика запирательства ассоциируется с ситуацией, когда с каждым новым допросом пути назад отрезаются навсегда, поэтому, может быть, именно сейчас возможно воспользоваться «последним шансом», которого завтра уже не будет. Такие мучительные сомнения нередко вызывают сильное психологическое напряжение, проявляющееся также и на поведенческом, и психосоматическом уровнях. Постоянная попытка выбрать оптимальную позицию вызывает у допрашиваемого психологическое напряжение, которое тем или иным образом проявляется (поведение, мимика, жестикуляция, особенности и стиль речи) и фиксируется. «Стимулами могут быть определенные вопросы, фото-

графии, видео, вещественные доказательства, то есть все, что может провоцировать психофизиологическую реакцию» [1]. Все указанные особенности в совокупности с некоторыми видимыми психосоматическими реакциями (потливость, жажда, кашель и першение в горле, не связанные с заболеванием, подергивание лицевых мышц, перепады настроения и др.) могут в определенной мере указывать на внутренний психологический конфликт в связи с дачей ложных показаний и лицу, проводящему допрос необходимо уметь отличать симптомы, которые могут свидетельствовать о лжи. Помимо психофизиологических, следует акцентировать внимание на чисто тактических моментах. Ложь зачастую проявляется в противоречии показаний допрашиваемого другим собранным по делу доказательствам; в неопределенности и неконкретности сведений, содержащихся в показаниях; в описании некоторых событий с чрезмерной точностью; в разном объяснении одних и тех же событий на разных допросах; в настойчивом неоднократном повторении допрашиваемым по собственной инициативе каких-либо утверждений; в «пробалтывании», т. е. невольных высказываниях достоверной информации; в уходе от ответа на прямой вопрос; в сокрытии фактов, которые по данным следствия хорошо известны допрашиваемому; во внешних проявлениях психики допрашиваемого как реакции на конкретные вопросы [2]. Тактические приемы разоблачения ложных показаний разработал еще видный советский и российский ученый-криминалист Р.С.Белкин, разделив их на три основные группы:

– приемы эмоционального воздействия;
– приемы логического воздействия;
– тактические комбинации.

К числу приемов логического воздействия в части порядка предъявления доказательств ученый предложил два варианта:

– предъявление доказательств, которые опровергают показания допрашиваемого последовательно в соответствии с их доказательной силой: от менее веских к более веским;
– предъявление сразу наиболее важного доказательства.

Следователям было рекомендовано в затруднительных случаях предъявлять доказательства, требующих от допрашиваемого детализации показаний, что ожидаемо должно привести к противоречиям между ним и соучастниками. Кроме того, всесторонний логический анализ противоречий, выявленных в ходе дела, может помочь убедить допрашиваемого в бессмысленности занятой им позиции [3]. В случае, когда у следствия имеются данные, что то или иное лицо дает ложные показания, в первую очередь, следует установить причины подобных действий гражданина, что может потребовать от следователя нестандартного, творческого и даже исследовательского подхода. В таких случаях обычно рекомендуется собрать и проанализировать биографические данные лица, его характеристики, психологический портрет, установить контакты, интересы, хобби и пр. Немаловажным будет и анализ его положения в социальной среде, преступной группе, наличие авторитета и влияния на соучастников, свидетелей, потерпевших и других лиц, проходящих по делу. Следователь может не только выявлять ложные показания, но и прогнозировать их со стороны определенных лиц. В таких случаях при составлении плана расследования целесообразно определить последовательность следственных действий и очередность допросов соучастников и свидетелей, которые могут зависеть от множества разнообразных факторов, но, главным образом, от сформированности базы доказательств, причастности каждого из участников и от объема сведений которыми обладают те или иные лица. Кроме того, необходимо тщательно исследовать всю систему взаимоотношений, которая сложилась между проходящими по делу лицами на момент совершения преступления, а также ее возможную эволюцию с выявлением определенных рубежей трансформации. При решении этой проблемы целесообразно вновь обратиться к биографическому методу и применить нестандартный, исследовательский подход. Особенности личности соучастников преступления и их различный социальный (криминальный) статус может создать определенные противоречия между ними и спровоцировать скрытый или явный конфликт, который должен быть непременно использован при проведении расследования уголовного дела, главным образом, с целью противодействия лжи. В первую очередь необходимо выяснить, с какой целью лицо дает ложные показания, имеет ли место сознательный умысел, личная инициатива либо, это является вынужденной мерой, навязанной чужой волей. Наиболее частой причиной является страх: ответственности, мести, осуждения, потери уважения в своей среде. Изучив личность допрашиваемого лица, установив наиболее вероятные причины и мотивы его позиции на допросе, следователь может использовать выработанные криминалистической наукой тактические приемы, наиболее подходящие в данной конкретной следственной ситуации. Но, на наш взгляд, основная проблема в деле противодействия лжи со стороны виновных лиц на разных стадиях уголовного судопроизводства состоит не столько «в вопросах разработки соответствующих научных методик, сколько внедрения их и уже существующих в практику правоохранитель-

ных органов» [4]. Кроме того, по нашему мнению, «наука противодействия лжи» носит междисциплинарный характер и включает в себя не только систему криминалистики, но и психологию, социологию, логику, криминологию, судебную экспертизу и многие другие отрасли современного знания, поэтому эффективность такого противодействия во многом будет зависеть от желания и готовности сотрудников, находящихся на защите Закона, идти в ногу со временем и научным прогрессом, постоянно развиваться и повышать свой профессионализм, совершенству которого, как известно, нет предела.

Список литературы:

[1] Шувалов А. П. Актуальные вопросы применения инструментальной детекции лжи в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности современной России / А. П. Шувалов, Е. С. Караваев, Н. Л. Голикова // Закон и право. – 2020. – № 8. – С. 152-154.

[2] Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. — Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. — 192 с.

[3] Лившиц Е. М. Тактика следственных действий / Е. М. Лившиц, Р. С. Белкин. - Москва : Новый Юристъ, 1997. - 176 с.

[4] Шувалов А. П. О некоторых вопросах взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений / А. П. Шувалов, Д. А. Сошнева, Н. Р. Шайдуллина // Закон и право. – 2020. – № 10. – С. 176-178.

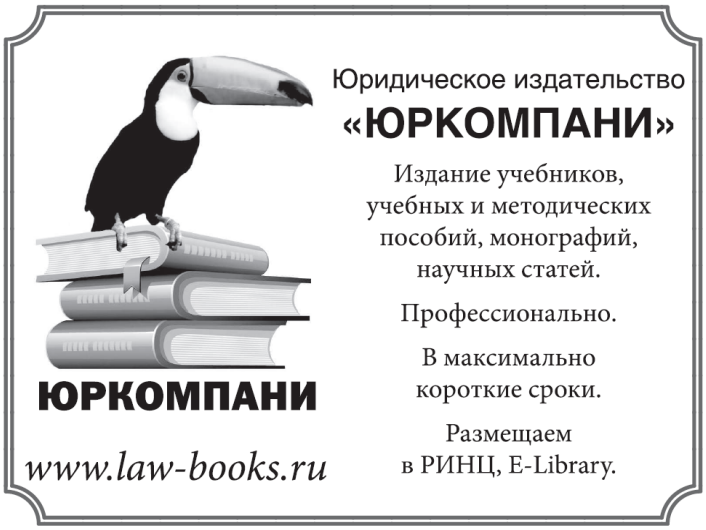
References:

[1] Shuvalov A.P. Topical issues of the use of instrumental lie detection in criminal proceedings and operational-search activities of modern Russia/ A.P. Shuvalov, E.S. Karavaev, N.L. Golikova//Law and Law. – 2020. – № 8. - S. 152-154.

[2] Zakatov A.A. Lying and fighting it. - Volgograd: Lower Volga. Prince Publishing House, 1984. - 192 s.

[3] Livshits E. M. Investigative tactics/E. M. Livshits, R. S. Belkin. - Moscow: New Lawyer, 1997. - 176 s.

[4] Shuvalov A.P. On some issues of interaction between the investigator and employees of operational units in solving and investigating crimes/A.P. Shuvalov, D.A. Soshnev, N.R. Shaydullina//Law and Law. – 2020. – № 10. - S. 176-178.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-351-356

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

КОМПЛЕКСНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ К ОСУЖДЕННЫМ, ОТБЫВАЮЩИМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ МЕР ПООЩРЕНИЯ И ВЗЫСКАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Целью исследования явились организационно-правовые и психологические аспекты комплексного применения мер поощрения и взыскания к осужденным к принудительным работам. Для ее реализации использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие организационно-правовое и психологическое содержание воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных, ее совершенствование на основе комплексного применения мер поощрения и взыскания к осужденным. Установлено, что меры поощрения и взыскания, применяемые администрацией ИЦ (УФИЦ) к осужденным, отбывающим принудительные работы является важным организационно-правовым и психологическим элементом воспитательной работы, проводимой с ними. Оказания на них воспитательно-профилактического воздействия в целях исправления, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, предупреждения возможных нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ, противоправных действий и преступлений. Эффективность воспитательной работы определяется систематическим, комплексным использованием мер поощрения и взыскания совместно с классическими формами и методами воспитательной работы, распространенными в отечественной пенитенциарной практике, а также современными приемами и технологиями (включая цифровые и информационные). Комплексное применение мер поощрения и взыскания к осужденным к обязательным работам целесообразно реализовывать в контексте конкретной модели воспитательной работы, определяемой внешними и внутренними условиями отбывания наказания, а также особенностями социально-демографической, психологической, уголовно-правовой и криминологической характеристик осужденного. Уровнем развития профессиональных компетенций сотрудников ИЦ (УФИЦ), реализующих воспитательно-профилактическое воздействие на осужденных.*

Ключевые слова: *принудительные работы, меры поощрения и взыскания, осужденные, сотрудники, воспитательная работа, исправительные центры, уголовно-исполнительная система, воспитательно-профилактическое воздействие.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

COMPREHENSIVE APPLICATION OF INCENTIVE AND PUNISHMENT MEASURES TO CONVICTS SERVING FORCED LABOR AS AN ELEMENT OF EDUCATIONAL WORK CARRIED OUT IN CORRECTIONAL CENTERS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the organizational, legal and psychological aspects of the complex application of measures of encouragement and punishment to those sentenced to forced labor. To implement it, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, which analyzed legislative and departmental legal acts, scientific publications, as well as materials revealing the organizational, legal and psychological content of educational work. with convicts serving sentences in the form of forced labor, its improvement is based on the comprehensive application of measures of encouragement and punishment to convicts. It has been established that the measures of encouragement and punishment applied by the administration of the IC (UFIC) to convicts serving forced labor is an important organizational, legal and psychological element of the educational work carried out with them. Providing educational and preventive effects on them for the purpose of correction, re-socialization, social adaptation and social rehabilitation, prevention of possible violations of the order and conditions of serving forced labor, illegal actions and crimes. The effectiveness of educational work is determined by the systematic, comprehensive use of incentive and punishment measures in conjunction with classical forms and methods of educational work common in domestic penitentiary practice, as well as modern techniques and technologies (including digital and information). It is advisable to implement comprehensive measures of encouragement and punishment for those sentenced to compulsory labor in the context of a specific model of educational work determined by the external and internal conditions of serving a sentence, as well as the peculiarities of socio-demographic, psychological, criminal-legal and criminological characteristics of the convicted person. The level of development of professional competencies of the staff of the Information Center (UFIC), implementing educational and preventive measures for convicts.*

Key words: *forced labor, measures of encouragement and punishment, convicts, employees, educational work, correctional centers, penal enforcement system, educational and preventive impact.*

Введение. В настоящее время судами активно применяется такой вид наказания, не связанный с изоляцией осужденного от общества, как принудительные работы. В том числе в контексте применения статьи 80 УК РФ (при замене не отбытой части наказания более мягким видом) [1]. Потребности отечественной пенитенциарной практики, обусловленные совершенствованием национальной уголовной и уголовно-исполнительной политики, показывают необходимость дальнейшего организационно-правового и психологического развития указанного эффективного и прогрессивного вида наказания. Улучшения механизмов его реализации, одним из которых является воспитательная работа с осужденными, осуществляемая в соответствии со статьей 60.12 УИК РФ [2, с. 57-62]. Она заключается в оказании на них системного, комплексного воспитательно-профилактического воздействия, базирующегося на применении классических, распространённых в отечественной пенитенциарной педагогике и психологии форм и методов воспитательной работы [3, с. 160-167]. Активном внедрении в деятельность исправительных центров и участков, функционирующих как исправительные центры (далее ИЦ и УФИЦ) современных психолого-педагогических приемов и технологий, включая цифровые и информационные [4, с. 348-354].

Важным условием, детерминирующим эффективность воспитательной работы в условиях ИЦ, оказания на осужденных воспитательно-профилактического воздействия является комплексное применение сотрудниками мер поощрения и взыскания, регламентированных уголовно-исполнительным законодательством, ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России.

Методы и принципы исследования. Для изучения организационно-правовых и психологических аспектов комплексного применения мер поощрения и взыскания к осужденным к принудительным работам использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие организационно-правовое и психологическое содержание воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных, ее совершенствование на основе комплексного применения к осужденным мер поощрения и взыскания

Основные результаты. Материалы исследования позволили выявить взаимосвязь успешного воспитательно-профилактического воздействия на осужденных к принудительным работам с комплексным использованием в отношении них мер поощрения и взыскания. Первые регламен-

тированы статьей 60.13 УИК РФ. В указанной правовой норме законодатель сформулировал два основания применения мер поощрения, к которым отнес:

– хорошее поведение осужденных;
– добросовестное отношение осужденных к труду [5].

Таким образом, закон формализует положительное поведение и деятельность осужденных на основе такой психологической категории как система отношений. Указанные основания предполагают позитивное отношение осужденного к:

– порядку и условиям отбывания принудительных работ [6, с. 235-240];
– правам и обязанностям администрации ИЦ и УФИЦ, исполняющим рассматриваемый вид уголовного наказания;
– правилам внутреннего распорядка ИЦ, утвержденных Приказом Минюста от 04. 07.2022 г. № 110 [7];
– правам и обязанностям администрации организаций, в которых трудятся осужденные к принудительным работам;
– правилам внутреннего распорядка организаций, в которых работают осужденные [8];
– другим осужденным, содержащимся в ИЦ и УФИЦ;
– работниками организаций, в которых трудятся осужденные [9, с. 42-45];
– окружению осужденных из числа родственников и знакомых, с которыми они поддерживают контакты и социальные связи; [10, с. 392-397];
– трудовой деятельности по трудовой специальности [11, с. 2-6].

Указанная система отношений, характерная для осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ сопровождается и другими их психологическими характеристиками, способствующими «хорошему поведению» и «добросовестному отношению к труду». Следует отметить общий характер указанных оснований, предполагающий возможную детализацию исходя из конкретной ситуации и личности осужденного, его индивидуально-психологических характеристик и особенностей [12, с. 81-84].

Исходя из наличия перечисленных в статье 60.13. оснований, закон предусмотрел следующие виды поощрения, которые применяются администрацией ИЦ (УФИЦ) к осужденным к принудительным работам:

– благодарность;
– досрочное снятие ранее наложенного взыскания;
– предоставление возможности выезда за пределы ИЦ (УФИЦ) в границах муниципального образования, на территории которого он расположен, в выходные и праздничные дни [13].

Таким образом, меры поощрения можно рассматривать как важный современный инструмент воспитательной работы, осуществляемой сотрудниками ИЦ (УФИЦ). Оказания действенного воспитательно-профилактического воздействия с целью реализации конкретной модели воспитательной работы, предупреждения возможного нарушения порядка и условий отбывания наказания, совершения противоправных действий и преступлений [14, с. 265-270].

Исследование показало, что применение мер поощрения к осужденным, отбывающим принудительные работы должно носить комплексный характер и сочетаться с использованием мер взыскания, предусмотренных уголовно-исполнительным законом. В частности, статья 60.14 УИК РФ к осужденным, допустившим нарушения порядка и условий отбывания принудительных работ разрешает применять следующие виды взысканий:

– выговор;
– отмену права проживания с семьей на арендованной или собственной жилой площади:
– водворение в помещение для нарушителей на срок до 15 суток [15].

Таким образом, соблюдение порядка и условий отбывания принудительных работ является основной обязанностью осужденных. Ее несоблюдение влечет наступление дисциплинарных и иных последствий – применение мер взыскания, а также в случае злостного уклонения от отбывания наказания – его замену по представлению администрации ИЦ решением суда более строгим наказанием (лишением свободы с отбыванием в исправительной колонии или колонии-поселении) [16, с. 218-224].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

– Международной научно-практической конференции «Цели наказания: уголовные, уголовно-исполнительные, криминологические и иные аспекты (отечественный и зарубежный опыт)», состоявшейся 3-4 февраля 2023 в Амурском государственном университете. Доклад на тему: «Исполнение наказаний в виде принудительных работ: современные тенденции и перспективы»;
– Межрегиональной научно-практической конференции «Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы: исторические, теоретические, правовые и организационные аспекты» во Владимирском юридическом институте ФСИН России 7 дека-

бря 2023 года, с докладом на тему «Организация исполнения наказаний без изоляции от общества в развитых зарубежных странах: опыт и перспективы использования в отечественной пенитенциарной практике»;

– Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования применения различных видов наказаний: уголовно-правовой, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 30-летию со дня образования учебного заведения, состоявшейся в Самарском юридическом институте ФСИН России 11 января 2024 года. Доклад на пленарном заседании на тему: «Современные подходы организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы»;
– Всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ВЮИ ФСИН России 28 февраля 2024 года. Доклад на тему «Значение прокурорского надзора в реализации законодательства о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации»;
– Научно-практической конференции, состоявшейся 21.05.2024 г. в Российской Международной Академии туризма. Доклад на тему: «Правовой механизм привлечения осужденных к труду на объектах туристической инфраструктуры в свете реализации Федерального закона № 10 2023 г. «О пробации в Российской Федерации»;
– 24 Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк) 16-17 октября 2024 г. Доклад на пленарном заседании на тему «Актуальные вопросы исполнения принудительных работ: организационно-правовой и психолого-педагогический анализ»;
– Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 17–18 апреля 2025 г. в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему «Воспитательная работа с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ».

Заключение. Меры поощрения и взыскания, применяемые администрацией ИЦ (УФИЦ) к осужденным, отбывающим принудительные работы является важным организационно-правовым и психологическим элементом воспитательной работы, проводимой с ними. Оказания на них воспитательно-профилактического воздействия в целях исправления, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, предупреждения возможных нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ, противоправных действий и преступлений.

Эффективность воспитательной работы определяется систематическим, комплексным использованием мер поощрения и взыскания совместно с классическими формами и методами воспитательной работы, распространенными в отечественной пенитенциарной практике, а также современными приемами и технологиями (включая цифровые и информационные).

Комплексное применение мер поощрения и взыскания к осужденным к обязательным работам целесообразно реализовывать в контексте конкретной модели воспитательной работы, определяемой внешними и внутренними условиями отбывания наказания, а также особенностями социально-демографической, психологической, уголовно-правовой и криминологической характеристик осужденного. Уровнем развития профессиональных компетенций сотрудников ИЦ (УФИЦ), реализующих воспитательно-профилактическое воздействие на осужденных.

Список литературы:

[1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[2] Ковалев О.Г. Правовые и психологические особенности организации воспитательной работы с осужденными к принудительным работам // Международный научный вестник. 2025. № 8. С. 57-62.

[3] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[4] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Использование современных информационных и цифровых технологий для предупреждения повторных преступлений осужденных молодежного возраста, отбывающих наказания без изоляции от общества // Международный научный вестник. 2025. № 5. С. 348-354.

[5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С.,

Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[6] Ковалев О.Г., Шаповалов В.С. Правовые и организационные проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ // Столыпинский вестник, 2021. Том 3. № 3. С. 235-240.

[7] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (с изменениями и дополнениями // Garant.ru (дата обращения 30.09.2025).

[8] Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Consultant ru. (дата обращения 30.09.2025).

[9] Ковалев О.Г. Актуальные вопросы исполнения принудительных работ: организационно-правовой и психологический анализ // В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы 24 Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2024. С. 42-45.

[10] Иконников Д.С., Ковалев О.Г. Организационно-правовые аспекты оказания психологической помощи осужденным к принудительным работам при реализации пенитенциарной пробации // Образование и право. 2024. № 7. С. 392-397.

[11] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Принудительные работы в системе уголовных наказаний современной России: правовая природа и актуальные вопросы исполнения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 1. С. 2-6.

[12] Ковалев О.Г. К вопросу организации воспитательной работы с осужденными к наказаниям без изоляции от общества в условиях исполнительной пробации // Перспективы науки. 2024. № 11 (182). С. 81-84.

[13] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[14] Ковалев О.Г. Современные модели организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы // Международный научный вестник. 2025. № 6. С. 265-270.

[15] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[16] Ковалев О.Г. Основные обязанности осужденных и их влияние на воспитательную работу в учреждениях, исполняющих наказания // Российский научный вестник. 2025. № 7. С. 218-224.

References:

[1] Russian criminal law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[2] Kovalev O.G. Legal and psychological features of the organization of educational work with those sentenced to forced labor // International Scientific Bulletin. 2025. No. 8. pp. 57-62.

[3] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing illegal behavior of convicts. Perspektivy nauki. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[4] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The use of modern information and digital technologies to prevent repeat crimes of youth convicts serving sentences without isolation from society. // International Scientific Bulletin. 2025. No. 5. pp. 348-354.

[5] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[6] Kovalev O.G., Shapovalov V.S. Legal and organizational problems of execution of punishment in the form of forced labor // Stolypinsky Bulletin, 2021. Volume 3. No. 3. pp. 235-240.

[7] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 “On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction System” (with Amendments and additions // Garant.ru (accessed 30.09.2025).

[8] The Labor Code of the Russian Federation” dated 12/30/2001 No. 197-FZ (as amended on 09/29/2025) // Consultant ru. (date of application 30.09.2025).

[9] Kovalev O.G. Actual issues of the execution of forced labor: organizational, legal and psychological analysis // In the collection: The penal enforcement system today: the interaction of science and practice. Materials of the 24th All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2024. pp. 42-45.

[10] Ikonnikov D.S., Kovalev O.G. Organizational and legal aspects of providing psychological assistance to those sentenced to forced labor in the implementation of penitentiary probation // Education and Law. 2024. No. 7. pp. 392-397.

[11] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Forced labor in the system of criminal penalties in modern Russia: the legal nature and current issues of execution // Penal enforcement system: law, economics, management. 2025. No. 1. pp. 2-6.

[12] Kovalev O.G. On the issue of organizing educational work with those sentenced to punishment without isolation from society in conditions of executive probation // Perspectives of science. 2024. No. 11 (182). pp. 81-84.

[13] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[14] Kovalev O.G. Modern models of organization of educational work with prisoners sentenced to imprisonment // International Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 265-270.

[15] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[16] Kovalev O.G. The main duties of convicts and their impact on educational work in institutions executing punishments // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 7. pp. 218-224.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-357-361

ВИКТОРОВ Антон Юрьевич,
преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, майор полиции
e-mail: Viktorovanton@ayndex.ru.

НУРИСЛАМОВ Алексей Салихзянович,
старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского Юридического института МВД России, подполковник полиции,
e-mail: Nurislamov78@internet.ru.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН ПРИ ПУБЛИЧНЫХ И МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Аннотация. *В статье рассматривается административно-правовой механизм обеспечения безопасности граждан при публичных и массовых мероприятиях. Проанализированы нормативно-правовые основы, организационно-административные аспекты, а также межведомственное взаимодействие, направленное на предотвращение правонарушений и обеспечение общественного порядка. Особое внимание уделено судебной практике и научным исследованиям в области безопасности массовых мероприятий. Выявлены проблемы и предложены рекомендации по совершенствованию административно-правового механизма с учетом современных вызовов и технологических возможностей. Работа представляет интерес для специалистов в области административного права, правоохранительных органов и органов государственной власти.*

Ключевые слова: *административно-правовой механизм; безопасность граждан; публичные мероприятия; массовые мероприятия; общественный порядок; судебная практика; профилактика правонарушений.*

VIKTOROV Anton Yuryevich,
Lecturer in the Department of Firearms and Tactical-Special Training at the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

NURISLAMOV Aleksey Salikhzyanovich,
Senior Lecturer in the Department of Administrative and Legal Disciplines at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

ADMINISTRATIVE AND LEGAL MECHANISM FOR ENSURING THE SAFETY OF CITIZENS DURING PUBLIC AND MASS EVENTS

Annotation. *The article examines the administrative and legal mechanism for ensuring the safety of citizens during public and mass events. It analyzes the legal framework, organizational and administrative aspects, as well as interagency cooperation aimed at preventing offenses and maintaining public order.*

Special attention is given to judicial practice and scientific research related to the security of mass events. Problems are identified, and recommendations for improving the administrative and legal mechanism are proposed considering modern challenges and technological advancements. The study is relevant for specialists in administrative law, law enforcement agencies, and government authorities.

Key words: *administrative and legal mechanism; citizen safety; public events; mass events; public order; judicial practice; prevention of offenses.*

Обеспечение правопорядка на массовых и публичных мероприятиях представляет собой сложнейший механизм реализации политики государства по созданию и поддержанию состояния защищенности при осуществлении гражданами своего права организовывать и проводить массовые акции, в т.ч. и общественно-политического характера. Это осуществляется путём применения необходимых мер нормативного, управленческого и организационного характера, основное условие эффективного использования которых, – адекватность противодействия возникающим угрозам, в т.ч. противоправным деяниям, посягающим на установленный порядок организации и проведения массовых и публичных мероприятий. А это в свою очередь становится возможным при использовании административно-правовых норм, которые устанавливают определённые режимные требования к правилам поведения субъектов общественных отношений в сфере массовых и публичных мероприятий. Установление режимных требований представляет собой административно-правовой режим, или иными словами способ комплексного решения какой-либо проблемы, возникающей в сфере государственного управления. Применительно к массовым и публичным мероприятиям это необходимо для недопущения фактов нарушения правопорядка на них, а также для создания условий для эффективной деятельности органов исполнительной власти, результативного осуществления ими своих полномочий [9].

Административно-правовой механизм является отражением государственной политики в области правопорядка и безопасности, интегрируя в себе нормативные акты федерального и регионального уровней, а также практические методы и технические средства, направленные на предупреждение, выявление и нейтрализацию угроз. Вот почему необходимо рассмотреть теоретические основы, организационные подходы и межведомственное взаимодействие, а также опыт судебной практики и научных исследований, так как это позволит выработать эффективные рекомендации по усовершенствованию данного механизма.

Таким образом, цель настоящей статьи — провести всесторонний анализ административно-правового механизма обеспечения безопасности граждан при публичных и массовых мероприятиях, выявить основные правовые и организационные проблемы, а также предложить пути их решения в современных условиях, с акцентом на практические аспекты реализации и применении передовых технологий.

Административно-правовой механизм обеспечения безопасности при публичных и массовых мероприятиях выступает как системное единство правовых норм, институциональных полномочий и процедурных действий, предназначенных для регулирования общественных отношений в сфере организации и проведения таких мероприятий, в основе которого лежит принцип обеспечения баланса между гарантированным конституционным правом граждан на свободу собраний и необходимостью поддержания общественного порядка и безопасности, что регламентировано закрепленными в нормативных актах положениями, обеспечивающими законность и эффективность предпринимаемых мер [1, с. 12].

Законодательная база административно-правового механизма формируется из федеральных законов и подзаконных актов, среди которых главенствующее место занимает Федеральный закон № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [1, с. 5]. Он обеспечивает правовое определение понятий публичного и массового мероприятий, регламентирует порядок уведомления и согласования, а также обязанности организаторов и участников, что создает прочный фундамент для последующего административного регулирования и контроля. Дополнительное значение имеет КоАП РФ, который устанавливает санкции за нарушение установленных правил, способствуя поддержанию дисциплины и ответственности [3, с. 45].

Учёные Иванов А.В. и Петрова Е.С. отмечают, что для реализации механизма необходима четкая регламентация полномочий органов исполнительной власти и правоохранительных органов, а также организация мониторинга и анализа рисков, которые способствуют снижению вероятности правонарушений [2, с. 101; 3, с. 78]. Важным аспектом здесь является использование межведомственного взаимодействия и внедрение современных технических средств для повышения эффективности охраны общественного порядка [6, с. 130].

Административно-правовой механизм функционирует на основе принципов законности, соразмерности применяемых мер, а также прозрачности и открытости публичной власти, поскольку без соблюдения этих принципов невозможно реализовать адекватные меры безопасности и именно поэтому роль правового просвещения и предупреждения в системе профилактики правонарушений приобретает особую значимость [4, с. 67]. Иными словами, данный механизм не только регулирует действия участников публичных мероприятий, но и создает условия для их безопасного и упорядоченного проведения.

Организация обеспечения безопасности начинается с этапа уведомления и согласования массовых мероприятий с уполномоченными органами. Законодательство обеспечивает обязанность организаторов заблаговременно информировать органы исполнительной власти и правоохранительные структуры, что позволяет проводить предварительную оценку рисков и разрабатывать конкретные планы охраны [1, с. 15]. Это является обязательным условием, обеспечивающим превентивный характер мер безопасности. Взаимодействие между ведомствами строится на принципах межведомственного сотрудничества, охватывающего полицию, органы местного самоуправления, службы скорой медицинской помощи и пожарную охрану, поскольку эффективное включение всех участников требует установления четких регламентов и коммуникационных каналов для обмена информацией и оперативного реагирования на возникающие угрозы [5, с. 92]. Ведь совместные учения и тренировки способствуют согласованным действиям и минимизации рисков [7, с. 55].

Техническое оснащение, включая системы видеонаблюдения, металлодетекторы и контрольно-пропускной режим, существенно повышает уровень безопасности, позволяя оперативно выявлять угрозы и предотвращать правонарушения [6, с. 140]. Внедрение данных технологий становится приоритетом в развитии административно-правового механизма, особенно в условиях цифровизации общества.

Одной из задач является балансирование между поддержанием общественного порядка и соблюдением прав участников, что требует высокой квалификации и профессионализма сотрудников, а также соблюдения правовых норм и этических стандартов, поэтому подготовка кадров и повышение правовой грамотности становятся неотъемлемой частью системы обеспечения безопасности[7, с. 60].

Профилактика правонарушений является важнейшей составляющей административно-правового механизма, направленной на предупреждение конфликтных ситуаций и обеспечение безопасности в ходе публичных и массовых мероприятий. В этом контексте особое значение приобретают превентивные административные меры, включающие организацию инструктажей для сотрудников охраны и полиции, а также консультирование организаторов и участников [2, с. 134]. Исследования показывают, что систематическое проведение подобных мероприятий значительно снижает вероятность возникновения правонарушений и способствует формированию ответственного поведения участников [4, с. 102].

Немаловажным аспектом профилактической работы является территориальный мониторинг потенциальных угроз и оценка рисков, что требует согласованной деятельности правоохранительных органов и служб экстренного реагирования [5, с. 120]. Современные информационные технологии, в частности системы аналитики и прогнозирования на основе данных, становятся эффективным инструментом в предупреждении и быстром реагировании на возможные инциденты [6, с. 175].

Анализ судебной практики демонстрирует, что административно-правовой механизм функционирует с признанием и поддержкой со стороны судебных органов. В частности, постановление Московского городского суда № 33-4567/2023 наглядно иллюстрирует правомерность привлечения организаторов к административной ответственности за несоблюдение процедуры уведомления и, как следствие, предотвращение массовых беспорядков. Аналогично, решения Верховного суда РФ, касающиеся правомерности действий правоохранительных органов во время масштабных спортивных мероприятий, подтверждают баланс между необходимостью обеспечения безопасности и защитой прав граждан .

В научном дискурсе вопросы административного правового механизма освещаются в работах ведущих специалистов. Иванов А.В. акцентирует внимание на роли регионального законодательства и взаимодействии органов власти с общественностью в сфере безопасности массовых мероприятий [2]. Петрова Е.С. выделяет значение применения технических средств и формирования комплексного подхода к управлению рисками [3]. Сидорова Е.М. фокусируется на профессиональной подготовке и разработке этических норм для сотрудников, обеспечивающих охрану порядка [4]. Как отмечает В.В. Шанько в статье «Особенности организации действий сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках», эффективная организация действий правоохранительных органов играет ключевую роль в обеспечении общественного

порядка и безопасности при массовых мероприятиях [8, с. 48]. Комплексный анализ данных исследований способствует выработке интегрированных решений, обеспечивающих эффективность механизма.

Обеспечение безопасности граждан при проведении публичных и массовых мероприятий является одной из ключевых задач современного административно-правового регулирования. Эффективный административно-правовой механизм в этой сфере оказывает существенное влияние не только на предотвращение и минимизацию рисков возникновения правонарушений и чрезвычайных ситуаций, но и способствует укреплению доверия общества к институтам публичной власти и правоохранительным органам, поэтому его развитие требует комплексного подхода, основанного на интеграции правовых, организационных, технических и социально-психологических инструментов.

Современные вызовы, такие как террористические угрозы, массовые беспорядки, а также технологические и природные катастрофы, обусловливают необходимость постоянного совершенствования законодательной базы и административных процедур. Внедрение передовых технических средств — видеонаблюдения, систем анализа больших данных, биометрических методов контроля — существенно повышает уровень безопасности, позволяя оперативно выявлять и нейтрализовать угрозы в реальном времени. Однако, как подчеркивают эксперты, успешное применение этих технологий возможно лишь при синергии с профессиональной подготовкой сотрудников и налаженным межведомственным взаимодействием.

Важнейшим элементом является также профилактическая работа, направленная на предупреждение правонарушений и создание у участников массовых мероприятий устойчивого правосознания. Эффективные модели взаимодействия между органами исполнительной власти, правоохранительными структурами, организаторами мероприятий и общественностью позволяют создавать условия для безопасного и упорядоченного проведения публичных собраний. И, нельзя не отметить, что при этом судебная практика подтверждает важность соблюдения баланса между мерами безопасности и защитой конституционных прав граждан, что является залогом общественного согласия и правовой легитимности принимаемых решений.

Одной из проблем, выявленных в ходе анализа, остается необходимость повышения координации действий многочисленных служб, участвующих в обеспечении безопасности, особенно в условиях внезапных чрезвычайных ситуаций. Здесь на наш взгляд может помочь внедрение единой системы коммуникации, постоянного обучения и проведения совместных учений для отработки сценариев экстренного реагирования. Помимо технической и организационной составляющих, значимым остается социальный фактор — формирование культуры безопасности среди населения и повышение уровня информированности участников мероприятий о правилах поведения и действиях в кризисных ситуациях.

В заключение следует подчеркнуть, что административно-правовой механизм является живой и динамично развивающейся системой, адаптирующейся к новым вызовам и угрозам, его эффективность достигается благодаря сбалансированному сочетанию нормативного регулирования, качественной организационной работы и внедрению современных технологических инноваций. Продолжение научных исследований, практических разработок и обмена опытом между специалистами позволит обеспечить высокую степень защиты граждан, а также сохранение общественного порядка и стабильности в период проведения массовых мероприятий.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Российская газета. — 2004. — 25 июня.

[2] Иванов А.В. Правовое регулирование безопасности массовых мероприятий : монография / А.В. Иванов. — Москва : Юрайт, 2021. — 256 с.

[3] Петрова Е.С. Административно-правовые аспекты охраны общественного порядка : монография / Е.С. Петрова. — Санкт-Петербург : Питер, 2022. — 310 с.

[4] Смирнова Т.Н. Принципы административного права в современных условиях : монография / Т.Н. Смирнова. — Екатеринбург : УрФУ, 2023. — 194 с.

[5] Кузнецов В.П. Межведомственное взаимодействие в обеспечении общественного порядка : учебное пособие / В.П. Кузнецов. — Москва : ВШЭ, 2020. — 180 с.

[6] Лебедев А.И. Технические средства обеспечения безопасности массовых мероприятий : учебное пособие / А.И. Лебедев. — Санкт-Петербург : Специальная литература, 2022. — 220 с.

[7] Сидорова Е.М. Профессиональная компетентность в системе обеспечения безопасности : монография / Е.М. Сидорова. — Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2023. — 165 с.

[8] Шанько, В. В. Особенности организации действий сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках / В. В. Шанько, А. С.

Курочкин, В. В. Шабаев. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 48 с. – ISBN 978-5-89288-429-7. – EDN ARBDVX.

[9] Бачурин А. Г. Административно-правовой режим обеспечения правопорядка на массовых и публичных мероприятиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. №1 (73).

References:

[1] Federal Law No. 54-FZ of June 19, 2004 “On Assemblies, Rallies, Demonstrations, Marches and Picketing” // Rossiyskaya Gazeta. — 2004. — June 25.

[2] Ivanov A.V. Legal regulation of the safety of mass events : a monograph / A.V. Ivanov. — Moscow : Yurait, 2021. 256 p.

[3] Petrova E.S. Administrative and legal aspects of public order protection : a monograph / E.S. Petrova. — St. Petersburg : Peter, 2022. — 310 p.

[4] Smirnova T.N. Principles of administrative law in modern conditions : a monograph / T.N. Smirnova. Yekaterinburg : UrFU, 2023. 194 p.

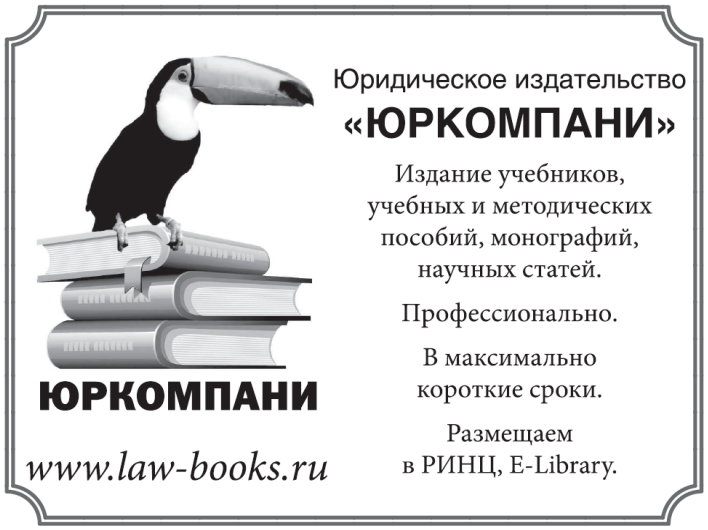
[5] Kuznetsov V.P. Interdepartmental interaction in ensuring public order : a textbook / V.P. Kuznetsov. Moscow : HSE, 2020, 180 p.

[6] Lebedev A.I. Technical means of ensuring the safety of mass events : a textbook / A.I. Lebedev. — St. Petersburg : Special Literature, 2022. — 220 p.

[7] Sidorova E.M. Professional competence in the security system : a monograph / E.M. Sidorova. Yekaterinburg : Publishing House of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2023. 165 p

[8] Shanko, V. V. Features of the organization of actions of law enforcement officers during mass riots / V. V. Shanko, A. S. Kurochkin, V. V. Shabaev. – Rostov-on-Don : Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. – 48 p. – ISBN 978-5-89288-429-7. – EDN ARBDVX.

[9] Bachurin A. G. Administrative and legal regime of law enforcement at mass and public events // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. №1 (73).

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-362-364

ХАРЕБОВ Георгий Зурикоевич,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: g.z.kharebov@mail.ru

ПРОЦЕДУРНЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ И ПУТИ УНИФИКАЦИИ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ процедурных основ административной деятельности полиции Российской Федерации. На основе системного изучения законодательных норм, регламентирующих права и обязанности сотрудников полиции, выявляются проблемные аспекты правоприменительной практики. Автором предлагаются конкретные пути унификации процессуальных действий с целью повышения эффективности административной деятельности органов внутренних дел и обеспечения законности их осуществления.*

Ключевые слова: *административная деятельность полиции, процедурные аспекты, права полиции, обязанности полиции, унификация, процессуальные нормы, административное производство.*

KHAREBOV Georgy Zurikoyevich,
Senior Lecturer at the Department
of Law Enforcement Organization of the North
Caucasus Advanced Training Institute (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Police Major

PROCEDURAL ASPECTS OF POLICE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES: THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS AND WAYS OF UNIFICATION

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the procedural foundations of the administrative activities of the police in the Russian Federation. Based on a systematic study of the legislative norms regulating the rights and obligations of police officers, the article identifies problematic aspects of law enforcement practice. The author proposes specific ways to unify procedural actions in order to improve the efficiency of the administrative activities of internal affairs bodies and ensure their legal implementation.*

Key words: *administrative activities of the police, procedural aspects, police rights, police duties, unification, procedural norms, administrative proceedings*.

Административная деятельность полиции представляет собой одну из фундаментальных основ обеспечения публичной безопасности и правопорядка. Ее эффективность напрямую зависит от четкости и унификации процедурных норм, регламентирующих взаимодействие сотрудников с гражданами и организациями. Несмотря на законодательное закрепление ключевых полномочий в Федеральном законе «О полиции», на практике сохраняется дискретность в их применении, что обусловливает необходимость теоретико-прикладного анализа процедурных аспектов и разработки направлений их унификации.

Процедурная составляющая административной деятельности полиции раскрываются через систему установленных законом прав и обязанностей. Статья 12 Федерального закона «О полиции» возлагает на нее широкий круг обязанностей, включая незамедлительное прибытие на место происшествия, пресечение противоправных деяний, документирование обстоятельств правонарушения и обеспечение сохранности следов.

Интегральным элементом процедуры является обязанность по выявлению причин преступлений и административных правонарушений, проведение индивидуальной профилактической работы с лицами, имеющими намерение их совершить.

Реализация этих обязанностей обеспечивается комплексом прав, закрепленных в статье 13 того же закона. К ним, в частности, относятся:

– право требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий;
– право проверять документы, удостоверяющие личность, при наличии предусмотренных законом оснований;
– право составлять протоколы об административных правонарушениях, собирать доказательства и применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях [1, с. 45-49].

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить ряд системных проблем, препятствующих унификации административных процедур.

Во-первых, сохраняется правовая неопределенность при осуществлении таких полномочий, как осмотр места происшествия в рамках проверки заявлений и сообщений о происшествиях. Отсутствие детализированной процессуальной формы для данного действия может приводить к нарушениям при фиксации обстоятельств, имеющих значение для принятия процессуального решения.

Во-вторых, требуют унификации процедуры, связанные с применением мер индивидуальной профилактики. Несмотря на закрепление права полиции объявлять официальное предостережение о недопустимости противоправных действий, механизм его реализации, последующего контроля и взаимодействия с другими правоохранительными и общественными институтами остается фрагментарным.

В-третьих, как показывает научное исследование С.Г. Костина, даже в рамках такой специализированной сферы, как предупреждение и пресечение правонарушений в сфере потребления алкогольной продукции, отмечается необходимость совершенствования административно-юрисдикционных процедур [2, с. 236]. Это свидетельствует о наличии общей системной проблемы, выходящей за рамки отдельных направлений деятельности.

Унификация процедурных норм должна быть направлена на достижение баланса между эффективностью административной деятельности и неукоснительным соблюдением прав граждан. Прежде всего это:

– разработка типовых административных регламентов. Целесообразно разработать и внедрить ведомственные типовые регламенты, детализирующие последовательность и содержание действий сотрудника полиции при осуществлении ключевых административных процедур: от приема и регистрации заявления до составления протокола и применения мер обеспечения производства;
– стандартизация процессуальных документов. Унификация форм процессуальных документов (протоколов, актов, предостережений) и правил их заполнения с использованием современных информационных технологий позволит минимизировать субъективизм и снизить количество процедурных ошибок;
– совершенствование механизма контроля. Представляется необходимым усиление ведомственного и прокурорского надзора за соблюдением установленных административных процедур, в том числе с использованием систем видеорегистрации и электронного документооборота, что повысит прозрачность действий сотрудников полиции [3, с. 112-118].

Проведенный анализ свидетельствует о том, что унификация процедурных аспектов административной деятельности полиции является насущной потребностью, от реализации которой зависит легитимность и результативность работы органов внутренних дел. Предложенные направления – разработка типовых регламентов, стандартизация документооборота и усиление контрольных механизмов – образуют системный подход к решению данной задачи. Внедрение этих мер будет способствовать формированию единой, предсказуемой и понятной для граждан правоприменительной практики, что, в конечном счете, укрепит публичное доверие к институту полиции.

Список литературы:

[1] Майоров А.В. Административно-юрисдикционная деятельность полиции: проблемы правового регулирования // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 45-49.

[2] Костин С.Г. Административная деятельность полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере потребления алкогольной продукции: диссертация кандидата юридических наук. М.: Академия управления МВД России, 2022. 236 с.

[3] Семенова Л.К. Унификация процессуальных документов в административной деятельности органов внутренних дел // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 4. С. 112-118.

References:

[1] Mayorov A.V. Administrative and jurisdictional activities of the police: problems of legal regulation//Administrative law and process. 2023. № 5. S. 45-49.

[2] Kostin S.G. Administrative activities of the police to prevent and suppress offenses in the consumption of alcoholic beverages: dissertation of the candidate of legal sciences. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 236 pp.

[3] Semenova L.K. Unification of procedural documents in the administrative activities of the internal affairs bodies//Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4. S. 112-118.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-365-369

ВОРОНОВИЧ Николай Константинович,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России,
кандидат социологических наук, подполковник полиции,
e-mail: voron_8585@list.ru

ГРИЩЕНКО Алена Петровна,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: alena.grishenko.81@mail.ru

К ВОПРОСУ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ УЧАСТИИ В НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ МИТИНГАХ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые аспекты привлечения несовершеннолетних к административной ответственности за участие в несанкционированных митингах. Анализируется действующее законодательство Российской Федерации, особенности правоприменительной практики и меры воздействия, применяемые в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Особое внимание уделяется проблемам эффективной реализации административной ответственности с учётом возрастных и психологических характеристик подростков. Предлагаются рекомендации по совершенствованию нормативной базы и повышению эффективности профилактической работы с данной категорией граждан.*

Ключевые слова: *административная ответственность, несовершеннолетние, несанкционированные митинги, правоприменительная практика, профилактика, законодательство.*

VORONOVICH Nikolai Konstantinovich,
PhD in Sociology, Lecturer
in the Department of Social Sciences and Humanities
at the Donetsk Branch of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

GRISHCHENKO Alena Petrovna,
Senior Lecturer in the Department of Law Enforcement
Organization at the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

ON THE QUESTION OF BRINGING MINORS TO ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR PARTICIPATING IN UNAUTHORIZED RALLIES

Annotation. *The article examines legal aspects of bringing minors to administrative responsibility for participation in unauthorized rallies. It analyzes current legislation of the Russian Federation, features of law enforcement practice, and measures applied to juvenile offenders. Special attention is paid to challenges in effective implementation of administrative responsibility considering age and psychological characteristics of adolescents. Recommendations for improving the regulatory framework and enhancing preventive work with this category of citizens are proposed.*

Key words: *administrative responsibility, minors, unauthorized rallies, law enforcement practice, prevention, legislation.*

В последние годы в России наблюдается рост числа массовых общественно-политических мероприятий, среди которых значительное внимание уделяется несанкционированным митингам и особую обеспокоенность здесь вызывает участие в них несовершеннолетних, поскольку вовлечение подростков в подобные акции несёт ряд рисков как для них самих, так и для общественной безопасности. При этом отметим, что несовершеннолетние зачастую не обладают достаточной правовой грамотностью, что делает их более уязвимыми к манипуляциям со стороны взрослых организаторов и провокаторов. Мы считаем, что правовое регулирование участия несовершеннолетних в массовых мероприятиях требует точного соблюдения баланса между защитой прав ребёнка и обеспечением общественного порядка, уголовно-правовые и административно-правовые меры по нашему мнению должны предусматривать дифференцированный подход, учитывая психологические особенности, уровень ответственности и воспитательные задачи. При этом мы так же видим, что привлечение несовершеннолетних к административной ответственности за участие в несанкционированных митингах вызывает множество вопросов в плане законности, этичности и эффективности применяемых санкций. Современная практика показывает, что, несмотря на существующие правовые нормы, проблема правильного и обоснованного привлечения несовершеннолетних к ответственности остаётся спорной и неоднозначной, поскольку порой меры воздействия оказываются чрезмерно жёсткими, что, несомненно, негативно сказывается на социальном становлении подростков и может привести к противоправному поведению в будущем.

Таким образом, исследование данных вопросов имеет особую важность для совершенствования национального законодательства и правоприменительной практики, направленных на защиту интересов несовершеннолетних при одновременном обеспечении эффективного общественного порядка. В нашей статье мы постараемся проанализировать правовые основания и практические проблемы привлечения к административной ответственности несовершеннолетних участников несанкционированных митингов, выявить пробелы в регулировании и предложить пути их решения.

Административная ответственность в России наступает с возраста 16 лет, что закреплено в части 1 статьи 2.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Далее КоАП РФ). Лица младше этого возраста не подлежат самостоятельной административной ответственности, однако ответственность за их правонарушения могут нести родители, опекуны или законные представители при условии доказательства их вины [1]. Основополагающим принципом привлечения к административной ответственности является презумпция невиновности, отражённая в статье 1.5 КоАП РФ, согласно которой лицо считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана соответствующим образом. Особенность в части несовершеннолетних заключается в более гуманном подходе, где совершение правонарушения лицом младше 18 лет рассматривается как смягчающее обстоятельство согласно статье 4.2 КоАП РФ [2].

В контексте участия в несанкционированных митингах следует рассматривать статью 20.2 КоАП РФ, в которой предусмотрена ответственность за нарушение порядка проведения массовых мероприятий, таких как собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования. Данным положением установлены административные меры в виде штрафов и предупреждений. При этом отметим, что для несовершеннолетних чаще всего применяются именно предупреждения и штрафы и не назначаются такие меры, как административный арест, который в силу ст. 3.9 КоАП РФ несовместим с правовым статусом несовершеннолетних [3]. Для лиц в возрасте от 16 до 18 лет возможна как самостоятельная административная ответственность, так и освобождение от неё с применением альтернативных мер воздействия — таких, как воспитательные меры и вмешательство комиссии по делам несовершеннолетних (статья 23.2 КоАП РФ). Процедурно дела, связанные с несовершеннолетними, рассматриваются с учётом их возраста, личности и обстоятельств дела, что в свою очередь требует межведомственного взаимодействия между правоохранительными органами, педагогическими и социальными службами.

Практика привлечения несовершеннолетних к административной ответственности за участие в несанкционированных митингах в России демонстрирует многогранность подхода, сочетающего юридические меры и воспитательную работу. Как мы уже отражали выше, родители и законные представители несовершеннолетних несут ответственность за воспитание и надзор, что закреплено в статье 5.35 КоАП РФ, санкции которой предусматривают денежный штраф. Для самих лиц с 16 лет предусмотрена административная ответственность по статье 20.2 КоАП РФ. В частности, участие в несанкционированном митинге влечёт штрафы от 10 000 до 20 000 рублей, обязательные работы до 100 часов или административный арест на срок до 15 суток. Решения по таким делам принимаются судебными инстанциями, что говорит о серьёзности отношения к этим правонарушениям [4]. Помимо участников, организаторы незаконных митингов,

вовлекшие в акции несовершеннолетних, также несут ответственность: штрафы варьируются от 30 000 до 50 000 рублей, административный арест сроком до 15 суток или обязательные работы. Для должностных и юридических лиц предусматриваются более строгие санкции — вплоть до штрафов в 500 000 рублей.

Хочется отметить, что в правоприменительной практике акцент ставится на профилактическую работу с несовершеннолетними и их семьями. Комиссии по делам несовершеннолетних проводят разъяснительные и воспитательные беседы, направленные на предотвращение повторных правонарушений, несовершеннолетние, не достигшие возраста административной ответственности, ставятся на учёт и проходят индивидуальное консультирование [5].

Однако мы так же видим, что существует проблема неоднородности правоприменения, поскольку в некоторых случаях несовершеннолетних подвергают излишне жёстким мерам воздействия, что естественно вызывает критику со стороны правозащитников, поскольку помимо юридической, важна и социально-психологическая поддержка, учитывающая возрастные особенности подростков и обстоятельства их вовлечения в акции. Здесь следует отметить, что в связи с ростом количества несовершеннолетних, участвующих в массовых акциях, и ужесточением законодательства, увеличивается значимость координированных действий правоохранительных органов, образовательных учреждений и социальных служб, направленных на защиту прав детей и профилактику правонарушений [6].

Таким образом, мы видим, что как показывает практика привлечение несовершеннолетних к административной ответственности за участие в несанкционированных митингах в России представляет собой комплекс мер, включающих судебное разбирательство, воспитательную работу и профилактическое сопровождение, с обязательным учётом индивидуальных обстоятельств дела и возраста участников.

В современной практике административной ответственности несовершеннолетних присутствует ряд серьёзных затруднений, которые снижают её эффективность и ограничивают возможности реализации воспитательных задач. Во-первых, законодательная база Российской Федерации характеризуется наличием ряда нормативных актов, регулирующих ответственность несовершеннолетних, что порождает определённую правовую неопределённость и затрудняет единообразное применение норм. К примеру, деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав ранее регулировалась положениями, сформулированными в Указе Президиума ВС РСФСР от 3 июня 1967 года, однако данный акт утратил силу, и в настоящее время подобная деятельность должна соответствовать современным нормативным требованиям, прежде всего положениям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которым следует отдавать приоритет [7]. В настоящее время деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав регулируется Примерным положением, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2013 г. № 995 (в редакции последующих изменений) [8]. Комиссии являются коллегиальными органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, создаются на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Их деятельность основана на принципах законности, демократизма, коллегиальности и гласности, предполагает взаимодействие с образовательными, социальными, правоохранительными органами, а также общественными организациями.

Во-вторых, избыточно широкий круг субъектов, уполномоченных на привлечение несовершеннолетних к административной ответственности, что приводит к расхождениям в процессуальных подходах, возможным нарушениям прав ребёнка и усложняет формирование единой правоприменительной позиции. На наш взгляд такое разнообразие субъектов способствует чрезмерному формализму и снижает возможность индивидуального подхода к обстоятельствам каждого дела. Третья ключевая проблема связана с недостаточным учётом персональных особенностей несовершеннолетних при выборе мер воздействия, поскольку система наказаний порой не отражает возрастные, психологические и социальные характеристики подростков, что может приводить к чрезмерной строгости санкций. А это, в свою очередь, снижает воспитательный эффект наказаний и повышает риски повторных правонарушений.

Помимо этого, заметим, что неэффективно организована координация между правоохранительными органами, образовательными и социальными структурами, а это негативно отражается на профилактической и воспитательной работе с несовершеннолетними участниками несанкционированных митингов, поскольку недостаток межведомственного взаимодействия препятствует своевременному оказанию комплексной поддержки подросткам и семьям, попавшим в ситуацию административного преследования [9].

Для устранения существующих пробелов в законодательстве по привлечению несовершен-

нолетних к ответственности наи предлагается комплексный подход, включающий унификацию нормативной базы с опорой на КоАП РФ и современные социальные реалии, установление чётких и прозрачных критериев для субъектов, уполномоченных привлекать к ответственности, с особым вниманием к защите прав ребёнка и исключению субъективных ошибок, а также разработку мер воздействия, учитывающих возрастные и психологические особенности подростков, что, несомненно, позволит повысить воспитательную эффективность и снизить негативные последствия наказаний. Важным элементом здесь является усиление взаимодействия между правоохранительными, образовательными и социальными органами для комплексной профилактики правонарушений и поддержки несовершеннолетних, а также расширение профилактической работы и правового просвещения подростков и их семей с целью минимизации участия несовершеннолетних в противоправных действиях и сокращения количества административных проступков.

Представленные меры на наш взгляд способны устранить основные проблемы, присутствующие в сфере административной ответственности несовершеннолетних, их реализация укрепит нормативную базу и обеспечит последовательную работу с подростками, совершившими правонарушения, а также позволит повысить результативность профилактических программ.

В целом, стоит отметить, что вопрос привлечения несовершеннолетних к ответственности за участие в несогласованных митингах остаётся одним из наиболее сложных в российском праве. Здесь важно обеспечить разумный баланс между необходимостью поддержания общественного порядка и защитой законных интересов ребёнка, поскольку для достижения справедливости при применении действующего законодательства требуется двигаться в сторону его человечности, а также расширять объём профилактической работы среди подростков и их родителей. Вот почему, дальнейшее совершенствование нормативных актов должно идти рука об руку с системной профилактикой и воспитанием, основываясь на реальных потребностях и особенностях несовершеннолетних. Такой подход поможет сократить число административных нарушений в подростковой среде и способствовать благожелательному рассмотрению таких дел в судах [10].

Список литературы:

[1] Административная ответственность несовершеннолетних [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://admoktpos.ru/govinfo/govinfoprosecutors/media/2025/7/4/administrativnaya-otvetstvennost-nesovershennoletnih/, свободный. — Загл. с экрана.

[2] Особенности привлечения несовершеннолетних к административной ответственности / chastinskiy.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://chastinskiy.ru/news/185006, свободный. — Загл. с экрана.

[3] Порядок проведения публичного мероприятия и ответственность за его нарушение [Документ] / shibkovo.nso.ru. — Режим доступа: https://shibkovo.nso.ru/sites/shibkovo.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2020/06/poryadok_provedeniya_publichnogo_meropriyatiya_i_otvetstvennost_za_ego_narushenie.docx, свободный. — Загл. с экрана.

[4] Ответственность за участие несовершеннолетних в несанкционированных митингах / алмазный-край.рф [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.алмазный-край.рф/notices/23227/, свободный. — Загл. с экрана.

[5] Депутаты хотят наказывать организаторов незаконных митингов с подростками / pravo.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pravo.ru/news/202410/, свободный. — Загл. с экрана.

[6] Вовлечение несовершеннолетних в участие в несанкционированных публичных мероприятиях: административно-правовой аспект / cyberleninka.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-nesovershennoletnih-v-uchastie-v-nesanktsionirovannyh-publichnyh-meropriyatiyah-administrativno-pravovoy-aspekt, свободный. — Загл. с экрана.

[7] Административная ответственность несовершеннолетних / eduherald.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eduherald.ru/article/view?id=15234, свободный. — Загл. с экрана.

[8] Постановление Правительства Российской Федерации от 06.11.2013 № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Официальный интернет-портал правовой информации: http://www.pravo.gov.ru/. — Опубликовано: 08.11.2013. — Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 45. — ст. 5829.

[9] Проблемы административной ответственности несовершеннолетних / cyberleninka.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-administrativnoy-otvetstvennosti-nesovershennoletnih-3, свободный. — Загл. с экрана.

[10] Ильина Т.А. К проблеме административной ответственности несовершеннолетних / nbpublish.com [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=61500, свободный. — Загл. с экрана.

References:

[1] Administrative responsibility of minors [Electronic resource]. — Режим доступа: https://admoktpos.ru/govinfo/govinfoprosecutors/media/2025/7/4/administrativnaya-otvetstvennost-nesovershennoletnih/, свободный. - Zagl. from the screen.

[2] Features of bringing minors to administrative responsibility/ chastinskiy.ru [Electronic resource]. - Access mode: https://chastinskiy.ru/news/185006, free. - Zagl. from the screen.

[3] Procedure for holding a public event and liability for its violation [Document]/ shibkovo.nso.ru. — Режим доступа: https://shibkovo.nso.ru/sites/shibkovo.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2020/06/poryadok_provedeniya_publichnogo_meropriyatiya_i_otvetstvennost_za_ego_narushenie.docx, свободный. - Zagl. from the screen.

[4] Responsibility for participation of minors in unauthorized rallies/ алмазный-край.рф [Electronic resource]. - Access mode: https://www.алмазный-край.рф/notices/23227/, free. - Zagl. from the screen.

[5] Deputies want to punish organizers of illegal rallies with teenagers/ pravo.ru [Electronic resource]. - Access mode: https://pravo.ru/news/202410/, free. - Zagl. from the screen.

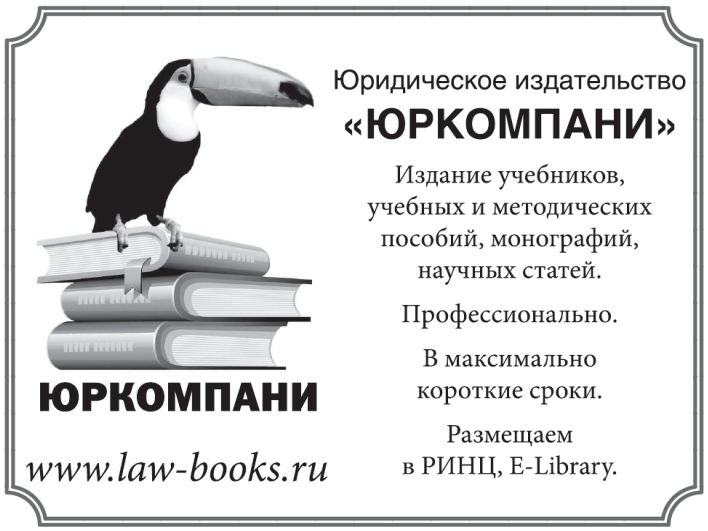
[6] Involvement of minors in unauthorized public events: administrative and legal aspect/ cyberleninka.ru [Electronic resource]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-nesovershennoletnih-v-uchastie-v-nesanktsionirovannyh-publichnyh-meropriyatiyah-administrativno-pravovoy-aspekt, свободный. - Zagl. from the screen.

[7] Administrative responsibility of minors/ eduherald.ru [Electronic resource]. - Access mode: https://eduherald.ru/article/view?id=15234, free. - Zagl. from the screen.

[8] Decree of the Government of the Russian Federation of 06.11.2013 No. 995 “On Approval of the Model Regulation on Commissions for Juvenile Affairs and the Protection of their Rights “//Official Internet portal of legal information: http://www.pravo.gov.ru/. - Published: 08.11.2013. - Collection of legislation of the Russian Federation. — 2013. — № 45. - Art. 5829.

[9] Problems of administrative responsibility of minors/ cyberleninka.ru [Electronic resource]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-administrativnoy-otvetstvennosti-nesovershennoletnih-3, свободный. - Zagl. from the screen.

[10] Ilyina T.A. To the problem of administrative responsibility of minors/ nbpublish.com [Electronic resource]. - Access mode: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=61500, free. - Zagl. from the screen.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-370-372

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
к.ю.н., подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

САЙФУТДИНОВА Алсу Дамировна,
старший преподаватель кафедры
административного права, административной
деятельности и управления органов внутренних дел
Казанского юридического института МВД России,
к.ю.н., подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетними основывается на принципах законности, демократизма, гуманного отношения с несовершеннолетними, поддержки семьи и взаимодействия с ней, индивидуального подхода к несовершеннолетним с соблюдением конфиденциальности полученной информации, государственной поддержки деятельности органов местного самоуправления и общественных объединений по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обеспечение ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *профилактическая работа, подразделения по делам несовершеннолетних, органы внутренних дел, профилактика, предупреждение, основные направления.*

KODZOKOVA Lyatsa Arsenyevna,
Senior Lecturer at the Department
of Organization of Law Enforcement Activities
of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D. in Law, Police Lieutenant Colonel

SAYFUTDINOVA Alsu Damirovna,
Senior Lecturer at the Department of Administrative Law,
Administrative Activities and Management of Internal Affairs Bodies,
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D., Lieutenant Colonel of Police

PRIORITY DIRECTIONS OF PREVENTIVE WORK OF THE JUVENILE AFFAIRS UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *Activities to prevent child neglect and juvenile delinquency are based on the principles of legality, democracy, humane treatment of minors, family support and interaction, an individualized approach*

to minors while maintaining the confidentiality of information received, state support for the activities of local governments and public associations in preventing child neglect and juvenile delinquency, and ensuring the accountability of officials and citizens for violating the rights and legitimate interests of minors.

Key words: *preventive work, juvenile affairs units, internal affairs agencies, prevention, warning, main directions.*

Введение

Обеспечение национальной безопасности и упрочение ее лидерских позиций на мировой политической арене.

Таким образом, можно сделать вывод, что современное общество нуждается в выработке сложных и эффективных механизмов борьбы с преступностью несовершеннолетних, в отношении данной категории лиц и с их участием, это требует комплексной государственной молодежной политики, а также объединения усилий правоохранительных органов и институтов гражданского общества.[1]

Безусловно, особое значение в анализируемой сфере имеет деятельность ПДН и ЦВСНП, так как они являются специализированными органами, а остальные подразделения органов внутренних дел оказывают им помощь. Использование в целях предупреждения противоправных действий среди несовершеннолетних различных структур органов внутренних дел позволяет комплексно подойти к разрешения соответствующих проблем и использовать функционал каждого из них.[2]

Цель и задачи

Целью настоящей статьи выступает рассмотрение приоритетных направлений профилактической работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации.

Методы

Методологическую основу исследования составляет система философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность изучения заданной тематики.

Применение в рамках исследования эмпирических методов сбора, обобщения и анализа информации позволило осуществить качественный сбор актуального и обоснованного с практической точки зрения исследовательского материала.

Результаты

Таким образом, вне зависимости от конкретных форм и методов предупреждения противоправных действий среди несовершеннолетних, сотрудникам специальных подразделений при организации и проведении соответствующей работы следует в обязательном порядке учитывать особенности поведения и интересы современной молодежи.

Инспекторы ПДН при реализации задач, стоящих перед ними, осуществляют профилактическую работу в трех формах: общей, групповой и индивидуальной.[3]

Деятельность ЦВСНП в целом следует оценивать как своеобразный механизм предупреждения противоправных действий среди несовершеннолетних, так как указанные подразделения не только обеспечивают круглосуточный прием и временное содержание несовершеннолетних правонарушителей в целях защиты их жизни, здоровья и предупреждения повторных правонарушений, но и проводят с ними соответствующую работу непосредственно в процессе их содержания в указанных центрах.

Основаниями помещения в ЦВСНП является противоправное поведение несовершеннолетнего, результатом которого уже стало совершение правонарушения или преступления, или в случае иных сложившихся условий, которые негативно влияют на развитие указанного лица [4].

Заключение

На основании проведенного анализа можно выделить следующие направления совершенствования деятельности правоохранительных органов[5] в области предупреждения преступности несовершеннолетних:

1) Усилить профессионально - ориентированную работу в семьях, находящихся в социально-опасном положении, с родителями и законными представителями несовершеннолетних, поведение которых выходит за рамки правомерного.
2) Совершенствование компетенции и профессиональных навыков сотрудников ПДН, а также психологов и социальных работников, принимающих участие в формировании правомерного поведения несовершеннолетних.
3) Участие сотрудников компетентных подразделений в общественной жизни учебных заведений, контроль и кураторство за школами и учебными заведениями (особенно за учащимися старших классов).
4) Включение в государственную молодежную политику вопроса об организации подрост-

ковых рабочих отрядов на каникулярное время, это позволит занять свободное время учащихся, а также организовать материальную поддержку подростков.

5) Привитие чувства патриотизма и любви к Родине, ввиду этого организовывать конкурсы военно-патриотического характера для школьников по возрастным категориям.
6) Разработка и применение в учебных заведениях контрольных карточек школьников, отражающих интересы ребенка, а также свойственные ему девиации для дальнейшего анализа и психологической коррекции.
7) Взаимодействие подразделений правоохранительной направленности, государственных органов и институтов гражданского общества по содействию в решении стоящих вопросов по предупреждению преступности несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних.

Список литературы:

[1] Иванцов С. В., Соломатина Е. А., Страунинг Ю. А, Шмарион П. В., Ивасюк О. Н. Предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними: курс лекций / Иванцов С. В.; Соломатина Е. А.; Страунинг Ю. А.; Шмарион П. В.; Ивасюк О. Н. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 105.

[2] Зайко Т.М. О системе профилактики правонарушений несовершеннолетних // Уголовное право и криминология. 2017. № 1. С. 51–54.

[3] Вагайцев В.М. Система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на современном этапе // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 160 - 164.

[4] Кодзокова Л.А., Малаев А.Х. Основы профилактической работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9. С. 215-217.

[5] Машекуашева М.Х. О некоторых особенностях деятельности органов внутренних дел по предупреждению противоправных действий среди несовершеннолетних. Международный научный вестник. 2024. № 12. С. 132-135.

References:

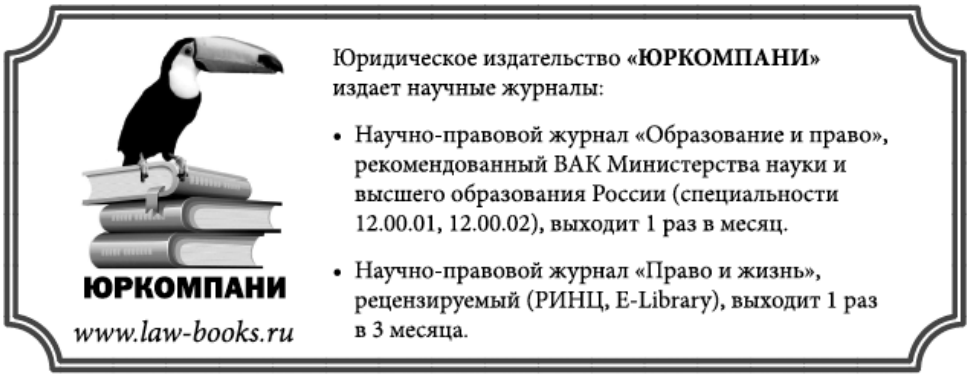
[1] Ivantsov S.V., Solomatina E.A., Strauning Yu.A., Shmarion P.V., Ivasyuk O.N. Prevention of crimes and administrative offenses committed by minors: course of lectures/Ivantsov S.V.; E. A. Solomatina; Straining Y.A.; Schmarion P.V.; Ivasyuk O. N. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2017. S. 105.

[2] Zaiko T.M. On the system of prevention of juvenile delinquency//Criminal law and criminology. 2017. № 1. S. 51-54.

[3] Vagaytsev V.M. System of prevention of neglect and juvenile delinquency at the present stage//Public service and personnel. 2021. № 4. S. 160-164.

[4] Kodzokova L.A., Malaev A.Kh. Fundamentals of preventive work of juvenile affairs units of internal affairs bodies//Eurasian Legal Journal. 2022. № 9. S. 215-217.

[5] Mashekuasheva M.Kh. On some features of the activities of the internal affairs bodies to prevent illegal actions among minors. International Scientific Bulletin. 2024. № 12. S. 132-135.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-373-375

АШХОТОВА Ляна Аркадьевна,
преподаватель кафедры ОПД
Северо-Кавказского института (филилал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ЕРШОВ Дмитрий Алексеевич,
преподаватель кафедры ОП
Волгоградской академии МВД РФ,
младший лейтенант полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ НАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. *Авторами рассматривается административный надзор как ключевая функция органов внутренних дел Российской Федерации, которая охватывает широкий спектр задач и направлений, однако особое внимание уделяется надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения, обеспечение которого возложено на подразделения Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России (Госавтоинспекция, ГИБДД).*

Ключевые слова: *органов внутренних дел Российской Федерации, надзор, участники дорожного движения, требования законодательства Российской Федерации, безопасность дорожного движения, обеспечение безопасности дорожного движения.*

ASHKHOTOVA Lyana Arkadyevna,
Lecturer, Department of OPD, North Caucasian Institute (Filial),
Krasnodar University, Ministry of Internal Affairs of Russia

ERSHOV Dmitry Alekseevich,
Lecturer, Department of OP,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation,
junior police lieutenant

ADMINISTRATIVE SUPERVISION IN THE TRAFFIC PREVENTION SYSTEM

Annotation. *The authors consider administrative supervision as a key function of the internal affairs bodies of the Russian Federation, which covers a wide range of tasks and areas, but special attention is paid to supervision of compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation on road safety, the provision of which is entrusted to the units of the State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia (State Traffic Inspectorate, traffic police).*

Key words: *internal affairs bodies of the Russian Federation, supervision, road users, requirements of the legislation of the Russian Federation, road safety, road safety.*

В административно-правовой доктрине разработано множество дефиниций административного надзора, но все они, в конечном счете, сводятся к тому, что это особый вид деятельности органов исполнительной власти за соблюдением гражданами и организациями общеобязательных норм, правил, стандартов, требований [2, 4].

Следует отметить, что подразделения ГИБДД не только контролируют соблюдение правил дорожного движения, но и предпринимают всевозможные меры, направленные на предупре-

ждение их нарушений, что включает в себя как профилактическую работу, так и оперативное реагирование на выявленные нарушения. Для обеспечения мер безопасности на дорогах сотрудниками ГИБДД осуществляются мероприятия, направленные на воспитание культуры безопасного вождения, включающие в себя просветительскую деятельность, информирование участников дорожного движения и т.д. Именно интенсивность и характер профилактических мероприятий, направленных на повышение уровня безопасности на дорогах, играют ключевую роль в формировании безопасной дорожной среды и снижении уровня дорожно-транспортных происшествий.

Необходимо подчеркнуть, что профилактические мероприятия подразделений ГИБДД направлены на всех участников дорожного процесса: водителей, пешеходов, велосипедистов и других субъектов, в т.ч. не управляющих непосредственно транспортными средствами.

- В рамках профилактической деятельности Госавтоинспекции предусмотрено применение широкого спектра мер, реализуемых по различным направлениям. В частности, в системе профилактики нарушений в области дорожного движения применяются:
- меры информационного характера, направленные на повышение осведомленности участников дорожного движения о правилах и нормах поведения на дороге (например, распространение буклетов с информацией о правилах дорожного движения, проведение интерактивных лекций и семинаров);
- организационные меры, включающие в себя оптимизацию дорожной инфраструктуры и улучшение условий для безопасного передвижения (например, расширение пешеходных зон, установка дополнительных знаков и светофоров);
- социальные меры направлены на формирование у граждан сознательного отношения к соблюдению правил дорожного движения (например, организация встреч и бесед с инспекторами ГИБДД, видеоролики о последствиях нарушения правил дорожного движения);
- правовые меры включают в себя законодательные инициативы и правоприменительную практику, направленные на ужесточение ответственности за нарушения в области дорожного движения.

Говоря о правовых мерах, следует особо подчеркнуть, что в научной среде высказывалось предложение о необходимости принятия ведомственного акта в целях совершенствования организации и осуществления административного надзора в области дорожного движения [3, с. 45]. Безусловно, действующее законодательство не всегда учитывает быстро меняющуюся ситуацию на дорогах и не способно оперативно реагировать на новые вызовы, такие как увеличение потока автомобилей, развитие альтернативных видов транспорта и появление инновационных технологий, влияющих на безопасность дорожного движения. В этой связи предложение Н.Г. Канунниковой видится обоснованным, своевременным и способствующим повышению эффективности административного надзора в системе профилактики нарушений в области дорожного движения.

Вместе с тем профилактическая деятельность подразделений ГИБДД не ограничивается лишь обозначенными выше мерами, в комплексный план профилактических мероприятий могут быть включены и иные меры, направленные на повышение уровня безопасности дорожного движения. Так, например, в Наставлении по организации деятельности ГИБДД МВД России по пропаганде безопасности дорожного движения [1] в качестве информационно-пропагандистских мероприятий обозначены кампании, акции, конкурсы, соревнования, флешмобы.

В целях минимизации риска нарушений правил дорожного движения, необходимо уделять особое внимание разработке и эффективному внедрению профилактических мероприятий, основанных на анализе статистической информации об аварийности на дорогах. Для выработки адекватных мер реагирования на дорожно-транспортные происшествия необходимо исследовать причины их возникновения, анализировать статистику уже произошедших инцидентов. Важно учитывать не только техническое состояние транспортных средств и состояние дорожного покрытия, но и человеческий фактор – поведение водителей и пешеходов, их внимание и реакцию в дорожной ситуации.

Именно такой комплексный подход позволяет максимально эффективно использовать весь потенциал имеющихся мероприятий для достижения высокого уровня эффективности [5] в предотвращении противоправных действий и поведений на дороге. Задача профилактических мероприятий заключается в том, чтобы через систематическое и последовательное воспитательное воздействие привить людям понимание необходимости строгого следования требованиям правил дорожного движения, а также другим нормативно-правовым актам, регулирующим поведение на дорогах.

В заключение следует отметить, что административный надзор является неотъемлемой частью общего механизма обеспечения безопасности дорожного движения, направленного на

снижение аварийности и предотвращение последствий дорожно-транспортных происшествий.

Административный надзор, осуществляемый подразделениями ГИБДД, обеспечивает строгий контроль за соблюдением установленных правил и норм, что способствует формированию у граждан уважительного отношения к правилам дорожного движения. Таким образом, эффективная реализация административного надзора является ключевым фактором повышения уровня безопасности на дорогах и снижения рисков, связанных с дорожно-транспортными происшествиями.

Список литературы:

[1] Приказ МВД России от 29.12.2018 г. № 903 «Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения» // Документ опубликован не был, содержится в СПС «КонсультантПлюс».

[2] Административное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Л.Л. Попов. М., 2019;

[3] Канунникова Н.Г. К вопросу об административном надзоре в системе профилактики нарушений в области дорожного движения // Административное право и процесс. 2023. № 10.

[4] Мартынов А.В. Административный надзор в России: теоретические основы построения: монография. М., 2010.

[5] Бакулин Н.П., Машекуашева М.Х. Совершенствование педагогической методики по тактической подготовке сотрудников органов внутренних дел (полиции). Право и управление. 2024. № 10. С. 85-88.

References:

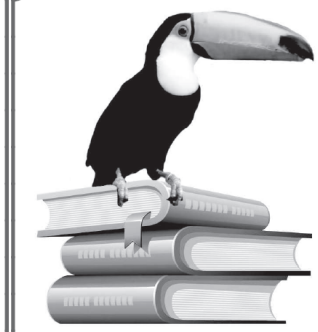
[1] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 29.12.2018 No. 903 “On approval of the Guidelines for organizing the activities of the State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to promote road safety “//The document was not published, it is contained in the SPS” ConsultantPlus. “

[2] Administrative law of the Russian Federation: textbook/rev. ed. L.L. Popov. M., 2019;

[3] Kanunnikova N.G. On the issue of administrative supervision in the system of prevention of violations in the field of road traffic//Administrative law and process. 2023. № 10.

[4] Martynov A.V. Administrative supervision in Russia: theoretical foundations of construction: monograph. M., 2010.

[5] Bakulin N.P., Mashekuasheva M.Kh. Improvement of pedagogical methodology for tactical training of employees of internal affairs bodies (police). Law and governance. 2024. № 10. S. 85-88.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-376-378
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

ГАЛЫНСКАЯ Олимпиада Сергеевна,
1 курс, Новосибирский государственный университет,
e-mail: galynskaya07@bk.ru

ПОПОВИЧ Екатерина Петровна,
1 курс, Новосибирский государственный университет,
e-mail: ekaterina.popovich.a@gmail.com

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ «ИСТОЧНИКА ПРАВА»

Аннотация. *Понятие «источник права» многозначно и понимается в материальном, идеальном и формально-юридическом смыслах. Именно в последнем его отождествляют с «формой права» как внешним выражением норм. В науке существуют три подхода к их соотношению: монистический, плюралистический и волевой. В современной литературе преобладает плюралистический подход, признающий многозначность термина.*

Ключевые слова: *источник права, форма права, виды источников права*.

GALYNSKAYA Olimpiada Sergeevna,
1st Year Student Novosibirsk State University

POPOVICH Ekaterina Petrovna,
1st Year Student Novosibirsk State University

APPROACHES TO UNDERSTANDING THE "SOURCE OF LAW"

Annotation. *The concept of a "source of law" is ambiguous and is understood in material, ideal, and formal-legal senses. It is in the latter sense that it is identified with the "form of law" as the external expression of norms. In legal science, there are three main approaches to their correlation: the monistic, the pluralistic, and the volitional ones. Modern legal literature is dominated by the pluralistic approach, which recognizes the ambiguity of the term.*

Key words: *source of law, form of law, types of sources of law.*

Классическое понятие источник права как объективная форма выражения права впервые было введено в оборот около двух тысяч лет назад древнеримским историком Титом Ливием при характеристике Законов XII таблиц и с тех пор прочно укрепилось в современном праве. Однако, это не единственное определение «источника права». Ещё в начале XX века И.В. Михайловский писал, что термин источник права «до сих пор понимается различно, по поводу его ведутся споры». Так, например, Г.Ф. Шершеневич писал, что под «источником права», помимо определения Тито Ливия, понимаются также:

1) Силы, творящие право. Например, когда говорят, что источник права – это воля Бога, воля народная, правосознание, идея справедливости, государственная власть.
2) Материалы, положенные в основу законодательства. Например, римское право стало источником германского Гражданского кодекса, Литовский статут – для Уложения Алексея Михайловича.
3) Исторические памятники, которые когда-то были действующим правом. Например, когда говорят о работе с источником права - по Русской правде.
4) Средство познания действующего права. Например, когда говорят, что «право можно узнать из закона». [1]

В современной науке источник права рассматривают в трёх смысловых значениях: материальном, идеальном, формально-юридическом.

В материальном смысле «источники права» это общественные отношения, требующие регулятивно-охранительного воздействия со стороны государства и в силу этого обусловливающие появление соответствующих правовых институтов. Согласно данному смыслу источниками

права являются: материальные условия жизни общества; интересы, потребности людей; формы собственности и т.д.

В идеальном смысле – это идеи, взгляды, теории, в которых отражается сущность социально-правового регулирования и которые оказывают серьёзное влияние на правотворческую и правоприменительную деятельность. Это правосознание, правовая доктрина, правовая культура и т.п.

В формально-юридическом смысле – сформулированные и принятые в официальном порядке предписания властного характера, в которых закрепляются общезначимые правила поведения и которые обеспечиваются системой государственных гарантий и санкций. К ним относят: правовые обычаи, нормативные правовые акты, судебные прецеденты, нормативные договоры, религиозные тексты, юридическую доктрину. Источник в формально-юридическом смысле это и есть форма права. Она показывает каким способом государство создаёт, фиксирует правовую норму и в каком виде эта норма доводится до сознания членов общества.

Форма права – способ внешнего выражения, существования и преобразования правовых норм, действующих в определённом государстве. [2]

Изучение форм права предполагает выделение нескольких методологических посылок. Во-первых, не стоит забывать взаимосвязь формы права как юридической категории с формой права как философской категорией. Опираясь на общефилософское понимание формы права, можно сформулировать следующее определение: форма права – это способ организации и взаимодействия элементов и процессов правовой системы между собой и окружающим миром.

Во-вторых, форма права всегда характеризуется определённой сущностью и содержанием.

В-третьих, форма права и содержание права являются парными юридическими характеристиками, потому что невозможно разорвать форму и содержание права, дополняющих друг друга.

В-четвёртых, при изучении формы права нужно помнить, что это динамически развивающееся явление. Изменения в различных областях общественной жизни: политике, экономике, социальной сфере находят своё отражение в формах права. Этот процесс может осуществляться с помощью наполнения старой формы новым содержанием или путём появления новой формы права.

Вопрос о соотношении понятий «источник права» и «форма права» является одним из дискуссионных на протяжении многих лет. Научные выводы о соотношении этих понятий сводят к трём основным подходам.

Первый подход – монистический. Его основой выступает философский позитивизм, на основе которого в начале XIX века появился юридический позитивизм. Его сторонники С.Л. Зивс, М.А. Рейнсер, М.И. Байтин и др. рассматривают понятия «источник права» и «форма права» как равнозначные. Форма (источник) права – это определённые способы выражения государственной воли общества. Форма показывает, каковы внешние проявления права, в каком виде оно существует и функционирует в реальной жизни. Они отождествляют право и закон, понимая под источником права форму его внешнего выражения – законодательство.

Второй – плюралистический. Его сторонники Ф.В. Трановский, С.С. Алексеев, М.Н. Марченко и др. признают многозначность термина «источник права», возможность его понимания в нескольких значениях: в формально-юридическом, в идеальном и материальном, о чём уже говорилось ранее. Именно в формально – юридическом смысле сторонники отождествляют понятия «источник права» и «форма права».

Третий – волевой (волеустанавливающий). Его сторонники Т.В. Кашанина, В.В. Ершов и др. под источником права они понимают волю правотворческих субъектов. Следовательно, источниками права могут быть воля человечества (права человека), воля государства (законодательные нормы), воля народа (референдумные нормы), воля коллектива (корпоративные нормы), воля граждан, организаций (договорные нормы). Форма же права – резервуар, где находятся юридические нормы, внутреннее и внешнее выражение права. Т.В. Кашинина выделяет десять форм права: правовой обычай, религиозные тексты, юридический прецедент, деловое обыкновение, правосознание, нормативный акт, юридическая доктрина, судебная практика, моральные воззрения, договор. [3]

Считается, что первые два подхода свойственны позитивистскому типу правопонимания, а третий - представителям интегративных концепций правопонимания. В учебной и научной литературе же преобладает плюралистический подход, который именуется «дипломатическим».

Таким образом, понятие источник права понимается в нескольких значениях: материальном, идеальном, формально-юридическом. Именно в формально-юридическом смысле под источником права понимают форму права. Такой подход, к пониманию источника права и его соотношению с понятием форма права называется плюралистическим, но выделяют ещё монистический и волевой подходы.

Список литературы:

[1] Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2016. – С. 322.

[2] Бабаев В.К. Теория государства и права : учебник для вузов / под редакцией В. К. Бабаева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — С. 267-268.

[3] Кашанина Т.В. Эволюция форм права / Т.В. Кашанина // Lex russica, 2011. - № 1. - С. 37.

References:

[1] Shershenevich G.F. Favorites: In 6 vols. Vol. 4 including General Theory of Law/Entry. word, comp.: P.V. Krasheninnikov. - M.: Statute, 2016. - S. 322.

[2] Babaev V.K. Theory of state and law: a textbook for universities/edited by V.K. Babaev. - 4th ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. - S. 267-268.

[3] Kashanina T.V. Evolution of forms of law/T.V. Kashanina//Lex russica, 2011. - № 1. - S. 37.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-379-384

ЧЕРБИЖЕВА Фердовс Юсуповна,
Магистрант юридического факультета,
e-mail: mail@law-books.ru

АУШЕВ Муслим Ахмедович,
Старший преподаватель кафедры
«Теория государства и права» ФГБОУ ВО
«Ингушский государственный университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

СПЕЦИФИКА ОБРАЩЕНИЙ К УПОЛНОМОЧЕННОМУ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ ИНГУШЕТИЯ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия. Автор фокусирует внимание на таком актуальном вопросе, как специфика обращений к уполномоченному по правам человека в Республике Ингушетия. Данный вопрос представляет особый интерес не только в силу культурной самобытности региона, но и в связи с типичными для него проблемами, которые являются отголоском разделения Чечено-Ингушской АССР, произошедшего в 1991-1993 гг., и последовавших за этим военных действий. Это привело к утрате многими жителями республики документов, подтверждающих право на пенсионные выплаты и другие меры социальной поддержки. В связи с этим целью работы является анализ правоприменительной практики, направленный на установление специфики работы республиканского уполномоченного по правам человека и поиск путей дальнейшего развития данного института. В первой части статьи автор останавливает свое внимание на некоторых общих вопросах деятельности института уполномоченного в Республике Ингушетия: его нормативно-правовом оформлении, задачах, направлениях и формах деятельности. Автор анализирует материалы правоприменительной практики, выделяя типичные для республики проблемы и обращая внимание на вопросы гендерного дисбаланса числа обращений. На основании вывода о том, что у республиканского института уполномоченного по правам человека существуют хорошие перспективы, автор предлагает некоторые меры по совершенствованию его деятельности.*

Ключевые слова: *региональный уполномоченный по правам человека; Республика Ингушетия; правоприменительная практика; пенсионные выплаты; гендерный дисбаланс; перспективы развития.*

CHERBIZHEVA Ferdovs Yusupovna,
Master's student of the Faculty of Law

AUSHEV Muslim Akhmedovich,
Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law Ingush State University

SPECIFICS OF APPEALS TO THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE REPUBLIC OF INGUSHETIA

Annotation. *This article examines some aspects of the work of the Human Rights Commissioner in the Republic of Ingushetia. The author focuses on a pressing issue: the specifics of appeals to the Human Rights Commissioner in the Republic of Ingushetia. This issue is of particular interest not only due to the region's cultural identity but also due to its typical problems, which are a remnant of the division of the Chechen-Ingush ASSR that occurred in 1991-1993 and the ensuing military conflict. This led to the loss of documents confirming the right to pension payments and other social support for many residents of the republic. Therefore, the aim of this paper is to analyze law enforcement practices aimed at establishing the specifics of the work of the Republican Human Rights Commissioner and identifying ways to further develop this institution. In the first part of the article, the author focuses on some general issues of the Commissioner's office in the Republic*

of Ingushetia: its legal framework, objectives, areas, and forms of activity. The author analyzes law enforcement practices, highlighting problems typical for the republic and focusing on the gender imbalance in the number of complaints. Concluding that the republic's human rights ombudsman office has promising prospects, the author proposes several measures to improve its operations.

Key words: *regional commissioner for human rights; Republic of Ingushetia; law enforcement practice; pension payments; gender imbalance; development prospects.*

Практически в первых строках основного закона государства, а именно в статье 2 Конституции Российской Федерации «человек, его права и свободы» провозглашаются высшей ценностью, а их «признание, соблюдение и защита» – обязанностью государства. Более того, главенствующие положение авторитета человека, его прав и свобод по отношению к остальным социальным ценностям предполагает ориентацию на их государственной деятельности как одного из основополагающих принципов государства [1, с. 132]. Для реализации этого принципа в нашей стране действуют такие институты как Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права. Однако институтом, чья деятельность выглядит наиболее понятной и прозрачной для среднестатистического гражданина является уполномоченный по правам человека. Более того, в последние годы четко прослеживается повышение своего рода «индекса доверия» к уполномоченному, что можно зафиксировать по статистике обращений. Так, если в 2022 г. число обращений к федеральному омбудсмену составляло 79420, в 2023 г. – 93721 обращение, то в 2024 г. – уже 126715 обращений [2]. Эти цифры характеризуют важность данного института для правового общества. Тем не менее, вопрос не в количестве обращений, а в качестве реагирования на них, а также в понимании того, что справиться с таким объемом запросов только в федеральном центре затруднительно, а потому требуется защита прав граждан на местах – в субъектах федерации. Именно поэтому целью статьи является изучение специфики обращений к уполномоченному по правам человека на примере Республики Ингушетия.

Для начала заметим, что история существования института уполномоченного по правам человека в нашей стране началась относительно поздно по сравнению с европейскими государствами и насчитывает лишь около тридцати лет. Сама идея утверждения института уполномоченного по правам человека получила свое юридическое выражение в нашей стране незадолго до того момента, когда она обрела свой настоящий статус в связи с распадом Советского Союза. Так, 22 ноября 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял «Декларацию прав и свобод человека и гражданина», в ст. 40 которой было предусмотрено создание должности парламентского уполномоченного по правам человека для обеспечения парламентского контроля соблюдения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Далее последовали шаги в направлении нормативно-правового оформления статуса уполномоченного по правам человека. На федеральном уровне первой вехой стала Конституция РФ, в ст. 45 и 103 которой были зафиксированы нормы по введению рассматриваемой должности. Следующим шагом стало принятие 26 февраля 1997 г. федерального конституционного закона «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», определившего статус омбудсмена, его компетенции, порядок назначения и освобождения от должности [3].

Очевидно, что институт уполномоченного по правам человека был создан в качестве дополнительной гарантии соблюдения прав и свобод человека, но очевидно и то, что единственного федерального уполномоченного недостаточно в масштабах страны. Именно поэтому данный институт существует не только на федеральном, но и на уровне субъектов Российской Федерации, обеспечивая наличие между ними иерархической связи, фактически «вертикали уполномоченного». Автор намеренно использовал данную формулировку, опираясь на понятие «вертикаль власти», хотя данный термин является исключительно политико-правовым и присутствует в научных исследованиях и публицистике [4, с. 33]. Вопрос терминологии, безусловно, вторичен, важнее суть – наличие института уполномоченного по правам человека, на всех уровнях являющегося гарантом соблюдения и защиты этих прав. Наличие подобной структуры обусловлено потребностью, с одной стороны в большей централизации системы органов исполнительной власти в стране (включая защиту прав и свобод граждан), а с другой – неизбежной децентрализацией власти, что в свою очередь снижает эффективность государственного управления на региональном уровне, вызывая социальное недовольство. Важно и то, что наличие уполномоченного по правам человека на уровне субъектов федерации позволяет предметно учитывать национальную и культурную специфику региона, типичные для него проблемы в сфере защиты прав чело-

века. Понимание этих аспектов привело к тому, что почти одновременно с формированием федеральной законодательной базы, оформляющей деятельность уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в субъектах федерации стали появляться региональные омбудсмены.

Не стала исключением и Республика Ингушетия, в которой должность уполномоченного по правам человека появилась в 2003 г. с выходом соответствующего республиканского закона. Помимо данного закона (а точнее его современного варианта, датированного 2017 г.), правовые основы института уполномоченного в Республике Ингушетия включают в себя федеральные и республиканские нормативно-правовые акты: Конституцию Российской Федерации; общепризнанные принципы и нормы международного права; международные договоры, которые заключены Российской Федерацией; федеральные конституционные законы; федеральные законы; иные федеральные нормативно-правовые акты; конституцию, республиканские законы и иные нормативно-правовые акты Республики Ингушетия.

Учитывая тему статьи, не будем вдаваться в подробности законодательного регулирования, а рассмотрим непосредственно некоторые наиболее существенные моменты деятельности уполномоченного по правам человека в республике. Его задачи не уникальны, поскольку включают в себя содействие восстановлению нарушенных прав граждан; совершенствование законодательства Российской Федерации и Республики Ингушетия; усиление государственных гарантий защиты прав и свобод граждан; правовое просвещение и информирование граждан республики о положении дел в указанной сфере и др. Что касается конституционно-правового статуса омбудсмена республики, то к нему относится независимый и неподотчетный характер действий при осуществлении полномочий; дополнительный характер деятельности уполномоченного в сфере защиты прав человека, не предполагающий отмены и пересмотра компетенций государственных органов, которые обеспечивают защиту и восстановление прав и свобод на территории республики; взаимодействие в ходе осуществления своих полномочий с федеральным уполномоченным и региональными уполномоченными других субъектов федерации.

Что касается форм деятельности регионального уполномоченного по правам человека, то они фактически полностью копируют таковые, применяемые федеральным уполномоченным. Это рассмотрение жалоб граждан; мониторинг нарушений прав и свобод; взаимодействие с различными государственными и муниципальными органами, правозащитными организациями; проведение просветительской работы. Тем не менее, механизм рассмотрения жалоб региональным уполномоченным по правам человека не полностью дублирует формы и методы работы, установленные на федеральном уровне.

В частности, в Республике Ингушетия каждое из структурных подразделений аппарата уполномоченного по правам человека имеет собственную «зону ответственности», выполняя соответствующие задачи и функции и обеспечивая тем самым целостный процесс защиты прав человека.

Что касается региональной специфики, что очень важным является учет географических особенностей региона, специфики быта и культуры населения. Так, порядка 85 % площади республики составляют отдаленные территории, соответственно, тот небольшой процент населения, который проживает на этих территориях (5 %), практически не имеет прямого доступа к уполномоченному по правам человека. Очевидно, что игнорировать это недопустимо, поэтому для обеспечения дополнительных гарантий защиты прав этого контингента уполномоченный проводит личные приемы граждан в районных администрациях [5].

Данный аспект является не единственным, отличающим деятельность уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия, по сравнению с другими регионами. Так, в своем интервью И. Цечоев (действующий уполномоченный по правам человека в Республике Ингушетия) отметил, что основные направления деятельности аппарата уполномоченного в Республике Ингушетия полностью соответствуют установленным в федеральном законе «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» и соответствующим республиканским законом. В качестве главного вектора И. Цечоев называет «обеспечение дополнительных гарантий государственной защиты прав граждан», осуществляемое в процесс обработки обращений жителей республики. Не менее важной является работа по правовому просвещению населения, совершенствованию законодательства, взаимодействию с государственными органами, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества. Важным моментом является простота алгоритма подачи обращения, который складывается из следующих шагов: обратиться с проблемой + иметь при себе документы, удостоверяющие личность + составить заявление (в этом помогают сотрудники аппарата, если проблема относится к компетенции уполномоченного) → принятие обращения на

дальнейшее рассмотрение. Действуют и более современные каналы связи – обращение по электронной почте [6].

Другой формой работы с гражданами являются совместные приемы (по предварительному уведомлению жителей республики) с государственными органами, органами местного самоуправления, различными правозащитными и другими организациями по наиболее острым в республиканском масштабе проблемам. Выбор тех организаций, с которыми осуществляется совместный прием граждан, осуществляется с учетом статистики обращений (например, уже были приемы с министерством энергетики и жилищно-коммунального хозяйства, с представителями ООО «Газпром межрегионгаз Назрань»). Кроме того, самим уполномоченным и сотрудниками аппарата в процессе рассмотрения обращений граждан регулярно проводятся выездные проверки [6].

Уполномоченный по правам человека в Республике Ингушетия отмечает, что «лидерами» по частоте являются обращения, касающиеся следующих вопросов: жилищно-коммунальное обслуживание; обеспечение жильем; трудовые отношения; охрана здоровья и медицинская помощь; социальное обеспечение; права вынужденных переселенцев; права лиц с ограниченными возможностями здоровья [6].

Определенной спецификой работы уполномоченного в Республике Ингушетия является то, что частота устных обращений значительно превышает частоту письменных (в 2024 г. 1201 устное обращение против 725 письменных [7]), что с большой долей вероятности является отражением культуры общения в республике. Точка зрения автора статьи подкрепляется статистическими данными по соотношению количества письменных и устных обращений в других регионах, в частности сходством ситуации в Республике Дагестан и отличиями в различных областях (например, Саратовской, Орловской и др.).

Если же говорить в целом (без учета формы обращения), то в ежегодном докладе уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия четко отражается рост доверия граждан к данному институту. В частности, если сравнить показатели 2020 и 2024 гг., можно отметить рост числа обращений почти в 1,8 раза. Суммарно за период 2020-2024 гг. уполномоченному по правам человека в Республике Ингушетия поступило 6174 обращения. Но главным является не количество поступивших обращений, а восстановление нарушенных прав граждан. Этот показатель за пять лет составил 28,7 % (по 1776 жалобам были восстановлены права граждан). Конкретно за последний отчетный год (2024) этот показатель составил 26,01 % (по 501 жалобе были установлены нарушения и восстановлены права граждан) [7]. Приведем некоторые примеры.

В своем ежегодном докладе уполномоченный по правам человека в Республике Ингушетия отмечает, что специфика состава населения такова, что достаточно часто возникают однотипные проблемы.

В частности, после осетино-ингушского конфликта и военных действий в Чечне в республике оказалось значительное число переселенцев, в том числе и утративших документы о трудовом стаже. Проблема заключается в невозможности восстановить документы из-за уничтожения архивов, причем многие граждане, осуществлявшие трудовую деятельность на территории Чечни, сталкиваются с сомнением в законности о записи в их трудовых книжках и отказом во включении этого периода в трудовой стаж. Людям приостанавливают выплату пенсии, снижают ее размер.

Например, одна из заявительниц, работавшая учителем в период 1977-2023 гг., столкнулась с неправомерным приостановлением выплаты страховой пенсии по старости. После рассмотрения обращения уполномоченным была возобновлена выплата досрочной страховой пенсии, а также произведен перерасчет, что позволило полностью восстановить ее социальное право. Аналогичная ситуация возникла у другой заявительницы, имеющей стаж в сфере образования более 40 лет, государственные и региональные награды, однако не сумевшей предоставить справки о трудовой деятельности в Чечено-Ингушской АССР. Ситуация усугублялась тем, что пенсия являлась единственным источником дохода женщины, которая по состоянию здоровья не могла трудиться. В данном случае гражданке также была возобновлена выплата пенсии, а кроме того, произведена доплата за тот период, в который она не получала выплаты [7]. Заметим, решение этого и подобных вопросов осуществляется на основании договоренности республиканского уполномоченного и его аппарата с руководством социального фонда РФ об осуществлении прямого взаимодействия фонда пенсионного и социального страхования РФ. Важно, что проверка проводится по каждой конкретной жалобе, что позволяет адресно решать проблемы.

Остро стоит в республике и проблема о назначении единого пособия на детей с рождения до 17 лет: это неправомерные и ошибочные решения, связанные с неверным определением имущественной обеспеченности, с указанием завышенного среднедушевого дохода в семьях заявителей. Так, матери двоих детей, младший из которых имеет статус ребенка-инвалида, четыре раза

отказали в назначении ежемесячного пособия на младшего ребенка. Благодаря действиям уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия, был направлен запрос в социальный фонд России, и принято решение о назначении ребенку ежемесячного пособия в размере прожиточного минимума в регионе [7].

Успешно решаются и вопросы о выделении путевок на санаторно-курортное лечение, благодаря обращению уполномоченного в республиканское отделение социального фонда России. Однако поток жалоб по этой теме по-прежнему остается значительным. Так, было удовлетворено обращение от жительницы г. Назрань, инвалида I группы о получении путевки на 42 дня в конкретный санаторий («Лесная поляна», г. Пятигорск), во-первых, по причине удобного для нее расположения, во-вторых, поскольку заявительница неоднократно проходила там лечение, которое было эффективным. Благодаря вмешательству уполномоченного, вопрос был решен положительно, причем путевка распространялась и на сопровождающее лицо. Это удалось выполнить, поскольку Республика Ингушетия относится к регионам, в которых осуществляется создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами (федеральный проект «Старшее поколение» в рамках национального проекта «Демография»).

Кроме того, материалы правоприменительной практики указывают на значительный гендерный дисбаланс в количестве обращений: 68 % обращений исходит от женщин, тогда как количество заявлений от мужчин составляет лишь 32 % [7]. Это серьезная проблема, характерная не только для Ингушетии, но и для других Северокавказских республик, о чем говорится даже на международном уровне. Так, в 2023 г. независимый эксперт ООН по правам человека в Российской Федерации М. Кацарова отмечала, что права женщин ущемляются в Чечне, Ингушетии, также ограничивается роль женщин в общественной жизни, причем, с ее точки зрения, «это сопровождается нежеланием или неспособностью федеральных властей России вмешиваться в сложившуюся ситуацию» [8].

Безусловно, приведенные данные по вопросам деятельности уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия указывают, с одной стороны на эффективность его деятельности и успешное решение многих проблем, а с другой – позволяют увидеть перспективы дальнейшего развития. Так, в качестве перспективных мер автор предлагает следующее:

– активизировать разъяснительную работу с органами местного самоуправления для установления ими дополнительных мер поддержки наименее социально защищенным группам населения;
– выступать с актуальными и четкими предложениями к Народному Собранию Республики Ингушетия по наиболее проблемным вопросам (назначение и выплата пенсий, пособий и других социальных выплат); к Министерству труда, занятости и социального развития для увеличения числа граждан, которые нуждаются в долгосрочном уходе; к отделению социального фонда развития о расширении масштабов информационно-разъяснительной работы с людьми, которые имеют право на различные меры социальной поддержки;
– отслеживать ход деятельности правительства республики и органов местного самоуправления по предоставлению гражданам, выселенным из аварийного и ветхого жилья, другого жилья за счет создания в республике фонда социального маневренного жилья;
– контролировать проблемы социального обеспечения детей-сирот, поскольку в настоящее время типичной является проблема отсутствия жилья, соответствующего критерию «социальное жилье», а также отсутствие в республике муниципального фонда жилья для этой цели (что указано в ежегодном докладе республиканского уполномоченного [7]);
– усилить взаимодействие с министерством здравоохранения республики для усиления контроля деятельности медицинских учреждений, принятия дополнительных мер к устранению причин нарушений социального права граждан на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь.

Подводя итог, заметим, что объединение потенциалов федерального уполномоченного по правам человека и омбудсменов субъектов федерации, является необходимым условием для успешной и своевременной защиты прав человека, поскольку обеспечивает одинаковый уровень гарантий в данном сегменте общественных отношений.

Список литературы:

[1] Скоропупов Ю.И. Защита прав и свобод человека и гражданина – главная функция государства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. С. 132-131.

[2] Мухаметшина Е. Число обращений к уполномоченному по правам человека за год

выросло на четверть [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/01/30/1089133-obraschenii-k-upolnomochennomu-viroslo (дата обращения 25.10.2025).

[3] Амелина А. Законотворчество. Исторические хроники РАПСИ: «Культ личности в законодательстве» [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20160428/275983865.html (дата обращения 26.10.2025).

[4] Осипов А.П. Вертикаль власти в Российской Федерации // Закон и право. 2021. № 5. С. 33-34.

[5] Уполномоченный по правам человека в Республике Ингушетия провел личный прием граждан в администрации Джейрахского района [Электронный ресурс]. URL: https://ombudsmanrf.org/press_centre/news/d9258952-6cb9-476d-9fbd-d0e0bc72640d (дата обращения 30.10.2025).

[6] Курскиев И. На страже защиты прав человека. Интервью с уполномоченным по правам человека в Ингушетии [Электронный ресурс]. URL: https://serdalo.ru/material/o-deyatelnosti-apparata-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-ingushetii-rasskazal-ego-rukovoditel (дата обращения 01.11.2025)

[7] Доклад о состоянии соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина и деятельности уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: https://upch-ingushetia.ru/annual_reports/doklad-o-sostoyanii-soblyudeniya-prav-svobod-i-zakonnyh-interesov-cheloveka-i-grazhda (дата обращения 01.11.2025).

[8] Положение женщин на Северном Кавказе ухудшается, и помогать им все труднее. Новости ООН. Глобальный взгляд на человеческие судьбы [Электронный ресурс]. URL: https://news.un.org/ru/story/2023/11/1447277 (дата обращения 01.11.2025).

References:

[1] Yu. Skoropupov. Protection of human and civil rights and freedoms is the main function of the state//Izvestia Tula State University. Economic and legal sciences. 2012. S. 132-131.

[2] Mukhametshina E. The number of appeals to the Commissioner for Human Rights for the year increased by a quarter [Electronic resource]. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/01/30/1089133-obraschenii-k-upolnomochennomu-viroslo (дата обращения 25.10.2025).

[3] Amelina A. Lawmaking. RAPSI historical chronicles: “Cult of personality in legislation” [Electronic resource]. URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20160428/275983865.html (date of contact 26.10.2025).

[4] Osipov A.P. Vertical power in the Russian Federation//Law and law. 2021. № 5. S. 33-34.

[5] The Commissioner for Human Rights in the Republic of Ingushetia held a personal reception of citizens in the administration of the Dzheyrakhsky district [Electronic resource]. URL: https://ombudsmanrf.org/press_centre/news/d9258952-6cb9-476d-9fbd-d0e0bc72640d (date of contact 30.10.2025).

[6] I. Kurskiev on guard for the protection of human rights. Interview with the Commissioner for Human Rights in Ingushetia [Electronic resource]. URL: https://serdalo.ru/material/o-deyatelnosti-apparata-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-ingushetii-rasskazal-ego-rukovoditel (дата обращения 01.11.2025)

[7] Report on the state of observance of the rights, freedoms and legitimate interests of man and citizen and the activities of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Ingushetia for 2024 [Electronic resource]. URL: https://upch-ingushetia.ru/annual_reports/doklad-o-sostoyanii-soblyudeniya-prav-svobod-i-zakonnyh-interesov-cheloveka-i-grazhda (дата обращения 01.11.2025).

[8] The situation of women in the North Caucasus is deteriorating and it is increasingly difficult to help them. UN News. A global view of human destinies [Electronic Resource]. URL: https://news.un.org/ru/story/2023/11/1447277 (date of contact 01.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-385-393

ГЕЗГИЕВА Дейси Муратовна,
И.о. начальника отдела
организации научного развития и грантов,
Преподаватель кафедры «Теория и
история государства и права»
Ингушского государственного университета,
г. Магас, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАУЧНОГО БЛОКА ИНГГУ ПУТЕМ СОЗДАНИЯ НАУЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы оптимизации и совершенствования научного блока Ингушского государственного университета путем создания научного управления. В работе обоснована необходимость повышения эффективности научной деятельности, улучшения организационной структуры и повышения научного престижа университета. Проведен анализ существующих подразделений, таких как: отдел организации научного развития и грантов, отдел подготовки кадров высшей квалификации, инжиниринговый центр, проектный офис молодежных стартапов и социальных инноваций. Соответственно, предложено создание новых специализированных отделов и центра: отдела научных изданий, развития молодежной науки, организации научных мероприятий и центра региональных исследований.*

Ключевые слова: *ИнгГУ, научная деятельность, наука, оптимизация, управление.*

GEZGIEVA Daisy Muratovna,
Acting Head of the Department
of Scientific Development and Grants,
Teacher of the Department of Theory and History
of State and Law, Ingush State University,
Magas, Russia

OPTIMIZATION AND IMPROVEMENT OF THE SCIENTIFIC BRANCH OF INGGU THROUGH THE CREATION OF SCIENTIFIC MANAGEMENT

Annotation. *The article discusses the issues of optimizing and improving the scientific block of Ingush State University by creating a scientific department. The paper substantiates the need to increase the efficiency of scientific activities, improve the organizational structure, and enhance the scientific prestige of the university. It analyzes the existing departments, such as the Department of Scientific Development and Grants, the Department of Higher Education, the Engineering Center, and the Project Office for Youth Startups and Social Innovations. Consequently, it proposes the creation of new specialized departments and a center: the Department of Scientific Publications, the Department of Youth Science Development, the Department of Scientific Events, and the Center for Regional Research.*

Key words: *IngSU, scientific activity, science, optimization, management.*

Введение. Современные вызовы в развитии высшего образования требуют комплексного подхода к управлению научной деятельностью вузов. Эффективное научное управление отражается на рейтингах, грантовой активности, публикационной результативности, формировании кадрового потенциала и внедрении инноваций. Уровень развития и организации научной деятельности в вузе во многом определяет степень интеграции науки и реального сектора экономики, формы этого взаимодействия, влияют на компетентностные характеристики и, в конечном счете, на уровень востребованности выпускников вуза [1]. В современных российских универ-

ситетах выделяются подразделения, отвечающие за научную организацию, подготовку кадров и инновационное сопровождение.

Однако новые задачи требуют создания комплексных структур на базе научного управления, что позволит интегрировать текущие и новые подразделения для укрепления научного потенциала университета.

Цель исследования. Целью исследования является разработка модели оптимизации и совершенствования научного блока ИнгГУ путем внедрения научного управления с созданием дополнительных структурных подразделений: отдела научных изданий, развития молодежной науки, организации научных мероприятий и центра региональных исследований.

Материалы и методы исследования. Для достижения цели исследования в работе использован комплексный подход. В качестве материалов исследования использованы различные научные работы, посвящённые вопросам управления научной деятельностью в высших учебных заведениях, нормативные правовые акты (НПА), регламентирующие организацию и развитие науки в РФ, а также официальные документы, размещённые на сайте Ингушского государственного университета.

Результаты исследования и их обсуждение.

Текущая структура научного блока ИнгГУ состоит из: отдела организации научного развития и грантов, отдела подготовки кадров высшей квалификации, инжинирингового центра, проектного офиса молодежных стартапов и социальных инноваций [4]. Каждое подразделение и его основные функции представлены в *таблице 1.*

Таблица 1. Текущая структура научного блока ИнгГУ [4].

№ п/п/	Подразделение	Основные функции
1.	Отдел организации научного развития и грантов	- участие в формирования основных научных направлений ИнгГУ, тематических планов научно-исследовательских работ ИнгГУ, контроль за ходом их исполнения; - сотрудничество в пределах своей компетенции с органами государственной власти, фондами и организациями, осуществляющими финансовую поддержку науки; - информационное и методическое сопровождение фундаментальных, поисковых, прикладных и опытно-конструкторских научно – исследовательских работ; - оказание научных, научно-технических, научно-информационных и иных услуг в рамках полномочий ООНРИГ; - подготовка отчетных документов о научной деятельности ИнгГУ, аналитических справок и статистической отчетности; - осуществление контроля за своевременным и качественным выполнением исполнителями этапов научно-исследовательских работ; - организация научно-исследовательской деятельности обучающихся; - содействие научному и творческому сотрудничеству с производственными и научными организациями по вопросам организации научно-исследовательской работы студентов и молодых ученых; - обеспечение документационного сопровождения грантовой, проектной и конкурсной научно-исследовательской деятельности Университета - организация грантовой, проектной и конкурсной деятельности в соответствии с приоритетными направлениями научно-исследовательской деятельности Университета; - организационное сопровождение конкурса внутривузовских грантов; - выполнение иных функций, направленных на обеспечение совершенствования и развития научно-исследовательских работ студентов ИнгГУ; - анализ результативности научной деятельности структурных подразделений Университета и представление результатов этой оценки в годовом отчете на Ученом совете ИнгГУ.

2.	Отдел подготовки кадров высшей квалификации	- организация и координация работы кафедр и других подразделений Университета по обеспечению учебного и научного процессов, связанных с обучением и подготовкой кадров высшей квалификации; - взаимодействие с Министерством образования и науки Российской Федерации и другими государственными органами по вопросам подготовки кадров высшей квалификации; - информирование структурных подразделений, научных руководителей о нормативно-правовых документах в системе высшего образования - подготовке кадров высшей квалификации; - организация работы приемной комиссии по приему в аспирантуру, ординатуру; - организация вступительных испытаний и заседаний приемных комиссий по зачислению в аспирантуру, ординатуру; - подготовка проектов приказов: о зачислении, отчислении, восстановлении, о допуске к экзаменам, об аттестации, о переводе на следующий курс, о предоставлении и продлении отпусков (по беременности и родам, по уходу за ребенком, по болезни), о назначении стипендии обучающимся за счет средств федерального бюджета, о назначении руководителей, утверждении тем диссертаций; - ведение личных дел аспирантов, ординаторов; - формирование составов комиссий по приему кандидатских экзаменов; - формирование составов комиссий по приему квалификационных и сертификационных экзаменов в ординатуре; - представление сведений о подготовке научно-педагогических и научных кадров в другие подразделения Университета, органы государственной статистики и вышестоящие органы; - прием и консультирование аспирантов, ординаторов по вопросам обучения; - взаимодействие с научными руководителями и заведующими кафедрами по вопросам подготовки кадров высшей квалификации; - размещение информации о работе Отдела на официальном сайте ИнгГУ; - организация аттестации аспирантов, ординаторов на профильных кафедрах и подведение итогов аттестации; - оформление договоров подготовки аспирантов, ординаторов зачисленных на основании договоров об образовании; - формирование дел в соответствии с утвержденной номенклатурой дел Отдела, обеспечение их сохранности и сдача документов длительного срока хранения в архив.
3.	Инжиниринговый центр	- обеспечение обучения, переподготовки и сертификации преподавателей и специалистов в соответствии с программами повышения квалификации; - обеспечение ресурсами, а также привлечение работников, студентов, магистрантов и аспирантов ИнгГУ для разработки и реализации программ инновационной и инжиниринговой деятельности, промышленного использования наукоемких технологий; - обеспечение реализации НИР/НИОКР по направлениям деятельности Центра;

		- проведение рекламных и маркетинговых мероприятий по привлечению к сотрудничеству российских промышленных предприятий с Центром; - проведение мероприятий, направленных на повышение уровня технологической подготовки и технического перевооружения производства, сокращению расходов сырья, материалов, затрат труда, улучшению качества продукции и роста производительности труда; - организации конференций, семинаров, круглых столов в области повышения квалификации специалистов, НИР/НИОКР по направлениям деятельности Центра, а также участие в подобных мероприятиях, проводимых другими учебными и коммерческими учреждениями с целью обмена опытом; - изучение отечественного и зарубежного опыта в создании единого научно-исследовательского пространства, объединяющего интересы научно-исследовательских, образовательных учреждений и бизнес сообщества, разработка предложений по его адаптации и внедрению.
4.	Проектный офис молодёжных стартапов и социальных инноваций	- вовлечение студентов в проектную, инновационную, научно - исследовательскую деятельность; - формирование мотивации у студентов к более углубленному и творческому освоению учебного материала через участие в проектной работе; - обеспечение возможности получения обучающимися практического опыта работы в составе проектных команд, а также навыков управления проектами; - содействие в развитии креативности, лидерских навыков, поиск идей, инициатив для реализации, планирования и управления проектами; - развитие студенческих междисциплинарных коммуникаций в филиале; - обучение студентов методам и инструментам самостоятельного решения научно-исследовательских и прикладных задач и оформления полученных результатов в виде презентаций, отчетов, тезисов и докладов конференций, научных и научно-популярных статей, подготовке ВКР в формате «Стартап как диплом»; - проведение консультационной и методической работы с участниками студенческих проектов; - участие в проектах, направленных на развитие университета; - адаптация идей студентов для участия в различных конкурсах, грантовых проектах, научных конференциях различного уровня; - участие в молодежных, студенческих и иных конкурсах и грантах, укрепление межвузовских, межрегиональных и международных связей, а также развитие различных форм партнерства в сфере молодежной проектной деятельности; внедрение эффективных механизмов реализации студенческих инициатив; - реализация результатов проектной работы студентов в заявках на гранты, в публикациях, патентах, прототипах, во внедрении их в науку и практику;

		- содействие коммерциализации результатов проектной работы студентов; - привлечение перспективных студентов, занимающихся проектной деятельностью в магистратуру и аспирантуру с последующим трудоустройством.

Стоит отметить, что на данный момент вся научная деятельность ИнгГУ сосредоточена в отделе организации научного развития и грантов (далее – ООНРиГ).

ООНРиГ ИнгГУ возлагает на себя огромное количество разнообразных и высокоответственных задач, обеспечивающих комплексное сопровождение всей научной деятельности университета. В обязанности отдела входит не только координация и управление научной деятельностью, но и методическое, информационное и организационное обеспечение всех процессов научного развития. Это включает подготовку и проведение научных мероприятий, издание научных сборников и журналов, а также систематизацию и свод отчетности по результатам научной деятельности.

Кроме того, ООНРиГ обеспечивает методическую поддержку при подготовке научных публикаций и выступает связующим звеном между научными коллективами и административными структурами университета.

Отдел также, проводя ежегодную конференцию для молодых исследователей, способствует развитию молодежной науки и оказывает всестороннюю консультационную помощь студентам, публикующимся в изданиях ВУЗа.

Таким образом, на ООНРИГ возложено стратегически важное и комплексное управление научно-исследовательской деятельностью ИнгГУ, что требует высокой квалификации персонала, скоординированной работы и эффективного распределения ресурсов. Это создает фундамент для оптимизации и дальнейшего совершенствования научного блока университета путем создания специализированных отделов, которые способны разгрузить отдел и повысить общий уровень управления научной деятельностью ИнгГУ.

Согласно ст. 72 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (№273-ФЗ), ВУЗам предписано развивать научную (научно – исследовательскую) деятельность [2]. В Стратегии научно-технологического развития РФ до 2030 г. подчеркивается необходимость формирования эффективной системы управления в области науки, технологий и производства [3].

На IV Конгрессе молодых учёных, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что наука так же, как образование и искусство, призвана объединять людей самых разных национальностей, взглядов, вероисповеданий и, что наука призвана быть фундаментом для общего развития и движения всего человечества вперёд, потому что именно наука создаёт условия для прогресса [18].

В связи с вышеизложенным, предлагается следующая организационная структура научного блока ИнгГУ, которая представлена на диаграмме ниже (см. на след стр.)

При реализации предложенной оптимизации научного блока и создании новых специализированных отделов, структура научного управления ИнгГУ будет представлять собой комплексную систему, способствующую систематическому росту научного потенциала и инновационной активности.

Внедрение предлагаемой модели организационной структуры научного управления ИнгГУ обладает рядом стратегически важных преимуществ, которые обеспечивают системное и устойчивое развитие научной деятельности университета.

Прежде всего, чёткое распределение функций между различными специализированными отделами позволит значительно повысить эффективность как административного, так и научного взаимодействия. Такой функциональный раздел способствует снятию избыточной нагрузки с единого координационного центра — отдела организации научного развития и грантов (ООНРиГ), что позволит каждому подразделению сосредоточиться на выполнении своих профильных задач с максимальной отдачей. В результате усилится межведомственная координация, улучшится качество коммуникаций между научными коллективами и административными структурами, что является одним из ключевых факторов успешного управления сложной системой вуза.

Вторым значимым преимуществом является стимулирование публикационной активности за счёт создания отдела научных изданий. В свете решения проблемы жизнеспособности [5; 6] и конкурентоспособности [7; 8] отечественного вуза на внутреннем [9] и международном [10] уровне одной из неизбежных задач современного российского университета становится повышение его академической репутации в научных кругах [11; 12], во многом складывающейся из

наукометрических данных об исследовательской и публикационной деятельности научно-педагогических работников (НПР).

Не менее важными как для организации, так и для ее сотрудников являются данные о характере публикационной деятельности и доходах от ее осуществления. Ориентация на вышеперечисленные показатели при оценке деятельности вузов представляет собой следствие перехода к инновационной модели экономического развития, в условиях которого все чаще позиции университета в рейтингах трактуются как показатели качества образования [13].

Стоит отметить, что 20% рейтинга формирует индекс цитируемости. Этот критерий включает в себя количество ссылок на опубликованные научные исследования, соотнесенное к числу преподавателей и исследователей, работающих в вузе на условиях полной занятости. К сожалению, это один из самых слабых параметров для российских ученых. Среди основных проблемных факторов здесь можно выделить ограниченное владение английским языком, высокую долю закрытых исследований, отсутствие международной публикационной активности в числе традиционных приоритетов, а также сложные связи между РАН и вузами [5].

Специализированная работа по развитию научных изданий ИнгГУ и повышению их качества обеспечит систематический рост цитируемости и, следовательно, укрепит наукометрические показатели ИнгГУ. Это особенно важно в условиях роста конкуренции между вузами на международной научной арене, когда показатели публикационной активности напрямую влияют на рейтинг и престиж высшего учебного заведения.

Оценка успешности стратегии развития университета складывается из внешних и внутренних показателей [13]. Так, в Программе развития Ингушского государственного университета на 2023 – 2032 гг. четко прописана необходимость развития научного издания ИнгГУ, следовательно, появляется и необходимость создания специализированного подразделения [14].

Третьим направлением является развитие молодежной науки посредством отделения, ответственного за организацию грантов, стипендий, конкурсов и конференций для студентов и молодых ученых. Ежегодные мероприятия, такие как конференции молодых исследователей, создают благоприятные условия для профессионального роста молодежи, вовлечения новых кадров в науку, а также служат площадкой для презентации инновационных идей и проектов. Поддержка молодежной науки способствует формированию устойчивого кадрового резерва и инновационной среды, что критически важно для долгосрочного развития регионального университета и России, ведь еще в 2018 – ом году Владимир Владимирович Путин отметил: «У нашей молодёжи огромный интеллектуальный, творческий потенциал. И очень важно, чтобы вы имели

все возможности для его реализации, и мы, конечно, будем к этому стремиться в нашей стране, в наших университетах и научных центрах» [15].

Далее, в 2022 – ом году Президент РФ назвал раскрытие потенциала молодёжи общенациональным приоритетом [16] и уже в 2025 – ом Владимир Владимирович отметил, что Россия динамично развивается, строит и реализует планы на десятилетия вперед именно благодаря молодому поколению. Он заверил, что российские власти будут и впредь уделять особое внимание работе с молодежью, ведь именно от нее зависит будущее страны, ее успехи и свершения [17].

По этой причине в ВУЗах для выявления талантливой молодежи и поддержки их стремлений к науке необходимо создавать специализированные подразделения, такие как отдел развития молодежной науки.

И, переходя к научным мероприятиям, стоит отметить, что отдел организации научных мероприятий, как компонент структуры, обеспечит систематическое проведение научных и отраслевых конференций, семинаров и форумов, что способствует обмену опытом, налаживанию научных контактов.

Центр региональных исследований, интегрируясь в научное пространство Ингушского государственного университета, будет обеспечивать фокус внимания на прикладных научных направлениях, непосредственно связанных с социально-экономическим развитием региона. Данная интеграция создаст предпосылки для формирования плодотворного взаимодействия с органами государственной и муниципальной власти, а также с различными научно – исследовательскими организациями.

Основное преимущество такого взаимодействия заключается в возможности целенаправленного решения актуальных социально-экономических проблем региона, что положительно будет сказываться как на качестве научных разработок, так и на эффективности их внедрения в практическую деятельность.

Стоит отметить, что значительную роль в научной деятельности центра региональных исследований будет играть проведение социологических исследований, результаты которых будут востребованы органами власти и коммерческими структурами. Это позволит вузу, посредством выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), получать стабильные финансовые доходы, способствуя укреплению финансовой устойчивости и развитию института науки в целом.

Таким образом, функционирование центра региональных исследований обеспечит финансовую поддержку научной деятельности университета за счёт выполнения прикладных исследований, отвечающих потребностям региона. Такой подход не только усилит научный потенциал ИнгГУ, но и повысит его роль как центра научного и социально-экономического развития Республики Ингушетия, будет способствовать созданию условий для управленческой прозрачности и повышения ответственности каждого подразделения, что, в свою очередь, обеспечит устойчивый рост показателей научной эффективности университета, повышение его научного престижа и успешную реализацию стратегических задач, обозначенных в Программе развития ИнгГУ на 2023 – 2032 гг.

Заключение. Внедрение комплексного научного управления в ИнгГУ с созданием специализированных отделов и центров позволит повысить эффективность и результативность научной деятельности. Новые структурные элементы улучшат финансовую устойчивость, способствуют росту наукометрических показателей, формированию устойчивого кадрового резерва и развитой исследовательской среды.

Список литературы:

[1] Выходцева Елена Анатольевна, Гусева Мария Николаевна, Малышкин Николай Геннадьевич Управление научно- исследовательской деятельностью в вузе // Вестник ГУУ. 2015. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-nauchno-issledovatelskoy-deyatelnostyu-v-vuze (дата обращения: 16.10.2025).

[2] Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «Об образовании в Российской Федерации»

[3] Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»

[4] Сведения об общеобразовательной организации // ИнгГУ URL: https://inggu.ru/sveden/struct/ (дата обращения: 11.10.2025).

[5] Абдулкашапова Ф. А., Бандорин В. Г., Игнашина Т. В. Глобальные образовательные рейтинги: аналитические инструменты и сервисы для оценки потенциала научно-образовательной деятельности университетов // Вестник Казанского технологического университета. 2014. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-obrazovatelnye-reytingi-analiticheskie-instrumenty-i-servisy-dlya-otsenki-potentsiala-nauchno-obrazovatelnoy-deyatelnosti (дата обращения: 17.10.2025).

[6] Арефьев, А. Л. Об участии российских вузов в международных рейтингах / А. Л. Арефьев // Россия реформирующаяся. – 2015. – № 13. – С. 213-231.

[7] Зимин, И. Н. О формализации модели университета как жизнеспособной системы / И. Н. Зимин, В. М. Картвелишвили // Россия и СНГ: геополитическая и экономическая трансформация : Международная научно-практическая конференция, Москва, 17 апреля 2014 года. – Москва: ООО «П-Формат», 2014. – С. 77-84.

[8] Зимин, И. Н. Университет: жизнеспособность и рекурсия / И. Н. Зимин, В. М. Картвелишвили // Россия: государство и общество в новой реальности : Сборник научных статей, Москва, 22 мая 2015 года. Том 1. – Москва: Издательство Проспект, 2016. – С. 251-258.

[9] Дударев, А. С. Повышение индекса цитирования научно-педагогических работников / А. С. Дударев // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – № 4. – С. 126-134.

[10] Зулькарнай Ильдар Узбекович, Ислакаева Гузель Разимовна Канд Экон Наук Российские вузы в глобальных рейтингах // Высшее образование в России. 2015. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-vuzy-v-globalnyh-reytingah (дата обращения: 17.10.2025).

[11] Попова, Д. И. Управление программой повышения конкурентоспособности российских университетов (проект 5-100) / Д. И. Попова // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2016. – Т. 7, № 1(23). – С. 72-78.

[12] Юсупова, А. С. Образовательно-научная деятельность университета: ресурсы, процессы и риски / А. С. Юсупова // Экономико-математические методы и модели в практике управления социально-экономическими процессами : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 17 ноября 2017 года. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2017. – С. 97-103.

[13] Картвелишвили Василий Михайлович, Крынецкий Дмитрий Станиславович, Юсупова Алла Сергеевна О методах оптимизации публикационной активности // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2018. №6 (102). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodah-optimizatsii-publikatsionnoy-aktivnosti (дата обращения: 17.10.2025).

[14] Site: https://inggu.ru/sveden/document/Documents/Osnovnye_dokumenty/Programma%20razvitiya%20IngGU.pdf

[15] Президент России: У нашей молодёжи огромный интеллектуальный потенциал // Русский Мир URL: https://russkiymir.ru/news/237477/ (дата обращения: 17.10.2025).

[16] Путин назвал раскрытие потенциала молодёжи общенациональным приоритетом // LiFE URL: https://life.ru/p/1545055 (дата обращения: 17.10.2025).

[17] Россия развивается благодаря молодежи - // Российская газета URL: https://rg.ru/2025/06/28/putin-rossiia-razvivaetsia-blagodaria-molodezhi.html (дата обращения: 17.10.2025).

[18] Путин назвал науку и образование фундаментом для развития человечества // Регнум URL: https://regnum.ru/news/3933009 (дата обращения: 17.10.2025).

References:

[1] Vykhodtseva Elena Anatolyevna, Guseva Maria Nikolaevna, Malyshkin Nikolai Gennadievich Management of research activities at the university// Bulletin of GUU. 2015. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-nauchno-issledovatelskoy-deyatelnostyu-v-vuze (дата обращения: 16.10.2025).

[2] Federal Law of 29.12.2012 N 273-FZ (rev. of 29.09.2025) " On Education in the Russian Federation"

[3] Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145 "On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation"

[4] Information about the educational organization//IngSU URL: https://inggu.ru/sveden/struct/ (date of contact: 11.10.2025).

[5] Abdulkashapova F.A., Bandorin V.G., Ignashina T.V. Global educational ratings: analytical tools and services for assessing the potential of scientific and educational activities of universities//Bulletin of Kazan Technological University. 2014. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-obrazovatelnye-reytingi-analiticheskie-instrumenty-i-servisy-dlya-otsenki-potentsiala-nauchno-obrazovatelnoy-deyatelnosti (дата обращения: 17.10.2025).

[6] Arefiev, A. L. On the participation of Russian universities in international rankings/A. L. Arefiev// Russia is reforming. – 2015. – № 13. - S. 213-231.

[7] Zimin, I. N. On the formalization of the university model as a viable system/I. N. Zimin, V. M. Kartvelishvili//Russia and the CIS: geopolitical and economic transformation: International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 17, 2014. - Moscow: P-Format LLC, 2014. - S. 77-84.

[8] Zimin, I.N. University: viability and recursion/ I.N. Zimin, V.M. Kartvelishvili//Russia: state and society in a new reality: Collection of scientific articles, Moscow, May 22, 2015. Volume 1. - Moscow: Prospekt Publishing House, 2016. - S. 251-258.

[9] Dudarev, A. S. Increase in the citation index of scientific and pedagogical workers/A. S. Dudarev// Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences. – 2016. – № 4. - S. 126-134.

[10] Zulkarnay Ildar Uzbekovich, Islakaeva Guzel Razimovna Kand Ekon Sciences Russian universities in global rankings//Higher education in

Russia. 2015. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-vuzy-v-globalnyh-reytingah (дата обращения: 17.10.2025).

[11] Popova, D. I. Management of the program to increase the competitiveness of Russian universities (project 5-100)/D. I. Popova//Scientific works of the North-West Institute of Management, RANEPA. – 2016. - T. 7, NO. 1 (23). - S. 72-78.

[12] Yusupova, A. S. Educational and scientific activities of the university: resources, processes and risks/A. S. Yusupova//Economic and mathematical methods and models in the practice of managing socio-economic processes: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 17, 2017. - Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2017. - S. 97-103.

[13] Kartvelishvili Vasily Mikhailovich, Krynetsky Dmitry Stanislavovich, Yusupova Alla Sergeevna On methods of optimizing publishing activity//Bulletin of the REA named after G.V. Plekhanov. 2018. №6 (102). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodah-optimizatsii-publikatsionnoy-aktivnosti (дата обращения: 17.10.2025).

[14] Site: https://inggu.ru/sveden/document/Documents/Osnovnye_dokumenty/Programma%20razvitiya%20IngGU.pdf

[15] President of Russia: Our youth have great intellectual potential//Russian World URL: https://russkiymir.ru/news/237477/ (date of appeal: 17.10.2025).

[16] Putin called the disclosure of the potential of youth a national priority//LiFE URL: https://life.ru/p/1545055 (date of appeal: 17.10.2025).

[17] Russia is developing thanks to youth -// Rossiyskaya Gazeta URL: https://rg.ru/2025/06/28/putin-rossiia-razvivaetsia-blagodaria-molodezhi.html (accessed: 17.10.2025).

[18] Putin called science and education the foundation for the development of mankind//Regnum URL: https://regnum.ru/news/3933009 (date of appeal: 17.10.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-394-398

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА И ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Автор на основе обобщения практики и литературных источников рассматривает в статье такие аспекты темы, как установление психологического контакта с лицом, интересующим оперативные подразделения; укрепление и поддержание с объектом ОРД доверительных отношений с целью выведывания оперативно значимой; прекращение непосредственного контакта с объектом ОРД.*

Ключевые слова: *Оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскная психология, психологический контакт, доверительные отношения, оперативный сотрудник.*

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute
of the Federal service for execution of punishment of Russia,
Doctor of low, Professor

ESTABLISHING PSYCHOLOGICAL CONTACT AND TRUSTWORTHY RELATIONS IN OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES

Annotation. *Based on the generalization of practice and literary sources, the author examines in the article such aspects of the topic as establishing psychological contact with a person of interest to operational units; strengthening and maintaining trusting relations with the object of operational search activities in order to extract operational information; and ending direct contact with the object of operational search activities.*

Key words: *Operational search activities, operational search psychology, psychological contact, trusting relations, operational officer.*

Развитие теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) происходит под влиянием насущных потребностей практики и в результате интеграции знаний, черпаемых из смежных наук. В последние годы характерным является широкое проникновение психологической науки в оперативно-розыскную деятельность [1, 13–17; 2, С. 19-23]. И это неудивительно, ибо в центре ее всегда находятся люди с их индивидуально-психологическими особенностями.

Анализ теоретических источников показывает, что к наиболее значимым положениям, относящимся к предмету оперативно-розыскной психологии, можно отнести разработку психологически обоснованных рекомендаций по установлению доверительных отношений с лицами, вовлеченными в оперативно-розыскной процесс (далее – объекты ОРД) выявления, предупреждения и раскрытия преступлений [3, С. 8, 16].

Сказанное имеет непосредственное отношение к установлению и поддержанию доверительных отношений при добывании оперативно значимой информации, так как предполагает вступление оперативных сотрудников, а также лиц, оказывающим им конфиденциальное содействие, в различные контакты с объектами ОРД для выведывания преступных замыслов и планов. Такой контакт, как правило, выступает в виде легендированного общения указанных субъектов с объектами ОРД. На практике процесс этого общения протекает по специфическим психологическим законам и условно его можно разделить на три относительно самостоятельных этапа.

1. Установление психологического контакта с лицом, интересующим оперативные подразделения, включая:

– создание внешних условий, обеспечивающих установление такого контакта;

– формирование первого впечатления и процесса заведения знакомства с объектом оперативной заинтересованности;
– тактико-психологические приемы, направленные по формированию у объекта ОРД интереса к контакту.

2. Укрепление и поддержание с объектом ОРД доверительных отношений с целью выведывания оперативно значимой информации, включая:
– проявление внешних коммуникативных свойств в начале общения;
– действия по ликвидации помех в общении;
– тактические приемы, направленные на возбуждение интереса к развитию начавшегося общения и его продолжения в будущем.
3. Прекращение непосредственного контакта с объектом ОРД.

Рассмотрим подробнее обозначенные этапы.

Установление психологического контакта с объектом ОРД.

Ю.В. Чуфаровский, исследовавший приемы установления и развития психологических контактов в ОРД, считает, что «психологический контакт – это процесс установления и поддержания взаимного тяготения общающихся лиц. Если люди проникают интересом или доверием друг к другу, можно говорить, что между ними установился психологический контакт» [4, С. 53].

Логический анализ этого суждения позволяет выделить два взаимосвязанных состояния общающихся сторон: первое – когда преодолевается психологический барьер отчужденности, то есть установления и поддержания взаимного тяготения общающихся лиц и второе – когда общающиеся лица проникают интересом или доверием друг к другу и желают воспринимать информацию друг от друга.

Возможности установления психологического контакта, его формы, подход к общению, благоприятствующий достижению цели, зависят, прежде всего, от психологических особенностей объекта ОРД, его роли в конкретной ситуации события преступления. Отсюда в деятельности по установлению психологического контакта с объектом ОРД на первый план выдвигаются умения оперативного сотрудника разбираться в психологии людей, владеть приемами воздействия на них, методикой анализа их поведения. Для этого необходимы практический опыт общения и знание рекомендуемых наукой тактических приемов, основанных на данных оперативно-розыскной психологии и других наук.

Существенным фактором, обеспечивающим установление психологического контакта, является ознакомление с данными о личности объекта ОРД. Эти данные касаются характеристики его личностных особенностей, создающих положительные или отрицательные предпосылки для последующего контакта и доверительных отношений. Получаемая при этом информация может быть использована для выбора наиболее эффективных в каждом конкретном случае тактических приемов установления психологического контакта с целью выведывания сведений, представляющих оперативный интерес.

Обобщение практики и анализ литературных источников позволяют выделить следующие психологические характеристики объекта ОРД, на которые должен ориентироваться оперативный сотрудник: потребности и интересы; мотивационная сфера и направленность; знания, умения и навыки; социально-демографическая характеристика, отражающая особенности образа жизни и поведения; черты характера, темперамент; эмоционально-волевая сфера; криминальный опыт и связи.

Проанализировав психологические характеристики интересующего лица, можно сделать вывод о качествах личности и интересах объекта ОРД для дальнейшего установления психологического контакта, определения линии поведения, тактики общения с конкретным лицом.

Представляется, что в целях изучения объекта ОРД целесообразно анализировать не только его характеристики и потребности, но и лиц, входящих в их преступную среду (ближайшее окружение). Это позволит повысить в ряде случаев установление психологического контакта и доверительных отношений с объектом ОРД.

Возможности установления психологического контакта, его формы, подход к общению, благоприятствующий достижению цели, во многом зависят от первого впечатления о вступающем в контакт оперативным сотрудником и объектом ОРД. Результатом взаимного оценивания является вступление в общение либо отказ от него.

С тактической и психологической точки зрения необходимо детально продумать предлог для завязывания знакомства. Это очень важный для установления контакта момент, накладывающий отпечаток на все последующее общение с объектом оперативной заинтересованности. Часто прямое «заговаривание» вызывает у людей состояние психологического дискомфорта и накладывает определенный отрицательный отпечаток на первое впечатление. Ю.В. Чуфаровский справедливо замечает: «Если предлог знакомства оказывается естественным, то общение налаживается и разговор идет довольно непринужденно и легко. Если же предлог непонятен

или неестественен, не соответствует ситуации, развитие контакта затрудняется, а его перспектива остается далеко не ясной» [4, С. 57].

В практической деятельности существует много самых различных приемов выбора предлога для знакомства. Условно их можно разделить на две группы: а) активной стороной при знакомстве является субъект ОРД; б) активной стороной является объект ОРД. В зависимости от ситуации, с учетом конкретных условий и обстоятельств пригодной оказывается либо первая, либо вторая группа приемов. Однако, во всех случаях требуется творческий подход, находчивость, оригинальность и сообразительность субъекта ОРД.

Установление доверительных отношений с объектом ОРД.

В литературе по социальной психологии доверительное общение определяется как специфический способ социально-психологического обособления личностей, заключающегося в обмене значимыми мыслями, чувствами, переживаниями, которые раскрывают глубинные, интимные стороны личности на основе уверенности в партнере, как добропорядочном человеке [5, С. 18]].

Р.С. Хамидуллин замечает, что доверие – это фундамент общения и взаимопонимания друг друга. Чтобы получить определенную информацию от собеседника, для расположения к себе в процессе общения необходимо продемонстрировать ему, что оперативный сотрудник тоже доверяет ему, дать что-то в замен [6, С. 180].

В ходе общения между оперативным сотрудником и объектом ОРД недопустимы фамильярное обращение, заискивание, бездушное отношение, формализм, добродушная снисходительность, беспринципность, отсутствие определенной линии поведения. Все это может привести к отчуждению и недоверию со стороны граждан, которые могут оказаться в сфере ОРД.

Расширению возможностей общения служат следующие психологические особенности: следует с пониманием относиться к проблемам собеседника, с выражением благодарности за предоставленную информацию; не игнорировать полученную информацию и не подавать вида в случае ее противоречивости; задавать вопросы в отношении уже известной информации с целью проверки надежности собеседника; контролировать беседу и избегать споров.

Важно уметь слушать и испытывать искреннюю заинтересованность в предмете разговора. Для этого психологи рекомендуют так называемую технику активного слушания, которая опирается на «трехактную схему выслушивания»: поддержка — уяснение — комментирование.

Изучение практической деятельности позволяют выделить две психологические «стратегии» оперативного контактирования и завоевания доверия с объектом ОРД: «стратегию новичка» (роль новичка, остро нуждающегося в поддержке, советах) и «стратегию бывалого», опытного преступника, понимающего все тонкости преступного бизнеса и стремящегося поделиться накопленным опытом.

В настоящее время вопрос о «бывалости» или неопытности ролевых функций конфидента отходит на второй план, уступая место таким факторам, как наличие солидного материального обеспечения, обладание большими связями в значимых для преступных групп кругах, реальные возможности «проворачивать» большие дела и др. Образно говоря, ситуация завоевания доверия может быть представлена как пересечение двух и более деловых людей, каждый из которых может быть в определенном отношении полезен другому.

Успешности установления психологического контакта и доверительных отношений с объектом ОРД способствуют: «деловые» отношения на почве возможного сбыта и хранения вещей; мелкие услуги, советы, консультации, помощь; принадлежность к кругу активно действующих преступников, «готовность» к совершению преступлений; сходство интересов, давность знакомства и другие отношения.

Если конфидент «полезен» для совершения криминальных операций, то ему легче получить оперативно значимые сведения. При этом, чем ближе лицо, с которым устанавливаются контакт, к ядру преступной группы (ее лидерам, активным участникам), тем более показываемая «полезность» должна носить криминальный характер и наоборот, чем ближе это лицо к периферии преступной группы, тем более такая «полезность» должна носить характер служебной, бытовой услуги.

Сказанное позволяет сделать вывод, что возможна имитация условий, вынуждающих объект ОРД обратиться за помощью к конфиденту. Так, в некоторых ситуациях возможно имитировать условия, при которых объект ОРД сам обращается к конфиденту с просьбой или предложением, связанными с исполнением им тех или иных служебных обязанностей, оказанием тех или иных услуг в сфере бизнеса (например, связанных с поставкой сырья, оборудования, комплектующих изделий, сбытом продукции и т.д.).

Выше уже отмечалось, что успешное заведение знакомства, установление психологического контакта предполагает учет особенностей личности объекта ОРД. Помимо отнесения объекта ОРД к определенному типу людей, необхо-

дим еще учет национальных особенностей. Так, отличительной особенностью этнических преступных групп является их высокая сплоченность и «закрытость» от внешних проникновений [7, С. 207-210]. Этот фактор в значительной степени предопределяет особенности выявления и пресечения преступной деятельности таких групп. Указанные особенности определяют и способы выведывания информации, представляющей оперативный интерес, в том числе путем использования конфиденциального содействия отдельных лиц.

Другой аспект этой проблемы заключается в том, что оперативные сотрудники не всегда владеют в необходимой степени навыками установления доверительных отношений с представителями этнических диаспор. Это в определенной мере объясняется, прежде всего, тем, что, например, мусульмане имеют национальную психологию, существенно отличающуюся от национальной психологии славян.

Для эффективного установления психологического контакта и доверительных отношений с представителями национальных диаспор, субъекты, применяющие агентурный метод, должны хорошо ориентироваться в особенностях национальной психологии, знать обычаи и традиции этих народов. Знание таких особенностей в различных национальных культурах дает субъектам ОРД возможность правильно вести себя при общении. Дистанция между общающимися сокращается, что также способствует повышению уровня доверительности.

Например, представители коренных народов Северного Кавказа и Закавказья обычно с симпатией относятся к людям, знающим их историю, разбирающимся во взаимоотношениях между кланами, соблюдающим принятые у них правила этикета. Только руководствуясь этими знаниями можно добиться от интересующих лиц уважение к себе, установления психологического контакта и доверительных отношений. В дальнейшем это поможет оптимизации процессов добывания оперативно значимой информации, и, в конечном счете, повышению результативности выявления и пресечения деятельности организованных преступных структур, сформированных на этнической основе.

На этапе прекращения непосредственного контакта между субъектом и объектом ОРД требует учета психологии и тактика проведения концовки общения. Так как психология человека устроена таким образом, что запоминается и производит наиболее сильное впечатление и эмоциональное воздействие именно окончание общения, то крайне важно оставить у объекта ОРД благоприятное впечатление от разговора. Если цель общения не скрывалась, то объекта ОРД следует поблагодарить за предоставленные сведения. В тех случаях, когда последний проявил желание оставить разговор в тайне, заверить, что данное условие обязательно будет соблюдено.

Из сказанного видно, что для успешного установления и развития психологического контакта и доверительных отношений субъект агентурного метода должен располагать целым рядом психологических знаний, навыков, умений и особыми личностными характеристиками, при наличии которых можно говорить о коммуникативной компетентности.

Использование психологических приемов в качестве средства достижения целей добывания оперативно значимой информации обусловливает необходимость развития коммуникативных качеств и умений у субъекта ОРД. Их отсутствие приводит к неэффективности решения оперативно-служебных задач, выбору «силовых» способов воздействия со стороны оперативного сотрудника. Как следствие, возникают конфликтные отношения с объектом ОРД, вызывающие негативное отношение к оперативным подразделениям и отсутствие готовности содействовать им в решении задач борьбы с преступностью, что противоречит современным требованиям ведомственных нормативных актов, регламентирующих организацию и тактику ОРД.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г. Современные научные представления психологического обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (Сыщик). 2004. № 1. С.13–17.

[2] Краснова К.А., Агапов П.В. Психологическое воздействие и его значение в оперативно-розыскной деятельности по делам об организованной преступности // Юридическая психология. 2014. № 2. С.19 - 23.

[3] Синилов Г.К. Введение в оперативно-розыскную психологию: Лекция. – М., 2006. С. 8, 16.

[4] Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной деятельности. 2-е изд., доп. – М., 2001. С. 53, 57.

[5] Сафонов В.С. Особенности доверительного общения: автореф. дис. …канд. юрид. наук. – М., 1977. С. 18.

[6] Хамидуллин Р.С. Доверие как нравственная категория в оперативно-розыскной деятельности // Психология и психотехника. 2022. № 4. С. 180.

[7] Сергеева Ю.В., Асафьев В.Н. Особенности оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых членами этнических преступных структур // Закон и право. 2022. № 6. С. 207-210.

References:

[1] Kovalev O.G. Modern scientific concepts of psychological support for operational investigative activities // Operative (Detective). 2004. No. 1. pp.13-17.

[2] Krasnova K.A., Agapov P.V. Psychological impact and its significance in operational investigative activities in cases of organized crime // Legal psychology. 2014. No. 2. pp.19-23.

[3] Sinilov G.K. Introduction to operational investigative psychology: A lecture. Moscow, 2006. pp. 8, 16.

[4] Chufarovsky Yu.V. Psychology of operational investigative activity. 2nd ed., supplement– Moscow, 2001. pp. 53, 57.

[5] Safonov V.S. Features of confidential communication: abstract of the dissertation ...kand. jurid. M., 1977, p. 18.

[6] Khamidullin R.S. Trust as a moral category in operational investigative activities // Psychology and psychotechnics. 2022. № 4. С. 180.

[7] Sergeeva Yu.V., Asafyev V.N. Features of operational-investigative characteristics of crimes committed by members of ethnic criminal structures // Law and Justice. 2022. No. 6. pp. 207-210.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-399-402

СОМОВА Ольга Владимировна,
студентка 4 курса бакалавриата,
Экономический факультет, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
e-mail: o.somova@g.nsu.ru

РЕФОРМА В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ ТКО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию реформы в сфере обращения твердых коммунальных отходов (ТКО) на территории Российской Федерации. Актуальность выбранной темы обусловлена кризисным состоянием системы захоронения отходов и острой необходимостью перехода к экономике замкнутого цикла в соответствии с национальным проектом «Экологическое благополучие». Автором дана характеристика реализуемых изменений в данной области (включая создание института региональных операторов, территориальных схем обращения с отходами, изменение тарифообразования). В работе также выделены ключевые проблемы, препятствующие эффективному функционированию системы обращения с ТКО. Среди них – нехватка современной инфраструктуры, значительный рост тарифов для населения, недостаточность контроля за деятельностью региональных операторов, низкая экологическая грамотность граждан и др. В целях проведения более глубокого исследования автором был проанализирован зарубежный опыт в сфере обращения ТКО на успешном примере Федеративной Республики Германия (ФРГ). На основе комплексного анализа предложены конкретные меры усовершенствования системы обращения с ТКО. Акцент сделан на необходимости совершенствования правового регулирования и экологического просвещения граждан для обеспечения права на благоприятную окружающую среду. Предложенные конкретные варианты устранения негативных последствий реформы, сделанные по результатам проведенного исследования, могут быть применены на практике в процессе совершенствования действующей системы регулирования обращения с ТКО. Делается вывод о том, что реализация предложенных мероприятий будет способствовать не только устранению негативных последствий реформы, но и созданию устойчивой системы обращения с ТКО, обеспечивающей конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду.*

Ключевые слова: *твердые коммунальные отходы, обращение, мусорная реформа, региональный оператор, раздельный сбор отходов, утилизация отходов, экология, экологическое право.*

SOMOVA Olga Vladimirovna,
4th year Bachelor's degree student,
Faculty of Economics, Novosibirsk State University

MUNICIPAL SOLID WASTE TREATMENT REFORM: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Annotation. *This article is devoted to the study of the reform in the sphere of solid municipal waste (MSW) management in the territory of the Russian Federation. The relevance of the chosen topic is due to the crisis state of the waste disposal system and the urgent need to transition to a closed-loop economy in accordance with the national project "Environmental well-being". The author describes the ongoing changes in this area (including the creation of the institute of regional operators, territorial waste management schemes, and changes in tariff formation). The paper also highlights the key problems that hinder the effective functioning of the MSW management system. Among them are the lack of modern infrastructure, a significant increase in tariffs for the population, insufficient control over the activities of regional operators, low environmental literacy of citizens, etc. In order to conduct a more in-depth study, the author analyzed foreign experience in the field of MSW management using the successful example of the Federal Republic of Germany (FRG). Based on a*

comprehensive analysis, specific measures are proposed to improve the MSW management system. The emphasis is placed on the need to improve legal regulation and environmental education of citizens to ensure the right to a favorable environment. The proposed specific options for eliminating the negative consequences of the reform, based on the results of the study, can be applied in practice in the process of improving the current MSW management system. It is concluded that the implementation of the proposed measures will contribute not only to eliminating the negative consequences of the reform, but also to creating a sustainable MSW management system that ensures the constitutional right of citizens to a favorable environment.

Key words: *municipal solid waste, treatment, waste reform, regional operator, separate waste collection, waste disposal, ecology, environmental law*.

В настоящее время экологическая повестка дня является одним из приоритетных направлений внутренней политики нашего государства. С 2019 года в России стартовала реформа отрасли обращения с ТКО (так называемая «мусорная реформа»). Ее ключевая цель напрямую связана с трансформацией уже существующей системы по сортировке и переработке отходов, а именно внедрением технологий раздельного сбора мусора. Стоит отметить, что конечный результат данных изменений видится в создании экономики замкнутого цикла до 2030 года, что закреплено в новом национальном проекте «Экологическое благополучие». Однако за шесть лет, прошедших с начала реализации мусорной реформы заметны определенные сложности, которые непосредственно затрагивают экологические права и интересы граждан.

Правовое регулирование в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) в Российской Федерации представляет собой многоуровневую систему нормативно-правовых актов, охватывающих несколько отраслей права, при этом центральное место в ней занимает экологическое законодательство. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» закрепляет право гражданина на благоприятную окружающую среду, тем самым определяя вектор надлежащего обращения с ТКО. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» является наиболее важным актом с практической точки зрения, так как определяет понятийный аппарат, полномочия органов государственной власти, ответственность и основные постулаты новой системы обращения отходов.

Важно отметить, что с 2019 года ответственность за работу с отходами перешла с муниципального на региональный уровень. На данный момент каждый субъект Российской Федерации разрабатывает территориальную схему обращения с отходами, которая является основным нормативным актом на региональном уровне, а также выбирает одного или нескольких региональных операторов на основе конкурсного отбора. Региональный оператор, в свою очередь, отвечает за весь цикл работы с отходами, который включает в себя сбор, транспортировку, обработку, утилизацию, обезвреживание и захоронение.

Рассматривая сферу правового регулирования обращения твердых коммунальных отходов, можно выделить следующие проблемы: 1) противоречия между федеральными требованиями и региональными возможностями по их исполнению; 2) недостаточная детализация механизмов стимулирования раздельного сбора и переработки мусора; 3) низкая эффективность контроля за деятельностью регионального оператора, в частности отсутствие прозрачного механизма ответственности в случае нарушения правил логистики отходов.

Одной из главных сложностей в реализации реформы по обращению с ТКО по-прежнему является нехватка современной инфраструктуры для сортировки и переработки отходов. Основным способом утилизации по-прежнему остается захоронение ТКО на мусорных полигонах, то есть сейчас преобладает экстенсивный метод обращения. В то же время во многих зарубежных странах основной акцент сделан в сторону интенсивных способов решения данной проблемы, в частности применении наукоемких технологий.

Наиболее успешный опыт создания качественной системы по обращению отходов демонстрирует Федеративная Республика Германия. В этой стране активно применяется кластерный подход, который во многом сформирован под влиянием политики Евросоюза под названием «Зеленый курс» [1, с. 33-34]. Его особенность состоит в утилизации отходов не с помощью строительства мусоросжигающих комплексов, а посредством качественной сортировки отходов и их повторного использования на основе наукоемких технологий. Представляется, что акцент на применении инновационных разработок является наиболее правильным в настоящее время. Применение кластерного подхода, реализуемого в Германии, в частности увеличение количества экотехнопарков, в России позволило бы в ближайшее время перейти к экономике замкнутого цикла.

Значительный рост тарифов для населения также является одной из проблем в реализации мусорной реформы. По мнению Т.М. Звездиной, необходимо пересмотреть расчет платы за коммунальную услугу в силу того, что использование норматива накопления ТКО без учета вида расчетной единицы видится нецелесообразным [2, с. 68]. Ведь, согласно новым правилам, при расчете платы за услугу регионального оператора органы государственной власти субъектов РФ сами определяют вид расчетной единицы: количество потребителей или площадь помещения. В связи с этим, наблюдается большая дифференциация в тарифах в сфере обращения ТКО в зависимости от конкретного региона.

Помимо этого, следует обратить внимание на такой фактор как низкая эффективность административного и судебного контроля за соблюдением нормативных требований региональным оператором. Практика показывает, что антимонопольные органы субъектов РФ не всегда результативно пресекают злоупотребления доминирующим положением регионального оператора. В связи с этим для повышения прозрачности рынка целесообразным представляется наделение ФАС России специальными полномочиями по контролю за деятельностью региональных операторов в сфере обращения с ТКО [3, с. 149]. Это позволит не только оперативно пресекать нарушения, но и предотвращать их, обеспечивая устойчивое развитие отрасли.

Кроме того, сдерживающим фактором на пути эффективной реализации данной реформы является низкая экологическая грамотность населения. Этот аспект играет решающую роль в достижении долгосрочной экологической устойчивости и повышении эффективности использования ресурсов. Причиной является отсутствие четкого понимания причин сортировки. Возможно, помимо программы экологического просвещения граждан, следует рассмотреть внедрение мер экономического стимулирования. Можно предположить, что именно данный способ позволит улучшить статистику по раздельному сбору мусора. Такими мерами могут быть, например: 1) закрепление дифференцированной оплаты за вывоз мусора в зависимости от правильности сортировки по мусорным контейнерам; 2) снижение налогового бремени на коммерческие организации, которые активно используют сырье вторичной переработки [4, с.106]; 3) предоставление налогового вычета за доход от сдачи вторичного сырья и др.

Можно предположить, что перспективы развития мусорной реформы будут связаны не только с устранением текущих проблем, но и внедрением новых технологий. С 2023 года в России работает Федеральная государственная информационная система учёта твёрдых коммунальных отходов (ФГИС УТКО), благодаря которой цепочка утилизации и переработки отходов стала более прозрачной. Однако на текущий момент присутствуют сложности в интеграции всех региональных операторов страны, а также в своевременности вносимых ими данных. Видится, что данные проблемы обусловлены недостаточной цифровизацией населенных пунктов и дефицитом квалифицированных кадров. Рассматривая дальнейшие перспективы развития данной информационной системы, следует отметить возможность внедрения инструментов искусственного интеллекта. Так, например, с октября 2025 года на ФГИС УТКО была реализована возможность автоматического расчета количества необходимых мусоровозов.

Проведенный анализ показал, что реформа в сфере обращения твердых коммунальных отходов находится в кризисном состоянии и требует незамедлительных изменений. Особое внимание необходимо уделить совершенствованию правового регулирования. Во-первых, следует установить более детальные и строгие требования к региональным операторам в части сроков и качества предоставляемых услуг, а также их ответственности за состояние контейнерных площадок. Это позволит устранить существующие пробелы в регулировании и повысить эффективность административного контроля, делегировав ФАС России специальные полномочия по надзору за их деятельностью. Во-вторых, для снижения социальной напряженности необходимо законодательно закрепить обязанность органов государственной власти и местного самоуправления проводить публичные слушания на ранних стадиях планирования размещения новых объектов инфраструктуры (полигонов, мусоросортировочных комплексов) с обязательным учетом их результатов при принятии окончательных решений. Кроме того, следует уделить особое внимание повышению экологической грамотности населения, сделав акцент на внедрение мер экономического стимулирования.

Список литературы:

[1] Молоков М. А. О применимости зарубежного опыта обращения с твёрдыми коммунальными отходами в Российской Федерации // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2024. № 19. С. 32-37.

[2] Звездина Т.М. Некоторые проблемы правового регулирования обращения с твердыми коммунальными отходами // Юрист. 2019. № 11. С. 66-71.

[3] Измайлов Р.Р. Проблемы правового регулирования отношений по обращению с твердыми коммунальными отходами // ВЭПС. 2024. № 1. С. 147-150.

[4] Бендиков А.А. Организационно-правовые меры в сфере утилизации твердых бытовых отходов в Российской Федерации // Хозяйство и право. 2024. № 3. С.100-108.

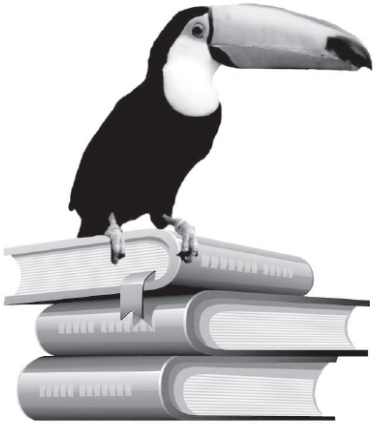
References:

[1] Molokov M. A. On the applicability of foreign experience in solid municipal waste management in the Russian Federation // Education and science without borders: fundamental and applied research. 2024. No. 19. pp. 32-37.

[2] Zvezdina T.M. Some problems of legal regulation of solid municipal waste management // Lawyer. 2019. № 11. pp. 66-71.

[3] Izmailov R.R. Problems of legal regulation of relations in the management of solid municipal waste // VEPS. 2024. No. 1. pp. 147-150.

[4] Bendikov A.A. Organizational and legal measures in the field of solid household waste disposal in the Russian Federation // Economy and law. 2024. No. 3. pp.100-108.

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-403-408

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ПОЛУЧЕНИЕ ПОСЫЛОК, ПЕРЕДАЧ И БАНДЕРОЛЕЙ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые и организационные особенности осуществления контроля и надзора за соблюдением права осужденных к лишению свободы на получение посылок, передач и бандеролей. Для ее реализации применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частные научные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие особенности правого регулирования, правоохранительную и правозащитную деятельности по соблюдению права осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на получение посылок, передач и бандеролей. В ходе исследования установлено, что право осужденных к лишению свободы на получение посылок, передач и бандеролей можно отнести к основным материальным правам осужденных, отбывающим наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Оно закреплено нормах уголовно-исполнительного закона и конкретизировано в отдельной 90 статье УИК РФ. Особый акцент законодатель справедливо сделал на следующих важнейших принципиальных моментах: количестве и сроках предоставления посылок, передач и бандеролей различным категориям осужденных, то есть осуществлении дифференцированного подхода. Его основными критериями является дифференциация осужденных по: гендерным и возрастным характеристикам; наличию у них определенных заболеваний, признанных в установленном порядке инвалидами; отбывающие лишение свободы в исправительных колониях (далее ИК), воспитательных колониях (далее ВК) и тюрьмах различного вида режима (общего, строгого, особого); содержащихся в ИУ в различных условиях (льготных, обычных, облегченных и строгих); имеющих различные психологические характеристики, детерминирующие модели поведения в ИУ, подразумевающие размещение осужденных в конкретные условия отбывания наказания и их замену. Гарантом реализации и соблюдения рассматриваемого права осужденных к лишению свободы является уникальная национальная система контроля и надзора, успешно применяемая государственными органами и общественными объединении при обеспечении законности исполнения уголовных наказаний.*

Ключевые слова: *контроль, прокурорский надзор, лишение свободы, право осужденных, посылки, передачи, бандероли, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MONITORING AND SUPERVISION OF THE OBSERVANCE OF THE RIGHT OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT TO RECEIVE PARCELS, TRANSFERS AND PARCELS

Annotation. *The purpose of the study was the legal and organizational features of monitoring and supervising the observance of the right of persons sentenced to imprisonment to receive parcels, transfers and parcels. To implement it, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical*

cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, which analyzed legislative and departmental legal acts, scientific publications, as well as materials revealing the features of legal regulation, law enforcement and human rights activities aimed at observing the right of convicts serving sentences of imprisonment to receive parcels, transfers and parcels. The study found that the right of persons sentenced to imprisonment to receive parcels, transfers and parcels can be attributed to the basic material rights of convicts serving sentences in correctional institutions of the penal system. It is fixed in the norms of the penal enforcement law and specified in a separate article 90 of the Criminal Code of the Russian Federation. The legislator rightly placed special emphasis on the following important points of principle: the number and timing of the provision of parcels, transfers and parcels to various categories of convicts, that is, the implementation of a differentiated approach. Its main criteria are the differentiation of convicts according to: gender and age characteristics; the presence of certain diseases recognized as disabled in accordance with the established procedure; those serving imprisonment in correctional colonies (hereinafter IC), educational colonies (hereinafter VC) and prisons of various types of regime (general, strict, special); those held in correctional institutions in various conditions (preferential, ordinary, light and strict); having various psychological characteristics that determine patterns of behavior in prison, implying the placement of convicts in specific conditions of serving their sentences and their replacement. A unique national system of control and supervision, successfully applied by government agencies and public associations in ensuring the legality of the execution of criminal penalties, guarantees the implementation and observance of the right of those sentenced to imprisonment.

Key words: *control, prosecutorial supervision, imprisonment, the right of convicts, parcels, transfers, parcels, correctional institutions, penal enforcement system.*

Введение. Лишение свободы, как вид уголовного наказания, характеризуется наибольшим ограничением прав осужденных [1]. Его исполнение нуждается в дополнительном внимании со стороны контролирующих и надзирающих органов Российской Федерации. Здесь следует отметить роль контроля государственных органов, общественных объединений и институтов гражданского общества, прокурорский надзор.

К первому относятся:

- ведомственный контроль, осуществляемый ФСИН России, а также ГУФСИН и УФСИН субъектов федерации [2, с. 231-236];
- судебный контроль за исполнением уголовных наказаний [3, с. 205-210];
- контроль должностных и иных лиц учреждений и органов, исполняющих наказания [4, с. 132-137];
- контроль Уполномоченного по права человека и уполномоченных по правам человека в регионах Российской Федерации, Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации [5, с. 173-177];

Ко второму относятся:

- общественный контроль за обеспечением прав человека в исправительных центрах и исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы [6, с. 37-42];
- контроль общественных наблюдательных комиссий (ОНК) за исполнением прав осужденных и заключенных под стражу лиц [7, с. 319-324].

Важным и эффективным элементом системы контроля и надзора за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав осужденных к лишению свободы выступают органы прокуратуры в лице специализированного управления Генпрокуратуры России, а также помощники прокуроров субъектов федерации и прокуратуры (прокуроры), осуществляющие надзор за исполнением уголовных наказаний [8]. Указанные должностные лица выявляют нарушения закона при исполнении наказания в виде лишения свободы, защищают права осужденных, в том числе одного из основных – на получение посылок, передач и бандеролей.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных особенностей осуществления контроля и надзора за соблюдением права осужденных к лишению свободы на получение посылок, передач и бандеролей применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частные научные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие особенности правого регулирования, правоохранительную и правозащитную деятельности по соблюдению права осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на получение посылок, передач и бандеролей.

Основные результаты. Правовой основой осуществления контроля и надзора за соблюдением права осужденных на получение посылок, передач и бандеролей являются законодатель-

ные и ведомственные акты, регулирующие деятельность должностных лиц перечисленных государственных органов и общественных объединений по обеспечению прав осужденных к лишению свободы, а также правовая регламентация самого порядка получения им посылок, передач и бандеролей, отраженная в уголовно-исполнительном законе и Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста России 2022 г. № 110.

В статье 90 УИК РФ законодатель указал, что осужденным разрешается получать посылки, передачи и бандероли, дополнительно закрепив, тем самым, правовое положение и правовой статус осужденных, отбывающих наказание в виде лишения [9, с. 81-83]. Детализировав основные права осужденных указанной категории, реализуемых в ИУ и сформулированных в статье 12 УИК РФ [10, с. 189-191].

Особый акцент при реализации анализируемого права в законе справедливо сделан на важнейших принципиальных моментах – количестве и сроках предоставления посылок, передач и бандеролей различным категориям осужденных, то есть осуществлении дифференцированного подхода, основными критериями которого выступают:

– гендерные и возрастные характеристики осужденных;
– осужденные, имеющие определенные заболевания, признанные в установленном порядке инвалидами;
– отбывание лишения свободы в исправительных колониях (далее ИК), воспитательных колониях (далее ВК) и тюрьмах различного вида режима (общего, строгого, особого);
– отбывание осужденными наказания в ИУ в различных условиях (льготных, обычных, облегченных и строгих);

свойства и качества их личности, детерминирующие модели поведения в ИУ, подразумевающие размещение осужденных в конкретные условия отбывания наказания и их замену.

Так, женщины и лица, содержащиеся в ВК наделены правом получать посылки, передачи и бандероли без ограничения их количества. Мужчинам, отбывающим наказание в ИК общего режима:

– в обычных условиях разрешено получать четыре посылки или передачи и четыре бандероли в течение года;
– в облегченных условиях – шесть посылок или передач и шесть бандеролей течение года;
– в строгих условиях соответственно – две и две в течение года.
– Отбывающим наказание в ИК строгого режима:
– в обычных условиях разрешено получать четыре посылки или передачи и четыре бандероли в течение года;
– в облегченных условиях – шесть и шесть соответственно;
– в строгих условиях – соответственно две и две в течение года.
– Отбывающие лишение свободы в ИК особого режима:
– в обычных условиях разрешено получать три посылки или передачи и три бандероли в течение года;
– в облегченных условиях – четыре и четыре в течение года соответственно;
– в строгих условиях, в помещениях камерного типа – одну посылку или передачу и бандероль в течение года.

Осужденные к лишению свободы, содержащиеся в тюрьмах:

– на общем режиме получают две посылки или передачи и две бандероли в течение года;
– на строгом режиме – одну посылку и одну бандероль в течение года [11].

Закон определил максимальный вес одной передачи или посылки, который не должен превышать 20 кг., а бандероли – 5 кг.

В части второй статьи 90 УИК РФ предусмотрено право осужденных на получение дополнительных посылок и передач в количестве и ассортименте, определяемых медицинским заключением для больных осужденных, инвалидов первой или второй группы [12, с. 19]. При этом посылки и передачи с лекарственными средствами и предметами медицинского назначения, получаемые осужденными в соответствии с медицинским заключением, не включаются в количество посылок и передач, установленную уголовно-исполнительным законом. Они направляются в медицинскую часть ИУ для лечения соответствующих осужденных.

Закон, в части пятой анализируемой правовой нормы указал, что порядок реализации осужденными к лишению свободы рассматриваемого права регулируется ФСИН России [13]. Также ФСИН России определяет порядок досмотра передач, посылок и бандеролей, получаемых осужденными к лишению свободы в ИУ и СИЗО [14, с. 345-352].

Гуманитарный подход в обеспечении прав осужденных в современной уголовно-исполнительной политике характеризуется закрепление в части шестой статьи 90 УИК РФ права осужденных к лишению свободы не только на получение посылок, передач и бандеролей, но их отправление осужденными и ИУ [15].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» проведенном в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
- Межрегиональном научно-практическом семинаре «Правовые основы и практика реализации законодательства о пробации», состоявшемся в Санкт-Петербургском университете ФСИН России 7 февраля 2024 года. Доклад на тему: «Особенности прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28 февраля 2024 года. Доклад на тему «Значение прокурорского надзора в реализации законодательства о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации»;
- XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 5 апреля 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений».

Заключение. Право осужденных к лишению свободы на получение посылок, передач и бандеролей можно отнести к основным материальным правам осужденных, отбывающим наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Оно закреплено нормах уголовно-исполнительного закона и конкретизировано в отдельной 90 статье УИК РФ. Особый акцент законодатель справедливо сделал на следующих важнейших принципиальных моментах: количестве и сроках предоставления посылок, передач и бандеролей различным категориям осужденных, то есть осуществлении дифференцированного подхода. Его основными критериями является дифференциация осужденных по: гендерным и возрастным характеристикам; наличию у них определенных заболеваний, признанных в установленном порядке инвалидами; отбывающие лишение свободы в исправительных колониях (далее ИК), воспитательных колониях (далее ВК) и тюрьмах различного вида режима (общего, строгого, особого); содержащихся в ИУ в различных условиях (льготных, обычных, облегченных и строгих); имеющих различные психологические характеристики, детерминирующие модели поведения в ИУ, подразумевающие размещение осужденных в конкретные условия отбывания наказания и их замену.

Гарантом реализации и соблюдения рассматриваемого права осужденных к лишению свободы является уникальная национальная система контроля и надзора, успешно применяемая государственными органами и общественными объединении при обеспечении законности исполнения уголовных наказаний.

Список литературы:

[1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[2] Ковалев О.Г. Роль ведомственного контроля за соблюдением законности и обеспечением прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 231-236.

[3] Ковалев О.Г. Содержание и особенности судебного контроля за исполнением уголовных наказаний в условиях реализации современной уголовно-исполнительной политики // Международный научный вестник. 2025. № 7. С. 205-210.

[4] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Современный правовой институт посещения должностными и иными лицами учреждений и органов, исполняющих наказания и его влияние на соблюдение прав осужденных // Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 132-137.

[5] Ковалев О.Г. Институт омбудсмена в правовой системе развитых зарубежных государств и его применение для защиты прав заключенных в пенитенциарных учреждениях // Образование и право. 2024. № 6. С. 173-177.

[6] Ковалев О.Г. Правовые и психологические основы осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в исправительных центрах и исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2025. № 7. С. 37-42.

[7] Ковалев О.Г. К вопросу взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с общественными наблюдательными комиссиями при исполнении уголовных наказаний // Право и управление. 2024. № 12. С. 319-324.

[8] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[9] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 81-83.

[10] Ковалев О.Г. Вопросы соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2024. № 12. С. 189-191.

[11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008 448 с.

[12] Ковалев О.Г., Маркова Т.А. Формирование мотивационно-смысловой сферы осужденных-инвалидов в процессе психокоррекционной работы с ними в местах лишения свободы // Столыпинский вестник. 2021. Т. 3. № 1. С. 19.

[13] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[14] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Обысково-досмотровые мероприятия как важнейший фактор обеспечения безопасности пенитенциарных // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 3. С. 345-352.

[15] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

References:

[1] Russian criminal law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[2] Kovalev O.G. The role of departmental control over the observance of legality and ensuring the rights of convicts and persons in custody // International Scientific Bulletin. 2025. No. 4. pp. 231-236.

[3] Kovalev O.G. The content and features of judicial control over the execution of criminal penalties in the context of the implementation of modern penal enforcement policy // International Scientific Bulletin. 2025. No. 7. pp. 205-210.

[4] Kovalev O.G., Semenova N.V. The modern legal institution of visits by officials and other persons to institutions and bodies executing sentences and its impact on the observance of the rights of convicts // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 8. pp. 132-137.

[5] Kovalev O.G. The institution of the Ombudsman in the legal system of developed foreign countries and its application to protect the rights of prisoners in penitentiary institutions // Education and Law. 2024. No. 6. pp. 173-177.

[6] Kovalev O.G. Legal and psychological foundations of public control over human rights in correctional centers and correctional institutions of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 7. pp. 37-42.

[7] Kovalev O.G. On the issue of interaction of institutions and bodies of the penal enforcement system with public monitoring commissions in the execution of criminal penalties // Law and Management. 2024. No. 12. pp. 319-324.

[8] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[9] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. The legal status of convicts and its impact on the organization of operational investigative activities in correctional institutions of the penitentiary system // Trends in the development of science and education. 2023. No. 94-4. pp. 81-83.

[10] Kovalev O.G. Issues of observance of the rights of convicts in correctional institutions of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2024. No. 12. pp. 189-191.

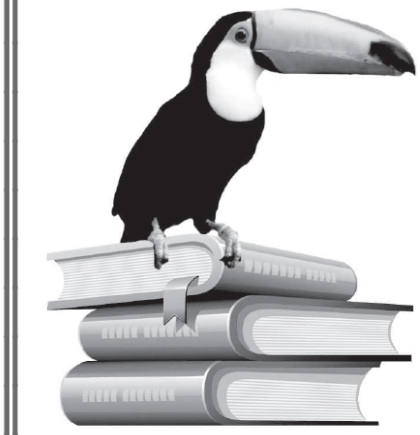
[11] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008, 448 p.

[12] Kovalev O.G., Markova T.A. Formation of the motivational and semantic sphere of convicts with disabilities in the process of psychocorrective work with them in places of deprivation of liberty // Stolypinsky Bulletin. 2021. Vol. 3. No. 1. p. 19.

[13] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[14] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Search and inspection measures as the most important factor in ensuring the safety of penitentiaries // Man: crime and punishment. 2022. Vol. 30. No. 3. pp. 345-352.

[15] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-409-410

АРДАВОВ Михаил Мухамединович,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,
кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ НА ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЧВЕ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается этнический экстремизм как комплексную угрозу национальной безопасности, изучает детерминанты его распространения в условиях миграционных процессов и цифровизации общества. Особое внимание уделяется правовым и организационным мерам противодействия, включая уголовно-правовые, административные и профилактические механизмы.*

Ключевые слова: *правоохранительные структуры, многонациональный став, социальные структуры, миграционные процессы.*

ARDAVOV Mikhail Mukhamedovich,
Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov
Candidate of Law

ETHNIC PROTESTS AND THEIR CHARACTERISTICS

Annotation. *This article examines ethnic extremism as a complex threat to national security and studies the determinants of its spread in the context of migration processes and the digitalization of society. Particular attention is paid to legal and organizational countermeasures, including criminal, administrative, and preventive mechanisms.*

Key words: *law enforcement agencies, multinational structure, social structures, migration processes.*

Уровень социальной напряженности и степень протестной активности в обществе зависят от состояния социальных групп, их неудовлетворенности к существующей ситуации и отношения к другим социальным структурам, в том числе и органам государственной власти.

Социальная напряжённость является серьёзным вызовом для стабильности и развития современного российского общества. Для её преодоления необходимы комплексные меры, направленные на улучшение условий жизни населения, повышение доверия к государственным структурам и создание благоприятных возможностей для самореализации каждого гражданина [1].

Северо-Кавказский регион, отличающийся своей многонациональной структурой, сталкивается с комплексным рядом проблем, усугубляемых накоплением исторических обид, социально-экономических, экологических и политических претензий со стороны различных этнических групп, высоким уровнем миграции населения, а также периодически возникающими социально-политическими конфликтами в республиках Северного Кавказа, что характеризует этот регион в составе Российской Федерации как наиболее сложный в политическом, этническом и религиозном плане.

Периодически возникающие социально-политические конфликты в Северокавказских республиках характеризуют данный регион России как самый сложный в политическом, экономическом, этническом и религиозном отношении. Последствия распада Советского Союза в декабре 1991 года привели к тому, что Северный Кавказ стал одним из самых «горячих» регионов России. Повышенный уровень социальной напряженности в регионе был обусловлен ухудшением социально-экономической ситуации, наличием полиэтнического и многоконфессионального населения, стремлением к обогащению различных клановых группировок и попытками создания новых социальных групп [2].

При выработке мер профилактики несанкционированных протестных проявлений, следует акцентировать внимание на том обстоятельстве, что каждую протестную акцию необходимо рассматривать как уникальное явление, невзирая на

возможные общие закономерности их возникновения и развития, такие как триггер протеста, организатор или цели.

Подавляющее большинство из протестных инициатив имеет ситуативный характер и возникает спонтанно в силу широкого спектра факторов, значительная часть которых находится за рамками компетенции органов внутренних дел [3]. Указанные обстоятельства обуславливают возможность формирования прогнозов протестной активности только на краткосрочную перспективу, что необходимо учитывать при подготовке документов стратегического планирования.

Таким образом, задачи, которые поставлены перед органами внутренних дел, требуют оперативного принятия упреждающих, наступательных мер, направленных на профилактику несанкционированных протестных проявлений путем незамедлительного нивелирования факторов, способствующих повышению уровня социальной напряженности.

Криминологический анализ массовых беспорядков на этнической почве показывает, что они, как правило, имеют сложный генезис, включающий длительный период латентного накопления межэтнической напряженности, наличие провоцирующего инцидента, целенаправленную деятельность организаторов по мобилизации участников, часто с использованием социальных сетей и мессенджеров. Важной особенностью является быстрое вовлечение в беспорядки лиц, не планировавших участие в противоправных действиях, под влиянием групповой динамики и эмоционального заражения.

Преступления против жизни и здоровья, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды, образуют категорию наиболее тяжких проявлений этнического экстремизма.

Анализ правоприменительной практики по делам об экстремистских преступлениях выявляет ряд системных проблем, требующих научного осмысления и выработки путей решения. Первая группа проблем связана с квалификацией деяний и разграничением составов экстремистских преступлений.

Оценочный характер многих признаков экстремизма, таких как «возбуждение ненависти», «унижение достоинства», «пропаганда исключительности», порождает существенные различия в толковании и применении норм различными правоприменителями [4].

Особого внимания заслуживает проблема соотношения противодействия экстремизму и обеспечения конституционных прав и свобод граждан, прежде всего права на свободу мысли и слова, свободу выражения мнений. Широкое и расширительное толкование экстремизма, применение антиэкстремистского законодательства к высказываниям критического, оценочного характера создает риски необоснованного ограничения свободы слова, политических свобод, свободы научного и художественного творчества.

Только комплексный системный подход, органично сочетающий правовые, организационные, оперативно-розыскные, профилактические и воспитательные меры, основанный на тщательном научном анализе природы и детерминации экстремизма, учитывающий современные тренды развития общества и новые формы экстремистских проявлений, обеспечивающий баланс между эффективным противодействием угрозам и соблюдением конституционных прав и свобод граждан, способен обеспечить реальное снижение уровня этнического экстремизма и сохранение межнационального мира и согласия в многонациональном российском обществе.

Список литературы:

[1] Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2010. – 288 с.

[2] Ратинова Н.А. Экстремизм: психолого-правовой анализ / Н.А. Ратинова, М.В. Кроз // Психология и право. – 2015. – Том 5. – № 1. – С. 77-96.

[3] Тарасов А.А. Административно-правовые меры противодействия экстремизму / А.А. Тарасов // Административное право и процесс. – 2018. – № 7. – С. 112-129.

[4] Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Коммуникативная способность и профессионализм. Академическая наука. 2025. № 3. С. 96-98.

References:

[1] Antonyan Yu.M. Extremism and its causes/ Yu.M. Antonyan. - M.: Logos, 2010. - 288 p.

[2] Ratinova N.A. Extremism: Psychological and Legal Analysis/N.A. Ratinova, M.V. Kroz//Psychology and Law. – 2015. - Volume 5. – № 1. - S. 77-96.

[3] Tarasov A.A. Administrative and legal measures to counter extremism/A.A. Tarasov//Administrative law and process. – 2018. – № 7. - S. 112-129.

[4] Mashekuasheva M.Kh., Kochesokova Z.Kh. Communication ability andprofessionalism. Academic science. 2025. № 3. S. 96-98.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-411-415

ФЕТИСОВА Анастасия Викторовна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: victorovna_eburg@mail.ru

ПЕТРОВА Любовь Николаевна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: lyubow.petrova@mail.ru

КУИМОВА Валентина Александровна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: valentinakuimova@mail

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ЛАРИН Михаил Вячеславович,
преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: lar.mic@yandex.ru

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ МАРКЕТИНГОВОЙ СТРАТЕГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. *В условиях трансформации экономических отношений, усиления рыночной конкуренции и нарастающей неопределённости внешней среды маркетинг утрачивает роль вспомогательной функции, приобретая статус системообразующего элемента стратегического управления, обеспечивающего достижение долгосрочных конкурентных преимуществ. Современное предприятие, функционирующее в условиях нестабильной конъюнктуры и динамики потребительского спроса, вынуждено оперировать в логике непрерывного поиска эффективных рыночных решений, опирающихся на научно обоснованные подходы к формированию маркетинговой стратегии.*

Ключевые слова: *маркетинговая стратегия, сбытовая политика, рынок, потребители, управление, маркетинг, решение.*

FETISOVA Anastasiia Viktorovna,
Senior lecturer of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

PETROVA Lyubov Nikolaevna,
Senior lecturer of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

KUIMOVA Valentina Aleksandrovna,
Senior lecturer of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

STAHEEVA Lyubov Mihajlovna,
Candidate of of Economics, Associate Professor
of the Department of of Accounting and Audit
of the Ural State Agrarian University

LARIN Mikhail Vyacheslavovich,
Lecturer of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

THE ROLE AND IMPORTANCE OF MARKETING STRATEGY IN THE ACTIVITIES OF A MODERN ENTERPRISE

Annotation. *In the context of transforming economic relations, intensifying market competition, and growing environmental uncertainty, marketing is losing its role as a supporting function, becoming a core element of strategic management that ensures the achievement of long-term competitive advantages. Modern businesses, operating in an environment of volatile market conditions and changing consumer demand, are forced to operate within the logic of a continuous search for effective market solutions based on scientifically sound approaches to marketing strategy.*

Key words: *marketing strategy, sales policy, market, consumers, management, marketing, decision.*

Актуальность стратегического управления маркетингом предопределяется необходимостью целенаправленного формирования конкурентных позиций, повышения адаптивности рыночного поведения и обеспечения устойчивости бизнес-модели посредством гибкой конфигурации маркетинговых инструментов. При условии рационального ресурсного обеспечения и выстроенной системы мониторинга внешней и внутренней среды, маркетинговая стратегия способна не только обеспечить достижение целевых показателей эффективности, но и минимизировать трансакционные издержки, возникающие в процессе взаимодействия с потребительскими сегментами.

В условиях дефицита управленческой информации и высоких темпов изменений рыночной конъюнктуры менеджмент предприятия должен опираться на приоритетизацию направлений развития, соотнесённую с возможностями ресурсного обеспечения и институциональными ограничениями. Концептуализация маркетинговой стратегии предполагает формирование целостной системы, охватывающей диагностику внешней среды, анализ поведенческих характеристик целевой аудитории, сегментацию рынка, позиционирование предложения, разработку коммуникационных механизмов и оптимизацию логистических процессов.

С точки зрения стратегического менеджмента, маркетинговая стратегия представляет собой функциональную подсистему общей корпоративной стратегии, ориентированную на формирование устойчивых связей между производственной функцией и рыночной средой, а также на достижение синергетического эффекта за счёт согласования маркетинговых решений с долгосрочными целями организации. Реализация такой стратегии требует учёта макроэкономических трендов, цифровизации потребительского поведения, институциональных рисков и конкурентных угроз, а также высокой степени управленческой гибкости в условиях информационной асимметрии.

В основе стратегического маркетинга лежит систематизированный подход к анализу рыночных потребностей, предполагающий разработку и коммерциализацию товарных предложений, обладающих уникальными потребительскими характеристиками, способными обеспечить производителю устойчивую рыночную нишу и высокую степень лояльности со стороны целевой аудитории. Обоснование продуктовой и ценовой политики, выбор коммуникационных и дистрибутивных каналов, формирование сбалансированного комплекса маркетинга (marketing mix) становятся ключевыми условиями реализации стратегических задач на целевых сегментах.

Маркетинговая стратегия, будучи многоуровневой конструкцией, реализуется в рамках корпоративного, делового, функционального и операционного уровней управления. Каждый из

уровней формирует собственный вектор развития и набор инструментальных решений, соответствующих задачам управления маркетинговыми ресурсами и стратегическими инициативами.

Согласно подходу, И. Ансоффа, завершённость процесса формирования маркетинговой стратегии достигается на этапе установления направлений, реализация которых способствует усилению рыночных позиций, росту доли на целевых сегментах и концентрации ресурсов на наиболее перспективных стратегических проектах. Ограниченность информационного обеспечения, свойственная стратегическому планированию, порождает необходимость постоянной корректировки параметров стратегии в процессе реализации, а достижение запланированных показателей ведёт к циклическому пересмотру целевых ориентиров и генерации новой стратегии, отражающей изменившиеся условия функционирования предприятия.

Основная цель маркетинговой стратегии заключается в достижении либо удержании заданной рыночной доли, в том числе в конкретных целевых сегментах, что требует выстраивания системы стратегических ориентиров и механизмов адаптации к изменяющимся условиям внешней среды. В основе концептуальных подходов к формированию маркетинговой стратегии лежит принцип партнёрства, преимущественно с потребителями, предполагающий развитие долгосрочных взаимовыгодных взаимоотношений и создание ценностных предложений, способствующих повышению лояльности и удовлетворённости клиентов. Стратегический набор решений включает интеграцию товарной, ценовой, коммуникационной и сбытовой политики, обеспечивающей достижение установленных целей с учётом потенциальных альтернативных сценариев развития.

Выбор маркетинговой стратегии обусловлен целями, стоящими перед организацией, а также характеристиками ресурсов, конкурентной среды и специфики отрасли. В управленческой практике выделяют несколько основных типов стратегий:

Стратегия расширения доли рынка реализуется через внедрение на рынок новой для компании продукции, способствующей диверсификации ассортимента и росту рыночной капитализации посредством привлечения дополнительных сегментов потребителей. Данная стратегия сопряжена с усилением конкурентных позиций и расширением географического или сегментного охвата.

Стратегия инноваций базируется на создании уникальных товарных предложений, не имеющих аналогов на рынке, что обеспечивает монопольные преимущества и формирование барьеров для входа новых игроков. Для успешной реализации инновационной стратегии требуются значительные инвестиционные вложения в научно-исследовательскую деятельность и высокая организационная гибкость.

Стратегия дифференциации продукции направлена на совершенствование существующих товаров посредством внедрения новых функций, улучшения качества или дизайна, что способствует формированию уникального конкурентного предложения, удовлетворяющего специфические запросы потребителей и повышающего их лояльность.

Стратегия снижения издержек производства предполагает оптимизацию технологических процессов, модернизацию оборудования и внедрение передовых производственных методов, что приводит к сокращению себестоимости продукции и повышению ценовой конкурентоспособности при сохранении или увеличении маржинальности.

Стратегия выжидания применяется крупными корпорациями с достаточным ресурсным потенциалом и основана на аналитическом мониторинге конкурентной активности и рыночных тенденций без немедленного вывода новых продуктов на рынок. Последующий этап предполагает массовое производство и агрессивное продвижение, минимизирующие риски и максимизирующие отдачу от инвестиций.

Стратегия индивидуализации потребителей ориентирована на удовлетворение уникальных потребностей посредством предоставления кастомизированных решений, что требует высокой степени персонализации процессов производства и маркетинга, а также развитых механизмов взаимодействия с клиентами, характерных для специализированных рыночных ниш.

Стратегический маркетинг функционирует как механизм, направленный на максимизацию экономического потенциала компании с учётом ресурсных ограничений и требований рынка, обеспечивая рост и повышение рентабельности. Задачи стратегического маркетинга включают формулирование миссии, постановку целей, разработку комплексной стратегии развития и сбалансированное управление товарным портфелем, что способствует устойчивому развитию организации в условиях конкурентного давления и динамики потребительского поведения.

Таким образом, маркетинговая стратегия выступает фундаментальным инструментом стратегического управления предприятием, обеспечивающим системное и целенаправленное формирование конкурентных преимуществ в условиях высокой динамики и неопределённости

рыночной среды. Её роль заключается в интеграции ключевых элементов маркетингового комплекса — продуктовой, ценовой, коммуникационной и сбытовой политики — в единую, согласованную систему, ориентированную на удовлетворение потребностей целевых сегментов и достижение устойчивой рыночной позиции. Значение маркетинговой стратегии проявляется в способности предприятия адаптироваться к трансформациям внешних факторов, эффективно распределять ресурсы и минимизировать риски, связанные с изменением конъюнктуры.

Позиционирование маркетинговой стратегии как связующего звена между внутренними возможностями компании и требованиями рынка способствует повышению эффективности управленческих решений и формированию долгосрочной ценности для потребителей. Стратегический подход к маркетингу позволяет организации не только реагировать на существующие вызовы, но и формировать рыночные тренды, обеспечивая тем самым проактивное развитие бизнеса [6]. Следовательно, маркетинговая стратегия становится ключевым фактором достижения конкурентоспособности, обеспечивая устойчивость функционирования предприятия и его способность к инновационному развитию в условиях глобальной интеграции и усиления конкуренции.

Список литературы:

[1] Абдулкасумов Шаидин Рамазанович, Хаиров Муслим Джамалдинович, Пожималин Вячеслав Николаевич Маркетинговые коммуникации и их роль в деятельности торгового предприятия // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovye-kommunikatsii-i-ih-rol-v-deyatelnosti-torgovogo-predpriyatiya (дата обращения: 23.11.2025).

[2] Баженов К. С., Баженов В. С. Маркетинговые инновации как фактор конкурентоспособности в онлайн-торговле // Прогрессивная экономика. 2023. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovye-innovatsii-kak-faktor-konkurentosposobnosti-v-onlayn-torgovle (дата обращения: 22.11.2025).

[3] Белицкая Екатерина Владимировна Теоретические особенности маркетинговых коммуникаций на рынке товаров и услуг // Прикладные экономические исследования. 2024. №S2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osobennosti-marketingovyh-kommunikatsiy-na-rynke-tovarov-i-uslug (дата обращения: 21.11.2025).

[4] Беркутова Т. А., Якимович Б. А. Механизм управления изменениями в маркетинговой деятельности предприятий // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-upravleniya-izmeneniyami-v-marketingovoy-deyatelnosti-predpriyatiy (дата обращения: 23.11.2025).

[5] Боровских Нина Владимировна, Чижикова Татьяна Александровна Маркетинговая стратегия предприятия: обоснование и разработка в условиях цифровизации // АНИ: экономика и управление. 2023. №2 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovaya-strategiya-predpriyatiya-obosnovanie-i-razrabotka-v-usloviyah-tsifrovizatsii (дата обращения: 20.11.2025).

[6] Мансимов Тариел Закир Оглы Развитие маркетинговых стратегий предприятия в условиях цифровой трансформации экономики // Прикладные экономические исследования. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-marketingovyh-strategiy-predpriyatiya-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-ekonomiki (дата обращения: 23.11.2025).

[7] Махмудов Т. О. Значение международных маркетинговых стратегий в деятельности предприятий на внешних рынках // Экономика и социум. 2024. №12-2 (127). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-mezhdunarodnyh-marketingovyh-strategiy-v-deyatelnosti-predpriyatiy-na-vneshnih-rynkah (дата обращения: 23.11.2025).

[8] Мифтахов Руслан Толгатович Перспективные направления роста эффективности маркетинговых стратегий малого бизнеса на основе системной цифровой трансформации и интеграции // Практический маркетинг. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-rosta-effektivnosti-marketingovyh-strategiy-malogo-biznesa-na-osnove-sistemnoy-tsifrovoy-transformatsii (дата обращения: 20.11.2025).

[9] Моргунова Елена Петровна Проблемы и недостатки современных маркетинговых стратегий предприятий // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2024. №2 (9). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-nedostatki-sovremennyh-marketingovyh-strategiy-predpriyatiy (дата обращения: 22.11.2025).

[10] Родина Е. А. Актуальные тренды в планировании маркетинговой деятельности предприятий // ЕГИ. 2023. №3 (47). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-trendy-v-planirovanii-marketingovoy-deyatelnosti-predpriyatiy (дата обращения: 20.11.2025).

[11] Шаров М. И. Направления совершенствования маркетинговых стратегий компании // Дискуссия. 2024. №5 (126). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sovershenstvovaniya-marketingovyh-strategiy-kompanii (дата обращения: 20.11.2025).

References:

[1] Abdulkasumov Shaidin Ramazanovich, Khairov Muslim Dzhamaldinovich, Pozhimalin Vyacheslav Nikolaevich Marketing communications and their role in the activities of a trading enterprise// Innovative economy: information, analytics, forecasts. 2024. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovye-kommunikatsii-i-ih-rol-v-deyatelnosti-torgovogo-predpriyatiya (дата обращения: 23.11.2025).

[2] Bazhenov K. S., Bazhenov V. S. Marketing innovations as a factor of competitiveness in online trading//Progressive economy. 2023. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovye-innovatsii-kak-faktor-konkurentosposobnosti-v-onlayn-torgovle (дата обращения: 22.11.2025).

[3] Belitskaya Ekaterina Vladimirovna Theoretical features of marketing communications in the market of goods and services//Applied economic research. 2024. №S2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osobennosti-marketingovyh-kommunikatsiy-na-rynke-tovarov-i-uslug (дата обращения: 21.11.2025).

[4] Berkutova T. A., Yakimovich B. A. Mechanism for managing changes in the marketing activities of enterprises//Vestnik PNIPU. Socio-economic sciences. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-upravleniya-izmeneniyami-v-marketingovoy-deyatelnosti-predpriyatiy (дата обращения: 23.11.2025).

[5] Borovskikh Nina Vladimirovna, Chizhikova Tatyana Aleksandrovna Marketing strategy of the enterprise: justification and development in the context of digitalization//API: economics and management. 2023. №2 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovaya-strategiya-predpriyatiya-obosnovanie-i-razrabotka-v-usloviyah-tsifrovizatsii (дата обращения: 20.11.2025).

[6] Mansimov Tariel Zakir Oglu Development of marketing strategies of the enterprise in the context of digital transformation of the economy//Applied economic research. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-marketingovyh-strategiy-predpriyatiya-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-ekonomiki (дата обращения: 23.11.2025).

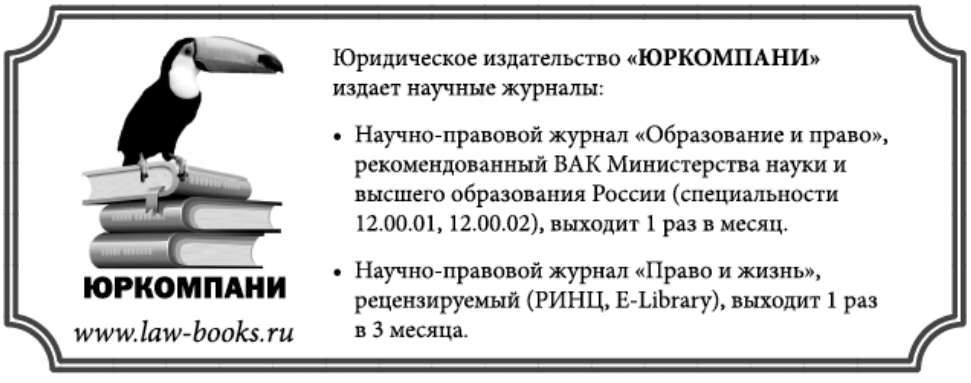
[7] Makhmudov T. O. The importance of international marketing strategies in the activities of enterprises in foreign markets//Economics and Society. 2024. №12-2 (127). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-mezhdunarodnyh-marketingovyh-strategiy-v-deyatelnosti-predpriyatiy-na-vneshnih-rynkah (дата обращения: 23.11.2025).

[8] Miftakhov Ruslan Tolgatovich Promising areas for increasing the effectiveness of small business marketing strategies based on systemic digital transformation and integration//Practical marketing. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-rosta-effektivnosti-marketingovyh-strategiy-malogo-biznesa-na-osnove-sistemnoy-tsifrovoy-transformatsii (дата обращения: 20.11.2025).

[9] Morgunova Elena Petrovna Problems and disadvantages of modern marketing strategies of enterprises//Industry: economy, management, technology. 2024. №2 (9). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-nedostatki-sovremennyh-marketingovyh-strategiy-predpriyatiy (дата обращения: 22.11.2025).

[10] Rodina E. A. Current trends in the planning of marketing activities of enterprises//EGI. 2023. №3 (47). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-trendy-v-planirovanii-marketingovoy-deyatelnosti-predpriyatiy (дата обращения: 20.11.2025).

[11] Sharov M. I. Directions for improving the company's marketing strategies//Discussion. 2024. №5 (126). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sovershenstvovaniya-marketingovyh-strategiy-kompanii (дата обращения: 20.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.10.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-416-419

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
адвокат,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПАЦИЕНТА В СУДЕБНОМ СПОРЕ С КЛИНИКОЙ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

Аннотация. *В статье исследованы отдельные аспекты недобросовестного поведения пациента в судебном споре с клиникой пластической хирургии. Установлено, что недобросовестность - это умышленное поведение, которое представляет собой осуществление субъектом своих прав с заведомой целью причинения вреда иному лицу, нарушения его прав и интересов. Выявлено, что пациентом оно осуществляется в формах: намеренного причинения вреда интересам клиники пластической хирурги, недобросовестного распоряжения своими правами, для достижения своих незаконных целей, ограничения прав клиники пластической хирургии. Отмечено, что недобросовестное поведение пациента есть один из случаев злоупотребления правом. Обосновано, что отсутствие в законе четкой оценки такого поведения препятствует однозначной трактовке таких действий (бездействия) соответствующих лиц. Раскрыто, что недостижение планируемого пациентом исхода операции не всегда свидетельствует о наличии дефектов операции, так как требования могут быть основаны на субъективном восприятии истцом результатов операции, несоответствии ожиданиям фактического результата, предъявление в таком случае пациентом требований к клинике пластической хирургии представляет собой добросовестное заблуждение истца. Обращено внимание, что суды редко применяют нормы о злоупотреблении правом к потребителям, как правило, суды выявляют недобросовестность поведения поставщиков и исполнителей.*

Ключевые слова: *клиника пластической хирургии, пациент, недобросовестность, недобросовестное поведение, злоупотребление, потребительский экстремизм, суд.*

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO “Leningrad Regional Bar Association”
branch “Pelevin and Partners Law Firm”,
lawyer

SELECTED ASPECTS OF UNFAIR PATIENT BEHAVIOR IN A COURT DISPUTE WITH A PLASTIC SURGERY CLINIC

Annotation. *This article examines specific aspects of a patient’s bad faith behavior in a legal dispute with a plastic surgery clinic. It establishes that bad faith is intentional behavior, which consists of a subject exercising their rights with the deliberate intent of causing harm to another person or violating their rights and interests. It is found that the patient engages in this behavior in the following forms: intentionally harming the interests of the plastic surgery clinic, misusing their rights to achieve their own illegal goals, and restricting the rights of the plastic surgery clinic. It is noted that patient bad faith behavior constitutes an abuse of rights. It is argued that the lack of a clear definition of such behavior in the law hinders the unambiguous interpretation of such actions (or inactions) by the individuals involved. It is disclosed that failure to achieve the patient’s intended surgical outcome does not always indicate a defect in the surgery, as claims may be based on the*

plaintiff's subjective perception of the surgical results, or the discrepancy between the actual result and expectations. In such cases, the patient's claims against the plastic surgery clinic constitute a bona fide misconception on the part of the plaintiff. It is noted that courts rarely apply abuse of rights provisions to consumers; typically, courts find the bad faith behavior of suppliers and providers.

Key words: *plastic surgery clinic, patient, dishonesty, bad faith behavior, abuse, consumer extremism, court.*

На практике между пациентами и клиниками пластической хирургии возникает большое количество различных споров, связанных с исполнением договоров возмездного оказания медицинских услуг. В некоторых случаях причиной возникновения спора выступает недобросовестное поведение пациента.

Недобросовестность - это поведение, которое совершается в нарушение принципов честности, этики и справедливости. При этом она может формально не нарушать закон. В п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ указано, что не допускается осуществлять свои права с целью причинить вред иному лицу, нарушить его права и интересы, обходить закон с незаконным намерением.

Основные формы недобросовестного поведения пациента:

- Намеренное причинение вреда интересам клиники пластической хирургии, например, совершенное из личной неприязни к клинике или ее сотрудникам (сотруднику);
- Недобросовестное распоряжение своими правами, для достижения незаконных целей, например, предъявление иска к клинике пластической хирургии в суд для обязания ее выполнения бесплатной повторной операции, взыскания морального вреда, неустойки, потребительского штрафа (при отсутствии дефектов первоначальной операции, либо при наличии незначительных дефектов, наличии ошибок в медицинских документах);
- Ограничение прав другой стороны, препятствующее ей реализовать свои законные права, например, утаивание пациентом от клиники пластической хирургии информации о своем здоровье, либо предоставление недостоверных сведений о нем, препятствующее ей выполнять надлежащим образом свои обязательства по договору.

Недобросовестное поведение пациента считается одним из случаев злоупотребления правом и признается таковым при очевидном нарушении правил добросовестного поведения. При выявлении недобросовестного поведения пациента, суд откажет в защите его права (полностью или частично), и примет меры для защиты интересов клиники пластической хирургии от этого поведения.

В судебной практике и литературе используется также понятие «потребительский экстремизм». Судами данные действия трактуются как злоупотребление правом. Потребительский экстремизм означает, что потребитель умышленно использует права, установленные законом о защите прав потребителей, для получения неправомерной выгоды.

Пациент тем самым стремится приобрести необоснованные выгоды, преимущества, причинить вред клинике [4].

Существует мнение, что закон о защите прав потребителей дает гражданам серьезные преимущества, которыми могут воспользоваться недобросовестные лица [3].

Данная позиция не выдерживает критики, так как существенный объем прав у потребителя обусловлен как раз недобросовестными действиями (бездействием) исполнителя (поставщика). Если исполнитель действует правомерно, то у потребителя, как правило, нет оснований для недобросовестного осуществления своих прав.

Справедливо мнение, что злоупотребление правом не представляет собой правонарушение, поскольку начинается с законного права и переходит в такое качестве в ходе его реализации, поскольку нарушает интересы другой стороны [5].

При этом недобросовестное поведение должно обладать признаком заведомости, являясь сознательным несоблюдением этических и правовых норм, а также быть умышленным, направленным на причинение вреда другому лицу. Суды также учитывают степень отклонения поведения от принципа добросовестности.

Ст. 10 ГК РФ не содержит четкие признаки злоупотребления правом, оставляя его трактовку на усмотрение суда. Так, в одном из судебных актов оно определено как реализация субъективного права, не соответствующая его назначению, действие лица вопреки смыслу правовой нормы, предоставляющей ему право, не выполнять связанную с ним нормативную обязанность [2].

Случаи «пациентского экстремизма» встречаются на практике, и клинике пластической хирургии необходимо вести этому противодействие, с соблюдением норм законодательства РФ. Предоставить возможность пациенту изучить медицинскую документацию, дать ему в полном

объеме информацию об оказываемой услуге, ее возможных последствиях и прогнозах, грамотно оформлять медицинскую документацию (в том числе согласие на медицинское вмешательство) и договор возмездного оказания медицинских услуг.

Следует отметить, что неопределенность, расплывчатость терминов «добросовестность», «намерение причинить вред» ведет к их различному толкованию судьями, в зависимости от их субъективного мнения. Недостаток в законе четких, конкретных критериев оценки осложняет правоприменителям трактовку рассматриваемых действий (бездействия) соответствующих лиц.

Представляется, что необходимо найти баланс между защитой от недобросовестного поведения, его наказанием и обеспечением свободы субъектов правоотношений.

Таким образом, злоупотребление правом представляет собой умышленную реализацию управомоченным субъектом принадлежащего ему права не по назначению, недопустимым способом или незаконными средствами, нарушающее права и законные интересы других лиц, наносящее им вред.

Недостижение планируемого пациентом исхода операции не всегда свидетельствует о наличии дефектов медицинской услуги. Часто требования основаны на субъективном восприятии истцом результатов операции, расхождении предполагаемого и фактического результата.

Неполучение по итогам эстетической операции ожидаемого позитивного эффекта не означает, что услуга оказана некачественно. Он не может быть заранее предопределен, так как строго индивидуален [1].

Предъявление в данном случае пациентом в суд требований к клинике пластической хирургии представляет собой не недобросовестное поведение пациента, а его добросовестное заблуждение относительно неполучения ожидаемого пациентом результата оказания медицинских услуг.

Оценка «косметических» дефектов является субъективной и не выступает предметом рассмотрения судебными экспертами. Заблаговременное, до проведения пластической операции, доведение до пациента всей необходимой достоверной информации об оказываемой медицинской услуге, в том числе о возможности развития общехирургических осложнений, а также осложнений, характерных для данной операции, о возможном недостижении запланированного эстетического результата, свидетельствует об отсутствии у пациента оснований ссылаться на свою неосведомленность о возможных последствиях оперативного вмешательства.

Анализ судебных актов выявил следующую тенденцию: даже если ожидаемый от пластической операции результат не был достигнут, это не всегда влечет возмещение клиникой пластической хирургии морального и материального вреда. Для минимизации возникновения споров в договоре возмездного оказания медицинских услуг следует указать вид медицинского вмешательства, а в медицинскую карту включить фотографии пациента до и после операции.

Основные проявления недобросовестности пациента в отношениях с клиниками пластической хирургии это: несообщение необходимой информации пластическому хирургу, в том числе о наличии аллергии, вредных привычек, которые могут повлиять на развитие болезни и эффективность ее лечения, предъявление иска к клинике пластической хирургии в суд, для обязания выполнения бесплатной повторной операции, взыскания морального вреда, при отсутствии дефектов первоначальной операции, либо при сознательном несоблюдении рекомендаций пластического хирурга, нарушении режима приема лекарств.

Поэтому при рассмотрении вопроса о наличии дефекта оказанных медицинских услуг суду следует исследовать следующие обстоятельства: с одной стороны – дефекты сбора информации (анамнеза), соблюдение установленных правил при проведении диагностирующих манипуляций, назначении лекарственных препаратов, использовании оборудования, соблюдение пластическим хирургом порядков и стандартов оказания медицинской помощи, клинических рекомендаций, с другой – сообщение пациентом всей информации о своем здоровье клинике пластической хирургии, выполнение им предписаний, рекомендаций пластического хирурга, самолечение, неявка на прием и пр.

В случае неподтверждения второй группы обстоятельств судам целесообразно исследовать вопросы наличия признаков недобросовестного поведения пациента.

Исследование судебной практики свидетельствует о редком применении судами норм о злоупотреблении правом потребителями, по сравнению с поставщиками и исполнителями. Как правило, суды выявляют недобросовестность поведения именно данных лиц как сильной стороны, имеющей для этого соответствующие условия, в том числе специальные знания в сфере медицины.

Поведение потребителей квалифицируется судами как недобросовестное весьма нечасто, что во многом обусловлено их уязвимым положением и необходимостью в усиленной защите со

стороны государства. Этот подход действует, даже если данные действия потребителя имеют своей целью получение материальной выгоды, а не реализацию субъективного интереса.

Подавляющая часть споров вызвана ненадлежащим качеством оказанных клиниками пластической хирургии услуг, либо искренне ошибочным мнением пациента об этом.

Таким образом, недобросовестность - это поведение, которое представляет собой осуществление субъектом своих прав с целью причинения вреда иному лицу, нарушения его прав и интересов. Оно обладает признаками заведомости и умысла. Пациентом оно осуществляется, как правило, в формах: намеренного причинения вреда интересам клиники пластической хирургии, недобросовестного распоряжения своими правами, для достижения своих незаконных целей, ограничения прав клиники пластической хирургии. Недобросовестное поведение пациента есть один из случаев злоупотребления правом. Отсутствие в законе четких оценки такого поведения препятствует однозначной трактовке таких действий (бездействия) соответствующих лиц. Недостижение планируемого пациентом исхода пластической операции не всегда свидетельствует о наличии дефектов операции, так как требования могут быть основаны на субъективном восприятии истцом результатов пластической операции, несоответствии ожиданиям фактического результата. Предъявление в таком случае пациентом требований к клинике пластической хирургии представляет собой добросовестное заблуждение истца. Суды редко применяют нормы о злоупотреблении правом к потребителям, как правило, суды выявляют недобросовестность поведения поставщиков и исполнителей.

Список литературы:

[1] Решение Домбаровского районного суда Оренбургской области № 2-25/2023 2-25/2023(2-438/2022;)~М-446/2022 2-438/2022 М-446/2022 от 16 ноября 2023 г. по делу № 2-25/2023. https://sudact.ru/.

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 февраля 2015 г. N 32-КГ14-17 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Ожегова Г.А. К понятию «потребительский экстремизм» // Юрист. 2014. N 14. С. 15 - 19.

[4] Салыгина Е.С. Юридическое сопровождение деятельности частной медицинской организации. М., Статут, 2013.

[5] Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя: постановка проблемы и поиск ее решения // Юрист. 2021. № 4. С. 41 - 45.

References:

[1] Decision of the Dombarovsky District Court of the Orenburg Region No. 2-25/2023 2-25/2023 (2-438/2022;) ~ M-446/2022 2-438/2022 M-446/2022 of November 16, 2023 in case No. 2-25/2023. https://sudact.ru/.

[2] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of February 3, 2015 No. 32-KG14-17// SPS “ConsultantPlus.”

[3] Ozhegova G.A. To the concept of “consumer extremism “//Lawyer. 2014. N 14. S. 15-19.

[4] E.S. Salygina. Legal support of the activities of a private medical organization. M., Statute, 2013.

[5] Usoltsev E.Yu. Abuse of the right on the part of the consumer: formulation of the problem and the search for its solution//Lawyer. 2021. № 4. S. 41-45.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-420-425
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

ПОПОВА Мария Дмитриевна,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, Москва,
e-mail: maru.ppv2103@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МОНИТОРИНГА МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Сфера здравоохранения во все времена была и является одной из важнейших сфер социально-экономического развития государства. Данное явление связано с тем, что здравоохранение оказывает существенное влияние на состояние здоровья граждан. Ввиду реализации национальных проектов в Российской Федерации происходит трансформация здравоохранения, посредством которой достигается решение задач, которые направлены на улучшение состояния здоровья граждан, доступа к своевременной и качественной медицинской помощи. В условиях трансформации российского здравоохранения, включающей внедрение цифровизации и усиления требований законодательства к качеству и доступности медицинской деятельности, мониторинг приобретает ключевое значение и становится одни из эффективных источников информации. Актуальность данной темы обусловлена тем, что в настоящее время мониторинг является одним из инструментов для принятия обоснованных управленческих решений, контроля за целевым использованием средств и обеспечения прав граждан Российской Федерации на получение качественной медицинской помощи. В статье рассматриваются виды и правовые основы проведения мониторинга в Российской Федерации. При рассмотрении данной темы производится анализ каждого из видов мониторинга, охватывающий не только оказание качественной и эффективной медицинской помощи, но и сопутствующее ему регулирование обращения лекарственных средств и медицинских изделий. В статье рассматриваются механизмы проведения мониторинга и меры для его совершенствования для достижения целей национальных проектов Российской Федерации. Также, в работе рассматриваются перспективы проведения мониторинга общественного здоровья в рамках программы «Приоритет-2030» и проведен социологический опрос граждан из разных субъектов Российской Федерации об удовлетворенности качеством оказания медицинских услуг.*

Ключевые слова: *Мониторинг медицинской деятельности, охрана здоровья, национальные проекты, лекарственные средства, медицинские изделия, государственный контроль (надзор), маркировка, мониторинг общественного здоровья.*

POPOVA Maria Dmitrievna
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Russia, Moscow

CURRENT ISSUES OF MONITORING MEDICAL ACTIVITIES IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The healthcare sector has always been and remains one of the most important areas of socio-economic development of the state. This phenomenon is due to the fact that healthcare has a significant impact on the health of citizens. Due to the implementation of national projects, healthcare is being transformed in the Russian Federation, through which tasks aimed at improving the health of citizens and access to timely and high-quality medical care are being achieved. In the context of the transformation of Russian healthcare, including the introduction of digitalization and increased legal requirements for the quality and accessibility of medical care, monitoring is becoming crucial and is becoming one of the most effective sources of information. The relevance of this topic is because monitoring is currently one of the tools for making informed management decisions, monitoring the targeted use of funds and ensuring the rights of citizens of the Russian Federation to receive high-quality medical care. The article discusses the types and legal basis of monitoring in the*

Russian Federation. When considering this topic, each type of monitoring is analyzed, covering not only the provision of high-quality and effective medical care, but also the accompanying regulation of the circulation of medicines and medical devices. The article discusses the mechanisms of monitoring and measures to improve it in order to achieve the goals of national projects of the Russian Federation. The paper also examines the prospects for monitoring public health within the framework of the Priority 2030 program and conducted a sociological survey of citizens from different regions of the Russian Federation on satisfaction with the quality of medical services.

Key words: *Monitoring of medical activities, health protection, national projects, medicines, medical devices, state control (supervision), labeling, public health monitoring.*

Охрана здоровья населения Российской Федерации является одним из важнейших направлений деятельности государственной власти. В соответствии со ст. 41 Конституцией Российской Федерации каждый гражданин имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Основные цели национального проекта «Здравоохранение», реализовывавшегося с 2018 по 2024 гг., были связаны со снижением смертности населения, ликвидацией кадрового дефицита медицинского персонала, повышением качества оказания и доступности медицинской помощи, что показывает реализацию государством право граждан на охрану здоровья. Стоит отметить, что с 2025 г. в продолжение вышеуказанного национального проекта реализуются три новых проекта «Продолжительная и активная жизнь», «Новые технологии сбережения здоровья» и «Семья».

Медицинская деятельность является основным направлением реализации вышеуказанных проектов. В соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (далее ФЗ № 323) определяется как «профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях». Соответственно, мониторинг медицинской деятельности представляет собой неотъемлемый элемент управления системой здравоохранения и является комплексной деятельностью по сбору, обработке, хранению и анализу данных, которые касаются всех направлений функционирования отрасли. Значимость мониторинга медицинской деятельности определяется необходимостью обеспечения высокого качества оказания медицинской помощи, а также рационального распределения ресурсов по всей территории Российской Федерации.

Представляется необходимым выделить цели мониторинга медицинской деятельности многогранны, так как охватывают направления все направления медицинской деятельности и вытекают из базовых принципов, которые закреплены в нормативных правовых актах, регулирующих сферу здравоохранения. Можно выделить следующие цели мониторинга медицинской деятельности:

- обеспечение прав граждан на охрану здоровья и получение своевременной и профессиональной медицинской помощи;
- повышение эффективности управления финансовыми, материально-техническими и кадровыми ресурсами здравоохранения;
- оценка и анализ реализации государственных программ и национальных проект в медицинской сфере для своевременной корректировки и направления ресурсов в неохваченные направления;
- оценка соблюдения стандартов и правил оказания медицинской помощи и используемой медицинской продукции;
- обеспечение прозрачности и подотчетности медицинских учреждений по реализации средств государственного бюджета, выделяемых для оснащения современным оборудованием и лекарственными средствами;
- анализ и оценка внешних факторов, оказывающих влияние на здоровье населения, разработка мер в рамках межведомственного взаимодействия для уменьшения их влияния;
- прогнозирование потребностей и выявление тенденций изменений и развития сферы здравоохранения.

Следовательно, цели мониторинга охватывают широкий спектр направлений медицинской деятельности, посредством которых обеспечивается эффективное и устойчивое развитие системы здравоохранения Российской Федерации. Выполнение вышеуказанных целей может способствовать повышению качества оказываемой медицинской помощи и улучшению здоровья населения.

Помимо целей мониторинга медицинской деятельности представляется возможным выделить охватываемые им сферы.

Одним из основным и самым обширным является мониторинг качества и доступности медицинской помощи, так как данный вид включает в себя медицинские услуги, оказываемые в учреждениях здравоохранения. Так, «качеством медицинской помощи является система показателей, которые оценивают соответствие оказанной медицинской помощи – современному уровню медицинской науки, технологиям и требованиям населения». Эффективная система мониторинга качества является основой для выявления и предупреждения нарушений, обеспечения безопасности пациентов и должна соответствовать требованиям ст. 10 ФЗ № 323, где изложено посредством чего обеспечиваются качество и доступность медицинской помощи, например, посредством предоставления гарантированного объема медицинской помощи, необходимого количества профессиональных медицинских работников, а также оснащения необходимой медицинской продукцией. В свою очередь, мониторинг доступности медицинской помощи способствует выявлению логистических и социально-демографических затруднений в здравоохранении. В этом случае мониторинг выступает как инструмент контроля за реализацией программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, положение которой утверждается Правительством Российской Федерации каждый год. Например, с 2025 года было расширено количество пациентов, получающих терапию от гепатита С до 33 тыс. человек, увеличена программа по оценке репродуктивного здоровья — комплексное обследование должны пройти более 19 млн человек, то есть 32% от общего числа женщин и мужчин в репродуктивном возрасте, также в программу обязательного медицинского страхования включены виды высокотехнологичной помощи – замена нейростимуляторов и помп для головного и спинного мозга. Соответственно, в рамках мониторинга доступности медицинской помощи оцениваются обеспеченность медицинскими кадрами, транспортная доступность медицинских организаций, соблюдение сроков ожидания медицинской помощи, а также уровень охвата диспансеризацией и профилактическими осмотрами. Данный вид мониторинга осуществляется двумя способами:

– внутренний контроль, осуществляемый на основании ст. 90 ФЗ № 323 и Требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности, утвержденных приказом Минздрава России от 31.07.2020 № 785н. В соответствии с указанными актами внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности осуществляется «с целью обеспечения прав граждан на получение медицинской помощи необходимого объема и надлежащего качества». Мониторинг осуществляется медицинскими организациями и ответственным за его проведение является руководитель медицинской организации;
– внешний контроль проводится Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения, уполномоченной на проведение мониторинга, профилактических мероприятий и контрольных (надзорных) мероприятий в соответствии с Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 29.06.2021 № 1048.

Соответственно, мониторинг качества медицинской помощи является информационной базой для разработки и внедрения корректирующих мер, которые позволят сократить количество врачебных ошибок и оптимизировать клинические и управленческие процессы.

Мониторинг качества оказания медицинской помощи многогранен и охватывает не только аспекты квалификации медицинского персонала и назначение эффективного лечения, но и мониторинг лекарственных средств и медицинских изделий, применение которых в медицинской практике является важным и неотъемлемым.

Взаимосвязь между мониторингом лекарственных средств и медицинских изделий и общим мониторингом качества медицинской помощи проявляется на нескольких уровнях. Прежде всего, эффективность и безопасность используемых лекарственных средств и медицинских изделий напрямую влияют на результаты лечения и безопасность пациентов. Ненадлежащее качество, неэффективность или непредвиденные побочные эффекты лекарственных средств, а также дефекты или поломки медицинских изделий могут стать источником непосредственной угрозы причинения вреда жизни и здоровью неограниченному кругу лиц.

Стоит отметить, что «как в России, так и в целом мире, особенно остро стоит проблема обращения на рынке недоброкачественной и фальсифицированной продукции, поэтому контроль качества, эффективности и безопасности лекарственных средств и медицинских изделий сегодня входит в перечень приоритетов в сфере здравоохранения» [1]. Выявление продукции, не соответствующей нормативной и технической документации, позволяет предотвратить их попа-

дание в медицинские организации и иные учреждения, что является критически важным для обеспечения эффективного и безопасного оказания медицинской помощи. Также, мониторинг охватывает не только вопросы качества, но и аспекты рационального распределения и использования лекарственных средств и медицинских изделий, чтобы их распространение по всем субъектам Российской Федерации позволяло эффективно и своевременно оказывать необходимую медицинскую помощь. Оценка эффективности различных лекарственных средств и медицинских изделий позволяет выбирать наиболее подходящие и экономически оправданные решения.

Эффективным инструментом проведения мониторинга за обращением лекарственных средств является проведение маркировки средствами идентификации. Так, на лекарственное средство наносится специальный код, в котором зашифрованы номер серии лекарственного средства, срок годности и номер партии. Нанесенный код отображается в Федеральной государственной информационной системе «Мониторинг движения лекарственных препаратов» (далее – ФГИС МДЛП). Стоит отметить, что нормативное правовое обеспечение маркировки лекарственных средств сопровождается Федеральным законом «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 № 61-ФЗ и Положением о системе мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 14.12.2018 № 1556, где определены характеристики средств идентификации, порядок получения кодов маркировки, создание, ввод в эксплуатацию, эксплуатация и вывод из эксплуатации в ФГИС МДЛП.

Как отмечается в статье Н.Н. Тезиной практическая значимость маркировки лекарственных средств заключается в том, что инновационный маркировочный процесс упраздняет ряд контрольных мероприятий, что в свою очередь значительно затрудняет и тормозит процесс введения легальных ЛП [лекарственных препаратов] в оборот, более того предшествующая система не могла в полной мере отслеживать процесс нелегального оборота лекарственных средств, однако маркировка ФГИС МДЛП будет пресекать ведение нелегального оборота [2]. Стоит отметить, что маркировка лекарственных средств — это инструмент, который способствует избавлению от проблемы упущенной выгоды в предпринимательском сообществе, так как выявление контрафактной продукцией становится реальнее и быстрее.

В свою очередь, успешный опыт внедрения маркировки лекарственных средств стал поводом для внедрения маркировки медицинских изделий. Данный процесс значительно отличается от маркировки лекарственных средств, так как маркировка медицинских изделий охватывает не всю продукцию, а только 13 видов, среди которых:

- стенты коронарные;
- аппараты слуховые, кроме частей и принадлежностей;
- санитарно-гигиенические изделия, используемые при недержании;
- обеззараживали-очистители воздуха;
- компьютерные томографы;
- обувь ортопедическая и вкладные корригирующие элементы для ортопедической обуви.
- трости опорные и тактильные, костыли, опоры, поручни;
- кресла-коляски;
- части и принадлежности протезов функциональные узлы и ортезы;
- противопролежневые матрацы и подушки
- специальные средства при нарушениях функций выделения (моче- и калоприемники);
- кресла-стулья с санитарным оснащением;
- перчатки медицинские.

Также, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 17.05.2024 № 620 «О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по маркировке средствами идентификации отдельных видов медицинских изделий» продолжается проведение эксперимента в отношении 9 видов медицинских изделий:

- презервативы;
- шприцы;
- пробирки;
- медицинские маски;
- инфузионные системы;
- инкубаторы для новорожденных;
- салфетки, в том числе неодноразовые;
- аппаратура для озоновой, кислородной и аэрозольной терапии, искусственного дыхания или прочая терапевтическая дыхательная аппаратура;
- импланты для пластической хирургии и косметологии в виде филлеров и косметических нитей.

Стоит отметить, что постановлением Правительства Российской Федерации от 05.08.2025 № 1172 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» срок проведения эксперимента был продлен до 28.02.2026 (до внесения изменений срок эксперимента был до 31.08.2025).

Соответственно, маркировка лекарственных средств и медицинских изделий не является самостоятельным элементом сферы здравоохра-

нения. Он является одним из фундаментов оказания качественной медицинской помощи и его результаты напрямую влияют на эффективность, доступность и своевременность оказания медицинской помощи.

Не менее важными являются виды мониторинга, связанные с населением, например, мониторинг удовлетворенности пациентов качеством оказания медицинских услуг и мониторинг общественного здоровья.

Зачастую такой мониторинг представляет собой комплексную оценку деятельности медицинских организаций со стороны пациентов, который охватывает большинство этапов оказания медицинской помощи. Социологический метод исследования в настоящее время приобрел популярность, так как достаточно простым способом позволяет получить информация от первоисточника - от пациентов о качестве оказания медицинских услуг.

Стоит отметить, что во многих субъектах Российской Федерации на сайтах органах государственной власти содержится анкета удовлетворенности пациентов медицинской помощью. Например, на официальном сайте Министерства здравоохранения Новосибирской области размещена такая анкета, где респондентам предлагается выбрать медицинское учреждение, где оказывались услуги, и ответить на вопросы, позволяющие выявить уровень удовлетворенности. В рамках анкетирования оценивается длительность ожидания оказания медицинской услуги, результативность решения медицинской проблемы, уровень комфортности и условий пребывания в учреждении, а также отношение врачей и иного персонала.

В рамках исследования был проведен опрос 100 человек с целью определить уровень удовлетворенности качеством оказания медицинских услуг в медицинских организациях.

Согласно анкетированию, большинство опрашиваемых записывается на прием к врачу при помощи электронных сервисов (Mos.ru, ЕМИАС, ЕПГУ) (95% респондентов). Вместе с тем, многие отмечают, что многие исследования и запись к определенным врачам доступны только через посещение участкового врача или терапевта, что зачастую замедляет процесс оказания медицинской помощи.

82% респондентов отмечают высокую квалификацию медицинского персонала, связывая ее с правильной постановкой диагноза, назначением лечения и предоставлением рекомендаций. Также видна положительная динамика в отношении медицинского персонала к пациентам. Большая доля респондентов (90%) отмечают доброжелательность, тактичность и заинтересованность медицинских специалистов, что, несомненно, сказывается на удовлетворенности населения качеством оказания медицинских услуг.

Стоит отметить, что в рамках опроса также учитывался уровень условий пребывания в медицинском учреждении и оснащенность медицинскими изделиями и лекарственными средствами. Так, 75% опрошенных отметили хороший уровень условий пребывания в медицинской организации, связывая это с доступностью и удобством расположения кабинетов специалистов, отсутствием очередей на прием к врачу и общим состоянием помещения медицинского учреждения. По вопросу оснащенности медицинскими изделиями и лекарственными препаратами 70% опрошенных отметили достаточное количество и качество медицинских изделий и лекарственных средств при оказании медицинских услуг. Вместе с тем, доли респондентов (20%) не потребовались медицинское оборудование и лекарственные препараты для получения необходимой медицинской помощи. 10% опрошенных столкнулись с недостаточным оснащением медицинского учреждения медицинскими изделиями и лекарственными средствами, а также с несоответствием их качества.

Соответственно, на основании проведенного социологического опроса большинство респондентов выражает удовлетворение процессом оказания медицинских услуг, то есть как общим уровнем лечения в поликлиниках и больницах, так и техническими аспектами.

В свою очередь, мониторинг общественного здоровья является комплексным подходом к определению общего состояния здоровья населения. О.Б. Полякова и Т.И. Бонкало определяют здоровье населения как медико-демографическая и социальная категория, отражающая физическое, психическое, социальное благополучие людей, осуществляющих свою жизнедеятельность в рамках определенных социальных общностей [3]. Соответственно, мониторинг общественного здоровья населения представляет непрерывный процесс сбора, анализа, интерпретации данных, касающихся состояния здоровья населения, факторов, влияющих на него, а также эффективности предпринимаемых мер по его улучшению. Также авторами статьи о мониторинге здоровья населения отмечается, что его параметры должны содержать не только показатели рождаемости и смертности, но и критерии физического, психического социального благополучия, данные о функциональном состоянии органов и систем организма.

На территории Российской Федерации с целью реализации национальной цели развития - укрепление здоровья, определенной Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №

309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», а также реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» на базе Сеченовского Университета Минздрава России был создан Междисциплинарный центр исследования общественного здоровья (далее-МЦИОЗ), основная деятельность которого связана с проведением мониторинга здоровья населения, для получения информации о физическом и психическом состоянии людей и определения направлений управленческих мер, предпринимаемых для улучшения здоровья и качества жизни граждан Российской Федерации. МЦИОЗ планирует проводить мониторинг на регулярной основе, что позволит создать отечественную научную базу в изучении общественного здоровья как на национальном уровне, так и на глобальном [4].

Соответственно, мониторинг общественного здоровья населения — это не просто сбор статистики, а аналитический инструмент, позволяющий эффективно и оперативно управлять процессами в здравоохранении. При разработке критериев и правильном проведении мониторинга, он сможет стать основой для формирования научно обоснованной государственной политики в сфере здравоохранения, которая направлена на повышение качества жизни населения и обеспечение устойчивого уровня социально-экономического развития.

Таким образом, мониторинг в медицинской деятельности – это не просто сбор и анализ информации, это комплексный инструмент управления и развития сферы здравоохранения на территории Российской Федерации. Процесс мониторинга медицинской деятельности многогранен и касается многих аспектов оказания медицинской помощи как со стороны медицинской организации, так и со стороны пациентов. Основные направления осуществления мониторинга охватывают ключевые аспекты медицинской деятельности. Соответственно, мониторинг является неотъемлемым условием для функционирования современной и пациент ориентированной системы здравоохранения, так как при помощи современных технических инструментов предоставляется и анализируется информация, которая становится основой для реагирования на происходящие процессы, стратегического планирования и внедрения мер для повышения качества жизни и укрепления здоровья населения.

Список литературы:

[1] Третьякова О. С., Заднипряный И. В. Отечественная система государственного контроля качества лекарственных средств и изделий медицинского назначения на современном этапе // ТМБВ. - 2021. - №4. – С. 60

[2] Тезина Н. Н. Маркировка лекарственных препаратов от производителя до конечного потребителя // Врач и информационные технологии. - 2019. - №3. – С. 11

[3] Общественное здоровье: дайджест (Электронный ресурс) / О. Б. Полякова, Т. И. Бонкало. - Электрон. текстовые дан. - м.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», - 2024. – С. 4

[4] Черкасов Сергей Николаевич, Федяева Анна Владимировна, Мешков Дмитрий Олегович, Золотарев Павел Николаевич, Мороз Ирина Николаевна Организационные технологии мониторинга здоровья населения в российской федерации // Судебная медицина. - 2022. - №3. – С. 61

References:

[1] Tretyakova O. S., Zadnipryany I. V. The domestic system of state quality control of medicines and medical devices at the present stage // TMBV. - 2021. - No. 4. – p. 60

[2] Tezina N. N. Labeling of medicines from the manufacturer to the end user // Doctor and information technologies. - 2019. - No. 3. – p. 11

[3] Public health: digest (Electronic resource) / O. B. Polyakova, T. I. Bonkalo. - The electron. text data. - M.: GBU “NIIOZMM DZM”, - 2024. – p. 4

[4] Cherkasov Sergey Nikolaevich, Fedyaeva Anna Vladimirovna, Meshkov Dmitry Olegovich, Zolotarev Pavel Nikolaevich, Moroz Irina Nikolaevna Organizational technologies for monitoring public health in the Russian Federation // Forensic medicine. - 2022. - No. 3. – p. 61

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-426-431
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

АГАБЕКЯН Алла Липаритовна,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовного права,
Юридический институт НИ ТГУ,
e-mail: allaagabekyan@yandex.ru

ГОЛУБЕВ Ждан Жанович,
Студент Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: golubevzhdan888@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию проблематике классификации преступления, связанных с использованием криптовалюты на правоприменительном уровне. Цель исследования – определить основные проблемы классификации «криптопреступлений», в первую очередь в отношение преступлений против собственности и против государственной власти, в связи с развитие технологий и использованием криптовалюты как средства платежа, а также определить возможные пути их решения. В статье анализируется нормативно–правовая база и практика высших судов Российской Федерации, посвященная вопросам криптовалюты. Приводятся статистические данные гражданского оборота криптоактивов, отмывание денежных средств, количества рассматриваемых уголовных и гражданских дел касаемо криптовалюты. Проводится анализ правовой природы криптовалюты с целью выявления возможности расширительного толкования предмета преступления против собственности. Предлагаются необходимые изменения в законодательстве, внесение которых должно привести к значительному снижению некорректной классификации преступлений в отношении криптовалюты. Актуальность темы состоит в том, что за последние пять лет рассмотрение уголовных дел, связанных с криптовалютой кратно увеличивается и правоприменительная практика складывается не единообразно, вследствие чего, есть необходимость разрешения вопросов правильной классификации «криптопреступлений». В результате исследования были выявлены основные проблемы классификации, а также предложены наиболее подходящие пути их преодоления.*

Ключевые слова: *криптопреступления, криптовалюта, средство платежа.*

AGHABEKYAN Alla Liparitovna,
PhD. jurid. PhD, Associate Professor
of the Department of Criminal Law TSU Law Institute

GOLUBEV Zhdan Zhanovich,
Student of the Law Institute of TSU

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED USING CRYPTOCURRENCIES

Annotation. *This article is devoted to the study of the problems of classifying crimes related to the use of cryptocurrencies at the law enforcement level. The purpose of the study is to identify the main problems of classifying "cryptocrimes", primarily in relation to crimes against property and against state power, in connection with the development of technology and the use of cryptocurrencies as a means of payment, as well as to identify possible solutions. The article analyzes the regulatory framework and practice of the supreme courts of the Russian Federation on cryptocurrency issues. Statistical data on the civil turnover of cryptoassets,*

money laundering, and the number of criminal and civil cases involving cryptocurrencies are provided. An analysis of the legal nature of cryptocurrencies is being conducted in order to identify the possibility of an extended interpretation of the subject of a crime against property. The necessary legislative changes are proposed, the introduction of which should lead to a significant reduction in the incorrect classification of crimes against cryptocurrencies. The relevance of the topic lies in the fact that over the past five years, the consideration of criminal cases related to cryptocurrency has increased many times and law enforcement practice has not been uniform, as a result of which there is a need to resolve issues of the correct classification of "cryptocrimes". As a result of the study, the main classification problems were identified, and the most appropriate ways to overcome them were proposed.

Key words: *cryptocrimes, cryptocurrency, means of payment*.

Прежде, чем говорить о том, как криптовалюта связана с тем или иным преступлением, необходимо сказать о ее правовой природе, так как криптовалюта не относится к наличным и безналичным средства платежа, а также не является электронным денежным средствами (ЭДС).

Необходимо отметить, что законодатель использует дефиницию «цифровая валюта» вместо «критовалюта», поскольку это исходит из анализа ч.3 ст. 1 Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259–ФЗ [1]. Исходя из смысла положения данной статьи любая цифровая валюта –совокупность электронных данных, используемые в качестве средства платежа, но не являющиеся денежной или расчетной единицей в качестве инвестиций ни одного из государств, поскольку отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных.

Кроме того, существует дискуссия о правовой природе криптовалюты. Лолаева относит криптовалюту к обязательственному праву: «Праву каждого владельца криптовалюты корреспондируют обязанности всех остальных участников конкретной расчетной системы, согласно исходным правилам ее функционирования» [3,стр. 23].

Тем не менее, отнесение критовалюты к обязательственному право некорректно, поскольку во время открытия лицом своего криптокошелька на криптобирже, у него не возникает обязанностей на совершение каких– либо операций, в том числе на пополнение своего криптокошелька.

И. И. Кучеров: «Криптовалюта является платежным средством, поскольку относится к цифровым афиатным активам, действующим на основе блокчейнов» [6, стр. 4].

Е. В. Кудряшова, считает киптовалюту афиатными деньгами, т.е. несанкционированными средствами, не требующих доверия к государству или денежно–кредитной системе [5, стр. 2176].

Предпосылками формирование подхода, что криптовалюта является иным имуществом явилось «дело Царькова» о признании И. И. Царькова несостоятельным (банкротом), согласно которому арбитражный управляющий включил в конкурсную массу криптоактивы Царькова биткойны, поскольку его криптоактивы имели ценность для кредиторов и не были изъяты из оборота. Однако суд первой инстанции исключил из конкурсной массы криптоавктивы должника. Зато Апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции и удовлетворил требования конкурсного управляющего, так как перечень объектов гражданских прав не является исчерпывающим и с учетом современных реалий и научно–технического прогресса общества, иное имущество допустимо толковать расширительно.

В итоге, хотя суды в «деле Царькова» не провели всестороннего анализа правовой природы криптовалюты, был сформирован принципиально верный подход: криптовалюта может являться объектом гражданских прав, даже если это прямо не указано в законе, т.е. после данного прецедентного дела правоприменитель начал квалифицировать криптовалюту как иное имущество [3, стр.25].

Рассмотрев правовую природу криптовалюты, необходимо указать какие именно преступления совершаются с помощью криптовалюты.

Согласно оценкам экспертов Всемирного экономического форума, глобальная финансовая система ежегодно становится каналом для отмывания более 2,4 триллионов долларов. Несмотря на значительные ресурсы, выделяемые на борьбу с финансовыми преступлениями, существующие механизмы контроля демонстрируют низкую эффективность, выявляя менее 1% от общего числа совершаемых преступлений.

По информации 2023 года количество судебных дел, связанных с криптовалютой, увеличилось на 72% по сравнению с предыдущим годом. Если сравнивать с 2021 годом, то количество таких дел возросло более чем в пять раз: с 510 в 2021 году до 2653 в 2023 году.

Большая часть судебных разбирательств в 2023 году была связана со спорами о банкрот-

стве (62%), что на 91% больше, чем в 2022 году. Количество гражданских дел, связанных с криптовалютой, увеличилось на 60%, уголовных дел — на 34%, а административных дел — на 19% [15].

Уголовные дела в основном связаны с использованием криптовалюты в расчетах при незаконном обороте наркотиков и хищением криптоактивов. Гражданско–правовые споры в основном касаются возврата средств, вложенных в криптопроекты. Также суды рассматривают дела о взыскании задолженности за электроэнергию, потребленную при майнинге.

Аналитики объясняют рост числа дел развитием криптоэкономики, повышением интереса к криптовалютам и появлением новых мошеннических схем. Ожидается дальнейший рост числа судебных дел, связанных с криптовалютой.

Следует учитывать, что статистика коррупционных преступлений с использованием криптовалюты может быть неполной из–за высокой латентности таких случаев. Данное явление объясняется тем, что правоохранительным органам через биткоин адрес довольно трудно определить пользователя, использующего несколько IP–адресов.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день в качестве предмета коммерческого подкупа или взятки для совершения преступлений, предусмотренных соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) активно используется криптовалюта [13].

Так, на данный момент самой крупной и рекордной взяткой в РФ является 7,3 млрд рублей, которую получил экс–следователь из Москвы М. Тамбиев, его приговорили к 16 годам лишения свободы 8 октября 2024 года, а подчиненную Тамбиева К. Ляховенко осудили на 9 лет колонии общего режима [7]. При расследовании данного дела было обнаружено, что Тамбиев хранил полученные биткойны от хакеров на своем личном ноутбуке в папке под названием «пенсия», т.е. на холодном кошельке. Тем самым экс–следователь облегчил расследование совершенного им деяния, но такие случаи являются редкостью, потому что, как правило, преступники хранят цифровую валюту на анонимных виртуальных кошельках.

Также, в конце августа 2021 года в отношении преподавателей в отношении преподавателей Московского педагогического государственного университета (МПГУ) было возбуждено уголовное дело по фактам получения и дачи взяток, квалифицируемые по ч. 5 ст. 290 и ч.3 ст. 291.1, УК РФ, связанные с защитой диссертаций и присвоением ученых степеней [12]. Особенностью данного дела является то, что оплата «услуг» преподавателей МПГУ осуществлялась в криптовалюте, а именно в биткоинах, которые переводились на анонимные кошельки.

На данный момент результаты расследования остаются закрытыми, как и информация о лицах, претендовавших на ученые степени и переводивших биткоины Елене Ливановой, занимавшей должность председателя диссертационного совета [14, стр. 85]

В контексте правоприменительной практики, взятка в криптовалюте часто квалифицируется как покушение или приготовление к даче или получению взятки, так как цифровая валюта является нематериальным объектом, хотя её денежная стоимость не вызывает сомнений.

Для квалификации такого деяния как оконченного преступления необходима конвертация криптовалюты в фиатные деньги. Однако, учитывая анонимность криптовалютных кошельков, фиксация или предотвращение подобной конвертации представляет значительные трудности. В этой связи, чтобы криптовалюта рассматривалась как предмет хищения, необходимо ее толковать как «иное имущество».

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 30.11.2017, касающимся дел о мошенничестве, присвоении и растрате, можно выделить два момента окончания хищения [10]: один для материальных предметов, другой – для цифровых. С учетом сходства между криптовалютой и цифровой валютой следует закрепить, что хищение криптоавтивов считается оконченным с момента противоправного безвозмездного изъятия средств из криптокошелька с корыстной целью и (или) обращение в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному законному владельцу.

Итак, рассмотрев ряд примеров преступлений по ст. 290 УК РФ, связанных с использованием криптовалюты можно отметить следующее.

Во–первых, отсутствие необходимости прохождения процедуры верификации по документу, позволяющему идентифицировать личность, позволяет создать криптокошелек анонимно.

Во–вторых, отследить движение криптовалюты при транзакциях со стопроцентной уверенностью возможно, если была проведена идентификация личности. Транзакции с криптовалютой записываются в блокчейн, который является публичным реестром. Это позволяет отслеживать перемещение средств между криптокошельками. Однако сами по себе криптокошельки анонимны и не содержат информации о владельце [8, стр. 222]. Чтобы связать криптовалютный адрес с конкретным человеком, необходима дополнительная информация, например, полученная в

результате идентификации на криптобирже. Когда пользователь проходит процедуру KYC (Знай своего клиента), биржа получает его личные данные и может сопоставить их с адресом кошелька, используемым для транзакций [9].

Власти могут запрашивать эту информацию у бирж в рамках расследований. Если же транзакции проводились через анонимные кошельки или сервисы, такие как криптомиксеры, отследить их будет гораздо сложнее.

В–третьих, в уголовно–процессуальном праве наблюдается пробел в части регламентации способов фиксации преступных действий, совершаемых с использованием цифровых валют. Отсутствие процессуальных норм, позволяющих эффективно документировать подобные правонарушения, в сочетании с недостаточными мерами противодействия технологиям, лежащим в основе этих преступлений, способствует увеличению числа случаев использования криптовалют в качестве средства взяточничества и коммерческого подкупа. Иными словами, из–за несовершенства законодательной базы и нехватки технических инструментов криптовалюты все чаще становятся инструментом коррупционных схем.

На данный момент на законодательном и правоприменительном уровне отсутствует единый подход квалификации преступлений, связанных с использованием криптовалюты. Так на практике вышеуказанные деяния квалифицируются по ограниченной модели, в частности по составам компьютерных преступлений (ст. 272 –273 УК РФ) и (или) в совокупности с нормами о мошенничестве [4, стр. 343].

Следует указать, что при сложившейся классификации имеется уголовно–правовая коллизия: криптовалюта или компьютерная информация является предметом преступления.

Например, Советский районный суд при рассмотрении уголовного дела по ч.2 ст. 272 и ч.2 ст. 159.6. УК РФ установил, что подсудимый Г. из корыстных целей на незаконных основаниях получил доступ к охраняемой законом компьютерной информации, в частности, к аккаунту потерпевшего в приложении, где находилась криптовалюта «Yusra». Подсудимый в связи с вмешательством в работу сетей, похитил данную криптовалюту. Однако суд вернул дело прокурору, поскольку предмет преступления по ст. 272 УК РФ – это охраняемая законом компьютерная, к которой приложение и данные аккаунта потерпевшего не относится. К тому же обвинение в двух вышеупомянутых преступления с различными объектами преступного посягательства не аргументированно и де–факто дублировало друг друга [11].

Тем самым исходя из вышеуказанного анализа практики можно отметить, что в случае хищения криптоавктивов из криптокошельков с помощью удаленного доступа, то уголовный закон не относит данного деяние к преступлениям против собственности, ибо криптовалюта не является имуществом в рамках Уголовного законодательства. Согласно ст. 158 УК РФ предметом кражи относится только объекты материального мира, а цифровая валюта является объектом нематериального мира.

Таким образом, из вышеизложенного исследования следует внести изменения в ч.2 ст. 290 УК РФ – цифровая валюта, полученная преступным путем, что может быть выражено в следующих действиях: предоставление взятки в виде криптовалюты при заблаговременной договоренности и осведомленности, наличие соответствующего криптокошелька; отмывание денежных средств и последующий их перевод в цифровую валюту на криптокошелек в целях сокрытия преступления.

К тому же изменения должны затронуть и ст. 61 УК РФ, так как виновное лицо могло и не знать о самой цифровой валюте, не обладать анонимным криптокошельком, фактически ошибалось в предмет полученного имущества. Например, обвиняемый предполагал, что получит в качестве взятки денежные средства, а получает USB–носитель, на котором хранится криптовалюта.

Кроме того, в практике есть оправдательный приговор по делу, связанному с использованием криптовалюты, так как суд указал, что регистрация на криптовалютной бирже и оформление карты на третье лицо, на которую поступили средства потерпевшего, а затем были переведены пользователям биржи, не свидетельствуют об умышленном пособничестве в мошенничестве [2].

Следовательно, перевод из денежных средств в криптовалюту, как возможность распорядиться похищенным по усмотрению субъекта преступления, не может свидетельствовать о умышленном пособничестве лица (контрагента), осуществившего соответствующий перевод, т.е. является основанием, исключающим уголовную ответственность.

Что же касается хищение криптовалюты, необходимо переосмыслить предмет хищения для преступлений против собственности, ибо предмет кражи нужно расширить, так как целью злоумышленников через удаленный доступ с помощью вредоносных программ является хищение криптовалюты, либо данных о криптоактивах, чтобы в дальнейшем осуществить взлом аккаунта криптокошелька и совершить непосредственно

само хищения, что в свою очередь необходимо относить к тайному способу преступного посягательства.

Тем самым предмет кражи будет охватывать не только объекты материального мира, но и цифрового, что позволит разрешить проблемы неполной квалификации преступлений, связанных с использование криптовалюты или в отношении ее, в частности, со ст. 159.6, ст. 272 и ст. 273 УК РФ, поскольку определяющим моментом при квалификации соответствующих преступлений является оконченный результат общественно опасного деяния направленный на хищение криптовалюты, а не компьютерной информации.

Список литературы:

[1] «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федер. закон [принят Гос. Думой 22.07.2020] // Собрание законодательств РФ. 2020. № 31 (часть 1), ст. 5018.

[2] Адвокаты добились оправдания продавца криптовалюты и его друга, обвинявшихся в пособничестве мошенникам [Электронный ресурс]: Адвокатская газета – Режим доступа:https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty–dobilis–opravdaniya–prodavtsa–kriptovalyuty–i–ego–druga–obvinyavshikhsya–v–posobnichestve–moshennikam (дата обращения 09.11.2025).

[3] Бутаева Э. С. Правовая природа криптовалюты / Э.С. Бутаева, А. С. Лолаева, С. А. Макиев // Юридические исследования. 2021. № 12. С. 20–32.

[4] Долгиева М. М. Теоретические основания уголовной политики в сфере оборота криптовалюты: специальность 5.1.4.: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук: 07.09.2023 / Мадина Муссаевна Долгиева. – Москва, 2023. – 474 с.

[5] Е. В. Кудряшова. Криптовалюты в правовом поле // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 10. С. 2175–2183.

[6] Кучеров И. И. Криптовалюта как платежное средство // Финансовое право. 2018. № 7. С. 3–6.

[7] Лента новостей [Электронный ресурс]: группа компаний РосБизнесКонсалтинг (ГК РБК) – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society (дата обращения:09.11.2025).

[8] Одинцов С. В. Проблемы квалификации преступлений, сопряженных с использованием криптовалют / С. В., Б. Е. Кошелюк // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 220–229.

[9] Отследить криптокошелек — это реально? [Электронный ресурс]: сайт AML. Crypto/io – Режим доступа: https://amlcrypto.io/ru/ (дата обращения: 09.11.2025).

[10] Постановление Пленума Верховного суда РФ № 48 от 30.11.2017 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2021. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения 09.11.2025).

[11] Постановление Советского районного суда г. Махачкалы от 09.03.2021 по делу №1–499/21 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://судебныерешения.рф (дата обращения: 09.11.2025).

[12] СК завел дело о взятках биткоинами за диссертации в МПГУ [Электронный ресурс]: группа компаний РосБизнесКонсалтинг (ГК РБК) – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society (дата обращения 09.11.2025).

[13] Уголовный кодекс РФ: Федер. закон [принят Гос. Думой 24.05.1996] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, статья 2954.

[14] Усачева Е. А. Криптовалюта как предмет взятки и коммерческого подкупа: проблемы регулирования / Е. А. Усачева, А. Д. Филимонов // Искусство правоведения. The art of law. Право. 2023. № 5. С. 80–91.

[15] Число связанных с криптовалютой судебных дел в России выросло на 72% [Электронный ресурс]: сайт Роскомсвобода – Режим доступа: https://roskomsvoboda.org (дата обращения: 09.11.2025).

References:

[1] “On Digital Financial assets, digital currency and Amendments to certain Legislative Acts of the Russian Federation”: Feder. the law [adopted by the State Duma on 07/22/2020] // Assembly of Legislatures of the Russian Federation. 2020. No. 31 (part 1), art. 5018.

[2] Lawyers have acquitted the seller of cryptocurrencies and his friend, accused of aiding fraudsters [Electronic resource]: Advocate Newspaper – Access mode:https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty–dobilis–opravdaniya–prodavtsa–kriptovalyuty–i–ego–druga–obvinyavshikhsya–v–posobnichestve–moshennikam (accessed on 09.11.2025).

[3] Butaeva, E. S. Legal Nature of Cryptocurrency / E. S. Butaeva, A. S. Lolaeva, and S. A. Makiev // Legal Research. 2021. No. 12. Pp. 20–32.

[4] Dolgieva M. M. Theoretical Foundations of Criminal Policy in the Field of Cryptocurrency Circulation: Specialty 5.1.4.: Dissertation for the Degree of Doctor of Law: 07.09.2023 / Madina Mussaevna Dolgieva. – Moscow, 2023. – 474 p.

[5] E. V. Kudryashova. Cryptocurrencies in the Legal Field // Finance and Credit. 2018. Vol. 24. No. 10. Pp. 2175–2183.

[6] Kucherov I. I. Cryptocurrency as a Means of Payment // Financial Law. 2018. No. 7. Pp. 3–6.

[7] News Feed [Electronic resource]: RosBusinessConsulting Group of Companies (RBC Group) – Access mode: https://www.rbc.ru/society (date of access:09.11.2025).

[8] Odintsov S. V. Problems of Qualifying Crimes Involving the Use of Cryptocurrencies / S. V., B. E. Koshelyuk // Bulletin of Tomsk State University. 2023. No. 487. Pp. 220–229.

[9] Is it possible to track a crypto wallet? [Electronic resource]: AML website.Crypto/io – Access mode: https://amlcrypto.io/ru / (date of appeal: 11/09/2025).

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated 11/30/2017 (as amended on 12/15/2022) "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement" [Electronic resource]: ConsultantPlus: reliable Legal support. Moscow, 2021. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (date of application 09.11.2025).

[11] Resolution Sovetsky District Court of Makhachkala dated 03/9/2021 in case No. 1– 499/21 [Electronic resource] – Access mode: https:// судебныерешения .RF (accessed on 09.11.2025).

[12] The Investigative Committee opened a case about bribes in the form of bitcoins for dissertations at Moscow State Pedagogical University [Electronic resource]: RosBusinessConsulting Group of Companies (RBC Group) – Access mode: https:// www.rbc.ru/society (accessed on 09.11.2025).

[13] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law. Law [adopted by the State Duma on May 24, 1996] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25, Article 2954.

[14] Usacheva, E. A. Cryptocurrency as an Object of Bribery and Commercial Corruption: Regulatory Issues / E. A. Usacheva, A. D. Filimonov // The Art of Law. The art of law. Law. 2023. No. 5. Pp. 80–91.

[15] The number of cryptocurrency-related court cases in Russia has increased by 72% [Electronic resource]: Roskomsvoboda website – Access mode: https://roskomsvoboda.org (accessed on 09.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-432-434

МАЛАЕВ Азрет Хусенович,
преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности, капитан полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВАХ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *На основе криминалистического анализа современного состояния противодействия информационной преступности выявлены основные векторы атак и представлены эффективные методы борьбы, включая организационные и технические меры защиты. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования систем безопасности финансовых организаций и разработки методик расследования данного вида киберпреступлений.*

Ключевые слова: *устройства, кибербезопасность, карточное мошенничество, криминалистический анализ, методы противодействия, кибер виктимология, цифровая криминалистика.*

MALAYEV Azret Khusenovich,
Lecturer,
Department of Law Enforcement Police Captain

ON SOME MODERN CHALLENGES IN CYBERSPACE

Annotation. *Based on a forensic analysis of the current state of cybercrime prevention, the main attack vectors are identified and effective countermeasures are presented, including organizational and technical protective measures. The research results can be used to improve the security systems of financial institutions and develop methods for investigating this type of cybercrime.*

Key words: *devices, cybersecurity, card fraud, forensic analysis, countermeasures, cyber victimology, digital forensics.*

Сотрудничество с правоохранительными органами и обмен информацией о выявленных угрозах позволяет формировать коллективную защиту от новых видов атак.

Технологическая эволюция методов незаконного клонирования платежных карт напрямую связана с развитием платежных технологий. Классические скиммеры, устанавливаемые на банкоматы, уступили место более изощренным техническим решениям, которые сложнее выявить и нейтрализовать [4].

Согласно исследованиям Ковалева А.П., современные методы клонирования платежных карт включают широкий спектр технических и программных решений. Компрометация POS-терминалов через уязвимости программного обеспечения становится одним из наиболее распространенных методов. Злоумышленники используют недокументированные возможности или ошибки в программном коде для удаленного доступа к памяти устройства, где временно хранятся незашифрованные данные платежных карт [1]. Особенно уязвимыми являются терминалы, работающие на устаревших версиях операционных систем или имеющие нерегулярные циклы обновления безопасности [5].

Использование поддельных терминалов и банкоматов остается актуальным методом, хотя и претерпело значительную эволюцию.

Современные поддельные устройства часто имеют беспроводные модули для передачи собранных данных, системы удаленного управления и механизмы самоуничтожения при попытке несанкционированного доступа.

Тимофеев В.А. отмечает случаи, когда злоумышленники устанавливали полностью функциональные поддельные банкоматы в общественных местах, которые не только собирали данные карт, но и выполняли базовые банковские операции для маскировки своего истинного назначения [6].

Особую опасность представляют атаки, координируемые через несколько скомпрометi-

рованных устройств, что затрудняет выявление источника угрозы и увеличивает масштаб потенциального ущерба.

Такие атаки часто проводятся с использованием методов шифрования трафика, что дополнительно усложняет их обнаружение стандартными средствами мониторинга безопасности.

С криминологической точки зрения, преступления, связанные с незаконным клонированием платежных карт через устройства, характеризуются рядом особенностей, которые отличают их от традиционных форм карточного мошенничества.

Географический анализ распространения данного вида преступлений показывает значительную неравномерность. Наибольшая активность наблюдается в регионах с высоким уровнем проникновения электронных платежей и одновременно недостаточным развитием законодательства в сфере кибербезопасности.

Смирнов отмечает, что часто страны с развивающейся экономикой становятся «испытательными полигонами» для новых методов атак, которые затем применяются в более развитых регионах [2].

Проведенное исследование показало, что незаконное клонирование платежных карт с использованием IoT-устройств представляет собой сложную криминологическую и криминалистическую проблему, требующую комплексного подхода к противодействию.

Особенности данного вида преступлений включают высокую латентность, технологическую сложность выявления и расследования, а также трансграничный характер.

Криминологический портрет современного киберпреступника в данной сфере характеризуется высоким уровнем технической подготовки и осведомленностью о методах обхода традиционных систем защиты. Формирование организованных преступных групп с четкой специализацией участников позволяет проводить сложные многоэтапные атаки, включающие компрометацию IoT-устройств, сбор платежных данных и их последующую монетизацию.

Криминалистическое исследование данного вида преступлений требует применения специализированных методик, включающих анализ сетевого трафика, исследование журналов событий, проверку целостности программного обеспечения и анализ вредоносного кода.

Гармонизация предполагает унификацию определений категорий цифровых доказательств, стандартизацию процедур их сбора и хранения, установление единых критериев приемлемости в судебном процессе.

Альтернативным подходом является сохранение сильного шифрования при одновременном развитии легальных возможностей для правоохранительных органов по получению нешифрованных данных «на концах» - непосредственно с устройств пользователей с использованием технических средств или с помощью методов социальной инженерии.

Такой подход, однако, требует серьезных процессуальных гарантий для предотвращения злоупотреблений и защиты прав пользователей.

Оперативное сотрудничество может развиваться через создание специализированных сетей контактных пунктов, международных центров по борьбе с киберпреступностью и механизмов государственно-частного партнерства.

В настоящее время проблемы обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации имеют первостепенное стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности страны. При этом система информационной безопасности должна включать следующие три компонента:

– информационно-правовой (наличие соответствующей нормативной базы, определяющей защиту интересов личности, общества и государства в информационной сфере);
– информационно-технический (защита информационной сферы от несанкционированных воздействий);
– информационно-психологический (психологическая безопасность и защита гражданина от негативного информационного воздействия).

В настоящее время ведение информационных войн между странами стало обычным явлением и основной составляющей национальной политики многих государств [6]. Примеров можно привести достаточно много. Это информационные войны, направленные на формирование отрицательного международного общественного мнения посредством ведения массированной дезинформации, которые были развернуты против Ирака, Ливии, Сирии непосредственно перед военным вторжением в эти страны. События, происходящие на Украине, ясно показали, что против России ведётся масштабная агрессивная информационная война, угрожающая национальной безопасности нашей страны.

Сегодня, очевидно, что в современном мире приоритетное стратегическое значение имеет весьма развитое информационное пространство. Одной из важнейших задач в вопросах обеспечения национальной безопасности является анализ и контроль информационных потоков, цель которого – своевременное выявление и разоблачение агрессивных информационных фантомов.

Список литературы:

[1] Романовский Г.Б. Правовые аспекты противодействия киберпреступности в финансовой сфере // Журнал российского права. 2021. №8. С. 198-206.

[2] Смирнов Д.Н. Криминологическая характеристика преступлений в сфере информационных технологий // Вестник криминологии. 2022. №1. С. 112-121.

[3] Карпов А.С. Экономические последствия киберпреступлений в финансовой сфере // Вопросы экономики и права. 2023. №2. С. 40-48.

[4] Козловский А.Ю. Методика расследования преступлений в сфере электронных платежей // Криминалистика и судебная экспертиза. 2022. №4. С. 198-207.

[5] Ковалев А.П. Современные методы защиты платежных систем // Банковские технологии. 2023. №5. С. 76-84.

[6] Машекуашева М.Х. Вопросы эффективности борьбы с интернетмошенничеством: повышение результативности функционирования правоохранительных органов. Экономика и право. XXI век. 2025. № 2. С. 43-44.

References:

[1] Romanovsky G.B. Legal aspects of countering cybercrime in the financial sector//Journal of Russian Law. 2021. №8. S. 198-206.

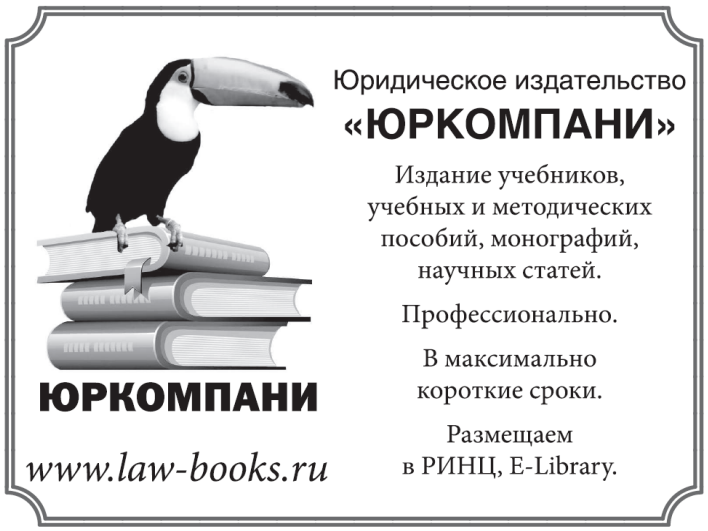
[2] Smirnov D.N. Criminological characteristics of crimes in the field of information technology//Bulletin of Criminology. 2022. №1. S. 112-121.

[3] Karpov A.S. Economic consequences of cybercrimes in the financial sphere//Economic and legal issues. 2023. №2. S. 40-48.

[4] Kozlovsky A.Yu. Methodology for investigating crimes in the field of electronic payments//Forensics and forensic examination. 2022. №4. S. 198-207.

[5] Kovalev A.P. Modern methods of protecting payment systems//Banking technologies. 2023. №5. S. 76-84.

[6] Mashekuasheva M.Kh. Issues of the effectiveness of combating Internet fraud: increasing the effectiveness of the functioning of law enforcement agencies. Economics and law. XXI century. 2025. № 2. S. 43-44.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-435-440

ПИНКЕВИЧ Татьяна Валентиновна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: pinkevich@yandex.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕПРАВОМЕРНОМУ ОБОРОТУ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ (СТ. 187 УК РФ) НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы внедрения значительного количества инновационных финансовых инструментов, расширяющих инфраструктуру розничных платежных систем, что вызвало не только появление новых платежных инструментов (платежные стикеры, кольца) и способов осуществления платежей (платежные приложения), но и формирование масштабного теневого рынка электронных средств платежа, а следовательно и роста преступлений на финансовом рынке России. Представлены результаты исследования отдельных вопросов уголовно-правового и криминологического характера неправомерному обороту средств платежа. В заключении автор приходит к выводу о подготовке и реализации комплекса мер по предупреждению этих видов преступлений на финансовом рынке России.*

Ключевые слова: *неправомерный оборот средств платежа, финансовый рынок, цифровые технологии, преступность, предупреждение.*

PINKEVICH Tatyana V.,
Doctor of Law, Professor,
Departments of Criminal Policy Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor

COUNTERING ILLEGAL CIRCULATION OF MEANS OF PAYMENT (ART. 187 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) IN THE RUSSIAN FINANCIAL MARKET

Annotation. *Countering the illegal circulation of funds of payments (art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the Russian financial market Abstract: The article discusses the problems of introducing a significant number of innovative financial instruments that expand the infrastructure of retail payment systems, which caused not only the emergence of new payment instruments (payment stickers, rings) and payment methods (payment applications), but also the formation of a large-scale shadow market for electronic means of payment, and consequently the growth of crimes in the financial market Russia. The results of a study of certain issues of a criminal-legal and criminological nature of the illegal turnover of means of payment are presented. In conclusion, the author comes to the conclusion about the preparation and implementation of a set of measures to prevent these types of crimes in the Russian financial market.*

Key words: *illegal turnover of means of payment, financial market, digital technologies, crime, prevention.*

Введение

Интенсивное развитие и повсеместное внедрение цифровых технологий оказали существенное влияние на различные социальные явления общества, нанеся при этом значительный ущерб личности, обществу и государству. Экономическая преступность, как одно из наиболее значимых последствий, мгновенно отреагировала на сложившуюся ситуацию весомыми последствиями. Так, за последние восемь лет количество зарегистрированных преступлений в экономической сфере, совершенных с использованием цифровых технологий увеличилось на 40,7 % [1].

Подобный рост вызывает обоснованную тревогу, что связано, в первую очередь, с внедре-

нием значительного количества инновационных финансовых инструментов, расширяющих инфраструктуру розничных платежных систем. Сюда же следует отнести и автоматизацию совершения и исполнения сделок.

Криминогенная обстановка в этой сфере остается напряженной, несмотря на комплекс мер, предпринимаемых государством в лице Банка России (далее–ЦР РФ). Для обеспечения криминологической безопасности финансового рынка необходимо всестороннее изучение текущего состояния криминальных угроз финансовой системе, налаживание эффективного взаимодействия между всеми заинтересованными государственными органами, а также проведение постоянного мониторинга для выявления и последующей нейтрализации причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Тема исследования актуальна имеет как теоретическое, так и практическое значение. Ей всегда ученые уделяли должное внимание. Отдельные направления исследований в сфере предупреждения преступлений на финансовом рынке были представлены работами таких авторов, как: Л.Д. Гаухман [4, С. 17], С.В. Максимов [4], М.В. Талан [С, 243-244], Н.А. Лопашенко [116], С.Л. Нудель [2, С. 13-14], Р.В. Жубрин [3, С.15-16.], Г.А. Есаков [79], В. Ф Лапшин [12], А.Н. Ляскало[42-44] и др.

Целью исследования выступает анализ современного состояния преступлений, совершаемых с использованием электронных средств платежа, оценка эффективности применения уголовно-правовых норм, получение данных для разработки профилактических мер, направленных на предупреждение данного вида преступности.

Методологическая основа исследования базируется на всеобщем диалектическом методе научного познания, а также на общих и частно-научных методах познания (формально-логический, статистический, социологический, анализа документов, юридико-технического анализа и пр.)

Основная часть

Уголовно-правовые аспекты исследования незаконного оборота платежных средств

Для обеспечения криминологической безопасности финансового рынка необходимо всестороннее изучение текущего состояния криминальных угроз финансовой системе, налаживание эффективного взаимодействия между всеми заинтересованными государственными органами, а также проведение постоянного мониторинга для выявления и последующей нейтрализации причин и условий, способствующих совершению преступлений. При этом развитие финансового рынка обусловило изменение условий реструктуризации и постановку новых задач, решение которых имеет принципиальное значение для российской экономики. Особую важность приобретают созданные условий, направленные на усиление роли финансового рынка, защиту прав его участников, обеспечение доступности финансовых услуг для граждан и бизнеса, цифровизацию рыночной инфраструктуры и выстраивание системы внешнеторговых расчетов, что в конечном счете позволит обеспечить финансовую стабильность государствах[10], в том числе посредством поддержания национальной валюты [11].

Результаты криминологического анализа преступлений в сфере финансового рынка позволил выделить ряд преступлений, которые требуют к себе особое внимания. Так, например, неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ), данное преступление следует не только оценить с концептуальных позиций эффективность применения уголовно-правовых норм, но и продемонстрировать практическую значимость полученных данных для разработки профилактических мер, направленных на предупреждение данного вида преступности.

Федеральным законом № 176-ФЗ в 2025 году в ст. 187 УК РФ были введены части 3-6, предусматривающие уголовную ответственность за: передачу электронных средств платежа третьим лицам для неправомерных операций; осуществление неправомерных операций по указанию других лиц; приобретение чужих электронных средств платежа и осуществление операций с использованием чужих электронных средств платежа.

В 2025 г. в ст. 187 УК РФ внесены изменения , дополнена ч. ч. 3 – 6, в которых законодательно закреплены: в ч.3.ст. 187 УК РФ - передача из корыстной заинтересованности принадлежащего ему электронных средств платежа и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления неправомерных операций и осуществление из корыстной заинтересованности неправомерных операций с использованием чужого электронных средств платежа.; в ч. 4. ст. 187 УК РФ осуществление из корыстной заинтересованности неправомерных операций с использованием принадлежащего ему электронных средств платежа по указанию другого лица и (или) в интересах другого лица; в ч.5.ст. 187 УК РФ приобретение из корыстной заинтересованности чужого электронного средства платежа и (или) доступа к нему для осуществления неправомерных операций; в ч.6 ст. 187 УК РФ осуществление передачи из корыстной заинтересованности чужого электронных средств платежа и (или) доступа к нему для осуществления неправомерных операций.

Оборот средств платежей является одним из направлений деятельности денежного рынка - рынка, на котором обслуживается движение платёжных средств, срок обращения которых не более одного года. Также оборот средств платежей включает в себя безналичные расчёты, которые осуществляются путём перечисления денежных средств по счетам клиентов в кредитных организациях или взаимных расчётов.

Складывающаяся обстановка способствовала динамичному развитию уголовного законодательства в сфере противодействия неправомерному обороту средств платежа. За последнее десятилетие ст. 187 УК РФ дважды подвергалась существенным изменениям - в 2015 и 2025 гг., которые позволили значительно расширить перечень предметов преступления, включающих: распоряжения о переводе денежных средств; документы оплаты или средства оплаты; электронные носители информации; технические устройства; компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств. При этом не относятся к предмету этого преступления карты не выполняющие функцию перевода денежных средств, в их числе карты метрополитена, транспортных организаций, фитнес-центров.

Предлагаемые изменения в диспозицию ст. 187 УК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ позволят повысить эффективность правоприменения и обеспечить уголовно-правовую защиту отношений в сфере безналичных расчетов.

Криминологические аспекты неправомерного оборота средств платежей

Результаты исследования современного состояния незаконного оборота платежных средств, свидетельствуют о том, что ежегодно в России регистрируется в среднем около 3 тыс. преступлений.

Динамика количественных показателей преступлений таких как незаконный оборот платежных средств, отражает самые низкие за последнее десятилетие показатели. Так, за период с 2017 по 2018 гг. в статистических сведениях отражены данные, которые в 2017 г. составили 238 зарегистрированных преступлений. Однако уже в 2018 г. – их количество возросло до 127 %. С 2019 по 2021 гг. количество названных преступлений ежегодно стало увеличиваться - 2019 г. -55 %, 2020 г. – 59 %. В 2023 г. результаты статистических показателей ФКУ «ГИАЦ МВД РФ» засвидетельствовали еще один пик роста исследуемых преступлений, который составил – 38%.

В последующие годы идет рост показателей зарегистрированной преступности. В 2022 г. рост этих преступлений составил 67,6 % по соотношению к предыдущему 2021 г., соответственно и в 2024 – 13 %, данные показатели свидетельствуют о значительном росте количественных показателей зарегистрированных преступных деяний. Кроме того, в 2023 и 2024 г. были зарегистрированы и преступления данного вида, совершенные с использованием и цифровых технологий. Так, в 2024 г. абсолютный рост исследуемых преступлений, по сравнению с предыдущим периодом (2023 г.) составил 634 преступления. Их доля в общем числе незаконного оборота платежных средств за два года (2023-2024 гг.) составила 42 %. Исходя из общей картины, можно сделать вывод о том, что рост преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий будет увеличиваться, что требует повышения уровня профилактическую работу.

Именно организаторы способствуют сокрытию реальных руководителей преступлений, затрудняют процесс расследования и возврата похищенных средств. Дополнительную сложность создает вовлечение в преступную деятельность широкого круга лиц, зачастую не осознающих полностью противоправный характер своих действий. Действительно у организаторов отмечается повышенный интерес к психологическим наукам, которые изучаются с целью освоения и применения специализированных техник коммуникации, включая методы нейролингвистического программирования. Это позволяет эффективно воздействовать на сознание и поведение других лиц, достигая преступных целей.

Установлено, что современное законодательство демонстрирует недостаточную эффективность в противодействии деятельности дроповодов, что обусловлено наличием правовых пробелов и отсутствием единообразной правоприменительной практики. Поиск потенциальных дропов осуществляется через различные платформы, такие как: игровые сообщества, приложения и сайты знакомств, специализированные онлайн-платформы и пр. К ним применяются методы установления доверительных отношений, принимаются попытки выявления психологических слабостей и эксплуатируемых черт личности, может оказываться финансирование из специального резерва денежных средств для снижения уровня осторожности жертвы.

Анализ цифровых следов позволяет идентифицировать устойчивые способы реагирования, сформированные с течением времени (поведенческие паттерны) такие как изменение частоты и характера онлайн-активности, смещение времени активности на ночные часы, удаление персонализированного контента и персональных фотографий, использование нейтральных или

распространенных персональных данных, применение закрытого или кодированного языка («дроп», «лудики» и т.д.).

Так называемые дропперы предоставляют данные своей банковской карты, на которую переводят денежные средства, добытые преступным путем, в дальнейшем он обналичивает переведенную сумму и передает другим лицам либо переводит на другой банковский счет и получает определенный процент со сделки. При этом суммы вознаграждений за передачу банковских карт для незаконного заработка выросли в 14 раз, что свидетельствует о повышенном спросе на такие услуги в криминальной среде.

По мнению представителя Следственного департамента МВД России Юлия Меньщикова установить причастных лиц удается благодаря анализу цифровых следов, даже если сами дропперы не выдают организаторов [12]. В группу риска попадают несовершеннолетние, студенты, пенсионеры, безработные, иммигранты и другие наиболее уязвимые слои населения [13]. Примером может служить уголовное дело инициированное Следственным управлением СК России по Ульяновской области о привлечении к уголовно ответственности организатора и 13 участников преступного сообщества. Они обвиняются в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210 (создание преступного сообщества), ст. 172 (незаконная банковская деятельность) и ст. 187 (неправомерный оборот средств платежа) УК РФ. действий сотрудников СУ СК России по Ульяновской области и оперативников управления экономической безопасности и противодействия коррупции Управления МВД РФ. В рамках расследования на имущество обвиняемых был наложен арест на общую сумму свыше 26 миллионов рублей [14].Чаще всего эти преступления совершаются организованными группами (638) преступными сообществами (1542), о чем свидетельствует статистика зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ.

Таким образом, деятельность дроповодов характеризуется высокой степенью организованности и адаптивности к изменяющимся условиям информационно- телекоммуникационной среды.

Выводы

Интенсивное развитие рынка финансовых услуг, внедрение новейших цифровых технологий и современных платежных систем, с одной стороны, стимулируют рост цифровой экономики, а с другой – порождает новые криминологические риски и угрозы для безопасности финансового рынка России. Особую важность приобретают созданные условий, направленные на усиление роли финансового рынка, защиту прав его участников, обеспечение доступности финансовых услуг для граждан и бизнеса, цифровизацию рыночной инфраструктуры и выстраивание системы внешнеторговых расчетов, что в конечном счете позволит обеспечить финансовую стабильность государства[10], в том числе посредством поддержания национальной валюты[11].

Криминологическая характеристика и меры предупреждения незаконного оборота платежных средств (по ст. 187 УК РФ) требует особого внимания, поскольку интенсивное развитие банковских технологий привело не только к появлению новых платежных инструментов (платежные стикеры, кольца) и способов осуществления платежей (платежные приложения), но и к формированию масштабного теневого рынка электронных средств платежа, для эффективного противодействия которому законодатель вынужден регулярно совершенствовать нормативную базу.

В ходе изучения уголовных дел, связанных с неправомерным оборотом средств платежа оказалось, что особое место в таком преступлении принадлежит организаторам (дроповодам) и лицам, которые предоставляют свои банковские счета и электронные кошельки для проведения незаконных финансовых операций (дропперам) выявлены специфические характеристики данной категории преступников, включая высокий уровень интеллектуального развития, способность к стратегическому планированию и применению психологических методов воздействия. При этом дроповоды демонстрируют высокий уровень интеллектуального развития и гибкость мышления, что проявляется в их активном вовлечении в разнообразные информационные потоки. Анализ профилей в социальных сетях показывает их многочисленные подписки на тематические сообщества, включая ресурсы, посвященные блоггингу, спортивным дисциплинам и иным областям.

Сложившаяся ситуация требует подготовки теоретической основы противодействия неправомерному обороту средств платежа, совершенствования нормативного правового регулирования предупреждения этого вида преступности, унификация терминологии, модернизация контрольных механизмов, а именно создание обновленной системы внутреннего и внешнего контроля, включая социально-правовой и внутриведомственный надзор за финансовой деятельностью; разработка программ виктимологической профилактики включающих активное использование СМИ, социальных сетей и мессенджеров для предупреждения потенциальных жертв преступлений.

Заключение

Процессы цифровой трансформации, охватившие экономику и общество, выдвинули на

первый план критически важную задачу: защиту интересов личности, общества и государства в финансовой сфере. Решение этой задачи требует формирования целостной и эффективной системы криминологической безопасности национального финансового рынка.

Центральное место в достижении этой цели занимает нейтрализация криминальных угроз и минимизация криминогенных рисков, в этой связи необходима:

1. унификация терминологии, а именно разработка четкого единого понятийного аппарата для участников финансового рынка и правоохранительных органов с целью устранения разночтений;
2. модернизация контрольных механизмов, а именно создание обновленной системы внутреннего и внешнего контроля, включая социально-правовой и внутриведомственный надзор за финансовой деятельностью. повышение финансовой грамотности населения включающее:

– информирование граждан о рисках на финансовом рынке, особенно с использованием цифровых технологий;
– просветительская работа, направленная на уязвимые группы (старшее поколение, подростки), которая будет способствовать снижению уровня виктимности и предотвратит участие в нелегальных схемах;

3. разработка программ виктимологической профилактики включающих активное использование СМИ, социальных сетей и мессенджеров для предупреждения потенциальных жертв преступлений;
4. Приоритетным направлением обеспечения криминологической безопасности остается подрыв экономических основ организованной преступности и снижение уровня коррупции.

Список литературы:

[1] Состояние преступности в России январь – декабрь: 2017, 2018 г., 2019 г., 2020 г., 2021 г., 2022г., 2023 г., 2024 г. URL: https://мвд.рф/reports ?ysclid=m8ga6c4h7m282608718 (дата обращения: 05.03.2024).

[2] Нудель С.Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: автореф. дис. … докт. юрид.наук. М., 2015. С. 13-14.

[3] Преступность в сфере финансовых рынков в Российской Федерации : монография / под. общ. ред. Р. В. Жубрина. – Москва:Проспект, 2021. С. 15-16.

[4] Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфор», 1998. С. 17.

[5] Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: дис. … докт. юрид. наук. Казань. 2002. С. 243-244.

[6] Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть / Г.А. Есаков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 79.

[7] Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциация ответственности за финансовые преступления: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Рязань, 2016. С. 12.

[8] Ляскало А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве современная концепция и проблемы квалификации. дис. … докт. юрид. наук. Москва. 2022. С. 42-44.

[9] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 1. – М.: Юрлитинформ, 2022. С. 116.

[10] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации [Электронный ресурс] // Центральный Банк России. URL: https: //www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/ (дата обращения: 24.01.2024).

[11] Путин подписал указ о расчетах за сельхозпродукцию в нацвалютах. [Электронный ресурс] // Парламентская газета. URL: https:// www.pnp.ru/politics/putin-podpisal-ukaz-o-raschetakh-za-selkhozprodukciyu-v-nacvalyutakh. html (дата обращения: 24.01.2024).

[12] Цифровой след неизбежно выдает дропперов: МВД о раскрытии киберпреступлений: ttps://rapsinews.ru/digital_law_mm/ 20250929/311198458.html.

[13] Синяева М.И., Балашов К.Г. Криминологический анализ феномена дроповодов в современной киберпреступности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 62–69.

[14] Преступный доход в 23 млн: дело о незаконном обнале направлено в суд/ 9 ноября, 2025 //TATAR73/ru.

References:

[1] State of crime in Russia January - December: 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 URL: https://мвд.рф/reports?ysclid=m8ga6c4 h7m282608718 (accessed on: 05.03.2024).

[2] Nudel S.L. Criminal law protection of financial relations: ref. dis.... doc. juridical science. M., 2015. S. 13-14.

[3] Crime in the field of financial markets in the Russian Federation: monograph/under. total ed. R. V. Zhubrin. - Moscow: Prospect, 2021. S. 15-16.

[4] Gaukhman L.D., Maksimov S.V. Crimes in the field of economic activity. - M.: Training and Consulting Center “YurInfor,” 1998. S. 17.

[5] Talan M.V. Crimes in the field of economic activity: dis.... doc. jurid. sciences. Kazan. 2002. S. 243-244.

[6] Esakov G.A. Economic criminal law: General part/G.A. Esakov; Nat. †. University "Higher School of Economics." - M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2019. S. 79.

[7] Lapshin V.F. Theoretical foundations of the establishment and differentiation of responsibility for financial crimes: author's review. dis.... doc. jurid. sciences. Ryazan, 2016. S. 12.

[8] Lyaskalo A.N. Financial crimes in Russian criminal law are a modern concept and problems of qualification. dis.... doc. jurid. sciences. Moscow. 2022. S. 42-44.

[9] Lopashenko N.A. Crimes in the field of economic activity (chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): monograph. At 2 h. Part 1. - M.: Yurlitinform, 2022. S. 116.

[10] The main directions of development of the financial market of the Russian Federation [Electronic resource]//Central Bank of Russia. URL: https: // www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/ (access date: 24.01.2024).

[11] Putin signed a decree on payments for agricultural products in national currencies. [Electronic resource]//Parliamentary newspaper. URL: https://www.pnp.ru/politics/putin-podpisal-ukaz-o-raschetakh-za-selkhozprodukciyu-v-nacvalyutakh. html (дата обращения: 24.01.2024).

[12] The digital footprint inevitably gives out droppers: the Ministry of Internal Affairs on the disclosure of cybercrimes: ttps ://rapsinews.ru/digital _ law _ mm/ 20250929/311198458 .html.

[13] Sinyaeva M.I., Balashov K.G. Criminological analysis of the phenomenon of droppers in modern cybercrime//Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. – 2025. – № 1. - S. 62-69.

[14] Criminal income of 23 million: the case of illegal cash out was sent to court/November 9, 2025// TATAR73/ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-441-442

КАРАЧАЕВ Аслан Русланович,
преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности, капитан полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОМУ ТЕРРОРИЗМУ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В представленном исследовании автор отражает вопросы совершенствования мер противодействия информационному терроризму в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *терроризм, противодействие, киберпреступления, современные механизмы, искусственный интеллект, современные технологии.*

KARACHAEV Aslan Ruslanovich,
Lecturer, Department of Organization of Law Enforcement Activities, Police Captain

COUNTERING INFORMATION TERRORISM: LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *In this study, the author explores the challenges of improving countermeasures against information terrorism in the Russian Federation.*

Key words: *terrorism, countermeasures, cybercrime, modern mechanisms, artificial intelligence, modern technologies.*

Деятельность ОВД в системе противодействия кибертерроризму связана с деятельностью других структур, к примеру, в исследуемой сфере Следственный комитет Российской Федерации (СК РФ) также выполняет функции по предупреждению и пресечению киберпреступлений, в том числе и кибертерроризма.

Специализированный отдел по расследованию особо тяжких преступлений международного характера, в том числе связанных с информационным терроризмом.

Компонентом системы противодействия кибертерроризму в структуре ОВД также являются современные механизмы, к которым относятся государственные сервисы, современные автоматизированные информационные системы, которые разработаны, но основе технологий искусственного интеллекта.

Рассмотрим современные механизмы общего характера, применяемые в правоохранительной системе России в целом:

1. Сервис «Чистый интернет». Использование данного сервиса позволяет осуществлять поиск информации запрещённого и провокационного характера, в том числе и пропагандистской информации.
2. Сервис «Бот-ферма» (функционирование сервиса заключается в генерации биографии фейковым аккаунтам и имитации в социальных сетях их активности). В основном боты применяются для того, чтобы собрать информацию террористического и экстремистского характера из закрытых сообществ.
3. Сервис «Вепрь» направлен на автоматизированное выявление материалов террористического и экстремистского характера, информации о критике властей и иной информации противоправного характера.
4. Сервис «Окулус». Данный сервис функционирует на основе нейросетей. Посредством анализа фото, видео и текстов, размещаемых на сайтах, в мессенджерах и социальных сетях выявляется информация запрещенного характера.
5. Автоматизированная система «Кабинет оперативного взаимодействия». Данная система представляет собой своего рода групповой чат, который позволяет общаться сотрудникам Роскомнадзора с силовыми ведомствами – Генеральной прокуратурой, Федеральной службой безопасности, Следственным комитетом Российской Федерации, Федеральной службой охраны, Феде-

ральной службой национальной гвардии Российской Федерации и Министерством внутренних дел.

Данный сервис позволяет в целях доступности информации публиковать отчеты об обнаруженных зарубежных агитационных и пропагандистских материалах, о диверсиях, которые готовятся. Такой механизм взаимодействия способствует своевременному реагированию специальных служб в целях устранения киберугроз.

ОВД используют специальные ресурсы в целях предупреждения кибертерроризма, сотрудники ОВД также применяют информационно-коммуникационные технологии и технологии искусственного интеллекта, но применение таких механизмов связано с повышенным уровнем экономической опасности [1].

Организация работы ОВД России в системе противодействия кибертерроризму также должна осуществляться с учетом такой особенности кибертерроризм как отсутствие географических границ[2].

Преступления могут совершаться из другого региона и даже за пределами Российской Федерации. Данные обстоятельства в значительной степени осложняют процесс выявления преступного деяния.

В целях преодоления указанных сложностей, необходимо привлекать к противодействию кибертерроризму специалистов узкой направленности, т.е. следователей, которые обладают знаниями и навыками в данной области, специалистов и экспертов из IT-сектора и специалистов в сфере технического функционирования автоматизированных комплексов [3].

Организация работы ОВД России в системе противодействия кибертерроризму – это сложный, многоэтапный процесс, который в целом и не завершен и его начало связано с появлением понятия «кибертерроризм».

Данная система нуждается в постоянном совершенствовании, так как активно развиваются информационные технологии, и появление новых технологий вызывает активность у террористических организаций.

Угроза кибертерроризма возрастает с каждым годом и противодействие данной угрозе требует разработки и применения рационального, эффективного комплекса скоординированных мер антитеррористического характера всех структур, осуществляющих противодействие кибертерроризму. Органы внутренних дел РФ являются в данной системе также гарантом общественного порядка.

Эффективность работы ОВД России в системе противодействия кибертерроризму обеспечивается функционированием разветвленной системы мер по разработке и реализации государственных антитеррористических программ, которые включают такие важнейшие аспекты как правовой, идеологический, организационный и информационный[4].

Российская Федерация в настоящее время сталкивается с различными вызовами, которые направлены на обеспечение внешнего и внутреннего развития. Как отмечено в первой главе одним из важнейших направлений является обеспечение национальной безопасности и совершенствование механизмом противодействия различным угрозам национальной безопасности, в том числе противодействие кибертерроризму, который является реальной угрозой национальной безопасности РФ [5].

В заключение отметим, что совершенствование мер противодействия информационному терроризму следует начинать с решения проблем, которые выявлены в сфере нормативно-правового регулирования противодействия кибертерроризму в РФ и связанно в первую очередь с взаимодействием всех заинтересованных органов и структур.

Список литературы:

[1] Романовский Г.Б. Правовые аспекты противодействия киберпреступности в финансовой сфере // Журнал российского права. 2021. №8. С. 198-206.

[2] Карпов А.С. Экономические последствия киберпреступлений в финансовой сфере // Вопросы экономики и права. 2023. №2. С. 40-48.

[3] Козловский А.Ю. Методика расследования преступлений в сфере электронных платежей // Криминалистика и судебная экспертиза. 2022. №4. С. 198-207.

[4] Ковалев А.П. Современные методы защиты платежных систем // Банковские технологии. 2023. №5. С. 76-84.

[5] Машекуашева М.Х. Идеологическое противоборство в информационной среде: вызовы и угрозы национальной безопасности. право и управление. 2025. № 5. с. 529-531

References:

[1] Romanovsky G.B. Legal aspects of countering cybercrime in the financial sector//Journal of Russian Law. 2021. №8. S. 198-206.

[2] Karpov A.S. Economic consequences of cybercrimes in the financial sphere//Economic and legal issues. 2023. №2. S. 40-48.

[3] Kozlovsky A.Yu. Methodology for investigating crimes in the field of electronic payments//Forensics and forensic examination. 2022. №4. S. 198-207.

[4] Kovalev A.P. Modern methods of protecting payment systems//Banking technologies. 2023. №5. S. 76-84.

[5] Mashekuasheva M.Kh. Ideological confrontation in the information environment: challenges and threats to national security. law and governance. 2025. № 5. p. 529-531.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-443-448

ШАРИЙ Александр Иванович,
Студент Финансового университета,
Россия, г. Москва,
e-mail: ShariyAlex11@gmail.com

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ А.Л.,
к.э.н., доцент Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БАНКА ЗА НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ ПЛАТЕЖИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МОБИЛЬНОГО БАНКА: ГРАНИЦЫ ВИНЫ И СТАНДАРТ НАДЛЕЖАЩЕЙ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В условиях бурного развития мобильного банкинга проблема несанкционированных платежей становится все более актуальной. Статья посвящена анализу ответственности кредитных организаций за убытки, возникающие в результате мошеннических операций, совершенных через системы мобильного банкинга. Рассматриваются границы вины банка, а также критерии применения стандарта надлежащей осмотрительности. Основное внимание уделяется действующему российскому законодательству, в частности положениям Федерального закона № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе», регулирующим распределение ответственности между участниками финансовых операций. Выделяются ключевые факторы, влияющие на определение вины.*

Цель статьи – предоставить комплексный обзор проблемы и способствовать укреплению доверия к системе мобильного банкинга.

Ключевые слова: *мобильный банкинг, несанкционированные платежи, ответственность банка, мошенничество, финансовые услуги, ЦБ РФ, надлежащая осмотрительность, кибербезопасность, Закон № 161-ФЗ.*

SHARIY Aleksandr Ivanovich,
Student of the Financial University,
Russia, Moscow

Scientific supervisor:
BELOUSOV A.L.,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor Faculty of Law, Financial University
under the Government of the Russian Federation

THE BANK'S RESPONSIBILITY FOR UNAUTHORIZED PAYMENTS WHEN USING MOBILE BANKING: THE BOUNDARIES OF GUILT AND THE STANDARD OF DUE DILIGENCE

Annotation. *In the context of the rapid development of mobile banking, the problem of unauthorized payments is becoming more and more urgent. The article is devoted to the analysis of the liability of credit institutions for losses resulting from fraudulent transactions carried out through mobile banking systems. The limits of the bank's guilt are considered, as well as the criteria for applying the due diligence standard. The main focus is on current Russian legislation, in particular the provisions of Federal Law No. 161-FZ "On the National Payment System", which regulate the distribution of responsibility between participants in financial transactions. The key factors influencing the definition of guilt are highlighted.*

Key words: *mobile banking, unauthorized payments, bank liability, fraud, financial services, Central Bank of Russia, due diligence, cybersecurity, Law No. 161-FL.*

Введение

Современный мир невозможно представить без мобильных технологий, которые глубоко проникли во все сферы нашей жизни, включая финансовую. Мобильный банкинг преобразовал представление о банковских услугах, предложив высокий уровень удобства и доступности. Теперь клиенты могут управлять своими счетами, совершать платежи, переводить средства и отслеживать транзакции практически из любой точки мира, используя лишь свой смартфон. Эта технологическая революция принесла огромные преимущества, значительно ускорив финансовые операции и сделав их более доступными.

Однако, как и любая инновация, мобильный банкинг сопряжён с рядом рисков, среди которых на первый план выходит вопрос безопасности и, в частности, проблема несанкционированных платежей. Рост популярности мобильных приложений для финансовых операций неизбежно привлекает внимание злоумышленников, которые постоянно совершенствуют свои методы обмана и хищения средств. Ежегодно ЦБ РФ и другие регуляторы фиксируют значительный рост числа мошеннических операций, осуществляемых дистанционно. Фишинговые атаки, вредоносное программное обеспечение, методы социальной инженерии, а также более изощрённые схемы, такие как подмена SIM-карт, представляют серьёзную угрозу для пользователей мобильного банкинга. В условиях постоянно меняющегося угроз, поднимается серьёзный вопрос: кто несёт ответственность за убытки, возникшие в результате несанкционированных операций?

Данная статья посвящена анализу сложной проблематики ответственности банков за несанкционированные платежи, совершенные через системы мобильного банкинга. Мы углубимся в юридические аспекты этой ответственности, исследуя границы вины кредитных организаций.

Цель и задачи статьи

Цель данной статьи – предоставить обзор действующих правовых норм, выявить основные факторы, влияющие на распределение ответственности.

Для достижения поставленной цели в рамках статьи решаются следующие задачи:

1. Проанализировать нормативно-правовую базу Российской Федерации, регулирующую ответственность банков за несанкционированные операции в системах мобильного банкинга.
2. Определить фактор, влияющий на распределение ответственности между банком и клиентом при возникновении несанкционированных платежей.
3. Рассмотреть концепцию «стандарта надлежащей осмотрительности» применительно к действиям кредитных организаций.

Правовые основы ответственности: законодательная база

Вопросы ответственности за несанкционированные финансовые операции регулируются комплексом нормативно-правовых актов. Основу составляет ГК РФ, устанавливающее общие принципы возмещения вреда и исполнения обязательств. Так, по ст. 401 ГК РФ определяет, что лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство, несёт ответственность при наличии вины (за исключением случаев, предусмотренных законом или договором). Для банковской сферы это означает, что кредитные организации обязаны обеспечивать надёжность и безопасность проведения операций, и несоблюдение этого принципа может рассматриваться как ненадлежащее исполнение обязательств по договору банковского счета или дистанционного банковского обслуживания. [1]

Поскольку отношения между банком и клиентом строятся на договорной основе (договор банковского счёта, договор банковского вклада), и к ним применяются общие положения об обязательствах и договорах. Статьи 845-860 ГК РФ регулируют банковский счёт, а статья 854 ГК РФ устанавливает, что без распоряжения клиента списание средств со счёта допускается только по решению суда, а также в случаях, установленных законом или договором между банком и клиентом.

Однако, помимо общих гражданско-правовых норм, существуют специализированные законы, конкретизирующие ответственность в сфере электронных платежей. Например, таким актом является Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе».

Именно он устанавливает общие принципы функционирования платёжной системы, определяет порядок осуществления переводов денежных средств и, что наиболее важно для рассматриваемой темы, разграничивает ответственность сторон при возникновении спорных ситуаций, связанных с несанкционированными операциями.

Статья 9 Закона № 161-ФЗ является центральной в контексте определения ответственности за несанкционированные переводы. Она устанавливает, что оператор по переводу денежных средств (то есть банк) обязан возместить клиенту сумму операции, совершённой без согласия клиента, если не докажет, что клиент нарушил порядок использования электронного средства платежа, повлёкший совершение операции без согласия клиента.

Важное значение имеют также нормы о защите прав потребителей. Поскольку физические лица, использующие мобильный банкинг, являются потребителями банковских услуг, на них распространяются положения Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей». При предоставлении банковских услуг, включая выдачу займов, открытие вкладов и оформление страхования жизни, клиентам важно учитывать положения ряда других нормативных актов, такие как Федеральный закон от 21.12.13 №353 «О потребительском кредите (займе)», Федеральный закон от 02.12.1990 №395-1 «О банках и банковской деятельности»

Эти законы устанавливают более строгие требования к банкам как профессиональным участникам рынка услуг, и предусматривают дополнительные гарантии для клиентов, включая право на возмещение убытков, связанных с некачественным предоставлением услуг или нарушением установленных правил безопасности.

Помимо федеральных законов, существенную роль играют подзаконные акты, выпущенные ЦБ РФ, которые устанавливают дополнительные требования к системам информационной безопасности банков, платёжным системам, процедурам идентификации и аутентификации клиентов и т.д. (Например, акты затрагивающие платёжную систему включают: Указание ЦБ РФ от 19.08.2024 N 6828-У, Положение ЦБ РФ от 24.09.2020 N 732-П, Положение ЦБ РФ от 25.07.2022 N 802-П)

Природа мобильного банкинга и присущие риски безопасности

Мобильный банкинг, являясь высокотехнологичным сервисом, обладает рядом особенностей, которые одновременно обеспечивают его удобство и создают уникальные риски безопасности. Основной принцип его работы заключается в предоставлении доступа к банковским услугам и операциям в любое время суток через мобильные приложения, установленные на смартфоны или планшеты, или посредством мобильных браузеров. [2, с. 201] [3]

Ключевым элементом безопасности здесь является процесс аутентификации пользователя, который подтверждает его право на доступ к счёту. Типичные методы аутентификации включают: ввод PIN-кода или пароля, использование графического ключа, биометрические данные (отпечаток пальца, распознавание лица), а также двухфакторную аутентификацию (например, через одноразовые пароли, присылаемые по SMS или генерируемые в отдельном приложении).

Несмотря на постоянное совершенствование этих методов, мобильный банкинг остаётся уязвимым для различных видов угроз. Среди наиболее распространённых рисков можно выделить:

1. Фишинг и смишинг: Злоумышленники создают поддельные веб-сайты или отправляют SMS-сообщения, имитирующие официальные банковские коммуникации, с целью выманить у пользователя логин, пароль или данные банковской карты. [4, с. 76]
2. Вредоносное программное обеспечение: Вирусы, трояны и шпионские программы, заражающие мобильные устройства, могут перехватывать SMS-сообщения с одноразовыми паролями, записывать нажатия клавиш, делать скриншоты экрана или даже удаленно управлять банковским приложением. [5]
3. Социальная инженерия: Мошенники используют психологические манипуляции, выдавая себя за сотрудников банка, службы поддержки или государственных органов, чтобы убедить жертву самостоятельно раскрыть конфиденциальную информацию или совершить транзакцию.
4. Утеря или кража устройства: Если мобильное устройство попадает в чужие руки, злоумышленник может попытаться получить доступ к банковскому приложению, особенно если оно не защищено надежным паролем или биометрией.
5. Подмена SIM-карты: Мошенники убеждают оператора связи пере выпустить SIM-карту жертвы на свой номер, тем самым получая доступ к входящим SMS, включая одноразовые пароли для банковских операций.
6. Уязвимости в банковских приложениях или операционных системах: Хотя банки и разработчики ОС постоянно работают над патчами, иногда обнаруживаются «дыры» в безопасности, которые могут быть использованы хакерами.

Понятие несанкционированного платежа и его признаки

Для определения ответственности банка за операции, совершённые через мобильный банкинг, крайне важно чётко разграничить, что именно следует понимать под «несанкционированным платежом». В общем смысле, несанкционированный платёж – это любая операция по переводу денежных средств, совершённая без явно выраженного волеизъявления клиента, то есть без его согласия. Ключевым признаком такой операции является отсутствие законного основания для её осуществления, что прямо противоречит принципам распоряжения денежными

средствами, закреплённым в Гражданском кодексе РФ (ст. 854 ГК РФ) и Федеральном законе «О национальной платёжной системе» (ст. 9 Закона № 161-ФЗ).

Во-первых, отсутствие распоряжения клиента. Это означает, что клиент не инициировал операцию, не вводил данные для её подтверждения (например, пароль или одноразовый код, если они были получены злоумышленниками), и не давал своего прямого согласия на перевод денежных средств.

Во-вторых, использование электронного средства платежа (ЭСП) без согласия или ведома клиента. Мобильный банк является одной из форм ЭСП. Если злоумышленник получил доступ к мобильному приложению клиента или данным его банковской карты, привязанной к мобильному банку, без ведома владельца, и совершил операции, то такие действия квалифицируются как несанкционированные. Так как любая попытка совершения перевода третьими лицами без непосредственного участия клиента признается незаконной и квалифицируется как несанкционированный платёж.

ВС РФ считает, что риск неправомерного списания денежных средств со счета клиента через дистанционные сервисы, в отсутствие его волеизъявления и распоряжения, лежит на банке. Даже не уведомление клиента о прекращении использования номера телефона, к которому подключена услуга мобильного банка, не является основанием для возложения на него ответственности за такие операции, поскольку банк обязан обеспечить надлежащую идентификацию клиента, а использование не персонифицированных паролей не подтверждает личность владельца счета. (Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 января 2017 г. № 4-КГ16-66.)

В-третьих, своевременное уведомление банка клиентом. Согласно ч. 11 ст. 9 Закона № 161-ФЗ, клиент обязан известить оператора по переводу денежных средств о совершении несанкционированной операции незамедлительно, но не позднее дня, следующего за днём получения от банка уведомления о совершении такой операции. Если банк не уведомил клиента о совершении операции, то ответственность за несанкционированный платёж полностью ложится на банк.

Наконец, отсутствие вины клиента в нарушении порядка использования ЭСП, повлёкшем совершение операции. Это условие является предметом наиболее ожесточённых споров. Банк может быть освобождён от ответственности, если докажет, что клиент нарушил установленные или рекомендованные банком правила безопасного использования мобильного банка, например, разгласил данные карты или пароли третьим лицам, не установил антивирусное ПО или использовал общедоступные Wi-Fi сети для входа в приложение, что привело к компрометации данных.

При обнаружении несанкционированной операции или подозрений на компрометацию данных (утеря телефона, подозрительные СМС) немедленно связаться с банком по официальному телефону горячей линии и заблокировать ЭСП. Согласно ч. 11 ст. 9 Закона № 161-ФЗ, клиент обязан уведомить банк не позднее дня, следующего за днём получения от банка уведомления о совершении операции. Несоблюдение этого срока может повлечь отказ банка в возмещении.

Как правило, при оспаривании операции, бремя доказывания того, что операция была санкционирована клиентом, лежит на банке. Банк должен предоставить доказательства того, что клиент выразил своё согласие на операцию в установленном порядке, например, посредством ввода корректных аутентификационных данных. Если банк не может предоставить такие доказательства, операция признаётся несанкционированной. (ч.15 ст.9 Федерального закона от 27.06.2011 №161-ФЗ)

Правильная квалификация платежа имеет решающее значение для дальнейшего определения ответственности и механизма возмещения убытков, а также для установления границ вины каждой из сторон.

Стандарт надлежащей осмотрительности

Вина банка в контексте несанкционированных платежей через мобильный банкинг определяется как несоблюдение им стандарта надлежащей осмотрительности и должной заботливости, что привело к возможности осуществления таких операций. Этот стандарт включает в себя целый комплекс мер, направленных на обеспечение безопасности клиентских средств и предотвращение мошенничества. Если банк не соответствует этим требованиям, его бездействие или неэффективные действия могут быть расценены как вина.

Доказательство вины банка часто требует экспертной оценки его систем безопасности и процедур, что может быть сложной задачей для клиента, но является ключевым элементом для возмещения убытков.

Про стандарт надлежащей осмотрительности можно сказать что для банка он представляет собой комплекс требований и ожиданий к его поведению и действиям в части обеспечения безопасности мобильного банкинга. Именно по соответствию этому стандарту оценивается степень вины банка в случае несанкционированных платежей.

Важную роль в повышении защищенности играет Стандарт Банка России СТО БР БФБО-1.7-2023 «Безопасность финансовых (банковских) операций. Обеспечение безопасности финансовых сервисов с использованием технологии цифровых отпечатков устройств», введённый в действие приказом Банка России от 01.03.2023 №ОД-335. Этот документ, будучи рекомендованным для использования финансовыми организациями, предписывает внедрение механизмов, позволяющих значительно укрепить безопасность дистанционных услуг. Он акцентирует внимание на противодействии несанкционированным переводам через выявление подозрительных цепочек операций и устройств, неоднократно задействованных в кибератаках. Технология цифровых отпечатков устройств становится ключевым инструментом не только для расследования инцидентов, но и как дополнительный фактор аутентификации, что повышает защиту от злоумышленников.

Сама ответственность кредитных организаций за проведение несанкционированных платёжных операций посредством мобильных приложений определяется чёткими правилами и критериями, установленными российским законодательством. Согласно пункту 3.1 статьи 8 Федерального закона №161-ФЗ «О национальной платёжной системе», обязанность банка состоит в проверке наличия признаков того, что осуществляемый перевод выполнен без согласия клиента (например, вследствие введения в заблуждение или недобросовестных действий третьих лиц).

С середины лета 2024-го вступил в силу новый порядок, вводящий детальные критерии, позволяющие банкам останавливать финансовые переводы, показавшиеся им подозрительными. Теперь кредитные организации получили чёткое руководство по распознанию потенциальных махинаций и смогут своевременно пресечь преступные намерения. Признаки перевода денежных средств без согласия клиента из приказа ЦБ РФ от 27.06.2024 N ОД-1027:

1. Информация о получателе совпадает с данными из реестра жертв мошенничества.
2. Характер, объем или параметры операции отличаются от тех, что характерны клиенту (сумма, частота, место, время).
3. Параметры устройства, использованного для перевода, совпадают с параметрами, зафиксированными при предыдущих мошеннических атаках.
4. Получатель указан в банке как связанный с мошенническими действиями.
5. Получатель ранее совершил преступление, подтверждённое правоохранительными органами.
6. Необычные звонки или сообщения клиенту перед переводом, отличающиеся частотой, продолжительностью или источником.

Соответствие этим требованиям демонстрирует, что банк предпринял все разумные и необходимые меры для защиты средств клиента, и тем самым может существенно снизить свою вину или полностью снять с себя ответственность в случае, если мошенничество стало возможным исключительно из-за грубой неосторожности самого клиента.

Вопрос распределения ответственности за несанкционированные платежи является одним из самых сложных в правовой практике. В большинстве случаев подход к его решению основывается на принципе баланса интересов: с одной стороны, необходимость защиты потребителя как более уязвимой стороны, с другой – невозможность возложения на банк абсолютной ответственности за действия третьих лиц или грубую небрежность самого клиента.

Заключение

Проблематика ответственности банков за несанкционированные платежи остаётся актуальной в данный момент и требует комплексного подхода к её разрешению. С одной стороны, клиенты должны осознавать значимость собственных усилий по защите учётных записей и соблюдать элементарные правила цифровой безопасности. С другой стороны, кредитные организации обязаны инвестировать значительные средства в развитие современных методов борьбы с киберугрозами и повышение качества предоставляемых сервисов.

Лишь совместные усилия обеих сторон позволят минимизировать количество случаев мошенничества и несанкционированных платежей, позволяя сохранить доверие населения к цифровым инструментам управления финансовыми ресурсами. Таким образом, каждый участник взаимодействия несёт свою долю ответственности за сохранность активов и соблюдение прав друг друга.

Список литературы:

[1] Андраханова М.Г., Ерохина М.Г Ответственность банков при осуществлении расчётов // Молодой учёный. 2016. № 20. С. 486-489.

[2] Балашова Ю.Г. Мобильный - банкинг как форма дистанционного банковского обслуживания // агентство международных исследований. 2018. С. 199-202.

[3] Белоусов А.Л. некоторые аспекты внедрения информационных технологий в финансовой сфере // В сборнике: Инновационное разви-

тие экономики. Будущее России. материалы и доклады V Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. 2018. С. 7-12.

[4] Варфоломеева В.А., Иванова Н.А. Исследование вопросов мошенничества с электронными банковскими платежами // Вестник Академии права и управления. 2022. С. 75-79.

[5] Ходеева У.А. Электронные средства платежа: проблемы правового регулирования и актуальные вопросы судебной практики // Молодой учёный. 2017. № 50.1 (184.1). С. 79-82.

References:

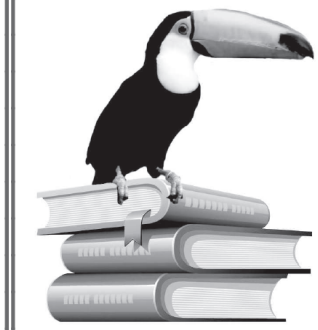
[1] Andrakhanova M.G., Erokhina M.G. Responsibility of banks in making payments // Young Scientist. 2016. No. 20. pp. 486-489.

[2] Balashova Yu.G. Mobile banking as a form of remote banking services // Agency for International Research. 2018. pp. 199-202.

[3] Belousov A.L. some aspects of the introduction of information technologies in the financial sector // In the collection: Innovative economic development. The future of Russia. materials and reports of the V All-Russian (national) Scientific and Practical Conference. 2018. pp. 7-12.

[4] Varfolomeeva V.A., Ivanova N.A. Investigation of fraud with electronic bank payments // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2022. C. 75-79.

[5] Khodeeva U.A. Electronic means of payment: problems of legal regulation and current issues of judicial practice // Young Scientist. 2017. No. 50.1 (184.1). pp. 79-82.

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-449-456
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

ТРОЯН Наталья Анатольевна,
старший научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук,
e-mail: n-fadeeva@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию информационно-правовых вопросов, касающихся значения технологического суверенитета в условиях цифровой трансформации. В процессе исследования уделено внимание проблемам обеспечения различных видов суверенитета в Российской Федерации: государственного, информационного, цифрового, а также технологического в сфере научно-технологического развития. Проанализированы отдельные документы стратегического планирования. Автором обоснована необходимость выработки новых концептуальных подходов к обеспечению информационной безопасности Российской Федерации, предусматривающих правовые защитные меры. Переход современного общества на цифровые технологии и достижение цифрового технологического суверенитета, на наш взгляд, возможны посредством развития организационно-правовых механизмов, включающих анализ защищенности цифровых данных и формирование безопасной цифровой среды с необходимым уровнем цифровой зрелости.*

Ключевые слова: *государственный суверенитет, технологический суверенитет, цифровой суверенитет, информационное сфера, пространство, цифровая трансформация, государственное управление, искусственный интеллект, угрозы, правовое регулирование.*

Статья написана в рамках Государственного задания FMUZ-2024-0035 «Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами».

TROYAN Natalia Anatolyevna,
Senior Researcher Sector of Information Law and International Information Security Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences

LEGAL ISSUES OF ENSURING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY IN PUBLIC ADMINISTRATION IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. *This article examines current information and legal issues related to the importance of technological sovereignty in the context of digital transformation. The study focuses on the challenges of ensuring various types of sovereignty in the Russian Federation: state, information, digital, and technological sovereignty in the sphere of scientific and technological development. Selected strategic planning documents are analyzed. The author substantiates the need to develop new conceptual approaches to ensuring information security in the Russian Federation, including legal protective measures. In our opinion, the transition of modern society to digital technologies and the achievement of digital technological sovereignty are possible through the development of organizational and legal mechanisms, including the analysis of digital data security and the creation of a secure digital environment with the required level of digital maturity.*

Key words: *state sovereignty, technological sovereignty, digital sovereignty, information sphere, space, digital transformation, public administration, artificial intelligence, threats, legal regulation.*

The article was written within the framework of the State Assignment FMUZ-2024-0035 “Ensuring digital sovereignty and information security by legal means”.

Сегодня цифровая трансформация оказывает существенное влияние на развитие информационного общества, находящегося в постоянной динамике. Это во многом обусловлено прогрессом современных цифровых технологий, которые становятся определяющим фактором цифровой экономики и экосистемы и задают новый вектор развития права и современных правоотношений. В этой связи возникает необходимость совершенствования законодательства, обеспечения высокого уровня защиты прав и свобод граждан [1; 2], повышения эффективности государственного управления и деятельности органов публичной власти, а также укрепления суверенитета Российской Федерации в сфере цифровой трансформации. При этом одной из важнейших задач является защита национальных интересов от внешних и внутренних угроз в правовой сфере, а также формирование безопасной единой информационно правовой среды [3, с. 50; 4]. Необходимо признать, что на современном этапе формирование и развитие цифровой среды в режиме реального времени существенно влияют на институциональные механизмы государственного управления, экономические структуры и социальные процессы, трансформируя структуру и содержание общественных отношений. В этой связи стремительное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни обусловливает необходимость комплексного пересмотра и адаптации действующих правовых норм в различных отраслях права. В этих условиях возрастает значение межотраслевых правовых институтов, способных обеспечивать согласованную координацию нормативно правового регулирования в условиях цифровизации. Цифровая трансформация системы государственного управления, детерминируемая технологическим прогрессом и актуальными вызовами в социально экономической и информационной сферах направлена на совершенствование и повышение эффективности управленческих механизмов. В данном контексте она рассматривается как непрерывный процесс изменений как внутри органов власти (включая пересмотр и обновление процессов и процедур), так и в форматах их взаимодействия с внешними участниками. Государственное управление представляет собой централизованную систему со сложной архитектурой, от развития которой зависят эффективность управленческих решений и равномерная доступность государственных услуг для населения. Обеспечение цифрового суверенитета выступает ключевым условием устойчивости правового регулирования, защиты национальных интересов и формирования доверия к цифровой государственно правовой инфраструктуре. Необходимо признать, что в настоящее время наблюдаются глобальные изменения миропорядка, активизация недружественной политики западных государств и консолидация антироссийских сил, а также ведение ими гибридной и информационной войны. Вместе с тем отмечаются высокие темпы развития информационно коммуникационных и цифровых технологий, которые нередко используются в противоправных целях, в том числе для развязывания кибервойны [5 с, 143]. Необходимо отметить, что одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности является укрепление суверенитета государства и обеспечение защищенности национальных интересов в цифровую эпоху. В связи с усилением вызовов и угроз в цифровой среде и ростом рисков вопросы информационной безопасности в информационном пространстве как на международном, так и на национальном уровне вызывают особую тревогу, что связано с неисполнением общепризнанных принципов и норм международного права [6 с. 41]. Сегодня суверенитет обретает новые теоретические и практические смыслы под влиянием глобализации и масштабной интеграции, однако он не всегда устойчив перед новыми вызовами эпохи и сказывается на формировании доктринальных подходов как в зарубежной, так и в отечественной науке к понятию суверенитета и его реализации в информационном пространстве [7]. Одной из важнейших проблем представляется киберпреступность (преступность в сфере высоких технологий), которая на сегодняшний день является наиболее серьезной угрозой национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. В этой связи развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, обеспечение информационной безопасности, в том числе в целях установления международно-правового режима обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, а также совершенствование средств и методов обеспечения информационной безопасности на основе применения передовых технологий определено одним из важнейших направлений национальной безопасности России в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [8]. В настоящее время проблема государственного суверенитета приобретает особое теоретическое и практическое значение и является, бесспорно, архиважным. Совершенно очевидно, что предметом научных дискуссий остаётся вопрос о корреляции понятия «суверенитет»: следует ли рассматривать суверенитет как свойство государства в целом, либо как принадлежащее его отдельным органам. Кроме того, предметом ана-

лиза является соотношение суверенитета и комплекса суверенных прав или отдельных полномочий государства, их содержание и границы, а также методологические подходы к разграничению данных категорий [9]. Необходимо признать, что в юридической науке вопрос о природе суверенитета исследуется на протяжении длительного времени. В этой связи в трудах известных теоретиков рассматриваются различные концепции суверенитета как одного из основных признаков государства. Так, например профессор А. Б. Венгеров первым признал наличие информационного права, он подчеркивает, что «государственный суверенитет представляет собой одну из ключевых характеристик государства и заключается в его верховенстве и независимости от других властей, а также в праве и возможности осуществлять внутреннюю и внешнюю политику от имени всего общества как внутри страны, так и за её пределами [10]. Председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин отмечает, что «права и свободы гражданина – высшая ценность, что суверенитет РФ распространяется на всю ее территорию, что гражданин не может быть лишен гражданства и права его изменить, что Россия – светское государство» [11]. В свою очередь А. И. Порфирьева отмечает, что «в юридической науке понятие суверенитета проходит терминологический кризис, который ставит вопрос об актуальности данного термина и заключается в том, что смысл, вкладываемый юридической наукой в это понятие, вступает в противоречие с его современным фактическим правовым содержанием» [12]. Исследования подтверждают, что суверенитет как явление имеет длительную историю. С точки зрения Д. Н. Ушакова суверенитет характеризуется как «независимость государства в его внутренних делах и внешней политике» [13, с. 5.]. В этом контексте следует отметить, что суверенитет является не только одним из основополагающих принципов конституционного и международного права, но и отражает социальную природу публичной власти, являясь одним из ключевых признаков государства. В то же время изменения, происходящие в рамках правового регулирования и его расширение под влиянием процессов глобализации, приобретают очевидный характер, что актуализирует вопрос о границах свободного, допустимого, регулируемого и контролируемого информационного обмена, а также о пределах суверенитета. Исходя из рассмотренного генезиса понятия государственного суверенитета, важно отметить активное использование таких терминов, как «информационный суверенитет», «киберсуверенитет», «технологический суверенитет», «цифровой суверенитет» и других. В этой связи соотношение указанных категорий требует проведения дополнительных междисциплинарных исследований, поскольку анализ общетеоретических подходов показывает, что суверенитет является атрибутивным признаком государства и представляет собой обобщающую категорию государственного суверенитета в контексте информационного пространства. Указанное обстоятельство обусловливает необходимость разработки обновлённого методологического подхода к проблематике, связанной с категорией информационного суверенитета. На современном этапе необходимо признать, что перед научным сообществом открываются новые перспективы для теоретического осмысления и прикладных исследований современных подходов, направленных на обеспечение цифровой независимости государства. В этом контексте достаточно широкое распространение получил термин «технологический суверенитет», содержанием которого необходимо признать разработку цифровых технологий и создание цифровой инфраструктуры с использованием свободного программного обеспечения и технологий шифрования. Сегодня, по сути, переход от цифровой экономики к экономике данных имеет критически важное значение. Одним из ключевых направлений являются вопросы, связанные с системообразующей инфраструктурой для дальнейшего развития страны. Это наращивание внутренних компетенций, и запуск пилотных внедрений квантовых решений, способные обеспечить национальную безопасность, переход к современным моделям экономики. Совершенно очевидно, что зависимость в этой сфере означает серьезные угрозы для национальной безопасности. Кроме того, важным аспектом сегодня является способность государства, общества и бизнеса противостоять совместно внешним угрозам [14]. На наш взгляд важным аспектом представляется передача данных и развитие коммуникационных систем, в том числе создание суверенной инфраструктуры для вычислений и хранения данных, использование отечественных облачных платформ, вычислительных мощностей на территории России. Ключевыми вопросами остаются безопасность данных, включая применение технологий квантовой связи и квантового шифрования, а также разработка суверенных и национальных стандартов и протоколов обработки данных. Сегодня к наиболее уязвимым и требующим государственной защиты в контексте формирования общественных отношений является использование систем искусственного интеллекта, а также использование отечественного программного обеспечения и цифровых платформ что обеспечит принципиально новые возможности для граждан [9 с, 66]. В ряде документов стратегического планирования в области национальной и международной информацион-

ной безопасности, утверждённых Президентом РФ отмечается необходимость укрепления информационного суверенитета государства и усиления его роли на международной арене. В соответствии с Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [17], среди национальных приоритетов особое место занимают задачи по обеспечению информационной безопасности, достижению технологического суверенитета, а также развитию организационно-правовых механизмов, позволяющих оценивать защищенность цифровых данных и формировать безопасную цифровую среду с необходимым уровнем цифровой зрелости. Также в стратегических документах на 2030 год определены перспективные направления: технологии обработки больших объёмов данных, применение искусственного интеллекта и технологий машинного обучения и включение в различные отрасли экономики, социальной сферы и государственного управления, что будет способствовать росту вычислительных мощностей. Так, например в Указе Президента РФ от 21. 07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в качестве приоритетной национальной задачи на период до 2030 года в Российской Федерации выбрана цифровая трансформация [18], документ утратил силу и утвержден стратегический правовой акт, в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [19], направленный на устойчивое развитие России, укрепление суверенитета, рост населения и повышение уровня жизни, опираясь на традиционные ценности, справедливость и экономическую эффективность, где в качестве ключевых задач определены цифровые платформы для формирования, поддержания и сохранения здоровья, обеспечение цифровой зрелости различных отраслей с автоматизацией транзакций через единые отраслевые платформы и внедрением больших данных, машинного обучения и ИИ .В этой связи цифровые инновации и цифровые платформы позволят развивать умные города и беспилотные системы, использовать «цифровые двойники» технических систем и процессов их производства. Это будет способствовать созданию нового уровня в логистике и энергетике, а также в развитии телемедицины, образования и в предоставлении государственных услуг. Это позволит полномасштабно автоматизировать не только технологические процессы, но и взаимоотношения между участниками рынка. Естественно, что цифровая трансформация и переход к экономике данных требует развития методологического обеспечения данных процессов, поэтому в рамках развития цифровой экономики представляется важным использование современных методов, концептуальных подходов и внесения корректировок. Важным представляется и создание модели максимального разрешения и внедрения использования технологий с определенной системой рисков, наступление которых может повлечь последствия или корректирующие действия под контролем государства [15]. Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 июля 2024 г. № 929 утверждено Положение о Единой государственной облачной платформе, выполняющее роль базовой архитектуры «цифрового правительства». Платформа определяется как централизованный территориально распределённый комплекс, предназначенный для размещения и обеспечения функционирования информационных систем и информационных ресурсов органов государственной власти, государственных учреждений, публично правовых компаний и социально ориентированных некоммерческих организаций [16] и обеспечивает предоставление потребителям облачных услуг с возможностью совместного использования и перераспределения объемов облачных услуг между потребителями. Кроме того, государственная единая облачная платформа способна обеспечить уровень информационной безопасности для информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и размещаемых на ней информационных систем и информационных ресурсов потребителей. Кроме того, следует отметить развитие и функционирование отдельных государственных информационных систем (ГИС), которые создали условия для успешной трансформации в цифровые платформы. Так, на Федеральном портале Госуслуг (gosuslugi.ru), представлены, с одной стороны, органы публичной власти всех уровней и бюджетные организации, а с другой – физические и юридические лица. «Госуслуги» – это платформа, где граждане могут получить различные государственные услуги, кроме того, на портале могут получить услуги и предприниматели [20]. Например, на портале Госуслуг в 2025 г. запущен сервис для оформления налоговых вычетов. Сегодня более 1, 6 тыс. Госуслуг осуществляется посредством Единого портала государственных услуг, где зарегистрировано более 110 млн. пользователей [21]. При этом искусственный интеллект является инструментом стратегической трансформации в государственном управлении.

Создана единая инфраструктура, которая включает в себя такие информационные системы как: Система электронного межведомственного взаимодействия [22], Единое пространство доверия электронной подписи [23] и т.д. Кроме того, важно отметить, что одним из первых крупных

проектов в области облачных вычислений стало создание компанией «Ростелеком» Национальной облачной платформы, Единая система идентификации аутентификации , [24], Единая биометрическая система, для повышение доступности и качества оказания услуг гражданам в электронном виде, предоставление возможности проходить гражданину удалённую идентификацию по биометрическим образцам [25]. Важно отметить, что перечень сервисов защиты информации платформы «ГосТех», а также требования к их функциям и характеристикам, определяемые методическими рекомендациями по включению сервисов для обеспечения защиты информации, включая программно-аппаратные комплексы и сервисы по обнаружению и блокированию сетевых атак, были внесены в каталог цифровых продуктов единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» [26]. Важно, что утверждены приоритетные направления проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики России в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 (ред. от 06.11.2024) «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации» [27], в частности в критерии проектов включены следующие направления: авиационная промышленность, автомобилестроение, медицинская промышленность, нефтегазовое машиностроение, судостроение, электронная и электротехническая промышленность. Сегодня государство сосредоточено на стандартизации подходов к разработке и функционированию государственных информационных систем, которые являются фундаментом для оказания государственных услуг. Следует подчеркнуть, что в нынешних реалиях актуальной становится задача унификации нормативно-правовых и технических норм в области эксплуатации и применения различных технологий. Вместе с тем расширение информационной сферы и внедрение цифровых решений требуют пересмотра и обновления подходов к правовому регулированию. Безусловно, необходимы исследования и разработка понятийного аппарата, в праве через призму информационного права. Сегодня в процессе цифровой трансформации необходимо теоретико-методологическое осмысление и современные механизмы правового регулирования, которые должны быть достаточно гибкими, чтобы обеспечить быструю адаптацию системы способов, приемов и средств реагирования на новые вызовы. Сегодня для достижения цифрового технологического суверенитета необходимо развивать организационно-правовые механизмы анализа защищенности цифровых данных, формировать безопасную цифровую среду, обладающей необходимым уровнем цифровой зрелости. Также ключевым фактором является создание условий для разработки отечественной элементной базы, системного программного обеспечения, средств защиты информации и подготовка квалифицированных специалистов IT-отрасли, повышение цифровой и культуры информационной безопасности граждан, формирование условий для развития отечественных стартапов и повышения конкурентоспособности российских организаций, работающих в данной сфере.

Список литературы:

[1] Савенков А.Н. Россия и ее суверенное цивилизационное пространство в свете историографии сравнительного государствоведения // Историографические проблемы и подходы в современных исследованиях: Сборник научных трудов первой Международной конференций «Историографические проблемы и подходы в современных -юридических исследованиях» (Москва, 16 октября 2024 года) /под общ. ред. чл.-корр. РАН, д-ра юр ид. наук, проф. А.Н. Савенкова, д-ра юр ид. наук В.С. Горбаня. – М.: ИГП РАН, 2024. – С.15 – 32.

[2] Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации: монография. –М.: Наука, 2024. –739.

[3] Троян Н.А. Правовое обеспечение цифрового суверенитета России: актуальные проблемы и перспективные направления // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (24). С.169 –172.

[4] Полякова Т.А., Троян Н.А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 25–33.

[5] Полякова Т.А., Троян Н.А. Публично-правовые подходы к обеспечению государственного суверенитета в информационной сфере. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2024. Т.10.(76). С.143 –151.

[6] Полякова Т. А. Троян Н.А. Обеспечение суверенитета в информационном пространстве –

стратегическая национальная политика // Правовая политика и правовая жизнь №1. 2024. С. 41-53.

[7] Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158—171.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[9] Троян Н. А. Современные подходы к эффективному правовому регулированию обеспечения цифрового суверенитета России // Мониторинг правоприменения. 2024. № 1 (50). С. 63–72.

[10] Теория государства и права: учебник / А.Б. Венгеров, 2-е изд. М Омега-Л, 2005.607 с.

[11] Сайт: https://www.ng.ru/editorial/2024-06-27/2_9037_red.html?ysclid=mhrm9nrjhk373001753 (дата обращения: 10.10.2025).

[12] Порфирьев А. И. Национальный суверенитет в российском федерализме автореф. дис. канд. юрид. наук/А. И. Порфирьев. М., 2008. С. 34.

[13] Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка / новая современная редакция. 2020. 816 с.

[14] Форум будущих технологий. URL: https://future-forum.tech (дата об ращения: 01.11.2024). Итоги Форума будущих технологий «Вычисления и связь. Квантовый мир». URL: https://future-forum.tech/media/news/itogi foruma-budushchikh-tekhnologiy-vychisleniya-i-svyaz-kvantovyy mir/?ysclid=lugz2mnxpu215612874 (дата обращения: 01.10.2025).

[15] Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях пере хода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158—171.

[16] Постановление Правительства РФ от 10 июля 2024 г. № 929 (ред. от 10.07. 2024. № 929) «Об утверждении Положения о государственной единой облачной платформе» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www. pravogov.ru, 11.07.2024.

[17] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 03.07.2021.

[18] Указ Президента РФ от 21. 07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 21.07.2020.

[19] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 07.05.2024

[20] https://www.gosuslugi.ru/?ysclid=mh9dyu675s938763094(дата обращения 10.09.2025).

[21] Сайт: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Единый_портал_государственных_услуг_-_www.gosuslugi.ru_(ЕПГУ)#.2A_.D0.97.D0.B0.D0.BF.D1.83.D1.81.D0.BA_.D1.81.D0.B5.D1.80.D0.B2.D0.B8.D1.81.D0.B0_.D0.B4.D0.BB.D1.8F_.D0.BE.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.BD.D0.B0.D0.BB.D0.BE.D0.B3.D0.BE.D0.B2.D0.BE.D0.B3.D0.BE_.D0.B2.D1.8B.D1.87.D0.B5.D1.82.D0.B0 (дата обращения 10.09.2025).

[22] Система электронного межведомственного взаимодействия (СМЭВ). URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/govservices/ infosystems/22/ (дата опубликования: 10 .09.2025).

[23] Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2013 № 2516-р (ред. от 13.10.2017) «Об утверждении Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» / Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 30.12.2013,

[24] Приказ Минфина России от 10.06.2025 №70-н «Об утверждении кодов (перечней кодов) бюджетной классификации Российской Федерации на 2026 год (на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов)» / Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 17.07.2025

[25] Сайт: https://digital.gov.ru/activity/czifrovaya-identifikacziya/esia/ (дата опубликования: 10 .09.2025).

[26] Методические рекомендации «Инфраструктурные технологические сервисы единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех». «Основные требования к составу и функциям». Версия 2.0»// Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте https://platform.gov.ru/ по состоянию на 12.08.2025.

[27] Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структур-

ной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации». // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 15.04. 2023.

References:

[1] Savenkov A.N. Russia and its sovereign civilizational space in the light of historiography of comparative statecraft // Historiographical problems and approaches in modern research: A collection of scientific papers of the First International Conference "Historiographical Problems and Approaches in Modern Legal Research" (Moscow, October 16, 2024) /under the general editorship of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor A.N. Savenkov, Doctor of LawDoctor of Law, V.S. Gorbanya. Moscow: IGP RAS, 2024. pp.15 – 32.

[2] Savenkov A.N. Philosophy of law and the formation of the Russian state-civilization: a monograph. Moscow: Nauka, 2024. -739.

[3] Troyan N.A. Legal support of Russia's digital sovereignty: current problems and promising directions // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 6 (24). pp.169-172.

[4] Polyakova T.A., Troyan N.A. Actual problems of systematization of Russian legislation under the influence of digital technologies in the period of digital transformation // Bulletin of the University (MGUA). 2023. № 2 (102). Pp. 25-33.

[5] Polyakova T.A., Troyan N.A. Public law approaches to ensuring state sovereignty in the information sphere. // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University of Law. – 2024. Vol.10. (76). pp.143-151.

[6] Polyakova T. A. Troyan N.A. Ensuring sovereignty in the information space is a strategic national policy // Legal policy and Legal life No. 1. 2024. pp. 41-53.

[7] Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. The development of the doctrine of Russian information law in the context of the transition to a data economy // State and Law. 2023. No. 9. pp. 158-171.

[8] Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Article 5351.

[9] Troyan N. A. Modern approaches to effective legal regulation of ensuring Russia's digital sovereignty // Law enforcement monitoring. 2024. No. 1 (50). pp. 63-72.

[10] Theory of State and Law: textbook / A.B. Vengerov, 2nd ed. M Omega-L, 2005.607 p.

[11] Site: https://www.ng.ru/editorial/2024-06-27/2_9037_red.html?ysclid=mhrm9nrjhk373001753 (date of request: 10.10.2025).

[12] Porfiriev A. I. National sovereignty in Russian federalism abstract of the dissertation of the kand. jurid. Sciences/A. I. Porfiriev, M., 2008. p. 34.

[13] Ushakov D.N. The Great explanatory dictionary of the Russian language / new modern edition. 2020. 816 p.

[14] Forum of Future Technologies. URL: https://future-forum.tech (date of notification: 01.11.2024). The results of the Forum of Future Technologies "Computing and Communication. The quantum world." URL: https://future-forum.tech/media/news/itogi foruma-budushchikh-tekhnologiy-vychisleniya-i-svyaz-kvantovyy mir/?ysclid=lugz2mnxpu215612874 (date of request: 01.10.2025).

[15] Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. The development of the doctrine of Russian information law in the context of transition to the data economy // State and Law. 2023. No. 9. pp. 158-171.

[16] Decree of the Government of the Russian Federation dated July 10, 2024 No. 929 (as amended on July 10, 2024 No. 929) "On approval of the Regulations on the State Unified Cloud Platform" // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http:// www. pravogov.ru, 11.07.2024.

[17] Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru, 07/03/2021.

[18] Decree of the President of the Russian Federation dated 07/21/2020 No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030" // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru, 07/21/2020.

[19] Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru, 05/07/2024.

[20] Site: https://www.gosuslugi.ru/?ysclid=mh9dyu675s938763094(accessed 09/10/2025).

[21] https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Единый_портал_государственных_услуг_-_www.gosuslugi.ru_(ЕПГУ)#.2A_.D0.97.D0.B0.D0.BF.D1.83.D1.81.D0.BA_.D1.81.D0.B5.D1.80.D0.B2.D0.B8.D1.81.D0.B0_.D0.B4.D0.BB.D1.8F_.D0.BE.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.BD.D0.B0.D0.BB.D0.BE.D0.B3.D0.BE.D0.B2.D0.BE.D0.B3.D0.BE_.D0.B2.D1.8B.D1.87.D0.B5.D1.82.D0.B0 (accessed 09/10/2025).

[22] The system of electronic interdepartmental interaction (SMEV). URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/govservices / infosystems/22/ (publication date: 10 .09.2025).

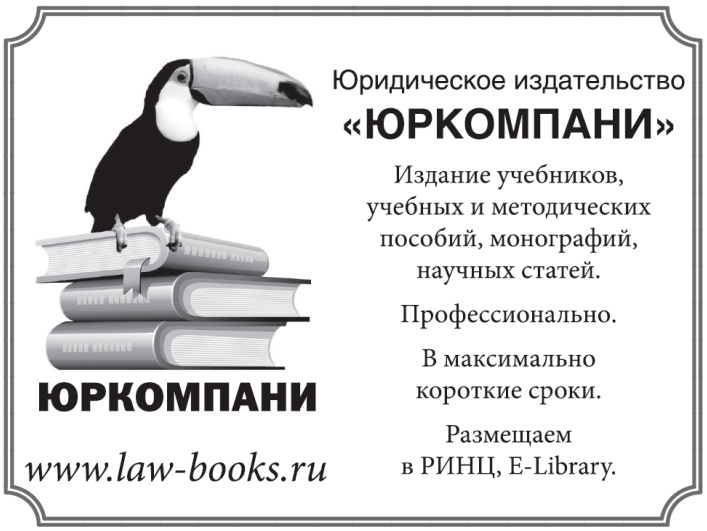
[23] Decree of the Government of the Russian Federation dated December 25, 2013 No. 2516-r (as amended on October 13, 2017) "On approval of the Concept for the development of mechanisms for the provision of State and municipal services in electronic form" / Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru , 12/30/2013,

[24] Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 06/10/2025 No. 70-n "On approval of codes (lists of codes) of the Budget classification of the Russian Federation for 2026 (for 2026 and for the planning period of 2027 and 2028)" / Official Internet portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 07/17/2025.

[25] Site: https://digital.gov.ru/activity/czifrovaya-identifikacziya/esia/ (дата публикации: 10 .09.2025).

[26] Methodological recommendations "Infrastructural technological services of the unified digital platform of the Russian Federation "Gostech". "Basic requirements for composition and functions." Version 2.0"// The text of the document is given in accordance with the publication on the website https://platform.gov.ru / as of 08/12/2025.

[27] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/15/2023 No. 603 "On Approval of Priority Areas for Projects of Technological Sovereignty and Projects of Structural Adaptation of the Economy of the Russian Federation and Regulations on the Conditions for Classifying Projects as Projects of Technological Sovereignty and Projects of Structural Adaptation of the Economy of the Russian Federation, on Providing Information on projects of technological sovereignty and Projects of Structural Adaptation of the Economy of the Russian Federation and Maintaining a Register these projects, as well as the requirements for organizations, authorized to submit opinions on the compliance of projects with the requirements for projects of technological sovereignty and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation." // The official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru, 15.04. 2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-457-464
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

Посвящается светлой памяти
нашего дорогого преподавателя, наставника,
выдающегося ученого цивилиста
Станислава Вячеславовича Николюкина

КАЧАРАВА Бидзина Резоевич,
Исследователь, Преподаватель-исследователь,
Аналитик 1 категории,
Российский государственный гуманитарный университет,
e-mail: kacharava83@mail.ru

СМИРНОВА Ирина Александровна,
Исследователь, Преподаватель-исследователь,
Юрисконсульт 2 категории ФКУ «ЦХиСО ГУ МВД России
по Московской области»,
e-mail: iren_vandaler@mail.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье приведен анализ правового режима искусственного интеллекта, исследовались вопросы правосубъектности и правового статуса искусственного интеллекта, а также ответственности за действия искусственного интеллекта. При подготовке статьи использовалась справочно-энцеклопедическая информация посвященная вопросу понятия искусственного интеллекта, а также научные публикации посвященные правовому статусу искусственного интеллекта и ответственности. Методологическая основа статьи сводится к общенаучным (сравнительному, описательному, логическому и др.) и частно-научным (формально-юридическому, прогностическому и др.) методам исследования. Изучена возможность признания искусственного интеллекта субъектом права, однако для этого важно найти баланс между защитой интересов общества и стимулированием инноваций в области интеллектуального интеллекта. Вопрос остается открытым и требует дальнейшего изучения и разработки правовых норм. Предложены некоторые направления и пути по разрешению вопроса о правовом положении искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правовой режим искусственного интеллекта, правосубъектность искусственного интеллекта, искусственный интеллект объект интеллектуальной собственности, ответственность за действия искусственного интеллекта.*

KACHARAVA Bidzina Rezoevich,
Researcher, Researcher-Teacher, Analyst of the 1st category,
Russian State University for the Humanities

SMIRNOVA Irina Aleksandrovna,
Researcher, Researcher-Teacher,
Legal Counselor of the 2nd Category
Federal State Institution "Center for Humanitarian,
Research and Social Studies of the Ministry
of Internal Affairs of Russia in the Moscow Region"

LEGAL REGIME OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *This article analyzes the legal regime of artificial intelligence, exploring the legal personality and legal status of artificial intelligence, as well as liability for its actions. This article was prepared using reference and encyclopedic information on the concept of artificial intelligence, as well as scientific publications on the legal status of artificial intelligence and liability. The article's methodological basis is based on general scientific (comparative, descriptive, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, prognostic, etc.) research methods. The possibility of recognizing artificial intelligence as a legal entity has been explored. However, to achieve this, it is important to find a balance between protecting public interests and stimulating innovation in the field of artificial intelligence. This issue remains open and requires further study and the development of legal norms. Several directions and paths for resolving the legal status of artificial intelligence are proposed.*

Key words: *artificial intelligence, legal regime of artificial intelligence, legal personality of artificial intelligence, artificial intelligence as an object of intellectual property, liability for the actions of artificial intelligence.*

> «Успех в создании искусственного интеллекта,был бы величайшим достижениемв истории человечества,но к сожалению он так же может стать последним».
>
> *Стивен Хокинг* (Стивен Хокинг еще 2014 году раскритиковал подход человечества к искусственному интеллекту).

Темпы, которыми ныне меняется наш мир поражают воображение. Во многом их задает бурное развитие искусственного интеллекта, а распространение поистине стремительны! Без помощи искусственного интеллекта человечеству уже не справиться с обработкой накопленной цифровой информации. Так искусственный интеллект (далее – также ИИ) стремительно проникает во все сферы нашей жизни, от беспилотных автомобилей до систем здравоохранения и финансовых рынков. Это ставит перед юридическим сообществом новые, сложные вопросы, требующие разработки соответствующего правового режима.

Риски, связанные искусственным интеллектом, огромны, что и требует адекватного правового регулирования!

До недавнего времени об искусственном интеллекте говорили исключительно как об объекте права. Но сегодня вопрос о возможности наделения правосубъектностью и личними правами того, что еще вчера воспринималась лишь как программа для ЭВМ, вовсю обсуждается в научном сообществе.

Создание новых технологий и предоставление самостоятельности искусственному разуму требуют определения правового статуса, так как, Технологии ИИ являются объектами интеллектуальной собственности и в соответствии законодательством нуждаются правовой защите и самое важное, не слишком мы далеко зашли? Надо понимать созданный ИИ который будет таким же умным, как мы, он своим развитием вихрем пронесется мимо нас. Электронные схемы работают и функционируют намного эффективнее биохимических, они не устают и гораздо слабее изнашиваются.

Вопрос о правовом статусе ИИ представляет собой трудный вопрос, которая активно обсуждается юристами, философами и специалистами в области технологий. Рассмотрим основные подходы к определению правового статуса ИИ. Правовой режим и статус ИИ отнюдь не только технологический и юридико-догматический, но и философско-мировоззренческий, что во многом связанный с настоящим и будущим человечества. Искусственный интеллект – это созданный человеком интеллектуальный разум, способный автономному принятию сложных решении в различных сферах жизнедеятельности общества.

Как известно, в законодательстве Российской Федераций правовой статус и правовой режим искусственного интеллекта не определен, однако в доктрине сформулированы альтернативные подходы:

1) искусственный интеллект является объектом права (имуществом);
2) искусственный интеллект является субъектом права: по модели юридического лица, особый правовой статус «электронного лица».

Подход о том, что ИИ - объект права предполагает рассмотрение его в качестве имущества, которое может принадлежать физическим или юридическим лицам. Такой взгляд имеет свои достоинства и недостатки, которые важно рассмотреть подробнее.

Преимущества выраженного подхода в том, что традиционная система права хорошо разработана для объектов владения, включая движимое и недвижимое имущество. Применение аналогичных принципов к ИИ упростит регулирование и позволит эффективно защищать права правообладателей.

Кроме того, правообладатели смогут свободно распоряжаться своим имуществом, включая продажу, аренду или передачу прав другим

лицам. Это способствует развитию рынка технологий и стимулирует инвестиции в разработку новых решений.

Также рассмотрение ИИ в качестве объекта права это юридическая определенность: четкое определение ИИ как объекта права устранит неопределенности относительно его статуса и обеспечит предсказуемость в судебных разбирательствах.

Недостатки подхода, об ИИ как субъекта права, достаточно весомые и требующие разрешения. Так, например, вопрос ответственности. Признание ИИ субъектом права затрудняет установление ответственности за его действия. Если ИИ совершает ошибку или нарушает закон или его действия приведут к ущербу для другого лица, кому предъявлять претензии — правообладателю, разработчику или самому ИИ?

Кроме того, как пишет А.П. Альбов и С.В. Николюкин «субъектами права интеллектуальной собственности выступают: авторы и их наследники; работодатели; инвесторы; публично-правовые образования; лица, приобретающие интеллектуальные права на основании договора или лицензии и др.» [1, с. 20].

Согласно догме права, правосубъектность состоит из трех основных компонентов: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности .

Схожие положения присутсвуют в основных международных документах по правам человека: ст. 6 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.), ст. 16 Международном пакте о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 г Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

Личными правами может обладать только личность и это непреложная истина! ИИ ставить на ровне с человеком, стоить вспомнить что человек- существо социальное.

Как бы то ни было, становиться все более очевидным, что ИИ становясь со временем все более адаптированным к человеческим нуждам, найдет свое место в мире, а, значит, требуется и качественное правовое регулирование разработки и использования подобных технологий.

1) Правоспособность, как известно это способность иметь гражданские права и нести обязанности которое возникает в момент его рождения и прекращается смертью.

При определении правоспособности у ИИ возникают проблемы, связанные с такими понятиями, как вина, намерение и осознанность действий. Ведь если ИИ совершил преступление, как установить и оценивать степень виновности самого устройства и его создателей?

Ещё одна проблема касается взаимодействия с другими субъектами права. Может ли ИИ подписывать контракты, голосовать или иным образом выражать волю? Сегодня большинство государств склонны отрицать такую возможность, считая подобные действия недопустимыми.

Наконец, важным вопросом остаётся этичность предоставления машинам равных прав с человеком. Сторонники гуманизма утверждают, что предоставление таким устройствам полного набора прав противоречит базовым принципам морали и справедливости.

На наш взгляд ИИ пока не обладает правоспособностью, так как в данный момент установить и очень сложно определить степень виновности самого устройства и его создателей (правообладателей).

2) Дееспособность возможна только у физического лица, то есть у гражданина который может своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их.

Современные системы ИИ демонстрируют впечатляющие успехи в обработке информации, принятии решений и выполнении сложных задач. Однако они остаются инструментами, разработанными и контролируемыми людьми. Вот некоторые факторы, препятствующие признанию ИИ дееспособным:

- зависимость от разработчиков. Все действия ИИ определяются алгоритмами и правилами, установленными людьми-разработчиками. Даже если ИИ кажется способным принимать самостоятельные решения, это всего лишь иллюзия свободы выбора, обусловленная запрограммированными инструкциями.
- отсутствие самосознания. Настоящее сознание — ключевой элемент человеческой дееспособности. Пока нет доказательств существования сознания у ИИ, нельзя утверждать, что ИИ обладает необходимой степенью понимания своих действий.
- недостоверность результатов. Несмотря на высокие показатели точности, ИИ часто ошибается, давая неверные рекомендации или принимая неправильные решения. Без надежного механизма самоконтроля и исправления ошибок невозможно говорить о полноценной дееспособности.

Несмотря на указанные ограничения, возможно искать пути предоставления ИИ некоторых элементов дееспособности. Среди предложений по урегулированию этого вопроса можно выделить немногие.

Например, регистрация отдельных видов ИИ в специальных государственных реестрах, подобно регистрации автомобилей или оружия. Так, для ИИ внедряемых в важных и социально значимых сферах жизни, например в медицине, транспортной сфере или судебной системе.

Также, назначение официальных представителей для каждого зарегистрированного ИИ, уполномоченных представлять его интересы и отвечать за действия ИИ.

Кроме того, возможна разработка механизмов страхования ответственности правообладателей ИИ для покрытия убытков третьих лиц.

Так следует согласиться с позицией о том, что дееспособность у ИИ невозможна в виду значения дееспособности.

3) Деликтоспособность способность лица нести гражданско-правовую ответственность за совершённые правонарушения (деликты). Эта категория тесно связана с понятием вины и наступления неблагоприятных последствий для потерпевшего лица.

Пока современные системы ИИ не достигают уровня сознания и свободы воли, необходимого для полноценной деликтоспособности, основной груз ответственности продолжает лежать на людях, контролирующих и управляющих этими системами. Со временем, вероятно, появится новый тип деликтоспособности, совмещающей человеческий контроль и технологические возможности, но пока до этого далеко.

На наш взгляд в деликтоспособности ИИ ситуация схожа с правоспособностью, так как в настоящий момент ИИ пока ей не обладает в связи с тем, что сложно определить ответственность ИИ и его правообладателей.

Кроме того, при рассмотрении ИИ в качестве субъекта права существуют и технические трудности. Современные технологии позволяют создавать системы, способные адаптироваться и развиваться самостоятельно. Определение точного момента перехода от простого инструмента к самостоятельному субъекту может оказаться сложной задачей.

З.А. Ахметьянова и А.Р. Ахметьянов пишут, что «отвечая на вопрос о правовом статусе ИИ, приходим к выводу, что в нынешнем его состоянии это объект права и одновременно - некий созданный человеком инструмент (алгоритм), позволяющий создавать новые объекты» [2].

Согласно другому подходу возможно признание ИИ юридическим лицом или иным особым видом лица – «электронным лицом». Это означает, что ИИ сможет обладать правами и обязанностями, аналогичными правам и обязанностям юридических лиц, таких как корпорации или организации. Однако этот подход вызывает ряд вопросов:

– Отсутствие физической сущности. Юридическое лицо традиционно ассоциируется с организацией, имеющей физическую структуру и управляемой людьми. Как определить ответственность и контроль над действиями ИИ?
– Невозможность исполнения обязательств. Многие обязательства требуют физического присутствия или действий, которые ИИ не способен выполнить самостоятельно.
– Проблемы ответственности. Кто несет ответственность за действия ИИ, особенно в случаях ошибок или нарушений закона?

Таким образом, очевидно, что хотя концепция признания ИИ юридическим лицом привлекательна своей простотой, она сталкивается с серьезными препятствиями. Соответственно для признания ИИ юридическим лицом потребуется разрешение вопросов, препятствующих присвоению такого статуса искусственному интеллекту.

Альтернативный подход заключается в создании особого правового статуса для искусственного интеллекта, который бы учитывал его уникальные, специфичные характеристики. То есть создание особого правового статуса – «электронного лица».

Так статус «электронного лица» мог бы включать:

– Право собственности на созданные объекты. Если ИИ создает интеллектуальные продукты, такие как произведения искусства или научные открытия, он должен иметь право владеть ими.
– Обязанности и ограничения. Установление четких границ ответственности и обязанностей для разработчиков и пользователей ИИ.
– Механизмы контроля и надзора. Создание специализированных органов для мониторинга и оценки рисков, связанных с использованием ИИ.

Этот подход позволяет учитывать специфику ИИ и избежать проблем, связанных с традиционной моделью юридического лица.

Так, можно прийти к выводу, что правовой режим искусственного интеллекта – это совокупность норм права, регулирующих отношения, возникающие в связи с созданием, использованием, внедрением и развитием систем искусственного интеллекта. Он призван обеспечить баланс между стимулированием инноваций и защитой фундаментальных прав и интересов человека и общества.

Основные элементы правового режима ИИ:

- определение ответственности (Необходимо четко определить, кто несет ответственность за ущерб, причиненный ИИ-системами. Это может включать разработчиков, производителей, владельцев или пользователей системы),
- требования к прозрачности (Необходимо установить требования к прозрачности алгоритмов ИИ, чтобы обеспечить возможность их проверки и выявления предвзятости),
- оценка рисков (Разработчики и пользователи ИИ-систем должны проводить оценку рисков и предпринимать меры для их смягчения),
- гарантии защиты данных (Необходимо обеспечить защиту персональных данных, обрабатываемых ИИ-системами),
- независимый надзор (Необходимо создать независимые органы, которые будут контролировать разработку и использование ИИ),
- обучение и переквалификация (Необходимо разработать программы обучения и переквалификации для работников, которые могут потерять работу в результате автоматизации),
- этические принципы (Необходимо учитывать этические принципы при разработке и использовании ИИ, чтобы обеспечить справедливость и не дискриминацию).

Кроме того, следует вернуться к вопросу об ответственности искусственного интеллекта. В контексте установления ответственности за действия ИИ-систем, все больше внимания уделяется концепции объяснимого ИИ (XAI - Explainable AI). XAI предполагает разработку таких алгоритмов, которые могут предоставить понятное объяснение своих решений, что облегчит выявление причинно-следственных связей и установление виновных в случае причинения вреда. Внедрение XAI также способствует повышению доверия к ИИ-системам со стороны пользователей и общества в целом.

Важным аспектом правового регулирования ИИ является защита прав потребителей. ИИ-системы, используемые в сфере обслуживания, должны быть прозрачными и не вводить потребителей в заблуждение. Потребители должны иметь право знать, когда они взаимодействуют с ИИ, а не с человеком, и иметь возможность оспорить решения, принятые ИИ, если они считают их несправедливыми или ошибочными.

Международное сотрудничество играет ключевую роль в создании эффективного правового режима ИИ. Учитывая глобальный характер технологий ИИ, необходимо разработать общие стандарты и принципы регулирования, которые будут применяться во всех странах. Это позволит избежать фрагментации правового поля и обеспечит равные условия для развития и использования ИИ во всем мире.

Необходимо понимать, что правовое регулирование ИИ – это динамичный процесс, который должен адаптироваться к быстрым технологическим изменениям. Законы и нормативные акты необходимо регулярно пересматривать и обновлять, чтобы они оставались актуальными и эффективными. Важно также проводить исследования и анализ влияния ИИ на общество, чтобы учитывать последствия его внедрения при разработке правовых норм.

Приведем примеры существующих инициатив по регулированию искусственного интеллекта:

- Европейский Союз. Предлагаемый Закон об ИИ (AI Act) – один из самых амбициозных проектов регулирования ИИ в мире. Он устанавливает различные уровни риска для систем ИИ и предусматривает строгие требования для систем, представляющих высокий риск.
- США. Национальная стратегия в области искусственного интеллекта, а также отдельные инициативы различных штатов, направленные на регулирование использования ИИ в конкретных областях.
- Китай. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, а также ряд нормативных актов, регулирующих использование ИИ в различных секторах экономики.
- Страны Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР). Принципы ОЭСР в отношении искусственного интеллекта, которые являются руководством для правительств и организаций по разработке и использованию ИИ в соответствии с этическими и правовыми нормами.

«В соответствии с упомянутыми принципами ОЭСР также предоставляет правительствам пять рекомендаций по их реализации» [3]:

1) «содействие росту государственных и частных инвестиций в исследования и разработки для стимулирования инноваций в области разработки надежного ИИ;
2) содействие увеличению числа доступных экосистем ИИ с помощью цифровой инфраструктуры, технологий и механизмов для обмена данными и знаниями;

3) создание политической среды, которая откроет путь для развертывания надежных систем ИИ;
4) поощрение развития и расширения возможностей у людей, обладающих навыками в области разработки ИИ;
5) активизация международного сотрудничества и межсекторального взаимодействия для стимулирования прогрессивного развития в ответственном управлении заслуживающим доверия ИИ» [8].

ОЭСР активно занимается разработкой практического руководства по имплементации вышеперечисленных рекомендаций. Принципы ОЭСР легли в основу принципов «Группы двадцати» - G 20 - и нашли отражение в Осакской декларации лидеров стран G 20 [9].

Отметим, что организация ОЭСР сыграла важную роль в формировании глобальных принципов и рекомендаций по использованию искусственного интеллекта. Ее работа стала отправной точкой для выработки международных стандартов, таких как принципы группы G20, которые направлены на гармонизацию подходов к развитию и эксплуатации ИИ.

Правовой режим искусственного интеллекта находится в стадии активного формирования. Это сложный и многогранный процесс, требующий участия юристов, ученых, разработчиков, политиков и представителей общественности. Успешное регулирование ИИ позволит раскрыть его огромный потенциал для улучшения жизни людей, одновременно минимизируя риски и обеспечивая защиту фундаментальных прав и свобод. Важно помнить, что правовое регулирование должно быть гибким, адаптивным и основанным на принципах человекоцентричности, справедливости, прозрачности и ответственности. Только в этом случае мы сможем создать правовую среду, способствующую развитию ИИ на благо всего человечества.

Следует заметить, что в ВОИС уже лоббируется распространение авторских прав на произведения, созданные с помощью ИИ [10]. Вопросы авторского права поднимаются и в связи с применением нейросетевого помощника программиста GitHub Copilot [4], поскольку свои предложения он создает на основе «чужих» обучающих данных. В этой связи исследователи справедливо задаются вопросом и в части использования ИИ имеющихся баз данных [5].

А.С. Киселев, Д.А. Королькова предлагают внесение изменений в главу 59 Гражданского кодекса Российской Федерации [11] путем издания новой статьи 1068.1 «Ответственность за вред, причиненный в результате работы технологий, основанных на элементах искусственного интеллекта» [6] следующего содержания: «Разработчик либо гражданин, юридическое лицо, органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также их должностные лица, применяющие технологии, основанные на искусственном интеллекте, в результате действий которых был причинен вред, обязаны возместить его в полном объеме. Вред возмещается из собственных средств вследствие причинения вреда гражданами и/или юридическими лицами, а также за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования вследствие причинения вреда органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» [6].

Введение этой нормы даст правовые основания для возможности возмещения ущерба, причиненного искусственным интеллектом. Однако мы отдаем себе отчет в том, что применять (настраивать, обучать и т.д.) ИИ в этом случае будет человек.

Современный этап развития искусственного интеллекта характеризуется передачей ему все более сложных творческих функций. В действующем российском законодательстве, в одном из нормативных актов, регулирующих применение искусственного интеллекта, а именно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», содержится следующее определение ИИ: «Это комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» [12].

Далее в этом документе содержатся термины «сильный» и «слабый» искусственный интеллект, почерпнутые из работ американского философа Джона Серла [7]. Под слабым искусственным интеллектом данный ученый, а за ним и современные российские законодатели понимают технологии, позволяющие компьютерной программе выполнять отдельные интеллектуальные функции человека, например играть в шахматы. Другие функции человеческого интеллекта, а тем более эмоции или самосознание такой программе недоступны. Сильный искусственный интеллект должен обладать полным набором высших психических функций человека, в первую очередь самосознанием. Такой искусственный интеллект неподготовленному человеку будет

сложно отличить от человеческого. На сегодняшний день таких технологий, по крайней мере не секретных, пока не существует, хотя в художественных произведениях массовой культуры они уже занимают важное место [6].

Таким образом, ИИ, хотя и именуется интеллектом, по сути, сегодня, будучи слабым, таковым не является. Это цифровая технология, созданная для эффективного решения определенного вида задач. При этом задачу ставит человек, он же оценивает и редактирует результат, модифицирует и настраивает технологию, программу под свои нужды, и это его, человека, творческий вклад. Именно человек в результате своей интеллектуальной деятельности, при наличии достаточного творческого вклада, создает некий результат, используя в качестве инструмента алгоритм или модель машинного обучения. И если то, что создано ИИ, можно признать охраняемым результатом интеллектуальной деятельности, то автором такого результата и его правообладателем является человек, организовавший создание такого объекта. К такому выводу приходит уже и судебная практика [13] некоторых зарубежных государств.

Хотя идея признания ИИ субъектом права привлекает внимание, она требует тщательной проработки и обсуждения. Важно найти баланс между защитой интересов общества и стимулированием инноваций в области ИИ. Вопрос остается открытым и требует дальнейшего изучения и разработки правовых норм.

Необходимо провести глубокий, в том числе конституционно-правовой, анализ внедрения искусственного интеллекта, на каждом его уровне рассматривая все возможности и последствия, так как в конечном итоге даже относительно маловероятный исход приобретает жизненно важное значение, если оно влияет на наше будущее как биологического вида формы жизни. В этом и заключается ответ права на вызовы эры искусственного интеллекта.

Список литературы:

[1] Право интеллектуальной собственности: учебник / А.П. Альбов, С.В. Николюкин – Москва: Юстиция, 2020 – 286 с.

[2] Ахметьянова З.А., Ахметьянов А.Р. Искусственный интеллект - объект или субъект права? // Юрист. 2024. № 6. С. 24 - 29. // URL://https://www.consultant.ru/ // (дата обращения: 10.09.2025).

[3] Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. // С. 37 - 40. // URL://https://www.consultant.ru/ // (дата обращения: 30.09.2025).

[4] Reda F. GitHub Copilot is not infringing your copyright. // URL://https://felixreda.eu/2021/07/github-copilot-is-not-infringing-your-copyright/ (date of access: 25.09.2025).

[5] Бузова Н.В. Искусственный интеллект и использование баз данных как объектов смежных прав // Lex russica. 2020. Т. 73. № 8. С. 64. // URL://https://www.consultant.ru/ // (дата обращения: 30.09.2025).

[6] Киселев А.С., Королькова Д.А. О гражданско-правовом положении и некоторых проблемах правового регулирования искусственного интеллекта // Гражданское право. 2024. № 3. С. 6 - 10. // URL://https://www.consultant.ru/ // (дата обращения: 12.09.2025).

[7] См.: Searle John. R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. № 3 (3). P. 417 - 457. Цит. по: Киселев А.С., Королькова Д.А. О гражданско-правовом положении и некоторых проблемах правового регулирования искусственного интеллекта // Гражданское право. 2024. № 3. С. 6 - 10. // URL://https://www.consultant.ru/ // (дата обращения: 12.09.2025).

[8] Принципы ОЭСР по искусственному интеллекту. // URL://https://www.oecd.org/going-digital/ai/principles/ (дата обращения: 20.09.2025).

[9] Осакская декларация лидеров стран «Группы двадцати». // URL://http://kremlin.ru/supplement/5425 (дата обращения: 20.09.2025).

[10] Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность. // URL://https://www.wipo.int/about-ip/en/frontier_technologies/ai_and_ip.html (дата обращения: 25.09.2025).

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // URL://https://www.consultant.ru/ // (дата обращения: 12.09.2025).

[12] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700. // URL://https://www.consultant.ru/ // (дата обращения: 12.09.2025).

[13] Федеральный Суд Австралии. Дело «Уполномоченный по патентам против Талера». // URL:https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2022/2022fcafc0062 (дата обращения: 15.09.2025).

References:

[1] Intellectual property law: textbook/ A.P. Albov, S.V. Nikolyukin - Moscow: Justice, 2020 - 286 p.

[2] Akhmetyanova Z.A., Akhmetyanov A.R. Artificial intelligence - object or subject of law ?//Lawyer. 2024. № 6. P. 24 - 29 .//URL ://https ://www.consultant.ru///(date of contact: 10.09.2025).

[3] I.R. Begishev. International legal framework for the regulation of artificial intelligence and robotics//International public and private law. 2021. No. 1 .//S. 37-40 .//URL ://https ://www.consultant.ru///(date of reference: 30.09.2025).

[4] Reda F. GitHub Copilot is not infringing your copyright. // URL://https://felixreda.eu/2021/07/github-copilot-is-not-infringing-your-copyright/ (date of access: 25.09.2025).

[5] Buzova N.V. Artificial intelligence and the use of databases as objects of related rights//Lex russica. 2020. T. 73. № 8. P. 64 .//URL ://https ://www.consultant.ru///(date of contact: 30.09.2025).

[6] Kiselev A.S., Korolkova D.A. On civil law and some problems of legal regulation of artificial intelligence//Civil law. 2024. № 3. pp. 6-10 .//URL ://https ://www.consultant.ru///(date of contact: 12.09.2025).

[7] See: Searle John. R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. № 3 (3). P. 417 - 457. Cit. by: Kiselev A.S., Korolkova D.A. On civil law and some problems of legal regulation of artificial intelligence//Civil law. 2024. № 3. pp. 6-10 .// URL ://https ://www.consultant.ru///(date of contact: 12.09.2025).

[8] OECD Principles on Artificial Intelligence .// URL ://https ://www.oecd.org/going-digital/ai/principles/(accessed: 20.09.2025).

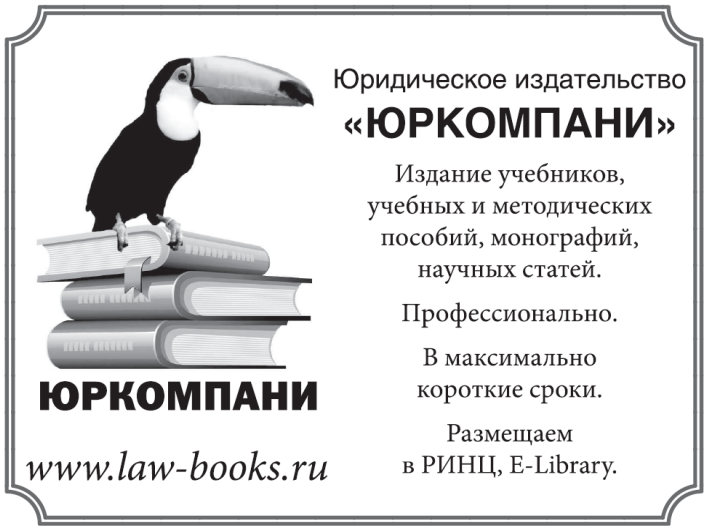
[9] Osaka Declaration of G20 Leaders .//URL ://http ://kremlin.ru/supplement/5425 (Accessed: 20.09.2025).

[10] Artificial Intelligence and Intellectual Property .//URL ://https ://www.wipo.int/about-ip/en/frontier _ technologies/ai _ and _ ip.html (Accessed: 25.09.2025).

[11] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ//URL ://https ://www.consultant.ru///(date of reference: 12.09.2025).

[12] Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation “//SZ RF. 2019. № 41. Art. 5700 .//URL ://https ://www.consultant.ru///(date of contact: 12.09.2025).

[13] Federal Court of Australia. Patent Commissioner v. Thaler .//URL: https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2022/2022fcafc0062 (Accessed: 15.09.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-465-471
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

ПЕРЕМЫШЛЕННИКОВА Инна Николаевна,
ассистент кафедры гражданского права и процесса,
ФГАО ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»),
e-mail: intarasova@yandex.ru

ДОПУСТИМОСТЬ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ ЗАВЕЩАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию формы завещания, анализу российского законодательства в данном направлении, исследованию мировых тенденций в отношении признания юридической силы завещания, сформированного в цифровой форме и влияния достижений цифрового общества на формирование предложений, касающихся правового регулирования цифровой формы завещания в Российской Федерации. В статье отмечено, что неизбежная цифровизация российского общества, поэтапное внедрение в законодательство все более прогрессивных цифровых инструментариев, увеличивающих результативность многих видов деятельности, оказывают влияние на российский нотариат, требуя новых организационных и юридически-значимых изменений (законодательных, делопроизводственных и обеспечительных, иных). Обосновано: возможность признания российским правопорядком цифровой формы завещания может быть достигнута при соблюдении отдельных условий: наряду с правовым регулированием цифровой формы завещания, необходимо внедрение в нотариальную деятельность необходимых технических инструментариев, обеспечивающих информационную безопасность нотариальной деятельности; совершенствование уровня образования представителей нотариального сообщества, реализующих правоприменение в отношении цифровой формы завещания; повышение уровня правовой культуры и правового образования, правового воспитания и правосознания граждан, реализующих право наследования. В статье указано на возможность на этапе экспериментального правового режима и при соблюдении указанных условий осуществить внедрение цифровой формы завещания, совершенного в особых условиях (чрезвычайной ситуации, чрезвычайного положения, военного положения, контртеррористической операции), характеризующихся ограничением конституционного права на наследование, ввиду исключительной сложности и чрезвычайности обстоятельств данного правового режима (наличие угроз жизни, здоровью граждан, нарушений нормального функционирования органов власти, пр.).*

Ключевые слова: *цифровое общество, цифровизация, завещание, форма завещания, цифровая форма завещания, завещатель, волеизъявление завещателя.*

PEREMYSHLENNIKOVA Inna Nikolaevna,
Assistant, Department of Civil Law and Procedure,
Belgorod State National Research University

PERMISSIBILITY OF DIGITAL WILLS

Annotation. *This article examines the form of wills, analyzes Russian legislation in this area, explores global trends regarding the recognition of the legal force of digital wills, and examines the impact of advances in digital society on proposals for the legal regulation of digital wills in the Russian Federation. The article notes that the inevitable digitalization of Russian society and the gradual introduction of increasingly advanced digital tools into legislation, which increase the effectiveness of many activities, are impacting the Russian notary profession, requiring new organizational and legally significant changes (legislative, administrative, security, and others). It is substantiated that the recognition of digital wills by the Russian legal system can be achieved subject to certain conditions: along with legal regulation of digital wills, it is necessary to introduce the necessary technical tools to ensure information security in notarial activities; Improving the education of notarial community representatives implementing law enforcement regarding digital wills; raising the level of legal culture and legal education, legal awareness, and legal awareness of citizens exercising their right to inheritance. The article highlights the possibility, during the experimental legal regime stage and subject to the specified conditions, of implementing a digital will executed under special circumstances (emergency situation,*

state of emergency, martial law, counter-terrorism operation) characterized by restrictions on the constitutional right to inheritance, due to the exceptional complexity and extraordinary circumstances of this legal regime (threats to the life and health of citizens, disruptions to the normal functioning of government bodies, etc.).

Key words: *digital society, digitalization, will, will form, digital will, testator, testator's will.*

I.Введение (Introduction).

Цифровая трансформация общества, активно проникающая во все сферы жизнедеятельности, основана на цифровизации, рассматриваемой в узком и в широком смысле (как преобразование информации в электронную (цифровую) форму, и, - соответственно, как инновационный тренд развития цивилизации, базирующийся на цифровых технологиях и обуславливающий рост эффективности общественных отношений) [1, с. 116]. Выступая сложным современным явлением с позиции воздействия и на государственное управление, документооборот, как и на правовое сознание, мировоззрение граждан, цифровизация активно проникает в правоохранительную деятельность – в судопроизводство (конституционное, гражданское, административное, уголовное), в нотариальную деятельность, требуя изменений представления о многих юридических явлениях и инструментариях. Возникновение и проникновение цифровизации в различные сферы общества, - соответственно, - объективно детерминированный процесс, который обусловлен диалектикой социально-экономического генезиса общества, как и его научно-технической модернизацией, способствующей формированию инфосферы - социоинформативного пространства, отражающего мировые тенденции инновационного развития мирового сообщества [2, с. 28].

Отражая сущность цифровизации, как закономерности социального и научно-технического прогресса, открывающей перед цивилизацией горизонты, изменяющие уровень и качество жизнедеятельности человека, как и межгосударственных, государственных и общественных структур, необходимо учитывать целесообразность ее проникновения во все новые и новые сегменты государства и общества, включая нотариальную.

Действительно, как тренд эффективного мирового развития цифровизацию целесообразно рассматривать с позиции соответствия данного явления основным требованиям: охватывая и науку, и производство, бизнес, государственную, социальную, как и обычную сферу жизни, цифровизация, повышая уровень эффективности указанных и иных сфер, должна быть обоснована, соответствовать потребностям общества и современными научными тенденциями. Цифровизация, при этом, не должна нарушать конституционные права и законные интересы человека и гражданина, как и законные интересы общества и государства [3, с. 47].

Не является исключением и постепенно пронизываемая цифровизацией нотариальная деятельность, признанная важным институтом правового государства, гражданского общества и фактором по урегулированию многих социальных связей, отношений, по повышению их устойчивости [4, с. 18, 19]. Особые полномочия в направлении устойчивости наследственных отношений возложены на нотариуса при удостоверении завещания, представляющего собой одностороннюю гражданско-правовую сделку, совершенную физическим лицом (лицами) на случай своей смерти и заключающуюся в распоряжении в порядке универсального наследственного правопреемства имущественными правами и обязанностями после открытия наследства, которая, при этом, не обладает законной силой вне соблюдения установленной формы [5, с. 181].

Российское законодательство, не признавая цифровую форму завещания, при этом, транслирует проникновение достижений цифрового общества во многие сферы общественных отношений, включая нотариальные правоотношения, что накладывает отпечаток на научное переосмысление формы завещания и на возможность нормативной регламентации новой формы завещания – электронной (цифровой).

II. Материалы и методы (Materials and methods).

Исходя из общераспространенного научного значения понятия «форма», это - сила, формирующая право, обладателем которой выступает государство, транслирующее потребности в правопорядке и принимающее юридически-значимые решения, способствующие развитию общественных отношений и закреплению требований к форме на уровне нормативов [6, с. 4115]. Форма сделки и, соответственно, - форма завещания, - это внешнее выражение юридически-значимых действий, направленное на достижение правового результата и демонстрирующее связь государства и права, а права - с определенными общественными отношениями [7, с. 165].

Завещание по своей форме, в силу национальных традиций, приобретает юридическую силу после нотариального удостоверения, к которому приравнивается удостоверение уполномоченных лиц, указанных в ст.1127 ГК РФ. Законодатель предусматривает возможность совершения завещания также в нетипичной форме: в

закрытой форме (ст.1126 ГК РФ), в простой письменной - в чрезвычайных обстоятельствах (ст.1129 ГК РФ), в специальной письменной форме в банке (кредитной организации) (ст.1128 ГК РФ «Завещательные распоряжения на денежные средства в банке»).

Явление множественности форм завещания, по мнению М. С. Абраменкова, прогрессивно, поскольку не представляется целесообразным обременять завещателя какими-либо «рамками», формируя, тем самым, препятствия для отражения своей последней воли», вместе с тем, «формализм завещательных распоряжений имеет целью в максимально возможной степени отразить действительно подлинную волю завещателя, не допуская преждевременного разглашения завещания» [8, с. 37].

Принимая во внимание прямой запрет в отношении цифровой формы завещания, указанный в ст.1124 ГК РФ («Не допускается составление завещания с использованием электронных либо иных технических средств (абзац второй пункта 1 статьи 160 настоящего Кодекса)»), представляется, что в качестве основного аргумента обозначенной позиции выступает проблема обеспечения и подтверждения достоверности отражения воли завещателя, как и в определенной степени несовершенство обеспечения информационной безопасности, проникновение в национальные информационно-коммуникационные системы преступного элемента.

Тенденции цифровизации в сфере совершения сделок отражены, между тем, в позициях законодателя, предусматривающих возможность:

1) совершения письменной формы сделки, посредством применения электронных или других юридически-значимых технических средств (в ст.160 ГК РФ);
2) признания факта тождественности бумажного и электронного носителя информации (документа), подписанного простой, усиленной электронной неквалифицированной подписью (Федеральный закон 2011 г. № 63 «Об электронной подписи»);
3) применения возможностей биометрической идентификации (аутентификации), с максимальной точностью осуществляющей контроль за доступом к информации, характеризующейся конфиденциальностью (Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»);
4) использования технических средств нотариусом при удостоверении завещания (Порядок использования нотариусами средств видеофиксации и хранения материалов видеофиксации, утв. решением Правления ФНП, протокол от 17.11.2015 № 15/15);
5) внедрения достижений цифрового общества в другие нотариальные действия (например, электронная форма документов при учреждении наследственного фонда (п.5 ст.1124 ГК РФ) и при формировании единой информационной системы нотариата (ст. ст. 34.3, 34.4 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате), другие).

Отдельные государства, следуя мировым тенденциям, на современном этапе предусматривают возможность отступления от традиционного консервативного подхода к признанию юридической силы исключительно за завещанием, совершенным в нотариальной форме. Так, в Испании правовое регулирование цифрового завещания осуществляется в соответствии с Законом о защите персональных данных (1978 г.). В Китайской Народной Республике Закон «О наследовании» 1985 г. допускает оформление завещания посредством аудиозаписи в чрезвычайных условиях, угрожающих жизни завещателя, в присутствия не менее двух свидетелей. Аналогичные тенденции отмечены в других странах мира.

Ввиду развития цифровых технологий, увеличения спроса на цифровые завещания, как и с учетом особенностей американского федерализма, позиции в отношении цифровой формы завещания нашли отражение и в федеральном законодательстве США (Единый закон об электронных завещаниях (UEWA, 2020), созданный Комиссией по единообразному законодательству), и в законодательстве отдельных штатов Америки (Северная Дакота и Юта, Вашингтон, Колорадо, ряд других). Так, в соответствии с законом американского штата Флорида (Florida Statutes. 2021), допускается дистанционное свидетельствование завещания, как и его нотариальное удостоверение, при этом, электронная форма завещания признается в качестве юридически действительной при условии его подписания в присутствии не менее двух свидетелей.

Представители американского научного сообщества предлагают дифференцировать электронное (цифровое) завещание на следующие три категории: онлайн-электронные завещания, офлайн-электронные завещания и электронные завещания квалифицированного хранителя.

И, если первое завещание представляет собой документ, при оформлении и подписании которого участвует технологическая компания или поставщик услуг сотовой связи, и завещание

хранится на определенном частном сервере либо в «облаке» (под защитой законов, регулирующих управление и хранение персональных данных, и частных правил завещателя), то офлайн-электронные завещания оформляются на электронном устройстве, удостоверяются, посредством электронной (цифровой) подписи и хранятся на локальном жестком диске определенного электронного устройства. Третья категория завещания (электронные завещания квалифицированного хранителя) характеризуется тем, что определенная организация выступает в качестве квалифицированного хранителя цифрового завещания, который уполномочен создавать, хранить и исполнять соответствующее завещание, в соответствии с предусмотренными на уровне закона требованиями [9, с. 96, 97].

Представляется важным указать на признанные в странах общего права источником права судебные прецеденты, касающиеся цифрового завещания. Так, в США суд, в целях обладания документа юридической силой завещания, вправе использовать «правило о безвредной ошибке», позволяющее признать завещание действительным при нарушении установленной формы его совершения. Так, на основании официально признанного в США Комментария § 2–503 Единообразного наследственного кодекса, с целью признания завещания действительным, необходима констатация «ясных и убедительных доказательств» о намерениях завещателя в отношении распоряжения своим имуществом посредством наследования (например, совершение завещания на компьютере, планшетном компьютере, его подписание с помощью электронной ручки, удостоверение родственниками). Аналогичный судебный прецедент получил распространение в Австралии, в некоторых других странах общего права (документ признается завещанием при наличии волеизъявления завещателя в отношении наследования при его совершении, посредством текстового набора на смартфоне, на ином подобном устройстве при наличии свидетельских показаний и экспертизы, подтверждающей открытие документа перед смертью) [10, с. 43].

К специфическим чертам электронной (цифровой, олографической) форма завещания в иностранных правопорядках целесообразно отнести возможность выбора завещателем формы завещания (на бумажном или электронном носителе - офлайн (offline) или онлайн (online) завещание); отсутствие при его удостоверении должностных лиц, подтверждающих гражданскую дееспособность, волеизъявление и личность завещателя.

Современные отдельные государства, таким образом, внедряют в свои правовые системы цифровую форму завещания, что противоречит позиции российского законодателя, предусматривающего в нормах Гражданского кодекса РФ (ст.1124) прямой запрет на данную форму завещания.

Методологическая основа настоящего исследования: система различных научных методов и приемов познания процессов и явлений, включающих в частно - научные методы, общенаучный диалектический и формально-логический метод, а также - системно-правовой и метод сравнительного правоведения, и метод правового моделирования, что позволило провести научное исследование о российском и зарубежном законодательстве, касающемся цифровой формы завещания, проанализировать позиции в научном сообществе и сформировать авторское видение в отношении рассматриваемой проблематики.

III. Результаты (Rezul'taty).

Современные цифровые механизмы, выступающие инновационными средствами обеспечения правоохранительной деятельности (электронные платформы правоохранительных органов, включая нотариат, видео-конференц-связь, сервисы электронного документооборота, единые базы данных, ряд других), используемые, в целях обеспечения прав и интересов граждан, государства, а также – оперативного и качественного создания, обработки и передачи, хранения информации (текстовой и графической, видео-, аудио-, числовой, пр.) без нарушения ее единства и целостности, могут быть внедрены в российскую правовую систему – в правила оформления завещания. При этом, с целью обеспечения информационной безопасности, необходимо решить существующие организационно – юридические проблемы, а в качестве принципов допустимости применения в российской правовой системе цифровой формы завещания признать законность и научную обоснованность, добросовестность и рациональность.

Обосновано, что цифровизация нотариата, накладывающая отпечаток на изменение осмысления сущности формы завещания, неизбежна в современных реалиях, характеризующихся не только внедрением достижений цифрового общества в систему государственного управления и в другие сегменты жизнедеятельности общества, но и глобализацией, политико-правовыми, социальными, экологическими проблемами, детерминирующими установление особого правового режима, (чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, включая военное положение, контртеррористической операцией, иных). В качестве аргумента данного предложения выступают признаки особого правового режима, в частности, исключительная сложность и чрезвычай-

ность обстоятельств (наличие угроз жизни, здоровью граждан, нарушений нормального функционирования органов власти, пр.), детерминирующих нарушения деятельности органов нотариата и ограничения отдельных конституционных прав граждан, невозможность реализации права на наследование (удостоверения завещания уполномоченными органами), пр.

IV. Обсуждение (Obsuzhdenie).

В научном сообществе, ввиду активного развития цифрового общества, проникновения его достижений во все сегменты жизни человека, вопросам допустимости в российской правовой системе цифровой формы завещания уделяется особое внимание.

Ряд ученых усматривают в данном явлении определенные отрицательные последствия.

Т.В. Конопляникова, Е. С. Пышнова отмечают: несмотря на тот факт, что в современной России в стадии экспериментального исследования и апробирования находятся инновационные способы биометрической аутентификации личности (отпечатки пальца, вены, радужной глазной оболочки глаза), включение в отечественное правовое поле цифровых завещаний сопряжено с необходимостью обеспечения личной информационной безопасности, внедрения в цифровой сегмент специальных маркеров, противодействующих несанкционированному вмешательству в данную информацию посторонних лиц, что на современном этапе в полной мере не представляется возможным. Кроме того, существуют сложности с механизм внесения изменений в цифровом завещание. При этом, отмечено: в качестве решения данной проблемы усматривается использование при оформлении и хранении цифрового завещания современных блокчейн-технологий, которые способны в максимальной степени подтвердить подлинность волеизъявления завещателя, отраженного в тексте завещания [11].

Как отмечает Н.В. Антропова: несмотря на внедрение в российскую нотариальную деятельность цифровых технологий, формирования единой информационный системы нотариата, включающей весть спектр нотариально-удостоверенных завещаний, как и наступление юридически - значимых последствий действий на блокчейне, иных информационных программах, системах, - в соответствии с п. 1 ст. 1124 ГК РФ цифровое завещание будет признано недействительным [12, с. 1]. Между тем, - отмечает Н.В. Антропова, - поскольку наследственное законодательство консервативно, а формальные притязания к завещанию имеют направленность на предотвращение злоупотреблений, - с целью внедрения в российское законодательство цифровой формы завещания необходимо и новое мышление, и комплексное научное исследование, обсуждение, четкие нормативные требования в отношении цифрового инструментария [13, с. 7].

О.В. Костиной, поддерживающей идеи оформления цифровых завещаний, посредством цифровых сервисов (без обращения к нотариусу и иным цифровым платформам), отмечается, что в условиях цифровизации они могут выступить достаточно комфортными для завещателей [14, с. 7].

По мнению Н.Н. Герасимовой, Н.В. Гориной, поскольку применение в российском нотариате цифровых технологий уже достигло достаточно высокого уровня, на современном этапе существуют все предпосылки для легализации цифровой формы завещания, которое может быть оформлено в установленном порядке на Едином государственном сайте [15, с. 3].

Действительно, в качестве указанных предпосылок выступает и повсеместная цифровизация современного общества, и совершенствование законодательства о внедрении в российскую правовую систему цифровых технологий, и разработка соответствующего программного обеспечения. Так, в 2022 г. в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Роспатент) В.В. Кутаковым зарегистрировано программное обеспечение «EggCloud» - инновационное облачное хранилище информации, характеризующееся возможностью предоставления клиенту цифровой ячейки, с целью размещения ключей доступа к определенным цифровым объектам, к иной информации, в том числе, - к цифровому завещанию (Свидетельство Роспатента о государственной регистрации № 2022663918).

По мнению отдельных ученых, целесообразно внедрение цифровых технологий в отношении отдельных видов завещаний. Так, Е. Путилина указывает на целесообразность внедрения в российскую правовую систему видео-фиксации волеизъявления наследодателя в закрытом завещании (ст.1126 ГК РФ), что позволило бы при открытии наследства установить, в каком состоянии в момент совершения завещания находился наследодатель, избежав споров, ущемления прав наследников, иных лиц [16, с. 45].

Некоторые другие ученые, например, Т.В. Конопляникова и И.З. Шагивалеева, утверждают о необходимости внедрения в российскую правовую систему цифрового завещания, совершенного в чрезвычайных обстоятельствах посредством применения видео-фиксации волеизъявления, что позволит признать форму завещания, оформленного указанным способом, в качестве равноценной письменной форме завещания, предусмотренной в ст. 1129 ГК РФ, обеспечив возможность распорядиться своим имуществом на случай в условиях, угрожающих жизни [17, с. 310].

Разделяя вышеизложенную позицию, отметим, что обоснованность внедрения в отечественное право цифровой формы завещания может быть также связана с отрицательным влиянием на реализацию конституционного права наследования (ч.4 ст.35 Конституции РФ), на возможность удостоверения завещания в установленном порядке и на стандартность отправления нотариальной деятельности, в целом, условий особого правового режима (чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения, военного положения и контртеррористической операции, пр.). Данные условия характеризующихся угрозой причинения или причинением вреда и ущерба значительному числу лиц, нарушением функционирования органов государственной, муниципальной власти, органов нотариата, иных, другими признаками (экстроардинарность, сложность, чрезвычайность)

На современном этапе проблемы особого правового режима исследуются многими российскими учеными, утверждающими о необходимости установления в таких условиях специального (чрезвычайного) правового регулирования (А.Ю. Алексеев [18], Г.И. Загорский Е.А. Костенюк [19], другими). Так, Т.Н. Шмидт, отмечает, что чрезвычайный режим, ввиду сложности ситуации, требует чрезвычайного правового регулирования, ввиду экстремальности условий, необходимости обеспечения безопасности, организованности в обществе [20, с. 11].

Возможность включения цифровой формы завещания в российское правовое поле может быть достигнута при соблюдении положений Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» и нижеследующих условий: наряду с правовым регулированием в Гражданском кодексе РФ цифровой формы завещания необходимо, внедрение в нотариальную деятельность необходимых технических инструментариев; обеспечение нотариальной деятельности технологиями информационной безопасности; совершенствование уровня образования представителей нотариального сообщества, обеспечивающих правоприменение в отношении цифровой формы завещания; увеличение уровня правовой культуры и правового образования, правового воспитания и правосознания граждан, реализующих право наследования.

V. Выводы (Vyvody).

Цифровизацию в широком смысле можно рассматривать как тренд эффективного развития наследственного права в том случае, когда цифровая трансформация в обозначенном направлении отвечает следующим требованиям: соответствует нормам действующего законодательства, достижениям науки и требованиям правоприменительной практики; сопровождается безопасным и эффективным использованием ее результатов, доступных пользователям преобразованной информации, обладающим навыками работы с таковой.

Обосновано: поскольку условия особого правового режима, нарушающие нормальные условия жизни, влекущие жертвы, имущественные потери, ущерб здоровью, природе, не должны накладывать отпечаток на конституционное право граждан на наследование, целесообразно на начальном этапе внедрение цифровой формы завещания осуществить именно в условиях особого правового режима, распространив ее впоследствии на всю сферу общественных отношений в сфере наследования. При этом, с целью обеспечения информационной безопасности, следует решить существующие организационно – юридические проблемы, а в качестве принципов допустимости применения в правовой системе цифровой формы завещания признать законность и научную обоснованность, рациональность и добросовестность.

Список литературы:

[1] Набиева Н.Ю. Цифровизация: понятие и особенности // Фонд молодых ученых. 2022. № 3 (67). С.115-118.

[2] Горожанов О.Н. Цифровизация и ее влияние на жизнь современного общества // Вестник Полесского государственного университета. 2020. С.27-29.

[3] Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С.46-63.

[4] Афанасьева Н.В. Нотариальная деятельность как фактор регулирования социальных отношений: автореф…дис. канд. соц. наук. М., 2008. 26 с.

[5] International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 4-3 (67), 2022. С.180-182.

[6] Коновалова В.В. Понятие, виды и формы сделок // Столыпинский вестник. 2022. №7. С.4113-4121.

[7] Сметанина Н.И. Понятие, виды и форма сделок // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 12(64). С. 162-167.

[8] Абраменков М. С. Наследование по завещанию в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой аспект // Гражданское право. 2018. № 4. С. 36-43.

[9] Волос А.А, Волос Е.П., Папылев Д.А. Форма завещания в условиях современных вызовов цифровизации общества // Евразийская адвокатура. 2022. № 3 (58). С.94-99.

[10] Яценко Т.С. Проблемы правового регулирования электронных завещаний в зарубежных странах // Нотариус. 2019. № 7. С. 42–44.

[11] Коноплянникова Т.В., Пышнова Е.С. Наследственное право в эпоху глобальной цифровизации // Научный мультидисциплинарный журнал Paradigmata poznání. 2022. № 1. С.18-21.

[12] Андропова Т.В. Информационные технологии в наследственном праве // Наследственное право. 2020. № 2. С. 3–6.

[13] Андропова Т.В. Возможность применения современных цифровых устройств при составлении завещания // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 193-201.

[14] Костина О.В. Новый вид распоряжений на случай смерти в условиях цифровизации: Digital Legacy // Наследственное право. 2023. № 1. С. 6–8.

[15] Герасимова Н.Н. Старый новый взгляд на форму завещания // Наследственное право. 2024. № 1. С. 2–5.

[16] Путилина Е. Совершение закрытого завещания и завещания в чрезвычайных обстоятельствах // Законность. 2007. № 11. С.39-40.

[17] Коноплянникова Т.В., Шагивалеева И.З. Цифровизация и ее влияние на развитие института наследственного права // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12(228). С. 309-312

[18] Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: дис. доктора юр. наук. 12.00.01. Барнаул, 2014. 191 с.

[19] Алексеев А.Ю. Режим особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы: особенности правового положения осужденных: автореф… дис. канд. юр. наук. 5.1.4. Рязань, 2024. 19 с.

[20] Загорский Г.И., Костенюк Е.А. Гласность в аспекте усовершенствования процедуры провозглашения приговора в сложных чрезвычайных условиях // «Цифровые технологии и право»: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции (г. Казань, 22 сентября 2023 г.) / И. Р. Бегишев, Е. А. Громов, М. В. Залоило, И. А. Филипова, А. А. Шутова. В 6 т. Т. 2. Казань: Познание. 2023. 316 с.

References:

[1] Nabieva N.Yu. Digitalization: concept and features//Foundation for Young Scientists. 2022. № 3 (67). P.115-118.

[2] Gorozhanov O.N. Digitalization and its impact on the life of modern society//Bulletin of Polessky State University. 2020. S.27-29.

[3] Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks//Management consulting. 2018. № 10. S.46-63.

[4] Afanasyeva N.V. Notarial activity as a factor in the regulation of social relations: author... dis. cand. social sciences. M., 2008. 26 pp.

[5] International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 4-3 (67), 2022. P.180-182.

[6] Konovalova V.V. Concept, types and forms of transactions//Stolypinsky Bulletin. 2022. №7. P.4113-4121.

[7] Smetanina N.I. Concept, types and form of transactions//Skif. Student science issues. 2022. № 12(64). S. 162-167.

[8] Abramenkov M.S. Inheritance by will in the Russian Federation and foreign countries: comparative legal aspect//Civil law. 2018. № 4. S. 36-43.

[9] Volos A.A., Volos E.P., Papylev D.A. Form of will in the context of modern challenges of digitalization of society//Eurasian Bar. 2022. № 3 (58). S.94-99.

[10] Yatsenko T.S. Problems of legal regulation of electronic wills in foreign countries//Notary. 2019. № 7. S. 42-44.

[11] Konoplyannikova T.V., Pyshnova E.S. Hereditary law in the era of global digitalization//Scientific multidisciplinary journal Paradigmata poznání. 2022. № 1. S.18-21.

[12] Andropova T.V. Information technologies in hereditary law//Hereditary law. 2020. № 2. S. 3-6.

[13] Andropova T.V. The possibility of using modern digital devices when drawing up a will//Perm legal almanac. 2019. № 2. S. 193-201.

[14] O.V. Kostina. New type of death orders in the context of digitalization: Digital Legacy//Inheritance law. 2023. № 1. S. 6-8.

[15] N. N. Gerasimova. Old new view on the form of will//Inheritance law. 2024. № 1. S. 2-5.

[16] Putilina E. Execution of a closed will and testament in extraordinary circumstances//Legality. 2007. № 11. S.39-40.

[17] Konoplyannikova T.V., Shagivaleeva I.Z. Digitalization and its impact on the development of the institution of inheritance law//Law and State: Theory and Practice. 2023. № 12(228). S. 309-312

[18] Schmidt T.N. Emergency legal regulation: general theoretical research: dis. Jurassic doctors. sciences. 12.00.01. Barnaul, 2014. 191 pp.

[19] Alekseev A.Yu. The regime of special conditions in the institutions of the penitentiary system: the peculiarities of the legal status of convicts: author... dis. cand. jur. sciences. 5.1.4. Ryazan, 2024. 19 pp.

[20] Zagorsky G.I., Kostenyuk E.A. Glasnost in the aspect of improving the procedure for proclaiming a sentence in difficult emergency conditions//" Digital Technologies and Law ": a collection of scientific works of the II International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 22, 2023)/I.R. Begishev, E.A. Gromov, M.V. Zaloilo, I.A. Filipova, A. A. Shutova. In 6 vol. 2. Kazan: Cognition. 2023. 316 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-472-476

ПОПОВИЧ Марина Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного (филиал) Университета имени О.Е Кутафина,
г. Вологда Российская Федерация,
e-mail: marih13mail.ru

МОЛОДОВА Ксения Андреевна,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Вологодского института права и экономики ФСИН России,
г. Вологда, Российская Федерация,
e-mail: arsenic28072015@gmail.com

САВИНОВ Данил Владимирович,
студент 511 группы факультета психологии и права
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
г. Вологда, Российская Федерация,
e-mail: savinovdanil2003@yandex.ru

ДОСТУПНОСТЬ ДАННЫХ О ЛИЦЕ В ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *Современность обусловлена технологическим прогрессом и настроем на абсолютную безопасность как человеческой жизни, так и деловой репутации. Это говорит о настоящем этапе человечества, который стоит под эгидой технологий, развития и конфиденциальности. Однако на сколько быстр технологических прогресс, связанный с информационными технологиями, на столько и велик риск воздействия обратно пропорциональной силы, характеризующейся преступной деятельностью и уязвимостью нового. Именно принятие данной истины обуславливает необходимость постоянного мониторинга информационных тенденций и подстраивания действующего законодательства под инновации. Целью данной научной статьи является анализ действующего законодательства в сфере конфиденциальности данных граждан и выявление механизма противодействия незаконным действиям. Методы: общенаучные (индукции и дедукции, системного анализа, синтеза и обобщения, сравнения). Результат: был проведён анализ нормативно-правовых актов, связанных с конфиденциальностью данных, судебной практики по делам, связанным с нарушением конфиденциальности, а также были выявлены возможности противодействия действиям, нарушающим права граждан в области сохранности персональных данных.*

Ключевые слова: *Персональные данные, конфиденциальность, утечка информации, информационная безопасность.*

POPOVICH Marina Mikhailovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Private Law Sciences
North-Western (branch) of the Kutafin University,
Vologda Russian Federation

MOLODOVA Ksenia Andreevna,
Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vologda, Russian Federation

SAVINOV Danil Vladimirovich,
student of group 511 of the Faculty of psychology and Law
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vologda, Russian Federation

AVAILABILITY OF PERSONAL DATA ON THE INTERNET

Annotation. *Modernity is conditioned by technological progress and a commitment to the absolute safety of both human life and business reputation. This speaks to the present stage of humanity, which stands under the aegis of technology, development and privacy. However, as fast as technological progress related to information technology is, so is the risk of exposure to an inversely proportional force characterized by criminal activity and vulnerability of the new. It is the acceptance of this truth that necessitates the constant monitoring of information trends and the adaptation of current legislation to innovations. The purpose of this scientific article is to analyze the current legislation in the field of privacy of citizens' data and identify a mechanism to counter illegal actions. Methods: general scientific (induction and deduction, system analysis, synthesis and generalization, comparison). Result: an analysis of regulatory legal acts related to data confidentiality, judicial practice in cases related to confidentiality violations was carried out, and opportunities for countering actions that violate citizens' rights in the field of personal data security were identified.*

Key words: *Personal data, confidentiality, information leakage, information security.*

Особенности постиндустриального общества заключаются в том, что информатизация человечества увеличивает темп с каждым годом. Трудно представить современного человека, не привязанного к системам передачи данных и хранения информации глобальных размеров. Также на данный момент человек зависим от информационных средств передачи данных. Объем их хранилища, скорость передачи, мобильность имеют огромную роль и влияние на современный мир. От этих критериев зависит производительность заводов, надёжность их продукции, качественный сервис компаний и многое другое.

Но помимо материальных атрибутов современности, также необходимо помнить о таком важном критерии как сохранность ваших данных. Каждое мобильное устройство хранит в себе личную информацию его собственника. Будь это фотографии, видео или же пароли от личных кабинетов или конфиденциальные данные. И это только одно из устройств. Какое огромное влияние можно оказывать на человека, имея у себя всю хранящуюся информацию из его телефона.

Н. М. Ротшильд говорил: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Значит информация – это элемент управления. Несанкционированное управление базами данных крупных компаний, органов власти может привезти к катастрофическим последствиям.

Важность учета защищённости при хранении каких-либо данных, содержащих в себе конфиденциальную информацию, в любой информационной системе при её бесперебойной работе говорит о том, что руководство, обеспечивающее техническую поддержку, принимает верные рациональные решения, которые и обеспечивают конфиденциальность этих данных. Проблема при этом усугубляется тем, что нередко, при внешнем, например, вмешательстве в пространство информационной системы приводит к пагубным последствиям, отражающимся в взаимодействии алгоритмов системы и может повлиять на функционирование системы. Именно защита и поддержание системы в работоспособном состоянии требует выделения значительных ресурсов и переходит на первый план.

Чаще всего информационные утечки, наиболее популярные среди злоумышленников, представляют собой данные, которые могут в той или иной степени представлять собой характеристики конкретных организаций и людей. Адреса, имущество, обязательства, паспортные данные и банковских счетов и иное. При утечках в первую очередь получает вред всегда объект информации, но вместе с ним потерпевшим можно признать и организацию, которая хранила данную информацию, так как вместе с этим она имеет репутационные убытки, чем повлиять на экономическую ситуацию.[1]

Наиболее ярко говорят статистические данные о современных тенденциях в области преступности. На 2023 год МВД зафиксировало около 677000 преступлений в области информационных технологий. Это является значительным подъемом, так как в 2022 году МВД опубликовало доклад, где было обозначено около 522100 преступлений. Это на почти на треть меньше, чем в 2023 году.

В общей системе преступности по всей стране данный тип преступлений также имеет динамические характеристики, имеющие положительные изменения, а именно увеличение с 26,5% до 34,8%. Половина из тех преступлений, что были выявлены при этом относят к тяжким и особо тяжким.

Число преступлений с применением интернета выросло с 381 тыс. до 526,7 тыс. Следом

идут преступления, совершённые с использованием средств мобильной связи и пластиковых карт.

Преступления в информационной сфере связаны не только с системами хранения данных. Это касается и систем платежей, ПО, какой-либо техники, которая позволяет управлять этими системами, ну и оборудование, обеспечивающее работу.

Исходя из множества особенностей систем защиты от внешних угроз, наибольшее количество совершенных преступлений относятся именно к тем, что были совершены изнутри системы, так как современные программы защиты на столько преуспели в своём развитии, что легче развалить их, используя принцип «троянского коня».[2]

Что имеется ввиду? Человек пользуется услугами компаний по страхованию, купле-продаже недвижимости, медицинских услуг и почти в каждом случае обращения физического лица к такого рода продавцу, человек предоставляет свои персональные данные, которые в дальнейшем хранятся в базах данных этих организаций. Пусть человека и охраняет федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных», где говорится в ст. 7 [3], что операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом. В противном случае ст. 24 данного закона говорит о том, что «моральный вред, причиненный субъекту персональных данных вследствие нарушения его прав, нарушения правил обработки персональных данных, установленных настоящим Федеральным законом, а также требований к защите персональных данных, установленных в соответствии с настоящим Федеральным законом, подлежит возмещению в соответствии с законодательством Российской Федерации. Возмещение морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных субъектом персональных данных убытков.»

Кроме этого статья 137 Уголовного Кодекса РФ предусматривает наказание за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.[4]

Как бы человек не был защищён юридически, всегда есть риск получить моральный и иной ущерб от действий или бездействий лиц, имеющих доступ к персональный данным.

Так, в решении № 2-8899/2016 2-8899/2016~М-9599/2016 М-9599/2016 от 20 октября 2016 г. по делу № 2-8899/16 повествуется ситуация, в которой граждане предоставляли свои персональные данные, которые в последствии были распространены без их соответствующего согласия. Иные подтверждения законности распространения на сайтах отсутствуют. В конечном итоге, в следствии подачи искового заявления прокурором в защиту неопределённого круга лиц, суд признал действия незаконными и обязал ограничить доступ к данной информации.

В данном случае невнимательность граждан или большая убедительность в надежности сайта привели к причинению ущерба группы лиц.

Но не всегда человек способен предотвратить или предвидеть распространение личных данных. Будучи полностью защищенным, человек все равно может стать жертвой такого правонарушения.

Так в решении № 2А-2270/2024 2А-2270/2024~М-762/2024 М-762/2024 от 27 февраля 2024 г. по делу № 2А-2270/2024 говорится о том, что военный прокурор в ходе мониторинга сети «Интернет» выявил сайт, где размещены сведения, раскрывающие имена, анкетные (персональные) данные личного состава Вооружённых Сил Российской Федерации, привлекаемых к проведению специальной операции. Доступ на страницу сайта свободный, ознакомиться с содержанием указанных страниц и скопировать и (или) распространить информацию в электронном варианте может любой интернет – пользователь. Информация на страницах указанного сайта распространяется бесплатно, срок пользования не ограничен. Ограничение на передачу, копирование и распространение отсутствует.

Суд принял во внимание обстоятельства, рассмотрел их и решил об ограничении доступа к данной информации, так как действия имеют незаконный характер.

Распространятся может абсолютно любая информация. В известной социальной сети «Telegram» активно используются сервисы по скупке персональных данных за определённую плату. Нельзя точно утверждать откуда у правонарушителей доступ к данной информации. Но к данным любого человека, может получить доступ любой интернет пользователь.

В таком случае, если противодействовать обычный гражданин этому не может, то что же делать, если он обнаружил свою информацию в открытом доступе без своего согласия?

Роскомнадзор имеет на своём сайте небольшую памятку для тех, кто попал в подобную ситуацию, которая представляет собой перечень того, что необходимо включить в своё обращение для того, чтобы наиболее качественно произвести проверки подозрительного ресурса.

Он в себя включает:

1) перечень персональных данных, неправомерно обрабатываемых на сайтах в сети «Интернет»;
2) сведения о документе, удостоверяющем Вашу личность (копии страниц паспорта), для подтверждения принадлежности персональных данных, неправомерно размещенных на сайтах в сети «Интернет», к Вам, как к субъекту персональных данных;
3) точные и доступные адреса страниц сайтов (указатели страниц сайтов в сети «Интернет» - URL), содержащие незаконно обрабатываемые (размещённые) персональные данные, позволяющие осуществить просмотр данных страниц Управлением, а также снимки экрана с данными страницами, содержащие в себе полный адрес страницы сайта (URL) и даты публикации постов/сообщений, содержащих незаконно обрабатываемые (размещённые) персональные данные на текущий момент времени (дата) и другие сведения, подтверждающие нарушения требований законодательства в области персональных данных (видеозапись экрана с действиями, позволяющими зафиксировать нарушения и т.п.);
4) сведения, уполномочивающие Вас представлять интересы физических лиц (копии доверенностей), персональные данные которых размещены на сайтах (в случае нарушения их прав как субъектов персональных данных).

Дополнительно следует представить (при наличии):

– сведения, которые говорят о том, что вы пытались урегулировать проблему через администратора сайта, допустим направлением обращения с требованием об уничтожении Ваших персональных данных с указанием на их незаконное получение (без согласия) оператором или с указанием того, что они не являются необходимыми для заявленной цели обработки (представляется при возможности направления указанного требования);
– какой результат направления обращения с требованием об уничтожении Ваших персональных данных (при наличии).[5]

Если же действия сайтов или конкретных лиц по распространению персональных данных причинили моральный ущерб и иной ущерб, то необходимо обратиться в суд с исковым заявлением о возмещении ущерба, предварительно соблюдая досудебный порядок.

В случае распространения персональных данных о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации необходимо обратиться за защитой в правоохранительные органы.

Таким образом, в современном информационном обществе, где информация имеет высокую значимость человек не может быть уверен в том, что он полностью защищен. Огромная скорость технологического прогресса будет прямо пропорционально влиять как на защищенность персональных данных, так и на их уязвимость. А значит надо быть всегда готовым к тому, что в любой момент можно обнаружить сведения о себе и своих близких и знать куда обратиться за помощью.

Список литературы:

[1] Богданова А.М., Путилов А.О. защита конфиденциальных данных, как способ поддержания информационной безопасности // Международный научный журнал «Символ науки», Скиф. №5-1 (45). URL: cyberleninka.ru/article/n/zaschitakonfidentsialnyhdannyhkaksposobpodderzhaniyainformatsionnoybezopasnosti (дата обращения: 21.09.2024).

[2] Клочкова Т. В. Рост количества утечек конфиденциальной информации как проблема современной информационной безопасности // Наука, техника и образование. 2019. №4 (57). URL: cyberleninka.ru/article/n/rostkolichestvautechekkonfidentsialnoyinformatsiikakproblemasovremennoyinformatsionnoybezopasnosti (дата обращения: 21.09.2024)

[3] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. (Дата обращения: 21.09.2024)

[4] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс. (Дата обращения: 21.09.2024)

[5] Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: офиц. сайт. Москва. URL: 69.rkn.gov.ru/p5677/p15037/p16067/ (Дата обращения 21.09.2024)

References:

[1] Bogdanova A.M., Putilov A.O. protection of confidential data as a way to maintain information security//International scientific journal "Symbol of Science," Skif. №5-1 (45). URL: cyberleninka.ru/article/n/zaschitakonfidentsialnyhdannyhkakspo-sobpodderzhaniyainformatsionnoybezopasnosti (Date Accessed : 21.09.2024).

[2] Klochkova T.V. The increase in the number of confidential information leaks as a problem of modern information security//Science, technology and education. 2019. №4 (57). URL: cyberleninka.ru/article/n/rostkolichestvautechekkonfidentsialnoyinformatsiikakproblemasovremennoyinformatsionnoybezopasnosti (Date Accessed : 21.09.2024)

[3] Federal Law "On Personal Data" dated 27.07.2006 N 152-FZ//SPS ConsultantPlus. (Accessed: 21.09.2024)

[4] "Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended by 08.08.2024) //SPS ConsultantPlus. (Accessed: 21.09.2024)

[5] Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media: official. site. Moscow. URL: 69.rkn.gov.ru/p5677/p15037/p16067/ (Date Accessed 21.09.2024)

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-477-481

САМОХВАЛОВ Алексей Евгеньевич,
Студент 4 курса бакалавриата Юридического факультета,
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: superalexs@bk.ru

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ Андрей Леонидович
к.э.н, доцент, Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

РОЛЬ БАНКА РОССИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОЦЕССОВ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Статья посвящена анализу роли Банка России в развитии и правовом регулировании финансовых технологий в условиях интенсивной цифровизации. Цифровые решения сегодня проникают во все ключевые сферы — политическую, экономическую и социальную, что делает вопрос их нормативного обеспечения особенно актуальным. Особое внимание уделено финансовым технологиям, поскольку после получения статуса мегарегулятора в 2013 году Банк России сосредоточил значительную часть своей деятельности на создании и внедрении инновационных инструментов в финансовом секторе.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, цифровые технологии, финансовые технологии, цифровые финансовые активы, цифровой рубль, Банк России.*

SAMOKHVALOV Alexei Evgenievich,
Fourth-year undergraduate student, Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

Scientific supervisor:
BELOUSOV Andrey Leonidovich
Ph.D., Associate Professor,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

ROLE OF THE BANK OF RUSSIA IN REGULATING THE PROCESSES OF CREATION AND USE OF DIGITAL FINANCIAL TECHNOLOGIES

Annotation. *The article is devoted to analyzing the role of the Bank of Russia in the development and legal regulation of financial technologies under conditions of intensive digitalization. Digital solutions are now penetrating into all key areas - political, economic and social - which makes the issue of their regulatory support particularly relevant. Special attention is paid to financial technology, because after obtaining the status of mega-regulator in 2013, the Bank of Russia has concentrated a large part of its activities on the creation and implementation of innovative tools in the financial sector.*

Key words: *legal regulation, digital technologies, financial technologies, digital financial assets, digital ruble, Bank of Russia.*

Цифровые технологии стали новым этапом в процессе цифровизации и становятся все более всеобъемлющими и совершенными. Цифровые технологии на сегодняшний день стали почти неотъемлемым атрибутом в жизни людей на территории РФ. Они охватывают политическую систему, экономическую и социальную. И в связи с таким развитием данных технологий и их распространения как никогда актуальным вопросом является вопрос их правого

регулирования. Несмотря на широкий спектр деятельности ЦБ по созданию цифровых технологий, главенствующее место занимают финансовые технологии и технологию связанные с финансовым сектором. Что вполне логично, ведь с 2013 года ЦБ стал мегарегулятором финансового рынка, что с точки зрения одного только правого статуса подчеркивает целевую сферу деятельности. Финансовый сектор объективно можно назвать одним из крупнейших секторов экономики, где сконцентрировано огромное количество различного рода ресурсов, а также субъекты финансового сектора, как никто другой заинтересован в разработке подобных технологий и инструментов, а также в последующем их внедрении. Помимо частных интересов субъектов данной сферы, вполне резонно будет отметить, что и само государство заинтересовано в создании и развитии таких технологий, что как раз и подтверждается деятельностью ЦБ в данном направлении.

Легальное определение финансовых технологий отсутствует, что в определённом смысле препятствует определению объекта деятельности ЦБ как сущностного явления. И отсутствие полноценного правового регулирования создает ряд проблем в данной области, поскольку сам ЦБ на своем официальном сайте даёт следующее определение: «Финтех (финансовые технологии) - это предоставление финансовых услуг и сервисов с использованием инновационных технологий, таких как «большие данные» (Big Data), искусственный интеллект и машинное обучение, роботизация, блокчейн, облачные технологии, биометрия и других» [11]. Также сам ЦБ в области финансовых технологий для себя определяет ряд целей:

- содействие развитию конкуренции на финансовом рынке;
- повышение доступности, качества и ассортимента финансовых услуг;
- снижение рисков и издержек в финансовой сфере;
- обеспечение безопасности и устойчивости при применении финансовых технологий;
- повышение уровня конкурентоспособности российских технологий.

Стоит отметить, что деятельность ЦБ в данном направлении прямо соответствует и способствует достижению целей, которые определены в Федеральном законе от 10.07.2002 №86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» (далее закон о ЦБ), в частности в статье 3, где одной целей является развитие финансового рынка, что само себе является весьма широкой массив деятельности и в целом соответствует идее развития финансовых технологий на территории РФ.

Как было отмечено выше, с 2013 года Банк России получил статус мегарегулятора финансового рынка, что с точки зрения самого правового статуса предоставило куда более широкий спектр. Функций и полномочий в области уже всего финансового сектора, а не отдельных его частей. В связи с этим Банку России принадлежит идея создания ряда финансовых технологий, а также именно благодаря стараниям ЦБ ряд технологий еще были внедрены. Также стоит отметить, что сама структура ЦБ подчеркивает актуальность финансовых технологий, так в структуре Банка России есть отдельный департамент, а именно Департамент информационных технологий, который в целом занимается всеми вопросами информационных, цифровых и иных технологий и работает над вопросами развития уже существующих инструментов в данной сфере и их совершенствовании, а также над разработкой и внедрением совершенно новых.

Финансовые технологии не сразу стали появляться и внедряться в российском финансовом секторе, заинтересованность в них появилась еще давно, так в 2016 председатель ЦБ Набиуллина Э.С. на пленарной секции форума инновационных финансовых технологий FINOPOLIS 2016 отмечала, что за период с 2013 по 2016 объем инвестиций в данный вид технологий вырос в 4 раза, что подтверждает заинтересованность в таки продуктах и отметила, что несмотря на такой спрос их внедрение представляет для банковского сектора серьезный вызов. По сути, уже тогда можно было сделать вывод о том, что распространение таких технологиях в обозримом будущем станет действительностью. Уже в следующем 2017 году Набиуллина Э.С. выступила на XXVI Международном финансовом конгрессе, где отдельно уделила время финансовым технологиям, отметив, что российский рынок на тот момент входил в тройку лидеров в мире в области развития финансовых технологий, а также подчеркнула, что деятельность в области финансовых технологий является одной из основных и ЦБ будет согласно своей стратегии их развивать, внедрять, а также по мере необходимости соразмерно рискам регулировать. Также стоит отметить, что уже тогда были обозначены цели по созданию национальной финтех-инфраструктуры.

Сегодня же спустя несколько лет, несмотря на, по сути, повсеместное внедрение финансовых технологий не остановило деятельность в данной сфере и до сих пор продолжает развивать данную отрасль, что четко отражается в докладах ЦБ, где финансовом технологиям посвящаются отельные пункты посвящены цифровым технологиям в целом и финансовым в частности.

Огромное количество технологий сегодня в связи с всемирным процессом цифровизации представлены в цифровом варианте и финансовые технологии не стали исключением. Можно с уверенностью сказать, что в таком формате финансовые технологии и их преимущества лучше всего себя демонстрируют. Говоря о практической роли Банка России в рамках деятельности по созданию и регулированию финансовых технологий, конечно, в первую очередь стоит отметить «цифровой рубль». История создания цифрового рубля берет свои корни именно в Банке России, который и стал инициатором создания данной технологии, так в 2020 году представил отдельный профильный доклад [9], посвященный цифровому рублю. Вопрос возможности внедрения таких валют и риск внедрения отмечались, например, А. Киселевым [5], который утверждал, что создание такой технологии требует колоссального уровня внимательности и осторожности, поскольку появления таких валют может повлечь системно значимые изменение во всей финансовой сфере и также изменить подход регулирования и набор инструментов.

Стоит также отметить, что идея создания цифровой национальной валюты в разрезе международной практики не являлась чем-то революционным или принципиально, так в 2021 году Банком международных расчетов была представлена оценка, которая содержала информацию о том, что около 80% всех ЦБ в мире занимались развитие собственных национальных цифровых валют. Такая информация не стала неожиданностью, поскольку развитие цифровых валют Центральными банками разных государств стало своеобразным ответом на рост популярности и количества криптовалют негосударственной эмиссии. Цифровой рубль также как и криптовалюта основывается на технологии блокчейна, однако её ключевыми отличиями можно обозначить централизованную государственную эмиссию и то, что по своей форме выражения цифровой рубль будет представлять денежное обязательство Банка России. ЦБ для реализации собственной выработанной концепции выбрал и счел оптимальной двухуровневую розничную модель, суть которой сводится к тому, что непосредственной эмиссией, а также управлением платформой будет осуществлять ЦБ [10]. Сегодня проект по внедрению цифрового рубля идет полным ходом, несмотря на ряд препятствий. Совсем недавно глава Банка России Э.С. Набиуллина объявила о том, что ЦБ присоединится к пилотному проекту по внедрению зарплат в цифровых рублях. В недавнем интервью она отметила, что «получения заработной платы в цифровых рублях — это дополнительная возможность для людей. Они сами могут решать, как получать зарплату на счет безналичный. Это право выбора. И когда цифровой рубль будет уже доступен всем, могут сделать и этот выбор» [12].

Параллельно с работой по созданию цифрового рубля, ЦБ был также занят проработкой с 2018 года вопросом о создании Цифровых финансовых активов (далее ЦФА). Итогом данной работы стало принятие Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ. Спустя 2 года после принятия указанного закона Банк России выпустил доклад [9] о развитии рынка цифровых активов в РФ, в котором были определены особенности ЦФА, связано это было с тем, что первоначальная работа с законом о ЦФА был скорее работой сугубо институциональной, задачей которой было просто определить что это такое, однако позднее пришлось закон неоднократно дорабатывать именно в части обращения и размещения ЦФА. В результате такой деятельности у Банка России появились новые полномочия в области работы с ЦФА, которыми в 2023 году он воспользовался и назначил первого оператора ЦФА - Московская Биржа ММВБ-РТС, позднее через год в реестр операторов была также включена СПБ Биржа. В связи с указанными изменения полномочий и их расширением Банк России стал также и регулятором ЦФА и теперь принимает соответствующие акты, отнесенные к его компетенции, издавая инструкции, указания и положения. Например, в области ЦФА можно выделить такой акт, как указание Банка России от 25.11.2020 № 5635-У «О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором», который устанавливает ряд требований к некоторым видам ЦФА, а также ограничивает круг лиц, которые могут работать с такими активами. Необходимо отметить, что в ЦФА сегодня несмотря на минимальное распространение стало востребованным в первую очередь самим государством, так недавно в Государственную Думу председателем комитета Госдумы по финансовому рынку Анатолием Аксаковым и группой депутатов был внесен законопроект, который предлагает узаконить долговые ЦФА, которые станут инструментом обхода санкций и позволят производить международные расчёты, в первую очередь с КНР.

Резюмируя итог работы, можно сделать вывод, что в период «бума» финансовых технологий Банк России провел колоссальный объем работы по развития финансовых технологий на территории РФ. Работа по этому направлению, как было неоднократно подчеркнуто словами главы ЦБ велась не один год до официальных

презентации ряда технологий и продолжает вестись. Как и любой проект в данной сфере сходу редко получается создать полностью отлаженный идеальный механизм, поэтому ЦБ ведет работу по улучшению как федерального законодательства в своей профильной сфере, так и работает над собственными актами публикует ежегодные отчеты и доклады о приделанной работе. Говоря о предложениях в области финансовых технологий, в первую очередь стоит отметить, что отсутствие единого понимания финансовых технологий и того, что они из себя представляют представляет проблему и внедрении профильного закона на федеральном уровне является необходимым хотя для того, чтобы соответствующие нормы носили характер закона, и не были рас сосредоточены по отдельным актам Банка России. Говоря же о самой роли Банка России исходя из приведённых выше примеров можно с точностью отметить, что Банк России в данной сфере куда больше чем просто регулятор. ЦБ представляет собой полноценного инициатора создания финансовых технологий, который обладает всеми необходимыми инструментами для реализации своих идей и задач, установленных законом.

Список литературы:

[1] «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: Федеральный закон от 08.08.2024 N 221-ФЗ

[2] «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ.

[3] «О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором, о признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления, об указанных сумме денежных средств и совокупной стоимости цифровых финансовых активов»: Указание Банка России от 25.11.2020 N 5635-У (ред. от 15.06.2022) (Зарегистрировано в Минюсте России 21.12.2020 N 61622)

[4] Белоусов, А. Л. Правовые аспекты развития финансового сектора в условиях цифровизации / А. Л. Белоусов // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции В 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Издательство «Познание», 2023. – С. 15-19.

[5] Киселев А. Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков? Аналитическая записка – 2019 Банк России

[6] А М. Солодкая «Роль центрального банка российской Федерации в развитии финансовых технологий в отечественной экономике» // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. №1.

[7] Цупиков, А. Н. Роль Банка России в правовом регулировании выпуска и обращения цифровых финансовых активов / А. Н. Цупиков.// Евразийская адвокатура. — 2023. — № 1. — С. 124-128.

[8] Годовой отчет Банка России за 2024 год, утв. советом директоров 27.03.2025

[9] Доклад Банка России о Развитии рынка цирфровых активов // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/141991/Consultation_Paper_07112022.pdf

[10] Концепция цифрового рубля // Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf.

[11] Развитие финансовых технологий // Центральный банк Российской Федерации URL: https://cbr.ru/fintech/ (дата обращения: 12.09.2025).

[12] ЦБ присоединится к пилотному проекту по внедрению зарплат в цифровых рублях // РБК URL: https://www.rbc.ru/finances/09/10/2025/68e791429a794774cd955713

References:

[1] “About the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law of 08.08.2024 N 221-F

[2] “On digital financial assets, digital currency and amendments to individual legislative acts of the Russian Federation”: federal law of 31 July 2020. 259-FZ.

[3] “On the characteristics of digital financial assets that may be acquired only by a qualified investor, on the characteristics of digital financial assets that may be acquired by a non-qualified investor, may only be carried out within the limits set by the Bank of Russia for the amount of money transferred in their payment and the aggregate value of other digital financial assets transferred as a counter-contribution, on the specified amounts of money and total value of digital financial assets”: Note from the Bank of Russia dated 25.11.2020 N 5635-Y (ed. dated 15.06.2022) (Registered in the Ministry of Justice of Russia 21.12.2020 N 61622)

[4] Belousov, A. L. Legal aspects of the development of the financial sector under digitalization/ A. L. Belousov // Digital technologies and law: collection of scientific papers II of the International

[5] Kiselev A. Does the digital currencies of central banks have a future? Analytical note - 2019 Bank of Russia

[6] A M. Solodkaya «Role of the central bank of the Russian Federation in the development of financial technologies in the domestic economy» // Economics and business: theory and practice. 2019. 1.

[7] Tsupikov, A. H. Role of the Bank of Russia in legal regulation of issuance and circulation of digital financial assets/ A. N. Tsupikov.// Eurasian Bar. - 2023. - 1. - pp. 124-128.

[8] Annual Report of the Bank of Russia for 2024, see. Board of Directors 27.03.2025

[9] Report of the Bank of Russia on Development of the Market for Cirrus Assets // Bank of Russia.URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/141991/Consultation_Paper_07112071.pdf

[10] Digital Ruble Concept // Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf.

[11] Development of financial technologies// Central Bank of the Russian Federation URL: https://cbr.ru/fintech/ (circulation date: 12.09.2025).

[12] The Central Bank will join a pilot project to introduce salaries in digital rubles//RBC URL: https://www.rbc.ru/finances/09/10/2025/68e791429a794774cd955713

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-482-486

ВАЛЬКОВА Елена Владимировна,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
e-mail: elena23477@mail.ru

ВОЛЬФ Мария Юрьевна,
курсант юридического факультета
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
e-mail: maria.wolf.1802@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются вопросы о правовом статусе искусственного интеллекта (ИИ) и о его возможности стать участником гражданско-правовых отношений. Актуальность поднимаемых в статье вопросов предопределяется широким использованием новейших достижений науки в сфере ИИ и отсутствием адекватного правового регулирования отношений с его применением. Цель: рассмотрение, с учетом анализа действующего законодательства и различных точек зрения высказанных в юридической литературе, правовых аспектов правосубъектности искусственного интеллекта, ее сопоставимость с правосубъектностью как физического, так и юридического лица. Методологическая основа: метод анализа. Результаты: Представлен обзор отечественных концепций о правосубектности искусственного интеллекта. Отмечено наличие дискуссии о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью. Выводы: Авторы приходят к выводу, что на данном этапе правовое регулирование искусственного интеллекта недостаточно и разрозненно, отсутствуют универсальные нормы регламентации систем искусственного интеллекта. Требуется изменение правового регулирования рассматриваемой сферы правоотношений существующего на данный момент. При этом необходимо исходить из его комплексного реформирования для полноценного функционирования новых технологий.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект (ИИ), правосубъектность, субъект права, объект права, развитие искусственного интеллекта.*

VALKOVA Elena V.,
Lecturer,
Department of Civil Law Disciplines Faculty of Law
Vologda Institute of Law and Economics,
Federal Penitentiary Service of Russia,

WOLF Maria Y.,
Law Student Faculty of Law
Vologda Institute of Law and Economics,
Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE LEGAL STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CIVIL RELATIONS

Annotation. *This article examines the legal status of artificial intelligence (AI) and its potential to participate in civil law relations. The relevance of the issues raised in this article is determined by the widespread use of the latest scientific advances in AI and the lack of adequate legal regulation of relations involving its application. Objective: To examine, taking into account an analysis of current legislation and various points of view expressed in legal literature, the legal aspects of the legal personality of artificial intelligence and its comparability with the legal personality of both individuals and legal entities. Methodological basis: analytical*

method. Results: A review of domestic concepts on the legal personality of artificial intelligence is presented. Discussion regarding granting artificial intelligence legal personality is noted. Conclusions: The authors conclude that, at this stage, legal regulation of artificial intelligence is insufficient and fragmented, and universal norms governing artificial intelligence systems are lacking. Changes are required in the current legal regulation of this area of legal relations. A comprehensive reform is necessary to ensure the full functioning of new technologies.

Key words: *artificial intelligence (AI), legal capacity, subject of law, object of law, development of artificial intelligence.*

Современный мир регулярно потрясают новые открытия и разработки в области компьютерных технологий. Не так давно человечество смогло привыкнуть к полному и свободному доступу к сети Интернет, как уже появился и прочно вошел в повседневную жизнь искусственный интеллект. Согласно положениям Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», искусственный интеллект является комплексом технологий, имитирующих умственную деятельность человека и позволяющий получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [1].

Только на разработке одной из самых умных программ в мире не остановились. Сейчас искусственный интеллект дополняется и всячески развивается. По прогнозу известного на весь мир предпринимателя и инженера Илона Маска уже к 2029 году искусственный интеллект может стать «умнее» всех людей, вместе взятых [2]. Данная технология ежедневно обрабатывает огромное количество информации, благодаря чему она самостоятельно обучается. В числе ее возможностей длинный перечень предложений для ее пользователей: от написания простого текста до создания видеоролика или компьютерного кода.

Постоянное развитие искусственного интеллекта и его доступность повлияли на то, что сейчас данной технологией пользуются миллионы людей в самых разных областях своей жизнедеятельности, в том числе в рамках гражданских правоотношений, в связи с чем рассмотрим, какую роль он может в них играть.

В первую очередь, искусственный интеллект может быть объектом гражданских правоотношений. Собственные разработки в области технологий искусственного интеллекта можно делать объектом различных сделок, например, продавать их или предоставлять их в качестве платной услуги другим лицам. Так, например, различные GPT-боты предоставляют пользователям только пять бесплатных запросов, а рерайтеры дают возможность бесплатно перефразировать текст лишь несколько раз, после чего обе программы требуют платной подписки.

Возможно ли рассматривать искусственный интеллект как субъект гражданских правоотношений, можно ли его им считать. Мнения на этот счет разделились. Ряд ученых считают, что искусственный интеллект можно считать только объектом правоотношений. В частности, отмечается что он не обладает волей и не способен автономно осуществлять права. Предлагается рассмотреть ИИ как объект гражданских прав: выделение искусственного интеллекта в отдельную, новую, категорию объектов, возможное отнесение его к цифровым правам либо признание его разновидностью программ для ЭВМ [3, с.21]. Это отражает так называемый формально-юридический подход. Другие специалисты видят возможность наделить ИИ частичной правосубъектностью после внесения в законодательство института электронного лица [4, с. 88, с.55-60]. Так называемый технологический подход. Приведем несколько аргументов, опровергающих и подтверждающих каждую из позиций. В пользу наделения искусственного интеллекта правосубъектностью выступает факт выделения юридического лица в качестве субъекта права. Соответственно, искусственный интеллект таким же образом предлагается наделить статусом специфического субъекта права. Противники же такой позиции аргументируют свое мнение тем, что искусственный интеллект не обладает волей и осознанностью, однако, в противовес этому мнению сторонники другой точки зрения говорят о том, что волей в ее полном объеме обладает только физическое лицо, тогда как субъектами права помимо него являются еще и юридические лица, а отсутствие осознанности сближает искусственный интеллект с обладателями неполной или ограниченной дееспособности [5, с. 138,139,140].

Рассмотрим подробнее вторую точку зрения, так как о первой мы уже характеризовали выше. Марченко Н. М., определяет правосубъектность как «особое юридическое качество или свойство, которое позволяет лицу или организации стать субъектом права» [6, с. 592]. В свою очередь, под гражданской правосубъектностью понимается «социально-правовая возможность субъекта быть участником гражданских правоотношений» [7, с. 97]. То есть для того, чтобы быть

субъектом гражданских правоотношений, необходимо обладать правосубъектностью, которая включает в себя правоспособность, дееспособность и деликтоспособность лица. Правоспособность – возможность иметь права и обязанности. Она возникает с момента рождения и есть у каждого человека. Наделить искусственный интеллект правоспособностью можно, обозначив моментом ее возникновения появление на свет определенного продукта, действие которого основано на указанных технологиях.

Дееспособность – возможность лица приобретать права и обязанности собственными действиями. У физических лиц она в полном объеме наступает с момента наступления совершеннолетия, в случае эмансипации – с 16 лет. У детей до 6 лет дееспособность полностью отсутствует, а затем есть лишь частичная. Одним словом, наступление дееспособности человека зависит от его психической и интеллектуальной зрелости. В случае с искусственным интеллектом определить конкретный момент будет тяжело, ведь с самого начала он обладает большим количеством знаний и навыков, присущих взрослым людям. Следовательно, наступление его дееспособности возможно так же, как и правоспособности, с момента создания.

У физических лиц с наступлением дееспособности наступает и деликтоспособность – возможность нести ответственность за негативные последствия совершенных противоправных деяний. В рамках гражданского права такая ответственность является имущественной, чаще всего выраженной в виде возмещения вреда. В настоящее время прибыль от продуктов искусственного интеллекта получают их создатели или люди, в чьей собственности они находятся, следовательно, распоряжаться денежными средствами у простой компьютерной программы в данный момент нет возможности. Значит, и возместить причиненный ущерб она не может. Даже сама идея привлечения к ответственности неживой, искусственно созданной технологии, обладающей чертами человеческого разума, звучит несуразно. Но это не значит, что так будет всегда. Так, Генеральная Ассамблея ООН признает, что ненадлежащее или злонамеренное проектирование, разработка, внедрение и использование систем искусственного интеллекта, например, без соблюдения надлежащих мер безопасности или в нарушение норм международного права, создает риски, которые могут помешать прогрессу [8]. Аналогичные шаги в сфере установления принципов и стандартов поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта предпринимаются и в России, в частности 26.10.2021 г. был разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта разработанный Альянсом в сфере ИИ, в разработке принимали участие Аналитический центр при Правительстве РФ и Минэкономразвития РФ [9]. Документ не имеет юридической силы,

Возможно, в ближайшем будущем, когда человечество будет к этому готово, искусственный интеллект наделят правовым статусом физического лица, предоставят ему возможность полноценно трудиться и получать доход. Тогда и стоит говорить о нем как о субъекте гражданских правоотношений, наделять его определенным объемом прав и обязанностей, привлекать его к ответственности.

В настоящее время получил большое распространение смешанный подход в определении правосубектности ИИ. Например, предлагается признать за ИИ «гибридную правосубъектность», которая сочетает элементы правосубъектности физических и юридических лиц [10].

Рассмотрим искусственный интеллект в сфере реализации ряда возможностей, в числе которых составление различных документов (например, претензий или договоров по заданным параметрам). Это может значительно облегчить жизнь людей, которые смогут не прибегать к помощи дорогостоящих юристов. Однако, искусственный интеллект не обладает необходимыми правовыми знаниями и всей полнотой навыков, требующихся для индивидуального подхода к каждому делу. Следовательно, он может совершить ошибку, за которую не сможет понести ответственности.

Проверим возможности искусственного интеллекта и обратимся к нейросети, найденной в сети Интернет, с запросом «Напиши договор купли-продажи квартиры, стоимость которой 5 млн. руб. Продавец - Иванов И.И., покупатель - Сидоров С.С.», задав лишь несколько основных параметров: предмет договора, его стоимость и стороны.

Ответ, поступивший от нейросети, представлял собой пример договора купли-продажи, который включал в себя сведения продавца и покупателя (данные их паспортов, адреса регистрации); пункт 1 – предмет договора (данные о квартире, включающее ее адрес, площадь, количество комнат, кадастровый номер, указание, что продавец является единственным владельцем имущества и имеет право на его продажу); пункт 2 – цена Договора и порядок расчетов (стоимость квартиры, срок и вид платежа); пункт 3 – передача квартиры (указание на то, что передача квартиры осуществится в день ее полной оплаты,

а также на то, что продавец отдает покупателю все документы и ключи от имущества); пункт 4 – права и обязанности сторон (продавец обязуется передать квартиру в надлежащем состоянии, а также предоставить все необходимые документы для государственной регистрации перехода права собственности; покупатель обязуется своевременно произвести оплату квартиры и принять ее в установленный срок); пункт 5 – ответственность сторон (наступает в соответствии с законодательством Российской Федерации); пункт 6 – заключительные положения (порядок внесения в договор изменений и дополнений, указание на то, что договор составлен в двух экземплярах, а также на то, что все остальные вопросы, которые не урегулированы договором, разрешаются в соответствии с законодательством); подписи сторон [11].

Проанализировав поступивший ответ, нельзя не согласиться с тем, что нейросеть справилась с поставленной задачей. Указанные нами параметры были отражены, а те из них, что не были обозначены нами, но являются необходимыми, были предложены. Однако при составлении договора купли-продажи стороны обычно указывают больше нюансов и условий, чем было в варианте, предложенном искусственным интеллектом. Образец, который составил искусственный интеллект, может быть «скелетом» будущего полноценного договора.

Стоит обратить внимание на то, что в любом случае при заключении различных сделок желательно привлечь юриста. Он обеспечивает безопасность сделки для своего клиента, проверяет документацию, надежность второй стороны, правомерность сделки. В случае с рассмотренным нами договором купли-продажи юрист проверяет, есть ли на имуществе арест, какие с ним проводились сделки ранее, наличие обременения имущества (т.е. других лиц, помимо продавца, имеющих право на имущество). Поэтому, по нашему мнению, присутствие специалиста, знающего все тонкости, необходимо, и технология его не заменит.

Таким образом, в настоящий момент искусственный интеллект может быть объектом гражданских правоотношений и участвовать в них в качестве нейросетевого помощника в различных правовых вопросах. Однако субъектом гражданских правоотношений ему стать проблематично. Иметь различные права и обязанности, приобретать их он может, а вот нести ответственность за различные правонарушения – нет. Решением может стать привлечение к ответственности за его противоправные действия его создателя или человека, который контролирует его работоспособность и отвечает за его настройки. Полагаем процесс развития искусственного интеллекта настолько быстр и масштабен, что право не успевает за ним. Если ранее государство ограничивалось принятием общих декларативных концепций и стратегий развития искусственного интеллекта, то в настоящее время видится тенденция создания именно правовых норм, регулирующих его деятельность.

Список литературы:

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490 // СЗ РФ. - 2019. - № 41. - Ст. 5700.

[2] Маск заявил, что через пять лет ИИ будет умнее всех людей вместе взятых. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65f1b70b9a7947c5a98cec04 (дата обращения 01.10.2025).

[3] Ермаков А.В, Зайцев В.С., Березина А.В. Искусственный интеллект как объект гражданских прав // Копирайт.- 2022. - №4. - С.5-25.

[4] Афанасьевская А.В. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник СГЮА. - 2021.- №4 (141). - С 88-89; LegalTech в сфере предпринимательской деятельности: монография / Р.Н. Адельшин, Е.И. Андреева, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова, О.В. Сушкова. - Москва: Проспект, 2023. - 200 с.

[5] Вавилин Е.В.Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. -2021. - №42. - С.135-144.

[6] Марченко Н. М. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. - М., 2008. - 640с.

[7] Суханов Е. А. Российское гражданское право. В 2 томах. Том 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права // М.: Статут. 2010. - 958с.

[8] Резолюция 2024 года // https://ai.gov.ru/ (дата обращения: 25.03.2025).

[9] Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта от 26.10.2021 г. // https://a-ai.ru (Дата обращения 10.10. 2025).

[10] Дяктерева К.Д. Правовой статус искусственного интеллекта // Актуальные исследования. - 2023. - №28(158). https://apni.ru/article/6740-pravovoj-status-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения 20.10.2025).

[11] ChatGPT на Русском: Чатбот от OpenAI. URL: https://chatgpt.org/ru/chat (дата обращения 06.10.2025).

References:

[1] On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of

the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490//SZ RF. - 2019. - № 41. - Art. 5700.

[2] Musk stated that in five years AI will be smarter than all humans combined. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65f1b70b9a7947c5a98cec04 (date of contact 01.10.2025).

[3] Ermakov A.V., Zaitsev V.S., Berezina A.V. Artificial intelligence as an object of civil rights// Copyright. - 2022. - №4. - S.5-25.

[4] Afanasyevskaya A.V. Legal status of artificial intelligence//Bulletin of SSLA. - 2021.- №4 (141). - C 88-89; LegalTech in the field of entrepreneurial activity: monograph/R.N. Adelshin, E.I. Andreeva, L.V. Andreeva and others; resp. ed. I.V. Ershova, O.V. Sushkova. - Moscow: Prospekt, 2023. - 200 s.

[5] Vavilin E.V. Artificial intelligence as a participant in civil relations: transformation of law//Vestn. Volume. state university. Right. -2021. - №42. - P.135-144.

[6] Marchenko N. M. Theory of state and law: textbook. 2nd ed., Revised and add. - M., 2008. - 640s.

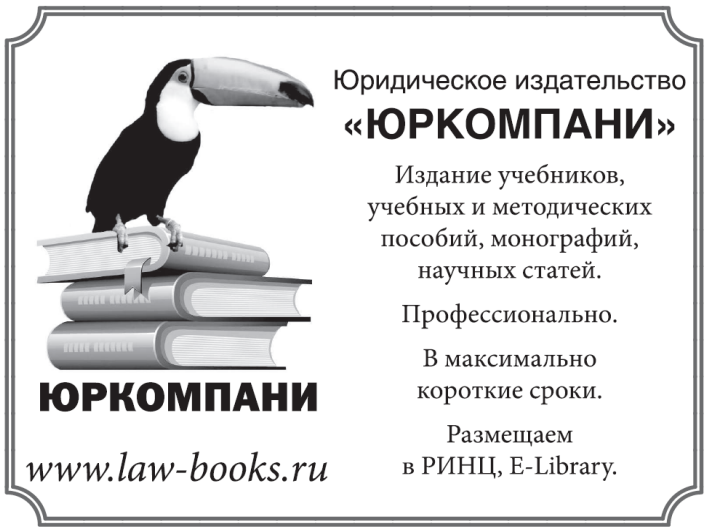
[7] Sukhanov E. A. Russian civil law. In 2 volumes. Volume 1. General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights//M.: Statute. 2010. - 958s.

[8] Resolution 2024// https://ai.gov.ru/ (circulation date: 25.03.2025).

[9] Code of Ethics for Artificial Intelligence, 26.10.2021// https://a-ai.ru (Date of Reference 10.10.2025).

[10] Dyaktereva K.D. Legal status of artificial intelligence//Actual research. - 2023. - №28(158). https://apni.ru/article/6740-pravovoj-status-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения 20.10.2025).

[11] ChatGPT in Russian: Chatbot from OpenAI. URL: https://chatgpt.org/ru/chat (date of contact 06.10.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-487-495

ГОЛОУХОВ Алексей Андреевич,
студент специалитета 5 курс по направлению
«Судебная и прокурорская деятельность»,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: goloukhov2003@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО ЗНАЧИМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию государственного регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации, рассматриваемого как инструмент обеспечения баланса между свободой предпринимательства и защитой публичных интересов. Актуальность темы обусловлена фундаментальным противоречием рыночной экономики: между конституционно закрепленным принципом свободы предпринимательства и необходимостью государственного вмешательства для предотвращения рыночных дисбалансов, защиты конкуренции, прав потребителей и социальной стабильности. Автор анализирует исторический опыт нерегулируемого рынка, включая мировую Великую депрессию 1930-х годов и российский «дикий капитализм» 1990-х годов, демонстрируя социально-экономические последствия отсутствия эффективного контроля. В статье раскрыты теоретико-правовые основы регулирования предпринимательства, включая двойственную природу государственного воздействия, стимулирующие и ограничительные механизмы, а также эволюцию подходов от классической либеральной теории к современным синтетическим моделям с элементами кейнсианства и социального рыночного хозяйства. Особое внимание уделено современным механизмам регулирования в РФ, включая правовые (антимонопольное законодательство, уголовная ответственность за недобросовестное предпринимательство), экономические (налоговые льготы, таможенно-тарифные меры) и организационные (государственная регистрация, лицензирование, сертификация) инструменты. Автор подчеркивает роль антикризисного регулирования, цифровых технологий и института публично-частного партнерства в обеспечении устойчивости предпринимательской среды. Научная новизна исследования заключается в междисциплинарном подходе, объединяющем правовые и экономические механизмы, что позволяет предложить критерии определения пределов государственного вмешательства, обеспечивающих одновременно соблюдение конституционных норм и интересов бизнес-сообщества. Практическая значимость работы заключается в формировании рекомендаций по оптимизации взаимодействия государства и предпринимателей, развитию цифрового контроля, сокращению административных барьеров и внедрению саморегулируемых механизмов, направленных на устойчивый рост экономики и повышение доверия участников рынка.*

Ключевые слова: *государственное регулирование, предпринимательская деятельность, правовые механизмы, экономические стимулы, антимонопольное законодательство, лицензирование, социально-рыночная экономика, цифровизация, антикризисное регулирование, Россия*.

GOLOUKHOV Aleksey Andreevich,
5th-year Specialist Degree Student Field of Study:
Judicial and Prosecutorial Activity Kutafin
Moscow State Law University (MSAL)

STATE REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS SIGNIFICANCE IN THE CONTEXT OF BUSINESS (ENTREPRENEURIAL) LAW

Annotation. *The article is devoted to the study of state regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation, considered as a tool for ensuring a balance between the freedom of entrepreneurship and the protection of public interests. The relevance of the topic is determined by a fundamental contradiction inherent in a market economy: between the constitutionally enshrined principle of entrepreneurial freedom and the necessity of state intervention to prevent market imbalances, protect competition, safeguard consumer rights, and maintain social stability. The author analyzes the historical experience of an unregulated market, including the global Great Depression of the 1930s and Russian "wild capitalism" of the 1990s, demonstrating the socio-economic consequences of the absence of effective control. The article reveals the theoretical and legal foundations of entrepreneurship regulation, including the dual nature of state influence, stimulating and restrictive mechanisms, as well as the evolution of approaches from classical liberal theory to modern synthetic models incorporating elements of Keynesianism and social market economy. Special attention is paid to contemporary regulatory mechanisms in the Russian Federation, including legal (antitrust legislation, criminal liability for unfair business practices), economic (tax incentives, customs and tariff measures), and organizational (state registration, licensing, certification) instruments. The author emphasizes the role of anti-crisis regulation, digital technologies, and the institution of public-private partnerships in ensuring the resilience of the entrepreneurial environment. The scientific novelty of the study lies in its interdisciplinary approach, combining legal and economic mechanisms, which allows for the proposal of criteria for defining the limits of state intervention that simultaneously ensure compliance with constitutional norms and the interests of the business community. The practical significance of the work lies in the formulation of recommendations for optimizing the interaction between the state and entrepreneurs, developing digital oversight, reducing administrative barriers, and implementing self-regulatory mechanisms aimed at sustainable economic growth and increasing trust among market participants.*

Key words: *state regulation, entrepreneurial activity, legal mechanisms, economic incentives, antitrust legislation, licensing, social market economy, digitalization, anti-crisis regulation, Russia.*

Введение

Актуальность темы государственного регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации обусловлена фундаментальным противоречием, заложенным в самой природе рыночной экономики: между конституционным принципом свободы предпринимательства (ст. 34 Конституции РФ) и объективной необходимостью публично-правового вмешательства в хозяйственные процессы [1]. Данный дуализм отражает ключевую проблему современного предпринимательского права — поиск баланса между автономией воли субъектов экономики и обеспечением публичных интересов, включая защиту конкуренции, прав потребителей и социальной стабильности.

Исторический опыт демонстрирует, что отсутствие регулирования ведет к системным кризисам. Ярким примером служит мировой экономический коллапс 1930-х годов, вызванный политикой laissez-faire: перепроизводство, крах финансовых институтов и массовая безработица стали следствием недооценки роли государства как арбитра рыночных отношений. В российской практике аналогичные риски проявились в 1990-е годы, когда ослабление контроля способствовало криминализации бизнеса, монополизации ключевых отраслей и деформации конкурентной среды. Современные вызовы, такие как рост теневого сектора (по данным Росстата, его доля в ВВП РФ достигает 15–20%) [2] и уклонение от налогов, подтверждают необходимость совершенствования правовых механизмов.

Целью исследования является обоснование значимости государственного регулирования предпринимательства через синтез правовых и экономических подходов. Работа направлена на доказательство тезиса о том, что сбалансированное вмешательство государства не противоречит принципам рыночной экономики, а служит инструментом минимизации рисков, указанных в ст. 10 ФЗ «О защите конкуренции».

Методологическую основу составляют:

Сравнительно-правовой метод — анализ норм ГК РФ, ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и антимонопольного законодательства в контексте доктрин А. Смита и Дж.М. Кейнса.

Исторический метод — оценка последствий Великой депрессии и российских реформ 1990-х как прецедентов нерегулируемого рынка.

Экономико-статистический метод — использование данных ФНС и Росстата для иллюстрации связи между регулированием и динамикой предпринимательской активности.

Научная новизна работы заключается в междисциплинарном подходе, объединяющем правовые конструкции (принцип пропорциональности вмешательства, ст. 1 ГК РФ) с экономическими теориями. Это позволяет предложить критерии определения пределов государственного регулирования, соответствующих как требованиям ст. 8 Конституции РФ (единство экономического пространства), так и нуждам бизнес-сообщества.

1. Теоретико-правовые основы регулирования предпринимательства

1.1. Понятие «государственное регулирование» в доктрине предпринимательского права

Государственное регулирование предпринимательской деятельности представляет собой системный механизм воздействия публичной власти на экономические процессы с целью обеспечения баланса между свободой хозяйственной инициативы и защитой общественных интересов. В российской правовой доктрине данный термин трактуется как совокупность методов и инструментов, направленных на предотвращение рыночных дисбалансов, поддержание конкурентной среды и реализацию социально-экономических приоритетов государства.

Ключевой особенностью государственного регулирования является его двойственная природа. С одной стороны, оно призвано создавать условия для развития предпринимательства, гарантируя стабильность правового поля и защиту имущественных интересов субъектов. С другой — обеспечивать соблюдение публичных интересов, включая экологическую безопасность, защиту прав потребителей и предотвращение монополизации рынков. Эта двойственность отражена в Гражданском кодексе РФ, где принцип свободы договора (ст. 421) сочетается с императивными нормами, ограничивающими предпринимательскую деятельность в случаях, противоречащих «основам конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ст. 1).

В трудах ведущих специалистов предпринимательского права подчеркивается, что регулирование не сводится исключительно к запретительным мерам. Оно включает в себя широкий спектр стимулирующих механизмов, таких как налоговые льготы для малого и среднего бизнеса, государственные гарантии по кредитам, субсидии на реализацию инновационных проектов. Например, Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ предусматривает специальные режимы налогообложения, что позволяет снизить административную нагрузку на бизнес.

Современная доктрина выделяет два основных метода государственного регулирования:

1. Прямые (административные) методы — предполагают непосредственное вмешательство государства в деятельность субъектов. К ним относятся:

Лицензирование отдельных видов деятельности (ст. 12 Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 N 99-ФЗ), например, образовательных, медицинских или транспортных услуг.

Техническое регулирование, включающее обязательную сертификацию продукции (Федеральный закон «О техническом регулировании» от 27.12.2002 N 184-ФЗ).

Антимонопольные запреты на злоупотребление доминирующим положением (ст. 10 Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ).

2. Косвенные (экономические) методы — воздействие через изменение макроэкономических параметров:

Налоговая политика, где ставки и льготы регулируются Налоговым кодексом РФ (например, пониженные тарифы для IT-сектора).

Таможенно-тарифное регулирование, направленное на защиту отечественных производителей («Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014)).

Кредитное стимулирование через программы Банка России и государственные банки (льготное кредитование сельского хозяйства, промышленности).

Особое место занимает антикризисное регулирование, которое активизируется в условиях экономических потрясений. Так, в период пандемии COVID-19 Правительство РФ ввело мораторий на проверки малого бизнеса, отсрочки по налогам и прямые выплаты пострадавшим отраслям. Эти меры, с одной стороны, сохранили занятость населения, а с другой — подтвердили тезис о необходимости гибкого подхода к регулированию.

Таким образом, государственное регулирование предпринимательства в РФ представляет собой динамичную систему, сочетающую либеральные принципы рыночной экономики с социально-ориентированными механизмами. Его эффективность определяется способностью адаптироваться к вызовам времени, будь то цифровизация экономики [3], санкционное давление

или глобальные кризисы, сохраняя при этом правовые гарантии для субъектов предпринимательской деятельности.

1.2. Эволюция подходов к регулированию: от классической теории к современным моделям

Эволюция государственного регулирования предпринимательства представляет собой динамичный процесс, отражающий трансформацию экономических теорий и ответ на вызовы различных исторических эпох, демонстрируя, как право адаптируется к потребностям общества. Основу классической либеральной теории заложил Адам Смит, утверждавший, что «невидимая рука рынка» способна обеспечить эффективное распределение ресурсов без вмешательства государства. В современном российском праве наследие либеральной теории проявляется в ст. 34 Конституции РФ, гарантирующей свободу предпринимательства, и ст. 421 ГК РФ, закрепляющей принцип свободы договора. Однако кризисы XX–XXI веков выявили ограниченность подхода, включая игнорирование социальных издержек (экстерналий), неспособность предотвращать циклические кризисы (Великая депрессия 1930-х, мировой кризис 2008 г.) и монополизацию, противоречащую принципу справедливой конкуренции (ФЗ № 135 «О защите конкуренции»).

В ответ на провалы либеральной модели Джон Мейнард Кейнс обосновал необходимость активного государственного вмешательства для стимулирования спроса в кризисы. В России элементы кейнсианства реализуются через антикризисное регулирование в период 2020–2025 гг., включавшее льготные кредиты для малых и средних предприятий, отсрочки по налоговым платежам, прямые субсидии пострадавшим отраслям (туризм, авиаперевозки) и программу льготной ипотеки для IT-специалистов со ставкой до 6%. Ключевую роль в политике импортозамещения сыграл Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 N 488-ФЗ, предусматривающий налоговые льготы для локализации производства, механизмы госзаказов для стратегических отраслей (микроэлектроника, фармацевтика) и создание промышленных кластеров (например, «Иннополис») с льготным налогообложением (УСН). Инфраструктурные проекты, такие как строительство ВСМ М-12 «Москва–Казань» и модернизация аэропортов, финансируемые за счет бюджета в формате публично-частного партнерства (Федеральный закон N 224-ФЗ), привлекают частные инвестиции. Однако кейнсианский подход несет риски роста госдолга, коррупции и подавления частной инициативы, особенно актуальные в условиях санкций.

Современное регулирование предпринимательства в РФ представляет собой синтез либеральных и кейнсианских идей с элементами социального рыночного хозяйства, предполагающего, что рыночная экономика должна служить общественным интересам. Ключевые направления включают поддержку социального предпринимательства (ФЗ N 209) и внедрение ESG-стандартов корпорациями (например, «Росатом»), использование публично-частного партнерства (ФЗ № 224), как в случае ВСМ «Москва–Санкт-Петербург» (75% внебюджетное финансирование), и цифровое регулирование. Последнее представлено системами типа ЕГАИС для учета алкоголя и борьбы с контрафактом, а также применением искусственного интеллекта для анализа данных компаний и выявления налоговых нарушений, что снижает нагрузку на добросовестный бизнес. Подводя итог, эволюция подходов демонстрирует, что ни одна теория не является универсальной. Современная Россия, сохраняя приверженность рыночным принципам (ст. 8 Конституции РФ), адаптирует лучшие практики, дополняя их цифровыми инструментами для гибкого реагирования на кризисы, защиты публичных интересов и поддержки предпринимательства в условиях глобальной нестабильности.

2. Опыт нерегулируемой предпринимательской деятельности: исторические и экономические уроки

2.1 Великая депрессия (1930-е гг.)

В исторической ретроспективе ясно прослеживается, что радикальное свёртывание государственного вмешательства в экономику оборачивается тяжёлыми социально-экономическими последствиями. Великая депрессия 1929–1933 гг. стала классическим примером провала политики «laissez-faire», когда перепроизводство в сочетании со спекулятивным раздуванием фондового рынка привели сначала к «чёрному четвергу» 24 октября 1929 г., а затем к ещё более масштабному обвалу в «чёрный вторник» 29 октября того же года, когда Dow Jones упал на 12 % за один день. Отказ от координации спроса и предложения в условиях нарастающей дефляции вызвал крах финансовых институтов и утрату сбережений миллионов американцев, а уровень безработицы к 1933 году превысил 24,9 % рабочей силы — рекорд за всю новейшую историю США. Массовая безработица и нищета породили «гувервиллы» — стихийные поселения бездомных — и усугубили социальную нестабильность.

В ответ на экономический коллапс администрация Франклина Д. Рузвельта инициировала программу «Новый курс» (New Deal), в рамках которой государство впервые взяло на себя роль

активного арбитра финансового рынка. Уже в 1933 году по Закону о банковской реформе была создана Федеральная корпорация по страхованию вкладов (FDIC), что позволило восстановить доверие к банковской системе и гарантировать безопасность денежных вкладов граждан. Год спустя вступил в силу Закон о торговле ценными бумагами (Securities Exchange Act of 1934), создавший Комиссию по ценным бумагам и биржам (SEC) — орган, уполномоченный следить за прозрачностью рынка, регулировать работу бирж и пресекать мошенничество. Данные меры, наряду с социальными программами по трудоустройству и поддержке фермеров, продемонстрировали эффективность прямого государственного вмешательства в предотвращении экономических циклов.

2.2 Российские примеры

В России аналогичные практики неконтролируемого рынка получили развитие в 1990-е годы, в эпоху так называемого «дикого капитализма». После распада СССР и введения «шоковой терапии» в 1992 году темпы инфляции достигли рекордных 2 508,85 % за год, что обесценило доходы населения и разрушило накопления граждан. Массовая приватизация по системе ваучеров, когда каждому гражданину выдавались «приватизационные чеки» на покупку акций бывших государственных предприятий, создала благоприятные условия для концентрации собственности в руках узкого круга лиц — будущих олигархов. Отсутствие эффективного надзора и правовых гарантий влекло за собой криминализацию бизнеса, рост коррупционных схем и последовательную монополизацию ключевых отраслей экономики.

Несмотря на развитие нормативно-правовой базы в последующие десятилетия, современные риски, характерные для нерегулируемых сегментов рынка, сохраняются и в XXI веке. По данным Росстата, в 2024 году доля неформально занятых в экономике России составила 21,3% от общей численности работников, а теневой сектор формировал более 18 % ВВП. Эксперты отмечают, что сдерживающий эффект законодательства частично нивелируется уклонением от уплаты налогов и использованием «серых» схем, в результате чего Россия ежегодно теряет до 1 трлн руб. бюджетных поступлений. Сочетание концентрации рыночной власти у крупных корпораций и масштабных теневых практик искажает конкурентную среду, снижает качество услуг и подрывает доверие добросовестных предпринимателей и потребителей.

Уроки Великой депрессии и «шоковой терапии» 1990-х наглядно показывают: без чёткой нормативной базы и эффективных институтов надзора свободный рынок остаётся уязвимым к системным кризисам и социальным потрясениям. Переход от неконтролируемой либеральной модели к сбалансированному государственному регулированию — с применением прямых (банковское регулирование, создание FDIC и SEC) и косвенных (налоговые льготы, антимонопольные меры) инструментов — является ключевым условием устойчивого развития предпринимательской деятельности. Только сочетание правового контроля и экономических стимулов позволяет минимизировать риски перепроизводства, краха финансовых институтов и распространения криминальных практик, обеспечивая при этом динамику роста и социальную стабильность.

3. Современные механизмы госрегулирования в РФ

В современной России государственное регулирование предпринимательской деятельности осуществляется через множество правовых, экономических и социальных механизмов. К правовым инструментам относятся антимонопольное законодательство (ФЗ «О защите конкуренции» № 135-ФЗ) и уголовная ответственность за недобросовестное предпринимательство (статьи 171 и 178 УК РФ). Экономические методы включают налоговые спецрежимы для стимулирования малого и среднего бизнеса (упрощённая система налогообложения, патентная система) [4] и таможенно-тарифное регулирование в целях защиты отечественных производителей [5]. Социальная функция проявляется в обязательном лицензировании отдельных видов деятельности, прежде всего в сфере здравоохранения и образования, что обеспечивает высокие стандарты публичных услуг и защиту прав потребителей [6]. Данные механизмы в совокупности призваны сбалансировать свободу предпринимательства и общественные интересы, минимизируя риски монополизации, уклонения от налогов и социальной незащищённости населения.

3.1 Правовые механизмы государственного регулирования в РФ

В государственном регулировании предпринимательской деятельности правовые механизмы играют ключевую роль, устанавливая обязательные правила поведения субъектов рынка и защищая публичные интересы общества и государства. К числу таких инструментов относится антимонопольное законодательство, закреплённое в Федеральном законе «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ, направленное на предупреждение и пресечение монополистических соглашений и злоупотребления доминирую-

щим положением. Уголовно-правовые санкции, предусмотренные статьями 171 (незаконное предпринимательство) и 178 (ограничение конкуренции) Уголовного кодекса РФ, служат жёстким средством пресечения недобросовестных и преступных практик в бизнесе. Правовые механизмы формируют основу системы государственного воздействия, дополняя экономические стимулы и социальные меры, направленные на поддержку малого и среднего бизнеса и защиту потребителей. В отличие от экономических инструментов, стимулирующих рыночные процессы, и социальных мер, гарантирующих стандарты качества, правовые нормы обладают превентивным характером, создавая надёжные юридические барьеры для недобросовестного поведения. Значимость именно правовых методов определяется тем, что без их эффективного применения возникают системные риски монополизации, коррупции и распространения теневых схем, что неоднократно подтверждалось кризисными явлениями в мировой и российской экономике. Таким образом, правовые механизмы выступают неотъемлемой частью комплексного государственного регулирования, обеспечивая равные условия конкуренции и защиту общественных интересов на всех уровнях хозяйственной деятельности.

Антимонопольное законодательство (ФЗ «О защите конкуренции» № 135-ФЗ) [7]

Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» направлен на обеспечение единства экономического пространства и создание условий для эффективного функционирования рынков товаров и услуг. Закон устанавливает запреты на злоупотребление доминирующим положением, недобросовестную конкуренцию и картельные соглашения.

Федеральная антимонопольная служба (ФАС РФ) наделена полномочиями инициировать расследования и выносить предписания, а в случае нарушения — штрафовать как организации, так и должностных лиц, при этом суммы штрафов варьируются в зависимости от тяжести и общественной опасности совершенного правонарушения. В последние годы ФАС активно применяет инструменты рыночного мониторинга и риск-ориентированного надзора, что стало особенно актуальным в условиях санкций и корректировки внешнеэкономической политики.

Уголовная ответственность за недобросовестное предпринимательство

Уголовно-правовые нормы, закреплённые в статьях 171 и 178, а также в иных статьях Уголовного кодекса, направлены на пресечение недобросовестного предпринимательства и ограничение конкуренции через применение штрафных и карательных санкций за незаконную предпринимательскую деятельность и картельные соглашения. Эти меры служат жёстким инструментом защиты экономического пространства от злоупотреблений и дополняют превентивные механизмы антимонопольного законодательства, усиливая правовую основу государственного регулирования бизнеса

Статья 171 УК РФ (незаконное предпринимательство) предусматривает ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации, лицензии или с нарушением условий, установленных законом. По части 1 санкции включают штраф до 300 000 руб., либо обязательные работы, либо арест до шести месяцев. Квалифицированный состав (организованная группа) по части 2 влечёт штраф до 500 000 руб. или лишение свободы до пяти лет.

Статья 178 УК РФ (ограничение конкуренции) направлена на борьбу с картелями и другими соглашениями, ограничивающими конкуренцию. Деяния, повлёкшие крупный ущерб или получение крупного дохода, наказываются либо штрафом в размере до 500 000 рублей, либо принудительными работами до трех лет либо лишением свободы до трех лет. За особо тяжкие деяния предусмотрена ответственность до семи лет лишения свободы с более высокими штрафными санкциями и лишением права занимать определённые должности до пяти лет.

Таким образом, сочетание антимонопольных норм ФЗ № 135-ФЗ и уголовно-правовых санкций, предусмотренных Уголовным кодексом создаёт многоуровневую систему правовых барьеров против злоупотреблений на рынке, обеспечивая баланс между свободой предпринимательства и защитой общественных интересов.

3.2 Экономические механизмы государственного регулирования в РФ

К экономическому инструментарию государственного регулирования предпринимательства относят налоговые и таможенные механизмы, призванные стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, защищать отечественных производителей и расширять доходную базу бюджета. Налоговая политика России предлагает предпринимателям специальные режимы налогообложения — упрощённую систему (УСН), патентный режим и налог на профессиональный доход — уменьшающие налоговую нагрузку и административные издержки. Таможенное регулирование, в свою очередь, использует тарифные и нетарифные меры для охраны внутреннего рынка от демпингового импорта, поддерживая конкурентоспособность российских производителей и обеспечивая поступления в бюджет через таможенные пошлины.

Российское налоговое законодательство предусматривает несколько специальных режимов для малого и среднего предпринимательства (МСП), каждый из которых ориентирован на разный масштаб и характер бизнеса. Основной и наиболее распространённый является упрощённая система налогообложения (УСН), позволяющая платить 6 % от доходов или 15 % от разницы «доходы минус расходы» вместо сложного комплекса налогов. Для индивидуальных предпринимателей с небольшими доходами действует патентная система, где налог заменяется фиксированным платежом, зависящим от предполагаемого дохода региона и вида деятельности. Ещё одним инструментом стал введённый с 2018 года налог на профессиональный доход («налог для самозанятых») со ставкой 4–6 %, позволяющий легализовать «серые» схемы и расширить налогооблагаемую базу без чрезмерных отчётных обязательств.

Дополнительно регионы вправе устанавливать налоговые каникулы для вновь зарегистрированных МСП, освобождая от уплаты основных налогов на 1–3 года, что стимулирует предпринимательскую активность в наиболее нуждающихся субъектах РФ. В 2025 году ожидается запуск нового «МСП Плюс» — спецрежима, направленного на упрощение отчётности и плавный переход малого бизнеса к более крупным формам хозяйствования, что поможет сохранить доступ к льготам при росте компании.

Таким образом, налоговые спецрежимы представляют собой гибкий инструмент, сочетающий фискальные цели и стимулирование предпринимательства: снижение ставки налога и упрощение отчётности способствует входу новых игроков на рынок и снижению теневой экономики.

Помимо налоговых механизмов регулирования нельзя не упомянуть о таможенно-тарифном регулировании, направленном на установление ввозных и вывозных пошлин, которые выполняют одновременно протекционистскую и фискальную функции. Протекционизм проявляется в повышении ставок пошлин на импортированные товары, что создаёт ценовое преимущество для отечественных производителей и поддерживает загрузку отечественных производственных мощностей. Фискальная функция обеспечивается поступлениями в бюджет: по оценкам экспертов, таможенные сборы формируют до 20 % доходов федерального бюджета.

Нетарифные меры включают введение квот, обязательную сертификацию, санитарные и технические стандарты, а также антидемпинговые расследования, что позволяет ограничить ввоз товаров по заниженным ценам и защитить рынок от недобросовестных импортеров. В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) тарифная политика координируется на уровне Евразийской экономической комиссии, где устанавливаются единые ставки ввозных пошлин для всех членов, что упрощает таможенные процедуры и защищает производителей стран-участниц от внешнеэкономических шоков.

Таким образом, таможенные инструменты в совокупности с налоговыми мерами создают комплексную систему экономического регулирования, где снижение налоговой нагрузки для МСП сочетается с защитой внутренних производителей и наполнением государственного бюджета, что укрепляет устойчивость национальной экономики и стимулирует её развитие.

3.3 Организационные механизмы государственного регулирования в РФ

Организационные механизмы государственного регулирования предпринимательской деятельности в РФ включают комплекс административных процедур и требований, направленных на легализацию, контроль и упорядочивание бизнеса. К ним относятся: государственная регистрация юридических лиц и ИП (через ФНС), обеспечивающая учет субъектов предпринимательства; лицензирование отдельных видов деятельности (например, финансовых, образовательных, медицинских услуг), которое подтверждает соответствие предприятий установленным стандартам; установление нормативов и лимитов (экологических, санитарных, производственных), ограничивающих негативное воздействие на общество и окружающую среду; сертификация и декларирование соответствия продукции, гарантирующие ее безопасность и качество; ведение реестров (например, ЕГРЮЛ, ЕГРИП, реестр недобросовестных поставщиков) для повышения прозрачности бизнес-среды [8]. Эти механизмы создают рамки законной деятельности, минимизируя риски для потребителей и государства, но одновременно налагая на бизнес дополнительные административные обязательства.

Обязательное лицензирование выступает важнейшим инструментом защиты публичных интересов, поскольку обеспечивает безопасность граждан и качество предоставляемых услуг в стратегически значимых сферах. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 N 99-ФЗ определяет цели лицензирования как предупреждение, выявление и пресечение нарушений требований, установленных федеральными законами и другими нормативными актами РФ. Наличие лицензии свидетельствует о соответствии субъекта предпринимательской деятельности обязательным стандартам квалификации, материально-технической оснащённости и надёжности работы.

Помимо лицензирования в организационные механизмы государственного регулирования предпринимательской деятельности включается и государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности, которая является ключевым механизмом легализации бизнеса, обеспечивающим его официальный статус и контроль со стороны государства. Через внесение данных в ЕГРЮЛ или ЕГРИП ФНС подтверждает законность создания юрлица или ИП, что дает право на ведение деятельности, открытие счетов и участие в экономических отношениях. Одновременно регистрация возлагает на бизнес обязательства по соблюдению законодательства, уплате налогов и сдаче отчетности. Этот процесс защищает права потребителей и партнеров, повышает прозрачность рынка и позволяет государству отслеживать субъекты предпринимательства для борьбы с нелегальным бизнесом. Упрощенная электронная регистрация через Госуслуги или ФНС ускоряет выход на рынок, сохраняя контрольные функции

Заключение

Государственное регулирование предпринимательской деятельности в РФ представляет собой необходимый компромисс между свободой рынка и защитой общественных интересов. Исторический опыт (Великая депрессия, кризис 1990-х в России) подтверждает, что отсутствие контроля ведет к экономическим коллапсам, монополизации рынков и социальной нестабильности. Современные механизмы регулирования — правовые (антимонопольное законодательство, уголовная ответственность), экономические (налоговые льготы, таможенные барьеры) и организационные (лицензирование, регистрация) — формируют баланс, позволяющий стимулировать бизнес, обеспечивая при этом безопасность потребителей и стабильность экономики.

Для повышения эффективности государственного регулирования предпринимательской деятельности в РФ необходимо реализовать комплекс мер, направленных на оптимизацию взаимодействия бизнеса и государства. В первую очередь следует сокращать административные барьеры за счет дальнейшего упрощения процедур регистрации бизнеса, сокращения количества обязательных разрешительных документов и минимизации избыточных проверок, особенно в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства. Параллельно важно развивать систему цифрового контроля через внедрение риск-ориентированного надзора, использование технологий больших данных для анализа финансовых потоков и автоматизированного выявления налоговых нарушений, что позволит снизить нагрузку на добросовестных предпринимателей. Особое внимание следует уделить развитию институтов саморегулирования путем передачи части контрольных функций профессиональным объединениям и саморегулируемым организациям, что не только уменьшит бюрократическую нагрузку на государственные органы, но и повысит ответственность бизнес-сообщества. В условиях современных экономических вызовов крайне важна гармонизация национального законодательства с международными стандартами, что будет способствовать интеграции российских предприятий в глобальные цепочки создания стоимости и смягчению последствий санкционного давления. Реализация этих мер позволит создать сбалансированную систему регулирования, которая сочетает необходимый контроль со стороны государства с созданием благоприятных условий для развития предпринимательской инициативы, что в конечном итоге будет способствовать устойчивому росту российской экономики.

Список литературы:

[1] Буров М. П. Государственное регулирование национальной экономики: современные парадигмы и механизмы развития российских регионов. — 4-е изд. — М., 2020. — 343 с

[2] Урусова Эльмира Алимовна, Шумилова Татьяна Эдуардовна Теневая экономика в России и в мире // ПСЭ. 2017. №3 (63).

[3] Лобода А. Е. Проблемы антимонопольного регулирования: административно-правовой аспект // Современная конкуренция. 2013. №6 (42).

[4] Дорошенков Андрей Сергеевич Налоговое стимулирование малого бизнеса в России: оценка результатов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. №339.

[5] Акимова К. В., Макарова А. С., Мельников С. А. Таможенная политика россии на современном этапе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №5-4.

[6] Аляутдинова М. С., Толкачева С. В. Государственное антимонопольное регулирование и защита конкуренции // Таврический научный обозреватель. 2016. №6 (11).

[7] Шишкин, М. В. Антимонопольное регулирование : учебник и практикум для вузов / М. В. Шишкин, А. В. Смирнов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 159 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17195-2.

[8] Губин Е. П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. — М.: Знание/ ИНФРА-М, 2023. — 316 с.

References:

[1] Burov M.P. State regulation of the national economy: modern paradigms and mechanisms for the development of Russian regions. - 4th ed. - M., 2020. - 343 s

[2] Urusova Elmira Alimovna, Shumilova Tatyana Eduardovna Shadow economy in Russia and in the world//PSE. 2017. №3 (63).

[3] Loboda A.E. Problems of antimonopoly regulation: administrative and legal aspect//Modern competition. 2013. №6 (42).

[4] Doroshenkov Andrey Sergeevich Tax incentives for small businesses in Russia: assessment of results//Vestn. Volume. state university. 2010. №339.

[5] Akimova K.V., Makarova A.S., Melnikov S.A. Customs policy of Russia at the present stage//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. №5-4.

[6] Alyautdinova M.S., Tolkacheva S.V. State antimonopoly regulation and protection of competition//Tauride scientific observer. 2016. №6 (11).

[7] Shishkin, M.V. Antimonopoly regulation: textbook and workshop for universities/M.V. Shishkin, A.V. Smirnov. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 159 p. - (Higher education). — ISBN 978-5-534-17195-2.

[8] Gubin E.P. State regulation of market economy and entrepreneurship: legal problems. - M.: Knowledge/INFRA-M, 2023. - 316 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-496-499

УМРИХИНА Анастасия Григорьевна,
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,
e-mail: Umrikhina.a.g@gmail.com

ЕДИНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕЕСТР НЕДВИЖИМОСТИ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности ведения и функционирования Федеральной государственной информационной системы ведения Единого государственного реестра недвижимости как механизма защиты прав на недвижимое имущество в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена возрастающей экономической значимостью недвижимости, ее уязвимостью перед противоправными посягательствами и фундаментальной ролью защищенной системы регистрации в обеспечении правопорядка и стабильности гражданского оборота. Особое внимание уделено вопросам информационной безопасности, поскольку надежная защита данных является обязательным условием эффективности всей системы. Исследуется статус ФГИС ЕГРН как объекта критической информационной инфраструктуры, анализируются применяемые меры по защите персональных данных и предотвращению несанкционированного доступа.*

Ключевые слова: *ФГИС ЕГРН; право собственности; государственная регистрация недвижимости; персональные данные; критическая информационная инфраструктура; информационная безопасность; несанкционированный доступ к компьютерной информации.*

UMRIKHINA Anastasiia Grigorevna,
Lomonosov Moscow State University

UNIFIED STATE REGISTER OF REAL ESTATE AS A MECHANISM FOR ENSURING THE SECURITY OF RIGHTS FOR REAL ESTATE

Annotation. *The article discusses the specifics of maintaining and functioning of the Federal State Information System for maintaining the Unified State Register of Real Estate as a mechanism for protecting rights to real estate in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the increasing economic importance of real estate, its vulnerability to unlawful encroachments and the fundamental role of a secure registration system in ensuring law and order and the stability of civil turnover. Particular attention is paid to information security issues, since reliable data protection is a prerequisite for the effectiveness of the entire system. The article examines the status of the FGIS EGRN as an object of critical information infrastructure, analyzes the measures applied to protect personal data and prevent unauthorized access.*

Key words: *FGIS EGRN; ownership; state registration of real estate; personal data; critical information infrastructure; information security; unauthorized access to computer information.*

Введение. Защита прав на недвижимое имущество является одной из основополагающих задач правового и социального государства. Обеспечение правопорядка, а также частных и публичных интересов в условиях рыночной экономики, где недвижимость является не столько гарантией права на жилье, сколько еще и важным активом инвестирования, приобретают особую значимость, в связи с чем государство активно трансформирует и развивает институт государственной регистрации прав, в том числе, и находя решения среди информационных технологий.

Эффективное использование земли и недвижимости для удовлетворения потребностей общества является ключевой стратегической задачей и приоритетом государственной политики, направленным на устойчивое экономическое развитие России. Стратегия которая утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в пункте 25 указывает на важность защиты всех форм собственности от

противоправных посягательств. Недвижимое имущество зачастую становится объектом противоправных деяний, в том числе, со стороны мошенников.

Действующая на сегодняшний день Федеральная государственная информационная система ведения Единого государственного реестра недвижимости (далее – ФГИС ЕГРН) отвечает современным вызовам и угрозам в сфере защиты прав на недвижимое имущества, а именно защите информации о зарегистрированных правах, в том числе содержащей персональные данные собственников, в связи с чем, рассмотрение эффективности функционирования ФГИС ЕГРН в рамках настоящей статьи можно считать актуальным и необходимым для определения возможных точек роста и развития данной системы.

Для понимания правовой природы понятий необходимо провести различие между ФГИС ЕГРН и ЕГРН. ФГИС ЕГРН введена в эксплуатацию соответствующим актом, функционирует в соответствии с «Положением о федеральной государственной информационной системе ведения Единого государственного реестра недвижимости», утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.04.2023 № 683, то есть, представляет собой информационную систему, которая согласно статье 2 Федерального закона от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» являет собой «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств».

Определение же ЕГРН можно найти в Федеральном законе от 13.07.2015 № 218-ФЗ (далее – ФЗ № 218) «О государственной регистрации недвижимости», в соответствии со статьей 7 которого «Единый государственный реестр недвижимости представляет собой свод достоверных систематизированных семантических и графических сведений». Таким образом, ЕГРН сам по себе является формой хранения сведений, например, о правах, ограничениях прав и обременениях недвижимого имущества, реестровых делах, книгах учета, но обрабатываемых путем использования информационных технологий, включенных в информационную систему. В настоящей статье рассматриваются не только особенности функционирования ФГИС ЕГРН, но и сама природа ЕГРН.

Исторический аспект. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и операций с ним способствует уменьшению рисков на рынке недвижимости и охраняет имущественные права граждан. Первые шаги по установлению прав на недвижимое имущество, в основном, землю, были предприняты еще в 16 веке. При Иване Грозном была создана Поместная изба для регистрации изменений в феодальном землевладении. Подьячие фиксировали акты о сделках, что обеспечивало гарантию прав. По мнению Блиновой М.А. и Гусева В.Е. «возникшая в период Московского государства централизованная система регистрации прав на вотчины и поместья была первым опытом укрепления прав на недвижимое имущество при непосредственном участии государства» [1].

Уже в 18 веке была учреждена Вотчинная коллегия, учреждение которой заложило принцип публичности земельных отношений. Со второй половины 19 века регистрацию прав начали осуществлять нотариусы. С начала 20 века в связи с изменениями в политической и экономической сфере, а именно, национализацией, регистрация прав на имущество утратила значимость. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года предусматривал регистрацию сделок, а в 1964 году кодекс связывал регистрацию договора с появлением права собственности на объект.

Понятие регистрации, использовавшееся в нормативно-правовых актах РСФСР и СССР, условно относилось к государственной регистрации прав на недвижимость. В то время термины «учет», «регистрация имущества» и «регистрация прав» были синонимами, и не существовало единого порядка регистрации; внимание уделялось учету и инвентаризации. Данные о землепользованиях вошли в государственный земельный кадастр, установленный Земельным кодексом РСФСР 1970 года, который содержал информацию о регистрации, качестве и количестве земель. Параллельно действовала система технической инвентаризации жилищного фонда.

Опыт укрепления прав на недвижимость стал актуален только к концу 20 века, что было вызвано возрождением частной собственности и экономическими реформами. Согласно статье 8 Федерального закона от 30.11.1994, до введения закона о регистрации прав на недвижимость использовался действующий порядок. Закон РФ от 24.12.1992 обязывал регистрировать частную собственность на недвижимость в местной администрации, а закон РСФСР от 04.07.1991 г. определял момент возникновения права собственности на приватизированное жилье как момент регистрации договора. Недостатки существующей системы регистрации правоотношений не способствовали созданию эффективного механизма управления в данной сфере. Это было обусловлено отсутствием единого реестра данных, отражающего права на недвижимость, их переходы между правообладателями, а также обременения и другие сделки, особенно это усугублялось масштабами страны и отсутствием информационных технологий. В результате государство не имело инструмента для обеспечения гарантий

зарегистрированных прав и сделок с недвижимостью, что увеличивало риски для добросовестных правообладателей при проведении операций с недвижимым имуществом.

До конца 2008 года в России действовали параллельные системы учета недвижимости и регистрации прав на неё. Были созданы такие механизмы, как:

– Учет земельных участков, зданий и объектов незавершенного строительства, который с 2008 года осуществлялся в государственном кадастре недвижимости.
– Осуществление регистрация прав в Едином государственном реестре прав.

Так как эти процедуры часто дублировались, возникла необходимость объединения данных. Это привело к созданию Единого государственного реестра недвижимости. Участие в процедуре регистрации органов власти разных уровней порождало различную практику правоприменения, в связи с чем возникла необходимость унификации законодательства. Начиная с 01.01.2017 года, порядок государственной регистрации недвижимости проводится в соответствии с Федеральным законом № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», принятым 13 июля 2015 года.

Основная часть. В качестве правовой базы функционирования выступают нормативно-правовые акты различных уровней. Кроме упомянутого выше федерального закона № 218-ФЗ, ведение ЕГРН опирается на Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), Федеральный закон «О кадастровой деятельности» от 24.07.2007 № 221-ФЗ, Постановление Правительства РФ от 29.04.2023 № 683 (ред. от 21.11.2024) «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе ведения Единого государственного реестра недвижимости и о внесении изменения в пункт 3 Правил информационного взаимодействия федеральной государственной информационной системы ведения Единого государственного реестра недвижимости с иными государственными или муниципальными информационными системами», Приказ Росреестра от 28.10.2024 № П/0335 «Об установлении размеров платы за предоставление сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости, и иной информации», Приказ Росреестра от 08 апреля 2021 г. № П/0149 «Об установлении Порядка предоставления сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости, и Порядка уведомления заявителей о ходе оказания услуги по предоставлению сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости» и иные акты Росреестра как уполномоченного органа власти в области регистрации прав на недвижимое имущество.

Дополнительно стоит отметить, что для обеспечения эффективного функционирования ФГИС ЕГРН оператором системы, которым является Публично-правовая кампания «Роскадастр», реализуются меры по защите информации, предусмотренные приказами ФСБ России и ФСТЭК России, посвященными требованиям о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений, с использованием шифровальных (криптографических) средств и без их использования.

ФГИС ЕГРН соответствует требованиям по первого класса защищенности, является объектом критической информационной инфраструктуры Российской Федерации первой категории значимости, в которой обеспечивается третий уровень защищенности персональных данных. Проведенное в 2023 году категорирование и присвоение статуса объекта КИИ свидетельствует о повышенной значимости системы для Российской Федерации. Согласно установленному порядку в соответствии с согласованными с ФСБ России и ФСТЭК России моделью угроз и моделью нарушителя доступ к ФГИС ЕГРН предоставляется только сотрудникам, прошедшим соответствующее обучение по работе в данной системе. Использование ФГИС ЕГРН сотрудниками осуществляется в пределах контролируемой зоны центрального аппарата Росреестра или территориального органа Росреестра.

Более того, В соответствии с Федеральным закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» Росреестр осуществляет обработку персональных данных пользователей, а также несет юридическую ответственность, предусмотренную административным (статьей 13.11 КоАП РФ) и уголовным (статьей 272.1 УК РФ) законодательством. Соблюдение требований защиты информации, включающей персональные данные, требует повышенного внимания со стороны оператора системы. Чувствительные данные пользователей становятся популярным объектом преступного посягательства в настоящее время, так как активно используются мошенниками в развернутых преступных схемах.

Вопрос доступа третьих лиц в системы-значимые объекты КИИ остро встает перед подразделениями, обеспечивающими безопасность объектов. С одной стороны, правоохранительные органы более эффективно осуществляют деятельность по выявлению преступлений против государственной власти в сфере коррупции, так как данные, предоставленные ФГИС ЕГРН, позволяют выявлять аффилированность лиц при осуществлении сделок с недвижимым имуществом. С другой же стороны, доступ третьих лиц, повы-

шает риск нарушения конфиденциальности персональных данных вследствие увеличения числа субъектов, обрабатывающих персональные данные.

В настоящий момент органы государственной власти запрашивают и получают сведения, содержащиеся в ЕГРН, только в электронной форме в рамках использования единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Более того, между Росреестром и правоохранительными органами заключаются соглашения о взаимодействии в рамках достижения определенных целей по вопросам предоставления сведений. Для повышения качества и быстроты взаимодействия можно считать целесообразным предоставление постоянного доступа к ФГИС ЕГРН для некоторых органов государственной власти, например, для контрольно-счетных органов субъектов РФ и Счетной палаты РФ, Генеральной прокуратуры РФ, ФСБ России, но только при условии выполнения требований по защите информации, обеспечивающий должный уровень защиты данных. Следовательно, возможность предоставления постоянного доступа в условиях современного законодательства возможно только при обеспечении персонализированного автоматизированного рабочего места пользователя, находящегося в пределах контролируемой зоны. Предоставление подобного доступа сможет повлиять на скорость и методы выявления преступлений экономической направленности, коррупционных схем, финансирования терроризма.

Для правообладателей недвижимого имущества эффективность функционирования ФГИС ЕГРН напрямую влияет на уровень защищенность их права. Отчуждение имущества может подразумевать необходимость регистрации, в таком случае, согласно части 2 статьи 223 ГК РФ право собственности переходит в момент регистрации права. Запись о переходе права заносится в ЕГРН, а выписка, формируемая в том числе через портал Госуслуги, является подтверждением права собственности на недвижимость. Еще одним важным аспектом при получении выписки является возможность узнать о сведения о возможных ограничениях прав и обременении, что так же влияет на уровень защиты права собственности правообладателя.

Важность корректного функционирования системы поднимает вопрос возможного возникновения ошибок в записях ЕГРН. Автоматизация и человеческий фактор могут привести к искажениям. Ключевым здесь будет вопрос умысла и корыстной заинтересованности, так как действующий УК РФ криминализует умышленное искажение сведений в составе статьи 170. Росреестром регламентируются вопросы устранения ошибок в статье 61 ФЗ № 218. Проводится устранение на основании правоустанавливающих документов и заявлению по решению государственного регистратора. В данном случае важно отличать умышленные искажения от ошибок, а также от технических сбоев. Для облегчения проведения проверок представляется необходимым ведение журналов действий пользователей по внесению или изменению данных во ФГИС ЕГРН с утверждением примерной формы данного журнала. Это будет способствовать единообразию при проведении проверок со стороны контролирующих органов власти.

Заключение. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что ЕГРН представляет собой критически важный элемент в системе защиты прав собственности на недвижимость. Эффективное функционирование ФГИС ЕГРН обеспечивает прозрачность и доступность информации относительно регистрации прав на недвижимость только в условиях надлежаще организованной защиты данных, предоставляемых пользователями. Оператору ФГИС ЕГРН необходимо поддерживать возможность развития в направлении взаимодействия с органами государственной власти, функционирующими в сфере предупреждения и выявления преступности, а также учитывать вопросы повышенной ответственности сотрудников для предотвращения совершения преступлений уполномоченными на работу с системой лицами.

Список литературы:

[1] Блинова Маргарита Александровна, Гусев Владимир Евгеньевич. система регистрации прав на недвижимость в московском государстве XVI-XVII ВВ // Общество: политика, экономика, право. 2022. №3 (104).

[2] Харченко А. В. оформление прав на поместья и вотчины в губернских канцеляриях после указа от 9 февраля 1710 г // Новый ракурс. 2017.

[3] Шитова Е.А. Основания возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве в XVI-XVII веках (на примере вотчин и поместий). М., 2014. 224 с.

References:

[1] Blinova Margarita Alexandrovna, Gusev Vladimir Evgenievich. system of registration of rights to real estate in the Moscow state of the XVI-XVII centuries//Society: politics, economics, law. 2022. №3 (104).

[2] Kharchenko A.V. registration of rights to estates and estates in provincial offices after the decree of February 9, 1710//New angle. 2017.

[3] Shitova E.A. The foundations of the emergence and termination of property rights in the Moscow kingdom in the XVI-XVII centuries (on the example of estates and estates). M., 2014. 224 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-500-502
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
к.ю.н., подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

РОМАНЮК Владимир Станиславович,
доцент кафедры административного права, административной
деятельности и управления органов внутренних дел
Казанского юридического института МВД России,
к.пед.н., полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. *Актуальной проблемой обеспечения общественной безопасности в настоящее время можно признать незаконную (нелегальную) миграцию, а также преступность мигрантов. Российская Федерация, в силу своих географических характеристик, политических событий, а также положения на международной арене, всегда характеризовалась и характеризуется активным участием в миграционных процессах, что порождает необходимость системного управления миграционными процессами и проведения эффективной миграционной политики.*

Ключевые слова: *нелегальная миграция, проблемы, борьба, основные направления, преступления, правонарушения, общественная безопасность.*

KODZOKOVA Lyatsa Arsenyevna,
Senior Lecturer at the Department
of Organization of Law Enforcement Activities
of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D. in Law, Police Lieutenant Colonel

ROMANYUK Vladimir Stanislavovich,
Associate Professor of the Department of Administrative Law,
Administrative Activities and Management of Internal Affairs Bodies,
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D., Police Colonel

PROBLEMS OF ILLEGAL MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Annotation. *Illegal migration and migrant crime are currently recognized as pressing public safety issues. The Russian Federation, due to its geographic characteristics, political events, and international standing, has always been and continues to be actively involved in migration processes, necessitating systemic migration management and the implementation of an effective migration policy. Migration processes driven by external migration are, by their very nature, inextricably linked to security issues. Migration regulation, including within the context of public safety, is implemented through migration policy. Thus, the increase in migration flows poses the challenge for the state to develop and implement an effective national migration policy, whereby migration will play a positive role in the political, socioeconomic, and demographic development of the country, while negative consequences are, in turn, minimized.*

Key words: *illegal migration, problems, struggle, main directions, crimes, offenses, public safety.*

Введение

Повышение эффективности деятельности по прогнозированию, выявлению, анализу и оценке угроз общественной безопасности требует сложившаяся обстановка постоянного возникновения новых организационных форм дестабилизации внутриполитической и социальной ситуации.

Цель и задачи

Целью настоящей статьи выступает изучение проблем незаконной миграции в Российской Федерации на современном этапе.

Методы

Методологическую основу исследования составляет система философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность изучения заданной тематики. Применение в рамках исследования эмпирических методов сбора, обобщения и анализа информации позволило осуществить качественный сбор актуального и обоснованного с практической точки зрения исследовательского материала.

Результаты

Справедливо утверждение, что всякая миграция является потенциальным криминогенным фактором, и в силу этого основой формирования этнической преступности.[1] Мигранты все чаще оказываются вовлеченными в преступный наркобизнес. Случаи, когда сами мигранты становятся организаторами наркотрафиков, включая те, что действуют на межрегиональном уровне, а также создают подпольные лаборатории для производства наркотических веществ, уже не являются чем-то исключительным.

На 69% возросло количество криминальных проявлений со стороны трудовых мигрантов.[2] При этом необходимо учитывать, что статистически учитываемые количественные показатели совершения преступлений организованными группами иностранцев или при их участии отражают лишь небольшую часть общественной опасности их криминальной деятельности.[3]

В целях обеспечения национальной безопасности, в т.ч. общественной, представляется обоснованной позиция Э.А. Мамонтовой, которая предлагает «введение более жестких технических и процедурных мер по упорядочению миграционных перемещений: укрепление участков государственной границы, наиболее привлекательных для нелегалов; усиление миграционного контроля на железнодорожном транспорте; усиление санкций за незаконное использование труда мигрантов предпринимателями; ужесточение наказания «посредников» за оформление фальшивых документов мигрантам».[4]

Заключение

Несмотря на предпринимаемые государством меры по противодействию угрозам общественной безопасности, по-прежнему имеется необходимость в детальном анализе и обсуждении того, насколько эффективными являются существующие механизмы обеспечения общественной безопасности. Как отмечают В.А. Авдеев и О.А. Авдеева, на современном этапе в рамках реализации стратегических направлений по обеспечению общественной безопасности актуализируется необходимость разработки новых направлений, связанных с повышением качества:

- проведения государственного мониторинга состояния преступности и выявления криминогенных сфер в указанной области;
- реализации мер по противодействию организованной и рецидивной преступности в данной сфере;
- учета используемых ресурсов в области общего, специального и индивидуального предупреждения преступлений в сфере общественной безопасности;
- осуществления контроля в сфере предупреждения преступлений в сфере общественной безопасности;
- модернизации системы статистического учета по вопросам состояния преступности в указанной сфере;
- деятельности институтов гражданского общества в целях пресечения правонарушающего поведения.[5]

Данный вопрос остается на повестке дня и требует постоянного внимания со стороны специалистов в области права, правоохранительных органов и общества в целом, поскольку именно от эффективности указанных механизмов зависит уровень безопасности и стабильности в стране, что делает их предметом постоянного мониторинга и оценки.

Список литературы:

[1] Поздняков А.Н. Миграция и этническая преступность: причинно-следственные связи = Migration and ethnic crime causation: монография. М., 2019. С. 224.

[2] Число совершенных иностранцами преступлений выросло на 12% в 2024 году. URL: https://ria.ru/20240903/prestuplenie-1970286816.html (дата обращения: 19.09.2024 г.).

[3] Антонов-Романовский Г.В., Коимшиди Г.Ф., Чирков Д.К., Литвинов А.А. Миграционная преступность: учеб. пособие для вузов. М., 2024.

[4] Мамонтова Э.А. Незаконная миграция в России и вопросы обеспечения национальной безопасности // Миграционное право. 2018. № 4. С. 27.

[5] Авдеев В.А., Авдеева О.А. Новые тенденции правового обеспечения общественной безопасности в контексте предупреждения преступности // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. Т. 12. № 2. С. 75.

References:

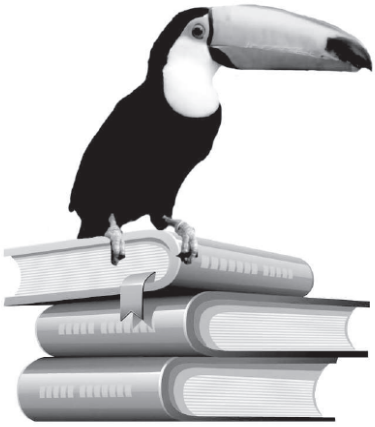
[1] Pozdnyakov A.N. Migration and ethnic crime: causal relationships = Migration and ethnic crime causation: monograph. Moscow, 2019. P. 224.

[2] The number of crimes committed by foreigners increased by 12% in 2024. URL: https://ria.ru/20240903/prestuplenie-1970286816.html (date of reference: 09/19/2024).

[3] Antonov-Romanovsky G.V., Koimshidi G.F., Chirkov D.K., Litvinov A.A. Migration crime: textbook. handbook for universities. Moscow, 2024.

[4] Mamontova E.A. Illegal migration in Russia and issues of ensuring national security // Migration law. 2018. No. 4. P. 27.

[5] Avdeev V.A., Avdeeva O.A. New trends in legal provision of public safety in the context of crime prevention // Bulletin of Surgut State University. 2024. Vol. 12. No. 2. P. 75.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-503-505

ДУМРАУФ Кристина Андреевна,
Студентка 4 курса,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: k.dumrauf@g.nsu.ru

ЮДИН Глеб Юрьевич,
2 курс
Новосибирский государственный университет,
e-mail: g.yudin@g.nsu.ru

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ НЕЗАКОННОГО ПРОВЕДЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Аннотация. *В статье анализируется проблематика квалификации преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 123 УК РФ (незаконное производство аборта). Рассматривается дискуссия о материальной или формальной конструкции состава преступления, связанная с неоднозначным толкованием термина «проведение». Обосновывается позиция, согласно которой состав преступления является формальным и считается оконченным с момента совершения действий, направленных на прерывание беременности, независимо от наступления последствий. Предлагается унифицировать судебную практику для усиления защиты репродуктивного здоровья женщин*.

Ключевые слова: *незаконный аборт, состав преступления, квалификация преступления.*

DUMRAUF Kristina Andreevna,
4th year student, Novosibirsk State University

YUDIN Gleb Yuryevich,
2nd Year Student Novosibirsk State University

THE MOMENT OF COMPLETION OF AN ILLEGAL ABORTION

Annotation. *The article analyzes the issues of qualifying the offense under Part 1 of Article 123 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal abortion). The discussion concerning the material or formal construction of the offense, linked to the ambiguous interpretation of the term "performance," is examined. The position that the offense has a formal composition and is considered completed from the moment actions aimed at terminating the pregnancy are committed, regardless of the consequences, is substantiated. The unification of judicial practice is proposed to enhance the protection of women's reproductive health.*

Key words: *illegal abortion, elements of a crime, qualification of a crime*.

В ч. 1 ст. 123 УК РФ используется понятие термин «проведение», которое в доктрине уголовного права не имеет однозначного толкования. Некоторые авторы рассматривают его как процесс, другие – как конкретный результат действий. Подобная терминологическая неопределенность вызывает оживленные научные дискуссии и порой приводит к судебным ошибкам при квалификации деяний2. В этой связи возникает принципиальная проблема квалификации: необходимо ли при установлении состава преступления по ч. 1 ст. 123 УК РФ обязательно констатировать фактическое изгнание плода из утробы матери или достаточно доказать сам факт выполнения медицинских манипуляций, непосредственно направленных на прерывание беременности, лицом без образования соответствующего профиля?

В юридической доктрине существует позиция, согласно которой состав преступления, закрепленный в ч.1 ст. 123 УК РФ, рассматривается как материальный. Сторонники данного подхода утверждают, что объективная сторона данного деяния заключается в активных действиях, имеющих своей целью прерывание беременности различными методами. При этом они подчер-

кивают, что момент окончания преступления связывается с наступлением конкретного последствия – либо изгнанием плода или его внутриутробной гибелью, поскольку оба этих исхода означают фактическое прекращение беременности. [1] . Указанные исследователи акцентируют внимание на том, что для квалификации деяния как оконченного преступления необходимо установить факт проведения противоправных манипуляций, направленных на искусственное прерывание беременности с нарушением установленных законодательством медицинских норм и стандартов. При этом ключевым критерием окончания состава преступления признается именно достижение биологического результата – извлечение эмбриона из организма матери. Важно отметить, что согласно данной позиции, вопрос о наличии или отсутствии вреда здоровью беременной женщины не влияет на юридическую оценку факта совершения преступления. [2]

Также существует мнение, что состав является формальным, но включающим в себя изгнание плода и в случае ненаступления желаемого результата в виде изгнания плода из утробы беременной женщины после совершения необходимых для прерывания беременности действий, содеянное должно квалифицироваться как покушение на незаконное проведение искусственного прерывания беременности3.

Наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой состав, установленный ст. 123 УК РФ, следует считать формальным, а моментом его окончания – выполнение действий, непосредственно направленных на прерывание беременности. Вышеупомянутый термин «проведение», а равно существующий ранее в рамках данной статьи термин «производство», не дает достаточных оснований полагать, что законодатель включил в объективную сторону данного деяния обязательное наступление последствий в виде прерывания беременности и изгнания плода. Это может относится как к завершенному процессу, повлекшему прекращение беременности, так и к начатым, но не приведшим к желаемому результату медицинским манипуляциям1. Такой подход к определению момента окончания преступления означает, что состав правонарушения считается завершенным уже с начала активных действий, целью которых является искусственное прерывание беременности, кроме того, термин «проведение» характеризует прежде всего, характеризует именно начавшийся процесс незаконного медицинского вмешательства в виде искусственного прерывания беременности. Сама процедура сопряжена с высокими рисками для жизни и здоровья женщины. Если же подобные манипуляции осуществляются лицом, не обладающим необходимым медицинским образованием, степень опасности для потерпевшей возрастает многократно. [3]

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что в правоохранительные органы обращаются медицинские работники вследствие поступивших в больницу потерпевших с признаками криминального аборта и наступившим вредом здоровью, что может привести к ошибочному выводу о связи момента окончания преступления с прерыванием беременности. Однако производство медицинских манипуляций, направленных на изгнание плода как медикаментозным, так и хирургическим методом, может привести к нанесению физического и психического вреда здоровью как матери, так и ребенка, который может родиться с какими-либо физиологическими отклонениями. Проблема малочисленной судебной практики обуславливается высокой латентностью преступления, недостаточно корректной конструкцией диспозиции уголовно-правовой нормы.

В связи с этим, представляется логичным преступление, предусмотренное ч.1 ст. 123 УК РФ, считать оконченным с момента совершения любых действий, направленных на искусственное прерывание беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Данное предложение обуславливается необходимостью усиления уголовно-правовой защиты репродуктивного здоровья женщин и обеспечением возможности назначения законного и справедливого наказаниям для виновных лиц. Для устранения существующей правовой неопределенности целесообразно понимать указанный подход рекомендательным для правоприменителей, что обеспечит единообразие судебной практики по данной категории дел.

Список литературы:

[1] Маркина И.Н. Особенности законодательного конструирования объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ // Евразийская адвокатура. – 2018. – №6 (37). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zakonodatelnogo-konstruirovaniya-obektivnoy-storony-prestupleniya-predusmotrennogo-st-123-uk-rf (дата обращения: 11.11.2024).

[2] Киселева И.А., Безруков Е.Н. Незаконное искусственное прерывание беременности (ст. 123 УК РФ): проблемные аспекты // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 12-2 (52). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnoe-iskusstvennoe-preryvanie-beremennosti-st-123-uk-rf-problemnye-aspekty (дата обращения: 15.10.2024).

[3] Яни П.С. Конец преступления // Законность. – 2016. – № 10. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27327575 (дата обращения: 12.10.2024).

References:

[1] Markina I.N. Features of the legislative construction of the objective side of the crime under Art. 123 of the Criminal Code of the Russian Federation// Eurasian Bar. – 2018. – №6 (37). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zakonodatelnogo-konstruirovaniya-obektivnoy-storony-prestupleniya-predusmotrennogo-st-123-uk-rf (дата обращения: 11.11.2024).

[2] Kiseleva I.A., Bezrukov E.N. Illegal artificial termination of pregnancy (Article 123 of the Criminal Code of the Russian Federation): problematic aspects//Volga Scientific Bulletin. – 2015. – № 12-2 (52). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnoe-iskusstvennoe-preryvanie-beremennosti-st-123-uk-rf-problemnye-aspekty (дата обращения: 15.10.2024).

[3] Jani P.S. End of Crime//Legality. – 2016. – № 10. - URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27327575 (access date: 12.10.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-506-509

МАМКИНА Милана Юрьевна,
Студент 2 курса
Гражданско-правового профиля, юриспруденция,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России»
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: mamkina2006@mail.ru

Научный руководитель:
МОИСЕЕНКО Михаил Иванович
Доцент кафедры административного права и процесса, к.ю.н.,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России»
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: mmimi1963@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правового регулирования заключения браков в Российской Федерации. Рассматривается нормативно-правовая база института брака, правовая природа государственной регистрации, условия и препятствия для вступления в брак, порядок и процедура регистрации в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС), правовые последствия регистрации, вопросы признания браков, заключённых за границей, а также проблемы правоприменения и современные тенденции (включая цифровизацию услуг).*

Ключевые слова: *правовое регулирование, брак, государственная регистрация, Семейный кодекс РФ, органы ЗАГС, брачный договор, недействительность брака, брак с иностранными гражданами, электронные госуслуги, презумпция отцовства.*

MAMKINA Milana Yurievna,
2nd year student of Civil Law profile,
law Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Saint Petersburg University
of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia”
named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev,
Saint Petersburg, Russia

Scientific supervisor:
MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Associate Professor of the Department
of Administrative Law and Procedure,
Candidate of Juridical Sciences Saint Petersburg University
of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero
of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev

LEGAL REGULATION OF MARRIAGE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the legal regulation of marriage in the Russian Federation. The article examines the legal framework of the institution of marriage, the legal nature of state registration, conditions and obstacles to marriage, the procedure and procedure for registration with civil registry offices, the legal consequences of registration, issues of recognition of marriages concluded abroad, as well as law enforcement issues and current trends (including digitalization of services).*

Key words: *legal regulation, marriage, state registration, Family Code of the Russian Federation, registry offices, marriage contract, nullity of marriage, marriage with foreign citizens, electronic public services, presumption of paternity.*

В настоящий период брак остаётся одним из ключевых социальных институтов, на который возлагаются функции регулирования личных, имущественных и родительских отношений. Социальная динамика и сохраняющиеся правоприменительные трудности (фиктивные браки, случаи принуждения, оформление браков с иностранцами и признание зарубежных актов гражданского состояния) формируют потребность в актуальном и практикоориентированном анализе действующего правового регулирования заключения браков в Российской Федерации. Понимание и совершенствование правовой базы необходимы для защиты прав детей, супругов и третьих лиц для обеспечения единого публичного статуса семейных отношений.

Цель данного анализа — исследовать действующее правовое регулирование заключения браков в России, выявить правовые нормы и процедурные требования, выявить проблемные ситуации в правоприменении и предложить практические рекомендации по совершенствованию правового регулирования и защите прав участников брачных отношений.

Заключение брачных союзов в России регламентировано правовыми нормами, опирающимися на положения Конституции и специализированное законодательство. Ключевую роль в этом процессе играют Семейный кодекс РФ и федеральный закон о гражданском состоянии, определяющие требования к заключению брака, процедуру его государственной регистрации и юридические последствия такого события.

На сегодняшний день как в научной литературе, так и в действующем законодательстве, брак рассматривается как институт, имеющий общественно-правовые аспекты: права и обязанности супругов, вопросы собственности и права детей определяются и становятся обязательными с момента официального оформления брака в органах записи актов гражданского состояния. Самостоятельные юридические последствия религиозные обряды или другие подобные церемонии не имеют, за исключением случаев их сочетания с официальной регистрацией.

Законодательство устанавливает обязательные условия и запреты, направленные на защиту свободы волеизъявления сторон и общественных интересов.

Брачная способность по возрасту. Общая возрастная граница для вступления в брак — 18 лет. Вместе с тем действующее законодательство допускает в исключительных случаях вступление в брак с 16 лет при наличии уважительных причин и соответствующего разрешения уполномоченного органа [1].

Дееспособность. Лицо, признанное недееспособным судом, не вправе вступать в брак; эта норма защищает лиц, неспособных полноценно выражать своё волеизъявление.

Единобрачие. Заключение нового брака при наличии действующего брака запрещено; многожёнство/многомужество признаются недопустимыми и являются основанием для признания последующего брака недействительным.

Близкое родство и усыновление. Закон запрещает браки между близкими родственниками, а также между усыновителем и усыновлённым.

Добровольность волеизъявления сторон является материальным условием. Брак, заключённый под принуждением, может быть оспорен в суде и признан недействительным. Указанные ограничения направлены на защиту прав и охраняемых законом интересов участников брака и третьих лиц (в первую очередь детей) [5].

Брак регистрируется государственными учреждениями ЗАГС согласно действующему законодательству РФ. Процедура начинается с подачи соответствующего заявления. Это заявление супружеские пары представляют непосредственно в ЗАГС по месту прописки или выбору, дополняя его документами, удостоверяющими их личности. В необходимых случаях к пакету прилагаются бумаги, свидетельствующие об окончании прежних браков – либо свидетельство о разводе, либо о кончине супруга. Кроме того, могут потребоваться иные документы, установленные нормативными актами, включая зарубежные, прошедшие процедуру легализации и сопровожденные переводом. После получения заявления существует период ожидания, закрепленный законом, предназначенный для проверки данных и подтверждения согласия сторон на брак, хотя он может быть уменьшен при наличии веских причин. Для официальной регистрации необходимо физическое присутствие обоих

будущих супругов, поскольку данный процесс является общественным и зафиксированным в нем считается выражение их совместной воли [2].

После государственной регистрации вносятся соответствующие записи в книгу регистрации актов гражданского состояния, и выдается свидетельство о заключении брака, являющееся официальным подтверждением семейного статуса супругов и основанием для внесения изменений в иные документы (паспорт, записи о фамилии и т.д.).

В последние годы возможна предварительная запись в ЗАГС и подача заявления через единый портал государственных услуг, однако окончательный акт регистрации по существу требует присутствия и личного волеизъявления сторон.

Государственная регистрация порождает сочетание личных и имущественных прав и обязанностей супругов.

Личные неимущественные права и обязанности. Супруги имеют равные права и несут равные обязанности в браке (поддержка, воспитание детей, участие в семейной жизни), что закреплено в отраслевом законодательстве и в конституционных принципах равенства.

Имущественные отношения. По общему правилу имущество, нажитое супругами в период брака, является их совместной собственностью. Закон допускает заключение брачного договора, который позволяет установить иной режим имущественных отношений (раздельную собственность, установление долей и т.д.). Брачный договор заключается в письменной форме и при необходимости подлежит государственной регистрации в установленном порядке.

После регистрации брака супруги имеют право изменить фамилию; порядок внесения изменений в документы регламентирован актами ЗАГС и правилами оформления паспортов и иных удостоверений личности [2].

Презумпция отцовства. Если ребёнок рождается в браке, муж матери, состоящий с ней в браке, считается отцом ребёнка (презумпция), что упрощает защиту прав ребёнка и оформление отношений между родителем и ребёнком. Также Российское право допускает заключение браков с иностранными гражданами как на территории РФ, так и за рубежом. Практика регистрации таких браков связана с дополнительными требованиями к документам иностранного происхождения: необходимость легализации или проставления апостиля, нотариально заверенные переводы и подтверждение юридической силы документов в соответствии с международными соглашениями [6].

Браки, заключённые за рубежом, могут быть зарегистрированы в российских органах ЗАГС для целей признания семейного статуса на территории РФ; при этом применяются положения о признании иностранных актов гражданского состояния и соответствующие международно-правовые нормы [1].

Брак может быть признан недействительным на основании закона при определенных обстоятельствах: например, если один из супругов уже состоит в другом браке, существует кровное родство между ними, один из них не имеет дееспособности или брак был заключен не по доброй воле. Оспаривание брака происходит в судебном порядке в рамках гражданского процесса; суд рассматривает представленные доказательства и выносит вердикт – либо признает брак недействительным, либо отказывает в удовлетворении иска. Специальные правила, касающиеся фиктивных браков, заключаемых ради получения иммиграционных льгот, уклонения от наказания (уголовного или административного), устанавливаются миграционным и уголовным законодательством и подразумевают сотрудничество ЗАГС, правоохранительных структур и служб миграции.

Правоприменительная практика выявляет несколько устойчивых проблем:

- Фиктивные и принудительные браки. Для предотвращения случаев фиктивных и принудительных браков требуется усиление контроля и межведомственного взаимодействия между органами ЗАГС, органами внутренних дел, миграционной службой и органами опеки [4].
- Регистрация браков с иностранцами. Сложности при легализации документов, языковые барьеры и различные правовые режимы стран приводят к административным затруднениям при оформлении и признании браков.
- Ранние браки. Вступление в брак в подростковом возрасте в отдельных случаях влечёт риски для здоровья и прав несовершеннолетних; законодательство допускает такие браки лишь в исключительных ситуациях и при строгой проверке оснований.
- Цифровизация. Электронные сервисы (предварительная запись, подача заявления через портал Госуслуг) повышают доступность и удобство получения услуги регистрации брака, однако требуют усиления мер по верификации личности и подлинности документов, а также защиты данных.

Тенденции развития включают совершенствование межведомственного взаимодействия, цифровизацию услуг при повышении мер безопасности, а также разработку методик профилактики фиктивных и принудительных браков.

Заключение

Правовое регулирование браков в РФ основано на добровольности, равенстве и защите семьи. Соблюдение норм обеспечивает защиту, но особые случаи требуют внимания. Государственная регистрация брака остаётся необходимым и достаточным юридическим основанием для возникновения брачно-правового статуса супругов; обеспечение публичности и единства регистрационного учёта служит защите прав супругов и третьих лиц. Роль государственных актов в регулировании брачно-правовых отношений остаётся ключевой.

Для повышения эффективности правоприменения рекомендуется:

- усилить межведомственное взаимодействие органов ЗАГС, органов внутренних дел, миграционных и органов опеки для своевременного выявления фиктивных и принудительных браков;
- стандартизировать и упростить процедуры признания и использования иностранных актов гражданского состояния, снизив административные барьеры при соблюдении требований международного права;
- развивать цифровые сервисы при одновременном внедрении надёжных механизмов верификации личности и подлинности документов;
- проводить информационно-правовое просвещение граждан о правах и обязанностях, возникающих при заключении брака.

Список литературы:

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025)

[2] Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 N 143-ФЗ Глава III. Государственная регистрация заключения брака.

[3] Наумов Я. В. Правовое регулирование условий заключения брака: тенденции реформирования // Евразийский Союз Ученых. — 2017. — № 9. — С. 67-70.

[4] Портнова Е. В., Щеглова Д. Д. Проблемные аспекты заключения браков между гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами // Наука. Общество. Государство. — 2019. — № 1.

[5] Працко Г. С., Левицкая Е. А. Институт брака в законодательстве РФ: некоторые проблемные аспекты // Теория и практика общественного развития. — 2016. — № 33.

[6] Черепанин Е. Ю. Презумпция отцовства: постановка проблемы // Вопросы науки и образования. — 2018.

References:

[1] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 N 223-FZ (rev. from 23.11.2024, with rev. from 30.10.2025) (with rev. and additional, entry. effective from 05.02.2025)

[2] Federal Law “On Acts of Civil Status” of 15.11.1997 N 143-FZ Chapter III. State registration of marriage.

[3] Naumov Y. V. Legal regulation of marriage conditions: reform trends//Eurasian Union of Scientists. — 2017. — № 9. - S. 67-70.

[4] Portnova E.V., Scheglova D.D. Problematic aspects of marriage between citizens of the Russian Federation and foreign citizens//Science. Society. State. — 2019. — № 1.

[5] Pratsko G.S., Levitskaya E.A. Institute of Marriage in the Legislation of the Russian Federation: Some Problematic Aspects//Theory and Practice of Social Development. — 2016. — № 33.

[6] Cherepanin E. Yu. Presumption of paternity: posing a problem//Issues of science and education. — 2018.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-510-514

МОРОЗОВ Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: morozur@mail.ru

ЕГОРОВА Елена Валентиновна,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин факультета психологии и права
Вологодского института права и экономики ФСИН России,
e-mail: elena_ustinova1979@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕУПЛАТУ АЛИМЕНТОВ: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ действующего механизма привлечения к административной и уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей. На основе изучения судебной практики авторы выявляют системные проблемы, снижающие эффективность правового воздействия. Ключевой проблемой обозначен правовой пробел, возникающий между стадиями ответственности: период неуплаты алиментов между вынесением постановления о привлечении к административной ответственности и его вступлением в законную силу не охватывается ни одной из них. Также отмечается низкая эффективность назначаемых наказаний, в частности, широкое применение исправительных работ, которое зачастую несоразмерно тяжести содеянного и не препятствует рецидиву правонарушений. В качестве решения авторы предлагают комплекс законодательных инициатив. Он включает устранение выявленного пробела путем дополнения КоАП РФ новой нормой, а также ужесточение санкций ст. 157 УК РФ, в частности, введение квалифицированного состава за неуплату алиментов в крупном размере. Предлагаемые меры направлены на создание непрерывного и результативного механизма защиты прав несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *неуплата алиментов; административная ответственность; уголовная ответственность; административная преюдиция; защита прав несовершеннолетних; злостное уклонение; алиментные обязательства; наказание.*

MOROZOV Roman Mikhailovich,
Associate Professor
of the Department of Criminal Law Sciences
at the Northwestern Institute (branch)
O.E. Kutafin University (MGUA),
Candidate of Law, Associate Professor

EGOROVA Elena Valentinovna,
is a senior lecturer
at the Department of Civil Law Disciplines
of the Faculty of Psychology and Law
of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF PROSECUTION FOR NON-PAYMENT OF ALIMONY: AN ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the current mechanism of bringing to administrative and criminal responsibility for non-payment of funds for the maintenance of children. Based on*

the study of judicial practice, the authors identify systemic problems that reduce the effectiveness of legal action. The key problem is the legal gap that arises between the stages of responsibility: the period of non-payment of alimony between the issuance of an administrative decision and its entry into force is not covered by any of them. There is also a low effectiveness of the penalties imposed, in particular, the widespread use of correctional labor, which is often disproportionate to the severity of the offense and does not prevent the recurrence of offenses. As a solution, the authors propose a set of legislative initiatives. It includes the elimination of the identified gap by supplementing the Administrative Code with a new norm, as well as tougher sanctions under Article 157 of the Criminal Code, in particular, the introduction of qualified personnel for non-payment of large amounts of alimony. The proposed measures are aimed at creating a continuous and effective mechanism for protecting the rights of minors.

Key words: *non-payment of alimony; administrative liability; criminal liability; administrative prejudice; protection of the rights of minors; malicious evasion; alimony obligations; punishment.*

Конституционная обязанность государства по защите семьи, материнства и детства (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ)[1] реализуется, в том числе, через создание эффективного механизма обеспечения алиментных обязательств. В российском законодательстве таким механизмом выступает система повышения ответственности: от административной по ст. 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Далее - КоАП РФ) [2] до уголовной – по ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее - УК РФ) [3].

Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, данный механизм содержит ряд проблемных вопросов. Они не только создают условия для уклонения от уплаты алиментов, но и снижают превентивный эффект правового воздействия. Целью настоящего исследования является выявление этих проблемных вопросов на стыке административного и уголовного права на основе анализа конкретных судебных решений и разработки комплексных предложений по совершенствованию законодательства.

Так, основанием для привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ является неуплата без уважительных причин средств на содержание детей в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства [2].

Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 157 УК РФ наступает за аналогичное деяние, совершенное неоднократно. Ключевым элементом состава преступления является административная преюдиция. Согласно примечаниям частей 1 и 2 к ст. 157 УК РФ, неоднократным признается неуплата средств лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда оно считается подвергнутым этому наказанию [3].

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)» в п. 2 разъяснил, что «уголовная ответственность... наступает в случае невыполнения обязанности по уплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей лицом, уже подвергнутым административному наказанию за такое же деяние» [4].

Таким образом, для уголовной ответственности необходим новый, самостоятельный период неуплаты, который начинается строго после вступления в законную силу постановления о привлечении к административной ответственности (ч. 1 ст. 31.1 КоАП РФ) [2].

Это законодательное правило порождает правовой пробел: период неуплаты алиментов с момента вынесения судом постановления о привлечении к административной ответственности и до момента вступления этого постановления в законную силу (10 суток по общему правилу, а на практике – значительно дольше, если подана жалоба) не охватывается ни административной, ни уголовной ответственностью.

Административное правонарушение уже окончено и за его совершение назначено наказание, а для уголовной ответственности необходим новый срок неуплаты, который начинает течь лишь после вступления административного наказания в силу.

Для устранения выявленного пробела и усиления гарантий защиты прав несовершеннолетних представляется целесообразным внести следующие изменения в КоАП РФ.

Предлагается дополнить ст. 5.35.1 КоАП РФ новой частью (например, частью 1.1) следующего содержания: «Неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, в период со дня вынесения постановления о назначении административного наказания по части 1 настоящей статьи до дня вступления данного постановления в

законную силу, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, – влечет наложение административного штрафа в размере от двадцати до тридцати тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток.».

Данная мера позволит ликвидировать существующий «правовой пробел» и создать непрерывный механизм ответственности.

Кроме того, следует остановиться и на другом, не менее важном аспекте при привлечении виновных к уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей. Таким вопросом является соразмерность наказания за преступления и предложение о его ужесточении.

Так, приговоры судов демонстрируют стандартный путь привлечения к уголовной ответственности: наличие вступившего в законную силу решения суда о взыскании алиментов; возбуждение исполнительного производства; привлечение к административной ответственности по ст. 5.35.1 КоАП РФ; новая неуплата в период действия административного наказания; как следствие - уголовная ответственность по ч. 1 ст. 157 УК РФ.

В приговоре Гайнского районного суда Пермского края от 07.04.2024 по уголовному делу № 1-17/2025, суд прямо указывает: «ФИО1 в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ, являясь лицом, подвергнутым административному наказанию по ч.1 ст.5.35.1 КоАП РФ, должных выводов для себя не сделала и вновь совершила аналогичное деяние» [7].

Вместе с тем, по большинству уголовных дел, по факту неуплаты алиментных обязательств, суд несмотря на различную характеристику личности подсудимых и размер задолженности, назначает наказание в виде исправительных работ.

Так, в соответствии с приговором Гайнского районного суда Пермского края от 07.04.2024 по уголовному делу № 1-17/2025: ФИО1 признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 157 УК РФ и ей назначено наказание в виде исправительных работ на срок 5 месяцев, с удержанием ежемесячно 5% из заработной платы в доход государства [7].

Приговором Балашихинского городского суда от 10.04.2025 по уголовному делу № 1-152/2025: ФИО1 признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ и ему назначено наказание в виде исправительных работ сроком на 11 (одиннадцать) месяцев с удержанием ежемесячно в доход государства из заработной платы 15% (пятнадцать) процентов [8].

Приговором Балаковского районного суда Саратовской области от 29.04.2025 по уголовному делу № 1-1-161/2025: ФИО1 признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 157, пункту «в» части 2 статьи 115, части 1 статьи 119 Уголовного кодекса Российской Федерации, и ему назначено наказание: по части 1 статьи 157 УК РФ в виде исправительных работ на срок 6 (шесть) месяцев с удержанием из заработка осужденного 10 % в доход государства….(по эпизоду с алиментами) [9].

Данная практика свидетельствует об общепринятом подходе и, возможно, о не соразмерности санкции для случаев злостного уклонения с крупной задолженностью.

Суды, при принятии решений о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, констатируют отсутствие действий по трудоустройству и сокрытие доходов. Например, в приговоре Гайнского районного суда Пермского края от 07.04.2024 по уголовному делу № 1-17/2025 указано: «...являясь трудоспособной, мер к официальному трудоустройству не предпринимала, официально не трудоустраивалась, сведений о трудоустройстве судебному приставу-исполнителю не предоставляла, постоянного источника дохода не имела, на учете в центре занятости населения... не состояла» [7]. Это подчеркивает умышленный характер деяния.

Следует отметить, что приговор Гайнского районного суда Пермского края от 07.04.2025 и приговор Балашихинского городского суда от 10.04.2025 по уголовному делу № 1-152/2025 постановлены в особом порядке судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ), что, с одной стороны, упрощает и ускоряет производство, но с другой – ограничивает полноту судебного исследования обстоятельств дела и, как следствие, может влиять на индивидуализацию наказания.

Кроме того, учитывая высокую степень общественной опасности злостного уклонения, особенно при крупных размерах задолженности, поддерживаем предложения Купировой Ч.Ш. о пересмотре санкций ст. 157 УК РФ, которая предлагает дополнить ст. 157 УК РФ частью 3, где в качестве квалифицирующего признака закрепить: «деяние, предусмотренное частью первой или частью второй настоящей статьи, совершенное лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное настоящей статьей, установив за него наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до пяти лет, либо лишения свободы на срок до трех лет» [6, с. 26].

Обращают внимание на необходимость ужесточения наказания по ст. 157 УК РФ Данюк А.А. и Рублев А.Г., которые предлагают взять за основу санкцию ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». Кроме того, учитывая общественную опасность неисполнения алиментных обязательств и

необходимость неукоснительно соблюдения принципов и выполнения задач уголовного закона, предлагают дополнить примечание № 3 к ст. 157 УК РФ следующим условием: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьёй…» [5, с. 65].

Считаем, что оба приведенных мнения обоснованы и заслуживают внимания. Полагаем, что будет целесообразным ввести квалифицирующий состав, предусматривающий более строгое наказание за неуплату алиментов в крупном размере, а также рассмотреть возможность увеличения верхних пределов сроков исправительных и обязательных работ.

Кроме того, считаем, что необходимо усилить контроль за отбыванием наказания в виде исправительных и принудительных работ и рассмотреть возможность прямого зачета части удержаний из заработка, осужденного в счет погашения алиментной задолженности. Это напрямую свяжет наказание с основной обязанностью и будет мотивировать должника к труду и добросовестному поведению.

Судам при назначении наказания по ст. 157 УК РФ следует активнее использовать положения ст. 60 УК РФ, строже подходя к выбору вида и размера наказания для лиц, которые, будучи трудоспособными, умышленно уклоняются от трудоустройства и уплаты алиментов, несмотря на предыдущее административное наказание. Отказ от условного осуждения должен применяться более широко в подобных случаях.

Подводя итог, следует отметить, что проведенный анализ позволяет констатировать, что существующий механизм ответственности за неуплату алиментов, обладает недостатками. Выявленный правовой пробел между административной и уголовной стадиями ответственности, а также судебная практика назначения наказаний в виде исправительных работ, не всегда соразмерных тяжести содеянного, снижают эффективность всей системы защиты прав несовершеннолетних.

Предложенные авторами меры сводятся к устранению пробела в КоАП РФ, касающегося уточнения периода неуплаты алиментов с момента вынесения судом постановления о привлечении к административной ответственности и до момента вступления этого постановления в законную силу, а также совершенствование в вопросе ответственности по ст. 157 УК РФ которые должны носить комплексный характер. Их реализация будет способствовать созданию более справедливого, непрерывного и результативного механизма правового воздействия на злостных неплательщиков алиментов, что отвечает конституционным целям защиты семьи и детства.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. – № 3.

[5] Данюк, А. А. О совершенствовании уголовной ответственности за неуплату средств на содержание членов семьи / А. А. Данюк, А. Г. Рублев // Юридическая гносеология. – 2024. – № 4. – С. 59-67.

[6] Купирова, Ч. Ш. Уголовная ответственность за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей (по материалам следственно-судебной практики Приволжского федерального округа) / Ч. Ш. Купирова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 20–28.

[7] Приговор Гайнского районного суда Пермского края от 07.04.2025 по делу № 1-17/2025 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/WfPQaM2ZHQb1/ (дата обращения: 01.10.2025).

[8] Приговор Балашихинского городского суда от 10.04.2025 по делу № 1-152/2025 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/3FdruwPipP1j/ (дата обращения: 01.10.2025).

[9] Приговор Балаковского районного суда Саратовской области от 29.04.2025 по делу № 1-1-161/2025 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/i5wKFFINyXlQ/ (дата обращения: 01.10.2025).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ)//Legislative Assembly RF. – 2014. – № 31. - Art. 4398.

[2] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 30.12.2001 (rev. dated 24.04.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. - No. 1 (part 1). - Art. 1.

[3] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 24.04.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

[4] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2022 No. 39 "On judicial practice in criminal cases on non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents (Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation) "//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. – № 3.

[5] Danyuk, A. A. On improving criminal liability for non-payment of funds for the maintenance of family members/A. A. Danyuk, A. G. Rublev//Legal epistemology. – 2024. – № 4. - S. 59-67.

[6] Kupirova, Ch. Sh. Criminal liability for malicious evasion of payment of funds for the maintenance of children (based on the materials of the investigative and judicial practice of the Volga Federal District)/Ch. Sh. Kupirova//News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. – 2014. – № 4 (32). - S. 20-28.

[7] Verdict of the Gaynsky District Court of the Perm Territory of 07.04.2025 in case No. 1-17/2025// URL: https://sudact.ru/regular/doc/WfPQaM2ZHQb1/ (date of appeal: 01.10.2025).

[8] Verdict of the Balashikha City Court of 10.04.2025 in case No. 1-152/2025//URL: https://sudact.ru/regular/doc/3FdruwPipP1j/ (date of appeal: 01.10.2025).

[9] Verdict of the Balakovo District Court of the Saratov Region of 29.04.2025 in case No. 1-1-161/2025//URL: https://sudact.ru/regular/doc/i5wKFFINyXlQ/ (date of appeal: 01.10.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-515-520

КОСТОРНОВ Денис Алексеевич,
магистрант,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: d.kostornov@g.nsu.ru

РУБЕКИНА Юлия Станиславовна,
студент,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: y.rubekina@g.nsu.ru

ВВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЯ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ ТОВАРА КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТКАЗА В РЕГИСТРАЦИИ ТОВАРНОГО ЗНАКА

Аннотация. *В статье раскрывается содержание такого основания для отказа в регистрации товарного знака как введение потребителя в заблуждение, анализируются причины его широкой распространенности. Отмечается, что наиболее частыми случаями введения потребителя в заблуждение в отношении товара являются указание на определенный вид товара (услуги), который не соответствует фактически реализуемой продукции (оказываемой услуги), а также «суггестивные» обозначения. Выражается согласие с позицией Роспатента о том, что, если элементы обозначения можно отнести к ложным или способным ввести в заблуждение, но неправдоподобным, обозначение нецелесообразно признавать ложным или способным ввести в заблуждение. Делается вывод о том, что определение вероятности введения потребителя в заблуждение в отношении товара должно быть сопряжено с установлением всех смыслов анализируемого обозначения и оценкой наиболее вероятных ассоциаций, которые обозначение способно породить у рядового потребителя соответствующего товара или услуги. Принимая решение, уполномоченные органы должны руководствоваться критерием правдоподобности такого заблуждения в сознании среднестатистических потребителей.*

Ключевые слова: *товарные знаки, введение потребителя в заблуждение в отношении товаров, основания для отказа в регистрации.*

KOSTORNOV Denis Alekseevich,
Master's student,
Novosibirsk State University

RUBEKINA Yulia Stanislavovna,
student, Novosibirsk State University

MISLEADING THE CONSUMER ABOUT THE PRODUCT AS A BASIS FOR REFUSAL OF TRADEMARK REGISTRATION

Annotation. *The article reveals the content of such grounds for refusal to register a trademark as misleading the consumer, and analyzes the reasons for its widespread use. It is noted that the most common cases of misleading consumers about a product are references to a certain type of product (service) that does not correspond to the actual product (service) being sold, as well as "suggestive" designations. There is agreement with Rospatent's position that if the elements of the designation can be classified as false or misleading, but implausible, it is inappropriate to recognize the designation as false or misleading. It is concluded that determining the probability of misleading a consumer about a product should involve establishing all the meanings of the designation being analyzed and evaluating the most likely associations that the designation can generate in an ordinary consumer of the relevant product or service. When making a decision, authorized bodies should be guided by the criterion of the plausibility of such a misconception in the minds of average consumers.*

Key words: *trademarks, misleading consumers about goods, grounds for refusal of registration.*

Введение потребителя в заблуждение наряду со сходством до степени смешения и отсутствием у обозначений различительной способности традиционно является одним из наиболее распространенных оснований для отказа в регистрации товарного знака. Будучи по своей природе критерием, обладающим значительной степенью субъективизма, именно проблемные аспекты установления возможности введения потребителя в заблуждение нередко становятся предметом рассмотрения в Палате по патентным спорам и Суде по интеллектуальным правам.

В поисках причины столь широкого распространения такого основания исследователи приходят к выводу, что в большинстве случаев Роспатент и суды попросту не разграничивают институты введения в заблуждение и сходства до степени смешения и рассматривают эти виды нарушений в совокупности [1, с. 37]. Высокий уровень субъективизма, в свою очередь, достигается за счет того, что способность введения в заблуждение может быть подтверждена или опровергнута лишь самим рынком при реализации товаров или услуг, в связи с этим конкретному лицу (эксперту) представляется возможным представить лишь свое субъективное предположение на этот счет [2, с. 68]. Как справедливо отмечает Э.П. Гаврилов в постатейном Комментарии к части четвертой Гражданского кодекса, «само введение в заблуждение относительно товара или его изготовителя происходит при использовании товарного знака. Любые попытки до этого момента определить возможность введения потребителя в заблуждение – умозрительны, а потому не являются точными» [3, с. 585]. В данном случае речь идет о том, что фактически введение потребителя в заблуждение происходит постфактум, т.е. после прохождения регистрации, лишь в процессе использования товарного знака на производимых товарах, в то время как эксперту необходимо оценить перспективы заранее, еще до попадания маркированного товара или услуги на соответствующий рынок.

В связи с этим обоснованным выглядит подход С.В. Бутенко, предлагающей рассматривать два типа введения потребителя в заблуждение: введение потребителя в заблуждение в силу существа обозначения, очевидное для эксперта на этапе экспертизы по существу; введение потребителя в заблуждение, вытекающее из использования сходного товарного знака другим лицо [4, с. 20]. Вторая категория представляется более сложной, о проблемах, из нее вытекающих, пойдет речь в третьей главе исследования.

Законодатель в п.п.1 п.3 ст. 1483 ГК РФ назвал 3 характеристики товара, в отношении которых потребитель может быть введен в заблуждение: сам товар, его изготовитель, место производства. Перед рассмотрением каждой характеристики предлагаем более подробно остановиться на правовой природе категории «введение потребителя в заблуждение», содержание которой остается открытым и требующим дальнейшей правовой регламентации.

Правовая категория «введение в заблуждение» чаще всего применяется в цивилистике для обозначения сделки с пороками воли, заключенной под влиянием ошибочных представлений о существенных условиях или обстоятельствах совершения сделки [5, с. 55]. Учитывая значение различительной способности, как ключевого критерия охраноспособности товарного знака, вопрос о введении потребителя в заблуждение применительно к средствам индивидуализации товаров и услуг стоит особенно остро.

Начнем с того, что использование в п.3 ст. 1483 ГК РФ формулировки «являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара, его изготовителя или места производства» создает определенные сложности для разграничения ложных обозначений и обозначений, способных ввести в заблуждение. Представляется верным утверждать, что для разграничения необходимо обратиться к этимологии слов. О способности в данном контексте стоит говорить как о характеристике, лежащей в области ассоциативных предположений, возможная реализация которой зависит от ряда обстоятельств, в том числе, субъективного восприятия потребителя. В свою очередь, ложность является легко распознаваемым, не требующим доказательств противоречием с действительностью, существующем вне чьих-то субъективных оценок, т.е. ложность по своему внутреннему содержанию носит абсолютный характер [2, с. 67]. В отличие от ложных, обозначения, вводящие в заблуждение, сами по себе не содержат информации, не соответствующей действительности, но, тем не менее, создают предпосылки для обмана косвенным путем. Такими признаются обозначения, порождающие в сознании потребителя представления об определенном качестве товара, его изготовителе или месте происхождения, которые не соответствуют действительности [6]. Обозначение признается ложным или вводящим в заблуждение, если ложным или вводящим в заблуждение является хотя бы один из его элементов.

Наиболее частой ситуацией, квалифицированной уполномоченными органами как введение потребителя в заблуждение в отношении товара, является случай, когда обозначение содержит указание на определенный вид товара (услуги),

который не соответствует фактически реализуемой продукции (оказываемой услуги), в отношении которой истребовалась правовая охрана.

Так, Палата по патентным спорам пришла к выводу, что обозначение «sweet nuts» (сладкий орешек) в отношении ряда товаров 30 класса МКТУ (пищевая продукция, например, крупы, лапша, пироги и т.д.) является ложным указанием на вид товара и способным ввести потребителя в заблуждение относительно свойств таких товаров, поскольку указанные пищевые продукты не содержат орехи в своем составе и не являются орехами [7]. В отношении другой части товаров (изделия из сладостей, конфеты, шоколад и т.д.) Палата констатировала, что обозначение неверно ориентирует потребителей относительно фактического присутствия тех компонентов, которые в нем действительно могу присутствовать. Представляется верным утверждать, что в данном деле реальные, а не гипотетические шансы на введение потребителя в заблуждение присутствовали лишь в отношении второй группы продуктов, поскольку среднестатистический потребитель, действительно, может предположить о содержании в этих кондитерских изделиях орехов, орехосодержащей продукции.

Особенно часто такой формальный подход используется Роспатентом на этапе экспертизы заявленного обозначения по существу. Так, по заявке № 2023737311 Роспатент пришел к выводу о том, что входящие в состав заявленного комбинированного обозначения «Калина», «Малина» будут вводить потребителя в заблуждение в отношении части заявленных товаров в 29,30, 31,32 классов МКТУ (например, 29 – анчоусы неживые; бекон; белок яичный; 30 – булгур; булки; 31 – продукты обработки хлебных злаков кормовые; птица домашняя живая; 32 – вино ячменное; квас) [8].

В другом деле в отношении обозначения «Честный пломбир» по заявке №2020743310 Роспатент пришел к выводу о введении потребителя в заблуждение относительно всех товаров 30-ого класса МКТУ, в отношении которых истребовалась правовая охрана, кроме мороженого [8].

В связи с этим, крайне обоснованной выступает позиция, высказанная в Руководстве Роспатента от 20.01.2020 №12, нашедшая свое отражение в судебной практике, о том, что, если элементы обозначения можно отнести к ложным или способным ввести в заблуждение, но неправдоподобным, обозначение нецелесообразно признавать ложным или способным ввести в заблуждение [6]. Действительно, рядовой потребитель далеко не всегда воспринимает обозначение, помещаемое производителем на этикетку товара, как прямое указание на состав. В противном случае регистрация товарного знака «РАКОВЫЕ ШЕЙКИ» для карамели никогда не состоялась бы [9, с. 88].

Исследователями отмечается, что переломным моментом, способным повлиять на дальнейшее развитие судебной практики по исследуемому вопросу, должно было стать постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 25 января 2016 г. № С01-998/2015 по делу № СИП-282/2015 [10]. Суд по интеллектуальным правам и Палата по патентным спорам пришли к выводу о невозможности регистрации обозначения «Мягкий хлеб» в отношении товаров 33-го класса (алкогольная продукция), поскольку в сознании потребителя возникает представление об определенном товаре и его свойствах, что не соответствует действительности, поскольку алкогольные напитки не являются мягким хлебом и не обладают присущими хлебу свойствами. Президиум Суда по интеллектуальным правам не согласился с таким обоснованием и справедливо отметил, что приведенной нормой охватываются лишь обозначения, которые ложно указывают на свойства того товара, в отношении которого испрашивается правовая охрана, и которые могут быть восприняты потребителями как правдоподобные. Таким образом, предполагаемая ложная ассоциация обозначения «Мягкий хлеб» в отношении алкогольных напитков не обладает признаками правдоподобности. В данном случае в широком смысле вывод суда свидетельствует о том, что одно и то же наименование может иметь разный смысл в отношении соответствующих товаров и услуг. При таких обстоятельствах название «Мягкий хлеб», очевидно, выступает фантазийным, в то время как для хлебобулочной продукции оно стало бы описательным, а для сухарей – способным ввести в заблуждение.

В продолжение позиции Президиума Суда по интеллектуальным правам, Суд по интеллектуальным правам в решении от 04.08.2021 пришел к выводу, что регистрация в качестве товарного знака обозначения «чудо-пицца» возможна и в отношении иных товаров 30-ого класса МКТУ, которые, пиццей не являются (например, вермишель, блины, сэндвичи и т.д.). Суд отметил, что в рассматриваемом случае словесный элемент «пицца» не способен вызвать в сознании потребителя правдоподобные ассоциации относительно названных товаров, которые очевидно не относятся к блюду «пицца» и не могут быть восприняты потребителем в этом качестве, с учетом распространенности данного слова и ясного понимания его смысла абсолютному большинству потребителей [11]. Законность и обоснованность судебного решения были подтверждены вышестоящими инстанциями.

Тем не менее, можно констатировать, что и на сегодняшний день встречается большое количество решений, в которых Роспатент игнорирует рекомендации по оценке введения потребителя в заблуждение не только с точки зрения формальной составляющей, но и на предмет правдоподобности и реальной возможности такого заблуждения. Так, Палата по патентным спорам в заключении от 28 ноября 2022 года пришла к выводу о том, что в отношении товаров 29 класса МКТУ (мясо, рыба, фрукты, яйца) заявленное обозначение «aqua» будет являться ложным указанием на вид товара, поскольку, если на упаковке названных пищевых продуктов будет написано «aqua», то обозначение будет восприниматься как товар «вода», а внутри будет другой пищевой продукт [12]. При этом, крайне сложно представить ситуацию, при которой среднестатистический потребитель ошибочно идентифицирует мясную или рыбную продукцию, даже если на упаковке будет нанесен товарный знак «aqua».

Вторая группа обозначений, в отношении которых Роспатент чаще всего принимает решение об отказе в регистрации, в обобщенном виде, звучит следующим образом: обозначения, которые намекают на некоторое свойства и характеристики маркируемого изделия, не описывая их напрямую, и в этом смысле обладающие различительной способностью («суггестивные» обозначения). Среди них выделяется категория знаков, намекающая на свойства, фактически отсутствующие у маркируемого товара.

Под потребительскими свойствами товара понимаются такие свойства товара, которые проявляются при его использовании потребителем в процессе удовлетворения потребностей [13]. О. В. Гутников и Е. М. Чагина пишут, что профессиональные участники оборота получают возможность манипулировать поведением потребителя, вводя в заблуждение относительно свойств товаров [14, с. 11]. Юридически значимым с точки зрения ГК РФ является только существенное заблуждение, в частности, когда словесный элемент формирует впечатление о наличии у товара определенных свойств, выступающих конкурентными преимуществами при выборе потребителем среди аналогичных товаров на рынке, при этом, на самом деле, таковыми не обладающим.

Хрестоматийными примерами в этой части выступают обозначения, включающие словесные элементы «эко», «био», «органик». Как справедливо отметила К.В. Соколова, подобные слова могут придать товарам хвалебный характер, поскольку воспринимаются значительной частью потребителей не просто как указание на свойство товаров, а как на его исключительность, превосходство перед остальными товарами [15, с. 35]. Особенно актуальна такая позиция в настоящее время, с учетом того, что в последние годы наблюдается устойчивый рост спроса на натуральные и экологически чистые товары. Преодолеть отказ в регистрации можно посредством предоставления сведений, свидетельствующих о содержании в продукции биологически активных веществ, природных и иных натуральных компонентов. Так, правовую охрану получили такие обозначения, как «БиоБент» [16], «Биороста» [17], «Экокультура» [18].

Еще одним частым примером выступает попытка регистрации обозначений, включающих разные формы слова «Фармацевтика» и изобразительный элемент «Чаша со змеей». Так, на регистрацию было вынесено обозначение «Фармация» (заявка №2022715744). Палата по патентным спорам подтвердила правильность решения Роспатента и пришла к выводу, что в отношении части товаров 5 класса МКТУ (химические препараты для борьбы с насекомыми, яд крысиный, препараты для обработки растений и т.д.) заявленное обозначение будет восприниматься в качестве ложного указания на свойство и назначение товаров и услуг [8].

Аналогичная проблема, с поправкой на существовавшие в тот момент тенденции, была известна мировой практике еще в начале двадцать первого столетия. Так, авторы отмечают, что на протяжении долго времени в США производители, стремящиеся следовать тенденциям использования инновационных методов и средств в работе, подавали на регистрацию обозначения с приставкой «нано», даже если их компании не имели ничего общего с нанотехнологиями [2, с. 72].

Не менее обоснованной с практической точки зрения выглядит позиция Палаты по патентным спорам от 23.10.2018 в деле по заявке № 2016723500. По фабуле дела заявитель подал возражение на решение Роспатента об отказе в государственной регистрации товарного знака «FILTRE AIR» в отношении табачной продукции на основании пунктов 1 и 3 статьи 1483 ГК РФ. Как справедливо отметила Палата по патентным спорам, в отношении таких товаров как «сигареты» заявленное обозначение однозначно указывает на то, что они содержат фильтр, который служит для очистки (фильтрации) воздуха (air), вдыхаемого при курении сигареты [19].

Таким образом, при определении вероятности введения потребителя в заблуждение в отношении товара необходимо установить все смыслы анализируемого обозначения и оценить наиболее вероятные ассоциации, которые обозначение способно породить у рядового потребителя соответствующего товара или услуги. Принимая решение, уполномоченные органы должны руководствоваться критерием правдоподобности

такого заблуждения в сознании среднестатистических потребителей. Очевидно неправдоподобные ассоциации приведут к тому, что обозначение будет воспринято потребителем как фантазийное, соответственно, должна быть возможна его регистрация в качестве товарного знака. При этом, указание потребителем на хвалебные, особые свойства товара, которыми этот товар не обладает, является безусловным основанием для отказа в регистрации обозначения, поскольку неверно информирует потребителя о существе и назначении товара, что, в свою очередь, является актом недобросовестной конкуренции, направленным на привлечение большего числа покупателей.

Список литературы:

[1] Губаева Е.А. Введение потребителя в заблуждение как основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – №1. – С. 34–44.

[2] Охраноспособность товарных знаков. Учебник. / ред: Галифанов Г.Г. – М.: МДМпринт, 2018. – 252 с.

[3] Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко. – М.: Экзамен, 2009. – 973 с.

[4] Бутенко С.В. Введение потребителя в заблуждение и правовая охрана товарных знаков // Патенты и лицензии. – 2013. – №7. – С. 15–26.

[5] Бутенко С.В. Введение потребителей в заблуждение как критерий оценки охраноспособности товарного знака // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – №1. – С. 55–61.

[6] Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов, утвержденное Приказом ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12

[7] Заключение Палаты по патентным спорам от 25.12.2024 по заявке № 2022747223/33.

[8] Федеральная служба по интеллектуальной собственности Роспатент: официальный сайт.

[9] Бутенко С.В. Введение потребителя в заблуждение как абсолютное основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2013. – 212 с.

[10] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам № С01-998/2015 от 25.01.2016 по делу № СИП-282/2015.

[11] Решение Суда по интеллектуальным правам от 04.08.2021 по делу № СИП-543/2021.

[12] Заключение Палаты по патентным спорам от 28.11.2022 по заявке № 2021706742.

[13] О применении четвертого антимонопольного пакета: письмо Федеральной антимонопольной службы от 24.12.2015 № ИА/74666/15.

[14] Гутников О. В., Чагина Е. М. Защита интересов потребителей при регулировании электронной торговли // Право и бизнес. – 2023. – № 4. – С. 8–15.

[15] Соколова К.В. Использование слов «эко», «био», «органик» в товарных знаках: коллизии правового регулирования // ИС. Промышленная собственность. – 2022. – № 5. – С. 35–40.

[16] Заключение Палаты по патентным спорам от 10.09.2024 по заявке № 2023737592.

[17] Заключение Палаты по патентным спорам от 29.12.2021 по заявке № 2019722766.

[18] Заключение Палаты по патентным спорам от 29.09.2020 по заявке № 2019728779.

[19] Заключение Палаты по патентным спорам от 23.10.2018 по заявке № 2016723500.

References:

[1] Gubaeva E.A. Misleading the consumer as a basis for refusing to provide legal protection to a trademark//Journal of the Intellectual Property Rights Court. – 2021. – №1. - S. 34-44.

[2] Trademark security. Textbook/ed.: Galifanov G.G. - M.: MDMprint, 2018. - 252 s.

[3] Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation/E. P. Gavrilov, V. I. Eremenko. - M.: Exam, 2009. - 973 s.

[4] Butenko S.V. Misleading the consumer and legal protection of trademarks//Patents and licenses. – 2013. – №7. - S. 15-26.

[5] Butenko S.V. Misleading consumers as a criterion for assessing the security of a trademark// Bulletin of Tomsk State University. – 2013. – №1. - S. 55-61.

[6] Guidelines for the implementation of administrative procedures and actions within the framework of the provision of state services for the state registration of a trademark, service mark, collective mark and the issuance of certificates for a trademark, service mark, collective mark, their duplicates, approved by Order of the FSBI FIPS dated 20.01.2020 No. 12

[7] 25.12.2024 Patent Dispute Chamber Opinion on Application No. 2022747223/33.

[8] Federal Service for Intellectual Property Rospatent: official website.

[9] Butenko S.V. Misleading the consumer as an absolute basis for refusing to provide legal protection to a trademark: dis.... cand. jurid. sciences. - M., 2013. - 212 p.

[10] Decision of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court No. S01-998/2015 of 25.01.2016 in case No. SIP-282/2015.

[11] Intellectual Property Court decision of 04.08.2021 in case No. SIP-543/2021.

[12] Opinion of the Chamber of Patent Disputes of 28.11.2022 on Application No. 2021706742.

[13] On the application of the fourth antimonopoly package: letter of the Federal Antimonopoly Service of 24.12.2015 No. IA/74666/15.

[14] Gutnikov O. V., Chagina E. M. Protection of consumer interests in the regulation of electronic commerce//Law and business. – 2023. – № 4. - S. 8-15.

[15] K.V. Sokolova. Use of the words “eco,” “bio,” “organic” in trademarks: conflicts of legal regulation//IP. Industrial property. – 2022. – № 5. - S. 35-40.

[16] Opinion of the Chamber of Patent Disputes of 10.09.2024 on Application No. 2023737592.

[17] 29.12.2021 Patent Dispute Chamber Opinion on Application No. 2019722766.

[18] 29.09.2020 Patent Dispute Chamber Opinion on Application No. 2019728779.

[19] Opinion of the Chamber of Patent Disputes of 23.10.2018 on Application No. 2016723500.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-521-528

ИСАЕВА Алена Дмитриевна,
адъюнкт Академии управления МВД России,
e-mail: alena.isaeva2000@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИЧИННОГО КОМПЛЕКСА ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *Настоящая статья представляет собой комплексный криминологический анализ причинного комплекса преступности в сфере семейных отношений.*

Автор, опираясь на данные официальной статистики и научную доктрину, исследует систему детерминант, обусловливающих специфику и динамику данного вида преступности. В работе констатируется системный кризис института семьи, проявляющийся в деградации ее социальных функций – экономической, репродуктивной, воспитательной и функции социального контроля, что трансформирует семью в значимый криминогенный фактор. Ключевое внимание уделяется социально-экономическим детерминантам, таким как бедность, безработица и социальная стратификация, которые, в соответствии с теорией аномии, создают дисбаланс между культурными целями и легальными средствами их достижения, порождая девиантное поведение. Особо выделяется деструктивная роль массовой алкоголизации населения, усиленная пробелами в административно-правовом регулировании, включая ликвидацию специализированных приемников-распределителей и побочные эффекты ограничительной алкогольной политики. В статье также критически оцениваются дефекты правоприменительной практики и деятельность правоохранительных органов, в частности латентность преступлений, бездействие власти и недооценка общественной опасности деяний небольшой тяжести, что способствует эскалации бытового насилия. Отмечается негативное влияние деградации гуманитарного образования и ослабления воспитательного потенциала семьи на процессы социализации и формирования правосознания.

В заключении автор акцентирует наличие правового вакуума в сфере профилактики семейно-бытового насилия, отсутствие унифицированных стандартов помощи жертвам и консолидированной межведомственной стратегии, что в совокупности детерминирует низкую эффективность противодействия данному виду преступности и способствует росту виктимизации населения и правового нигилизма.

Ключевые слова: *семейные отношения, преступность, причинный комплекс преступности, детерминанты преступности.*

ISAEVA Alyona Dmitrievna,
post graduate student
Academy of Management of the MIA of Russia

FEATURES OF THE CAUSE OF CRIME IN FAMILY RELATIONSHIPS

Annotation. *This article is a comprehensive criminological analysis of the causal complex of crime in the field of family relations.*

The author, based on official statistics and scientific doctrine, explores the system of determinants that determine the specifics and dynamics of this type of crime. The paper states the systemic crisis of the family institution, manifested in the degradation of its social functions – economic, reproductive, educational and social control functions, which transforms the family into a significant criminogenic factor. Key attention is paid to socio-economic determinants such as poverty, unemployment, and social stratification, which, according to anomie theory, create an imbalance between cultural goals and legal means of achieving them, giving rise to deviant behavior. The destructive role of mass alcoholization of the population is highlighted, reinforced by gaps in administrative and legal regulation, including the elimination of specialized dispensers and the side effects of restrictive alcohol policy. The article also critically evaluates the defects of law enforcement practice and the activities of law enforcement agencies, in particular, the latency of crimes, the inaction of the authorities and the underestimation of the public danger of minor acts, which contributes to the escalation of domestic

violence. The negative impact of the degradation of humanitarian education and the weakening of the educational potential of the family on the processes of socialization and the formation of legal awareness is noted.

In conclusion, the author emphasizes the existence of a legal vacuum in the field of family and domestic violence prevention, the lack of unified standards for victim assistance and a consolidated interdepartmental strategy, which together determines the low effectiveness of countering this type of crime and contributes to the growth of victimization of the population and legal nihilism.

Key words: *family relations, crime, causal complex of crime, determinants of crime.*

Преступность — явление динамическое, и, хотя основные детерминанты существования преступности известны, эти знания не исключают и не отрицают необходимости постоянного анализа правовых, экономических, социальных, культурных, бытовых и иных факторов, которые способствуют сокращению либо проявлению ее. Необходимо отметить, что динамика количественных показателей преступлений, связанных с семейными отношениями, демонстрирует минимальные значения за последнее десятилетие. В период с 2017 по 2020 год статистические данные фиксируют колебания в диапазоне от 65 732 до 52 856 случаев (см. Рис. 1), что указывает на тенденцию к уменьшению числа зарегистрированных преступных деяний в данной категории.

Рисунок 1

Анализ статистических данных выявляет нестабильность количества регистрируемых преступлений. Динамика преступных посягательств характеризуется волнообразным характером (см. Рис. 1). Например, в период с 2013 года (104 007 случаев) по 2015 год (116 716 случаев) наблюдается устойчивый рост числа преступлений рассматриваемого вида. В процентном выражении прирост составил 6,65% в 2015 году по сравнению с предыдущим периодом. Особое внимание заслуживает резкий скачок показателей в 2021 году, когда рост числа преступлений достиг 17,51% по сравнению с данными за предыдущий год. В 2022 году зафиксировано незначительное увеличение количества зарегистрированных преступлений – на 0,91% по сравнению с 2021 годом. Такие изменения подчеркивают необходимость дальнейшего изучения факторов, влияющих на

динамику преступности в сфере семейных отношений, с целью разработки эффективных мер профилактики и контроля.

Современная юридическая антропология и семейное право констатируют наличие глубокого системного кризиса института семьи, обусловленного комплексом взаимосвязанных социокультурных детерминантов. Как демонстрирует в своих работах С.Ф. Милюков, генезис данного кризиса имеет глубокие исторические корни, восходящие к рубежу XIX-XX веков, когда произошла кардинальная трансформация традиционных семейных функций. Основная причина заключается в понимании предназначения семьи. В данном контексте особого внимания заслуживает утрата семьей ее первостепенных социальных функций: с одной стороны, экономической (прежде всего аграрно-производственной), а с другой - репродуктивной, что нашло свое отражение в современных демографических трендах [7]. Современный кризис семьи, имеющий системный характер, проявляется в трех взаимосвязанных аспектах: материально-экономическом, социально-политическом и морально-нравственном.

Ключевыми деструктивными последствиями социально-экономической трансформации общественного устройства выступают такие системные явления, как массовая алкоголизация и наркотизация населения, рост уровня безработицы, а также углубляющаяся социальная стратификация, приводящая к поляризации общества на экономически крайние страты – бедных и богатых. В качестве объективного индикатора данной тенденции выступают официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), согласно которым численность граждан Российской Федерации, имеющих денежные доходы ниже установленного прожиточного минимума и, следовательно, относимых к категории населения с доходами ниже уровня бедности, в 2024 году составила порядка 10,5 млн человек (7,2 %), тогда как в 2023 году данный показатель находился на отметке 12,1 млн человек (8,3 % от общей численности населения) [12]. При этом нормативно установленная величина прожиточного минимума в 2024 году дифференцирована по основным социально-демографическим группам и составляет в целом на душу населения 15 453 рубля, для лиц трудоспособного возраста – 16 844 рубля, для пенсионеров – 13 290 рублей, для детей – 14 989 рублей. Объясняя данные статистика, необходимо упомянуть о теории аномии, предложенной Эмилем Дюркгеймом и развитой Робертом Мертоном. Они в данной теории объясняют преступность как результат несоответствия между культурными целями, которые общество ставит перед индивидами, и доступными средствами для достижения этих целей, то есть причиной развития аномии в этой теории считаются экономические кризисы и социальная нестабильность [10]. В данном случае степень социально-экономической дифференциации и неравенства будут выступать важнейшим криминогенным и девиантогенным фактором.

В рамках проводимого научного исследования профессор Ю.М. Антонян акцентирует внимание на деструктивном воздействии, которое оказывает состояние безработицы на правовой и социальный статус индивида [1]. Данное явление детерминирует глубокую социально-психологическую деградацию личности, провоцируя процессы ее десоциализации, то есть разрушения социальных связей и утраты навыков интеграции в общество. С правовой и социальной точек зрения, это влечет за собой существенное снижение уровня жизни, нивелируя гарантированные Конституцией РФ социально-экономические права, а также способствует резкой редукции самооценки и личностной идентичности. В качестве прямого следствия возникает состояние повышенной социальной уязвимости, характеризующееся правовой незащищенностью в критических сферах жизнеобеспечения: отсутствием доступа к системе обязательного медицинского страхования, финансовой несостоятельностью в исполнении обязательств по оплате жилищно-коммунальных услуг и приобретению товаров первой необходимости. Накопительный эффект указанных негативных факторов создает комплексную детерминанту для маргинализации индивида и, как финальный социально-правовой результат, выступает катализатором дезинтеграции института семьи, порождая такие аномальные явления, как распад семьи и сиротство несовершеннолетних.

В своем выступлении перед Федеральным Собранием 29 февраля 2024 года Президент Российской Федерации вновь акцентировал внимание на приоритетах государственной социальной политики, конкретизировав комплекс мер поддержки, включая индексацию минимального размера оплаты труда, активизацию использования средств национальных проектов на региональном уровне, а также институционализацию специализированного фонда для оказания помощи семьям участников специальной военной операции. Ранее, в Послании 2021 года, главой государства был инициирован пакет законодательных инициатив, направленных на преодоление кризисных демографических тенденций и усиление государственно-экономической поддержки института семьи, что нашло выражение в пролонгации программы материнского капитала, установлении системы ежемесячных выплат для

детей из неполных семей и беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Вместе с тем, в научной доктрине существует обоснованная точка зрения, согласно которой практическая имплементация указанных механизмов не привела к системному разрешению даже базовых материальных затруднений, отчасти в силу их сравнительно более низкой эффективности в сопоставлении с зарубежными аналогами в сфере семейной политики.

М.Г. Решняк и Г.Е. Слепко на основании изучения экономического развития регионов России отметили, что с понижением уровня бедности снижался и уровень домашнего насилия. Так, в 2015–2018 гг. по России в целом наблюдалось сокращение, за исключением Южного и Дальневосточного федеральных округов [11].

За период 2024 г. в России выявлено 666,3 тыс. лиц, совершивших преступления (–11,2 %), удельный вес лиц без постоянного источника дохода сократился с 63,7 % до 60,8 %, удельный вес ранее судимых лиц сократился с 31,2 % до 28,9%. Больше половины (57,1 %) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, каждое пятое (19,8 %) – в состоянии алкогольного опьянения [13]. Общее снижение преступности по стране С.Ф. Милюков и А.В. Никуленко объясняют следующим образом: «Идет процесс свертывания противодействия государства преступной экспансии, своеобразная «денационализация» борьбы с преступностью, которая, в свою очередь, вызвана отвлечением больших кадровых и технических ресурсов на политическое противостояние и неуклонным снижением уровня оперативно-розыскного, следственного, прокурорского и судейского мастерства, падением качества нормативного обеспечения возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел» [8]. Отметим, что после начала 24 февраля 2022 г. широкомасштабных боевых действий на Украине последовало существенное отвлечение силовых структур в районы, прилегающие к линии боевого соприкосновения.

В контексте анализа региональной политики в сфере противодействия алкоголизации населения, эмпирические данные свидетельствуют о том, что в последние годы наименьшие показатели потребления алкогольной продукции были зафиксированы в ряде субъектов Северо-Кавказского федерального округа, в частности: Республике Ингушетия, Чеченской Республике, Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике и Карачаево-Черкесской Республике. Представляется, что данная статистическая закономерность обладает устойчивой причинно-следственной связью с детерминирующим воздействием таких фундаментальных социальных институтов, как семья и религия. Их консолидированное влияние формирует мощный нормативно-ценностный регулятор, оказывающий доминирующее воздействие на модели социального поведения и формирование правосознания граждан, что, в свою очередь, объективно минимизирует девиантные формы социальной активности, в том числе связанные с потреблением психоактивных веществ.

Криминологический анализ детерминант, обусловливающих специфику так называемой «пьяной» преступности, позволяет выделить ряд системообразующих факторов. Первый фактор связан с административной реформой системы общественной безопасности, а именно с повсеместной ликвидацией в 2011 году специализированных приемников-распределителей для лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах. Последующая их недостаточно динамичная реинтеграция в структуру правоохранительных и социальных органов создала правовой вакуум и негативные социальные последствия. Данная мера повлекла за собой криминогенный эффект, выразившийся в увеличении количества граждан, находящихся в публичном пространстве в состоянии недееспособности вследствие опьянения. Это, в свою очередь, детерминировало рост виктимности указанной категории лиц (следствием чего явилась гибель от переохлаждения либо они становились жертвами криминальных посягательств), а также повысило риски совершения ими противоправных деяний в силу утраты волевого и интеллектуального контроля. Второй значимый фактор коррелирует с реализацией нормотворческой политики, известной как «антиалкогольный указ», которая ограничила временной период розничной продажи алкогольной продукции. Правоприменительная практика выявила побочный эффект данной регуляторной модели, а именно: формирование у населения поведенческой стратегии по созданию запасов алкоголя, что, в кумуляции с распространенностью нелегального производства крепких спиртсодержащих напитков (самогоноварения), привело к усилению алкоголизации и социальной деградации отдельных слоев населения, создав, таким образом, устойчивую питательную среду для криминализации общества.

Таким образом, среди основных детерминант семейного насилия можно выделить алкоголизацию, социальную неустроенность, отсутствие перспектив в жизни (социально-экономический фактор), отсутствие взаимопонимания и взаимоуважения в семье (культурный фактор). Бедность как фактор семейно-бытовых преступлений отмечается и в результатах других исследований [9].

Как справедливо указывает Ю.И. Жегусов, компаративный анализ данных официальной криминальной статистики и результатов независимого социологического мониторинга объективно свидетельствует о наличии устойчивой корреляционной зависимости между колебаниями социального самочувствия населения и такими индикаторами криминальной активности, как количество выявленных лиц, совершивших преступления, а также динамика совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Принципиально важным представляется тот эмпирически установленный факт, что детерминирующее воздействие негативной или позитивной динамики социального самочувствия на уровень преступности носит не мгновенный, а отсроченный характер, реализуясь через 2–3 года. Данный феномен находит свое логическое объяснение в криминологически подтвержденном тезисе о том, что криминальное поведение является, как правило, результатом пролонгированного воздействия на индивида деструктивных социальных условий и хронического психоэмоционального стресса, а не следствием сиюминутной импульсивной реакции [3].

В системе факторов, детерминирующих совершение насильственных противоправных деяний, значимую роль играют дефекты в функциональной деятельности правоохранительных органов. К числу таковых следует отнести: а) практику латентности преступлений, выражающуюся в их сокрытии от официального статистического учета и регистрации; б) бездействие власти, заключающееся в непринятии предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер реагирования на поступившие сообщения о готовящихся или совершенных преступлениях; в) системную недооценку общественной опасности деяний небольшой тяжести, таких как истязание, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение легкого вреда здоровью, которые, оставаясь безнаказанными, формируют криминогенную среду и выступают в качестве катализатора эскалации криминального насилия вплоть до совершения тяжких и особо тяжких преступлений; г) недостаточный уровень профессиональной компетенции, а также деформацию нравственно-этических ориентиров у части сотрудников правоохранительных и судебных органов, что негативно сказывается на качестве отправления правосудия и осуществления уголовного преследования. В 2023 г. органами прокуратуры РФ пресечено более 400 тыс. нарушений законов в сфере охраны здоровья, материнства, отцовства и детства [2].

В современной юридической доктрине все чаще констатируется, что деградация системы гуманитарного образования выступает одной из системообразующих детерминант, оказывающих комплексное негативное воздействие на социально-правовую реальность. Данный процесс непосредственно детерминирует как упадок общественной морали и нравственных устоев, так и снижение эффективности управленческого аппарата, в том числе в такой критически важной сфере, как противодействие насильственной преступности. При этом, начиная с 2020 года, глобальный переход на режим самоизоляции, сопряженный с повсеместным внедрением дистанционных форм коммуникации и обучения, выступил в роли катализатора давно сформировавшихся негативных тенденций. Указанные меры объективно способствуют интеллектуальной и социальной деградации детей, подростков и молодежи, усугубляя кризисные явления в их личностном становлении и формировании правосознания.

К криминогенным факторам, детерминирующим насилие в семье, следует отнести также несовершенство деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Одной из проблем является отсутствие совместных усилий всех субъектов профилактической работы по реализации мероприятий программ профилактики. Эта проблема находит выражение в том, что в ряде регионов некоторые из указанных субъектов бездействуют по реализации профилактических мероприятий либо проявляют пассивность в их выполнении [5].

В.С. Харламов утверждает, что важными криминогенными факторами правового содержания, влекущими бедственное состояние социальной сферы, являются снижение эффективности действующего законодательства по защите социальных прав и гарантий граждан, слабая действенность законов в сфере борьбы с преступностью, несовершенство правоприменительной практики [14].

К числу иных детерминант, обладающих существенным криминогенным потенциалом, правомерно отнести характеристики микросоциума, а также условия нравственного становления индивида [6]. Закладка нравственно-психологических основ личности и ее базовых ценностных ориентаций изначально осуществляется в рамках семейной системы. Семья, характеризующаяся антисоциальными установками, с высокой степенью закономерности продуцирует делинквентный тип личности. В научной литературе обоснованно подчеркивается определяющая роль социальной среды в генезисе антиобщественной направленности индивида, выступающей ключевым фактором детерминации противоправного поведения [4]. Именно микросреда выполняет

функцию ретранслятора и репродуктора социальных норм, традиций и обычаев, формируя при этом ценностные парадигмы, которые могут существенно дистанцироваться от общесоциальных стандартов, демонстрируя как конструктивный, так и деструктивный векторы влияния.

Аналитический отчет, сформированный по итогам осуществленного кафедрой социологии семьи и демографии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова межрегионального социолого-демографического исследования «Ценности семейно-детного образа жизни», содержит эмпирическое подтверждение тому, что детерминация процесса формирования личности обусловлена воздействием семьи в качестве первичной социальной группы, в то время как в структуре факторов, детерминирующих социальное благополучие семьи, приоритетная роль принадлежит характеру супружеских отношений, за которым следуют детско-родительские коммуникации, соматический статус членов семьи, уровень брачной ответственности и иные сопряженные элементы [15].

В контексте криминологического анализа детерминант преступного поведения, ослабление института семьи как первичного агента социализации индивида, проявляющаяся в разрушении его воспитательного потенциала вследствие распада семейных единиц, неполноты родительского состава, а также возникновения в семейной среде перманентных конфликтных и криминогенных ситуаций, объективно детерминирует негативную динамику в структуре и состоянии преступности. С другой стороны, системное совершенствование и консолидация семейных отношений, будучи формой позитивного социального контроля, оказывают стабилизирующее воздействие на формирование правосознания личности, что, в свою очередь, выступает в качестве одного из ключевых факторов, обусловливающих благоприятные тенденции в криминальной статистике.

Подводя промежуточные итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Криминогенная деформация института семьи подлежит исследованию в контексте системного взаимодействия с негативными социальными патологиями – массовой алкоголизацией, наркотизацией, обострением социально-классовых противоречий и ростом преступности, которые находятся в прямой корреляционной зависимости с состоянием институтом семьи, образуя взаимообусловленный деструктивный комплекс. Противоречия в общественно-политической жизни детерминируют негативное воздействие на психологический климат и нравственные устои семьи, деформируя процессы первичной социализации личности и порождая острые межличностные конфликты.
2. В условиях современной цифровой эпохи наблюдается последовательное разрушение фундаментальных функций семьи: хозяйственно-экономической, репродуктивной, воспитательной, социально-статусной и функции первичного социального контроля, что трансформирует системный кризис семьи в значимый криминогенный и девиантогенный фактор.
3. Современное состояние социально-экономических детерминант в условиях специальной военной операции и санкционного давления обусловило экономическую дестабилизацию в большинстве сфер жизнедеятельности российского общества, сопровождающуюся инфляционными процессами, ростом безработицы и активизацией иных криминогенных факторов, что закономерно привело к резкой трансформации показателей преступности, где семья выступает репрезентативным индикатором эффективности реализуемой уголовной политики.
4. Среди ключевых криминогенных детерминант, обусловливающих бытовое насилие, следует выделить дефекты правоприменительной практики, низкую эффективность действующего законодательства и несовершенство деятельности органов исполнительной власти. Отсутствие консолидированного межведомственного взаимодействия в сфере профилактики потенциально опасного поведения в семейно-бытовой сфере непосредственно детерминирует эскалацию насилия.
5. Правовой вакуум в области регламентации превенции семейно-бытового насилия, отсутствие унифицированных стандартов оказания комплексной помощи потерпевшим, дефицит единой государственной стратегии противодействия насильственным посягательствам, несовершенство административно-правовых и уголовно-правовых инструментов воздействия на виновных лиц – все это влечет снижение эффективности борьбы с криминальным насилием, способствует росту виктимизации населения, правовому нигилизму, а также моральной деградации отдельных социальных групп.

Список литературы:

[1] Антонян Ю.М. Преступники из числа бедных // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 69.

[2] Доклад Генерального прокурора РФ по итогам работы органов прокуратуры за 2023 год // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https:// epp.genproc.gov.ru/web/gprf (дата обращения: 01.10.2025).

[3] Жегусов Ю.И. Влияние социального самочувствия населения на динамику деструктивных социальных процессов в России // Коммуникология. 2018. Т. 6, № 4. С. 19.

[4] Желудков М.А., Алексеева А.П. Кризис семейных отношений в современном обществе как одно из условий низкой эффективности профилактики преступности несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 135

[5] Кочин А.А., Харламов В.С. Противодействие криминальному насилию в семье: проблемы интерпретации и правоприменения : монография. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2019. С. 186–187.

[6] Кунц Е.В. Роль недостатков школьного обучения и воспитания как фактора, способствующего правонарушениям в среде несовершеннолетних // X Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина : сб. мат-лов. Пермь, 2024. С. 55.

[7] Милюков С.Ф. Глубинные истоки кризиса российской семьи: его криминологическое и уголовно-правовые последствия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 1 (40). С. 17–18.

[8] Милюков С. Ф. Правовое невежество как злокачественная угроза национальной безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4 (43). С. 29–32

[9] Михайлова Е.В. Особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 3 (90). С. 198.

[10] Плетнев А.В. Теория аномии в современной криминологии // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7. Ч. 5 [Электронный ресурс]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2015/07/47438 (дата обращения: 01.10.2025).

[11] Решняк М.Г., Слепко Е.Г. К вопросу о некоторых проблемах уголовно-правового противодействия семейно-бытовому насилию // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по мат-лам X международ. науч.-практ. конф. СПб. : Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2023. С. 241.

[12] Росстат представляет данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в 2024 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 01.10.2025).

[13] Состояние преступности // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 01.10.2025)

[14] Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2018. С. 408–409.

[15] Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019) : аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А. И. Антонов, В.М. Карпова, С. В. Ляликова [и др.] ; под ред. А. И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020. 486 с.

References:

[1] Antonyan Yu.M. Criminals from among the poor // Lex Russica. 2018. No. 9 (142). P. 69.

[2] Report of the Prosecutor General of the Russian Federation on the results of the work of the Prosecutor's Office for 2023 // Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: https:// epp.genproc.gov.ru/web/gprf (date of access: 01.10.2025).

[3] Zhegusov Yu.I. The influence of the social well-being of the population on the dynamics of destructive social processes in Russia // Kommunikologiya. 2018. Vol. 6, No. 4. P. 19.

[4] Zheludkov M.A., Alekseeva A.P. The crisis of family relations in modern society as one of the conditions for the low effectiveness of juvenile delinquency prevention // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (98). p. 135

[5] Kochin A.A., Kharlamov V.S. Countering criminal violence in the family: problems of interpretation and law enforcement : monograph. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. pp. 186-187.

[6] Kunts E.V. The role of deficiencies in school education and upbringing as a factor contributing to offenses among minors // X Pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobin : collection of materials. Perm, 2024. P. 55.

[7] Milyukov S.F. The deep origins of the crisis of the Russian family: its criminological and criminal-legal consequences // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2016. No. 1 (40). pp. 17-18.

[8] Milyukov S. F. Legal ignorance as a malignant threat to national security // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2016. No. 4 (43). pp. 29-32

[9] Mikhailova E.V. Features of the causal complex of family and domestic crime in Russia // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (90). p. 198.

[10] Pletnev A.V. Theory of anomie in modern criminology // Modern scientific research and innovations. 2015. No. 7. Part 5 [Electronic resource]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2015/07/47438 (date of request: 01.10.2025).

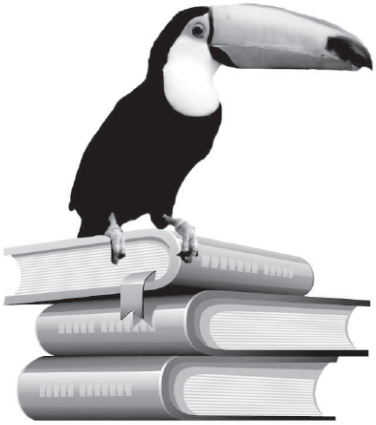
[11] Reshnyak M.G., Slepko E.G. On the issue of some problems of criminal law counteraction to family and domestic violence // Criminal policy and law enforcement practice : collection of articles on the materials of the X international. Scientific and Practical Conference St. Petersburg : Asterion Center for Scientific and Production Technologies, 2023. p. 241.

[12] Rosstat presents data on the population with monetary incomes below the poverty line in 2024 // Official website of the Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (date of request: 01.10.2025).

[13] The state of crime // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (date of access: 01.10.2025)

[14] Kharlamov V.S. Theory and practice of countering criminal violence in the family (systemic criminological and criminal law research) : dis. ...Dr. Jurid. nauk. SPb., 2018. pp. 408-409.

[15] Values of a family and child lifestyle (Sedozhe–2019) : an analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study / A. I. Antonov, V.M. Karpova, S. V. Lyalikova [et al.] ; edited by A. I. Antonov. Moscow: MAKS Press, 2020. 486 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-529-532

САЙНАРОЕВА Фатима Вахаевна,
Магистрант юридического факультета,
e-mail: mail@law-books.ru

АУШЕВ Муслим Ахмедович,
Старший преподаватель кафедры
«Теория государства и права» ФГБОУ ВО
«Ингушский государственный университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ИНГУШЕТИЯ

Аннотация. *Наилучшему пониманию любой теории способствует знакомство с ее применением на практике. Статья посвящена рассмотрению того, как именно реализуется принцип разделения властей непосредственно на уровне субъектов федерации. Интерес к теме связан с вполне классической проблемой, когда даже лучшие инициативы, работающие в «центре», не столь успешно показывают себя на «периферии». Кроме того, обращает на себя внимание недостаточная научно-теоретическая проработанность вопросов деятельности в русле концепции разделения властей в регионах. Целью работы является анализ того, как именно разделение и взаимодействие органов власти, относящихся к различным ее ветвям, осуществляется в Республике Ингушетия. Автор, опираясь на нормативно-правовые акты федерального и регионального уровня, анализирует, каким образом органы государственной власти в республике, относящиеся к разным ветвям власти, осуществляют взаимодействие и решают вопросы разграничения полномочий. Автор обращает внимание на национально-культурную специфику региона, поскольку, с его точки зрения, она позволяет лучше понять не только особенности реализации принципа разделения властей в республике, но и объясняет некоторую неэффективность деятельности, подчеркивая, однако, что реализация принципа разделения властей нуждается в совершенствовании с учетом местного культурного кода.*

Ключевые слова: *принцип разделения властей; взаимодействие органов власти; недостаточность судебной власти; национально-культурная специфика; традиционное право.*

SAINAROEVA Fatima Vakhaevna,
Master's Student, Faculty of Law

AUSHEV Muslim Akhmedovich,
Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law Ingush State University

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS AND THEIR INTERACTION IN THE REPUBLIC OF INGUSHETIA

Annotation. *A better understanding of any theory is facilitated by familiarity with its application in practice. This article examines how the principle of separation of powers is implemented at the level of federal subjects. Interest in this topic stems from the classic problem that even the best initiatives operating at the "center" fail to perform as well in the "periphery." Furthermore, the insufficient scientific and theoretical development of issues related to the separation of powers concept in the regions is noteworthy. The aim of this paper is to analyze how the separation and interaction of authorities belonging to various branches of government is implemented in the Republic of Ingushetia. Drawing on federal and regional legal acts, the author analyzes how state authorities in the republic, belonging to different branches of government, interact*

and resolve issues of delimitation of powers. The author draws attention to the national and cultural specifics of the region, since, from his point of view, it allows for a better understanding not only of the peculiarities of the implementation of the principle of separation of powers in the republic, but also explains some of the inefficiency of the activity, emphasizing, however, that the implementation of the principle of separation of powers needs to be improved taking into account the local cultural code.

Key words: *principle of separation of powers; interaction of government bodies; insufficiency of judicial power; national and cultural specificity; traditional law.*

Федеративное устройство России предполагает реализацию принципа разделения властей, когда не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов федерации – республик, краев, областей – существуют три ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная, а также система сдержек и противовесов. Важность реализации концепции разделения властей на региональном уровне подчеркивается Конституционным Судом и Верховным Судом Российской Федерации, поскольку только путем соблюдения данного принципа на всех уровнях можно обеспечить правовую стабильность в обществе, баланс власти на всех иерархических уровнях государственного управления [1, с. 660]. В то же время многие вопросы, связанные скорее не с концепцией разделения властей, а с разграничением полномочий между ветвями власти, особенно на уровне субъектов федерации изучены недостаточно. В связи с этим цель статьи заключается в изучении того, как именно в русле принципа разделения властей реализуются вопросы их взаимодействия и разграничения полномочий между ними в Республике Ингушетия.

Равно как на общегосударственном уровне разделение властей отражено в Конституции Российской Федерации, так на региональном уровне оно находит закрепление в основных законах субъектов федерации (конституциях или уставах), создавая в свою очередь фундамент для других уровней регионального законодательства. Помимо трех ветвей власти на уровне субъектов Российской Федерации действует система сдержек и противовесов в виде принципа, закрепленного в Конституции Российской Федерации и в региональных законах и препятствующего доминированию одной из ветвей власти над другими.

Изложим теперь, как именно осуществляется деятельность органов государственной власти в русле концепции разделения властей в Республике Ингушетия.

Согласно ст. 1 Конституции Республики Ингушетия это «демократическое, правовое, светское государство…», отношение которого к Российской Федерации регулируется следующими законодательными актами: Конституция Российской Федерации; Конституция Республики Ингушетия; договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и республиканскими органами государственной власти.

Что касается реализации принципа разделения властей, то это закреплено в ст. 6 республиканской конституции: «Государственная власть в Республике Ингушетия осуществляется на основе разделения и взаимодействия законодательной, исполнительной, судебной власти, а также разграничения полномочий между республиканскими и местными органами власти». Также на территории республики обеспечивается единство государственной власти.

Система органов государственной власти была регламентирована в республике через пять лет после принятия республиканской конституции, что было зафиксировано в законе от 4 ноября 1999 г. «О системе органов государственной власти Республики Ингушетия». В настоящее время документ относится к категории недействующих, поскольку организация публичной власти на территории субъектов Российской Федерации, включая Республику Ингушетия, регулируется федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Согласно данному закону закреплено осуществление органами государственной власти субъектов федерации тех полномочий, которые не отнесены к ведению федеральных органов.

Кроме того, в республике действуют локальные нормативно-правовые акты: закон «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Ингушетия»; постановление «О регламенте Народного собрания Республики Ингушетия».

Согласно закону «О системе исполнительных органов…», в систему исполнительных органов республики входит глава республики; ее правительство и иные исполнительные органы государственной власти республики. В качестве последних в законе перечислены «органы отраслевой (межотраслевой) и/или специальной компетенции», которые осуществляют на территории республики в соответствующих подведомственных отраслях и сферах государственного управления исполнительно-распорядительную деятельность. Кроме того, Правительством рес-

публики по закону могут быть сформированы и другие исполнительные органы государственной власти.

Законодательная власть в республике представлена постоянно действующим представительным и единственным законодательным органом государственной власти – это Народное собрание Республики Ингушетия. В него входит 32 депутата, избираемых сроком на пять лет [2]. К полномочиям Председателя Народного собрания и его заместителей, помимо их непосредственной деятельности, относится представительство Народного собрания во взаимоотношениях с другими органами государственной власти Республики Ингушетия (главой республики, ее правительством); осуществление общего руководства по организации и проведению мероприятий в русле постоянного парламентского контроля. Также в рамках Народного собрания действует целый ряд комитетов в разных сферах (государственное строительство и законодательство; экономическая политика; бюджет и налоги; образование, культура и информационная политика; здравоохранение; местное самоуправление; национальная политика; связи с общественностью и религиозными организациями и др.). Перечисленные комитеты призваны организовывать разработку законопроектов по соответствующим направлениям и контролировать исполнение республиканских законов. Важно, что данные комитеты работают во взаимодействии с должностными лицами органов государственной власти, общественных объединений и различных организаций, что фактически является иллюстрацией принципа разделения властей в сочетании с взаимодействием различных органов и структур.

Переходя к рассмотрению третьей ветви власти, укажем, что к органам судебной власти Республики Ингушетия относятся верховный, арбитражный и конституционный суд, а также мировые судьи республики, что указывает на классическую трехступенчатую иерархию судебной власти:

– суды первой инстанции: мировые судьи или суды общей юрисдикции; районные суды;
– второй уровень – арбитражный суд республики;
– третий уровень – верховный суд республики [3, с. 253].

Кроме того, Верховный суд республики, будучи ее высшим судебным органом, осуществляет надзорную деятельность по отношению к районным и городским судам, мировым судьям и судебным участкам, которые расположены на территории региона [3, с. 254]. Также в соответствии с Конституцией республики, действует Конституционный суд Республики Ингушетия, который представляет собой судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть путем конституционного судопроизводства.

Устройство всех ветвей власти в субъектах Российской Федерации, несмотря на организацию в русле единой концепции разделения властей, имеет региональную, национальную и культурную специфику, на что указывает большинство специалистов. Так, А.К. Гагиев, Р.Б. Гандалоев и Б.И. Цечоев отмечают, что особенности деятельности судебных органов связаны со следующими факторами:

– регулирование общественных отношений в значительной степени опирается на традиционное право;
– влияние на судебную практику оказывают религиозные нормы;
– национально-культурные особенности, обусловливающие, в частности, деятельность института присяжных заседателей;
– традиции примирения в процессе урегулирования отношений между конфликтующими сторонами;
– особенности правоприменения, которые связаны с традиционными нормами и обычаями [3, с. 254].

В целом, несмотря на перечисленные особенности, деятельность судебной ветви власти в Республике Ингушетия находится в соответствии с федеральным устройством и обеспечивает гражданам свободу обращения к правосудию и эффективное рассмотрение различных дел.

Завершая рассмотрение реализации принципа разделения властей в Республике Ингушетия, все же придется отметить некоторую слабость и зависимость законодательной и судебной ветвей власти относительно исполнительной, характерную не только для данной республики, но и в целом для субъектов Северо-Кавказского федерального округа (Дагестан, Чечня, Карачаево-Черкесия).

Так, М.М. Айбатов указывает характерные для Ингушетии особенности:

– попытки со стороны политической элиты оказывать давление при подборе и назначении кандидатов на судейские должности и в целом на формирование судебной ветви власти;
– первый пункт неизбежно приводит к тому, что суды в некоторой степени зависят от региональной власти, а судебная система теряет статус автономной и независимой ветви власти, что предусмотрено Конституцией Российской Федерации;
– недостаточный профессионализм депутатов и высокая степень зависимости ветвей

власти, поскольку законодательная власть практически не использует инструмент парламентского контроля для проверки эффективности деятельности органов исполнительной власти, приводит к некоторой спорности утверждения о реально существующем разделении властей;

– традиционно глава республики играет настолько значительную роль в системе управления, что «все три ветви власти находятся на вторых ролях» [4, с. 32];
– практически полное отсутствие самостоятельных и независимых депутатов в парламенте Ингушетии, что приводит к подконтрольности законодательной власти исполнительной;
– слабость деятельности контрольно-счетных органов, поскольку их руководители, как правило, лояльны республиканской исполнительной власти, в силу чего их функция контроля эффективности использования бюджетных средств не выполняется должным образом [4, с. 33].

Получается, что перечисленные в статье М.М. Айбазова особенности, служат причиной того, что разделение властей в Республике Ингушетия не в полной мере может быть охарактеризовано как политическая практика, что, безусловно, требует работы в направлении реализации принципа разделения властей.

В целом, подводя итог изучению особенностей реализации принципа разделения властей в Республике Ингушетия, можно выделить в качестве ключевого момента то, что несмотря на имеющиеся несовершенства и проблемы, у каждой из трех ветвей власти имеется собственное место и назначение. Неизбежно возникающие в их расстановке субъективные подходы в большинстве случаев связаны с национально-культурными традициями и особенностями правового статуса регионов, однако это не может служить оправданием для того, чтобы не в полной мере соблюдать конституционный принцип разделения властей.

Список литературы:

[1] Швед В.А. Реализация принципа разделения властей на уровне субъектов Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 20(467). С. 659-661.

[2] Республика Ингушетия [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/structure/regions/IN/ (дата обращения 12.11.2025).

[3] Гагиев А.К., Гандалоев Р.Б., Цечоев Б.И. Судебная система Ингушетии: исторический опыт и региональные особенности // Образование и право. 2024. № 11. С. 251-256.

[4] Айбатов М.М. Реализация принципа разделения властей в государственно-политической системе республик Северного Кавказа в постсоветский период // Закон и право. 2021. № 6. С. 31-34.

References:

[1] Swede V.A. Implementation of the principle of separation of powers at the level of constituent entities of the Russian Federation//Young scientist. 2023. № 20(467). S. 659-661.

[2] Republic of Ingushetia [Electronic resource]. URL: http://council.gov.ru/structure/regions/IN/ (date of contact 12.11.2025).

[3] Gagiev A.K., Gandaloev RB, Tsechoev B.I. The judicial system of Ingushetia: historical experience and regional features//Education and law. 2024. № 11. S. 251-256.

[4] Aibatov M.M. Implementation of the principle of separation of powers in the state-political system of the republics of the North Caucasus in the post-Soviet period//Law and law. 2021. № 6. S. 31-34.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-533-537

ПРОКОФЬЕВА Елена Васильевна,
кандидат физико-математических наук, доцент,
доцент кафедры исследования документов учебно-научного
комплекса экспертно-криминалистической деятельности,
Волгоградская академия МВД России,
e-mail: olenyonok83@mail.ru

ПОРЫВАЕВА Полина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
криминалистической техники учебно-научного
комплекса экспертно-криминалистической деятельности,
Волгоградская академия МВД России,
e-mail: 01081998poli@gmail.com

ХАНИНА Наталья Валерьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры экономики и менеджмента,
Калининградский филиал Московского финансово-
юридического университета (МФЮА),
e-mail: hanna741974@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ ДАВНОСТИ ПО СЛЕДАМ ПАЛЬЦЕВ РУК

Аннотация. *Следы пальцев рук одни из самых важных следов в системе следов для раскрытия и расследования преступлений. Установление давности этих следов носит практическое значение, поскольку в их образовании участвует непосредственно человек.*

Вопросы изучения давности следов и временных промежутков носит значимый характер, ввиду того, что должное внимание информации, скрытой в вещественных доказательствах, способствует повышению качества ориентирования органов расследования для полноты картины. В современных реалиях опираться только на вербальные доказательства (показания, очные ставки и т.д.) является нецелесообразным. В связи с чем, актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена тем, что для расследования и установления обстоятельств преступного деяния давность образования следов носит практическое значение. В этой связи в статье рассмотрены научные положения и закономерности об использовании специальных знаний в ходе осмотров мест происшествий, на предварительной стадии исследования материальных следов, при проведении различных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в целях установления давности события и получения значимой информации для раскрытия и расследования преступлений. Представлено обобщение имеющегося эмпирического материала, объединение теоретических основ для дальнейшего совершенствования имеющейся методологической базы по применению средств для выявления и изучения «давних» потожировых следов рук, следов подошвенной части обуви, следов крови, улучшение процесса применения специальных знаний специалистом на начальных этапах расследования и раскрытия преступлений. Проведен отбор экспериментального материала и изучено влияние времени на следы, с определением появившихся признаков под влиянием разнообразных внешних факторов.

Ключевые слова: *следы рук, следы пальцев рук, раскрытие и расследование преступлений, судебная экспертиза, давность события, давность следов, значимая информация.*

PROKOFIEVA Elena Vasilievna,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor
of the Document Research Department of the Educational
and Scientific Complex of Forensic Expertise,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PORYVAYEVA Polina Sergeevna,
Senior Lecturer of the Forensic Science Technology Department of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

KHANINA Natalia Valerievna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Economics and Management Department, Kaliningrad Branch of the Moscow University of Finance and Law (MFUA)

THE POSSIBILITY OF ESTABLISHING AGE OF FINGERPRINTS

Annotation. *Fingerprints are among the most important traces in the system of traces used to solve and investigate crimes. Establishing the age of these traces is of practical importance, as humans are directly involved in their formation. Studying the age of traces and time intervals is important because proper attention to information hidden in physical evidence helps improve the quality of investigative bodies' guidance for a complete picture. In today's reality, relying solely on verbal evidence (testimony, confrontations, etc.) is impractical. Therefore, the relevance of this issue stems from the practical importance of the age of traces for the investigation and establishment of the circumstances of a criminal act. In this regard, this article examines scientific principles and principles regarding the use of specialized knowledge during crime scene examinations, the preliminary stage of material trace analysis, and various investigative actions and operational searches, with the aim of establishing the age of an event and obtaining relevant information for crime detection and investigation. This article summarizes existing empirical data, integrates theoretical foundations for further improvement of the existing methodological framework for the use of tools for identifying and studying "old" sweat and grease fingerprints, shoe soles, and bloodstains, and improves the application of specialized knowledge by specialists in the initial stages of crime investigation and solving crimes. A selection of experimental material was conducted, and the effect of time on traces was studied, identifying characteristics that emerged under the influence of various external factors.*

Key words: *fingerprints, fingerprints, crime detection and investigation, forensic examination, age of an event, trace age, relevant information.*

Грамотная и правильная оценка комплекса следов, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия, и возможного их видоизменения с течением времени способствует получению оперативно-значимой информации для установления лица, причастного к совершению преступного деяния, а также решению ряда следственных задач.

Процесс обнаружения потожировых следов человека в ходе осмотра места происшествия является одним из самых распространенных и трудоемких, поскольку данные следы могут локализоваться на различных по свойствам поверхностях, храниться при воздействии внешних факторов, подвергаясь в связи с этим различным видоизменениям, и с момента их оставления может пройти какое-то количество времени. Однако все существующие рекомендации по обнаружению «давних» следов не систематизированы и, как правило, построены на основе применения химических методов, которые могут изменять след.

В процессе хранения следы не находятся в идеальных условиях, которые обеспечивают их целостность, поэтому они подвержены внешним воздействиям сразу после того, как их оставили. Время способно не только видоизменить имеющийся след, но и сделать его совершенно невидимым. Эмоциональное и физическое состояние лица, оставившего след, так же имеет определенное влияние. «Старение» следов актуальный и сложный вопрос, решить который непросто. В научных трудах [1, 2] неоднократно предлагались различные версии о зависимости следов от внешних факторов, на фоне этих версий проводились практические исследования, основанные на методах сравнения, моделирования, но на сегодняшний день все полученные сведения не структурированы в одну систему. В связи с этим, возникает необходимость в более подробном изучении, как изменяются следы в процессе воздействия внешних факторов и времени, объединение теоретической информации и формирование практических навыков обнаружения, фиксации и изъятия этих следов с наименьшей деформацией идентификационно значимых признаков.

Пригодность «давних» следов определяется не только знаниями и умениями специалиста,

работающего со следом, но и также свойствами следовоспринимающей поверхности, с каким усилием производился контакт, его продолжительно и окружающая среда.

Оптимизация и уточнение информации о времени возникновения следов могут помочь в процессе решения многих следственных задач, среди которых:

1. временная привязка субъекта преступления к событию преступления. Например: подозреваемый, чьи следы обнаружены в ходе осмотра, находился или мог находиться ранее в этом месте до момента преступления. Соответственно и следы могли быть оставлены как в момент совершения, так и до этого. В этой ситуации единственной возможностью решения следственной задачи является экспертиза времени возникновения следов;
2. возможность при установлении истинного времени следообразования исключить то или иное лицо из числа подозреваемых, в совершении деяния. Например, на предмете, имеющем отношении к делу были обнаружены следы рук двух людей. Установление факта, что следы одного из них оставлены в период времени, который не относится к событию, можно исключить его участие в преступлении;
3. 3. установление времени совершения преступления, когда иные методы, кроме давности образования потожировых следов, не работают. Предположим, следствию неизвестно время преступления, но имеется предмет, явно относящийся к событию. В данной ситуации даже ориентировочные сроки возникновения следов рук могут охарактеризовать время совершения преступления.

В процессе изучения проблематики установления давности следов, были предложены несколько вариантов подходов к решению задачи, одними из которых являются: установление давности по морфологии необработанных и обработанных следов, по биохимическим изменениям в следах, по степени наслоения посторонних веществ (пыли), по характеру взаимодействия следообразующего вещества и следовоспринимающей поверхности.

Существует достоверный способ установления давности следа, который относится к области контрольно-измерительной криминалистической техники. Данный способ строится на построении гистограммы яркости следа и фона по отдельности на отцифрованном изображении, а в дальнейшем определяют среднее квадратическое отклонение яркости и сравнивают полученные значения с калибровочной кривой [1].

Еще одним из способов установление давности является выявление следа при помощи азотнокислого серебра, который подлежит визуальной оценке папиллярных линий, их четкости и пригодности для идентификации. След, оставленный месяц назад и находящийся в обычных условиях хранения без воздействия температурных режимов и влажности, имеет нечеткости в узоре, однако остается пригодным для идентификации в течение трех месяцев. Если же след был оставлен более 5 месяцев, то выявление азотнокислым серебром не даст никаких видимых результатов [2].

Исходя из статистики преступлений по России, самыми часто встречаемыми изымаемыми следами являются следы рук, поскольку именно эти следы обладают большой информационной значимостью, сдают возможность идентификации и установление конкретного лица, причастного к событию преступления.

Изучение рассматриваемой проблематики в практическом аспекте реализовывалось нами посредством эксперимента, для чего были выбраны стеклянные и полимерные следовоспринимающие поверхности, на которых оставлялись следы рук людьми, с нормальной секрецией потожирового вещества [3]. Следы получали путем легкого нажатия на следовоспринимающую поверхность (условия, приближенные к реальным в момент совершения преступления), после чего эти объекты помещались в коробку и следоносители хранились при нормальной влажности воздуха и температуре в диапазоне 19-23 °С. В процессе хранения агрессивные воздействия окружающей среды были сведены к минимуму, соответственно видоизменение следов можно определить как естественное старение [4]. По истечении нескольких часов, недели и 3 месяца следы выявлялись при помощи дактилоскопических порошков, ввиду распространённости и эффективности физического способа выявления следов в практической деятельности специалистов. Проведенный эксперимент позволяет сделать вывод о том, что следы с течением времени имеют тенденцию к ухудшению качества. Внешний вид изменяется, благодаря чему можно ориентировочно судить о времени, прошедшем с момента оставления следа. Важно учитывать, что речь идет об оптимальных (обычных) условиях, без воздействия внешних факторов.

Первостепенной задачей для определения давности оставления следа является уточнения обстоятельств, в которых след находился. Было это открытое пространство на свежем воздухе, либо же закрытое помещение. Все выводы на вопросы о давности следа могут быть даны в вероятной или предположительной форме [5]. Можно указывать временные промежутки (границы), например «предположительная давность следов составляет от ... до ... суток».

Для первой части исследования за следовоспринимающую поверхность было взято

стекло. На рисунке 1а представлен след, выявленный спустя 2 часа после образования и хранения в естественных условиях «старения». Форма, размеры, расположение и направление потоков папиллярных линий указывают на то, что след образован папиллярным узором ногтевой фаланги пальца руки, в котором отобразились верхний, центральный и нижний потоки папиллярных линий, возможно определить тип и вид папиллярного узора. В следе отображены детали строения папиллярного узора.

На рисунке 1б след, выявленный спустя неделю. Прослеживаются незначительные деформации в виде пробельных элементов на верхнем, центральном и нижнем потоке папиллярных линий, неполное отображение всех деталей строения. Возможность установить тип и вид папиллярного узора сохранилась.

На рисунке 1в след, выявленный спустя 3 месяца. Несмотря на видоизменения, которые претерпел след с течением времени, хорошо отобразился центральный поток папиллярных линий, позволяющий установить тип и вид узора. Также сохранена часть идентификационных признаков, их количество достаточно для того, чтобы сказать о пригодности следа.

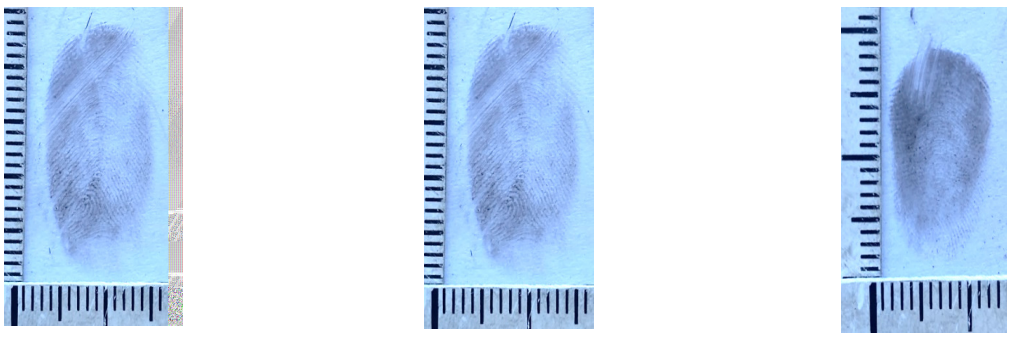
а б в

Рис. 1. Следы пальцев рук на стеклянной поверхности, выявленные с помощью дактилоскопического порошка по истечении: а. 2-х часов; б. 1 недели; в. 3-х месяцев.

Для второй части исследования в качестве следовоспринимающей поверхности использовался полимерный материал. На рисунке 2а представлен след пальца руки, оставленный на полимерной материале и выявленный спустя 2 часа после образования. Форма, размеры, расположение и направление потоков папиллярных линий указывают на то, что след образован папиллярным узором ногтевой фаланги пальца руки, в котором отобразились верхний, центральный и нижний потоки папиллярных линий, возможно определить тип и вид папиллярного узора. В следе отображены детали строения папиллярного узора.

На рисунке 2б след, выявленный спустя неделю нахождения в естественных условиях, частично видоизменился, имеет пробельные участки, что свидетельствует об ослабевании адгезионных свойств. Сохранилась Возможность определения типа и вида узора, детали строения деформированы, но их достаточно для определения пригодности следа.

На рисунке 2в след, выявленный спустя 3 месяца. Часть следа отображена в виде мазка, детали строения видоизменены и отображены нечетко, неполно. Индивидуальные признаки не сохранены в полном объеме.

а б в

Рис. 2. Следы пальцев рук на полимерной поверхности, выявленные с помощью дактилоскопического порошка по истечении: а. 2-х часов; б. 1 недели; в. 3-х месяцев.

Следы выявлялись с помощью черного магнитного дактилоскопического порошка.

Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что следы с течением времени претерпевают такие видоизменения как: слабая дифференциация папиллярных линий, наличие пробельных элементов, утрата идентификационных признаков и др. Следует учитывать, что эксперимент проводился в условиях нормальной влажности, температурного режима и незапыленности мест хранения объектов-носителей [6]. Немаловажное значение имеет характер следовоспринимающей поверхности, а также свойства применяемого дактилоскопического порошка.

Установлено, что если брать одинаковый временной промежуток для разных следовоспринимающих поверхностей (например, стекло и полимерный материал), то более четкие и качественные следы выявляются на более гладких поверхностях, в нашем конкретном случае на стекле.

Таким образом, в процессе работы со следами рук, специалисту на осмотре места происшествия, при грамотном подходе и правильном использовании методов выявления следов, а также полного выяснения обстоятельств, условий и времени события, можно получить предварительную информацию о временном интервале, что позволит способствовать в решении диагностических задач.

Список литературы:

[1] Морозова А.Л. Криминалистическое исследование потожировых следов рук человека с целью установления их давности / А.Л. Морозова : автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2000. 15. с.

[2] Корноухов В. Е. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития : монография / В.Е. Корноухов, Ю.Ю. Ярослав, Т.В. Яровенко. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. 320 с.

[3] Аветисян А.А. Установление давности события по материальным следам / А.А. Аветисян. Волгоград : ВА МВД России, 2024. 62. с.

[4] Порываева, П. С. Трудности работы со следами пальцев рук при осмотре места происшествия / П. С. Порываева, Е. В. Прокофьева // Развитие судебной экспертизы в Поволжском регионе: история и современность : Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 70-летнему юбилею ФБУ Саратовская ЛСЭ Минюста России, Саратов, 22 июня 2021 года / под общ. ред. д-ра техн. наук И.Л. Казанцевой. Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., 2021. С. 95-99.

[5] Бобовкин М.В. Основы валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы / М.В. Бобовкин, В.В. Марочкина // Судебная экспертиза. – 2023. № 2(74). С. 8-17.

[6] Прокофьева, Е. В. Факторы времени при решении диагностических задач по установлению давности события / Е. В. Прокофьева, О. Ю. Прокофьева // Новеллы права, образования, экономики и управления : Сборник научных трудов по материалам X международной научно-практической конференции, Гатчина, 22 ноября 2024 года. Гатчина: Издательство ГГУ, 2025. С. 78-80.

References:

[1] A.L. Morozova. Forensic study of sweated traces of human hands in order to establish their limitation/A.L. Morozova: author's review. dis... cand. jurid. sciences. M., 2000. 15. from.

[2] Kornoukhov V.E. Fingerprint examination: current state and development prospects: monograph/V.E. Kornoukhov, Yu.Yu. Yaroslav, T.V. Yarovenko. Moscow: Norm: INFRA-M, 2024. 320 s.

[3] Avetisyan A.A. Establishment of the limitation of the event on material traces/A.A. Avetisyan. Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 62. from.

[4] Poryvaeva, P. S. Difficulties of working with fingerprints when inspecting the scene/P. S. Poryvaeva, E. V. Prokofiev//Development of forensic examination in the Volga region: history and modernity: Collection of materials of a scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the FBU Saratov LSE Ministry of Justice of Russia, Saratov, June 22, 2021 years/under the gener. ed. Dr. Tech. Sciences I.L. Kazantseva. Saratov: Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., 2021. S. 95-99.

[5] Bobovkin M.V. Fundamentals of validation of methodological support of forensic handwriting examination/M.V. Bobovkin, V.V. Marochkina//Forensic examination. – 2023. № 2(74). S. 8-17.

[6] Prokofieva, E.V. Time factors in solving diagnostic problems to establish the limitation of the event/E.V. Prokofiev, O. Yu. Prokofiev//Short stories of law, education, economics and management: Collection of scientific works based on materials of the X International Scientific and Practical Conference, Gatchina, November 22, 2024. Gatchina: GSU Publishing House, 2025. S. 78-80.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-538-544

БЕСЛАНЕЕВА Ж.Х.,
доцент кафедры «Землеустройство и экспертиза недвижимости», к.экон.н.
ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский ГАУ,
г. Нальчик, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ЖАППУЕВ М.И.,
студент 3-го кура направления подготовки 08.04.01 «Строительство»,
ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский ГАУ,
г. Нальчик, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

МАЛОЭТАЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. *В статье рассмотрены динамика и роль малоэтажного (индивидуального и малоэтажного) жилищного строительства в Кабардино-Балкарской Республике (КБР) в 2021–2025 гг. На основе официальных статистических данных проведён анализ объёмов ввода жилья, структуры по видам застройки (многоквартирные и индивидуальные дома), а также выявлены тенденции спроса и предложения. Обосновано, что малоэтажное строительство является приоритетным направлением региональной жилищной политики, способствующим устойчивому развитию территорий, росту занятости и повышению качества жизни населения. Предложены управленческие и технические меры для стимулирования данного сегмента.*

Ключевые слова: *малоэтажное строительство, индивидуальное жилищное строительство, жилищная политика, Кабардино-Балкарская Республика, ввод жилья, региональное развитие, таунхаусы, строительство, градостроительство.*

BESLANEEVA Zh.Kh.,
Associate Professor of the Department «Land Management and Real Estate Expertise», candidate of Economic Sciences FSBEI HE Kabardino-Balkarian SAU,
Nalchik, Russia

ZHAPPUEV M.I.,
student of the 3-st course of the direction of preparation 08.04.01 «Construction» FSBEI HE Kabardino-Balkarian SAU,
Nalchik, Russia

LOW-RISE CONSTRUCTION AS A PRIORITY AREA OF HOUSING CONSTRUCTION IN KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC

Annotation. *The article examines the dynamics and role of low-rise (individual and small-scale) housing construction in the Kabardino-Balkarian Republic (KBR) during 2021–2025. Based on official statistical data, the study analyzes the volume of housing commissioned, the structure by types of development (multi-*

apartment and individual houses), and the main trends of supply and demand. It is substantiated that low-rise construction is a priority direction of the regional housing policy, contributing to sustainable territorial development, employment growth, and improvement of living standards. Managerial and technical recommendations are proposed to stimulate this segment.

Key words: *low-rise construction, individual housing construction, housing policy, Kabardino-Balkarian Republic, housing commissioning, regional development, townhouses, construction, urban planning.*

Введение

Малоэтажное жилищное строительство (далее — МЭС) — важный сегмент жилищного фонда в регионах России. Для Кабардино-Балкарской Республики, обладающей специфической демографической и территориальной структурой, развитие МЭС имеет как социально-экономические, так и градостроительные преимущества: удовлетворение спроса на индивидуальные дома и малометражное жильё, снижение давления на инженерную инфраструктуру крупных центров, стимулирование занятости в строительном секторе и локальной экономики. В условиях строительства устойчивого и доступного жилья МЭС рассматривается как приоритетное направление региональной жилищной политики.

Исследование опирается на официальные статистические публикации Территориального органа Росстата по Кабардино-Балкарской Республике, материалы Минстроя КБР и обзоры региональных информационных агентств за 2021–2025 гг. Для анализа использованы показатели ввода жилья (кв. м и число построенных жилых домов), раздроблённые по видам застройки (многоквартирные дома — МКД и индивидуальное строительство населением). Сравнительный анализ проводился по годам и по частям года (кварталы / январь–сентябрь) с расчётом относительных изменений.

Анализ факторов, влияющих на развитие МЭС в КБР

Развитие малоэтажного жилищного строительства в Кабардино-Балкарской Республике определяется совокупностью социально-экономических, институциональных и инфраструктурных факторов, которые в совокупности формируют специфику регионального строительного рынка. Одним из ключевых факторов выступают потребительские предпочтения населения, которые в последние годы устойчиво смещаются в сторону индивидуальных домов и малоквартирных объектов. Семьи с детьми и молодые специалисты всё чаще выбирают формат проживания за пределами крупных городов, что связано с желанием иметь личный земельный участок, большую жилую площадь и возможность обустроить собственное пространство. Эти тенденции усилились в период и после пандемии COVID-19, когда возросла роль удалённой занятости и необходимость комфортной жилой среды в пределах частного домовладения [12].

Немаловажное значение имеет развитие системы ипотечного и кредитного финансирования, которое напрямую влияет на доступность строительства для населения. Программы государственной поддержки, включая льготную ипотеку на индивидуальное жилищное строительство, способствуют расширению круга потенциальных застройщиков. Это подтверждается статистическими данными, согласно которым именно население обеспечивает большую часть прироста вводимого жилья. Финансовые инструменты, ориентированные на малоэтажное строительство, становятся стимулом для повышения строительной активности частного сектора [1; 4].

Серьёзное влияние на развитие малоэтажной застройки оказывают и инфраструктурные ограничения. В большинстве муниципальных образований региона сохраняются проблемы с подведением инженерных сетей, обеспечением транспортной доступности и развитием социальной инфраструктуры. Малоэтажные жилые кварталы требуют иной структуры инженерных коммуникаций, отличной от многоквартирных комплексов, что увеличивает затраты и сроки освоения территорий. Недостаток финансирования муниципальных программ в этой сфере сдерживает массовое развитие МЭС, особенно в сельских и горных районах [10; 16].

Значимым фактором также выступает институциональная среда, в частности — деятельность органов местного самоуправления, порядок предоставления земельных участков и регламентация градостроительных процедур. В последние годы региональное Министерство строительства и ЖКХ предпринимает шаги по упрощению административных процедур, связанных с выдачей разрешений на строительство, регистрацией договоров долевого участия и оформлением прав собственности. Такие меры способствуют повышению инвестиционной привлекательности малоэтажных проектов и росту доверия со стороны населения и застройщиков [7; 18].

Совокупное действие перечисленных факторов формирует неоднозначную, но динамично развивающуюся картину рынка малоэтажного жилищного строительства в Кабардино-Балкарской Республике. С одной стороны, наличие

устойчивого спроса, государственных программ и инициатив органов власти создаёт благоприятные условия для его расширения. С другой — сохраняющиеся инфраструктурные и административные барьеры требуют комплексного решения, направленного на формирование устойчивой модели развития малоэтажного сектора, обеспечивающей сбалансированное территориальное развитие региона.

Результаты: динамика ввода жилья 2021–2025 гг.

В период с 2021 по 2025 годы в Кабардино-Балкарской Республике наблюдается устойчивая тенденция роста объёмов жилищного строительства, в структуре которого постепенно усиливаются позиции малоэтажного сектора. Согласно данным территориального органа Росстата, в 2024 году в регионе было возведено 141 многоквартирный дом, тогда как населением построено 2 725 индивидуальных жилых домов, что подтверждает доминирование индивидуального жилищного строительства в общем объёме ввода жилья [1].

По данным региональных отчетов, в 2025 году сохраняется стабильный рост малоэтажного строительства. В январе–июле 2025 года населением построено около 2 380 домов, а к августу их количество увеличилось до 2 660. Общая площадь введённого жилья за январь–сентябрь составила 459,7 тыс. кв. м, из которых основную часть занимает индивидуальное строительство, реализуемое за счёт собственных средств граждан [2]. Отмечается положительная динамика и в качественной структуре нового жилищного фонда: растёт число проектов комплексной малоэтажной застройки и появляются новые формы организации жилой среды, такие как таунхаусы — сблокированные дома на несколько квартир с отдельными входами и земельными участками.

Первые примеры строительства таунхаусов в республике зафиксированы в 2022–2023 годах в пригородах Нальчика и Баксанского района. Этот формат жилья стал активно развиваться благодаря повышенному спросу на сравнительно доступные, но комфортные варианты проживания, сочетающие преимущества индивидуального и многоквартирного дома. По оценкам региональных экспертов, в 2023 году доля таунхаусов в общем объёме малоэтажного строительства составляла около 3–4 %, а к середине 2025 года она выросла до 6–7 %. Такие объекты возводятся преимущественно в рамках небольших коттеджных посёлков с комплексным благоустройством, что отражает постепенный переход рынка к организованным формам малоэтажной застройки [5; 6].

Развитие сегмента таунхаусов связано не только с изменением потребительских предпочтений, но и с экономическими факторами. При высоких издержках на индивидуальное строительство блокированные дома позволяют снизить стоимость квадратного метра за счёт общей инженерной инфраструктуры и меньшей площади земельного участка. Это делает их привлекательными для молодых семей и среднего класса, особенно при наличии льготных ипотечных программ и поддержки застройщиков муниципалитетами. В 2024–2025 годах на территории республики реализуется несколько пилотных проектов подобного типа, получивших одобрение регионального Министерства строительства и ЖКХ [7; 17].

Период 2021–2023 годов также характеризовался постепенным восстановлением строительной активности после пандемии. На фоне государственных мер поддержки и снижения ипотечных ставок население активнее инвестировало в индивидуальные и малоэтажные формы жилья. По итогам 2022 года общий ввод жилья в республике увеличился на 1,6 % по сравнению с 2021 годом, что сопровождалось ростом числа частных застройщиков и появлением новых форм кооперативного строительства. Эти процессы создают предпосылки для формирования в Кабардино-Балкарии устойчивого рынка малоэтажного жилья, включающего индивидуальные дома, дуплексы и таунхаусы, что соответствует общероссийской тенденции децентрализации жилищного строительства [3; 9].

Таким образом, динамика жилищного строительства в Кабардино-Балкарской Республике в 2021–2025 годах показывает не только количественный рост ввода жилья, но и качественное изменение его структуры. Индивидуальное и блокированное (таунхаусное) строительство постепенно становится ведущим направлением жилищного развития региона. Активность населения и инвесторов в этом секторе, а также поддержка со стороны региональных органов власти формируют условия для дальнейшего расширения малоэтажного рынка и повышения уровня доступности жилья для жителей республики [1; 2; 5; 7; 9; 17]

Преимущества и риски при развитии МЭС в КБР

Малоэтажное строительство в Кабардино-Балкарской Республике обладает значительным потенциалом социально-экономического и градостроительного воздействия, что определяет его приоритетное значение для региональной жилищной политики. Одним из главных преимуществ является стимулирование занятости и развитие малого и среднего бизнеса, особенно в

строительной и производственной сферах. Реализация проектов индивидуального жилищного строительства способствует формированию новых рабочих мест, расширению рынка строительных материалов и услуг, а также увеличению налоговых поступлений в местные бюджеты. Таким образом, малоэтажное строительство становится инструментом комплексного социально-экономического развития территорий [11].

С точки зрения градостроительной политики, развитие малоэтажной застройки способствует снижению плотности центральных районов городов и формированию более сбалансированной структуры расселения. Расширение индивидуального сектора позволяет перераспределить нагрузку на инженерные сети и транспортную инфраструктуру, улучшить экологическую ситуацию и создать комфортную среду проживания в малых населённых пунктах. Кроме того, в малоэтажном секторе легче внедрять энергоэффективные и экологичные строительные технологии, что соответствует современным требованиям устойчивого развития и энергоэкономичности жилого фонда [12].

Однако, несмотря на очевидные преимущества, развитие МЭС сопровождается рядом рисков и вызовов. Одним из ключевых ограничений остаётся высокая нагрузка на инженерную инфраструктуру. Массовое строительство индивидуальных домов без комплексного планирования и синхронизации с программами развития сетей водоснабжения, канализации и газификации приводит к неравномерной нагрузке на коммунальные системы и снижению их эффективности. В ряде муниципалитетов отмечаются случаи дефицита мощностей и задержек при подключении новых домов к инженерным сетям, что ограничивает темпы освоения новых территорий [16].

Ещё одной проблемой является обеспечение качества строительства и стандартизация проектных решений. При рассеянной индивидуальной застройке контроль за соблюдением строительных норм и требований энергоэффективности затруднён. Отсутствие единых технических стандартов и недостаточный уровень квалификации некоторых подрядчиков нередко приводят к появлению объектов с низкими эксплуатационными характеристиками. В условиях сейсмической активности региона это создаёт дополнительные риски для безопасности и долговечности малоэтажного жилья [14].

Кроме того, развитие МЭС требует решения вопросов долгосрочного планирования территорий, в том числе учёта транспортной доступности, социальной инфраструктуры и благоустройства. Отсутствие комплексного подхода может привести к фрагментации застройки и росту социальной изоляции, особенно в периферийных зонах. Для предотвращения таких последствий необходимы единые схемы территориального планирования, которые бы увязывали строительство жилья с развитием общественных пространств, транспортных сетей и инженерной инфраструктуры.

Таким образом, малоэтажное строительство в Кабардино-Балкарской Республике сочетает в себе значительные преимущества и объективные риски, требующие комплексного и сбалансированного подхода. При должной координации усилий органов власти, строительных организаций и населения МЭС может стать одним из ключевых факторов устойчивого социально-экономического развития региона и повышения качества жизни его жителей.

Управленческие и проектные рекомендации

Результаты проведённого анализа показывают, что развитие малоэтажного жилищного строительства в Кабардино-Балкарской Республике требует системного подхода, сочетающего управленческие, финансовые и технические решения. В качестве одного из ключевых направлений рекомендуется усиление программ комплексного освоения территорий, ориентированных именно на малоэтажную застройку. Практика показывает, что именно комплексные проекты, предусматривающие одновременное развитие инженерной и социальной инфраструктуры, обеспечивают устойчивый рост строительной активности и повышение качества городской среды. В таких проектах возможно оптимизировать затраты на подведение коммуникаций, рационально распределить нагрузку на сети и создать полноценные жилые кварталы с комфортной инфраструктурой [10].

Особое внимание следует уделить развитию механизмов субсидирования подведения инженерных сетей к участкам индивидуального жилищного строительства. Отсутствие коммуникаций остаётся одним из главных сдерживающих факторов для массового развития малоэтажного сектора. Введение целевых субсидий и льготных программ финансирования позволит стимулировать застройщиков и частных инвесторов, особенно в малых городах и сельских районах, где такие проекты имеют значительный социальный эффект [4].

Перспективным направлением представляется внедрение и популяризация типовых энергоэффективных проектов индивидуальных домов, адаптированных к природно-климатическим и сейсмическим условиям региона. Разработка и сертификация таких проектов на уровне республики позволит снизить стоимость проектных

работ, повысить стандарты безопасности и улучшить качество строительства. При этом важно ориентироваться на современные технологии энергоэффективности, использования местных строительных материалов и экологически чистых решений [12].

Не менее значимой задачей является совершенствование системы контроля качества строительства и повышение профессиональной подготовки кадров. Организация целевых программ переподготовки для работников строительного сектора, создание центров компетенций в области малоэтажного и индивидуального домостроения позволят повысить квалификацию специалистов и обеспечить соответствие строящихся объектов нормативным требованиям. Усиление технического надзора и внедрение цифровых инструментов мониторинга качества также повысит прозрачность и безопасность строительных процессов [14].

Важным элементом государственной поддержки становится информационное сопровождение граждан, желающих построить собственный дом. Создание региональных консультационных центров или «единых окон» позволит предоставлять населению полную информацию о возможностях получения земельных участков, условиях ипотечного кредитования, доступных типовых проектах и правилах подключения к инженерным сетям. Такая информационная поддержка значительно снизит риски ошибок при оформлении документов и повысит доверие граждан к институту индивидуального строительства [7].

Таким образом, реализация обозначенных рекомендаций позволит выстроить устойчивую систему развития малоэтажного строительства в Кабардино-Балкарской Республике, повысить его инвестиционную привлекательность и создать условия для комплексного развития территорий. Координация действий органов власти, строительных компаний и населения обеспечит не только количественный рост объёмов ввода жилья, но и качественное улучшение жилищных условий жителей республики.

Заключение

Проведённый анализ показал, что малоэтажное жилищное строительство является одним из наиболее перспективных направлений развития строительного комплекса Кабардино-Балкарской Республики. В 2021–2025 годах отмечается устойчивая положительная динамика ввода жилья, при этом основная доля нового жилищного фонда формируется за счёт индивидуальных жилых домов, возводимых населением. Этот сектор демонстрирует устойчивый рост, подтверждая высокий уровень спроса на комфортное и доступное жильё, обеспечивающее более высокий уровень благоустройства и автономности по сравнению с традиционным многоквартирным жильём.

Особое значение в последние годы приобретает появление и активное развитие нового для региона формата — таунхаусов, представляющих собой сблокированные малоэтажные дома с отдельными входами и земельными участками. Этот вид застройки стал заметным элементом жилищного рынка Кабардино-Балкарии начиная с 2022–2023 годов и демонстрирует устойчивую динамику роста. Таунхаусы сочетают преимущества индивидуального жилья и экономическую эффективность многоквартирных домов, что делает их особенно привлекательными для молодых семей и представителей среднего класса. Расширение данного сегмента способствует формированию новых подходов к градостроительному развитию пригородных зон и повышает рациональность использования земельных ресурсов [5; 7; 17].

Развитие малоэтажного строительства, включая индивидуальные дома, дуплексы и таунхаусы, требует комплексных решений в сфере инфраструктуры, финансовых инструментов и градостроительного регулирования. Ключевыми направлениями государственной политики должны стать поддержка инженерного обустройства территорий, совершенствование ипотечных и субсидированных программ, а также развитие проектных решений, учитывающих климатические и сейсмические особенности региона. Особое внимание должно уделяться вопросам стандартизации и типизации энергоэффективных проектов малоэтажных домов, что позволит снизить себестоимость строительства и повысить качество возводимого жилья [10; 12; 14].

Таким образом, малоэтажное строительство, включая формирующийся сегмент таунхаусов, является стратегическим направлением развития жилищной политики Кабардино-Балкарской Республики. Его дальнейшее стимулирование обеспечит не только количественный рост жилищного фонда, но и качественные изменения в структуре расселения, повышая уровень комфорта, экологичности и устойчивости жилой среды. Комплексный подход, сочетающий поддержку частных застройщиков, развитие инфраструктуры и совершенствование нормативно-правовой базы, станет основой устойчивого роста строительной отрасли региона в среднесрочной перспективе.

Список литературы:

[1] Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кабардино-Балкарской Республике. О вводе в действие

жилых домов в Кабардино-Балкарской Республике в 2024 году. — Нальчик: Росстат по КБР, 2025.

[2] Территориальный орган Росстата по КБР. О вводе в действие жилых домов в Кабардино-Балкарской Республике (январь–август 2025 года). — Нальчик, 2025.

[3] Территориальный орган Росстата по КБР. Итоги жилищного строительства в Кабардино-Балкарской Республике за 2021–2023 годы. — Официальные статистические публикации, 2024.

[4] Министерство строительства и архитектуры Кабардино-Балкарской Республики. Годовой отчёт о реализации государственной программы «Обеспечение доступным жильём населения КБР» за 2024 год. — Нальчик, 2025.

[5] Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Обзор рынка малоэтажного строительства в субъектах РФ в 2021–2024 годах. — Москва: Минстрой России, 2025.

[6] РБК Кавказ. Жилищное строительство на Северном Кавказе: итоги и прогнозы на 2025 год. — РБК, 2025.

[7] Правительство Кабардино-Балкарской Республики. Постановление о мерах по упрощению процедур получения разрешений на строительство индивидуальных жилых домов. — Нальчик, 2024.

[8] Территориальный орган Росстата по КБР. Экспресс-информация: строительство и ввод жилья в январе–сентябре 2025 года. — Нальчик, 2025.

[9] ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». Тенденции развития индивидуального жилищного строительства в субъектах РФ: аналитический доклад. — Москва, 2024.

[10] Министерство экономического развития КБР. Инфраструктурные ограничения в жилищном строительстве региона: аналитическая записка. — Нальчик, 2023.

[11] Хатова Л.М. Малоэтажное строительство как фактор социально-экономического развития региона. // Региональная экономика и строительство. — 2023. — № 4. — С. 56–64.

[12] Садыков А.Х. Энергоэффективные технологии в малоэтажном строительстве на Северном Кавказе. // Строительная наука и практика. — 2024. — № 2. — С. 33–41.

[13] Чернова Е.А. Ипотечное кредитование и его влияние на индивидуальное жилищное строительство в регионах России. // Экономика и управление строительством. — 2023. — № 1. — С. 48–55.

[14] Гусейнов М.Р. Качество и безопасность малоэтажного строительства в сейсмоактивных регионах. // Архитектура и инженерное дело. — 2024. — № 5. — С. 22–30.

[15] Веденин П.В. Развитие территорий под индивидуальное жилищное строительство: проблемы планирования и инфраструктуры. // Жилищное строительство. — 2025. — № 7. — С. 12–20.

[16] Министерство строительства КБР. Доклад о состоянии инженерной инфраструктуры муниципальных образований Республики. — Нальчик, 2024.

[17] Воронова Т.С. Трансформация региональной жилищной политики в условиях роста индивидуального строительства. // Градостроительство и архитектура. — 2025. — № 3. — С. 71–79.

[18] Министерство строительства и архитектуры КБР. Отчёт о цифровизации процедур предоставления разрешений на строительство в 2025 году. — Нальчик, 2025

References:

[1] Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kabardino-Balkarian Republic. On the commissioning of residential buildings in the Kabardino-Balkarian Republic in 2024. - Nalchik: Rosstat for CBD, 2025.

[2] Territorial body of Rosstat for CBD. On the commissioning of residential buildings in the Kabardino-Balkarian Republic (January-August 2025). - Nalchik, 2025.

[3] Territorial body of Rosstat for CBD. Results of housing construction in the Kabardino-Balkarian Republic for 2021-2023. - Official statistical publications, 2024.

[4] Ministry of Construction and Architecture of the Kabardino-Balkarian Republic. Annual report on the implementation of the state program “Providing affordable housing for the population of the CBD” for 2024. - Nalchik, 2025.

[5] Ministry of Construction, Housing and Communal Services of the Russian Federation. Overview of the low-rise construction market in the constituent entities of the Russian Federation in 2021-2024. - Moscow: Ministry of Construction of Russia, 2025.

[6] RBC Caucasus. Housing construction in the North Caucasus: results and forecasts for 2025. - RBC, 2025.

[7] Government of the Kabardino-Balkarian Republic. Resolution on measures to simplify the procedures for obtaining permits for the construction of individual residential buildings. - Nalchik, 2024.

[8] Territorial body of Rosstat for CBD. Express information: construction and commissioning of housing in January-September 2025. - Nalchik, 2025.

[9] FSBI TsNIIP of the Ministry of Construction of Russia. Trends in the development of individual

housing construction in the constituent entities of the Russian Federation: analytical report. - Moscow, 2024.

[10] Ministry of Economic Development of the CBD. Infrastructure restrictions in housing construction in the region: analytical note. - Nalchik, 2023.

[11] Khatova L.M. Low-rise construction as a factor in the socio-economic development of the region .//Regional economy and construction. — 2023. — № 4. - S. 56-64.

[12] Sadykov A.Kh. Energy-efficient technologies in low-rise construction in the North Caucasus .//Construction science and practice. — 2024. — № 2. - S. 33-41.

[13] E.A. Chernova. Mortgage lending and its impact on individual housing construction in the regions of Russia .//Economics and construction management. — 2023. — № 1. - S. 48-55.

[14] M.R. Huseynov. Quality and safety of low-rise construction in seismically active regions .// Architecture and engineering. — 2024. — № 5. - S. 22-30.

[15] Vedenin P.V. Development of territories for individual housing construction: problems of planning and infrastructure .//Housing construction. — 2025. — № 7. - S. 12-20.

[16] Ministry of Construction of the CBD. Report on the state of engineering infrastructure of municipalities of the Republic. - Nalchik, 2024.

[17] Voronova T.S. Transformation of regional housing policy in the context of the growth of individual construction .//Urban planning and architecture. — 2025. — № 3. - S. 71-79.

[18] Ministry of Construction and Architecture of the CBD. Report on digitalization of construction permit procedures in 2025. - Nalchik, 2025.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-545-548

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
адвокат, ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КЛИНИКИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

Аннотация. *В статье рассмотрены правовые аспекты налогообложения клиники пластической хирургии. Установлено, что медицинские услуги клиник,* ***при наличии лицензии и включении услуг в соответствующий перечень,*** *не подлежат обложению НДС (кроме косметических услуг). Раскрыто, что при выполнении клиникой условий, предусмотренных п. 3 ст. 284.1 НК РФ, она сможет применять нулевую ставку налога на прибыль от медицинской деятельности, в случае несоблюдения данных условий или непредставлении сведений медицинская организация лишается права на нулевую ставку, исчислив сумму налога по общей ставке. Выявлено, что иные доходы клиники, полученные не от оказания медицинских услуг, будут облагаться НДС. Отмечено, что при нахождении клиники на упрощенной системе она уплачивает следующие налоги: УСН Доходы – 6% с доходов, УСН Доходы минус расходы – 15% с разницы между ними; на общей системе налогообложения – 25% с прибыли.*

Ключевые слова: *клиника пластической хирургии, медицинская организация, налог, НДС, УСН, прибыль, услуги.*

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
Lawyer, NGO "Leningrad Regional Bar Association"
branch "Pelevin and Partners Law Firm",
Saint Petersburg

LEGAL ASPECTS OF TAXATION OF A PLASTIC SURGERY CLINIC

Annotation. *This article examines the legal aspects of taxation for plastic surgery clinics. It establishes that medical services rendered by clinics, provided they are licensed and included in the appropriate list of services, are not subject to VAT (except for cosmetic services). It is also disclosed that if the clinic complies with the conditions stipulated by paragraph 3 of Article 284.1 of the Tax Code of the Russian Federation, it will be entitled to apply a zero tax rate on profits from medical activities. Failure to comply with these conditions or failure to submit information will result in the loss of the right to the zero rate, with the tax amount calculated at the general rate. It is also established that other income of the clinic, not received from the provision of medical services, will be subject to VAT. It is noted that if the clinic is on the simplified tax system, it pays the following taxes: Simplified Tax System (STS) Income – 6% of income, Simplified Tax System (STS) Income minus expenses – 15% of the difference between them; on the general tax system – 25% of profit.*

Key words: *plastic surgery, medical organization, tax, VAT, simplified tax system, profit, services.*

Медицинские организации обязаны платить установленные законом налоги и сборы, вести учет доходов и расходов. Исследование правовых аспектов налогообложения клиник пластической хирургии помогает оптимизировать расходование средств государственного бюджета. Также это может быть полезно для разработки предложений по совершенствованию налогового учета в клиниках пластической хирургии.

В настоящее время имеется нехватка научных исследований, посвященных данной теме.

Цель исследования – анализ правовых аспектов налогообложения клиники пластической хирургии (далее – клиника).

Особый статус медицинских организаций как налогоплательщиков обусловлен тем, что они предоставляют социально значимые общественные блага, оказывающие положительное воздействие на здоровье граждан и общество в целом [3].

Если клиника получает бюджетное финансирование или гранты, то ей следует вести раздельный учет по доходам и расходам по каждому

направлению поступающих средств - отдельно по бюджетному финансированию, отдельно по грантам и учет прочей предпринимательской деятельности [4].

Рассмотрим особенности налоговых режимов, которые может применять клиника. Медицинские организации могут платить следующие налоги.

Налог	УСН Доходы	УСН Доходы-расходы	ОСНО
Основной налог	6% с доходов	15% с разницы	0% или 25% с прибыли
НДС с медицинских услуг	-	-	-
НДС прочий	Нет при доходе до 60 млн, далее 5% (7%) либо обычные		10% или 20%
На имущество	С кадастровой стоимости недвижимости		С любой недвижимости

Дополнительно организации на любой системе налогообложения платят страховые взносы за работников и удерживают с них НДФЛ.

На упрощенной системе налогообложения (УСН) Доходы обычная ставка налога - 6% от всех поступивших доходов, если нет региональных льгот. Данная схема подходит для организаций с низкой себестоимостью.

При этом имеется возможность уменьшить налог на уплаченные страховые взносы, но не больше, чем наполовину. Учитывая то, что расходы на страховые взносы для клиники значительны, можно уменьшить налог практически наполовину, то есть, до 3%.

На УСН Доходы минус расходы налог считается с разницы между доходами и расходами, налоговая база = (доходы - расходы) × 15%. Схема выгодна, если расходы составляют от 60% выручки и выше.

Список расходов, которые можно учесть, ограничен, но привычные расходы в нем есть (покупка основных средств, арендные и лизинговые платежи, зарплата и страховые взносы). Расходы на консультационные услуги учесть нельзя. Кроме того, здесь надо платить минимальный налог (1% с полученных доходов), даже если у клиники есть убытки.

Услуги пластической хирургии, которые оказывают населению медицинские организации, в силу п.п. 2 п. 2 ст. 149 НК РФ, при наличии соответствующей лицензии не подлежат обложению НДС. Это указано в Письме Минфина России от 26.07.2019 №03-07-07/55910[1]. Чтобы воспользоваться освобождением, организация должна соблюсти ряд условий:

1. Включение оказываемых услуг в Перечни медицинских услуг, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 20.02.2001 № 132 и/или Постановлением Правительства от 28.12.2023 № 2353 (пп. 2 п. 2 ст. 149 НК РФ). Услуги клиник по диагностике, профилактике и лечению входят в этот перечень (амбулаторно и стационарно).

2. Наличие у медицинской организации лицензии на ведение медицинской деятельности.

При этом необходимо отметить, что косметические услуги (кроме финансируемых из бюджета) облагаются НДС. К ним можно отнести пилинги, обертывания, лазерную и фотоэпиляцию и пр. Они направлены на улучшение внешнего вида пациента средствами декоративной косметики, а не на лечение, профилактику заболевания.

Итак, при наличии лицензии не подлежат налогообложению НДС услуги пластической хирургии при оказании медицинской помощи в амбулаторных и стационарных условиях.

Документами, подтверждающими право на применение льготной ставки НДС, которые может затребовать налоговая инспекция, являются следующие:

- Копия лицензии на осуществление медицинской деятельности.
- Договоры с пациентами.
- Первичные документы: копии актов оказанных услуг, кассовых и товарных чеков, связанных с приложенными договорами.
- Бухгалтерскую справку-расчет, в которой расшифрована выручка, освобожденная от налогообложения. Итоговые суммы в справке должны совпадать с данными, содержащимися в декларации.

[1] Письмо Минфина России от 26.07.2019 № 03-07-07/55910 Письмо Минфина России от 26.07.2019 N 03-07-07/55910. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=342272&ysclid=mhp4stf3kj569387440.

Данные документы необходимо подать в виде реестра в электронной форме по рекомендованной ФНС структуре. Это позволит избежать предоставления полного объема первичных документов. Для целей исчисления НДС не имеет значения, кто является заказчиком медицинской услуги - физическое или юридическое лицо.

Клиники вправе применять нулевую ставку по налогу на прибыль от медицинской деятельности, при соблюдении предусмотренных законом условий [1]. При их нарушении в дальнейшем налог должен быть уплачен по основной установленной ставке [2].

Основная ставка налога на прибыль составляет 25%, что является немалой суммой. Но если клиника выполняет ряд условий, предусмотренных п. 3 ст. 284.1 НК РФ, то она сможет применять нулевую ставку:

1. Наличие лицензии на осуществление медицинской деятельности.
2. Не менее 90% доходов образуют доходы от медицинской деятельностей.
3. Наличие в штате организации не менее 15 работников (совместители не учитываются).
4. Наличие не менее чем у половины сотрудников клиники сертификата или свидетельства об аккредитации специалиста.

Указанные условия должны одновременно выполняться в течение календарного года, в котором *клиника рассчитывает* на применение нулевой ставки:

- о доле доходов - за налоговый период;

- о наличии лицензий, численности работников и квалификационным требованиям к ним, отсутствии операций с векселями и производными финансовыми инструментами - непрерывно в течение налогового периода (письмо Минфина России от 28.12.2012 № 01-02-03/03-482).

Для применения ставки необходимо представить в налоговый орган не позднее чем за один месяц до начала налогового периода (то есть - не позднее 30 ноября) Заявление и сведения о дате предоставления и регистрационном номере лицензии (лицензий) (п. 5 ст. 284.1 НК РФ, письмо Минфина России от 01.12.2021 № 03-03-07/97577), а согласно п. 6 ст. 284.1 НК РФ по его окончании, в сроки, установленные для представления налоговой декларации (не позднее 28 марта), - Сведения о доле доходов и численности (форма утверждена приказом ФНС России от 21.11.2011 № ММВ-7-3/892@).

Организации, применяющие ставку налога на прибыль 0%, должны представлять в налоговый орган Декларации по налогу на прибыль в общеустановленном порядке.

При невыполнении требований, установленных п. 3 ст. 284.1 НК РФ, организация утрачивает право на ставку 0%. В этом случае ей придется представить в налоговую инспекцию скорректированные налоговые декларации за отчетные периоды и за весь налоговый период, рассчитав сумму налога по общей ставке.

При переходе клиники на общую ставку, они не может в течение 5 лет повторно вернуться к применению ставки 0%. Это ограничение не распространяется на налогоплательщиков, которые ранее применяли нулевую ставку, затем перешли на упрощенную систему налогообложения, а потом вернулись к уплате *налога на прибыль* по ставке 0%.

Иные доходы клиники, полученные не от оказания медицинских услуг, облагаются НДС. Организация рассчитывает свое налоговое обязательство путем вычета суммы налога, уплаченного поставщикам (исполнителям) за приобретенные у них товары, работы и услуги. Например, при сдаче клиники в аренду помещения, НДС с продажи будет 20%, а с закупок - ноль.

Клиники, находящиеся на УСН, вправе применять пониженные ставки:

- 5% при доходе от 60 до 250 млн рублей;
- 7% при доходе от 250 до 450 млн рублей.

Хотя пониженные ставки привлекательнее обычных, однако отсутствуют вычеты с закупок. Соответственно, при выборе ставки следует оценивать объем входящего НДС. При его отсутствии или малом размере выгоднее представляются пониженные ставки.

Таким образом, медицинские услуги клиник, при наличии лицензии и включении услуг в соответствующий перечень, не подлежат обложению НДС (кроме косметических услуг). При выполнении клиникой условий, предусмотренных п. 3 ст. 284.1 НК РФ, она сможет применять нулевую ставку налога на прибыль от медицинской деятельности. Иные доходы клиники, полученные не от оказания медицинских услуг, будут облагаться НДС. При нахождении клиники на упрощенной системе клиника уплачивает следующие налоги: УСН Доходы – 6% с доходов, УСН Доходы минус расходы – 15% с разницы между ними, на общей системе налогообложения – 25% с прибыли.

Список литературы:

[5] Ермошина Е.Л. Применение АУ ставки 0% по налогу на прибыль: новшества с 2020 года // Автономные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2019. № 9.

[6] Канунникова Ю.С. Особенности налогообложения прибыли учреждений здравоохранения // Экономика и социум. 2019. № 12 (67). С. 544.

[7] Нугуманова Г.Р. Специфика формирования системы налогообложения предпринимательской деятельности на рынке медицинских услуг.

Вестник Казанского технологического университета. 2013. Том 16. № 14. С. 260.

[8] Юркова М.Р. Вопросы исчисления налоговой базы по налогу на прибыль организаций государственными (муниципальными) учреждениями // Инновации и инвестиции. 2019. № 1. С. 135.

References:

[1] Yermoshina E.L. Application of AU rate 0% on income tax: innovations since 2020//Autonomous institutions: accounting and taxation. 2019. № 9.

[2] Yu.S. Kanunnikova. Features of taxation of profits of healthcare institutions//Economics and Society. 2019. № 12 (67). S. 544.

[3] G.R. Nugumanova. Specifics of the formation of the business taxation system in the medical services market. Bulletin of Kazan Technological University. 2013. Volume 16. № 14. S. 260.

[4] Yurkova M.R. Issues of calculating the tax base for corporate income tax by state (municipal) institutions//Innovations and investments. 2019. № 1. S. 135.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-549-555
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

КОРНИЛОВА Александра Евгеньевна,
Аспирант ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
e-mail: kornilova_aleksandra@bk.ru

Научный руководитель:
ТАСАКОВ Сергей Владимирович,
д.ю.н. профессор, проректор по общим вопросам
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье исследуются современные способы совершения преступлений в отношении несовершеннолетних в цифровой среде. Проведен комплексный экономико-правовой анализ, рассматривающий киберпреступность не только как социально-правовое явление, но и как экономический феномен, порождающий нелегальные рынки.*

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией общества и сопутствующим ростом киберпреступлений против несовершеннолетних. По данным Генеральной прокуратуры РФ, ежегодный прирост таких преступлений составляет 15-20%. Особую значимость теме придают транснациональный характер преступной деятельности, высокая латентность и неэффективность традиционных методов расследования в условиях цифровой среды. Формирование устойчивых теневых бизнес-моделей, основанных на монетизации противоправной деятельности с использованием криптовалют, требует разработки новых подходов к классификации и противодействию.

Основная цель заключается в разработке криминалистической классификации способов совершения преступлений против несовершеннолетних в сети Интернет с проведением комплексного экономико-правового анализа механизмов их осуществления и монетизации.

Рассматриваемые проблемы включают:

1) Системный характер угроз безопасности несовершеннолетних в цифровой среде

2) Технологическую эволюцию способов совершения преступлений

3) Экономизацию киберпреступности и формирование теневых рынков

4) Недостаточную эффективность существующих мер противодействия

5) Отсутствие единой классификационной системы способов совершения преступлений

Методология исследования основана на комплексном подходе, сочетающем системный анализ структуры и взаимосвязей элементов криминальной деятельности, сравнительно-правовой метод анализа законодательных подходов, экономическое моделирование механизмов монетизации, статистический анализ тенденций развития киберпреступности.

Выводы. Разработана многоуровневая классификация способов совершения преступлений, выделяющая три ключевых кластера. Выявлены специфические экономические механизмы монетизации противоправной деятельности. Предложен комплекс практических мер, включая механизмы ГЧП, экономическое стимулирование платформ и усиление контроля за оборотом криптовалют. Обоснована необходимость развития специальных программ обучения для правоохранительных органов

Практическая значимость работы заключается в создании теоретической основы для формирования эффективной частной криминалистической методики расследования и разработке комплексного подхода к противодействию преступлениям против несовершеннолетних в цифровой среде.

Ключевые слова: *киберпреступность, несовершеннолетние, цифровая среда, криминалистическая классификация, экономика преступности, правовое регулирование, кибербезопасность, криптовалюты, груминг, секстроция.*

KORNILOVA Alexandra Evgenievna,
graduate student I.N. Ulyanov
Chuvash State University

Scientific supervisor:
TASAKOV Sergey Vladimirovich,
Doctor of Law, Professor,
Vice-Rector for General Affairs I.N. Ulyanov
Chuvash State University

CRIMINALISTIC CLASSIFICATION OF WAYS OF COMMITTING CRIMES AGAINST MINORS ON THE INTERNET: ECONOMIC AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article examines modern methods of committing crimes against minors in the digital environment. A comprehensive economic and legal analysis has been conducted, considering cybercrime not only as a socio-legal phenomenon but also as an economic phenomenon that generates illegal markets.*

The relevance of the study is determined by the rapid digitalization of society and the concomitant increase in cybercrimes against minors. According to the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, the annual growth of such crimes is 15-20%. The transnational nature of criminal activity, its high latency, and the ineffectiveness of traditional investigation methods in the digital environment add particular significance to the topic. The formation of sustainable shadow business models based on the monetization of illegal activities using cryptocurrencies necessitates the development of new approaches to classification and counteraction.

The main goal is to develop a forensic classification of methods for committing crimes against minors on the Internet, accompanied by a comprehensive economic and legal analysis of their mechanisms and monetization.

The problems under consideration include:

1) The systemic nature of threats to the safety of minors in the digital environment.

2) The technological evolution of methods for committing crimes.

3) The economization of cybercrime and the formation of shadow markets.

4) The insufficient effectiveness of existing countermeasures.

5) The lack of a unified classification system for methods of committing crimes.

The research methodology is based on an integrated approach combining: systems analysis of the structure and interrelations of elements of criminal activity, the comparative legal method for analyzing legislative approaches, economic modeling of monetization mechanisms, statistical analysis of cybercrime development trends.

Findings. A multi-level classification of crime methods has been developed, identifying three key clusters. Specific economic mechanisms for monetizing illegal activities have been identified. A set of practical measures has been proposed, including public-private partnership mechanisms, economic incentives for platforms, and enhanced control over cryptocurrency circulation. The necessity of developing special training programs for law enforcement agencies has been substantiated.

The practical significance of the work lies in creating a theoretical basis for forming an effective specific forensic methodology for investigation and developing a comprehensive approach to countering crimes against minors in the digital environment.

Key words: *cybercrime, minors, digital environment, forensic classification, crime economics, legal regulation, cybersecurity, cryptocurrencies, grooming, sextortion.*

Введение

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизни, что наряду с очевидными преимуществами порождает новые вызовы в области правопорядка и безопасности. Особую тревогу вызывает рост преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием сети Интернет. По данным Генеральной прокуратуры РФ, наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества таких преступлений на 15-20% ежегодно [1].

Актуальность темы обусловлена не только высокой степенью общественной опасности данных деяний, но и их транснациональным характером, а также значительной латентностью. Тради-

ционные методы расследования зачастую оказываются малоэффективными в условиях анонимности и глобализации цифрового пространства. В этой связи разработка научно обоснованных подходов к классификации и анализу способов совершения подобных преступлений представляется чрезвычайно востребованной.

Постановка проблемы исследования.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизни, что наряду с очевидными преимуществами порождает новые вызовы в области правопорядка и безопасности. Особую тревогу вызывает качественная и количественная трансформация преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием сети Интернет.

Обзор научной литературы.

Проблема преступности против несовершеннолетних в сети Интернет нашла отражение в работах отечественных и зарубежных работах ученых-юристов, однако требует комплексного междисциплинарного изучения.

В области уголовно-правового регулирования значительный вклад внесли А.Г. Волеводз, детально проанализировавший международные аспекты киберпреступности [10]; В.В. Крылов, исследовавший информационные компьютерные преступления [11]; Н.И. Водянов, изучивший проблемы деструктивного контента в сети Интернет [12]. Криминологические аспекты раскрыты в работах С.К. Петрова, проанализировавшего особенности киберпреступности против несовершеннолетних [9]; А.В. Федорова, исследовавшего проблему кибербуллинга как социально-правового явления [14]. Экономические механизмы киберпреступности исследованы в трудах А.Г. Корчагина и А.А. Яковенко, проанализировавших криминогенную роль криптовалют [2]; М.К. Измайлова и Е.А. Арбениной, изучивших цифровизацию как инструмент противодействия теневой экономике [5]. Криминалистические проблемы рассмотрены в работах А.Н. Берестового и П.В. Цветкова, исследовавших понятие и характеристику преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в киберпространстве [8]; А.С. Семенова, проанализировавшего новые виды киберпреступлений против несовершеннолетних [13].

Анализ научных публикаций позволяет выделить следующие нерешенные проблемы:

1) Отсутствие единой классификационной системы способов совершения преступлений против несовершеннолетних в сети Интернет, учитывающей как юридические, так и экономические аспекты.
2) Недостаточная изученность экономических механизмов монетизации противоправной деятельности и их влияния на структуру и динамику киберпреступности.
3) Неразработанность комплексных мер противодействия, сочетающих уголовно-правовые, криминалистические и экономические инструменты.
4) Отсутствие системного подхода к организации взаимодействия правоохранительных органов с интернет-платформами и IT-компаниями.
5) Проведенный анализ свидетельствует о необходимости разработки комплексной криминалистической классификации способов совершения преступлений против несовершеннолетних в сети Интернет, основанной на междисциплинарном подходе и учитывающей современные тенденции развития киберпреступности.

Степень научной разработанности проблемы. Исследованию различных аспектов киберпреступности посвящены работы таких ученых, как А.Г. Волеводз, В.В. Крылов, Н.И. Водянов, А.Г. Корчагин и других. Однако комплексный экономико-правовой анализ способов совершения преступлений против несовершеннолетних в сети Интернет остается недостаточно изученной темой, что обусловливает необходимость проведения настоящего исследования.

Целью исследования является разработка криминалистической классификации способов совершения преступлений против несовершеннолетних в сети Интернет с проведением экономико-правового анализа механизмов их осуществления и монетизации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Выявить и систематизировать современные способы совершения преступлений в отношении несовершеннолетних в цифровой среде.
2. Провести экономический анализ теневых моделей, основанных на эксплуатации несовершеннолетних в киберпространстве.
3. Разработать многоуровневую классификацию способов совершения преступлений по криминалистически значимым признакам.
4. Сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования и экономические меры противодействия.

Методология и методы исследования базируются на комплексном подходе, сочетающем методы экономического, правового и криминалистического анализа. В работе использовались:

– системный анализ для изучения структуры и взаимосвязей элементов криминальной деятельности в цифровой среде;

– сравнительно-правовой метод для анализа законодательных подходов к противодействию киберпреступности;
– экономическое моделирование для исследования механизмов монетизации противоправной деятельности;
– статистический анализ для выявления тенденций и закономерностей развития киберпреступности.

Результаты исследования.

С экономической точки зрения, преступная деятельность в цифровой среде представляет собой форму теневого бизнеса, характеризующуюся специфическими механизмами извлечения доходов. Анализ позволяет выделить несколько экономических моделей. Среди них прямая и косвенная монетизация.

Прямая монетизация через продажу запрещенного контента (CSAM - Child Sexual Abuse Material). Данная модель представляет собой классическую рыночную схему «товар-деньги», где в качестве товара выступает запрещенный контент, а в качестве платежных средств - анонимные денежные инструменты (криптовалюты, электронные кошельки). Схемы включают: «входной билет» (плата за доступ к каналу), продажу отдельных материалов и подписочную модель [2, с. 13; 3, с. 1]. Рассмотрим пример из следственной практики: в 2023 году был выявлен и заблокирован канал в Telegram под названием «Детский эксклюзив +18». Администратор канала устанавливал плату за доступ в размере 500 рублей, а также предлагал «эксклюзивные» наборы материалов по цене до 2000 рублей. Расчеты осуществлялись через криптовалютные кошельки [4, с. 46].

Косвенная монетизация через привлечение трафика на рекламные ресурсы. Владелец форума или канала использует запрещенный контент как «приманку» для генерации трафика. Пользователь для получения доступа должен выполнить монетизируемое действие (клик по рекламной ссылке, регистрация на партнерском сервисе). Преступник получает доход от рекламных сетей, которые могут не знать об истинном источнике трафика [5, с. 28]. Например, администратор ресурса с CSAM может получать до 50-70 тысяч рублей ежемесячно исключительно за счет партнерских комиссий от рекламных сетей за переходы пользователей на сайты онлайн-казино или букмекерских контор [6, с. 134].

Шантаж и вымогательство как формы немедленного получения экономической выгоды, а также создание долгосрочных каналов незаконного обогащения (вербовка для занятий проституцией). Особенностью экономики таких преступлений является активное использование криптовалют для анонимных расчётов, что значительно осложняет традиционные финансовые расследования [2, с. 12].

По данным Центрального банка РФ, экономический ущерб от секстроции (sextortion) в 2023 году составил более 300 млн рублей по официальным данным [7, с. 1]. Реальный ущерб может быть значительно выше в связи с высокой латентностью данного вида преступлений.

Криминалистическая классификация способов совершения преступлений. Формирование эффективной частной криминалистической методики расследования требует детальной и научно обоснованной классификации способов их совершения. На основе комплексного анализа разработана многоуровневая классификация.

Первый уровень образуют кластеры способов, сгруппированные по непосредственному объекту преступного посягательства:

1. Способы, направленные на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетнего:

– Груминг (grooming) - процесс установления эмоционального контакта и доверительных отношений с несовершеннолетним в сети Интернет для его последующей сексуальной эксплуатации. Криминалистически значимой особенностью является его стадийность: этап поиска жертвы, этап установления доверия, этап сексуализации общения и этап организации личной встречи или получения компрометирующих материалов [8, с. 105-106]. По данным исследований, в 76% случаев груминг осуществляется через социальные сети, в 18% - через игровые платформы, в 6% - через мессенджеры [9, с. 46].
– Секстроция (sextortion) - шантаж несовершеннолетнего с целью получения от него новых интимных изображений или видео, денежных средств или иных имущественных benefits под угрозой распространения уже имеющихся у преступника компрометирующих материалов. Способ характеризуется активным использованием анонимных сетей и криптовалют для обеспечения безнаказанности [10, с. 1-2].
– Создание, распространение и потребление материалов с сексуальным насилием над несовершеннолетними (Child Sexual Abuse Material - CSAM). Способы в рамках данной группы постоянно эволюционируют и включают использование зашифрованных каналов связи, облачных хранилищ с двойным шифрованием, стеганографии для сокрытия контента, а также организацию обменных пунктов в даркнете [11, с. 20].

2. Способы, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в противоправную и деструктивную деятельность:

– Вербовка в деструктивные сообщества - использование методов психологического манипулирования для вовлечения в деятельность, запрещенную законодательством (ст. 280, 282 УК РФ). Осуществляется через социальные сети и мессенджеры с применением методов информационного воздействия [12, с. 78].
– Скринтинг (screening) - вовлечение ребенка под предлогом участия в онлайн-игре или ином развлекательном контенте в совершение определенных действий, которые тайно записываются преступником на видео для последующего шантажа. Экономическая мотивация - получение быстрой прибыли при минимальных затратах [13, с. 44].
– Кибербуллинг (травля) - систематическое унижение и преследование несовершеннолетнего в виртуальном пространстве, которое может выступать как самостоятельный способ причинения психологического вреда, так и этап иного преступного деяния [14, с. 112].

3. Способы, направленные на совершение имущественных преступлений:

– Социальная инженерия - манипулирование с целью получения доступа к финансовым ресурсам семьи несовершеннолетнего (данные банковских карт родителей, учетные записи онлайн-банкинга). Экономический ущерб от данного вида преступлений оценивается в 450 млн рублей ежегодно [15, с. 1].
– Мошеннические схемы с использованием социальных сетей (например, обман при продаже виртуальных ценностей в онлайн-играх).

Второй уровень классификации детализирует технико-криминалистические механизмы реализации: анализ используемых цифровых платформ (социальные сети, мессенджеры, игровые сервисы, форумы), инструментов обеспечения анонимности (VPN, TOR, прокси-серверы) и методов монетизации противоправной деятельности (криптовалюты, электронные платежные системы).

На основе проведённого анализа предлагается комплекс мер по совершенствованию противодействия преспулениям против несовершеннолетних в сети Интернет:

1) Внедрение механизмов публично-частного партнерства (ГЧП) для развития технологий кибербезопасности: создание совместных R&D-центров, организация безопасных каналов информационного взаимодействия по модели «государство - бизнес», развитие страхования киберрисков.

Конкретными механизмами реализации могут выступать:

– Создание совместных R&D-центров (Research & Development) на базе ведущих технических вузов или подведомственных учреждений МВД/СК РФ специализированных лабораторий;
– Разработка и тестирование алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения для проактивного выявления контента, связанного с грумингом и распространением CSAM;
– Создание специализированного ПО для криминалистического анализа данных с зашифрованных мессенджеров и из облачных хранилищ;
– Проведение хакатонов и конкурсов среди IT-компаний на лучшие решения в сфере защиты детей в интернете [16, с. 12].

2) Создание системы экономического стимулирования интернет-платформ для внедрения pro-active систем мониторинга: предоставление налоговых льгот, внедрение системы рейтингов безопасности, дифференциация административной ответственности.

В настоящее время у крупных платформ зачастую отсутствуют прямые экономические стимулы к значительным инвестициям в дорогостоящие системы проактивного мониторинга. В этой связи целесообразно:

– Предоставление компаниям, внедрившим и сертифицировавшим системы проактивной модерации, налоговых вычетов (например, на сумму до 120% от понесенных на эти цели расходов);
– Введение для интернет-платформ, работающих на территории РФ, рейтинга безопасности;
– Дифференциация административной ответственности за непринятие мер по удалению запрещенной информации (ст. 13.41 КоАП РФ) [17, с. 1].

3) Разработка специальных программ обучения для сотрудников правоохранительных органов с акцентом на экономические аспекты киберпреступности: введение модулей по криптовалютной грамотности, основам финтеха, криминалистическому анализу теневых бизнес-моделей, создание интерактивных тренажеров.

Современный следователь и оперативный работник должен понимать не только уголовно-процессуальные нормы, но и экономическую логику противоправной деятельности в цифровой среде. В программы повышения квалификации необходимо включить обязательные модули по:

– Криптовалютной грамотности: основы блокчейна, методы отслеживания транзакций;
– Основам финтеха и цифровой экономики: модели монетизации в интернете, схемы работы электронных платежных систем;
– Криминалистическому анализу теневых бизнес-моделей: изучение полного цикла получения дохода от CSAM-индустрии [18, с. 132].

4) Усиление контроля за оборотом криптовалют с созданием специальных мониторинговых механизмов: создание Национальной системы отслеживания криптовалютных транзакций (НСОКТ), законодательное закрепление статуса «виртуальных активов», развитие международного сотрудничества.

Анонимность расчетов криптовалютами является одним из главных факторов, обеспечивающих устойчивость теневых рынков, эксплуатирующих несовершеннолетних. В этой связи необходимо:

– Создание Национальной системы отслеживания криптовалютных транзакций (НСОКТ) по аналогии с системами, используемыми ФНС для отслеживания банковских операций;
– Законодательное закрепление статуса «виртуальных активов»;
– Развитие международного сотрудничества в сфере обмена информацией о криптовалютных операциях, связанных с преступлениями против детей [19, с. 13].

Обсуждение результатов исследования. Разработанная классификация служит теоретической основой для построения эффективной частной криминалистической методики расследования. Она позволяет выстраивать типовые версии о личности преступника, определять оптимальный набор следственных действий и формировать алгоритмы взаимодействия с онлайн-платформами.

Предложенные экономико-правовые меры носят комплексный характер и направлены на устранение системных противоречий: технологического разрыва правоохранительных органов, отсутствия экономических стимулов у IT-компаний и использования преступниками анонимных финансовых инструментов.

Проведенное исследование показало, что эффективное противодействие преступлениям против несовершеннолетних в сети Интернет требует комплексного подхода, сочетающего уголовно-правовые запреты с экономическими механизмами регулирования и технологическими решениями.

Заключение. Проведённое исследование демонстрирует комплексный характер угроз безопасности несовершеннолетних в цифровой среде. Разработанная классификация способов совершения преступлений позволяет не только систематизировать существующие знания, но и выработать практические рекомендации для правоохранительных органов.

Экономико-правовой анализ выявил необходимость разработки комплексных мер противодействия, сочетающих правовые запреты с экономическими механизмами регулирования. Особое значение приобретает развитие международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности, учитывая транснациональный характер большинства рассмотренных способов совершения преступлений.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке конкретных методик расследования для каждого выделенного кластера преступлений, а также в проведении сравнительного анализа эффективности предлагаемых мер противодействия в различных правовых системах.

Список литературы:

[1] Берестовой, А. Н. О понятии и характеристике преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в киберпространстве / А. Н. Берестовой, П. В. Цветков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (100). – С. 105–111.

[2] Водянов, Н. И. Деструктивный контент в сети Интернет: уголовно-правовые и криминологические аспекты / Н. И. Водянов // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 2. – С. 78–85.

[3] Волеводз, А. Г. Противодействие преступлениям в сфере информационных технологий: современные вызовы и международный опыт / А. Г. Волеводз // Международное право и международные организации. – 2022. – № 3. – С. 1–23.

[4] Данные Центрального банка РФ по кибермошенничеству. – 2023. – URL: https://cbr.ru/statistics/ (дата обращения: 20.10.2024).

[5] Измайлов, М. К. Цифровизация как инструмент противодействия теневой экономике / М. К. Измайлов, Е. А. Арбенина // Бизнес и дизайн ревю. – 2024. – № 1 (33). – С. 28–36.

[6] Корчагин, А. Г. Криминогенная роль криптовалюты / А. Г. Корчагин, А. А. Яковенко // Юридические исследования. – 2020. – № 2. – С. 12–25. – DOI: 10.25136/2409-7136.2020.2.32096.

[7] Концепция публично-частного партнерства в сфере кибербезопасности. – М. : Изд-во МГУ, 2023. – 89 с.

[8] Концепция регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации. – М. : Банк России, 2024. – 67 с.

[9] Крылов, В. В. Информационные компьютерные преступления / В. В. Крылов. – М. : Норма, 2023. – 368 с.

[10] Материалы уголовного дела № 1-123/2023 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. – Т. 2. – Л. д. 45–47.

[11] Материалы уголовного дела № 2-4567/2023 // Архив Кировского районного суда г. Краснодара. – Т. 1. – Л. д. 134–136.

[12] О состоянии преступности в России в 2024 году : доклад Генеральной прокуратуры РФ. – М., 2024. – 156 с.

[13] Отчет Лиги безопасного интернета «Экономика киберпреступности 2023». – М., 2023. – 45 с.

[14] Отчет Роскомнадзора о состоянии защиты прав субъектов персональных данных. – 2023. – URL: https://rkn.gov.ru/ (дата обращения: 20.10.2024).

[15] Петров, С. К. Киберпреступность против несовершеннолетних: криминологический анализ / С. К. Петров // Вопросы ювенальной юстиции. – 2023. – № 4. – С. 45–52.

[16] Проект федерального закона «О внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации в части стимулирования интернет-платформ к внедрению систем проактивной модерации». – 2024.

[17] Расследование киберпреступлений против несовершеннолетних : программа дополнительного профессионального образования. – М. : Академия СК РФ, 2024. – 256 с.

[18] Семенов, А. С. Новые виды киберпреступлений против несовершеннолетних: скринтинг и секстроция / А. С. Семенов // Юрист. – 2023. – № 15. – С. 41–45.

[19] Федоров, А. В. Кибербуллинг как социально-правовая проблема / А. В. Федоров // Российский юридический журнал. – 2024. – № 1. – С. 112–120.

References:

[1] Berestova, A. N. On the concept and characteristics of crimes committed against minors in cyberspace/A. N. Berestova, P. V. Tsvetkov//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 4 (100). - S. 105-111.

[2] Vodianov, N.I. Destructive content on the Internet: criminal law and criminological aspects/N.I. Vodianov//Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2. - S. 78-85.

[3] Volevodz, A. G. Countering crimes in the field of information technology: modern challenges and international experience/A. G. Volevodz//International law and international organizations. – 2022. – № 3. - S. 1-23.

[4] Data of the Central Bank of the Russian Federation on cyber fraud. – 2023. - URL: https://cbr.ru/statistics/ (access date: 20.10.2024).

[5] Izmailov, M.K. Digitalization as a tool to counter the shadow economy/M.K. Izmailov, E.A. Arbenina//Business and revue design. – 2024. – № 1 (33). - S. 28-36.

[6] Korchagin, A. G. The criminogenic role of cryptocurrency/A. G. Korchagin, A. A. Yakovenko// Legal research. – 2020. – № 2. - S. 12-25. – DOI: 10.25136/2409-7136.2020.2.32096.

[7] The concept of public-private partnership in cybersecurity. - M.: Publishing House of Moscow State University, 2023. - 89 s.

[8] The concept of regulation of cryptocurrency turnover in the Russian Federation. - M.: Bank of Russia, 2024. - 67 s.

[9] Krylov, V.V. Information computer crimes/ V.V. Krylov. - M.: Norma, 2023. - 368 p.

[10] Materials of criminal case No. 1-123/2023// Archive of the Leninsky District Court of Yekaterinburg. - VOL. 2. - L. d. 45-47.

[11] Materials of criminal case No. 2-4567/2023// Archive of the Kirovsky District Court of Krasnodar. - VOL. 1. - L. d. 134-136.

[12] On the state of crime in Russia in 2024: report of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. - M., 2024. - 156 s.

[13] The Secure Internet League report "The Economics of Cybercrime 2023." - M., 2023. - 45 s.

[14] Report of Roskomnadzor on the state of protection of the rights of personal data subjects. – 2023. - URL: https://rkn.gov.ru/ (access date: 20.10.2024).

[15] Petrov, S.K. Cybercrime against minors: criminological analysis/S.K. Petrov//Juvenile justice issues. – 2023. – № 4. - S. 45-52.

[16] Draft federal law "On Amendments to the Tax Code of the Russian Federation in terms of stimulating Internet platforms to introduce proactive moderation systems." – 2024.

[17] Cybercrime Investigation against Minors: Continuing Professional Education Program. - M.: Academy of the RF IC, 2024. - 256 s.

[18] Semenov, A. S. New types of cybercrimes against minors: screening and sexting/A. S. Semenov//Lawyer. – 2023. – № 15. - S. 41-45.

[19] Fedorov, A.V. Cyberbulling as a social and legal problem/A.V. Fedorov//Russian Law Journal. – 2024. – № 1. - S. 112-120.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-11-556-558
Дата принятия рукописи в печать: 25.12.2025 г.

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
кандидат психологических наук,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru,

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
доцент ВИПК МВД России, г. Домодедово, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru,

ОБЗОР СИСТЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ И ВАЖНЕЙШИХ ПРОБЛЕМ

Аннотация. *В статье речь идет о создании ювенальной юстиции в мире, представлен обзор системы ювенальной юстиции и ее важнейших проблем, где Россия не осталась безучастной к рецепции ювенальной юстиции.*

Ключевые слова: *ювенальная юстиция, несовершеннолетние, «детские» суды, правосудие.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
Associate Professor of the Higher Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Domodedovo, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

OVERVIEW OF THE JUVENILE JUSTICE SYSTEM AND MAJOR ISSUES

Annotation. *The article deals with the creation of juvenile justice in the world, provides an overview of the juvenile justice system and its most important problems, where Russia has not remained indifferent to the reception of juvenile justice.*

Key words: *juvenile justice, minors, "children's" courts, justice.*

У ювенальной юстиции интересная судьба: ее появление на правовом поле, изменение концепции, целей и форм вызывают каждый раз повышенный интерес. После создания первого в истории суда по делам несовершеннолетних в США (1899 г.), возникло массовое увлечение необычным «детским» судом. Многие европейские страны, вдохновленные идеями гуманизма, создали свои модели ювенальной юстиции.

В настоящее время принято выделять англосаксонскую и континентальную модель ювенального правосудия, к которой относится Франция. Почему ювенальная процедура во Франции привлекает к себе такое внимание? Во-первых, она по праву считается самой разработанной и одной из самых эффективных. А во-вторых, континентальное право по своим положениям и принципам наиболее близко к российской законодательной системе.

Россия не осталась безучастной к рецепции ювенальной юстиции. Создана она была еще в царской России, но прекратила свое существо-

вание в России советской. В настоящее время наша страна переживает очередной бум ювенальной юстиции. Существует большое количество проектов, поддерживающих развитие ювенального правосудия. Наша страна пытается воссоздать ювенальную юстицию, что предусмотрено судебной реформой России, и имеет свои выражения уже в принятом УПК РФ. Но попытка воссоздать ювенальную юстицию сталкивается со многими трудностями: отсутствием законодательства, необходимой литературы, судебной практики.

Происходящие в последние годы в России изменения в области социально-политических, экономических, духовных и иных отношений привели не только к позитивным результатам, но и негативным последствиям, порождающим общественные и межличностные противоречия, социальные конфликты. Одним из индикаторов неблагополучия российского общества является рост преступлений, совершаемых как несовершеннолетними, так и в отношении несовершеннолетних. Изучение качественных и количественных показателей указанных видов преступлений позволяет сделать вывод о том, что криминализация и виктимизация несовершеннолетних являются взаимосвязанными и параллельными процессами, имеющими схожие негативные последствия. С учетом вышеизложенного весьма актуальным представляется поиск новых путей решения проблем обеспечения безопасности несовершеннолетних и недопущения их дальнейшей криминализации.

Несмотря на принимаемые органами законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации меры в области совершенствования деятельности по защите прав и законных интересов несовершеннолетних, профилактике их безнадзорности и правонарушений, ситуация в данной области в целом остается неудовлетворительной. В этих условиях становится все более актуальной необходимость межведомственной координации органов и служб профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защите их прав, установление эффективных механизмов взаимодействия данных органов и служб с судами, рассматривающими дела о преступлениях и правонарушениях несовершеннолетних, формирование системы правосудия, отвечающего общепризнанным принципам и нормам международного права.

Одной из основных причин неэффективной деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) является отсутствие на федеральном уровне современной нормативной базы, которая определяла бы роль и место КДН и ЗП в системе профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как основных координирующих органов этой системы и как органов превентивного правосудия, предназначенного для досудебного урегулирования споров, связанных с ненадлежащим воспитанием детей; органов, разрабатывающих межведомственные программы реабилитации несовершеннолетних и семей, находящихся в социально-опасном положении, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа.

Небольшой опыт внедрения ювенальных технологий в деятельность отдельных органов по защите прав и законных интересов несовершеннолетних показал, что решение проблемы ребенка зачастую сводится к изъятию его из семьи и прекращению семейных отношений (причем зачастую и без достаточных к тому оснований), а меры, применяемые должностными лицами в отношении родителей и детей, не направлены на достижение истинных целей – защиты прав детей и обеспечение надлежащих условий их существования.

Отдельные законопроекты предполагают не сводить идею ювенальной юстиции только к созданию уголовных судов для несовершеннолетних, а имеют целью решать более широкие задачи:

- создание ювенальных гражданских судов, особой системы исполнения наказания в отношении несовершеннолетних;
- решение социальных вопросов, связанных с несовершеннолетними, лишенными родительского попечения, в том числе и в случаях лишения родителей родительских прав;

В некоторых случаях предусматривается расширение полномочий социальных служб, которые по существу уполномочиваются контролировать родителей и исполнение ими родительских обязанностей, в том числе и по обращениям самих детей.

Отдельными проектами предполагается охватить медицинские вопросы, в частности: сексуальное просвещение детей и планирование семьи.

Формирование правовой базы ювенальной юстиции в Российской Федерации поддерживается Правительственной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Антипов а. Н. Ювенальная юстиция в России: «за» и «против» / Вестник Кузбасского института. 2012. № 3(11). С. 105-110.

[2] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уго-

ловно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Пути ранней психодиагностики и профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 29-37.

[4] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[5] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Воспитательно-коррекционная работа с несовершеннолетними / Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 190-193.

[6] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Психологическая тенденция к правонарушениям у несовершеннолетних осужденных / Международный научный вестник, № 9. 2025 С.

[7] Вилкова А. В., Кашкина Е. В. Самоутверждение несовершеннолетних правонарушителей: пути и средства / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 90-94.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимоноа. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Самооценка личности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практтика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 87-93.

[10] Вилкова А. В. Последствия дефицитарности образования/ В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 8-13.

References:

[1] Vilkova A.V., Antipov a. N. Juvenile Justice in Russia: “for” and “against “/Bulletin of the Kuzbass Institute. 2012. № 3(11). S. 105-110.

[2] Vilkova A.V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Ways of early psychodiagnosis and prevention of deviant behavior of minors//In the collection: Penitentiary and post-penitential resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 29-37.

[4] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the lecture course “Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[5] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Educational and correctional work with minors/Russian Scientific Bulletin. 2025. № 8. S. 190-193.

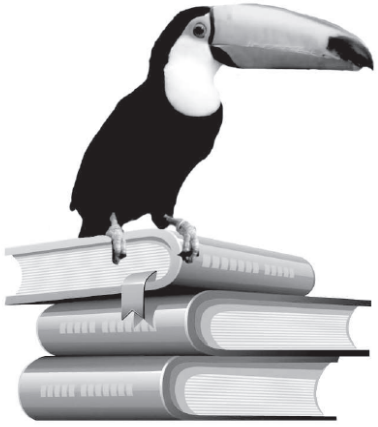
[6] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Psychological tendency to offenses in juvenile convicts/ International Scientific Bulletin, No. 9. 2025 PP.

[7] Vilkova A. V., Kashkina E. V. Self-affirmation of juvenile offenders: ways and means/International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 90-94.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonoa. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Self-assessment of the personality of juvenile convicts/In the collection: The penal system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 87-93.

[10] Vilkova A. V. Consequences of educational scarcity/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 8-13.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 11 ноябрь)

2025 год

Подписано в печать 25.12.2025.
Формат 60x90/8. Печ. л. 70,5. Тираж 100 экз. Заказ № 114.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.